Сергей ВАХРИН

Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада

Книга II

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. — Петропавловск-Камчатский : Издательство «Камчатпресс», 2021. — 972 с.
ISBN 978-5-9610-0409-0

В своей новой книге писатель С.И. Вахрин обращается к событиям трехвековой давности и пытается разобраться в причинах и мотивах убийства казачьего головы Владимира Владимировича Атласова — «камчатского Ермака», как назвал Атласова великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

При этом исследуются не только общеизвестные исторические события, но прослеживается, шаг за шагом, жизненный путь Владимира Владимировича и тех людей, кто был рядом и кто, в конечном итоге, стал его убийцей.

А в итоге ставится под сомнение официальная версия о том, что главными виновниками всех происходящих бунтов на Камчатке были выходцы из сибирской столицы – Тобольска, откуда были родом первые старожилы Камчатки.

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

ISBN 978-5-9610-0409-0 © КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2021
© Вахрин С.И., 2021
© «Камчатпресс», 2021

Была ли история освоения, покорения, завоевания Сибири простой и ясной?

Нет, не была.

Как не была простой и ясной история великого переселения народов мира, создания и крушения государств и империй, появления и исчезновения стран и народов.

В Сибирь пришли наши предки — представители различных городов и весей не только Московского, но и соседних с ним государств, многие из которых стали родоначальниками коренных сибирских династий.

Наши предки прошли огромный путь — от Уральских гор до Северной Америки, покоряя и тундру, и тайгу, форсируя реки и преодолевая морские просторы Северного Ледовитого и Великого Тихого океанов.

Начал этот поход казачий атаман Ермак Тимофеевич. Завершил его на Северо-Востоке Российской империи камчатский Ермак — Владимир Атласов.

А вместе с ними шли в Сибирь — и вольно, и подневольно — тысячи и тысячи людей, имена которых почти не сохранились в истории.

«ПОЧТИ» — и потому одна из главных задач этой книги — ВОСКРЕСИТЬ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕБЫТИЯ имена тех из них, кто прошел всю Сибирь-матушку и добрался до самой восточной ее окраины — Камчатки.

И при этом понять причину личной трагедии человека, который присоединил к Российской империи 325 лет назад эту удивительную и прекрасную землю, где восходит солнце для всей России, — нашу Камчатку.

Посвящается
Сергею Евгеньевичу Дурынину
и Елене Геннадьевне Петровой (Дурыниной),
сподвигнувших меня на написание этой книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поставив перед собой задачу рассмотрения спустя три века «Дела об убийстве Володимера Атласова», мы должны руководствоваться классическими принципами криминалистики при расследовании убийства, которые опираются на следующие базовые основы:

1. Описание личности потерпевшего и вероятный вывод о круге лиц, среди которых следует искать убийцу.
2. Особенности места, времени, среда, условия, в которых совершается убийство.
3. Следы различных способов подготовки, совершения, сокрытия убийства и противодействия следствию.
4. Характеристика вероятного убийцы.
5. Способы совершения и механизм убийства, типичные последствия его применения…

ЧАСТЬ 7. ПУТЬ В КАМЧАТКУ С СЕВЕРА

История Якутского воеводства начинается со строительства в новом — теперь уже не Ленском, построенном енисейскими казаками, а Якутском — остроге семи, если не ошибаюсь, тюрем и двенадцати виселиц…

Был ли первый якутский воевода Петр Петрович Головин столь патологически жесток, каким его порой изображают историки, или обстановка в новом воеводстве была настолько криминальной, что для ее решения необходимы были такие радикальные меры, как виселицы?

Мы привыкли рассматривать путь наших землепроходцев «встречь солнцу», как однозначно светлый и ясный, забывая о том, что этот путь прокладывали люди, которые НЕРЕДКО вместе с государственными целями расширения границ империи преследовали и собственные, а собственные цели подчас становились определяющими и вступали в конфликт с интересами, целями и задачами самого государства…

Что же касается воеводы Петра Петровича Головина, то он был в Якутске, прежде всего, рукою и волею Москвы.

* * *

Хочу привести одну историческую реплику В.В. Ушницкого о причинах Якутского восстания 1642 года:

*«**Якутское ‹восстание 1642 года: причины и следствие.***

В 1641 г. в Якутский острог прибыл первый официальный наместник вновь присоединенных земель Петр Головин. При нем острог был перенесен на “Еюков Луг”, близ оз. Сайсары, ставший основой города Якутска. Его окружал тын с пятью башнями. Неудачи якутских князцов, которые не раз организовывали сопротивление ясачному режиму, показали трудность и сложность борьбы с русскими отрядами, вооруженными не только огнестрельными ружьями, но и психологией превосходства большого “государственного” народа.

В феврале 1642 г. отряды русских ясачных сборщиков — Воина Шахова, Алексея Гнутого, Осипа Галкина, Остафия Михалевского, Григория Летнева были уничтожены. Одновременно уничтожались и русские промышленники, находившиеся на промыслах. Во время восстания 1642 г. якуты быстро уничтожили отряды ясачных сборщиков, по численности не уступавшие отрядам, действовавшим в Якутии еще в 1630-х годах. Между тем большая часть

якутского населения постепенно убеждалась в выгодности мирных связей с русскими. Восстание охватило многие районы Якутии. В начале марта более 700 восставших попытались осадить Якутский острог. Головин беспощадно расправился с восставшими и после многочисленных изощренных пыток повесил 23 человека.

Во время якутского восстания 1642 г. обострились отношения в среде русского населения, находившегося в Якутии. Помощники Головина воевода М. Глебов и дьяк Е. Филатов, по-видимому, не согласные с его методами утверждения ясачного режима, выступили против него, в результате чего в Якутске началась довольно обычная воеводская “смута”. Головин обвинил Глебова и Филатова в “измене” и в участии в подготовке восстания якутов. В обстановке напряженного положения в ясачных волостях Головин в самом остроге посадил в тюрьмы более сотни русских. События 1642 г. в Ленском краю выдаются как масштабная провокация промышленных людей и старых казачьих атаманов против воеводской власти.

Тот факт, что в этом восстании приняли представители многих якутских родов Центральной Якутии, показывает попытку подъема общенародного единства против пришельцев. Ясачный гнет угнетал ранее свободный, никому неподвластный народ. В то же время здесь выступает противоборство государственной власти в лице воеводы П. Головина с казачьей вольницей, до этого безнаказанно грабившего якутское население. Перепись ясачного населения означала утрату первобытной свободы и был воспринят всеми родами якутов как попытка окончательного закабаления».

* * *

Так что в традиционной колониальной концепции истории Сибири роль первого якутского воеводы Петра Петровича Головина, сформировавшего первый якутский казачий гарнизон, оценивается однозначно как негативная.

А в основе этой оценки лежит весьма серьезный документ: «Мирская челобитная царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насилиях якутского воеводы Петра Головина», написанная в 1645 году, в которой перечислены все грехи, совершенные Головиным и его «ушниками» (помощниками, соглядатаями, доносителями, агентами).

Правда, я еще не встречал ни одной работы, в которой были бы исследованы причины и мотивы «зверства» воеводы Головина по отношению к конкретным людям из этого списка (исклю-

чая, может быть, публицистические очерки Владимира Бахмутова Красноярского).

Поэтому я попытался самостоятельно «рассортировать» по служебным обязанностям людей, имена которых сообщаются в мирской челобитной, и вот, что у меня получилось (цифрами отмечены «жертвы» Головина).

1	Микитка Агапитов Ярославец	Торговый человек	«Изувечил насмерть» «будучи де в приставех у Парфена Ходырева будто де вести к нему приносил»
2	Васька Антонов Вологженин	Торговый человек	Посажен в тюрьму
	Богдашка Яковлев Астороханец	Енисейский служилый	«Ушник» Головина
3	Еналий Бахтеяров	Письменный голова	Посажен в тюрьму
	Олешка Бедарев	Сын боярский	«Ушник» Головина
4	Богдан Воинов	Сын боярский	Его Головин «вздымал в дыбы на пытку», пытал его жену Офимьицу
5	Стенька (Степанка) Борисов Колмогорец	Служилый, Тобольск, казак станицы Клима Бобошина, целовальник	Его «пытал без сыску». Дал Головину 300 рублей вместе с Олексеевым Ермачком
	Епишка Валынкин	Торговый	«Ушник» Головина
	Кирилка Ванифатьев (Вонифатьев)	Служилый	Послан на Собачью реку, погиб
6	Ванюков Ивашка	Торговый	Был пытан «многими разными пытками и на костре огнем жег»
7	Кирилка Терентьев Ванюков	Енисейский служилый	Головин «пытал без сыску» его жену Параху
8	Гришка Васильев	Тобольский казак, казак станицы Клима Бобошина	Бит батогами
	Семейка Васильев колмогорец	Целовальник, торговый человек	Послан на Собачью реку, погиб
9	Фомка Визгунов	Ясашный сбощик на Вилюе, Тобольск, пеший казак станицы Мурзы Выходцова	Его «заморил в тюрьме голодною смертью»
	Любимка Воинов	Казачий сын	Играл порохом «и тех робят он пытал»
10	Самсонка Вологжанин	Торговый	Его «бил батоги насмерть и изувечил»
	Матюшка Ворыпаев	Торговый	«Ушник» Головина

	Митька Вятка		«Ушник» Головина
11	Лаврушка Григорьев	Березовский служилый	Пытан
12	Родька Григорьев	Десятник, Тобольск, пеший казак станицы Гавриловы Ильина	Его Головин «хотел бить кнутом и матерно лаял»
	Лучка Гундырев	Торговый	«Ушник» Головина
13	Григорий Демьянов Казанец	Сын боярский	Его «отдал за пристав и морил его за приставом полчетверти года» «бил своими руками без вины чоканом до полусмерти… и голову его во многих местах испроломал, и бив чеканов велел его бить на смерть батоги и отбив батоги велел сволочь в тюрьму, и держал его в тюрьме долгое время»
14	Савка Денисов Тюменец	Тобольский служилый	Посажен в тюрьму
15	Девятка Дмитриев	Березовский служилый	Его «на костре жег до смерти»
16	Вторко Едемеково	Торговый	Его пытал «многими разными пытками и на костре огнем жег»
17	Ивашка Еремиев	Торговый человек гостиной сотни	Его «велел… сковать в железа и мучил»
18	Дорошка Еуфимиев	Березовский служилый	Его «бил батоги»
	Офонька Записин	Торговый	«Ушник» Головина
19	Мишка Записин	Торговый	Его «велел их сковать в железа и мучил»
20	Карп Зелев	Промышленный	Его «пытал без сыску»
21	Бориска Иванов Важенин	Торговый	Его «пытал без сыску»
	Гришка Иванов	Казачий сын	Играли порохом «и тех робят он пытал»
22	Иванов Калинка	Промышленный	Его пытали
23	Иванов Постничко	Енисейский служилый	Взят в подъячие, «бил в батоги»
24	Пятунка Иванов колмогорец	Торговый	Его «пытал без сыску»
25	Шаламка Иванов	Березовский пятидесятник	Его «пытал без сыску»
26	Добрынко Игнатьев	Березовский служилый	Пытан
27	Семейка Карабельщик	Торговый	Его пытал «многими разными пытками и на костре огнем жег»
28	Вторка Катаев	Енисейский служилый	Его «по 2 дни бил батоги безвинно и изувечил на смерть» «пытал без сыску»

29	Овдокимко Кириллов	Березовский казак, ясашный сборщик на Вилюе	Его «пытал»
30	Ерофейка Киселев	Енисейский служилый	Его «пытал без сыску»
31	Матюшка Кишнев	Березовский служилый	Его «били в спину пальмою, кололи»
	Данилко Козица	Служилый	«Ушник» Головина
	Максимка Кокорин	Торговый	«Ушник» Головина
	Якунька Кокорин	Торговый, гостиной сотни торговаго человека Василья. Записи приказчик Якунька Кокорин	«Ушник» Головина
32	Тренька Кокшар	Березовский служилый	Его «в шею кололи пальмою … били»
	Демка Кораблев	Торговый человек	«Ушник» Головина
33	Олешка Леонтьев Коркун	Березовский служилый	Его «напрасно изувечил на смерть» «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
34	Ивашка Семенов Коровин Устюжанин	Торговый	Его пытал «многими разными пытками и на костре огнем жег», «пытал без сыску»
	Мартынко Кривой		«Ушник» Головина
35	Омелка Костентинов	Березовский служилый	Его «бил кнутом»
36	Ивашка Иванов Кузнецов	Приказчик гостиной сотни	Его «разорил его до основания»
	Богдашка Ленивцев	Служилый	Послан на Янгу
37	Мишка Леонтьев	Промышленный	Его «пытал без сыску»
	Микитка Лобан	Служилый	Убит якутами
38	Кузька Лошаков	Енисейский служилый	Пытан
39	Васька Луза		В приставах
40	Ивашка Макаров	Дьячий человек	Посажен в тюрьму
41	Галятка Мартемьянов	Енисейский служилый	Пытан
	Филька Мартынов		«Ушник» Головина
	Давыдко Матвеев		«Ушник» Головина
42	Федька Матвеев (Федка Матвеев Угренинов)	Тобольский служилый, казак станицы Клима Бобошина	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
	Кипрушка Мелеков	Казачий сын	Играли порохом «и тех робят он пытал»

43	Офонька Михайлов (Офонка Михайлов Винокур)	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	Его «пытал без сыску»
44	Ивашка Михайлов	Толмач	Его «пытал… многими пытками накрепко»
	Федька Михалевский	Толмач	«Ушник» Головина
45	Панка (Панфил Федорович) Мокрошубов	Енисейский служилый	Посажен в тюрьму, «велел положить на ноги колоду весом 43 фунта»
	Петрушка Кривой Новоселов	Тобольский жилец	Послан целовальником на реку Собачью
46	Петрушка Обухов Колмогорец	Торговый человек	Забит Бедаревым батогами на смерть
	Матюшка Овдеев		
47	Богдашка Олексеев	Тобольский служивый, десятник, казак станицы Якова Елизарьева	Его «бил батоги»
48	Ермачка Олексеев	Целовальник	Его «пытал без сыску» Дал Головину 300 рублей вместе с Борисовым
49	Олешка Яковлев Олень	Енисейский служилый	Пытан
50	Олешка Онисимов Ярославец (Тимошка Онисимов Ярославец)	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
	Ивашка Осипов		Человек Парфенова
51	Ивашка Остяк	Новокрещенный	Его посадил в тюрьму
	Нехорошко Павлов	Енисейский служилый	Собирал еду в тюрьму
52	Исачка Пантелев	Торговый	Его пытал «многими разными пытками и на костре огнем жег»
53	Парфенка Пантелеев	Тобольский служилый, Тобольск, казак станицы Якова Елизарьева	Посажен в тюрьму
54	Ивашко Пеунов	Таможенный целовальник,	Отдан за приставы
	Мокеев устюженин	Торговый человек	Отдан за приставы
	Оксенка Писалов		«Ушник» Головина
	Ондрюшка Почекунин	Тобольск, пеший казак станицы Гавриловы Ильина	«Ушник» Головина
	Василий Поярков	Письменный голова	

55	Ивашка Родионов	Мангазейский служилый	Пытан
56	Ивашка Рябов	Промышленный	«Пытал без сыску» его жену Чигею
	Юшка Селиверстов		«Ушник» Головина
57	Оська Семенов	Енисейский служилый, десятник	«Пытал без сыску» его жену
58	Мишка Синицын	Подьячий	«Велел их сковать в железа и мучил»
59	Мишка Стадухин	Енисейский служивый, пришел с «новой Ковыми реки»	Посажен за приставы и морен голодом
	Ивашка Табаков	Служилый, Тобольск, казак станицы Саввы Измайлова	«Ушник» Головина
	Трофимка Табурин Усолец	Целовальник, торговый человек	Послан на Собачью реку, погиб
	Ивашко Тельной	Служилый	«Ушник» Головина
	Матюшка Терентьев		«Осипова человека Галкина»
60	Елизарко Тимофеев		«За приставом»
61	Гришка Титов (Гришка Сабачин Титов)	Тобольский служилый, стрелец	Его «пытал без сыску»
62	Тимошка Тропа Титов (Тимошка Титов кивокурец)	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	«Зжег до смерти на костре»
63	Кузька Туркин (Коземка Сидоров Туркин)	Енисейский служилый	Его «пытал… многими разными пытками накрепко»
64	Сидор Туркин		Его «пытал без сыску»
65	Ивашка Федоров Болховитин	Тобольск, стрелец	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
66	Оська Федоров	Березовский служилый	Его «бил батоги»
67	Спирка Федоров	Березовский служилый	Пытан
68	Иуфимий Филатов	Дьяк	Его «отставил от твоего государева дела»
69	Нефетка Филатов Устюжанин	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	«Зжег до смерти на костре»
	Максимка Фокин	Казачий сын	Играли порохом «и тех робят он пытал»

70	Антипка Фролов	Казенный кузнец	Его «пытал без сыску» «бил чеканом своими ж руками и батоги на смерть»
71	Ерофей Павлов Хабаров		
72	Парфен Ходырев	Сын боярский	Его «пытал без сыску»
	Филька Черевковец		«Ушник» Головина
73	Семейка Тимофеев Чюфарист	Енисейский служилый	Его «пытал без сыску»
74	Ларька Шумилов	Березовский служилый	Его «бил батогами на смерть и изувечил».
75	Ивашка Шырокой	Толмач	«Ис толмачества выкинул»
76	Юрий Юрьев	Съезжей избы подъячий	«Отдал за пристав без вины» «бил батоги насмерть и извечил»
	Тимошка Якшин	Человек Хабарова	
77	Тимошка Онисимов Ярославец	Служилый, Тобольск, казак станицы Тугарина Панютина	Его «бил батоги»

* * *

Как видим, общество разделено на две неравные части: «битые» и «небитые» — а те, что «небитые», как правило, по мнению обиженных челобитчиков, — «ушники», то есть подстрекатели, провокаторы, ябедники…

Известный историк С.В. Бахрушин по этому поводу высказался довольно категорично:

> *«Деятельное участие во всех операциях воевод принимали их фавориты, “ушники” по тогдашнему выражению. Все челобитные русских людей XVII в. полны горькими жалобами на этих «ушников», которые умели подделаться к приезжим воеводам и извлекать для себя выгоды от их покровительства. Таков был советник Головина, сын боярский Алексей Бедарев, который “при нем притакивал (т. е. ему поддакивал) неправдою для стыда своего”; таков служилый человек Данилко Козица, который “воровал, на свою братью шишиморством всякие ложные заводи затевал и безделием оглашал”, за что Головин его, “любя за ушничество”, отпускал “по вся годы” на службы, давая ему, не в пример другим, полный оклад жалованья, и не конфисковал у него привезенных с Оленека соболей; таков торговый человек Епишка Волынкин, который у Головина “был на большой вере” и от “ушничества” которого, по мнению жителей Якутска, “кровь наша проливалась”; таков видный представитель Якутской служилой*

знати письменный голова Василий Поярков и приказчики богатых московских торговых людей и т. д. Все они "за ушничество" пользовались всевозможными льготами и поблажками. Мирская Челобитная перечисляет целый список ушников Головина и служилых и торговых, "наносу" которых приписывались самые возмутительные поступки воеводы. "И как, государь, мы, холопи твои, ис Тобольска с ним Петром пошли", писали челобитчики, "к мертвым причлися, свету не видали, морил голодом и мучил безвинно, веря ушникам своим без сыску"».

* * *

Мы же не будем столь категоричны. И у нас есть для этого причины.

Да и ситуация выглядела в общем-то несколько иначе, чем простое «ушничество», то есть доносительство и сведение каких-то личных счетов, хотя, безусловно, не обходилось и без этого.

И о «самых возмутительных поступках воеводы» у нас тоже будет особый разговор.

Но сначала простая статистика.

Итого, исключая казачьих детей, которые были пороты за то, что «играли порохом», получается 76 жертв «произвола» якутского воеводы, о которых сообщается в мирской челобитной.

В этой группе мы выделяем Еналия Бахтеярова, письменного голову, который был посажен в тюрьму, как известно, за то, что не исполнил наказ воеводы — и **не дошел, как было велено, до реки Амур**, испугавшись предстоящих трудностей; а также исключаем Михаила Стадухина, который **самовольно, без наказа воеводы, ушел с реки Оймякон на Колыму**. Сюда можно было бы добавить еще и письменного голову Василия Пояркова за те зверства по отношению к служивым, которые он творил на реке Амур, продолжая вместо Бахтеярова путь на эту дальнюю и великую реку, но его имя встречается в этой челобитной только еще как человека ближнего круга воеводы Петра Головина – с противной позиции он откроется позже, когда вернется с Амура, погубив из-за собственной жадности и подлости, около сотни людских жизней. И добавим в этот перечень еще двоих из воеводской элиты — **дети боярские Богдан Воинов и Григорий Демьянов Казанец,** вина которых пока нам неизвестна.

Далее, мы должны выделить в отдельную категорию служебное окружение воеводы, которым он перестал по каким-то причинам (о которых мы еще будем говорить) доверять: **Иуфимий Филатов, дьяк; Ивашка Макаров, дьячий человек; Мишка Синицын, подъячий и Юрий Юрьев, подъячий съезжей избы**. Четыре человека.

В отдельную особую группу мы выделяем торговых людей – скупщиков мехов, которые давали служилым и промышленным людям деньги в долг (по кабалам) под будущий трофей, который приобретали потом за бесценок: **Микита Агапитов Ярославец, Васька Антонов Вологжанин, Ивашка Ванюков, Самсонко Вологжанин, Вторко Едемеково, Ивашко Еремиев, Мишка Записин, Бориска Иванов Важенин, Пятунка Иванов Колмогорец, Семейка Карабельщик, Ивашка Семенов Коровин Устюжанин, Петрушка Обухов Колмогорец, Исачка Пантелеев, Ивашко Мокеев Пеунов Устюжанин**. Четырнадцать человек.

Из промышленных людей, которые вели самостоятельный промысел соболей и которых в Ленском крае во времена Петра Головина было уже не десятки, а сотни, к следствию и тюремному наказанию было привлечено всего… четверо: **Карп Зелев, Калинка Иванов, Мишка Леонтьев и Ивашка Рябов.**

Из числа служивых людей мы выделяем в отдельную группу тех, которые пришли в Якутск вместе с Головиным – из числа 245 тобольских и 50 березовских казаков, которые, по всей видимости, были «заводилами» и были наказаны за неподчинение, когда воевода наводил порядок в своем неспокойном войске, непосредственно в период несения своей — уже якутской — службы во время подавления якутского восстания 1642 года и смуты в Якутском остроге последующих лет: **Гришка Васильев, Фомка Визгунов, Лаврушка Григорьев, Родька Григорьев, Савка Денисов, Девятка Дмитриев, Дорошка Еуфимиев, Добрынко Игнатьев, Овдокимко Кириллов, Матюшка Кишнев, Тренька Кокшар, Олешка Леонтьев Коркун, Омелка Костентинов, Федька Матвеев, Офонька Михайлов, Богдашка Олексеев, Олешка Онисимов, Парфенка Пантелеев, Гришка Титов, Тимошка Титов, Ивашка Федоров Болховитин, Нефетка Филатов Устюжанин, Антипка Фролов, Ларька Шумилов, Тимошка Анисимов Ярославец.** Всего 26 человек.

То есть, судя по предварительным, сугубо статистическим, выводам якутский воевода Петр Головин наказывал либо за незаконный оборот пушнины (торговцы и промышленники), либо

за неисполнение его наказов — воровство и измену (служилые и дьяки).

Но мы пока еще не выделили из этого списка енисейских казаков, с которых, собственно, и начинается история Якутского края и с которых мы также начнем свое расследование, чтобы понять, какие на самом деле причины лежали в основе якутских дел, с которых впоследствии начинались и дела камчатские. Вот их имена: **Кирилка Терентьев Ванюков**, **Постничко Иванов**, **Вторка Катаев**, **Ерофейка Киселев**, **Кузька Лошаков**, **Галятка Мартемьянов**, **Панка (Панфил Федорович) Мокрошубов**, **Олешка Яковлев Олень**, **Нехорошко Павлов**, **Оська Семенов**, **Мишка Стадухин**, **Кузька Туркин (Коземка Сидоров Туркин)**, **Семейка Тимофеев Чюфарист**.

* * *

И вот что еще веьма любопытно и важно — одним из главных действующих лиц якутских событий, которые привели к массовым (по масштабам Ленского острога того времени) репрессиям, был вовсе даже не стольник Петр Петрович Головин, сын боярина Петра Петровича Головина Меньшого, — представитель одной из самых родовитых фамилий Московского царства — главных государственных казначеев, наследующих эту должность из поколения в поколение, и представляющих в России древнюю византийскую императорскую фамилию.

Самым главным действующим лицом в этой истории был сын боярский Парфентий Васильевич Ходырев, который и был инициатором создания самостоятельного Якутского воеводства, предполагая быть в нем если не явным, то тайным воеводой.

Ходыревы были не простыми людьми — Рюриковичами. Свое начало они вели от князей Шумаровских: в начале первой половины XV века Глеб, сын Ивана Михайловича, князя Моложского, получил в удел село Шуморово на берегу реки Шуморы, ставшее центром Шумаровского княжества. Его внук Иван по прозвищу Ходыря (Ходырь) (XIX колено от Рюрика), сын Семена Хромого, стал родоначальником Ходыревых. Ходыревы вскоре утратили княжеский титул, так как служили московским князьям, но помнили о своем княжеском происхождении.

Парфентий Васильевич Ходырев был уроженцем Великого Устюга. Интересно, что свои сибирские походы он начал с Мангазеи: «Сначала его отряд исследовал земли и пути в районе Туруханска, а затем в долине реки Лены».

Вполне вероятно, что именно в Туруханске он и познакомился с человеком, который в то время носил фамильное прозвище Святитский (по месту былого своего проживания — Великоустюгский уезд Вологодской губернии деревня Святица), который также, как и Ходырев, впервые в сибирской истории «засветился» в Мангазее.

* * *

Ерофей Павлов сын Святитский был выходцем из крестьян-поморов деревни Святица под Великим Устюгом (а родился под Архангельском в деревне Дмитриево, смытой разливом Северной Двины), получивший впоследствии другую — весьма точную для своей биографии — фамилию Хабаров, от слова **хабар — прибыток, барыш, удача, взятка**.

Видимо, деловые качества Хабарова «оценили» уже на родине, откуда он бежал от долгов в Сибирь вместе с братом Никифором, надеясь здесь хитростью и смекалкой нажить богатство.

Они выбрали первоначально с братом «златокипящую Мангазею», о которой ходили в народе легенды. Но былая слава этой Северной земли уже ушла — Мангазея к этому времени уже исчерпала свои ресурсы. К тому же царь запретил ходить Ледовитым морем…

Но Ерофей Павлович уже и там успел оставить свои следы в истории. В это время в Мангазее, как потом и в Томске, шла борьба между первым и вторым воеводами (т есть главным воеводой и его заместителем).

Второй — проходимец времен Великой Смуты Андрей Федорович Палицын, служивший попеременно и Лжедмитрию, и царю Василию Шуйскому, и королю Сигизмунду. Осенью 1608 года, вместе с другими тушинцами, он послан был Иваном Заруцким в Тотьму выпустить из тюрьмы опальных людей, с каковой целью там же, в Тотьме, была составлена подложная грамота. В начале декабря 1608 года в Тотьме началось восстание против тушинцев, и А.Ф. Палицын был арестован. Спасло его от расправы заступничество близких родственников, включая и знаменитого для того времени Авраамия Палицына.

После свержения Василия Шуйского и установления в Москве Семибоярщины, А.Ф. Палицын вместе с москвичами 17 августа 1610 года перешел на сторону Сигизмунда III и присягнул польскому королевичу Владиславу. В 1610 году польский король отправил из-под Смоленска грамоту на имя Федора Мстиславского

и его соправителей о пожаловании Палицына чином стряпчего. Польский король также утвердил за ним его вотчины.

Но уже в следующем 1611 году Палицын указан в числе ратных людей Троице-Сергиева монастыря, оборонявших Лавру от поляков и казаков. Когда в марте 1611 года узнали, что поляки подожгли Москву, архимандрит и келарь наспех послали его к столице на помощь с 50 монастырскими слугами и 200 стрельцами, с которыми он присоединился к Первому ополчению Прокопия Ляпунова. После гибели Ляпунова, уже в августе того же года, Троицкие власти отозвали Андрея Палицына обратно для охраны монастыря. В ноябре он был лишен своих вотчин в Новгородской земле, как «изменник», присягнувший Москве.

Впоследствии Палицын был воеводой в Муроме (1617–1618) и Мангазее (1629–1631), где у него и возник конфликт с первым воеводой Григорием Ивановичем Кокоревым, переросший в вооруженное столкновение и разделивший здешнее общества на две неравные половины. Палицыну, переселившемуся жить в посаде, удалось опереться на низы. И одним из главных «заводчиков» у него был Ерофей Павлович Святитский-Хабаров, который впоследствии в 1630 году написал и повез «мировую челобитную» на Кокорева в Москву, позволившая, в конечном итоге, Палицыну выйти «сухим из воды».

Но самое главное заключается не в этом — в сентябре 1632 года Андрей Палицын прибыл в Москву и представил в приказ Казанского дворца чертеж реки Лены и «роспись землиц и людей», «кочевых и сидячих», обитающих по берегам этой реки, которых можно взять под высокую государеву руку и обложить ясаком. Эта роспись была сотворена мангазейскими казаками (точнее, тобольскими и березовскими «годовальщиками»), которые пробирались из Туруханска на нижнюю Лену и обследовали реку.

В Москве Палицына вначале посадили под домашний арест (из-за конфликтов в Мангазее с воеводою Г. Кокоревым, приведших к человеческим жертвам с обеих сторон). Однако А.Ф. Палицын сумел быстро оправдаться и в феврале 1633 года был допущен к «государевой руке» и получил благословение у правящего тогда Россией патриарха Филарета, отца царя Михаила Федоровича, получившего свои священнослужительские титулы — митрополита и патриарха — поочередно от двух ЛжеДмитриев.

А Ерофей Тимофеевич, «друг сердешный» Палицына, в это время был уже в Енисейске, зная не по наслышке о существующем «Ленском проекте» Палицына и вынашивая новые планы для своего личного обогащения.

И надо признать, что в этом деле он значительно преуспел и превзошел многих.

А ставку свою он сделал на этот раз на енисейского сына боярского Парфентия Васильевича Ходырева, с которым судьба также свела его в Мангазее.

* * *

Хабаров прибыл вовремя — колонизация (грабеж, насилие, захват ясыря, сбор ясака) в бассейне «великой реки Лены» только еще начинался, приобретая все более и более чудовищные масштабы.

«Летом 1628 г. енисейский воевода В.А. Аргамаков отправил отдельный отряд во главе со стрелецким десятником Василием Ермолаевым Бугром в составе десяти служилых на реку Илим. Основав на р. Илиме в устье р. Идирмы (современное название — Игирма) зимовье, В.Е. Бугор собрал с окрестных тунгусов ясак и первым открыл волок между реками Илимом и Леной.

Весной 1629 г. В.Е. Бугор перешел на Лену и, построив на устье Куты судно, со своим отрядом поплыл вниз по Лене до устья р. Чаи, собирая ясак с прибрежных тунгусов. Очевидно, опасаясь с такими малыми силами плыть дальше, он с устья р. Чаи вернулся обратно, оставив в устье р. Киренги четырех и в устье р. Куты — двух человек — **Третьяка Кореша (Корешка)** и **Федора Михайлова.**

Новый енисейский воевода, князь Семен Иванович Шаховской, 20 июля 1630 г. назначил енисейского атамана Ивана Алексеевича Галкина с 30 служилыми людьми на годовую службу для сбора ясака по Илиму, на Куте и Лене, а также для поставки острога на Лене. Прибыв в устье Идирмы, И.А. Галкин *«…старое зимовье укрепил, зделал городки и на верх поставил башню для ради караулу…».* Из-за маловодья р. Идирмы он не мог пойти по старому пути на Лену и, одарив подарками одного из тунгусов, узнал от него о более коротком пути с р. Илима на Лену, через рр. Купу и Куту. С тунгусом отправил служилых людей **Федора Васильева Чюрочку** (вероятно, родоначальника якутских казаков Чуркиных) и **Якова Васильева**, которые разведали путь и пришедши *«…сказали про тот волок, что де лехко человек тот волок днем переидет, а с ношами тот волок итти два дни на реку на Купуи, а по Купую плыт на низ до Куты день водою, а Купуи река*

водяна и зимним путем через тот волок ходить немошно, потому что гористы крепко…»

Так, в 1630 г. был открыт Илимский, или как его тогда называли Ленский волок, который около столетия был основным путем в Ленский край. С устья Идирмы на начало этого пути на р. Илим в 1631 г. было перенесено и зимовье, получившее название Илимского, ставшее впоследствии острогом, затем городом Илимском. В этом же 1630 году, получив подробные сведения, И.А. Галкин отправил *«"…последним летним путем…" с устья Идирмы по Илиму и по новому волоку на Лену шесть человек во главе с десятником* ***Ильей Ермолиным*** *(****Иван Романов****,* ***Исаик Васильев****,* ***Ярофей Спиридонов****,* ***Марк Любовков****,* ***Григорий Ярославец****), а за ними 18 человек для доставки припасов на волок. Придя на Купу, они обнаружили там двух тунгусов, у которых купили берестяные лодки и на них по Купе и Куте за два дня доплыли до Лены, до зимовья оставленных в устье р. Куты людей В.Е. Бугра. Оставив им на помощь для сбора ясака* ***Марка Любовкова*** *и* ***Григория Ярославца****,* ***И. Ермолин*** *с тремя товарищами поплыл на оставленном В.Е. Бугром судне до устья р. Киренги, здесь он взял оставленных В.Е. Бугром четырех человек и поплыл по Лене до устья р. Чаи.*

После отправки отряда И. Ермолина вниз по Лене Иван Галкин 15 сентября 1630 г. отправил из Усть-Идирмы вверх по р. Лене служилых людей ***Тренку Колягу*** *(возможно, родоначальника якутских казаков Колеговых),* ***Якунку Васильева****,* ***Ивана Лютку****, толмача* ***Федора Михайлова*** *и в "вожи" им дал налягского тунгуса Ботогуня. Через две недели пути отряд Коляги достиг земли тунгусского князца Липки (Гипки), который со своими людьми внесли ясак — 67 соболей.*

Весной (очевидно, в марте) 1631 г. находящиеся в Усть-Кутском зимовье ***Марк Любовков*** *и* ***Григорий Ярославец*** *с собранным ясаком (61 соболь), прибыли в Усть-Идирмское зимовье, а бывшие спутники В.Е. Бугра,* ***Третьяк Корешек*** *и* ***Федор Михайлов****, с разрешения И.А. Галкина, получив необходимые припасы, пошли на земли цынгогарских людей, которые жили на р. Камту, впадающей в р. Лену выше от Усть-Кутского зимовья.*

К концу марта 1631 г. И.А. Галкин собрал с объясаченных племен бассейнов Илима и Лены 11 сороков 28 (468) соболей и вместе с судовыми снастями (четыре якоря, паруса), а также именными книгами ясачных, отправил все это в апреле с десятником ***Ильей Ермолиным****, служилыми* ***Исаиком*** *и* ***Оксенкой Васильевыми*** *в Енисейск.*

31 мая 1631 г. воевода С.И. Шаховской на смену И.А. Галкину на р. Лену, на волок и новый Ленский острог, который должен был быть уже построенным по его распоряжению Галкиным, назначил стрелецкого сотника ***Петра Бекетова*** *с 30 служилыми, с прибавкой еще 10 человек от людей И.А. Галкина и енисейского толмача* ***Федора Дунаика.***

Приняв казну в Усть-Идирмском зимовье, П. Бекетов отправил часть своих людей для сбора ясака, а сам с 20 служилыми в августе 1631 г. перешел на р. Лену и 1 сентября пошел "…из зимовья с усть Куты реки вверх по Лене реке в Брацкую землю…". На обратном пути, с похода против бурят, П. Бекетов 28 сентября в устье речки Тутуры заложил Тутурский острог. Оставив в новом острожке 10 человек во главе с десятником ***Андреем Ивановым*** *для сбора ясака, в начале октября 1631 г. П. Бекетов вернулся в Усть-Идирмское зимовье*

Организовав в начале весны 1632 г. перевозку припасов на Усть-Кутское зимовье, пополнив свой отряд как людьми Галкина, так и вновь прибывшими, подготовив сплавные средства, Бекетов в мае пустился в плаванье вниз по Лене. Из отряда Бекетова самыми опытными в плавании по Лене были десятники Василий Бугор и Илья Ермолин, которые в 1629 и в 1630 гг. сплавлялись по Лене до устья р. Чаи.

Тем временем вступивший в должность енисейского воеводы Ждан Васильевич Кондырев в середине лета 1632 г. назначил на Лену, на перемену Бекетову, енисейского сына боярского Парфентия Васильевича Ходырева. Вслед за ним, 3 сентября "…под Брацкои порог, и на Иним (Илим — П.К.), и на Идирму реку в острожек для государева ясачново збору…" были отправлены енисейские служилые — 22 человека во главе с пятидесятником ***Терентием Савиным****, которому было велено "…с ясаком ехати по первои полои воде за лдом в Енисеискии острог со штью человеки, а достальных служилых людеи штинатцати человек…" отправить к Ходыреву, которому предписывалось "…с прибавочными служилыми людми вместе по наказу, каков тебе наказ дан, чтоб в государеве ясаке перед прежними учинить прибыль и вновь под государскую высокую руку немирные и непослушные земли привести, а сотника б стрелецъково Петра Бекетова з*

государевым ясаком выслать…”» (П. Казарян, «Становление судоходства на реке Лене»).

Но Ходыреву и бывшему в его отряде Ерофею Святитскому в тот год не светила удача.

В середине августа 1632 г. в устье Куты на отправленном Петром Бекетовым из Средней Лены судне прибыл десятник Илья Ермолин, для доставки в Енисейск собранной на Лене Бекетовым ясачной казны. Встретившись в устье Илима с Ермолиным и узнав от него подробности похода на Якольскую (Якутскую) землю и о том, что на прибывшем судне **промышленные люди Фетка Опара, Фомка Ермолин, Юдка Ваенгин** с товарищами собираются плыть из устья Куты вниз по Лене «… для промыслов и для торгов…», Ходырев с дороги, с устья Илима, **направил десятника Устина Никитина, целовальника Ивана Федорова, служилого Ивана Кирилова** в устье Куты, чтоб перехватить судно. Однако было уже поздно, судно уплыло вниз по Лене. Поэтому Ходыреву пришлось зимовать в Усть-Идирмском зимовье.

Зимой П.В. Ходырев занимался организацией сбора ясака по Илиму, Куте, Идирме и другим речкам.

Как сообщает Г. Миллер: *«Тем временем, в начале лета 7141 (1633) г. в Якутск на место Бекетова прибыл из Енисейска сын боярский Парфен Ходырев. Он отправился из Енисейска еще годом раньше и зазимовал в устье реки Илима, чтобы собрать ясак в верховьях реки Лены и по реке Киренге, так как эти местности, так же как и его предшественнику, было приказано ведать ему. В 7141 г. впервые упоминается ясачное зимовье в устье реки Киренги, построенное самим Ходыревым или по его приказанию. Впоследствии оно превратилось в Киренгский острог. В начале 7142 (осенью 1633) г. в Енисейск возвратился Бекетов. Уже в предыдущем году он послал вперед себя значительную ясачную казну, теперь он снова привез ясак, собранный им с якутов и тунгусов в течение последней зимы своего пребывания в Якутске, состоявший из 22 сороков соболей и 25 собольих шуб».*

В середине апреля 1633 года Ходырев тоже отправил в Енисейский острог собранную с Лены и Илима государеву казну — 5 сороков 29 (229) соболей — со служилыми людьми **Иваном Колмогоровым**, **Фокой Назаровым**, **Федором Богдановым** в сопровождении промышленных людей **Василия Нестерова**, **Родиона Иевлева**, **Афанасия Мантурова**.

В конце марта к П.В. Ходыреву в устье Идирмы из Енисейска прибыл целовальник **Иван Старцев** с недостающим денежным и хлебным жалованием, с полпудом пороха и свинца.

А далее события развиваются стремительно.

Общую ситуацию на Лене, которая сложилась в те годы, очень хорошо отразил Г. Миллер в «Истории Сибири» на примере енисейского же отряда, действовавшего параллельно ленским казакам (включая отряды Ходырева, Бекетова, Галкина):

*«Одновременно с Парфеном Ходыревым был послан также сын боярский **Иван Кузьмин** с особой партией служилых людей для разведывания реки Олекмы и объясачения людей, которых он там найдет. В 7142 (1634) г. в устье этой реки он основал зимовье, в котором и жил, собирая ясак с тамошних тунгусов и десятину с соболиных промышленников, что вызвало многочисленные жалобы на него со стороны якутских приказных. В самом деле, это было вмешательство в присуд Якутского острога, в который эти тунгусы вносили свой ясак. Точно так же и право на сбор соболиной десятины на реке Лене было предоставлено только якутским приказным. Согласно данному ему наказу, Кузьмин во время своего похода вверх по реке Олекме должен был отыскивать новые землицы и народы. Однако из личных удобств и по своеволию он этого не стал делать. Место, где он находился, лежало в низовьях Олекмы; от бывшего в нем когда-то прежде богатого соболиного лова оно сохранило и до настоящего времени название «Богатого Наволока». Каждый промышленник, приходивший туда часто в компании в 30, 40 и до 50 человек, получал там на свою долю за одну зиму до семи сороков соболей. В 7142 г. в устье реки Олекмы находились на соболиных промыслах 20 промышленников и в устье реки Нуи 13 человек; все они принадлежали к одной компании, и каждый из них получал на свою долю по три с половиной сорока соболей».*

Представляете масштабы промыслов!!!

Но вернемся к Ленскому острогу.

Сотник Петр Бекетов, о котором в исторической литературе сообщается как о человеке миролюбивом и доброжелательном, действовал на самом деле жестко и жестоко, ломая всякое сопротивление «якольских» людей — якутов. *«Первым он сломал сопротивление бетунских князцов Семена Улты и Камыка, которые ослушались «призыва в ясачное холопство» вступить. Преодолев в августе–сентябре 1632 г. вооруженное сопротивление княз-*

цов Шора, Шуреняка, Ногуя, он привел их «под государскую высокую руку быти». При этом батулинцы во главе с князцом Ногуем дали «шерт» только после того, как был пленен брат князца».

Отряд **Андрея Дубины** действовал в нижнем течении Лены в районе устья реки Вилюй. Отряд **Алексея Архипова** в Ижиганской (Жиганской) земле, собирая ясак с тунгусов — долганов и ижиганов.

«Того ж году сентября в 25 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу, поставил я, Петрушка, с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачново збору…», — сообщал Петр Бекетов в Енисейск о строительстве Ленского острога, который должен было построить Иван Галкин.

Вот имена первых строителей Ленского острога.

Десятники:
Васька Бугор
Андрюшка Дубина
Десятка Мелентьев.
Рядовые казаки:
Афонька Авдеев
Томилка Артемьев
Алешка Архипов
Игнашка Ваенгин
Пронька Васильев
Федька Васильев
Куська Габышев, казачий наслушник
Алешка Голой
Васька Горан
Тренька Григорьев
Якунка Семенов Заруба, промышленный человек
Агапитко Иванов
Климко Иванов
Федька Кайгородец
Васька Колесников
Тренка Коляга
Степка Марков
Гаврилка Никитин
Степка Осипов
Ивашка Падерин
Дунайко Петров, толмач
Костекинко Петров
Микляшка Полуектов
Сачка Самсонов
Оська Семенов
Савка Семенов
Сивко Семенов
Якунка Софонов
Гуляйко Федоров
Якунка Филатов
Ивашка Черноус
Дружинка Чистяков
Семейка Чуфарист
Ивашка Щербак
Елеска Юрьев
Лютко Яковлев
Рычко Яковлев.

В марте 1633 года Бекетов продолжил свой поход, завершившийся покорением Якольской земли:

«Переломным и кровавым можно считать поход в Дюпсинский улус. Вооруженное сопротивление закончилось тем, что штурмом был взят один "острожок" — укрепленный пункт якутов. При этом погибли 20 якутов, а 6 служилых получили ранения. Не сумев взять другие "острожки" с ходу штурмом, служилые сожгли их с осажденными. Погибли 87 человек. Это событие стало переломным, и якутские князцы, прекратив всякое вооруженное сопротивление, один за другим, стали приезжать в Ленский острог и шертовать (т.е. присягать) за себя и за своих сородичей. В целом в Ленском остроге были приведены к шерти 32 князца из 17 якутских улусов. Район Средней Лены, т. е. Якольская (Якутская) земля, была присоединена к Русскому государству. За год П. Бекетов собрал ясак 22 сороков 10 (890) соболей, 25 якутских собольих шуб, 3 шкуры красной лисицы. С промышленных людей было собрано пошлины 19 сороков 5 (765) соболей, 10 собольих пластин, 2 бобра и 4 шкуры красной лисицы».

Ленский приказчик Ходырев с товарищами, застрявший на полпути, пропустил самое важное — дележ награбленного. Он добрался, наконец, до места службы только летом 1633 года. Петр Бекетов сдал ему дела — острог, служилых людей, аманатов, а сам с пушной казной отправился в Енисейск праздновать победу.

Нечто подобное потом повторится на Камчатке, когда одновременно на одной территории окажутся три приказчика, так случилось и здесь: Петр Бекетов по пути в Енисейск, Парфентий Ходырев — в Ленском остроге, Иван Галкин — на судне Бекетова направился, согласно воеводского наказа, в тот же Ленский острог.

12 июня 1633 года Иван Галкин покинул Енисейск, а уже 21 сентября атаман, оставив часть своих казаков зимовать и собирать ясак на волоке, и не пожелав там зимовать самому, прибыл в Ленский острог.

Для Ходырева это был, безусловно, удар ниже пояса. И, по всей видимости, у него была истерика, народная молва о которой пробилась через столетия. И попытка (скорее нервная) силой удержать власть.

Но потом он эту злобу на Галкина и его товарищей попытается выместить на Семене Чюфаристе.

Чюфарист Семейка Тимофеев. Енисейский служилый. Согласно информации «мировой челобитной» о «зверствах» воеводы Петра Головина пытан «без сыску». До этого практически беспеременно служил на Лене.

В отряде Ивана Галкина Семейка Чюфарист был «ясаулом», то есть фактически вторым человеком после атамана. Бекетов оставил его служить с Ходыревым:

«А мы, Государь, холопи твои, Десятка Мелентьев и Семейка Чюфарист с товарищи восемь человек по твоему государеву указу для твоей государевой службы оставлены на Лене реке с енисейским сыном боярским с Парфением Ходыревым от сотника стрелецково, от Петра Бекетова. И по твоему, Государеву и Цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии, указу и по наказу твоего государева воеводы Ждана Васильевича Кондырева Енисейского острогу сын боярской Парфеней Ходырев на Лене реке новой Ленской острожек, которой он, Парфеней, принял у сотника стрелецково, у Петра Бекетова, и тунгусково толмача Федьку Петрова, да якольсково толмача жонку Быгейка и аманатов которых он, Парфеней, принял у сотника ж стрелецково у Петра Бекетова, отдал атаману Ивану Галкину. И мы, Государь, холопи твои, Фомка Федулов, Десятка Мелентьев с товарыщи твою государеву службу служили и твой государев ясак збирали в Ленском в новом острошке с атаманом с Ываном Галкиным и с енисейскими и с тобольскими служилыми людьми, которые с ним, с атаманом, присланы вместе за один человек».

И вот как далее разворачивались события на Лене.

*«Летом 1632 года из нового ленского острога “вниз по Лене на новую реку Варку” выплыл отряд енисейских казаков — **Дружина Чистяков**, **Якунька Щербак** и **Осташка Серебрянник** с товарищами. Подходя к реке Вилюю, они встретили мангазейцев во главе со **Степаном Корытовым**, идущих собирать ясак на Лену. Расспросив енисейцев о целях их плавания, Корытов предложил им совместный поход на Алдан и Амгу и, не получив согласия, ограбил енисейцев. Поход на Амгу сопровождался погромами долганских (тунгусских) и якутских племен. Корытов потребовал с местных князцов ясак, хотя и знал, что он уплачен в Ленский острог. Ожесточенные долгане и якуты напали на сборщиков ясака и некоторых из них убили. В отместку за смерть товарищей Корытов арестовал гостивших у него якутских князцов. Назревало восстание. Якуты и долганы «отложились от государя» и решили пойти войной на русских.*

Не подозревая о самоуправстве мангазейцев, атаман Иван Галкин, сменивший в Якутском остроге Бекетова, летом 1633

*года послал в низовья Лены казака **Семена Чюфариста** с товарищами для взимания таможенных пошлин с мангазейских промышленников. Чюфаристу было отдано строгое приказание: в случае сопротивления препроводить мангазейцев в острог. 27 мая струги Чюфариста вошли в Алдан и, следуя вверх по течению, через два дня наехали на отряд Корытова, возвращавшийся с Амги. Корытов, увеличив ход судна, пытался уйти вниз по реке, но струги легко нагнали его и принудили остановиться. Завязалась перестрелка. Два енисейских казака были убиты насмерть, другие ранены. Победителем остался отряд Корытова.*

*Весть о сопротивлении мангазейцев дошла до Галкина. Забрав с собой 40 казаков, он вышел на подмогу Чюфаристу. Завязалась новая стычка. С обеих сторон было убито до десятка казаков. Наконец, мангазейцев окружили и принудили сдаться. В результате этого боя низовье Лены осталось за енисейцами. (*В отряде Степана Корытова был, захваченный в плен енисейскими казаками, впоследствии знаменитый мореход **Иван Иванович Ребров** — *С.В.)*

…Между тем, не имея сведений о событиях на Лене, о действиях прежних приказчиков П. Бекетова и П.В. Ходырева, енисейский воевода Ж.В. Кондырев 12 июня 1633 г. “…велел ехати из Енисеиского острогу… атаману Ивану Галкину… на Лену в новои острог, что поставлен на усть Куты реки для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Русии ясачново збору, на перемену сыну боярскому Парфену Ходыреву, а прешед в острог на Лену, взяти у сыно боярсково у Парфена Ходырева толмача Федку Петрова…, да для толмачества ж взяти ему, Ивану, у енисеиского стрелца у Семенки Тимофеева Чюфариста яколскую жонку Быгея (С.Т. Чюфарист был участником похода атамана И.А. Галкина в 1631 г. на Среднюю Лену, где взял себе в ‘жонку’ якутку Быгею. Брак Чюфариста с Быгеей — самый ранний по письменным источникам межнациональный брак в Ленском крае. В последующем семейство Чюфаристов обосновалось в Ленском (Якуцком) остроге. Имя Семена Тимофеевича весьма часто фигурирует в архивных источниках, касающихся разных событий на Северо-Восточной России. — П.К.), да ему ж, Ивану, взяти у сына боярсково у Парфена Ходырева и у сотника стрелецково у Петра Бекетова государевы суды и судовые снасти, парусы, дроги

и ноги, и якори, зелье и свинец, скобы и гвоздье, теслы, оборони и скобели, и напарьи, сколко чево останетца, и из острогу ходить и служивых людеи посылать с толмачи вверх и вниз по Лене, и по Киренге, и по иным сторонним рекам, которые впали в Лену реку, опричь Олокны реки (т. е. Олекмы — П.К.)". Атаман Иван Алексеевич Галкин хорошо знал путь следования. Поэтому с 30 служилыми людьми, которые были назначены в его распоряжение, с необходимыми припасами сплавился с Енисейска по Енисею, Верхней Тунгуске, Илиму под Ленский волок, перенес весь груз, с расчета шесть с половиной пудов на человека, через волок в устье Куты. Тем временем в конце августа в Усть-Кут прибыл по Лене и Петр Бекетов. Сложилась уникальная ситуация: действующий приказчик — Парфентий Ходырев в Ленском остроге, прежний — Петр Бекетов — в пути к Енисейску, вновь назначенный — Иван Галкин в Усть-Куте. На судне П. Бекетова Галкин вышел в плавание со своими 30 спутниками и 21 сентября 1633 г. дошел до Ленского острога. П.В. Ходырев сдал И.А. Галкину острожную казну, припасы, оставшиеся от Бекетова, и вновь самим взятых аманатов. Служилые люди, оставшиеся в остроге от Бекетова и прибывшие с Ходыревым, стрельцы и казаки, выразили желание ("били челом") служить в Ленском остроге с Галкиным. Остался здесь служить и сын боярский Ходырев».

«Уже в 1634 году в Ленский острог пришли вести о юкагирах, кочевавших тогда по обширной территории северо-востока Сибири — по всей прибрежной полосе Ледовитого океана, от Яны до Чукотского хребта и Берингова моря. Юкагиры были одним из наиболее многочисленных народов Сибири. Жили они родовым строем. Слухи о богатствах "новой Юкагирской землицы" привели к тому, что сразу же стала образовываться компания казаков и промышленников "для приводу их под государеву высокую руку".

*Во главе отряда стали **Устинка Никитин** и **Семейка Тимофеев Чюфарист**. Приказчик Ленского острога Иван Галкин послал в "новые землицы" для торговли большое количество хлеба и других товаров. Казакам выдали государев коч и судовые снасти: парус, якорь и веревки. Однако в день отъезда сын боярский Парфен Ходырев по злобе на Галкина арестовал Чюфариста и Никитина, вернул их с дороги и отослал в Енисейск для допроса». (Казарян П.Л., Становление судоходства на реке Лене).*

* * *

Поражают сроки продвижения малочисленных русских отрядов по «великой реке Лене» и покорения многочисленных тунгусских и якутских племен на Лене. Действуя огнем и мечом, казаки (число которых многократно увеличивалось за счет промышленных и торговых людей) стремительно продвигались по Лене с севера на юг и с юга на север, восток и запад, по многочисленным притокам этой, действительно, великой реки.

П.Л. Казарян в своем замечательном очерке «Становление судоходства на реке Лене», называет не только даты, но и, что главное для нашего исследования, имена первопроходцев.

1629 г. — Усть-Кут — устье р. Чаи — Усть-Кут (**Василий Ермолаевич Бугор**).

1630 г. — Усть-Кут — устье р. Киренги — устье р. Чаи (**Илья Емолин**); — Усть-Кут — устье р. Анги — Усть-Кут (**Тренка Коляга**); — р. Нижняя Тунгуска — волок — р. Чона — р. Вилюй — р. Лена — р. Алдан (**Антон Добрынский, Мартын Васильев).**

1631 г. — Усть-Кут — устье р. Камту (современное название Кытыма) — Усть-Кут (**Третьяк Корешек, Федор Михайлов**); — Усть-Кут — Средняя Лена — устье р. Алдана — Усть-Кут (**Иван Алексеевич Галкин**); — Усть-Кут — устье р. Куленги — Усть-Кут (**Петр Бекетов**); — Туруханское зимовье — р. Енисей — р. Нижняя Тунгуска — волок — р. Чона — р. Вилюй (**Петр Юрлов**).

1632 г. — Усть-Кут — устье р. Чаи — Средняя Лена (Якольская земля) (**Петр Бекетов**); — Средняя Лена — Усть-Кут (**Илья Ермолин**); — Усть-Кут — Средняя Лена (**Фетка Опара и другие промышленники**); — Усть-Кут — выше устья р. Куленги (**Иван Колмогор**); — Усть-Кут — устье р. Киренги (**Дружинка Москвин**); — Усть-Кут — устье р. Витима (**Матвей Иванович Лалетин**); — Средняя Лена — устье р. Вилюя — Ленский острог (**Андрей Дубина**); — Средняя Лена — Жиганская земля (Жиганск) (**Алексей Архипов**). — р. Вилюй — р. Чона — волок — р. Нижняя Тунгуска — р. Енисей — Туруханское зимовье (**Петр Юрлов**).

1633 г. — Усть-Кут — Ленский острог (**Порфентий Васильевич Ходырев**); — Усть-Кут — Ленский острог (**Иван Алексеевич Галкин**); — Ленский острог — Усть-Кут (**Петр Бекетов**); — Усть-Кут — устье р. Олекмы (**Иван Борисович Кузьмин);** — Усть-Кут — Усть-Олекминское зимовье (**Семен Григорьевич Родюков)**; — Ленский острог — устье р. Вилюя (**Яков Щербаков**); — Туруханское зимовье — р. Енисей — р. Нижняя Тунгуска — волок — р. Чо-

на — р. Вилюй — р. Лена — устье р. Амги (**Степан Корытов**); — р. Вилюй — р. Лена — Жиганское зимовье (**Надежа Сидоров**).

Год спустя (в 1634 г.) «на место атамана Галкина прибыл в Якутск казачий и стрелецкий голова Богдан Байкашин (**Балкашин Богдан Юрьев сын**, голова татарской сотни Томского гарнизона), а Петр Бекетов, отдохнувший в Енисейске всего лишь одну зиму, сменил в устье Олекмы десятника **Семена Родюкова.**

* * *

Последующие в Якутии кровавые события почему-то приписываются одному Ивану Галкину, хотя явно, что спровоцировал их сотник Бекетов, сжигая живьем людей.

Я повторяюсь, но должен подчеркнуть, что именно Бекетову приписывается мирный характер присоединения Якутии, хотя та жестокость, о которой мы говорили выше, мирной быть не могла.

Причины появления Петра Бекетова в Сибири не совсем ясны. Вероятно, им двигало желание сделать карьеру. В 1624 (по другим данным – в 1621) году он поступает на службу в стрельцы, а в январе 1627 года, неведомо откуда узнав о трагической гибели (утонул 1625 году в Оби) енисейского сотника Поздея Фирсова, пишет эту вот челобитную на имя царя.

Челобитная сына боярского П. Бекетова о поверстании его в стрелецкие сотники на место П. Фирсова.

7135 (1627) года генваря в 12 день.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии бьет челом холоп твой сынчишко боярской Петрушка Бекетов. Милосердный государь царь и великий князь Михаиле Федорович всея Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели мне быть в своей государево в дальней вотчине в Сибири в Енисейском остроге у стрелцов в сотниках на Поздеево место Фирсова. А того, государь, сотника Поздея Фирсова нестало, чтоб я, холоп твой, волочась меж дворов, голодною смертью не умер. Царь государь, смилуйся.

На обороте начертано:

135-го генваря в 12 день отпустить на Позеева место Фирсово и велеть иво в Тоболску поверстати службою».

И, главное, эта челобитная была уважена, несмотря на то, что казачий мір и сам енисейский воевода А.Л. Ошанин просили поверстать на место Поздея Фирсова человека из своей казачьей

среды – подъячего Максима Перфильева, будущего знаменитого землепроходца и родоначальника сибирской династии Перфильевых-Перфирьевых, который позже был все-таки поверстан в казачьи атаманы.

Бекетовы были потомками черкесских князей (кстати, среди их потомков называют поэтов Ивана Дмитриева и Александра Блока).

Один из Бекетовых был в числе телохранителей князя Андрея Ивановича Старицкого, главного конкурента на российский престол во времена Ивана Грозного, и во время «старицкого бунта» бежал, оставив своего сюзерена, но сохранив собственную жизнь.

О другом Бекетове есть такая вот историческая запись:

«Перваш Иванов сын Бекетов во времена Смуты прямодушно верил пришествию истинного сына Ивана Грозного; 14 октября 1608 г. он получил повеление привести к присяге на верность Лжедмитрию Суздаль и его уезд. По другой росписи, от 28 июня 1609 г., видно, что Перваш Иванов сын Бекетов по указу Лжедмитрия был на приступе против Троице-Сергиевской лавры с гетманом Яном, Петром Павловичем Сапегой, каштеляном Киевским, старостой Усветским и Керенецким, вместе с дворянами Измайловыми, Козодавлевыми, Родионовыми, да с ним же три брата: Крик, Нечай и Докучай Петровы, Княжнины, Дружина Юрьев Татаринов и Улан (молодец) Татаринов».

Вполне вероятно, что именно по этой причине у юного (?) Петра Ивановича Бекетова не было никаких перспектив сделать карьеру в центральной России (как тогда говорили, — «на Руси») и он избрал для себя Сибирь, пользуясь каким-то покровительством в Казанском приказе, ведающим делами Сибири, — ведь челобитная, поданная 12 января, уважена (обратите внимание!) этим же числом.

Правда, в своей челобитной с просьбой о поверстании его уже в стрелецкие и казачьи головы, датированной 1638 годом, Петр Иванович почему-то пишет: *«Служу я, холоп твой, тебе, праведному государю, в Сибири всякие твои государевы, службы зимние и летние, конные и струговые, и нартные 17 лет, и своим службишком и раденьем многую тебе, праведному государю, прибыль учинил».*

Вероятно, имеется в виду как раз то, что его действительная (но еще не сибирская) служба началась в 1621. А если на службу

верстали в те времена в 14 лет, то, получается, что Петр Иванович был примерно 1607 (или чуть старше) года рождения. Конечно, возникают сомнения в том, как столь молодой человек мог управляться с казачьей сибирской вольницей…

Кстати, в Москве, когда в 1651 году рассматривали дело о приверстании сына боярского (чин дан за присоединение якутской земли и строительство Ленского острога) Петра Бекетова в стрелецкие и казачьи головы, якутские события 1632 года ему поставили в «зачет»:

«Да во 141-м (1632 год) году сентября в 25 день Петр же Бекетов с служилыми людьми поставил на Лене реке против якуцкого князца Мамокова улуса и меж иными многими улусы для збору государева ясаку острог и ис того острогу посылал служилых людей кь якуцкому князцу к Бурухе и кь ево детем и к улусным людем и в ыные сторонние землицы для государева ясаку. И князец Буруха и иные многие якуцкие люди государю учинилис непослушны и государева ясаку платить не похотели, ***а иные поделали острожки и сели в осаде и он де Петр с служилыми людьми с теми государевы непослушники билис и острожки сожгли и побили Якуцких непослушных людей 20 человек****, многие якуцкие люди учинилис под государевою царьскою высокою рукою навеки неотступны и к шерти князцов и лутчих людей на том, что им быти под государевою царьскою высокою рукою привели».*

Но эта информация не полная. Напомним:

«После зимовки в Ленском остроге, в середине марта 1633 г., П. Бекетов возобновил свои походы в якольские улусы. Переломным и кровавым можно считать поход в Дюпсинский улус. Вооруженное сопротивление закончилось тем, что штурмом был взят один “острожок” — укрепленный пункт якутов. При этом погибли 20 якутов, а 6 служилых получили ранения. Не сумев взять другие “острожки” с ходу штурмом, служилые сожгли их с осажденными. Погибли 87 человек» (П. Казарян)

Обратим внимание и на другое: на долю «десятины» в том пушном сборе со СЛУЖИЛЫХ (выделено мной. — *С.В.*) людей, которую привез в Енисейск стрелецкий сотник, что говорит не только о скорости продвижения русских по Лене, но и о масштабах соболиного промысла:

«Петр Бекетов с товарищи на Лене реке вь Якуцких улусех государева ясаку на прошлые на 140-й (1631/32 год) да на 141-й год 7 шуб собольих 14 сороков 33 соболя, 40 пластин собольих 4 лисицы красные, 8 сороков 32 пупка собольих да с промышленных людей, которые промышленые люди приходили на соболиные промыслы на Лену реку и что ***взято сь енисейских служилых людей десятые и с судных дел пошлин 62 сорока 38 соболей, 2 сорока 30 пластин собольих, 12 сороков 18 пупков собольих, 31 шуба соболья да шубу бобровую, 12 лисиц да недолис красный, 3 бобра. Сибирская енисейская цена той всей мяхкой рухледи 5740 рублев 28 алтын 2 деньги. А московская цена той рухледи 7607 рублев****».*

И далее: *«Да в прошлом во 146-м (1637/38 год) году писал ко государю из Сибири из Енисейского ж острогу воевода окольничей Прокофей Федоровичь Соковнин: привез де с Лены из нового усть Олекнинского острогу Петр Бекетов с служилыми людьми государева ясаку и с торговых и с промышленных людей десятые пошлины на прошлые на 143-й (1634/35 год) да на 144-й (1635/36 год) год 19 сороков 34 соболя. И прибрав Петр Бекетов государева ясаку и десятые пошлины перед прежним зборщиком перед Иваном Кузминым мяхкою рухледи 4 сорока 28 соболей. А не добрал 3-х шуб собольих».*

«Да во 149-м (1640 год) году декабря в 16 день писал к государю из Енисейского острогу воевода Микифор Веревкин и прислал с великие реки Лены из нового Ленского острошку на прошлой на 147-й, год государева ясаку збору Петра Бекетова с товарыщи 83 сорока 12 соболей и иной всякой рухледи по сибирской цене на 6536 рублев на 23 алтына на 5 де[нег]. И прибрал Петр Бекетов тое мяхкие рухледи перед збором атамана Ивана Галкина на 2797 рублев на 17 алтын.

Да с великой же Лены реки покупки и привозу Петра Бекетова с товарыщи покупочной мяхкой рухледи, что куплено в новом Ленском острожке и в сторонних речках 19 сороков 34 соболя с хвосты и без хвостов и шуб собольих 6 пластин собольих, 121 лисица красных, пластина лисья, 14 лисиц черночеревых, 2 шубенка лисьи; а куплена та мяхкая рухледь на государевы деньги ленского збору и на государевы посыльные товары, а дано за тое рухледь деньгами и товары 111 рублев 3 алтына 4 де[ньги], а мяхкой рухледи енисейская цена 1247 рублев 5 алтын.

И прибыло у той покупной мяхкой рухледи по енисейской оценке 1136 рублев 8 де[нег]».

Результат челобитной — *«…енисейскому сыну боярскому Петру Бекетову велено быть вь Енисейском остроге головою у*

енисейских стрельцов и у казаков на Богдановo место Болкошина. И государева ему денежного жалованья оклад учинен тот же, что был Богдану Болкашину, 20 рублев, а за хлебное жалованье велено ему Петру пашня пахать.

А старого окладу челобитчику Петру Бекетову государева жалованья денег 10 рублев, хлеба 6 чети ржи, 4 чети овса».

* * *

Бекетов был обижен. И справедливо обижен. Давайте сравним: «*...по енисейским окладным имяным книгам каковы присланы к государю во 157-м (1648/49) году государева жалованья оклад енисейским детям боярским: Денег по 20 рублев. Иван Галкин, а хлеба ему 16 чети ржи, 10 четей овса, 2 пуда с четью соли. Ондрей Бернацкой, хлеба ему 20 чети ржи, 15 чети овса, 5 пуд соли. А казачью голове один денежной оклад 20 рублев».*

Более того: «*В прошлом во 140-м (1631/32 год) году енисейскому атаману Ивану Галкину и енисейским служилым людем за службу, что они на Лене взяли государева ясаку вновь с тунгуских и с налянских и с сычегурских людей собольми и шубами и бобрами и рысьми за 5 сороков 6 соболей, а что той рухляди цена того не ведомо, потому что сибирской цены той мяхкой рухледи особно не описано, а списана тоя мяхкая рухледь ценою вместе с ыною мяхкою рухледью. Да тот же атаман Иван Галкин с служилыми людьми на Лене ж реке на усть Куты реки вь ясачных в налянских и в тунгуских людех поставил острог и взяли из того острожку ж с новых землиц государева ясаку собольми и иною мяхкою рухледью по сибирской цене на 258 рублев на 6 алтын, а по московской цене на 436 рублев на 28 алтын прибавлено государева жалованья ему Ивану к прежнему ево окладу денег ко 16 рублем 2 рубли да в приказе дано [ему] денег 10 рублев да сукно аглинское доброе да камка да служилым людем 30-ти человеком послано с ним Иваном в Сибирь по 4 рубли человеку».*

* * *

Но казачий атаман Иван Алексеевич Галкин, в отличие от Петра Ивановича Бекетова, был сыном березовского атамана Алексея Галкина, который пришел в Сибирь вместе с Ермаком Тимофеевичем, Иваном Дурыней, Тугариным Федоровым, Иваном Грозой, Черкасом Александровым, чьи потомки за заслуги отцов и дедов производились в высшие казачьи чины и на их жалованные денежные, хлебные и соляные оклады.

Кроме того, Иван Галкин сам строил Енисейский острог и служил здесь с первого дня его существования.

И, разумеется, братья-атаманы Галкины — Иван и Осип — с младшим Никифором, сыном боярским, были самыми влиятельными людьми в Енисейске и, разумеется, на Лене, с которыми не могли не считаться местные воеводы, которые менялись здесь каждый год-два-три.

Но обижен был не только Бекетов, обойденный наградами.

Еще более обижен был Ходырев, которому не дали возможности, как тому же Бекетову, самостоятельно собирать ясак, а также отбирать промысловую «десятину», скупать пушнину за безделушки и грабить местное население на законных на то основаниях, представляя здесь ВЛАСТЬ.

Грабил Иван Галкин со своими людьми, вызывая справедливое возмущение и гнев якутов, у которых они помимо пушнины, забирали не только скот, но и ясырь — жен и детей плененных или убитых в бою якутских воинов.

Не уверен, что Ходырев мог каким-то образом спровоцировать восстание якутов в 1634 году, как это удалось ему сотворить в 1642 году, но сам факт восстания ему весьма успешно удалось впоследствии использовать для того, чтобы не допустить Ивана Галкина к управлению краем.

События развивались следующим образом: в 1634 году объединившиеся якуты решили уничтожить Ленский острог вместе с гарнизоном. Иван Галкин, отправив часть своих людей собирать ясак, остался в остроге с небольшим гарнизоном, но, узнав о восстании, он попытался предупредить будущие трагические события, встретив якутов «огненным боем» на пути к острогу. Но просчитался — якуты успели подойти на опасную близость и пользуясь своей численностью (их было от 600 до 800 человек) расстреляли русских из луков, убив лошадей и переранив по многу раз всех русских своими стрелами — казакам спасло жизнь то, что все эти стрелы были с костяными наконечниками и большого вреда им не наносили.

Вот что писал Хабаров — непосредственный участник этого боя — о сражении:

«И генваря, государь, в 5 день атаман Иван Галкин с служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, изволя все за тебя, государя, единодушно помереть, урядясь, на конях против тех твоих государевых изменников из Ленского острожку выехав на

Лену реку в Мымаков улус… И атаман Иван Галкин и служивые люди, и мы, сироты твои, прося у Бога милости, с теми якольскими со многими людьми дрались до крови и до смерти. И на той, государь, драке якольские люди убили Тобольского города казака Степана Юдина да енисейского казака Ивана Черноуса. А атамана Ивана Галкина, и служилых людей, и нас, холопей твоих, на той драке переранили смертными ранами по пяти, по шти, по семи и по осьми на человека, коней всех, настреляв, побили».

Русские отступили под защиту острожных стен. И до марта находились в осаде, обложенные со всех сторон якутами.

Г. Миллер: *«**В то время в Якутске общее число русских служилых, торговых и промышленных людей было несколько сот**. Парфен Ходырев со своими людьми также находился в Якутске. Были там и служилые люди из числа первых спутников Бекетова. Всякий, кто туда попадал, не желал оттуда уходить; тот же, кто бывал там прежде, желал снова туда возвратиться. Даже самый суровый край может сильно привлекать к себе людей, если они могут в нем оправдать свои расчеты или поправить свои обстоятельства. Торговые и промышленные люди боялись, однако, заниматься теперь торговлей или ловом соболей и были принуждены искать себе защиты в остроге».*

Но в марте, когда якуты разбрелись по своим улусам, Галкин с товарищами отомстил им за свое поражение.

Вот его собственный отчет:

1634 г., не позднее 1 сентября. — Роспись енисейским служилым людем стрельцом и казаком, которые были на государеве службе на Лене реке и служат в новом Ленском острошке с атаманом с Ываном Галкиным и против государевых непослушников якольских лю[дей] выезжали, дрались явственным боем и которой стрелец или казак во што ранен и по сколько ран и хто и которой стрелец убил якутцких мужиков или ранил или лошадей хто сколько убил или ранил в осаде или на выступех, писано порознь статьям.

Бык Гришка Семенов «дрался явственно, на приступе убил под мужиком коня, да он же поколол копьем мужика».

Васильев Федька, стрелец «дрался явственно, убил якутцково мужика да под мужиком же убил коня, ранен в правую руку в локоть да в левое плече».

Волхон Богдашко, стрелец «ранен в груди повыше левые титьки да в левую лопатку».

Гаврилов Вторко «убил под мужиком коня, ранен в груди повыше левые титьки да в правую руку».

Гаврилов Гулянко «дрался явственно, под мужиком убил коня, ранен в груди да в левую ногу в стегно».

Галкин Иван, атаман «на драке и на приступех дрался явственно, убил якутцково кучячново мужика <…> да брата князца Еттюя да ранил тынина сына князца Откурая да под князцем Боизоном убил коня да к острогу на приступех убил якутцково мужика. Он, атаман Иван, ранен в брюхо в левой бок да в правую руку дважды, в локоть да в плече да в голову да под ним, под Ываном, убит конь до смерти».

Гнутой Олешка, стрелец «к острогу на приступех бился явственно».

Горин Васька «дрался явственно, ранен в горло да в левую ногу дважды».

Жунков Федька «ранен в лоб да в левую руку в мышку да в левую ногу в колено».

Иванов Агапитко «дрался явственно, убил мужика, ранен в голову да в правую руку.

Иванов Матюшка «ранен в левой бок да в правую руку в плече».

Исаков Гаврилко «дрался явственно, убил под мужиком коня да он же ранил мужика, ранен в брюхо да в левую ногу».

Казанцов Ивашко «убил мужика, ранен в голову в косицу да в обе ноги».

Котков Марко «ранен в брюхо да в левую руку в мышку да в левую ногу».

Кирилов Ивашко, стрелец «в осаде на приступе бился явственно».

Ларионов Кондрашка «на драке ранил мужика, ранен в голову дважды да в правую руку».

Леонтьев Мишка «на приступе ранил якутцково мужика».

Марков Стенка на приступе убил под мужиком коня.

Мелентьев Десятой, десятник «дрался явственно, убил мужика да под мужиком же убил коня».

Микитин Гаврилко «убил коня да ранил мужика, ранен в рожу да дважды в ногу».

Микитин Ульянко «на драке ранен в правую ногу да в голову».

Микитин Устин, десятник «на драке дрался явственно, убил с коня якутцково мужика тынина внука Тугузия да он же убил под мужиком коня. Ранен в груди повыше левые титьки да в обе руки да он же, Устин, убил ятутцково князца Дурея как, он Устин, по государеву указу по-

сылан был на того князца Дурея».

Микифоров Еремка «убил под мужиком коня, ранен в левой бок дважды да в левую ногу».

Наумов Давыдко «на приступех дрался явственно, убил куячново мужика да он же убил под бурухиным улусом, как по государеву указу посыланы были на бурухиных детей, под мужиком коня и тово мужика взял жива».

Носко Ивашко Яковлев, тобольский казак «на приступех дрался явственно»;

Олень Олешка Яковлев «убил на драке мужика, ранен в лоб да левая нога прострелена да в обе ноги».

Петров Дунайко, толмач «убил под мужиком коня, ранен в рожу в правую щоку да в правую руку да правая нога прострелена насквозь».

Петров Федька «дрался явственно, убил мужика, ранен в груди в левое плече да в ногу».

Попов Вахромейко, тобольский казак «на драке бился явственно, ранен в голову в лоб».

Потылицын Стенька «на приступе ранил коня».

Семенов Сидко «ранен в голову дважды да в правую ногу».

Соловьев Епишка «убил под мужиком коня, ранен в груди да в левую руку да обе ноги прострелены».

Степанов Офонька, тобольский казак «на приступе убил коня»;

Тихонов Мишка «ранил мужика, ранен в левую ногу».

Федоров Ивашко «на приступе дрался явственно».

Федосиев Олешка, тобольский казак «убил мужика, ранен в голову да в груди в правую титьку да в правую руку»;

Федотов Игнашка «дрался явственно, убил под мужиком коня да мужика ж ранил».

Федулов Фомка, десятник «дрался явственно, ранен в лицо да в левую руку да у правые руки в локоть».

Харитонов Семка, «на приступе ранил якутцково мужика».

Чуфарист Семенка, ясаул «дрался явственно, на приступе убил якутцково мужика да ранил коня».

Яковлев Рычко «ранил коня».

Янов Пронька, казак «ранен в правую руку в локоть».

Такой подробный перечень не случаен: каждое из боевых событий имело свою цену — надбавку к жалованью, поэтому подробностей не стеснялись — ими гордились, как гордятся своими боевыми заслугами, поэтому все эти подробности и сохранились в старинных документах. Может быть — и в весьма ПРЕукрашенном виде…

* * *

А вот еще один документ, рассказывающий о том, как неохотно, несмотря на все военно-карательные сложности, енисейские казаки покидали якутскую землю.

Слово Герарду Миллеру: *«10 мая 7142 (1634) г. в Якутск прибыл **пятидесятник Василий Колесников** с десятью людьми и привез указ, касавшийся возвращения отставших от Бекетова и Ходырева служилых людей; причем ему были даны также 100 рублей денег и некоторые излюбленные якутами товары, както: медные котлы и тазы, оловянные блюда и тарелки, олово в кусках и одекуй, на которые атаман Галкин должен был купить и выменять соболей. Здесь произошел новый случай, показавший, как неохотно енисейские служилые люди соглашались покидать Якутск и возвращаться обратно. Одни из них подали челобитные, чтобы их отпустили на реку Марху, впадающую в Вилюй, на которую Бекетовым была произведена первая, но неудачная посылка, и обещали доставить с тамошних тунгусов 2 сорока соболей ясака. Другие просили разрешить идти вверх по Алдану, обещая за это полтора сорока соболей. Наконец, третьи желали и дальше служить в Якутском остроге. Галкин удовлетворил все эти просьбы. Причины, побудившие его к этому, он объяснил в Енисейске тем, что Якутский острог вследствие продолжающейся для него опасности со стороны мятежных якутов не может быть оставлен без защиты, а наоборот, ввиду предстоящих многих и дальних открытий и завоеваний, скорее нуждается в увеличении, а не в уменьшении числа людей, что в самом деле было вполне основательно».*

Но суть, безусловно, была иная — Иван Галкин предоставлял своим енисейским коллегам возможность, снимая с них груз государственной ответственности, свободу действий: кому — самому заниматься соболиным промыслом, кому — грабить тех, у кого было что пограбить…

* * *

Какая при этом доля упромышленного или награбленного поступала в собственность приказчика Ленского острога осталась неизвестной исторической науке.

Но чужакам, даже прибывшим на законных основаниях на Лену, они не позволяли не делиться с ними своей добычей.

Так с Мангазеи, в соответствии с наказом своего воеводы, прибыл во главе отряда служилых людей на низовья Лены быв-

ший запорожский казак (черкашенин) Степанко Онуфриев сын Корыто (Корытов).

Г. Миллер: *«…чтобы ясак, собранный мангазейскими служилыми людьми с принадлежащих к Якутскому острогу народов, не попал вместо Якутска в Мангазею и чтобы не пропустить без уплаты десятины находившихся с ним промышленных людей, Галкин, как только вскрылась река, послал к устью Алдана служилых людей в количестве 29 человек, чтоб они дождались мангазейцев и привели их в Якутск. Однако Стефан Корытов, прибывший со своими спутниками туда 29 мая, вовсе не хотел подчиняться приказам из Якутского острога. Дело дошло до рукопашной схватки. Один якутский служилый человек оказался убитым, многие другие — ранеными. Корытов силою открыл себе дорогу и отправился вниз по Лене, не сворачивая на Вилюй, желая, по-видимому, разыскать своих остальных товарищей, зимовавших в Жиганах».*

«Как только в Якутске была получена весть об этом, атаман Галкин с сыном боярским Ходыревым и 40 служилыми людьми отправился преследовать беглецов. Их нагнали в расстоянии одного днища ниже устья реки Вилюя. И здесь снова произошло сражение. Из отряда Галкина был убит один служилый человек, другому была прострелена рука. Корытов был принужден сдаться, после чего его повели в Якутск. Часть собранного им ясака и находившиеся при нем аманаты были у него отобраны; 2 сорока и 19 соболей, полученных им от долганского князца Дикинчи, и 5 сороков, данных ему князцом Новеканом на реке Вилюе, были взяты у него по той причине, что оба князца уже раньше были объясачены из Якутска енисейскими служилыми людьми. Собранные же им на Вилюе с других, до того же объясаченных тунгусов 2 сорока и 10 соболей, а также и соболи, добытые промышленными людьми, выменянные на товары или полученные в поминки, были ему оставлены, и сам он отправлен вместе с ними через Енисейск обратно в Мангазею».

Но, вы думаете, это остановило мангазейских казаков? Наоборот…

* * *

Интерес у Енисейска к ленским пушным богатствам также стремительно возрастал.

4 июля 1634 г. на смену Ивану Галкину отправился енисейский казачий голова Богдан Болкошин с 43 казаками. Одновременно «на Лену и в сторонние речки» отправился Петр Бекетов, имея при себе 30 чел. Болкошина сменил на Лене Парфений Ходырев со своими людьми, а в 1636 г. на Лену вновь отправился атаман Иван Галкин с 50 служилыми людьми. И здесь ему снова пришлось опять подавлять восстание «якольских людей».

И снова причина была в Ходыреве.

Герард Миллер: *«В конце 7143 г. на место Байкашина в Якутск вторично прибыл сын боярский Парфен Ходырев, а год спустя его опять сменил атаман Иван Галкин. При первом из них снова восстали некоторые якутские князцы, причем были убиты пятидесятник **Трофим Выродов** с шестью людьми и один толмач. На обратном пути из Якутска на самого Ходырева напали кангаласские князцы Откурай и Богейко, и на этот раз тоже не обошлось без убийств и кровопролития. Оставшиеся верными русским якуты раскинули свои юрты неподалеку от Якутского острога. Однако это не помогло им уберечься от гнева кангаласцев. Откурай и Богейко собрали 400 человек, с которыми они выступили против этих якутов, и захватили в числе других жен, детей, слуг и весь скот у князца Логуя. Их жестокость дошла до того, что они не оставили в живых даже женщин и детей. Для наказания их Галкин отправил против кангаласцев служилых людей и верных ему якутов под начальством **Никифора Галкина**, которые побили кангаласцев и вернули угнанный скот. Но вскоре же после этого Откурай снова собрал 600 человек, с которыми осадил русских в Якутске, и стал устрашающе приступать к острогу. Служилым людям приходилось очень трудно защищаться от врагов. Наконец, видя, что они не могут причинить городу вред, кангаласцы отошли с богатой добычей, захваченной ими у окрестных якутов».*

* * *

Огромные пушные богатства Лены сводили с ума.

В августе 1640 (7148) года служилые люди Якутского острога составили поручную запись «по толмаче Григории Лятиеве, сказавшем на Парфена Ходырева «государево дело».

«Се аз, **Костянтин Степанов Дунай**, **Левонтей Тимофеев Головачев**, **Нехорошей Гаврилов Портняга**, **Сидор Семенов Махнев**, **Афонасей Иванов Брусенкин**, **Василей Федоров Коваль**, **Порофий Павлов Слоев**, **Михайло Савин Коновал**, **Ждан Власов**, **Исак Онфимов**, **Третьяк**

Карпов Хомяк, **Иван Овдеев Плотник**, **Семен Иванов Дежнев**, **Таврило Никитин Пашенной**, **Федор Михайлов Поздыш**, **Василей Иванов** ленские служивые люди, да яз, **Козьма Сидоров Туркин**, якольской толмач поручилися есми в Ленском остроге съезжие избы приставу Петрушке Седому по бывшем якольском толмаче по **Григорье Иванове Лятиеве** в том, что извещали на него Григорья Лятиева в Ленском остроге в съезжей избе служивые люди **Богдан Яковлев Асторохан да Михайло Стадухин,** что де он, Григорей, в прошлом во 147-м году, сказывал на енисейского сына боярского на Парфенья Ходырева государево дело неведомо какое.

И ему, Григорью, в том государев деле за нашею порукою ехать на государеву службу за Алдан реку за Камень месте с Тренькою Хомяком. И стати ему, Григорью, в Ленском остроге на срок на великое заговенно 149-го году перед стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матфея Богдановича Глебова, да дьяка Еуфимья Филатова. Буде он, Григорей, в том в государеве деле в их извете перед стольники и воеводы на срок на великое заговенно не станет, и на нас порутчиках государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси пеня, что государь укажет и наши порутчиковы головы в его голову место.

Где ся поручная выляжет тут по ней и порука вся сполна».

Итак, что же за «государево дело» было объявлено на Парфентия Васильевича?

У Герарда Миллера эти события не выглядят как-то особенно.

Томский атаман Дмитрий Копылов, обосновавшийся в бассейне реки Алдан, был, как и мангазейские казаки, чужаком в здешних местах. Но Томск, в отличие от Мангазеи, был уездным городом — томскому воеводе подчинялся Енисейск вместе со всем вновь открытым Якутским краем, поэтому енисейцам приходилось терпеть присутствие Копылова в построенном им Бутальском остроге.

«Возможно, что при построении Бутальского зимовья якутскими служилыми людьми были объясачены не все якуты, жившие между Леной и Алданом, которые легко могли избежать их или укрыться от них. Следовательно, не лишено вероятности сообщение о том, что Копылов, по его словам, повстречал на Алдане якутов, которые жили еще в состоянии первобытной

свободы; он имел полное основание обложить их ясаком в пользу своего зимовья. Но его нельзя оправдать в том, что он без ведома якутских приказных то же сделал в отношении тех якутов, которые, по их собственному признанию, уже раньше платили ясак в Якутск и сбежали во время тамошних волнений.

…Таким образом, тот род, который тогда, так же как и ныне, назывался «зиланцами» или «Зиланскими улусами», Копылов решил вновь подчинить, не справившись предварительно, так ли действительно обстояло дело, как ему доносили. Было бы еще допустимо, если бы при этом он стал действовать лаской, которую в таких случаях было приказано применять, но Копылов решил воспользоваться для этого силой. С этой целью были отправлены несколько служилых людей, которых сопровождало довольно много якутов. В это время в Якутске в третий раз был приказным сын боярский Парфен Ходырев, сменивший сотника Петра Бекетова, который в 7146 (1638) г. занял место атамана Ивана Галкина. Ходырев предпринял поездку к якутам и как раз по реке Амге, когда в июне 7147 (1639) г. томские служилые люди отправились в поход из Бутальского зимовья. Он немедленно принял меры против них, что ему удалось в полной мере. Когда томские служилые люди, считая, что они удачно выполнили свою задачу, находились уже на обратном пути со значительной добычей, состоявшей из лошадей и рогатого скота, Ходырев неожиданно появился перед ними и потребовал от них отчета в совершенном беззаконии. Если уже предыдущее следует рассматривать как междоусобную борьбу одной партии служилых людей против другой, то теперь получилось нечто худшее. Дело дошло до сражения между обеими партиями, в котором томские служилые люди потерпели поражение и, что им было особенно больно, увидели себя ограбленными на 300 лошадей и 300 голов рогатого скота, составлявших награду за их труды. Ходырев никогда не пользовался хорошей славой в Якутске, и здесь он показал свою жестокость и корысть, приказав зарубить около тридцати якутов из числа сопровождавших томских служилых людей, взяв себе и своим служилым людям отбитый скот, который ему следовало возвратить прежним владельцам».

Но Г. Миллер не говорит здесь о сути «государева дела».

А вот как выглядит эта же ситуация у Александра Бродникова в его книге «Теткин расчет».

«Летом 1639 года они (ясачные якуты — *С.В.*) *обратились к Д. Копылову с просьбой защитить их от сыланских неясачных якутов, которые «их де воюют и скот, лошади и коровы отганивают, и людей их по озерам побивают». Как свидетельствует коллективная челобитная томских казаков, 25 июня 1639 года приходили в Бутальский острожек к атаману Д. Копылову князцы ясачных якутов, нюрюктейцев и накарцев (родственное кангаласам племя), Киреней Кривой, его сын Тетка Киренеев и Баргулак (в одном из документов упоминается еще один накарский князец — Кутемчей), и донесли на появившийся неподалеку якутский род сыланцев: "сказывали… про немирные земли, про государевых непослушников, про княска Буканка, что тот Буканка …великому государю ясаку неплачивал". О том, что сыланцы все же являлись ясачными и платили ясак в Ленский острог, томские казаки могли не знать, а жалобщики об этом не сказали.*

Дальнейшие события развивались стремительно. В тот же день Копылов отправил на "неясачных иноземцев" отряд казаков общей численностью в 20 человек во главе с Ерофеем Петровым, Фомой Федуловым и Втором Гавриловым. Совместно с томскими служилыми в походе принимали активное участие нюрюктейцы и накарцы в количестве 220 человек — почти все их мужское население.

После разгрома улуса князца Буканки возвращавшимся с добычей и передвигавшимся уже не так стремительно победителям пришлось заночевать, не доходя Бутальского острога. Этот ночлег оказался для них роковым — внезапно появившийся более многочисленный отряд енисейцев во главе с сыном боярским П. Ходыревым довольно быстро расправился с томичами и их союзниками, перебив до тридцати якутов. Позднее пострадавшие нюрюктейцы и накарцы в челобитной писали о Ходыреве: "Побил и избил он нас безвестно на станех тритцеть человек насмерть, а иных вешал".

Расправившись на стоянке с якутами, Ходырев взялся за конкурентов из Томска — "учел к ним, служилым людем, приступать и по них стрелять". Тем более что в отличие от якутов томские казаки оказали енисейцам более серьезное сопротивление: "учали …стрелять и ранили де енисейских служилых людей четырех человек". Однако силы были неравными, а преимущество отряда сына боярского очевидным. Томичи попытались прятаться за лошадей и коров, но Ходырев потребовал от них

сдаться, продолжая при этом стрелять по скоту. Тем пришлось подчиниться.

*Отобрав у томских казаков скот и оружие, Парфен их связал и, избив ("бил ослопьем и батоги"), прогнал — "отбил от себя прочь без оружия шестнатцать человек". **Своему толмачу (переводчику) Григорию Летееву сын боярский велел сказать союзным енисейцам якутам, чтобы они перебили этих шестнадцать человек. Но Г. Летеев отказался выполнить такое распоряжение Ходырева. Тот дал аналогичное указание Ивашке, своему холопу якутского происхождения: "призвал своего малова якута Ивашка и велел ему, Ивашку, говорить …чтоб якуты руских людей, томских казаков, побили". Енисейцы воспротивились такому решению своего предводителя, усмотрев в этом позор, и "ему, Парфену, говорили: за посмешно де ты велишь иноземцом руских людей побивать и ты де их сам побей, чтоб де не позорно было государьскому имени"*** (выделено мной. — *С.В.*)**.**

Но на это Ходырев не решился — шестнадцати томичам вернули пищали и оставили их на дороге без лошадей, "пеших". Четверых — десятника Я. Петрова, Ф. Федулова, В. Павлова и толмача И. Михайлова — сын боярский привез в Ленский острог и посадил в тюрьму. Вместе с этими казаками енисейцы повезли и несколько союзных томичам князцов. Из тюрьмы Ходырев решил отправить Федулова и Павлова в Енисейск "за приставы" (под охраной) с енисейскими служилыми людьми, считая их, вероятно, наиболее виноватыми в походе на енисейских ясачных, потому что эти двое "были в вожех" (то есть являлись проводниками).

Отряд Ходырева захватил весьма значительные трофеи:150 лошадей и 100 куяков (вид защитного вооружения). И это только у якутов. Количество отобранного енисейцами у томских казаков имущества в их челобитной не указывается, но они жаловались, что Ходырев забрал у них трофейный скот, оружие и другое имущество, в том числе и продовольствие — "кони и коровы у нас отгонил… ружье поимал и с нас куяки и пансыри… посымал, …и переграбил; последнии наши котлишка и запасишка поотнимал".

Но проблемы бывших ясачных Ленского острога этим не ограничились. Вернувшись в свои улусы, князцы Киреней, Тетка и Кутемчей обнаружили следы погрома: отряд Парфена Ходырева

успел пройтись по нюрюктейской волости и даже стоял неделю под Бутальским острожком. “И нас, сирот твоих государевых, погромил ж, з женами и з детьми разлучил и животишко наше все пограбил, скот наш, кони и коровы все, и нас, сирот твоих государевых, разорил до основанья”, — жаловались пострадавшие князцы.

Погромив нюрюктейскую волость, енисейцы забрали 10 куяков, 200 лошадей и 200 коров. Таким образом, за время похода только у якутов енисейцы захватили 350 лошадей, 200 коров и 110 куяков, не считая захваченного у томских служилых людей имущества.

Как оказалось, сменивший П. Бекетова и И. Галкина новый приказчик не смирился с уходом от Ленского острога достаточно большой группы ясачных якутов во главе с Киренеем, так как тот, с точки зрения енисейцев, “учинил поруху и недобор немалой” в ясачном сборе. Мало того, перед своим уходом на Амгу Киреней, видимо рассчитывая на поддержку со стороны казаков Бутальского острожка и считая себя недосягаемым для енисейских служилых людей, расправился со своими старыми противниками — многих ясачных людей под Ленским острогом “повоевал”. Поэтому после того, как был собран ясак с улусов вокруг Ленского острога, Ходырев решил найти беглецов. Выяснить их новое местопребывание не составляло большого труда. И 12 июня 1639 года со своими служилыми людьми он отправился на реку Амгу для сбора ясака с улуса князца Киренея.

Слух об этом дошел до непокорного князца. Тот попытался скрыться: “услыша про него, Парфена, вести, откочевал в гору”. На Амге, куда Ходырев дошел со своим отрядом уже после начавшегося совместного похода нюрюктейцев, накарцев и томичей, Парфен узнал о разграблении ими енисейских ясачных якутов, сыланцев и батулинцев, уже занесенных в ясачные книги Ленского острога и имевших фиксированный годовой оклад “по осьми сороков соболей на год, …и в ясачных книгах имена их и платеж писан в Ленском остроге”.

Ходырев со служилыми и промышленными людьми и союзными якутами начал карательную экспедицию с похода на улус князца Аргуя, который, по свидетельству томичей Федулова и Гаврилова, хотя и платил ясак в Ленский острог, но чем-то вызвал гнев нового приказчика. Более того, сын Аргуя был в Ленском в аманатах. Разгромив улус Аргуя и забрав скот, енисейцы прошлись по улусу князца Тетки, где также забрали скот. А Ходырев вдобавок “взял себе” дочь этого князца — “девку”, что было вполне в традиции того времени.

5 июля енисейцам удалось поймать одного человека из киренеевых людей, бежавшего с места погрома сыланцев к себе в улус. Он-то и сообщил о происшедшем разгроме, где было побито до 40 человек “лутчих людей” из числа сыланцев, а отобранный скот отправлен Я. Петровым “наперед себя на Олдан” к Д. Копылову “сторонними дороги”. После получения сведений о нахождении противника Ходырев со своим отрядом двинулся на его поиск, настигнув на месте ночлега.

Последовавшие затем жалобы (челобитные) казаков из отряда Копылова и погромленных Ходыревым якутов, подкрепленные отпиской томского воеводы Кобыльского, были доставлены в Сибирский приказ только 27 апреля 1640 года.

Челобитные якутских князцов заканчивались просьбами защитить их от произвола Парфена Ходырева: “И вели, государь, нам дать на тово Парфена свою государеву царскую оборонь, вели, государь, нам отдать наш живот”. Мотивировка изложенной просьбы традиционная: чтобы “впредь… государева ясаку не отстать”. Челобитчики-казаки делали акцент на правовой стороне происшедшего — они просили “дать… царской суд и справу”.

По мнению чиновников Сибирского приказа, главным виновником якутских событий лета 1639 года являлся Ходырев. Действительно, конкуренция между гарнизонами служилых людей за ясачное население в Восточной Сибири XVII века — явление если не обыденное, то, во всяком случае, и не редкое. Но столкновение двух достаточно больших отрядов казаков, к тому же игравших основную роль в расширении и закреплении русского влияния в густонаселенном крае, — случай из ряда вон выходящий. Уничтожение же тридцати ясачных трактовалось однозначно — как нанесение существенного ущерба государевой казне. Ведь каждый из них мог давать ежегодно по нескольку соболей.

Предпринятая енисейским воеводой Н. Веревкиным попытка как-то оправдать Ходырева не увенчалась успехом: по государеву указу за приписью дьяка Сибирского приказа Григория Протопопова, датированному 12 февраля 1641 года, первым якутским воеводам Петру Головину и Матвею Глебову надлежало провести сыск в отношении провинившегося сына боярского и,

если будет необходимость, довести до пытки, чтобы "вперед бы иным служилым людем так неповадно было воровать"».

* * *

Петр Петрович Головин, впервые повстречался с Ерофеем Павловичем Святитским — Хабаровым на устье реки Кут, куда он прибыл по пути своего следования в столицу нового воеводства. Он был просто очарован Хабаровым — успешным предпринимателем, организовавшим здесь собственную соляную варницу и пашню. Он же предложил Ерофею Павловичу организовать пашню и на устье реки Киренги, выделив ему для этого землю.

Но, начав порученное ему Сибирским приказом от имени царя расследование по делу сына боярского П. Ходырева, это очарование сменилось сначала на недоумение, а потом и на яростную злость.

В отношении Хабарова выяснилось, например, что *«особенно большие доходы ему принесла торговля, прежде всего пушниной, которую он по сговору с ленским "начальным человеком" Парфеном Ходыревым нередко переправлял на запад "обводом", минуя таможенную заставу».*

«В следственных делах Парфена Ходырева имеются беглые упоминания о его незаконных операциях с Я.П. Хабаровым в "обвод" таможни Ленского волока. Сыщик Иван Акинфов обнаружил, что у Хабарова было 28 кабал, полученных от Ходырева (ЦГАДА, СП. Ст. 338. Л. 20). Таможенный целовальник Юрий Селиверстов жаловался на Хабарова за то, что он отказался платить пошлины в таможню и не платил десятую пошлину за "обводную рухлядь", приобретенную у служилых и промышленных людей. Хабарова также часто официально называли "торговым человеком", поскольку он вел широкую торговлю товарами, которые привозил из европейской части России его брат Никифор (ЦГАДА, ЯПИ. Оп. 3. С. 1644–1645, № 99. Л. 16)».

При обыске у самого Ходырева обнаружили 3000 соболиных шкурок и долговых расписок (кабал) на сумму 4156 рублей.

Конечно, это были всего лишь жалкие остатки от того, что уже было вывезено друзьми-компаньонами с Лены в обход таможни, утаено и продано.

* * *

Петр Головин не успел закончить «Якутское дело». Особенно сильно он переживал за то, что не повесил Ходырева и его единомышленников, уже возведя для этого виселицы.

Вполне возможно, что одну из этих виселиц он готовил и для Хабарова.

Поэтому последующие жалобы Ерофея Павловича на то что Головин его разорил, наложив большой штраф, не идут ни в какое сравнение с тем, что могло бы произойти по завершении следствия.

Но… *«Хабаров воспротивился такому решению и, как свидетельствуют исторические хроники, "принародно лаял воеводу". Произошла драка со служилыми людьми, инициатором которой был Ерофей. За дерзость, "невежливые слова" в адрес воеводы и учиненную им драку Головин поступил с ним еще более круто, — отобрал в пользу казны усть-кутскую пашню Хабарова и его соляную варницу, а самого Ерофея отдал "за пристав", то есть посадил под домашний арест до окончания дознаний по заварившемуся делу. На конфискованную у Хабарова пашню Головин отправил пятерых служилых людей из якутского гарнизона, снабдив их лошадьми, сошниками, серпами, косами и хомутами»* («Слово в защиту воеводы Петра Головина», Владимир Бахмутов Красноярский).

Дело Ходырева-Хабарова постепенно разрасталось все новыми и новыми подробностями – обиженные ими торговые и служивые люди доносили с пристрастием на сложившуюся торгово-промышленно-служивую корпорацию, действующую в Якутске в разрез как с интересами государства, так и собственными интересами других торговых, промышленных и служилых людей.

* * *

В списке самых первых имен в той «мирской челобитной» — братья Ванюковы.

Ванюков Кирилл Терентьев сын. Енисейский казак. Головин «пытал без сыску» его жену Параху. То есть явно искал тайные схроны пушнины.

Ванюков Ивашка Терентьев сын, торговый человек: был пытан Головиным «многими разными пытками и на костре огнем жег».

Первым на Лену попал Иван Ванюков. Вполне вероятно, что он пришел сюда с легендарным промышленником Пантелем Пяндой (Пендой), первооткрывателем Лены. Сын Ивана Корнилий впоследствии писал: *«А отец мой Иван Ванюков в прошлых давних годах до поставления Якутцкого острогу служил вашу ве-*

ликих государей службу на Лене реке охотою не верстан многие годы, подымаючись своими пожитками во многие походы и посылки ходил…».

Последний раз имя Пенды упоминается в 1643 году, когда он брал взаймы деньги у брата Ивана Кирилла Терентьева сына Ванюкова (*«десять рублей денег московских ходячих прямых без приписки июля в десятый день до сроку до Петрова дня 151 года без роста»),* который впервые попал на Лену в 1634 году в отряде Ивана Галкина и усмирял вместе с ним восставших после походов Ходырева на якутов.

Мы не знаем сегодня истинную степень вины братьев.

Но последующие якутские события говорят о том, что эта вина могла быть весьма и весьма значительной — Ванюковы были способны на большую подлость…

В 1655 году, уже в чине сына боярского, Кирилл Терентьев Ванюков был назначен приказчиком на реку Индигирку

«…зимой 1655/1656 г. тогдашний приказчик Уяндинского зимовья Кирилл Ванюков, собрав уже с Уянды ясак, послал на Уянду отряд служилых, торговых и промышленных людей под началом своего подручного Ивана Овчинникова — числом более сотни человек! — заявив, что те-де виновны в измене (подготовке нового восстания). Ванюков при этом был достаточно хитер, чтобы не пойти с Овчинниковым самому, а обвинения в измене формулировать в виде подозрений, подлежащих расследованию и наказанию при подтверждении. Овчинников его хорошо понял и "расследовал" так, что об этом вскорости написал жалобу на Ванюкова в Якутск соседний приказчик недавно построенного в краю шоромба Зашиверского зимовья, Герасим Цыпандин. Вступившись за янгинцев, он писал (правда, не сразу, а минимум на полгода с лишним позже): "В прошлом-де в 164 году зимою (зима 1655/1656 г.) сын боярский Кирило Ванюков, собрав на Индигирке реке из-за всех зимовий многих служилых и торговых и промышленных людей, для своей бездельной корысти сказал измену на ясачных индигирских юкагирей и послал на них служилых и торговых и промышленных людей, Ивашко Овчинникова с товарищи, больше ста человек, после государева ясачного збора, и велел погромить. И служилые и торговые и промышленные люди по ево Кирилову велению тех индигирских ясачных людей погромили — жен и детей, и оленей с триста на погроме взяли и иного всякого юкагирского живота погромили и от того погрому на Индигирке

юкагиры обеднели". Трое янгинцев при этом были убиты, причем их пытали огнем, а самого Уянду повесили. Многие женщины и дети попали в ясырь. Как значилось в другом, более позднем следственно-обвинительном акте русских властей, "…многих иноземцев пытая зажгли до смерти и Уянду — лучшего человека, по их зову князца — повесили, для своих пожитков разорили многих иноземцев". Субплемя Уянды не ожидало нападения — оно только что выплатило ясак, — но даже если бы ожидало, ничего не могло бы сделать — Ванюков послал на него столько бойцов, сколько во всем субплемени не было всего населения. Возможно, набег Овчинникова затронул не только эту группу янгинцев. Часть награбленного Овчинников передал Ванюкову.

Так нашел смерть Уянда. Янгинцы разгромленной группы откочевали и рассеялись, естественно, и перестали платить ясак. В Якутске, получив обвинение в адрес Ванюкова от Цыпандина, начали расследование и потребовали от Ванюкова ответа. Кроме того, служилые разыскали отошедших янгинцев, те изложили дело и подали жалобы на Ванюкова, требуя вернуть им имущество, жен и детей. По этим жалобам тоже начали следствие. В ходе этого дела Ванюков струхнул и отписался, что погрома не предписывал, был недоволен, когда о нем узнал и-де выговаривал Ивашку с товарищами за это. Вскрылось, однако, и то, что часть награбленного Ивашком была передана Ванюкову. В 1657 Ванюков был смещен (и, видимо, наказан, хотя и остался на службе), зимовье перешло под контроль обличившего его Цыпандина. Жалобы янгинцев, по-видимому, удовлетворили (т. е. вернули по возможности жен, детей и имущество) и в 1658 и следующие годы они снова платили ясак (в 1656–1657, пока шло все дело, они к зимовью не являлись). В 1686 г., через 30 лет, в Уяндинском зимовье сидели в аманатах брат Уянды Сыропит и сын Уянды Пуянда. Оба должны были быть людьми уже пожилыми, как видно из того, что родственников Уянды держали в аманатах, его прямые потомки продолжал возглавлять янгинцев.

Погром зимы 1655/1656 ослабил янгинцев. Эпидемии оспы далее — в 1663, 1669, 1690/91–94 гг. — обескровили их. В 1640-х — начале 1650-х гг. их было около 450 человек. В 1681, после эпидемий 1660-х — уже около 250, в 1691 — около 220. Шоромбоев в 1640-х — начале 1650-х было около 350, в 1681 — около 230, в 1691 — около 200».

* * *

Но «Уяндинское дело» было начато не Ванюковыми. И по этому делу проходят еще несколько человек из того списка «мировой челобитной», который мы пытаемся проанализировать.

Первым пришел в земли князца Уянды тобольский казак **Иван Иванов сын Ребров**, служивший на Мангазее и попавший на Лену в составе отряда Степана Корытова. Ребров после ареста и «депортации» Корытова остался служить на Лене и присоединился к отряду Ильи Перфильева, направленного на реку Яну. Кроме Реброва, в отряд Ильи Перфильева входили, как видно из таможенных книг, **служилые люди Тобольского города: Фаддей Васильев**, **Андрей Иванов**, **енисейские казаки: Прокопий Васильев**, **Игнатий Инаньин**, **Афанасий Самсонов**, **Томило Ильин**, **Федор Иванов Кайгород**, **Иван Сергеев**, **Гуляй Федоров**, **Сафон Авдеев**, **Алексей Семенов**.

Ребров с товарищами и поставил Уяндинское зимовье на Индигирке, выпросив у Перфильева разрешение на самостоятельный поход.

Но Уянде удалось вытеснить русских со своей земли.

Чуть позже **Посник Иванов Губарь (тот, что по «мирской челобитной был воеводой Головиным “бит батоги”»)** весной 1639 года с конным отрядом самовольно (что было тогда ЕЩЕ в порядке вещей) перешел с реки Яны, где он представлял русскую власть, на Индигирку.

Состав отряда Посника Губаря, основавших Верхоянск, — **енисейские казаки Тренка Трифонов**, **Кирилл Нифантьев**, **Нестор Барабанский**, **Дмитрий Михайлов**, **Федор Афанасьев**, **Степан Иванов**, **Афанасий Степанов**, **Харка Афанасьев**, **Степан Осипов**, **Пронка Калуга**, **Тренка Алексеев**, **Матвей Кишкец**, **Федор Чюкичев**, **Поспелко Кузьмин**, **красноярские казаки Аничка Никитин (Микитин)**, **Михаил Семенов**, **Иван Родионович Ерастов**, **Селиван Харитонов**, **промышленники Иван Куклин**, **Иван Артемьев**, **Иван Павлов**, **Иван Захаров**, **Ульян Карпов**, **Юшко Иванов**, **Сидор Фомин**, **Сисой Васильев**.

«В 147 году он, Посничко с товарищи, з дватцатью с семью человеки пошол коньми с Янги реки вверх по Толстаку реке в Юкагирскую землицу на Индигерскую реку. И шол де, государь, по Толстаку и через хребты до Индигирские вершины многими неясачными тунгусами ламутками до Индигерской реке и по Индигерской реке вниз до Юкагирской землицы четыре недели».

Несмотря на сильное военное сопротивление местных племен, одержавших победу над Ребровым, в начале сентября 1639 г. Посник Иванов основал в южной полосе владений Уянды Подшиверское зимовье (которое до 1667 г. именовалось Индигирское Верхнее зимовье, в 1667 переименовано в Индигирское Среднее).

Уянда вынужден был выплатить ясак Губарю.

В конце 1639 - начале весны 1640 г. Посник Иванов с 15 людьми и собранным ясаком ушел в Якутск, оставив в Подшиверском зимовье за главного **Кирилла Нифантьева** с 12-ю служилыми людьми.

25 августа 1640 г. Посник прибыл в Якутск. С его слов пошла весть в Москву об открытии новой земли:

«А Юкагирская де, государь, землица людна и Индигерская река рыбна, будет де, государь, вперед на Индигерской реке в Юкагирской землице и 100 человек служивых людей, и тем де людем мошно сытым быть рыбою и зверем без хлеба. А в Юкагирской де, государь, землице соболей много. И в Индигерь[скую] де, государь, реку многие реки впали. А по всем де по тем рекам жывут многие пешые и оленные люди, а соболя и зверя всяково много по всем по тем рекам и землям.Да у юкагирских же де, государь, людей, серебро есть, а где де они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает. И про иные де ему многие землицы юкагири росказывали. А подлинно де, государь, он, Посничко, про те землицы росказать не умеет, потому мало их юкагирского языку знал».

На смену Кириллу Нифантьеву был отправлен **Дмитрий Михайлов по прозвищу Зырян или Ярило**.

Но и Посник Иванов Губарь тоже имел свои планы на Индигирку и начал формировать свой отряд, чтобы взять управление Индигиркой в свои руки.

Вот его состав: **Посник Иванов, Пахом Левонтьев, Оника Микитин (красноярский казак), Степан Осипов, Олексий Ермолин, Иван Кузьмин и Прокопий Иванов Краснояр.**

Задачу им ставил уже якутский воевода Петр Головин:

«А ныне де для поспешенья в Юкагирскую землицу послать (надо) для ясачного збору, чтоб аманатов не отпустили, небольших людей. И мы, государь, холопи твои, ево, Посничка, да с ним красноярского казака Оничку Микитина, да енисейского казака Степанка Осипова, да тобольских служивых людей четыре человека, да енисейского десятника Федьку Милованова, да Офоньку Степанова отпустили в Якутцкой острог, а велели ему, Поснику, да письмяному голове Василию Пояркову (дать) охочих служивых людей в прибавку восемь человек, да Федьке Милованову с Офонькою охочих же служивых людей шесть человек. А охочих, государь, служивых людей, Посничку и Федьке, велели дать для того, твоих государевых лошадей в Якутцком остроге нет, дать служивым людем на службу нечего. А тем, государь, служивым людем, Посничку и Федьке с товарищи, покупать лошадей к подъему собою».

Осенью 1640 г. действующий приказчик Подшиверского зимовья Кирилл Нифантьев призвал Уянду на переговоры о принятии русского подданства. Уянда явился, и его «привели к шерти (присяге), что ему платить государев ясак с себя и с улусных людей». Но, приведя к шерти, его тут же обманом взяли в заложники.

Весной 1641 года на смену Нифантьеву прибывает Дмитрий Зырян. Он меняет его служивых, но не всех — троих оставляет в своем отряде. Один из них, **Иван Ерастов (тот самый Родионов Ивашка, который был Головиным «пытан», или Ивашка Велкой)** писал в челобитной:

«Дмитрей у него, Кирила, острожек и аманатов налицо принял. А тое твою, государеву, ясачную соболиную казну нам, холопей твоих, збор 149-го году он, Кирило Нифантьев, с товарыщи вывез с-Ындегерской реки в Ленской острог. А меня, холопа твоего, Ивашка, он, Дмитрей, и нас, холопей твоих, Треньку (Алексеева. — *С.В.*) и Федьку оставил в-Ындегерском зимовье сильно, потому что де вам здешная индегерская служба в обычей и надобет де с кем государева служба служить. А об вас де я писал в Ленской острог к стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину с товарыщи. А за тою твоею, государевою, соболиною казной с ним, Кирилом Нифантьевым, с нашим збором не отпустил».

Иван Ерастов в совершенстве владел юкагирским языком. Вторым, кого оставил при себе Зырян, был Федька — **Федор Алексеевич — Чукичев,** которому в этой книге будет отведено особое место.

Но вот незадача — практически в это же время из Якутска на Индигирку на конях отправляется Посник Иванов Губарь со своими людьми на смену Зыряну. Шли они *«по пластам весною девять недель, и голоду и холоду терпели много, сосну, и траву, и коренье ели и переопухли и перецынжали»*. Осенью 1641 году они прибыли на место.

И повторяется практически точь в точь ситуация 1633 года на Лене с Ходыревым и Галкиным.

С одним лишь исключением — Ярило (то есть, яростный, непокорный) власть на Индигирке не сдал.

Посник с **Пахомом Левонтьевым** отправляется обратно в Якутск, оставив остальных пятерых в отряде Зыряна.

И вполне возможно, что наказание, которое последовало Поснику Иванову в Якутске, связано с именно тем, что он **не выполнил наказ своего воеводы**…

В течение осени 1641 – весны 1642 г. люди Зыряна, *«будучи… на той твоей, государеве, дальной службе в Ындегерском Верхнем зимовье, собрали твоего, государева, ясаку с шоромбойских и с енгинских мужиков, и под нового аманата Уянду 6 сороков 20 соболей на 150-й (1641/1642) год. А в Олюбенском, государь, зимовье собрали мы, холопи твои, с новые нашие имки аманатов с Морля и Бурулги с их роду и с улусных людей перваго ясаку 3 сорока соболей».*

Понимая, что за отказ Губарю во власти можно поплатиться если не свободой, то здоровьем, и исходя из общей сибирской формулы всепрощения за открытие новых земель, весной 1642 года, оставив в Подшиверском зимовье **Лаврентия Григорьева Кайгородца (Григорьева Лаврушку, который, согласно мирской челобитной был впоследствии Головиным «пытан»)**, а вместе с ним казну и пять человек из своего старого состава плюс пятерых людей Посника Иванова, Зырян отправился покорять Алазею и открывать Колыму. В его отряде были и **Иван Ерастов**, и **Федор Чюкичев**.

В 1643 году, когда Петр Головин более-менее разобрался с «горящими» делами, связанными с якутским восстанием 1642 года, о котором подробнее чуть позже, Дмитрию Михайловичу Зыряну Ярило было отправлено грозное письмо:

«И в нынешном же во 151-м году (1642/1643) ведомо учинилось в Якутцком остроге от янских служивых людей, что (ты,) Митька изымал нового аманата доброго и пошел с тем аманатом (с Индигирки) в ыную реку. А в Юганде реке с аманаты оставил немногих людей, а государевы де казны в Юганде реке собрано много, а вывесть ее не с ким. И ты то зделал не гораздо, што государевы казны по ся мест в Якутцкой острог не высылывал и ни о чем не писывал, и казны государевы не выслав, ноне пошел в ыную реку, и ты то все **зделал глупостью своею** или будет (или, возможно) по **воровскому изменничью научению**».

Но Зырян был далеко от якутских властей. Может быть, поэтому и отвечали за его уяндинские дела другие?

* * *

Хотя и у них самих были свои грешки, за которые можно было спросить.

Уянда тем временем готовил нападение на Подшиверское зимовье. Один из людей Посника Иванова **Прокопий Краснояр** впоследствии сообщал:

«И те, государь, иноземцы юкагири роспрашивали у аманатов, много ли де осталось служивых людей в зимовье от Дмитрея Михайлова, и есть ли у них одежа, куяки и панцыри. И аманаты им говорили: “Глупые де вы люди! Сколько де их сядет за стол ести, только де всех их и есть . А куяков-де и панцырей после Дмитрея у служивых людей не видали”. И мы, холопи твои, слышечи те речи у аманатов, что те иноземцы хотят нас, холопей твоих, побить, и казну твою получить, и аманатов отбить. А корму, государь, у нас, холопей твоих, летом упромышляли на собя, и тем кормом и аманатов кормить, по три беремени сухой рыбы на человека».

Лаврентий Григорьев не рискнул оставаться в Подшиверском зимовье. Тайно от стоявших неподалеку людей Уянды он в конце августа ночью, бросив зимовье и со всеми своими людьми, казной, кормом и аманатами, по Индигирке спустился на два дневных перехода, завернул в Юнгонду (которую теперь прочно окрестили Уяндиной рекой) и занял покинутое Уяндинское зимовье, где когда-то сидел Иван Ребров.

«И мы, холопи твои, в том в (Подшиверском) зимовье зимовать не смели, потому что корму добыли мало. А река (Индигирка), государь, велика, загородить некем, и аманатов беречь и караулить теми малыми людьми некем, и мы, холопи твои, спустились на низ по Индигирке реке з твоею государевою казною и с аманаты тайно от иноземцов ночью, — чтоб оне, иноземцы, сведав, у нас, у невеликих людей, твоей государевы казны и аманатов не отбили и над нами б, холопи твоими, никоторого дурна не учинили, — в малых в лотках бежали наспех в Уяндину в малую в сторонную речку, чтоб нам, холопам твоим, невеликим людем, такая речка по силе запереть, и чтоб нам, холопам твоим, голодною смертью не помереть и не перецынжать без свежие рыбы и твоих бы государевых аманатов прокормить до новых людей (до смены из Якутска). Да в том же, государь, во 150-м году августа в 29 день (29 августа 1642 г.) пришли мы, холопи твои, с твоею государевою казною и с аманаты в (Уяндинское) зимовье, где преж сего сидел служивой человек Иван Ребров с товарыщи, и то, государь, зимовье старое починили и острожек около косой поставили и речку, государь, заперли. И учали мы, холопи твои, рыбу промышлять».

Но Уянда не оставлял их в покое.

«Да те ж иноземцы во 151-м году учали приходить к ясачному зимовью и твоего государева ясаку приносить несполна — князец Уянда с родом своим. А выпрашивает он, Уянда, из омонатов детей своих с шорombойскими и с янгинцами мужиками».

24 декабря 1642 года было совершено нападение:

«И того ж, государь, году 151-м году на Рождество Христово собрався оне, иноземцы, со многими с воинскими людьми с шорombоинскими и с янгинцами, пришли на нас, холопей твоих, ночью войною тайным обычаем и на карауле промышленого человека Михаила Хаймина на стене убили. И в тапоры нас тот караулщик вскричал, и мы, холопи твои, учали метатца и за оружье хватать и кому что попало. И в те поры те иноземцы юкагири вломилися в ызбу и учали казенку аманатцкую ломить чтоб им ис казенки добыть аманатов, а иные многие иноземцы учали с нами битца в ызбе съемным боемъ, рукопашьем и топорами

и саблями. И в те поры я, холоп твой, Пронка, зхватал копье у иноземца и переломил ратовище и учал с ними тем ратовищем битись. На те поры меня, холопа твоего, ранили и пробили голову. И мы, холопи твои, в ызбе у иноземцов збивали шишаки и куяки костяные на них росбивали, и многих в ызбе иноземцов переранили, и трех мужиков до смерти убили. И божиею, государь, милостью и твоим царьским счастьем тех иноземцов с великою нужею из ызбы вон выбили. И в кою пору мы, холопи твои, с ыноземцы бились в ызбе, и в те поры, государь, иные те иноземцы у зимовья стену просекли с науличную сторону в казенку каменными топорами, и луки и стрели и копья аманатом подавали. И как мы, холопи твои, тех иноземцов из ызбы вон выбили и отперли, государь, казенку аманатцкую, а у аманатов, государь, луки и стрели и аткасы и копья, и нас, холопей твоих, ис казенки хотели переколоти и перестреляти. И божиею милостию и твоим царьским счастьем тех аманатов с великой нужею добыли ис казенки, потому что у них оружья много. И добыв их ис казенки, перевязали. И те, государь, иноземцы у избы двери завязяли кряжовъем, и учали оне, иноземцы, около зимовья стены рубить, и из острогу вон корм носить, и твою государеву соболиную казну учали те иноземцы добывать из онбаря. И я, холоп твой, Пронка, прорубя у дверей бойницу и убил у твоей государевы соболиной казны юкагиря ис пищали перед избою в сенех. И тех, государь, иноземцов мы, холопи твои, из острогу вон и от твоей государевы казны и от аманатов прочь отбили. А бились мы, холопи твои, с теми с ыноземцы во всю ночь до свету семью человеки».

Русские отбились, но ситуация была очень напряженной. В осаду зимовье Уянда брать не стал — вместе с русскими от голоду погибли бы и его собственные дети, и другие заложники.

Тем временем в декабре – январе 1642/43 **Дмитрий Зырян**, находящийся в это время на Алазее, точно почувствовав опасность, грозящую его товарищам, отправляет двоих служилых — **Ивана Ерастова с Поспелом Кузминым**: они должны были идти на оленных упряжках через «гору» (водораздел Алазеи и Индигирки) в Олюбенское зимовье, а оттуда — в Подшиверское зимовье на подкрепление Лаврентию Григорьеву

Зимой 1643 года Ерастов с Кузминым прибыл в Олюбенское зимовье, где их встретили оставленные там ранее Зыряном двое служилых — **Спиридон Федоров** и **Алексей Ермолин** «с олюбенскими аманаты».

Они сообщили Ерастову о том, что олюбенцы перестали платить ясак, *«потому что, государь, слышали те олюбенские мужики, что вверх индегерские и шоромбойские мужики отложились, для того что оставлен был в-Ындегерском зимовье служилой человек Лаврушка Григорьев у енгинских и у шоромбойских аманатов с невеликими людьми».*

Ерастов прекрасно говорил на юкагирском языке. И судя по дальнейшему развитию событий с Уяндой было заключено перемирие на паритетных началах: ему возвращаются сыновья и он сам со своими людьми не платит русским ясак, но открывает русским полную свободу действий и перемещений по краю, где, кроме племени янга проживают и другие племена.

Именно этим, вероятно, и объясняется причина, почему Уянда, который платил ясак Реброву и Нифантьеву, не показан в отчете Лаврентия Григорьева, который он отправил якутскому воеводе в 1644 году. Не упоминаются в этом отчете среди аманатов и дети Уянды.

Летом 1642 года **Елисей Буза**, прибыв с Яны и Омолоя, сообщает, что где-то в верховьях рек Индигирки и Яны, на реке Нероге есть серебряная гора. Это был миф. Но серебро в Сибири неустанно искали, поэтому осенью 1642 года на Индигирку был отправлен служилый человек **Григорий Кисель** с наказом для приказчика Зыряна собрать информацию об этой горе.

Ерастов, пользуясь условиями мира с Уяндой, добирается до Григорьева: *«И с теми, государь, олюбенскими аманаты пошел я, холоп твой, в стругу в Верхнее Индегерское зимовье с Спирькою Федоровым, да с Олешкою Ермолиным. И дошед, государь, я, холоп твой, до Индегерсково зимовья и учал твою, государеву, службу служить с ленскими служилыми людьми, с Лаврушею Григорьевым с товарыщи, вместе».*

Летом 1643 года в Якутске, наконец, узнали, что Зырян весной 1642 самовольно убыл с Индигирки, оставив вместо себя Григорьева. Сразу же на Индигирку отправляется отряд все того же **Кирилла Нифантьева**, захватившего в аманаты Уянду, а Григорьев со всеми людьми должен был поступить в его распоряжение и продолжать службу на Индигирке.

О Нифантьеве ходили дурные слухи. Например, Прокопий Брагин жаловался еще в конце 1630-х гг. в Якутск:

«Был я на службе на Лене реке, а с Лены мы пошли в иную дальнюю землю за море. И для ясачного сбору и толмачества купил я якутскую девку именем Мандыгу, и дал я за тое девку 100 рублев денег… А тот Елисей Буза да Корень Нифантьев встретились со мною на море и взошли ко мне на судно, и меня учали бить и увечить, а тое девку, купленную мою Мандыгу, отняли насильством, а с тою девкою взяли платья и скруты (украшения) на ней 20 рублев».

«А велено ноне быть на твое место в Юганде реке служилому человеку Кирилку Нифантьеву. А ты, будет ноне пришел в Юганду реку, и тебе б быть самому в Якутцкой острог, а служивые люди и промышленные, которые с тобою были, и тем всем велено по государеву указу быть с Кирилком Нифантьевым и с целовальники».

Весной 1644 года в Якутск из дальних мест прибыл казак Андрей Горелый, который тотчас был отправлен на смену Нифантьеву в Уяндинскую землю

Мы не знаем, что конкретно произошло в Подшиверском зимовье, когда Нифантьев изложил суть наказа, данного ему в Якутске о дальнейшей судьбе людей Лавруши Григорьева, но известно, что они ему не подчинились и, забрав ясак, отправились в Якутск:

«И того ж, государь, 152-го году (речь о весне — начале лета 1644) мы же, холопи твои, твоей, государевы, ясачной соболиной казны индегерской и олюбенской не смели задержать на Индигерской реке, а выслать той казны не с кем, потому что, государь, нас, холопей твоих, на той твоей, государеве, службе на Индегерской реке немного. И тое твою, государеву, казну вывезли мы, холопи твои, с ленским служилым человеком с Лаврушкою Григорьевым в коче морем в Ленской острог».

Они же первыми привезли в Якутск и известие об открытии Зыряном с товарищами реки Колымы:

«…152-го году шел с-Ындегерской реки ленской служилой человек Лаврушка Григорьев с товарищи за ясачной государевой соболиной казной с-Ындегерской реки и нашли

ясачных олюбенских мужиков шамана Морлева роду. А сказывал он, шаман, красноярскому казаку мне, Ивашку Родионову (Ерастову), про ленсково служилово человека про Дмитрее Михайлова, что он, Дмитрей, дошел здорово до Ковымы реки и аманатов ковымских поймал, и многих побил, и государев ясак взял. И я, Ивашко, у них спрашивал — сколько аманатов ковымских поймано. И он, шаман, сказал — и с алазейскими де всех аманатов 5 человек. А с Алазей пошло с ним, Дмитреем, 3 человека алазейских аманатов. И я, Ивашко, у нево, шамана, спрашивал — от кого ты слышал и хто тебе сказывал про Дмитрея Михайлова с товарыщи. И он, шаман, сказал: я де слышал от алазейских мужиков, а оне де, алазейские мужики, ходят по вся годы на Ковыму реку к ковымским мужиком к пешим (верхнеколымским когимцам) и к оленным (нижнеколымским омокам) в гости».

В 1644 году Ерастов вместе с **Т. Алексеевым** и **Кайгородцевым** вывезли с Индигирки на Лену собранную ими соболиную казну. Шли они с индигирского устья морем, затем Леной. Во всех этих дальних походах Ерастов и его товарищи *«холод и голод терпели, нужи и бедность принимали, и всякую скверну ели, и душу свою сквернили»*.

В конце сентября 1644 года Ерастов и Григорьев прибыли в Якутск и 29 сентября 1644 года докладывали в Якутске том, что произошло на Индигирке…

И судя по всему, батоги и пытки достались им **за самовольное оставление службы**…

Но при этом все они — и **Посник Иванов**, и **Лаврентий Григорьев Кайгородец**, и **Иван Родионович Ерастов** — остались на службе. И на это мы должны обратить ОСОБОЕ внимание.

Лаврентий Григорьев Кайгородец летом 1649 года был отправлен собирать ясак на Алазее, предварительно зимовав в Уяндинском зимовье. На Алазее он служил до 1654 года.

Бывший красноярский казак Иван Родионов Ерастов (Вельков), пришедший на Индигирку в отряде Посника Иванова Губаря — в 1648–1650 годах был приказчиком на Алазее, а в 1659–1661 — приказчиком на Колыме, откуда прибыл с богатой казной и был, как мы это уже знаем, отправлен с ней в Москву.

Втор Катаев принял в 1661 году у Ивана Ерастова, в это время уже сына боярского, дела на Колыме и сообщал:

«Да у него ж, Ивана, заехал я великого государя ясашные соболиные казны ево, Иванова, збору на нынешной на 169-й год Верхного ясачного зимовья — три сорока 29 соболей в козках с пупки и с хвосты, Середнего зимовья — 5 сороков 24 соболи, збору служилого человека Мишки Коновала, Нижного ясашного зимовья — 10 сороков 3 соболи в козках с пупки и с хвосты, збору служилого человека Лучки Алимпиева, и всего 3-х зимовей ясашного соболиного збору 19 сороков 16 соболей в козках с пупки и с хвосты. И я тот великого государя ясашной соболиной збор, досмотр я, отпустил в Якутцкой острог к тебе, государеву стольнику и воеводе Ивану Федоровичю, с ним же, сыном боярским с-Ываном Ерастовым, да служилых людей в провожатых с тою же великого государя соболиною казною послано с ним, Иваном, и торговые и промышленые люди, кои пошли, и тому имянная роспись под сею отпискою. А та великого государя соболиная ясашная казна — сороки и сумы сына боярскова Ивана Ерастова и за моей Вторковою печатьми, и той великого государя ясашной казне ясашные книги за ево, Ивановою, рукою посланы ж с ним же, Иваном».

Посник Иванов сын Губарь по мнению историков является отцом-основателем Верхневилюйского, Верхоянского и Зашиверского зимовий.

Но мы хотим обратить внимание на другое:

«Из своей же доли Постников, по обычаю того времени, как бы в благодарность за благополучный поход, пожертвовал: в “Енисейск Пресвятой Богородице” 4 ***сорока*** *25 соболей, да 5* ***пластинок*** *собольих» на сумму по настоящим ценам 3700 руб., “и на р. Выть Миколе Веслянскому Чудотворцу” 23* ***соболя непоротых*** *на сумму 920 рублей серебром».*

И закономерен вопрос: а может быть именно за эти янские и индигирские «доли» и проходили по следствию воеводы Петра Головина **Посник Иванов Губарь, Иван Родионов Ерастов и Лавруша Григорьев**?

Но продолжим наше расследование.

* * *

Катаев Втор Федоров сын. Его Головин «по 2 дни бил батоги безвинно и изувечил на смерть», «пытал без сыску».

Михаил Иванович Белов, комментируя документы о подвигах русских мореходов, по поводу Втора Катаева записал: «В биографии Катаева много пробелов».

Их, действительно, много.

Но мы нашли причину, по которой в застенках якутской тюрьмы пытали и увечили Катаева Вторыша (второго, вероятно, после брата Ивана Федоровича, ребенка в семье).

В июле 1645 года торговый человек Лука Гундоров оставил записку о выступлении ленских казаков против воеводы П.П. Головина.

Для нашего расследования эта записка особенно важна, так как она раскрывает причину наказания не одного только Втора Катаева, а сразу нескольких лиц (выделены в тексте эти имена жирным), проходящих по списку имен в «мирской челобитной».

«153-го июля в 3-й день. У казенных анбаров соболиных стояли служивые люди на карауле: **Алешка Коркун**, Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов. Тово ж числа с утра велено выдать к потписке соболи государевы. И тово ж числа извещали торговые люди стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину — у казенного де амбара лесницы нет, отнесена де под башню в ворота, а на карауле де стоит у казенных анбаров служивой человек **Алешка Коркун** один, и ево де посылали по лесницы, и он де не идет. И тово ж числа роспрашивал стольник и воевода Петр Петрович Головин того служиваго человека **Алешку Коркуна** — для чево он, Алешка, по лесницу не пошел пот башню. И **Олешка Коркун** сказал — для тово де яз, Алешка, по лесницу не пошел, один де яз на карауле, а товарыщи де мои служивые люди: Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов на карауле в тоя поры не были, розошлись по домом.

Июля ж в 4-й день стольник и воевода Петр Петрович Головин тех служивых людей карауьщиков 3-х человек: Данилка Скребычкина, Фетьку Чюкичева, Лазарка Аргунова велел добыть их денщиком Ивашку Дубову да Офоньке Медветчику, хотел им дать поученье, бить батоги, потому что приказано им, велено у казенных анбаров стоять безпрестанно 2-м человеком, а другим 2-м человеком велено быть под приказом в подклете безспрестанно для береженья и для сплошнаго времени, и для пожару.

Тово ж числа денщики, пришед, сказали — служивые де люди караульщики Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов не слушают и в приказ не идут. И после тово, помешкав, те служивые люди караульщики Данилко Скребычкин, Федька Чюкичев, Лазарко Аргунов в приказ пришли, и стольник и воевода Петр Петрович Головин велел тех караульщиков Данилка Скребычкина с товарыщи деньщиком бить батоги. И с сеней служивые люди почали говорить тем караульщиком, велели выбежать из приказу вон, и те служивые люди караульщики Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев из приказу вон выбежали. И стольник и воевода Петр Петрович Головин вышел в сени, и почал говорить служивым людем — для чево приходят шумом и служивых людей от наказанья отымают. Из служивых людей выступати пятидесятник Мартынко Васильев почал говорить: не бей де нас, не дадим де бить никово. И стольник и воевода Петр Петрович Головин хотел ево, Мартынка, зашибить рукою. И Мартынко ухватил стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди, и отпехнул от себя прочь. И тут же стоя, закрычал служивой человек тобольской **Алешка Коркун***:* не бей де нас, не бей, не дадимся де бить. И стольник де и воевода Петр Петрович Головин велел взять его, Алешку Коркуна, служивым людям. И служивые люди за нево, Алешку, не приметца нихто. И стольник и воевода Петр Петрович Головин принялся за нево, Алешку, сам. И **Олешка Коркун** принял стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди, и поволок из сеней на крыльцо, и приволок к порогу к сенному, а кличет к себе служивых людей. А служивые люди стоят на крыльце многие и тюремщики и, стоя, крычат великим шумом.

И в те поры кинулся новоприборной служивой человек Ивашко Пуляев, которой седит в приказе в подьячих, и ухватил Олешку Коркуна на пороге сенном за волосы, а другою рукою за руку, которою рукою он, Олешка, держал стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди. И он отнял у нево, Алешки, стольника и воеводу Петра Петровича Головина, он, Ивашко, из рук на сенном пороге.

А в те поры были в сенях сын боярской Иван Пильников да служивые люди: Семейка Черкашенин, енесейской служивой человек Симанко Головачев, тобольской служилой человек десятник Данилко Иванов Козица, Ивашко Сергиев; да денщики служивые люди Ивашко Дубов, Афонька Медветчик, да торговые люди: Матюшка Ворыпаев, Лучка Гундоров, гостиной сотни торговаго человека Василья записи приказчик Якунька Кокорин, печатника и думнаго диака Федора Федоровича Лихачева крестьянин Ивашко Осколков.

В тоя ж поры на крыльце на нижном и перет приказом на площаде служивые люди: Богдашко Медведко, **Алешка Коркун**, Пашко Малафиев, пятидесятник Мартынко Васильев, **тюремных поседельцов Панко Мокрошубов**, **Вторышка Катаев**, Костька Дунай, Евлампейко Шаламнин кричали великим шумом — чево де стоять, пойдем де на двор к воеводе и поемлем людей ево, и побьем, и торговых де людей Афонасья Федотова и иных торговых людей, которые ходят к воеводе к Петру Головину на двор, побьем же, а буде де досмерти не убить, ино де ноги да руки обломаем людям ево и торговым людям и за приставы пометать. А Нехорошка де Павлова из-за пристава выпустим и по тюремщиков выпустим, и за приставов отдадим. А как кричали на площади, и в те поры тут были на площади, которые приставлены у соболинаго розбору в караульщиках, служивые люди: енисейской Митька Вятка, тобольские служивые люди Гришка Табуркин, Ивашко Пиминов, березовской Васька Юрьев, енисейской Агапитко Иванов.

Записку писал торговой человек Лучка Гундоров.

Коркун Алешка Леонтьев: его «напрасно изувечил на смерть», «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»

Мокрошубов Панко: посажен в тюрьму, «велел положить на ноги колоду весом 43 фунта».

И, соответственно, Вторышка Катаев тоже…

Судя по всему, все трое получили за дело…

Любопытно другое: список имен, наказанных за это дело очень короткий — всего три имени, а в ведь «кричали великим шумом» не только эти трое.

И, главное, это тюремное наказание, опять же, никак не отразилось на их дальнейшей карьере.

В 1645 году, когда писалась «мирская челобитная», Втор Катаев в составе отряда Андрея Горелого, направленного на Инди-

гирку, на смену Нифанntьеву, подавлял восстание князца Пелевы, которые *«побили служилых людей и освободили аманатов»*.

В 1651 году Вторко служит на Колыме и из Нижнеколымского острога идет на Алазею подавлять восстание юкагиров. Затем он отправляется в Москву и появляется в Якутии только через шесть лет в чине сына боярского, сразу назначается приказчиком на Колыму (1661–1664 гг.), где вторым человеком (целовальником, оценщиком пушнины) служит впоследствии его брат **Иван Федорович Катаев** в 1665–1668 годах — крупный торговец пушниной.

То есть повторяется история с семейным бизнесом братьев Ванюковх: один служит, добывая пушнину, другой ее сбывает.

Но наказан он все-таки не за это, не за свой законный «бизнес» — а за подстрекательство к непослушанию.

Пантелеймон (Панфила, Памфила) Федоров сын Мокрошубов, в чине пятидесятника, в 1651 году служил на Алазее и это его пришел выручать Втор Катаев.

Согласно явочной челобитной якутского служилого человека **Леонтия Федотова**, посланного на Индигирку, Пантелеймон Мокрошубов не хотел идти *«на Алазейку реку, распустил служилых людей, заменив их промышленными и торговыми людьми, «отторговывал» иноземцев прежде сбора ясака»*. В итоге, по сообщению самого Мокрошубова, на Алезее случилась «шатость», и юкагиры убили *«на промыслех промышленных людей и служилых в ясачном зимовье 15 человек»*.

Казаки взяли штурмом большой укрепленный юкагирский острожек и подавили эту «шатость».

«Катаев пошел против изменников из Алазейского ясачного зимовья вверх по реке Алазее и наконец отыскал юкагиров: живут в большом острожке человек с 200 больших мужиков, которые луком владеют, кроме подростков, олени все собраны в том же острожке. Русские поставили своих два острожка, один в 40, а другой в 20 саженях от юкагирского. Началась стрельба с обеих сторон: где юкагиры ранят, там русские бьют до смерти; потом русские сделали шесть щитов, выкатили их и начали приготовляться идти за ними на юкагирский острожек. Дикари испугались, увидали, что им не отсидеться, и начали кричать: “Не убивайте нас, мы дадим аманатов и государев ясак станем платить, а теперь у нас соболей нет, этою осенью мы не промышляли, боялись вас, козаков, жили

все в острожке”. Русские остановились и взяли в аманаты лучших князьков».

* * *

Стадухин Мишка. Служивый, в ноябре 1645 года с восемью сороками ясака «пришел с новой Ковыми реки», **«посажен за приставы и морен голодом».** Кроме того, были изъяты четыре сорока (сто шестьдесят штук) лично принадлежащих Стадухину соболиных шкурок.

Да, это правда — в якутской тюрьме оказался и Михаил Стадухин — один из самых известных землепроходцев того времени, который возвратился в Якутск с Колымы с богатой добычей. У него же отняли и собственный трофей, а самого взяли под арест.

Дело в том, что согласно наказаной памяти Стадухин должен был служить на реке Оймякон. Вот список его отряда: **Ондрюшка Шестаков**, **Мишка Коновал**, **Гришка Фофанов**, **Семенка Дежнев**, **Вавилко Леонтьев**, **Фторко Гаврилов**, **Сергейко Артемьев**, **Ондрюшка Иванов**, **Бориско Прокофьев**, **Ромашка Немчин**, **Федька Федоров**, **Андрей Горелый**.

Но Стадухин с частью своих товарищей, точно также, как и Дмитрий Зырян Ярило, полагая, что за открытие новых земель спишут с него любой грех, покинул свой пост, не видя на Оймяконе никаких перспектив для себя и своих товарищей: пустынная тундра, жуткий холод, и никакой живности — ни людей, ни зверей…

Стадухин — фигура в сибирской истории довольно любопытная. Как и многие сибиряки, он прибыл сюда с Русского Севера — с Пинежья.

Но в отличие от коренных пинежан, посадских, торговых людей, либо крестьян, он был сыном ссыльного запорожского казака Стодухи, что во многом объясняет и его непокладистый характер, и вызывающую манеру поведения, и разбойную лихость.

Как у Ванюковых, у Катаевых, у Хабаровых, так и у Стадухиных в Сибири тоже был семейный торговый бизнес.

Вместе с ним в Сибирь пришли и два его брата — **Тарас и Герасим Васильевы, а также и сын Яков.** Как сообщает М.И. Белов: *«Вместе с приказчиком купца Василия Федотова, Михаилом Стахеевым Гусельниковым, Стадухины вели крупную торговлю на северо-востоке Сибири. Так, на имя Михаила Стадухина под 1643 годом в Ленской таможне записана крупная торговая сделка на сумму 296 рублей 4 алтына».*

Странно как-то — официально Стадухин пришел в Якутск в ноябре 1645 года, а сделка оформлена двумя годами ранее, когда он был еще на Колыме.

Воевода Петр Головин в наказной памяти Дмитрию Зыряну высказался очень конкретно в адрес Стадухина:

«А будет ты, Митька, учнешь делать по **изменничью Матвееву и Еуфимьеву наученью** (имеются в виду заместители Петра Петровича, утратившие доверие воеводы. — *С.В.*), и зделаешь так же, что и Мишка Стадухин с **Емокона без указу пошел**, а по нем была, по Мишке, взята порушная запись, что было ему стать в Якутцком остроге с Емокон. А он, Мишка, воровством своим, забыв порушную запись, в Якутцкой острог не бывал, и то знатно, что Мишка Стадухин **зделал так по их же воровскому научению**. А будет ты тако ж учнешь делать, и вскоре в Якутцкой острог про все подлинно не отпишешь, и казны государевы, что у тебя в той реке собрано, не пришлешь, … тебе за то по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу **быть в смертной казни**.

А коли будет Мишка Стадухин у тебе ноне в новой реке, тебе б Мишку дать на поруки з записью и прислать в Якутцкой острог за поруками. А будет поруки по нем, Мишке, не будет, тебе б ево, **сковав,** прислать в Юганду реку к служивому человеку к Кирилку Нифантьеву, А будет ты ево, Мишку, не пришлешь, тебе за то быть в жестоком наказанье».

Из этого наказа следует два вывода: во-первых, Петр Головин негодует на то, что Стадухин пошел «без указу», а во-вторых — это было сделано «по изменничью Матвееву и Еуфимьеву наученью».

Следуя первому выводу, логику Михаила Васильевича Стадухина можно понять — он спешил снять «сливки», пока на заветные соболиные, еще никому не известные, реки не пришли ДРУГИЕ. А победителя, как известно, не судят…

Он спешил, как и Ярило, без всякого «воровского научения», а по собственной жадности и воровской лихости застолбить свое место и роль первооткрывателя.

И судьба свела оба их отряда в устье реки Колымы

15 июля 1643 года русские люди впервые высадились на Колыме. Вот их собственноручное сообщение.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси биют челом холопи твои государевы ленские служилые люди **Мишка Стадухин, Митька Михайлов Ярило, Фторко Гаврилов, Онисимко Иванов, Гришка Фофанов, Завьялко Сидоров, Семейка Дежнев, Макарко Тверяков, Мишка Савин Коновал, Мокейко Игнатьев, Сергейко Ортемьев, да томской служивой человек Ромашка Иванов Немчин, Ивашко Беляна, Семейка Мотора, енисейской служивой человек Поспелко Козьмин, красноярской служивой человек Бориско Прокофьев, да сироты твои государевы, промышленые люди Ивашко Гаврилов Куклин, Сысойко Васильев, Ульянко Карпов, Ивашко Павлов, Офонько Якимов, Ивашко Собуров, Федька Федоров**.

В прошлом государь во 151-м (1643) году июля в 8 день сошлися мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, на море и сложилися мы, служивые люди и промышленые люди, Мишка Стадухин с товарищи да Митька Михайлов Ерило с товарищи вместе за един, чтоб нам, холопем твоим государевым, служити всякая твоя государева служба вместе за един человек ити нам на новую реку на Ковыму к новым людям неясашным к оленным людям и к пешим сидячим людям и призывать их к государеву жалованью и ясаку с них прошать. И как мы, холопи твои государевы, пришли на ту новую реку Ковыму к тем неясашным людям к оленным июля в 15 день к оленным князцам Пантели и Коралю и учали мы, холопи твои государевы, тех князцей призывать к государеву жалованью и учали им сказывать про твое государево величество, чтобы те князци давали с собя ясак великому государю и со всеми своими улусными людьми давали бы государю ясак и впредь бы те иноземци были под государевою высокою рукою, были бы оне в вечном холопстве, и те неясашные оленные люди и те князци Пантели и Коралю с своими улусными людьми учинилися сильны и не послушны и не покорны и ясаку с себя и с улусных людей не дали, а с нами служивыми людьми стали дратися. А собранье было у них большее. А дралися мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, с теми иноземци день до вечера. А те князци Пантели и Каралю говорят нам: как де вы с нас ясаку прошаете, а землица та наша, а владеем де мы, а вас де мы и на берег не выпустим. И те нас оленные

люди провожали в лотках три дни нас холопей твоих государевых и[з] своих житейских мест. А берегу нам, холопем твоим государевым, не дали, потому что их добре много. А дралися мы с ним[и] в стругах. А на той драки томской служивой человек Рамашка Немчин убил доброво улусново мужика, Макарко Тверяков убил мужика, Бориска Прокофьева ранили в правую руку, Ивашка Собурова ранили. И пошли мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, в верх по Ковыме реке к пешим сидячим людям. И июля в 25 день пришли мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, к пешим сидячим людям князцу Олаю. И мы, холопи твои государевы, учали того князца Олая призывать к твоему государеву жалованью со всем его родом и с улусными людьми и учали с него прошати, государь, государева ясаку и тот Алай князец своими братьями и улусными людьми сел в острожек и учинилися сильны и непослушны: и ясаку де вам государева не дам потому что де то землица наша и люди те мои. И мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, прося у бога милости и стали над ними промышлять и к острожку приступать и Олая князца и з братьями и с улусными его людьми в острожке осадили и божиею милостию и твоим государевым счастьем того князца Олая из острожку вон выбили. И тот Олай своими братьями и с улусными людьми пошел на пролом. А на том проломе брата ево родново убил ленской служивой человек Семейка Дежнев, а лутшево Олаева сына отбили и схватали его жива служивые люди Митька Михайлов, да Фторко Гаврилов, да Гришка Фофанов, да Онисимко Иванов. И стал тот Олай своими людьми сына своего выручать и промышленой человек Ивашко Куклин убил мужика Олаева дядю, Сергейка Артемьева ранили в правую ногу в колено, Сысойка Васильева ранили в правую ногу в стегно, Офоньку Чюхчю ранили по поясу в левую сторону, Поспелко Козьмин мужика улуснова убил, Ивашка Беляна мужика убил, Мокейка Игнатьева ранили в правую руку, Ивашко Павлов мужика убил. И после того приступу как мы, холопи твои государевы и сироты твои государевы, приступали к Олаеву острожку июля в 30 день пришел к нам, холопем твои государевы[м], тот князец Олай и стал нам говорити: не убейте вы моего сына, а я де стану государевы[м] ясаком промышляти, стану де я государю ясак платити по вся годы. И

мы, холопи твои государевы, на ево Олаевых житьях поставили острожек; Алаева сына посадили в омонаты. И в нынешнем, государь, в 152 году генваря в 28 день пришел тот Алай со своими братьями и родниками и ясак великому государю дали с себя и своих родников. И мы, холопи твои государевы, учали тому князцу Олаю сказывать про твое государево величество и твое государево жаловальное слово, чтобы тот Алай с своими братьями и улусными людьми был покорен и послушен и под твоею государевою высокою рукою был бы он в вечном холопстве, иных бы он, Алай, князцей призывал. И мы, холопи твои государевы, дали тому Олаю государево жалованье и тот Алай принял то государево жалованье чесно, а нашию тою говори послушал, что мы, холопи твои государевы, сказывали про твое государево величество. И пошел он, Олай, по Ковыме реке вверх к лутшим князцам, к Нечи, да к брату Нечину к родному, Каляне. И февраля в 28 день пришел тот Алай с теми верховскими князци, с Нечею да з братом ево Каляною, к нам, холопем твоим государевым, к острожку. И пришед тот Неча з братом своим Каляною и стал нам, холопем твоим государевым, говорити негораздо и учел нас бранити всякой неподобной бранью. А говорил тот Неча з братом своим нам, холопям твоим государевым: пошто де вы в нашу землицу пришли, а у нас де вы не спрашиваяся острог ставите. И мы, холопи твои государевы, учели тому Нечи и брату ево Каляне сказывати про твое государево величество и ясаку с них стали прошать и тот Неча з братом своим Каляною стал нам говорити: какой де вам с нас ясак, мы де землицею владеем издеся, а мы де вам издеся не токмо де вам не дадим ясак и мы де вам не дадим ис Ковыми реки и воды пити и в лес де вас по дрова не выпустим, а мы де хотим и вас к себе похолопить в своей земли. И мы, холопи твои государевы, прося у бога милости, из острожку вон с ними дратися с тем Нечею да з братом ево Каляною и божею милостию и государевым счастьем на той драки Семейка Мотора убил мужика, да промышленой человек Ульянко Карпов убил мужика и того Нечина родново брата служивые люди схватали да промышленой человек, — схватали Мишка Стадухин, да Мишка Коновал, да Федька Федоров Нечина брата схватали жива. И на той схватке ранили служивых людей Завьялка Сидорова в груди, да Мишку Стадухина ранили над тем Каля-

ною Нечиным братом в груди, да Мишку Коновала ранили в ногу. И марта в 1 день пришел тот Неча после драки и дал государева ясаку двацать соболей и учал нам, холопем твоим государевым, говорити: не убейте вы моего брата Каляны, а я стану великому государю платити ясак по вся годы безотступно и со всеми своими родниками и улусными людьми и впредь де я стану великому государю прямить и радеть и стану де я, Неча, иных князцей призывать к государеву жалованью и с ясаком.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси пожалуй нас, холопей своих государевых, а в службе в нашей что ты, государь царь, укажешь. Царь государь смилуйся и пожалуй».

* * *

Что же касается второго вывода, то начнем, пожалуй, от противного: есть интересное мнение Льва Михайловича Демина (в его книге «Семен Дежнев»):

«Связи с богатым купечеством обеспечивали Стадухиным также связи с властями. Михайло пользовался расположением воеводы Петра Головина. Он выезжал встречать его и второго воеводу, Глебова на Ленский волок и там оказал Головину некоторые услуги, а в дальнейшем выступал с наветами против его недругов. Это угодничество Стадухина главный воевода смог оценить. Михайло, как и Василий Поярков, оказался в числе тех немногих людей, которые составляли опору Головина и встречали с его стороны благоволение. «Воевода был неровен в обращении — одним он покровительствовал, других притеснял, — писал М.И. Белов. — Михаил Стадухин, племянник московского купца Василия Гусельникова, пришелся ему по нраву. Влиятельный казак мог ему пригодиться в борьбе с завистниками и врагами». Назначение Стадухина командиром отряда можно объяснить расположением к нему всесильного воеводы, заинтересованного в поддержке со стороны стадухинской семьи. Поддержка влиятельного воеводы убеждала Михайла в возможности действовать безнаказанно, не считаясь с интересами своих подчиненных. Властолюбивый воевода-деспот, благоволивший ему, подавал ему пример своим поведением».

С этим выводом можно поспорить. Собственно, это мы и делаем, анализируя причины ареста, пыток и наказания тех лиц, о которых сообщается в мировой челобитной.

И пока мы видим, что «зверствовал» воевода Головин не просто так…

Он никому не прощал двух вещей.

Своекорыстия. Как с бандой Ходырева-Хабарова.

И своеволия. Когда не исполнялись его наказы.

* * *

И вот пример. Одной из наиболее значимых фигур в окружении воеводы был **казанец письменный голова Бахтеяров (Бухтияров) Еналий**, который также был посажен Головиным в тюрьму.

Еналий Леонтьевич, судя по запасам, которые он вез с собой, отправлялся в Сибирь «на пикник»: *«У Еналея Бухтеярова двесте ведр вина, сорок пуд меду, сто полот мяса, сорок ведр уксусу, сто чети муки ржаные, пятдесят мехов сухарей, дватцать чети круп, пятдесят чети солоду».*

А когда Петр Головин поручил ему ответственное задание отыскать путь на Шилку, с которым Бахтеяров не справился, то вывод воеводы был категоричен: *«И Писмяной Голова Еналей Бахтеяров **воровством своим** Государевым делом не радел, на Шилку реку не пошел, а воротился назад в Якутцкой острог».*

За что и угодил вместе со всей своей семьей в тюрьму.

Красноярский писатель Владимир Бахмутов предполагает, что такая же участь ожидала и другого письменного голову Василия Пояркова, который бездарно, безжалостно и бесчеловечно потерял на Амуре большую часть своих людей, доведя их до скотского состояния, когда они вынуждены были есть человеческую мертвечину:

«В 1646 году вернулся из похода на Амур письменный голова Василий Поярков. Пишут, что воеводу Головина он в Якутске уже не застал. Это тоже не соответствует действительности. Петр Головин был в это время в Якутске, и именно перед ним Пояркову пришлось держать ответ за результаты экспедиции.

Как и Еналей Бахтияров серебра он не нашел. Более того, потеряв большую часть своих людей на Зее, он даже не рискнул выйти на Шилку к даурскому князю Лавкаю, — стал спускаться вниз по Амуру, в надежде вернуться в Якутск через Охотское море. Это ему удалось, как удалось собрать и немалую меховую казну, — 12 сороков соболей и 6 шуб собольих. Из ушедших с ним в поход 130 человек в Якутск вернулись лишь 33.

Детали этого разбирательства неизвестны. Но, судя по всему, Головин не простил Пояркову невыполнения главной задачи, — поиска серебра. Не послужили ему оправданием ни трудности похода, ни собранный ясак, ни захваченные им пленники, ни без сомнения важные новые сведения об Амуре. Главной задачи он не выполнил. Как и Еналея Бахтиярова, Головин отправил Пояркова в тюрьму».

К сожалению, я не нашел фактов, подтверждающих правоту В. Бахмутова. А хотелось бы…

* * *

Любимый мой писатель Сергей Марков в книге «Подвиг Семена Дежнева» дает воеводе Головину самую уничижительную характеристику:

«Головин занимался темными делами: «поворачивал» к себе государевых соболей, за якутами ложно числил недоимки, а служилых обвинял в недоборе ясака. Чтобы скрыть всякие следы содеянного, Головин стал свозить в Якутск «лучших мужиков» — якутов, пытать их и вырывать от них наговорные речи на казаков и служилых. Потом Головин повесил «лучших якутских людей» и начал расправу со служилыми. От его батогов в первую очередь пострадали такие знаменитые люди, как Парфен Ходырев, Шалам Иванов, Ярофей Хабаров, Семен Шелковников, Еналей Бахтеяров».

Имени Семена Шелковникова нет в «мирской челобитной», но в Грамоте ленским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу прямо говорится о том, что тобольский казак Семен Шелковников вместе с березовским пятидесятником Мартынкой Васильевым «пытаны и находятся в тюрьме». Последнего имени также нет в мирской челобитной. Вместе с Головиным пришел на Лену Шелковник Семейка Федоров, тобольский казак станицы Якова Елизарьева, а не Семен Андреев Шелковников, первый приказчик Охотского острога в 1646 году, которого имел в виду Сергей Марков.

Именно в 1646 году пути двух Семенов Шелковниковых разошлись в разные стороны:

Тобольский казак *«Семейка Шелковник в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».*

Мы не знаем в чем провинился тобольчанин Шелковников, отпущенный после этого в Москву, но о березовском (находящемся прежде на службе в Мангазее) пятидесятнике Васильеве в исторической литературе информация есть:

«Васильев Мартын — казачий пятидесятник, служивший в устье р. Енисей. В 1630 вместе с 30 казаками был послан «для приискновых землиц» и серебряной руды и, таким образом, совершил первый известный нам поход русских сев. путем с Енисея на р. Лена. От "Новой Мангазеи" отряд поднялся по р. Нижняя Тунгуска до того места, где она сближается с р. Чона, спустился вниз по Чоне до р. Вилюй, а по нему — до Лены. Путь русских проходил через р-ны, заселенные эвенками, и лишь в низовьях Вилюя они встретили первых оседлых якутов и кочевников — долган. Затем В. поднялся по Лене до ее сред. течения. Он обнаружил, что Лена в этой части населена гуще, чем известные уже русским р-ны по Енисею, и что сил у него недостаточно, чтобы покорить якутов. Тогда они дошли до устья р. Куленга, поставили "острожок в десять печатных сажен длиною и в девять шириною, укрепили рвом, надолбами, и оттуда посылали к тунгусам собирать ясак". В. все же удалось кое-как обложить их ясаком: он повез с собой в Москву для цар. казны больше 200 соболей и там обещал привести ленских якутов "под высокую царскую руку", если ему дадут еще 40 чел. ***Тогда же на В. начали поступать доносы, будто для себя и своих товарищей он утаил более 300 соболей».***

Мартын Васильев не был допущен к руководству новым походом – его возглавил Степан Корытов.

Но судя по тому, что Мартын позже оказался в якутской тюрьме, ему все-таки удалось попасть на Лену. Возможно, и в этом эпизоде якутской истории речь идет о нем:

«Продвижение якутских воевод к Лене совпало с возвращением с Витима экспедиции Максима Перфильева. Головин подробно расспросил его о путях к Шилке (Шилкару). Перфильев, считавший причиной неудачи похода недостаток продовольствия и снаряжения, предоставил Головину полный отчет о походе, который тот отослал в Сибирский приказ.

Для сбора более точной информации и поиска подхода к Шилкаре Головин, еще не доходя до Якутска, отправил в тот район несколько разведывательных отрядов. Одному из них, состоявшему из 50 служилых людей во главе с ***казачьим пятидесятником Максимом Васильевым и десятником Аксеном Аникеевым*** *поручалось выяснить наличие «сухого» пути на Шилкару со стороны Лены или Байкала, как далеко от Байкала находится эта*

река и куда она впадает; насколько далеко расположен улус князца Лавкая, и на каком расстоянии от него находятся места добычи серебряной и медной руды, какой родится в тех местах хлеб.

Итоги этой экспедиции неизвестны. Она или погибла, или документы о результатах этого похода еще не найдены в архивах».

Или ее результаты оказались столь же неудачны, как и у Бахтеярова, за что Мартын (или Максим) Васильев и оказался на самом деле в тюрьме.

Но в 1651 году и он продолжал службу в Якутске в том же чине пятидесятника.

Как и Семейка Шелковников (если в тюрьме был он).

Весной 1647 года отряд Шелковникова из сорока человек (**Алексей Филипов**, **Иван Афонасьев**, **Ждан Власов**, **Фома Федоров**, **Конан Ларионов**, **Федор Яковлев**, **Иван Савин**, **Андрей Иванов да Нил Володимеров** с товарищами) вышел на устье реки Ульи, откуда пришел в Якутск отряд томского казака Ивана Москвитина, а затем и амурский отряд письменного головы Василия Пояркова.

Здесь отряд Шелковника соединился с казаками, оставленными В. Поярковым.

*«23 мая объединенный отряд прибыл к устью р. Охоты. Разбив местных ламутов, русские в конце июня 1647 г. в трех верстах выше устья реки на берегу протоки Амунки поставили зимовье. Вероятно, оно имело типичный для зимовьев того времени вид: срубы с плоской крышей и, возможно, с нагороднями. К 1649 г. казаки под руководством **Ивана Афанасьева** «круг зимовья поставили косой острог», т. е. окружили его частоколом из заостренных бревен. С этого времени поселение стало официально именоваться Косой острожек* (А. Зуев).

Вскоре Иван Афанасьев принял командование в связи с тем, что десятник Семен Андреев сын Шелковник в 1648 году умер. Возможно, от полученных в результате военных стучек с ламутами ран.

* * *

То есть, изучая историю колонизации Якутии, мы вольно-невольно, касаемся списка имен людей, пытанных, битых, увеченных по приказу воеводы Петра Головина.

Это же касается и пятидесятника **Шаламки Иванова, которого воевода «пытал без сыску»,** а к его имени тоже можно

было бы добавить несколько фамилий, которые, вполне могли соседствовать (а некоторые и соседствовали) в списке имен, которые упоминаются в «мировой челобитной», как жертвы произвола Головина.

Петр Петрович Головин оставался в Якутске до 1648 года, до тех пор, пока шло расследование по делу Ходырева (в частности, по извету Борогонского князца Ижима на сына боярского П. Ходырева и толмача Кузьки Туркина, говоривших, что П.Головин «приехал якутов и их скот переписать, а затем якутов перебить, а скот разделить», что и явилось основной причиной якутского восстания), которое он начал и не закончил. Теперь этим делом занимались новые воеводы — В.Н. Пушкин и К.О. Супонев, но Головин продолжал играть активную роль в жизни воеводства.

21 июня 1647 г. служилые люди — четыре сына боярских, пять пятидесятников, в том числе **Иван Реткин** и **Шалам Иванов**, все десятники и рядовые стрельцы и казаки Якутского острога обратились с повторной челобитной к царю по поводу того, что воевода Головин одну треть жалованья семейных казаков не выдавал им на руки сразу, как холостым казакам, а оставлял для нужд семьи, когда супруг и отец находился на дальней службе.

Вполне возможно, что лица, которые мы сейчас перечислим, проходили по делу, связанному с первой челобитной, написанной еще во время воеводства Петра Петровича и, по всей видимости, вызвала его гнев, спровоцировавший казаков на «шум» и «драку», как и в случае с наказанием **Вторки Катаева**, **Олешки Коркуна** и **Панки Мокрошубова.**

Из сообщения Пушкина-Супонева в Москву:

«И сверх, государь, того своего челобитья говорили нам, холопем твоим, большим шумом, а иные, государь, из них, служилых ж людей, **пятидесятник Шаламко Иванов да десятники: Васька Бугор, Симанко Головачев, Евсевейка Павлов да рядовые казаки: Ерофейко Киселев, Филька Мартынов, Пашко Кокоулин, Ивашко Пуляев, Федотко Салдат, Ивашко Микитин** говорили и невежливо с отказом, а сказали что де, государь, они ныне бедны и разорены от Петра Головина. Которые де, государь, по указу отца твоего, государева, блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии старые стрельцы и казаки по наряду ис Тобольска при-

шли с Петром Головиным с товарыщи на Лену, и он де, Петр, учиня с товарыщи своими недружбу и рознь, их, служилых людей, раззорил многих внапрасне, пытал и кнутьем бил, и огнем жог без вины, и в тюрьмах морил года по 2 и по 3 и больши. А твоево де, государева, денежного и хлебного жалованья по окладу не давал, а в их место верстал ис промышленных людей в полные оклады. Да им же де, государь, служилым людем, выворотных, у которых по две трети их окладов, давал только твоево, государева, хлебного жалованья тобольским меньшей статьи по штинатцати пуд по 30 по 3 гривенки безо штинатцати золотников. А в твои, государевы, указные чети по 4 чети без третника муки ржаной и ржи, а круп и толокна по 2 пуда по 20 по 7-ми гривенок без трети гривенки на год. И за тем де, государь, им за своею бедностью и за недостаточным выворотными хлебными запасы, что им не додают против окладов хлебных запасов, а круп и толокна и не давывано, и от того им всякая нужа и голод, и нагота, и босота, и ныне де, государь, той твоей, государевы, службы им, служилым людем, служить не за чем».

«Подав челобитную, служилые люди Якутского острога пришли к воеводам в съезжую избу с большим "шумом" и "говорили невежливо" и жаловались на воеводу Петра Головина. Зачинщиками **были пятидесятник Шаламко Иванов, десятники Василий Бугор, Семен Головачев, Евсевий Павлов и рядовые казаки: Ярофей Киселев** (пытали "без сыску". — *С.В.*)**, Филипп Мартынов, Павел Кокоулин, Иван Пуляев, Федот Солдат, Иван Микитин.** Жаловались на разорение от воеводы Петра Головина, на неправильное, по мнению челобитчиков, удержание $^{1}/_{3}$ жалованья у семейных. Служилые оказали неповиновение и заявили, что пока не дадут полного жалованья и не только мукою, но и крупою и толокном, то на посылки для ясачного сбора пойдет только половина служилых людей Якутского острога, а другая половина останется в нем, дожидаясь царского указа об удовлетворении челобитной.

После того как челобитье было подано (1 июля 1647 г.), часть служилых людей во главе с Реткиным, Ивановым, Бугром и другими и ссыльный человек Семенов, забрав ружья, бежали вниз по Лене. В погоню было послано 2 сына боярских, пятидесятник, два десятника и 20 служилых "в легких стругах" и берегом на конях, чтобы уговаривать бежавших и торопить их назад в Якутский острог. Но бежавшие отказались вернуться. Кроме служилых людей, бежали еще и промышленные, в кочe и лодках, всего бежавших было более 50 человек. Среди оставшихся началось "непослушание великое". Далее воеводы сообщают, что еще задолго ("по многое время") до побега служилые люди требовали отпустить их без царского указа в Новую Землю — в Анадауры, которую проведали письменный голова Василий Поярков, и в новую же землю морем на две реки — на Ковыму да на Погычу. В прежнее ясачное зимовье, где ясак собирается, служилые отказались итти, а кроме того, шесть "выворотчиков" бежали из Верхоленского брацкого острожка с Ленского Илимского волока в Енисейский острог.

На 1648 г, воеводы дали полное жалованье без "выворота" и запросили царя, как платить жалованье дальше. Ответ Сибирского приказа гласил: служилых людей всякими мерами уговаривать. Женатым давать $^{2}/_{3}$ оклада, а треть — семьям».

Москва признала суровую правоту решения Головина — **нельзя было оставлять казачьи семьи без еды и других средств к существованию**.

Но требование жалованья, которое на самом деле не играло в жизни якутского казачества НИКАКОЙ РОЛИ — 5 рублей годового жалованья рядового пешего казака против 40 рублей за шкурку одного соболя — было всего лишь отговоркой: на самом деле казаки требовали ВОЛЬНИЦЫ: отправиться в те места, не имея на то воеводского наказа, где еще не был истреблен СОБОЛЬ.

И хотя жалованье было выплачено казакам сполна, удержать их в Якутске было невозможно:

> *«В отписке якутских воевод В.Н. Пушкина и К.О. Супонева в Сибирский приказ приказу сообщается, что 1 июля 1647 г. из Якутского острога бежали взбунтовавшиеся служилые люди: 2 пятидесятника — **Иван Реткин** и **Шалам Иванов**, 2 десятника — **Василий Бугор** и **Семен Головачов** и 18 рядовых. Все они, как выясняется из других документов, бежали в 1647 г. 1 июля «на новую Погычу реку», т. е. на Анадырь, и там присоединились к Дежневу, Стадухину или Моторе. Их имена постоянно фигурируют в летописях Анадырского острога, и мы назовем имена этих людей, в большинстве своем близких к Дежневу, однако не участвовавших в его знаменитом морском походе. Вот эти лю-*

ди: ***Ярофей Киселев, Иван Пуляев, Павел Кокоулин, Евсевий Павлов, Григорий Онтонов, Филипп Мартынов, Гавриил Фролов, Ортемий Федотов (Солдат), Василий Щукин, Иван Пушкарев, Иван Южак, Иван Яковлев, Григорий Вахромеев, Иван Пенега, Архип Аршин, Василий Вилюй, Парфен Григорьев, Максим Тотменин*** *и ссыльной человек* ***Мокей Семенов,*** *которого по царскому указу велено было устроить на Лене на пашню».*

А вот и подробности:

«Спускаясь вниз по Лене, ватага беглых грабила служилых, промышленных и ясачных людей. Повстречав дощаники с казаками, возвращавшимися с Алдана, беглецы обобрали с них паруса и снасти. У ясачных людей они отбирали имущество, коров, рыболовные сети, собак, "чем соболи промышлять". Так что в тех местах, где проходила ватага Бугра, у местных жителей остановился соболиный промысел, и они перестали вносить в казну ясак.

Около Жиган ватага встретила коч Матвея Акинфиева и Тихона Колупаева, казанских торговых людей, плывших с покрученикам и товарами. Беглецы забрали судно со всеми товарами и имуществом, принадлежавшими как хозяевам, так и их покрученикам и оцененным в сумму более чем в 1200 рублей. Так ватага Бугра из группы людей, выражавших социальный протест против несправедливости, превратилась в разбойную ватагу, промышлявшую грабежами.

Из ленского устья Бугор с сообщниками, располагая двумя хорошо снаряженными кочами, с большим запасом съестного и всяких товаров, необходимых для торгового обмена с аборигенами, вышли в океан и направились на восток.

Реакция Сибирского приказа на отписку воеводы В. Пушкина о случившемся была сравнительно мягкой, как будто произошло самое заурядное, обыденное происшествие — "Отписать в якутский острог — будет те казаки вперед объявятся, и про то роспросить, и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску, взятое без прибавки доправя на них, отдати истцам". Мы видим, что власти подходили к делу как к обычному случаю ограбления частных лиц казаками. На сам факт бегства с государевой службы внимание не акцентировалось, а лишь предлагалось "роспросить" беглецов, если те объявятся. Очевидно, центральные власти не хотели раздражать суровыми репрессиями служилых людей далекого края, считаясь с суровыми условиями их службы и постоянной нехваткой людей в Якутии» (Л.М. Демин, «Семен Дежнев»).

Шалам Иванов вместе с Василием Бугром добрался до Анадырского острога, где примкнул к отряду Семена Дежнева. Шалам был смертельно ранен в схватке с ходынцами на вершине Анюя весной 1651 года.

Судьба Ивана Реткина не ясна: в 1647 году произошло назначение ленского казака Ивана Кожина в пятидесятники вместо выбылого Ивана Реткина. А также известно то, что беглые служилые ограбили его самого в Жиганах — вероятно, он отказался следовать вместе с грабителями.

У бывшего казачьего десятника, а теперь беглого **Ярофейки (Ярки) Дмитриева Киселева (который был пытан П. Головиным «без сыску»**) тоже произошел конфликт с бывшими своими «коллегами» на Анадыре в 1650 году:

«Да в нынешном же, во 158-м году декабря в 26 день пришел с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижное ясашное зимовье и, собрав всех служывых и торговых и промышленых людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров Ярафейка Киселева да Ивашка Пуляева с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришел к нашим зимовьям, и служывые люди Пашко Кокоулин, Артюшка Федотов Салдат [с] служивыми и с промышленымы людьми того вора Ярафейка Киселева взяли и, связав, отвели в ясашное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселева, крепине держать в ясашном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с-ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясашново зимовья убежал. А тот Михайло с теми беглыми служывыми людьми его, Ярка Киселева, ночью по слову, укарауля, свели к себе в зимовье. И учали те служывые люди Михайло Стадухин [с] служывыми и с промышленымы людьми, и те беглые служывые люди Васька Бугор с товарищы на нас, холопей и сирот твоих, учали приметыватца всякими мерами бездельно и подают торго-

вым и промышленым людем на нас челобитные изветные, описываютца. А ставят оне затейной извет свой впредь себе в поправку и угрожают нам, а хотят, дорогою идучи и на месте, где бог велит быть, в ясашных и не в ясашных людех запасы и оружье, и собаки хотят сильно имать, чтоб нам, холопям и сиротам государевым, та государева служба за... жыт и между б нами рознь учинить. Да в нынешнем во 158 году ноября в 8 день он, Михайло, нашел полчанина промышленого человека Матюшку Кальина у себя на дому, бил неведомо за что напрасно. Да февраля в 10 день он же, Михайло, з беглыми служывыми людьми с Ярафейком Киселевым нашего ж полчанина промышленого ж человека Кирилка Проклова бил неведомо за что напрасно ж и ясыря у него сильно взял».

Видимо не случайно подобрал Михаил Стадухин Ярофейку Киселева — он был ему под стать... А итог: *«...ходили в поход, и те Тунгусы подсмотрели нас, розбежались, а как мы пошли назад и те Тунгусы на дороге запали, убили у нас служилого человека Ярофея Киселева»*, — писал в своей «Отписке» о пребывании на реках Анадырь, Аклан, Изиг и Тавуй десятник Михаил Стадухин.

* * *

Этот список упомянутых в челобитной лиц был бы гораздо более полным, если бы Петр Петрович Головин не сделал упреждающее действие — не выгнал из Якутского острога значительную часть енисейских казаков, начиная с **десятников Василия Бугра и Оськи Семенова** которые обжились здесь со времен атамана Ивана Галкина, предоставившего им право свободы действий...

Во времена Пушкина-Супонева в Москву пошла бумага со следующим содержанием:

«В прошлых де, государь, годех в розных посылках посланы они были из Енисейского острогу на твою, государеву, службу на великую реку Лену для приводу под твою, государеву, царскую высокую руку новых немирных землиц и для твоего, государева, ясачного сбору с енисейскими детьми боярскими с Петром Бекетовым и с Парфеном Ходыревым да с атаманом с Осипом Галкиным. И как де по твоему, государеву, указу пришли на великую реку Лену стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи, и они де служилые люди, 30 человек, отданы были Петру Головину с товарыщи на Лене к

енисейским служилым людем в прибавку к 70 человеком, что велено де, государь, было Петру Головину с товарыщи взять в Енисейском остроге служилых людей 100 человек. И были де, государь, они, служилые люди, с ним, Петром, на Лене немногое время. И Петр де Головин на Лене твою, государеву, службу велел им служить без твоего, государева, жалованья. И они де били челом тебе, государю, а ему, Петру Головину, с товарыщи подавали челобитную, что служить де им твою, государеву, службу на великой реке Лене без твоего, государева, денежного и хлебного жалованья невозможно. И Петр де Головин один их, служилых людей, за то **без твоей, государевы, вины, бив кнутом, выслал в Енисейской острог.** А вины де, государь, они никакой на себя не ведают».

А вот список тех, кого воевода Головин изгнал из Якутска, но кого Пушкин с Супоневым вернули обратно:

Анфимов Исачко
Боярщина Оська Семенов, десятник (енисейский служилый. Воевода Головин «пытал без сыску» его жену)
Бугор Васька Ермолин, десятник
Власов Жданко
Гаврилов Нехорошка
Зуб Архипко Петров
Кириллов Гришка
Кнутов Первушка Павлов
Колуга Пронька Гарасимов
Кондратьев Фомка
Костентинов Сенька
Максимов Вахрушка, десятник
Мардос Петрушка Иванов
Махнев Сивко Семенов
Пермяк Ивашко Лукьянов
Спицын Кондрашка Микитин
Ус Федотко Макаров
Шаман Федотко Офонасьев
Щербак Якунька Семенов, жесятник
Юрьев Онцыфорко

Почему так поступил Головин?

Предоставим право ответа на этот вопрос политическим оппонентам П. Головина.

Вот что думали по этому поводу люди, которые должны были стать помощниками Головина в Якутске:

«...а служилыхъ, государь, людей разныхъ сибирскихъ городовъ, которые были присланы съ сыномъ боярскимъ съ Парфеномъ Ходыревымъ и съ казачьимъ атаманомъ съ Осипомъ

Галкинымъ изъ Енисейскаго острогу въ Якутской острогъ и которые служивые жъ люди посланы изъ Томскаго города на Алданъ съ Томскимъ сыномъ боярскимъ съ Астафьемъ Михалевскимъ и изъ Тобольска въ Вилюй съ Тобольскимъ сыномъ боярскимъ съ Воиномъ Шаховымъ, всѣхъ было въ Якутскомъ острогѣ человѣкъ со сто и больши. И Петръ, государь, Петровичъ, не говоря съ Матвѣемъ Богдановичемъ и со мною, холопомъ твоимъ, взялъ въ твою государеву Ленскую службу Енисейскаго атамана Осипа Галкина безъ твоего государева указу одинъ, **а служивыхъ людей ималъ Енисейскихъ и Томскихъ и Мангазейскихъ и Красноярскихъ въ твою жъ государеву службу выборомъ по распросу Осипа Галкина**; а которые, государь, нарочитые служилые люди и прожиточные были и тебѣ, государю, служили и новыя землицы пріискивали и прибыль тебѣ, государю, дѣлали, и тѣхъ служивыхъ людей выслалъ въ Енисейской острогъ.

…на атамана на Осипа Галкина въ обидахъ и въ насильствахъ и въ съѣзжей избѣ подавали многія челобитныя о судѣхъ во стѣхъ рубляхъ и въ полуторостѣ и въ двусотъ и больши. И Петръ, государь, любя того Осипа за ушничество, служивымъ и промышленнымъ людямъ ни въ какихъ обидахъ и въ насильствахъ на него суда не давалъ, и за челобитье кнутьемъ и огнемъ граживалъ и **въ съѣзжей избѣ Енисейскаго десятника Ваську Бугра за челобитье же билъ батогомъ**, и всѣхъ служивыхъ и промышленныхъ людей лаялъ матерны и говорилъ: **“кто де государю служитъ и государевымъ дѣломъ радѣетъ, того де вы и ненавидите; а Осиповы де службы ко государю много, а вы де всѣ воры”».**

Но продолжим наше расследование.

* * *

Из старослужащих енисейских казаков были пытаны воеводой Головиным также еще двое Кузьма Лошаков и Олень Олешка Яковлев.

Лошаков Кузьма. Енисейский служилый. «Пытан». С ним, отчасти, мы уже знакомы.

Он также, как и многие другие из этой челобитной, не был изгнан из Якутска, оставлен на службе, дослужился до чина сына боярского и был в разное время приказчиком многих острогов и зимовий Якутского уезда.

В 1647 году бывший тюремный заключенный десятник Кузьма Лошаков был отправлен новыми воеводами В. Пушкиным и К. Супоневым приказчиком на устье реки Яны.

В 1662–1663 годах он был приказчиком на Индигирке.

В 1668 году — приказчик Зашиверского острога.

Олень Олешка Яковлев. Енисейский служилый. «Пытан».

Бывший стрелец. Потом казачий десятник. На Лене с первых дней ее колониального освоения. Участник всех основных событий и военно-промысловых операций.

Дослужился до чина пятидесятника. В 1654–1655 годах был приказчиком на Алазее.

Есть версия, что Головин выпытывал у старослужащих ленских казаков их тайные схроны — места, где они хранили утаенную от властей пушнину.

Версия вполне рабочая.

Но при этом нужно обязательно помнить, что Головин, отнимая военный трофей у одних (у Стадухина в наказание за самовольство, т. е. штрафуя) возвращал этот трофей, как вполне ими заслуженный или заработанный, другим.

Вспомним хотя бы Семена Дежнева, который, как и Олень, и Чюфарист, был участником всех основных событий на Лене в доголовинский период и имел личных соболей, без сомнения, в не меньшем количестве, чем другие:

«А в росписи, какову подал стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову, да диаку Еуфимью Филатову письменой голова Василей Поярков, написано: у Ивашка Иванова 26 соболей да пластина соболья, у Гришки Феофонова Простокиши 32 соболя, у Семейка Иванова Дежнева 36 соболей…

На лл. 120–122-а под текстом помета: 149-го августа в 2 день. По сей выписке Ивашку Иванову, Сеньке Дежневу, Гришке Простокише соболи их, для государевы дальние службы и их нужи, и дорогово подъему, соболи выдать и написать в приговор».

(Ф. Якутская приказная изба, ст. № 2020, лл. 121–122-а).

И это был не единичный случай. Владимир Бахмутов приводит еще один пример, найденный в документах той эпохи:

«В 1641 году у вернувшихся из похода Ивана Реброва было обнаружено 29 соболей, 40 пластин собольих и соболья шуба, у Ивашки Сергеева — 60 соболей и две шубы собольих. Все это было у них отобрано. Однако после разбирательства с учетом

того, что казаки успешно собрали и доставили ясак, не получая при этом жалованья, воевода распорядился, сделав соответствующую помету на их челобитных: "…По сей выписке Ивашку Сергееву да Ивашку Реброву, да Фочке Самсонову для государевы дальные службы и их нужы… соболи их и шубы собольи отдать, для того, что оне служили государю без его, государева, жалованья"».

* * *

Давайте снова послушаем оппонентов. Слово Еуфимию Филатову, дьяку, которого воевода Головин отставил от «государевой службы».

«Въ отпискѣ дьяка Ефима Филатова, поступившей въ Сибирскій приказъ 20 августа 1643 года), написано: "г. ц. и в. к. Михаилу Ѳедоровичу в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Еуфимко Филатовъ. По твоему государеву указу велѣно мнѣ, холопу твоему, быти на твоей государевѣ службѣ на великой рѣкѣ Ленѣ у твоего государева дѣла съ стольники и воеводы съ Петромъ Петровичемъ Головинымъ да съ Матвѣемъ Богдановичемъ Глѣбовымъ въ діяцѣхъ, и твои государевы всякія дѣла велѣно намъ дѣлать вмѣстѣ заодинъ. И будучи я, холопъ твой, у твоего государева дѣла съ тѣми стольники и воеводы отъ Москвы въ дорогѣ и въ Енисейскомъ острогѣ Петръ никакихъ твоихъ государевыхъ дѣлъ мнѣ, холопу твоему, дѣлать безъ него не велѣлъ; и въ Енисейскомъ острогѣ въ прошломъ во 148 году іюня въ — день въ церкви при воеводѣ при Никифорѣ Веревкинѣ и при многихъ людяхъ Матвѣя и меня, холопа твоего, лаялъ и называлъ измѣнники. А пришедъ на Ленскій волокъ въ прошломъ же во 149 году загорделъ и мнѣ, холопу твоему, говорилъ у себя на дворѣ: 'что наша братья дьяки, гдѣ бываютъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ съ бояры и съ ними съ боярскими дѣтьми, и къ нимъ приходя, что у кого слышатъ, сказываютъ; и за то де они нашу братью дьяковъ жалуютъ, любятъ и нажитками большими боготятъ'". И я, холопъ твой, сказалъ: "ушничать и на людей смучать не умѣю, а жалуютъ и любятъ нашу братью дьяковъ бояре и боярскіе дѣти для твоего государева дѣла, а не за ушничество". И рнясь, государь, тому, Петръ учалъ твои государевы дѣла дѣлать (одинъ) и изъ съѣзжей избы у подьячихъ у Юрья да у Семена Обрамова государевы дѣла съ приговоры и безъ приговоровъ взялъ за мою холопа твоего Еуфимковою рукою къ себѣ на дворъ, и къ намъ учалъ быть не въ совѣтѣ и въ съѣзжей избѣ меня, холопа твоего, лаялъ и называлъ своимъ измѣнникомъ, а послѣ твоимъ государевымъ измѣнникомъ… Да по твоему государеву указу и по наказу велѣно, пришедъ въ Якутскій острогъ, городоваго мѣста осмотрѣть и, будетъ Якутскій острогъ стоитъ не у мѣста, велѣно перенесть въ иное мѣсто, гдѣ бы впредь было прочно, и церковь устроить небольшую, и служилыхъ людей Тобольскихъ и Березовскихъ и Енисейскихъ и иныхъ Сибирскихъ городовъ, которые будутъ при насъ въ Якутскомъ острогѣ, разобрать, и, которымъ служилымъ людямъ твоя государева Ленская служба за обычай, тѣхъ велѣно оставить въ Якутскомъ острогѣ, а которымъ служивымъ людямъ твоя государева служба не за обычай, и тѣхъ велѣно выслать въ тѣ жъ городы, изъ которыхъ они были присланы. И въ Якутскій, государь, острогъ пришли мы въ прошломъ во 149 году іюля въ 18 день, и живемъ въ старомъ острогѣ другой годъ, а новаго мѣста, гдѣ быть городу, не пріискано и церкви по ся мѣсто нѣтъ; а служилыхъ, государь, людей разныхъ сибирскихъ городовъ, которые были присланы съ сыномъ боярскимъ съ Парфеномъ Ходыревымъ и съ казачьимъ атаманомъ съ Осипомъ Галкинымъ изъ Енисейскаго острогу въ Якутской острогъ и которые служивые жъ люди посланы изъ Томскаго города на Алданъ съ Томскимъ сыномъ боярскимъ съ Астафьемъ Михалевскимъ и изъ Тобольска въ Вилюй съ Тобольскимъ сыномъ боярскимъ съ Воиномъ Шаховымъ, всѣхъ было въ Якутскомъ острогѣ человѣкъ со сто и больши. И Петръ, государь, Петровичъ, не говоря съ Матвѣемъ Богдановичемъ и со мною, холопомъ твоимъ, взялъ въ твою государеву Ленскую службу Енисейскаго атамана Осипа Галкина безъ твоего государева указу одинъ, а служивыхъ людейималъ Енисейскихъ и Томскихъ и Мангазейскихъ и Красноярскихъ въ твою жъ государеву службу выборомъ по распросу Осипа Галкина; а которые, государь, нарочитые служилые люди и прожиточные были и тебѣ, государю, служили и новыя землицы пріискивали и прибыль тебѣ, государю, дѣлали, и тѣхъ служивыхъ людей выслалъ въ Енисейской острогъ. За то многіе, государь, Енисейскіе служивые и промышленные люди били челомъ тебѣ, государю, на атамана на Осипа Галкина въ обидахъ и въ насильствахъ и въ съѣзжей из-

бѣ подавали многія челобитныя о судѣхъ во стѣхъ рубляхъ и въ полуторостѣ и въ двусотъ и больши. И Петръ, государь, любя того Осипа за ушничество, служивымъ и промышленнымъ людямъ ни въ какихъ обидахъ и въ насильствахъ на него суда не давалъ, и за челобитье кнутьемъ и огнемъ уграживалъ и въ съѣзжей избѣ Енисейскаго десятника Ваську Бугра за челобитье же билъ батогомъ, и всѣхъ служивыхъ и промышленныхъ людей лаялъ матерны и говорилъ: „кто де государю служитъ и государевымъ дѣломъ радѣетъ, того де вы и ненавидите; а Осиповы де службы ко государю много, а вы де всѣ воры». И Матвѣй, государь, и я, холопъ твой, Петру говорили: “зачѣмъ служивымъ и промышленнымъ людямъ на Осипа Галкина суда не давать?” И Петръ на Матвѣя и на меня, холопа твоего, шумѣлъ и говорилъ, что научаете де служивыхъ и промышленныхъ людей на Осипа бить челомъ вы… Да въ прошломъ же, государь, во 149 году августа въ 30 день въ съѣзжей избѣ Петръ Петровичъ меня, холопа твоего, лаялъ и называлъ воромъ и бражникомъ и будто я, холопъ твой, съ подьячишки твои государевы дѣла передѣлываю и изъ приказа выдаю, и подьячаго Семена Обрамова велѣлъ дать за пристава атаману Осипу Галкину, а послѣ таможенному подьячему Васькѣ Скоблевекому… И нынѣшняго жъ, государь, 150 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Ѳилиппово заговѣйно Петръ пришелъ въ съѣзжую избу, кричалъ на служилаго человѣка на кузнеца на Тимошку Булдакова, а говорилъ: “къ тебѣ де, дѣтина, Якуты пріѣзжаютъ съ собольми и торгуютъ съ тобою по ночамъ; а научаютъ де тебя воровать и съ Якутами собольми торговать Матвѣй да Еуфимій”. И кузнецъ, государь, Тимошка говорилъ: “рубашку де у него, шитую золотомъ, Якуты торговали безъ соболей на бѣлки и ночевали у него не для воровства”. И Петръ же говорилъ: “все де большое воровство и наученье и ворамъ потаканье отъ Матвѣя да отъ Еуфимъя”. И Матвѣй, государь, Богдановичъ и я, холопъ твой, ему говорили, что мы не воруемъ и воровать никого не научаемъ и по ворамъ не потакаемъ, а дѣлаемъ государево дѣло съ тобою вмѣстѣ, а то на насъ затѣваетъ, не любя насъ; **а чего не указано сыскивать про Парфеновы поминки сыскивать, про то нынѣ сыскиваешь, а того не сыскиваешь, какъ Василій Поярковъ да Осипъ Галкинъ въ Якутскомъ острогѣ до нашего приходу воровали, вино курили и корыстовались лутче Парфена. И Петръ, государь, закричалъ: “али де жаль вамъ стало Парфена Ходырева, что я нынѣ про его воровство сыскиваю; а вы де емлете посулы и съ него Парфена взяли тысячу рублевъ”. И вставъ Матвѣя Богдановича ударилъ коробкою въ голову, въ которой у него твоя государева печать и наказъ, и Матвѣй за столомъ повалился на лавкѣ. Петръ учалъ бить, а Василій Поярковъ да Осипъ Галкинъ розымать.** И Матвѣй закричалъ: “Василій де Поярковъ деретъ съ Петромъ за бороду, ты де, Еуфимій, меня не подай”. И я, холопъ твой, Петру Петровичу учалъ говорить, что онъ дѣлаетъ не гораздо, товарыща своего бьетъ за Василья Пояркова да за Осипа Галкина напрасно, а иноземцы нынѣ Якуты въ городѣ, твоему государеву имени дѣлаетъ нечесть. И въ тѣ поры Петръ съ Матвѣя всталъ и Матвѣй пошелъ изъ съѣзжей избы, являлъ въ городѣ и за городомъ на улицѣ попамъ и служилымъ людямъ на Петра и на Василья Пояркова и на Осипа Галкина въ бою, что де его Петръ билъ, а Василій за бороду дралъ, а Осипъ руки держалъ. А Петръ велѣлъ всѣхъ людей въ съѣзжую избу собрать и на Матвѣя и на меня, холопа твоего, являлъ же, будто Матвѣй его билъ, а я де, холопъ твой, повалилъ его на столъ на чернильницу и сзади де за лобъ, за волосы взявъ, съ Матвѣя тянулъ и на чернильницу де къ столу грудью придавилъ. И то онъ на Матвѣя и на меня, холопа твоего, затѣялъ, были въ тѣ поры въ съѣзжей избѣ казенные цѣловальники и подьячіе и служивые многіе люди, какъ было все видѣли. И послѣ, государь, того я, холопъ твой, въ съѣзжую избу не ходилъ недѣлю для того, что Петръ похвалился меня, холопа твоего, съ Васильемъ Поярковымъ да съ Осипомъ Галкинымъ убить; а люди его безпрестани ходили въ городъ и за городомъ станицами съ ослопьемъ. А я, холопъ твой, человѣкъ безлюдный, противиться мнѣ съ ними не съ кѣмъ. Да въ Якутскомъ же, государь, острогѣ, въ нынѣшнемъ во 150 году зимовали торговые и промышленные и служилые люди, и Петръ Петровичъ посылалъ ушниковъ своихъ толмача Гришку Летѣева, да торговаго человѣка цѣловальника Гришку Будилова, да служилаго человѣка кузнеца Тимошку Булдакова по всѣмъ избамъ, что есть въ Якутскомъ острогѣ, и къ Матвѣеву двору Богдановича и къ моему, холопа твоего, дворишку слушать ночью по подоконью кто что говоритъ для то-

го, чтобъ ему, Петру, во всѣхъ домѣхъ что дѣлается, было вѣдомо. **И тѣ, государь, его ушники, что слышатъ подъ окнами, пришедъ, ему сказываютъ, затѣваючи для винныхъ чарокъ; и тѣхъ людей на кого солгутъ, Петръ сажаетъ въ тюрьму и грозитъ кнутьемъ и огнемъ.** И я, холопъ твой, въ съѣзжей избѣ Петру говорилъ, что ходятъ ночью ко мнѣ подъ окна слушаютъ или будетъ и красть приходятъ невѣдомо какіе люди, чтобы онъ велѣлъ заказъ учинить и караульщикамъ велѣлъ тѣхъ людей имать и приводить въ съѣзжую избу. И Петръ, государь, Петровичъ сказалъ при многихъ служивыхъ людяхъ, что посылаетъ ночью подслушивать онъ, а хочетъ вѣдать, что въ моемъ холопа твоего домишку и во всѣхъ домѣхъ дѣлается. И я, холопъ твой, въ съѣзжей избѣ служивымъ людямъ являлъ: будетъ Петръ пошлетъ ко мнѣ чего красть, и я того татя поимаю; а будетъ поимать не могу, и я застрѣлю изъ пищали. И отъ той, государь, Петровой посылки слушанья отъ ушниковъ торговымъ и промышленнымъ и служивымъ людямъ многая была тѣснота, и въ таможенной избѣ той зимы передъ прежними зимами соболиной десятинной прибыли тебѣ, государю, не было, тому свидѣтельствуютъ таможенныя книги ноября съ 1 числа іюня по 1 число нынѣшняго 150 году, и впредь, государь, въ Якутскомъ острогѣ зимовать торговые и промышленные люди будутъ мало, и таможенной десятинной соболиной прибыли потомужъ при Петрѣ, чаятъ, мало. Да ушникъ же, государь, его Петровъ служилый человѣкъ Максимко Кириловъ сказалъ ему, Петру, **подслушавъ на торговаго человѣка на Незговорка Григорьева Важенина, что де тотъ Незговорка ходитъ отъ себя изъ лавки въ свою избу ночью съ огнемъ испитъ съ дѣвкою своею съ Якуткою. Да онъ же де Незговорко говорилъ въ трапезѣ: “я бы де, видя такое нынѣшнее житье, домъ свой сжегъ огнемъ”. И Петръ, государь, про то сыскивалъ одинъ и того Незговорка посадилъ въ тюрьму до твоего государева указа, а говорилъ въ съѣзжей избѣ Петръ же будто тотъ Незговорко Важенинъ торгуетъ моими холопа твоего деньгами, и нынѣ его учинилъ своими затѣями безъ промыслу**. И отъ тѣхъ, государь, его Петровыхъ ушниковъ и отъ его затѣйныхъ словъ въ Якутскомъ острогѣ съѣзду торговымъ и промышленнымъ людямъ при Петрѣ не чаятъ и прибыли твоей государевѣ всякой казнѣ будетъ мало, потому что, государь, ожесточился на православныхъ христіанъ мученьемъ, опричь кнута и огня расправы русскимъ людямъ иной мало, всякому дѣлу самъ истецъ и всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ и служивыхъ людей зоветъ ворами… И марта жъ въ 13 день въ трапезѣ въ воскресный день послѣ соборнаго молебна Петръ же Петровичъ бранился съ отцомъ своимъ духовнымъ съ чернымъ попомъ Семіономъ при многихъ и всякихъ чиновъ людяхъ и назывались межъ собою еретики, и Матвѣя Богдановича и меня, холопа твоего, называлъ измѣнники… Да апрѣля жъ, государь, въ 24 день Петръ и Матвѣй отпускали изъ Якутскаго острогу сына боярскаго Алексѣя Бедарева да пятидесятника Богдашку Лѣнивцова и служивыхъ и промышленныхъ людей внизъ по Ленѣ рѣкѣ въ Свицкую волость на твоихъ государевыхъ измѣнниковъ Якутовъ въ войну и въ часовнѣ, государь, на молебнѣ его Петровъ отецъ духовной черной попъ Семіонъ его, Петра, къ евангелію прикладываться не пустилъ, а говорилъ, что де ты, Петръ, недостоинъ ни къ какой святыни приступать и въ церковь входить. И Петръ, государь, съ отцомъ своимъ духовнымъ бранился и называлъ его еретикомъ: “какъ де ты мнѣ, попъ, на Илимскомъ волоку говорилъ, такъ нынѣ и сдѣлалось. Почему де ты, еретикъ, то вѣдалъ?” И называлъ его измѣнникомъ. И попъ Семіонъ ему, Петру, говорилъ, что де я слышалъ отъ служивыхъ людей: “будетъ де Петръ станетъ у себя держать ушниковъ, и русскимъ людямъ не будетъ ласки, а Якутамъ не будетъ грозы”… И мая, государь, въ 6 день послѣ вечерни къ вечеру Петра Петровича отецъ духовный попъ Семіонъ учалъ де въ кельѣ у себя ядъ грѣть. И Петръ де увидѣлъ отъ себя изъ горницы, дымъ идетъ изъ кельи, послалъ деньщиковъ, велѣлъ загасить тотчасъ, а его, Семіона, лаялъ: “ты де чернецъ топишь келью ночью, а государева казна отъ кельи стоитъ блиско, научилъ де тебя, чернеца, топить келью Еуфимій нарокомъ, чтобъ кельи свою зажечь и государеву казну сжечь”. И Петръ, государь, на меня, холопа твоего, затѣялъ же, изгоняючи по недружбѣ; а его, попа Семіона, за то велѣлъ посадить въ темную тюрьму къ Якутамъ и наутрее отдалъ за пристава до твоего государева указу, рняся тому, что онъ, Семіонъ, не пустилъ его къ евангелію и вѣдаючи на себя отъ него отца своего духовнаго въ духовныя дѣла и мірскія многія. И его де Семіо-

на по Петрову приказу приставъ держитъ въ большомъ смиреньѣ. Да мая жъ, государь, въ 19 день загорѣлось у подьячаго у Семена Обрамова на дворѣ передъ избою мостъ, и Петръ, пришедъ на тотъ дворъ, Семенову жену распрашивалъ: “кто дворъ ихъ зажечь научилъ?” И она де ему сказала: “мѣшала де въ печи огонь ожегомъ и выкинула тотъ ожегъ за двери не разсмотри съ огнемъ и отъ того де было загорѣлось”. И Петръ, государь, говорилъ, будто тое Семенову жену научилъ дворъ ея зажечь я, холопъ твой, Еуфимко. А тѣ его рѣчи слышалъ я, холопъ твой, самъ; и угрожалъ ей пыткою и огнемъ. А письменный голова Василій Поярковъ тутъ же на нее кричалъ: “скажи де на кого нибудь, что тебѣ велѣли домъ свой зажечь; и за то де тебѣ кнута не будетъ”. И Петръ, государь, и Василій Поярковъ научаютъ говорить на меня, холопа твоего, по недружбѣ… Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 150 году іюля въ 11 день послѣ вечерни въ трапезѣ говорилъ я, холопъ твой, Петру Петровичу при многихъ торговыхъ и промышленныхъ и при служивыхъ и при всякихъ чиновъ людяхъ, что по твоему государеву указу посланъ я, холопъ твой, съ ними съ стольники и воеводы къ твоему государеву дѣлу въ Якутскій острогъ въ діяцы, и онъ Петръ марта въ 31 день сказалъ на меня, холопа твоего, твою государеву измѣну и отъ твоего государева дѣла мнѣ отказалъ при служилыхъ людяхъ, а нынѣ въ Якутскомъ острогѣ всякихъ людей много, чтобъ онъ сказалъ при нихъ: кто ему на меня, холопа твоего, твою государеву измѣну сказалъ, что въ Якутахъ учинилась измѣна отъ меня, и для чего онъ отъ твоего государева дѣла отказалъ и въ съѣзжую избу пускать не велѣлъ. И Петръ, государь, при всѣхъ людяхъ на меня, холопа твоего, закричалъ и учалъ лаять, а говорилъ: “ты де воръ и измѣнникъ, а измѣну де на тебя вѣдаю самъ; да ты же де съ подьячими и съ цѣловальники государеву соболиную и всякую казну перекралъ и дѣла передѣлалъ, и отписки черныя переписалъ, и съ торговыми де и съ промышленными людьми съ Ивашкомъ Ванюковымъ да съ Ивашкомъ Коровинымъ съ товарыщи составную челобитную умыслилъ; а только бы де кому было дать тебя вора за пристава, и я бы де отдалъ и на пыткѣ разорвалъ, а нынѣ де учну Якутовъ пытать и огнемъ жечь и твоя измѣна вся объявится”…**Да Якутъ же де, государь, взговорилъ на толмача на Енисейскаго казака на Куземку Туркина, что де тотъ Куземка говорилъ ему изъ тюрьмы изъ окна: поѣхали де къ вамъ русскіе люди въ улусы писать, и вы де ихъ побейте. И Петръ де, государь, того толмача пыталъ и огнемъ жегъ и спицы за ногти и въ ноздри билъ и естество тянулъ, и на другой день пыталъ же и огнемъ жегъ и спицы билъ же; и тотъ де толмачъ ни въ чемъ не повинился и ему де, Куземкѣ, велѣлъ сдѣлать особую тюрьму. А сыскиваетъ, государь, Петръ Петровичъ про Якутскую измѣну и Якутовъ пытаетъ и огнемъ жжетъ одинъ безъ твоего государева указу съ торговыми людьми… И августа, государь, въ 13 день Петръ Петровичъ Якутовъ по своему сыску указалъ, учинилъ безъ твоего государева указу, князцей и улусныхъ людей повѣсилъ 23 человѣка, а лучшихъ людей князцей же и улусныхъ людей билъ всѣхъ кнутомъ нещадно ударовъ по 40, и по 50, и по 60, и по 70, и больши въ наказаньѣ и отпустилъ по улусамъ, и затѣваетъ на меня, холопа твоего, заочныя бѣды: кто какое дурно и воровство учинитъ въ Якутскомъ острогѣ или за тысячу верстъ и за двѣ тысячи, и больши, и то все я, холопъ твой, тамъ всѣхъ людей воровать научаю…** А купить, государь, мнѣ, холопу твоему, что доведется, торговые и промышленные и служивые люди продать въявь не смѣютъ, покупаю украдкою. А сговорилъ было я, холопъ твой, Мечинской волости съ Якутомъ дать ему пудъ икры нелемьи, а ему ко мнѣ принесть 50 утокъ битыхъ; и Петръ, государь, Петровичъ тѣ мои утки въ съѣзжей избѣ велѣлъ записать, а Якутовъ билъ батоги безъ пощады, чтобъ на то смотря никто ничего мнѣ, холопу твоему, не продавали».

Итак, сделаем вывод: отбор енисейских, мангазейских, томских и красноярских казаков для зачисления их в состав Якутского гарнизона производил, судя по заявлению дьяка Ефима Филатова, енисейский атаман Осип Алексеевич Галкин, последний приказчик Ленского острога, входившего в состав Енисейска, родной брат Ивана и Никифора Галкиных, которых люто ненавидел Порфентий Ходырев.

Следовательно, первыми, кого исключил Петр Головин из состава якутских казаков были **люди Ходырева,** включая десятников **Василия Ермоловича Бугра и Осипа Семеновича Боярщину**.

* * *

Осип Алексеевич Галкин был убит якутами, восставшими в 1642 году.

Причина восстания была банальной — Головин задумал провести учет реального имущества у ясачного населния Якутии для того, чтобы ввести дифференцированный принцип обложения ясаком богатых и бедных. То есть ввести систему платежа ясака не с душ населения, а с конкретного имущества — не обделяя государство, но и не забираяя последнее у неимущих.

Но эту его задумку люди Ходырева повернули против самого воеводы, объявив якутам в улусах, что воевода производит этот учет, чтобы поголовно ограбить всех, чье имущество будет описано.

Якуты легко в это поверили, помня о тех грабежах, которые они уже пережили за последние годы.

И они подняли восстание. Убили многих промышленных, служилых и торговых людей, которые не знали и не подозревали о провокации людей Ходырева, целью которого было убийство воеводы Головина, публично обещавшего повесить Ходырева и его людей, и даже уже приказавшего построить для этого виселицы.

Одним из первых погиб именно Осип Галкин, как ближайший человек из действительного якутского окружения Головина. Убит подло — якутами, с которыми отправился в поход. Все было подстроено

Так же подло, как и Галкин, — якутами, с которыми отправлялся в поход и которым доверял, был убит в том же 1642 году, и томский сын боярский Осип Михалевский, присланный на место Дмитрия Копылова в Бутальский острог, — и это тоже было делом рук Парфентия Ходырева и его команды, его личной местью томским казакам.

Петр Головин провел свое расследовыание и писал в Москву, о чем впоследствии писали уже московские дьяки:

«…во 150 году, на великой реке Лене, Якутские князцы нам изменили и побили наших служилых людей, детей боярских и атамана Осипа Галкина с товарищи; и в прошлом де во 151 году сыскал он Петр в Якутском остроге, что иноземцы сворували, нам изменили и побили наших людей, **по воровскому наученью товарищей его, воеводы Матвея Глебова и диака Еуфимья Филатова, да сына боярского Парфена Ходырева**, что учили де они Якутов лутчих людей князца и улусных людей, а велели им наших служилых людей побивать, и под острог собрався притти, и пушки в воду побросать, и острог зажесь; да они ж Матвей и Еуфим, того ж году, в другой ряд нашего ясаку Якутом в Якутский острог полного давать не велели, а как де пошлют наш ясак добирать, и они де Матвей и Еуфим велели наших людей побивать, и собрався Якутом тайным обычаем велели притти ночью, и караульщиков побить, и пушки в воду стаскать, а самим Якутом всем велели в даль на вершины сторонних рек отойти; да Матвей же де Глебов и дьяк Ефим Филатов приказывали служилым многим людем, а велели им по всем ясачным зимовьям иноземцов научать Тунгусов и Якутов, чтоб они промышленных людей грабили и побивали, и наш бы ясак они служилые люди сбирали и добрые соболи имали себе, ва в то место в ясаке клали свои худые соболи и недососболи драные и без хвостов, и иноземцев де Тунгусом велели отойти на иные реки, чтоб де вперед нашего ясаку имать было не с кого; да дьяк же де Еуфим Филатов нашу печать подделал, и малых четыре печати воровством подделал же, и нашу де денежную и соболиную казну крал, и из зимовей **де служилые люди наш ясак привезли соболи все худые и драные без хвостов**, и то несполна, и во многих де местах иноземцы торговых и промышленных людей побивали; да они ж де Матвей и Еуфим, с отцами своими духовными и с людми и с друзьями, со многоими служилыми людми, иноземцов и Русских людей и после того на всякое дурно приводят, и многажды научали иноземцов и Русских людей, а велели им его Петра убить».

И вот еще из того же документа:

«…на промыслах де от иноземцов их братее промышленным людем стало утеснение великое, ясачные Тунгусы и Якуты, а иные неясачные, по рекам в зимовьях и на переходах в 152 году побивали много, на Вилюе убили тридцать человек, на Яне убили 11 человек, на Витиме на двух Мамах реках убили 12 человек, и по иным рекам во многих местаах промышленных людей побивают же, а они де промышленные люди от тех воров, без государева указу, собою оборониться не смеют…».

Судя по масштабам восстания, охватившего сразу же, в один год, огромную территорию воеводства, это восстание, как сегодня подтверждают исследователи, было организовано самими русскими и целью его было моральное и физическое уничтожение Головина, который мешал ВСЕМ, кто начал свой пушной бизнес в Якутске до него – торговым, служилым, промышленным людям, а также тем царским чиновникам, кто вступил в сговор с воровской торгово-служиво-промышленной корпорацией.

И я не один в этих своих выводах. Гораздо раньше меня к этим же выводам пришли и другие:

«В 1642 году он (П.П. Головин. — *С.В.*) *ввел для ясачного населения твердые, причем довольно высокие индивидуальные ясачные оклады. Установление этих окладов производилось на основе переписи скота в каждом хозяйстве, то есть, чем богаче был хозяин, тем больший взимался с него ясак. Перепись была воспринята аборигенами, прежде всего наиболее состоятельными, как ущемление их прав и вызвала восстание инородцев. Волнения вспыхнули одновременно во многих волостях и улусах, в ходе которых погибли десятки русских промышленников и служилых людей. В феврале 1642 г. были уничтожены отряды ясачных сборщиков Воина Шахова, Алексея Гнутого, Осипа Галкина, Остафия Михалевского, Григория Летнева. Одновременно уничтожались и русские промышленники, находившиеся на промыслах. В начале марта более 700 восставших попытались осадить Якутский острог.*

…Масла в огонь подлили провокационные действия недоброжелателей Головина, которые распустили слух, что перепись скота проводится якобы для того, чтобы его реквизировать. По сути дела, это была масштабная провокация промышленных людей и старых казачьих атаманов против воеводской власти, противоборство воеводы Головина с казачьей вольницей, до этого безнаказанно грабившей аборигенов». (Владимир Бахмутов Красноярский, «Слово в защиту воеводы Петра Головина»).

* * *

Головину не удалось довести до логического конца свое расследование. Тюрьмы не вмещали всех арестованных («и в тех де тюрмах служивых и торговых и промышленных людей посажено много, человек со 100 и болше, и те все тюрмы полны»), и они жаловались: ««посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты

и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися».

Переводя арестованных из старого Ленского острога в новый Якутский острог, который находился в двух днях пути, держал арестованные на речных судах, «а у судов были поделаны решетки железные.

В новом Якутском остроге было устроено семь тюрем, и все они были переполнены…

Уже были построены виселицы, когда прибыл царский указ (подсуетились люди Ходырева-Хабарова в Сибирском приказе, спасая своих «кормильцев»), который доставил енисейский атаман Иван Алексеевич Галкин — брат погибшего верного товарища воеводы.

Головин к этому времени успел расправиться только с руководителями якутского восстания, взятых в плен, но не с самими ИНИЦИАТОРАМИ.

И ему до сих пор вменяется в вину эта казнь, словно не существует в истории тех восьмидесяти якутов, которых безжалостно сжег в остроге Бекетов или тех тридцати (о которых мы точно знаем) якутов, которых в слепой ярости, как капусту, порубил Ходырев, когда енисейские казаки отказались убивать своих томских коллег из отряда Дмитрия Копылова…

«Головин уже намеревался повесить Ходырева вместе с некоторыми другими “изменниками”, даже построил для этого виселицы. На первых порах поручению Галкина Головин не поверил, даже усомнился в подлинности предъявленного ему указа. Да и могло ли быть иначе в свете той характеристики, какая была дана Галкину (за боевые действия с мангазейцами. — *С.В.*) *в государевом наказе, врученном Головину в Москве. Должно быть, недоверие это еще и усилилось излишней горячностью атамана, его намерением побыстрее освободить своих знакомцев, с которыми он и сам не раз имел дела, в том числе и такие, о которых не следовало бы знать Головину. Воевода сидельцев не освободил, но и никаких решительных действий предпринимать не стал, решив дождаться воевод, которые ехали ему на смену.*

Ходырева спасло прибытие Пушкина и Супонева с государевым посланием. Головин с сожалением приказал распилить виселицы на дрова, при этом “при народе” сокрушался, что не успел Ходырева повесить» (Владимир Бахмутов Красноярский).

И вот самый последний штрих в очерке Владимира Бахмутова, который весьма красноречиво подводит один из итогов деятельности якутского воеводы Петра Петровича Головина (не считая того количества организованных им за период своего воеводства экспедиций по открытию новых земель):

«Я не стану в завершении очерка говорить о том, хорош или плох был воевода Головин. Пусть такое заключение сделает сам читатель. Скажу лишь, что если осенью 1640 года Петр Головин отослал в Москву якутский ясачный сбор 1639/40 года стоимостью 28 331 рубль 20 алтын 2 деньги, то за 1646/1647 год из Якутска в государственную казну поступило ясаку вшестеро больше, — на 168 700 рублей».

* * *

Историки пишут разное о дальнейшей судьбе Петра Петровича Головина. Но, судя по его биографии, она в дальнейшем была весьма успешной: в марте 1654 года П.П. Головин участвует в Москве в рассмотрении Переяславского договора с Богданом Хмельницким, упоминается как окольничий и наместник каширский. Успешной была карьера и у его сыновей (один из них — Алексей Петрович был боярином и тобольским воеводой). Но всех «перещеголял» внук: Федор Алексеевич Головин (1650–1706) — русский дипломат и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал (1700), граф (1702). Был государственным канцлером, президентом Посольских дел, начальником Военно-морского приказа, главой Оружейной, Золотой и Серебряной палат, наместником Сибирским, управляющим Монетным двором, Ямским приказом, графом Римской империи.

Но начатое Петром Петровичем дело по очистке якутских «авгиевых конюшен» было Сибирским приказом, в котором укрепляется власть дьяка Григория Протопопова (московский покровитель Ерофея Хабарова), «спущено на тормозах». Экономический эффект, конечно, от этого дела, судя по результатам сбора ясака, был потрясающим. Но возмущение воровской служиво-торгово-промышленной корпорации, против которой выступил бесстрашный государственник Головин, было еще более потрясающим, — и правительство вынуждено было оставить все как было ДО ГОЛОВИНА.

Для всех и на всех уровнях государственной власти России было очевидным, что в Сибири при ее бесценных богатствах воровали, воруют и будут воровать.

Но правительство приняло решение закрыть на это глаза, позволяя всем и каждому — до поры до времени — воровать в тех пределах, пока это воровство не становится делом ГОСУДАРСТВЕННОЙ важности.

* * *

Вопрос с воровством был и на самом деле не простым: в сибирскую глухомань, под шестидесятиградусные морозы, питаясь в дальнейшем «травой и корьем» люди шли не за романтикой и мечтой, а за реальным заработком, за БОГАТСТВОМ.

И Петр Петрович Головин, потомок российских казначеев, как никто другой, это прекрасно понимал.

Как понимал и то, что КОРЫСТЬ и ВОЛЬНИЦА — это самая страшная РЖА, которая проедает и разрушает само государство.

И еще неизвестно, что страшнее — проедающая душу корысть одного, такого как Ходырев или Хабаров, или распахивающая душу вольница многих, превращающая отряды служилых людей в стаю диких зверей.

С сибирской казачьей вольницей Петр Петрович столкнулся впервые еще в Тобольске при формировании будущего Якутского казачьего полка из тобольских и березовских «годовальщиков». И вынужден был уже тогда… уступить.

* * *

Этот документ открывает нам новую — совершеннно не героическую — страницу из той далекой жизни, когда Восточная Сибирь должна была быть покорена русскими людьми.

Они, эти русские люди, еще в Тобольске. Двести сорок пять тобольских и пятьдесят березовских казаков готовы выступить в поход. Но, оказывается, их попытались обмануть (на самом деле — не дали прогулять и пропить уже в Тобольске) — и выдали деньги не как обещали, за три года вперед, а только за один, нынешний…

«1639 г., не ранее мая 31. — Отписка якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова из Тобольска о приеме под свое начало тобольских и березовских служилых людей и об их волнении из-за нежелания воевод выдать в Тобольске жалованье на три года

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Петрушка Головин, Матюшка Глебов, Еуфимко Филатов челом бьют. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено нам, холопем твоим,

взяти в Тоболске на твою государеву службу на великую реку Лену стрелцов и пеших казаков двести сорок пять человек, з Березова пятдесят человек и обоего двести девяносто пять человек добрых, с вогненым боем, у которых бы оружье было доброе и которым бы служба была за обычей, и в тех бы тоболских служилых людей человек с тритцать или болши было таких, которые топором судовому и всякому шному делу умели, да дву человек кузнецов добрых, которые бы оружейному и всякому плотнишному делу умели. И тем тоболским, и березовским, и на енисейских служилых людей твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье на один на 147-й год велено дать столнику и воеводам князю Михаилу Темкину-Ростовскому с товарыщи в Тоболску оклады их сполна. А дву годов, 148-го и 149-году твое государево денежное, и хлебное, и со[ляно]е жалованье тем служилым людем, [и ку]знецом, и толмачем велено взять в То[болске] на Лену нам, [хо]лопем твоим, с собою, давать им твое государево жалованье [...]. И в нынешнем, государь, во 147-м году маия в [...] мы, холопи твои, пришли в Тоболеск, [и по твоему] государеву указу столник и воевода князь Миха[ил] Темкин-Ростовский с товарыщи прислали к нам, холопем твоим, тоболских служилых людей-стрелцов и пеших казаков-двести сорок пять человек да березовских казаков пятдесят человек, и обоего двести девяносто пять человек, и им имянной список з денежными, и хлебными, и с соляными оклады за приписью дьяка Дорофея Пустынникова.

И в том, государь, имянном списке служилых людей пятидесятников нет, а десятников всего шеснатцеть человек да плотников шеснатцать же человек. И служилые люди все сказали, что в тех плотниках четыре человека плотничать судового дела не умеют, а делают портное дело. Да у смотру ж, государь, объявилось в тех же служилых людех старых, и увечных, и болных дватцеть три человека, а с твою государеву далную службу их не будет. И служилые люди про них сказали, что они преж сего на твоих государевых далных службах нигде не бывали и в свое место наймывали. Да и сами они, старые, и увечные, и болные служилые люди, тебе, государю, били ж челом, чтоб ты, государь, их пожаловал для их старости и увечья, велел переменить или в свое место нанять. Да в тех же служилых людей у смотру объявилось два человека без пищалей, а в просе сказали: как оне были на твоей государеве службе у соли у Ямышева озера, и на стрелбе у них пищали розорвало. И мы, холопи твои, к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарыщи посылали память, чтоб оне велели к тем служилым людем прислать пятидесятников и десятников и в тех служилых старых, и увечных, и болных людей место добрых иных служилых людей, чтоб были с оружьем добрым и с твою бы государеву ленскую службу их стало, и вместо худых и розорваных пищалей велети тем служилым людем выдать ис твоей государевы казны иные пищали добрые.

И воеводы князь Петр Пронской с товарыщи о перемене старым, и болным, и увечным отказали, и мы, холопи твои, тех старых, и увечных, и болных служилых людей по их челобитью для поспешенья твоей государевы службы велели переменить и в их место велели им наймывать ис промышленых гулящих людей плотников добрых, которые б судовому и всякому плотнишному делу умели и с твою б государеву ленскую службу их было. И которых они наняли, и мы, холопи твои, по тех наемщиках велели взять в твоей государе[ве служ]бе и в денежном, и в хлебном, и в соляном жалованье, и в судовом во всяком пло[тнишном] деле поручные записи и привели их Хр[истову] целованью. А ис тех служилых людей Гришка Прокофьев в свое место нанять не добыл, а оставлен за болезнью в Тоболске, и твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье на 148-й и на 149-й год ему не дано.

А про енисейских, государь, служилых людей по твоему государеву указу сказано нам, холопем твоим, было на Москве, что, пришед в Енисейской острог, велено взять у воеводы у Микифора Веревкина служилым людем имянные списки и по тем имянным спискам велено нам, холопем твоим, енисейских служилых людей выбрать добрых, с оружьем добрым, и которым бы твоя государева служба была за обычей, и которые бы преж сего бывали на Лене-реке. А в наказе у нас, холопей твоих, написано: велено в Енисейском остроге взять служилых людей у воеводы у Микифора Веревкина. И о том нам, холопем твоим, вели свой государев указ учинить, чтоб худыми людми твоему государеву делу порухи не было.

И маия ж, государь, в 30 день били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, тоболские и березовские служилые

люди-стрелцы и пешие казаки, **Богдашко Ленивцов-литвин, Копотко Григорьев** с товарыщи, двести девяносто пять человек, а нам, холопем твоим, подали челобитную за своими руками. А в челобитной их написано: по твоему государеву указу велено им быть на твоей государеве службе на великой реке Лене, а твоего-де государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье на нынешней на 147-й год всем им дано половина, а за другую половину тоболским служилым людем за хлеб давано денгами по дватцети алтын за четь, и то-де они твое государево денежное и хлебное жалованье з женами и з детми съели, а ныне-де им, служилым людем, на твою государеву службу на великую реку Лену поднятца без твоего государева жалованья нечем – наги и боси. А купить-де им платья, и обувей, и для рыбных ловель на прокорм себе сетей, и мереж, и иных рыбных промыслов нечем. А в Енисейском-де остроге перед Тоболским все купят втрое ценою, [а на] Лене-де твое государево денежное жалованье им будет, и им-де на те свои нужи и купить ничево не добыть, а что-де будет и добудетца, и то купить болшою ценою.

А прежде, государь, сего посылывали их ис Тоболска и из Березова на твои государевы службы для серебреной руды и на годовые службы в Мангазею с хлебными запасы, и в Енисейской острог, и на Зеленую и им-де давано твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье впредь года на два и на три вдруг для их бедности и далнего подъему все сполна, и чтоб ты, государь, их, служилых людей, пожаловал, для своей государевы далние службы велел им ныне дать свое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье впредь на 148-й и на 149-й год для их бедности в Тоболске, чтоб им, идутчи на твою государеву ленскую службу, нагим и босым с стужи и з голоду не помереть и твоей бы государевы далние службы не отбыть. И мы, холопи твои, против их челобитья посылали к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарыщи память, чтоб к нам велели отписать, которые служилые люди посыланы для серебреной руды и в Гуляши, и на Лену, и в Енисейской острог, и на Зеленую, и в Мангазею, и им твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье на прежние годы давано ль, и будет давано, и на сколко годов впредь давано.

И маия ж, государь, в 31 день в памяти к нам, холопем твоим, за приписью дьяка Ивана

Трофимова написано. В Тоболску в съезжей избе в росходных книгах прошлого 141-го году тоболским служилым людем, которые посланы были на реку Лену с тоболским сыном боярским с Воином Шаховым, и тем служилым людем и Воину Шахову твое государево жалованье на 141-й и впредь на два годы, на 142-й и на 143-й год, денги, и хлеб, и соль по их окладом дано сполна в Тоболске. Да в росходных же книгах прошлых лет и 146-го году написано: служилым людем, которые посылываны в Мангазею и в Енисейской острог с хлебными запасы, и тем служилым людем твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье на тот год, в котором году которых пошл[ют], и впредь на целой год давано ж оклады их сполна.

И мы, холопи твои, видя их, служилых людей, бедность, сказали им, что твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье дадим сполна для подъему впредь на 148-й год в Тоболске. И послали мы, холопи твои, детей боярских Григорья Демьянова да Ивана Пилникова с целовалники и с служилыми людми, а велели им приймать твои государевы хлебные запасы и судовые всякие снасти и грузить в суды. И дети боярские Григорей Демьянов да Иван Пилников, пришед к нам, холопем твоим, в съезжую избу, сказали, что служилые люди твоего государева денежного, и хлебного, и соляного жалованья на один год имать, и запасов никаких грузить, и на твою государеву службу итти не хотят. И мы, холопи твои, призвав их в съезжею избу, говорили, что они твоим государевым делом зачем мотчают, и хлебных и судовых всяких запасов не приймают, и в суды не грузят. И тоболские, государь, и березовские служилые люди пришли к нам, холопем твоим, в съезжею избу, собрався многими людми, болшим шумом и озорничеством сказали нам, что им твоих государевых хлебных и судовых всяких запасов не приймать, и судов не грузить, и твоего государева денежного, и хлебного, и соляного жалованья на один на 148-й год не имать, и на твою государеву службу не йти. И, выступя из них пешей казак Безсоновы станицы **Жукова Сенка Павлов, Мишка Ортемьев да Тугариновы станицы Панютина десятник Стенка Колмогорец**, учели кричать болшим озорничеством и невежеством и отказывать, что им твоей государевы [казн]ы и хлебных запасов не приймывать и на твою государеву службу не итить.

И мы, холопи твои, велели детем боярским Сенку Павлова, Мишку да Стенку изымать и под[ержать] в съезжей избе, и Стенка из избы ушол, а Мишку велели бить батоги. И на **[Мишку] Ортемьева товарыщи ево Сенка Скороходов да Олешка Чюкмасов** поволялися на него и бить не дали. А товарыщи их перед избою и на дворе около съезжей избы кричали болшим шумом. И мы, холопи твои, Сенку Скороходова, да Сенку Павлова, и Мишку Ортемьева, и Олешку Чюкмасова велели в съезжей избе подержать, а тех людей, которые озорничеством кричали, послали писменого голову Василья Пояркова, а с ним детей боярских, а велели их на дворе изымать. И ис тех служилых **тоболских людей Якунка Куклин да березовской казак Васка Серебреник** писменого голову Василья Пояркова лаели и в шею толкали и изымать тех воров, которые у съезжие избы кричали, не дали. И мы, холопи твои, тех служилых людей Сенку Павлова, Мишку Ортемьева, да Сенку Скороходова, да Олешку Чюкмасова велели бить перед собою батоги, вместо кнутья, нещадно. А как их били, и в те поры ссыльной человек тоболской стрелец Ивашко Болховитин, собрався со многими служилыми людми, пришед к съезжей избе под окошко, кричал на нас, холопей твоих, болшим шумом, что бьем товарищев их запосмешно, не по твоему государеву указу.

И мы, холопи твои, послали писменого голову Иналея Бахтеярова з детми боярскими, а велели ево, Ивашка, изымать. И служилые люди ево, Ивашка, изымать не дали, а он, Ивашка, на писменова голову и на детей боярских нож вынел и хотел резать. И мы, холопи твои, Сенку Павлова, да Мишку Ортемьева, да Олешку Чюкмасова, да Сенку Скороходова, бив батоги нещадно, послали з детми боярскими и с подьячим в тюрму. И как их, Сенку Скороходова с товарыщи, повели в тюрму, и служилые люди, собрався, хотели у детей боярских и у подьячево Сенку Скороходова с товарыщи отнять. И Сенка Скороходов и Олешка Чюкмасов служилых людей от себя отбили и в тюрму пошли. И того ж, государь, дни березовские казаки **Васка Юрьев, Максимко Архипов** с товарыщи того березовского казака Васку Серебреника, которой писменого голову лаел и толкал, и тоболские служилые люди Якунку Куклина привели ж к нам, холопем твоим, в съез[жею] избу. И мы, холопи твои, того В[аску], бив батоги нещадно, послали в тюрму.

И по [И]вашке Болховитине прислал к нам, хо[лопем] твоим, твой государев богомолец архиепи[скоп] Нехтарей, чтоб тому Ивашку Болховитину для ево наказанья не учинить, потому что он озорничел в те поры пьянством. И назавтрее, государь, того дни те служилые лутч[ие] люди, пришед к нам, холопем твоим, в съезжею избу, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и в том своем озорничестве и невежестве винились. И мы, холопи тв[ои], велели им твои государевы хлебные и судовые всякие запасы приймать и грузить в суды и им твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье по их челобитью для их бедности дали на 148-й год сполна. А Сенку Скороходова и Ивашка Болховитина с товарыщи, держав в тюрме неделю, велел[и] дать на поруки з записми, что им впредь бунтов и заводов не делать и скопом, и заговором, и озорничеством не приходить.

И как, государь, служилые люди хлебные и судовые всякие запасы принесли и суды нагрузили и твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованья на 148-й год взяли сполна, и оне, тоболские и березовские служилые лутчие люди и кузнецы, пришед к нам, холопем твоим, в съезжею избу, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, своею бедностью, что им поднятца тем твоим государевым жалованьем, что им дано на 148-й год, нечем платья про запас, и обувей, и рыбных всяких снастей себе на прокорм купить нечем, чтоб нам, холопем твоим, твое государево денежное жалованье для твоей государевы далные службы и их бедности на 149-й год велеть выдать в Тоболске ж. И твой государев богомолец арихепископ Нехтарей нам, холопем твоим, по их челобитью говорил же, чтоб им для их бедности и подъему твое государево денежное жалованье на 149-й год выдать в Тоболске. И мы, холопи твои, примереся к прежним отпуском к твоим государевым далним таким же службам, в которые посланы прежсего на Лену, и тем давано твое государево жалованье в Тоболску вперед на три годы сполна. А в Енисейской, государь, и в Мангазею, которых служилых людей посылают с хлебными запасы, и тем дают твое государево жалованье на полтора годы. И их, служилых людей, видя самую нужу, дали им твое государево денежное жалованье и на 149-й год в Тоболску. А по них взяли поручные запи-

си в том, что им впредь на 148-й и на 149-й год тебе, государю, о жалованье не бити челом и тово твоего государева жалованья не проворовать. А хто будет из них с твоей государеве службы збежит или твое государево жалованье проворует, и им, порутчиком, в того беглово место на твою государеву службу наймывать собою, а про воров извещать. А хто твое государево жалованье проворует, и им тех служилых людей ссужать собою ж. И, дав им твое государево жалованье, выбрали из них пятидесятников и десятников добрых и тем пятидесятником и десятником дали наказные памяти, что им в своих пятидесятнех и в десятках ведать у своих товарыщев всякая их рухледь и харчи и зерни, и воровства, и всякое дурно над ними смотреть накрепко. А у ково их товарыщей объявитца зернь или какое иное воровство, и им на них извещать. А будет мимо их извету сыщетца в товарыщех их зернь или иное какое воровство, и им, пятидесятником и десятником, быть за то в твоем государеве наказанье и в пене.

На л. 5 об.: адрес: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии.

Пометы: 148-го сентября в 3 день подал березовской казак Максим Потелицын.

Взять к отпуску, а в Тоболеск отписать: у которых стрелцов пищалей нет, и к тем велеть пищали послать тотчас. А к Петру Головину по тому ж отписать, чтоб служилые люди государева жалованья хлеба и денег не проворовали, у всех бы хлебное жалованье было с ними».

И деньги были выданы сполна.

* * *

Благодаря творческим поискам Сергея Евгеньевича Дурынина, мы имеем сегодня полный список тобольских казаков, которые ушли служить в Якутское воеводство вместе с первым якутским воеводой Петром Петровичем Головиным. Часть из этих казаков осталась здесь служить навсегда, став родоначальниками якутских (а потом и камчатских) казачьих династий.

РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Кн. 141

Л. 136. Книги именные окладные тобольским служилым людям, ружником и оброчником и юртовским служилым тотаром с хлебными и соляными оклады ко 150 г. (1642 г.), лл. 136–229

Л. 216. Да в прошлом во 147-м году посланы ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тобольских служилых людей

Аврамов Нехорошко, казак станицы Клима Бобошина
Арапов Савка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина

Баландин Потапко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Баландин Якунка Федоров, стрелец
Баранов Ивашко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Баранов Офонка Ильин, казак станицы Клима Бобошина
Батуста Петрушка, стрелец
Богданов Микитка, стрелец
Болховитин Ивашко Федоров, стрелец
Борчанин Ортюшка Кондратьев, казак станицы Ивана Александрова
Брюшко Ивашко, стрелец
Бычок Пахомко Леонтьев, казак станицы Тугарина Панютина

Важенин Куземка Иванов, казак станицы Саввы Измайлова
Важенин Мишка Иванов, казак станицы Тугарина Панютина
Важенин Пронка Иванов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Важенин Якушко Кирилов, казак станицы Ивана Александрова
Василиев Гришка, казак станицы Клима Бобошина
Васильев Евтюшка, казак станицы Тугарина Панютина
Васильев Петрушка, стрелец
Василиев Федька, стрелец
Ващекин Ивашко, стрелец
Верещага Ивашко Иванов, казак станицы Степана Выходцова
Верхотурец Васка Назаров, казак станицы Ивана Александрова
Вершинин Дорофейко Лаврентьев, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Веселой Обросимко Онофреев, казак станицы Тугарина Панютина
Визгунов Фомка Иванов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Винокур Офонка Михайлов, казак станицы Тугарина Панютина
Витязев Васка Елизарьев, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Волков Фторышка Наумов, казак станицы Тугарина Панютина
Вологжанин Куземка Тимофеев, казак станицы Тугарина Панютина

Вологжанин Фомка Тимофеев, казак станицы Клима Бобошина
Володимеров Ивашко, казак станицы Якова Елизарьева
Волынкин Фролко Сидоров, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Ворнаев Семейка, казак станицы Тугарина Панютина
Вычегжанин Марчко Ларионов, казак станицы Тугарина Панютина
Вятчанин Завьялко Леонтьев, казак станицы Тугарина Панютина

Гарасимов Якимко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Гладкой Михалько, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Гордевнин Тренька Семенов, казак станицы Тугарина Панютина
Григорьев Родька, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Губин Ивашко Тимофеев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова

Данилов Семейка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Данилов Таскайко, стрелец
Двинянин Куземка Костянтинов, казак станицы Саввы Измайлова
Двинянин Ларка Иванов, казак станицы Ивана Александрова
Двинянин Омелька Костянтинов, казак станицы Ивана Александрова
Денисов Наумко, казак станицы Якова Елизарьева
Дмитреев Родька, казак станицы Тугарина Панютина
Дмитреев Якунка, казак станицы Тугарина Панютина
Дурынин Ондрюшка Шестаков, казак станицы Якова Елизарьева
Дурынинской Микитка Яковлев, стрелец
Дурынин Михаил Яковлев (Яковлев Михалко), пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Дурынин (Шестаков) Семейка Павлов (Павлов Семейка), стрелец

Елфимов Ондрюшка, казак станицы Степана Выходцова
Ермаков Ивашко Михайлов, казак станицы Ивана Александрова

Жеребец Федька Харламов, казак станицы Степана Выходцова

Зборщиков Данилко Васильев, казак станицы Тугарина Панютина

Иванов Архипко, казак станицы Степана Выходцова
Иванов Данилко, казак станицы Тугарина Панютина

Иванов Ермачко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Иванов Завьялко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Иванов Курбатко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Иванов Микитка, казак станицы Якова Елизарьева
Иванов Поспелко, казак станицы Ивана Александрова
Иванов Пронка, стрелец
Иванов Пятунка, казак станицы Ивана Александрова
Иванов Шумилко, казак станицы Ивана Александрова
Иванов Якимко, казак станицы Ивана Александрова
Изотиков Куземка, казак станицы Саввы Измайлова
Исаков Якунка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина

Кайгородец Ивашко Михайлов, казак станицы Якова Елизарьева
Каргополец Богдашко Олексеев, казак станицы Якова Елизарьева
Карпов Федотко, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Кивокурец Тимошка Титов, казак станицы Тугарина Панютина
Кобяков Семейка Олексеев, казак станицы Саввы Измайлова
Козлин Ровка Васильев, стрелец
Козлов Васка Фефилов, стрелец
Кокин Завьялко Федотов, казак станицы Тугарина Панютина
Колмогорец Ильин он же Ортюшка Иванов
Колмогорец Микулька Тимофеев, казак станицы Саввы Измайлова
Колмогорец Степанко Борисов, казак станицы Клима Бобошина
Колмогорец Степанко Гаврилов, казак станицы Степана Выходцова
Колмогорец Фомка Омельянов, казак станицы Якова Елизарьева
Корнилов Офонка Корнилов, казак станицы Якова Елизарьева
Коновалов Ивашко Иванов, стрелец
Кособоров Васка Онтонов, казак станицы Тугарина Панютина
Костянтинов Панкратко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Костянтинов Якунка, казак станицы Клима Бобошина
Кувшин Павличка Осипов, стрелец
Кузьмин Онтипка, казак станицы Ивана Александрова
Куклин Якушко Михайлов, казак станицы Якова Елизарьева

Леонтьев Обросимко, стрелец
Леонтьев Олешка, казак станицы Ивана Александрова
Леонтьев Потапко, казак станицы Саввы Измайлова
Лузянин Гаврилко он же Гарасимко Онтонов, казак станицы Тугарина Панютина

Лукьянов Данилко, пеший казак станицы Мурзы Выходцова

Матвеев Немчин Ганца, стрелец
Матурин Матюшка Васильев, стрелец
Медведев Данилко Иванов, казак станицы Ивана Александрова
Медведчиков Семейка Лукьянов, казак станицы Тугарина Панютина
Мезенец Кирилко Никонов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Меркурьев Любимко, казак станицы Тугарина Панютина
Микитин Исачко, казак станицы Саввы Измайлова
Микитин Лазарько, стрелец
Микитин Обросимко, казак станицы Якова Елизарьева
Микитин Омелька, казак станицы Саввы Измайлова
Микитин Якушко, казак станицы Саввы Измайлова
Микитинша Ивашко, казак станицы Саввы Измайлова
Микифоров Осипко, казак станицы Якова Елизарьева
Михайлов Меншичка, стрелец
Михайлов Нехорошко, казак станицы Ивана Александрова
Михайлов Сергушка, казак станицы Якова Елизарьева
Мосеев Кондрашко, казак станицы Саввы Измайлова
Мосеев Трофимко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Мос[***], Федька Степанов стрелец
Москвитин Кирилко Яковлев, казак станицы Тугарина Панютина
Москвитин Мишка Якимов, казак станицы Тугарина Панютина
Мокеев Васка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина

Неводчик Ивашко Кузьмин, казак станицы Якова Елизарьева
Некрасов Семейка, стрелец

Обакумов Трофимко, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Олексеев Баженко, казак станицы Тугарина Панютина
Олексеев Богдашко, казак станицы Якова Елизарьева
Олексеев Куземка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Омосов Ондрюшка, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Онаньин Фадейко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Оникеев Оксенка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Онкудинов Гарасимко, казак станицы Тугарина Панютина
Онофреев Гришка, казак станицы Ивана Александрова
Ортемиев Михалко, казак станицы Якова Елизарьева

Ортемьев Гришка, казак станицы Ивана Александрова
Ортемьев Ортюшка, стрелец
Осипов Богдашко, стрелец
Осипов Иошко, стрелец
Орловлянин Олешка Степанов, казак станицы Тугарина Панютина
Ортемьев Офонка, казак станицы Степана Выходцова
Ортемьев Сергушка, стрелец
Остиков Олешка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Офонасьев Олешка, стрелец

Павлов Семейка (Дурынин (Шестаков) Семейка Павлов), стрелец
Панкратов Патрекеев он же Федька, казак станицы Тугарина Панютина
Панов Петрушка Гаврилов, казак станицы Ивана Александрова
Пантелеев Парфенко, казак станицы Якова Елизарьева
Пенежанин Микитка Семенов, казак станицы Ивана Александрова
Пенюжанин Федька Родионов, казак станицы Клима Бобошина
Пеняженин Федоско Иванов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Пеняженин Митька Прокофьев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Пермогорец Дружинка Офонасьев, казак станицы Тугарина Панютина
Пиминов Ивашко, стрелец
Плеников Аврамко Богданов, казак станицы Тугарина Панютина
Плечиков Микитка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Плотник Гришка Прокофьев, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Плотник Первушка Яковлев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Плотников Степанко Малахов, казак станицы Клима Бобошина
Поршенников Якунка Данилов, стрелец
Поспелов Олешка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Потапков Тимошка Федоров, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Попов Степанко Савин, стрелец
Поспелов Юшка, казак станицы Якова Елизарьева
Почекунин Ондрюшко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина

Почекунин Ивашко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Притупов Сергушка Данилов, стрелец
Прокофьев Васка, стрелец
Прокофьев Мартынка, казак станицы Тугарина Панютина
Проншин Гришка Ондреев, казак станицы Тугарина Панютина
Пушкарев Кондрашка Олексеев, казак станицы Тугарина Панютина

Рогов Устюжанин Потапко Федоров, казак станицы Тугарина Панютина
Рогозинников Филка, стрелец
Ростовец Тихонко Дементьев, казак станицы Тугарина Панютина

Сабачин Гришка Титов, стрелец
Савельев Логинко, казак станицы Якова Елизарьева
Сапожник Ивашко Оникеев, стрелец
Сапожник Оска, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Сауров Левка Кузьмин, казак станицы Саввы Измайлова
Семенов Ондрюшка, стрелец
Сергеев Ивашко, стрелец
Серебрянин Ивашко Завьялов, казак станицы Тугарина Панютина
Середкин Якунка Нежданов, стрелец
Скороходов Семейка, стрелец
Смагин Матюшка, казак станицы Саввы Измайлова
Смердов Ивашко Тимофеев, казак станицы Тугарина Панютина
Смирновской Васка, стрелец
Смольянинов Ивашко Федоров, казак станицы Якова Елизарьева
Соболь Ивашко Макаров, казак станицы Тугарина Панютина
Сорокин Михалко Григорьев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Суженин Ондрюшка Парфенов, казак станицы Клима Бобошина
Сульдаков Родька, казак станицы Ивана Александрова
Сурнин Гаврилко Яковлев, казак станицы Ивана Александрова
Сысоев Ивашко, казак станицы Клима Бобошина

Табаков Ивашко, казак станицы Саввы Измайлова
Таскаев Томилка, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Терентьев Осипко, казак станицы Ивана Александрова
Тимофеев Сергушка, казак станицы Якова Елизарьева
Тимофеев Степанко, казак станицы Якова Елизарьева

Титов Давыдко, казак станицы Тугарина Панютина
Тотмянин Гришка Иванов, казак станицы Степана Выходцова
Тотмянин Максимко Васильев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Тотмянин Олешка Ермолин, казак станицы Клима Бобошина
Тоуркин Гришка Тимофеев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Третьяков Елфимка, стрелец
Трофимов Васка, казак станицы Саввы Измайлова
Трушников Тренька, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Тюменец Андрюшка Денисов, казак станицы Ивана Александрова

Угренинов Федка Матвеев, казак станицы Клима Бобошина
Усолец Ивашко Яковлев, казак станицы Тугарина Панютина
Усолец Исачко Захаров, казак станицы Якова Елизарьева
Устежанин Пронка Яковлев, стрелец
Устюжанин Васка Михайлов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Елфимко Степанов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Ивашко Михайлов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Ивашко Михайлов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Устюжанин Кирилко Селиверстов, казак станицы Клима Бобошина
Устюжанин Михалко Иванов, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Устюжанин Нефедко Филатов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Олешка Самсонов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Пронка Иванов, казак станицы Клима Бобошина
Устюжанин Савка Клементьев, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Семейка Гарасимов, казак станицы Тугарина Панютина
Устюжанин Суханко Ермолин, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Устюжанин Федька Офонасьев, казак станицы Якова Елизарьева
Устюжанин Якунка Леонтьев, казак станицы Тугарина Панютина
Ушаков Андрюшка, казак станицы Ивана Александрова

Федоров Ивашко, казак станицы Тугарина Панютина
Федоров Трошка, стрелец

Фомин Степанко, казак станицы Саввы Измайлова
Фонарьников Гришка, стрелец

Харчевников Мартынко Иванов, стрелец
Хрипунов Корепка Сысоев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова

Чюкмасов Олешка, стрелец

Шелковник Семейка Федоров, казак станицы Якова Елизарьева
Шестаков Ивашко, стрелец
Шестаков Ивашко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Шестачко Ивашко Иванов, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Шипицын Васка Петров, стрелец
Шипицын Ивашко Юрьев, стрелец
Шуба Семейка Леонтьев, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Шутов Ондрюшка Гаврилов, стрелец

Юрьев Петрушка, казак станицы Ивана Александрова

Якимов Потапко, пеший казак станицы Мурзы Выходцова
Яковлев Володька, пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Яковлев Косьтка, казак станицы Ивана Александрова
Яковлев Максимко, казак станицы Степана Выходцова
Яковлев Михалко (Дурынин Михаил Яковлев), пеший казак станицы Гавриловы Ильина
Яковлев Федька, казак станицы Тугарина Панютина
Яковцов Терешка, казак станицы Тугарина Панютина
Ярославец Тимошка Онисимов, казак станицы Тугарина Панютина

* * *

И вот еще один неизвестный пока еще науке документ, найденный Сергеем Евгеньевичем Дурыниным, который рассказывает о службе тобольских, березовских и енисейских казаков в Якутском воеводстве в 1640–1660-х годах, когда зарождались первые якутские казачьи династии.

РГАДА.Ф.214.Оп.4.Д.206.

[Нижняя часть каждого листа книги испорчена, а местами утрачена и не читается. Поэтому местами появляется несвязанный текст. Чтобы избежать непонятного текста, я делаю лишь выписку по служилым людям, по которым текст читается и дополняю ее именами из нечитаемого текста.]

Л. 2.

Книги имянные государя царя и Великого князя Алексея михайловича всеа Русии с его государевыми з денежными и с хлебными и соляными оклады великие реки Лены Якутцково острогу нынешнего 159-го [1651] году ружником и детем боярским и оброчником подъячим и служилым людем которые присланы с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи и с воеводы с Васильем Пушкиным…

Л. 6 об.

Тобольские служилые люди прежнего наряду которые присланы с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи

Оклад денег десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенок…

Л. 7.

Ивашко Прокопьев сын Мунай на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154м [1646] году

Ивашко Олексеев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158м [1650] году

Якунька Микитин на государеве дальней службе на Индигирке реке …

Л. 7 об.

Тобольские пешие казаки

Меншичко Степанов сын Плотник на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан во 158-м [1650] году

Омелька Иванов сын Тюменец на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 156-м [1648] году

Якунька Степанов сын кузнец в нынешнем во 159-м [1651] году … к Москве в провожатых

Ивашко Боранов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан от прежних стольников и воевод от Петра Головина с товарыщи

Савка Денисов сын Тюменец на государеве дальней службе на [Индиг]ирке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Л. 8.

Михалко Иванов сын Важенин в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Тимошка Михаилов сын Булдаков Кузнец на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Тобольские ж… которые присланы на великую реку Лену с воеводы …с товарыщи прежним на перемену

Л. 8 об.

Куземка Сидоров сын Туркин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Олению реку

Титко Спиридонов сын Коновалов

Ивашко Иванов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Онисимко Иванов в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку…

Л. 9.

Федька Яковлев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Панфилко Федоров на государеве дальней службе на Индигирке реке…

Тобольские пешие казаки прежнего наряду с столь… с Петром Головиным с товарыщи…

Л. 9 об.

Левка Нестеров сын Шангай в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье

Тренка Семенов сын Горшечник на государеве службе в Олекминском острожке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Ондрюшка Иванов на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во…

Л. 10.

Левка Федотов на государеве службе на дальней на Алазейке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Федька родионов сын Кедровка Пеняжанин на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Семейка Кырнаев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в… зимовье

Л. 10 об.

Ивашко Сысоев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье

Ондрюшка Парфенов сын Важенин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Федька Харламов сын Жеребец

Васка Федоров сын Гнусин в нынешнем во 159-м [1651] году послан …службу на Вилюй реку в середнее зимовье

Архипко Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых и велено ему быть назад в Якутцкой острог

Томской казак Нехорошко Иванов сын Кривой на государеве… на новой на Охоте реке послан… во 154-м [1646] году

Л. 11.

Семейка Лукьянов сын Медведчиков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Гришка Иванов сын Тотменин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Ондрюшка Елфимов сын Воженин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку…

Л. 11 об.

Федька Исаев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году

Данилко Лукьянов сын Скребычкин на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Замятенка Сергеев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 12.

Нехорошко Аврамов сын Пеняжанин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Русинко Никонов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на устье Вилюя реки

Офонка Леонтьев сын Мезенец в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен…

Олешка Степанов сын Орлошленин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке…

Л. 12 об.

Савинко Фомин на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во158-м [1650] году

Елфимко Степанов сын Залесов Устюжанин на государеве службе на дальней на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году

Кондрашка Елизарьев сын тунгуской толмач на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Левка Григорьев сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Л. 13.

Стенька Фомин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Тобольские же пешие казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

Л. 13 об.

Самышка Емельянов в прошлом во158-м [1650] году послан с отписки к государю к Москве и велено быть назад в Якутцкой острог

Семейка Васильев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Мамонко Мартынов

Онисимко Кузьмин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году

Л. 14.

Микулайко Юрьев на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Микифорка Сурма в нынешнем во 159м [1651] году послан на государеву на годовую службу на усть Вилюя реки

Савка Комлев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Л. 14 об.

Васка Прокопьев сын Казанец в нынешнем во 159м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Карпунка Степанов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в се… зимовье

Тобольские стрельцы которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

Л. 15.

Суханко Прокопьев на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Левка Ермолин сын Плотник в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку и в прошлом во 158-м [1650] году по отписке служилого человека Михалка Стадухина что де того Левку в прошлом во 156-м [1648] году идучи на Потычю на море занесло без вести а в его место нихто не поверстан

Л. 15 об.

Десятник Федька Офонасьев сын Устюжанин

Пашка Малафеев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Васка Панфилов сын Плотник на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во158-м [1650] году

Томской казак Климко Олексеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу в Столбовское зимовье

Гришка Ортемьев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году

Ларка Иванов сын Двинянин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

[Тобольские] же пешие казаки которые присланы с воеводы [с Васильем Пушки]ным с товарыщи прежним на перемену

Л. 16.

Нестерко Петров сын прозвищем Первушка Казанец на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году

Баженко Федоров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье

Федька Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Л. 16 об.

Тобольские ж служилые люди прежнего наряду оклад десятником денег по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба десятником и рядовым по две трети их окладов по 4 чети бес третника ржи весом иметьца по 16 пуд по 33 гривенки безо 16 золотников против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенком в четверть да по 3 чети бес трет…

Стрельцы

Л. 17.

Сергушка Васильев сын Плотник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Степан Григорьев сын Баранов Вятчанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене в Жиганы

Л. 17 об.

Ондрюшка Васильев сын Пеняжанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Бориско Михайлов сын Плотник

Стенька Григорьев сын Реткин…

Семейка Савин сын Попов…

Л. 18.

Конанко Ларионов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Пешие казаки

Ивашко Харитов сын Широкой тунгуской толмач в нынешнем во 159-м [1651] году послан на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье

Климко Софонов сын Соболев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 18 об.

Трофимко Зиновьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Федотко Емельянов сын Веточка на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Нехорошко Шабанов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье

Ивашка Сура…

Микитка Орефьев…

Л. 19.

Томской казак Ондрюшка Иванов сын Горелой на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Васка Куржумов сын Новокрещен…

Л. 19 об.

Федька Григорьев сын Плотник на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Олешка Семенов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Пронка Иванов сын Устюжанин в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Фочка Микитин сын Устюжанин…

Л. 20.

Демка Тимофеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Усть Вилюя реки

Оксенко Михаилов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Лучка Касьянов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Олешка Самсонов сын Устюжанин…

Л. 20 об.

Терешка Иванов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Красноярской казак Дунайко Трофимов на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во158-м [1650] году

Тобольские… которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

Л. 21.

Олешка Онисимов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье

Ивашко Федоров на государеве дальней службе на новой на Потыче реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Прежнего наряду тобольские стрельцы …

Л. 21 об.

Красноярской казак Ивашко Родионов сын Ярастов на государеве дальней службе на Алазейке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году

Евфимко Третьяков мать у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л. 22.

Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску а он на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Якимко Гарасимов жена у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Некраско Федоров…

Л. 22 об.

Дорошка Елфимов

Евплеко Волынкин

Онтонко Ондреев сын Сысолетин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье

Митрофанко Олексеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Усть Вилюя реки

Л. 23.

Томской казак Ивашко Онисимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Якунка Иванов сын Колпак в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье

Васка Евфимов сын Устюжанин…

Л. 23 об.

…с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежнем на перемену

Перфирейко Фофанов в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 24.

Пятунка Гарасимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Л. 24 об.

Березовские казаки

Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 6 чети ржи весом иметьца по 27 пуд по 21 гривенки против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пцда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 2 чети овса да по полу 2 пуда соли

[Карпунка] Мартемьянов …

Петрушка Олексеев …

Л. 25.

Бориско Павлов сын Слоев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье

Ивашко Дубов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Красноярской казак Олешка Филипов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Офонка Брусенкин …

Л. 25 об.

Десятник Ивашко Михаилов сын Тархов на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Пятидесятник Костянтинко Степанов сын Дунай на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году

Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Ковыме реке послан от прежних…

Ивашко Семенов сын Жирной в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы

Фомка Федоров на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во… году

Л. 26.

Ивашко Степанов сын Рябов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Пашко Леонтьев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Куземка Суздалец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л. 26 об.

Семейка Петров сын тунгуской толмач на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Пятидесятник Микифорко Аргамаков томской казак в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Жданко Власов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году

Васка Бусыгин в прошлом во 158-м [1650] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых и велено ему Васке быть назад в Якутцкой острог

Матюшка Иванов сын Ярыгин

Мокейко Игнатьев на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Л. 27 об.

Исачко Онфимов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье

Микитка Семенов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году

Л. 29 об.

Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену

Оклад денег пятидесятнику 5 рублев с четью десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба пятидесятнику и десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца 25 пуда…

Л. 30.

Десятники

Семейка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье

Микитка Прокопьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы

Л. 30.

Рядовые

Нестерко Павлов на государеве дальней службе …

Л. 30 об.

Тимошка Микитин на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году

Савка Ондреев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 31.

Пронка Иванов сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Семейка Дмитреев на государеве дальней службе на Индигирке реке послан…

Л. 31 об.

Митька Мокеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы

Шестачко Перфирьев в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 31 об.

Карпунка Симонов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году

Л. 32.

Ивашко Иванов сын Горохов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Ивашко Иванов сын Вологжанин на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Пронка Ортемьев в прошлом во 158-м [1650] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых …

Л. 32 об.

Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену

Л. 33.

Рядовые

Якунка Михаилов сын Балда на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Васка Григорьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу…

Онцыфорко Дмитреев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Пронка Григорьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Офонка Кочин на государеве дальней службе на…

Л. 33 об.

реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Ондрюшка Шипицын на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 15…м году

Куземка Иванов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Ондрюшка Терентьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Филька Емельянов сын Табаков на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 34.

Федька томилов сын Оконничников в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Офонька Ортемьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Фролко Павлов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье

Л. 34 об.

Микифорко Ярофеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье

Максимко Михаилов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Климко Сергеев

Оксенко Лукьянов сын Скребычкин на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом…

Ивашко Иванов Шестаков на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 35.

Офонька Матвеев сын Курбатов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Ивашко Захаров сын Соловьянин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Семейка Леонтьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Нехорошко Микитин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

35 об.

Микитка Кондратьев на государеве службе в Олекминском острожке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Тренька Костянтинов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Митька Иванов сын Самандин во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Л. 36.

Березовские казаки

Микитка Власов на государеве дальней службе… на Охоте реке…

Олешка Лукин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Сергушка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан

Л. 36 об.

на государеву службу в новую в Даурскую землю

Васка Усков на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Ивашко Гурьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году

Харитонко Офонасьев сын Леготин на государеве дальней службе Оленке реке послан… во 157-м [1649] году

…сын Куланов в прошлом во 158-м [1650]

Л. 37.

году послан послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку и по скаске служилых людей Гришки Иванова с товарыщи что де тот Савка в нынешнем во 159-м [1651] году на дороге на Май реке умре а в его место нихто не поверстан

Ивашко Перфирьев на государеве дальней службе на Алазейке реке послан в… году

Л. 37 об.

Енисейские служилые люди которые присланы из Енисейского острогу з десятником с Марчком Котковым прежним на перемену

Оклад денег по 5 рублев рядовым а десятнику 5 рублев с полтиною да хлеба десятнику и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом…

Десятник Марчко Котков в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог

Рядовые

Полуянко Яковлев сын Котков в нынешнем во 159-м [1651] году

Л. 38.

выслан в Енисейской острог

Матюшка Перфирьев сын прозвищем Нехорошко на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Федотко Прокопьев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Юдька Офонасьев в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог

Михалко Ортемьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Семейка Ортемьев сын Сажин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Кондрашка Родионов на государеве дальней службе…

Л. 38 об.

в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Офонка Дорофеев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Гарасимко Гаврилов в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог

Сенька Григорьев сын Голой в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог

Стенька Иванов государеве дальней службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 39.

Служилые люди которые поверстаны в государеву службу в прошлом во 158-м [1650] году в тобольской оклад денег по 4 рубли с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 игривенки с полугривенкою…

Л. 39 об.

Ивашко Молоков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Васка Скоробогатой в нынешнем во 159-м [1651] году того Васки в Якутцком остроге не стало безвестно

Ивашко Кондратьев

Демка Дуров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье

Л. 40.

Жиганы

Богдашка Карпов

Гришка Черноус

Сенька Дорогин

Марчко Васильев сын Подпая

Васка Мартынов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Овдюшка Бочкарь в нынешнем…

Якунька Бронник

Корнилко Сидорков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Л. 40 об.

Митька Кушаков

Ивашко Максимов сын Деревня в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Ганка Кузьмин сын Молоток

Исачко Офонасьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Ивашко Онтонов сын Нагиба в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Л. 41.

Васка Ондреев сын Бетин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Олешка Иванов сын Сулоч в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье

Л. 41 об.

Ондрюшка Семенов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Микитка Павлов сын в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Федька Спиридонов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Л. 42.

Якушка Парфеньев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Савка Яковлев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье

Куземка Мартемьянов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Федька Григорьев Орел

Петрушка Борисов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л. 42 об.

Першка Ондреев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Онтошка Максимов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье

Сенка Леонтьев сын Позоркой в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л. 43.

Да служилые люди которые в прошлом во 158-м [1650] году для государеву новой Даурской земли ис промышленых людей поверстаны

Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую государеву казенную четь по 4 пуда по…

Федька Иванов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Ивашко Терентьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Л. 43 об.

Михалко Данило сын Кузьминых на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Лучка Осипов Пугвичников на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Ивашко Игнатьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Л. 44.

Максимко Иванов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Сергушка Федоров на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году

Тренка Вахромеев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом…

Якунка Васильев Бурлаков на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году

Савка Иванов юкагирской толмач

Л. 44 об.

на дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году

Л. 45.

Да в нынешнем во 159-м [1651] году присланы из Енисейскова острогу енисейские служилые люди з десятником с Федкою Елизарьевым сыном Казанцом 20 человек на перемену прежним енисейским же служилым людем десятнику Марчку Коткову с товарыщи

Оклад десятником по 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев да хлеба десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи…

Федька Елизарьев Казанец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье

Л. 45 об.

Михалко Вопилов а в его место Нехорошко Гаврилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Рядовые

Семейка Серькин в его место наемщик Васка Кирилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Богдашко Васильев Вижевец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Федька… Колмогор

Л. 46.

Семейка Костянтинов

Петрушка Семенов Семеикин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Игнашка Федотов а в ево место наемщик Ивашко Ортемьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Гришка Васильев Горбун в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу…

Климко Барабанщик в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Алдан реку в Бутальское зимовье

Максимко Семенов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву

Л. 46 об.

дальную службу на Индигирку реку

Ондрюшка Комаров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Илейка Котунев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье

Филька Бухаров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку

Юрка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье

Л. 47.

Порошка Иевлев

Л. 47 об.

Да в нынешнем во 159-м [1651] году… по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францебекова да диака Оси-

па Степанова приверстаны в службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам велено быть в его государеве службы на выбылые места и служилых людей выбылых мест нет к тем людем…

Л. 48.

Олешка Янов

Михалко Мазала Сыромятник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы

Конанко Кичкин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу…

Митька Ондреев Мельник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку

Л. 48 об.

Михалко Молоков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье

Ивашко Переменин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы

Моисейко Ворчинской в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку

Л. 49.

…в выбылое место Фомки Федулова а в его Кирилково место велено быть Федьке Софонову сыну Попинке

Оска Сапожник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Куземка Олексеев в прошлом во 156-м [16480] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Пятидесятник Курбанко Иванов в рядовом окладе в верхоленском в Братцком острожке

Якунька Исаев…

Л. 49 об.

Семейка Данилов в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Микитка Дмитреев в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Шестачко Иванов сын Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи по его челобитью за старость… отставлен

Родька Григорьев в прошлом… отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 50.

…отставлен а в его место гулящей человек Митька Степанов сын Огрызков убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи велели быть в его Митькино место из новоприборных Трофимку Зиновьеву и в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Потапко Баландин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 154-го [1646] году в его Потапково место томской казак Овдокимко Сименов и в прошлом во 154-м [1646] году… Овдокимко убит… в его Овдокимковом месте отставленому служилому человеку Федотку Емельянову сыну Веточке и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на…

Л. 50 об.

Тимошка Федоров в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи велели быть в его Тимошкино место из новоприборных Нехорошку Шабакову

Савка Арапов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Панкратко Костянтинов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве

Л. 50 об.

Безсоновы станицы Жукова

Оклад денег без вычету а хлеба и соли тоже число что писано выше сего

Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине

Л. 51.

с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место из новоприборных Гришке Иванову сыну Вьюхину в верхоленском в Братцком острожке

Якунька Михаилов сын и Перфирьев он же Куклин в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Десятник Ивашко Иванов сын Володимерцов убит при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи… Васи-

лей Пушкин с товарыщи велено быть в его Ивашково место из новоприборных Омельке Архипову в верхоленском в Братцком острожке

Л. 51 об.

Михалко Ортемьев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Л. 52.

Семейка Шелковник в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Ивашко Кузьмин сын Неводчик Решетник в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью за увечье отставлен а в его место гулящей человек Онкудин Титов сын Пеняжанин в прошлом во 157-м [1649] году велено ему Онкудину быть в подьячих а в его место нихто не поверстан

Л. 52 об.

Сергушка Михаилов сын Смольянинов отпущен з государевою казною к Москве в прошлом во 149-м [1641] году а в его место в Якутцком остроге взят у розбору Офонька Алексеев сын Немчин и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен к государю к Москве с отписки

Ивашко [Козьмин] сын Белянка в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Ивановы станицы Александрова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

…которой прислан в Тобольску

Л. 53.

вместо стрельца Завьялка Онисимова сына Кузнеца в прошлом во 154-м [1646] году пошел к Москве в челобитчиках и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Олешкино место промышленому человеку Гаврилку Савельеву

Десятник Омелька Костянтинов сын Вычегжанин Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи по его челобитью за старостью и за увечьем отставлен а в его место нихто не поверстан

Гулящей человек Ондрюшка Кирилов сын Кайгородец на Усть Куты реки в государеве в наемной пашне

Онтипка Кузьмин в прошлом во…

Л. 53 об.

з государевою казною к Москве

Десятник Ондрюшка Денисов сын Тюменец в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве

Родька Булдаков в прошлом во 147-м [1639] году послан з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Данилко Иванов сын Медведев в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве а в его место… взят в Якутцком остроге томской казак Ондрюшка Иванов сын Горелой в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверу

Гаврилко Яковлев сын Сурнин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи а в его место нихто не поверстан

Л. 54.

Нехорошко Михаилов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же жена у него в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Гришка Онофреев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Шумилко Иванов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Якимко Иванов сын Плотник…

Л. 54 об.

Тугариновы станицы Панютина

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Пахомко Леонтьев сын Бычок в прошлом во 154-м [1646] году тот Пахомко убит в верхоленском в Братцком походе и в том же во 154-м [1646] году велено быть в его Пахомково место новокрещену братцкому толмачю Васке Куржумову в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю

Десятник Баженко Олексеев в прошлом во… году отпущен к государю к Москве с отписки

Марчко Ларионов сын Вычегжанин в прошлом во… по его челобитью за болезнью и за увечьем отставлен

…гулящей человек Панфилко

Л. 55.

Павлов сын Вычегжанин убит в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Офонька Михаилов сын

Пеняжанин с Юсела в прошлом во 155-м [1647] году для болезни и увечья отставлен а в его место велено быть промышленому человеке Оничке Иванову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит и в нынешнем во 158-м [1650] году по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Оничкино место промышленному человеку Ивашку Микитину сыну Угрюмову и в том же во 158-м [1650] году послан на государеву службу на новую на Охоту реку

...Прокопьев сын Вологжанин убит в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150го [1642] году в его место Гаврилко Фролов сын Важенин в прошлом... из Якутцкого острогу збежал ...

Л. 55 об.

во 155-м [1647] году велено быть в его Гаврилково место отставленому казаку Ларке Яковлеву

Федька Матвеев сын Угренинов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен к государю к Москве с отписки

Родька Дмитреев в прошлом во 148-м [1640] году по челобитью за увечье отставлен а в его место гулящей человек Федька Григорьев сын Плотник в нынешнем во 158-м [1650] году послан

Л. 55 об.

на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверу

Якунька Дмитреев сын Устюжанин в прошлом во 150-м [1642] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Якунькино место из новоприборных Олешке Семенову в прошлом... году послан на государеву дальную службу на...

Л. 56.

Олешка Ермолин сын Тотменин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Пронка Иванов сын Устюжанин у него жена в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Степановы станицы Выходцова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Ивашко Иванов сын Верещага в прошлом во 150-м [1642] году...

Федька Панфилов сын Казанец Плотник в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Десятник Завьялко Леонтьев...

Л. 56 об.

в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Фочка Микитин сын Пеняжанин

Кирилко Яковлев сын Ярославец за слепоту отставлен и в прошлом во 149-м [1641] году в Якутцком остроге на смотре у розбору взят в его Кирилково место Ивашко Михаилов сын Новокрещен якутцкой толмач

Мурзины станицы Выходцова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Гришка Тимофеев сын Тоуркин в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Ивашко Михаилов сын Устюжанин в прошлом во... году отпущен з государевою казною к Москве

Федотко Карпов убит при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во

Л. 57.

154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федотково место из новоприборных Микитке Терентьеву и в прошлом во 157-м [1649] году убит на государеве службе на Мае реке в верхнем зимовье а в его место нихто не поверстан

Федоско Иванов сын Пеняжанин в прошлом во 156м [1648] году отпущен к государю к Москве с отписки

Максимко Васильев сын Тотменин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году...

Потапко Якимов в прошлом во 149-м [1641] году отпущен к государю к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели

Л. 57 об.

быть из новоприборных Демке Тимофееву

Михалко Иванов сын Устюжанин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Михалково место из новоприборных Оксенку Михаилову и в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Суханко Ермолин сын Устюжанин в прошлом во 149-м [1641] году отпущен к государю к Москве с отписки и в прошлом во

154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели… место из новоприборных Дорошке Борисову и в том же в прошлом во 154-м [1646] году тот Дорошка на Вилюй реке збежал и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его… отставленому казаку Лучке Кась-

Л. 58.

янову и в прошлом же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Климовы станицы Бобошина

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Якунька Костянтинов сын Плотник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Десятник Ивашко Завьялов сын Тюменец в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Офонка Михаилов сын Винокуров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 58 об.

Савка Клементьев сын Устюжанин в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Гарасимко Онтонов сын Лузенин в прошлом во 152-м [1644] году умре и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Гарасимково место из новоприборных Васке Иванову сыну Новикову и в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву далную службу на новую на Потичю реку

Ждановы станицы Архипова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Левка Кузьмин Савуров в прошлом во 149-м [1641] году… а в его…

Л. 59.

человек Офонька Степанов в прошлом во 155-м [1647] году отпущен к государю к Москве с отписки

Потапко Леонтьев сын Кузнецов в прошлом во 149-м [1641] году по его челобитью для бедности отставлен а в его место гулящей человек Шестачко Степанов сын Коршунов Устюжанин в верхоленском в Братцком острожке

Семейка Алексеев сын Кобяков в прошлом во 151-м [1643] году умре а в его Семейкино место поверстан Ондрюшка Федо-

ров и в прошлом во 154-м [1646] году тот Ондрюшка с Ленсково Илимсково волоку збежал…

Якунька Микитин сын Зарубин в прошлом во 148-м [1640] году… 148-го [1640] году велено

Л. 59 об.

Место промышленому человеку Гришке Власьевскому Важенину и в прошлом во 149-м [1641] году тот Гришка збежал и в прошлом во 150-м [1642] году в его Гришкино место велено быть Пятунке Ульянову сыну Двинянину в верхоленском в Братцком острожке

Омелька Микитин в прошлом во 149-м [1641] году по его челобитью для бедности отставлен а в его место промышленой человек Сенька Макаров сын Упругой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Ивашко Борисов сын… в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко из Якутцково острогу збежал … велено быть в его Ивашково место красноярскому казаку Дунайку Трофимову и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю

Казаки которые…

Л. 60.

с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

По две трети их окладов десятником по 3 рубли по 5 алтын по 3 деньги а рядовым по 2 рубли по 27 алтын по 4 деньги а полной оклад десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью а хлеба и соли тож число что писан выше сего

Ивановы станицы Александрова

Девятко Белкин в прошлом во 153-м [1645] году по его челобитью для бедности отставлен…

Тугариновы станицы Панютина

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Десятник… Золотухин…

Л. 60 об.

з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Ивашко Федоров в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку

Степановы станицы Выходцова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Савка Данилов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

…промышленой

Л. 61.

человек Ромашка Васильев сын Москвитин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Оклад денег и хлеба и соли тоже число да по чети с третником овса а полной оклад по 2 чети овса

Матюшка Матурин в прошлом во 150-м [1642] году отпущен к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велено быть в его Матюшкино…

Л. 61 об.

Евфимко Третьяков мать у него в Тобольску

Да тобольскои ж стрелец которой прислан с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Онтонко Марков в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Тобольские ж пешие казаки прежнего наряду

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего

Гавриловы станицы Ильина

Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску в прошлом во… году отпущен на государеву дальную службу…

Л. 62.

Якимко Гарасимов жена у него в Тобольску

Олешка Поспелов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен к государю к Москве с отписки

Дорофейко Лаврентьев в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Безсоновы станицы Жукова

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего

Обросимко Микитин в прошлом… воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Обросимково место из новоприборных Некраску Федорову на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье

Л. 62 об.

Степанко Тимофеев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Парфенко Пантелеев в прошлом во 154-м [1646] году убит на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке в походе и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его Парфенково место отставленому казаку Сидорку Филимонову и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Ивашко Михаилов сын Кайгород в прошлом во 150-м [1642] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ивашково место из новоприборных Дорошке Елфимову

Ивановы станицы Александрова

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего

Л. 63.

Пятунька Иванов в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Пятунькино место из новоприборных… Волынкину и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Осипко Терентьев в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Осипково место поверстан Онтонко Ондреев сын Сысолетин

Тугариновы станицы Панютина

Тихонко Дементьев сын Ростовец в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его Тихонкову челобитью отставлен за увечье

Л. 63 об.

Офонька Ильин сын Боранов в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью и служилых людей для болезни отставлен а в его место верстан гулящей человек Гришка Онтонов сын Усолец в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Гришкино место промышленому человеку Митрофанку Алексееву

Мурзины станицы Выходцова

Томилко Сысоев сын Таскаев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве

Фролко Сидоров сын Волынкин в прошлом… году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его место из новоприборных…

Л. 64.

Кирилко Никонов сын Мезенец женна у него в Тобольску в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Михалко Григорьев сын Сорокин в верхоленском в Братцком остроге

Десятник Фомка Иванов сын Визгунов Плотник в прошлом во 153-м [1645] году умре в тюрме и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Фомкино место…

Корепка Сысоев сын Хрипунов в прошлом во 150-м [1642] году збежал и того ж 150-го [1642] году в его Корепкино место поверстан Якунька…

Л. 64 об.

Климовы станицы Бобошина

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего

Ивашко Яковлев сын Усолец в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Ивашково место поверстан Архипко Максимов сын Аршин Тотменин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Архипково месте промышленому человеку Левке Кирилову сыну прозвищем Щетку и в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою…

Обрамко Богданов и Обросимко он же Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его челобитью… отставлен

Л. 65.

Дружинка Офонасьев сын Пермогорец и в нынешнем во 158-м [1650] году по скаске служилого человека Вторка Гаврилова которой пришел с Ковыми реки что де тот Дружинка на государеве дальней службе на Ковыме реке в прошлом во 156-м [1648] году умре а в его место нихто не поверстан

Гришка Ондреев сын Прокшин в прошлом во 148-м [1640] году по челобитью для болезни отставлен а в его место гулящей человек Васка Еуфимов сын Устюжанин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу…

Л. 65 об.

Ивашко Табаков мать у него в Тобольску в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Тобольские же пешие казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

Оклад с вычетом денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего и полной оклад тож

Л. 66.

Степанко Кирилов в прошлом во152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть брату ево двоюродному Ивашку Семенову и в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку Фомке Епифанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит а в его место нихто не поверстан

Гришка Леонтьев в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть тобольскому казаку Якуньке… 154-м [1646] году

Л. 66 об.

послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Якунька Иванов в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни и увечья отставлен а в его место велено быть гулящему человеку Федьке Осипову

Якимко Емельянов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых

Десятник Данилко Толмачев мать у него в Тобольску

Тобольские ж пешие казаки… и воеводы с Петром Головиным с товарыщи

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

А полной оклад по 2 чети овса

Гавриловы станицы Ильина…

Л. 67.

Ивановы станицы Александрова

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Васка Назарьев сын Верхотурец в прошлом во 147-м [1639] году на Обе реке утонул и того ж 147-го [1639] году в его Васкино место гулящей человек Тренька Петров сын Устюжанин в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

…казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего

Остафьевы станицы Онтонова

Васка Шубин в прошлом во 154-м [1646] году в Якутцком остроге умре а в его место велено быть отставлену казаку Ивашку Федосееву сыну Кузакову в прошлом во 155-м [1647] году и в

том ж во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Ивашко Павлов в прошлом во 153-м [1645] году по его челобитью для немочи и увечья отставлен

Л. 68.

Березовские казаки

Оклад денег пятидесятником по 6 рублев с четью рядовым по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да 4 чети овса да пол 2 пуда соли

Павлик Падерин в его место Патрачко Ондреев сын Кайгородец в верхоленском в Братцком острожке

Пятидесятник Васка Юрьев в… году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Семейка Иванов в его место прислан Демка Ярофеев и в прошлом во 148м [1640] году тот Демка в Енисейском остроге зарезал казака до смерти и посажен в тюрму и в том ж во 148-м [1640] году велено быть в его Демкино место промышленому человеку Карпуньке Мартемьянову

Ивашко Яковлев сын Кривогорницын в прошлом во…

Л. 69.

Ивашко Ондреев сын Мещеряков в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Осипко Иванов сын Голыга Устюжанин на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан от стольников и воевод от Петра Головина с товарыщи

Ивашко Степанов сын Кошкин во 150-м [1642] году убит…

Федька Богданов сын Мещеряков в верхоленском в Братцком острожке

Л. 69 об.

…казаков для молодости что его з государеву службу не будет отставлен а в его место наемщик Костька Игнатьев сын Быковых и в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Исачко Семенов сын Мещеряков в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его Исачково место Парфенко Григорьев сын Тотменин и в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал

Федька Яковлев сын Зубов в прошлом во 152-м [1644] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велено быть в его Федькино место…

Л. 70.

окладу мангазейскому стрельцу Васке Михайлову сыну Горемыкину в пятидесятниках в Березовском в рядовом окладе и в прошлом во 155-м [1647] году по их пятидесятничью челобитью велено тому Васке к рядовому окладу к 5 рублем с четью прибавить 25 алтын потому что он не Березовской и в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Лазарко Истомин…

Литвин Копотко Григорьев в прошлом во 151-м [1643] году того Копотка стольник и воевода Петр Головин отставил а в его Копотково место

Л. 70 об.

Верстан Ивашко Гаврилов сын Попов и в прошлом во 156-м [1648] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Л. 71.

Пятидесятник Мартынко Васильев в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Максимко Анфиногенов сын Телицын… и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи веле[ли] быть в его Максимково место со 155-го [1647] году служилому человеку Якуньке Пальянову сыну Двинянину … стольника и воевод Петра

Л. 71 об.

Головина с товарыщи сверх государева указного числа в Ывашково место Новикова и в нынешнем во 158м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Онтипка Григорьев сын Сорокин в верхоленском в Братцком острожке

Бориско Леонтьев сын Канкаров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 72.

Ортюшка Яковлев сын Новокрещен в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве

в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ортюшкино место из новоприборных Перфирейку Тимофееву и в том ж 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую Потычю реку

Ивашко Юрьев сын Чиралов в верхоленском в Братцком острожке

…казаку Федьке Иванову сыну Кайгороду в том ж… году отпущен з государевою с соболиною казною

Л. 72 об.

к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место из новоприборных Васке Иванову сыну Жаворонкову и в прошлом во 157-м [1649] году по государеве грамоте велено быть прежнему служилому человеку Федьке ж Иванову сыну Кайгороду и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов служилому человеку Васке Жаворонкову велели быть в березовских же…

Ивашко Семенов сын Ту…

Л. 73.

Ортюшка Федоров сын Латышев в прошлом во 148-м [1640] году за воровство за зернь отставлен а в его место гулящей человек Жданко Семенов и в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Жданково место Ярофейку Иванову сыну Верхотурцу которой взят у стольника и воеводы у Петра Головина с товарыщи в енисейские казаки…

Л. 73 об.

Ондрюшка Микифоров сын Лопухин в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место енисейскому казаку Данилку Михаилову которой взят в прошлом во 150-м [1642] году в Тимошкино место Блохина и в том же во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых…

Л. 74.

Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640] году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову

Олешка Борисов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Олешкино место из новоприборных…

Л. 74 об.

и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть из енисейских казаков Федьке Кузьмину сыну Важенину

Олешка Яковлев сын Фролов в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 74 об.

и в прошлом во 157-м [1649] году в его Олешкино место велено быть из березовских же Васке Иванову сыну Жаворонкову которой послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Стенька Гаврилов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во

Л. 75.

154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Стенькино место со 155-го [1647] году из новоприборных Ларке Ермолину и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Петрушка Соболев в прошлом во 148-м [1640] году зарезан а в его Петрушкино место велено быть промышленому человеку Васке Пархачеву сыну Дмитянину и в прошлом во 150-м [1642] году для старости отставлен

Л. 75 об.

Офонька Обросимов сын Оболтин в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью за молодость что его з государеву службу не будет отставлен а в его место наемщик Китайко Ортемьев сын Оболтин же и в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Китайково место…

Максимко Архипов в прошлом во 150-м [1642] году убит

Л. 76.

Силка Дмитреев сын Кузнецов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с

товарыщи велели быть в его Силкино место со 155-го [1647] году из новоприборных Матюшке Михайлову

Л. 76 об.

Васка Григорьев сын Елистратов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Пронка Офонасьев сын Ангрышев от службы за увечье отставлен а в котором году того не написано и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Пронкино место из новоприборных Власку Дмитрееву и в прошлом… волоку збежал и в прошлом … велено быть в его Власково место отставленому казаку Петрушке Седому и в том ж во 156-м [1648] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л.77.

Максимко Иванов а в его место прислан Кондрашка Иванов сын Кобелев в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Хлеба и соли по две трети их окладов по 4 чети ржи весом иметца по 18 пуд по 14 гривенок против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки

Ефремко Середин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Ефремково место Филка

Л. 77 об.

Мартынов сын Банщик в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Филкино место Богдашке Габышеву в съезжей избе для писма

Васка Третьяков сын Серебреник в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Васкино место Ондрюшка Иванов сын Брагин

Микитка Семенов сын Нарымцов…

Трифанко Осипов… в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 78.

Якунька Михаилов сын Яковлев жена у него на Березове

Гришка Борисов сын Ангрышев в верхоленском в Братцком острожке жена у него на Березове

Михалко Иванов сын Козлов жена у него на Березове в верхоленском в Братцком острожке

Якунька Оксенов сын Кулебакин жена у него на Березове

Л. 78 об.

Енисейские казаки

Оклад денег пятидесятником и десятником по 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев а хлеба пятидесятником и десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четьверть да по 4 чети овса по 2 пуда без чети соли

Л. 79.

Десятники

Нехорошко Павлов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Симанко Головачев в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Симанково место со 156-го [1648] году енисейскому казаку Селиванку Харитонову в рядовом окладе

Л. 79 об.

во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году Енисейского острогу казачью десятнику Вахрушке Максимову сыну Попову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы

Михалко Кузьмин сын Кожевников в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 80.

Ондрюшка Иванов сын Пермяк

Семейка Чюфарист

Панфилко Федоров сын Мокрошубов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Алазеику реку

Рядовые казаки

Олешка Яковлев сын Олень и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 80 об.

Митька Кондратьев сын Вятка в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Митькино место из новоприборных Ивашку Кузьми-

ну сыну Пуляеву и в том же во 155-м [1647] году тот Ивашко из Якутцково острогу збежал на море

Л. 81.

Ондрюшка Сидоров сын прозвище Безсонко в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Максимко Кирилов в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место енисеиской ж казак Федька Иванов сын Кайгородец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Федьке быть в березовских и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть енисейскому казаку Онцыфорку Юрьеву которой взят из Енисейского острога…

Давыдко Матвеев сын Устюжанин в прошлом во 154-м [1646] году умре и в том же во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-м [1647] году енисейскому казаку Гришке Кирилову…

Л. 81 об.

…и в прошлом во 154-м [1646] году отпущен к государю к Москве с отписки и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Гришкино место отставленому служилому человеку Михалку Леонтьеву и в том же во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Вторко Федоров сын Катаев в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Л. 82.

Дружинка Иванов сын Пурышев в прошлом во 155-м [1647] году по его Дружинкину челобитью за увечье что он рослаблен отставлен а велено быть в его Дружинкино место по государеве грамоте ссыльному новгородцу сыну боярскому Ивашку Волкову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Федька Микифоров сын Балагур в прошлом во 150-м [1642] году убит… енисейскому казаку Фомке Кондратьеву которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Л. 82 об.

Харка Ваенгин в прошлом во 148-м [1640] году по его Харкину челобитью велено быть в перемену брату ево Юдке Ваенгину

Куземка Григорьев сын Усок

Ивашко Осипов сын Щербак в прошлом во 152-м [1644] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федьке Мартемьянову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Оленке реке умре

Ивашко Остафьев сын Тверянов в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Л. 83.

Макарко Микитин сын Рыбка в верхоленском в Братцком острожке

Ивашко Кирилов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Томской казак Фомка Федулов в прошлом во 157-м [1649] году велено быть в его Фомкино место ис тобольских казаков Кирилку Иванову для ево работы потому что в съезжей избе в сторожах

Томской казак Вторко Гаврилов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Савка Ондреев сын Ростегаев убит при прежних… с това

Л. 83 об.

рыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Кондрашке Микитину сыну Спицыну которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в нынешнем во 158-м [1650] году выслан в Енисейской острог

Кондрашка Мясин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж году в его место енисейскои же казак Девятко Ермолин

Л. 84.

Панфилко Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 156-м [16482] году на государеве службе на Вилюе в середнем зимовье умре и в том же во 156-м [1648] году велено быть в его Панфилково место ссыльному Ондрюшке Федорову в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Устинко Панфилов сын Тунгуской толмач…

Л. 84 об.

Ивашко Иванов сын Зворыкин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Омоско Михаилов

сын Важенин в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Михалко Офонасьев сын Черепан Устюжанин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Семейка Иванов сын Новгород в прошлом во 155-м [1647] году на государеве службе на Улье реке утонул

Л. 85.

Ондрюшка Омосов

Грязка Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Ивашко Логинов сын Москвитин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 85 об.

Якунька Иванов сын Нужа в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Трофимко Сидоров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в том же во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Трофимково место со 155-го [1647] году из новоприборных Треньке Оленееву

Л. 86.

Семейка Чертов сын Пермяк в верхоленском в Братцком острожке

Савка Истомин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Ондрюшка Иванов сын Вологжанин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 86 об.

Кирилко Ваняков

Семейка Архипов сын Толмач в прошлом во 152-м [1644] году убит в Пегой и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федотку Макарову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в нынешнем во 158-м [1650] году выслан в Енисейский острог

Л. 87.

Михалко Стадухин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку

Ярофейко Киселев в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море

Л. 87 об.

Федька Трапеза убит при прежних при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Оверке Савельеву которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во 156-м [1648] году тот Оверка с Ленсково волоку збежал…

Микулька Юрьев

Стенька Осипов убит при прежних при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Стенькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федосейку Григорьеву которого

Л. 88.

в прошлом во 153-м [1645] году в Енисейском остроге подьячей Василей Шпилькин прислал по государеве грамоте

Посничко Иванов в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Евсейко Павлов сын Устюжанин

Красноярской казак Оничка Микитин в прошлом во 154-м [1646] году на государеве дальней службе на Индигирке реке убит и того ж 154-го [1646] году велено быть в его Оничкино место …

Л. 88 об.

Исачку Степанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит и в том же во 157-м [1649] году велено быть в его Исачково место Потапку Кондратьеву которой был написан в Ывашково место Ретькина и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы

Васка Переславец в прошлом во 149-м [1641] году по его… челобитью в его место енисейской же…

Ивашко Дубов в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 89.

Тренька Карпов сын Хомяк в прошлом во 150-м [1642] году убит а в его место красноярской казак Олешка Филипов в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Гаврилко Микитин сын Пашенной в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Федька Кузьмин сын Важенин в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Федьке быть в березовских

Офонька Брусенин

Л. 89 об.

Ивашко Овдеев сын Плотник

Олешка Гнутой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят енисейской же казак Ивашко Михаилов сын Тархов в прошлом во 157-м [1649] году велено быть в десятниках и в том же во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Оленке реке…

Л. 90.

Ивашко Семенов сын Жирко

Федька Михаилов сын Поздыв Тунгуской толмач убит прежних стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Первушке Кнутову которой взят из Енисейского острогу для сыскного дела и Ленской службы…

Л. 90 об.

Ивашко Степанов сын Рябов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Якунька Ушнитцкой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят Ярофейко Иванов сын Верхотурец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Ярофейку быть в березовских…

Л. 91.

Томилко Ильин в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Куземка Суздалец

Тимошка Павлов сын Блохин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Данилко Михаилов …

Л. 91 об.

Потапку Кондратьеву со 155-го [1647] году в рядовом окладе и в прошлом во 157-м [1649] году по государеве грамоте велено быть в его Потапково место пятидесятнику Ивашку Кожину в прежнем в пятидесятничье окладе Ивашка Ретькина а ему

Потапку воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов велели быть в енисейских же в выбылые в Ысачково место Степанова и писан выше…

Л. 92.

со 155-го [1647] году енисейскому служилому человеку Ондрюшке Овдееву которому велено быть вместо брата его родново Офоньки Овдеева что в прошлом во 153-м [1645] году в Енисейском остроге подьячей Василей Шпилькин прислал по государеве грамоте и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Фочка Самсонов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в верхнее зимовье

…ка Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Томской казак Микифорко Иванов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен к государю к Москве…

Л. 92 об.

по государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено ево Микифорка Аргамакова поверстать в пятидесятники против ево брату пятидесятников и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов велели ему Микифорку быть в пятидесятниках а оклад учинили против ево брату пятидесятников 6 рублев…

Л. 93.

по государеве грамоте отпущен в Енисейской острог с служилыми людьми с Микифорком Рудаковым с товарыщи а в его Осипково место велено быть промышленому человеку Шестачку Сергееву и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку

Васка Иванов сын Новгород в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Васке быть в тобольских …

Л. 93 об.

в 28 день по государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено быть в пятидесятниках на Ивашко место Пермяка в его окладе тобольскому казаку Ивашку Иванову сыну Реброву которой отпущен был в прошлом во155-м [1647] году в заменное число и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов по государеве грамоте ему Ивашку быть велели в пятидесятниках…

Л. 94.

Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во155-м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину

Матюшка Иванов сын Ярыгин

Митка Михаилов

Ярилко Юрьев

…казаку Мокеику Игнатьеву и в прошлом во155-м [1647] году отпущен на государеву дальную службу на Ковыму реку

Л. 94 об.

Енисейские служилые люди

Оклад денег тож число что и прежним да по две трети окладов их хлеба по 4 чети без третника ржи весом иметьца по 16 пуд по 33 гривенки без 16 золотников против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 3 чети без третника овса да по полу по 7 гривенок без трети гривенки соли

А полной оклад хлеба по 5 чети с осминою ржи весом по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою да по 4 чети овса да по 2 пуда без чети соли

Пятидесятник Семейка Родяков в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи по его Семейкину челобитью за старостью и за увечья отставили

…енисейскому казаку Ивашку Яковлеву которой взят Енисейского острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во155-м [1647] году из Якутсково острогу Ивашко збежал на море а в его Ивашково место велено быть со155-го [1647] году отставленому казаку Митьке Овдееву сыну Бакову

Л. 95 об.

Гришка Федоров сын Шадра в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Гришкино место из новоприборных которой был на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье Олешке Михаилову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

…и в прошлом во155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ивашково место енисейскому ка-

заку Исачку Онфимову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы

Якунька Софронов в прошлом во 154-м [1646] году с Усть Куть

Л. 96.

реки збежал и в прошлом во155-м [1647] году велено быть в его Якунькино место отставленому казаку Микитке Семенову и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Лучка Дружинин в прошлом во155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Онтонко Спиридонов сын Сорока а по скаске служилых людей Кондрашки Мокеева… что де тот Онтонко в нынешнем во 158-м [1650] году…

…по помете на выписке диака Осипа степанова велено быть в его Онтонково место промышленому человеку Васке Потапову Бурлаку

Л. 96 об.

Кузнецы

Оклад денег по 5 рублев да хлеба по 5 чети ржи весом иметьца по 22 пуда по 37 гривенок с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли

Дружинка Семенов в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи с того Дружинку по его… отставили а в его Дружинкино место велено быть из… томскому казаку Ивашку Васильеву сыну Бурлаку и в нынешнем во 158-м [1650] году послан к государю к Москве наскоро с отписки

Онтипка Фролов в нынешнем во 158-м [1650] году по его Онтипкину челобитью отпущен в Тоболеск

Л. 97.

Толмачи

Оклад денег по 5 рублев да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда без чети соли

Куземка Габышев…

Соборной церкви пономарь

Оклад денег 3 рубли с полтиною да хлеба 4 чети ржи весом иметьца 18 пуд 14 гривенок против Указу в тобольскую в государеву казенную в четверть по 4 чети овса…

Л. 97 об.

с полугривенкою в четверть да 2 чети овса да пол 2 пуда соли

Федотко Андреев и в нынешнем во 158-м [1650] году сентября в 1 день по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Федотково место в пономарях промышленому человеку Терешке Григорьеву

Л. 98.

Тобольские служилые люди которые присланы с Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену

Оклад денег 5 рублев с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли

Пятидесятник Ларка Харитонов сын Едомской

Оклад денег по 5 рублев без чети

Десятники

Олешка Марков в его место казачей брат Семейка Иванов

Истомка Иванов в его место…

Л. 98 об.

Степанов и в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Ярофейко занемог и в свое место нанял тобольсково города казачья брата Микитку Прокопьева

Рядовые

Денег оклад по 4 рубли с четью

Федька Федоров сын Нашивочник в его место казачей брат…

Лучка Михайлов в его место казачей брат Ивашко Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Исачко Демидов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 99.

Ивашко Мартемьянов в его место казачей брат Миншичко Иванов в верхоленском в Братцком острожке

Васка Мартемьянов в его место казачей брат Ивашко Симанов в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Ларка Федоров сын Черепан в его место племянник ево Дорофейко Корнилов и в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Дорофейко занемог и в свое место нанял…

Ивашко Павлов в его место казачей сын Якунька Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Васка Фотеев сын Вострой в верхоленском в Братцком острожке

Л. 99 об.

Кирилко Онтонов сын Кособоров в прошлом во 154-м [1646] году под Самаровыми горами занемог а в свое место нанял казачья брата Тимошку Микитина в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы

Дениско Александров в его место племянник ево Баженко Измайлов в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот баженко занемог и в свое место нанял…

А по скаске служилых людей пятидесятника Бориска Оноховсково с товарыщи что де тот Сысойко в нынешнем во 158-м [1650] году декабря в 1 день на Май реке на дороге умре а в его место нихто не поверстан…

Л. 100.

Ондреев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Прохорко Ондреев в его место брат ево Семейка Петров в верхоленском в Братцком острожке

Оска Семенов сын Глотов в его место казачей брат Оверка Микифоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Морозко Семенов в его место брат ево Петрушка Дмитреев…

Гришка Иванов сын Пелымской в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Л. 100 об.

Викулька Прокопьев в его место казачей брат Тимошка Федотов в верхоленском в Братцком острожке

Обрамко Иванов в его место казачей брат Рудачко Тимофеев в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Рудачко занемог и в свое место нанял казачья брата Демку Иванова Ушарова в верхоленском в Братцком острожке

Л. 101.

Оклад денег по 4 рубли с четью да хлеба ржи овса тож число что писано выше сего да по 2 пуда без чети соли

Пронка Иванов сын Белоус

Томилко Федоров в верхоленском в Братцком острожке

Евсефейко Костянтинов в верхоленском в Братцком острожке

Семейка Дмитреев

Петрушка Офонасьев в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Федька Федоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 101 об.

Микифорко Савельев сын Латкин в прошлом во154-м [1646] году под Самаровыми горами тот Микифорко занемог и в свое место нанял закачья брата Ивашка Васильева в верхоленском в Братцком острожке

Ефтифейко Назарьев в прошлом во 154-м [1646] году поплыл ис Тобольска… тот Ефтифейко в свое место нанял Максимка Григорьева в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Шестачко Перфирьев

Ермолка Федоров в верхоленском в Братцком острожке

Захарка Леонтьев в верхоленском в Братцком острожке

Л. 102.

Корепка Сысоев в прошлом во154-м [1646] году идучи дорогою занемог и в Нарыме в свое место тот Корепка нанял казачья брата Гришку Обросимова в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы

Ивашко Мартынов в прошлом во157-м [1649] году в верхоленском в Братцком походе зарезан и в том же во157-м [1649] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку…

…Некрасов в верхоленском в Братцком острожке

Карпунка Симанов в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Денег по 4 рубли с четью да хлеба ржи по число что писано выше сего да по 2 чети

Л. 102 об.

овса да по 2 пуда без чети соли

Лучка Иванов сын Бородулин в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Лучка занемог и в свое место нанял казачья брата Семейку Алексеева в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Оничка Иванов сын Светоносов в верхоленском в Братцком острожке

…в его место казачей брат Михалко Максимов… году в Енисейском остроге то Михалко занемог в свое место нанял казачья брата Ивашка Иванова сына Горохова в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Михалко Воробьев в прошлом во157-м [1649] году на государеве

Л. 103.

службе в верхоленском в Братцком острожке убит и в том же во157-м [1649] году велено быть в его Михалково место Ивашку Иванову сыну Вогжанину в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Завьялко Онтипин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Куземка… в его место казачей брат… сын Комаров и в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Гришка занемог и в свое место нанял казачья брата Гарасимка Кондратьева сына Комарова в верхоленском в Братцком острожке

Пронка Ортемьев в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве

Л. 103 об.

в провожатых

Трошко Онтонов в его место Онтонко Тимофеев

Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену

Оклад денег 5 рублев с четью да хлеба 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуд по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли

Л. 103А.

Пятидесятник Бориско Ортемьев сын Оноховской в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Оклад денег 5 рублев без чети

Десятник Федька Моисеев в его место сын его Ивашко Федоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

…сын Огрысков в его место Якунка Кондратьев и в Енисейском остроге тот Якунька занемог и в свое место нанял Якуньку ж Михайлова сына Байду и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 103А об.

Федоско Перфирьев

Матюшка Олексеев в его место казачей брат Завьялко Калинин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Онтонко Нестеров в его место казачей брат Онцыфорко Дмитреев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Игнашко Офонасьев в его место казачей брат Пронка Григорьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Сенька Ондреев в его место казачей брат Демка Федоров на дороге идучи умре в прошлом во 156-м [1648] году а в его место нихто не поверстан

Мокейко Микитин в его место казачей брат Офонька Кучин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу…

Ивашко Карпов сын Сарачин в его место казачей брат Ондрюшка Шипицын в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Епишка Иванов сын Мыльников в его место казачей брат Куземка Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Савка Сысоев в нынешнем во 158-м [1650] году июля в 31 день в Якутцком остроге на карауле… убился

Л. 104 об.

Микитка Гаврилов сын Гамов в его место казачей брат Иваш-ко Малафеев

Фомка Емельянов сын Табаков в его место казачей брат Замятенка Костянтинов

Гаранка Петров в его место казачей брат Михалко Иванов сын Лифанов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Ивашко Васильев в его место казачей брат Филька Емельянов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Федька Томилов сын Оконничников

Ивашко Иванов сын Зырян в его место казачей брат Офонька Ортемьев

Л. 105.

Стенька Кирилов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Шумилко Дмитреев

Оклад денег и хлеба тож число да по 2 пуда без чети соли

Васка Ермаков в его место казачей брат Микифорко Ярофеев

Максимко Михаилов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Оксенко Лукьянов сын Скребыкин в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку

Тренька Кирилов в его место казачей брат Онтонко Офонасьев в прошлом во… году послан на государеву дальную службу на Оленек реку

Л. 105 об.

Ивашко Иванов сын Шестаков в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Митька Григорьев сын Кобелев в его место казачей брат Васка Кузьмин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Офонька Матвеев сын Курзатов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Ивашко Захаров сын Соловьянин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Нехорошко Яковлев сын Баков в его место казачей брат Семейка Леонтьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Л. 106.

Оклад денег и хлеба ржи и тож число да по 2 чети овса да 2 пуда с четью соли

Нехорошко Микитин

Оклад денег и хлеба ржи и овса тож число да по 2 пуда без чети соли

Бориско Ортемьев в его место казачей брат Микитка Кондратьев

Тренька Костянтинов

Сенька Григорьев в его место казачей брат Васка Вахромеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Митька Иванов сын Самоядин

Л. 106 об.

Березовские казаки

Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по полу 2 пуда соли

Юшко Тимофеев сын Скорняков в его место казачей брат…

Лучка Васильев сын Мозолецкой в его место отставленой казак Овдокимко Игнатьев

Онтонко Семенов сын Ослопов в его место казачей брат Олешка Лукин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу… реку

Л. 107.

Сергушка Иванов

Федька Васильев сын Свешников в его место казачей брат Васка Усков в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Гришка Федоров сын Недорез в его место томской казак Ивашко Гурьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Оклад денег тож число что писан выше сего…

Ивашко Иванов сын Смагин в его место гулящей человек Харитонко Офонасьев сын Леготин в прошлом во157-м [1649] году послан на государеву дальную службу…

Л. 107 об.

Савка Павлов сын Куланов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку

Гришка Кузьмин сын Ярославцов в его место гулящей человек Фомка Офонасьев сын Нижегородец и в нынешнем во 158-м [1650] году ноября в 30 день на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре а в его место нихто не поверстан

Л. 108.

Енисейские служилые люди которые присланы из Енисейсково острогу з десятником с Марчко Котковым прежним на перемену

Оклад десятнику денег 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев да хлеба десятнику и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою …

Десятник Марчко Котков

Рядовые

Ивашко Федотов сын Кокин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Полуянко Яковлев сын Котков

Матюшка Елфимов…

Л. 108 об.

в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Ивашко Ондреев сын Былинка в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых

Федотко Прокопьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Юдка Офонасьев

Ивашко Петров сын Синерог

Федька Савин сын Нарымов в его место Семейка Ортемьев сын Сажин

Гришка Кирилов в его место Кондрашка Родионов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в… зимовье

Л. 109.

Фочка Фирсов в его место Офонька Дорофеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Курбатко Офонасьев в его место Гарасимко Гаврилов

Михалко Лыкасов в его место Сенька Григорьев сын Голой

Петрушка Родионов

Исачко Моисеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

Богдашка Степанов в прошлом во156-м [1648] году выслан в Енисейской острог

Трофимко Микитин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю

Л. 109 об.

Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых …

Л. 110.

Савка Скобельцын
Ивашко Слепов
Кондрашка Качиев
Тимошка Елапомец
Ивашко Молоков
Якунька Тюря
Демка Дуров

Л. 110 об.

Сенька Дорогин
Марчко Васильев сын Попадья
Васка Мартынов
Овдюшка Бочкарь
Васка Васковской
Якунька Бронник

Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в его государевой службе в выбылые места и в Якутцком остроге выбылых…

Л. 111.

со 159-го [1651] году сверх государева указного числа 48 человек в тобольском окладе для того что из Якутцкого острогу посылки на многие государевы службы для ясачного и поминочного зборов посылать старых служилых людей мало и многие государевы службы за безлюдством служилых людей стали а оклад им учинили денег по 4 рубли с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца…

Корнилка Скворцов
Митька Пушников

Ивашка Михаилов сын Деревня
Ганка Кузьмин …

Л. 111 об.

Исачко Офонасьев
Гаранка Максимов
Ивашко Игнатьев
Ивашко Онтонов сын Нагиба
Стенька Семенов
Васка Ондреев сын Бетин
Олешка Иванов сын Сулой
Гордюшка Кузьмин сын Балаш
Мартынко Ларионов
Золька Клементьев
Ондрюшка Семенов
Микитка Павлов сын Клюсов
Федька Спиридонов

Л. 112.

Федька Трифанов
Олешка Федоров сын Перезаров
Куземка Калинин сын Шингирей
Олешка Микитин
Якунька Парфеньев
Савка Яковлев
Куземка Мартемьянов
Ивашко Васильев сын Тотарин
Федька Григорьев сын Орел
Петрушка Борисов
Першка Ондреев

Л. 112 об.

Сенька Леонтьев сын Позорной
Панкрушка иванов сын ракулов
Ивашко Уваров

Да в нынешнем во 158-м [1650] году из новой Даурской земли по челобитью промышленых людей которые посланы в прошлом во 157-м [1649] году с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым и в нынешнем во 158-м [1650] году… и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов приговорили тех промышленых людей для их к государя службы в новой в Даурской земли и для безлюдства служилых людей поверстать в служилые люди

Л. 113.

…казаки со 159-го [1651] году а оклад им учинили против березовских казаков денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по полу 2 пуда соли

Ивашко Мартемьянов

Л. 113 об.

Сергушка Федоров

Тренька Вахромеев

Оксенко Терентьев Гиляк

Якунка Васильев Берников

Савка Иванов Юкагирской толмач в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье

* * *

Это уже был смешанный состав шести казачьих сотен Тобольска, когда к старой сотне добавилось еще пять из новоприборных казаков, набранных на Русском Севере. Плюс березовские казаки — вероятно, тоже нового состава, так как основной березовский гарнизон стал ядром гарнизона Томска.

И вот, что мы видим по результатм «мировой челобитной»: основной состав наказанных — казаки, вольница. Треть от всех. Причины, по всей видимости, разные — тут и ясачные сборщики, и целовальники, и те, кто «шумел»…

Все, кто шел против воли воеводы. То есть против ГОСУДАРЕВОЙ воли.

Борисов Стенька (Степанка) Колмогорец	Служилый, Тобольск, казак станицы Клима Бобошина целовальник	Его «пытал без сыску». Дал Головину 300 рублей вместе с Олексеевым Ермачком
Васильев Гришка	Тобольский казак, казак станицы Клима Бобошина	Бит батогами
Визгунов Фомка	Ясашный сбощик на Вилюе, Тобольск, пеший казак станицы Мурзы Выходцова	Его «заморил в тюрьме голодною смертью»
Григорьев Лаврушка	Березовский служилый	пытан

Григорьев Родька	Десятник, Тобольск, пеший казак станицы Гавриловы Ильина	Его Г. «хотел бить кнутом и матерно лаял»
Денисов Савка	Березовский служилый	Посажен в тюрьму
Дмитриев Девятка	Березовский служилый	Его «на костре жег до смерти»
Еуфимиев Дорошка	Березовский служилый	Его «бил батоги»
Иванов Шаламка	Березовский пятидесятник	Его «пытал без сыску»
Игнатьев Добрынко	Березовский Служилый	пытан
Кириллов Овдокимко	Березовский казак, ясашный сборщик на Вилюе	Его «пытал»
Кишнев Матюшка	Березовский служилый	Его «били в спину пальмою, кололи»
Кокшар Тренька	Березовский служилый	Его «в шею кололи пальмою… били»
Коркун Олешка Леонтьев	Березовский служилый	Его «напрасно изувечил на смерть», «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
Костентинов Омелка	Березовский служилый	Его «бил кнутом»
Матвеев Федька (Угренинов Федка Матвеев)	Тобольский служилый, казак станицы Клима Бобошина	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
Михайлов Офонька (Винокур Офонка Михайлов)	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	Его «пытал без сыску»
Олексеев Богдашка	Тобольский служивый, десятник, казак станицы Якова Елизарьева	Его «бил батоги»
Онисимов Олешка ярославец	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
Пантелеев Парфенка	Тобольский служилый, Тобольск, казак станицы Якова Елизарьева	Посажен в тюрьму
Титов Гришка (Титов Гришка Сабачин)	Тобольский служилый, стрелец	Его «пытал без сыску»

Титов Тимошка Тропа (Титов Тимошка Кивокурец)	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	«зжег до смерти на костре»
Федоров Ивашка болховитин	Тобольск, стрелец	Его «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися»
Филатов Нефетка Устюжанин	Тобольский служилый, казак станицы Тугарина Панютина	«зжег до смерти на костре»
Шумилов Ларька	Березовский служилый	Его «бил батогами на смерть и изувечил».
Ярославец Тимошка Онисимов	Служилый, Тобольск, казак станицы Тугарина Панютина	Его «бил батоги»

Кстати, по примеру Олешки Леонтьева Коркуна можно судить о том, как наказывал Головин самых строптивых из самых «шумливых»...

* * *

Но помимо того, что воеводе Петру Головину в результате карательных и очень радикальных мер по пресечению контрабанды пушнины удалось в шесть раз увеличить сбор ясака в казну, он является ГЛАВНЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ всех тех промысловых экспедиций, которые были осуществлены при нем.

Ни одна промысловая экспедиция не могла быть осуществлена без письменного НАКАЗА воеводы. За ослушание наказывали очень строго — примером может служить Михаил Васильевич Стадухин, один из первооткрывателей Колымы, заработавший на этом «батоги».

Как и за невыполнение наказа — здесь примером может служить Еналей Леонтьевич Бахтеяров, письменный голова, сорвавший экспедицию на реку Шилку.

Но казачьей «вольнице» с неутолимой жаждой личной наживы, стимулируемой неугомонным промышленным людом, проникающим в самые дремучие дебри сибирской тайги и тундры, было не до наказов.

И примером тому может быть все тот же неугомонный Михаил Стадухин, который совершил по тем временам просто невероятное — прошел тундрой и морем путь с устья реки Колымы до Анадырского острога, оттуда на реку Пенжину (Гижигу), затем на Тауй, откуда через несколько лет вернулся в Якутск.

Его несколько опередил Семен Дежнев — вообще-то с купцами Гусельниковыми состояли в одной торгово-служилой корпорации Стадухины, но Михаил Васильевич, по известной уже нам причине, был задержан в Якутске и опоздал принять участие в том «вояже». Может быть, на свое счастье — ведь в живых из участников той экспедиции осталось совсем немного людей.

Может быть, именно поэтому Михаил Стадухин, когда добрался до Анадырского острога вел себя столь вызывающе, вплоть до того, что команда Семена Дежнева вынуждена была покинуть острог и отправиться на поиски реки Пенжины.

* * *

К прибытию Михаила Стадухина на Анадырь здесь было уже многолюдно.

Во-первых, здесь жили основатели Анадырского острога – члены промысловой экспедиции, которые впервые в истории отечественного мореплавания в поисках «рыбьего зуба» -- моржового клыка — предприняли морской вояж вокруг Чукотского Носа. Наши современники по-разному оценивают результаты этого плавания, но мировая общественность давно и, наверное, навсегда, пальму первенства присудила все-таки Семену Дежневу и членам его команды.

Семен Дежнев был енисейским казаком, как и многие из тех, кто стал называться впоследствии казаком ленским или якутским, перейдя на службу в Якутск.

«Осенью 1640 года, после отстранения Ходырева от службы, Галкин направил в погоню за Сахеем опытного человека казака Ивана Тимофеева Метленка, но и он разделил участь своих предшественников. Тогда Галкин послал к Сахею для ясачного сбора Семена Дежнева.

Вернувшись в Якутск, Дежнев застал там посланного воеводой Головиным Василия Пояркова, который набирал два отряда для сбора ясака на вновь открытых “заморских реках” — Яне и Индигирке. Весть о богатствах этих рек принесли уже упоминавшийся енисейский казак Посник Иванов и красноярский казак Аника Никитин, вернувшиеся из второго похода на Индигирку, доставившие в Якутск ясак с юкагиров, а также Прокофий Козлов Плехан, приплывший “с моря” от енисейского десятника Елисея Юрьева Бузы. Плехан заявил, что “с падучих рек в море”, которые они открыли, “впредь будет тебе, государю, прибыль в ясачном зборе”.

В своей "скаске" Посник Иванов и Аника Никитин показали, что "в Юкагирской-де землице соболей много и в Индигирскую-де, государь, реку многие реки пали, а по всем тем рекам живут многие пешие и оленные люди, а соболя и зверя всякого много но всем тем рекам и землицам… а у юкагирских же-де, государь, людей серебро есть".

Василий Поярков имел строгий наказ — "прибрать" из числа охотников не больше 15 человек и немедленно послать их на Яну и Индигирку. Набрать такую небольшую группу не представляло труда. Стоило Пояркову "кликнуть охочих, служилых и промышленных людей", как посыпались челобитные с просьбой отпустить в "новые землицы". Среди челобитчиков был и Семен Дежнев. Быстро образовалось два небольших отряда, во главе которых стали Посник Иванов и Дмитрий Михайлов Зырян. Иванов третий раз пошел на Индигирку, Зырян — на Яну. С Зыряном на Яну отправился Дежнев».

И с той поры до 1659 года Семен Дежнев более в Якутске не появлялся и никакого жалования — денежного, соляного, хлебного — не получал в течение ДЕВЯТНАДЦАТИ лет. С ним, в числе первых русских жителей Чукотки, было двенадцать человек. Л.А Демин в книге Семен Дежнев называет имена девяти из них (точнее шести, так как трое из перечисленных имен принадлежат беглым казакам): Это **Семен Дежнев**, **Фома Семенов Пермяк**, **Павел Кокоулин**, **Сидор Емельянов**, **Иван Пуляев, Михаил Захаров**, **Терентий Куров**, **Елфим Меркурьев Мезеня**, **Петр Михайлов** и **Артемий Солдатко.**

Из этих девятнадцати лет — десять, с 1649 по 1659 год — он был приказчиком Анадырского острога. Правда, не один — разделяя эту должность, то с беглыми казаками Василия Бугра, которые избрали со своей стороны соуправителем острога Никиту Семенова (1651–1658); то со служилыми людьми команды казака Семена Моторы, присланного якутскмм воеводой.

Вот, что касается Василия Бугра:

«Несколько особняком среди этих людей благодаря необычной своей биографии стоит Василий Бугор. Как казачий десятник, он впервые упоминается в челобитной енисейских служилых людей 1637 года, просивших о выдаче жалованья за поход на Ангару. Впоследствии он переходит на службу на Лену и в 1646 году участвует в походе в Братскую землю уже как ленский казак. Вернувшись из этого похода, Бугор участвует в заговоре группы

якутских служилых людей. Бросив государеву службу, они составили ватагу гулящих людей и бежали вниз по Лене. Вероятно, это событие было вызвано конфликтом с воеводой Пушкиным и приобретало характер социального протеста против воеводы и его окружения. Среди беглых, кроме Василия Бугра, было два казачьих пятидесятника — Иван Реткин и Шеламко Иванов и еще девятнадцать рядовых казаков. К беглым служилым людям присоединились и некоторые промышленные. Из отписки воеводы В. Пушкина 1648 года узнаем, что заговорщики покинули Якутск, захватив коч, принадлежавший торговому человеку Василию Щукину, и пограбив у промышленных людей хлебные запасы и малые суда.

Спускаясь вниз по Лене, ватага беглых грабила служилых, промышленных и ясачных людей. Повстречав дощаники с казаками, возвращавшимися с Алдана, беглецы обобрали с них паруса и снасти. У ясачных людей они отбирали имущество, коров, рыболовные сети, собак, "чем соболи промышлять". Так что в тех местах, где проходила ватага Бугра, у местных жителей остановился соболиный промысел, и они перестали вносить в казну ясак.

Около Жиган ватага встретила коч Матвея Акинфиева и Тихона Колупаева, казанских торговых людей, плывших с покрученикаами и товарами. Беглецы забрали судно со всеми товарами и имуществом, принадлежавшими как хозяевам, так и их покрученикам и оцененным в сумму более чем в 1200 рублей. Так ватага Бугра из группы людей, выражавших социальный протест против несправедливости, превратилась в разбойную ватагу, промышлявшую грабежами.

Из ленского устья Бугор с сообщниками, располагая двумя хорошо снаряженными кочами, с большим запасом съестного и всяких товаров, необходимых для торгового обмена с аборигенами, вышли в океан и направились на восток.

Реакция Сибирского приказа на отписку воеводы В. Пушкина о случившемся была сравнительно мягкой, как будто произошло самое заурядное, обыденное происшествие — "Отписать в якутский острог — будет те казаки вперед объявятся, и про то роспросить, и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску, взятое без прибавки доправя на них, отдати истцам". Мы видим, что власти подходили к делу как к обычному случаю ограбления частных лиц казаками. На сам факт бег-

ства с государевой службы внимание не акцентировалось, а лишь предлагалось "роспросить" беглецов, если те объявятся. Очевидно, центральные власти не хотели раздражать суровыми репрессиями служилых людей далекого края, считаясь с суровыми условиями их службы и постоянной нехваткой людей в Якутии.

Василий Бугор проявил себя как смелый полярный мореход, хотя его плавание по Ледовитому океану и закончилось неудачно. Он с отрядом присоединился к экспедиции Стадухина, потом в составе стадухиского отряда пришел сухопутной дорогой на Анадырь. От Стадухина, с которым он, видимо, не поладил, Бугор перешел к Дежневу и нес вместе с ним анадырскую службу уже не как беглый, а служилый человек. О его прежних прегрешениях и разбоях, похоже, власти забыли».

«Примеру Василия Бугра и Евсевия Павлова (присоединившихся к отряду М. Стадухина. — *С.В.*) последовали и их товарищи по скитаниям, среди них беглый казак Шалам Иванов, вскоре смертельно раненный в схватке с ходынцами на вершине Анюя. К отряду Моторы и Дежнева присоединились и другие беглые казаки, бывшие стадухинцы, и в их числе Никита Семенов, Павел Кокулин».

А вот, что касается Семена Моторы:

«Казак Семен Иванов Мотора служил на Лене с первых лет ее открытия. В 1642 г. с отрядом Дмитрия Зыряна он прибыл на Индигирку, а затем на Алазею и Колыму, где безвыездно находился до похода на Анадырь летом 1651 г., когда он прибыл к С.И. Дежневу и они служили некоторое время вместе с ним вплоть до своей гибели в схватке с анаулами в 1655 году».

«Еще до возвращения Стадухина на Колыме произошло важное событие. В годовщину отъезда Дежнева на Анадырь, 20 июня 1649 года, казаки поймали за Анюем "ходынского (юкагирского) мужика" Ангара, рассказавшего, что по Анюю можно перейти через хребет на новую реку Анадырь, и хотя сведения о реке Анадырь и что она лежит за хребтом получены были еще в 1646 году, рассказ Ангара дал новый толчок. Новая весть с быстротой молнии разнеслась по Колыме и собрала вокруг новых вожаков толпы людей, готовых немедленно идти в поход. Чтобы придать движению официальный характер, состоятельные торговцы Матвей Камкин, Анисим Костромин, Михаил Захаров и другие подали челобитную Василию Власье-

ву с просьбой отпустить с ними на Анадырь служилого человека. При этом торговцы "объявили прибыль государю" с новой реки — 40 соболей.

Руководителем экспедиции и приказчиком на Анадырь Власьев назначил Семена Иванова, по прозвищу Мотора, бывалого и смелого казака. Мотора пытался пройти на реку Анадырь еще летом 1648 года.

*Отряд Моторы состоял из 9 служилых и 30 промышленных людей. Из челобитной Семена Моторы, сохранившейся в делах Якутского областного управления, отправленной е устья реки Анюя не позже 1 марта 1650 года, узнаем некоторые имена участников похода. Среди них были и "сошлые" (беглые) казаки: **Павел Кокоулин**, **Кирилла Проклов** и **Артемий Солдат**»* (М.И. Белов).

Но вот более полный список анадырских беглых, каждый из которых избрал себе вождем либо Дежнева, либо Мотору, либо Стадухина, либо еще одного весьма любопытного для нашей истории человека, пришедшего на Анадырь с воеводским наказом и соответствующими пономочиями — Юрия Селиверстова: **Ярофей Киселев**, **Иван Пуляев**, **Павел Кокоулин**, **Евсевий Павлов**, **Григорий Онтонов**, **Филипп Мартынов**, **Гавриил Фролов**, **Ортемий Федотов (Солдат)**, **Василий Щукин**, **Иван Пушкарев**, **Иван Южак**, **Иван Яковлев**, **Григорий Вахромеев**, **Иван Пенега**, **Архип Аршин**, **Василий Вилюй**, **Парфен Григорьев**, **Максим Тотменин** и **«ссыльной человек Мокей Семенов».**

* * *

Сегодня трудно оценить правдивость челобитных, написанных триста лет назад, но, тем не менее, это весьма любопытно, чтобы представить борьбу за власть в далеком Анадырском остроге, который по мерке того времени не был богат ни соболями, ни лисицами, только, может быть, полярными песцами — а знаменитая Анадырская моржовая корга еще не была открыта. Итак, Федор Ветошка в своей челобитной от 4 апреля 1655 года:

«Велел де нам Михайло Стадухин говорить вам всем Семеновым товарищем, чтобы вы пошли и били челом в полк ему Михаиле, а буде де не послушаете и к нему Михаилу в полк не пойдете и вас де Михайло велит побивать всех на голову… и дорогою идучи по Анадыре, он Михайло у нас приказного

служилого человека Семена Мотору, распиша на ходу, сильно взял, и жил он Семен у Михаила Стадухина девять дней, а на десятый день пришел он Семен к нам на дороге и сказывал: садил де меня Михайло Стадухин в колоду, и вымучил де у меня такое письмо, что де мне Семену с товарищи, не наказной памяти, памяти, твоей государевы Анадырской службы чтоб не служить, а быть де ме с товарыщи под началом у него Михаила…».

А далее свидетельствует сам Семен Дежнев: *«И мы, служывые и промышленные люди Семен Мотора и яз, Семейка Дежнев, с товарищы с служивыми и промышленными людьми, бегаючи и укрываючись (о)т его, Михайловы, изгони, пошли мы осенью нартным путем вперед на захребетную реку Пянжын (Пенжину) для прииску и приводу под государеву царскую вы (соку)ю руку вновь неясачных людей».*

Поход был неудачным — на Пенжину не вышли и вернулись обратно.

И снова начались распри. Но потом жизнь заставила совершить совместный поход на анаулов, убивших девятерых служилых людей из отряда Стадухина, чтобы призвать их снова к платежу ясака.

Силы отряда Стадухина были подорваны и первенства удержать ему уже не удавалось. Тем более, что и часть беглых «казаков перешла на сторону Дежнева и Моторы:

«Тогож 159 (1651) году, февраля в 9 день Михайло Стадухин пошел на новые реки на Пенжин, а мы холопи твои государевы по нуже ради остались, потому, государь, что нам подъемы становилися великою дорогой ценою, а нам подняться нечем, и мы Васька Бугор и Евсейко (Павлов. — *С.В.*) *остались на Анандыре реке, и пристали мы к Семену Иванову Моторе; и мы вместе с ним с Моторою вместе стали делать кочи…».*

«Примеру Василия Бугра и Евсевия Павлова, — пишет Л.М. Демин, — последовали и их товарищи по скитаниям, среди них беглый казак Шалам Иванов, вскоре смертельно раненный в схватке с ходынцами на вершине Анюя. К отряду Моторы и Дежнева присоединились и другие беглые казаки, бывшие стадухинцы, и в их числе Никита Семенов, Павел Кокулин. Это пополнение компенсировало те потери, которые отряд понес минувшей осенью». Кстати, тогда Никита Семенов и был избран соуправителем Анадырского острога.

* * *

Стадухин не задержался более на Анадыре. И вот уже его собственный рассказ о причинах своего ухода с Анадыря, дальнейших походах и злоключениях.

«Во 155 (1647) году отпустил из Якутцкого острогу Василей Никитич Пушкин с товарищи на Колыму реку для прииску новых рек… 158 (1650) году шол я за волок с Колымы реки нартами 6 недель, а на том волоку взяли 3 мужиков Кодюлских; а как пришли на Анадыру реку к Анаулским людем к их острожкам, и сказывал им государево жалованное слово, и оне того не послушали, и я Михалко с товарищи, прося у Бога милости, к их острожкам на приступ пошли, и Божиею милостию и те острожки взяли, а лутчих людей их посадили в аманаты, и те Анаулы учинилися послушны и покорны. Того же 8 году **Онисимко Костромин** послал **Петрушку Пустодома** семью человеки к Анаулским людем, и тех Анаулских людей пограбил, платья и одежи взяли… да и Чауского парня аманатского родника привезли оне к себе в зимовье к Онисимку с товарищи, а того парня прислали в подарках к **Василью Бугру**; а аманат Кука бил челом государю, а сам говорит: за что грабят моих родников? 159 году, о Филипове заговенье, послал служилых людей Гришку Вахромеева с 9 человеки к Анаулским людем высылать на соболиный промысел, и те Анаульские люди тех служилых людей побили, а знатно оне побили за тот Онисимков грабеж, а после того тот Онисимко да Васка (Бугор. — *С.В.*) пришли ко мне в зимовье, учали говорить угрозами, да и на себя запись [требовать], а я Михалко им записи не дал, а прочитал государев наказ, а про тот наказ они говорят невежливо: а после того 5 ден спустя он Онисимко собрался с товарищи, в поход пошол и досталных Анаулских людей, которые в убойстве не были, и тех всех разорил. И мне на той реке быть не у кого, а от их насильства пошел на иную реку на Аклей нартами с великою нужею, и без хлеба и на том волоку едва не померли; да 159 (1651) году, апреля в 5 день, пришли на Аклей реку к Корятским людем к острожку, и тот острожек, Божиею милостию, взяли; а на той стороне лесу нет, по обе стороны все камень голец с вершин и до моря, а рыбы мало, а живут все оленные люди Коряки; а на той реке боев было много, а на тех

боях убили служилых людей 7 человек, а 3 человека умерли своею смертию; а лес судовой добывали с великою нужею и с боем и за кровию, а суднишка поделали. А в распросе сказали Корятские люди про Изигу реку, а на той реке соболей много, и лесу много и людей много, и я Михалко с товарищи поделал кочи и пошел морем на Изигу реку, и тут меня уносило в море трои сутки, а другое судно разбило не дошед Изыги реки, сентября в 20 день в десятом году; а как на Изигу реку пришли и острожек поставили, и к нам учали Корятские люди приезжать, по 100 и по 300, и поимали лутчего князца Юкомова племянника Наигу, а привезли Корятские люди 2 лисицы черные, одна лисица была в шубе, а другая лисица с лапы непорота; а на той реке будет государю прибыль немалая, и я сошел с той реки от безлюдства, что служилых людей мало, привести под государеву высокую руку не кем, аманата с собою взял, а на той реке убили служилых людей двух человек, а с той реки в ею сторону есть Таванка река, а на той реке живут Корятские люди, а другая река — Емова, а на той реке живут такие же люди, а на тех реках будет государю прибыль. А с той реки Зиги шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (1653) году сентября 10 дня, а на той реке острожек поставлен, и с того острожку ходили в поход на Тунгуских людей и к их острожкам, и под теми острожки убили промышленного человека **Максимка Иванова**, а иных многих испереранили, и Божиею милостию и государевым счастьем, те острожки взяли, жен и детей поимали, к себе в зимовье свели; и тех тунгусов учало… к нам приходить к зимовью, и тех мужиков лутчих взяли в аманаты и посадили 7 человек, и к тем аманатам учали приходить, государю ясак платили. 162 году, июля в 13 день, те аманаты, да с ними были два Корятские аманаты, ночью колодки с ног подрезали и у анбара стену подрезали, а сами все ушли, на карауле в те поры… **Тимошка Савин Важенин**, а другой был **Шаропко Осипов Важенин**, после того убили у нас промышленного человека **Семена Зоя**; а в заговев Филипова поста, ходили в поход, в том походе убили у нас промышленного человека **Шаропка Осипова Важенина**, того ж числа об Рождестве… ходили в поход, и те Тунгусы подсмотрели нас, разбежались, а как мы пошли назад и те Тунгусы на дороге

запали, убили у нас служилого человека **Ярофея Киселева**; да второго же году, августа в 30 день, в поход ходили на Тунгуских людей, стояло 10 юрт, и прося у Бога милости, напуск учинили, и с тех юрт мужиков сбили и жен и детей взяли, а на том бою убили у нас служилого человека **Ивана Федорова**, и к тем ясырем пришол Тунгус Шаман посадил сына своего в аманаты и ясак с себя и с роду своего дал на 165 год, а за иные роды приходят, того же году приходят приступами, а на приступе у нас убили служивого человека Агафонка Иванова; а был у нас поиман Тунгус Денева, и тот Денева с родниками своми иным велел побивать служивых людей, на томже году весной, как суднишко делали, убили у нас служилых людей **Ивана Шестакова, да Андрея Филипова, Саву Федотова**, как суднишко сделали, и того вора Тунгуса Повыесили Денева. А как мы пошли с Андыря морем, видели нужи и бедности от иноземского смертного убийства и ран много приняли, от моря потопу много же приняли; на здешном море кости рыбья зубу нету, никаких диковин нет; а толко госуда…, позволите вы, государевы воеводы, наперед мне послать служилых людей, и тут будет прибыль государю не малая. 166 (1658) году, марта в 1 день, отпустил государеву казну с служилыми людми с **Архипком Аршининым, с целовальником Матюшкою с Калиным, Мишкою Вятом, Оничкою Яковлевым, Петрушкою Пустодомом, Ивашкою Сидоровым, Якункою Мановым**, с ними послано государевы казны полчетверта сорока, 8 пластин в наполниках, в десятинех 28 соболей с пупки и с хвосты, да пошлинных 4 соболя с хвосты и с пупки, да Спаских 2 сорока 30 соболей, пластин собольих сорок две пластины с хвосты, да лисица… наполник семь соболей отдан Ивашку Федорову, а у него взято за наполник семь соболей его промыслу… и чертеж земли и рекам с ними же посланы…»

* * *

В «мирской челобитной» **Юшка Селиверстов** назван «ушником Головина» — то есть человеком якутского воеводы. Последующие события, в том числе и на Анадыре, вскроют целый пласт подлых и пакостных черт этого человека, поэтому есть все основания полагать, что таможенный целовальник Юшка Селиверстов, сдавая Головину тайные дела и сделки Ходырева с Хабаро-

вым, якобы злонамеренно обходивших таможню, был с ними в доле, но успел донести первым…

В 1650 году он внесен в список якутских казаков как «новоприборный» казак — в целовальники обычно выбирали из торговых (посадских) людей.

«Промышленный человек Юрий Селиверстов, родом из Важского уезда, — енисейский посадский человек. Первые сведения о нем сохранились в таможенной книге Енисейска за 1630 г., где в записи от 6 апреля значится: “Взята пошлина с промышленных людей Юшка Селиверстова Двинянина з братом Максимком с 70 соболей…” (Сибирский приказ, кн. 75, л. 520). Селиверстов пришел на Лену с первыми партиями промышленных людей, в конце 30-х годов его выбрали целовальником Якутского острога. Летом 1648 г. с отрядом Михаила Стадухина Селиверстов прибыл на Колыму и отсюда ходил на коче искать новую реку Погычу. Как известно, это плавание Селиверстова и Стадухина не увенчалось успехом.

Как видно из таможенных дел за эти годы, Селиверстов проявил большую инициативу в организации и снаряжении морских и сухопутных походов на “заморские реки”. Конечно, он был в курсе всех новейших географических открытий, о чем мог узнать от тех, кто приходил в Якутскую таможню. Это были торговые и промышленные люди, шедшие впереди колонизационного потока. Заинтересовавшись богатствами «новых земель», в начале 40-х годов он отправился на Яну, Индигирку и дальше, но вскоре вернулся назад, в Якутск.

Летом 1650 г. Селиверстов приплыл на Лену. В Якутске Селиверстов сообщил сведения о богатствах рек и земель, расположенных к востоку от Колымы. В 1651 г. воевода Франсбеков послал Селиверстова для промысла кости “рыбий зуб” на реки Анадырь и Чондон и обязал его доставить в казну 50 пудов этой кости. Для экспедиции Селиверстову выдали хорошо оснащенный коч и большое количество товаров».

По своей внутренней природе Селиверстов был, по всей видимости, авантюристом, который не боялся рисковать.

Кстати, точно таким же был и новый якутский воевода Дмитрий Францбеков, который первым откликнулся на идею Юрия Селиверстова, вернувшегося с Колымы из первой (морской) экспедиции Михаила Стадухина с моржовой костью — «рыбьим зубом», организовать экспедицию по добыче моржовых клыков, предоставив для этой цели Селиверстову особые права:

«…в нынешнем, государь, во 159-м году, октября в 31 день, писал к нам, холопям твоим, с Ковымы реки служилой человек Михалко Стадухин4, что де за Ковымою рекою на море моржа и зубу моржевого добре много. И буде ты, государь, изволишь велишь послать служилых людей с хлебными запасы, и тебе, государю, будет многая прибыль. И про тот моржевой зуб и про морской ход ведает промышленной человек Юшко Селиверстов и то де морское дело ему, Юшку, за обычей. И прислал он, Михалко, с тем Юшком твоей государевы рыбьи кости две головы, четыре зуба, весом дватцать девять гривенок, да в Якуцкой острог, в спаскую казну5 полпуда кости рыбья же зуба, а в Якуцком остроге приему целовальников Кости Иванова да Ондрюшки Дубова дватцать пять гривенок. Да по той же Михалковы отписки привез с собою Юшко Селиверстов своей кости рыбья зубу четыре пуда. И мы, государь, холопи твои, у того Юшка, выбрав лутчую кость — три пуда дватцать восемь гривенок, взяли на тебя, государя, по оценке торговых людей и деньги ему, Юшку, из твоей государевы казны дали; и всего той кости пять пуд тритцать три гривенки без чети гривенки, а Якуцкого острогу торговых людей по оценке на двести на дватцать на шесть рублев и ту твою государеву и спаскую казенную кость послали с казенными целовальники с Олешкою Васильевым сыном Едомским да Стенькою Андреевым сыном Куликовым, а ценовную роспись послали под сею отпискою. Да мы ж, государь, холопи твои, того промышленного человека Юшка Селиверстова про ту кость рыбья зубу допрашивали словесно, где тот рыбей зуб взят. И Юшко Селиверстов нам, холопем твоим, сказал: как де ходили с Ковымы реки служилые люди, Михалко Стадухин с товарыщи, на новую на Пагичю реку, и они де ту кость збирали на берегу и на берегу де лежит многая заморная кость, мошно де той кости нагрузить многие суды, а они де сами той кости не брали затем, чтоб им тут не зазимоватца, потому что у них хлеба не было, а рыбы де им добыть зимою на море нельзя, потому рыбьи кости и не брали. Да в нынешнем же, государь, во 159-м году, июня в 24 день, тот промышленной человек Юшко Селиверстов бил че-

лом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичи) всеа Русии, а нам, холопем твоим, в Якуцком остроге в съезжей избе подал челобитную, а в челобитной, государь, ево написано, что в прошлом де во 157-м году был на море, и есть де в то море впали реки многие: Чюхча река да Ковыма река, а за Ковымою рекою есть четыре реки, а от тех рек есть реки Нанандара6 да Чондон, а люди по тем рекам живут многие, а языки розные — чюхчи, ходынцы, коряки, няняулы и иные, государь, роды есть и языки многие, и те иноземцы тебе, государю, наперед сего не плачивали. И с тех, государь, иноземцов с новых не ясачных людей он, Юшко, с охочими с промышленными людьми с чюхчей, с ходынцов, с коряков и с няняулев и с их родов и с иных неясачных иноземцов, которые по тем рекам живут, вместо твоего государева ясачного соболиного збору учинит тебе, государю, будет в ясачном зборе великая прибыль рыбьим зубом и собольми и лисицами. И мы, государь, холопи твои, для, такой твоей государевы службы велели ему, Юшку, в Якуцком остроге прибрать охочих промышленых людей. И он, Юшко, прибрал охочих промышленных людей к себе четырнатцать человек. И в Якуцком, государь, остроге в твоей государеве казне твоих государевых хлебных запасов было мало и служилым людем давать в твое государево жалованье нечево. И я, государь, холоп твой Митька, не хотя твоей государевы службы поставить, дал тому Юшку с товарыщи своих хлебных запасов и всякой их подъем, ссужал своим. Да им же, государь, мы, холопи твои, дали твое государев коч со всею судовою снастью. И вперед, государь, о том нам, холопем своим, что ты, государь, укажешь?».

Подчеркнем — Францбеков ссудил Селиверстову и свой личный хлеб, и свои личные средства. Как и в случае с Амурским походом Хабарова, будучи уверенным в успехе и южного – Амурского, и северного — Анадырского — походов: *«…20 июля воевода выдал Селиверстову наказную память, отлично оснащенный коч, парус и веревки для другого судна, много хлеба, “промышленный завод”, 3 пуда зелья (пороха), 3 пуда свинца, два мушкета, судовые инструменты и “на подарки иноземцам” 150 железных стрел, 50 больших и малых палиц, 50 топоров, 4000 штук синего одекуя и др. Эта экспедиция обошлась больше чем в 3600 рублей и была снаряжена лучше всех предыдущих».*

Сначала Селиверстова преследовала неудача — противный ветер, а потом уже и льды, как и в случае со Стадухиным, не позволяли преодолеть Чукотский Нос морем. И только в 1654 году уже по проторенной людьми Моторы и Стадухина сухопутной дороге прибыл он на Анадырь, где тут же попытался перехватить власть, пользуясь наказам Францбекова, и монополизировать промысел «рыбьего зуба» на открытой в устье Анадыря людьми Дежнева в 1652 году моржовой корге.

Власть он, якобы, захватил — в 1654–1656 годах Селиверстов (по М.И. Белову) является официальным приказчиком Анадырского острога. Но по другим источникам – ничего у него не вышло. Стал бы он в 1654 году, будучи приказчиком, писать такую бумагу:

«Се яз, Якутцкого острогу охочей служилой человек Юрье Селиверстов, дал есми сию отпись на Андыре реке Якутцкого острогу служилым людем **Семену Иванову Дежневу да Никите Семенову**, **Павлу Васильеву Кокоулину**, **Федоту Емельянову Ветошке**, **Василью Ермолаеву Бугру**, **Евсивью Павлову**, **Ивану Яковлеву**, **Ортемью Федотову**, **Дмитрею Васильеву**, **да торговому человеку Онисиму Артемьянову Костромину**, **да промышленым людям Василью Ермолаеву Бугру**, **Терентью Никитину**, **Дружине Олексееву**, **Козьме Иванову, Василью Маркову**, **Юрью Трофимову**, **Стефану Сидорову**, **Томилу Елфимову**, **Данилу Панкратову**, **Титу Семенову**, **Павлу Максимову**, **Филипу Данилову**, **Пятому Малафиеву**, **Ивану Лаврентьеву**, **Козьме Иванову**, **Платону Иванову**, **Петру Михайлову**, **Третьяку Степанову**, **Онтону Ондриеву**, **Григорью Онтонову**, **Ивану Федорову**, **Степану Петрову**, **Сидору Емельянову**, **Кирилу Стефанову**, **Панфилу Лаврентьеву**, **Фоме Семенову**, **Третьяку Курсову** в том, что отдали мне, Юрью, оне на Анадыре реке 2 кочика по 5-ти сажен некрытые и с кочевыми ремеными снастьми, а широта тем кочикам по полуторе сажене, на Анадыре реке четвертая вода тем кочикам, нынешнаго 162-го году майя в 19 день, для ради государевы службы и морсково промыслу моржевово зуба кости, что он, Юрье, с охочими служилыми, промышлеными людьми пришел для ради государевы службы и морсково промыслу моржевово зуба кости. Да оне же, служилые и промышленые люди,

отдали павозок лотку. Да у него же торговово человека Онисима Костромина в тех кочиках другой пай Троетцкой покойного убитово Михаила Захарова».

А вот с коргой, действительно, вышла заморочка — кто же добровольно отдаст такие богатстсва?!

Пришлось делиться.

Но при этом Селиверстов плел интриги, ссорил людей, заводил своих «ушников» — соглядатаев.

«Среди казаков и промышленников нашлись люди, недовольные Дежневым и Семеновым. Селиверстов уговорил их послать в Якутск донос на своих начальников. Доносчики — Василий Ермолаев Бугор и Евсей Павлов — писали воеводе Михаилу Лодыженскому, что Дежнев и Семенов "не радели государю", разогнали от зимовья ясачных юкагиров.

Одно время к Дежневу и Семенову поступил на службу "для письма" казак Павел Кокоулин, тайный сторонник Селиверстова. Пользуясь их неграмотностью, он клеветал на честных людей. Это стало известно Дежневу, и он вынужден был заметить Кокоулину: "Что ты, Павел, по своему жестокосердию пишешь, и нас, холопей государевых, во всем прописываешь!" Вскоре Кокоулин открыто переметнулся на сторону Селиверстова».

Селиверстов попытался нанести еще один удар по окружению Дежнева-Семенова: «Весной 1655 года он неожиданно объявил на Анадыре воеводский наказ о высылке в Якутск для производства следствия беглых казаков: Федота Ветошки, Никиты Семенова, Артемия Федотова Солдата, Василия Бугра, торгового человека Анисима Костромина…».

Но фокус не удался…

А потом на самого Селиверстова посыпались неудачи:

«Весной 1655 года торговые и промышленные люди в третий раз пошли на моржовые промыслы к устью Анадыря. Дежнев остался в зимовье, где его интересы на промыслах представлял Никита Семенов. Селиверстов послал на "коргу" своих покрученников во главе с Павлом Кокоулиным Заварзой. Промысел выдался удачный. За один месяц казаки доверху нагрузили суда моржовыми клыками. Но в самый последний момент с моря налетел ветер, разыгралась буря. Коч, на котором находилось 14 промышленников, и в том числе Павел Кокоулин, сорвало с якоря и понесло в открытое море. Об этих людях больше ничего не было слышно. Вероятнее всего, они погибли».

«В 1655 году Анадырское зимовье постигло несчастье. Вешней водой снесло шесть изб и 20 амбаров, в том числе "государев амбар", в котором хранилось 8 пудов казенной моржовой кости и 40 пудов моржовых клыков, принадлежащих Юрию Селиверстову».

А далее события приобретают уже трагикомический характер.

В 1655 году из Анадырского острога выезжают в Якутск с грузом моржовой кости две раздельные партии. Одна — Юрия Селиверстова. Вторая — в которую входят те самые беглые казаки Василий Бугор, Федот Ветошка, Степан Вилюй и торговый человек Анисим Костромин, которых Селиверстов пытался насильно выслать в Якутск. Теперь они вместе с Евсевием Павловым, который здесь главный, доставляют в Якутск груз, чтобы получить официальное прощение от власти (с ними письмо Дежнева о долгой и беспорочной службу этих казаков на Анадыре).

«Опередив промышленников, Селиверстов на собаках доехал до Якутска, где дал ложные показания против Василия Бугра и Степана Вилюя в том, что в Нижнеколымске якобы выдал им 15 пудов моржовых клыков для провоза на Лену. На очной ставке через год он сознался, что, "убоясь государева большого долгу, что ему отплатитца своим нечем… на него, на Ваську [Бугра], и Стеньку [Вилюя] сказал напрасно".

На этот раз Селиверстов получил по заслугам: 68 пудов моржовой кости, принадлежащей ему и оцененной в 2281 рубль, были отобраны в счет уплаты долга, взятого у воеводы Дмитрия Франсбекова. По подсчетам Съезжей избы, Селиверстов оставался должен казне еще 1396 рублей 6 алтын 7 денег. В связи с показанием Селиверстова, что на Анадыре он роздал промышленникам в долг примерно эту же сумму, воевода Лодыженский выслал его туда летом 1657 года под наблюдением сына боярского Курбата Иванова.

Это была, видимо, последняя поездка Селиверстова. В документах имеется краткое упоминание о том, что летом 1666 года он приезжал с Анадыря на Колыму, где продавал моржовые клыки. Но с этого года о нем ничего не слышно. Очевидно, этот завистливый и склочный человек, но вместе с тем и незаурядный мореход погиб» (Белов М.И., Подвиг Семена Дежнева).

* * *

Семена Дежнева сменил на Анадыре знаменитый первооткрыватель Байкала тобольский казак Курбат Иванов:

«В прошлом же во 167-м году майя в 29 день на Анадыре реке в ясачное зимовье служилого человека Семейку Дежнева переменил, взял у него, Семейки, 7 человек аманатов и тем аманатом роспись под сею отпискою и в том с ним, Семейкою, росписался. А что у него, Семейки, в зборе государевы казны ясачных соболей и кости рыбья зубу, и он, Семейка, отпущен в Якутцкой острог не считан. Да с ним же, Семейкою, отпущены в Якутцкой острог служилой человек **Ортюшка Салдат**, да промышленые люди: **Томилко Елфимов, Титко Семенов, Ивашко Казанец, Гришка Потберезной, Филька Данилов.** А на Анадыре реке **служилых людей 5 человек**, да торговых и промышленых людей 32 человека. А живут с великою нужею и кормятца рыбою, делают сетишка ис кропивы, а хто привезет с Руси сетного холстишка и прядена, и покупают на кость рыбья зубу, за сеть дают по пуду кости семерной, а пуд кости ценою 15 рублев, а холсту купят 2 рубли и по три рубли аршин. А обувь носят кожь моржевую, а лопотишко парки оленьи и ровдуги покупают у иноземцов дорогою ценою на железо, а железо промеж собою купят палмы по полупуда кости рыбья зубу, а стрелы купят по рублю. И они промышленые люди в том обдолжали…».

Курбат Иванов сообщает и о Селиверстове (1659 г.):

«…Юшко, отпущен на Анандырь реку в охочих служилых людех для промыслу кости рыбья зубу, за коч и за всякие судовые снасти, и за карбас, и за всякой подъем, и по кабалам Дмитрея Францбекова 1393 рубли 7 алтын полшесты деньги. И он, Юшко, за те недоплатные деньги в Якуцком в приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да диаку Федору Тонково подал 30-еть кабал своих, а по тем кабалам доведетца взять денег 80 рублев, да 15 сороков полтора соболя, да 16 пуд кости рыбья зубу с полугривенкою. Да у нево ж, Юшка, осталось на Анандыре реке и ево, Юшковых, кабал и записей у Якуньки Кишиева да у Фетьки Гаврилова по их росписе 51 кабала да три записи, и

всего по их росписи полпятидесят одна кабала 416 рублев с полтиною, да осмнатцеть сороков осмнатцеть соболей с полусоболем, за 37 пуд кости рыбья зубу, да четвертанатцатой пай пять пуд кости и обоего будет кости 42 пуда с полупудом. Да по той росписе ево ж, Юшковых, статков у тех же у Фетьки да у Якуньки — 11 фунтов зелья, да 12 фунтов свинцу, да шестеры мюльки, да нашивка шелкова, да 2 палмы по три четверти, 3 сверла кочевые, 2 замка, да 4 гривенки олова отложнова, да скворода железная. Да Ивашку Мину дано 2 фунта зелья, а то зелье купят по 3 рубли фунт».

Сам Курбат отправляется в Анадырский острог вместе со своими сыновьями: «Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю… (т.) бьют челом холопи твои Якутцкого острогу служылые люди Юшко Селиверстов, Федька да Герасимко Курбатовы дети.

В нынешном, государь, во 165-м году велено нам, холопем твоим, из Якутцкого острогу идти на твою, государеву, дальную службу с сыном боярским с Курбатом Ивановым морем на новую на Нандару реку и в-ыные сторонные реки для прииску вновь неясачных юкагирей и иных родов, которые преж сего тебе, великому государю, ясаку с себя не плачивали, и для зубу рыбьи кости.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… (т.), пожалуй нас, холопей своих, своим государевым хлебным и соляным жалованьем для той твоей, государевы, дальной службы вперед на 2 годы на 166-й и на 167-й год в наши оклады.

Царь, государь, смилуйся».

Иванов Курбатко (Иванов Курбат Афанасьев сын), пеший казак станицы Гаврилы Ильина прибыл из Тобольска в составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина.

Станица Гаврилы Ильина — это та самая тобольская «старая сотня». Поэтому вполне вероятно, что Курбат из семьи казака-старожила, который в 1623 году владел собственной деревней. Их было двое: *«Деревня на калмыцкой дороге на дуброве. Во дворе конной казак Неустрой Иванов. Пашни у нево паханные середней земли 4 чети да перелогу 8 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 4 десятины. Сена косит 200 копен»; «Во дворе пеший казак Завьялко Иванов. Пашни у нево паханные середние земли 6 четей да перелогу 8 четей в поле а в дву потому ж. Пашенной дубровы 10 десятин. Сено косит 200 копен».*

В 1651 году Курбат Афанасьевич подписал челобитную с просьбой о верстании его в дети боярские, перечисляя все то, что он сделал в интересах государства:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Тобольского города пятидесятничишко Курбатко Иванов. Служил я, холоп твой, отцу твоему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и тебе государю всякия твои государевы службы со 147-го (1638/39 год) году и по се число и посылан я, холоп твой, был с Ылимского волоку в верх великия реки Лены по твоему государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровичя Головина с товарыщи для прииску новых неясашных людей тунгуских и братцких князцей и их улусных людей и служил я, холоп твой, государю отцу твоему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и тебе ж государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии в верх великие реки Лены восмь лет и середи Брацкия земли твой государев острог поставил на усть Кулени реки, а то, государь, место угожее пашнями и сенными покосами и рыбными и звериными ловли многие же и привел под твою государеву высокую руку неясашных братцких людей тысячи с полторы да тунгусов триста человек, а твоего государева ясаку всего да собрал больши двусот сороков соболей, а тот государев ясак писал по годом в книгах, да в тех, государь, годах для твоего царьского величества брацкие и тунгуские князцы и их улусные люди сносили мне холопу твоему семьдесят восмь соболей да три ожерелья соболиные пластинные да лисицу бурую и я холоп твой те соболи и ожерелье и лисицу положил в твою государеву казну, а против них соболей и ожерелья и лисицы я, холоп твой, в подарки давал ис своих крошишек и писаны те соболи и ожерелье и лисица в ясашных книгах порозну статьями хто, что принес. Да моею ж холопа твое службишкою во всю великую реку Лену из Верхоленского острогу божиею милостию, а твоим государевым счастием и нашею к тебе, государю, службишкою скотом коньми и коровы и пашенные крестьяне и всяких чинов люди наполнились, а в прежние, государь, годы, которые были кони по пятидесят и по штидесят рублев и на Илимском волоку и нынече, государь, нашею службишкою те кони рублев по десяти и меныпи, а коровы, государь, были рублев по тритцети, а нынече рублев по шти и тем, государь, скотом коньми и коровы завелись многие пашенные крестьяна и всяких чинов люди по великой реке Лене и хлеб, государь, почал быть дешев, а в прежние государь, годы при твоих государевых стольниках и воеводах при Петре Петровиче Головине с товарыщи в Якутском остроге пуд муки купили по пяти рублев, а ны[не]че государь в Якутцком остроге и во всю великую реку Лену пуд муки по десяти алтын и в пол полтины и те, государь, наши службишка писаны к тебе государю к Москве в послужных списках, а те, государь, послужные списки челобитные в Сибирском столе у твоего государева боярина у князя Алексея Микитича Трубецкого, а которые, государь, служилые и охочие люди служили тебе ж, государю, со мною холопом твоим в верх великие реки Лены на всех на тех службах и тем, государь, служивым и охотным людем имяна в послужных списках, а тех, государь, охочих промышленных людей подымали мы холопи твои коньми и оружьем и порохом и свинцом своими крошишками, а служил я, холоп твой, в верх великия реки Лены восмь лет а всего государь моея службы из Тобольска двенатцать лет, а женишко, государь, и детишка мои в Тобольском городе скитаются меж дворы и помирают з голоду и по се число, а что я, холоп твой, служил тебе государю всякия твои службы и тем моим службишкам под сею челобитного роспись. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии пожалуй меня, холопа своего, за те мои службишка и за кровь на убылое место тобольского сына боярского на Василья Лутевина. Царь государь смилуйся!».

В этой челобитной не отмечено событие мирового значения — Курбат Афанасьевич Иванов в 1643 году стал первооткрывателем озера Байкал, создав «чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам…», который был отправлен позже в Москву.

«159-го (1651) года февраля в 7 де[нь] приказал боярин князь Алексей Никитичь Трубецкой пятидесятника Курбатка за ево службы и за соболиной збор за ево поминочные соболи поверстать в дети боярские по Тобольску, а учинить ему оклад денег двенатцать рублев, хлеба десять чети ржи и овса то ж,

три пуда соли, да в приказ дать денег пять рублев да с казенного двора сукно доброе аглинское…».

Я не знаю причины, почему впоследствии сын боярский Курбат Иванов был отправлен на смену казаку Семену Дежневу в Анадырский острог, который не был славен ничем, кроме «рыбьего зуба», запасы которого стремительно исчезали… Тем более, отправлен вместе со своими сыновьями.

М.И. Белов отмечает, что он был приказчиком в Анадыре с 1659 по 1663 годы. Это тоже весьма немалый срок. Если Семен Дежнев не торопился покидать Чукотку до той поры пока не выбрал моржовую коргу до последнего заморного «зуба», то перед Курбатом Ивановым, по всей видимости, стояли другие задачи — он, как известно, создал первый чертеж Чукотки, добравшись в 1660 году до бухты, которую в 1849 году английский капитан Томас Мур назовет бухтой Провидения в знак благодарности Богу, что он с командой корабля «Пловер», отправившейся в Беринго-во море на поиск потерянной экспедиции, благополучно пережили здесь зиму.

«В 1659–1664 в должности приказчика Анадырского острога Иванов ознакомился с басс. Анадыря, побережьем Анадырского зал. и проследил не менее 1500 км северо-западного берега Берингова моря (походы 1660 и между 1661— 1662), открыл зал. Креста (возможно, вторично — после С. Дежнева), бух. Провидения, хр. Пэкульней, п-ов Говена и зал. Корфа».

Жизнь Курбата Иванова закончилась трагически. Кстати, судьба и на этот раз свела его с Семеном Дежневым:

*«Весной и летом 1667 года Дежнев служил с ним на Чечуйском волоке; там Дежнев организовал хлебный караван, идущий в Якутск. По возвращении с Анадыря на Лену Курбат Иванов попал в беду: вблизи Нижнеколымска во время вынужденной зимовки сгорела ясачная казна, которую он вез в Якутск. Ему удалось на время отвести от себя ответственность, но воевода Борятинский запросил на этот счет Москву. Из Сибирского приказа было получено предписание схватить Иванова и отдать его под суд. Дежнев воспротивился аресту своего товарища. Когда от илимского воеводы Силы Аничкова, действовавшего заодно с Борятинским, на Чечуйский волок прибыли, чтобы арестовать Иванова, — **пятидесятник Игнатий Бутаков и десятник Ларион Смирнов**, — Семен Дежнев отказал им в помощи. Больше того, явившись в Чечуйскую. съезжую избу, он подал Ивану Ерастову челобитную, в которой писал, что "отдать его, Курбата, не умеет". Однако **Ерастов** не послушал Дежнева. "Тем делом не замешкал, — писал он Борятинскому, — того сына боярского Курбата Иванова ильимским служилым людем… из судной избы отдал… и подводы им дал". Спустя несколько дней Курбат Иванов скончался. Так против воли Дежнева была совершена расправа с выдающимся мореходом XVII века, первооткрывателем залива Креста и бухты Провидения»* (М.И. Белов).

* * *

При Семене Дежневе Анадырский острог был центром промышленного освоения Чукотки. При Курбате Иванове и последующих приказчиках он превратился в административный центр военной колонизации, хотя собственно служилых людей здесь было мало (Иванов называет пять человек), поэтому вся тяжесть новых обязанностей ложилась на промышленных людей, которые писали в 1681 году челобитную царю Федору:

«Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьют челом сироты твои промышленные люди: **Кирюшка Стефанов**, **Петрушка Аникиев Щукин**, **Мишка Малафеев**, **Васька Алексеев**, **Ларька Логинов**, **Панко Лаврентьев**, **Фомка Семена**, **Ивашка Савин Прикол**, **Пронька Ерофиев, Якунька Игнатьев**, **Нехорошко Григорьев**, **Савка Васильев**, **Ивашко Фомин**, **Васька Фомин**, **Нехорошко Панфилов**, **Ефимко Кирилов**, **Ивашко Григорьев**, **Пашко Леонтьев**, **Максимка Семенов**, **Якунька Афонасьев**. В прошлых, великий государь, годех пришли мы, сироты твои, на Анадырь реку в та поры, когда не было на Анадыре реке твоих великого государя аманатов и приказные люди преже нас, сирот твоих, на ту реку не бывали. И как стали приходить по твоему великого государя указу приказные люди на Анадырь реку, и нас, сирот твоих, они, приказные люди, стали имать ходить в поход. И мы, сироты твои, с ними, приказными людьми, тебе, великому государю, на Анадыре реки служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпущают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло

всякое и потуги платим и аманатцкие кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпущать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сею нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся».

* * *

Но ситуация, действительно, была не из простых. Об этом писал и сам Курбат Афанасьевич в 1660 году:

«…служилых людей со мною мало, из Якуцкого острогу послано со мною детишек моих двое: **Федька да Гаранька, да Якуцкого острогу служилых людей Данилко Филипов, Юшко Селиверстов.** И судом божиим сынишко мой Федька преставился, а промышленых надежных людей нет с кем послать государева казна, все обдолжали. А государевы казны в Анандырском остроге 168-го году: ясашных 50 соболей, опольник соболей, 4 пластины собольи, десятинного таможенного збору кости рыбья зуба моржевого 15 пуд по 5-и костей в пуд, 5 пуд по 7-и костей».

В 1659 году здесь еще были кое-какие казаки:

«…Василей Бурлак написал…в своей наказной памяти, что…[у]казу велено казачья сотника Амо[са][Михайлова] …да служилых людей **Мишку Нифа[нова], Гарасимка Максимова, Ивашка Хворо[й] …целовальника Петрушку Офонасьева**, которой послан за Нос на Анадырь реку с ним, Амосом, вы[слать] за поруками в Якутцкой острог и объявитца к стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково.

И Амос идет весною в карбасах морем и **Ивашко Хворой** с ним же, а старой целовальник **Петрушка Офонасьев** твоему, государеву, указу учинился силен, в Якуцкой острог не пошел, а идет на Колыму, собрався с служилыми и с промышленными людьми без государева указу, а с Колымы на новую запольную реку Чендон. А **Гарасимко Максимов** идет с ним же, Петрушкою, в Якуцкой острог не пошел же».

* * *

Катасонов Никита, сын боярский, приказчик Анадырского сорога в 1666–1668 гг. (по М.И. Белову). Впервые в списках якутских детей боярских отмечен в 1663 году в мирской челобитной о снижении цен на хлеб. Фамилия, возможно, из донских казачьих дворянских.

Катасонов Дмитрий, сын боярский. В 1682 г. дети: сын Федотка 12 лет (1670 г. р.), сын Пашко 9 лет (1673 г. р.).

Касатонов Федор Дмитриевич. Верстан в дети боярские в 1688 году.

В 1706 году в Якутском казачьем полку служили Алексей (четвертая пятидесятня) и Федор Алексеев (тринадцатая пятидесятня), Иван (шестая пятидесятня) и Павел (двенадцатая пятидесятня) Катасоновы.

В полном противоречии с «теорией тобольского заговора» Василия Колесова по поводу казачьих бунтов на Камчатке и убийства приказчиков одним из ближайших сподвижников Данилы Анцыферова Томского был сын якутского сына боярского казак **Павел Дмитриевич Катасонов**, сожженный заживо авачинскими камчадалами вместе с Анцыферовым и его товарищами по бунту.

* * *

1668 год. Анадырский приказчик Родион Кобелев:

«Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому сын боярской Родька Кобелев с товарищи челом бьет.В нынешнем во 176 (1668) году, августа в 26 день, судом божиим коч на море против Бузина острова о лед розбило и отнесло со льдом в море со всем запасом и з заводом. А сами мы насилу вышли на лед все и со льду попали на землю душою и телом. И осеновали мы на Яне в ясачном зимовье… А которые торговые люди отпущены из Якутцкого острогу на Колыму с хлебными запасы, и пришли оне зимовать на усть Яны

в ясачное зимовье. И служилые люди, которые посланы за Нос со мною, Родькою, били челом великому государю, а мне, Родьке, подали за руками челобитную, что у тех у торговых и у промышленых людей, у **Ивашка Лукьянова сына Пьянова, да у Ивашка Елфимова, да у Фильки Иванова** взять у них хлебных запасов по три пуда на человека, чем бы поднятца великого государя на службу за Нос. И я, Родька, против их челобитья и заручной челобитной у тех промышленых людей взял запасу по три пуда на человека. А оне, служилые люди, которые имали запас, давали на себя память по два рубли за пуд. И пошел я, Родька, с ними, служилыми людьми, с Яны реки за Нос через гору на нартах. А пороху и свинцу государева у нас нет, пошли безо всево. А в город мы итти не смели, потому что слышал я, Родька, за Носом стало малолюдство, а иноземцы стали немирные по всем рекам. А которой послан служилой человек **Михайло Шадра** на усть Яны в ясачное зимовье, и он, Михайло, октября по 8 число на Яну не бывал, а вести к нам на Яну от него никаких не бывало — неведомо он жив, неведомо мертв, а Янское ясачное зимовье стало пусто...».

Вместе с Родионом Кобелевым поехало на Анадырь в 1668 году сразу тринадцать казаков: **десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван (Григорьев сын) Кобелев и для письма Василий Епишев.**

Родиону Григорьевичу Кобелеву поручалось принять Анадырский острожек у сына боярского Никиты Катасанова и прискивать «новые землицы» по Анадырю и по сторонним рекам, «которые реки поблиску прилегли к той же Анадыре реке». В связи с тем, что до него ясак с местного населения собирался беспорядочно и не существовало окладных книг, Родион должен был *«на тех родах (юкагирских) великого государя ясак расписать поименно, порознь, всякого человека и оклады учинить розные: соболи по два и по три и по четыре и по пять соболей и больши, на кого сколько мочно положить, чтоб великого государя в ясаке перед прежним окладом убыли не было».*

Интересно, что одновременно с Кобелевым вышли на Колыму новый приказчик **десятник Иван Симанов** и целовальник

торговый человек Дмитрий Ворыпаев — позже на Анадыре сомкнутся в единое кольцо родовые династии всех троих.

Родион Кобелев провел в Анадырском остроге 13 лет.

В 7206 (1698) году на убылое место сына боярского Родиона Кобелева верстан его сын Тимофей. А корни этой фамилии идут, по предположению Сергея Маркова, из Березова, где, действительно в списках казаков за 1623 год упоминается это имя, но имя стрелецкого сотника Матвея Кобелева в 1636 году упоминается и в Таре:

«Уже на Троицу 5 июля 1636 г. "заводчики бунта", "стакався" с вторым воеводой Г.А. Кафтыревым, публично, в соборной церкви, "лаяли" первого воеводу кн. Ф.П. Барятинского. На следующий день, 6 июня, бурная сцена произошла в съезжей избе, причем гнев тарских служилых был направлен уже против обоих воевод. Поводом послужили попытка воевод "занарядить" людей, минуя войсковую организацию, на трудную работу по подготовке дощаников, а также подозрения, что причиной неудачи недавнего похода был выпуск Ф.П. Барятинским за взятку из города бухарского посла Казыя.

Выражение 6 июня гнева служилых совпало с потасовкой между обоими воеводами, с трудом пресеченной представителями войска. Когда же оказалось, что мирское недовольство воеводами грозит последним немалыми неприятностями, оба они в совместной отписке стали упрекать служилых в бунте в тот день: "приходили на них в съезжую избу Тарсково города ротмистр Ондрей Кропотов, да ***сотники стрелецкие Матвей Кобелев,*** *Иван Лаптев, Дмитрей Меркулов, а с ними многие служилые люди, Федька Шоломов, Ивашко Барма, Степанко Корела, Наумко Митрофанов, Савка Олексеев с великим шумом и заговором казачьим и заводом и хотели их, воевод, побить... и во всяких-де государевых делех ротмистр и сотники служилым людем их, воевод, слушать не велели", после чего тут же "завели казачьи круги" и составили на воевод "ложную воровскую челобитную". Примерно так же эта сцена описана и в отписке второго воеводы, подчеркивавшего, что в съезжей "те-де служилые люди ему отказали, что им ево, Григорья, ни в каких государевых делах не слушать ипошли-де своими воровским заводом" собирать круг в Борисоглебской башне и подписывать челобитную.*

Но, как мы писали выше, из материалов дела видно, что челобитная эта обсуждалась и составлялась на многих мирских сходках заранее. Поэтому-то сразу после столкновения 6 июня

и началось подписание уже готового документа. Видимо, правы были ротмистр, сотники и другие представители войска, что в этот день они явились в съезжую не "скопом и заговором", а вполне законно "бити челом о своих нужах". Следствие выявило, что острый спор в съезжей возник прежде всего из-за всевозможных препятствий, которые чинили воеводы подаче челобитной (как обычно, на царское имя).

Вполне вероятным представляется заявление воевод, что уже 6 июня служилые перестали их слушаться, "отказали" им от власти: "во всяких-де государевых делах ротмистр и сотники служилым людем их, воевод, слушать не велели и служилых же людей по их пашням и по рыбным ловлям роспустили без их, воеводцково, ведома". Ведь, как мы упоминали, в народном сознании подача обоснованного мирского челобиться (да еще с обвинениями в военной измене!) была вполне достаточным поводом для такого "отказа", а тут еще воеводы препятствовали отправке челобитной».

* * *

Но и после 1681 года ситуация со служилыми кадрами в Анадырском остроге коренным образом не изменилась. Вот, что сообщает приказчик Иван Курбатов (не путать с Курбатом Ивановым):

«Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, столнику Ивану Фомичю сотничишко казачей Ивашко Курбатов челом бьет. В нынешнем во 189 году [сент. 1680 – авг. 1681] послан я, по государеву указу, в Онандырской острожек на перемену приказным человеченком к десятнику казачью к Ивану Потапову, и судом Божиим у нас на море кочи розбило, и шел было я с служилыми людми на нартах, с великою нужею, должась у всяких чинов людей великими неокупными долгами. И из тех служилых людей с дороги, с Колымы реки и с усть Анюя рек, с той с государевой службы идучи, сбежали 4 человека казаков: **Олешка Юсов, Ивашко Селенга, Олешка Ондреев, Ортюшка Резанов, а один человек казак Мелешка Быданцов** и тот, идучи дорогою, посек ногу и остался на Индигирке реке, {итти было не мочь}, а с досталными служилыми людьми пошел было я Ивашко на государеву службу в Онандырской острожек, и идучи по Анюю реке, не дошед Анандырского

хребта подъему, нашли аргишницу Юкагирскую и пошли было тою аргишницею проведывати тех Юкагирей **служилые люди 16 человек** да **толмач, казачья жена Офонки Шестакова** (следовательно, и сам Афанасий Шестаков следовал в том же отряде Ивана Курбатова. — *С.В.*), и тех **служилых людей всех те Юкагири Ходынского роду побили**, и пищали и топоры их и спицы железные государевы, которые посланы были промышлять рыбья кости моржевого зуба, и у тех побитых людей те Юкагири ограбили; а ясачные ли те Юкагири или неясачные, того неведомо; **и того толмача те Юкагири ранили и взяли было к себе в полон, и из полону я Ивашко [его] выкупил**; а меня с досталными с служилыми людми теж Юкагири обсадили в осаде апреля в 17 числе [17.04.1681], и приступали к нам, приезжая к острожку, не по одно время [не один раз], со щитами или без щитов, болши двусот человек, и государеву казну пограбить было хотели и меня с служилыми с двунадцатью [12] человеки побить хотели ж; и в том осаде сидел я четыре недели [апрель – май 1681], терпя голодную смерть, и тое государеву казну с служилыми людми отстояли, розграбить не дали, и нас было те Юкагири в острожке обсадили и некуде не выпускали, и к острожку, сделав оне семь щитов деревянных, приходя приступали, и травою огнем сжечь хотели, **и казачью жену у острожку теж Юкагири палмою кололи, а другую казачью жену в полон было к себе взяли и увозили в свои юрты и из полону [ее] выкупили ж**. И по Божьей милости на приступе скрозь те их щиты из острожку из оружья, не хотя тое государеву казну напрасно им отдати и своих голов потеряти, тех Юкагирей на приступе до смерти побивали, а иных многих переранили; а сколки человек мы побили и ранили, того не ведомо. И после того приступу обстали было те Юкагири с своими юртами круг нашего острожку и не хотели было нас выпустить из острожку, заморить голодною смертью; и услышав про нас, что мы сидим в осаде <не дошед?> Анандырского острожку, Чюванского роду лутчей Юкагир Мотора, и приехав с своими родниками, тех Юкагирей от острожку отбил и государеву казну и меня с служилыми людми из острожку выручил и провел от тех Юкагирей за Анандырской хребет за Камень [горный массив], на Шаламиху речку, один без родников своих; и шли мы {к Онандырскому острожку} [сначала] до Анандыря реки в ташках [с

сумами пешком] {недели с две, потому что те Юкагири собак у нас всех у острожку на приступе перестреляли, больши штидесят собак}, а [потом] по Анандырю реке плыли на плотах до [Анандырского] острожку, а государеву казну, за малолюдством и за голодом, нести было не в мочь, путь стал по речкам воденой, и боясь иных Юкагирей, оставил на Яблонной реке, от Анандырского острожку итти в одну сторону воденным путем дней с семь до той казны, а в целости ли та казна или нет, того по сю отписку не ведомо; а по ту казну послал я Ивашко, из {Анандырского} острожку казаков в стругах. А приехав я в Онандырской острожек июня в 22 день [22.06.1681], и государеву казну, и острожек, и аманатов, и аманатской корм, и служилых и всяких чинов людей у прежнего приказного человека у Ивана Потапова все на лицо принял…»

* * *

Правда, в тот период на Анадырь-реку первоначально назначался в приказчики стрелецкий сотник Амос Михайлов:

«В прошлом де во 165-м году октября в 8 день с Омолоевы реки сотник Амос Михайлов послал ево, Треньку, да с ним дву человек служилых людей наемщиков на Ковыму реку с служилыми людьми, **пятидесятником с-Ывашком Кожиным да з десятником с Ондрюшкою Горелым**, а велел де ему, Треньке, на Ковыме реке к своему приходу к весне 165-го году прибирать из промышленых людей вольных для государевы службы на Анандырь реку. И он де, Тренька, во 165-м году прибрал охочих промышленых людей 10 человек. И во 165-м году сотник Амос Михайлов на Ковыму реку не бывал. И он де, Тренька, во 166-м году зимовал на Анюе реке 13-ью человеки, и во 166-м году прибрал охочих же промышленых людей 10 же человек, и сотник де Омос и во 166-м году на Ковыму реку не бывал же. А он де, Тренька, с товарыщи на нево, Амоса, для анандырского ходу корм рыбу по оба годы готовили. И во 167-м году пришел де к ним на Анюй реку сын боярской Курбат Иванов, которому велено быть вместо сотника Амоса Михайлова. И сын боярской Курбат ево, Треньки, с товарыщи к себе в полк не принял, для того де что сотника на Ковыме реке нет, ево де, Треньки, прибору принял он, Курбат, **охочих промышленых людей Ивашка Синицына с товарыщи 10 человек.** И он де, Тренька, перезимовав во 167-м году на Онюе ж реке, и с Анюя де реки сын боярской Курбат послал ево, Треньку, с отписки в Якутцкой» (из челобитной служилого человека **Треньки Алексеева**).

Амос Михайлов был приказчиком на р. Яне (1656–1659 гг.).

Как пишет Н.Н. Оглоблин, в 1656 году якутскими воеводами был дан наказ *«стрелецкому и казачьему сотнику Амосу Михайлову — первому правительственному прикащику, посланному на Анадыр, с 30 служилыми людьми. Он должен был роспи-сатца с Дежневым, Никитою Семеновым (товарищ Дежнева по Анадырской службе) и Юр. Селиверстовым, то есть принять от них зимовья, служилых людей, аманатов, государеву казну, воинские и др. припасы, документы и проч. Главное внимание наказа обращено на прием от Анадырских начальных людей собранной ими моржевой кости и на дальнейшую добычу этого ценного продукта. Якутские власти, повидимому, подозревали Дежнева с товарищами в злоупотреблениях по сбору этой кости, в утайке ея и проч., а потому предписали Михайлову выслать в Якутск Дежнева, Семенова и Селиверстова, а в находившихся в их партиях служилых людей ни на какие государевы службы не посылать, пользоваться для этого только вновь присланными с Михайловым Якутскими казаками. О Дежневе с товарищи (а также и Стадухине) велено Михайлову произвести строгий розыск, как по взаимным их челобитным друг на друга, так и вообще розыскать о всей их деятельности на р. Анадыре».*

Но Амоса Михайлова не прельщала служба в далеком Анадырском остроге, и он отправлял отписки в Якутск о неблагоприятной погоде и других трудностях на морском пути с реки Яны, пока его «не раскусили» и не заменили на сына боярского Курбата Афанасьевича Иванова.

В 1652 году Амоска Михайлов был еще обычным рядовым служилым человеком в Индигирском остроге, а в 1656 году уже приказчик на р. Яне в чине казачьего и стрелецкого сотника.

В 1659 году он впервые ослушался воеводского наказа:

1659 (167) г. не ранее февраля 3. — **Отписка (сына боярского Курбата Иванова) в Якутскую приказную избу о высылке в Якутск казачьего сотника Амоса Михайлова с товарищами и уходе целовальника Петра**

Афанасьева на «новые реки».

...Василей Бурлак написал... в своей наказной памяти, что... [у]казу велено казачья сотника Амо[са] [Михайлова]... да служилых людей Мишку Нифа[нова], Гарасимка Максимова, Ивашка Хворо[й]... целовальника Петрушку Офонасьева, которой послан за Нос на Анадырь реку с ним, Амосом, вы[слать] за поруками в Якутцкой острог и объявитца к стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково.

И Амос идет весною в карбасах морем и Ивашко Хворой с ним же, а старой целовальник Петрушка Офонасьев твоему, государеву, указу учинился силен, в Якуцкой острог не пошел, а идет на Колыму, собрався с служилыми и с промышлеными людьми без государева указу, а с Колымы на новую запольную реку Чендон. А Гарасимко Максимов идет с ним же, Петрушкою, в Якуцкой острог не пошел же. И в том их походе ты, государь, волен, а на ту твою, государеву, службу поднялися собою.

ф. Якутская приказная изба, ст. № 2173 л. 2.

В 1638 году на Лену было прислано несколько тобольских казаков Михайловых.

Михайлов Меншичка, стрелец

Михайлов Нехорошко, казак станицы Ивана Александрова

Михайлов Сергушка, казак станицы Якова Елизарьева

Но более интересен нам другой Михайлов, из Томска: *«Михайлов Поспел (Поспелко), десятник конных казаков. Верстан в казаки в 1624/25 г., рядовой конный казак (1626 г.), десятник (1629/30 гг.). Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна (1626 г.). Служит «со своей пахоты»: 8 четей ржи, 7 четей ячменя, 3 чети пшеницы, 2 чети овса и перелога 3 десятины (1637 г.). В 1625 г. явил в таможне мяхкой рухляди на 1руб., в 1627 г. продал скотину на убой за 3 руб. Женат (1626 г.). В 1631 г. ему было поручено встретить послов Алтын-хана на пашне В.Верхотурца. Один из «пущих воров и заводчиков» в Киргизском походе Я. Тухачевского в 1641 г., в наказание был бит кнутом и брошен в тюрьму. В событиях томского бунта 1648/49 гг. также был признан одним из руководителей восставших; наказан кнутом и выслан в Якутск».*

Практически все томские ссыльные, проходившие по делу о восстании 1648 года, сделали в Якутские блестящую карьеру —

это и дети боярские Мухоплевы-Мухосраны, это и атаманы Полуектовы-Щербаки.

Михайловых было трое — один из братьев погиб на Амуре и сохранилось написанное после 1651 года «челобитье служилого человека Амоски Михайлова о выдаче ему винтовальной пищали его брата, умершего в походе с Поярковым на р. р. Зею и Шилку». Такая же история произошла и с другим братом: «*Брат Амоса Михайлова Семен Григорьев, которому досталась пищаль Амоса*».

Следовательно, отчество Амоса было Григорьевич.

В 1660–1662 (170) гг. сотник Амос Михайлов собирал ясак с юкагиров и эвенов по Индигирскому Зашиверскому острожку

Дети сотника Амоса Михайлова стали писаться Амосовыми.

И его сын Андрей Михайлов Амосов четко идет по стопам своего отца: в 1679–1680 (188) г. казак собирает ясак с верхоянских якутов на реке Индигирке; в 1682–1683 (191) гг. уже в чине пятидесятника — с якутов по Янскому Верхнему зимовью, в 1686–1687 (195) г. с эвенков и якутов по Жиганскому зимовью; в 1686–1687 (195) гг. по Оленскому зимовью; в 1690–1691 (199) гг. там же, но уже в чине сына боярского; в 1694–1695 (203) гг. — с эвенков и якутов по Олекминскому острожку; в 1702 г. производит денежные сборы по Знаменской слободе; а в 1704 году производит роспись сбора ясака Батурусской и приписных волосятх вместе с сыном боярским Афанасием Петровым, устроителем в будущем Архангельского Олюторского острога.

Казак Андрей Михайлов сын Амосов в 1689 году верстан в дети боярские на убылое место Корнилы Скворцова.

Вероятно, у Андрея был брат Василий, потому что в 1706 году в Якутском казачьем полку служили: Василий Васильев сын (вторая пятидесятня), Иван Васильев сын (пятнадцатая пятидесятня), Семен Васильев сын (первая пятидесятня) Амосовы.

С Дмитрием Павлуцким в дальнейшем служил на Чукотке сын боярский Федор Амосов.

* * *

В 1638 году отправлен из Тобольска на Лену **Потапков Тимошка Федоров**, пеший казак станицы Гаврилы Ильина. Возможно, он и стал родоначальником якутской ветви казаков Потаповых.

Иван Потапов, казачий десятник, был приказчиком в Анадырском остроге с 1676 по 1680 гг. (по М.И. Белову). В 1661 году Иван Потапов в списках якутских казаков значится рядовым. В

1685 году – пятидесятником («Расспросные речи крестьян Тутурской и Бирюльской волостей о незаконном винокурении бывшего приказчика пятидесятника Ивана Потапова), а в 1691 г. снова десятником, видимо, разжалован.

Но был еще один якутский десятник, а потом и пятидесятник Потапов — Дмитрий:

«В июне 1691 г. “с камени ис коряк” в Верхнеколымский острог вернулся отряд служилых людей во главе с десятником Дмитрием Потаповым. Он собрал небольшой ясак с каких-то охотских коряков. Колымский приказчик пятидесятник Максим Мухоплев вновь послал их “в коряки”: “И впредь для тово ясачново збору ево Митьку Потапова с казаками пять человек послал… в корятцкую землю, чтоб иных неясашных коряк призвать под царски высокие руки в вечное холопство”. В обоих случаях Потапов ходил на р. Вилигу и Тубана. С Колымы в корякскую землю вновь отправился Д. Потапов, на этот раз уже будучи пятидесятником. Он побывал, вероятно, на р. Вилиге и Тубане, где собрал с коряков “ясачную лисичную казну”. Назад он привез “Книги зборные ясачные коряцкие земли 205 и 206 [1696–1698] годов”» (А. Зуев).

Б.П. Полевой уточняет, что Иван и Дмитрий Потаповы – родные братья:

*«По документам удалось установить, что в создании “Чертежа земли Якутцкого города” важную роль в 1697 г. сыграл казачий пятидесятник Максим Мухоплев, который в прошлом неоднократно на Колыме встречался с Дмитрием Потаповым. Так в одной из отписок с Колымы сообщалось, что в июне 1691 г. на Колыму “пришли с камени ис коряк служилые люди в Верхнее зимовье десятник казачей Митька Потапов, да с ним рядовые казаки **Мишка Богдой, Ивашка Григорьев**”. Они доставили соболя, красных лисиц да “опытен жемчужной”. Максим Мухоплев все это принял в казну и решил вновь “послать в коряки”. Удалось найти его собственную запись: “И впредь, для тово ясачново збору ево Митьку Потапова с казаками пять человек послал я, Максим, в корятцкую землю, чтобы иных неясашных коряк призвать под царски высокие руки в вечное холопство”. Оказалось, что в обоих случаях Дмитрий Потапов ходил не на Камчатку, а на Охотское побережье — на реки Вилигу и Тобон. Туда же Д. Потапов ходил и в последующие годы, в том числе и в 1696 г. До нас дошла и собственноручная челобитная пятидесятника Д. Потапова, датированная*

*206 г.: “Доволокся я, Митька, с коряцкой земли великого государя с корятцкою ясачною лисичною казною”. И вторая запись, более поздняя: “… Доволокся до Индигирки реке чють жив и за немочью остался в Уяндине зимовье…”. Удалось установить, что еще в 1703 г. в Якутском архиве хранились «Книги зборные ясачные коряцкие земли 205 и 206 (1696–1698) годов за руками пятидесятника Дмитрия Потапова». Но вскоре Дмитрий Потапов умер. Это стало известно из разбора жалобы Сергея Мухоплева, которому покойный остался должен по кабальным записям 15 рублей. Сергей Мухоплев требовал, чтобы деньги ему вернул **брат Дмитрия — Иван**, поскольку после смерти Дмитрия ему было передано “платье ево Дмитрия кафтан лисий, лапы кругом камкою цветной, да кафтан камчатой короткий, да два кафтана камчатые”. 17 октября 1699 г. Иван Потапов ответил: “Кафтана лисьего нет, не давал брат ничего. Кафтана камчатого не видел, а соболи брат продал Петру Анофрееву”. Впрочем, некоторые историки склонны были считать, что Дмитрий Потапов умер еще в начале 1690-х годов. Действительно, такие документы имеются. Но они появились в результате ложных слухов, пришедших с Анадыря. И они дорого обошлись Дмитрию Потапову, так как он был исключен из окладной книги Якутского острога и остался без жалованья. Но 22 июня 1693 г. умер Микита Сибирян, и тогда вторично был поверстан на государеву службу Дмитрий Потапов с такой необычной пометкой: “А он, Митька, служил за Носом на Анадыре в 187 (1679) году, написан он был мертв и в его место был взят Ивашко Федоров Курбатов” (сын Федора Курбатова, внук первооткрывателя Байкала Курбата Иванова, приказчика Анадырского острога в 1659–1663 гг.)».*

В 1706 году в Якутском казачьем полку служили Потапов Степан Иванов сын (девятая пятидесятня) и Потапов Петр (десятая пятидесятня), который остался на Камчатке.

По всей видимости, они из одной семьи. У Петра в Якутске были племянники: «Василей, Иван, Василей Валынкин, Федор Валынкин».

Казаки Потаповы служили на Камчатке еще в начале 19-го столетия, а крестьянская фамилия Потаповых (возможно из казаков-разночинцев) существует на полуострове и по сей день.

* * *

Вместе с Потаповым возвращался в Якутск и Родион Кобелев, приказчик на Анадыре в 1668–1676, смененный в этой должности

Иваном Потаповым, но так и оставшийся при нем служить в Анадырском остроге. Весной 1682 г. Кобелев и Потапов прибыли на Колыму с «костяной казной» из Анадыря, но далее задержались из-за затруднений с транспортом; 7 июня 1682 г. в Нижнеколымском зимовье Кобелев бил челом нижнеколымскому приказчику казачьему десятнику Сергею Брусенкину о выдаче им коча для продолжения пути; 10 июня 1682 г. они вышли из Нижнеколымского зимовья в Якутск морем на этом коче, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск.

«Это плавание с Колымы на Лену — одно из последних морских походов на северо-востоке Сибири в XVII веке», — как утверждал М.И. Белов.

Кстати, примерно в это же время готовилось уничтожение Анадырского острога, как неперспективного, по инициативе администрации Якутского уезда:

«Согласно росписи Якутского уезда, составленной Барнешлевым, в 1676 г. здесь находилось лишь 16 служилых и аманатов. Объясачена в то время была только небольшая часть юкагиров округи, номинально контролируемой из Анадырского острога – всего в этом остроге должно было платить ясак около 30 мужских душ, исключительно юкагиров (что отвечает примерно 120 чел. всего населения, за которое вносили ясак эти юкагиры). При этом всего в Анадырском районе только юкагиров в 1680-х гг. было около 300 потенциальных плательщиков ясака (до 1200 человек населения), из которых, таким образом, всего одна десятая была объясачена. Неясачные аборигены — прежде всего коряки и чукчи — угрожали русским Анадырского острога, заставляя его людей находиться словно в осаде, и Барнешлев в том же 1676 г. написал царю Алексею челобитную о том, что в Анадырском остроге и на пути туда служилые люди понесли за 27 лет функционирования острога и сбора ясака немалые потери, торговля и промыслы там пришли в упадок, и ставил вопрос о том, не следует ли бросить сам острог и упразднить округ на Анадыре, оговорив, что своей властью, “без твоего, великий государь, указу, тот Анадырский острог оставить и служилых людей не посылать я, холоп твой, не смею”» (Вдовин, 1965).

* * *

Но цели и задачи чукотской администрации неожиданно резко меняются.

Вполне вероятно, что это было связано с именем Ивана Меркурьевича Рубца.

Он вошел в отечественную историю под этим именем – Иван Меркурьевич Рубец. Но Рубец – это было прозвище. Настоящая фамилия нашего героя Бакшеев. Но об этом позже.

Что еще мы о нем знаем?

«На основании архивных документов удалось установить, что Иван Меркурьев (или Бакшеев) Рубец в течение двадцати лет служил в Тобольске простым казаком. Оттуда его не раз посылали в различные далекие поездки. Из челобитной вологжанина Филиппа Бударева видно, что еще в августе 1648 г. Иван Рубец привез из Тобольска в Якутск какие-то “государевы грамоты” и вскоре оттуда выехал в обратный путь. В 1653 г. Рубец, как знаток пути из Тобольска до Якутска, был опять послан на восток. На этот раз он ехал из Тобольска на Лену в качестве “пристава” при колоднике-фальшивомонетчике Константине Конюховском. В Якутский острог он прибыл 30 июня 1654 г. Отсюда он должен был вернуться в Тобольск, но этому помешала “очная” (глазная) болезнь. Когда его здоровье улучшилось, ему стало очевидным, что он “за скудостью” уже не сможет скоро вернуться на свою родину. Поэтому он обратился к якутскому воеводе с челобитной, в которой он просил поверстать его в десятники Ленского острога “на убылое место” погибшего на Амуре десятника Т. Чечигина. 24 июля 1655 г. воевода Лодыженский согласился зачислить Рубца лишь в рядовые казаки Якутского острога. Вскоре после этого он был отправлен с казачьим десятником С.А. Мельненком на далекую реку Тугур за реку Уду. Там он прожил до 1657 г. При возвращении назад по Охотскому побережью Рубец был тяжело ранен в грудь («и едва ожил») на реке Лантарь (не отсюда ли появилось и прозвище — Рубец? — *С.В.*). *После выздоровления в 1659 г. он был послан вместе с пятидесятником Василием Бурлаком на Индигирку в Зашиверский острожек. Оттуда Рубец для самостоятельного сбора ясака проехал на реку Хромую. Сбор оказался весьма успешным. С реки Хромой Рубец повез прямо на Лену значительный ясак. Вернувшись в Якутск, он вновь подал челобитную о поверстании его в десятники. На этот раз новый якутский воевода И.Ф. Большой Голенишев-Кутузов пообещал исполнить эту просьбу, и действительно 15 декабря 1661 г. И.М. Рубец был поверстан в казачьи десятники. Но еще до этого в июле 1661 г. И.М. Рубец был послан из Якутска на Анадырь, где он должен был сменить знаменитого первооткрывателя Байкала Курбата Иванова на посту приказного в Анадырском остроге».*

Вот еще некоторые подробности.

«Родился в Тобольске. 20 лет прослужил рядовым казаком; многократно побывал в дальних вояжах.

…В 1662 И. Рубца наконец поверстали в десятники и отправили в Анадырский острог на смену К. Иванову. По инструкции "наказной памяти" добраться к месту назначения должен был морем. Из Якутска он отплыл на двух кочах, но в нач. августа одно судно потерпело крушение, погибла и часть груза. Пришлось перебраться на другой коч; авария задержала выход в море, и до морозов удалось достичь лишь устья Яны и там зазимовать. К отряду примкнула группа промысловиков на своем судне.

В нач. лета 1662 на двух кочах Рубец двинулся на восток и, обогнув Чукотский п-ов, в августе прибыл на коргу близ устья Анадыря. Об этом, втором после Попова и Дежнева, морском походе Беринговым прол. сохранились сообщения ряда авторов XVII и XVIII вв., а также надписи на четырех картах 1726–1730. Однако на корге из-за хищнической охоты и добычи ни моржей, ни моржовой кости раздобыть не удалось.

С пустыми руками прибыть в Анадырский острог Рубец не мог. Возможно, на корге ему посоветовали плыть «к новым землицам», расположенным где-то на юго-западе. В этом направлении осенью 1662 он и двинулся вдоль побережья. Сначала маршрутом К. Иванова, а от зал. Корфа мимо еще никому не известного побережья он достиг устья Камчатки, открыв ок. 600 км восточного взморья Камчатского полуострова. Суда поднялись по реке к верховьям и стали на зимовку. С большим ясаком осенью 1663 Рубец вернулся к устью Анадыря. Низкая вода в реке не позволила добраться до острога на кочах, поэтому последние версты землепроходцы преодолели на карбасах.

Должность анадырского приказчика Рубец занимал до июня 1666, новый приказной арестовал и избил его за сокрытие доходов. Впрочем, дело было улажено, и в следующем году он вернулся в Якутск, там землепроходец служил до 1676. После поездки в Москву в 1677 Рубец в Якутск не вернулся, а остался жить в родном Тобольске. Очевидно, по его данным на общих чертежах Сибири 1684, 1685 и 1687 течение Камчатки показано достаточно точно. С полным основанием И. Рубца необходимо считать первооткрывателем 1100 км побережья Берингова прол. и Камчатского п-ова и наряду с К. Ивановым — беринго-

воморской полосы Северо-Восточной Азии на протяжении ок. 1800 км» (из статьи «Арктика — мой дом»).

Если же исходить из позиции тех историков, которые считают, что Семен Дежнев «с товарищи» потерпел кораблекрушение, говоря современным языком, не в Тихом, а в Северном Ледовитом океане и добрался до реки Анадырь по суше (с севера на юг), то тогда приоритет выхода в Тихий океан принадлежит не Дежневу, а мало кому известному Ивану Меркурьевичу Бакшееву Рубцу.

«В 1951 г., — писал Борис Петрович Полевой в статье «Плавал ли И.М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.?» — член-кор. АН СССР А.В. Ефимов в 24-м сборнике «Вопросы географии» опубликовал статью «К вопросу о повторении похода по трассе исторического плавания С. Дежнева 1648 г.», в которой впервые обратил внимание на то, что якутские власти летом 1661 г. выдали казачьему десятнику Ивану Меркурьеву Рубцу…».

Итак, ЧТО же ему выдали? Вот этот документ.

«1661 (169) г. июня 6. — **Из книги расходной судов и судовых припасов за 169 г. — о выдаче коча и судовых снастей десятнику казачьему Ивану Рубцу, отправляющемуся на р. Анадырь.**

…Росход вниз Леною рекою и по иным сторонным рекам, и за море.

Июня в 6 день, посланы великого государя на службу за море, на Анандырь реку, десятник казачей Ивашко Рубец, а с ним послано якутцких служилых людей 6 человек. И тем служилым людем дан коч мерою 8 сажен, да судовых снастей 2 дрога, да завозу мерою 30 сажен, да ног и возжей, и скутов, и роки, и подзору 120 сажен, завозу 50 сажен, на обшивины к парусу 48 сажен, бечевы, лотка шестерик, шейм 23 сажени, да из бечевы на возжи 40 сажен, якорь весом полтора пуда, якорь же весом полтретья пуда, 2 сверла, тесла, 2 напарьи, долото, пешня, да для звериного промыслу 30 спиц железных моржевых, да 11 гривенок прядена на шитье к парусу и на починку к сетям, да на парус 600 аршин холсту нового, да 16 гвоздей четвертных, да 600 скоб судовых, да для весу кости рыбья зубу безмен пудовой, гиря медная…».

(Дроги — канаты для укрепления паруса. Завоз — небольшой якорь (верп) и одновременно канат, на котором закреплен этот якорь. Ноги и возжи — канаты для крепления па-

руса, скуты (шкоты) — снасти для управления парусом. Роки, подзоры и обшиваны — материал для подшивки парусов Лотка шестерик — лодка длиной в шесть саженей. Шейма — якорный канат. Напарни — бураны, пешня — железный лом для скалывания льда. Гвозди четверные — гвозди в 4 раза толще большого пальца. Безмен пудовый — весы для взвешивания моржовой кости весом до пуда. — пояснения Б.П. Полевого)

Но… «по документам стало известно, что уже 4 августа 1661 г., “плавучи вниз по Лене реке повыше Нижнего Столба в лайдах”, коч Рубца был разбит в бурю».

Тем не менее, изначальная задача Рубца заключалась в следующем:

«По тексту чернового варианта “памяти” видно, что первоначально Рубец должен был морем дойти только до Алазеи, а оттуда посуху перейти в первую “колымскую столицу” Среднеколымский острожек и уже потом отравиться обычным путем с колымского Анюя через волок на Анадырь. Однако позже вводную часть “памяти” изменили и она стала гласить: “…служилому человеку десятнику казачью Ивашку Рубцу, да с ним служилым людям: итти им на великого государя службу из Якутцкого острогу вниз по Лене до устья Лены реки, где пала в море и по морю на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму реки и с Ковыми на новую на Анандырь реку для того, что в прошлом во 164-м (1650. — Б. П.) году писали в Якутцкий острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лотыженскому да к дьяку к Федору Тонкову с той Анандыря реки служилые охочие люди Сенька Дежнев, да Микитка Семенов, а в отписке написано нашли они на усть Анандыря реки за губою коргу вышла в море, а на той корге морской зверь морж ложитца много и того моржевого заморного зуба на той корге служилые и с ним промышленные люди промышляли и заморный зуб брали”.

То есть задача была поставлена доплыть до устья реки Анадырь и моржовой “корги” — моржового лежбища, богатого “рыбьим зубом” — моржовыми клыками, которых здесь товарищи Семена Дежнева собирали пудами.

И в 1662 году Рубец вновь отправляется в плавание: Удалось найти и еще одну запись о посылке Рубца на Анадырь, в “Заносье”, морским путем. В росписи судовых запасов в Якутске в 1662 г. оказалась запись о том, что “Иван Бакшеев Рубец” был “в 169 году” отпущен “за Нос на коче с служилыми людьми”. “Он пересел на коч казака Ивана Хворова (как выяснится, Иван Хворый тоже в свое время предпринимал поход в сторону Камчатки — *С.В.*), *который был отправлен на службу на притоки Колымы — Омолон (Блудную), Пенжину и Чендон (Гижигу)”.*

Свое совместное плавание Иван Рубец и Иван Хворый начали с низовьев Лены. Весною “170 года”, т. е. 1662 г., они вышли из устья Лены. В пути они заходили в Нижнеянское зимовье. Впоследствии предшественник Ивана Рубца на Анадыре Курбат Иванов писал: “…в 170 году Иван Рубец шел морем и продовал на Яне холсты”».

Удивительно, но часто мы узнаем о каких-либо важных исторических событиях из жалоб и доносов (как, например, стало известно об открытии Америки экспедицией М. Гвоздева в 1732 году) — подобное случилось и на этот раз: *«…удалось найти любопытнейшую жалобу 48 анадырцев (от 30 июля 173 г, т. е. 1665 г.), в которой оказалось ценнейшее упоминание о том, что Иван Рубец “в прошлом де 170-м году” пришел “для промыслу кости моржевого зуба” на Анадырскую коргу “двумя кочами с служилыми и торговыми и охочьими людьми”»* .

Но если первый коч был **Ивана Хворого**, на котором тот шел на Колыму, то кому принадлежал второй коч?

«Второй коч, поплывший вместе с кочем Ивана Рубца на Анадырскую коргу, явно принадлежал “промышленным людям”, которые примкнули к Рубцу в надежде принять личное участие в сборе ценнейшего “рыбьего зуба” — моржовой кости. И тот факт, что оба коча тогда же, летом “170” (1662) г., дошли до Анадырской корги, говорит о том, что это были хорошие, быстроходные “ленские кочи” (усть-кутской постройки)».

Но прибывших на Анадырскую коргу промышленников ждало горькое разочарование: *«…ни “заморной” кости, ни моржей, несмотря на наличие специальных “спиц” для их убоя, он так и не смог добыть. Причина была одна — сказались последствия хищнического промысла предшествующих лет. Еще в 1661 г. предшественник Ивана Рубца Курбат Иванов сетовал: “…а зверь морж стал напуган, выйти из моря на берег и летчи не смеет”».*

Согласно наказной памяти Иван Рубец имел полномочия для поиска новых «землиц» и ясашного народа на юге от реки Анадырь. Чем он с товарищами охотно и воспользовался.

Известно, что в том морском походе на Камчатку участвовали и дежневцы, которые уже обследовали вместе с анадырским приказчиком Курбатом Ивановым здешние места.

Согласно все той же жалобы на Рубца анадырских служилых, его морской поход продолжался не один год: *«30 июля 1665 г. анадырцы, перечисляя “озорнячества” Рубца, с горечью отмечали: “…как шел с моря с корги и пришед в осень во 171 году кочи покинул недошед до Анадырского острогу верст 10 и больши, а все [в] невсоветице своей и пришед неясачные люди коряки те кочи сожгли и под острогом 3 человека убили”».*

А далее еще интереснее: Рубец принимает Анадырский острог у Курбата Иванова, но, неожиданно для всех, сдает — самовольно!!! — свои полномочия **Даниилу Филиппову** и известной пешей дорогой отправляется было на Колыму через Анюйскйи волок.

Анадырцы жаловались: *«…он до Ивашко, наплутав и… не дождався в свое место перемены з государевы службы збежал покиня Анадырской острог и великого государя аманатов и казну».*

И столь же неожиданно для всех Рубец вдруг возвращается в Анадырский острог с полпути.

В чем же дело?

Б.П. Полевой считал, что этот «финт» Рубец проделал только с одной единственной целью — спрятать от чужих глаз богатую добычу, которую он привез в Анадырь из того южного морского похода.

И вплоть до 1666 года, когда Рубца сменил на посту анадырского приказчика Никита Катасонов, Иван Меркурьевич не предпринимал более никакой попытки самовольно покинуть свой пост.

А вот Катасонов, имея на то соответствующие инструкции, начал свою деятельность с того, что арестовал Рубца и попытался заставить его поделиться с казной своей добычей («прибытком»), которую он оценил (и, главное, «вымучил») в весьма конкретную сумму — 1050 рублей. В 210 (двести десять) — чтобы понятнее было — годовых жалований простого якутского казака!

Вот, что сообщает по этому поводу Борис Петрович Полевой:

«Почти все добытое Рубцом было у него отобрано. В описи “якутской архивы” 1703 г. упомянут “Столп, в нем дело казака Ивашка Рубца в грабеже животов ево в Онадырском острожке прикащика сына боярского Никиты Катасонова 180 (1671–1672 — Б. П.) года… В нем двести сорок ставов”. К сожалению, пока это дело разыскать не удалось. А оно, безусловно, представило бы для нас большой интерес, потому что в этом деле

шла речь и о вещах, добытых Рубцом еще во время южного похода 1662–1663 гг. И позже анадырцы обвиняли Рубца в том, что он в походе лично ходил с барабаном от юрты к юрте, отбирая добро у местных жителей».

А вот и еще некоторые подробности:

«В деле Рубца удалось обнаружить его челобитную, в которой он подробно описал, какую расправу над ним учинил Катасанов.

Оказывается, приняв Анадырский острог без расписки, он уже “в третий день звал обедать служилых и торговых и промышленных людей и меня, холопа. У него была речь про московское государство и что де ноне на Русе на великих государей берут из животов треть живота у всяких чинов людей и говорил на тот живот мой… после того я, холоп ваш, великим государям написал челобитную вам, великим государям, а подал челобитную в Анадырском остроге приказному сыну боярскому Дмитрию Катасанову да таможенному целовальнику торговому человеку Федору Иванову Лаптеву. Объявил я, холоп ваш, живота своего пятьдесят кости рыбья моржового зуба, да две шубы собольи, да одна лисья новое, да опольник доброй — тот объявил мой живот”.

Дмитрий Катасанов принял, “ничего не сказал”. «И после день другой спустя и удумал своими советниками и стал меня, холопа, в муку и в колоде лупить и батоги бьет и палкою своею рукой и тот живот у меня вымучил». После этого Катасанов Рубца “выпустил из смык, из колоды и я, холоп, вышел из смыку, из колоды и являл во всем миру, таможенному целовальнику Федору Иванову сыну Лаптеву, что тот живот мой был написан”.

От таможенного целовальника Рубец взял расписку о сдачи им «восемь пуд кости по 7 костей в пуд», которые были использованы на оплату промышленным на постройки: “яз, Иван строил ево государево ясачное зимовье и острог новой”.

*Катасанов продиктовал Лаптеву свою челобитную, в которой указывал, что на Анадыре в тот момент создалась чрезвычайная ситуация: коряки “хотят меня холопа и служилых и промышленных людей побивать на рыбных ловлях. Сами они похваляются, видят служилых людей мало, а живу яз в остроге с великим береженьем у аманатов у казны, а промышленный человек **Фома Семенов** с товарищи человек пять-шесть хотят от ясашного зимовья отойти прочь, люди вольные” и бранят Катасанова.*

*Катасанов, узнав, что анадырцы были недовольны поведением И. Рубца, попросил **Юрия Селиверстова, Саву Шароглаза, Платона Иванова** сообщить ему в июле 1666 г. подробно о всех проступках Рубца. К сожалению, пока их показания остаются не найденными».*

Через много лет после этих событий выяснилось следующее:

«На чертеже Камчатки Ивана Козырсвского 1726 г. у р. Никул стояло пояснение: *“Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели, те камчадалы и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали и зимовья знать и поныне”*».

И совсем по-другому стали проясняться некоторые исторические детали, которые собрал в свое время Степан Крашенинников: *«Когда в 1738 г. С.П. Крашенинников расспрашивал старожилов Камчатки, то старейший казак Михаил Кобычев заявил, что среди первых русских, прибывших па р. Камчатку, находился также “Фома промышленный”. Несомненно, здесь идет речь о старейшем “промышленном человеке” Анадыря **Фоме Семенове Пермяке**, у которого, как видно по анадырским документам 60-х годов, тогда было два прозвища — “Медведь” и “Старик”. С Анадырской корги он плавал с Рубцом. Но на Анадыре он, действительно, служил еще при Семене Дежневе.*

Вместе с тем подтверждаются также и сообщения С.П. Крашенинникова, а также Г.В. Стеллера о том, что среди прибывших на Камчатку были серьезные распри из-за женщин. Сами анадырские казаки, промышленные и торговые люди в 1665 г. жаловались на то, что на корге и в море Иван Рубец “…з 2 бабами… всегда был… в беззаконстве и в потехе… и с служилыми и торговыми и с охочими и промышленными людьми не в совете о бабах”. И анадырцы многие свои неудачи — вплоть до исчезновения моржей на корге — приписывали “несблудству” Рубца».

Об этом плавании было известно и Витусу Берингу: *«…Иван Рубец был уроженцем г. Тобольска и последние годы своей жизни провел на родине.*

В Тобольске, Енисейске и Якутске аналогичные сообщения услышал в 1725–1726 гг. Витус Беринг. Даже в “Санкт-Петербургских ведомостях” от 16 марта 1730 г. (№ 22, с. 88) в кратком сообщении о Первой Камчатской экспедиции указывалось, что Беринг “от тамошних жителей известился, что пред 50 или 60 летами некое судно из Лены к Камчатке прибыло”».

Это плавание «в Камчатку» имело и последствия:

*«В 1676 г. И.М. Рубец вместе с дежневцем **Артемием Солдатом** и казачьим **пятидесятником Федором Яковлевым Кузнецом** отвечали на вопросы якутского воеводы А.А. Барнешлева о землях, народах и промыслах тех южных районов. Любопытно отметить, что, когда сын Федора Яковлева. Василий Федоров Кузнецов, принял Анадырский острог, он немедленно, в июле 1688 г., организовал с Анадырской корги плавание на двух кочах в сторону Камчатки. Это плавание закончилось трагически. Сперва Кузнецов потерял в бурю оба коча. 23 ноября 1688 г. его группа с великим трудом вернулась на Анадырскую коргу. Возвращаясь в Анадырский острог, Кузнецов решил посетить ясачных восточных чукчей. Тут-то 6 декабря все мужчины, участники похода, были вероломно убиты. Любопытно отметить, что казак **Иван Котельник**, посланный в 1689 г. из Анадырского острога на поиски В.Ф. Кузнецова и его товарищей, тоже ходил с Анадыря в южном направлении, а полтора года спустя в Якутске ему предъявили обвинение в том, что он будто бы собирался стать «вожем» у тех якутских казаков, которые собирались бежать «на реки Анадырь и Камчатку». Предводителем же этих казаков был объявлен Филипп Щербаков, который в молодости участвовал в плавании Ивана Рубца».*

К Щербакову и его товарищам по несчастью мы еще вернемся.

До 1961 года у многих историков еще были сомнения по поводу того, что Рубец побывал именно на Камчатке.

Но затем дотошный Борис Петрович Полевой отыскал новые документы:

«В 1961 г. после длительных поисков в ЦГАДА удалось случайно в судебных делах Якутска обнаружить документ, который гласил:

“Царю государю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Якутцкого острогу казачей десятничишко Ивашко Меркурьев. Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привез с собою в Якутцкой. Милосердный государь царь великий князь и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того малого записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй”.

Из приложенных к ней бумаг видно, что 17 декабря 1668 г. якутский воевода И.П. Борятинский вызвал к себе в воеводскую избу Ивана Меркурьева Рубца вместе с "Петрушкой". "И того же дни, — гласит документ, — перед окольничим и воеводою Иваном Петровичем Борятинским да перед дьяком Степаном Елчуковым, малой, которого Ивашко Рубец привел в приказ, к записке допрашиван, где он взят и в котором году и хто именем его взял, и какого роду и как его зовут, и неясашного ли отца сын.

И малой в допросе сказал: коряцкого роду неясашного отца сын, а взял де его Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке, а как ево по-коряцки зовут, того сказал не помнит и пока де (по сее) время он не крещен, а назвал его Ивашко Рубец русским именем Петрушкою и потому де его и ныне тем именем называют, а скольких лет взят на погроме, того сказать не помнит"».

Но был ли Рубец первым из русских людей на Камчатке?

Сам Б.П. Полевой так не считал:

«На Анадырской корге он смог встретиться с промышленными людьми, которые бывали на Пенжине и Охотском море, и слышали о существовании моржовых лежбищ на восточном берегу Камчатки.

Удалось даже установить некоторые имена тех лиц, которые могли об этом сообщить самому И. М. Рубцу.

Это был уже знакомый нам промышленный человек ***Сава Анисимов Сероглаз (он же — Шароглаз),*** *который ранее действовал на юге вместе с беглым колымским казаком* ***Леонтием Федотовым.*** *Рубец смог получить подробную информацию о южных районах и от красноярского казака, ставшего промышленным человеком —* ***"Проньки" Федорова Травника (или Травина),*** *который ранее сталкивался с Иваном Камчатым. Рубец знал также, что в июле 1661 г. якутские власти дали наказ "выслать в Якутцкий острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина, да Алешку Яковлева Усольца". Поэтому Рубец даже арестовал на корге Проньку Федорова Травина, зачем-то "сажал в колоду", а затем использовал его в качестве вожа при плавании на юг».*

«Стеллер, лично побывавший на так называемой "Федотовшине", сообщал, что местные ительмены утверждали, что сборщика ясака в старинном русском зимовье называли "Theodorus" или "Fetka". Теперь же нам точно известно, что ясак там собирал при Иване Рубце его целовальник ***Федор Лаптев****».*

Но в то же время документы говорят о крайне сложных отношениях Рубца с этими людьми позже:

«Из сообщения Катасанова видно, что отношения анадырцев с Иваном Рубцом в 1663—1664 гг. были крайне напряженными. Так он сообщал в Якутск: "Савка Шароглаз, ведомый вор, Ивашка Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье, и приходили люди и ево, Савку, схватали и не дали Ивашка Рубца сколоть". "Ведомым вором" Шароглаз стал уже давно. Катасанов продолжал: "ево воровство" было еще "на Омолоне с служилым человеком с Иваном Барановым (еще в 1648 г.! — Б. П.) было, на Пенжине с Леонтьевым с Федотовым было, и те две реки от нево же запустели"».

«…Фома Семенов Пермяк участвовал в плавании Ивана Рубца с устья Анадыря в верховья реки Камчатки.

В поздние годы Пермяк был известен на Анадыре под двумя прозвищами — "Медведь" и "Старик". В 1662 г. на Анадырской корге он присоединился к Ивану Рубцу, когда тот на двух кочах пошел к Камчатке. Вместе с Рубцом он осенью 1663 г. вернулся на Анадырь, но вскоре не поладил с Рубцом и объявил о своем уходе на юг "к корякам"».

А заканчивается эта история просто: *«Весьма возможно, сам Иван Рубец во многом способствовал широкому распространению известий в Сибири и даже за границей ранних сведений о реке Камчатке. Из документов нам стало известно, что в 1677 г. Рубец был из Якутска направлен с государевой казной в Москву. Обратно в Якутск уже не вернулся, и остался жить в своем родном Тобольске. В 1684–1685 и 1687 гг. впервые появились географические чертежи Сибири, на которых река Камчатка стала впервые изображаться на полуострове».*

На самом деле история не заканчивается.

Борис Петрович считал, что у Ивана Рубца было два отчества (что по тем временам, утверждает он, было не редкостью) — Меркурьев сын и Бакшеев сын.

На самом деле Бакшеев — это известная сибирская фамилия.

И совершенно справедливо Борис Петрович связывает этот антропоним с татарами — Илья Бакшеев, тюменский сын боярский, был татарским казачьим головой:

«Лета 7140 (1632. — *С.В.*) *августа в 8 де по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу по наказной памяти столника и воеводы князя Федора Ондреевича Телятевского Федора Ивановича Погожево дьяков Дмитрея Прокофьева Наума Петрова посыланы ис Тоболска татарской голова Иван Внуков да тоболской сын боярское Богдан Аршинской а с ними тоболские дети боярские и служилые тотарове в поход на Кучюмовых внучат и на государевых изменников на тарских татар и на колмацких людей по их задору которые приходили блиско государевых ясачных волостей Тарханских острошков и на зверовьях государевых ясачных людей грабили и побивали и наругаючись груду у них выпорывали а глаза выимали и на Белом озере от Тоболска во шти днищах на станишников на тоблсково сына боярсково на Филипа Обольянинов с товарыщи приходили. Да в том же походе по тоболской отписке были с* ***Тюмени татарской голова Илья Бакшеев*** *да сын боярской Семен Поскочин а с ними тюменские служилые люди и юртовские тотаровя. И тоболские и тюменские головы Иван Внуков да Богдан Аршинской с товарыщи с тоболскими и с тюменскими служилыми людми и с татары по сакме воровских колмацких людей сошли за рекою за Ишимом на урочище на Камышлове во 141 году сентября в 1 де и был у них с теми колмацкими людми бой и Божиею милостью а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастью колмацких людей побивали…».*

Но до Тюмени Бакшеев был сыном боярским в Верхотурье: *«В 1630/31 г. при воеводе князе Федоре Андреевиче Телятевском Мирон* (Будаков. — *С.В.*) *был по своему челобитью поверстан в верхотурские дети боярские на место Ильи Бакшеева. Оклад его составлял уже 9 рублей».*

Позже интересным образом переплетаются судьбы людей, чьи возможные потомки оказались в тесной связи с камчатской историей:

«В Исетском остроге беломестные казаки были подчинены ***атаману Андрею Липину****, о котором упоминают верхотурские грамоты. Позднее Андрей Липин упоминается в качестве атамана Катайского острога. В 1661 г. приказчик Катайского острога Илья Бакшеев сообщал воеводе Верхотурья Ивану Камынину, что “в Катайском же остроге Андрей Липин, а сказывается атаманом казачьим катайских беломестных казаков, а*

приходит ко мне в острог с большим невежеством и з шумом и на казаков мечется с ослопы, а называет себе их полчанами, а имени его у мене нет в наказе и кликовом списке”. ***Липин владел пашней под Катайским острогом и деревней на Калмацком броду, где у него были значительные пашни****».*

Возможно это те самые Липины, из рода которых был камчатский приказчик Осип Миронов Липин, убитый во время казачьего бунта 1711 года.

Что же касается Бакшеевых, то они владели землей под Тобольском еще в 1623 году: *«Во дворе пашенный крестьянин Сидорко Бакшеев у него брат Микитка. Пашни паханные середние земли 12 чети да перелогу 4 чети с полутретником в поле дву потому ж. Сена косит 300 копен. У него ж отъезжая пашня вверх по Кундуске в дуброве паханные середние земли 2 чети в полу-четвериком в поле а в дву потому ж».*

В 1689 году в Абалацком погосте мы встречаем оброчного крестьянина Василия Сидорова сына Бакшеева.

Многие из тобольских крестьян стали казаками (а потом наоборот — записаны в крестьяне) и, соответственно, могли служить в самых разных сибирских острогах, как, например, этот:

*«****Бакшиев Василий Иванов,*** *нерчинский казак, участник обороны Албазина (1686/87). “Во время ледохода, в ночь на 12 октября, трое смельчаков — казаки И. Бузунов, В. Бакшеев и Я. Мартынов — сумели выбраться из Албазина и отплыть на лодке. Лавируя между льдинами, они проплыли четыре версты. Затем лодку раздавило льдом, и они выбрались на остров. Спустя неделю Амур окончательно покрылся ледяным панцирем, и казаки двинулись дальше. К 10 ноября они добрались до Нерчинска и доложили о состоянии крепости и ее защитниках”».*

Есть и подробный документ.

«Генваря в 10 день приехал с вестовыми отписки из Даур албазинской казак Ивашко Бузунов, а с ним писал из Нерчинска стольник и воевода Иван Власов отписку такову:

А в допросе, господине, они, Ивашко и Васька и Якушко, сказали:

В прошлом да во 194 году июля в 7 день китайские воинские люди Албазинской осадили, и осадя, ис пушек по городу бьют, и к городу приступают. И с приходу де их, китайских людей, в 5 день воеводу Алексея Толбузина оне, китайские люди, ис пушки ра-

нили, перешибло правую ногу по колену, и от той де раны он, Алексей, в 4 день умре. А пришло де то пушечное ядро в башню в бойницу, а он де, Алексей, в то число в той башне был для досмотру. И непрестанно китайские люди к Албазину приступают днем и ночью, ис пушек стреляют. А из Албазина де ратные люди над неприятельскими китайскими людьми поиск чинили, для взятья языков на выласки из Албазина пятью ходили, и в языки китайских людей взяли 3 человек, а побили де на выласках китайских людей человек с полтораста, в том числе 2-у человек сотников. А служилых де китайские неприятельские люди на выласках побили 21 человека да в городе человек с 40, а собою померло человек с 50. А хто имяны служилых и всяких чинов людей побиты и собою померли, того де он, Ивашко с товарыщи, не упомнит. А стоят де китайские воинские люди от Албазина осадою саженях в 200-х. И от Албазина завален вал со всех сторон, и пушки де у них, неприятельских людей, поставлены по валу за турами, да во шестидесят саженях от города зделан роскат земляной, а вышиною сажен в 6, а на том же роскате поставлены 2 пушки, да возле роскату ломовых 15 пушек. А в Албазинску де служилых и всяких чинов людей осталось сот с 8, наряду 8 пушек, 3 пищали затинных железных, а пороху де пуд с 60, свинцу тож, пушка верховая, 5 ядер духовых, 23 ядра гранатных пудовых ручных, 70 гранатов, а хлеба де в осаде будет апреля до первых чисел нынешняго 195 году, а дровами и водою скудость великая, потому что де скудость — колодезя нет и хоромного строенья малое число. А бусы де, на которых пришли неприятельские люди, и те де бусы заведены вверх Амура выше их неприятельских людей табар версты з 2 и поставлены в курье. А с отпискою послал де их, Ивашка с товарыщи, из Албазина казачей голова Афонасей Байтон в нынешнем во 195 году октября в 11 числе, потому де что после воеводы Алексея Толбузина город и людей ведает он, Афонасей. А из города де отпустили ево, Ивашка с товарыщи, по Амуру вниз в лотке во льду, и лоткою де во льду они, Ивашко с товарыщи, отплыли на низ от Албазина версты с 4 и шли де к Нерчинску горою.

А взятые де китайские языки в роспросех своих в Албазине сказывали: китайских де людей под Албазиным стоит 5000, в том числе никан-работных людей 2500 человек, а наряд де 40 пушек, а пороху де и ядер привезено на шти бусах, а ручной де бой у них лучной, а стрел де боевых привезено 2 бусы, а пищалей де с 50, а вскоре де от Албазина отступить не хотели: будет де в осень города не возьмут, хотели и зимовать. А те де взятые китайские языки говорят однем никанским языком, а инова де языка никакова не знают, а в Албазине де никанского языка нихто не умеет и подлинно де их обо всем роспросить невозможно. А в Нерчинск де тех языков выслать нельзя, потому что де они, Ивашко с товарыщи, во льду насилу проплыли.

И приказали де им, Ивашку с товарыщи, Афонасей Байтон и все албазинские ратные люди бить челом великим государем да в Нерчинску мне, господине, о выручке, чтоб послать наспех служилых людей. А как де он, Ивашко с товарыщи, из Албазина горою шел и смотрел де ис прикрытых мест, и около де их китайских людей табар с верхную сторону Амура-реки никакой окрепы нет и живут безопасно.

Да в нынешнем же во 195 году в октябре месяце в разных числех мунгальские воровские люди, пришед под Нерчинск, и розбили на Урдунге и на Талангуе реках 12 юрт, и в тех юртах нерчинских ясашных людей и жен их и детей побили. А мне, господине, за конечным малолюдством не токмо на выручку Албазина, и от мунгальских людей оборонитца неким. И о присылке наспех для обороны Даурской земли ратных людей, пушек и пороху и свинцу укажи, господине, учинить по указу великих государей».

Эта фамилия — Бакшеев — сохраняется в Забайкалье и позже: вот данные по Нерчинску за 1744 год: «взято в рекруты: Максим Портнягин; Федор Усолцов; Иван Леонтьев сын Шишев; Николай Дмитриев сын Астраханцов; Данило Портнягин; Степан Менделеев; Алексей Иванов сын Астраханцов; Семен Иванов сын Путинцов; Михаило Калмаков; Андрей Дмитриев сын Хилинов; **Иван Бакшеев»**

И поэтому совершенно не случайно рождается еще одна история, связанная с русской трагедией Великого Октябрьского Государственного Переворота и этой старинной и прославленной в веках казачьей фамилией:

Бакшеев Алексей Проклович *(12(24).03.1873 – 30.08.1946). Из забайкальских казаков, родился в поселке Атамановский Читинского округа Забайкальского казачьего войска. Происходил*

из зажиточной казачьей семьи. Отец Алексея — Бакшеев Прокл Олимпиевич — занимался земледелием, а также почтовой гоньбой и извозом.

Алексей Башеев в 1895 г. окончил 5-летнее Читинское училище. В следующем, 1896 г. он был призван на военную службу, был зачислен в 1-й Читинский полк. В 1897 г. в звании младшего урядника Бакшеев был откомандирован в Иркутское военное училище. В 1899 г. состоялся выпуск, и Алексей Проклович получил свой первый офицерский чин — хорунжего.

В качестве офицера А.П. Бакшеев начал службу командиром взвода 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Участвовал Бакшеев в походе русской армии в Китай в 1900 г., в подавлении Боксерского восстания. Вместе с полком оставался в Китае. Затем он принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. С 1905 но 1906 г. служил в частях, охранявших город Харбин. В 1907 г. подъесаул А.П. Бакшеев был переведен в 1-й Читинский полк, а затем был откомандирован в Ораниенбаум в офицерскую стрелковую школу, где проходил обучение пулеметному делу.

После окончания обучения был назначен начальником конно-пулеметной команды Отдельной Забайкальской казачьей бригады в Чите. С 1910 г. А.П. Бакшеев снова в рядах 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Вместе с полком участвовал в Первой мировой войне. За подвиги в ходе боев в 1915 г. был награжден георгиевским оружием, а в 1916-м — орденом Святого Георгия IV степени. В ходе боев А.П. Бакшеев был тяжело ранен и попал в германский плен, из плена смог вернуться только в начале 1917 г. С 1917 г. Бакшеев — член казачьего войскового правления, С 1918 г. в Особом Маньчжурском отряде Г.М. Семенова. 6 января 1919 г. Бакшееву был присвоен чин генерал-майора. С 13 февраля 1919 г. — начальник 1-го военного района Забайкальской области, командир 1-й Забайкальской казачьей бригады. 16 июня 1919 г. был избран заместителем атамана Г.М. Семенова в должности войскового атамана Забайкальского казачьего войска.

12 июля 1922 г. вступил в должность войскового атамана Забайкальского казачьего войска. Участник Земского собора 1922 г. в качестве заместителя председателя профессора П.И. Миролюбова. Был председателем войскового казачьего правительства Забайкалья. С 1922 г. — эмигрировал в Китай,

жил в Харбине, состоял в Восточном казачьем союзе. После событий 1931 г. (оккупация японскими войсками Маньчжурии и создание государства Маньчжоу-Го. — Прим. автора) сотрудничал с японскими властями. Генерал Бакшеев был независим в суждениях и резок на слова, что, конечно, не всем нравилось. С 22 августа 1935 г. но 1938 г. — председатель БРЭМ. Начиная с 1935 г. Бакшеев — фактический начальник Дальневосточного союза казаков. Под давлением японцев ушел с поста начальника БРЭМ. В 1940 г. работал в переселенческом отделе ЯВМ. В это время возглавил Захинганское отделение БРЭМ в Хайларе. С августа 1940 г. — начальник Захинганского казачьего корпуса.

Поскольку атаман Г.М. Семенов безвыездно жил в местечке Кагашихми под Дайреном, всю деятельность от имени его осуществлял А.П. Бакшеев, а также генерал Власьевский. Именно А.П. Бакшеев как начальник Дальневосточного союза казаков принимал участие в военной подготовке казаков. Самым значительным событием стал 1942 год — празднование 10-лстия создания Маньчжоу-Го (Маньчжоу-Ди-Го). Так прошли основные военные годы Второй мировой войны, и наступил август 1945 г., когда на Маньчжурию напал Советский Союз. По некоторым данным, А.П. Бакшеев руководил остатками Захинганского казачьего корпуса в Хайларском районе в боях против советских войск. Но силы были не равны, да и многие казаки разбежались, не желая погибать в бессмысленной войне.

По данным П. Балакшина, в ходе советско-японской войны генерал Бакшеев был ранен в руку и не смог вовремя эвакуироваться. В результате действий СМЕРШ 8 сентября 1945 г. в Чанчуне был схвачен А.П. Бакшеев. После показательного судебного процесса в Москве в августе 1946 г. Бакшеев был осужден вместе с атаманом Г.М. Семеновым и другими участниками процесса и расстрелян 30 августа 1945 г.

26 марта 1998 г. Военная коллегия Верховного Суда РФ пересматривала уголовное дело в отношении всех подсудимых (за исключением Семенова), в том числе и Бакшеева. По статье 58-10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело в отношении всех подсудимых было прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации.

* * *

Итак, продвижение русских людей из Анадырского острога на юг, начатое Курбатом Афанасьевичем Ивановым и столь триумфально продолженное Иваном Меркурьевичем Бакшеевым Рубцом, изменило всю военно-стратегическую ситуацию на Чукотке.

Следующим, кто отправился к ведомой уже земле Камчатке, был анадырский приказчик Кузнецов.

М.И. Белов приводит в своих книгах данные о приказчиках Анадырского острога, но, к сожалению, мы не видим в этом списке Кузнецова.

Давайте посмотрим вместе.

АНАДЫРЬ

Приказчики	Целовальники	Время пребывания в должности
к. Семен Дежнев		1649–1659
к. Никита Семенов		1651–1658
к. Юрий Селиверстов		1654–1656
к. Артемий Осипов		1656–1658
с. б. Курбат Иванов	Петр Афанасьев	1659–1663
д. Панфил Мокрошубов		1663–1666
Иван Рубец	Федор Лаптев	1663–1666
с. б. Никита Катасанов	Федор Лаптев	1666–1668
с. б. Родион Кобелев		1668–1676
д. Иван Потапов		1676–1680
с. б. Родион Кобелев		1680–1682
д. Никита Тютин		1682–1683
к. Елисей Осипов		1683–1684
к. Михаил Ворыпаев		1683
д. Василий Пермяков		1684–1686
п/д Андрей Цыпандин	Астафий Балушкин	1686–1689
с. б. Афанасий Пущин	Афанасий Балушкин	1689–1692
к. Иван Понюрин		1692–1694
с. б. Семен Чернышевский	Афанасий Балушкин	1694–1695
к. Михаил Многогрешный		1695–1696
п/д Владимир Атласов	Афанасий Балушкин 1697 г. 30 августа убит на Анадырской дороге туземным населением	29 апреля 1696–1697
к. Михаил Многогрешный		1697–1699
с. б. Тимофей Родионов Кобелев	Посадский человек Григорий Стрюков	1699–1701

Отметим новые имена:

Артемий Осипов. Свою историю появления на Анадыре он изложил сам в своей челобитной:

«В прошлом, государь, во 161-м году на Ковыме реке по твоему государеву указу и по наказной памяти за твоею, государевою, Якутцкого острогу печатью воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова за приписью дьяка Осипа Стефанова велено на твою, государеву, службу охочему служилому человеку Юрью Селиверстову охочих служилых людей на Анандырь реку для ради кости рыбья моржевого зубу к морю на Анандырь реку и для прииску новых землиц, и для прииску ж неясачных иноземцов. И что, государь, у него, Юрья, была явлена прибыль тебе, государю, что ему, Юрью, дать в твою, государеву, казну прибыльной кости 50 пуд. И яз, сирота твой, на твою, государеву, службу с Ковыми реки с ним, Юрьем, подымался и займовал, государь, с великою приписью в заемные кабалы. И учинился, государь, мне, сироте твоему, тот подъем ста по полутора рублев и больши. И пришед, государь, я, сирота твой, с ним, Юрьем, на Анандырь реку, и к морю ходил с товарыщи и твою, государеву, явленую прибыль, что он, Юрье, явил у море на корге кость промышляли своими промыслишками и работишкою, а не взморье брали. И ту, государь, явленою прибыль, кость рыбей зубу в 50 пуд у моря на корге добыли, и тебе, государю, в казну положили, и ту кость с Анандыря реки в Якутцкой острог от себя отослали. Да в прошлом же, государь, во 164-м году пошел он, Юрье, с твоею, государевою, казною с Анандыря реки в Якутцкой острог, и меня, холопа твоего, оставил он, Юрье, на твоей, государеве, службе, на Анандыре реке приказным человеком с охочими с служилыми людьми. И я, сирота твой, будучи на твоей, государеве, службе на Анандыре реке, тебе, государю, прибыль учинил с служилыми людьми с Семеном Дежневым да с Никитою Семеновым — под твою, государеву, царьскую высокую руку 4-х человек аманатов ходынских мужиков да 3-х анаулей поймал и с тех, государь, аманатов и с анаулей взяли твоего, государева, ясаку на 165-й и на 166-й год. А что, государь, взято твоего, государева, ясаку с тех с новых аманатов, и тому государь, зборные книги в Якутцком остроге в приказной избе, и с Анандыр-

ря реки за Каменьи на Ковыму реку твоя, государева, костяная и соболиная казна провадитца теми аманаты. И к морю я, сирота твой, ходил без него, Юрья, по 3 лета с охочими служилыми людьми для промыслу кости рыбья зубу. И тебе, государю, с промышлишков своих все вместе с служилыми и с промышленными людьми клали в твою, государеву, казну кость головную, что есть в промыслу лутчей кости. И живучи, государь, на твоей, государеве, службе на Анандыре реке в 5 лет, голод и наготу я, сирота твой, терпел многое время, и от иноземцов кровавые раны, и скверность, и всякую нужу приимал.

И в прошлом, государь, во 166-м году пошел я, сирота твой, с твоею, государевою, казною с Анандыря реки на Ковыму реку, и пришед, государь, я, сирота твой, с служилым человеком, с Никитою Семеновым, и на Ковыме, государь, судно купили дорогою ценою да промышленых с нами 5 человек. И твою, государеву, костяную казну на коч на судно положили да ковымскую ясачную соболиную казну тут же положили на коч, и служилых людей и их собинную мяхкую рухлядь; дали, государь, за тот коч 200 рублев, и дал я, сирота твой, с товарыщи за то судно за коч за 200 рублев кабалы на себя с великою приписью. А что, государь, своего промыслишка кости рыбья зуба, и с тое, государь, кости твою, государеву, десятую пошлину платил на Ковыме в таможне. И пришед, государь, я, сирота твой, с тою с твоею, государевою, костяною казною на Лену реку в Жиганское зимовье, и в Жиганех, государь, зимуючи, пришла наказная память в Жиганы. И по твоей, государеве, наказной памяти сын боярской Ондрей Булыгин, что у меня, сироты твоего, было костишка рыбья зуба, перевесил, и переписав, и запечатал. И пришед, государь, я, сирота твой, с тою с твоею, государевою, костяною казною в Якутцкой острог, и ту, государь, мою костишку 10 пуд по твоему, государеву, указу твой, государев, стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской в твою, государеву, казну взял. И я, сирота твой, в тех своих подъемных долгах погибаю, и должники долгов своих просят, а окупитца, государь, нечем — наг и бос, и голоден, и в Якутцком меж двор скитаюсь. А служил, государь, я, сирота твой, в охочих служилых людех 6 лет без твоего, государева, денежного и хлебного жалованья.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… (т.), пожалуй меня, сироту своего, за мое к тебе, государю, службишко и за всякую нужу, и за кровавые раны, и за душевную скверность, вели, государь, за тем моим животишком, за костью отпустить к тебе, государю, к Москве и не вели, государь, в тех подъемных долгах должником убить на правеже, чтобы, государь, мне в Якутцком астроге в долгах в конец не погинуть и голодную смертью не умереть.

И вели, государь, сю челобитную послать к тебе, государю, к Москве.

Царь, государь, смилуйся».

В 1658 году Дежнев «снова отослал в Якутск большую «костяную казну», сопровождать которую поехал его товарищ **Никита Семенов**. Как ни жалко было расставаться с товарищем, интересы дела настоятельно этого требовали. Вместе с Семеновым отправился и **Ортемий Осипов**, не позабывший оставить на Анадыре вместо себя казака Никиту Кондратьева».

* * *

Никита Кондратьев.

Кондратьевых в Якутске, Тобольске, Томске было превеликое множество, поэтому трудно разобраться, кто есть кто и откуда. Если же говорить о преемственности продвижения по службе, когда на место отцов приходят их дети, что было в обычае тех лет, то представляются следующие интересные случаи: в 1650–1652 гг. на Индигирке в приказчиках Зашиверского острога Фома Кондратьев, а в «197 (1689) году послан из Охоцкого острошку казак Фролко Кондратьев с товарыщи на Тоуй реку для обереженья тоуйских тунгусов от неясачных коряк». Любопытен и Кондратьев Герасим — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, который в 1656 году служил в Якутске в детях боярских, в 1661 г. приказчик Верхнего Вилюйского зимовья.

* * *

Панфил (Памфила, Пантелей) Федоров сын Мокрошубов. Енисейский казак. Десятник, затем пятидесятник, а в 1667 году снова десятник. Тот самый, которого воевода П. Головин не только посадил в тюрьму, но и «велел положить на ноги колоду весом 43 фунта» за его строптивость. В материалах Якутской приказной избы есть *«Явочная челобитная якутского служилого человека Леонтия Федотова, посланного на Индигирку реку о том, что Пантелеймон Мокрошубов не идет на Алазейку реку, распустил служилых людей, заменив их промышленными и торговыми*

людьми, "отторговывает" иноземцев прежде сбора ясака». Это не донос. Это факт — все закончилось там печально: *«В 1651 г., по сообщению ясачного сборщика казачьего пятидесятника Пантелея Мокрошубова, на Алазее была "шатость", и юкагиры убили "на промыслех промышленных людей и служилых в ясачном зимовье 15 человек"».*

По данным Якутской приказной избы — последние годы скреплял ясачные книги в Якутской приказной избе.

В 1675 году на этой должности его сын Иван Пантелеймонович Мокрошубов (впоследствии десятник, пятидесятник). В 1678 г. — десятник Тимофей Мокрошубов.

Якутск, 1681 г.: Мокрошубов Иван, подъячий; Мокрошубов Минька, казак в холостом окладе.

«Марчко Иванов Игнатьева в прошлом во 198-м [1690] году по Указу Великих государей и по грамоте приверстан в пятидесятники. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Марчково место казачей сын Мишка Мокрошубов в холостой оклад».

«Иван Мокрошубов в прошлом во 197-м [1689] году за плутовство и за пьянство ис подьячих отставлен и во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

«Васка Иванов Паламошного в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Васькино место казачей племянник Ондрюшка Мокрошубов».

В 1706 г. в Якутском казачьем полку служили Мокрошубовы Михаил (седьмая пятидесятня) — у него два брата: Филька (1684 г. р.) и Федька (1686 г.р.). Филька — Филипп — служил во второй пятидесятне.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Алексей Михайлов сын Мокрошубов».

* * *

Никита Родионов сын Тютин.

Десятник. «*Микитка Тютин в нынешнем 1684 г. августа в 11 день по помете на выписке воеводы Кровкова приверстан вновь в пятидесятники за многие ево службы и раденья и за промысел».* В 1669, 1680, в 1688 годах был приказчиком на Алазее, в 1686 — приказчиком Янского Верхнего зимовья.

«Микитка Тютин в нынешнем в 200 м [1692] году на Ямском каменю от зашиверских иноземцов убит».

В 1689 году сын казачьего пятидесятника Никиты Тютина Алексей поверстан в пешую казачью службу. Это был тот самый казак Алексей Тютин, который участвовал в походе Луки Старицына Мороски — Ивана Голыгина на Камчатку.

* * *

Елисей Осипов.

Десятник. В 1674 году приказчик Нижнего Колымского зимовья. *«Анадырский приказчик Елисей Осипов, выполняя наказ якутского воеводы, снарядил экспедицию к устью р. Анадырь и далее в море под командой казака Антипа Сидорова для поиска месторождений серебряных, медных, оловянных и даже золотых руд. Никаких месторождений экспедиция не обнаружила»* (А. Зуев).

* * *

Михаил Никитин Ворыпаев назначен приказчиком Анадырского острога между февралем и августом 1683 включительно, прибыл в Анадырский острог в начале 1684 г., сменен Василием Пермяком 9 января 1685 г

Ворыпаевы (Варыпаевы) — представители одной из крупнейших служило-торгово-промышленной корпорации 17-го столетия в Сибири. И, прежде всего, это были отважнейшие мореходы:

> *«Андрей Варыпаев принадлежал к известной семье колымских торговцев-мореходов. Его братья, племянники и дяди неоднократно ходили по "студеному морю". Например, летом 1657 г. с Лены на Колыму совершил морской поход Матвей Ворыпаев, в 1658 г. Алексей Ворыпаев предпринял плавание с Колымы на Лену, в 1660 г, Никифор Ворыпаев ходил по морю из Жиганска на Колыму, в 1663 г. Григорий Ворыпаев с устья Лены отправился на море, стремясь достичь реки Колымы, летом 1668 г. Дмитрий Ворыпаев прошел на коче от устья Лены на Яну»* (М.И. Белов).

Ворыпаевых в Сибири было так много, что не грех и запутаться. О некоторых из них мы уже писали.

Была и самостоятельная казачья линия в Тобольске:

> *«После Смутного времени и захвата Польшей западнорусских уездов (прежде всего Смоленска) далеко не все местные помещики могли вернуться в свои имения и некоторые из них стремились попасть в Сибирь в ратную службу. Часть служилых и приказных людей, не имея материального достатка, также переселялась в Сибирь. В 1628 г. беспоместный малоярославский новик Филат Посников Воропаев, отец кото-*

рого еще в 1606 г. погиб в полку И.М. Воротынского под Ельцом, добивался поверстания в службу по Тобольску» (Власть и общество, Сибирь в 17-м столетии, Новосибирск, 1991 г.). Он был поверстан в дети боярские: «Почти в то же время, осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения "тобольской литвы и литовского списка казаков". После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, "излюбя из свое братьи из иноземцев", выбрали в ротмистры "рядового литвина" Григория Иванова Черного и просили утвердить его в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром, а на его "выбылое" место поверстал в дети боярские уже упоминавшегося беспоместного малоярославского новика Ф. Воропаева».

Одним из первых в Якутске в 1647 году отмечен Матвей Ворыпаев — торговый человек Сольвычегодского уезда, «ушник» воеводы Петра Головина.

Но при Францбекове воеводским «ушником» был уже Ерофей Павлович Хабаров, который в знаменитом Амурском походе успел ограбить не только служилых людей и собственных «покрученников» (нанятых им на промысел людей), но и покрученников других торговых людей:

«Промысел у Ярофея был на всякую ужину по 2 сорока по 4 соболя. И нам довелось у тех ужин наших покрученников на 12 человек 16 сороков 32 соболя», — писали торговые люди. Таким образом, каждый из покрученников от добытых им 84 соболей оставлял себе 28 соболей, или 1/3, а 56 соболей, или 2/3, отдавал Хабарову. Вся же добытая промысловиками партия составила 1008 соболей. Из них Хабаров получал 672, а покрученники — 336 соболей». «Промышленный человек Матвей Ворыпаев требовал с Хабарова уплаты убытка на 5481 рубль 12 алтын 2 деньги» (ЦГАДА, СП, ст. 344, л. 83).

Никита Ворыпаев в 1669–1671 гг.у был целовальником при приказчике на Колыме пятидесятнике Петре Аксентьеве «*…в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая "костяная казна" (приказчиком в Анадыре был в это время Михаил Ворыпаев)*».

А Михаил, как известно, Никитин сын.

В 1651 году во время службы на Алазее Пантелей Мокрошубов столкнулся именно с этими торговыми и промышленными людьми, силе которых вынужден был уступить, что привело в последующем к трагедии:

«А Степан Семенов да торговой ж человек Микита Федоров Ворыпаев Лалечи с покрученики в зимовье своем заперлися и на пищалях лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды, и они не вышли».

В 1668 году нечто подобное повторилась снова из жалобы Семена Сорокоумова с реки Яны: «…А ясачные зимовья и амбары все целы, а что в них каких статков было или нет, тово не ведаем же, потому, что пришли на Янгу в ясачное зимовье преж нас сын боярской Родион Кобелев с товарищи, да служилые люди Иван Симанов с товарищи, да таможенной целовальник Никита Ворыпаев. А мы, Семейка, пришли от моря зело нужны и голодны и холодны. А тот служилой человек Иван Симанов с товарищи ясачное зимовье и лутчие амбары с сеньми он занял под свои животы. А меня, Семейку, с товарищи в ясачное зимовье не пустил и с великою бранью отказал. Да оне же служилые люди, Иван с товарищи, своим самовластьем под казну великого государя соболиную амбаров не дали. Я, Семейка, с товарищи с торговыми и промышленными людьми взяли под казну пометное амбаришко худое, потому что новых амбаров ставить невчем, близко ясачного зимовья нет лесов, а сами безкормны, безхлебны и нужны. А нынеча мы, Семейка, по осени великого государя соболиного казною итти в Якуцкой острог не поспели, потому что в иноземцах шатость большая и вестей никаких нет, хто на Янге служилых людей побил».

В 1679 году Микита Ворыпаев обращается к царю с такой вот челобитной:

«Бил челом тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, по кабале в долгу в четырехстах рублех торговой человек Иван Федоров сын Катаев, а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — итти морем за Нос вожем.

Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич… (т.), пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том ево иску дать сроку, как я,

холоп твой, приду с твоей, государевы, з заморские службы.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 9 об. помета: 187-го августа в 3 день. В-ыску для службы осрочить, а послать паметь, велеть ево выслоть из-за Носья с-Ываном Потаповым и Любимом Козанцовым. А послон он, Никитка, **для морскова ходу, что ему тот хот за обычей и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того и послон».**

Обратим внимание на выделенную фразу – Никита Ворыпаев знал морскую дорогу «за Нос».

М.И. Белов сообщает о нем очень интересные подробности:

«Торговый человек Никита Ворыпаев — один из крупных колымских промышленников XVII в., выдающийся полярный мореход и землепроходец. Нам известны его походы: в 1650 г. от Жиганска на Индигирку, в 1654 г. от Колымы до Жиганска, в 1660 г. от Колымы до Жиганска, в 1664 г. от Колымы до Бузина острова (Яна), в 1685 г. от Колымы на Лену. ***Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко».***

А вот еще (тоже М. Белов): *«Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир. В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками с тем, чтобы им «итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни», во-вторых, стараться призывать под «великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж» соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке».*

А вот, что пишет А. Зуев: *«Из Анадырска отряд вышел на Пенжину, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во главе с Михаилом Ворыпаевым».*

В других случаях оставшегося на Опуке Ворыпаева называют (в том числе и сам М. Белов) Никитой. Правда, по возрасту, это, вряд ли, мог быть тот же самый Никита, о котором шла речь

впереди. По всей видимости, если это был Никита — то либо еще один сын, или же уже внук.

Владимир Атласов, вероятно, намеренно не встретился с этими людьми во время своего похода и не привлек их к участию, чтобы не делить ни с кем будущую славу первопроходца. Впрочем, это его право.

Хотя, называя имена участников похода В.В. Атласова Б.П. Полевой упоминает некого безымянного Ворыпаева. А в 1703 году в Нижнекамчатском остроге погибает казак Григорий Ворыпаев (возможно, из отряда анадырских казаков Андрея Кутьина, которые были переведены из восточнокамчатских зимовий в Нижнекамчатск Михаилом Многогрешным). В 1731 году на реке Ука во время заготовки рыбы для членов экипажа бота «Святой Гавриил» погиб вместе с женой и сыном служилый человек, толмач Евдоким Ворыпаев. Но и это еще не все — та чернобурка, которую искали у Владимира Атласова, была ему отдана новокрещеным камчадалом Иваном Ворыпаевым (а крестили в ту пору обычно холопов — взятых в плен детей погибших корякских или камчадальских воинов). В 1706 году в Якутском казачьем полку служил Петр Ворыпаев (первая пятидесятня).

Впрочем, в 1703 году вместе с тобольчанином Яковым Дурыниным мог погибнуть его земляк — тобольский казак Ворыпаев (по крайней мере, в 1661 г. в станице атамана Михайлы Остафьева служил в рядовых казак Олешка Ворыпаев).

Но вернемся к биографии Михаила Никитича Ворыпаева, известно, что: *«2 мая 1680 г. коряки напали на отряд ясачного сборщика М. Ворыпаева, сидевшего в Пенжинском зимовье, убив одного казака. В ответной погоне казаки “положили” двух коряков.*

В августе 1680 г. отряд М. Ворыпаева ходил на р. Аклан для “призыва” коряков в ясачный платеж. “Призыв” закончился столкновением, в результате которого коряков побили и взяли в плен 50 чел. В ответ на это 30 августа коряки осадили Пенжинское зимовье, но приступ был отбит» (А. Зуев).

А вот и подробности (А.А. Немировский, «Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.»):

«…в августе 1679 сменить Ивана Потапова в должности приказчика Анадырского острога из Якутска был направлен сын боярский Тит Богомолов; “вожем” при нем и его людях был

Никита Ворыпаев, хорошо знавший маршрут на Анадырь вокруг Носа (мыса Дежнева). Однако Тит Богомолов так и не смог добраться до Анадыря, и когда известия об этом пришли в Якутск, оттуда на исходе лета 1680 г. отправили менять Ивана Потапова другого служилого человека — Ивана Курбатова. С Курбатовым на Анадырь двинулось около 30 служилых людей — очень много по Анадырским меркам; очевидно, И.Ф. Бибиков (якутский воевода. — *С.В.*) *решил радикально изменить положение дел на Анадыре и объясачить большую часть обитавших там аборигенов.*

В конце 1679 – начале 1680 г. Михаил Ворыпаев, приказчик Чендонского зимовья на Пенжине, безуспешно пытался разыскать пенжинских юкагиров-чуванцев; интересно, что пенжинских ходынцев он не пытался даже и разыскивать — в своей отписке он их вообще не упоминает), а также добрался до Анадырского острога и передал там Ивану Потапову порох и свинец, после чего вернулся на Пенжину. Еще до таяния снега пенжинские чуванцы обнаружили следы его экспедиции по их розыску и, опасаясь его сил и не зная, чего от них ждать, безвестно для Ворыпаева откочевали на Анадырь, где (примерно к концу 1680 г.) выдали аманатов в Анадырский острог и обязались платить там ясак

Тем временем Ворыпаев на Пенжине в мае – августе 1680 г. он с переменным успехом вел бои с коряками, но объясачить никого из них не сумел, и лишь "смирял их ратным боем" и кого-то "побил", а кого-то захватил в плен. В октябре — начале ноября 1680 г. Ворыпаев вновь разыскивал пенжинских чуванцев, разумеется, безуспешно — к этому времени они были уже на Анадыре. Однако через некоторое время к нему каким-то образом пришло извещение из Анадыря о том, что пенжинские чуванцы объявились там и будут отныне платить ясак там, и Ворыпаев отправил обо всем этом в Якутск отписку около начала 1681 г.

На Пенжине к этому времени Михаила Ворыпаева сменил (в мае 1681 г.) в должности приказчика Иван Исаков. Получив просьбу Курбатова о помощи, Иван Исаков сам двинулся со своими людьми в Анадырский острог, а Михаила Ворыпаева, до тех пор остававшегося при нем, отправил с отпиской обо всем случившемся в Якутск (осень 1681 или первая половина 1682 г.). Б.О. Долгих считал, что Чендонское зимовье было при этом заброшено, однако в литературе указывалось, что на Пенжине

накануне 1683 г. был еще один приказчик — Иван Голыгин; если эти сведения правильны, то, скорее всего, Иван Голыгин был одним из служилых людей Ивана Исакова, и последний оставил его исполнять обязанности приказчика Чендонского зимовья, когда уходил на Анадырь.

В середине 1682 г. Иван Исаков должен был, видимо, уже добраться до Анадыря и соединиться с Курбатовым, что должно было несколько изменить там соотношение сил.

В первой половине 1683 г. (не ранее февраля) в Якутске, наконец, получили доставленную Михаилом Ворыпаевым отписку Ивана Исакова с Пенжины и узнали из нее о том, что восставшие юкагиры обложили Анадырь и Иван Исаков собирается идти туда с Пенжины. Последующие события свидетельствуют о том, что воевода Приклонский принял меры по подавлению восстания. Не позднее лета 1683 г. Михаил Ворыпаев был отправлен из Якутска в Анадырский острог с назначением новым его приказчиком; на Колыму, видимо, ушли предписания организовать наступление на восставших с запада.

Хотя территория вокруг Анадырского острога к концу 1683 г. контролировалась его властями, с Анадыря на Колыму в верховьях Анюя оставались по-прежнему перекрыты восставшими. Дальнейшие удары по ним наносились прежде всего с запада (скорее всего, не без предписаний из Якутска). В начале 1684 г. в Анадырский острог прибыл и взял его под власть Михаил Ворыпаев. В январе 1684 г. Иван (Осипович. — *С.В.*) *Голыгин с русскими служилыми и союзными нижнеколымскими юкагирами-омоками (среди которых были и амнистированные Косой с родичами) ходил в верховья Анюя "на Анадырские хребты" против самого Канивы и его группы ходынцев, нашел их, вступил с ними в бой и разбил; из примерно 50 воинов, возглавлявшихся Канивой, было убито 16, Канива попал в плен и был вместе с двумя своими соратниками пощажен и обращен в заложники-аманаты, а Голыгин и еще трое его людей были ранены. Остальные признали русскую власть и Голыгин хвалился тем, что "[на]вечно очистил" сухопутный маршрут с Колымы на Анадырь».*

* * *

Василий Тарасов Пермяк назначен приказчиком Анадырского острога в начале осени 1684 г., прибыл в Анадырский острог и вступил в должность 9 января 1685 г., сменен Андреем Цыпандиным в январе 1686 г.

О пермяках и зырянах, как старожильческом населении Сибири, мы уже говорили:

«Летопись рассказывает: “Лета 7095 (1587 г) князь великий Феодор повелел взята в новый городок Тобольск из вычегодские и вымские пермяки в служилые люди пять десят и с жоны и с детми”. В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название “Зырянская”. На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске жили стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края

В 1593 г. возникли **Пелым** и **Березов**: “Лета 7101 (1593) повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пелынь и Березов городки строити”, — рассказывает летопись. “Пермичи и вымичи” упомянуты в царском наказе князю П. Горчакову, посланному строить Пелым, среди участников его похода».

Поэтому Зыряновых и Пермяковых в Сибири не пересчитать.

В 1666 году в Якутске умер знаменитый мореход, открывший Яну и Индигирку, сын боярский Иван Иванов Ребров. Его дело продолжал приемный его сын Андрей Пермяков, отец мореплавателя Якова Пермякова, впоследствии принимавшего участие в открытии Новосибирских островов.

И далее, собираем материал по крохам:

«В деле остался черновик наказной памяти, помеченный 29 июля 1662 г., пятидесятнику Григорию Татаринову о посылке его на Колыму для приведения в русское подданство юкагиров, онаулов и коряков, живших на “камне”, и для сбора с них ясака, с приложением росписи сопровождающим. Среди них упоминаются казаки: Семен Сорокоумов, Григорий Посник, Андрей Пермяков и др. С.Г. Татариновым были посланы медные котлы для передачи казачьему десятнику Панфилу Мокрошубову».

Мы не знаем, находились ли в родстве Андрей Иванов сын Пермяк и некий Тарас Пермяк. Но вот, как сложилась судьба десятника Василия Тарасовича и его сына Тимофея:

«Собранные воеводой А.А. Барнешлевым сведения о неясашных народах вблизи Пенжины “на хребтах” усилили интерес к Пенжинскому зимовью. Туда было отправлено подкрепление. Новым пенжинским приказным был назначен бывалый казак Михаил Ворыпаев. Он должен был сменить пенжинского приказного Василия Тарасова Пермяка. Между тем в Пенжинском

зимовье с сыном прежнего приказного произошла романтическая история, которая закончилась трагедией: казак Тимошка Васильев Пермяк “стакався с корятцкою крещенной девкою Анюткою, великому государю изменил, сбежал в корятцкую землю, и его, Тимошку, в корятцкой земле коряки убили”».

В 1681 году в списках якутских казаков отмечен Микишка (Никита, Никифор) Пермяков, а в 1706 г. казак Никита Васильев сын Пермяков служил в третьей пятидесятне.

А камчатский служилый Ефим Пермяков, член экипажа бота «Святой Гавриил» был старшим в числе первых десяти россиян, ступивших на американскую землю в 1732 году:

«Августа де 20 пополуночи в 1-м часу поднели якорь и пошли в путь свой. 7-го часу пополуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова, и между первым и вторым островом растоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше. И на оной де остров посылан был служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нем толмач на байдаре для проведывания, что есть ли на нем народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от оного острова, сказал, что де и на том острову живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по них из луков стрелять, и за тем на берег не выходили».

И вот еще малоизвестные страницы истории, связанные с этой фамилией и Анадырским острогом: *«Поскольку история первой попытки русских подчинить своей власти восточных чукчей остается малоизвестной, напомним кратко, как же это произошло в 1687 г. Эти подробности стали нам известны тоже недавно из реставрированных в ЦГАДА сильно поврежденных документов.*

Особый интерес представляет челобитная одного анадырского казака, которая гласила: “В 195 году, мая 27 послан был я, холоп ваш, из Анадырского острожку при приказчике пятидесятнике Василии Пермяке на вашу великого государя службу вниз по Анадырю реке к неясашным иноземцам в Чюхоцкую землю к чюхчам призывать их под ваши великого государя царские высокие руки в вечное холопство с ясачным платежом и я, холоп ваш, тех чюхоч под ваши великие высокие руки разговорил и к шерти (привел)”.

Так неожиданно выяснилось, что 27 мая 1687 (“195”) г. был начат неизвестный поход из Анадырского острожка к восточ-

ным чукчам, в результате которого какая-то группа чукчей была объясачена и к тому же формально приведена "к шерти", то-есть, к формальной присяге на верность России.

Лишь в 1965 г. И.С. Вдовин впервые в исторической литературе обратил внимание на то, что в 1688 г. среди восточных чукчей уже существовала группа "ясашных чухчей". Но он не знал, когда были объясачены эти чукчи. Теперь же достоверно установлено, что это произошло в 1687 г.

Другой реставрированный, еще более сильно пострадавший документ, содержит сведения о том, какой именно ясак был получен русскими от восточных чукчей в 1687 г.

*Вот наиболее важные для нас отрывки из этого документа: "призвал чюхоч… и ясаку с них чюхоч велик взял костью моржового зубу с лутчево их князька Копейчка (?) да с брата ево Та… и с родниками з… ти человек десять костей и та кость взята и… в ясачные соболиные книги…". "И сказал он, Иван, что тот иноземец Копейко и з братом своим Тасирею: станем де мы платить великим государям ясак и с иных многих чюхочь…", "…взята с чюхоч кости великого ясаку и та кость послана через гору на оленях и велели итти на Лену в… **с казаком с Якунькой Пермяковым**"».*

Якунька — Яков Андреев сын Пермяков — это и есть один из первооткрывателей Новосибирских островов, отец Андрея.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Иван Андреев сын Пермяков… дети ево Егор шеснацати лет и он послан на службу в Олекминской острог в 719 году».

В 1706 году в Якутске состояли на службе: Пермяков Иван (7-я пятидесятня), Пермяков Никита Васильев (3), Пермяков Семен (7), Пермяков Яков Васильев (4).

Якутск, 1692 г.:

«Мишка Ярославцов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Мишкино место казачей сын Сенька Пермяков».

«Филька Пермяков в прошлом во 197-м [1689] году на Анандыре реке от иноземцов убит».

Ивашко Пермяков в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой.

Микитка Васильев Пермяков

Якунька Пермяков

У Пермякова Андрюшки в 1672 г. родился сын Ивашко, А у Пермякова Ивашки — в 1691 году — сын Мишка.

Якутск, 1681 г.: Пермяк Ивашко, казак (х/о), Пермяков Ивашко, казак (х/о), Пермяков (Пярмяков) Ондрюшка, казак (ж/о), Пермяков Микишка, казак (х/о), Пермяков (Пярмяков) Микитка, казак (х/о), Пермяков Филька, казак (х/о), Пермяков Якунька, казак (х/о).

На Камчатке будет служить и оставит свое имя при крещении камчадалов якутский казак Ефим Пермяков.

ЧАСТЬ 8. ПУТЬ В КАМЧАТКУ С ЮГА

«Русские проведали о р. Амуре впервыя в 1636 году. Партия казаков, посланная из Томска на р. Алдан объясачить тамошних Тунгусов, узнала от них о племенах, живших по рекам Зее и Шилкару (притоку Амура). Более подробныя сведения о Даурах получил Енисейский атаман Максим Перфильев от Витимских Тунгусов; он узнал, что в Даурской земле добывается медная, свинцовая и серебряная руда, а от Китайцев Дауры получают шелковыя ткани и разные другие товары» (Чулков Н., Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив, 1898. — Кн. 1. — Вып. 2).

Да, первым обозначил факт существования Даурии Максим Перфильев, которого многие историки считают родоначальником сибирской династии Перфильевых-Перфирьевых.

Но это не совсем так.

Вполне вероятно, что Максим Перфирьев (вариант Перфильев появляется позже) был уроженцем Сибири первого поколения — сыном сургутского казачьего атамана Максима Перфирьева, который пришел в Сибирь в 1600 году в отряде М. Шаховского и Д. Хрипунова. Именно в Сургуте — родовое гнездо сибирских Перфирьевых-Перфильевых.

«В первых десятилетиях XVII века в Сургуте и Пелыме служил целый клан казаков Перфирьевых, связанных родственными узами, пришедших в Сибирь еще с Ермаком. Большая часть из них служила в Тобольске, Томске, других городах западной Сибири. Один из них, — Илья Перфирьев оставил о себе память своим походом по Лене к Ледовитому океану, открытием в 1634 году реки Яны и сооружением Верхоянского зимовья.

Максим же пришел в 1618 году к верховьям реки Кети с отрядом стрелецкого сотника тобольского сына боярского Черкеса Рукина и пелымского сына боярского Петра Албычева, где принял участие в строительстве Маковского, а потом и Енисейского острога. В архивных документах Максима, служившего в отряде подьячим, называли то Перфирьевым, то — Перфильевым. При этом, чем дальше по времени, тем чаще — Перфильевым» (В. Бахмутов-Красноярский, его очерки «Землепроходец Максим Перфильев» и «Наследники именитого землепроходца»).

Подъячий — должность писарская, канцелярская, которая не дает никакого продвижения по службе. А Максим Перфильев обладал незаурядным волевым характером, и был человеком, способным для достижения своей цели пойти и на преступление.

Ситуация со службой изменилась, «благодаря» енисейскому сотнику Поздею Фирсову. Как выяснилось впоследствии, пока Поздей Фирсов ходил в походы, его место в супружеской постели «согревал» подъячий Максим Перфильев.

*«30 мая 1625 года Поздей Фирсов с отрядом наиболее опытных казаков и стрельцов в составе 40 человек, среди которых были пятидесятник **Терентий Савин**, стрелецкие десятники **Василий Ермолин** и **Михаил Шорин**, казаки **Никифор Галкин** и **Максим Перфильев**, отправились на кочах вверх по Ангаре с тем, чтобы собрать ясак с уже приведенных под государеву руку тунгусов и, объясачив новые тунгусские земли, идти в поход на братскую землю. Для Максима Перфильева это был первый боевой поход по Ангаре».*

Знал ли Поздей о «шашнях» Перфильева? Не уверен, что есть тому документальные подтверждения, но Владимир Бахмутов Красноярский пишет: *«Но от людей не утаишься, — прознал об этом и Поздей. Чего только он не делал с ней, — и бил смертным боем, и в бане закрывал, и с Максимом дрался, — все попусту».*

Но для самого Перфильева тот поход под началом Фирсова закончился благополучно.

А вот сам сотник Поздей Фирсов, возвращаясь из Тобольска, куда он сопровождал сменившегося енисейского воеводу Якова Хрипунова, неожиданно утонул в Оби. Как это случилось — никто не знает.

И тотчас с подачи нового енисейского воеводы родилась на свет вот эта челобитная

1626 г. лето — осень. — **Челобитная енисейских служилых людей о поверстании подьячего М. Перфирьева в стрелецкие сотники на место утонувшего в р. Обь П. Фирсова.**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои Енисейского острогу стрелцы пятидесятничишшко Пятунка Арбенев, десятничишшка Илейка Ермолин, Богдашко Титов, Максимка Ондреев, Павлик Аврамов, Дрочка Селиванов, Фирска Михайлов и во всех товарыщев своих место енисейских стрелцов. В прошлом, государь, в 132-м году по твоему государеву указу был к нам, холопем твоим,

прислан в сотники атаман Поздей Фирсов. А велено, государь, ему, Поздею, быть у нас, холопей твоих, сотником. И по грехом, государь, тот Поздей едучи из Томска в Енисейской острог потонул на Обе реке и ныне, государь, у нас, холопей твоих, в Енисейском остроге сотника нету. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, смилуйся, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, у нас, холопей своих, быти сотником енисейского острогу розрядному подьячему Максиму Перфирьеву. А с тем, государь, Максимом нам, холопем твоим, твоя государева служба служите мошно струговая и пешая, потому что, государь, тому Максиму всякие твои государевы службы за обычей. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 91 об.: Пятидесятник Пятунка руку приложил. Стрелец Мишка Шорин руку приложил. Стрелец Ондрюшка руку приложил. Стрелец Вихорко руку приложил. Стрелец Дружинка руку приложил.

РГАДА, ф.214, оп. 3, ст.12, л. 91–91об.

Мало того — новый воевода дал добро и на венчание Перфильева с вдовой Фирсова — Ольгой. При ЖИВОЙ ЗАКОННОЙ жене Максима Перфильева, которая благополучно проживала на Верхотурье у родных.

И все это было сделано не с проста — Максим Перфильев и очередной енисейский воевода Андрей Ошанин были «партнерами по бизнесу» — занимались винокурением из казенного хлеба.

А в мае 1626 года оголодавшие казаки пятидесятника **Василия Алексеева**, вернувшиеся из неудачного похода, подняли восстание — воевода Андрей Ошанин был смещен с должности и чуть было не убит.

*«Весть о восстании служилых людей в Енисейске скоро докатилась до Тобольска. Сибирские власти не на шутку обеспокоились. Несмотря на наступившую зиму для сыска над бунтовщиками в Енисейск был спешно направлен сын боярский **Борис Аршинский** с отрядом служилых людей под командой Петра Бекетова, назначенного в острог стрелецким сотником вместо утонувшего Поздея Фирсова».*

Вот так и произошла первая встреча Максима Перфильева с человеком, который занял должность, якобы предназначавшуюся ему самому, — с сотником стрелецким и казачьим Петром Бекетовым.

Зимой 1626/1627 гг. Максим Перфильев (верстанный в атаманы) был в походе, который закончился для него весьма печально: *«Весной 1627 года вслед за ледоходом отряд Максима Перфильева, обремененный добычей и государевой казной, возвращался по Ангаре в Енисейск. В местечке «Рыбная ловля» увидели казаки тунгусских князцов, — Иркинея, Боткея и Тасеева сына — Лукашку с малым числом людей. Вожди показывали жестами с берега, что готовы дать ясак. Перфильев решил причалить. Но когда кочи приблизились к берегу, откуда не возьмись, высыпали тунгусские воины общим числом не менее двух сотен, стали осыпать служилых дождем стрел. Среди енисейцев 11 человек было ранено, казак **Поспел Никитин** убит, сам Максим Перфильев получил несколько ран, — ему стрелами пробили обе руки и прострелили левое бедро. Пришлось, отстреливаясь, спешно уходить. Тяжким было возвращение служилых в острог, — шесть недвижимых тел (получившие тяжелые ранения, — умерли в пути) и шестеро раненых, среди которых был и сам атаман».*

Но и в Енисейске его ждали худые вести: «*…Максима отстранили от атаманства в Енисейском остроге и направили служить «к дому»*, — в Сургут».

На этом бы и закончилась его землепроходческая биография, если бы не случай…

Но об этом случае мы более подробно расскажем в главе «Казачьи бунты», а пока ограничимся сообщением Владимира Бахмутова-Красноярского:

«18 января 1627 года, состоялся царский указ о посылке Якова Хрипунова в Сибирь для сыску серебряной руды. Ему поручалось приобрести все необходимое для этого дела, набрать людей и возглавить экспедицию». И, конечно же, Хрипунову был нужен в этом деле грамотный и опытный помощник, знающий те места, в которых и предполагался поиск серебряной руды. И таким помощником стал Максим Перфильев».

А когда экспедиция провалилась и развалилась, Перфильев вновь остался в Енисейске.

*«3 августа 1630 г. атаман с пятидесятником **Василием Москвитиным**, десятником **Семейкой Родюковым** и тридцатью служилыми людьми отбыл в Братскую землю. Отряд был обеспечен годовым денежным и хлебным жалованием и всем необходимым для строительства острога. В отписке томскому во-*

еводе Шаховский писал: «…велено Максиму Перфильеву, пришед под брацкие улусы блиско, посмотреть угожее крепкое место, поставить острог, и укрепить гораздо».

Но, столкнулись два противоположных мнения по поводу места, где «быть должно» Братскому острогу. Петр Бекетов утверждал одно, Максим Перфильев — наперекор другое. В итоге поставили острог там, где, считал нужным Перфильев, — перед порогами, а через несколько лет перенесли туда, куда указывал Бекетов, — на устье.

«К концу июля 1631 года строительство острога у Падунского порога было завершено. Исполнив поручения князя, Максим Перфильев с отрядом вернулся в Енисейск. Удовлетворенный воевода поощрил часть отряда Перфильева за хорошую службу поездкой в Москву с ясачной казной».

А в 1638 году он отправляется в поход, который лег в сокровищницу мировых географических открытий того времени: он привез первые сведения о даурах — жителях реки Шилкар (Амура).

И еще он привез вести, которых в Москве ждали уже не одно десятилетие — о серебре.

«Вернувшись в 1640 году из витимского похода в Енисейск, Перфильев писал в отписке государю: "…на той, государь, Шилке-реке у князца Ладкая, на устье Уры-реки под улусом блиско серебряная руда в горе, и из той, государь, руды даурские князцы Ладкай с товарищи плавят серебро и руды де, государь, серебряные много и то де серебро расходитца по многим волостям и по улусам и продают де, государь, серебро на соболи".

Енисейский воевода, посчитав привезенные Перфильевым сведения весьма важными, отправил его в Москву с личным докладом государю, поручив ему еще и сопровождение соболиной казны».

А далее, произошло что-то не совсем понятное:

«В 1641 году на северном пути через Уральский хребет отряд енисейского казачьего атамана Максима Перфильева, сопровождавшего соболиную казну из Красноярска, Енисейска, Нарыма и Березова, был атакован и исстреблен "самоядью". Государева пушная казна была разграблена, однако сам атаман спасся».

Но, видимо, сообщение о серебре было настолько важным для Москвы, что вместо наказания за утеря драгоценной казны, он был награжден: *«В конце 1643 года он за свои заслуги был пожалован в стрелецкие сотники. В государевой грамоте от 29 декабря 1643 года говорится: "…пожаловати за ево службу в Енисейском остроге в сотники стрелецкие на* ***Васькино Черменина*** *место, …а нашего жалования ему давати оклад по двенадцати рублев, да хлеба, рыбы, овса по четыре чети"».*

«В августе 1647 года, — извещают сохранившиеся в архивах документы, — енисейский сотник Максим Перфильев и тобольский пятидесятник ***Ларька Едомский*** *на Ленский волок привезли около 30 ссыльных семей. В том числе присланы на службу: дети боярские, тверичи Сенька Епищев с женой и Ивашко Епищев, человек стрелецкого головы Ивана Бечечева Ондрюшка Федоров, стрельцы Богдашко Карпов, Гришка Черноус, Мишка Чаколка, Мишка Чернычёнок с женой, Яков Бронник, Васька Скоробогатый, казанские "тюремные стрельцы", — Друин Трофимов, Семейка Скоморох и Овдюшка Бочкар; на пашню: калужанин Демка Дуров, подъячего приказа Большого дворца Юрия Блудова человек Лазарько Григорьев с женой и с детьми, поп Иван Федоров. Из прибывших около десятка семей устроены на чечуйской пашне, остальные записаны на службу».*

Но это была уже территория сопредельного воеводства — Якутского, образованного в 1638 году.

И в тот же год, возвращаясь в Енисейск, Максим Перфильев доложил якутскому воеводе Петру Головину, который в это же время зимовал в Енисейске со своим отрядом, о возможности нахождения серебра в Даурии. И по маршруту, указанному М. Перфильевым, впоследствии был отправлен большой экспедиционный отряд во главе со служилым казанским татарином, письменным головой Еналеем Бахтеяровым, который не справился с порученным ему заданием и угодил в якутскую тюрьму…

* * *

Головин, исполняя государев наказ, не щадил никого, даже человека такого высокого ранга, как письменный голова.

Хотя, сказать, что Еналий Бахтеяров не внес свою лепту в историю географических открытий нельзя — он доставил в Якутск подробную опись своего похода. Но его задача была выйти на Шилкар (Амур) и найти серебряную гору, а с этой задачей он не справился.

Повезло с историко-географической точки зрения другому письменному голове — Василию Пояркову, который возвратился из похода на Амур в Якутск, когда здесь уже был другой воевода — Василий Никитич Пушкин (хотя, как мы уже писали, В. Бах-

мутов-Красноярский придерживается другого мнения: Поярков тоже угодил в тюрьму, так как в связи со следствием Петр Головин продолжал оставаться в Якутске до 1648 года и имел (в связи с тем, что был в родстве с царской фамилией) очень большое влияние на фактическое руководство воеводством).

Сегодня о Пояркове пишут вот так:

«В 1643 г. письменный голова Якутска (управляющий воеводской канцелярии) Василий Поярков предпринял большой поход на Амур. Отправились 132 человека, поднялись по Алдану, перевалили Становой хребет и достигли Зеи. Построив суда, двинулись к низовьям Амура. Летом 1645 г. вышли в море, увидели о. Сахалин. И поплыли на север до р. Ульи, откуда по пути Москвитина вернулись в Якутск. От лишений, болезней, в боях отряд потерял две трети личного состава. Но привез огромный ясак, а главное — отчет с подробным описанием своих открытий, чертежами Амура и морского побережья».

Игорь Забелин в одной из своих глав книги «Встречи, которых не было», пишет:

«Первоначальная история исследования Охотского моря, как видно по предыдущим главам, неразрывно связана с историей Якутска или, точнее, Якутского острога: походы и начинались, и заканчивались в административном центре гигантского воеводства.

И поневоле в книгах или документах, которые я читал, заинтересовавшись Охотским морем, мне попадались имена воевод… И частенько встречалось имя Василия Пояркова, того самого, что побывал на Охотском море после Москвитина и Горелого. Как правило, имя его соседствовало с именем воеводы Петра Головина. В самом этом совпадении нет ничего странного: Поярков был «письменным головой», то есть чиновником по особым поручениям при воеводе, и положено им было действовать вместе.

Они и действовали вместе, в полном согласии, но действия их на первых порах показались мне несколько неожиданными… Пытают в пыточной избе Семена Шелковника (еще до похода на Охотское море) — и Василий Поярков тут как тут… Бьют батогами отчаянного казака, Василия Бугра, в числе первых пришедшего на Лену, — и Поярков при деле… Морят голодом, калечат Ерофея Хабарова — и Поярков не в стороне… Пытают Парфена Ходырева… И так далее и тому подобное…».

И вывод, который он делает, — Василий Поярков, боясь сыска и ответственности за содеянное в Якутске, бежит подальше от воеводы, чтобы избежать возможной судебной расправы… Он не радел о государственных интересах и был абсолютно безжалостен к тем, с кем свела его судьба на этом пути…

Да, Василий Данилович Поярков, безусловно, выполнял задание воеводы, совершая экспедицию на реку Амур и побережье Охотского моря, пройдя более четырех тысяч километров на территории, считавшейся «terra incognita», и войдя таким образом в отечественную и мировую историю, как первопроходец.

Но он навечно остался в памяти коренных жителей Амура и якутских казаков совсем по другому поводу.

По сути, он должен был бесславно провалить эту экспедицию в самом ее начале, как и Бахтеяров. Но боясь гнева воеводы Петра Головина, он начал совершать поступки, один глупее, безжалостнее и бесчеловечнее другого.

Его отряд состоял из 133 чел., включая 112 служилых (из них 12 старых якутских (прежде енисейских) служилых и 100 новоприборных(тобольских и березовских) казаков, 15 «охочих» людей, 2 целовальников (оценщиков пушнины), 2 толмачей (переводчиков), 1 кузнеца и самого руководителя экспедиции.

Спеша выполнить задание, он пошел на совершенно безрассудный по тому времени шаг — отправился в позднюю осеннюю пору в неизведанные еще земли с основной частью отряда — 90 человек, оставив весь груз — запасы продовольствия, свинцовую и пороховую казну, которые мешали быстрому продвижению вперед, под охраной остальных сорока человек, поставив перед ними задачу весной (используя речной транспорт) догнать передовой отряд Пояркова.

Собственно, замысел был прост — по ходу движения грабить местное население, пополняя продовольственные запасы отряда, как это уже было «отработано» в Западной Сибири и на великой реке Лене.

В середине декабря 1643 года отряд Пояркова встретился с даурами князька Даптыула.

Позже письменный голова, оценивая ситуацию с позиций собственного оправдания, давал подробную характеристику людям, с которыми ему пришлось встретиться на реке Зее — оказывается (к его искреннему и глубокому удивлению!) эти были люди, уже вступившие в смертельную борьбу со своими южными

соседями — с маньчжурами, покорившими Китай, и потому не боявшиеся «огненного боя» — и это был главный просчет людей Пояркова, привыкших действовать «нахрапом», используя огнестрельное оружие.

На реке Умлекан русские поставили зимовье, а затем В. Поярков отправил на поиски продовольствия 70 человек казаков во главе с «опытным» (вероятно, в том числе, и по разбою) пятидесятником Юшкой (Юрием) Петровым.

Как писал в своем отчете возвратившийся в Ленский острог руководитель экспедиции, он велел *«вызывать ласкою под государеву высокую руку, и как они князцы выдут к ним из острожку, и их князцов взять в аманаты, отойти к лесу и засекою или вяжею рубленою укрепиться накрепко, а к острожку не приступать, смотря по тамошнему делу, как бы государю было прибыльнее»*.

То есть, если по сути, Поярков приказал казакам хитростью выманить даурских «князьцов» и взять их в заложники, чтобы заставить остальное население платить ясак и снабжать русских продовольствием.

Схема, повторяю, была уже отработана на опыте общения с якутскими «князьцами» и казалась безупречной.

А далее события, если очень скупо, выглядели следующим образом:

Оглоблин Н.Н.:

«…и как де он Юшко с товарищи пришли под острожек, и Даурские князцы, Досий, и Колпа, и Даваря, не допустя их Юшку с товарищи до острожку за версту встретили, и государскому величеству поклонилися, и в аманаты к ним сели Досий и Колпа, а Доваря в острожек отпустили, и три юрты им отвели, где им Юшку с товарищи жить, и хлебных запасов, 40 кузовов круп овсяных, привезли и десять скотин привели же, и ночевал он Юшко с товарищи в юртах , и взяв с собою знамя и пятьдесят человек служивых людей, круг острожку ходили и осматривали, крепок ли острожек и приступить к нему можно ль? и он Юшко почал тем Даурским князцом говорить и в острожек к ним проситься, и они де отказали : “в острожке де живут у них люди многие, и Руских людей посепоры не знают и с ними учинят бой, и от того де учинится дурно болшее;” и он Юшко с товарищи, упрямився, взяв тех князцей Досию и Колпу, и в острожек к ним пошли , и тех князцов их улусные люди, собрався безвестно, и на него Юшку с товарищи напустили из острожку и из подлазов, многие люди на вылазку выходили и с поля многие конные люди напускали, и бой с ними великой учинили, и на бою служилых людей десять человек изпереранили больно, итти из под острожка не могли и осталися под острожком живы, а своего одного князца Кольпу убили, а другой князец Досий убил служивого человека, у кого он был, и ушол к ним в острожек, а досталных служилых людей всех изпереранили и в юрте под острожком обсадили, и сидели 3 дни и на четвертую ночь из под острожку пошли в отход к нему Василью на Умлекан, и шли в куяках до Умлекана десять дней; и как те люди к нему Василью зимою пришли, и всякого запасу меж собою разделили по тридцати гривенок на человека, и питалися всю зиму и весну сосною и кореньем; а как служилые люди пришли из под острожку Юшко Петров с товарищи к нему Василью на Умлекан, и вътепоры из за караулу у служивыхлюдей, у Галки Сурнина да у Оски Крохи, из желез Даурской князец Доптыул убежал, и после того голодною смертию померло тех служилых людей, которые из под острожку пришли, 40 человек».

Но это еще не вся правда о том, как спасал себя и малую часть своих людей от голодной смерти письменный голова Василий Поярков: *«В мирской же челобитной написано на воеводу Петра Головина: в прошлом во 151 году прибрал он Петр вновь в службу из промышленных и из гулящих людей девяносто шесть человек, да к ним же из старых служилых людей шестнадцать человек, послал их с советником своим с Васильем Поярковым в Пегую орду; и будучи Василей Поярков на государеве службе, служилых людей бил и мучил напрасно, и пограбя у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил , а велел им итить есть убитых иноземцов, и те служилые люди, не хотя напрасною смертию помереть, съели многих мертвых иноземцов и служилых людей, которые с голоду примерли, приели человек с пятдесят, а иных своими руками прибил до смерти, а говорил он Василей так : “не дороги де они служилые люди, десятнику де цена десять денег, а рядовому де два гроши”, и всего он Василей потерял государевых служилых людей человек со сто; и пловучи по Зие реке того Василья с досталными служилыми людми тамошные иноземцы к берегу не припущали, а называли их погаными людоеды; и где он Василей весновал, как с лугов снег сшол и трава обтаяла, и те досталные служилые люди учали корень травной копать и тем кормитца, и тот Василей, уведав, что*

служилые люди кормятца травным кореньем, и велел человеку своему Дениску луги выжечи для своего запасу, чтоб сдорожить запас свой, и с той землицы с досталными служилыми пошел на море».

Поначалу мне было не понятно, зачем Поярков велел сжечь весной сухую траву на лугах, на которых отыскивали съедобные корешки его, погибающие от голода, подчиненные. Какой в этом смысл и почему именно про эту траву с такой болью и горечью сообщают казаки в мирской челобитной?

Ключевое слово здесь — «…чтоб СДОРОЖИТЬ запас свой…».

Поярков самым бессовестным образом торговал теми продовольственными запасами, которые схоронил в зимовье, наживаясь на человеческом горе, заставляя своих соотечественников превратиться в ЛЮДОЕДОВ.

Вдумайтесь в этот вот фрагмент допроса, в котором сообщники Пояркова пытаются выгородить письменного голову:

«Василей де Поярков учал им служилым людем говорить: “кому де не охота в острожке с голоду помереть, и они б де служилые люди шли на луг к убитым иноземцом и кормились, как хотят”, и пошло де их на тот луг служилых людей десять человек, Кручинка Родионов с товарыщи, да после того выслал его Панкрашку да Ивашку Москву; и ему де Василью почали бить челом служилые люди, Юшко Томской Кислой, и иные служилые люди, а имяны их не помнит, чтоб он Василей у тех служилых людей, которые вышли на луг, хлебные запасы обыскал и взял, и Василей де Поярков у тех служилых людей хлеб и те запасы, что у них сыскалось, у него Панкрашки две гривенки, и по гривенке и по три и по четыре и по пяти гривенок взял, и они де служилые люди, которые мертвых иноземцов ели, иные де ожили, а иные померли…».

То есть они ограбили тех людей, которые вынуждены были потом есть мертвецов. Никогда не поверю, чтобы у человека, у которого оставались бы еще хотя бы мизерные запасы хлеба, начал вперед есть мертвечину. Конечно же, дело было наоборот…

Вот и свидетельство этого кошмара: *«Ларка слышал от служилых людей, которые мертвых иноземцов ели и ожили, что де их Василей из острожку выбил, и запасы у них побрал, и они де мертвых иноземцов ели…».*

А далее все продолжалось как в страшном сне, хотя по весне прибыл отряд из сорока казаков, доставивших продовольствие. Все дело в том, что по Амуру уже разнеслась страшная весть: идут поганые людоеды… И любая попытка казаков высадиться на берег была чревата последствиями. Тогда Поярков послал вперед небольшую группу казаков из двадцати пяти человек:

*«…и он Василей послал проведывать десятника **Илейку Ермолина** да с ним служилых и промышленых людей двадцать пять человек, далече ли до моря? и они ходили в стругах вниз трои сутки, и назад воротилися, и не дошед до него до Василья за полднища стали ночевать, и собрався Дючеры многие люди, и безвестным приходом их Илейку с товарищи побили всех, толко ушли два человека, служивой человек **Панкрашка Митрофанов** да промышленой человек **Лучка Иванов**».*

Положение стало безвыходным — назад, против течения, возвратиться на тяжелых дощаниках было невозможно. А впереди была полная неизвестность. Высадиться тоже было невозможно — приречные племена зорко следили за продвижением людоедов по Амуру.

И только на устье Амура, на счастье русских, жили мирные гиляки, которых теперь уже можно было объясачить, захватить заложников — аманатов и впоследствии вернуться в Якутск как бы с «богатой» добычей — *«с них аманатов ясаку взял 12 сороков соболей да 6 шуб собольих, и тех аманатов с собою в Якутской острог привез».*

И далее путь Пояркова проходил под счастливой звездой — с устья Амура за двенадцать недель на речных лодках, нарастив у них борта, чтобы не захлестнула морская волна, добрались до устья реки Улья, где уже стояло зимовье, построенное казаками Москвитина, перезимовали, добавив в государственную казну еще 17 соболей *«да семеры наполники собольи да 7 пластин собольих же»*, собранных в ясак, и оставив для сбора ясака семнадцать казаков во главе с **Ермилом Васильевым**, возвратились в Якутск. Ранней весной 1646 года Поярков покинул берега Охотского моря и в июне прибыл в Якутск.

Из ушедших с ним в поход 133 человек в Якутск вернулись лишь 33. Плюс восемнадцать человек были оставлены на Улье. Погибло более восьмидесяти казаков.

* * *

А счастливой звездой для Пояркова, по мнению некоторых историков, был Иван Юрьевич Москвитин:

«Б.П. Полевой утверждает, что Поярков хорошо знал всю историю похода И.Ю. Москвитина. По документам ученому удалось установить, что еще осенью 1640 г. на Ленском волоке Поярков провел таможенный осмотр багажа Д.Е. Копылова — главного организатора похода И.Ю. Москвитина. Позже, в июле 1641 г., Поярков лично встречался с вернувшимися в Якутск москвитинцами. Поэтому ему было известно, что из устья Амура по морю можно доплыть до р. Улья, у устья которой И.Ю. Москвитин осенью 1639 г. основал свое зимовье, самое первое русское поселение на Дальнем Востоке. К тому же в походе приняли участие товарищи москвитинцев по походу Д.Е. Копылова, томские служилые люди ***Юрий Петров и Семен Григорьев****. Более того, Б.П. Полевой установил, что в отряде Пояркова был толмач* (**Семен Петров Чистой** *— С.В.), который еще в походе Москвитина собирал первичную информацию о землях и народах Дальнего Востока».*

Но Юрий Петров, как выясняется, — не был участником похода Ивана Москвитина и, вряд ли, встречался с ним после его возвращения с Ламского моря.

Иван Москвитин и его товарищи были томскими (и частично беглыми красноярскими) казаками. Известны имена многих из участников этого похода.

«Вот уже более 10 лет в устье Ульи стоит памятник, посвященный этому важному событию в истории нашей родины. На памятнике надпись: “Казаку Ивану Москвитину и его товарищам: Дорофею Трофимову, Ивану Бурлак, Прокопию Иконнику, Степану Варламову, Алферу Немчину, Ивану Онисимову, Тимофею Овдокимову, Ивану Ремез, Еремею Епифанову, Денисову ‘Пеньке’, Василию Иванову, Дружину Иванову, Семену Петрову — первым русским, вышедшим в 1639 году к берегам Тихого океана благодарные потомки”. Данный список был заимствован из моей публикации 1959 г. с необоснованным пропуском имен Афанасия Иванова и Нехорошего Иванова Колобова. Но с тех пор по документам удалось установить еще ряд имен участников похода. Это — Иван Иванов, Павел Иванов, “Пятунька” Иванов, Никита Ермолаев, Сергей Корнилов, Кирилл Осипов, Даниил Федосов, Клим Олексеев, Потап Кондратьев и умерший Петр Саламатов. Следовательно, теперь из 31 участника исторического похода нам известны 25 имен» (Б.П. Полевой, Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных»).

Но это еще не все подробности, о которых сообщил Борис Петрович Полевой: оказывается, существуют три разных и весьма противоречивых документа с описанием походов Москвитина

«…оставалось неясным, почему же существует явное противоречие между тремя итоговыми документами похода И.Ю. Москвитина: почему в “Росписи рек, имяна людем” ничего не говорится о плавании москвитинцев к району устья Амура и даже не упоминаются гиляки, а в двух других документах об этом рассказывается подробно?

Только недавно найдено простое объяснение этому. Оказалось, что во всем повинно острое соперничество между ленскими (томскими *— С.В.) и якутскими казаками. Якутские власти очень холодно встретили прибывших в 1637 г. в Якутск незваных томичей. Они даже не хотели им выделять “тунгусского толмача”. Его пришлось брать насильно. В Сибирский приказ были отправлены многочисленные жалобы якутских властей на томских казаков. А когда москвитинцы вернулись в Якутск, то только что прибывший туда первый якутский воевода П.П. Головин отобрал у них всю пушнину, собранную в ясак (11 или 12 сороков соболей) и потребовал от Москвитина представить “роспись всему его ходу”.*

Поскольку москвитинцы рассчитывали еще раз вернуться в район устья Амура (на поиски серебряной горы, о которой они также получили сведения, *— С.В.), то они в представленной ими в Якутске «росписи» явно сознательно умолчали и о гиляках, и об устье Амура, но упомянули о крайне трудном пути с Уды к “Чин” (Зее). О том, что “Роспись рек, имяна людем” была сделана в Якутске, свидетельствует ее вводная фраза: “Куда ходят на Ламу из Якутцкого острогу”…*

А в Томске Москвитин уделил особое внимание именно морскому пути к устью Амура и предложил этим путем отправить около тысячи человек — и таким образом, самим открыть новую богатую амурскую землю.

И стало понятным, почему И.Ю. Москвитин в июле 1641 г. в Якутске явно сознательно умолчал о морском пути к устью Амура, и о живущих там гиляках.

Считая все эти сведения об Амуре весьма важными, Москвитин решил после зимовки на Улью не возвращаться, а спешно идти уже весной вверх по Алдоме на перевал через Джугджур. Оттуда он вышел к верховьям Северного Уя, по которому спустился

*на р. Майю. С устья Майи, где к тому времени возникло новое русское зимовье, он, не заходя в Бутальский острог, прямо пошел в Якутск, куда и прибыл в 20-х числах июля 1641 г. Тогда-то Якутский воевода П.П. Головин и отобрал у москвитинцев всю собранную ими "соболиную казну" и оставил часть вернувшихся казаков у себя на службе. Так, томичи **Иван Онисимов**, **Алфер Немчин** и **Дорофей Трофимов** были отправлены в Жиганы для дальнейшего следования с **Максимом Телициным** в Арктику. Сам же Иван Москвитин с небольшой группой томичей отправился из Якутска в Томск. Уже 6 августа 1641 г. группа участников похода Москвитина прошла через таможню Ленского волока».*

Итак, в июле 1641 года отряд Ивана Москвитина появился в Якутске. А в июле 1643 года Поярков отправился в Амурский поход.

И его счастливой звездой был, во всей видимости, все-таки не Москвитин, скрывавший тайну Амура от якутской администрации, а толмач **Семен Петров Чистой**.

* * *

В одном из очерков об Амурском походе Василия Пояркова его автор задает неожиданный вопрос: почему казаки, обреченные на голодную смерть и последующие несчастья, не сместили Пояркова с его должности и… не посягнули на его жизнь, хотя сам он их не только безжалостно мучил, но и сам лично убивал до смерти?

Говорят, что ответ кроется в кадровом составе отряда Василия Пояркова. Из старослужащих у него было всего двенадцать (по другим данным шестнадцать) человек. Остальные — сто с лишним — из новоприборных.

Вот с этими новоприборными мне совершенно не понятно. Откуда они взялись, ведь у воеводы П. Головина был строго ограниченный штат — 245 тобольских, 50 — березовских и 100 енисейских казаков.

Если считать старослужащими енисейских казаков, которые хозяйничали на Лене до прихода Петра Головина, а новоприборными — тобольских и березовских годовальщиков, тогда терминология становится понятной, но совершенно непонятным становится другой факт — почему тобольские и березовские казаки, отличавшиеся всегда особенной дерзостью и знающие себе цену, позволяли так над собой измываться, не пытаясь даже хотя бы как-то сопротивляться…

Или из всех останавливала угроза возможной якутской расправы за сопротивление законной власти, так как все они были живыми свидетелями того, что происходило в новой столице до их отправления в Амурский поход с теми, кто пытался хотя бы «вякнуть» на власть?

* * *

Но ведь и Хабарова, уже при другом воеводе, тоже, восстав против зверств Ерофея Павловича, не убили?!

Давайте дадим слово Чулкову Н. (Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив, 1898. — Кн. 1. — Вып. 2). Этот автор лишен иллюзий советского квасного патриотизма и освещает события в соответствии с архивными материалами и следственными протоколами:

«В 1649 г. в Якутском остроге произошла смена воевод. На место Василия Пушкина и Кириллы Супонева был назначен Дмитрий Андреевич Францбеков. С первой полой водой он поплыл с дьяком Осипом Степановым к месту своего новаго назначения. Еще не успел он доплыть до Якутска и вступить в должность, как в Илимском остроге к нему явился Хабаров с предложением своих услуг для покорения земель, лежащих по Амуру. Он просил разрешения вызвать охотников из промышленных и служилых людей и брал на себя снаряжение и прокормление 150 человек. Воевода согласился, и немедленно стали вызывать желающих идти с Хабаровым. Набралось однако только 70 человек.

Воевода донес в Москву, что Хабаров предпринял поход на свой счет; но в действительности много денег затратил сам Францбеков, как узнаем из доноса дьяка Петра Стеншина, служившаго с прежними воеводами, Пушкиным и Супоневым. По словам Стеншина, воевода при людях на своем дворе говорил, что "та-де Даурская служба стала ему недешево, в Ярофейкин подъем Хабарова, и что он с ним служилых и промышленных людей подымал своими деньгами, пищали им и платья покупал и запасы своими ссужал, и животы-де все он свои в том истерял; а стала-де ему та Даурская служба в 30000 рублев слишком, в том числе за одним Ярофейком Хабаровым с 7000 рублев, за Дружинкою Васильевым Поповым 600 р., а на иных по 100 и по 50 и по 40 и 30; а меньше того кому он ссуду давал, 30 р. в дачах нет". За ссуду Францбеков брал с служилых людей в свою пользу их денежное и хлебное жалованье и кроме того брал с них кабалы, по которым они обязывались уплачивать 50%. Чтобы

обезпечить исправный платеж долга, Францбеков послал с отрядом своего человека, который должен был получать в счет долга добычу, приобретенную во время похода должниками воеводы. Таким образом можно вполне согласиться со словами Стеншина, что воевода предпринял поход "не для государевой службы, а для своей бездельной корысти и нажитку".

Получив от воеводы наказ, Хабаров осенью 1649 года выступил из Якутскаго острога в новую Даурскую землю для привода под высокую царскую руку князя Лавкая с товарищами, для ясачнаго сбора и проведывания серебряной руды. Он отправился по Олекме и на устьях Тугиря зазимовал. 19 Января 1650 г. отряд его двинулся вверх по Тугирю, затем прошел волоком к Амуру и дошел до владений князя Лавкая; но город и улусы оказались пусты. Точно также были пусты и другие города, к которым подходил Хабаров: туземцы были уже предупреждены Русским промышленником Семеном Косым о том, что идут Русские для сбора с них ясака. Возле одного города к Русским подъехал Лавкай с братьями и зятем. Хабаров через толмача объявил им, что пришел в Даурию торговать, но Лавкай не поддался обману. Тогда Хабаров предложил ему платить ясак. Лавкай дал уклончивый ответ и ускакал. Не решаясь с малочисленным отрядом идти вглубь страны, Хабаров вернулся в первый из встреченных им но пути городок. Здесь он оставил свой отряд, а сам отправился назад в Якутск.

Служилые и охочие люди, оставшиеся в Лавкаевом городке, в отсутствие Хабарова не теряли времени: они 12 раз ходили на Дауров и взяли в плен Албагу, сына Даурскаго князя Шилгинея. Шилгиней прислал за него ясаку 30 соболей с другим своим сыном. Служилые люди и его взяли в заложники, не отдав отцу Албаги, Но когда Дауры предложили Якута Бузюка, кабальнаго человека Хабарова, то пришлось отдать за него Албагу.

Отряд Хабарова оставался в Лавкаевом городке, пока не был съеден весь хлеб. Когда же запас хлеба истощился, то служилые люди послали к Хабарову с извещением о хлебной скудости и с просьбой поспешить к ним, а сами пошли искать счастья к соседнему городу Албазину и стали требовать ясака. Князь Албаза, зять Шилгинея, отказался заплатить ясак под тем предлогом, что он уже всех соболей прислал им с Шилгинеем. От пойманных "языков", от жены Шилгинея и одного улусника Русские узнали, что Дауры хотят нечаянно на них напасть и всех перебить. Не смотря на свою малочисленность (их было всего 52 человека), они решили предупредить врага и, сделав щит на колесах, подступили к городу; но так как к Даурам, уже и так более многочисленным, подоспела помощь, то они отошли прочь, потеряв убитыми 4 человека. Отступив от Албазина, Русские сделали острожек, в котором и дождались возвращения Хабарова.

Хабаров прибыл в Якутск 26 Мая 1650 г. Он привез с собой "чертеж" Даурской земли, образцы хлеба и распросныя речи туземцев, содержавшия в себе разсказы о богатствах, получаемых из Богдойской земли (Китая), для покорения которой достаточно было, по его мнению, послать 6000 ратных людей. Хабаров говорил много о богатстве и плодородии самой Даурской земли, которая "против всей Сибири будет всем украшена и изобильна", и доказывал, какую выгоду принесет ея приобретение. Разсказы Хабарова привлекли еще охотников отправиться на Амур. Францбеков дал ему 20 человек казаков под начальством Третьяка Чечигина, 3 пушки и 2900 рублей.

После 8 Июля 1650 г. Хабаров выступил из Якутска с отрядом в 138 человек и пошел по берегу Лены. По дороге он грабил ясачных Вилюйских Тунгусов и Олекминских Якутов и даже Русских промышленников. 29 Августа Хабаров оставил на Олекме Степана Полякова и Микулая Юрьева с 40 ч. и три дощаника с пушками, пищалями и порохом, а сам пошел налегке и за неделю до Покрова явился под Албазиным, где его с нетерпением ожидали наши служилые люди. Дауры, увидев многочисленный отряд Русских, разбежались, и Хабаров безпрепятственно вошел в Албазин. В погоню за бежавшими он послал Дуная Трофимова и Чечигина с 135 охочими промышленниками на стругах. Они преследовали Дауров до Атуева городка, куда приплыли ночью. Утром Дауры, увидев врагов под стенами города, зажгли его, а сами побежали. Около полудня их настигли Русские, и произошел бой, окончившийся разгромом Дауров. С отбитым скотом Трофимов и Чечигин вернулись к Хабарову. В Албазине также была найдена добыча: в юртах и в ямах на полях оказалось много хлеба в зерне, а кроме того на полях стоял еще хлеб, как сжатый, так и на корню.

Между тем Поляков и казаки, оставленные Хабаровым на Олекме, медленно подвигались на дощаниках. Они были еще в 10 днях пути от Тугиря, как начались морозы. Пришлось сделать нарты, взвалить на них всю кладь, а самим идти на лыжах. По

Тугирю до волока они шли 2 недели, да столько же от Тугиря до Лавкаева городка, куда Хабаров велел им везти "казну", не зная, что оставленные им служилые люди были под Албазиным. Лавкаев городок они нашли сожженным. Не оставляя здесь поклажи, они пошли вниз по Амуру искать Хабарова и через две недели, 2 Ноября 1650 г., пришли в Албазин, где и нашли его. Хабаров немедленно принял у них "государеву казну", т. е. пушки, пищали, порох, свинец, сукна, котлы, косы, серпы. Вскоре обнаружилось, что Хабаров смотрит и на "государеву казну", и на своих товарищей по походу, как на средство для обогащения. Прежде всего он объявил, что "казна" принадлежит ему, так как он купил ее в Якутске и, хотя и не заплатил за нее наличными деньгами, но дал на себя запись, и действительно стал распоряжаться ею, как своею собственностью: продавал своим же служилым людям по дорогой цене. Так, за пищаль, 2 фунта пороха, 2 фунта свинца и котел фунта в 4 он брал 60 рублей, а иногда и больше. Мало того; он занялся здесь винокурением и пивоварением. И вино, и пиво он продавал своим служилым людям ведрами и чарками. У кого не было денег, чтобы заплатить, с тех он брал кабалы, и вскоре весь отряд был закабален. Весь почти хлеб был таким образом превращен в вино.

Утвердившись в Албазине, Хабаров стал предпринимать походы против соседних Дауров. 24 Ноября он выступил с пушками и через несколько дней встретил конных Дауров, которые не могли противостоять пушкам и разбежались. 8 Декабря он пошел на князя Досаула. Не дойдя до его владений, Хабаров послал 60 казаков с Поляковым и Чечигиным во главе и толмача Константина Иванова против Дауров и Тунгусов, живших в пяти юртах по реке Ширилке. Инородцы эти не стали сопротивляться и обещали быть в вечном подданстве Московскаго царя, платить ему ясак и даже склонить к тому же соседних князей Васаула и Гантимура. Но когда их привели к Хабарову, то он велел мужчин утопить, а жен, детей и имущество их подуванил. 29 Мая 1651 г. он еще послал отряд, чтобы половить заложников. Удалось поймать 8 человек. Одних из них Хабаров отдал своим приближенным, других взял себе и заставлял их так непосильно работать, что они разбежались.

В числе заложников уже была и жена князя Шилгинея. Хабаров хотел сделать ее своей наложницей, но она воспротивилась. Раздраженный ея отказом, он велел ее удавить. В Страстной

Четверг явился Шилгиней с ясаком и, остановившись недалеко от города, просил разрешить ему свидание с женой. Прождав с утра до полудня, он не заплатил ясака и ушел прочь.

Хабаров вызывал желающих поселиться у реки Урки заниматься хлебопашеством и собирать ясак с князя Гантимура. Но охотников заняться мирным промыслом не нашлось, и Хабаров послал туда своих четверых кабальных людей.

25 Марта 1651 г. Хабаров послал в Якутск Чечигина, Дружину Попова и племянника своего Артемия Филипова Петриловскаго с собранным ясаком и с отпиской, на имя государя, в которой давал отчет в своих действиях (не всегда, впрочем, сходно с истиной) и сообщал, что князья Лавкай, Шилгиней и Албаза обещали быть под государевой высокой рукой в вечном холопстве. Относительно хлебопашества он извещал, что устроил у волока острожек и посадил "на своих проторех и своими подъемы" 20 человек для пашни, да 30 человек для службы, для привода под царскую высокую руку князя Гантимура и для ясачнаго сбора. В отписке своей Хабаров кроме того предлагал прислать на Амур ссыльных или иных каких либо людей для пашеннаго поселения, потому что "на Амуре реке пашенных угожих мест и сенных покосов и рыбных ловель и всяких угодий гораздо много". Хлеба же здесь так много, что Хабарову с товарищами хватит его на пять лет. "А будет тебе, Государю", прибавляет Хабаров, "в произвол тою новою Даурскою землею и теми царями Шамшаканом и Алакаба-Тураканом и серебряною горою обовладеть и послать в ту Даурскую больших ратных людей, и тем, Государь, ратным людям из Якутскаго острога только надобно хлебных запасов до волоку на человека по 7 пудов, и за волоком-де, Государь, на великой реке Амуре можно хлеба взять у Даурских людей и хотя на 20000 человек". Служилые люди просили Хабарова, чтобы он прочел им свою отписку, но он отказался.

Послав отписку, Хабаров велел всему войску делать дощаники и струги и ковать якори для дальнейшаго плавания по Амуру. Когда суда были сделаны, Хабаров со своим отрядом покинул Албазин и поплыл вниз по Амуру (в Мае или Июне 1651 г.). Первый городок, встреченный им по пути, был Гойгударов. Гойгудар отказался сдаться добровольно и был взят силой, при чем было ранено около тридцати человек Русских. Следующей город был Банбулаев, который Хабаров нашел пустым. На полях кругом города еще стоял несжатый хлеб. Хабаров решил здесь пожить,

но предварительно “жеребей метал, и Господь Бог по жеребью изволил жить тут”. Желающим воспользоваться хлебом, Хабаров стал продавать косы и серпы, косу за 2 рубля, серп за 1 р. Через три недели, 20 Августа, поплыли дальше и через три дня достигли Толгина города. Здесь взяты были в плен 45 человек, в том числе 8 князей. Князья присягнули на верность царю и дали ясаку два сорока соболей, при чем извинялись, что не могут теперь дать больше, потому что заплатили ясак Богдойскому царю, но обещали осенью дать большой ясак. Хабаров решил пожить и в Толгином городе. Город этот был окружен двумя стенами из цельных бревен, между стенами был насыпан хрящ. Вокруг города были вырыты три рва в 3 сажени глубины и 4 ширины. Хабаров построил еще четыре башни для пушек и устроил чеснок. Внутри города был построен аманатский двор, окруженный тыном. Город был разделен на участки, которые по жребию были распределены между служилыми людьми для постройки изб.

С аманатами Хабаров продолжал обращаться по прежнему: почти всех он засек кнутом, в том числе и Толгу.

Недолго пожил Хабаров и в Толгином городе. 5 Сентября 1651 г. он велел перенести на суда пушки и хлебные запасы. Напрасно просили его служилые люди пожить еще здесь; он им отвечал: “мне-де долги свои где взять, а вам-де, тут живучи, чем долги платить? Войско, ‘заплакав’”, исполнило волю своего предводителя.

Толгиным княжеством кончалась Даурская земля, за ним начиналась земля Дюгеров и Ачанов или Натков. Приплыв к Ачанскому улусу, Хабаров здесь зазимовал. Вскоре был захвачен в аманаты сын князя Жакшура, давшаго под сына два сорока соболей. С Сентября по Февраль туземцы больше не появлялись с ясаком. Поэтому Дунай Трофимов и Степан Поляков с 95 служилыми людьми были посланы в глубь страны, разгромили Кечигин улус и поймали семь человек, в том числе троих братьев князя. Кечига дал под своих братьев пять сороков соболей. И с этими аманатами Хабаров поступил, как с прежними: сына Жакшура и Кечигиных братьев повесил, остальных “порубил”.

В Ачанском улусе Хабарову пришлось выдержать две осады. 2 Октября 1651 г. подступили Дюгеры, но были отбиты с большим уроном, Русских же было ранено только человек десять. Второй враг был опаснее, но и его одолели. 24 Марта 1652 г.,

на утренней заре, окружили улус 1500 Богдойцев (Манджуры), но отступили без успеха и с большим уроном. Русских же было ранено около 80, в том числе и сам Хабаров, убито 9. Захвачены были 2 пушки и 18 пищалей.

В Апреле 1652 г. Хабаров из Ачанска поплыл назад в Даурию, опасаясь новаго нападения Манджуров.

Между тем Чечигин, Попов и Петриловский, посланные Хабаровьм с отпиской, явились в Якутск 29 Мая 1652 г. Попов был отправлен в Москву с воеводской отпиской, излагавшей донесение Хабарова, и подал ее в Сибирском Приказе 25 Августа 1652 г. Чечигин же и Петриловский набрали еще 110 человек охотников, да воевода дал 27 служилых людей, снабдив тех и других хлебными запасами, оружием, порохом, свинцом и деньгами. На каких условиях снабжал Францбеков всем необходимым мы видели раньше. Чечигин и Петриловский, по примеру Хабарова, пошли без “казны”, которую должно было везти более медленно. Придя на Амур, они срубили суда и поплыли вниз по реке искать Хабарова. В Албазине его уже не было. По дороге они ловили “языков”, распрашивали их через толмачей, не видали ли они Хабарова, но ничего не могли узнать. Когда приплыли они в Банбулаев город, то начались морозы, и им пришлось здесь перезимовать. Сюда приходили к ним Дауры. Чечигин убеждал их платить ясак, но получил в ответ: “рады-де мы вашему государю ясак давать, только-де вы люди лукавы, правды-де в вас нет”. Свой отказ Дауры объяснили тем, что Хабаров, “пловучи на низ, наши житьишка жег и пустошил, нас, Даурских людей, рубил в пень и жены наши и дети в полон имал”. Весною Чечигин послал 27 человек под начальством Нагибы проведывать о Хабарове. По словам служилых людей, Хабаров знал от Дюгеров, что его ищут казаки, но не принял никаких мер, чтобы дать им о себе вести. Дождавшись “казны”, Чечигин с оставшимися у него людьми поплыл вниз. Когда он плыл мимо владений князя Толги, Дауры вышли на берег. Чечигин послал своего толмача призывать их в подданство царю; но они, помня судьбу своих аманатов, отказались. В земле Дюгеров Чечигин был счастливее. Ему удалось поймать одного Дюгера, который провел Русских в лес, где они захватили жену и детей князя Тоенчи. Князь в тот же день явился к Чечигину с ясаком и сам предложил себя в аманаты.

Вскоре после этого, накануне Троицына дня, Чечигин съехался с Хабаровым, возвращавшимся уже назад. Так как посланные

Чечигиным казаки так и не встретились с Хабаровым, то товарищи их просили у сего последняго разрешения пойти вниз искать их, но Хабаров не разрешил. Таким образом Чечигин с товарищами должен был идти назад.

13 Августа, в Кукореевом улусе, служилые люди подали Хабарову челобитную, в которой упрекали его в том, что он государевой службе не радеет, поселенья не делает, городов не ставит, аманатов теряет, казну государеву продает, и выражали опасение, что из-за непостоянства и нерадения Хабарова не бывать им в царском жалованье. Хабаров на это отвечал: "что вам, мужики, дело до государевы казны, хотя-де яз и продаю государеву казну; взял-де государеву казну ту в Якутском остроге из государевы казны у воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова да у дьяка Осипа Степанова, только-де по общенке в долг, и в той-де яз казне на себя запись дал и словет-де то купил, что куды-де яз с тою купою хочу, туды-де яз и пойду, хотя-де и на промысел; а вы-де мне не указывайте и не бейте челом, и подите-де вы куды хотите, вам-де что будет от государя какое жалованье, а у меня-де писано к государю моими подъемами, а вы-де на моих подъемах". В заключение он пригрозил: "вы-де у меня съели запас на Тугире и на Урке, за всякий день пуд вы мне заплатите по 10 рублев". Последствием этих пререканий было то, что 132 человека с Степаном Поляковым и Константином Ивановым во главе отделились от отряда и поплыли вниз по Амуру служить Государю "своими головами с травы и воды".

Судьба Полякова с товарищами была неизвестна всем историкам, писавшим о Хабарове. Миллер замечает: "знатно, что многие из них предались потом к Китайцам, ибо в последующих известиях часто упоминается о Русских, у Китайцев находившихся". В другом месте Миллер говорит по поводу того, что Константин Иванов был впоследствии послан в Москву: "чего ради надлежит разсуждать, что по крайней мере некоторые из сих беглецов… к Хабарову возвратились". У Фишера же по этому поводу читаем следующее: "Хабаров охотнее безпрепятственно оных отпустить, нежели вступить с ними в междоусобную войну желал, от чего бы обе партии пришли в ослабление, и неприятелю подана бы была токмо выгода к победе". О судьбе бунтовщиков он говорит: "они недолго были в разлучении, но скоро после того с великою толпою соединились".

О дальнейших действиях Хабарова также ничего не было известно. "После помянутаго разлучения, говорит Фишер, о храбрых Хабарова делах у Амура ничего не записано; разве положить, что он в самом деле не учинил ничего более знатнаго, или известия о том пропали". Миллер предполагает, что Хабаров продолжал следовать далее вверх по Амуру, хотя замечает, что "заподлинно неизвестно, сколь далеко он ехал, ниже где проводил зиму".

Бумагами Сибирскаго Приказа пополняются эти пробелы. Из них мы узнаем как о судьбе Полякова с товарищами, так и о последующей деятельности Хабарова.

Поляков, проплыв вторично Дюгерскую землю, где ему удалось объясачить улус князя Чиндария, достиг земли Гиляцкой. Вот как один из участников похода описываете эту страну: „А в тех-де Гиляках служилых и торговых людей никаких нет и не бывали, только жили пашенные люди; и наряду большого и малаго огненнаго бою в тех Гиляках нет и не бывало, а ходят и ездят с саадаки, да с саблями, да с копии. А лошади-де и животина всякая в тех городах и улусах есть, и пашню пашут, сеют ячмень, да овес, да гречиху, да просо, да горох, и земля-де к пашне пространна и хлебородна, а только-де пашут иноземцы по маленьку на быках, не как Русские люди; и сенных покосов много, а сена не косят; и рыбными ловлями угожи, и виноград родится; и яблоки, и орехи, и конопля родится, а соболи-де сверх Шилки по Албазин городок против Ленских, а ниже Албазина городка и до моря соболи обычные, а в Гиляках-де соболи и лисицы черныя, и чернобурыя, и красныя есть, и рыба всякая есть".

Явившись в Гиляцкую землю, Поляков поставил острог с башнями и таранами. Очень скоро ему удалось взять в аманаты девять человек князей, под которых стали доставлять ясак.

Хабаров с оставшимися у него 212 служилыми людьми поплыл вслед за бунтовщиками, 30 Сентября 1652 г. явился под стенами их городка и поставил себе зимовье. 1 Октября явились на пяти стругах приморские Гиляки, привезшие ясак Полякову. Хабаров послал есаула Панфилова с толмачем и несколькими казаками не допустить их подъехать к берегу. Толмач закричал им: "что вы, мужики, едете к ворам и ясак даете, мы-де их побьем воров и ваших князей повесим". Эта угроза заставила Гиляков удалиться. 9 Октября снова приехали с ясаком Гиляки и Дюгеры на 40 стругах, но и с ними повторилось тоже, что и с предыдущими.

После этого Хабаров решил приступить к военным действиям против бунтовщиков, устроил раскаты, на которые вскатили пушки, и велел стрелять по острожку. Стрельба продолжалась почти целый день. Каким-то образом попались ему в плен 12 человек, и он велел бить их палками до смерти. Наконец, осажденные решились сдаться, потребовав, однако, предварительно, чтобы Хабаров поклялся, что он никого из них не убьет, не разграбит их имущества и не потеряет аманатов. Хабаров поклялся, но сейчас же после сдачи велел заковать зачинщиков. Остальных он велел бить батогами, и некоторые от побоев умерли. Имущество их Хабаров взял себе. Острожек их, 7 Февраля 1653 г., был сломан и сожжен.

Три с половиной месяца прожил еще здесь Хабаров, продолжая обогащаться на счет своих же подчиненных продажею им по дорогой цене вина и пива и вероломно поступая с туземцами. В начале Марта он, взяв в проводники одного из аманатов, Гиляцкаго князька Мингалчу, пошел в поход против уже объясаченных Гиляков, но не мог взять их улуса и за это убил Мингалчу. 16 Мая явились Гиляки с ясаком, привезли 30 соболей под прежних аманатов и били челом Хабарову, чтобы он их аманатов из их земли не увозил и не убивал. От них Хабаров узнал, что их одноулусники относятся к Русским доверчиво. Едва они уехали, как он стал вызывать охотников идти грабить их улусы. Только противный ветер помешал привести в исполнение план Хабарова: нельзя было плыть на парусных лодках.

В конце Мая Хабаров сжег свое зимовье и поплыл вверх по Амуру. Вперед он выслал толмача, который должен был уговаривать Гиляков жить по своим житьям и рыбным ловлям без боязни. Гиляки жестоко платились за свою доверчивость: Хабаров опустошал по пути их улусы и портил рыбныя ловли. Так как он увозил с собой Гиляцких аманатов, то многие Гиляки плыли за ним на стругах с криком и плачем.

*

В Москве еще 20 Марта 1652 года г., после первых донесений Францбекова, решено было наградить Хабарова и служилых людей. Хабарову был пожалован червонец золотой, служилым людям определено было раздать 200 Новгородок, а охочим людям 700 Московок. С этими наградами был послан Московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев. Он же должен был приготовить все необходимое для войска, которое предполагалось от-

править в Даурию под начальством окольничаго князя И.И. Лобанова-Ростовскаго. Войско это однако не было отправлено.

Зиновьев встретился с Хабаровым у устьев Зеи в Августе 1653 года. Раздав награды, он объявил Хабарову, что у него есть государев указ о том, чтобы ему "всю Даурскую землю досмотреть и его, Хабарова, ведать". Хабаров потребовал чтобы Зиновьев показал ему указ, но тот в ответ схватил его за бороду и прибил. Приезду Зиновьева обрадовались все те служилые люди, которые были недовольны Хабаровым. Они подали на него изветныя челобитныя, в которых обвиняли его в том, что он посылал в Якутск ложныя донесения, притеснял своих подчиненных и туземцев и вообще "государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим.., добрые соболи и лисицы обводом у иноземцев покупал, а от государевы казны отводил".

Зиновьев приступил к допросу служилых и охочих людей, и их допросныя речи подтвердили обвинения, изложенныя в изветных челобитных: Хабарова обвиняли в нерадении о пользах казны государевой, закабаливании служилых людей, вероломном отношении к туземцам, опустошении всего Амурскаго края. "Как были улусы, жили", говорили при допросе служилые и охочие люди, "и хлеба было насеяно немало, и земля самая хлебородная и к пашне пространная, и сенных покосов много и рыбных ловель; а ныне-де те города пожжены, и улусы все пусты, Даурские люди живут все в бегах".

Назначив новаго начальника над отрядом, Зиновьев отправился в обратный путь и взял с собой Хабарова. В течение всего пути до Енисейска он притеснял его. Чтобы избавиться от побоев, Хабаров отдал Зиновьеву почти все свое имущество и даже вещи, принадлежавшия Францбекову, человек котораго, собиравший долги, пропал без вести, и все собранные им с должников воеводы "животы" хранились у Хабарова. Бывших у Хабарова пленных женщин и детей Зиновьев также отнял. Наконец, он снял с "казны" печать Хабарова и повесил свою.

Приехав в Енисейск, Хабаров 2 Июля 1654 г. подал челобитную воеводе Афанасию Пашкову на Зиновьева, которую заканчивал перечислением своих заслуг: "Я, холоп твой, тебе, Государю, служил и кровь за тебя... проливал и иноземцев под твою царскую высокую руку подводил, и ясачный сбор сбирал, и тебе... казну собрали и прибыль учинили большую и четыре земли привели:

Даурскую, Дюгерскую, Натцкую да Шляцкую под твою государеву высокую руку".

По прибытии Зиновьева и Хабарова в Москву начался разбор их дела в Сибирском Приказе. При допросе Зиновьев показал, что он ничего насильно не брал, но что Хабаров делал подарки и давал посулы, чтобы он не брал его с собой в Москву, и что он и сам делал подарки Хабарову. Последний же отрицал подарки и объяснил, что он покупал вещи у Зиновьева и променивал их. 12 Июня 1655 г. состоялся приговор и 13-го объявлен. Постановлено было отдать Хабарову вещи, несомненно ему принадлежавшия; Зиновьев был признан заслуживающим наказания за то, что принимал посулы от Хабарова и отнял у него насильно много вещей; но царь "для сына своего царевича Алексея Алексеевича" указал не чинить ему наказания. Хабаров объявлял, что Зиновьев отнял у него "рухляди" на 1500 рублей, но ему было возвращено вещей на 562 рубля с четвертью, Список этих вещей подтверждает обвинение Хабарова в том, что он больше всего радел своим нажиткам, шубам собольим. Среди этих вещей мы находим: шубу соболью, кафтан соболий, ферези собольи, шубу соболью лапчатую под атласом темновишневым, три шубы нагольныя собольи, шубу рысью, платно Даурское соболье, изямы собольи, кофтан рысий, шубу соболью нагольную Даурскую, одеяло лисье чернобурое, шубы лисьи Даурския, сто аршин камки и т. п.

Но дело этим не кончилось. Хабаров продолжал требовать вещи, принадлежность которых ему Зиновьев отрицал. 3-го Сентября он объявил, что примирился с Зиновьевым и отказывается от спорной рухляди. Мир продолжался, однако, недолго. Хабаров должен был заплатить судебной пошлины 47 рублей 6 алтын, но ему было разрешено внести их по возвращении в Сибирь. Зиновьев был недоволен этим и обвинял дьяка Сибирскаго Приказа Григория Протопопова, что он дружит Хабарову.

Находясь в Москве, Хабаров подал челобитную, в которой напоминает о своих заслугах по устройству пашни на Лене и по покорению Даурской земли, о хлебе, отнятом П.П. Головиным, и о пожалованных, но не отданных ему деньгах. В заключение он говорит: "А ныне я… на Москве от Димитрия Зиновьева изувечен и меж дворов скитаюся и за бедностью голодом помираю. Милосердный царь… пожалуй меня, холопа своего, вели… за мои

службишки поверстать, в какой чин я… пригожуся… и за подъем по прежней государеве грамоте и за службы вели… из своей государеве казне денег дать, что ты… укажешь, и чтоб мне, бедному и изувеченному за бедностью ныне на Москве голодом не помереть и в конец не погибнуть".

Как известно, Хабаров пожалован был в дети боярския и назначен управителем Приленских деревень от Усть-Кути до Чечуйскаго волока. Не видно, даны ли были ему деньги.

В последний раз встречаем Хабарова в 1667 году: 15 Ноября этого года он подал в Тобольске воеводе П.И. Годунову челобитную, в которой просил: "Пожалуйте… велите меня в тое Даурскую землю отпустить для городовых и острожных поставок и для поселенья и хлебныя пахоты; а я… для тое вашей… службы и прибыли подыму на своих проторех сто человек и на своих судах и хлебными запасы, и с тех мест, где поставится город и остроги, будет вам, великим государем, в ясачном сборе и в хлебной пахоте прибыль".

Просьба Хабарова не была удовлетворена, и мы не видим более его действующим на Амуре».

А Хабаров всю оставшуюся жизнь рвался на Амур, чтобы вскрыть свои тайные «схроны»…

* * *

Якутску, после того, что натворили, извлекая только личную, а не государственную прибыль, на Амуре по воле воеводы Францбекова Ерофей Хабаров «со товарищи», Москва более не желала доверять такое ответственное дело, как поиск серебряной руды в Даурии, сведения о которой поступали из разных источников.

И снова на первый план выступил Енисейск.

Собственно, он и не уходил никуда.

«Первое упоминание в архивных документах имени Ивана Перфильева,— пишет Владимир Бахмутов Кроасноярский, — относится к 1645 году. Однажды, — говорится в них, в доме Ивана Перфильева собралась "на пир" теплая компания, — сам Иван Перфильев, Иван Похабов, сын енисейского воеводы Родион Уваров, Петр Бекетов, служивший в то время в Енисейске казачьим и стрелецким головой и немчин Иван Ермес. По какому случаю собралась эта вечеринка, исторические документы не сообщают, но, по всей вероятности, поводом для нее послужил предстоящий поход Ивана Похабова за Байкал, — для "прииску новых землиц и серебряной руды".

Максим Перфильев был еще жив – в это время он снова был приказчиком Братского острога. А Иван Максимович и его сводный брат Дмитрий Поздеевич Фирсов уже служили в казаках.

Пирушка эта имела весьма серьезные для всех ее участников последствия.

Немчин Иван Ермес был человеком не простым: "…много лет служил испанскому королю, плавал на больших кораблях 'за море'", т. е. в Новый Свет. Затем, судя по всему, подался в наемники к полякам или шведам, участвовал в баталиях, оказался в русском плену, был сослан в Сибирь и, в конце концов, оказался в Енисейском остроге. Человек, много повидавший, к тому же еще и грамотный, он быстро выбился в люди, и был пожалован в дети боярские».

Известно, что он был автором проекта по «завоеванию Китая».

И вдруг, его приглашают на пирушку, посвященную проводам Похабова, который отправляется за Байкал реализовывать по существу проект Ермеса.

На следующий день бывший подданный Священной Римской империи подает донос на Похабова, обвиняя его в неких «неистовых словах» о царе Михаиле Федоровиче.

Но он опоздал и последствия по его доносу наступили позже, уже по возвращению из похода: *«Иван Похабов на несколько лет был лишен права на "отъезжие службы" с обязанностью "смотреть за пашенными крестьянами". Петр Бекетов, как старший по своему служебному положению, за недонесение властям о кромольных речах Похабова был лишен звания стрелецкого и казачьего головы. Судьба немчина Ермиса сложилась и вовсе трагически, — в 1650 году он при невыясненных обстоятельствах скоропостижно скончался».*

Кстати, Иван Похабов спас от верной гибели Максима Перфильева: Братский острог, когда туда пришел со своим отрядом Похабов, был осажден восставшими бурятами…

В 1652 году новый енисейский воевода Афанасий Пашков восстановил Ивана Похабова в его служебных правах и назначил приказчиком Братского острога.

Известно, что под его началом служил и сын боярский **Дмитрий Фирсов**:

«В прошлом государь во 161 г. (1652–53) по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу

послал я, холоп твой, из Енисейсково сына боярсково Дмитрия Фирсова с служилыми людьми и велел, государь, ему, Дмитрею, выше старово Братцково острога по Ангаре реке против Осинсково острова и Уньги реки промеж немирных братцких Балаганские земли людей, розыскать самое угожее место, поставить твой, государь, новой острог и к тому, государь, острогу тех немирных земель людей приводить под твою государеву царскую высокую руку…».

Дмитрий Фирсов в этом году строил Балаганский острог, строительство которого пришлось отложить, из-за внезапного конфликта с красноярскими казаками, находившимися на годовалой службе в Удинском (впоследствии Нижнеудинском остроге) во главе с пятидесятником **М. Ярлыковым.** Это был уже не первый такой конфликт с красноярцами (и мы более подробно будем еще об этом говорить), но он привел к боевым действиям с обеих сторон — красноярцы убили нескольких ясачных бурят, захватили в плен и ограбили енисейских ясачных сборщиков и заставили енисейцев еще и быть их проводниками.

Но, тем не менее, Дмитрий Фирсов и своих людей отбил, и острог построил: *«…в 1654 году, — писал в Москву Афанасий Пашков, "пришел он, Дмитрей, по Ангаре реке и промеж Осинсково острова и Уньги реки, розыскав самое угожее крепкое место против немирной братцкой Балаганской земли людей, поставил новой Балаганской Братцкой острог и около тово острога рвы велел выкопать и надолбы поставить и всякие острожные крепости учинил. Да к тому ж, государь, новому Балаганскому острогу… лутчих князцов Бодока да Лалага да Муруева улусу князца Инкея и их улусных людей 1700 человек под твою государеву царскую высокую руку и к шерти привел"».*

Но в 1655 году из-за действий в Забайкалье Ивана Похабова, известного своими жестокостями, Балаганский острог теряет свое значение, как административного центра по сбору ясака — все окрестное население покинуло здешние места и откочевало в Монголию.

Но в этом же 1655 году он приобрел другое — совершенно нетипичное еще для этого времени значение — стал центром металлургии: здесь была найдена железная руда.

Именно Дмитрий Фирсов поставил и окончательную точку в споре Петра Бекетова и Максима Перфильева о лучшем месторасположении Братского острога:

*«В мае 1654 года Дмитрий Фирсов докладывал: «…весною старый Брацкий острог, он Дмитрей, за худобою покинул и поставил новый за Окою рекою на устье, в самых угожих и крепких местах… поставили весной четыре башни высокие, под тремя башнями три избы, четвертая порожняя. Да ворота проезжие, на воротах поставлена часовня, да амбар новой срублен. А ставили острог служилые 23 человека… да пашенные крестьяне, да промышленные… 12 человек. Острог мерою… 120 сажен печатных (около 256 м.), а… острогу чертеж отправлен с **Иваном Колмогором**».*

По предположению Владимира Бахмутова Красноярского жизнь Дмитрия Фирсова закончилась трагически – красноярцы не простили ему своего поражения…

Зато Иван Похабов, творя зло и насилие, будучи приказчиком Братских острогов, был вне всяких законов того времени:

«В 1656 г. Иван Похабов был снят с приказа Братских острогов за злоупотребление властью, бит батогами в Енисейске и получил запрещение на отпуск в "отъезжие службы". Однако, благодаря заступничеству служившего в Москве его родного брата Григория, Иван Похабов по грамоте Сибирского приказа от 21 июня 1657 г. снова был назначен на "приказ" в Братские остроги и вновь взялся за свое».

В июне 1658 года буряты подняли восстание.

Енисейский воевода послал на выручку в Братск 150 человек служилых людей во главе с двумя сыновьями боярскими, — **Иваном Перфильевым** и **Яковом Турчаниновым**. Но помощь была уже не нужна — коренное население в спешном порядке покидало этот район, уходя в Монголию.

В 1659 году Иван Похабов был арестован, но бежал из-под ареста и укрылся в Илимском остроге (это к тому времени самостоятельное воеводство). Его не тронули, благодаря заступничеству всесильного брата, подкрепленного «доброй», по всей видимости, взяткой, но к государевой службе уже более не допустили.

Приказчиком Братского острога в 1659 году был назначен сын боярский Иван Перфильев. Забегая вперед скажем, что вернуть на родину бурят ему удастся только в 1667 году, когда Иван Максимович станет уже приказчиком Иркутского острога, который был построен в 1661 году по приказу енисейского воеводы Ржевского **братом Ивана Похабова — Яковом**. В 1663 году приказчиком Иркутского острога назначается боярский сын Иван Максимов Перфильев.

А в 1665 году служилыми людьми Баргузинского, Братского, Балаганского и Иркутского острогов — в целях развития торговых отношений с Китаем — на правом берегу реки Селенга, у самой границы монгольских владений был построен Селенгинский острог.

* * *

Петр Иванович Бекетов прибыл в Сибирь из Центральной России и свое назначение в Енисейск сотником стрелецким и казачьим получил непосредственно в Сибирском приказе, против желания Енисейского воеводы и казачьего круга, подписавшего челобитную о назначении на эту должность Максима Перфильева.

Мы уже писали, что его челобитная была принята к рассмотрению и рассмотрена в один день.

1627 г. января 12. — **Челобитная сына боярского П. Бекетова о поверстании его в стрелецкие сотники на место утонувшего в р. Обь П. Фирсова.**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии бьет челом холоп твой сынчишко боярской Петрушка Бекетов. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели мне быть в своей государеве в далней вотчине в Сибири в Енисейском остроге у стрелцов в сотниках на Поздеево место Фирсова. А того, государь, сотника Поздея Фирсова нестало, чтоб я, холоп твой, волочась меж дворов, голодною смертью не умер. Царь государь, смилуйся.

На л. 92 об.: 135-го генваря в 12 день отпустить на Поздеева место Фирсово и велеть иво в Тоболску поверстати… службою…

РГАДА, ф.214, оп. 3, ст.12, л. 92–92об.

Владимир Бахмутов Красноярский предполагает (и не безосновательно), что такое могло произойти только в одном-единственном случае — по рекомендации тобольского воеводы князя Юрия Яншеевича Сулешова, лично знавшего потомственного дворянина Петра Ивановича Бекетова.

И я не верю в такие вот лжефольклорные сказочки: «Среди русских старожилов Забайкалья еще в первой половине XX века бытовали исторические предания: "Жил-был раньше такой казак по имени Бекетов… Про самого Бекетова народ рассказывал,

что он был человек с доброй душой, никого в обиду не давал и честь казацкую держать умел"».

Петр Бекетов, как показали дальнейшие события, ничем не отличался от коренных сибиряков — был жесток, целеустремлен, «держал удар» и мыслил стратегически, с дальним прицелом (примером тому местоположение Братского острога), а про его «добрую душу» мы уже имели возможность прочесть некоторые документы.

Он начинал вместе с братьями Галкиными и Ходыревым освоение Якутского края, но впоследствии всем им при Головине не нашлось там места — скорее всего, в результате всего содеянного.

Судя по вечеринке 1645 года у Перфильевых — Бекетов был вхож в их дом. Видимо, прежние обиды, связанные с неподеленной должностью сотника, были уже забыты. Кстати, напомним, что именно эта вечеринка, как нам сообщают, стоила и Петру Ивановичу должности сотника в 1649 году по итогам расследования доноса Ермеса.

Правда, в тот период он был уже и не сотником: *«…в 1640 г. из Енисейска повез в Москву ясак на 11 тыс. руб. В Москве Бекетов получил чин стрелецкого и казачьего головы в соответствии со своей собственной челобитной, отправленной в Москву еще в 1638 году»:*

«Служу я, холоп твой, тебе, праведному государю, в Сибири всякие твои государевы, службы зимние и летние, конные и струговые, и нартные 17 лет, и своим службишком и раденьем многую тебе, праведному государю, прибыль учинил.

В прошлом, государь, во 136-м году посылан был я, холоп твой, а со мною служивые немногие люди, по Верхней Тунгуске реке на Рыбную и Чадобчю к тунгусом, что те тунгусы тебе, праведному государю, были непослушны, твоего, государева, есаку не давали и служилых и промышленных людей побивали.

Да я ж, холоп твой, в прошлом во 137-м году послан на твою, государеву, службу для твоего, государева, есачного збору на годовую, под Братцкой порог. И я, холоп твой, на твоей, государевой, годовой службе тебе; государю, служил, ходил ис Братцкого порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке, и по Ангаре реке, и до усть Уды реки, и твой, государев, есак з братцких княжцей и улусных людей взял вновь, и братцких людей под твою, государеву, высокую руку подвел. И по се число те братцкие люди твой, государев, есак дают в Енисейской острог. А преж, государь, меня в тех местех никакой руской человек не бывал.

Да в прошлом же, государь, во 139-м году посылан я, холоп твой, на твою, государеву, службу из Енисейского острогу с служивыми людьми на великую реку Лену. И ис под Ленского волока ходил я вверх по великой [реке Лене и дошел] (Текст утрачен, восстановлен по смыслу) до Брацкие же землицы до иных… (Текст утрачен) ны людей. И те брацкие люди, не похотя тебе, праведному государю, ясаку /л. 2/ платить, собрався, меня осадили. И с служивыми людьми в своей Братцкой землице на степу… (Текст утрачен) сидел я в осаде… … Да под теми ж, государь, братцкими людьми жили тунгусы Наляские землицы и есак давали братцким людем. И я, холоп твой, тех тунгусов Наляские землицы под твою, государеву, высокую руку привел, и твой, государев, есак с тунгусов взял вновь, и по ся место тое Наляские землицы тунгусы тебе, праведному государю, ясак платят.

И ис той, государь, из Брацкие землицы пришел я, холоп твой, на Ленской волок, и на Ленском волоку зимовал. И с Ленского волоку посылал я, холоп твой, от себя для твоего, государева, ясачного сбору по сторонним речкам по Илиму и по [Ки]ринге служилых людей, и, собрал твоего, государева, есаку перед прошлыми годы с прибылью. И того ж, государь, году весной, как лед скрылся, с Ленского волоку я, холоп твой, с служилыми людьми поплыл вниз по великой реке Лени, и приш[едши] в Якуцкую землицу, и острог поставили, и всякие остр[ож]ные крепости учинили…»

Вершинин Е.В. (Землепроходец Петр Иванович Бекетов. Отечественная история. 2003. № 5) подтверждает тот факт, что Бекетов был лишен чина «головы»: «В 1648 г. он был "головства отставлен без вины неведомо почему", причем, по словам Петра Ивановича, "переменен без челобитья" …Бекетов вновь вернулся к чину сына боярского с понижением денежного жалованья до 10 руб.».

В январе 1651 года Бекетов побывал в Сибирском приказе, и попытался восстановить справедливость:

«Петру Ивановичу выдали "сукно английское доброе", назначили оклад в 20 руб. и 5 пуд. соли, "а за наше хлебное жалованье

велено ему служить с пашни". Кроме Бекетова, оклад в 20 руб. в енисейском гарнизоне имел только достигший звания сына боярского Иван Галкин. Должность головы Бекетову, однако, не вернули, и он отправился в Енисейск, где сидел уже новый воевода — Афанасий Филиппович Пашков».

*«Приказчик Баргузинского острога **В. Колесников** подсказал Пашкову мысль об основании нового острога возле озера Иргень. Прибывшие от Колесникова казаки — **Яков Софонов**, **Иван Чебычаков**, **Максим Уразов**, **Кирилл Емельянов**, **Матвей Сауров** — были тщательно расспрошены Пашковым о путях на Иргень и реку Шилку, поскольку они уже бывали там. По словам казаков выходило, что до озера Иргень и реки Нерчи, впадающей в Шилку, можно было добраться из Енисейска за одно лето. У Пашкова окончательно созрел замысел организации экспедиции, которая должна была основать в указанных местах 2 острога. В апреле 1652 г. Пашков информировал томского воеводу, что собирается послать в Забайкалье 100 человек. Во главе экспедиции, в задачи которой входила и разведка месторождений серебра, был поставлен Бекетов. Наряду с казаками в отряд вошли "охочие промышленные люди". Под началом Бекетова оказались пятидесятники **Иван Максимов**, **Дружина Попов**, **Иван Котельников** и **Максим Уразов**. Среди десятников специально отметим **Ивана Герасимова сына Чебычакова**. В начале июня 1652 г. енисейский сын боярский Петр Бекетов выступил в свой последний поход»* (Вершинин Е. В.).

*«В конце 1653 г. Уразов построил недалеко от устья Нерчи, на правом берегу Шилки, "малый острожек", о чем доложил Бекетову. Последний изложил это в отписке Пашкову, заверив воеводу, что весной 1654 г. он поставит на выбранном Уразовым месте большой острог. За время зимовки Бекетов не терял времени - собирал ясак с местных тунгусов и десятую пошлину с промыслов бывших с ним людей. Занимался он, видимо, и поисками серебра. Любопытно, что фольклорное предание, записанное в середине XX в., именно Бекетову приписывало открытие нерчинских месторождений ("про то, как он на Амур прошел, тут теперь никто не помнит, а про то, как он на Нерче серебро открыл, все знают"). Соболиную казну и отписки 9 мая 1654 г. Петр Иванович отправил в Енисейск с отрядом из 31 казака. Среди них были пятидесятники **Д. Попов**, **М. Уразов** и все десятники, за исключением Ивана Чебычакова. Этот факт*

требует объяснения. В общей сложности Бекетов отослал в Енисейск 65 казаков и среди них — наиболее опытных. Думается, причин для такого решения было несколько. Соболиная казна — важный критерий службы землепроходца — должна была дойти до Енисейска в целости. Жалованье казакам Пашков перед походом выдал на 2 года; надо думать, что многие из них уже поговаривали о возвращении в Енисейск. Очевидно, Петр Иванович не принадлежал к числу тех командиров, для которых мнение подчиненных ничего не значило. С Бекетовым остались в основном "казачьи наемщики" и "охочие служилые люди", т.е. лица, не входившие в состав енисейского гарнизона»

*…А Бекетов был уже на Шилке, где собирался возвести, в соответствии с приказом Пашкова, большой острог. О намерениях Петра Ивановича свидетельствует тот факт, что казаки даже посеяли на выбранном месте яровой хлеб. Однако возведение русских укреплений и зимний сбор ясака заставили тунгусские племена взяться за оружие. Казаки так и не успели построить острог, когда "приехали изгоном войной многие тунгуские люди". Русский отряд сел в осаду (видимо, в острожке, построенном Уразовым). Тунгусы отогнали лошадей и вытоптали хлеб. Среди казаков начался голод, поскольку рыбной ловлей тунгусы заниматься не давали. В противниках Бекетов узнал тех, кто еще недавно приносил ему ясак. Ни речных судов, ни лошадей у енисейцев не было. У них оказался единственный путь к отступлению - на плотах, вниз по Шилке на Амур. Оставил ли Бекетов перед уходом на Шилку какую-то часть отряда в Иргенском остроге? Я не располагаю такими сведениями, но А.П. Васильев указывает (без ссылки на источник), что Бекетов оставил там 18 казаков. На Амуре в это время самой серьезной русской силой являлось "войско" приказного человека **Онуфрия Степанова**, официального преемника Е.П. Хабарова. К нему амурское течение и принесло казаков Бекетова. Возможно, что в отряде енисейского землепроходца уже на Нерчи произошел раскол, и часть служилых от него откололась. По крайней мере, к Степанову казаки Бекетова прибыли разными группами. В 1650-е гг. русское население Восточной Сибири было охвачено "даурской лихорадкой"; на Амур шли не только партии вольных промышленников, но и отряды служилых людей, сбежавшие из своих гарнизонов. Можно допустить, что Бекетов в сложившихся обстоятельствах и в связи с угрозой голодной смерти уже*

не мог сдержать людей, наслышанных о благодатной даурской "землице". В конце июня 1654 г. к Степанову присоединились 34 енисейца, а через несколько дней появился и сам Петр Бекетов, который всему казачьему войску "бил челом, чтоб ему жить на великой реке Амуре до государева указу". Всех "бекетовцев" (63 человека) приняли в сборное амурское войско».

*…«Почему сам Бекетов остался на Амуре в войске Степанова? Об этом можно высказать только относительно достоверные предположения. Обстоятельства не позволили землепроходцу выполнить задание Пашкова полностью и возвести острог при устье Нерчи. Гарнизон Иргенского острога оказался предоставлен сам себе. При таких обстоятельствах Бекетову, видимо, не хотелось возвращаться к Пашкову, который мог поставить крест на его дальнейшей службе. На Амуре же разгоралась война с маньчжурами, в ходе которой можно было отличиться и загладить невольный проступок. Характерная деталь — присоединившись к Степанову, Бекетов сдал ему 10 соболей, собранных им уже во время плавания по Амуру. Впрочем, не все в жизни измеряется эгоистичными и карьерными интересами. Как знать, не поманили ли стареющего первопроходца новые неведомые земли, где не было ни спесивых воевод, ни московских приказных дельцов, взирающих на Сибирь как на большой сундук с "мягкой рухлядью"? Судьба Бекетова на Амуре прослеживается лишь до определенного момента. Осенью 1654 г. войско Степанова, в котором насчитывалось чуть более 500 человек, построило Кумарский острог (при впадении в Амур р. Хумархэ). 13 марта 1655 г. острог был осажден 10-тысячным войском маньчжуров. Казаки выдержали многодневную бомбардировку острога, отбили все приступы и сами совершили вылазку. Потерпев неудачу, маньчжурское войско 3 апреля ушло от острога. Сразу после этого Степанов составил послужной именной список казаков, которые "бились явственно". Этот список подтверждает мое предположение о расколе отряда Бекетова, поскольку 30 казаков, бывших на Шилке у него в подчинении, записаны здесь отдельно. Верными Бекетову остались 27 человек, из них 12 были "охочими служилыми людьми". Поэтому, видимо, последние отсутствуют в челобитной, которую составил Бекетов от имени енисейских служилых людей и присоединил к отпискам Степанова. Помимо самого Петра Ивановича челобитную подписали десятник **Иван Герасимов Чебычаков** и 14 рядовых казаков».*

*…«В этом документе Бекетов кратко изложил причины ухода с Шилки и просил пожаловать за службу, проявленную при защите Кумарского острога. Смысл челобитной ясен — довести до сведения официальных властей тот факт, что он со своими людьми продолжает находиться на государевой службе. Данный документ, датируемый апрелем 1655 г., является пока что последним достоверным известием о Бекетове. Тем не менее ясно, что закончить свой жизненный путь в марте этого года в Тобольске Петр Иванович никак не мог. Получив в июне 1654 г. отписки Бекетова, Пашков имел все основания считать, что тот успешно выполнил свою задачу. В соответствии с обычной практикой воевода отправил ему на смену новых годовальщиков во главе с сыном боярским **Никифором Кольцовым**. Отряд насчитывал около 40 служилых людей и 2 ссыльных крестьян, которых следовало "посадить" на пашню. Следуя примеру Бекетова, Кольцов зимовал на Прорве и в Иргенский острог прибыл к осени 1655 г. Судя по всему, Кольцов поставил новый острожек на Шилке, который располагался выше устья Нерчи. По неизвестным причинам Кольцов не стал дожидаться очередной смены. В начале весны 1656 г. он отпустил 20 человек в Енисейск (это были, скорее всего, те "бекетовцы", что оставались в Иргенском остроге). Затем 30 марта в обратный путь двинулся и сам Кольцов с 10 казаками, оставив на Иргене и Шилке только 26 человек. В зимовье на Прорве Кольцов встретил В. Колесникова, посланного в 1655 г. ему на смену и для возведения острога в устье Хилока. Здесь приказные стали свидетелями бунта, который подняли 53 казака во главе с **Филькой Полетаем**. Последние забрали у Колесникова оружие и все запасы, "а говорили промеж себя, будто хотят бежать в Дауры". Летом бунтовщики ушли вверх по Селенге. Экспедиция Колесникова везла с собой "пашенный завод" (семенной хлеб, серпы, косы, сошники), который пришлось под небольшой охраной оставить на Прорве. **Кольцов** и **Колесников** с 18 служилыми направились в Енисейск. Бунт и бегство со службы казаков Колесникова, таким образом, сорвали планы Пашкова по прочному военному закреплению в Забайкалье и заведению там земледелия. Брошенные на произвол судьбы, казаки Кольцова не ушли из Иргенского и Шилкского острожков. В первом находились 9 служилых, во втором — 14 во главе с **десятником Калиной Полтининым**. В середине сентября 1656 г. мимо Шилкского острожка проследовали "воровские"*

*казаки **Ф. Полетая**, которые хотели присоединить к себе небольшой гарнизон. Полтинин с товарищами "у них, воров, слезами отплакались". Полетай ограничился конфискацией барабана и нового струга; кроме того, 4 казака Полтинина добровольно присоединились к бунтовщикам. Плывя по Шилке, беглые казаки "погромили" людей эвенкийского кн. Гантимура, захватив пленных и скот. Расплачиваться за это пришлось служилым людям, сидевшим в острожках. 10 октября тунгусы во главе с шаманом Зягарой захватили и сожгли Иргенский острог. Спастись удалось только **Петру Новгородцу** и **Никите Ситнику**, которые, будучи ранены, добрались до Ингоды и на плоту спустились к Шилкскому острожку. Ночью 18 декабря острожек покинули 7 казаков, посланные Полтининым к Пашкову с отпиской. В отписке говорилось, что на Шилке остается 6 человек — **Калина Полтинин**, **Гришка Антонов**, **Гришка Федоров, Петрушка** и **Оська Харитоновы**, **Микитка Трофимов**, — которые сидят в осаде и питаются "сосною, травою и кореньем". Тем не менее служилые люди надеялись продержаться до весны и только затем, при отсутствии помощи, покинуть укрепление. Но еще до наступления весны острожек был взят тунгусами, и все его защитники погибли. Посланные Полтининым казаки благополучно избежали опасностей и 10 мая 1657 г. вручили отписку Пашкову, который, теперь уже в качестве будущего даурского воеводы, зимовал со своим "полком" в Братском остроге (Енисейск Пашков сдал новому воеводе 18 августа 1655 г., а в поход вышел 18 июля 1656 г.). В мае 1657 г. дощаники Пашкова двинулись к Байкалу. В отписке, отправленной с дороги, воевода помянул недобрым словом тех казаков, кто самовольно бежал на Амур. Среди них оказался и Бекетов: "В прошлом во 162 году с великия реки Шилки, с Иргеня озера, покиня ваши государевы остроги, енисейской сын боярской Петрушка Бекетов с… служилыми людьми с 70 человек, збежали в Даурскую ж землю…". Воевода предлагал семьи таких "изменников" заключать в тюрьмы, а самих "воров", если они объявятся в сибирских городах, предавать смертной казни. Так Бекетов, с легкой руки Пашкова, оказался в одном ряду с М. Сорокиным и Ф. Полетаем, предводителями казацкой вольницы».*

…«На Амур, однако, "даурский" воевода (Афанасий Пашков. — *С.В.*) *так и не попал. 18 июня 1658 г. он послал 30 казаков во главе с **сыном Еремеем** выяснить, где на Амуре можно поставить*

*острог. Вернувшись 13 июля, младший Пашков доложил, что, по его мнению, острог можно возвести на Албазинском городище. Одновременно с Еремеем на поиски амурского войска Степанова на легких стругах отправился **пятидесятник А. Потапов** с небольшим отрядом. Именно он и принес 18 августа печальную весть о поражении ("богдойском погроме"), которые потерпели амурские казаки от маньчжуров. Пашков напрасно ожидал, что остатки войска Степанова придут на соединение с ним. Его самодурство и жесткое обращение с казаками (что красочно описал протопоп Аввакум) служили достаточным препятствием для поступления под его начало. Когда Пашков пересекал Байкал, с ним шло около 500 служилых людей (и 70 человек его дворни). Новый приказной в забайкальских острогах Л. Толбузин в мае 1662 г. принял у Пашкова 75 человек. Голод, болезни, смерть от тунгусских стрел — все это привело к гибели большей части отряда Пашкова. Государев воевода покинул Забайкалье, оставив 3 острога (Иргенский, Нерчинский, Телембинский) и несколько сот погибших и неизвестно куда исчезнувших служилых людей. Любопытную оценку итогов экспедиции Пашкова дали казаки енисейского гарнизона, подавшие в июле 1665 г. коллективную челобитную. В ней они напоминали, что именно енисейцы разведали пути в Забайкалье, а Петр Бекетов и Никифор Кольцов поставили Иргенский и Шилкский остроги; они же начали приводить местных тунгусов в ясачное состояние. По мнению енисейцев, Пашков, «не дошед до Даурской земли, остановился на великой реке Шилке и на Иргене озере и остроги поставил новые в тех же местех, в которых местех мы, холопи твои, преж ево, Офонасья, остроги поставили».*

…«И.Э. Фишер, чей труд является сокращением и переложением до сих пор не опубликованной полностью "Истории Сибири" Г.Ф. Миллера, утверждал: «В 1660 г., возвратясь он (Бекетов — Е.В.) через Якутск и Илимск назад в Енисейск, привез с собою не мало соболей, которые ему служили защитою к отвращению наказания, коего за оставление острога опасался».

Но сам Е.В. Вершинин считает, что Петр Иванович Бекетов погиб на Амуре в отряде О. Степанова и нет никаких подтверждений сообщению И. Фишера.

* * *

Старец Аввакум, который был в отряде Афанасия Пашкова и никогда прежде не встречавшийся с Бекетовым, рассказывает совершенно другую историю о смерти Петра Ивановича, не име-

ющую ровно никакого отношения к Амуру. Все действие происходит в Тобольске. И их живым свидетелем является сам протопоп Аввакум.

«Потом послали меня в Сибирь в ссылку с женою и детьми (в 1653 году. — *С.В.*). *И сколько дорогою было нужды, обо всем том говорить долго, разве что малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили, до Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою и на санях половину пути.*

Архиепископ Симеон Сибирский — тогда добр был, а ныне учинился отступником — устроил меня в Тобольске к месту. Тут, живучи у церкви, великие беды постигли меня. Пять раз слова государевы сказывали на меня за полтора года. А один, архиепископского двора дьяк Иван Струна, тот и душою моею потряс; вот как. Владыка отъехал в Москву, а он без него, по наущению бесовскому и по его козням, напал на меня, — церкви моей дьяка Антония захотел мучить напрасно. Тот же Антон убежал от него и прибежал ко мне в церковь. Иван же Струна, собравшись с людьми, на другой день пришел ко мне в церковь — а я пою вечерню — и, вскочив в церковь, ухватил Антона на клиросе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул их, никого не пустил в церковь, один тот Струна вертится, что бес, в церкви. И я, оставив вечерню, с Антоном посадил его на полу и за мятеж церковный постегал его ремнем изрядно-таки. А прочие, человек с двадцать, все побежали, гонимые духом. И я, покаяние приняв от Струны, отпустил его к себе снова. Сродники же его, попы и чернецы, весь город возмутили, как бы меня погубить. И в полночь привезли сани ко двору моему, ломились в избу, хотели меня схватить и в воду бросить. И Божиим страхом отогнаны были и вспять побежали.

Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночую, иной раз уйду к воеводе. Княгиня меня в сундук посылала: “Я-де, батюшка, над тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам». А воевода их, мятежников, боялся, лишь плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ан не пускают. Таково-то время было. Провожал меня многажды Матфей Ломков, что Митрофаном в чернецах именуем, в Москве у Павла митрополита ризничим был, когда тот стриг меня с дьяконом Афанасьем. Тогда в Сибири при мне добр был, а после проглотил его дьявол: тоже отступил от веры.

Потом приехал из Москвы архиепископ, и мне мало-мало легче стало. Посадил его, Струну, по церковным правилам на цепь вот за что: человек некий с дочерью кровосмешение сотворил, а тот Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил его. И владыка его за это сковать приказал и мое дело тут же помянул. Тот же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на меня слово и дело государево. Отдали его лучшему сыну боярскому Петру Бекетову под караул. Увы, пришла Петру погибель! Подумав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов в то время, браня архиепископа и меня, вышел из церкви и взбесился, идучи домой, упал и испустил дух, горькою смертью помер. Мы же с владыкою приказали его среди улицы бросить псам на съедение, чтобы горожане оплакали его согрешение; а сами три дня прилежно Божеству докучали о нем, да отпустится ему в день кончины века от Господа: жалея Струну, таковую пагубу он принял; и по истечении трех дней тело его сами по чести погребли. Полно говорить о том плачевном деле”».

* * *

Историки в недоумении разводят руками: как такое могло быть? Ошибка памяти? Оговор? Совпадение имен?

А вот как эта ситуация изложена в очерке «Возвращение Петра Бекетова с Амура» Владимира Бахмутова Красноярского:

«К концу 1663 года Петр Бекетов уже вновь находился в Тобольске. Возвращаясь с Амура, он проследовал через Енисейск раньше, чем туда прибыл Пашков, а вслед за ним и протопоп Аввакум. Но их встреча состоялась в Тобольске, куда прибыли в 1663 году и несостоявшийся даурский воевода, и возвращавшийся из сибирской ссылки неистовый протопоп. Там и развернулись события, получившие отражение в “Житии” Аввакума.

Сербский католический священник Юрий Крижанич, находившийся в то время в ссылке в Тобольске писал: “Я лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены и обложил эту область податью именем своего царя”. Такая встреча могла произойти в самом начале 1664 года, — перед трагической кончиной Петра Бекетова.

Как бы там ни было, но сведения, принесенные им с Амура, стали известны Крижаничу. Он, в частности, писал в своей “Истории Сибири” что русские на Амуре заставляли платить

дань подданных китайского царя. Откуда он мог почерпнуть такую информацию, как не от людей, вернувшихся с Амура?

Известный историк В.А. Александров, критически отнесся к такой трактовке событий Крижаничем, называя ее ошибочной, заявляя, что русским властям стало известно о принадлежности Маньчжурии Цинской империи лишь после посольства Байкова.

При всем уважении к Вадиму Александровичу, как историку, с ним никак нельзя согласиться. Русские власти узнали об этом значительно раньше. Это подтверждается, в частности, Указом от 20 июня 1654 года, которым Пашков был назначен воеводой "на Амур-реку в Китайской и Даурской землях". Кроме того, в 1656 году вернулся из Пекина ***торговый человек Ярышкин****, принятый в китайском дворе, как посланник русского государя, который известил тобольские воеводские власти о претензиях китайцев по поводу действий русских казаков на Амуре.*

Упрекая Крижанича в неверной трактовке событий, Александров пишет, что все это сербский священник взял из досужих рассказов служилых казаков. Вот в этом маститый историк безусловно прав. Таким рассказчиком мог быть или сам Петр Бекетов, или вернувшиеся с ним с Амура и Шилки служилые казаки.

Освобожденный от ссылки протопоп Аввакум зиму 1662–63 года провел в Енисейске и в Тобольск прибыл в конце июня 1663 года. Он был воодушевлен прощением государя и, как никогда раньше, готов к внедрению в умы прихожан своих взглядов на веру.

Оказавшись в Тобольске, Аввакум застал там все тех же (обидчиков. — *С.В.*) *Струну, Григория Черткова и нового воеводу — Ивана Андреевича Хилкова, тоже, впрочем, его давнего знакомого и почитателя.*

Симеона, как свидетельствуют исторические источники, в городе в это время не было, — в марте 1663 года он выехал в Москву по вызову государя, а вернулся оттуда, по всей вероятности, не ранее августа-сентября того же года.

В столицу Аввакум не поторопился, остался ждать Симеона. Многое было внове протопопу после восьми лет странствий. Сперва, как он писал позже, он бывал в церквах, даже служил в Софийском соборе по-новому, хотя и ругался.

Вот, видимо, в ту пору и дошли до Аввакума слухи о том, что дьяк Струна за взятку простил какому-то прихожанину

грех кровосмешения. Вина дьяка по церковным положениям того времени была довольно большой, и Аввакум не преминул воспользоваться случаем для сведения с ним счетов. Естественно, не открыто, а под видом его наказания за грубое отступление от церковного устава. Впрочем, сам он этого сделать не мог, но рассказал обо всем вернувшемуся из поездки архиепископу.

Изложение событий того времени в исторической литературе характеризуется целым рядом противоречий, мешающих понять обстоятельства, которые привели к смерти Петра Бекетова. Путаницу создают не только текст "Жития", написанного Аввакумом, но и интерпретация этих событий некоторыми историками. Попробуем распутать этот клубок, но прежде, чем приступить к решению этой непростой задачи, представим себе в каком настроении, в каком состоянии духа появился в Тобольске протопоп Аввакум.

Он в это время находился на вершине славы. Если на пути в ссылку для большинства жителей Тобольска он был всего лишь малоизвестным священником, то теперь его сопровождал ореол мученичества, дорогой ценой добытый в Даурии, привлекавший к нему внимание даже тех, кто его не знал. Он возвращался в Тобольск героем-победителем, — ненавистный Никон смещен с патриаршего трона, сам Аввакум обласкан и прощен государем. Аввакум объяснял себе свой вызов в столицу из ссылки победою того дела, за которое он вел борьбу»!

* * *

Закономерен вопрос: почему именно Бекетов оказался в той разборке протопопа Аввакума со Струной?

И вот ответ, который нашел В. Бахмутов Красноярский: *«Иван Струна был когда-то его полчанином, которого он хорошо знал, ходил с ним в походы по Ангаре и Лене».*

Это многое объясняет.

Кстати, и само церковное преступление, как выяснил В. Бахмутов Красноярский, было совершено дьяком Струной в 1658 году, когда протопоп Аввакум был в Даурском походе с Афанасием Пашковым: *«Эта история случилась в 1658 году, то есть через три года после отбытия протопопа из Тобольска в Даурию, и за пять лет до его возвращения из ссылки. Об этом свидетельствует отписка, поданная архиепископом Симеоном в Сибирский приказ в 1659 году. Архиепископ сообщал, что Ивану Струне "подали челобитную жена на мужа, а дочь на*

отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою без всякия крепости". Об этой отписке говорится в комментариях к "Житию", написанных Н.С. Сарафановой и В.И. Малышевым (со ссылкой на Никольского).

…Надо сказать, что между архиепископом Симеоном и тобольскими воеводами постоянно шла тяжба о пределах власти, Симеон был с ними, что называется, "на ножах". Дело доходило до того, что, например, предшественник И.А. Хилкова — воевода князь Буйносов-Ростовский, как-то заявил принародно с военной прямотой: "А нашему архиепископу я и сам из головы мозги вышибу!". Тогда разгорелся грандиозный скандал, завершившийся потерями с обеих сторон, — князя досрочно сняли с воеводства, а Симеона лишили на какое-то время права служения в соборе. Это случилось в памятном 1655 году, когда случилось столкновение Струны с Аввакумом во время пребывания его в Тобольске.

Не складывались у Семеона отношения и с новым воеводой. В августе 1660 года архиепископ самовольно, т. е. без вызова, выехал в Москву с жалобой на князя Ивана Андреевича Хилкова. К досаде своей дела он не выиграл, а лишь вызвал раздражение верховной власти.

Взятие воеводами Струны под свою защиту вновь вызвало яростное возмущение Симеона, — ведь по церковному уставу дьяк, как духовное лицо, подлежал архиерейскому суду. Действия воевод Симеон воспринял, как новое грубое вмешательство в церковные дела и нарушение своих личных прав. В исступлении, подзуживаемый Аввакумом, Симеон не стал ждать от воевод объяснений, решил наперекор им наказать строптивого дьяка своей властью, — предать его анафеме с соборным провозглашением.

Действия Симеона были явным злоупотреблением властью, грубым отступлением от правил церковного устава. Ведь сам Струна кровосмешения не сотворил, а лишь допустил суд "по неправде", что в Сибири было, в общем-то, делом обычным. Да и сам факт кровосмешения также не вызвал у жителей Тобольска особого негодования, ввиду известной тогда в Сибири свободы нравов, на которую жаловался еще патриарх Филарет: там "поимают за себя в жены… сестры своя родныя и двоюродныя.., а иные и на матери свою и на дщери блудом посягают и женятся на дщерях…".

За кровосмешение по церковным правилам полагалось временное отлучение, — "…аще кто кровь смесит отець со дщерию или мати с сыном, да примут опитимью на 30 лет…" или "…аще кто блудит… с отцем… 8 лет в церковь не входити".

Дьяк, конечно же, был виноват, но за его проступок, при самом строгом подходе, он мог быть лишь отстранен от церковной должности. Анафема же, — вечное отлучение христианина от церкви, провозглашаемое соборно, — являлась высшей формой церковного наказания за самые тяжкие прегрешения, — измену Православию, уклонение в ересь и раскол.

Несправедливости Симеона не могли не увидеть прихожане, оказавшиеся невольными свидетелями его действий. Многие из них еще помнили столкновение Аввакума и архиепископа со Струной в 1655 году, завершившееся тогда наказанием и самого Симеона и ссылкой в Даурию протопопа. К тому же самой этой истории с кровосмешением было уже более пяти лет. Теперешние действия церковников расценивались прихожанами, как месть Струне.

О разгоревшемся скандале скоро узнал весь город. Грех, конечно не малый, — размышляли горожане, — виновного следует наказать, но причем здесь Струна? Ведь в том его и задача, чтобы, наставив грешника на путь истинный, прощать людям грехи.

О намерении архиепископа кто-то из прихожан известил Петра Бекетова. Тот поспешил в собор, чтобы воспрепятствовать этому, но застал там Симеона, уже приступившего к чину анафемаствования. Старый вояка не сдержался, стал бранить и Симеона и Аввакума. Когда архиепископ все же проклял дьяка, рассерженный Бекетов, продолжая бранить архиепископа, покинул службу, но по пути к своему двору вдруг схватился за грудь, упал и умер от сердечного приступа.

Внезапная смерть Бекетова была истолкована церковниками, как небесное возмездие. Они не простили ему сказанных слов, — приказали "ево среди улицы вергнути псам на снедение". Это вызвало новую волну возмущения, внесло раскол в среду горожан, в подавляющем своем большинстве людей богобоязненных. Напуганные внезапной смертью Бекетова после брани в адрес архиепископа в святом храме, приказом владыки в отношении тела умершего, они не смели к нему подойти и препят-

ствовали в этом другим. Только лишь наиболее смелые и муже-ственные люди, сами прошедшие огонь и воду, хорошо знавшие Бекетова, не менее его возмущенные действиями архиепископа, заявили протест, вовлекли в решение этого дела воевод.

Три дня бурлил и клокотал страстями Тобольск, только лишь после этого тело Бекетова подняли и погребли по христианскому обычаю. Так прискорбно закончилась жизнь одного из замечательных первопроходцев земли Сибирской сына боярского Петра Ивановича Бекетова.

С точки зрения обывателя смерть его какая-то несуразная и жалкая. Такая историческая личность, такой смелый, мужественный человек, и вдруг такая несуразная негероическая смерть. Не правда ли, — обидно.

Лично я в обстоятельствах смерти Бекетова не вижу ничего унизительного. Да, он погиб не в кровавом бою с богдойцами. Он погиб в яростном бою с мракобесием, словесном поединке, потребовавшем от него предельного напряжения всех его оставшихся сил, напряжения, которого не выдержало его сердце. Это ничуть не умаляет его чести» (Владимир Бахмутов Красноярский).

* * *

Амурские казаки, пришедшие в Даурию с Хабаровым и Бекетовым в большинстве своем были уничтожены манчжурами.

«Историки несколько по-разному излагают детали разгрома войска Степанова и ближайших последовавших за этим событий, что обусловлено разноречиями в показаниях А.Ф. Петриловского с товарищами, данных в октябре 1659 г. в Енисейске и сентябре 1660 г. в Москве. Учитывая восстановленный мною полный текст опроса Петриловского в Сибирском приказе, эти события можно реконструировать следующим образом. В июне 1658 г. казаки Степанова поднимались вверх по Амуру от устья Сунгари. Получив от дючеров сведения, что на него надвигается флотилия маньчжуров, Степанов выслал на легких стругах разведочный отряд (180 человек) во главе с ***Климом Ивановым****. Последний разошелся с судами противника в островах. Атака 47 кораблей маньчжуров на неповоротливые дощаники Степанова, не ожидавшего нападения, была сокрушительной. До абордажного боя, в котором казаки еще могли бы сохранить шанс на победу, дело не дошло. Расстреливаемые из пушек, служилые люди пытались добраться до берега, но тонули вместе с дощаниками. Вместе с Онуфрием Степановым погибли 270 казаков. Артемий Петриловский (племянник Ерофея Хабарова) и еще 45 человек, многие из которых были ранены, ушли в приамурские сопки. От преследования удалось уйти дощанику, на котором находилась Спасская походная церковь и 40 казаков. Вернувшийся отряд* ***К. Иванова*** *наткнулся на суда победителей, перегородившие всю реку. Развернув струги, казаки пошли вверх по Амуру и через 3 дня встретили посланного от Пашкова* ***А. Потапова****. Очевидно, амурские служилые вовсе не горели желанием оказаться в "полку" Пашкова, как это было приказано им через Потапова. Отряд разделился: 37 человек отправились к Пашкову, а остальные снова поплыли в низовья Амура. Во время похода* ***Иванов*** *погиб при столкновении с дючерами, зато к отряду присоединились Петриловский и его казаки. Проведя зиму в остроге, построенном в землях гиляков и жучар, остаток войска Степанова снова двинулся вверх по Амуру, якобы на соединение с Пашковым. По пути Петриловский встретил тех 40 казаков, которые ушли от "погрома" на Спасском дощанике. Отряд счастливо разминулся с кораблями маньчжуров, стремившихся окончательно разгромить русских на Амуре. В Кумарском остроге отряд разделился: 120 казаков отправились на реку Зею "кормиться", а 107 человек во главе с Петриловским поплыли навстречу Пашкову, но затем передумали и через Тугирский волок ушли на Олекму и далее в Илимск. Местный воевода отправил выборного атамана Петриловского и 5 рядовых казаков с амурской ясачной казной в Москву. Уже 3 октября 1659 г. станица приехала в Енисейск, где служилых внимательно расспросил воевода И.И. Ржевский»* (Е.В. Вершинин).

Но вот как раз Артемию Филипову Петриловскому — правой руке Ерофея Хабарова и его племяннику — как раз веры меньше всего…

Но, как известно, большинство материалов, связанных с Амурским походом, пропало бесследно.

* * *

А в это время подрастает уже третье поколение сибиряков Перфильевых: Остафий (Астафий), Василий и Иван

Иван Максимович Перфильев, помимо поочередной службы приказчиком Баргузинского, Иркутского или Братского острогов выполняет еще и посольские миссии в соседнюю Монголию.
А сыновья его к 1684 году были уже в детях боярских.

В 1711 году один из представителей четвертого поколения Перфильевых сообщает о службах своих родных:

«Во 108 году по государеву указу посланы в Мангазею из Тобольска письменой голова князь Мирон Шаховской да Данило Хрипунов с служилыми людьми, с ними прадед мой Максим Перфирьев атаманом. А велено им в Мангазее поставить острог, а в Енисейску самоедь привести к вере, а на их место из Тобольска велено послать Федору Ивановичу Шереметьеву воеводу князь Василия Михайлова Масальского, да Луку Пушкина.

Во 126-м году при боярине и воеводах при князе Иване Семеновиче Куракине посланы из Тобольска пелымского города сын боярской Петр Албычев да тобольской сотник стрелецкой Черкас Рукин, а велено им на Енисее поставить новой острог. И ис Тобольска посланы в Енисейской дети боярские Максим Трубчанинов, Михаиле Ушаков, Михайло Бай-кашин, Павел Хмелевской.

Первой воевода в Енисейску Яков Игнатьев сын Хрипунов во 130-м году.

И из Енисейска проведал Байкал море прадед мой Максим Перфирьев и служил по Енисейску в детех боярских многие годы.

Деда моево Ивана Перфирьева службы: во 161-м году на великой реке Шилке призвал князя Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей.

Во 1660-м году изменили от Брацкого и Балаганского острогов брацкие люди в мунгалы, а во 168-м году всех призвал по прежнему в ясашной платеж.

Во 171-ми во 172-м годех призвал под Иркуцкой в ясашной платеж тунгуского князца Заяктая с родом и в Ыркуцку первую пашню завел и пашенных поселил, А во 175-м и во 176-м годех призвал из мунгал прежних изменников и вновь брацких людей Тертеив-ского и Коннодворовского родов в ясапшой платеж.

И во 175-м же и во 183-м годех посыпан з государевыми грамотами и з жалованьем к мунгальскому Калхе хану и Очирею Саину хану и к Батуру тайше для договору всякого мирного состоятельства и для проезду через их землю посланником и торговым людем в Китайское государство, И того ж 183-го году пропущен был через договор торговой человек Гаврило Романов.

А во 187-м году погромили мунгальские люди под Тункимским брацких людей, а иных многих побили. И по договору

Цецен ноен отдал назад юрт з девяносто.

А в 205-м году по указу великого государя и по грамоте был в Ыркуцку с Николаем Полтевым судьею в товарищах.

Служба Остафья Перфирьева. Во 188-м году был на службе из Енисейска в киргизах, на той службе изранен, В 196-м году в Тункинском прибрал с немирных сосецких людей вновь соболей сорок. В Верхоленску во 197-м и во 198-м и в 201-м и в 203-м годех собирал вновь с подростков ясаку соболей со сто. И во 200-м году послан был за море в Нерчинск и в Албазин с казной оружейной. и с порохом и свинцом и с служилыми людми. Во 204-м и 205-м году был в Ылимску на перемену стольнику Богдану Челищеву по государева грамоте и по московскому наказу. В 171-ом году в Верхнеангарском и в Нижнем Подкаменном зимовьях побили тунгусы иркуцких служилых людей пятидесятника Андрея Штинникова с товарыщи да баргузинских служилых людей Алексея Пономарева с товарыщи, а побив их изменили, отшатились по сторонным рекам. И я тех тунгусов сыскал и призвал по прежнему в ясапшой платеж и аманатов с них взял, а пущих воров убойцов 4 человек поймав привез в Ыркуцк. И ныне с тех тунгусов ясак збирается по-прежнему».

«Летом 1684 г. енисейский воевода князь Константин Осипович Щербатый отправил Астафия в Нерчинский и Албазинский остроги в качестве провожатого “за казною” (оружием, порохом и свинцом) с небольшим отрядом енисейских казаков. Прибыв в Удинский острог на судах 19 сентября, на следующий день он написал и отправил отписку своему отцу, — Ивану Максимовичу, бывшему в то время приказчиком в Баргузинском остроге. Доставленное осенью 1684 г. оружие оказалось весьма кстати, так как в мае 1685 г. началась осада Албазинского острога маньчжурскими войсками» (В. Бахмутов Красноярский).

И младший Иван Иванович — тоже был уже на службе: в 1684 году сын боярский Иван Иванович Перфильев был отправлен в деревню Усть-Кемь (в 8 верстах от Енисейска) для ведения переговоров с взбунтовавшимися казаками Даурского полка, грабивших местное население на всем своем пути от Тобольска до Нерчинска.

«К лету 1685 г. ситуация в Забайкалье резко осложнилась. На Амуре маньчжуры осадили Албазинский острог, а монгольские отряды блокировали Селенгинск и Удинск. Тогда же была пред-

принята попытка прорваться к Иркутску. В начале мая десятитысячный отряд Цэцэн-нойона осадил Тункинский острог, прикрывавший дорогу на Ангару. Несмотря на то, что гарнизон острога, возглавлявшийся сыном Ивана Перфильева Астафием, составлял всего лишь 43 казака, осада длилась месяц. Казаки выдержали трехдневный ожесточенный штурм, потеряли троих убитыми и шестерых пленными, ходили на вылазки, но острог отстояли.

Иркутский воевода Л. Кислянский спешно вооружил иркутских посадских и крестьян и с отрядом в 120 человек отправился на помощь тункинским казакам. Цэцэн-нойон, узнав о приближении иркутян, снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а Л.К. Кислянский — серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями. Видимо, именно тогда Иван Перфильев и его сын Остафий были пожалованы чином сибирского дворянина, введенным в оборот Указом государя от 30 мая 1683 года.

Для ведения переговоров с маньчжурами и централизации власти в одних руках в 1686 г. в Сибирь был отправлен в ранге чрезвычайного и полномочного посла окольничий Ф.А. Головин, — внук того самого якутского воеводы Головина, который, якобы, притеснял на Лене в начале 40-х годов Ерофея Хабарова. С ним уходило из Москвы 500 стрельцов. Сибирским воеводам предписывалось "прибрать" на службу не менее 1400 человек. Вместе с воинскими силами, уже находившимися в Забайкалье, численность русских гарнизонов возрастала примерно до 2,5 тыс. человек. Полк Ф.А. Головина пополнялся ратными людьми по всему пути следования. В Иркутске к нему присоединилось около 100 человек, набранных из "гулящих" и промышленных людей. Еще 170 человек подошли из Илимска и Верхоленска» (В. Бахмутов Красноярский).

29 августа 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский мирный договор, установивший территориальное размежевание между двумя государствами. Ценой потери амурских владений России удалось отстоять забайкальские рубежи.

* * *

Удивительным образом переплетаются человеческие судьбы. При внуке первого якутского воеводы Петра Головина Астафий Перфильев «управляет то Тункинским, то Верхоленским острогами». Архивы сообщают, что в 1688-м году в «Тункинском

остроге он "прибрал с немирных сосецких людей сорок соболей". В Верхоленске в 1688-м, 1689-м, 1693-м и 1695-м годах "собрал ясаку соболей со сто"».

«Василий Перфильев в 1690 г. назначается приказчиком Индинского острога. Весной 1691 г. он отправляет в Иркутск с казачьим десятником **Прокопием Черниговским** (внуком Никифора Черниговского, — одного из основателей Албазинского острога) и двумя другими казаками собранную с ясачных бурят пушнину: 214 соболей и 57 лисиц. Следующее назначение В. Перфильева относится к августу 1692 г.: иркутские воеводы стольники князья Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины велели Василию Перфильеву принять под свое начало Балаганский острог», который строил, как мы помним его отец, Иван Максимович Перфильев.

Но и это еще не все: *«В 1703 году денежный оклад сына боярского Ивана Перфильева называется "выбылым". В том году Василий Галкин, — правнук одного из первых енисейских атаманов Ивана Галкина за службу отца, деда и прадеда своих, и за свою личную службу был поверстан, — свидетельствуют документы, — в дети боярские на место Ивана Перфильева. Но здесь, судя по всему, речь идет о Иване Перфильеве младшем, поскольку историки пишут, что в 1707 году незадолго перед кончиной Иван Максимович Перфильев передал епископу Варлааму двор "со всяким строеньем и местом"».*

По версии Владимира Бахмутова Красноярского правнук Максима Перфильева, внук Ивана, сын Астафия Леонтий Перфильев стал полковником Сибирского гарнизонного полка, формировавшегося из казачьих детей, который в 1727 году был переименован в Якутский полк и переведен для пограничной службы в Забайкалье.

А какая, вы можете спросить связь с Камчаткой? Читаем в том же очерке В. Бахмутова Красноярского «Наследники именитого землепроходца»:

«Перфильев, Василий Власьевич по свидетельству историка Б. Полевого ("КП", 9 июня 1990 г., Б. Полевой "В начале века") был сыном забайкальского казачьего урядника, — прямого потомка знаменитого основателя Братского острога Максима Перфильева. Василий окончил Харьковский университет. После призыва в армию был направлен в Санкт-Петербург на особые курсы при военно-медицинской академии, где ему было присвое-

но звание “военного лекаря”. Из столицы в 1893 году его послали в Хабаровск, в местный “полугоспиталь”, где он прослужил от простого врача до начальника госпиталя. Отсюда его забрал на должность делопроизводителя канцелярии генерал-губернатор Приморского края П.Ф. Унтербергер. Ему в то время было 43 года. Государь по предложению генерал-губернатора назначил разночинца Перфильева исполняющим обязанности губернатора Камчатки, которые он исполнял с 1909 по 1912 год.

…Василий Власьевич Перфильев умер в Подмосковье в канун революции, в возрасте 49 лет. Имел двух сыновей, — Бориса и Виктора. В годы Советской власти Б.В. Перфильев стал видным биологом, которому дважды была присуждена Государственная премия. Другой сын, — Виктор, стал инженером.

Борис Васильевич Перфильев родился в Петербурге в 1891 году, советский микробиолог, основоположник капиллярной микроскопии. В 1916 окончил естественное отделение Петроградского университета. С 1919 научный руководитель Бородинской биостанции, в 1934–50 г.г. — ее директор. С 1940 — профессор. В 1952–64 г.г. работает в Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР, в 1965–67 — в институте цитологии АН СССР.

Основные труды Б.В. Перфильева о роли микроорганизмов в образовании железных и марганцевых руд, по теоретическим проблемам лимнологии, разработке методов геомикробиологических исследований. Автор гипотезы (1927) о микрозональном строении иловых отложений. Разработал способы выделения микрофлоры илов и их исследования, наметив тем самым новые пути в изучении экологии микроорганизмов. Описал 30 новых родов и 3 новых порядка микроорганизмов. Лауреат Сталинской премии (1941), Ленинской премии (1964). Умер в Ленинграде в 1969 году».

* * *

Но мы не можем пройти и мимо других фамилий.

В 1721 году **Матвей Бекетов** был взят на службу на Камчатку из казачьих детей Нерчинского острога. В 1680-х годах казаки Бекетовы служили и в Якутске.

В 1731 году скончался от ран, полученных при штурме Нижнекамчатского острога, захваченного восставшими камчадалами казак **Михаил Черниговский**, вполне вероятно, также призванных на службу из казачьих детей Нерчинского или Иркутского острога. Может быть, и сын казачьего десятника Прокопия

Черниговского, с которым служил сын боярский Василий Перфильев, а может быть, и внук Федора Никифоровича:

*«Не менее любопытна и фигура Федора Черниговского. Он сын знаменитого поляка Никифора Черниговского, который в 1665 г. убил илимского воеводу разнузданного насильника Лаврентия Обухова и вынужден был искать себе убежище на далеком Амуре. Там Никифор Черниговский смог возродить знаменитый Албазин и основать целый ряд новых русских поселений на Амуре и его притоках. За свои большие заслуги Н. Черниговский был прощен и даже официально назначен «начальным человеком» Албазинского острога. Но совершенно иначе сложилась судьба его сына Федора. Во время похода на Амур Федор Черниговский вместе со своими другими братьями ушли от отца, по приказу воеводы были схвачены и брошены в тюрьму, где и просидели несколько лет, пока заслуги их отца, Никифора, не получили признания у московского правительства. Тогда они были освобождены и возвращены в родной им Илимск. Здесь с ними и встречался Владимир Отлас, когда возил ленскую пушнину из Якутска в далекую Москву. Там же Федор Черниговский и вел свои дела с **Максимом Мухоплевым**».*

Об Илимском бунте и Никифоре Черниговском мы будем подробно говорить в главе «Казачьи бунты», а пока ограничимся вот этой финальной цитатой: *«15 марта 1675 года государь указал: “Микифорка Черниговского с детьми, с Федькою, с Онисимкою, с Васкою, да Ивашка Перелешина с товарыщи, семнатцать человек, за их воровство казнить смертью. А которые к ним после убийства приставали по дороге и торговых и промышленных людей грабили, сороку шти человек, учинить наказание — бить кнутом и отсечь по руке”».*

Однако указ носил лишь назидательный характер. Уже через два дня — 17 марта — государь, учитывая, что виновные *«вины свои принесли …пришед в Дауры на Албазинском городище острог поставили, и ясашных людей призвали, и аманатов поимали, и пашню завели, казнить и наказание им чинить не велел. А указал им, Микифорку с товарищи, быть в Албазинском остроге. А Микифорковых детей… и товарищей их, которые сидят в Илимском и в Якутцком в тюрьмах, сослати с женами и с детьми в розные сибирские городы, Микифорковых детей — в Енисейской да в Красноярской, а товарищей их — в Томской в пешую стрелецкую службу»*. Известно также, что государь наградил албазинцев за их службу двумя тысячами рублей.

Никифор не дождался этого указа. Известие о помиловании пришло в Нерчинск к лету 1675 года. В конце июля нерчинский воевода Шульгин отправил об этом в Албазин память: *«183 [1675] году, июля в 28 день. По государеву указу память в Албазинской острог…»*. Далее следует вставка, написанная на обороте: *«По твоей отписке ведомо учинилось в Нерчинском остроге Павлу Шульгину, что в Албазинском остроге самовольной и самоохотной атаман Микифор Черниговский умер…»*. При каких обстоятельствах это произошло — неизвестно. Ему в ту пору было уже за 70.

Правительство не забыло заслуг Никифора Черниговского. В 1680 году его сын Василий, служивший в Красноярске, был пожалован званием сына боярского. Другой сын — Федор служил в Иркутске и тоже был пожалован чином сыном боярским *«на выбылое место погибшего Петра Демьяного сына Многогрешного»*. Третий сын — Анисим служил десятником Идинского острога на Ангаре. В 1687 году в составе пополнения, набранного окольничим и воеводой Ф. А. Головиным, он был направлен на службу в Даурские остроги».

Вот как переплетаются судьбы…

* * *

С подписанием Нерчинского мирного договора начинается активно развиваться торговля с Китаем.

И начинается настоящий пушной бум — потому что за пушнину в Китае можно было купить практически все…

А с пушниной, наоборот, к этому времени ситуация становилась все хуже и хуже. Северный морской путь, переставший приносить торговым людям доход, захирел и угас. Судьба Анадырского острога висела на волоске. Якутский воевода Барнашлев уже просил Москву об его уничтожении.

Охотский острог также уже выбрал все возможные ресурсы. А так как путь на Амур был теперь закрыт, оставался только единственный — через Охотск на Пенжину и оттуда — на Камчатку — последний неразведанный уголок северо-восточной Азии…

* * *

Борис Петрович Полевой связывал появление этого географического имени — Камчатка — с фамильным прозвищем служилого человека Ивана Камчатого, который в отряде опытного землепроходца Федора Чукичева пришел с реки Пенжины на Камчатку.

Кстати, само фамильное прозвище его исследователи традиционнно связывают с материей, как и фамильное прозвище

Отласа, который, якобы, любил использовать для своей одежды атлас, а Камчатой — камку, то есть шелк.

Историк Г. Леонтьева уже выдвинула новую, весьма оригинальную версию о происхождении фамилии Отлас, которую мы приводили выше. В отношении Камчатого мы не нашли пока такого диалектного слова, как камка, — отражающего какую-то характерную черту личности Камчатого, но есть в нашем словаре слова «камча» — кнут, плеть по-татарски. И вполне возможно, что значение «меченый камчей» или «поротый камчей» могло стать основанием для прозвища, как, например, Поротов или Поротой.

Что же касается названия реки и земли Камчатка, то существует добрый десяток других более или менее правдоподобных версий, объясняющих происхождение названия главной реки полуострова. Но связывают же название реки Пенжины с именем некоего Пенды-Пенжи, который, якобы, как и Камчатой, в числе самых первых, побывал на этой реке и оставил ей свое имя.

Названа же река Морошечная в память о Луке Старицыне Мороске.

Или река Голыгина — в память об одном из землепроходцев из семьи казаков Голыгиных.

Так почему бы и не быть реке Камчатка на Камчатке?..

Но вот, что смущает в истории с рекой и землей Камчаткой: Валерий Егорович Быкасов, камчатский краевед, тщательно изучивший исторические материалы экспедиции Чукичева-Камчатого, а главное, — сверив эти материалы с географической реальностью — рельефом местности, наличием строевого леса, реальным (по возможности передвигаться на территории) километражем, и географической терминологией той далекой эпохи, пришел к неутешительному выводу — Иван Камчатой никогда не был на Камчатке. Не был он, по мнению В. Быкасова, даже и на реке Пенжине:

> *«…название “Пенжина” авторы “Топографического словаря Северо-Востока СССР” увязывают с топонимами Пяжин, Пензей, Пензина, корни которых восходят к юкагиро-русской адаптации корякско-чукотского слова пэннын~пэнрын~пэншын~пэнчын — то есть “место нападения”. Причем, специально подчеркну, по мнению самих авторов, под “местом нападения” изначально понимался перевал, по которому приходили так называемые “тынныт” — “чужаки”. И лишь затем это название*

перешло к реке, по которой оные "чужаки" спускались с перевала. Но таковыми чужаками для оленных коряк, населяющих долину нынешней реки Гижига, и от которых, собственно и произошло само имя "место нападения", были юкагиры, приходившие в верховье реки Пенжины от Омолона. А затем, когда омолонские юкагиры окончательно потеряли своих оленей и стали "пеши", уже оленные коряки стали постоянно переходить через этот перевал на Омолон со своими оленями, отчего юкагиры и стали использовать (в своей адаптации), это — "место нападения" — название. Конечно же, в ответ на это представление можно возразить, что, мол, адаптация юкагирами корякско-чукотского имени могла произойти во время их совместных с казаками походов на нынешнюю Пенжину – с тем же, В. Атласовым, например. ***Однако название "Пенжина" стало известно русским еще тогда, когда они даже о реке Анадырь практически ничего не знали. Причем эта первичная река Пенжина к современной реке под этим именем никакого отношения не имела*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*). *Правда, замечу, авторы названного "Топографического словаря" это же название ("место нападения") привязывали к перевалу, отделяющему бассейн нынешней Пенжины от бассейна реки Анадырь. Однако свое окончательное название современная река Пенжина получила лишь после того, как топоним "Пенжина"* ***был перемещен на свое нынешнее место****. Чему в значительной мере способствовало и то, что через перевалы современного Пенжинского хребта в долину нынешней реки Пенжина также неоднократно приходили "чужаки" — сперва чукчи, а затем и русские. И в том, что все так и было, убеждает тот факт, что юкагиры никогда не проживали в среднем и, тем более, в нижнем течении современной Пенжины, а потому и не могли свое адаптированное название привязывать к совершенно чуждому и неведомому им нынешнему Пенжинскому хребту. Таким образом, исходя из всего сказанного, можно достаточно уверенно говорить о том, что казаки отряда Ф. Чюкичева* ***считали нынешнюю реку Парень рекой Пенжина, современную реку Гижига — Чендоном, а о существовании современной реке Пенжина, на момент выхода на побережье Охотского моря, они даже не подозревали****».*

А вот еще интереснее: *«Собственно о существовании реки Пенжина служилые и промышленные люди узнали от юкагиров еще накануне открытия реки Анадырь. Однако* ***о точном ее местоположении не было известно*** *даже после похода М. Стадухина от реки Анадырь до реки Охота. Во всяком случае, на "Общем чертеже Сибири, 1667 г.", который был составлен через 8 лет после возвращения М. Стадухина в Якутск, реки Пенжина как таковой еще нет.* ***Хотя название Камчатка на нем уже присутствует.***

Во второй раз река Пенжина, вместе с рекой Камчатка, появляется на "Чертеже Сибири, 1684–1685 гг." [Атлас географических открытий.., 1964, чертеж № 34]. ***Причем река Камчатка на этом чертеже располагается между реками Чюндон и Пенжина****, а последняя впадает в так называемое "Амурское море" Николая Спафария [там же, 1964, чертеж № 32]»* (В. Быкасов, Путешествие имен по картам).

Итак, Иван Иванов Камчатой, бывший промышленный, а впоследствии, как и многие другие промышленные люди, ставший (по воле или по неволе) якутским служилым человеком, никогда не был на той земной территории, которая ныне именуется полуостровом Камчатка.

А вот на реке Камчатка он был.

Вот как!?

* * *

Начнем с самого начала — Иван Иванов Камчатой не был енисейским казаком, как о том пишут в книгах. В архивных материалах мы нашли такой вот документ: «Запись об извете промышленного человека Ивана Камчатого о посаженном в караульню служилыми людьми Заварзой Кокоулиным с товарищами», датированная 1646 годом.

Павел Васильев Кокоулин, по прозвищу Заварза, был из тех березовских казаков, что пришли на Лену вместе с первым якутским воеводой Петром Головиным:

«Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во155м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во155м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину».

Почему и получил такое прозвище, образованное от вятского «заварзать» — проказничать, бедокурить.

Фамилия эта известна в Березове с самых ранних пор: *«Более прямой путь к Лене лежал через Вилюйский хребет и от южных притоков Нижней Тунгуски к верховьям Лены. Этой доро-*

гой на Лену пошел летом 1626 года мангазейский казак Баженка Кокоулин. Отпуская Кокоулина на "пашенную сеяцкую орду" (бурятов), туруханский приказчик дал ему наказную память, в которой писал: "Одноконечно тебе Баженки узнать, что у них (бурятов, — М.Б.) в земле русское приходное, сколь они сильны и какой бой у них (каким оружием дерутся. — М.Б.) и какие у них угодья и земли, и какой путь в землю к ним горней ли или водяной и в одном месте они живут или отходят кочевать"

В начале 30-х годов часть казаков из отряда Кокоулина вернулась в Мангазею с большим ясаком — с 733 соболиными шкурками, собранными "с захребетной реки Лены". Слухи о богатых соболиных землях на востоке ширились по всей Сибири» (М.И. Белов)

На самом деле в Мангазее Бажен Кокоулин был в командировке — к этому времени он был уже, как минимум, березовским десятником или пятидесятником: «*Как указывал В.Е. Вершинин, с начала XVII в. среди березовцев известны Кокоулины. Казак Баженн Кокоулин, ездивший в Москву в 1615 и 1619 гг. в 1641 г. являлся уже атаманом. За несколько десятилетий, начиная с 1620-х гг., сохранились свидетельства о службе в Березове многих представителей этой семьи — Михаила (сына Бажена), Семена (являевшегося в 1616/1617 г. городничим) и* ***Василия Гавриловых детей****, сыновей последнего Смирного и Ивана, а также Константина*» (Я.Г. Солодкин, «Родоначальники "династий" Березовских казаков XVIIвека»).

Павел Васильевич и был, вероятно, сыном Василия Гавриловича, так как имя-прозвище одного — Смирной ассоциируется с прозвищем другого — Заварзой.

Прозвище было дано не понапрасну: в 1647 году Кокоулин примкнул к казачьему бунту и бежал вместе со всеми в поисках богатых соболиных рек, чтобы заняться свободным промыслом. Вместе с ними бежала большая группа казаков по главе с пятидесятниками **Иваном Редькиным (Реткиным)** и **Шаламкой Ивановвым**, десятником **Василием Бугром**, был в их числе и казак **Ярофей Киселев**. Но на реке Колыме произошло вот что: «Да в нынешном же, во 158-м году декабря в 26 день пришел с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижное ясашное зимовье и, собрав всех служывых и торговых и промышленых людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров **Ярафейка Киселева**

да **Ивашка Пуляева** с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришел к нашим зимовьям, и служывые люди **Пашко Кокоулин**, **Артюшка Федотов Салдат** [с] служивыми и с промышлеными людьми того вора Ярафейка Киселева взяли и, связав, отвели в ясашное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселева, крепине держать в ясашном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с-ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясашново зимовья убежал».

А потом судьба снова сводит Киселева и Заварзу на Чукотке — в Анадырском остроге.

Пришлось жить вместе.

Попытались пойти походом на анаулов (местных жителей) по наущению Михаила Стадухина, в рядах которого и был Ерофей Киселев:

«…да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он, Пашко немочен был всю зиму, да Артюшку салдатка ранили из лука в лоб, да промышленных людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова, да Титка Семенова на съемном бою изранили кольем».

И это было не единожды:

«…и он, Мещерка с родниками, учинился непослушен, и стали нас стрелять и убили служилого человека Семена Мотору, а служивого Пашка Кокоулина ранили в плечо и в стегно из лука, да Федотка Ветошку из лука ранили в колено, да промышленного человека Стенку Сидорова из лука ранили в руку».

Но Стадухин и Дежнев тоже не могли ужиться друг с другом. Сначала Дежнев со своими людьми пытался уйти на реку Пенжину, но неудачно — не нашли и вернулись. Потом ушел Стадухин. И тоже на Пенжину. И тоже ее не отыскал.

А в 1651 году дежневцы открыли Анадырскую моржовую коргу, которая сделала их всех богатыми людьми.

Но и посеяла очередную вражду. Особенно когда появился здесь Юрий Селиверстов, претендующий на монопольное право по использованию корги, имея на это соответствующее предписание якутского воеводы.

Ему, правда, и действительно предоставили казенный коч, но власть не отдали. А людей он набрал сам. В числе их был и Павел Заварза:

«Одно время к Дежневу и Семенову поступил на службу “для письма” казак Павел Кокоулин, тайный сторонник Селиверстова. Пользуясь их неграмотностью, он клеветал на честных людей. Это стало известно Дежневу, и он вынужден был заметить Кокоулину: “Что ты, Павел, по своему жестокосердию пишешь, и нас, холопей государевых, во всем прописываешь!”. Вскоре Кокоулин открыто переметнулся на сторону Селиверстова. Все эти люди, писали Дежнев и Семенов, не могли их “видеть в государевой милости”» (М. Белов).

А закончилось все печально:

«Как видно из показаний Юрия Селиверстова и его спутников, он послал летом 1655 г. в устье Анадыря на коргу для промысла “рыбьего зуба” служилого человека Павла Васильева Кокоулина с 15 промышленниками, выдав им свой коч и судовые снасти. По окончании промысла коч Кокоулина попал в бурю и был унесен в море. О судьбе этих людей нет никаких известий».

Вполне возможно, что с легкой руки Павла Кокоулина Заварзы промышленник Иван Иванов Камчатой стал служилым человеком — как это позже случилось и с Владимиром Тимофеевым Отласом: сначала арест, а потом — на выбор: либо служба, либо наказание — штраф, батоги, ссылка «в вечное житье…».

Дефицит служилых кадров в Якутии в это время был страшный — в казаки верстали из ссыльных, присланных сюда «за воровство»…

В 1653 году казачий пятидесятник Иван Ребров сообщал в Якутск о своей неудаче: по пути на Колыму *«“судом божиим замороз нас взял усть Алазеи реки”. На Колыму пошли уже пешим ходом, а “у государевы казны и у коча для береже и при проводке на Колыму реку водяным путем оставлены служилые люди: Якунька Березовской, Гришка Констянтинов, **Ивашко Камчатой**, Митька Кушников, да наемщики служилых людей — Фетьки Кузнеца, Митьки Плехана, Замятинки Сергиева”».*

* * *

Интересно, когда и где свела судьба Федора Алексеева Чукичева и Ивана Иванова Камчатого?

Федор Алексеевич, в отличие от Камчатого, был из числа енисейских казаков, которые начали освоение Лены чуть позже мангазейского отряда Бажена Кокоулина.

«Федор Алексеевич Чукичев, русский землепроходец, из коми-зырян, выходец из погоста Шежам, Вычегодской земли (по утверждению историка И.Л. Жеребцова). Знаменит тем, что в 1641 году первым из землепроходцев сообщил в своей докладной “скаске”, хранящейся ныне в Якутском архиве, в администрацию Якутска о встрече с чукчами в районе реки Алазеи, таким образом, положив начало документальной истории этого северного народа».

Знаменит он, конечно, не только этим. Знаменит своими географическими открытиями, сделанными как самостоятельно, так и «со товарищи», в числе которых был и Семен Дежнев.

Но для нашего рассказа любопытнее другое, связанное с поселением Русское Устье в низовьях реки Индигирки.

«…Служилой ж человек, которой из Ленского острогу за государевою соболиною казною доволоку послан в провожатых. Федька Олексеев сын Чюкичев в роспросе сказал: в прошлом де во 146 (1638) году из Ленского Якутцкого острогу, Енисейскова острогу атаман Иван Галкин посылал их, служилых людей, Посничка Иванова сына Губаря и его, Федьку с товарищи, — всех дватцать семь человек в новые, в немирные землицы через горы коньми на Индигирку, а Собачья тож. А шли де они через Янгу реку до той Индигирки девять недель. И, пришед на Индигирку, и нашли юкагирей князца Иванду, а у того де Иванды роду ево было человек со сто и больши, люди сидячие, а ездят де они на собаках… и под того де аманата на государя ясаку взяли два сорока тритцать соболей. Да на той же Индигирки зимовье поставили… И с тем государевым ясаком тое ж зимы служилой человек Посничко Губарь съехал в Ленский острог. А их де служилых людей осталось в том зимовье шестнатцать человек. И жили де они, служилые люди, на той на Индигирки реки три годы… И в прошлом же во 149 году пришел к ним на ту Индигирку реку на перемену служилые люди Митька Михайлов сын Ярилков, а с ним одиннатцать человек…».

И с тех пор Чукичевы (Чикачевы), как нас убеждают краеведы, — это коренная фамилия в Русском Устье:

«После гибели своего товарища Дмитрия Зыряна, именем которого названа Зырянка, Федор Алексеевич некоторое время возглавлял российскую администрацию на Колыме. Интересен тот факт, что дальний его потомок — Алексей Гаврилович Чикачев, — возглавлял более чем через 300 лет администрацию Нижнеколымского района, а среди нынешних Чикачевых, живущих на Колыме и Анадыре, есть, те, что называют себя по национальности чукчами».

Только вопрос в том, когда он успел обзавестись там семьей?

С Федором Чукичевым мы сталкиваемся чуть позже, уже после его прибытия в Якутский острог, когда он «проштрафился», будучи 4 июля 1645 года на карауле у «казенных анбаров» вместе с казаками Алешкой Коркуном, Данилкой Скребычкиным и Лазаркой Аргуновым, точнее стоял один Коркун, который поленился принести лестницу, чтобы выдать «к подпитке» соболей торговым людям и, в итоге, затеял шум, который не затихает вот уже почти четыре столетия… Эту историю мы уже рассказыывали.

Вспоминаем мы о ней лишь потому, что в одной из своих работ Б.П. Полевой («Открытие Камчатки со стороны Пенжины») писал: «***Напуганный*** (??? – здесь и далее выделено мной — *С.В.*) *выступлением служилых людей,* ***воевода постарался удалить из Якутска наиболее беспокойных казаков****. Так Федор Чукичев вновь оказался на Индигирке, где находился до лета 1647 г. В конце концов бассейн Индигирки, уже достаточно изученный к тому времени,* ***прискучил землепроходцу****. 20 июня 1647 года он на свои деньги приобрел карбас (небольшое судно)* ***и отправился на Алазею****, в открытии которой участвовал пять лет назад. Его опыт и знание этого* ***района высоко ценились, и Чукичева назначили приказчиком — главой местной администрации****. При нем было выстроено новое Алазейское зимовье.*

В 1650 году Чукичев вернулся в Якутск, но в июне 1652 года, по его просьбе, вновь был отпущен с отрядом на Алазею. В общей сложности Чукичев плавал между Леной, Алазеей, а позднее и Колымой не менее шести раз. Это были длительные плавания в суровых полярных водах. Немало мореходов погибало, но Федор Чукичев с честью вышел из всех испытаний. На Алазее он служил до середины 1650-х годов, затем отправился морем дальше на восток. Дойдя до устья Колымы, открытой Д.М. Зыряном, Чукичев со своими казаками поднялся вверх по реке до ее притока — реки Омолон. Обследуя верхнее течение Омолона, Федор Чукичев узнал о близости реки Чендон…».

Мы не будем вдаваться в нюансы этой публикации — вспомним только, что для тех, кто его мог «напугать», Петр Головин построил СЕМЬ (!!!) тюрем. А что касается экспедиций для открытия новых земель — то вряд ли кто из якутских воевод может похвастать результатами своей деятельности, сравнивая их с тем, что было достигнуто при Головине — на севере, востоке и юге от Якутска.

Но мимо одного из этих нюансов все-таки не пройдем:

«Известный советский этнограф Б.О. Долгих высказал предположение, что название реки “Пенжина” возникло от собственного имени Пянжи, Пенжи, Пунжи — именно так именовался первый вож, который водил русских на эту реку и с Анадыря и с колымского Омолона. Нам это предположение кажется вполне правдоподобным, потому что в XVII в. русские весьма часто в этих районах называли реки по именам местных жителей. Поэтому от имени “Пенжи” (“Пянжи”) и “Пенжиных родников” — “Пянжин” вполне могли возникнуть все первоначальные варианты названия этой реки: “Пянжина”, “Пянжин”, “Пенжина”, “Пенжень” и др. Возможно, “Пянжины” — “Пенжины” — это предки современных коряков Пензиных, живущих в этом же районе».

Потомки казаков Пенижиных или Пенизиных (Пинизиных), действительно, и по сей день проживают в селе Тигиль на севере Камчатки — только Тигильская крепость была построена в середине… 18-го века и тогда же появляется ее гарнизон, основной состав которого формировали казачьи дети из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

* * *

Далее о Камчатом:

«В казаки был зачислен в 1649, через три года в составе отряда И. Реброва направлен с Алазеи на р. Колыму на двухгодичную службу. Тяжелые ледовые условия вынудили часть землепроходцев, включая И. Камчатого, зимовать в низовьях Алазеи. В Среднеколымский острог, к месту службы, он попал лишь к сер. 1653. Несколько лет занимался соболиным промыслом, скорее всего по притокам Верхней Колымы».

Б.П. Полевой уточняет: *«2 мая 1649 г. по распоряжению якутского воеводы Д.А. Франсбекова Иван Камчатой был “поверстан” (зачислен) в казаки “на убылое место” умершего на Оленке енисейского казака* ***Федора Мартемьянова****. Служил он некоторое время на Индигирке…».*

Про зимовку на Алазее мы знаем. Здесь и свела судьба Федора Алексеевича Чукичева и Ивана Ивановича Камчатого.

В это время Федор Чукичев был на Алазее приказчиком:

«“А в прошлом во 162 году, августа в 7 день, писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе, к Михаилу Семеновичю Лодыженскому, с Алазейки реки служилой человек Федька Чюкичев…”. Есть и документальное подтверждение: “Книги сбора десятой

пошлины (соболиная) с промышленной и перекупной мягкой рухляди на р. Алазее, приказчика Федора Чукичева, 4 декабря 1652 – 30 апреля 1653 (161) г.”».

В 1654 году даже возникло дело *«по челобитной таможенного подъячего Воина Якунина на притеснения со стороны приказчика Алазейского зимовья служилого человека Федора Чукичева»*.

Возможно, что Камчатой остался с Чукичевым на Алазее. Такие случаи имели место — либо сами казаки менялись местами, как Владимир Атласов, уходя от возможной расправы в Якутске; либо — выставляли вместо себя на службу промышленного или гулящего человека — наемщика (и мы видим таких людей на Алазее в окружении самого Камчатого).

Или они заново встретились на Колыме: *«Летом 1657 принял участие в речном походе Ф. Чукичева на Верхний Омолон (правый приток Колымы), где казаки основали зимовье»*.

Согласно другого документа мы можем определить сроки проживания казаков на реке Чендон: *«Книга сбора ясака за 166 г. с «каменных» юкагиров на новой реке Чендоне служилого человека Федора Чукичева, 1 ноября 1657 (166) г. – 20 февраля 1659 (167) г.»*.

А в 1660 году Чукичев снова служит на р. Омолон:

«…в нынешном во 168-м году отпущены мы, твои государевы, сироты, с Колымы реки ис таможни в Якутцкой острог. А приняли мы, сироты твои, торговые и промышленные людишка твою, государеву, казну соболиных трех рек: колымскую и алазейскую, ясачную и десятинную, и перекупную, и Федора Чюкичева збору с Омолону реки…».

И вот последнее сообщение: «В 1661 до русских на Колыме дошло известие о гибели эксп. Чукичева на одном из правых притоков “большой реки”, получившей впоследствии название Камчатка».

Возможно, в данном случае переплелись две новости: плохая и хорошая.

Плохая о том, что Чукичев и Камчатой погибли.

Хорошая, что в честь этого человека была названа река:

«После зимовки в низовьях Алазеи Камчатой, летом 1653 г. попал в Средне-Колымское зимовье. В последующие три года Камчатой регулярно ходил на соболиный промысел. И с промысла он обычно возвращался не с пустыми руками. Об этом свидетельствуют колымские записные книги сбора десятинной пошлины: 4 июля 1654 г.: “У служилого человека, у Ивашки Камчатово, с его промыслу со штидесяти соболей десятой пошлины взято семь соболей с пупки и с хвосты”. 9 июня 1655 г.: “У служилого человека, у Ивашки Иванова Камчатого, с его промыслу с семнатцати соболей десятой пошлины два соболя с пупки и с хвосты взято”.

К сожалению, маршруты промысловых походов Камчатого не известны, но судя по тому, что он ходил в эти годы с промышленным человеком Никитой Падерой, можно полагать, что он тогда чаще всего посещал притоки верхней Колымы. Вероятно, именно тогда он впервые перешел с реки Ожегиной за волок на малую реку индигирской речной системы, которая позднее стала называться по его прозвищу речкой Камчаткой.

В 1656 г. Иван Камчатой на короткий срок ходил в Якутск, где изъявил желание вернуться на службу на реку Колыму. В якутских документах имеется отметка, что он вновь послан на Колыму “в 165 г.”, т. е. в 1656–1657 гг.

Все эти архивные данные, с моей точки зрения, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что название малой индигирской речки “Камчатка” произошло от прозвища Ивана Иванова Камчатого» (Б.П. Полевой).

* * *

28 ноября 1652 года отряд тобольского пятидесятника Ивана Иванова сына Реброва прибыл в Среднее Колымское зимовье и принял у приказчика Тимофея Булдакова казну, аманатов и служилых людей.

Более того, он принял и новых людей в свою команду, которые не были указаны в воеводском наказе. Причины две. Первая — малолюдство в гарнизоне (и добавка людей в интересах приказчика). Вторая — возможность для законного ведения пушного промысла на службе (здесь интерес у всех — и у тех, кто будет добывать, и у тех — кто будет получать за это откупные: вспомним, сколько соболей успел напромышлять во время службы Иван Камчатой):

*«А служилых людей приняли против наказной памяти тобольских и енисейских**: Добрынка Игнатьева, Оксенка Скребыкина, Ивашка Симонова, Ивашка Пермяка, Мокейка Игнатьева, Ивашка Кузакова**… да служилые ж люди, которые живут на Колыме без денежново и без хлебново жалованья своими заводишки, должачись из великих ростов, а государевы всякие службы служили до сына боярского до Василья Власьева*

и при Василье Власьеве и при Тимофее Булдакове, тобольские и енисейские и красноярские: ***Онтонко Тимофеев, Мишка Коневал, Елеска Петров, Дружинка Чистяков, Пронька Травина, Дорофейко Трофимов, Тимошка Офонасьев*****».**

То есть всегда были так называемые «охочие» люди из среды промышленников и самих казаков, которые готовы были последовать за новой промысловой удачей хоть на край света.

И Б.П. Полевой расширяет именной список участников событий тех лет:

«В 1657 г. по Ледовитому океану с Лены на восток шел казак ***Петр Афанасьев*** *с наказом сменить на Анадыре Семена Дежнева. На Яне он вдруг объявил, что намерен идти "на новую реку на Чондон для прииску и приводу под… высокую руку неясачных людей". К нему сразу же примкнули все казаки, которым хотелось попасть "на новую запольную реку Чендон". Среди них были* ***Иван Хворой, Макей Игнатов*** *и* ***Нехорошко Перфирьев****. Но позже Петр Афанасьев вновь изменил свои планы. Дело в том, что на Колыме "на нижней ярмонге" колымскому приказному* ***Ивану Ерастову*** *подал челобитную служилый человек* ***Григорий Горбун****, спутник Афанасьева, в которой рекомендовал выслать на Анадырь "на малою стать человек пятьдесят, потому что много сторонних людей иноземцов, коряки и чюхчи и чюванцы". Ерастов признал, что "на Анадыре же реке острогу от ыноземцов крепости нет, потому что живет люд промышленной оплошливо, а мне бог даст весна приспиет и яз велю поставить острог на Анандыре реке и ясачное зимовье, ама(на)тцкое зимовье велю построить". И Ерастов решил туда послать Афанасьева. Те же, кто хотел идти на легендарный Чендон, пошли вверх по Колыме до Крестов. Там они присоединились к отряду служилого человека Федора Алексеева Чюкичева, который был еще ранее официально направлен с Колымы на Омолон, Пенжину и "Чендон" (Гижигу).*

В составе отряда Ф.А. Чюкичева были казак Иван Иванов Камчатой и беглый красноярский казак ***"Пронька" Федоров Травин (или Травник).*** *Свое главное зимовье они поставили на Омолоне ("Блудной"). Вскоре сюда же прибыла группа торгового человека Алексея Яковлева Усольца. Эта группа переманила к* ***себе Проньку Федорова и Фому Яковлева*** *и послала на Колыму челобитную с просьбой отпустить их "вверх по Омолону реке, а с Омолону реки на новую, на Пенжен для… ясашного збору и для*

ради прииску и приводу вновь… немирных, неясашных иноземцев юкагирей и коряков".

Между тем в конце 1657 г. отряд Ф. Л. Чюкичева отправился через Пенжину и Парень к верховьям Гижиги ("Чендона"). Там они основали новое русское Чендонское зимовье и стали собирать ясак с коряков. До нас даже дошли две ясачные книги Чендонского зимовья, которые там вели Ф.А. Чюкичев и И.И. Камчатой.

Отряд Усольца задержался на Омолоне на два года и лишь в 1659 г. 20 человек пошли на Пенжину. В их распоряжении были пищали, порох и свинец. Из похода они обещали привезти на Колыму 40 соболей. В этот поход на реку "Пянжину" их повел вновь "вож" (проводник) ***"Пянжа",*** *что еще раз подтверждает гипотезу Б.О. Долгих о том, что река Пенжина получила свое наименование от собственного имени "вожа".*

В этот же период на Пенжину прошли беглый колымский казак ***Леонтий Федотов*** *и промышленный человек* ***Савелий Анисимов Сероглаз или Шароглаз****. Впоследствии анадырские казаки обвиняли С.А. Шароглаза в том, что он "на Пенжине с Леонтием с Федотовым был, и те две реки от нево же запустели"».*

Зуев А.С.: *«1657 год. С Колымы на Пенжину ходил енисейский казак Федор Алексеевич Чюкичев. На Пенжине его казаки штурмом взяли два корякских острожка: "…взял я, Федка, у коряк два острожка, Антуев острожек да Чепчюгин, а драки было под острожки двои сутки, а людей у нас ранили многих на приступе, и с острожков их выбили всех на реку, и на реке на съемной драке Антуя убили, не ведаючи, а Чипчюга ушел во многих людех". После этого Чюкичев двинулся на р. Гижигу и в ее верховьях основал Чендонское зимовье (Чендон — юкагирское название Гижиги), откуда совершил два похода к устью Пенжины, и, возможно, переходил "через камень" (хребет) к Берингову морю. (По версии Б.О. Долгих, эти события происходили в 1658 г.). Вернувшись из похода, землепроходцы сообщили следующее: "а по тем де рекам живут многие неясачные коряки и с них емлют аманаты — отцов и братьев и детей, и они тех аманатов отступаютца, ясаку под них не платят".*

1658 год. Предположительно, Ф. Чюкичев с Гижиги послал на юг отряд енисейского казака Ивана Ивановича Камчатого, который в 1658–1660 гг. проник на Камчатку (до р. Лесной и Карагинского залива). Здесь он получил сведения о главной реке

полуострова, которая якобы по его прозвищу и была названа Камчаткой. Вскоре туда ходил и сам Чюкичев во главе 12 чел. С Гижиги через Пенжину он достиг р. Камчатки, где и провел зиму 1660/61 г.

С Колымы на Пенжину отправлен отряд красноярского казака Проньки Федорова (Травина) и торгового человека Алексея Яковлева (Усольца) (всего 20 чел.): "для твоего государева ясашного збору и для ради прииску и приводу вновь, чтоб подвести под твою государеву высокую руку немирных и неясашных иноземцев юкагиры и коряков». Отряд действовал в районе р. Пенжины в 1659–1661 гг. Подробности неизвестны"

1661 год. *Юкагиры-ходынцы на р. Блудной (приток Омолона) полностью уничтожили отряд Ф. А. Чюкичева, возвращавшийся с Пенжины и Гижиги на Колыму (погиб и И.И. Камчатой). В этом же году на р. Блудную и Чендон (Гижигу) был отправлен служилый человек Иван Михайлов Хворый с заданием: "принять ему у служилого человека у Федьки Чюкичева острожек и в острожке аманатов".*

Любопытно, что в наказную память казаку Ивану Хворому, вновь посланному в июле 1661 г. из Якутска на дальнюю службу на Омолон, Пенжину и Гижигу ("Чендон"), и было включено особое задание "выслать в Якутцкой острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова, да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина да Алешку Яковлева Усольца"».

Однако Иван Хворой никого из этих лиц выслать в Якутск не смог. Иван Камчатой и Макей Игнатьев в 1661 г. были убиты на Омолоне вместе с Федором Чюкичевым. Алексей Яковлев Усолец ушел куда–то на промысел. А «Пронька» Федоров Травин с Пенжины перешел по Омолону и Колыме на Анюй и оттуда на Анадырь. Так Иван Хворой и не смог исполнить эту часть данного ему наказа.

* * *

Борису Петровичу Полевому очень хотелось доказать версию об открытии Камчатки со стороны реки Пенжина:

«Теперь также появилась возможность определить, от кого именно Иван Рубец смог узнать о существовании на юге реки "Камчатки". Очевидно, что им мог стать лишь тот человек, до которого дошли сведения об открытиях казака Камчатого. Первым таким информатором у Рубца мог быть все тот

же "Пронька" Федоров Травин. С ним Рубец встретился еще на Анадырской корге в 1662 г. и поплыл па юг.

Другим информатором Рубца о южных землях и реке Камчатке мог быть и уже упоминавшийся промышленный человек С.А. Шароглаз. До нас дошел документ о возникшем между Рубцом и Шароглазом каком-то конфликте, во время которого "Савка Шароглаз, ведомой вор" будто бы "Ивана Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье".

Существуют также глухие сведения о том, что еще зимой 1660–1661 гг. анадырские казаки в течение нескольких месяцев (с "Михайлова дни" до "мясное заговенно" ходили с Анадыря на юг "на сильных людей, на неясашных на коряк". Вероятно, это тоже был поход в сторону Пенжины. Поэтому и другие анадырские казаки также вполне могли поведать Рубцу о южной реке Камчатке.

Любопытно, что на Анадырь Иван Рубец из своего южного похода на Камчатку вернулся без Федорова. По документам видно, что отношения между ними обострились еще на Анадырской корге летом 1662 г. Анадырцы утверждали, что Рубец еще "на корге сажал для бабы красноярского служилого человека Проньку Федорова в колоду".

Впрочем, возможно, Рубец арестовал Федорова потому, что знал, что в наказной памяти Ивана Хворого, с которым он вместе плыл на коче до Колымы, имелось указание о принудительной высылке Федорова в Якутск. Но тогда Рубец не имел возможности исполнить этот наказ. Вполне вероятно, что "Пронька" Федоров, опасаясь наказания в Якутске за его различные проступки, самовольно остался на реке Камчатке.

Удалось также документально установить, что и в середине 60–х гг. XVII в. в южных районах находились какие–то беглые казаки и промышленные люди. Так, в 1668 г. в Омолонском зимовье с Пенжины появились какие–то 15 русских. В течение нескольких лет они не уплачивали налоги, потому что были в "дальних землицах". Среди них был и некий "гуляка" Федоров, который не платил налоги с 171 (1663) года). Уж не был ли это исчезнувший "Пронька" Федоров? Эти документы также подтверждают рассказы ительменов о том, что русские с реки Камчатки посуху обычно возвращались по западному берегу полуострова. С реки Камчатки путь на западный берег шел обычно через Тигиль. И именно о Тигиле сообщали С.П. Краше-

нинников и Г.В. Стеллер. В других случаях С.П. Крашенинников упоминал реку Парень. Из документов XVII в. видно, что именно по Парени тогда шел путь в Чендонское зимовье на верхней Гижиге, где было зимовье Ф.А. Чюкичева и И.И. Камчатого.

В 1668 г. Иван Ермолин был официально "наряжен… на службу на новую на Пенжину реку для приводу под государеву царскую высокую руку новых землиц и для прииску жемчюгу и узорочного камени" ***с заданием побывать на реке Камчатке.***

После гибели в 1670 г. Ивана Ермолина уже вскоре были возобновлены русские походы на Пенжину. В 70–х гг. на Пенжине приказными были последовательно: ***Андрей Шипунов****,* ***Василий Бурлак****,* ***Василий Пермяк****, в 80-х гг. —* ***Михаил Ворыпаев****,* ***Иван Исаков Тобольский****,* ***Иван Осипов Голыгин****,* ***"Силка" Дехтярев****. Наиболее видными пенжинскими приказными в 90-х гг. были Дмитрий Потапов и племянник бывшего украинского гетмана — Михаил Зиновьев Многогрешный. Некоторые из этих приказных организовывали походы на полуостров Камчатка. Подробности этих походов, возможно, еще удастся выявить в архивных документах.*

Таким образом, теперь не только документально установлено, что первое открытие Камчатки было сделано со стороны Пенжины, но и выяснено, что еще до похода В.В. Атласова русские неоднократно появлялись на полуострове, главным образом с реки Пенжины» (Б.П. Полевой, «Открытие Камчатки со стороны Пенжины»).

* * *

Споры в отношении названия Камчатки будут, по всей видимости, проходить вечно, потому что сегодня каждый северный народ от якутов до чукчей и коряков претендует на то, что именно им принадлежит приоритет в названии коренных жителей Камчатки — камчадалами, а главной реки полуострова — Камчаткой. Существуют десятки самых причудливых, весьма оригинальных и интересных версий, — одна другой лучше и краше.

Только вот какой вопрос возникает у пытливых исследователей, а была ли наша современная река Камчатка, протекающая по территории одноименного полуострова, — той самой исторической Камчаткой, которая и получила первоначально это название? Ведь мы знаем множество случаев обратного явления — и по Анадырю (Погыче), и по Пенжине, и по Гижиге, и по Пахаче, и по Вывенке (Олюторке). И вот, что отмечает Б.П. Полевой:

«…на общем чертеже Сибири 1673 г. и было особое внимание уделено «вершинам» Блудной, а река Камчатка была ошибочно показана не на полуострове, а на материке южнее Чендона».

Чендон — по общему мнению, это верховья реки Гижиги. Южнее Гижиги — только река Пенжина. Но и тут, как мы выяснили выше, не все просто:

«М. Стадухин, кратковременно побывавший в низовьях нынешней Пенжины, потерпел поражение от оседлых коряк острожка Аклан и потому собрать с них ясак не смог. А после него, вплоть до 1670 года, когда в средней части долины нынешней Пенжины, возле устья реки Часовитиной был поставлен Чендонский острог (отчего, кстати, река Пенжина некоторое время также именовалась Чендоном), русские люди на этой реке не появлялись» (В.Е. Быкасов).

А хотите еще сюрприз:

«…под рекой Пенжина юкагиры понимали нынешнюю реку Гижига, а сам Ф. Чюкичев под этой же рекой понимал реку Парень, на которую его отряд попал по ошибке» (В.Е. Быкасов).

Он же:

«Но коль скоро казаки отряда Ф. Чюкичева под Пенжинским хребтом понимали нынешнее Колымское нагорье, служащее водоразделом между реками, впадающими в Северный Ледовитый океан с одной стороны, и в Охотское море — с другой, то остается признать, что под рекой Пенжина они понимали современную реку Парень, а не нынешнюю реку с этим именем».

С.П. Крашенинников:

«В четырех днях ходу от реки Пенжины следует речка Егача или Арача (совр. Шестакова. — *С.В.*)*, оттуду в двух днях ходу Парень река, которая вершинами сошлась с Акланом рекою, от Пареня в 6 днях ходу Чондон, а потом Ижиги река».*

И вот еще:

«…схематический общий чертеж Сибири 1673 г. отнюдь не был первым тобольским чертежом, на котором появилось изображение реки Камчатки. Впервые она была показана еще на общем чертеже Сибири 1667 г. Это ясно видно по копии этого чертежа в "Хорографической чертежной книге" (Remezov, 1958, л. 4). В.И. Греков (1960, с. 334) высказал предположение, что Ремезов якобы спутал из своей копии Камчатку с Колымой. Однако здесь В.И. Греков не учел, что "Колыма" вместо "Камчатки" появилась лишь на копиях, снятых в Москве, потому что в То-

больске, видимо, сознательно решили на схематическом общем чертеже, отправленном в Москву, заменить тогда еще малоизвестную реку Колымой, которая была достаточно подробно описана в росписи чертежа Сибири 1667 г. Поэтому скорее всего Ремезов при копировании тобольского общего чертежа Сибири никакой ошибки не допустил, и Л.С. Берг (1920, с. 25, 1946, с. 58) был прав, когда писал, что на тобольском оригинале общего чертежа Сибири 1667 г. уже было изображение реки Камчатки.

Пока не удалось еще точно установить, каким образом сведения о реке Камчатке смогли дойти до Тобольска. Повторявшаяся в литературе версия М.И. Белова о том, что "со слов Стадухина, проезжавшего в 1659 г. через Тобольск, воевода тобольский Петр Годунов нанес реку Камчатку на свой чертеж Сибирской земли 1667–1668 гг." (РМ, с. 264), не выдерживает критики. Воевода Годунов прибыл в Тобольск лишь в мае 1667 г., когда уже Михаила Стадухина не было в живых (он был убит в 1666 г.). Сбор географических сведений для чертежа Годунов провел летом и осенью 1667 г. А главное, нет вообще ни одного документа, исходившего от М.В. Стадухина или С.И. Дежнева, в котором имелось бы название "Камчатка"» (Б.П. Полевой).

И еще:

«…казаки отряда Ф. Чюкичева считали нынешнюю реку Парень рекой Пенжина, современную реку Гижига — Чендоном, а о существовании современной реки Пенжина, на момент выхода на побережье Охотского моря, ***они даже не подозревали*** (выделено мной. — *С.В.*)».

И не была ли эта известная-неизвестная река той самой Камчаткой, название которой, когда разобрались с Чендонами, Гижигами, Паренями, Пенжинами, и было перенесено, как и следовало из картографических данных, на юг?

И не в этом ли походе кроется ответ на вопрос, почему эта известная-неизвестная река могла получит имя Ивана Камчатого:

«…двух последних месяцев осени для преодоления пути от Чендонского зимовья до устья реки Пенжина и обратно группе И. Камчатого было вполне достаточно для того чтобы успеть вернуться на Чендон к началу охоты на пушного зверя. Итак, двинуться к Восточному морю казаки (если, конечно же, предположить, что часть отряда во главе с самим Ф. Чюкичевым осталась на Чендоне, а другая часть во главе с И. Камчатым пошла на восток) могли не ранее конца октября – начала ноября. То есть после установления снежного покрова и замерзания рек» (В.Е. Быкасов).

И пришли они в устье неизвестной им реки, которая и была отмечена на карте Ремезова как река Камчатка.

И было до нее всего 200 верст пути.

И, естественно, ни на какую современную реку Камчатку, он не ходил и ходить не мог — слишком далекий был для него этот путь, с чем, конечно же, я полностью согласен с Валерием Быкасовым.

Но он сам же, разъяснив всю путаницу с географическими названиями, подвел нас к выводу, который все расставил на свои места — как и абсолютно правильное для того времени расположение на карте Ремезова 1677 года реки под названием Камчатка южнее реки Чендон на материковой части северо-восточной Азии — там, где находится современная река Пенжина.

А впоследствии этот гидроним был перенесен далее на юг (и это ни некий географический нонсенс — это своего рода закономерность в истории сибирской географии).

И поэтому мы можем по-новому посмотреть на обобщающее целый ряд источников сообщение А.С. Зуева:

«Моржовой кости И. Камчатой не нашел, но в поисках неясашных иноземцев собрал сведения о крупной реке где-то на юге. Ф. Чукичев, получивший эти известия от вернувшегося в зимовье И. Камчатого, возвратился на Колыму и убедил начальство снова направить его на р. Гижигу. Во главе отряда из 12 человек, включая И. Камчатого, с Гижиги он перешел на Пенжину и — неизвестно каким путем — проследовал на юг, на реку, нареченную впоследствии Камчаткой. Зиму 1660/61 гг. они, видимо, провели здесь и вернулись на р. Гижигу. …убиты в 1661 г. восставшими юкагирами».

То есть, подводим итоги, Борис Петрович Полевой при всей своей неправоте, вскрытой В.Е. Быкасовым, был, вероятно, все-таки прав в принципе — название реки Камчатка в истории географии появляется благодаря походу Ивана Ивановича Камчатого.

* * *

Но, это так и останется версией.

Как, если мы вспомним другую историю, и вопрос о появлении Голыгиных на Камчатке.

Иван Осипович Голыгин, исходя из тех сроков, которые обозначены архивными материалами, не имел НИКАКОЙ реальной

возможности совершить то, что мы ему сегодня пытаемся приписать:

> *«…ок. конца 1682 г. Иван Голыгин получил на Пенжине назначение приказчиком Нижнеколымского зимовья. Решив двигаться туда через Анадырь, он бросил Пенжину (теперь Чендонское зимовье оказалось окончательно запустевшим) и в феврале 1683 г. находился уже в Анадырском остроге, где сдал Елисею Осипову часть привезенного с Пенжины имущества. 1 марта 1683 г. Иван Голыгин морем отправился из Анадыря на Колыму (куда прибыл в октябре 1683 г. и принял под власть Нижнеколымское зимовье…»* (А.А. Немировский, Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.)

А Иван и Михаил Васильевичи Голыгины служили в это же время в Анадырском остроге.

Откуда Иван Васильевич Голыгин (возможно, вместе с братом Михаилом Васильевичем) по приказу анадырского приказчика Михаила Зиновьевича Многогрешного и пошел в сторону Камчатки. И, возможно, первым дошел до той реки, которая, в итоге, и получила его имя…

И остался единственный путь на Камчатку, который мы с вами уже проходили — с севера, из Анадырского острога, на реку Пенжину…

ЧАСТЬ 9. КАЗАЧЬИ БУНТЫ

В этой главе мы хотели бы рассмотреть аналогичные случаи сибирских казачьих бунтов, которые завершились или могли завершиться кровавой расправой, чтобы понять были ли события на Камчатке исключением из общих каких-то закономерностей, или, наоборот, они были типичным явлением того далекого от нас и сурового времени…

1629 год. Дело об убийстве атамана Ивана Кольцова

Этому убийству способствовал целый ряд обстоятельств, поэтому мы начнем издалека.

Но и не с того события, которое, по версии некоторых историков, имеет якобы место быть — о том, что казачий атаман Иван Кольцов, прибывший в Сибирь из Великого Устюга, был сыном ермаковского (бывшего волжского разбойного, приговоренного к смертной казни) атамана Ивана Кольцо (в прошлом окольничего (или сына окольничего) Ивана Колычева, также приговоренного к смертной казни, но доставившего царю Ивану Грозному весть о «взятии Сибири» и заслужившего прощение и награду).

В эту «родовую» версию мы не очень-то верим — родовыми уделами бояр Колычевых были Кострома (как и у их однородцев бояр Захарьиных-Романовых) и Новгород.

Поэтому приблизимся к более реальным событиям и реальным людям.

Енисейский острог, с которым напрямую были связаны последующие трагические события, был построен в 1618 г. небольшим отрядом (не более 40 человек) служилых людей — «годовальщиков» — из разных городов Западной Сибири под руководством тобольского стрелецкого сотника Черкаса Рукина и пелымского сына боярского Петра Албычева.

Из реальных потомков ермаковцев в строительстве Енисейска принимали участие братья Галкины — Иван, Осип и Никифор — дети березовского атамана Алексея Галкина.

Постоянный гарнизон в Енисейске появился только в 1623 г., когда в острог прибыл первый воевода Яков Игнатьевич Хрипунов. Вместе с ним в остроге появились и первые «жилецкие» служилые люди в количестве 100 человек — это была стрелецкая

сотня под командой Поздея Фирсова, **набранная в Тобольске в 1623 году**, которая и стала костяком енисейского гарнизона.

Вместе с воеводой появился и подъячий — лицо, возглавлявшее приказную избу (воеводскую канцелярию). Подьячим этим был уже известный нам Максим Перфирьев, который в последующем, вместе с прибывшими с ним служилыми людьми, остался в Енисейске, став родоначальником знаменитой казачьей династии Перфирьевых (Перфильевых), один из представителей которой — Василий Власьевич Перфильев — был впоследствии губернатором Камчатской области (1909–1912 гг.).

На среднем Енисее, в бассейне одного из его притоков — реки Качи — лежала так называемая Тюлькина земля – земля князя Тюльки (Тюльге). Еще в 1613 году казаками Кетского острога предпринимались попытки взять ясак с жителей Тюлькиной земли, но там уже был свой «хозяин»:

«…и из Тюлькины, государь, землицы Атабай принес государева ясаку 60 соболей да государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии поминков 13 соболей. А бил челом государю Тюлькины земли князец Затыгаш, что им государева ясаку больше тово дать невозможно, потому что де их воевали брацкие люди и что де было у них [государеву] ясаку в сборе, и тот де ясак у них отгромили брацкие люди».

Брацкие люди — это буряты. Так что не следует думать, что сбор ясака (как подушный налог пушниной) — это только лишь «прихоть» московских царей.

Енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов, будучи человеком дальновидным и предприимчивым, прекрасно понимал стратегическую необходимость строительства острога в Тюлькинской землице. По его приказу в 1623 г. была организована специальная экспедиция во главе со служившим тогда под его началом дворянином и дальним родственником Андреем Ануфриевичем Дубенским, чтобы выяснить *«мочно ли в Тюлькиной земле острог поставить и пашню завесть»*.

И на реке Каче, в Качинской теперь уже землице, как стали называть эти места, казаки нашли *«на яру место угожее, высоко и красно, и лес близко всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставить мочно»*.

Цель создания нового острога была весьма конкретной — *«Енисейский острог место далное, за всеми сибирскими городы украиный город и приходы к нему воинских людей частые»*. И, кроме того, новый острог позволит увеличить число ясачных волостей.

25 сентября 1624 г. Я. Хрипунов отправил в Тобольск чертеж предполагаемого места строительства острога. Одновременно другая копия чертежа была отправлена в Приказ Казанского дворца, ведавшего тогда всеми восточными территориями Русского государства, вместе с А. Дубенским, который посылался в Москву с енисейской соболиной казной, и мог дать необходимые пояснения.

Царь утвердил проект строительства острога и возложил ответственность за его строительство на А. Дубенского.

1627 г. Июня 1. **Наказ тобольских воевод князя Андрея Хованского с товарищами Андрею Дубенско́му, отправленному для строения острога на Красно́м Яру.**

Лета 7135-го июня в 1 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, воеводы князь Андрей Андреевич Хованской, Иван Васильевич Волынской да дьяки Иван Федоров, Степан Угодцкой велели Андрею Онуфриевичу Дубенско́му ехати на государеву службу в Качинскую землицу, в верх по Енисее реке, на Красно́й яр для того: указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии в той Качинской землице, вверх по Енисею реке, на Красно́м яру, вновь поставить острог, а для того острожного ставленья велено послать ево Андрея Дубенско́го, а с ним с Андреем служилых людей **указал государь прибрати вновь в Тобольску и в иных сибирских городех, атаманов и казаков, и свое государево денежное и хлебное жалованье велел им оклады учинить, и давати свое государево денежное и хлебное жалованье на 2 года, а дав денежное и хлебное жалованье, ему Андрею с теми служилыми людьми с нарядом велел идти в Енисейской острог, а из Енисейского острогу в Качинскую землицу, и на Красном яру на реке Енисее острог поставить, и рвы накопать, и надолбы поделать и всякими крепостьми укрепить, и новых землиц людей под царскую высокую руку приводить ласкою и им говорить, чтоб они великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служили и прямили, и ясак с тех землиц имати велено, как будет приго-**

же, чтоб их не ожесточить, и пашня завести (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*). А буде к тому Красному яру, на котором месте острог поставить, прилегли некоторых землиц люди, а под царскою высокою рукою тех землиц люди быть не похотят и ясаку с себя давать не станут, и теми будет новоприборными служилыми людьми тех новых землиц под государеву высокую руку привести немочно, и Андрею Дубенскому велено про те землицы распросить, сколько тех землиц людей, которые будут непослушны и ясаку давать не учнут, и сколь далече которая земля стоит от тово Красного яру, на котором месте острог поставить, и сколько в которой землице таких людей и сколькими служилыми людьми те землицы под государеву высокую руку привести мочно и ясак с них имать. А будет к тому Красному яру подошли многих землиц люди, а под государеву высокую руку быть не похотят и на Красном яру острогу поставить не дадут, а Андрею Дубенскому с новоприборными служилыми людьми тех землиц под государеву высокую руку привести и острогу на том Красном яру без прибавошных служилых людей поставить не мочно, и ему Андрею велено о том о всем писать в Тоболеск, и к Андрею для тово из городов голов, а с ними служилых людей велено прислать в прибавку. А однолично б на том Красном яру острог поставить и тех землиц людей под государеву высокую руку привести в прямое холопство и ясак с них имать. **И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу для тово нового острожного строения прибрано в Тобольску и в иных сибирских городех 3 человека атаманов, 300 человек казаков, а денежного жалованья учинены им оклады: атаманом по 30 рублей, десятником по 5 рублей с полтиною, рядовым казаком по 5 рублей человеку, а хлебного жалованья: атаманом по 10 четвертей муки, по 4 четверти круп и толокна, пятидесятником и десятником и рядовым казаком по 5 четвертей муки да круп и толокна по четверти человеку; и то государево им хлебное и денежное жалованье давано на 2 годы: июня с 1-го числа нынешнего 135-го году до июня же по 1-е число 137-го году по окладом их сполна**; а кому именем служилым быть людем с Андреем Дубенским на государеве службе на Красном яру велено быть, и ему дан имян

их список за дьячьею подписью. А наряд чинить с Андреем для тое службы послан из Тобольска. И Андрею Онофреевичу Дубенскому с служилыми людьми итти на государеву службу в Качинскую землицу для нового острожново ставленья Обью и Кеть рекою на Енисейской острог с великим поспешеньем денно и ночно, не мешкая нигде ни часу...».

20 июня 1627 года отряд отправился в путь. У каждой сотни был свой командир — атаман: ссыльный литвин **Иван Федоров Астраханец**, **Ермолай Остафьев** и **Иван Елфимов Кольцов** (с сыновьями **Милославом**, **Родионом** и **Никифором** и двумя внучатыми племянниками).

Следующим командным звеном были пятидесятники — **Парфентий Петров**, **Афанасий Иванов Путимец**, **Василий Яковлев Москвитин**, **Иван Фадеев**, **Захар Игнатьев** и **Иван Сафронов Чечулин**.

Далее следовали десятники. Их было двадцать четыре.

И 270 рядовых казаков.

А теперь внимание:

*«По своему составу контингент будущего острога существенно отличался от контингента других городов и острогов, в частности, от енисейского. Последний был сформирован путем перевода стрельцов и казаков из нескольких западносибирских городов, уже состоявших на государевой службе и, вероятно, ранее бывавших в Енисейском остроге в качестве годовальщиков. А. Дубенский был вынужден набирать **подряд всех "охочих" людей*** (выделено мной. — *С.В.*), *но и такой принцип (вернее — его отсутствие) не позволил ему полностью укомплектовать свой отряд (вместо 500 было набрано меньше 300). Результат такого спешного набора всех желающих сказался очень скоро: отправившись в июне 1627 г. из Тобольска к Маковскому волоку, новоприборные казаки через несколько недель разграбили имущество повстречавшегося им на пути бывшего енисейского воеводы А. Ошанина, возвращавшегося "на Русь", и его друзей-торговцев».*

Андрею Леонтьевичу Ошанину не повезло трижды.

«В мае 1626 года в Енисейске вспыхнуло восстание. Вернувшиеся из похода с Василием Алексеевым казаки, возмущенные задержкой жалования и выдачи хлеба, своевольствами и жестокостью воеводы, взбунтовались. Во многих неправедных делах

воеводы оказался замешан и бывший в это время в походе Максим Перфильев. Согласно чьей-то челобитной его обвиняли еще и в том, что он "во грехе жил с чужой женой". Собрали казачий круг, написали клятву ни в чем не слушать воеводу и не давать ся ему под суд, меж собой целовали крест, что не откажутся от своих слов.

Возбужденная толпа с шумом ворвалась в приказную избу, стала бить подвернувшихся под руку торговых и промышленных людей, лаять воеводу, драть его за бороду, даже хотели его убить, однако Василий Алексеев не допустил расправы. При всем своем бедственном положении воевода нашел-таки способ отправить в Тобольск гонца с сообщением о бунте».

«Они круг завели и запись меж себя одиначную написали, и руки к записи приложили, и крест меж собою целовали, что им ево Ондрея в чем не слушать и под суд не даватца. И в съезжую избу приходили с шумом, и ево лаяли, и за бороду драли, и хотели убить… и торговых и промышленных людей били не в одно время», — из донесения енисейского воеводы Андрея Ошанина о восстании казаков (В.А. Александров, Н.Н. Покровский, «Власть и общество. Сибирь в XVII в.» — Новосибирск, 1991).

Есть и другая версия:

«…весной 1626 г. он (Ошанин. — *С.В.*) *отправил отряд во главе с казачим атаманом* ***Василием Алексеевым*** *в поход на взбунтовавшегося остяцкого князька Такейки (Тасея), казаки, выйдя из города, перестали подчиняться воеводе и вместо порученного им прямого "государева дела" отправились на р. Пития и занялись грабежом уже смирившихся остяков. Енисейский воевода А.Л. Ошанин узнал об этом и, когда отряд Алексеева вернулся из похода, попытался отнять награбленное. Поскольку население острога состояло в основном из казаков, воеводе не удалось осуществить этот замысел, т. к. казаки, как один, встали на защиту своей древней привилегии и не отдали уже поделенное между ними добро. Мало того, воспользовавшись ситуацией, а также недовольством казаков приезжими купцами и торговцами (они, пользуясь покровительством воеводы, сбывали свои товары в Енисейске втридорога), Алексеев организовал, по словам воеводы, "воровской казачий круг", на котором А.Л. Ошанина "лаяли, и за бороду драли, и хотели убить". Когда же А.Л. Ошанин попытался без уплаты таможенной пошлины забрать на свой двор пушнину, незаконно приобретенную*

его агентами, казаки во главе с атаманом задержали их силой. Явившись на двор к воеводе, они объявили о нарушении им царских указов, после чего дело дошло до рукопашной, перешедшей затем в настоящее сражение с применением огнестрельного оружия обеими сторонами, в ходе которого погиб один и получили ранения несколько человек. Захватив острог, казаки блокировали воеводский двор и выставили на дорогах заставы. При посредничестве местного священника удалось договориться о прекращении военных действий при условии не сообщать о происшедшем по инстанциям. После произошедшего "замирения" сторон воевода обещал больше "жесточи не чинить". Однако обещание было нарушено обеими сторонами. Для расследования из Тобольска был прислан сын боярский ***Борис Павлович Аршинский*** *с отрядом служилых людей. Крестьяне и ясачные тунгусы показали, что воевода незаконно заставлял их перевозить товары своих агентов — торговых людей, а промышленники обвиняли воеводу в освобождении этих последних от податей. Вообще, все слои населения Енисейска продемонстрировали глубокую убежденность в правоте своего выступления, поскольку воевода нарушал "государев интерес", а его действия приводили к урону в деле сбора ясака. В итоге воеводу А.Л. Ошанина из Енисейска отозвали в 1627 г. (сменил его воевода Василий Алексеевич Аргамаков), но и группа енисейских казаков во главе со своим атаманом угодила в тюрьму».*

Но и на этом дело Ошанина не закончилось — в Тобольске его обвинили в пособничестве двоеженству — как мы уже знаем, Максим Перфирьев, утаив, что он уже женат, и жена живет в Верхотурье, женился на вдове утонувшего в Оби командира стрельцов Фирсова, сопровождавшего енисейского воеводу Якова Хрипунова в Тобольск. Правда, и самому Перфирьеву это стоило должности — он претендовал не только на жену, но и на место Поздея Фирсова, которое досталось никому тогда еще не известному Петру Бекетову.

А тут еще и грабеж среди бела дня казаками из отряда Дубенского.

Но это не помешало самому Дубенскому в рекордные сроки выполнить свою задачу: *«Зимой 1627/1628 гг. эта казачья вольница занималась перевозкой своих припасов из Маковского острожка в Енисейский (а получены они были на два года вперед) и изготовлением судов для дальнейшего пути вверх по Енисею.*

…Как только Енисей очистился ото льда, 9 мая 1628 года отряд двинулся дальше вверх по Енисею. Путь от Енисейска до Казачинского порога составил три недели, сам порог преодолевали две недели. На пороге казаков встретили аринские князцы Татуш и Абытай. Встреча прошла в мирной и даже дружественной обстановке. Инородцы преподнесли русским черемшу, ревень, молоко и мясо. Спустя почти год после выхода из Тобольска, в середине июля 1628 года отряд Андрея Дубенского добрался до устья реки Кача.

Менее чем за две недели, в период с 6 по 18 августа 1628 года, казаки построили малый деревянный острог, который вначале назвали "Новой Качинской Красно́й Острог", а в дальнейшем, с середины XVII века стало употребляться название Красно́й Яр.

Первая отписка от Андрея Дубенского поступила в Тобольск 15 октября 1628 года и содержала сообщение, что постройка острога, согласно данным указаниям, во всех частях выполнена. Казаки сделали всякие укрепления, построили съезжую избу, амбары для хранения воинских и хлебных запасов и дворы. Такая быстрота казалась поразительной, никогда прежде города не строились в несколько недель. Известие об основании города Красноярска оказалось настолько приятно Москве, что государь в специальном указе от апреля 1629 года распорядился выделить всем служилым людям, участвовавшим в возведении острога, кроме положенного обычного жалованья, еще половину их денежных окладов, а также возместить расходы по перевозке грузов из Маковского острога в Енисейск. Кроме того, красноярские казаки освобождались на пять лет от всяких пошлин с купли и продажи».

И все, возможно, было бы хорошо, если бы в дело не вмешался все тот же дальний родственник Дубенского, который и был инициатором строительства Красноярска — Яков Хрипунов, бывший енисейский воевода.

118 января 1627 года царь Михаил Федорович подписал указ о проведении экспедиции на Верхнюю Тунгуску для поиска «серебряной горы». Это была первая сибирская геологоразведочная экспедиция. И, по русской традиции, этот «первый блин» был, разумеется, «комом».

В Московском государстве не было собственных драгоценных металлов и их приходилось выменивать на пушнину за границей, попадая в полную зависимость от конъюнктуры рынка

и международных отношений. Поэтому значимость для страны известия о существования «серебряной горы» трудно переоценить.

А известие о ней пришло оттуда, откуда его некогда ждал Хрипунов:

*«Так, в 1624/25 г. енисейский воевода стольник Яков Игнатьевич Хрипунов послал в Аплинскую и Шаманскую земли пятидесятника **Терентия Савина**, стрельцов **Савву Иванова**, **Казарина Ильина** и толмача татарина **Розгильдея Сеитова**, велел и собрать ясак и выяснить, есть там серебро, где оно находится и какого качества».*

Позже эти люди станут проводниками экспедиции Хрипунова.

Бывший воевода, будучи уже в преклонном возрасте, просил отправить с ним в дальнюю дорогу шурина Микиту Савинова Воейкова, который служил в Разрядном приказе.

Кроме того, в силу военной опасности и важности экспедиции, с Хрипуновым было приказано отправить 150 сибирских служилых людей из разных городов. В очерке И.Л. Маньковой «Экспедиция Хрипунова 1627–1630 гг: первый опыт геологоразведок в Восточной Сибири» весьма подробно сообщается о том, как началась и завершилась эта первая геологоразведка.

По 30 стрельцов, казаков и литвы было набрано в Тобольске, Таре, Березове и Тюмени, 10 человек было из Пелыма и 20 из Сургута.

Все они получили денежное и хлебное жалованье вперед на два года.

20 мая 1627 года Яков Хрипунов прибыл в Тобольск, но экспедиция смогла отправиться в путь только через год — 18 мая 1628 года.

Задержка произошла из-за проблем с финансированием – в Тобольске не было средств, чтобы покрыть расходы на жалованье отряда Хрипунова и строительство в Енисейске для него речного флота.

Но главная проблема была в другом:

«Подготовка экспедиции на Верхнюю Тунгуску в Енисейске совпала с отправкой в Качинскую землю А. Дубенского с отрядом казаков в 400 (300, как выяснилось, на самом деле. — *С.В.*) *человек для строительства Красноярского острога. И все деньги (более 500 руб.), отправленные из Тобольска в Енисейск, судовые снасти, купленные в Великом Устюге для экспедиции Я. Хрипу-*

нова, а также взятые из казны и у торговых людей, были израсходованы на снаряжение отряда А. Дубенского.

<…> В Москве …было принято решение послать необходимую сумму в Тобольск из Казани. Деньги должны были привезти сибирские служилые люди во главе с березовским сыном боярским И. Мокринским, возвращавшиеся из столицы после доставки сюда пушнины» (и таким вот образом мы встречаемся на страницах этой книги с прадедом участника первого похода Владимира Атласова — сыном боярским Иваном Григорьевичем Мокринским. — *С.В.*).

<…> 18 мая 1628 г. отряд Я. Хрипунова вышел из Тобольска. Его путь лежал по Иртышу и Оби до Сургута, вверх по Оби до Нарымского острога, вверх по притоку Кети до Маковского (Енисейского) волока, через него на Енисей до Енисейского острога, вверх по Енисею до Верхней Тунгуски (Ангары), по ней в Аплинскую и Шаманскую земли, которые находились в ее верховьях.

16 июля Я. Хрипунов послал из Нарымского острога в Москву …отписку… Он сообщал, что еще в самом начале пути, когда они шли по Иртышу и Оби, 54 служилых человека из его отряда грабили ясачных татар и остяков: отбирали у них рыбу, жир, обласы, котлы и пологи. 29 июня отряд добрался до Сургутского острога и там Яков решил наказать тех, кто занимался грабежом. Он приказал бить их батогами и посадить в тюрьму. Но служилые "под суд не дались", а пришли "с шумом" к судну Я. Хрипунова, "бесчестили, лаяли матерны и хотели его убить".

<…> За непослушание Яков послал десятников и сотников в сургутскую тюрьму и, "выняв из тюрьма" тобольского стрельца ***Моисейка Русинова*** *и пелымского стрельца* ***Данилка Юрьева****, "хотел бить батоги". Однако тарские служилые люди* ***Митька Новгородец, Игнашка Проскуряк и Любимко Андреев*** *отняли арестантов и не дали их наказать,"всякою неподобною лаяли и за людьми его, Яковлевыми, гонялись с ослопы"* (с дубьем. — *С.В.*). *Сторонники Я. Хрипунова "утекли к нему на судно".*

<…> В его отписке в Тобольск также сообщалось, что тобольские и тарские служилые люди написали "меж себя запись, что им, идучи дорогою, торговых и промышленных людей, которые им навстречу попадутца, грабить" … Лишь сургутские служилые люди "не приставали к тому воровству".

<…> 6 июля в Нарым приехало около 100 торговых людей из разных городов. На берегу под острогом они подверглись нападению и ограблению все тех же служилых людей. Яков жаловался, что служилые опять грозились его убить и ни в каких государевых делах его не слушаются. … К тому же они распродали по городам окладные хлебные запасы и "проигралися зернью". В росписи, присланной в Тобольск Я. Хрипуновым, значилось 67 "приставших к воровству".

Приблизительно в это же время 70 служилых людей, которые заняли сторону Я. Хрипунова, написали в Тобольск челобитную на имя царя о событиях в Сургуте и Нарыме. Они сообщали, что "пытались унимать от воровства" непослушных, но последние хотели "их убить и ножами перерезать" и "вперед грозились убийством".

<…> Во время прохождения отряда по Оби к нему должны были присоединиться 30 служилых людей из Березова. Я. Хрипунов рассчитывал, что это произойдет в Сургуте, но там он их не дождался и ушел в Нарым. А тем временем березовские служилые люди не спешили на государеву службу и занимались грабежом промысловых артелей на Оби. Сургутский воевода, получив об этом сообщение, пытался вернуть награбленное, велел привезти березовских служилых на очную ставку в Сургут, но те ответили людям воеводы: "Буде велено взять их по неволе, и мы де готовы с вами битца"».

Не дойдя до Енисейского острога, Хрипунов отправляет вперед себя своего шурина Воейкова с 12 служилыми людьми, среди которых был и зачинщик грабежей в Сургуте и Нарыме Игнатий Проскуряк.

Вместо поиска «серебряной горы» они занялись поиском пушнины:

«В. Аргамаков писал, что М. Воейков "привез 15 сороков соболей да шуб с 20 собольих". Позже выяснилось, что они захватили силой у князца Болтурина пушнину, приготовленную для сдачи ясака, взамен оставили котлы и оловянные блюда "не повелику". В результате отправленный из Енисейска под Братский порог стрелецкий сотник П. Бекетов не смог собрать ясак».

Но это было еще не все. В Москву ушла челобитная от промышленных людей, которые писали:

«…Микита с товарищи, идучи вверх по Тунгуске, имал покрученников наших с подводы от промыслов силно с ватаги человек по 5 и болше от зимовья до зимовья. А назад идучи по

Тунгуске, тот Микитка и Терентей с товарищи, приворачивая по тем же зимовьям и по усторонным речкам, по зимовьям ходили и для своей безделной корысти дни по два и болши. И покрученников наших оголодели — хлеб и харч объели и с собою имали, да с них же имали силно денгами не ведомо за что рублев по 10 и по 12 с ватаги и болше. И платье грабежом имали. А покрученников били и увечили насмерть. Промышлять стало не за чем, хлеба и харчей нет. А се стали от их побоев увечны и промышлять не могут. И мы стали от Микиты Воейкова с товарищи без промыслов голодны и наги, увечны. А прежде сего государевы люди из Енисейского острога ходят по Тунгуске для ясачного сбора, и с над подвод и кормов не имывали, и обид от них не было».

В 1630 году царь приказывает свернуть экспедицию, убытки от которой росли уже как снежный ком, сброшенный с горы, и начать сыск. Из Тобольска выезжает для проведения сыска сын боярский **М. Байкашин**, но от подъячего Максима Перфильева, прикомандированного к Якову Хрипунову, пришло известие о том, что 13 февраля 1630 года Яков Игнатьевич Хрипунов неожиданно умер.

По версии В. Бахмутова Красноярского Хрипунов покончил с собой.

Вполне возможно, что дело было еще проще — **его, как и обещали не раз, убили его же служилые люди**. Но история об этом умалчивает…

Но мы знаем, как погиб другой человек.

Осенью 1628 г. тобольскими служилыми людьми были доставлены в Маковский острог хлебные запасы для Красноярска. Енисейский воевода Василий Аргамаков по причине отсутствия необходимого количества рабочей силы, занятой на подготовке судов для экспедиции Хрипунова, не сумел организовать их транспортировку до Енисейска.

По другой версии — просто не захотел в отместку Андрею Дубенскому, с которым они во время пребывания Дубенского в Енисейске, не поделили главное место в местной церкви:

«В. Аргамаков отгородил для себя досками место у правой стены церкви, устроив, тем самым, крылос. Позднее это дало повод недоброжелателям обвинять его в устройстве для себя места “по-царски”».

Андрей Дубенский послал в Енисейск за хлебом самого отважного своего атамана — Ивана Кольцова. Но хлеба там не было. И взяться ему уже было неоткуда.

И вины Ивана Елфимовича в том не было никакой.

Но Андрей Дубенский, спрятавшийся от голодной и озверелой толпы красноярских казаков в малом остроге, выставил возвратившегося без хлеба атамана за дверь, как нашкодившего мальчишку, когда тот доложил, что вернулся назад ни с чем — Дубенскому очень хотелось отвести беду от себя.

И озверелая голодная толпа набросилась на своего атамана, чтобы выместить на нем всю свою накопившуюся злобу и отчаяние…

Его зверски избили, а потом утопили в Каче.

Вот как сообщал об этом Герард Миллер:

«Атаман Иван Кольцов …возвратился тогда из Тобольска через Енисейск с деньгами для раздачи жалованья. Его обвиняли в том, что он не сделал для продвижения хлебных запасов всего, что было в его власти; за это он поплатился своею жизнью. Во время свалки его убили на торгу, а тело его было брошено в Качу. После этого собралась партия служилых людей в 50 человек, которые обратились к воеводе Дубенскому с просьбой отправить их в поход по реке Тунгуске против бурят, а перед тем разрешить пойти в Енисейск взять там необходимые для дороги запасы. Вскоре после того, как они получили просимое разрешение, через крестьян, державших их сторону, в Енисейске сделались известными истинные намерения красноярских служилых людей: они хотели мстить енисейскому воеводе и всех, кто стал бы им сопротивляться, убить, города разграбить, то же сделать в Маковском, а самим по Оби, через Березов, бежать на Русь».

И еще подробности:

«Дубенский принял у него (Кольцова. — *С.В.*) *деньги, а самого из съезжей избы “выслал вон”. После этого казаки **Офонька Путимец**, **Федька Псковитин**, **Ивашка Халдей**, **Онашка Васильев** “с товарыщи”, возложив на атамана вину за то, что в острог не были доставлены хлебные запасы, “от съезжие избы Ивана Кольцова поволокли на площадь, били его ослопы и поволокли за острог и, убив до смерти, вкинули в Качу реку”. Добил полуживого Кольцова ударом кочерги **Семенка Елисеев сын Серой**».*

Историки пишут, что Андрей Дубенский напутствовал отправившихся на окрестный погром своих подчиненных такими вот словами: *«Я вас не унимаю, но и не отправляю»*. Но на самом деле, скорее всего, он был просто несказанно рад, что большая часть разбойных красноярцев просто уйдет из острога, куда подальше…

В первых числах июля 130 красноярских казаков внезапно появились у стен Енисейского острога. По плану, разработанному красноярцами, несколько их человек должны были проникнуть в острог под каким-либо благовидным предлогом и, напав на караул, открыть ворота. Однако енисейская администрация, предвидя от своих информаторов такой поворот событий, сумела подготовиться: позволила нескольким бунтовщикам войти, после чего их разоружили и арестовали. Среди захваченных оказались лидеры красноярцев пятидесятник **Афонька Путимец** и десятник **Федька Псковитин.**

Когда красноярцы пошли было на штурм крепости, по ним ударили из четырех острожных пушек и всех пищалей.

Пришлось уходить, не солоно хлебавши. И оставалось единственное — грабить туземцев и тех, кто встречался на их пути — прежде всего промышленников и торговых людей Енисейска, которые жили на посаде и не были защищены острожными стенами.

Выборными атаманами воровского войска стали **И. Носко** и **О. Васильев**.

Но на Ангаре, выше устья Илима, куда они было сунулись, была зона интересов другой такой же воровской группировки под командой Микиты Воейкова в устроенном ими Усть-Илимском зимовье.

Красноярцы пограбили бурят, трижды сталкиваясь с ними в боях и захватили большое количество еды, пушнины и ясыря – прежде всего женщин. Но зимовать они вынуждены были отправиться в Енисейский острог.

Сюда же прибыли со своим военным трофеем и самовольно отделившиеся от основных сил тобольские казаки из отряда Я. Хрипунова.

Сменивший Василия Аргамакова князь Семен Шаховской конфисковал ясырь, но никакого наказания «за воровство» не последовало — воровство здесь было уже за обычай:

«Надо отметить также, что енисейцы не оставались в долгу у своих конкурентов и действовали, не дожидаясь указа из Москвы. Если “заворовавшие” красноярские казаки двинулись на Ангару в

отдаленные районы, то енисейские служилые люди действовали в другом направлении, под носом у красноярского воеводы. Уже в 1629 г. его основатель Андрей Дубенский жаловался тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому, что по приказу енисейского воеводы Василия Аргамакова сотник П. Бекетов собрал ясак с Братской земли (вероятно, имеется в виду район р. Ия — Уда), назвавшись служилым человеком Качинского острожка (так в первые годы называли Красноярск). В том же году красноярский воевода сообщал А. Трубецкому о том, что в одном из улусов на р. Кан через месяц после сбора ясака красноярскими казаками повторно собирал ясак енисейский толмач, который сбежал, узнав, что в улус идут красноярские служилые люди.

Зимой 1629/1630 гг. отряд енисейских служилых людей во главе с атаманом И. Галкиным совершил поход на князца Сота, кочевавшего где-то между верховьями Усолки и Каном. Видимо, об этом походе писали в Москву красноярцы: “…тех государевых ясачных людей побили 20 человек до смерти и многих перерани-ли… и многих улусных людей повоевали, и жон и детей в полон поимали, и животы их пограбили, и до основания разорили… и государев недоборный ясак пять сороков взяли”».

Ненависть енисейцев к красноярцам достигла такой степени выражения, что даже Москва пошла у них на поводу, поверив в то, что Красноярский острог ничего кроме убытков и вреда приносить не может, и приказала перевести 202 красноярских служилых в Енисейск и 101 — в Томск, ставший в 1639 году главным городом Томского разряда, которому подчинялся и Енисейск. В 1630 году 150 человек были переведены в Енисейск, и бывшие красноярские служилые начали обживаться на новом месте, обзаводясь хозяйством.

Но тут произошел всплеск негатива инородцев, накопленного в результате грабежей и насилия со стороны красноярских и хрипуновских служилых, который был обращен непосредственно на Енисейский — центральный и незащищенный уже с тыла — острог.

И тогда сразу всем стала ясна заградительная и очень важная роль Красноярска для защиты, прежде всего, самого Енисейска, которую определил ясновидящий Яков Хрипунов.

И поступил приказ о возвращении красноярцев обратно. Но они уже были на службе в Енисейске, почему в отрядах енисейских казаков на Лене так часто встречаются имена красноярцев.

И только в 1633 году, когда енисейский гарнизон пополнился 200-ми новыми переведенцами из Тобольска и Березова, большинство красноярских казаков смогло вернуться в свой острог.

*«Однако на этом проблема конкуренции за "новые землицы" между Енисейском и Красноярском не закончилась. Несколько притихнув, через двадцать лет она разгорелась с новой силой. 26 октября 1653 г. находившиеся в Удинском острожке (ныне — Нижнеудинск) красноярские годовальщики во главе с пятидесятником **М. Ярлыковым** совершили настоящий военный поход на прилегавшие к Братскому острогу ясачные волости Енисейского уезда. Во время этого похода красноярские казаки убили нескольких ясачных бурят, захватили в плен енисейских ясачных сборщиков и, ограбив их, насильно повели с собой в качестве проводников.*

*Основавший незадолго до этого Балаганский острог енисейский сын боярский **Дмитрий Фирсов** послал к Ярлыкову людей, требуя вернуть награбленное, но тот и не думал возвращать, приказав стрелять по енисейцам из пищалей. Наглая выходка красноярцев возмутила Д. Фирсова, и находившиеся в Балаганском остроге енисейские служилые люди выступили в поход, итогом которого стала осада Удинского острожка: "Приступали накрепко, а бою де с ними было на целый день". Позднее, в марте 1654 г. Д. Фирсов уже из Енисейска отправил в Москву отписку об этом происшествии».*

И последнее — чем в конечном итоге закончилась экспедиция покойного Якова Хрипунова:

«Весной 1630 г. отряд, теперь уже под руководством М. Перфильева (который был на службе у Хрипунова), приехал в Енисейский острог и собирался двигаться дальше в Тобольск, но воевода С. Шаховской велел забрать у них все военное снаряжение. Однако служилые люди не подчинились и "наряда" не отдали. Тогда воевода прислал к их судам около 600 стрельцов, торговых и промышленных людей и пашенных крестьян с луками, пищалями и рогатинами. Они "сбили с судов" служилых людей, захватили вооружение, меха, собранные в братских землях, а также все то, что Я. Хрипунов вез на подарки тунгусам. …Так бесславно завершилась экспедиция по поиску серебра на Верхней Тунгуске».

Иван Елфимович Кольцов, вполне вероятно, был человеком не случайным для назначения его атаманом одной из красноярских сотен. В 1617 году в составе березовских казаков упоминается Иван Кольцов, что позволяет некоторым историкам сделать следующее заявление: «В числе березовцев, которые в 1617 г. очутились в Москве, находился Иван Кольцов (Малов 2015…). Это обстоятельство, между прочим, заставляет скептически отнестись к мнению (Бродников 2008) о том, что красноярский атаман Иван Кольцо был сыном одного из ближайших соратников Ермака. (С.В. Бахрушин, кстати, предполагал, что сибирские служилые люди Кольцовы были потомками "ермакова атамана"» (см.: Миллер 2000…).

В Сибири, как известно, служили выходцы из самых разных регионов России — и донские казаки Аргуновы, и рязанцы Мокринские, и так далее.

Как мы уже писали, Иван Елфимович прибыл в Сибирь с сыновьями Милославом, Родионом и Никифором.

В Переписи города Красноярска и его окрестностей за 1719–1722 год мы находим следующие сведения о потомках погибшего атамана:

Атаман Родион Иванов сын Кольцов, живет в деревне Милославовской, сын Федька 17 лет.

Двор пешего полку сотника Федора Кольцова — 60 лет, сын Федор — 20 лет.

Яков Милославов сын Кольцов, живет в селе Ясаулово, у него брат его Гаврилко 7 лет.

Пути Господни неисповедимы — и имя Гаврилы Кольцова мы встречаем также в списке служилых людей, которые шли в составе отряда Осипа Миронова Липина на Камчатку, но вынуждены были временно задержаться «за немочью» в Анадырском остроге.

«Позже часть казаков, "которые шли с нами в прошлом 712 году, июня в 18 числе, подсмотрели воровских прежних изменников и убойцов, немирных иноземцев Каменного острогу" и пошли "призывать их под высокую государственную руку" во главе с Кондратием Львовым, который сообщал позже Колесову, что «и на том бою служилых и промышленных и новокрещеных людей побили 9 человек" В том числе был убит и Гаврила Кольцов…»

1641 год. Киргизский поход Якова Тухачевского

Мангазейский воевода Яков Остафьевич Тухачевский умер 17 сентября 1647 года — через шесть недель после вступления в должность.

Из Тобольска расследовать эту неожиданную и — главное! — подозрительную смерть были направлены письменный голова А.Т. Стекорин и подъячий Я. Иванов. Но и главный сыщик Стекорин столь же неожиданно скончался…

Кто и за что мог погубить Тухачевского?

Судя по той характеристике, которую ему дает доктор исторических наук Д.Я. Резун в своей книге «Родословная сибирских фамилий», это был весьма положительный человек:

«В ряду по-своему талантливых натур по праву стоит Яков Остафьевич Тухачевский. Родился он где-то в 80-х годах XVI в., в то время, когда строились первые сибирские города; умер в Мангазее в июле 1647 г. По месту рождения был "смолянин", но не из самого города Смоленска, а из смоленских земель. Его отец, Остафий, мелкий феодальныый землевладелец, имел небольшое поместье и холопов. Сын его Яков рано окунулся в беспокойную жизнь на западных рубежах Московского государства, испытав немало горя и радостей. Первая его семья погибла при осаде Смоленска поляками. Сохранилось письмо его жены Матрены из осажденного Смоленска.Это, конечно, не плач Ярославны, а письмо простой русской женщины, которая все вынесет, лишь бы дети и муж были здоровы: "Государю моему Якову Остафьевичу жена твоя Мотрена челом бию. Буди, государь мой, здрава на многие лета; а про меня, государь мой, пожалуешь ппохочешь видати, и я у кручины одва жива по девятое число, а сидим в осаде пятую неделю: и ты, государь мой Яков Остафьевич, помни закон, не покинь у бедности и домов своих не выдай; а не завезли с собой хлеба нисколько… и нам помереть голодною смертью…".

Яков Тухачевский был участником многих событий Смутного времени (начала XVII в.), и это отложило отпечаток на его горячую личность. Как можно судить по одному документу, Тухачевский якобы служил почти всем "ворам" русского престола — "царевичу" Петру, т. е. И. Горчакову, сподвижнику И.Б. Болотникова, Лжедмитрию I, казачьему атаману И. Заруцкому. Подъячий Д. Огарков, недруг Тухачевского, назвал его даже "Маринкиным сыном" (т. е. Марины Мнишек, жены сначала Лжедмитрия I, а

затем и Лжедмитрия II): якобы "выблудили де тебя казаки у Маринки у Ростригины". Служил он и в войске В. Шуйского, затем в ополчении Д. Пожарского, пока не присягнул новому царю Михаилу. Но это не помешало ему в сентябре 1618 г. вместе с бунтовщиками стрельцами и казаками ворваться в кремль и "громко лаять бояр", требуя выплаты жалованья, причем документы называют Тухачевского в числе главных "заводчиков".

По всей вероятности, это обстоятельство как-то повлияло на то, что уже в 20-х годах Яков Тухачевский в чине сына боярского оказался в Тобольске. И хотя Сибирь 20-х годов — это уже не казачье "ополье", но время было достаточно яркое и беспокойное. Здесь Тухачевский постепенно обрастает новыми связями и недругами. При этом друзья его были известными личностями в тогдашнем служилом мире Тобольска: есть сведения, что наш герой был хорошо знаком с Ульяном Ремезовым, человеком неординарной натуры. Все это способствовало карьере Тухачевского, пусть не блестящей, но все же карьере, постепенному повышению в чинах, должности и окладе. Уже в 1631 г. он командует русским отрядом почти в 900 человек в боях против мурзы Тарлачки, с боем взял Чингис-городок (в районе современного села Чингисское Ордынского района Новосибирской области). Но именно эта победа, выдвинувшая Тухачевского в число заметных военных и дипломатических деятелей Сибири, и послужила зародышем его последующих неприятностей. В отряде вспыхнула смута, суть ее заключалась в том, что казаки требовали полного разгрома Тарлачки и его союзников, взятия их "животов", т. е. имущества "на себя". Тухачевский же стремился победить неприятеля, не озлобляя его, и склонить Тарлачку к "шерти", т. е. присяге русскому царю. Поэтому воевода сдерживал казаков, не пускал их "в разгон", вел переговоры с осажденными, а когда служилые люди по собственной инициативе "скопом" взяли штурмом городок и Тарлачка погиб в бою, Яков Тухачевский взял у казаков "погромные миткали да епанчу белую и того Тарлавка те миткали велел обвив похоронить и над его могилою лошадь велел резать и поминать, а служилым людям около могилы велел стоять с ружьем" и отдать последние воинские почести побежденному противнику.

Следующим фактом биографии Тухачевского было назначение его главою посольства к Алтын-хану в 1634 г. О том, какое значение придавалось правительством этому посольству,

можно судить хотя бы по тому, что Тухачевскому перед этим было пожаловано звание дворянина, а сам выбор его в качестве главы посольства сделан центральной властью вопреки томским воеводам, по представлению Тобольска. Можно не сомневаться, что такие качества Тухачевского, как осторожность, дипломатичность и вместе с тем известная твердость, и определяли выбор Тобольска. Но и весь состав посольства подобрался вполне "подходящим"… Туда было включено немало казаков, уже хорошо знавших дорогу в улусы Алтын-хана и не упускавших случая развернуть свою предпринимательскую деятельность. Так, например, Иван Вяткин со своими братьями активно занимался торговлей с местными народами Причулымья, а его брат Дмитрий даже подавал челобитную с просьбой отпустить его для торговли в Китай. Другой участник посольства, сын боярский С. Перепелов, впоследствии участвовал в посольстве Ф. Байкова в Китай. Колоритной фигурой был и первый помощник Тухачевского подъячий Дружина Огарков. Но что уж это время богато на колоритные фигуры, но перед этой невольно пасуешь: в свое времяна Руси Огарков "заварил" такое дело, что, как это бывало нередко у нас в стране, чтобы отвязаться от него, ему дали отличную характеристику и с повышением в должности отправили в Томск. Но и здесь он не угомонился и оказался героем многих скандалов. Забегая вперед, скажем, что и на Тухачевского Огарков объявил "государево дело". Следствие по этому делу длилось около двух лет, и в конце концов, на радость многих казаков, кляузный подъячий был бит батогами и посажен в тюрьму. Но и на этот раз он не успокоился и стал закидывать Москву жалобами уже на томских воевод. Дело опять завершилось обычным путем: чтобы отделаться от него, томские власти выдали ему хорошую характеристику и в 1651 г. Огарков уже в новом чине сидел на должности в Вологде.

Вот в таком окружении и действовал Яков Тухачевский. Посольство сумело уладить ряд пограничных вопросов и склонить хана к дружественной позиции по отношению к России. И здесь причиной раздора Тухачевского с Огарковым была дипломатия: подъячий настаивал на более жестких переговорах с Алтын-ханом с позиции силы, Тухачевский же, более реалистично смотревший на вещи, старался проводить политику частичных компромиссов, решая главную задачу — склонить Алтын-хана к

"шерти" русскому царю, установить в порубежных землях такой порядок, чтобы русские и мунгальские люди друг к другу свободно ездили и "меж собою всякими торгами торговали", расширить личные контакты между населением вплоть до брачных союзов.

Успех посольства продвинул Тухачевского вверх по служебной лестнице, и он назначается вторым воеводой в Таре, а в 1641 г. уже первым воеводой в Киргизском походе. Поход этот сыграл свою роль в укреплении русских южных рубежей, и до сих пор общим памятником воеводе и казакам, сложившим свои головы в Киригизской "землице", стоит город Ачинск. Но во время этого похода в отряде опять приключилась "смута и настроение", весьма похожие на события ппод Чингис-городком. И опять же причиной конфликта стало несовпадение интересов казаков и дипломатии воеводы. За время конфликта обе враждующие стороны — казаки и Тухачевский — исписали столько бумаги на челобитья и кляузы, что по современным меркам этого количества вполне хватило бы на получение нескольких талонов на "Трех мушкетеров".

В конце концов наш герой оправдался и получил повышение — был назначен первым воеводой в Мангазею. Этот русский заполярный город в 1640-х годах переживал эпоху своего второго расцвета и по всем меркам XVIIв. Был "золотым дном" для предприимчивых людей. Некоторые воеводы вывозили на Русь пушнины и товаров на такую сумму, которая равнялась годовому бюджету иного западноевропейского государства! Но уж очень беспокойная (это самая мягкая характеристика) публика населяла Мангазею: промышленная вольница, не признающая никаких хозяев, кроме своих работодателей, да и их не особенно жалующая; служилые люди, активно занимавшиеся торгами и промыслами; приказчики крупных купцов и остальная масса торговцев, крепко спаянных своей корпоративной системой и имевших в Москве влиятельных ходатаев и заступников… И вот здесь Тухачевский попал между молотом и наковальней. В первый же год он оказался втянутым в раздор между "мангазейскими всяких чинов" людьми и таможенными головами, причем на стороне последних. Финансовые органы никогда не пользовались на Руси осбым уважением и любовью, и это привело к тому, что мангазейский "мир", яростно ополчась на воеводу, стал писать на него обширные челобитные, обвиняя

его во всех смертных грехах. Челобитья возымели действие, и из Тобольска прислали "сыщиков". Но в разгар сыска неожиданно умирает главный "сыщик" и сам воевода. Так история поставила последнюю точку в запутанной и сложной биографии Якова Остафьева Тухачевского, человека, верой и правдой закладывавшего со своими друзьями и недругами основы русской Сибири».

* * *

Но, видимо, почувствовав, что он явно перебарщивает с созданием положительно образа Якова Тухачевского, Д.Я Резун, добавляет и несколько капель «дегтя» в «бочку с медом»:

«Рассказывая о том, как в Киргизском походе на Кузнецкой дороге казаки его "били и лаяли", Тухачевский сравнивает их с "алчными псами", набросившегося на пророка Иезекию».

«Типичный представитель своего времени, он не упускал случая увеличить собственное имущество, идя подчас на риск утайки добычи от «государева ока». Но это, в общем, были скромные утайки — другие воеводы, а в XVIII в. такие люди, как "светлейший" князь Д. Меншиков, утаивали от казны почти миллионные состояния. И здесь Тухачевскому были присущи определенная осторожность и тонкий расчет цены сегодняшнего и будущего дня. Недаром от отчитывал подъячего Огаркова, который, поддавшись соблазну "подработать" на контрабанде во время посольства, рисковал "и дело государево", "и казну государеву", "и награду государеву завалить"».

«…весь опыт Смутного времени не прошел даром, и Тухачевский, как и его противники, прекрасно владел искусством социальной демагогии, обличая своих недругов в различных "неправдах". При этом, сам выходец из "худородных людишек", он проявляет порой завидное классовое предвидение борьбы. Напомним, как, описывая "безчинства" бунтовщиков в Киргизском походе, Тухачевский совершенно правильно ставил перед московским правительством вопрос о том, что если казаков сейчас "не унять, то они всех воевод из Сибири вышибут"!».

Картинка, в изображении Д.Я. Резуна, получилась на редкость идиллической для Сибири первой половины XVII столетия, но автор при этом так и не ответил на главный для нас вопрос: за что же мангазейцы убили своего первого воеводу?

И такой ли на самом деле он был правильный и хороший, каким его представляет нам Д.Я. Резун?

Смутное время, даже по оценке Д.Я. Резуна, выявило его полную беспринципность.

В 1618 году он подтвердил, что клеймо «предателя», «клятвоотступника», «вора» и «Маринкина сынка» (то есть выкормыша Марины Мнишек, жены ЛжеДмитрия) вытравлено на его историческом челе справедливо.

В 1634 году, как пишет в своей статье «Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в Монголию в 1634 году» А.Н. Милюков («Молодой ученый», №9, 2011 г.), Яков Остафьевич и члены посольства (**«Томсково города сын боярской Лука Васильев, да Томсково ж служивые люди десятник Семейка Иванов, Семейка Щепеткин, Васька Бурнашов, Ивашко Павлов, Митька Вяткин, Тимошка Серебреник, Ивашко Кудров, Гришка Тюменец, Стенька Мельников, Ортюшка Завьялов да толмач Федька Федоров»**), преследуя свои личные цели, не выполнили царского указа и дали ложные показании в отношении **Дружины Огаркова**.

«Хотя Яков Тухачевский и привез "шертную" грамоту от Алтын-хана, ставившую монгольского князя в зависимость от московского царя, но некоторые обстоятельства делали этот документ не очень убедительным. На данном документе отсутствовала личная подпись Алтын-хана, да и долгие споры и препирательства по поводу формы присяги говорили о непрочности вассальных отношений. Об этом же говорилось в статейном списке Дружины Огаркова, который был подан отдельно. В нем Огарков опровергал утверждение Тухачевского об удачном выполнении задачи посольства и доказывал, что с Алтын-ханом был заключен союзный договор. По всей вероятности, Дружина Огарков более правильно понял основную суть навязанного монголами обряда принесения присяги. Так в своем статейном списке он пишет: "И по своему изволу, а не по государеву указу, велел он, Яков, толмачю Алтына-царя табуном говорить, чтоб им табуном, за Алтына-царя и за себя и за всю ево Алтына-царя орду дать шерть на том: Алтына бы царя орды людем женитца у руских людей, а руским бы людем против того женитца у них, мугальских людей, и меж бы себя всяким торгом торговать, мугальским людем с торги приходить под государевы городы и остроги, а государевым бы людем к ним в Мугальскую землю с торги приходить. На том бы оне, табуны, и шерть свою дали"».

А вот и вывод:

«Следует заметить, что подобное может предложить лишь равный равному при заключении дружественного договора. Все эти обстоятельства в большей степени подтверждают обвинения Д. Огаркова в адрес Я. Тухачевского. На мой взгляд, нет сомнений в том, что Огарков с самого начала работы посольства более правильно понимал позицию монгольской стороны. Однако, по каким-то причинам, Якова Тухачевского не наказали за невыполненную работу. Есть сведения, что примерно через год он стал воеводой одного Сибирского города, а Дружина Огарков более года пробыл в тюрьме».

Добавим к этому — Тухачевский со своими единомышленниками пытался всячески воздействовать на Дружину Огаркова, чтобы он отказался от своих обвинений. Дело кончилось тем, что Дружину бросили одного в степи без воды и еды. Он чудом остался в живых…

А потом его дружно всем «томским скопом» оговорили и посадили в тюрьму.

После этого случился Киргизский поход, в котором воеводу Тухачевского вверенные ему казаки не только «облаяли», но и самого с малым отрядом верных ему людей бросили в степи, избив, но не убив…

Д.Я. Резун во краю угла этого казачьего бунта ставит вопрос о наживе — военных трофеях, в том числе и ясырях (пленных).

Последующие события показали, что возвратившиеся из Киргизского похода в Томск тобольские, тюменские, тарские и томские казаки, якобы предавшие Тухачевского, вдруг, став «послушными ягнятами», безропотно подчинились сменившему Тухачевского томскому воеводе **Ивану Кобыльскому** и безукоризненно выполнили задачу, поставленную перед ними в прошлом году.

Так что причины конфликта были гораздо глубже, нежели те, о которых пишет Д.Я. Резун, — Тухачевский пытался противопоставить казачьему самоуправлению собственную волю. Именно поэтому он истерично восклицал в восторженном очерке Д. Резуна: «*…если казаков сейчас “не унять, то они всех воевод из Сибири вышибут”!*».

А если точнее, то Тухачевский как раз и понимал смысл происходящего и его настоящий призыв звучал гораздо более устрашающе и угрожающе: «: **«А только, государь, таким ворам и**

бунтовщикам не будет твоего государева указу в их воровстве, бог видит, государь, и воевод из Сибири выгонят…» (выделено мной. — *С.В.*).

Томск, куда стягивались казачьи подразделения для Киргизского похода из Тары, Тобольска, Тюмени, был вольнолюбивым, а потому и весьма строптивым, городом:

«Служилые люди своими челобитьями всячески задерживали поход; торопились же с походом сам Тухачевский и томская администрация, которой пребывание в городе нескольких сотен служилых людей, официально не подчинявшихся им и фактически не подчинявшихся никому, весьма осложнило положение в городе, и без того достаточно напряженное. Среди служилых еще не забылось, как в 1633–1634 гг. в Томске велся розыск о злоупотреблениях первых томских воевод; как в 1635 г. “литва” устроила заговор; как в 1637–1638 гг. вспыхнул “бунт” служилых. Кроме того, уже в 1640 г. возникло судебное дело по обвинению второго томского воеводы И. Кобыльского в “грабежах и разбоях”…».

Что предшествовало казачьему бунту:

*«15 июля отряд пришел “на урочище на верх Уйбату на остани к Кузнецкому острогу”. Встал вопрос — куда идти дальше? И тут кузнецкий пятидесятник **Куземка Володимеров** сказал, что с этого места до Кузнецка всего шесть дней пути, причем идти “крепкими местами”, и киргизы не смогут учинить “никакого дурна”. Служилые люди тогда били челом воеводе, чтобы идти на Кузнецы, оттуда в Томск, где, мол, получив новое хлебное и денежное жалованье, порох и свинец, сменив коней, можно было бы опять пойти “на государеву службу” в Киргизы. Но Тухачевский “челобитья нашего войскового не принял… и войско покиня на урочище на Уйбате, не порасмотрев нашей нужи, **взяв с собою лучшую мягкую погромную войсковую рухлядь**… от войска прочь отъехал…”. Естественно, служилым ничего не оставалось другого, как идти на Кузнецы “с великим бережением”»* (С.И. Толстов, Освоение русскими людьми асиновской земли в 17–19 вв. // Земля асиновская. Томск, 1995).

«3 сентября 1642 г. в Томск из Киргизской земли пришел татарин Албан от князца Ишея за женами и детьми, которые были захвачены казаками в “полон”. Услышав, что приехал посланец Ишея за “ясырем”, служилые люди “забунтовали” и объявили, что если весь ясырь и полон назад отдать, то тогда они

“в конец” погибнут. Безусловно, эти настроения сбежавших от Тухачевского служилых людей находили широкий отклик среди всего томского гарнизона, ибо касались одной из существенных привилегий всего служилого сословия. Для томской администрации самым лучшим выходом было бы поскорей отправить всех этих “воров” обратно к Тухачевскому, что не раз уже предписывала Москва. При этом о каком-нибудь наказании для них даже и речь не шла. 7 августа 149 г. томские воеводы, вскоре после событий на Кузнецкой дороге, собрали всех сбежавших казаков и попытались их уговорить. Но собравшиеся повторили свои показания и под конец категорически заявили, что “и впредь де им служилым людям твоей государевой службы с воеводой Яковом Тухачевским служить невозможно”. Тогда томские воеводы решили 33 “пущих воров и заводчиков” посадить в тюрьму, как этого требовала Москва, но сбежавшие служилые люди “лаяли” их и заявили: “волен де в том бог да ты великий государь: вели де посадить в тюрьму всех, а не выбором.., а с воеводой де Яковом Тухачевским нам не служивать и не хаживать”, а иначе, — добавляли уже томские воеводы, — все служилые “разбредутся по своим городам”» (В.С. Синяев К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Труды Томского областного краевед. музея. 1956. Т. 5. С. 78–88).

Томская власть, встретившись с таким единодушием, «их в Томской пустили и дворы им велели дать» под жилье и постой.

Тухачевский посягнул на святое — на право казаков САМИМ решать, как выполнять поставленную перед ними царем задачу, как распоряжаться военной добычей.

И это свое право они будут защищать повсеместно до тех пор, пока царь Петр, задолго до большевиков, не начнет ломать и крошить на Руси казачество: и традиции, и само сословие — все то, что складывалось веками…

О казачьем самоуправлении написано немало. И мы еще не раз столкнемся с различного рода конфликтами, причинами которых и будет посягательство воевод и всевозможных начальников на право казаков САМИМ решать, как им действовать и жить…

А с ясырем они поступили так, как решили сами. Вот, что писал позже по этому поводу воевода Иван Кобыльский:

«Да прошлом же, господа, во 1642-м году по государеву указу велено ис Томского мне, Ивану Кобылскому, итти на государеву

службу на кыргыз с служивыми людми, которые были на государеве службе с воеводою с Яковом Тухачевским. И я, господа, с ратными людми на кыргыских людей ходил и кыргыских людей войною смирил и под государеву царскую высокую руку и к шерти их привел и аманатов в Томской взял. А на уговоре господа, у них было которой кыргыской полон взял у них воевода Яков Тухачевской с ратными людми и тот полон отдать им на выкуп, а продавать ево и крестить не велет. И тобольские, господа, и тюменские, и тарские служилые люди ис Томского отпущены по своим городам, а с собою увезли много кыргыской ясыр без государева указу».

Что же касается Мангазеи и убийства Тухачевского — дело здесь, безусловно, темное.

Через Мангазею в этот период, как справедливо пишет Д.Я. Резун, проходили несметные пушные богатства – освоение Лены с юга, из Енисейска, только еще набирало обороты, поэтому промысел ленских соболей из Туруханска приносил немыслимые барыши, которые проходили «мимо кассы» — мимо государственной таможни, не обогащая при этом ни самих таможенников, ни, тем более, воевод…

Д.Я. Резун, понимая, что его герой не столь «бел и пушист», каким он получался под незатейливым пером автора, в конце концов, вынужден дать весьма нелицеприятную характеристику Якову Остафьевичу, упрекая его в некой слабости: *«…он, — цитируем, — не упускал случая увеличить собственное имущество, идя подчас на риск утайки добычи от “государева ока”».*

И встал на пути других, таких же, как и он, воров, как в Киргизском походе… И на этот раз его не пожалели и с ним не посчитались…

* * *

История, в том числе и родовая история, повторяется…

Имя маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского, героя гражданской войны, навечно вписано в историю нашего государства. О его полководческих талантах будут говорить и спорить во все времена, пока в мире будет существовать искусство воевать.

Но он прославился не только этим. Он прославился своей бесчеловечностью, беспощадностью и безжалостностью к своим врагам, хотя этими врагами были его собственные соотечественники.

Именно он был палачом восставших в Кронштадте матросов.

Именно он отдал приказ о подавлении бунта тамбовских крестьян № 0116 от 12 июня 1921 года:

Приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальнику боевых участков настойчиво и энергично выполнить настоящий приказ.
4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский,
Начальник штаба войск Генштаба Какурин.

* * *

Не случайно ведь говорят специалисты по генеалогии, что судьба каждого человека во многом предопределена историей своего рода…

Тухачевские были из смоленских дворян. Их жизнь проходила на границе «водораздела» двух миров — Московского Великого княжества и Великого княжества Литовского. И в том далеком прошлом Тухачевские в результате тех или иных военных операций, когда Смоленск и смоленские земли входили в состав то одного, то другого княжества, постоянно меняли своих «хозяев», а вместе с ними — и свои принципы…

Это касается даже и их фамилии. В родословных книгах дворян Тухачевских записано: *«В XV веке при Василии II Темном отличился представитель седьмого поколения Богдан Григорьевич, за что был пожалован селами Скорино и Тухачевым Серпейского уезда, а также волостью Тухачевской (станом) с деревнями в Московском уезде и прозван Тухачевским».*

Но есть и совершенно другое мнение по этому поводу:

В «Духовной грамоте» великого князя Ивана Даниловича Калиты 1327 г. мы читаем:

«А се дал сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунижское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Шитов, Перемышль, Растовец, Тухачев». Иными словами, Тухачев был в 1327 г. передан во владение сыну великого князя Андрею Ивановичу, кото-

рый передал Тухачевск по наследству своему сыну серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму, известному и отважному соратнику Дмитрия Донского в Куликовской битве. Лишь после смерти потомков Владимира Андреевича Серпуховского в 1504 г. великий князь Иван III по своей "Духовной грамоте" передал "сыну же своему Юрью город Брянеск с волостьми. Да ему же даю город Серпейск с волостми и со всем, что к нему потягло, и волости Замошье, Тухачев". Князь Юрий Иванович умер в 1536 г. бездетным. Таким образом, лишь после его смерти Тухачев мог получить во владение еще кто-либо. Иными словами, передача Тухачева, Тухачевского стана, Тухачевой волости Богдану Григорьевичу, получившему оттого прозвание Тухачевский, могла произойти не ранее 1536 г., т. е. лишь в первые годы правления Ивана IV. Уместно потому предположить, что родовая легенда удревняет первого представителя самой фамилии Тухачевских с первой половины XVI в. до середины или даже до начала XV в.».

То есть, это явная генеалогическая подтасовка…

И далее:

«…на польское происхождение этой фамилии, несмотря на ее звучание, никаких прямых указаний нет. Не обнаружено и польских, польско-литовских или западнобелорусских, западноукраинских населенных пунктов с названием, которое могло бы послужить основой для этой фамилии. Достоверно, однако, то, что уже к 1613 г. Тухачевские ***не владели*** *ни Тухачевом, ни Тухачевской волостью. К этому времени они уже считались "смоленскими детьми боярскими", впрочем, утратившими свои смоленские вотчины и поместья, полученные, очевидно, за службу от царя московского после присоединения Смоленска к Московскому государству (в 1514 г.)».*

А вот и продолжение этой истории:

«После же потери Смоленска в 1611 г., а вместе с ним и своих поместий в Смоленском уезде оставшиеся верными русскому царю Михаилу Федоровичу "смоленские дети боярские", в частности Яков Остафьевич Тухачевский и Григорий Игнатьевич Тухачевский, получили от царя взамен, "на службу", поместья в других уездах. К этому времени существовали две ветви этой фамилии, на которые она разделилась при сыновьях Богдана Григорьевича Тухачевского.

Одна из них, в лице… сына боярского Якова Остафьевича (Евстафьевича, Остаповича) Тухачевского (фигурирует в доку-

ментах 1613–1639 гг.), получила при царе Михаиле Федоровиче в 1625 г. многочисленные поместья и вотчины в Кинешемском (в районе Кинешмы), Московском и Костромском уездах. Эта ветвь пресеклась к 1736 г. после смерти Гаврилы Осиповича Тухачевского и его сына Андрея Гавриловича. Все земельные владения, которые за ними остались к этому времени, унаследовали представители другой и отныне единственной ветви Тухачевских, к которой и принадлежал маршал Тухачевский».

* * *

Нас сейчас интересует именно Яков Остафьевич (Евстафьевич, Остапович) Тухачевский, который, судя по другим историческим исследованиям, не выглядит столь благородно, как он представлен выше.

Евгений Евсеев, в историко-краеведческом сборнике «Омская старина» опубликовал очерк «Воевода Тухачевский» (Омск, 1995. — Вып. 3. — С. 17–28), в котором дает иную, нежели Д. Резун, оценку этой, безусловно весьма колоритной, исторической личности.

Первый вопрос: где и в какой роли он начинал свою воинскую службу на благо нашего Отечества?

«Что же касается служилого человека “по отечеству” Якуша Тухачевского, то о начале его военной карьеры нам известно следующее. Служить начал уже во втором десятилетии XVII века в казачьих отрядах небезызвестного авантюриста Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие на стороне разных политических сил: и в восстании Болотникова, и польских интервентов Лжедмитрия I, и “тушинского воренка” — сына Марины Мнишек… Конец его был трагичен. В 1614 году бежал на казачий Яик, был схвачен, посажен на кол.

По молодости лет Якуш, естественно, не играл серьезной роли во всех этих военно-политических событиях. В одном документе Сибирского приказа о нем даже так выразились “…казаки выблудили его у Маринки Росстригиной” (жены Лжедмитрия I. — Е.Е.). Позднее, уже в период его сибирской службы, под горячую руку, в скандальных ситуациях, ему напоминали прошлое, называя изменником, посланным от ожившего Расстриги в Сибирскую “украину” прельщать здешних людей. Словом, служба Тухачевского полякам не являлась для сибиряков секретом».

«Во время Смуты служил Лжедмитрию I, царевичу Петру, казач. атаману И. Заруцкому. В осажденном поляками Смоленске

погибла его семья, что, видимо, предопределило его переход на сторону правительств. сил. Участвовал в походах В. Шуйского, ополчении Д. Пожарского, присягал на царство Михаилу Федоровичу. В 1616 принял участие в попытке освобождения Смоленска. В 1617–18 участвовал в сражениях с армией королевича Владислава. В 1618 один из зачинщиков выступления служилых людей против бояр, требовавших от царя выдачи жалования».

Второй вопрос: когда и почему он оказался в Сибири?

«В одном из документов Сибирского приказа говорится, что за участие в “бунте казаков” он сослан в Сибирь, о чем “ведомо тебе, праведному государю, и твоим государевым боярам”».

Итак, Яков Евстафьевич в 1618 году, когда Москва переживала «осадное сидение» был сослан в Сибирь.

Двенадцать лет провел он в сибирской глуши, не имея ни единого шанса вернуться на Русь.

Ситуация начала меняться к началу 1630-х годов:

«В 1630 году случилось именно то, к чему русские толкали всей своей политикой местное население, — восстание и создание антирусской коалиции. Первая русско-телеутская война оказалась тесно связанной с кратким восстановлением Сибирского ханства внуком Кучума Аблай-Кереем.

Сведения об этих событиях есть во всех источниках, в русских документах, и в книге Г.Ф. Миллера, в частности. Они были доступны историкам и те не отрицали в общем, что такие события имели место. Но и не исследовали вопроса: ведь заранее известно — ну, были такие, очень небольшие волнения, быстро подавленные русскими. Это и понятно. С точки зрения мифа совершенно невозможно признать, что телеуты и татары объединились против русских, поддержали восстание барабинских татар во главе с ханом Аблай-Кереем против русских. Ибо это в корне подрывает весь миф о том, что на русских границах никаких войн не было.

Более того, стоит только признать краткое восстановление Сибирского ханства внуком Кучума, как тут же придется признать и ущербность мифа о завоевании Сибири Ермаком, о безвозвратном крушении Сибирского ханства со всеми вытекающими последствиями.

Итак, Тарлав и Абак в апреле 1630 года навели большой разгром в ясачных волостях Томского уезда. От русских отложились все объясаченные волости телеутских земель и кузнецкой кот-

ловины. Более того, население этих волостей тоже восстало против русских и вступило в ополчение Абака и Тарлава. Войско напало на Тоянов городок, принадлежащий князю еуштинских татар Тонну, перебило в нем служилых татар и сожгло хлеб, очевидно, запасы семян к посеву. Союзники намеревались дальше идти на Томск. Но томский воевода 20 мая направил навстречу Абаку и Тарлаву отряд под командованием сына боярского Гавриила Черницына, который 29 мая напал на татар на переправе через Обь. Им пришлось принять очень невыгодный бой, в котором татары понесли большие потери и вынуждены были броситься в бегство. Отряд Черницына стал преследовать их по степи и потом напал на лагерь. По всей видимости, только в лагере татары смогли остановить наступление русского отряда и отбросить его. В этом бою был убит чатский мурза..

Летом 1630 года состоялся большой поход Аблай-Керея на Томск. Большой отряд из 2 тысяч всадников хана Албай-Керея напал на Томский острог и разгромил деревни вокруг города. Сам острог выстоял в силу своей большой и сильной артиллерии… Однако, по всей видимости, сведения об этом нападении сохранились лишь частично. Видимо, была попытка штурма, отбитая с большим трудом. Урон от нападения был столь велик, что томские воеводы после него стали строить дополнительные укрепления: острог вокруг стен города и рвы с рогатками против конницы. На строительство было мобилизовано все население города.

Война приняла жесткий и упорный характер, каждая сторона наносила другой очень серьезные удары и поражения.

…Зимой 1630/1631 года отряд под командованием Якова Тухачевского напал на Чингизский городок, в котором зимовал мурза Тарлав. После ожесточенного боя и штурма городок был взят, а Тарлав убит. С его гибелью коалиция распалась. Хан Аблай-Керей стал воевать сам по себе, а Абак — сам по себе.»

(Верхотуров Д.Н., Покорение Сибири: Мифы и реальность).

* * *

Это событие не прошло незамеченным в Москве — на Тухачевского обратили внимание.

И у него скоро появился шанс — он был определен послом к Алтын-хану — монгольскому царю.

В интерпретации автора книги «Покорение Сибири: Мифы и реальность» это событие выглядело следующим образом:

«Неожиданно для русских возобновились отношения с Алтын-ханом. В 1631 году Алтын-хан Омбо Эрдэни направил в Томск посольство с предложением о совместных действиях. В это время он вел не очень удачную войну против южномонгольского Лигдэн-хана. На этот раз томских воевод уговаривать не пришлось. Они тут же отправили ответное посольство для заключения договора.

Поскольку кыргызы были вассалами халхасского владетеля, к этому предложению русские отнеслись очень серьезно и стали готовиться к установлению более тесных отношений. Но и здесь была допущена такая же ошибка, что и при всех остальных переговорах. В Москве решили, что Алтын-хан уже собрался перейти в русское подданство.

В 1634 году из Москвы к Алтын-хану было отправлено большое посольство во главе с Яковом Тухачевским. Ему были даны инструкции в том, чтобы склонить Алтын-хана к переходу в подданство. Но когда посольство прибыло в ханскую ставку, выяснилось, что Алтын-хан оправился от поражения, нанесенного ему Лигдэн-ханом, и военная помощь ему не очень требовалась. А о переходе в подданство он и слышать не пожелал.

Но и выпроваживать большое и представительное посольство из Москвы хан не стал. Яков Тухачевский три месяца потратил на уговоры, чтобы хан перешел в русское подданство. Но Омбо Эрдени ни за что не соглашался, и в конце концов согласился дать клятву от имени себя и своего народа в мире и дружбе с русскими, в обмен на клятву Тухачевского. Договор о мире и дружбе, таким образом, был скреплен».

Но… имелись, как выяснилось, свидетели, которые не подтверждают этого факта.

В составе посольства, кроме Тухачевского был подъячий Дружина Огарков, **томский сын боярский Лука Васильев** и еще двенадцать томских служилых, одновременно исполняющих и роль толмачей.

И вот как выглядела та же ситуация, но в новой интерпретации:

«Уже на пути в ханский улус взаимоотношения между главными действующими лицами посольства, Тухачевским и Огарковым, стали перерастать во взаимную неприязнь.

Свою миссию Тухачевский воспринимал, прежде всего как способ собственной реабилитации в глазах правительства. За

свои прошлые "вины". От успеха предприятия зависело его возвращение если не ко двору, то, во всяком случае, в родовое поместье.

Во время приема в ханской ставке при обсуждении этого вопроса возникли серьезные разногласия. Алтын-царь заявил, дескать, он не приказывал своим послам "шертовать", а просил лишь о том, чтобы его "защитить, пожаловать, прислать послов своих". Завел разговор о тех "черных улусных людях", которые еще в незапамятные времена его отцу платили дань. Вспомнил и о своих "кыштымах", откочевавших под русское покровительство и не платящих ему ясак... И вообще сказал, мол, томский воевода недостойно принял его посланцев, "...держал их в поганой избе и велел им шертовать поневоле".

И с государевыми посланниками Алтын-царь вел себя неучтиво, без соблюдения должных почестей. Как зафиксировано в архивных документах, посадил их ниже своих подданных "у входа в юрту". Устроил форменный скандал, требуя немедленно, без всякой присяги с его стороны, вручить привезенные "подарки". Так он расценивал "государево жалование". И даже угрожал "...взять нечестью и нас поморить голодной смертию или побить". Пришлось пойти на уступки — отдать. А при отъезде еще и потребовал все оружие служилых людей: пищали и сабли... Тухачевский и это требование исполнил! Алтын-царь смягчился. Просил проявить великодушие и не докладывать царю Михаилу Федоровичу о своей грубости. Однако присягать лично, на условиях, оговоренных "шертовальной записью", наотрез отказался.

Прежде всего, подьячий Огарков стал настаивать на том, чтобы Тухачевский через толмача довел до сведения Алтын-царя факты недостойного поведения его людей, сопровождавших посольство. Они публично ругали русского царя Михаила Федоровича. Но посол под угрозой смертоубийства запретил об этом даже заикаться. А для "профилактики" приказал служилым его проучить, чтобы знал свое место. И они избили подьячего "ослопами до полусмерти влежачь" (ослоп — это жердь. — Е.Е.). "А я, Дружина, — писал впоследствии Огарков в своем отчете о поездке, — ему Якову товарищ и бить меня по государеву указу не положено".

На обратном пути домой в предчувствии предстоящих неприятностей Тухачевский пытался найти наконец общий язык с Огарковым. Дабы он свой "статейный список писал по ево Яковлевой сказке". При этом ставил в пример недавнее немец-

кое посольство окольничьего В.Г. Коробьина, пожалованного "в боярское место". И другие члены получили повышения по службе — "придачи большие денежные и поместные". И в этом смысле, просвещал Тухачевский Огаркова, и их "мунгальская служба", если действовать заодно, сулит большие награды. Огарков не соглашался. "Жив, говорил, буду, опишу все как было". Так впоследствии и поступил.

Тухачевский к обработке строптивого подьячего подключил служилых людей обещанием за ту "алтынову поездку пожалованием из казаков и дети боярские". Они, в свою очередь, стали уговаривать подьячего помириться с Тухачевским. Исчерпав доступные возможности повлиять на несговорчивого русака-подьячего посулами, битьем — моральным и физическим давлением, — Тухачевский решил от него отвязаться. Когда до томского города оставалось двенадцать дней конного пути, Тухачевский бросил Огаркова одного на произвол судьбы. Улусным ясачным людям запретил давать ему корм и подводы. В надежде на то, что Дружина либо в реке утонет при весеннем половодье, либо звери его задерут, или умрет он где голодной смертью. А он, тем временем, успеет благополучно с алтыновыми посланцами из Томска уехать в Москву. Не получилось. Томская администрация поинтересовалась, где его товарищ? "А он неведомо для чего отстал на реке Кие", — ответил Тухачевский. Послали на розыски служилых людей. Нашли подьячего "только чуть жива, 9 дней сряду не едал". А Тухачевский, между тем, диктовал в съезжей избе свою победную реляцию о том, как он "Алтын-царя, его братьев, детей и внучат и всю его орду привел под государеву высокую руку в холопство навеки и неотступно". И когда скорописец оформил статейный список, то "...поп Пантелеймон Львов, в Яковлеве место Тухачевского, сына своего духовново, руку приложил". Поскольку посол грамотой не владел.

Стали сличать его "сказку" с версией, изложенной Огарковым. Обнаружили расхождения. Да и вывод подьячего звучал неутешительно. Тухачевский, писал он, "...тое своею лживою службой хотел вылгать многое жалование и взяту бы быть ему Якову из Сибири". Томскому воеводе Егупову-Черкасскому такой комментарий подьячего очень не понравился. Потому как он тоже хотел получить свою долю "сладких пряников" от государя. А посему пытался оказать силовое давление на Огаркова. "...князь Никита ж, государь — писал позднее подьячий в своей челобит-

ной, — меня, холопа твоего, за те государевы дела бил и бороду выдрал и бив посылал меня в тюрьму на 2 дни и сидел я двое сутки". Но, выйдя из тюрьмы, подьячий не желал вступать в сговор с воеводой, Тухачевским и их окружением. Пришлось заняться "сыском" — расследованием. Началась, как водится, обычная судейская волокита. Тухачевского задержали в Томске до выяснения всех обстоятельств по делу. Сопровождать алтыновых послов в Москву отправили боярского сына Луку Васильева.

Огарков же оказался крепким орешком. Все обвинения в свой адрес он отводил, разбивая их в пух и прах. На него много всяких "собак" пытались навешать. Якобы "о деле не радел" и дефицитную по тем временам бумагу продавал, и какие-то деньги "государевы 100 рублей украл". Не говоря уже о том, что воеводу Тухачевского, Алтын-царя, вместе со всей их родней по-славянски "лаял матерно…"

Яков же обвинял Дружину: "…этот плут меня и жену мою и детей лаял и позорил запосмешно, матерны всякою непотребною лаею"…Словом, много чернил извели, гусиных перьев сломали, а дело шло ни шатко ни валко. Как в той старинной поговорке о сроках судебных разбирательств: "Воевода год помечает, а два отвечает"» (Воевода Тухачевский / Евгений Евсеев // Омская старина: историко-краеведческий альманах. — Омск, 1995. — Вып. 3.).

* * *

В Москву, в итоге, Яков Тухачевский не попал. Но был назначен на должность второго воеводы в Таре. Правда, когда срок воеводской службы истек, он не был отправлен на повышение, а просто оставлен в Таре…

И вот в 1641 году у него снова появился шанс отличиться…

Но именно этот шанс обернулся для него… позором.

Сам поход завершился, по его отчету, военной удачей и богатой добычей. Вот как оценивала его Москва в 1644 году:

«В прошлом во 147-м году по нашему указу послан был на наших изменников и на непослушников на киргизских людей, и на тубинцов, и на моторцов с нашими сибирскими служилыми людьми воевода Яков Тухачевской, а велено ему Якову с служилыми людьми, прося у бога милости, над теми нашими изменники и над непослушники над киргизы, и над тубинцы, и над моторцы и иных немирных землиц над людьми промышлять, сколько бог помощи подаст, чтоб их изменников и непослушников смирить и привесть под нашу царскую высокую руку в прямое холопство, и аманатов у них поймать лутчих людей; да ему ж Якову велено, розъездя и высмотря в Киргиской земле и отыскав крепкое и угожее место, теми ж нашими служилыми людьми, которые с ним на той службе будут, поставити острог и всякими крепостьми укрепить, чтоб тот острог Томскому городу, и Кузнецкому, и Красноярскому, и Мелесскому острогом и нашим ясачным волостям был к обереганью, а им киргизом, и тубинцом, и моторцом, и иных немирных землиц людем был к утесненью; да как Якову и служилым людем над киргизы, и над тубинцы, и над моторцы и иных немирных землиц над людьми бог помощь подаст, и аманатов поемлют и острог поставят, и в которых местех и х каким крепостям и к угодьям тот острог поставлен будет, и о том о всем подлинно велено ему Якову отписать к нам к Москве. И в прошлом же во 150-м году писал к нам из Сибири ис Киргиские земли воевода Яков Тухачевской: и божиею де милостию, а нашим счастием наши служилые люди киргизских князьцов Ишеев и Ченеев улусы повоевали, и в полон многих и жон их и детей поимали, лошади и верблюды отогнали; да и он же де Яков, отъискав в Киргиской земле угожее место, поставил разных сибирских городов с служилыми людьми с 38 человеками середи Киргизские земли в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызыриме озере острог, и всякими крепостьми укрепил; а которого города и хто имены служилые люди с ним Яковом тот Ачинской острог ставили, и тем служилым людем прислал имянную роспись. Да в прошлом же во 151-м году писал к нам Яков же Тухачевской: посылал де он Яков ис того из Ачинского острогу служилых людей на наших изменников на Атаячка с товарыщи красноярского казака Фетьку Мещеряка да с ним разных городов служилых людей. 9 человек в стругах вверх рекою Белым Июсом, и те де служилые люди Фетька Мещеряк с товарыщи наших изменников киргисских людей и Атаячка побили, и жену его Атаячкову и братью взяв и привели к нему в Ачинской острог; а хто имяны разных городов служилых людей с красноярским казаком Федькою Мещеряком в посылке были, и тем служилым людем он Яков прислал к нам имена. А ныне били нам челом тюменские служилые люди, которые с Яковом Тухачевским в Киргис-

ской земле острог ставили и на изменника на Атаячка посланы, чтоб нам пожаловать их за ту службу и за острожное ставленье нашим жалованьем против того, как прежде сего иным сибирским служилым людем за такие службы наше жалованье давано. И мы тюменских служилых людей, которые с Яковом Тухачевским в Киргиской земле острог ставили и на нашего изменника на Атаячка войною посыланы, пожаловали, велели им за те службы дати нашего жалованья за острожное ставленье в приказ по 2 рубли, а за Атаячков погром, за побитых и за взятых мужиков, по рублю, а за мужичьих и за лошадиные мужичьих же ран и за явственной бой по полтине человеку; а кому имянем тюменским служилым людем то наше жалованье за острожное ставленье и за Атаячков погром дать, и тому послана к тебе под сею нашею грамотою роспись за дьячьею приписью. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тюменским служилым людем, которые были в киргисском походе с воеводою Яковом Тухачевским и острог поставили, велел им нашего жалованья за то острожное ставленье дати из наших ис Тюменских доходов в приказ по два рубли да им же служилым людем велел дать нашего ж жалованья послушных денег за Атаячков погром за битье и за взятье мужики и за мужичьи и за лошадиные раны всем на лицо по росписи; и велел ту дачю написать в расходные книги и в сметной список имянно себе статью; да о том отписал к нам к Москве с ыными нашими делами вместе, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7152-го августа в 25 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 116 – об. 119, № 94.

Но в 1642 году оценка этого похода была уже несколько иной:

«В прошлом, господа, во 1641-м году но государеву цареву и великого князья Михаила Федоровича всея Руси указу воевода Яков Тухачевской с ратными людми ходил на государевых изменников и на не послушников на кыргыз. И кыргыских людей погромил и много у них ясыр в полон взяли. И из Кыргыской земли томские и тобольские и тюменские и тарские служилые люди в Томской пришли. А воевода Яков Тухачевской остался в. Кыргыской земле, в Ачинском остроге. И в прошлом же, господа, во 1642-м году из Ачинского острогу писал в Томской воевода Яков Тухачевской чтоб того кыргыского ясурю до государева указу продавать и крестит никому не велет. Да прошлом же, господа, во 1642-м году по государеву указу велено ис Томского мне, Ивану Кобылскому, итти на государеву службу на кыргыз с служивыми людми, которые были на государеве службе с воеводою с Яковом Тухачевским. И я, господа, с ратными людми на кыргыских людей ходил и кыргыских людей войною смирил и под государеву царскую высокую руку и к шерти их привел и аманатов в Томской взял. А на уговоре господа, у них было которой кыргыской полон взял у них воевода Яков Тухачевской с ратными людми и тот полон отдать им на выкуп, а продавать ево и крестить не велет. И тобольские, господа, и тюменские, и тарские служилые люди ис Томского отпущены по своим городам, а с собою увезли много кыргыской ясыр без государева указу. Да и в прошлом, господа, во 1642-м году убежали з государевы службы ис Томского тобольские татары, а с собою увезли много ж кыргыской ясыр. И Вам бы господа по государеву указу того кыргысково погромново ясырю в Тобольску и на Тюмени и на Таре крестить и продавать не велет до государева указу, чтоб в том кыргыском ясыре с кыргыскими людми ссоры и смуты не было».

ААН, ф. 21, оп. 1, кн. 17, д. 244, л. 470-470 об.

Случилась смута — большая часть отряда Тухачевского отказалась ему подчиняться и самовольно оставила своего командира, вернувшись в Томск. *«На сей раз “заводчиками” оказались тобольские боярские дети: **Ю. Воеводский, С. Голынский, К. Боборыкин** и другие. Воинские люди из других городов тоже не захотели быть под началом Тухачевского».*

В документах Сибирского приказа сибирские воеводы сообщали: *«…Служилые люди **Куска Мухоплев** да **Сенька Белоусов** с товарыщи, заворовали, воеводу Якова Тухачевского среди степи покинули, и иногородних людей подговоря назад в Томский город возвратились».*

Приговор гласил: *«И за то их воровство в Томском по государеву указу тридцать человек кнутьем бито».* (Е. Евсеев, Воевода Тухачевский).

На самом деле Тухачевского тогда покинуло практически все его войско…

* * *

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК УЧАСТНИКОВ КИРГИЗСКОГО ПОХОДА
(по материалам томских исследователей)

Астараханцов (Астараханец) Михаил (Мишка) Иванов
томский конный казак десятка В.И. Седельника. Денежный оклад: 7 руб. с четью (1626 г.). Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. В 1627 г. на базаре продал скотину на убой за 2 руб. (7 марта) и купил двух лошадей (25 и 28 июля). Женат. Послан в 1636 г. с посольством сына боярского Б.Карташова к ламе Даин Мерген-ланзу. Принял участие в Киргизском походе Я.Тухачевского в 1641 г. и проявил себя как «пущий вор и заводчик»: бит кнутом и брошен в тюрьму в Томске, но затем выпущен на волю. Последний раз упоминается под 1653 г.

Баранчюк Андрей (Ондрюшка)
томский пеший казак десятка И. Микитина. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей ржи, 2 чети овса. Служит без пашни. Занимался коммерцией: в 1656 г. привез из Ачинского острога на продажу пушнину на 5 руб.; в 1686 г. обложен оброком с промыслов и торгов на полтину. Холост (1636, 1652 гг.). Участник Киргизского похода Я.Тухачевского в 1641 г., один из строителей Ачинского острога.

Белоусов Семен (Семейка) Лукьянов
томский конный казак десятка З.Иванова. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей ржи, 4 чети овса (1643 г.). Служит с пашни. Его собственная пашня находилась на р.Ушайке, рядом с заимками Е. Еремеева и И. Володимерцова (1653 г.). Женат (1636 г.). Участник Киргизского похода Я. Тухачевского, где проявил себя «пущим вором и заводчиком». Принял самое активное участие в томском бунте 1648/49 гг. Был в числе челобитчиков томичей в Москву, где арестован головой Сибирского приказа кн. А. Трубецким.

Бурнашов Василий (Васка) Никонов
томский конный казак десятка Т.И.Галиченина, позже — десятник (1648/49 1652 г. гг.). Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 7 четей ржи, 5 четей овса (1652 г.). Служит без пашни (1652 г.). Женат (1626, 1652 гг.). Шурин сына боярского Л. Васильева. В мае 1634 г. в составе посольства Я. Тухачевского был послан к Алтын-хану. В конфликте между подьячим Огарковым и Тухачевским спас первого от битья ослопьями, но в Томске при разборе конфликта встал на сторону Тухачевского. В 1639 г. привез из Москвы ссыльных. В 1646 г. под началом П. Копылова послан в киргизы на разведку. Во время Томского бунта 1648/49 г. был направлен Бунаковым вместе с Я. Булгаковым и Н. Федоровым послом к телеутам, к князю Коке Абакову. По возвращении составил статейный список, в котором Кока «обличал» «воровские речи» первого воеводы О. Щербатова, который все это начисто отрицал. Василий был пытан огнем, но не признал подложным свой список. Под статейным списком за Василия подписывался поп Пантелеймон. Его сын, тоже конный казак, в 1684 г. основал д. Бурнашово в Семилужном стане.

Васильев Лука
(ум. 1640/41 г.), томский сын боярский. Начинал свою деятельность в первые десятилетия XVII в. как «новокрещен», переводчик. В последнее время в некоторых работах высказывается мысль, что «Васильев» — это не фамилия, а отчество. Однако по всем окладным книгам выдачи денежного и хлебного жалованья он проходит только под фамилией «Васильев», а выдавать это жалованье могли только под фамилию. Денежное жалованье: 8 руб. (1626 г.). Хлебное жалованье: 8 четей муки, по чети круп и толокна (1626 г.), 2 чети круп, 2 чети толокна (1630 г.). Служит с пашни, но к его окладу в 10 четей ржи, 7 четей овса додают 7 четей ржи, 5 четей овса (1630 г.). Холост (1626 г.), женат (1630 г.). Лука — один из первых талантливых сибирских дипломатов, вклад которого в развитие русско- калмыцких связей очень высок. В 1620 г. 23 июня он сопровождал с Москвы калмыцких послов домой. Алтын-хан и его двор очень ценили талант Луки и не раз просили, чтобы только он был послом «добрым» к ним. При этом Лука всегда высоко «блюл» «государевы интересы» России. В 1635 г. вместе с С. Шепеткиным подал в Томске челобитную с просьбой отпустить их в Китай, причем в распросе выяснилось, что дороги они сами туда не «ведают» и прокорма с собою на дарогу у них нет, — мол, проводников и корм в дорогу даст сам лаба-лама Даин Мерген-ланнз. Когда

власти решили проверить и обратились к калмыцким послам, которые в это время были в Томске, то послы полностью подтвердили слова Л. Васильева. Был дружен с Я.О. Тухачевским; по родственной линии он был шурином не менее знаменитой личности Томска — десятника конных казаков, одного из активных участников бунта 1648/49 г. Скорее всего, Лука прямых наследников по мужской линии не имел, т. к., когда он умер в 1640/41 г., то в окладной книге было отмечено, что «пахота его запустела».

Власов Кирилл (Кирилко)

томский конный казак десятка П. Терентьева, позже — пятидесятник конных казаков (1642 г.). По словам его сына Ивана, Кирилл волгожанин, пришел в Томск «своей охотою». Денежный оклад: 7 руб. с четью (1636 г.), 9 руб. (1642 г.). Хлебное жалованье: 6 четей ржи, 4 чети овса (1636 г.); 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса (1642 г.). Служит без пашни. Женат (1636 г.). В 1641 г. привез в Москву ясачную казну; был допрошен о смуте в отряде Я.Тухачевского, но ничего не смог сообщить. В 1648 г. во время томского бунта занимал у приходского старосты Богоявленской церкви деньги по кабале для снаряжения челобитчиков в Москву; в 1649 г. один из руководителей томского «мира». В 1655 г. вместе с П.Лавровым был послан на подмогу в Красноярск, но в Красноярске отряд пробыл с 25 августа по 9 октября, а затем, «подняв знамена» , бежал в Томск. Посдений раз упоминается под 1658 г., когда под обшегородской челобитной на подъячего Чебучакова вместо него руку «прикладывал» А.Сартаков.

Вяткин Дмитрий (Митка) Иванов

томский конный казак десятка А.И. Губы. Родом томич; его отец служил в казаках еще с поставления города. Сам он верстан в службу в 1624 г. с окладом 7 руб. с четью, 6 четей ржи и 4 чети овса; при воевоеде Ромадановском за «мунгальскую» службу получил придачу 2 руб. 2 чети ржи и 2 чети овса; при воеводе Клубкове-Мосальском получил такую же придачу. В пятидесятники был верстан при воеводе О.Щербатом и также получил придачу в 1 руб. 25 алтын, 1 четь ржи, 1 четь овса и полтара пуда соли, всего его оклад стал равняться 13 руб. Один из видных представителей служилого мира Томска, сделавший хорошую

карьеру благодаря своим способностям. В 1634 г., будучи с посольством Л. Васильева у Алтын-хана, потерпел убытки на подарках вельможам Алтын-хана на 22 руб.; в награду за службу в Посольском Приказе «за изрон и за убытки» ему были даны тафта, сукно «аглицкое» и 15 руб. денег. Был дружен с Я. Тухачевским и давал в его пользу «речи», но во время Киргизского похода 1641 г. оказался в числе «пущих воров и заводчиков», бит кнутом и брошен в тюрьму. Но это мало отразилось на его биографии. Выполнял ответственные поручения томской воеводской администрации: в 1653 г. был послан в Красноярск для сыска о «государевом деле». Не раз был с отписками в Москве. Во время томского бунта 1648 г. был на стороне воеводы О. Щербатова, арестован восставшими, двор его был разграблен. Свои убытки он оценил в 95 руб.

Грызов Иван (Ивашка) Степанов

томский конный казак десятка Б.Е. Кайгородца. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626–1630 гг.). Женат (1626–1630 гг.). Активно занимался коммерцией: в 1627 г. дважды продавал пушнину, а также продал скотину на убой и 2 чети ржи; купил лощадь. Придя в 1635 г. из калмыков, явил в таможне для продажи соболей и бобров на 46 руб., не считая того, что «руский» товар на 45 руб., согласно его словам, потонул вместе с лошадью в калмыках. В 1635 г. был на разведке в «киргизах». Был замешан в различных неблаговидных делах. Так, при воеводе Н. Егупове-Черкасском (1633–1635 гг.) он вместе с 40 чел. зверовал в Маковском остроге, где «тобольскую Софийскую и архиепископлеву казну да тобольского атамана Гаврила Попова грабили, а взяли денег тысячю триста рублев, опричь мяхкой и платья и иной кое-какой рухляди. И за то воровство по государеву указу ис тех казаков пущих воров велено дву человек повесить…» Но, по всей видимости, это не коснулось И.С.Грызова, т.к. мы встречаем его уже в 1641 г. среди участников Киргизского похода Я.Тухачевского.

Завьялов Артемий (Ортюшка)

томский конный казак десятка З. Амосова, родом томич. Его отец, родом из Лальского погоста, был прислан «Томск ставить». Денежный оклад: 7 руб. с четью (1637 г.). Хлебное жалованье: 6

четей ржи, 4 чети овса (1637 г.), 7 четей ржи, 5 четей овса (1653 г.), 9 четей ржи, 6 четей с осьминою овса (1672 г.). Служит без пашни (1637 г.). Женат (1637 г.). Принимал активное участие в походах и в посольствах к калмыкам: в 1634 г. участвовал в посольстве Я.Тухачевского к Алтын-хану, в 1648 г. ходил в отряде С.Неверова на р.Обь, затем опять ходил с посольством к Алтын-хану, его его ограбили на обшую сумму в 17 руб. 9 алт. В 1658 г. подписывал обшевойсковую челобитную на В.Чебучакова. Неграмотен. Сын Кузьма.

Иванов Ждан (Жданко)

томский казак. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою муки, четь круп. Женат (1626 г.). В 1631 г. отвозил отписки в Москву; обратно везли жалованье на посольство Я.Тухачевского к калмыкам (268 руб. 8 алт.).

Кирилов Тимофей (Тимошка)

томский конный казак. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Женат. В 1635 г. отвозил в Москву роспись посольства Я.Тухачевского к Алтын-хану

Кожевников Семен (Семейка) Иванов

томский конный казак десятка П. Терентьева. Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Служит с пашни. Женат. Один из основателей города. В 1642 г. привез в Москву собранный в Томске ясак и «воровскую» войсковую челобитную на Я. Тухачевского. Член первой делегации челобитчиков в Москву от Томска в 1648 г. Сын С.П. Смокотнин, конный казак.

Кудров Иван (Ивашко) Игнатьев

конный казак десятка З.Амосова. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жаловнаье: 6 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1630 г.). В 1609 г. послан вместе с Б. Константиновым и И. Поповым с посольством в «черные калмыки»; в 1634 г. был в составе посольства Я.Тучачевского к Алтын-хану. В конфликте между подъячим Д.Огарковым и Тухачевским был на стороне последнего. Участник событий томского бунта 1648/49 г.

Лавров Молчан Семенов

голова конных казаков. Денежный оклад: 15 руб. Хлебное жалованье: 15 четей ржи, 12 четей круп и толкна, 2 пуда соли (1626–1630 гг.) Одна из легендарных личностей истории Томска. В 1613 г. служил в Кетске и отписывал в Сургут о посылке служилых людей в Тюлькитну «землицу». Затем был переведен в Томск; в 1618 г. был послан ставить Кузнецкий острог против устья Кондомы на р. Томи. В 1621 г. поставил Мелеский острог. Затем вместе с О.Кокоревым ходил в поход на киргиз, где захватил большой ясырь, который выгодно продал. В 1629 г. послан на разведку против Аблайгерима и Тарлавы и погромил городки барабинцев на озерах Каргат, Иткуле и Сары-Балык. Вместе с Я.Тухачевским в 1632 г. ходил на кн. Тарлаву, где горячий по натуре Молчан советовал Тухачевскому ударить на неприятеля на рассвете «не мешка». Острожный Тухачевский его не «отпустил». Затем отвозил колодников к Москве, а обратно вез в Томск, Енисейск и Красноярск деньги на разные расходы в сумме 20435 руб. Проводил в Енисейске сыск о непристойных речах и шатости.

Мамон (Мамонко) Иван (Ивашко) Калинин

пеший казак десятка Е.Степанова. Денежный оклад: 4 руб. Хлебное жалованье: 5 четей ржи, по осьмине круп и толокна (1626 г). Холост (1626 г.), женат (1642 г.). После 18 мая 1631 г. послан на годовую службу в Мелеский острог. В сентябре 1634 г. привез из Кузнецка в Томск материалы дела по тяжбе между Д. Огарковым и Я. Тухачевским.

Мельников (Мелник) Степан (Степанко) Алексеев

конный казак десятка В.О.Башмака, позже — десятник конных казаков (1642 г.). Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою муки, по осьмине круп и толокна (1626 г.), 6 четей ржи, 4 чети овса (1637 г.). Служит без пашни (1637 г.). Холост (1626 г.), женат (1637 г.). В 1634 г. участник посольства Я.Тухачевского к Алтын-хану. В 1650 г. назначен в приставы для отправки Ф.Пущина и других до Сургута для следствия

Михайлов Поспел (Поспелко)

десятник конных казаков. Верстан в казаки в 1624/25 г., рядовой конный казак (1626 г.), десятник (1629/30 гг.). Денежный оклад:

7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна (1626 г.). Служит «со своей пахоты»: 8 четей ржи, 7 четей ячменя, 3 чети пшеницы, 2 чети овса и перелога 3 десятины (1637 г.). В 1625 г. явил в таможне мяхкой рухляди на 1руб., в 1627 г. продал скотину на убой за 3 руб. Женат (1626 г.). В 1631 г. ему было поручено встретить послов Алтын-хана на пашне В. Верхотурца. Один из «пущих воров и заводчиков» в Киргизском походе Я. Тухачевского в 1641 г., в наказание был бит кнутом и брошен в тюрьму. В событиях томского бунта 1648/49 гг. также был признан одним из руководителей восставших; наказан кнутом и выслан в Якутск.

Поламочной (Поламошной) Семен (Сенка) Васильев

конный казак десятка В.И. Седелника. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни, но ему додают из казны 3 чети ржи, 2 чети овса (1630 г.). Активно занимался коммерцией: в 1625 г. продал пушнины более чем на 20 руб., в 1627 г. купил 3 лошадей. Женат (1630 г.). В 1635 г. сопровождал послов Алтын-хана к Москве. Грамотен. «Пущий вор и заводчик» в Киргизском походе Я. Тухачевского в 1641 г. Активный участник смуты в Томске в 1648/49 гг.

Полтев Левонтий (Левонтей) Федоров

сын боярский (ум. до 1648 г.). Денежный оклад: 10 руб. Хлебное жалованье: 10 четей ржи, 4 чети овса. Служит с пашни. Женат (1637 г.). В 1634 г. отвозил отписку в Москву о посольстве Я. Тухачевского к Алтын-хану. В причастности к его смерти подозревался сын боярский Ф. Пущин

Пущин Григорий (Григорей) Иванов

сын боярский. Родом томич. Денежный оклад: 8 руб. Хлебное жалованье: 8 четей муки, 2 чети круп, 2 пуда соли. Служит без пашни (1630 г.). В 1657 г. он вместе с Ф.Носко явил для продажи привезенную из Ачинска пушнину на 10 руб. Участник Киргизского похода Я.Тухачевского в 1641 г., за что получил надбавку к жалованью на 1 руб. Не раз ездил по служебным делам в Москву.

Рыхлевской Павел Александров

(ум. ок. 1664/65 г.), сын боярский. Родом из города Каменец-Подольского, шляхтич. Денежный оклад: 17 руб. Хлебное жало-

ванье: 12 четей ржи, 12 четей осва, но ему додают из казны. Служит с пашни (1637 г.). Имел в хозяйстве крещеных крепостных. Занимался коммерцией: в 1625 г., будучи в Томске, продал пушнины на 20 руб. Женат (1637 г.). В 1613 г. «отъехал» к Москве, затем был послан в Тобольск и поверстан в сыны боярские с окладом 17 руб., хлеба 15 четей и также овса, 4 пуда соли. Зарекомендовал себя как опытный дипломат и военачальник: в 1624 г. вместе с П. Хмелевским был послан из Тобольска на помощь Томску, котрый подвергся набегу киргизов; в 1634 г. был в составе посольства Я. Тухачевского к Алтын-хану и в конфликте между ним и Д. Огарковым встал на сторону первого. Во время следствия в Москве в 1652 г. по событиям томского бунта заявил, что у него нет претензий к воеводе О. Щербатому, но в 1658 г. поддержал обшевойсковую челобитную на В. Чебучакова.

Серебреник Тимофей (Тимошка) Кирилов

конный казак десятка Н.С. Кинозера. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1637 г.). Взят на место П.А. Кызыла. В конфликте между Я. Тухачевским и подъячим Д. Огарковым встал на сторону первого.

Стариченин Степан (Степанко) Иванов

конный казак десятка В.О. Башмака. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по осьмине круп и толокна (1626–1637 гг.). В 1627 г. купил лощадь. Холост (1626–1637 гг.). Один из «пущих воров и заводчиков» в киргизском походе Я.Тухачевского в 1641 г.

Тюменец Григорий (Гришка) Федоров

коннный казак десятка Д.Е.Копылова, позже — десятник конных казаков (1642 г.). Денежный оклад: 7 руб. с четью (1626–1630 гг.), 9 руб. с четью (1642 г.). Хлебное жалованье: 6 четей муки, по осьмине круп и толокна (1626–1630 гг.). Холост (1626–1630 гг.), женат (1637 г.). Участник посольства 1834 г. к Алтын-хану; в конфликте между Тухачевским и Д. Огарковым принял сторону первого, причем в разговоре с Огарковым вспомнил «самозванца Ростригу».

Харламов Астафий (Остафей) Федоров

(ум. 1642/43 г.), сын боярский. Денежный оклад: 14 руб. (1626 г.), 18 руб. (1642/43 г.). Служит с пашни. Его пахота составляла 17 четей ржи, 14 четей пшеницы, 2 чети япмцы, 4 чети с осьминою ячменя и перелогу в его займище было 15 десятин. Владел крепостными. Женат. Один из известных землепроходцев Томского края. Построил в 1617 г. первый Кузнецкий острог; в 1621 г. нашел вверх по р. Оби соленые озера; в 1622 г. оборонял от киргиз Мелеский острог; в 1631 г. вместе с Я. Тухачевским штурмом взял Чингиз-городок и убил князца Тарлаву. Опытный дипломат: не раз ездил послом к калмыкам и в 1637 г. встречал перед съезжей избой послов Алтын-хана и «речь говорил». Много раз ездил по службе в Москву, при этом по пути продавал свою пушнину. Во время смуты 1638 г. был на стороне воеводы.

Щепеткин Семен (Сенка, Семейка) Павлов

конный казак десятка Н.С. Кинозера. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Женат (1626–1630 гг.). Выполнял ряд важных административных поручений. В 1624 г., будучи приказным Чатского города, укрепил городовые стены и ров выкопал. В 1634 г. был участником посольства Я. Тухачевского к Алтын-хану и за это в Посольском приказе получил нараду. После посольства вместе с Л. Васильевым подал челобитную с просьбой разрешить им поездку в Китай. В 1641 г. участник Киргизского похода Я.Тухачевского и строитель Ачинского острога. Грамотен. В 1620-х годах, будучи в подъячих в Мелеском остроге, взял «на себя» 10 соболей из ясака

1650 г. Заговор против Францбекова

Альфред Фаренсбах, как его звали на самом деле, ливонский дворянин, поступил на русскую службу в 1613 году.

В 1627 году принял православие и записан в дворяне по московскому списку с новым именем Дмитрия Андреевича Францбекова.

В 1644 году пути-дороги бывшего Альфреда Фаренсбаха пересекутся с путями-дорогами бывшего Вилли Барнсли, известного впоследствии якутского воеводы Андрея Афанасьевича Барнешлева – Францбекову будет поручена миссия уговорить датского принца Вальдемара, жениха царевны Ирины Михайловны, перейти в православие. В составе команды датского принца будет англичанин русского происхождения Вилли Барнсли.

Вальдемар не принял православия и выехал из России, поэтому Вилли Барнсли, как свидетель этой неудачной помолвки, оказался в сибирской ссылке в Енисейске, а Францбеков получил назначение воеводой в далекий Якутск.

Было ли это понижением после того как он побывал воеводой в Вятке, не знаю, но снабдили его в дорогу от души:

> *«В конце 1648 г. Францбеков был назначен Якутским воеводой. Вознаграждение, которое воеводы получали за свою службу, складывалось из нескольких частей. Собственно жалованье, выдававшееся перед отправлением к месту назначения (обычно сразу за несколько лет вперед), определялось знатностью воеводы, его послужным списком, значением новой должности. Д.А. Францбеков получил 700 руб. и, кроме того, из казенных запасов в Сибири — 200 четей хлеба (1310 кг) и 200 ведер вина (2781 л) “безденежно”. Едущим в Сибирь воеводам разрешалось провозить с собой беспошлинно на казенных подводах весьма изрядное количество собственного продовольствия, одежды, обуви, утвари и по 300–500 руб. наличных денег. Считалось, что этого воеводскому семейству и двум — четырем десяткам сопровождавших его дворовых должно было хватить на первый год службы в Сибири».*

Служба длилась недолго — 31 августа 1651 года он был отозван с поста воеводы. Впрочем, в этом мало странного — воевод и посылали служить на короткий срок, чтобы они не успевали «завороваться».

Но Францбекову с лихвой хватило и этого срока. Вот как в «Русском биографическом словаре» характеризуют якутский период службы этого человека:

«Замечательнее всего организованная Францбековым экспедиция в Даурию, на р. Амур. Ф. разрешил “старому опытовщику” Ерофею Хабарову набрать 150 охотников и снабдить их “в ссуду”, без всякого пособия из государевой казны, оружием, припасами и всем необходимым для похода; очевидно, надеялись не только подчинить Даурию великому государю, но и пограбить даурских “князцов” так, чтобы вознаградить себя за труды и издержки. Экспедиция увенчалась блестящим успехом: достигнув Амура, Хабаров взял несколько даурских городов с большой добычей и в мае 1650 г. вернулся в Якутск, а Ф. отписал в Москву о вновь приведенной под государеву руку богатой стране. Отпустив Хабарова опять в Даурию, Ф. послал с ним служилых людей для сбора ясака и для проведыванья серебряной руды, а в мае 1651 г. уже послал в Москву собранный Хабаровым с даурских князей ясак вместе с известием о заложении города на Амуре, при впадении в него Шилки. Но еще не успели в Москве получить те донесения Францбекова, как в Якутск прислан был 31 авг. 1651 г. неожиданный государев указ об отозвании Францбекова с воеводства. Дело в том, что Ф. так управлял своею областью, что в Якутске говорили: “был воевода Головин, тот головнею людей покатил, приехал Василий Пушкин, так стало пуще, а как Дмитрий Ф. приехал, то весь мир разбегал”. Несмотря на указ государев держать к ясачным людям ласку, Ф. посылал ратных людей на бурят, из которых многие были убиты; ясачных якутов ограбил под предлогом, что они затевают бунт, и скотом их себя обогатил, служилым людям не выдавал жалованья, брал посулы и поминки, не посылал в Москву отчетов о расходе государевой казны, многих промышленных и торговых людей “животы пограбил” и т. п., а чтобы о всех этих действиях не узнали в Москве, Ф. устроил около Якутска заставы, на которых всех людей, ехавших на Русь, “обыскивали накрепко, раздевая до нага и разрезывая шубы”, чтобы нельзя было провезти в Москву челобитных. Но наконец все-таки удалось пострадавшим от Францбекова написать в Москву о его злоупотреблениях. Вследствие этого в 1651 г. повелено было стольнику Акинфову ехать в Якутск, принять у Францбекова воеводство, “сыскать о всех его злоупотреблениях, а все его грабежные и посульные животы

отписать на государя”. Акинфов нашел в помещениях Францбекова денег, заемных кабал и мягкой рухляди на 12742 руб. …а в государевой якутской казне ничего не оказалось. По повелению государя все описанные у Францбекова животы были взяты на государя, а Францбекову выдано только на 2000 руб. мягкой рухляди, и он отпущен в Москву. Так неблагополучно завершилась почти сорокалетняя служба Францбекова. После 1652 г. он уже не долго прожил; в боярской книге 1658 г. упоминается только брат его Иван Андреевич, тогда как в боярских книгах до этого года они упоминаются оба».

К Амурской экспедиции Ерофея Хабарова мы еще вернемся.

Но в самом Якутске по-разному оценивали это и другие предприятия воеводы.

С.В. Бахрушин и С.А. Токарев в книге «Якутия в XVII веке» рассказывают о том, как местное купечество, попыталось поднять народное восстание и что из этого вышло.

Во-первых, для всех в Якутске Францбеков был «немчиной».

Дьяк Петр Стеншин, служивший при воеводе Василии Никитиче Пушкине по прозвищу Ус, который умер в Якутске в 1649 году при невыясненных обстоятельствах, оставался в остроге на период проведения следствия новым воеводой и ненавидел его по двум причинам: во-первых, он копался в их прошлых с воеводой делах, а, во-вторых… Но об этом чуть позже.

«…воевода — вор, немкин сын, непрямым крещеньем крещен. Он и в глаза называл его “не христианином”; “будто я, холоп твой, — жаловался Францбеков царю, — вылгал свое крещенье и ныне не покинул латинской веры”».

Но это мелочи по сравнению с тем, что Стеншин попытался организовать заговор против воеводы Францбекова и снять его с должности, используя религиозные чувства якутских прихожан.

«Религиозные обвинения, — писали авторы книги “Якутия в XVII веке”, — которые враги возводили на Францбекова, были вызваны, однако, не столько соображениями благочестия, сколько поборами и вымогательствами. Своеобразной и не совсем обычной для русского администратора чертой была в Францбекове и его широкая предприимчивость и сметливость в торгово-промышленных делах и склонность к всевозможным операциям и аферам. Редкий воевода с такой смелостью пускал в оборот свои денежные средства, не останавливаясь перед возможным риском, и с такой проницательностью уга-

дывал выгодные стороны самых сложных предприятий. В своих финансовых планах он проявлял и дальновидность и широкий размах. Будучи воеводой в Якутске, он широко раздавал деньги в рост, кредитуя и отдельных служилых и промышленных людей и целые большие предприятия. Под его покровительством и в значительной степени на его средства были выполнены такие важные в государственном отношении предприятия, как поход Хабарова или экспедиция Юшки Селиверстова. Там, где не хватало его личных средств (а поначалу их и не было вовсе. — *С.В.*), *он открывал кредит из казенной кассы и с необычайной ловкостью умел сочетать воедино свою собственную выгоду с интересами казны, так что современникам было трудно различить, где кончается деятельность воеводы, радеющего о государевом деле, и где начинается работа умного и корыстного ростовщика, ищущего своей личной пользы».*

Правда, в следующих же строках авторы этого сочинения сразу же вступают в противоречие с собственным утверждением о том, что современникам трудно было что-то «различить»:

«Предприимчивый и жадный до наживы, русский немец Францбеков сразу восстановил всех торговых и промышленных людей, съехавшихся в Якутск на промыслы, против себя своими поборами и вымогательством. В расчетах на взятки он задерживал отпуск промышленных ватаг на промыслы и "от отпусков с торговых и промышленных людей посулы и поминки имал большие"».

По большому счету, ничего нового — так действовали все воеводские команды (за исключением, может быть, одного Петра Головина) по всей Сибири, вымогая деньги из торговых, промышленных и служивых людей.

Но Францбеков посягнул на святое — на чужую собственность, реквизировав хлеб у торговых людей, который приносил баснословные барыши, якобы для нужд экспедиции Хабарова — на самом деле перепродав его членам этой экспедиции по цене, о какой в якутских землях и не слыхивали, а также переведя его в пиво и брагу.

«В этой среде и возникла в 1650 г. мысль об интриге, посредством которой хотели устранить неугодного воеводу. В таможне ***Никита Агапитов*** (ярославский торговый человек, сидевший у Головина в тюрьме — *С.В.*) *совещался с таможенным головою* ***Вас. Ростовщиковым****, с* ***Петрушкой Босиковым***

(приказчик гостя Кирилла Босова Петрушка Кондратьев Босиков. — *С.В.*) *и* ***Афан. Аврамовым*** (приказчик дьяка Михайлова. — *С.В.*); *они же ходили вместе с таможенным подъячим* ***Григ. Зверевым*** *к* ***Стеншину*** *и "советовали меж собою", "что было им… Воеводу Дм. Андр. Францбекова убить и животы его пограбить и по себе разделить". Они действовали, "стакався заодно с прочими торговыми людьми". В числе последних будет и выходец из крестьянской семьи с Выми, имевшей в Сибири широкое представительство,* ***Иван Осколков.***

17 марта 1650 года "по случаю дня государева ангела" была торжественная служба в соборе. Но Никита Агапитов объявил о том, что ему было видение — в нему явился Алексей человек божий, "а за нем де идут два юноши млады, несут на руках всемилостивого Спаса нерукотворенный образ, и от того де образа мне глас бысть: …Микита, посылай в острог по дворам и за острогом, где кто живет служилых и торговых и промышленных людей… сказывай де, Микита, не утаи, чтобы де они, миряне, не жили беззаконством… И не велел де Спас всяким людем, служилым и промышленным, крещеных и некрещеных девок и женок у себе на постели держать…". Намек был более чем ясен: ни для кого не было тайной, что Францбеков жил с "якутской девкой" Варваркою. Но Агапитов не ограничился этим и стал говорить "священникам и диакону и во весь мир, что де Спас не велел воеводу Дм. Францбекова да Матвея Сосновского в церковь пушать… Чужи де они христианства, что живут де беззаконством, держат у себя на постели некрещеные бабы…". "А не подобает де ему, Дмитрию Францбекову, быть у государева дела, а что де есть у него, Дмитрия, неправедного собранья в сундуке, — деньги и соболи и лисицы и бобры, и то де велел Спас взять на царя"».

Реакция Францбекова была предсказуемой: он распорядился посадить Агапитова в тюрьму: *«Сам де ты, Микита, воруешь, некрещеные бабы на постели у себя держишь…».*

«В перебранку вмешивались мирные люди, громко называя воеводу прямым бездельником, плутом и посульником и обвиняя его в неправославии».

Пытаясь этим воспользоваться, Стеншин стал призывать: *«Спас де велел взяти воеводские животы на государя».*

Но грабить воеводу народ не решился и бывшие единомышленники Стеншина, видя, что народ не очень-то реагирует на эти призывы, сразу изменили свое отношение к бунту:

«Иван Осколков, сойдя с крылоса, говорил Петру Стеншину, таможенному голове и другим: “чтоде вы зовете нас идти на воеводский двор Дмитрия Андреевича Францбекова, животы его иметь на государя? Есть де государев указ, как де бывает воеводам перемена, в то время велено у воевод животов досматривать, будет де лишку объявится за государевым указом, то де велено имать на государя, да и том велено писать к государю к Москве”».

Сам Стеншин четко определил, почему столь неустойчивым было мнение остальных заговорщиков: *«Вы де потому государевым делом не радеете, — сказал Осколкину Стеншин, — что де вы приплыли в Якутский острог со многими своими товары для ради больших торгов и великих себе нажитков».*

Как будто у главных деятелей этого заговора желание покончить с воеводой заключалось не в тех же «нажитках».

Почему и служилый народ Якутска не поддержал торговцев, а старый **казак Рогачев** выразил их общее мнение такими словами: *«…торговые пойдут к Руси, промышленные разойдутся по промыслам; преже всех будет вашим* (служилым людям. — *С.В.*) *головам, быть маслу на спине, течи по пятам». На это Чуфаристов* (десятник **Семен Чуфаристов**, сидевший в тюрьме при П. Головине. — *С.В.*) *отвечал сочувственно: «и так де, старик, у нас на наших спинах кожи дубленые» и пошел из церкви собирать свою братью служилых людей, чтобы помешать затеянной смуте».*

Выждав, когда народ успокоится, Францбеков произвел аресты и провел допросы с пристрастием главных зачинщиков бунта — **Афанасия Аврамова**, **Никиты Агапитова**.

«Убедившись в полной неудаче задуманной интриги, Петр Стеншин счел за лучшее примириться с воеводою; мир был заключен в церкви на то, чтоб впредь “им меж собою ни в чем не враждовать”».

Но уже в мае 1651 года по доносу дьяка Петра Стеншина началось следствие о злоупотреблениях воеводы Дмитрия Францбекова, которое завершилось для последнего полным крахом.

Правда, есть и другое мнение на этот счет: *«…благодаря его брату Ивану Францбекову, который в начале 1652 г. ударил челом государю, указывая, что Дмитрий в 159 г. был оклеветан торговыми людьми; по этому поводу состоялся в феврале приговор: “160 г. февраля в 21 день государевым, царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси словом приказал боярин*

князь Алексей Никитич Трубецкой дать государеву грамоту в Сибирь на Лену в Иркуцкой острог к стольнику к Ивану Акинфову, а велеть ему Дмитрея Франзбекова из Якуцкого острогу отпустит ко государю к Москве, а буде Дмитрей встретится с окольничим и воеводою со князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским и похочет с ним ехать в новую в Даурскую землю и ему ехать велеть, а что будет у него, у Дмитрея, взято животов и все те ево животы ему, Дмитрею, отдать”».

Продолжение этой истории имело место в 1652 году в устье реки Яны, когда 27 человек служилых и промышленных людей, представляющих интересы торговых людей гостиной сотни Василия Шорина и Василия Федотова Гусельникова, *«пришли в балаган и на судно Юрия Селиверстова, который возглавлял промышленную экспедицию, отправленную Францбековым за моржевыми клыками, били служилых людей и, перевязав, развезли врозь по своим судам и разграбили животов Юрия Селиверстова на 950 р. под предлогом, что “тот живот Дмитрия Ондриевича Франнцбекова, с нас же имал, с торговых и промышленных людей, да тебя де отпущал”. Затем группа охочих людей, набранных Селиверстовым из промышленников, во главе с тем же Ив. Обросимовым и Гаврилом Алексеевым* (новопроборными служилыми людьми из команды торговцев Шорина и Гусельникова. — *С.В.*) *свезли “крадом” запасы и государевы товары, которые сушились на козлах, на судно к торговому человеку Григорию Юрьеву под тем же предлогом, что “тот запас и товар воеводы Дм. Андреевича Францбекова”, а самого Юшку хотели убить и загрозили, загнали в казенку, “всякими угрозами кабалы вымучили” и “впредь на меня похвалялись всякими недобрыми делы”, жаловался Селиверстов. Торговые и промышленные люди открыто говорили служилым людям: “только де нас станут служилые люди в том убойстве нас имать, и мы де вас всех прибьем, что свиней на голову”, а прикащик Шорина Семен Иванов похвалялся **“не диковинно де вас убить, много де и воевод по городам убивают, да и от того де ничего не делается*** (выделено мной. — *С.В.*)***”»…***

Юрий Селиверстов — бывший таможенный служащий, проходивший по делу Ходырева-Хабарова в качестве обвинителя, разоблачавший двух сообщников в нелегальном вывозе якутской пушнины «в Русь», теперь, вместе с Хабаровым оказываются в команде Францбекова.

Судя по тем документам, которые сегодня используются историками, Францбеков не случайно выделил этих двух людей, не имеющих ни стыда, ни совести, когда дело касалось личной прибыли — Ерофея Хабарова и Юрия Селиверстова. Они были с ним, «немчиной», одной и той же породы — готовые корысти ради совершать и самые грязные делишки (Селиверстов), и жуткие кровавые преступления (Хабаров).

Но и оба поплатились за это.

О Селиверстове мы уже писали: *«68 пудов моржовой кости, принадлежащей ему и оцененной в 2281 рубль, были отобраны в счет уплаты долга, взятого у воеводы Дмитрия Франсбекова. По подсчетам Съезжей избы, Селиверстов оставался должен казне еще 1396 рублей 6 алтын 7 денег. В связи с показанием Селиверстова, что на Анадыре он роздал промышленникам в долг примерно эту же сумму, воевода Лодыженский выслал его туда летом 1657 года под наблюдением сына боярского Курбата Иванова»* (М.И. Белов).

Но из этого похода он уже в Якутск не вернулся…

О Хабарове у нас отдельный разговор.

1652 год. Амурский расстрел

Начнем эту историю с того, что человек, вставший во главе взбунтовавшихся на Амуре в походе Ерофея Хабарова казаков, был оправдан при проведении следствия в Москве.

Это был **Степан Васильев сын Поляков**, тобольский казак, по всей видимости бывший поляк или сын польского военнопленного сосланного в Сибирь.

В Якутске он, будучи вольным казаком, служил с 1640-х годов. Был человеком очень уважаемым — его неоднократно избирали «житнецким целовальником», который ведал выдачей хлебного и соляного жалования для служивых людей Якутска. На такую должность избирали далеко не каждого — только тех, как пишут, кто *«душою прям и животом прожиточен»*.

Позже Поляков возглавлял промысловую артель на Алдане, а у Хабарова в походе на Амур он ведал всей артиллерией и доставкой тяжелых грузов.

А вторым человеком, возглавившим бунт, был енисейский казачий десятник **Константин (Костька) Иванов сын Москвитин**, известный к тому времени землепроходец. Это был человек, который в 1647 году вместе со служилым человеком **Ивашкой Самойловым** и «новоприборным охотником» **Ивашкой Артемьевым** были посланы из Верхнеангарского зимовья енисейским атаманом **Василием Колесниковым** для поиска дороги к монгольскому князю Турухай-Табунану и сбору сведений о «серебряной горе». Они были первыми русскими людьми, которым удалось пересечь Западное Забайкалье с севера на юг и достичь 29 июня 1647 года ставки монгольского хана, кочевавшего с 20 тысячами подданных в бассейне реки Селенги. Князь доброжелательно принял казаков и согласился платить ясак русскому царю.

А в 1650 году Константин Москвитин пришел с Байкала на Амур с группой казаков и влился в отряд Хабарова. Пришел не случайно: *«Полученные Костькой в монгольском походе сведения о «седячей орде Лавкаева роду» не остались без внимания атамана. Весной 1650 года Галкин послал из новопостроенного Баргузинского острога «через Витимские вершины на Шилку реку к князцу Лавкаю для приводу его к государевой милости» трех* (!!! — настолько Галкин был уверен в успехе их миссии. — *С.В.*) *казаков, — десятника Костьку Иванова Москвитина с това-*

*рищами, — служилым человеком **Коземкой Федоровым** и охочим служилым казаком **Андрюшкой Петровым**»* (В. Бахмутов Красноярский. «Забытые имена...»).

Но... раньше их здесь побывал уже Ерофей Хабаров, о чем у нас речь впереди.

Государственные задачи, которые стояли перед любой экспедицией служилых людей в Сибири заключались в том, чтобы, во-первых, «приискать новые земли», построив на них военные укрепления и заведя хлебопашество, а во-вторых, — «приискать новых ясачных людей», которые пополнят драгоценной пушниной государственную казну.

И в каждом государственном наказе, без которого не могла быть осуществлена ни одна военно-промысловая экспедиция, дьяки Сибирского приказа или воеводы одного из сибирских воеводств, в обязательном порядке требовали от казаков действовать добром и лаской по отношению к местным народам.

Но это в том случае, если экспедиция ставила перед собой государственные задачи.

Поход на Амур был коммерческой сделкой крестьянина Ерофея Павловича Хабарова и нового якутского воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова.

Замысел похода был весьма прост — используя государственные средства (людей, оружие, хлебное и соляное жалованье) и личные сбережения Францбекова произвести на Амуре грабительский набег, единственной целью которого было личное обогащение Хабарова и Францбекова.

Поэтому Хабарову нужно было в самые короткие сроки получить максимальную прибыль от этого похода.

Именно в связи с этим в отношении коренного населения Амура он применял единственно подходящую для этого случая тактику — ТОТАЛЬНОЕ УСТРАШЕНИЕ.

А в отношении людей, которые пришли с ним на Амур, он применял в тех же целях получения максимальной прибыли тактику тотального ЗАКАБАЛЕНИЯ, опутав большинство из этих людей неоткупными долгами.

Ему не нужно было укреплять Амур — поэтому он, стремительно двигаясь вниз по реке, сжигал за собой все «мосты» — убивал аманатов, сжигал зимовья и остроги, не селил своих людей на пашни, заливая амурскую землю кровью...

Он только грабил...

И грабить начал с первых дней похода.

В челобитной Степана Полякова, которую подписали вместе с ним более ста человек, участвовавших в Амурском походе, сообщается о фактах, от которых просто волосы дыбом встают.

И не только у нас, нынешнего поколения сибиряков и дальневосточников, — у современников самого Хабарова, для тех из них, для кого государственные задачи были выше и значимей интересов собственной наживы, эти действия и поступки Хабарова были преступными.

15 июля 1650 года были ограблены вилюйские «тынгусы».

21 июля — ограблены (захвачено 12 быков) олекминские ясачные якуты, при этом трое из якутов были убиты.

29 августа с реки Олекмы, оставив С.В. Полякова с частью людей и с тяжелым грузом, Хабаров (как когда-то Василий Поярков) налегке отправился на Амур, *«а нам холопям твоим государевым, он, Ярофей, велел итти позаде собя за собою с твоей государевой казной до Амура реки в Лавкаево княженье»*.

За волоком, еще не дойдя до Амура, случилась следующая трагедия: *«И он, Ярофей, тою князцеву жену и сына ево шилгинеева принял в аманаты. И, приняв, государь, он, Ярофей, тех аманатов, князцеву жену и сына ево шигинеева, захотел он, Ярофей, ту князцеву жену взять себе на постелю и та шилгинеева жена не пошла к нему, Ярофею, на постелю безчестья ради и он, Ярофей, рьняся на нее тое ночи удавил для ради своей бездельной глупости...»*

Степан Поляков со своим отрядом с трудом добрались до Левкоева княжения, доставив груз.

И что они увидели здесь?

«...Лавкаев город сожжен, разорен и посад сожжен и разорен, а ево, Ярофея, тут нет, ни вести нет, где он, Ярофей».

21 ноября 1650 года отряд Полякова обнаружил Ерофея Хабарова в Албазине. И, как оказалось, они доставили на Амур не государственную пороховую, свинцовую, соляную и хлебную казну, а личное имущество Хабарова:

«И он, Ярофей, твою государеву казну у нас, холопей твоих, всю сполна здраво принял. И, приняв, он, Ярофей, учал называть своим животом, а не твоей государевой казной. “Пушки и пищали, и порох, в свинец, и куяки, и сукна, котлы, косы и серпы и уклад взял де яз из государевы казны только по обценке в долг и в той де казне дал на себя запись в казну в Якутцком остроге во-

еводе Дмитрею Андреевичу Францсбекову да дьяку Осифу Стефанову". Словет: "то декупил яз ту казну государеву". И учал продавать пищали и порох, и сукна, и котлы, и серпы, и косы — все продавать дорогою ценою: пищаль да два фунта пороху, да два фунта свинцу, да котел фунтов с четыре — по штиидесят рублей и по семидесят рублей и больше».

18 декабря из Албазина Е. Хабаров направил *«служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесят человек служилых и охочих казаков на сторонних мужиков, на лаурских и на тингуских мужиков, которых они взяли без бою, так как полагали, что задача «наша была на том, что их, мужиков, не убить, ни жен их, ни детей их, а им мужикам быть под твоею государской высокою рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступны и ясак тебе государев давать по вся годы и с роду своего…»*

Как поступает Хабаров?

«И мы, холопи твои государевы, на том их взяли с женами и з детьми… их и привели тех мужиков к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, тех мужиков у нас, холопей твоих, принял и велел посадити в воду (утопить. — *С.В.*), *а жены и дети и их шубы, соболи подуванить велел, утекаючи, он, Ярофей, на свой бездельной нажиток а тебе государю большую поруху учинил в ясачном зборе, а в земле Даурской — шатость…».*

Далее. Это произошло еще в Албазине: *«И во 159 году марта 25 писал он, приказной человек, Ярофей Хабаров, к тебе государю в Якуцкой острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францсбекову, да дьяку Осифу Стефанову из Албазина городка, что де яз, Ярофей, постоянство учинил, в Албазине городке поселился, двадцать семей на пашне посадил и в том тебе государь оболгал, а тово, государь, ничево не бывало, а писал к тебе, государь ложно, а с отписками посылан был Якуцкого острогу служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин, да в товарищах Дружинко Васильев, да племянник, да племянник ево Ярофеев Ортюшко Филиппов Петриловской для ради обмана посылал племянника своево Ортюшко Петриловского, чтобы обмануть твосво государева воеводу в Якуцком остроге Дмитрея Андреевича Францсбскова, да дьяка Осифа Стсфанова и обманом взять твоя государева казна».*

На самом деле войско в это время строило легкие струги для нового похода по Амуру. А сам Ерофей Павлович занимался прибыльным делом: *«Ярофей, почал в те поры пива и вина курить и продавать тем вином и пивом, да сам то вино продавал в чарки, а пиво продавал в ведра служилым людям и охочьим вольным казакам дорогою ценою. И в напойных деньгах кабалы имал и оттово продажного питья ево Ярофеева вконец задолжали. И тут он, Ярофей, хлеб двух городов, Албазина и Атуева, в пиво и вины переварил».*

Далее: *«…июня в 5 день из Албазина городка, поплыл он, приказной Ярофей Хабаров, на низ по Амуре реке, а Албазин городок покинул пуст. И доплыл до Гайгударова города и божею милостию и твоим, государь, счастием. Гайгударов город взяли и многия языки поймали.*

…И от Гайгударова города поплыли вниз по Амуру. И как доплыл до Банбулаева города, а тот, Банбулаев город стоит пуст, а мужики выбежали, а хлеб стоит по полям, не жат».

Хабаров решает использовать эту ситуацию с очередной коммерческой выгодой: *«И тут он, Ярофей, захотел жить и жеребий метал и, государь, бог изволил жити. И по жеребью было изволил, государь, бог жить тут, в Банбулаеве городе. И он, Ярофей, учал продавать косы и серпы твои государевы дорогою ценою: косу по два рубли, а серпы по рублю, а мы, холопи твои государевы, покупали косы и серпы, потому что хотели с поля хлеб жать, а тебе, государю, служити и поселитца, постоянство зделать. А он, Ярофей, продавал косы и серпы не для ради поселения, а продавал он, Ярофей для ради долга, корысти своей. И жил он, Ярофей, в Банбулаевом городе три недели. И как распродал косы и серпы и захотел он, Ярофей, плыть на низ».*

А вот, что случилось 5 августа.

«И как доплыл он, Ярофей, до Толгина города — и божию милостью и твоим государским счастьем и казачими головами Толгин город взяли. И сорок пять человек даурских мужиков поймали. Да в них восемь человек князцей даурских даурской земле державцы. именем Толга, да Балуня, да Торончай з братом да Омантю, ево брат. И те были, государь, князцы даурские лутчие державцы. И оне, князцы, тебе, государю, шерствовали по своей вере. И ясаку, государь, с собя и с своево роду дали два сорока соболей.

…И бил челом тебе, государю, а по твоему государеву указу, приказному человеку, ему, Ярофею Хабарову, князец Толга с товарищи, чтобы ты государь, дал бы им сроку до осени в нынешнем де во 159 году: дали де мы ясак царю богдойскому, потому ныне у нас соболей нет вашему государю царю Алексею Михайловичу всея Русии и дадим де мы ясак на 160 год со всей Даурской земли весь сполна. А тот Толгина город крепок был выше меры в две стены рублен в целом древе, а промежу стенами был сыбан хрящ. И кругом города было копано три рва, по три сажени глубины, а широта по четыре сажени. И велел он, Ярофей, нам, холопям твоим государевым, тот город строить и укрепить на городе тройной чеснок, и аманацкой двор поставить. И мы, холопи твои государевы, по ево ярофееву приказу так мы зделали чеснок на стене и аманацкой двор поставили, а кругом аманацкого двора поставили тын стоячий, да нарубили на городе четыре башни и на башнипоставили пушки. И велел он, приказной Ярофей, жеребовать в городе места, где кому ставить избы. И он же, приказной человек Ярофей Хабаров, умысля как бы и тут постоянства не вздеlать тебе, государю, сентября во второй день выпустил лутчево князца Балуню без войсковово ведома и совета на волю. И от тово Балуни, а ево ярофеевым наученьем начала быть в Даурской земле шатость. И того же месяца в 4 день даурсково князца Толгу с товарищи, ево, приказной Ярофей Хабаров, бил кнутом насмерть нещадно. Того же месяца в 5 день велел он, приказной Ярофей Хабаров, нам, холопям твоим государевым, из города хлебные запасы вынести и пушки выкатить на суды, а город зажечь, и около города посад весь зажечь же. И как разорил Толгино княженье и от тово места поплав учинил вниз. А Толгу князца потерял своим небрежением и нерадением, а тот Толга был державсц всей Даурской земле, а держание ево было дано ему, Толге, от богдойсково царя кабы что воевода».

А далее еще более нелепое — зимовали, не поставив ни острога, ни крепости: *«И как выплыл из даурской земли в Дючерскую землю и плыл дючерами три недели. И как доплыл до Ачансково улуса и тут в улусе стал и почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял и твою государевы казны, а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто».*

Но и это еще не все:

«И как мы в охочей поход, холопи твои государевы, ходили и божию милостию Кечигин улус разгромили и кечигиных братей поймали трех, да улусных мужиков четырех и приказному привели. И приказной Ярофей Хабаров под тех кечиных братей ясак взял тебе, государю пять сороков соболей, а тот Кеча у дючер большей. Как он, Ярофей, ясак взял тебе, государю, с Кечи под ево кечиных братей и после ясаку он, приказной Ярофей Хабаров, руки посек да и повесил. И у жакшурова сына руку отсек да и тово повесил, а иных аманатов порубил. И пошел он, Ярофей Хабаров, из Очанского вверх по Амуру в Даурскую землю в Толгино княжение. И как пришел в Даурскую землю в Толгино княженье и тут он, Ярофей, промыслу учинить не учал, а твоей государеве службе не радел и постоянства не делал».

Тем временем Францбеков направляет в 1652 году на Амур к Хабарову новую партию людей, которую ведут служилые люди **Третьяк Ермолаев Чечигин** и **Артемий Филиппович Петриловский** (племянник Хабарова).

В Албазине они Хабарова не нашли. Попытка взять ясак с местных жителей не увенчалась успехом: *«И оне, даурские люди, говорили так: “рады де мы вашему государю ясак давать только де вы люди лукавы, правды де в вас нет… …и он, Ярофей, суды поделал из Албазина городка пловучи на низ наши жилишка жег и пустошил, нас, даурских людей, рубил в пень и жены наши и дети в полон имал, лучших наших князцей, Толгу и Толончея, иных князцев кнутом забил, а иных огнем зажег, а иных с собою увез и наши жены и дети на низ уплавил, не ведаем — живы, не ведаем — мертвы…”»*

Казаки сплавились ниже:

«И как доплыли до Толгина княженья и тут выезжали даурские люди. Служилой человек Третьяк Ермолаев Чичегин посылал в стругу толмача Ильюшку, да служилых людей призывать к твоему государскому величеству, велел с них прошать ясак и те даурские мужики говорили: “как де нам дать ясак вашему государю, лиха де ваша неправда: в прошлом де году ясак де мы дали Ярофею в Толгине городке и сами де наши князцы Толга да Торончей были у нево, Ярофея, в аманатах и сиными князцами и мы де с ним, Ярофеем, по своей вере шерстовали, что было

нам ясак дать вам по вся годы и он де, Ярофей, правды не помня, Толгу князца нашево замучил и иных князцей наших и он де, Ярофей, на низ уплыл без вести и жены наши и дети с собою на низ уплавил, под ково де нам ясак давать...”»

И вот закономерный итог этого похода: казаки взбунтовались и не пожелали служить под началом Хабарова.

Бунт не был тайным — казаки не скрывали своего отношения к тому, что творил Хабаров с верными ему людьми на Амуре:

«И мы, государь, холопи твои государевы, служилые люди и охочие вольные казаки, били челом тебе, государю, а в Даурской земле ему, приказному человеку Ярофею Хабарову, в Кокореве улусе имянным челобитьем, что он, Ярко, твоей государеве службе не радеет и поселенья не делает ни в Даурской земле ни в Дючерской земле города не ставит и аманатов теряет, даурских идючерских князцей, небреженим и нерадением, а государеву казну продает и от тово себе, ты, приказной человек Ярофей Хабаров, корысть получаешь велику, а мы, государевы холопи твои, подымались из Якуцково острогу и с промысловсвоих на своих подъемах и будучи мы, холопи твои государевы, с ним, Ярофеем, на твоей государеве службе задолжали вконец. И мы, холопи твои государевы, подымались для ради твоей государевы службы, а не для ради своей бездельной корысти с соболиново промыслу, а хотели мы быть от тебя государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, в твоем царском жалованье. И мы, холопи твои, почали ему, Ярофею, говорить: “от твоево, Ярофеева, непостоянства и нерадения нам, холопям государевым, не бывать в царском жалованье”. И он, Ярофей Хабаров, почал нам, холопям твоим государевым, говорить тако: “(...)хчи, что де вам, мужики, дело до государевы казны, хотя де яз и продаю государеву казну, взял де государеву казну тут я в Якуцком остроге из государевы казны у воеводы Дмитрея Андреевича Франсцбекова, да у дьяка Осифа Стефанова только де по обценке, в долх и в той де я казне на собя запись дал и словом де то купил, что куды де яз с тою казною хочу туды де яз пойду, хотя де и на промысел, а вы де мне не указывайте и не бейте челом и подите де вы куда хотите, вам де что будет от государя какое жалованье, а у меня де писано к государю моими подъемами, а вы де на моих подъемах”, а мы, государь, холопи твои государевы, многие на своих подъемах, а не на ево, Ярофеевых, и служим мы, холопи твои, тебе, государю, своими головами в новой Даурской земле бес твоево государева жалованья, с воды и с травы, а он, Ярофей, наши подъемы и пишет к тебе, государю, ложно, а нам, холопям твоим, учал он, Ярофей, грозить: “вы де у меня съели запас на Тугире и на Урке и за всякой де пуд вы мне заплатите де по десяти рублев” и хотел на нас править правежами немерными, а нас, холопей твоих государевых, мучить, изгонять и обижать всякими налогами и правежи немерными и впредь учал грозить кабальными правежами немерными. И нам, холопям твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить стало незаможно, тебе, государю. И от таковых обит и изгони и от непостоянства ево, Ярофеева, Стенька Васильев Поляков да Костька Иванов с товарищи сто тритцеть два человека поплыли на низ тебе, государю, служить своими головами оприченно ево, Ярофея, с травы и с воды».

Они добрались до Гиляцкой землицы и поставили там, как положено, острог и начали собирать ясак с местного населения.

Если бы Поляков с Москвитиным, используя тот потенциал, который у них был — кадровых и «новоприборных» служилых, которые встали на их сторону, — сместили и арестовали бы Хабарова, то, вероятно, судьба Амура и русских людей на Амуре была бы во многом иной, и, может быть, не столь трагичной...

Но отмежевавшиеся от Хабарова казаки были настроены на мирный исход и желание строить на Амуре мирную жизнь, «ласкою» призывая гиляков присягать на верность русскому царю.

Но Хабарову эта казачья «затея» была как кость в горле — она раскрывала всю корыстную суть его с Францбековым замысла грабительского набега на Амур, которую Хабаров хотел скрыть от Москвы и, отчасти, даже и от своего якутского компаньона, не желая делиться с ним всеми своими «животами» — тайными схронами, которые он оставлял на Амуре, не имея возможности тайно от казаков вывезти все награбленное.

И он предпринимает против людей Полякова-Москвитина подлейший прием — он расстреливает острог и казаков, находящихся в остроге из пушек, забивает на глазах поляковцев и москвитинцев насмерть батогами двенадцать их товарищей, захва-

ченных в плен, и таким образом вынуждает «бунтарей» сдаться, обещая всем им «прощение»:

«И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на роскаты вскатил пушки и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Стефанову Кузнецу, да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву Осташковцу и иным служилым людям велел стрелять по аманацкому двору и по твоему государевому острогу ипо нас, холопям твоим государевым, велел стрелять из мелково ружья с ранново обеда задовечерья. И мы. холопи твои государевы, не стреляли по них противо бояся твоей государской грозы».

«И учал сщиты делать и умышлять своими потаковщики и судъники своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенатцать человек и велел палками на смерть прибить он, Ярофей, и мы, холопи твои государевы видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос князцам иноземским. И мы, холопи твои по совету промежу собою били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево лукавство, за ротою мы ему, Ярофею, отдали(сь) и в тех аманатах мы у нево, Ярофея, отпись взяли, а рота была ево, Ярофеева, на том что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших стаков не грабить. И он, Ярофей, не помня бога и не бояся твоей государевой грозы, нас, холопей твоих четверых, Стеньку Полякова да Костьку Иванова, да Фетьку Петрова, да Гаврилка Шипунова посадил в железа, а иных всех, холопей твоих государевых, батогами бил вместо кнута, без рубах насмерть, а иных давал за приставов и приставы их мучили из живота. И от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много. И всех нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, изувечил и статки наши и животишка вымучил и пограбил».

А потом произошло то, что и везде на Амуре: *«И февраля в 7 день он, Ярофей, велел острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова, которой мы, холопи твои, острог поставили и ясак, тебе государю, збирали под аманаты, которых аманатов мы, государь, поймали. И марта в 3 день взял он, Ярофей, лутчево аманата гиляцково князца Мингалчю с собою вожем на гиляцкие улусы. И ходил он, Ярофей, в поход на ясачных мужиков для ради своей бездельной корысти, а не ради твоей государевой прибыли и тово аманата Мингалчю убил, а тот аманат Мингалча гиляцкой князец тебе, государю, ясаку дал три сорока соболей».*

«И побежал он, Ярофей, вверх по Амуру из Гиляцкой земли от своего зимовья, а зимовье свое зажег также, как он, Ярофей, жег и разорял и в Даурской земле и в Дючерской земле…».

Почему Ерофей Хабаров оставил в живых столь опасных для него свидетелей, которые и стали его главными обвинителями, превращая из героя-землепроходца в грабителя и убийцу?

Вероятно, он, будучи человеком расчетливым, понимал и чувствовал новую опасность — смерть этих людей может привести к очередному бунту, который может закончиться для него самого жуткой казнью…

Арест он готов был пережить (и впоследствии пережил) — у него в Сибирском приказе был хорошо прикормленный (еще со времен златокипящей Мангазеи) дьяк Григорий Протопопов, сын которого (по версии Владимира Бахмутова Красноярского) участвовал в Амурском походе и готов был порадеть в Москве перед отцом за своего разбойного атамана.

И, действительно, в это время в Москве радовались успехам Амурского похода, сообщение о которых прислал якутский воевода — о многочисленных острогах, о пашенных землях, о богатом ясаке и мирных жителях, которые с восторгом идут под власть русского царя…

В 1652 году в новую Даурскую землю был послан стольник Дмитрий Иванович Зиновьев — царский посланник с щедрыми царскими наградами Хабарову «с товарищи» за Амурский поход.

Примерно в это же время формируется команда для Даурского воеводства, включающего в себя уже и… «Китайские земли».

Первым даурским воеводой назначается Афанасий Пашков. Но это другая история.

25 августа 1653 года Дмитрий Иванович Зиновьев во главе отряда из 300 человек встречается вблизи устья реки Зеи с отрядом Ерофея Хабарова и вручает казакам царские награды.

А 6 сентября в руках у Дмитрия Ивановича оказывается челобитная Степана Васильевича Полякова, подписанная сотней его товарищей.

15 сентября все того же 1653 года Зиновьев с отрядом из 150 стрельцов отправляется в обратный путь в Москву с… арестованным Ерофеем Хабаровым и свидетелями его грабежей и зверств С. Поляковым и И. Москвитиным, а также амурскими князцами — жертвами этого набега…

Вместо Хабарова во главе амурского войска Зиновьев поставил **Онуфрия Степанова**. Помощниками ему в качестве войсковых есаулов назначил прибывших с ним якутского служилого человека **Трофима Никитина** и тобольского служилого человека **Симанку Захарова**. Для усиления амурского войска он оставил на Амуре 180 служилых людей и охочих казаков, набранных им в городах Сибири.

Перед отъездом Зиновьев отправил посольство «в Богдойскую и в Никанскую земли к богдойскому и никанскому царям» с посланием, а Степанову написал и вручил две наказные памяти. В одной из них он приказывал в устье Урки завести пашню, засеять там хлеб для обеспечения 5–6 тысячного войска, которое должно было прибыть в Даурию. В другой — обязывал на месте Лавкаева городка, а также в устьях рек Зеи и Урки построить острожки для сбора ясака.

То есть нужно было начинать все ЗАНОВО — поднимать остроги на пепелищах и пахать землю, пропитанную кровью…

Но эти наказы остались неисполненными…

Онуфрий Степанов Кузнец, бывший есаул пушкарей, расстреливавших острог Полякова, погибнет, как и большинство других первых амурских казаков в боях с восставшими против русских грабителей местными жителями и пришедшими им на помощь маньчжурскими войсками.

Но перед своей смертью Кузнец узнает и о гибели первого русского посольства в Китай:

«4 июля 1654 года казаки О. Степанова … захватили в плен жену дючерского князца Тоенчи, прежде платившему им государев ясак. От нее стало известно, что Тоенчины братья, которым было доверено сопровождать посольство из пяти человек во главе с ***Т.Е. Чечигиным,*** *перебили их у себя в юртах, даже не сообщив о нем маньчжурам».*

Так, столь же бесславно, как и первый — поярковский, — завершился второй — хабаровский — этап Амурской экспедиции…

Что касается судьбы Степана Васильевича Полякова и Константина Ивановича Москвитина, то мы знаем главное — они оба были оправданы.

Ивану Константиновичу поручалось доставить на Амур из Москвы даурских князцов — свидетелей бесчинств Хабарова. Как предполагает В. Бахмутов Красноярский, они не были доставлены по назначению — попали в руки еще одного сибирского тирана, даурского воеводы Афанасия Пашкова и бесследно исчезли.

Степан Васильевич Поляков, тобольский уроженец, был произведен «из конных казаков за даурскую службу» в чин сына боярского, а потом, при формировании в Сибири первых регулярных полков, был переведен в рейтары, а затем в драгуны, дослужившись до чина капитана.

В 1671 году, по указу царя Алексея Михайловича в Тобольск была послана грамота князю Ивану Борисовичу Репнину в которой было

«велено послать из Тобольска в Селенгинской острог из тобольских детей боярских добраго и знатнаго человека того острогу досмотреть тот острог, впредь Великому Государю прочен ли и ясак в сборе и прибыл из того острогу будет ли; и близко того острогу какие иноземцы живут и ясак Великому Государю платить учнут ли, или близко того острогу живут Калмыцкие или Мугальские люди, и не чает ли от них к тому острогу приход и служилым и промышленным людем обид и разоренья. А как тот сын боярской из Селенгинского острогу в Тобольск приедет, о том велено отписать и досмотру его список прислать к Москве».

Речь шла о Полякове.

В 1679 г. драгунский капитан Степан Поляков был назначен начальным человеком Исетского острога, где он к тому времени располагал собственными земельными угодьями.

Судьба одного из Поляковых — однофамильца либо родственника — была связана и с Камчаткой: будучи в составе экипажа бота «Святой Гавриил» служилый Лаврентий Поляков в 1731 году участвовал в подавлении Харчинского бунта, а в 1732 году — стал одним из первооткрывателей Большой Земли — Аляски, западного побережья Северной Америки.

Впоследствии на Камчатке в составе Сомовского полка служил Евсевий Поляков — родоначальник камчатского казачьего рода Поляковых, потомки которого и по сей день живут и на полуострове, и в других регионах России.

А вот Онуфрий Степанов Кузнец, который был оставлен главным на Амуре, фактически подчинился влиянию казачьего круга, заводилой которого был племянник Ерофея Хабарова Артемий Филиппович Петриловский, избранный вольным атаманом.

30 июня 1658 года отряд О. Степанова был атакован и разбит манчжурами. Из 360 человек погибли 220. Артемий Петриловский, и с ним еще 45 человек, подались в Гиляцкие земли:

«…людей только 140 человек. И те де осталые служилые люди, идучи вниз по Амуру, нашли служилых же людей, которые от богдойских людей з бою ушли ранены, ево Ортюшку Петриловского с товырыщи 45 человек. И собрався все вместе пошли на них к морю, и пришли к Гиляцкой земле, и поставили острог промеж Гиляцкой и Жучерской земли во 167 году, и в том остроге зимовали, и на великого государя ясак збирали. И к ним де гиляцкие люди к острогу приступали, и острог в трех местех зажигали, и убили у них 3 человек казаков, а иных многих ранили. А на весне де ис того острожку пошли они, служилые люди Ортюшка с товарыши, вверх по Амуру-реке к Офонасью же Пашкову всех 180 человек, и нашли они на Омуре ж служилых людей 40 человек которые з богдойского ж бою ушли на спасском дощенике. И собралося их всех служилых людей 220 человек. И в Ачаньском улусе сказывали им многие языки, что де идут на них богдойского царя ратные люди 20 бус и хотят достальных всех побить. И они де, служилые люди…» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 1572, л. 15).

«В Кумарском остроге отряд разделился: 120 казаков отправились на реку Зею “кормиться”, а 107 человек во главе с Петриловским через Тугирский волок ушли на Олекму и далее в Илимск. Местный воевода Петр Бунаков отправил выборного атамана Петриловского и 5 рядовых казаков с амурской ясачной казной в Москву. Уже 3 октября 1659 г. станица приехала в Енисейск, где служилых внимательно расспросил воевода И.И. Ржевский. В сентябре 1660 г. Петриловский подвергся распросам в Москве».

В дальнейшем его служебная роль непонятна. В Москве он был арестован и допрошен. Все, что они с Хабаровым творили на Амуре, им было прощено за «присоединение» даурских земель к России. Вполне вероятно, что все это — заслуга дьяка Сибирского приказа Григория Протопопова. Но Протопопов не смог добиться главного — разрешения Хабарову вернуться на Амур, чтобы вскрыть свои «схроны».

Ерофей Хабаров, в чине сына боярского, то есть служивого человека (вполне возможно, как ссыльного), и казачий пятидесятник Артемий Петриловский ведали верхоленскими пашнями.

В 1666 году уже атаман Артемий Петриловский участвует в подавлении восстания тунгусов, осадивших Охотский острог, где у попавшего в осаду сына боярского Федора Ивановича Пущина скопилось сорок сороков пушной казны, и в помощь ему, чтобы прорвать осаду, был послан сначала отряд из пятидесяти человек с Петриловским, а потом такой же — с сыном боярским Архипом Лыткиным

У Артемия Петриловского было два сына — Василий (1670 г. р., впоследствии с 20 июня 1688 г. атаман в Якутске) и Алексей (в 1706 г. казачий пятидесятник).

Алексей Артемьевич Петриловский, как нам уже известно, — продолжил генеральную линию своего рода, — стал на Камчатке и грабителем, и убийцей…

* * *

СПИСОК АМУРСКИХ КАЗАКОВ

1655 г., 3 апреля. **Челобитная и послужной список охочих и служилых амурских казаков, пришедших на Амур с Е. Хабаровым, Т. Чечигиным, Д. Зиновьевым, П. Бекетовым, И. Кашинцем.**

Лета 7163 апреля в 3 день на государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии службе в дальней его государеве вотчине на Великой реке Амуре список послужной имянной Якутцкого острогу служилым и охочим амурским казакам со 161 году, как приезжал дворянин Дмитрей Иванов сын Зиновьев, и которые оставлены после Дмитрея Зиновьева розных городов тобольские и тюменские и сургутцкие и верхотурские и Туринсково острогу служивые люди и Верхоленского острожку служивые и охочие амурские служивые люди, да Енисейского острогу служилых людей тритцать человек и которые пришли охочие служилые люди с служивым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом и которые пришли с верх-Шилки-реки с енисейским с сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым Енисейского острогу служивые и охочие служивые ж люди дватцать восемь человек. А служили те служивые и охочие амурские казаки государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии на Вели-

кой реке Амуре и по иным сторонным розным рекам на боях в походах в прежных годех преж приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки и сидели в осаде от богдойских воинских людей и от иных розных земель собранья в Усть-Комарском острожке всеми амурскими служилыми и с охочими амурскими казаки и с енисейским сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым з дватцатью с осмью человеки и билися явственно. И тем всем служилым людем написаны имяна их в сем в послужном списку порознь по статьям, хто в котором году на Великой реке Амуре у чал государеву службу служить:

Приказной человек Онофрей Степанов бился явственно (далее — б. я.). Служилой человек, вместо подьячих Богдашко Габышев б. я. Ясаул Тимошка Федотов б. я. Ясаул Олешка Кирилов б. я.

Служилые люди и вольные охочие казаки, которые пришли в прежных годех с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым:

Ортюшка Филипов Петриловской б. я., толмач Логинко Ярофеев б. я., Ондрюшка Дмитреев б. я., Семейка Федоров Бойдонов б. я., Первушка Нефедов б. я., Ярофейко Яковлев б. я., Микитка Терентьев б. я., Ондрюшка Петров б. я., Ивашко Григорьев Протопопов б. я., Семейка Григорьев Бердонос б. я., Марчко Ондреев б. я., Захарко Кузьмин Грибанов б. я., Ивашко Иванов Торопыга б. я., Ивашко Михайлов Чупров б. я., Филка Иванов Высокой б. я., Федотко Дорофеев Кивокурец б. я., Ивашко Калинин Пачезер б. я., Трошка Карпов Южан б. я., Фомка Ильин б. я., Лучка Иванов Кортов б. я., Митька Микитин Хохряков б. я., Кондрашка Иванов б. я., Семейка Федоров Тюменец б. я., Родька Махин б. я., Ондрюшка Степанов Потаповых б. я. и на той выласке Ондрюшка схватил языка, Максимка Иванов б. я., Гришка Таушкан б. я., Митька Алексеев Кочкин б. я., Петрушка Данилов Остяк б. я., Микифорко Данилов б. я., Тимошка Исаев б. я., Тренка Вахромеев б. я., Кормашко Иванов б. я., Харка Федосеев б. я., Демка Лукьянов б. я., Мишка Монзик б. я., Ивашко Иванов Мезеня б. я., Сергушка Киприянов б. я.

Якутцкого острогу служилые люди, которые пришли в другой приход с Ярофеем же с Хабаровым:

Мишка Ортемьев Кашинец б. я., Филка Емельянов Табаков б. я., Ондрюшка Орефьев б. я., Васька Куржумов б. я., Оверка Микифоров б. я., Микулайко Юрьев б. я., Трофимко Микитин б. я., Ивашко Алексеев Шубан б. я., Кузька Гиляк б. я., Ивашко Иванов Дуда б. я., Максимко Михайлов Барабанщик б. я., Лучка Иванов б. я., Федька Кондратьев б. я., Федька Иванов Серебреник б. я., Савастьянко Никитин б. я., Ивашко Мартемьянов Сухой б. я., Ондрюшка Иванов б. я., Пашко Максимов б. я., Ивашко Карпов б. я., Ярофейко Михайлов б. я., Богдашко Онисимов б. я., Ивашко Оверкьев б. я., Ерофейко Степанов б. я., Климко Микитин Корела б. я., Баженко Евсивьев б. я., Федотко Онаньин б. я., Омелка Сарафан б. я., Лучка Кондратьев Оморен б. я., Ивашко Федоров Чермной б. я., Оска Федосеев б. я., Семейка Прокопьев б. я., Васка Иванов Козлов б. я., писан ниже сего. Пронка да Ивашко Тарасовы бились явственно, Сенка Понкратов Мотоход б. я., Гришка Онтонов Шуйской б. я., Федька Максимов Коркин б. я., Сенька Иванов б. я., Федька Елизарьев Скосырь б. я., Васька Верхотур б. я., Васька Григорьев б. я.

Красноярские казаки того ж приходу:

Кирилко Игнатьев б. я., Стенка Савин б. я.

Охочие амурские казаки того ж приходу:

Нефедко Ермолин б. я., Андрюшко Васильев Строганов б. я., Федька Алимпиев б. я., Ивашко Иванов Южак б. я., Фарафенко Тимофеев б. я., Ивашко Лаврентьев Шарабара б. я., Омелька Григорьев Горлан б. я., Олешка Марков б. я., Ивашко Ларионов Малой б. я., Исачко Кирилов б. я., Кулька Микитин Москва б. я., Насонко Кузьмин б. я., Ивашков Сергеев б. я., Ивашко Ондреев Горин б. я., Васка Корела б. я., Огапитко Трофимов Салдат б. я., Стафейко Семенов б. я., Пронка Мартемьянов б. я., Стенка Леонтьев Новогородец б. я., Васка Иванов Митрополщина б. я., Оська Трофимов б. я., Петрушка Пакул б. я., Баженко Измайлов б. я., Исачко Васильев б. я., Исачко Лукьянов б. я., Сенка Ондреев б. я., Тимошка Семенов Старик б. я., Андрюшка Федоров б. я., Гаврилко Герасимов Кайгород б. я., Кондрашко Панфилов б. я., Тимошка Семенов Жуков б. я., Филка Филипов б. я., Ортюшка Осипов Пьяной б. я., Постничко Меркурьев Бушовало б. я., Якунка Пимонов Кокушка б. я., Якунка Федоров Куниловской б. я., Арсючко Гордиев б. я., Гришка Юрьев Даровин б. я., Оська Яковлев Оленев б. я., Никитка Амосов Пестов б. я., Ивашко Парфенов б. я., Титко Леонтьев б. я., Калинка Леонтьев б. я., Ивашко Терентьев Годовиков б. я., Васка Федоров Киселев б. я., Онтон-

ко Евсевьев б. я., Ларка Евтифеев б. я., Федотко Леонтьев Бурдук б. я., Федотко Лукьянов б. я., Савка Ортемьев б. я., Баженко Алексеев б. я., Аниска Федоров б. я.„ Ивашко Григорьев Сумин б. я., Мишка Семенов Донщина б. я., Вторко Иванов Теленок б. я., Митька Назаров Тютя б. я., Климко Ондреев Салдат б. я., Ивашко Елфимов Квашнин б. я., Васка Дмитриев б. я., Васка Карпов б. я., Васка Иванов Козлов б. я., Ивашко Никифоров б. я., Еришка да Ондрюшка Земаревы б. я., Митка Селиванов б. я.

Служилые люди, которые пришли с Тренкою с Чечигиным да с Ортюшкою Петриловским:

Ивашко Малафеев б. я., Ондрюшка Шипицин б. я., Сенка Сажин б. я., Ивашко Самойлов Молоков б. я., Гордюшка Кузьмин б. я., Ондрюшка Иванов б. я., Якунка Парфенов б. я., Ондрюшка Семенов б. я., Ивашко Игнатьев Манзурьев б. я., Сергушка Березовский б. я., Олешка Пелезаров б. я., Васка Ондреев Бегун б. я., Олешка Микитин Самороков б. я., Кузька Мартемьянов б. я., Никитка Павлов б. я., Мартынко Ларионов б. я., Першка Ондреев б. я.

Охочие амурские служилые люди:

Онофрейко Дмитриев Солдат б. я., Гришка Акипсимов б. я., Мишка Огафонов Свечник б. я., Ивашко Васильев Пан б. я., Олешка Яковлев б. я., Мишка Яковлев б. я., Якимко Яковлев б. я., Федько Офонасьев Шергин б. я., Ивашко Евсевьев Долгой б. я., Тимошка Иванов Касимовец б. я., Тренка Федоров Кузнец б. я., Тараско Никитин б. я., Гришка Иванов Бобаевской б. я., Овдокимко Южак б. я., Тренка Титов б. я., Васка Иванов Пушма б. я., Безсонко Васильев б. я., Кипрушка Иванов б. я., Стенка Павлов Буслаев б. я., Ивашко Стефанов б. я., Гришка Прокопьев б. я., Тимошка Пиминов б. я., Фомка Парфенов б. я., Савка Иванов Коркин б. я., Ондрюшка Ортемьев б. я., Калинка Ондреев б. я., Костька Патрикеев б. я., Волотка Тимофеев б. я., Ивашко Яковлев б. я., Якунка Савин б. я., Ивашко Лукьянов б. я., Овдейко Иванов б. я., Нифачко Прохоров б. я., Шестачко Офонасьев б. я., Еремка Харитонов б. я., Ивашко Захаров б. я., Семейка Захаров б. я., Гришка Васильев б. я., Парфенко Огафонов б. я., Петрушка Остафьев Шадра б. я., Гришка Иванов Дунаев б. я., Петрушка Максимов Рожа б. я., Ивашко Фофанов б. я., Сенька Михайлов б. я., Фетька Орефьев б. я., Ортюшка Яковлев б. я., Богдашко Федоров б. я., Ивашко Харитонов б. я., Иваш-

ко Кирилов Козоеб б. я., Евсейко Фатьянов б. я., Левка Васильев б. я., Якунка Варламов б. я., Порошка Васильев б. я., Елфимко Матвеев б. я., Елизарко Игнатьев б. я., Трошка Якимов б. я., Федотко Микитин б. я., Пятунка Сергеев б. я., Пронка Петров Крашенинник б. я., Офонка Честиков б. я., Митка Иванов Тюменец б. я., Кондрашка Ондреев б. я., Малашко Парфенов б. я., Митка Микитин б. я., Софонко Тимофеев б. я., Ивашко Офонасьев Зырян б. я., Олешка Матвеев б. я., Федька Кузьмин б. я., Трофимко Васильев б. я., Евсийко Фотиев Гурылев б. я., Якунка Григорьев Южак б. я., на том бою ис пушки ранен в левую лопатку. Ортюшка Вахромеев Сажин б. я., Ивашко Иванов Рудаков б. я., Дмитрейко Фотиев б. я., Гришка Мартынов б. я., Лучка Семенов б. я., Ларка Стефанов б. я., Трофимко Онтропов б. я., Филка Карпов б. я., Васка Дмитреев Колмогор б. я., Васка Дементьев Бычек б. я., Никитка Григорьев б. я., Парфенко Прохоров б. я.

Тобольские служилые люди, которые пришли с Дмитреем Зиновьевым в прошлом во 161 году:

Мишка Сидоров Рагозин б. я., Ивашко Сидоров Рагозинников б. я., Ивашко Иванов Круглой б. я., Артюшка Юрьев б. я., Васка Иванов Новопашенной б. я., Лучка Васильев б. я., Логинко Кондратьев б. я., Микулко Иванов б. я., Трошка Ондреев б. я., Федка Иванов Желиборской б. я., Митка Иванов Щербак б. я., Нестерко Васильев б. я., Олешка Игнатьев б. я., Ивашко Яковлев Юрга б. я., Тимошка Стефанов б. я., Левка Матвеев б. я., Ивашко Чурка б. я., Тихонко Колупаев б. я., Никитка Михайлов б. я., Оска Ондреев б. я., Симанко Захаров б. я., Ивашко Дмитреев Чолпановской б. я., Пятунка Петров б. я., Кирилко Онтонов Кособоров б. я., Фетка Осипов б. я., Ивашко Онтропов Кубышкин б. я., Ивашко Олексеев Зай б. я., Ивашко Петров б. я., Мишка Иванов Серебреник б. я., Ивашко Миронов Серебреник б. я., Гришка Олексеев б. я., Федка Александров б. я., Ивашко Харитонов Широкой б. я., Ермолка Ортемьев б. я., Сергушка Титов б. я., Данилко Спиридонов б. я., Бориско Епифанов б. я., Оничка Иванов Крапивин б. я., Васка Киприянов б. я., Левка Матвеев Талыга б. я., Филка Степанов Лопатка б. я., Дениско Вахромеев б. я., Ларка Григорьев Сорокин б. я., Макарко Софронов б. я., Фролко Акилов б. я., Онтонко Никифоров б. я., Митка Сергеев Шигунин б. я., Олешка Пантелеев б. я., Ивашко Гаврилов Москва б. я., Огафонко Самойлов б. я.,

Васка Микитин б. я., Оничка Федотов б. я., Кондрашко Филипов б. я., Петрушка Родионов б. я.

Тюменские служилые люди:

Митка Михайлов Чухачов б. я., Ондрюшка Костянтинов б. я., Ивашко Шелпяков б. я., Тимошка Иванов Май б. я., Сергушка Никифоров б. я., Сергушка Иванов б. я., Митка Самойлов Гурьев б. я., Потапка Клементьев б. я., Гришка Фомин б. я., Васка Дмитреев б. я., Сенка Иванов Кузнец б. я., Сенка Григорьев Голой б. я., Первушка Мякинин б. я., Нехорошко Турнос б. я., Ивашко Васильев б. я., Филка Орефьев б. я., Онисимко Кондратьев б. я.

Сургутцкие служилые люди:

Федка Дмитреев Козел б. я., Якунка Ортемьев б. я., Федка Иванов Попов б. я., Якимко Иванов Челыщев б. я., Никитка Нифантьев б. я., Гришка Мокеев б. я., Ондрюшка Офонасьев б. я., Ондрюшка Перфирьев б. я., Гришка Федотов б. я., Парфенко Иванов б. я., Ивашко Степанов б. я., Ондрюшка Федоров Парунин б. я., Федотко Насонов б. я., Стенка Романов б. я., Левка Иванов Остяк б. я., Ондрюшка Воинов Шелех б. я., Сидорко Ортемьев б. я., Пашко Исаков б. я., Федка Карпов б. я., Силка Парфенов б. я., Васка Сидоров б. я., Ивашко Игнатьев Кудря б. я.

Верхотурские служилые люди:

Мишка Леонтьев б. я., Якунка Степанов б. я., Елеска Онтропьев б. я., Васка Родионов б. я., Кузька Иванов б. я., Ивашко Яковлев б. я.

Туринского острожку служилые люди:

Мишка Никифоров б. я., Кирилко Пиминов б. я., Ивашко Онисимов 5. я., Гаврилко Петров б. я., Меркушка Степанов б. я., Мишка Иевлев б. я., Данилко Олексеев б. я., Гаврилко Степанов б. я.

Охочие служилые люди:

Савка Микитин б. я., Лучка Иванов б. я., Ивашко Пиминов б. я., Федка Михайлов б. я., Кузька Яковлев б. я., Пятунка Панкратьев б. я., Фетка Григорьев б. я., Гаврилко Нестеров б. я., Тимошка Михиев б. я., Тимошка Устинов б. я.

Верхоленского острожку служилые люди:

Пронка Кислов б. я., Мелешка Архипов б. я., Федка Львов б. я., Тимошка Федотов Муха б. я., Семейка Иванов б. я., Офонка Данилов б. я., Захарка Леонтьев б. я., Офонка Гаврилов б. я., Фомка Васильев Постоев б. я., Семейка Иванов Зырян б. я., Гришка Павлов б. я., Левка Ярофеев б. я., Мартынко Киприянов б. я.

Охочие амурские служилые люди:

Миронко Федотов б. я., Силка Федотов б. я., Квтюшка Матвеев б. я., Ивашко Ярофеев б. я., Климко Иванов Городец б. я., Федка Иванов Леденцов б. я., Стенка Стефанов б. я., Офонко Осипов б. я., Ивашко Уваров б. я., Богдашко Павлов б. я., Мишка Федоров б. я., Фалка Иванов б. я., Климко Созонов б. я., Харка Исаев б. я., Ермолка Прокопьев б. я., Сидорко Дементьев б. я., Семейка Иванов Шило б. я., Филка Григорьев б. я., Федка Аврамов б. я., Ивашко Федоров Оглоблин б. я., Лучка Федоров б. я., Тихонко Федоров б. я., Васка Федоров б. я., Матюшка Лазарев б. я., Кирилко Семенов б. я., Ивашко Офонасьев б. я., Ивашко Филипов б. я., Васка Кирилов б. я, Гаранка Федоров б. я., Ивашко Пиминов б. я.

Охочие служилые люди, которые приплыли с служилым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом во 162-м году:

Якунко Микитин б. я., Матюшка Хворостинин б. я., Климко Семенов б. я., Семейка Никонов б. я., Трошка Черепан б. я., Онтонко Емельянов б. я., Юшко Иванов б. я., Нестерко Григорьев б. я., Ивашко Карпов б. я., Левка Михайлов б. я., Илюшка Терентьев б. я., Микитка Елфимов б. я., Федка Антипин б. я., Давыдко Ондреев б. я., Кузька Денисов б. я., Гришка Микитин б. я., Евдокимко Филатов б. я., Ондрюшка Елфимов б. я., Мишка Аврамов б. я., Ивашко Костянтинов б. я., Игнашко Григорьев б. я., Пашко Киприянов б. я., Митка Ондреев б. я., Филка Конанов б. я. Пашко Петров б. я., Матюшка Васильев б. я., Федка Моисеев б. я., Кузька Иванов б. я., Огафонко Яковлев б. я., Патрушка Иванов б. я., Максимко Иванов б. я., Тренка Семенов б. я., Митка Ортемьев б. я., Оксенко Самсонов б. я., Марчко Семенов б. я., Якунка Клементьев б. я., Оска Гаврилов б. я., Федка Ларионов б. я., Васка Иевлев б. я., Гаврилко Максимов б. я., Васка Лаврентьев б. я., Терешка Васильев б. я., Урлапко Агиев б. я., Пронка Тимофеев б. я., Ивашко Юрьев б. я.

Енисейские служилые люди, которые приплыли от енисейского сына боярского Петрушки Бекетова в том же во 162-м году:

Онтипка Черкашенин б. я., Васка Кирилов б. я., Сидорко Тимофеев б. я., Олешка Семенов б. я., Сергушка Петров б. я., Гаврилко Фефилатьев б. я., Дорошка Елфимов б. я., Ивашко Иванов б. я., Савка Кочин б. я., Матюшка Кочин б. я., Фомка Спиридонов б. я., Гришка Олексеев Олень б. я., Оска Ива-

нов б. я., Офонка Григорьев б. я., Петрушка Иванов б. я., Омелька Савин б. я., Васка Леонтьев б. я., Елизарко Волынкин б. я., Ивашко Емельянов б. я., Митка Ефимов б. я., Ивашко Титов б. я., Оска Насонов б. я., Лаврушка Осипов б. я., Гаврилко Ефимов б. я., Волотка Омельянов б. я., Ондрюшка Осипов б. я., Ивашко Леонтьев б. я., Гришка Лукьянов б. я., Ивашко Тимофеев Кузнец б. я., Мишка Давыдов б. я.

Енисейские служилые люди, которые приплыли с енисейским сыном боярским с Петрушкою Бекетовым в том же во 162-м году в другом приезде:

енисейской сын боярской Петрушка Бекетов б. я., десятник Ивашко Герасимов Чабучаков б. я., Нифантейко Смольянинов б. я., Любимко Павлов б. я., Федоско Васильев б. я., Васка Лукин Оленев б. я., Митка Яковлев Бархат б. я., Парфенко Домощекин б. я., Федка Семенов Мангуров б. я., Ивашко Фомин б. я., Ивашко Ощепков б. я., Осташко Хиценков б. я., Ивашко Петровской б. я., Семейка Бермятин б. я., Якимка Мергень б. я., Давыдка Остафьев Дуброва б. я.

Охочие служилые люди:

Офонко Мантуров б. я., Федка Данилов б. я., Мишка Костянтинов б. я., Терешка Григорьев б. я., Ивашко Иевлев б. я., Ивашко Семенов б. я., Логинко Никитин Колмак б. я., Поздейко Яковлев б. я., Ивашко Михайлов б. я., Левка Петров б. я., Гришка Иванов б. я., Пятунка Ульянов б. я.

И все служилые люди розных сибирских городов и охочие служилые амурские казаки, которые писаны в сем послужном списке, служили государю и великому князю Алексею. Михайловичу всеа Русии и билися явственно, оприч приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки в прошлом во 162-м году на Усть-Шингалу-реки. И в Шингале-реке з богдойскими воинскими людми струговым боем и божию милостью, а государьским счастьем на том бою многих богдойских людей побили. И в нынешнем во 162-м году в Усть-Комарском острожке богдойские воинские люди — собранье розных земель, которые под ево, богдойскою областью, приехав, обсадили и снаряд ис пушек били по всякой день и ночь по острожку. И служилых людей и охочих амурских казаков от пушечново бою бог помиловал, острог отсидели. И на выласку те служилые и охочие амурские чазаки выходили и много богдойские силы

побили, и порох, и ядра, и оружье отбили и языков на той выласке поймали раненых. И после их отъезда служилые и охочие амурские казаки ходили в их таборы богдойские. И которых богдойских людей побили под стеною, и тех убитых людей ис под стены волочили, и по своей оне вере тех убитых богдойских людей жгли на своих оне куренях много. А иных многих убитых богдойских людей от острогу в приступное время волочить не успели.

А сидело в осаде в Усть-Комарском острожке от богдойских воинских людей всех розных городов тобольские и тюменские и сургутцкие и верхотурские и Туринсково острожку и Верхоленского Братцкого острожку и Енисейского острогу пятьсот тритцать человек служилых людей и охочие все амурские казаки, которые служат государю царю на Великой реке Амуре своими подъемами, да Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов з дватцатью с осмью человек. И те все служивые и охочие амурские казаки написаны поименно в сем послужном списку выше сего».

ЦГАДА: СП. — Стб. 556. — Л. 49 — 72, 81

1656 г. Даурский поход Пашкова

В 1655 году енисейский воевода Афанасий Пашков «рапортовал» царю:

«И милостию, государь, божиею и твоим, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, счастьем, будучи на той твоей государеве службе на Иргень озере и на великой реке Шилке, **сын боярской Петр Бекетов да с ним пятидесятники казачьи Дружинка Васильев сын Попов, Максимко Уразов, Ивашко Котельников, десятники Ондрюшка Гусев, Ивашко Герасимов Чебучаков, Петрушка Малышов, Стенка Иванов, Левка Крохалев, Стенка Ипатов, Панка Клементьев, Ивашко Онтонов** и все служилые люди, которые с ним, Петром Бекетовым, на тое твою государеву службу посланы были, тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии, служили, в новых немирных землях в области Китайсково государства подданных ево богдойсково царя Шамшакана на великой реке Шилке и на Иргень озере промеж неясачных людей в самых угожих местех **поставили твои государевы два острога** и к тем острогам немирных землиц людей Какагильсково роду князя Бабуга, Налятцково роду князя Тякша, Баягареково роду князя Кагила, Почегирсково роду князя Топука, Чамамагирсково роду князя Болдоноя, Кокогирсково роду улусново лутчево человека Индака и их улусных 6 землиц людей под твою государеву царскую высокую руку привели и ясак с них и с прежних новоприводных землиц князцов Нелюдцково князя Гентамура с товарыщи и с их улусных с 10 землиц людей на тебя государя собольми на нынешней на 162 г. и с служилых енисейских и с промышленых людей с их промыслов, которые с ним, с Петром, на той твоей государеве службе были, десятинную твою государеву соболиную казну взяли.

…И тем твоим государевым новым острогам по великой реке Шилке и к Иргень озеру прилегли Китайсково и Богдойсково государств многих землиц люди. А по скаске, государь, енисейских служилых людей, которые ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог из тех твоих государевых новых острогов с великие реки Шилки и с Иргень озера с твоею государевою соболиною казною приехали, пятидесятников казачьих

Дружинки Васильева, Максимка Уразова с товарыщи в тех де, государь, новых землях по великой реке Шилке и по Зие и по Амуру рекам живут торговые и рукодельные и соболиново промыслу многие невоинские люди, а наряду де государь у них в тех ближних землях пушек и пищалей нет, а соболиные де, государь, промыслы у них большие и соболи де, государь, у них ленских соболей лутчи.

…и послал под отпискою своею енисейских служилых людей за руками челобитную к великому господину святейшему Никону патриарху московскому и всеа Русии к Москве в нынешнем же во 162 г. июня в 25 день, чтоб он, великий господин святейший Никон патриарх московский и всеа Русии, по твоему государеву указу, а по нашему обещанию, меня, холопа твоего, и служилых людей пожаловал, благословил в твоих государевых новоприводных великих землях на великой реке Шилке в новом твоем государеве остроге на то церковное строение лес ронить и в том лесу воздвигнуть церковь во имя пресвятые владычицы нашей богородицы и присной девы Марии, чесного и славного ея стретения иконы Владимирския да в пределех собор архистратига Михаила и прочих небесных бесплотных сил и иже во святых отца нашего Алексея митрополита киевского и всеа Русии чюдотворца, и для освещения тех церковей дал свою святительскую благословенную грамоту и антиминсы и чтоб по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу великий господин святейший Никон патриарх московский и всеа Русии тех твоих государевых новоприводных земель церкви божий и церковных причетников принял в свою святительскую паству. А для, государь, освящения и службы к тем церквам, покаместа твой государев указ о священниках будет, призвал я, холоп твой, Енисейсково острогу соборного богоявленского попа Игнатья Олексеева да дьякона Олексея Иванова и церковных причетников, чтоб государь, милостию божиею и твоими государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии молитвами и счастьем в тех твоих государевых новоприводных великих землях построились церкви божии и учинилось благочестие и истинная православная христианская вера во веки была неподвижна, а к тому б, государь, иноверных земель люди за помочью божиею обратились от тмы к свету

и познали б истинного господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и приняли святое крещение и истинную православную христианскую веру и были б под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступно».

Последнее его обращение к патриарху Никону и станет причиной, почему в Даурском походе окажется протопоп Аввакум, с которым провидение навечно (и при жизни, и после смерти) свяжет судьбы опального протопопа и первого воеводы Даурии.

* * *

Сначала несколько слов О Пашкове:

«Отец Афанасия Пашкова Филипп Иванович Пашков — внук Григория Пашкевича, по прозвищу Истома после 1600 г. был казацким сотником в Ельце. В 1606 г. Истома Пашков возглавил одно из войск в походе Ивана Болотникова на Москву против боярского царя Василия Шуйского, но в самый разгар гражданской войны перешел на сторону царя.

Афанасий Пашков в 1618 г. принимал участие в обороне Москвы от польского короля Владислава.

Афанасий Пашков так же упоминается в числе лиц, которым велено было государем Михаилом Федоровичем в 1638 г. на 4-е октября, во время отлучки его из Москвы на богомолье, "дневать и ночевать на государевом дворе".

С 1644 по 1646 г. Афанасий Филиппович Пашков был воеводою Кеврольским и Мезенским. В 1645 году поблизости селения Верколы воеводой Афанасием Пашковым был основан приходской храм во имя св. Артемия. Тяжелая неизлечимая болезнь единственного сына побудила воеводу обратиться к молитве перед мощами праведного отрока Артемия. Больной получил исцеление, и отец, в благодарность за это, выстроил на свои средства церковь в честь одноименного с новоявленным чудотворцем святого великомученика Артемия на том месте, где были обретены мощи святого. Вокруг храма воевода устроил ограду и кельи для монашествующих. Храм, построенный воеводой сгорел, и на его месте был создан новый, тоже деревянный, куда и были перенесены мощи св. Артемия по указу царя Алексея Михайловича. В 1646 г., в декабре месяце, Пашков на посту воеводы был сменен.

В 1648 г. Афанасий Пашков был объезжим головою в г. Москве, в районе от Пятницкой по Голутвенную улицу.

В 1650–1655 гг. Афанасий Пашков — воевода в Енисейске».

Обратим внимание на тот непридуманный факт, что перед нами раскрывается образ глубоко верующего православного человека.

«20 августа 1655 года на имя Енисейского воеводы Ивана Акинфова была составлена царская грамота, коей повелевалось «Афанасию Пашкову, с сыном Еремеем, быть на государственной службе в новой Даурской земле, и послать туда с ним 300 сибирских служивых людей разных городов, пятьдесят пуд пороху, сто пудов свинцу, сто ведер вина, восемьдесят четвертей ржаной муки енисейской пахоты, десять четвертей крупы и столько же толокна, кроме того, выписку из таможенных книг, как образец для ясачного сбора, да для перевозки их суда, изготовленные для даурской службы, на чем бы можно было им поднять запасы».

И далее: *«Архиепископу Сибирскому и Тобольскому Симеону было предписано выделить Пашкову "к трем церквам антиминс (напрестольный платок с зашитой частицей мощей, на котором освещаются дары) и двух попов и дьякона". Одним из этих двух священников был назначен протопоп Аввакум…».*

1657 г. июня 4. — **Отписка воеводы Афанасия Пашкова о наказании протопопа Аввакума кнутом за «многие неистовые речи»**

Государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии холоп ваш Офонька Пашков челом бьет.

В прошлом, государи, во 163 (1655)-м году по вашему государеву указу послан я, холоп ваш, на вашу государеву службу в новую Даурскую землю да со мною, государи, розных Сибирских одиннатцати городов и острогов служилые люди.

Да по вашему ж государеву указу послан ис Тобольсково города в Даурскую землю роспоп, что был протопоп, Аввакумко, и из Енисейсково острога велел, государи, я ево взять с собою.

И в нынешнем, государи, во 165 (1656)-м году сентября в 15 день, как я, холоп ваш, буду по Тунгуске реке, не дошед Братцково острогу, на Долгом пороге, и тот ссыльной роспопа Аввакумко, умысля воровски неведомо по чьему воровскому наученью, писал своею рукою воровскую составную память глухую безымянно, буттось, госу-

дари, везде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды. И иные, государи, многия непристойныя свои воровския речи в той своей подметной памяти написал, хотя в вашей государевой даурской службе в полку моем учинить смуту.

И то, государи, знатно, что он, вор роспопа, тем своим воровским письмом хотел приводить служилых людей на то, чтоб оне вам, государем, изменили и вашево б государева указу не послушали и от меня б, холопа вашево государева, отказались и были б не под вашим государевым указом: так же, как и ис Сибири из Ылимсково острога такия ж воры, что и он, роспопа, **илимской казак Мишка Сорокин** прибрал к себе воров триста тритцать человек и ваш государев Верхоленской острог и многих торговых людей пограбили; так же, государи, что и на Бойкале озере такия ж воры Енисейския служилые люди **Филька Полетай** с товарыщи, пятьдесят человек, пограбя вашу государеву казну и **сына боярсково Василья Колесникова** ограбя, покинули на реке Прорве и побежали в Доурскую землю собою.

И то, государи, ево роспопино воровское письмо, ево руки, по сыску принесено ко мне, холопу вашему, и по вашему государеву указу я, холоп ваш, велел ему, вору роспопу, учинить наказанье — бить кнутом на козле, чтоб, государи, на то смотря, иныя такия ж воры впредь в ваших государевых ратех нигде такими ж воровскими письмами смуты не чинили.

И как, государи, ему, вору роспопе Аввакумку, по вашему государеву указу давано наказанье — бит кнутом на козле, и он, роспопа, своим же воровским умыслом хотя служилых людей со мною ссорить, говорил в то время: „Братцы казаки, не подайте!» — буттось он, вор, на них, служилых людей, в том своем воровстве надежен. И иныя, государи, многия неистовыя речи говорил он, вор, почасту.

А по вашей государевой соборной Уложенной книге довелся он, вор роспопа, за то ево воровство и за многие неистовые речи смертные казни. И я, государи, холоп ваш, без вашево государева указу тому вору совершенново вашево государева указу учинить не смею.

Да к тому ж, государи, вору роспопе для ево воровсково умыслу и заводу учели было приставать такия ж воры и завотчики: **Томсково города служилой человек Филька Помельцов, Березовсково города Микифорко Свешников, Ивашко Тельной с товарыщи.** И я, государи, по вашему государеву указу тех ево роспопиных друзей, воров и завотчиков, Березовсково города **Микифорка Свешникова, Ивашка Тельново с товарыщи с вашей государевой службы в походе ис полку своево выслал вон**. А пущему вору и завотчику Томсково города служилому человеку **Фильке Помельцову велел учинить наказанье — бить кнутом на козле нещадно, и отпустил ево в Томской город**. А в их, государи, места на вашу государеву службу прибрал и поверстал в казачью службу охочих вольных людей.

А ево, вора роспопу, отдал за пристава и по вашему государеву указу взял в Доурскую землю. И впредь, государи, от такова вора роспопы в вашей государевой дальней даурской службе чаеть такова ж воровсково заводу и большова дурна. Да на нево ж, государи, вора роспопа, били челом тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, а мне, холопу вашему, в походе полку моево служилые люди подали за руками челобитную. И я, государи, холоп ваш, тое их челобитную под сею отпискою послал к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и к государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии к Москве в нынешнем во 165 (1657)-м году июня в 4 день полку **своево даурские службы с служилыми людьми з десятники казачьи Туринсково острога с Микиткою Максимовым, Кузнецково острога с Потапком Федоровым.**

И о том воре роспопе Аввакумке великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии мне, холопу своему, как укажете».

* * *

А затем даурский воевода заставил и подчиненных ему казаков написать челобитную царю с доносом на Аввакума.

«1656 г. после сентября 15 — ранее 1657 г. июня 4. — **Челобитная даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума “за многие непристойные свои ре-**

чи", написанные им в "безымянной" "подметной памяти"».

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, бьют челом холопи ваши государевы, розных сибирских одинатцати городов и острогов же служилые людишка.

В прошлом, государи, во 163-м году по вашему государеву указу посланы мы, холопи ваши, государевы на вашу государеву даурскую службу с вашим государевым воеводою с Офонасьем Филиповичем Пашковым.

Тобольсково города десятничишка казачьи: Власко Савельев, Мишка Саранчин, Куземка Иванов, и рядовые казачишка: Петрунька Арканов, Богдашко Габышев, Петрушка Гаврилов, Ондрюшка Григорьев, Герасимко Зверев, Ивашко Иванов, Максимко Иванов, Артюшка Исаков, Офонька Лапин, Микитка Логинов, Петрунька Михайлов, Куземка Мосеев, Ивашко Оникеев, Федька Савельев, Андрюшка Савуров, Ивашко Самопальников, Федька Семенов, Ондрюшка Сергеев, Ерасимко Федоров, Ганька Чесноков с товарыщи, — все шездесят человек.

Томсково города десятничишка казачьи: Федька Прокопьев, Данилко Ондреев, Васька Костентинов, Пронька Белянинов, и рядовые казачишка: Ивашко Бубенной, Ивашка Буянов, Нестерко Григорьев, Любимко Евсевъев, Ивашко Лаврентьев, Олешка Коленой, Левка Ламанов, Дейка Лукьянов, [И]вашка Морковкин, Гришка Овдокимов, Ивашко Соловар, Трошка Стрелков, Мишка Тюменцов, Мартынко Чюскаев, Гришка Щукин, Архипко Шапошников с товарыщи, — все пятьдесят человек.

Тюменсково города десятничишка казачьи: Ромашка Сергеев, Якунька Исаков, Федька Исаков и рядовые казачишка: Ондрюшка Васильев, Петрунька Васильев, Митька Долгопол, Левка Голой, Филька Иванов, Офонька Микитен, Микитка Нефедов, Ивашко Панфилов, Ларька Сартаков, Ивашко Судейкин, Елфимко Юдин с товарыщи, — все сорок человек.

Тарсково города десятничишка казачьи: Оська Минин, Максимко Яковлев, Стенька Садковской, и рядовые казачишка: Мишка Жерноков, Левка Иванов, Ивашко Игнатьев, Дениско Мезенин, Петрушко

Офонасьев, Ивашко Федоров с товарыщи, — все тритцать человек.

Верхотурсково города десятничишка казачьи: Ивашко Корташов, Ивашко Лапин и рядовые казачишка: Куземка Бархатов, Васька Божин, Самылко Володимеров, Петрушка Григорьев, Микитка Евсевъев, Ивашко Офонасьев, Микитка Павлов, Игнашка Сусоров с товарыщи, — все дватцать человек.

Березовсково города десятничишка казачьи: Лазарко Иванов, Ивашко Смагин, Елфимко Дементьев и рядовые казачишка: Тимошка Ангрышов, Ондрюшка Григорьев, Елфимко Дементьев, Титко Иванов, Вторко Кирьянов, Пронька Лопухин, Сенька Микифоров, Лучка Мозолевской, Ефремко Нарымцов, Фомка Охлопков, Прохорко Стефанов с товарыщи, — все сорок человек.

Пелымсково города десятничишко казачей Тараско Зуев и рядовые казачишка: Бориско Иванов, Васька Иванов, Васька Федоров с товарыщи, — все пятнатцать человек.

Сургутцково города служилые людишка: Онтонко Васильев, Демка Иванов, Петрушка Иванов, Митька Ларионов, Ондрюшка Оверкиев, Мишка Тимофеев с товарыщи, — все десять человек.

Туринсково острога десятничишко казачей Микитка Максимов и рядовые казачишка: Петрушка Кондратьев, Кононко Лукьянов, Сидорко Микитин, Гришка Микифоров с товарыщи, — все десять человек.

Кузнецково острога десятничишко казачей Потапко Федоров и рядовые казачишка: Володька Иванов, Ивашко Немчин, Кирилко Ортемьев, Калинка Петров с товарыщи, — все десять человек.

Красноярсково острога десятничишко казачей Оксенко Иванов и рядовые казачишка: Титко Кочергин, Ивашко Ошихин, Мишка Степанов, Терешка Чунептев, Игнашка… с товары[щи], …приборные, все четыреста дватцать человек.

(Помимо указанных «руку приложили», то есть подписали этот документ также: даурской службы служилой человек Ивас Торханцов, даурской служилой человек Ивашко Иванов Южак, даурской службы служилой человек Пашко Терентьев сын Кошельков, даурской службы новоприборной казак Ивашко Созонтов, даурской службы новоприборной служилой человек Дмитрейко Иванов Харитонов, даурские службы служивой человек Ивашко Офонасьев, даурской службы новоприборной казак Ивашко Дорофиев. — *С.В.*)

«По вашему государеву указу послан ис Тобольска в Даурскую землю роспоп, что был протопоп Аввакум. И в нынешнем, государи, во 165-м году сентября в 15 день, как будем мы, холопи ваши государевы, с вашим государевым воеводою, с Офонасьем Филиповичем, не дошед Братцково острога по Тунгуске реке, на Долгом пороге, и тот ссыльный роспопа Аввакум, умысля воровски, не ведомо по чьему воровскому наученью, или будет, государи, затеел сам собою, хотя в вашей государевой службе, промеж вашим государевым воеводою, Офонасьем Филиповичем, с нами, холопи вашими, учинить смуту, писал своею рукою воровскую составную память, глухую, безымянную, буттось, государи, везде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды. И иныя, государи, многия непристойныя свои воровския речи в той своей подметной памяти написал.

И то, государи, ево, роспопино, воровское письмо, ево руки, по сыску объевилось перед вашим государевым воеводою Офонасьем Филиповичем, и за то, государи, ево воровство, по вашему государеву указу, ваш государев воевода, Офонасей Филипович, велел ему, вору роспопу, учинить наказанье — бить кнутом на козле, чтоб, государи, на то смотря, иныя такия же воры впредь в ваших государевых ратех ни где такими же воровскими письмами смуты не чинили.

И как, государи, ему, вору роспопе, Аввакум[у], по вашему государеву указу давано наказанье — бит кнутом на козле, и он, роспопа, своим же воровским умыслом, хотя нас холопей ваших государевых ссорить с вашим государевым воеводою Офонасьем Филиповичем, говорил в то время: „Братцы-казаки, не подайте!». Буттось, государи, мы те ево воровския письма ведаем. И он, вор, буттось, на нас, холопей ваших государевых, в том своем воровстве надежен. А мы, государи, холопи ваши государевы, служить вам, государем, вашу государеву даурскую службу готовы и от вашего государева воеводы Офонасья Филиповича обиды и насильства к нам никакия нет, и впредь ваши государевы службы с ним воеводою служить готовы.

Милосердный государь, [полный титул Алексея Михайловича] и государь благоверный [полный титул Алексея Алексеевича], пожалуйте, государи, нас, холопей своих государевых, даурские службы всех служилых людешек, велите, государи, своему государеву воеводе Офонасью Филиповичю ему, вору и завотчику и ссоршику, роспопе Аввакуму, за то ево воровство по вашему государеву указу и по Уложенной соборной книге, свой государев совершенной указ учинить, чтоб [397] нам, холопем вашим государевым, от такова вора и завотчика, в том ево воровском подметном письме, от вас, государей, в опале не [быть] и впредь б[ы государеве]1 службе от такова вора и завотчика какое дурно не всчалось.

Великий государь [п. т. Алексея Михайловича]… и государь благоверный [п. т. Алексея Алексеевича], смилуйтесь, государи, пожалуйте».

ЦГАДА, Сибирск. пр. № 508, лл. 188—193.

* * *

Протопоп Аввакум был приверженцем старой веры, за что и сослан был в Сибирь.

«Таже послали меня в Сибирь з женою и з детьми. И колико дорогою было нужды, того всего много говорить. Нужна мне та была дорога, пятнадцать недель везли до Тобольска телегами и водою и санями. В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедуя слово божие и ево Никонову обличая ересь. А как нас разослал с Москвы и внес в церковь сию нововводную ересь и не стерпе ярость господня, излиял фиял гнева своего на царство московское за церковной раскол. …Бысть мор в Москве и по градом, и по селом; людие же неразумии суть, стонуще и изгибающе, и умирающе безвестно, а ереси от церкви изринути не восхотеша, яко же и доныне держится. О, увы и горе! Блюдемся другаго фиала, того страшнее. О сем до зде.

Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену. В Тобольске же многие беды были: в воду нощию посадить хотели и с палками караулили не по одну нощь — убить до смерти хотели. И то премину говорить, — много везде беды, по Павлу апостолу…»

Ссылку на Лену ему заменили ссылкой в Забайкалье, куда он отправлялся в двойственной роли ссыльного священника «роспоп, что был протопоп, Аввакумко», как отмечает сам Пашков.

О жестокостях Афанасия Пашковв в Даурии сохранился документ:

«Да он же, Афонасей, живучи в даурской земли, служивых государевых людей не отпущаючи на промысл, чем им, бедным, питатися, переморил больши пяти сот человек голодною смертию. А которые, не претерпев гладу ходили промышлять нужные пищи, и он, Афонасей, их пытал, бил кнутьем, и ребра ломал, и огнем жег. Таковых ради вин **Ивашко Сватеныш да Климко Шамандрухин** с товарыщи, осмь человек, свою казачью лошедь [съели], и он их, пытав, в тюрьме и уморил. **Ияков Красноярской** молыл: "Только быде воевода по государеву указу ехал прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпели". И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, что он, Ияков, на пытке творил Исусову молитву.

Да он же, Афонасей Пашков, двух человек, Галахтиона и Михаила, бил кнутом за то, что один у него попросил есть, а другой молыл: "краше бы сего житья смерть!" И он, бив за то кнутом, послал нагих за реку мухам на снедение и, держав сутки, взял назад. И потом Михайло умер, а Галахтиона **Матюшке Заряну** велел Пашков в пустой бане прибить палкою. А преж тово ево же, Галахтиона, и **Стефана Подхолюгу, и Харпегу**, и иных многих бил кнутьем за то, что оне с голоду кобыльи кишки немытые с калом и кровь с снегом хватали и ели от нужи великия.

Березовскаго казака Акишу бил кнутом за то, что он ево, Афонасьевы, три щуки распластал нехорошо, не умеючи. Такова ево милость, Афонасьева, была к государевым служивым людям. Кожи, и ноги, и головы давал есть казакам, а мяса своим дворовым людям. А иных двух человек повесил, ей, безвинно.

Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям не достанет ми повествовати лето. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно: при смерти их и причащать мне не давал, и пречистыя тайны у меня отнял и держал у себя в коробке. Да приходили в Нерчинской острог из Енисейска служилые люди, пятидесятник **Иван Елисеев** с товарыщи, с грамотами государевыми, как бог дал государыню царевну и великую княжну Софью Алексеевну. И он, Афонасей, для вести, чтоб про него на Руси неведомо было, не отпустил их назад и уморил в дощенике двух человек, прикащика самова Ивана да толмача Констянтина».

* * *

О том, что происходило в том Даурском походе написан очерк Кирилла Кожурина (книга «Протопоп Аввакум. Жизнь за веру») — «Экспедиция Пашкова», из которого мы возьмем ряд цитат.

«Через полтора года, когда до Москвы дошли вести о том, что протопоп Аввакум не прекратил своих обличений никоновских реформ и что его проповеди пользуются большим успехом у жителей Тобольска, пришел указ об отправке опального протопопа еще далее на восток. *"Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укаряю Никона, еретика"*. Патриаршая грамота о переводе Аввакума с семьей под стражей в Якутский острог была получена в Тобольске 27 июня 1655 года: *"По указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона патриарха московского и всея Великия и Малыя России, велено нам, холопем вашим, тобольского вознесенского протопопа Аввакума з женою и з детьми послать из Тобольска с приставом, с кем пригоже, и с провожатыми на Лену в Якуцкой острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково. И о том от себя к ним отписать. А велети б ему, протопопу Аввакуму, быти в Якуцком. А божественные службы, по указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона… тому протопопу служить не велети"*. Здесь же указывалось сыскать архиерейский посох, о котором сообщал в своем доносе на Аввакума Иван Струна.

Вместе с этим указом пришли и печальные вести из Москвы о смерти во время мора двух братьев Аввакума, многих его родственников и друзей. *"Излиял Бог на царство фиял гнева Своего! Да не узнались горюны однако, — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение: то и сбылось во дни наша ныне"*.

29 июня 1655 года, в Петров день, Аввакум и его семья были отправлены *"в Енисейской острог с красноярским сыном боярским с* ***Милославом Кольцовым да с енисейскими казаки с Якушкою Калининым, да с Левкою Семеновым, да с Стенькою Ипатовым, да с Федькою Темякиным, да с ылимским казаком Ываш-***

кою Дунаевым”… Путь от Тобольска до Енисейска занял около трех месяцев. Плыли сначала вниз по Иртышу, затем вверх по Оби и Кети с выходом на Енисей через Маковский волок. К концу сентября — началу октября прибыли, наконец, в Енисейский острог, где и зазимовали. Однако до Якутского острога Аввакуму доехать было не суждено — в дороге его нагнал новый указ: отправляться в составе экспедиции воеводы Афанасия Пашкова в далекую Даурию…

…В Первой челобитной царю Алексею Михайловичу Аввакум писал: *“А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепца на предъидущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения и продавал мне на платьишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши”*.

Официально Аввакум был послан *“вместо белово попа из Енисейского острогу с ним, Афонасьем Пашковым”*, то есть должен был выполнять роль полкового священника и одновременно проповедника православия среди завоеванных туземных народов. В этой роли его видел и архиепископ Симеон, отправляя вместе с ним из Тобольска к Пашкову черного попа Сергия и белого дьякона Леонтия. Но оказавшись во власти «даурского зверя», Аввакум понял, что Пашков не только не даст ему служить литургию, но что *“с Москвы от Никона приказано ему мучить меня”*. Впоследствии, во время экспедиции, немилосердный воевода запрещал Аввакуму причащать своих умирающих подчиненных и даже отобрал у него запасные дары.

Воевода Афанасий Пашков отличался особой жестокостью.

“Суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет”, — писал о нем протопоп Аввакум. И эти слова не были преувеличением. Сохранившиеся до наших дней документы не менее красноречиво, чем “Житие” Аввакума, рисуют нам образ этого жуткого человека. *“И в период своего енисейского воеводства, и во время подготовки к Даурской экспедиции он не давал пощады никому: ‘старинных прежних съезжие избы подьячих бил и мучил… и на пытках пытал’; ‘человека своего без государева указу казнил’;* ***сына боярского Еремея Толстого*** *более 5 месяцев держал ‘в железах и на правеже’ и ‘вымучил на нем… и на жене его денег со своими потаковщики’ более 5 тысяч рублей и 4 амбара хлеба. При этом он был еще и великий лихоимец. ‘А животов ево, Афанасья Пашкова, — доносил Еремей Толстой, — неправедного собранья есть тысячь с 50*

и больши с вывозными животы, а неправды его, Афанасьевы, и всякое насильство ведают многие люди’. Страдали от крутого нрава Пашкова не только служилые люди и его челядь, но и представители духовенства. Так, поссорившись с новым воеводой И.П. Акинфовым, он стал принуждать монахинь Енисейского Рождественского монастыря подписывать, не читая, челобитную на своего недруга, а когда одна из них, старица Прасковья, потребовала ознакомиться с ее содержанием, Пашков велел взять ее из монастыря, ‘бил по щекам своими руками и пытал ее у себя на дворе неведомо в каком деле’. Местного соборного попа Игнатия он приказал ‘полчанам своим изымати на улице, бив насмерть, притащить к себе перед окошко’, после чего обругал и велел бить батогами, но, увидев, что тот и так еле живой, оставил его в покое” (А.Т. Шашков).

В челобитной архиепископа Симеона, отправленной царю осенью 1657 года, рассказывается еще об одном характерном случае: *“А в Дауры, государь, к Офонасью Пашкову попов и дьяконов посылать не смею, потому что он нравом озорник великой. Послан был ис Тоболска на Лену к церкве Божии служить поп Ияков, а Афонасей Пашков был еще во Енисейском при Иване Акинфиеве. И он, Афонасей Пашков, зазвал того Иякова попа к себе на судно и бил ево на смерть своими руками. И он, поп Ияков, от ево, Афонасьевых, побои лежал недель с шесть при смерти, одва ожил”*. И под началом такого вот человека Аввакуму придется провести шесть долгих и мучительных лет!

* * *

18 июля 1656 года экспедиция Пашкова на сорока дощаниках отправилась в путь. На борту было не менее пятисот человек: 420 казаков, поп и дьякон из Тобольска, семейство протопопа Аввакума и еще более семидесяти душ домочадцев и дворовых людей самого воеводы. Часть пути вместе с основной флотилией на четырех дощаниках плыли служилые люди **пятидесятника Федосея Поясницына**, посланные новым енисейским воеводой М.Г. Ртищевым “на перемену” в Братские остроги — еще порядка семидесяти человек.

Поход Пашкова был сопряжен со всевозможными лишениями и опасностями. Впоследствии Аввакум назовет Даурию «смертоносным местом». Приходилось переносить и холод, и голод, подвергаться нападениям туземцев и диких зверей. Уже в самом начале пути Аввакуму и его семейству пришлось пережить тяжелые испытания. На реке Большой, или Верхней Тунгу-

ске (так называлось нижнее течение Ангары от Братского острога до впадения в Енисей), дощаник протопопа чуть не утонул.

“Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: ‘Господи, спаси! Господи, помози!’ И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике. двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед”.

Когда добрались до порогов, наиболее трудными и опасными из которых были Шаманский и Падун, между Аввакумом и Пашковым произошло первое столкновение. Навстречу их флотилии плыл дощаник, на борту которого находились две пожилые вдовы — одна шестидесяти лет, а другая — еще старше, собиравшиеся постричься в инокини. Здесь Пашков неожиданно проявил свое самодурство. Он велел вдовам возвращаться назад и выходить замуж. Аввакум сказал, что это противоречит церковным правилам. Тогда Пашков, «осердясь», хотел высадить протопопа на берег на Долгом пороге, чтобы тот пешком шел по горам: *“Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!”* Взглянув на окружающие его высокие утесы, Аввакум пришел в ужас:

“О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы , и лебеди, и иные дикие, многое множество, — птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков со зверьми, и со змиями, и со птицами витать”.

Не видя другого способа образумить Пашкова, Аввакум написал ему “малое писанейце”, составленное по образцу заклятия

дьявола из чина крещения и начинавшееся следующими словами: *“Человече! Убойся Бога, седящаго на херувимех и призирающаго в бездны, Его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь”. “Получив это ‘писанейце’,* — пишет исследователь жизни и творчества Аввакума А.Т. Шашков, — *воевода прекрасно понял содержавшийся в нем намек и разгневался не на шутку”*. Взбешенный дерзким поступком Аввакума, Пашков послал 50 казаков за дощаником протопопа, стоявшим в трех верстах от воеводского. Казаки дотащили дощаник на бечеве:

“Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: ‘поп ли ты или роспоп (то есть расстрига. — К.К.)?’; и аз отвещал: ‘аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дела до меня?’ Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: ‘Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, — помогай мне!’ Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: ‘пощади!’ Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: ‘полно бить тово!’ Так он велел перестать. И я промолыл ему: ‘за что ты меня бьешь? ведаешь ли?’ И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал… Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили…”

…Весь последующий путь Аввакуму пришлось провести в оковах. Наконец, к Покрову, к 1 октября 1656 года, отряд Пашко-

ва прибыл в Братский острог, где остановился на зимовку. Избитого протопопа бросили в "студеную башню" острога. Здесь он пробыл до середины ноября.

"Сидел до Филипова посту в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-той нельзя было. Коли покормят, коли нет. Есть-тово после побой тех хочется, да ветьсу неволя то есть: как пожалуют — дадут. Да безчинники ругались надо мною: иногда, одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья, без хлеба же. Я-таки, что собака, так и ем. Не умывался веть. Да и кланятися не смог, лише на крест Христов погляжу да помолитвую. Караулщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была, — собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня. Яко Лазаря во гною у вратех богатаго пси облизаху гной его, отраду ему чинили, тако и я со своею собачкою поговаривал. А человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрму не смеют. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батошка не дали; блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: 'Прости!', да сила Божия возбранила, велено терпеть. В шестую неделю после побой перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками зимовал скован".

…"По Хилке по реке, — вспоминал Аввакум, — заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, — и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: "Владычице, помози! Упование, не утопи!' Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так? Я, выщед из воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех мест перегнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: 'ты-де над собою делаешь за посмех!' И я паки Свету-Богородице докучать: 'Владычице, уйми дурака тово!' Так Она-надежа унята: стал по мне тужить".

Кроме выполнения трудовых повинностей, возложенных на него немилосердным воеводой, Аввакум должен был еще заботиться о жене и детях. Помощников у него не было, поскольку Пашков отнял у него работников, а другим запретил наниматься к нему. Да и нанимать Аввакуму было уже не на что: все его имущество, вывезенное из Москвы и состоявшее в основном из одежды и богослужебных книг, частично погибло в пути, частично же было разграблено казаками или отобрано Пашковым.

Путешествие продолжалось и летом, и зимой: летом "в водах бродили", зимой волочили нарты. Лишь к октябрю 1657 года полк Пашкова добрался до озера Иргень. Здесь поставили новый острог — рядом со старым, разоренным «немирными иноземцами». В ожидании предстоящей зимы начали строить жилые избы. Построил себе избу и Аввакум. *"Тут с робятишки к зиме ставил себе избенко, волочил на плечах своих нартою, сиречь на саласках, из лесу бревенье. От немилосердия воеводскаго люди пособить не смели, а наняться не велит же; еще и нанять стало нечим. До Рожества избу ставил, а жена и робята малые мерзли на стуже. И от Рожества пожили в вызбе до Масленицы…"*

Одновременно люди Пашкова приступили к сбору ясака с местного населения. Из-за измены толмача в начале зимы началось восстание таргачинских и баргутских "мужиков", в результате которого погибли десять ясачных сборщиков. На подавление мятежа был послан сын Пашкова Еремей с 260 казаками на конях, на лыжах и на нартах. Однако, взяв в плен 40 человек и захватив 500 лошадей, отряд Еремея Пашкова так и не достиг Баргутской и Таргачинской земель из-за дальности расстояния.

В конце зимы 1658 года отряд Пашкова, оставив в Иргенском остроге 20 казаков, отправился в дальнейший путь. Через Иргенский волок вышли на реку Ингоду. Аввакум в своем "Житии" подробно описывает этот тяжелейший переход, оставивший неизгладимый след в его памяти. Неимоверные лишения, голод и холод, которые приходилось переживать всем участникам экспедиции, усугублялись бесчеловечными издевательствами со сто-

роны Пашкова: *“А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал…”*

“…Один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок, — вспоминал Аввакум. — У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было; одинова лишо двух сынов, — маленьки еше были, Иван и Прокопей, — тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе ташила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебилися волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись”.

Когда вышли к Ингоде, приступили к рубке леса и заготовке бревен для двух будущих острогов — Верхшилкского и Даурского. Для первого сделали четыре башни и все острожные стены, а для второго — восемь башен, в том числе две проезжих, и двести саженей острожных бревен на четыре стены. Заготовили также лес на избы и на церковное строение. С началом навигации все бревна сбили в 170 плотов, погрузили на них лошадей и имущество и двинулись дальше, вниз по реке. Водный путь занял целых три недели. Не хватало людей, плоты часто разбивало на мелководье. Ко всему прочему, начался голод.

“Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду

дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и верьбы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкой по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил. Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, — по-русскому рублев в полтретьяцеть и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися”.

В начале июня 1658 года пашковская экспедиция достигла устья реки Нерчи. На правом берегу реки Шилки поставили новый острог — Верхшилкский, или Нелюдский (позднее стал называться Нерчинским). Вспахали и засеяли ячменем 50 десятин земли, еще 70 десятин подготовили под озимую рожь. Были сысканы и посажены в тюрьму тунгусы, разорившие и уничтожившие прежние Иргенский и Шилкский остроги. Пашков приказал их для острастки повесить на глазах местных ясачных людей.

Однако еще с конца зимы хлебные запасы экспедиции подошли к концу, и казаки голодали. К тому же Пашков никого не отпускал промышлять, и среди участников экспедиции начался самый настоящий мор. Впоследствии Аввакум недаром назовет Нерчу «юдолью плачевной»: к концу июля 1658 года здесь уже умерло от голода 47 человек, 53 лежали при смерти. Жуткие сцены голода навеки будут запечатлены в аввакумовском “Житии”:

“Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну (то есть сосновую кору. — *К.К.*); а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся по горам и

по острому каменею, наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми?"

...Весной 1659 года планы Пашкова изменились: понимая, что ему уже не удастся построить острог на Амуре, он послал часть своих служилых людей вверх по Ингоде. Войдя в приток Ингоды реку Читу, они добрались до двух Телембинских озер и здесь, на реке Конде, поставили небольшой Телембинский острог.

Тем временем оставшиеся в Верхшилкском остроге члены пашковской экспедиции продолжали испытывать лишения. *"Я же*, — писал Аввакум, — *с детьми сам-третей отъехав промышлял траву и коренье и черемху. И жил на одном месте целое лето, и лишо к жене и к детем приехал, на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех иссекоша и побиша. Нас же Бог от смерти избавил. Егда же по бору ходим тово, и смотрим, как застрелит иноземец. И со смертию борющеся на всяк день, в дом приидем, — воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти".*

Едва пережив еще одну голодную зиму, Пашков принимает решение оставить в Верхшилкском остроге небольшой гарнизон во главе **с А. Васильевым** и в начале весны 1660 года выдвигается с остатками своего полка обратно на озеро Иргень».

* * *

Финал: *«В начале лета 1658 г. Пашков послал казачьего пятидесятника А. Потапова с 30 служилыми людьми на Амур к О. Степанову (который оставался на Амуре вместо смещенного с поста приказчика Ерофея Хабарова) с приказом ждать его "ниже Урки в Албазине городище". Однако отряд Степанова не успел присоединиться к Пашкову, поскольку 30 июня 1658 г. на Амуре, ниже устья р. Сунгари был атакован и разгромлен превосходящими силами маньчжуров. В бою погибли 220 служилых людей, а Степанов попал в плен. В итоге Приамурье оказалось потеряно, и до Пашкова добрались лишь 17 человек.*

В 1661 г. Пашков послал из Иргенского острога 72 служилых человека и 20 тунгусов во главе со своим сыном Еремеем на "великого государя непослушников на Тунгуские улусы в поход".

Предприятие закончилось плачевно: все войско Еремея перебили, а сам он, раненый, неделю блуждал, не в силах найти дорогу.

Тем временем еще 20 октября 1659 г. из Москвы в Якутск была отправлена грамота воеводе М.С. Лодыженскому с приказом о замене Пашкова на воеводском посту в Даурской земле тобольским сыном боярским. Первоначально планировалось сделать новым даурским воеводой московского дворянина Д.И. Зиновьева, уже бывавшего на Амуре с проверкой, но потом от этой идеи отказались. Без малого через год царский указ доставили в Якутск, и 2 октября Ларион Борисов Толбузин, посланный на замену Пашкову, был уже на Тугирском волоке. Оттуда он 5 марта 1662 г. на лыжах добрался до Нерчинского, а 12 мая до Иргенского острога, где находился Пашков. В трех острогах - Нерчинском, Иргенском и Теленбинском, принятых Толбузиным у Пашкова, оказались только 75 служилых людей, а к 1663 г. их осталось всего 46 человек».

* * *

В историю русского православия вошли и Иргенские мученики — казаки-староверы, которых Афанасий Пашков замучил до смерти, — **святые Симеон, Киприан, Иосиф, Василий и иже с ними, мученики Иргенские, Сибирские.**

То есть, несмотря на ту жестокость, с которой Афанасий Пашков подавлял любое выступление против его власти, сопротивление со стороны служилых людей все-таки было.

Челобитная протопопа Аввакума дошла до царя. Бывший даурский воевода, потерявший (в первую очередь от голода и жестоких наказаний) большую часть своего воинства, был выдан «головой» тому человеку, над которым и многочисленной семьей которого, пользуясь своей властью, он изгалялся в Забайкалье... — протопопу Аввакуму и был пострижен в монахи. В монахини была пострижена и его жена — Фекла Семеновна.

А потом власть в России снова поменялась:

«Егда же прииде время божиим изволением скончати им течение свое, во 189-м году послан бысть от царя Феодора посланник. И повеле царь священномученика и многострадальнаго Аввакума протопопа, и Лазаря священника, и соловецкаго инока Епифания, и Феодора диякона в срубе сжечь. Посланник же приехав в Пустоозерье по наказу всех четверых, посадя во един труб, сожег. И тако исповедницы христовы скончаша течение свое страдальческое, добре совершиша: преидоша от земнаго

времяннаго жития в небесная и некончаемая месяца апреля в первый день. А страдания было священномученика Аввакума протопопа лет тритцать и больши...»

Правнуком первого нерчинского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова — сыном стольника Ивана Еремеевича Большого Пашкова, сестра которого Анна Еремеевна была женой знаменитого Никиты Зотова — наставника Петра Первого, был Егор Иванович Пашков. Благодаря Зотову, его племянник Егор Пашков стал денщиком императора Петра Первого, затем капитаном гвардии, а в 1717 году принимал участие в расследовании дела сибирского генерал-губернатора князя Гагарина. В 1722 году — он прокурор Военной коллегии. Генерал-майор. Вице-губернатор Воронежа и губернатор Астрахани.

Но на этом история этого — одного из богатейших в России — рода Пашковых не заканчивается.

Но для нашей же истории любопытен такой семейный финал:

«Василий Александрович Пашков (2 апреля 1831 – 17 февраля 1902) — российский религиозный деятель, отставной гвардии полковник, духовный последователь английского проповедника лорда Гренвилла Редстока. После отъезда Редстока из России в 1878 году Пашков возглавил движение евангельских христиан, которых стали называть "пашковцами".

Василий Пашков был одним из богатейших людей России и вел жизнь петербуржского аристократа. Однако после религиозного обращения он посвятил себя христианскому служению. Известен обширной благотворительностью, а также финансированием организаций и отдельных миссионеров евангельского направления. Автор одного из первых системных догматических документов российских евангельских христиан — "Исповедания веры Пашкова" ("Вероучения Пашкова"). Инициировал создание и возглавил Общество поощрения духовно-нравственного чтения, издававшее и распространявшее христианскую (в том числе православную) литературу.

Пытался преобразовать в соответствии со своими убеждениями Русскую православную церковь изнутри, затем — объединить пашковцев и внешние по отношению к РПЦ движения баптистов, штундистов, меннонитов, молокан и новомолокан. За свою религиозную деятельность Пашков был выслан из России и окончил дни в изгнании».

* * *

Но трагический поход Даурской экспедиции Афанасия Пашкова был началом нового этапа в истории Сибири — через Нерчинск, как выяснил в 1670 году бывший участник Даурской экспедиции, поверстанный в Томске, нерчинский сын боярский **Игнатий Милованов,** проходил самый короткий путь на Пекин – ставший на долгие годы (до 1703 года, когда был открыт новый торговый путь через Селенгинск) основным в торговле с Китаем, куда потекла сибирская пушнина...

Уже в 1689 году Нерчинск возведен был в ранг города. Ему были подчинены в то время Иргенский и Телембинский, а позже Албазинский и Еравнинский остроги.

Г.А. Христосенко в статье «К истории заселения Нерчинского острога» называет первоначальную цифру постоянного нерчинского служилого населения — 43 человека в 1664 году (то есть одна десятая часть отряда Афанасия Пашкова, с которым он пришел в Даурию).

В числе этих сорока трех ветеранов Даурского похода: **нерчинские дети боярские:** Лоншаков Григорий (Березов), Никитин Бажен (Томск), Попов Иван (Тюмень), **десятники:** Логинов Никита (Тобольск), Максимов Якунка (Березов), Носов Юрий (Томск), Симанов Степка (Томск), Леонтьев Василий (Тобольск), **рядовые казаки:** Андреев Юшка (Березов), Астраханцев Емельян (Томск, родом из Вологды), Афанасьев Шестак (Тобольск), Каленой Алешка (Томск, родом из Казани), Кожевников Стенька (Томск, родом из Соликамска), Колмогорец Васька (Холмогоры), Колмогорец Якушка (Холмогоры), Костромитинов Тишка (Томск, родом из Костромы), Маслов Ивашка (Томск, родом из Яренска), Мезенец Торошка (Мезень), Пинежанин Костька (Пинега), Свешников Филька, Томский Семен, Устюжанин Тимка (Великий Устюг), Устюжанин Тришка (Великий Устюг), Ярославец Демка (Ярославль).

1665 г. Дело об убийстве воеводы Обухова

Главного героя этой трагической истории всю его жизнь преследовали неудачи, виновником которых, чаще всего, становился он сам…

Начнем с малого.

Микифорко Романов сын Черниговский. «Черкашенин Брягильского повету», как он себя первоначально называл. В период войны с Речью Посполитой, на стороне которой он воевал, взят в плен под «Новым Городком Сиверском» (Новгородом-Северским) и сослан в Вологду.

Г.Б. Красноштанов, автор книги «Никифор Романов Черниговский: документальное повествование»), на которую мы в этой главе постоянно будем ссылаться, отмечает:

«…в «Записной книге полским и литовским всякого звания и обоего пола пленным людям, оставшимся вечно в России», имеется запись и о Н. Черниговском: «…в нынешнем во 143 [1634] году, ноября в 17 день, бил челом государю литовской полоняник Микифорка Романов сын Черниговской и им подал челобитную. А в челобитной ево написано: взят де он под Новым Городком Северским и сослан на Вологду в тюрьму. И ноне де он в Польшю идти не хочет, а хочет служить государю на Вологды с черкасы. А в роспросе сказался черкашенин Брягильского повету. А хочет служить государю, в Литву идти не хочет».

А вот, что следует далее: *«О Никифоре Черниговском записано: «Микифор Черниговской сказал: родом поляк Киевского повету, служилого отца сын. Служил польскому королю казатцкую службу на 3-х конях» Запись эта помечена 16 января 1635 года. Прошло всего лишь несколько дней — и Н. Черниговский из черкашенина превратился в поляка, притом другого повета, не Брягинского, а Киевского».*

В это сначала поверили: *«И государю [М. Ф.] бьют челом литовские полоняники поляки: Ян Заневской Станислав Миткеев Яков Володенитцкой Ян Коноплитцкой Микифор Черниговской, чтоб их государь пожаловал своим государевым жалованьем выходным, как государю Бог известит. А наперед того в ту верс[т]ку литовским людем давано государева жалованья за выход по 6 и по 7, и по 8 рублев да по сукну по доброму человеку. И для службы отсыланы [в] Иноземетцкой приказ».*

И вот результат:

«Микифор Романов сын Черниговской. Сказался шляхтич Брестского повету. Служил королю на 3 кони. Взят в языцех под Новым Городком Северским. Остался на государево имя. За выход дано ему государева жалованья 7 рублев да сукно доброе».

Потом прибавили еще и за крещение в православную веру: «Так как Н. Черниговскому было дано за выход семь рублей, то за крещение он получил еще 3,5 рубля и сукно доброе».

«После крещения Н. Черниговский был направлен служить в Тулу, где стоял полк гусар и рейтаров из числа иноземцев. Черниговского зачислили в роту ротмистра Василия Обруцкого (Овруцкого). Точная дата прибытия его в Тулу неизвестна. Известно лишь, что он прибыл туда после 15 августа 1635 года».

А через год… бежал. И теперь, при допросе, он уже не поляк, а литвин. То есть почти русский, так как литвинами называли, в том числе, и русских, проживавших на территории бывшего Великого княжества Литовского.

«А приводной литвин Микифорка Черниговский в роспросе сказался литвин Брягинского повету. И в прошлом 141 [1633] году взяли ево в полон государевы люди в Путивльском уезде на Войте. И прислан был к Москве. И с Москвы сослан для кормления на Вологду. А после мирного постановения в 142 [1634] с Вологды прислан к Москве. И по государеву указу товарыщев ево, которые с ним были на корму, в Литву отпущены. А он де, Микифорко, в Литву ехать не похотел, остался на государево имя. И за выход дано ему государева жалованья семь рублев да сукно доброе. Да на корм велено ему давать по девяти денег на день. И в прошлом де во 143 [1635] году женился он на Москве, старого выезду у литвина у Петра Дубовского взял патчерицу девку Аноску. И в нынешнем де в 144 [1635] году по государеву указу велено им, иноземцом, быть на Туле, а ему, Микифорку, велено быть в роте у ротмистра у Обруцкого. И они де, зговорясь, одной роты семь человек да Бряславской роты литвин, Сенкою звали, всего их восмь человек побежали было с Тулы в Литву. И как де они будут за Калугою, и литвин Сенка от них отстал. А в которых местех, и он того не знает. А на них же того дни, как литвин Сенька отстал, пришли на них государевы люди ж (с) Калуги и их розгромили. А он, Микифор, ушол на лес, и пришол в Перемышльский уезд в Лютиков монастырь. А из монастыря его прислали в Колугу. А про товарыщев своих, ушли ль они или побиты, про то не ведает. А в Литву де он пошел собою, и не

отпущал ево нихто. И жена ево про бег в Литву не ведала, и ей не сказался. А иных де литовских людей с ним никого бежать в Литву никово не бывало».

Причина, как выяснилось, заключалась в том, что женатым иноземцам не выделили дополнительного жалованья на содержание семьи, как это было положено, пользуясь тем, что семьи военных проживали не в Туле, а в Москве.

А вот и итог: *«за воровство и за измену» «…с товарыщи, з женами и з детьми велети послати на житье в Сибирские городы, где пригож, в которых городех людей мало. А покаместа их устроят, и в дорогу велети им давать корму по семьи, чем им можно сытым быть».*

29 сентября 1637 года Никифор Черниговский с женой Онисьицею прибывает в Енисейск, где и верстан в казачью службу рядовым.

Здесь он прослужил 12 лет:

«Служил я, холоп ваш, в Енисейском остроге блаженныя памяти отцу твоему, государеву, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии лет с пятнадцать всякие ваши государевы службы; на Байкалово ходил по соболиный ясак, и из тех ясашных зборов прибыль чинил. И под Ленской волок с хлебными запасами ходил, и по многим рекам на службы ходил для ясашного збору».

В 1649 году в связи с образованием самостоятельного Илимского воеводства Никифор Черниговский был переведен на службу в Илимск:

«…А на житье послать в Ылимской острог, выбрав ис сибирских городов служилых людей добрых с женами и з детьми, которые плотничать были горазды, ис Тобольска дватцать человек, с Тары, с Тюмени по десяти человек, из Енисейского острогу дватцать человек, всего восмьдесят человек. А для тое службы указано дати тем служилым людем твое государево денежное и хлебное, и соляное жалованье на два годы, на 156 [1647–1648] и впредь на 157 [1648–1649] год полные их оклады».

В 1653 году Никифор Черниговский — впервые за много лет — заслуживает повышение по службе за участие в погоне за илимскими служилыми людьми, сбежавшими на реку Амур.

Этот случай для нас особенно интересен — ведь через десять лет Никифор Романович сам возглавит точно такой же побег на Амур.

В отписке илимского воеводы стольника Богдана Денисовича Оладьина по этому поводу сообщалось следующее:

«И те служилые люди, судовые плотники, которые выбраны были твои государевы суды делать на всякие твои государевы якуцкие посылки нынешнего 161 [1653] года, на весне, суды зделав, на усть Муки и Куты рек в якуцкой отпуск под твои государевы хлебные запасы, и, не приходя в Ылимской острог, илимские и верхоленские служилые люди, судовые плотники Пронка Кислой с товарыщи, восемнатцать человек, збежали. А иные служилые люди, покиня твой государев Верхоленской Брацкой острожек, Давыдко Кайгород, Васка Семенов [Черкашенин. — *Г.К.*] с товарыщи, четыре человека, потом же за Пронкою Кислым с товарыщи збежали. С ними, беглецами, служивыми людьми, пашенные крестьяне и пашенных крестьян дети и наемные срочные побежали. А приезжие промышленые и гулящие люди, собрався, пошли с ними ж самовольством, не бив челом тебе, государю, об отпуске. И пловучи по Лене реке, у торговых и у промышленых людей суды, дощаники, з запасы и лотки отнели, и товары, и деньги, и соболи, и ружье, и порох, и свинец. И по заимкам, и по деревням пашенных крестьян ограбили, и хлеб сильно поимали. А иных пашенных крестьян и гулящих людей, которые с ними не похотели на воровство бежать, и тех, свезав, с собою взяли сильно и побежали в Даурскую землю. А по отпискам с Лены приказных людей с Пронкою Кислым — шездесят человек, с Васкою Черкашенином — сорок два человека. А по изветным речам пашенных крестьян, Марчка Никитина с товарыщи, по допросу и по их скаске в Якуцком уезде с теми беглецами собрались многие люди, все с ружьем, и на многих судах пошли в Даурскую землю, человек з двести собрався и больши. И за теми, государь, прежними беглецами, за служилыми людьми, за Пронкой Кислым с товарыщи, и за наемщики, за промышленными людми, за судовыми плотники, которые нанелись на заимках твои государевы суды делать в даурской отпуск, и взяв половину наемных денег, побежали. И посылал я, холоп твой, из Ылимского острогу в погоню сотника стрелецкого Якова Онцыфорова с служилыми людми, велел их ворочать назад, служилых людей в Ылимской, Верхоленской остроги на твою госу-

дареву службу, а прихожих людей, наемщиков, к судовому делу. И те беглецы твоево государева указу не послушали, назад не воротилися. **А доехали погонщики, служилые люди, Микифор Черниговской с товарыщи, на Лене реке, и оне, беглецы, ему отказали и отбились, и поймать себя не дали, и с погонщики бились. А иные служилые люди, погонщики, Тимошка Федотов да Гаврилко Васильев, Давыдко Кайгород побежали ис погони к ним же, беглецам, и назад ис погони не воротились.** И за последними, государь, беглецами, за вором, за ссыльным черкашенином за Васкою Семеновым с товарыщи, послал я в погоню служилого человека Савку Аверкиева с товарыщи. Велел ему за теми воры гонятьца, собрався на Лене со верными людми, тех воров имать, что они на Лене воруют, всяких людей грабят. **А до побегу, государь, тех служилых и прихожих гулящих людей я, холоп твой, посылал на Лену служилых людей за многое время, по весне, на заставу к Чечюйскому волоку Микифорка Черниговского, Гришку Зубова, Савку Белоуса с товарыщи, десять человек, чтоб в Даурскую землю из Илимского и Верхоленского острогов, и от судового дела служилые и наемные охочие промышленые люди, не поделав судов, не розбежались».**

Но это еще не все. Оладьин сообщает и некоторые подробности:

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году збежали Верхоленского острогу служилые люди воровством, Пронка Кислой да Васка Черкашенин, Ивашко Вятка, Давыдко Кайгород с товарыщи, покиня твой государев острог, в Даурскую землю. И, побежав, грабили по великой реке Лене ленских пашенных крестьян, и торговых, и промышленных людей. И я, холоп твой, за теми ворами посылал в погоню по великой реке Лене сотника стрелецково и служилых людей. И велел быти на Киренском Никольском погосте на заставе для тех побещиков служилым людем, десятнику казачью Микифорку Черниговскому с товарыщи. А велел ему, собрався с служилыми и с торговыми, и с промышленными людми, и с пашенными крестьяны, их переимать и привести в Ылимской острог. И те воры, изменники, Васка Черкашенин с товарыщи, приехав на

Киренской Никольской погост, приступали к твоему таможенному казенному анбару. И служилой человек Микифорко Черниговской с товарыщи тово вора Васку Черкашенина поимали. И на поимке те беглецы, ево, Васку, у Микифорка Черниговского отбили, и ушли в Даурскую землю, собрався с ворами, с прихожими промышленными и служилыми людми».

А через два года, в 1655 году, на Амур побежали новые сотни людей во главе с братьями Сорокиными.

У Н.Н. Оглоблина есть отдельный очерк, посвященный этому событию — «Бунт и побег на Амур “воровскаго полка” М. Сорокина».

Николай Николаевич изучил причины этого явления:

«В “заручной челобитной” 1655 г. илимских служилых людей читаем, что когда челобитчиков перевели в Илимск, то ничего им не дали — никакой “подмоги” на “дворовое строенье и на селитьбу”, так что “и по се время” они “дворишками не построилися, потому что покою себе не знаем ни днем, ни ночью, ни зимою, ни летом”... Именно этими “тяжелыми немирными службами” челобитчики и объясняют амурские побеги Прокофья Кислаго и др.

Особенно усиленно жалуются челобитчики на тягости “судоваго дела” — на обязательную для илимских служилых людей постройку судов на устьях р.р. Муки и Куты, где “для якутской службы (т. е. для отправки хлебных караванов в Якутск) делаем кочи и дощаники и лодьи, и к себе наймуем в плотники в уставщики промышленных людей, дорогою ценою — от указу даем рублев по 40 и больши, а сами мы кочей и дощаников делать без мастера не умеем”»...

Из другаго документа узнаем, что *«в 1655 г. служилые люди просили освободить их от постройки трех “кочей морскаго ходу” и кочи были построены “кочевыми деловцами” за 139 рублей, кои были вычтены из “денежных окладов” служилых людей. Вообще “судовое дело” наносило им огромные убытки и вызывало сильное неудовольствие.*

Именно здесь — около “судоваго дела” и зародился бунт Михаила Сорокина.

Весною 1655 г. воевода Оладьин отправил на службу в Верхоленский острог отряд в 40 казаков, под начальством Михаила Сорокина. Отряд состоял частию из служилых “стараго лен-

скаго наряда", т. е. переведенных из Якутска, а частию из илимскаго "новаго прибору из ссыльных служилых людей". Сорокину было дано специальное поручение заведывать на р. Тутуре постройкою пяти дощаников».

Верхоленский приказчик **Никифор Качин**, в недавнем илимский атаман, зная о подготовке бунта, не препятствовал Сорокину с товарищами и не уведомил илимского воеводу о происходящем в остроге, то есть, не примкнув к бунту по своему преклонному возрасту, он был на стороне бунтовщиков.

25 апреля 1655 года власть в Верхоленске взяли Михаил Сорокин с товарищами.

«С знаменем в руках Сорокин вышел на площадь острога, где уже выстроилось "с оружьем" его "войско". Устроили "круг", принесли крест и все под знаменем друг-другу "образовались (крест целовали), что бы им умереть вместе за един человек"... Все они "крест целовали на том, что-де им итти в Даурскую землю, а атаманом быть у них в воровском полку" Михаилу Сорокину и "есаулом" Федору Краснояру: "а иново-де атамана и есаула им никово не выбирать". Если по государеву указу "будут посланы на службу, или на них воров в Даурскую землю с Москвы государевы бояре, или окольничий и воеводы, или с городов приказные люди с ратными людьми, — и им-де ворам в Даурской земле в государевы полки к государевым воеводам не выезжать и не даватца, и никаких служб государю с воеводами не служить! А служить-де им с их воровским атаманом с М. Сорокиным, да с ясаулом с Ф. Краснояром в Даурской земли заодно особь, а у государевых воевод под началом не быть и не даватца — стоять за одно! И на том-де они воры атаману воровскому М. Сорокину крест целовали все"».

И вот, что особенно важно, что подчеркивал и Н.Н. Оглоблин и илимский воевода Б.Д. Оладьин:

«Некоторые колебавшиеся "даурцы" пробовали остановить движение ссылками на долг "службы государевой". Но Сорокин с товарищи отвечали, "что-де их братья служилые люди в прошлых годех" много раз "из служб бегали" — из Якутска, Красноярска и Илимска, "а им-де за то государева указу и сыску не бывало: то они воры и изменники М. Сорокин с товарищи ставят себе в похвальбу и в удачю!"

Это говорит воевода Оладьин в своей отписке царю, в которой не раз возвращается к этому предмету и ничем не опровергает показаний "даурцев", что все прежние побеги в Даурию

совершенно игнорировались центральным правительством и не вызывали с его стороны ни "указов", ни "сысков". Значит, это была правда, и Сорокин, указывая колебавшимся на это обстоятельство, как бы намекал, что далекому царю нет дела до них — захолустных людишек».

Нельзя сказать, чтобы бунт не вызвал и обратной реакции: *«Против некоторых открытых противников были приняты крутыя меры: так, **казаков Терентья Пашкова и Игнатья Буракова и промышленнаго человека Ивана Галичанина избили**, "в воду посадить хотели", ограбили, ружье, порох, платье, у Галичанина отняли "судно с товары и хлебными запасы" и всех троих "за приставом в воровском своем полку держали"».*

Состав отряда: *«...И воевода Оладьин, и другие илимцы согласно говорят, что душою и главою бунта был именно **Михаил Сорокин, — служилый человек "стараго ленскаго наряда", т. е. переведенец из Якутска**. Главными же помощниками его были **казаки Федор Краснояр и Клим Донщина.***

*...Ядро полка Михаила Григорьева Сорокина составили 25 казаков из отряда, посланнаго с ним на Тутуру. Позже, как увидим ниже, к нему присоединился отряд его брата **Якова Сорокина**, также из 25 Казаков. Таким образом, считая с атаманом, его братом и **есаулом Федором Ивановым Краснояром** — служилых людей собралось 53 человека. Любопытно, что между ними почти третья часть носит малорусския фамилии: **Петр Панко, Андрей Некрасов-Хохол, Артем Муромко, Василий Мотус, Иван Кудря, Федор Пан, Петр Кисель** и т. д. Очевидно, все это были служилые из ссыльной литвы и черкас.*

*Малорусския фамилии встречаются и среди 20 илимских пашенных крестьян, приставших к Сорокину: **Нечай Ворон, Калина Черкашенин, Данило и Ефим Плужные** и друг. Некоторые крестьяне бежали с своими семьями. С семьей бежал и "соловар" с Усть-Кутскаго "государева усолья" **Терентий Брилин**. Бежали его два "подварка", мельник с "государевой мельницы", 2 "ямских охотника" и друг. полу-служилые люди.*

Но главную массу Сорокинскаго полка составили "многие промышленные люди и воровские бродящие люди". Здесь были "покрученики — работные люди" с торговых судов, "всякие нахожие люди и воры в зернщики" — по определению воеводы Оладьина. Всего собралось у М. Сорокина до 300 человек из Илимскаго, Якутскаго и друг. уездов».

Еще одна очень важная деталь, на которую необходимо обратить внимание: «*Пробирался к **М. Сорокину из Тобольска сын его Михаил**, но дорогою был схвачен и посажен Оладьиным в тюрьму*».

И в якутских служилых первого призыва мы находим имя тобольского казака: «Михалко Григорьев сын Сорокин», который служил «в Верхоленском в Братцком остроге». Возможно, это и есть главный бунтовщик Михаил Сорокин.

По пути следования только в Усть-Кутском зимовье, где проходила ярмарка, было оказано какое-то сопротивление:

«Здесь Сорокин встретил первое и последнее сопротивление со стороны оставшихся верными государю илимцев. На устье р. Куты находился острожек, куда, при приближении Сорокина, засели немногие служилые люди и часть собравшихся на ярмарку торговых и промышленных людей, под предводительством приказнаго человека Семена Безпалова и таможенных целовальников Семена Норицына и Луки Захарьева. Им удалось отсидеться от Сорокина, который "приступал" к острожку, убил 2 промышленных людей и 2 ранил, но острожка взять не мог».

Первое извести о бунте поступило в илимскую приказную избу от целовальника Семена Норицына. Но, как оказалось, посылать против Сорокина было некого:

*«Положение воеводы осложнилось, так как под руками у него не было свободных служилых людей и он мог послать в Верхоленский острог на выручку только ничтожную горсть из 6 Казаков, с казачьим **пятидесятником Назаром Кистеневым**. Оставалась, правда, надежда на значительный казачий отряд стрелецкаго **сотника Якова Онцыфорова**, отправленный весною в Енисейск, для сопровождения оттуда в Илимская хлебных запасов. Но вскоре Оладьин получил известие, что и этот отряд изменил государю и увлекся сорокинским движением.*

*Бунт в отряде Онцыфорова произвел Яков Сорокин, брат Михаила Сорокина. **Яков попал в служилые люди Илимскаго острога из «московских ссыльных людей».** Из отряда Онцыфорова присоединилось к Якову 25 казаков. Остальных 13 казаков, оставшихся верными государю, сорокинцы ограбили дочиста, отняли у них оружие, порох, платье и проч.*

К отряду Якова Сорокина присоединились "холостые пашенные крестьяне" из соседних заимок и "гулящие люди; всего у него собралось 75 человек"».

Вскоре «воровской полк» подошел к Илимску:

*«Вот как Оладьин рассказывает о приходе Якова Сорокина: "и пришли они воры разбоем на Илимской острог, ведаючи в остроге безлюдство, нахально для разбою и грабежу, скопом и заговором, человек с 70 и больши, с знамены и с ружьем, и похвалялися на меня и на всяких илимских жилецких людей разбоем, грабежом. И меня в острог с служилыми и со всяких чинов людьми обсадили, к острогу приступали и из ружья стреляли, хотели острог стены роспустить (?) и над государевою казною дурно учинить, и меня и осадных всяких людей убить и розграбить, и тюрьмы розломать, и тюремных сидельцев — воров и изменника **Федотка Борана (стараго 'даурца')** с товарищи и иноземцев аманатов роспустить"...*

Трое суток продержал Я. Сорокин Илимский острог в осаде и отступил. Нельзя сомневаться, что если бы он продолжил осаду, то в конце концов овладел бы острогом. Силы Оладьина были ничтожны и близкой помощи ни откуда он не мог ожидать. Что же заставило Я. Сорокина так скоро отступить от Илимска? Прямых объяснений этого обстоятельства источники не дают. Но есть основания предполагать, что Яков получил от брата Михаила известие, что тот уже далеко ушел по пути в Даурию: в это время Мих. Сорокин приближался к Киренскому погосту. Михаил замедлял свой поход, поджидая брата. Последнему нужно было торопиться на соединение с Михаилом, и вот почему он снял осаду Илимска и тронулся к устью р. Куты».

Позже Б.Д. Оладьин напишет пространную отписку царю о причинах бунта, к которой присоединит и челобитную служилых людей Илимска, в числе которых будет и Никифор Романович Черниговский:

*«К отписке Оладьин приложил "заручную челобитную" от 94 илимских служилых людей — "останцов", не последовавших за Сорокиным. Во главе челобитчиков стоят **стрелецкий сотник Яков Онцыфоров, "городничий" Богдан Черепанов**, 2 подьячих, 3 казачьих пятидесятника (в том числе и **Никифор Романов Черниговский**), 7 десятников, затем — 80 рядовых казаков. Жалуясь на трудности илимской службы, особенно увеличившиеся после Сорокинскаго бунта, который отнял от государевой службы более 50 служилых людей и довел илимскую казну до такого оскудения, что "и нас останцов жаловать стало нечем", челобитчики просят — освободить их от "судоваго дела" и от посылок в Енисейск за хлебом (что следует возложить на ени-*

*сейских служилых людей), денежное жалованье присылать из Москвы "ежегод" в виду скудости илимской казны, наконец — перевести в Илимск на службу людей "семьянистых", **а холостых ссыльных людей не присылать, ибо они государевой службе не крепки**».*

Сам Никифор Романович Черниговский находился во время похода «воровского полка» в Киренске. И вот, что он рассказывал о себе:

*«В нынешнем де во 163 [1655] году, на весне, как побежали воры, изменники, верхоленские служилые люди Мишка Сорокин, Федька Краснояр с товарищи, и про то де я от людей в посторечьи слыхал, а прямой вести, извету, не знал. И я де было о том и писал в Ылимской острог к воеводе Богдану Денисьевичю Оладьину для ведома с лавочным посидельцем Ондрея Косицына, с Левкою, да с Ывашком Губаревым. И те воры, верхоленские служилые люди, Мишка Сорокин с товарищи, их, Левку, Ивашка, с теми отписками стретили на дороге, и те отписки у них отнели, их перевезали, и привезли те отписки они, воры, назад на Усть- Киренгу. И как они, воры, поплыли с Усть-Киренги и те отписки отдали им, Ивашку Губареву да Левке, и я те отписки послал с служилым человеком с Терешкою Пашковым да с Ыгнашком Бутаковым… **А меня, Микифорка, те воры искали и хотели убить досмерти, и в воду посадить. А женишко мое и детишка хотели с собою воровски взять в Даурскую землю. И я де от тех воров жил в побегах**. Да они ж де, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, взяли из Судной избы олова полтора [так в тексте. — Г.К.] блюда, тарелку оловянную, которое было оставлено для ясачново збору у меня, Микифорка, для подарков ясачным людем. Да оне ж де, воры, взяли ево, Микифоркова, воска на дватцать на шесть рублев на дватцать алтын грабежем. А они ж де, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, взяли государевых скоб судовых четыреста у кузнеца Ивашка Щини».*

Сразу отметим, что судьба «воровского полка» братьев Сорокиных на Амуре неизвестна. И еще важная деталь — государственной казны — они не трогали. При этом грабили все остальное подчистую, «донага»…

В 1654 году Черниговский десятник, служит и живет в Киренске, в 1655 году — пятидесятник.

В 1656 году Никифор Романович в составе группы казаков, которую возглавлял илимский атаман **Никифор Качин** и в которую входил также служилый **Федор Никифорович Черниговский**, сын Никифора Романовича, побывал в Москве, куда они доставили соболиную казну, образцы копытчатого ревня и отписки Илимского воеводы.

Пользуясь случаем, Никифор Романович попытался слукавить и выдать себя снова не за черкашенина и литвина, а за поляка, которых, что было нередко, зачисляли сразу в сыны боярские и ставили на большее, чем у пятидесятника, денежное, хлебное и соляное жалование, отправив в феврале 1657 года челобитную:

«Царю [А. М., А. А.] бьет челом холоп ваш, иноземец, поляк, а Ленского волоку Илимского острогу пятидесятник казачей Никифорко Романов Черниговской, в том: Служил я, холоп ваш, в Енисейском остроге блаженныя памяти отцу твоему государеву [М. Ф.] лет с пятнатцать всякие ваши государевы службы: на Байкалово ходил по соболиной ясак, и у тех ясашных зборов прибыль чинил, и под Ленской волок с хлебными запасы ходил, и по многим рекам на службы ходил для ясашного збору. Да я же, холоп ваш, с вашим государевым воеводою с Тимофеем Шушериным переведен из Енисейского острогу на Ленской волок в Ылимской острог. И я, холоп ваш, в Ылимском остроге служил вам великому государю [А. М., А. А.] лет с семь многие ваши государевы службы: у пашенных крестьян за вашим, государевым, хлебным умолотом и за посевом, и за выделом, и в Якутской острог многие ваши государевы хлебные запасы отпущал, и вашего государева посыльщика даурского Дмитрея Зиновьева отпущал с приказным человеком с Васильем Скоблевским. Да я же, холоп ваш, писал отписку с Киренги к вашему государеву воеводе к Богдану Денисьевичю Оладьину на Ленской волок в Ылимской острог о тунгусах о неясачных, кои тунгусы вам, государем, непокорны и непоклонны, и вам, государем, ясаку не платили. И ваш государев воевода Богдан Денисьевич Оладьин по той моей отписке у тынгусов аманатов поймал. И в том я, холоп ваш, вам (государям прибыль учинил)…»

Но и здесь его преследовала неудача — в чины боярские записывали, как правило, людей грамотных, обладающих опытом военной стратегии и тактики, навыками переговорной дипломатии и воинского строя.

Но и не обидели — в 1658–1664 годах Никифор Романович в Усть-Киренских волостях был не последним человеком — а служил «для досмотру и выделу пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе».

Правда, у автора биографии Черниговского именно на этом этапе появляются очень серьезные вопросы:

*«А теперь приведем документ, в котором сообщается о службах Никифора Черниговского за пять лет, с 1658 по 1663 год. “172 [1663] году, октября в 17 день, писал на Ленской волок в Ылимской острог к воеводе к Лаврентью Овдеевичю Обухову из Якутцкого острогу стольник и воевода Иван большой Голенищев-Кутузов: **ведомо ему учинилось в Якутцком остроге, что бутто на Ленском волоку илимские служилые люди, забыв великого государя крестное целование, воруют: с которые великого государя десятин родитца хлеба пудов по сту и больши, и они де, выдельщики, с тех десятин пишут в отпуск в Якутцкой острог и в книги пудов по пятнатцати, и по дватцати. А что де оставаетца за их опискою великого государя хлеба, и тем де хлебом они, выдельщики, корыстуютца сами и продают насторону**. И 172 [1663] же году, ноября в 5 день, на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по отписке из Якутцкого острогу стольника и воеводы Ивана большого Голенищева-Кутузова роспрашивал накрепко пашенных волостей приказщиков и выдельщиков, илимских служилых людей, и сыскивал в Ылимском же остроге и всего Илимского уезду в пашенных волостех попы и крестьяны по святой Христове евангельской непорочной заповеди и великого государя по крест(ному) целованью десятинной пашни и десято(го сно)па про выдельщиков в прошлых во 165 [1656–1657] и во 166, и во 167, и во 168, и во 170 [1661–1662] и во 171, и в нынешнем во 172 [1663] годех, у которых пашенных крестьян в котором году великого государя на десятине и их, крестьянской, пахоты хлеба — ржи и овса, и ячмени, и пшеницы — по скольку четвертей и по весу в пуды родилось”. Допрошен был и Н. Черниговский. “Февраля в 16 день [1664 г. — Г.К.] в допросе в Съезжей избе перед воеводою перед Лаврентьем Авдеевичем Обуховым Илимского острогу пятидесятник казачей Микифор Романов Чернеговской сказал по святой Христовой евангельской непорочной заповеди и великого государя по крестному целованью вправду: В прошлом*

де во 167 [1658–1659] и во 168 [1659–1660] и во 170 [1661–1662] годех по указу великого государя был он, Микифор, на Лене реке в Ылимском уезде в Усть-Киренских волостех для досмотру и выделу и пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе. И над пашенными де крестьяны в пахоте великого государя десятинново хлеба смотрел почасту беспрестанно. И на великого государя ржаные и яровые десятины выделял, и с присевок всяких чинов людей десятой сноп имал с выборными житничными пашенных крестьян целовальники по святой Христовой евангельской непорочной заповеди и великого государя по крестному целованью вправду безо всякие хитрости. И по умолоту де тот хлеб з гумен житничные целовальники принимали в меру, в пудовые кади. И в умолотные приходные книги записывал вправду. А по чему де великого государя десятин в умолоте хлеба было и с лишние крестьянские пахоты, и с присевок всяких чинов людей, и з десятого снопа взято хлеба, и тому де следуют выдельные, умолотные приходные книги, которые де книги поданы в тех годех за ево, Микифоровою, и целовальничьи руками в Ылимском остроге в Съезжую избу. А будучи он, Микифор, в тех годех в Усть-Киренских волостех на приказе великого государя, десятинным и выдельным хлебом он, Микифор, не корыстовался и не крал, и не продавал, и хитрости великого государя над хлебом никакой не чинил, и по свойству, и по дружбе, и для своих поминков никому великого государя хлебом не поступался. И от тово де великого государя десятинного и выдельного хлеба от понаровки он, Микифор, посулов и поминков себе у пашенных крестьян и ни у каких людей не имал, и никакова своего посульного хлеба ни кому не продавывал. А в прошлом де во 171 [1662–1663] году и в нынешнем во 172 [1663–1664] годех на Лене реке в Усть-Киренских волостех великого государя десятинного хлеба у пашенных крестьян не выделял, потому что в тех годех он, Микифор, на приказе не был”».

И не здесь ли, в этом «сыске», кроется одна из причин последующих метаний и некоторых поступков Никифора Романовича — уж очень они были нелогичными.

Судите сами.

Вот, что было, как утверждает сын Никифора Романовича Федор, поначалу:

«В прошлом де во 173 [1665] году хотел отец ево, Федькин, Микифорко Черниговской да пашенной крестьянин Мишка Са-

пожник и он, Федька, з братом Нижною Тунгускою через Турухан к Русе, и хотели бити челом великому государю о всяких изгонях и обидах на воеводу на Лаврентья Обухова. …А думал де отец ево, Федькин, и они с пашенным крестьянином с Мишкою Сапожником на тот побег з зимы, с марта месяца. А иново де никакова с ними на тот побег в думе и в заговоре не было. А бежать де было отцу ево, Федькину, Никифору Черниговскому, на весне».

Пашенный крестьянин Мишка Иванов Сапожник, поясняет Г.Б. Красноштанов, — он же Черниченок, был на самом деле ссыльным московским стрельцом. На Лену прибыл в 1648–1649 году. Сначала он пахал землю в деревне Чугуевской, в пяти километрах выше Чечуйска. Там его в 1652 году бил по щекам приказчик киренских крестьян Василий Скоблевский. Затем пахал в деревне Кривошапкиной, в семи километрах выше города Киренска. После побега на Лене остались его жена и двое детей. В крестьянской окладной книге за 1672 год в деревне Кривошапкиной записаны: «Фетка Михайлов сын Сапожников з братом Васкою». Забегая вперед, скажем, что в Албазине он был десятником.

Позже будут названы еще несколько имен крестьян, все из которых — бывшие черкасы.

Пашенный крестьянин *«Микулка Еремеев более точно назывался **Ивашко Еремеев Микулка.** Это был **ссыльный черкашенин (запорожский казак**), вышедший в 1638 году из Украины, находившейся тогда под властью Польши, в русский город Путивль. Он был поселен с такими же, как он, выходцами под Воронежем, но за попытку побега в 1641 году обратно в Украину был сослан сначала в Свияжск в стрелецкую службу, а затем через полгода с женой Палашкой — на Лену в пашенные крестьяне. Деревня, где он пахал, находится в 56 километрах ниже Киренска, или в десяти километрах выше Чечуйска, и по его прозвищу называется Никулина. Жена и дети Ивашки Еремеева Микулки после его побега остались на Лене. В выдельной книге 1673 года упоминаются имена сыновей: "Микитка Иванов сын Микулин с братьями: с Ивашком, с Оскою". …И сейчас на Лене есть фамилия Никулины. А сам Ивашко Еремеев из Албазина бежал в Китай».*

Пашенный крестьянин *«**Оська Васильев Подкаменный**. Это тоже был **ссыльный воронежский черкашенин**. Вышел в Московское государство через русский город Путивль в 1638 году. В 1641 году он вместе с другими воронежскими черкасами пытался бежать обратно в Украину, но был пойман и отправлен в Москву. По дороге в Москву пытался бежать из города Черни, но снова был пойман и сослан в Свияжск в стрелецкую службу. А через полгода сослан на Лену в пашенные крестьяне. **Свое прозвище он получил от названия деревни Подкаменной, в которой он был первоначально поселен**. Эта деревня была в 44 километрах ниже Киренска. Затем он переселился в деревню Полоротовскую (сейчас Повороты), в 12 километрах выше Киренска. Был женат, имел трех дочерей».*

Но это еще не все: *«Федька Черниговский был женат на **дочери Оськи Васильева Подкаменного**. О составе семьи Оськи Васильева в 1641 году записано: "Осипко Васильев. Жена Зинаидка. Детей — Настасьица, 6 лет". В 1646–1647 году семья уже состояла из пяти человек: "Осипко Васильев з женою Зиновкою, у них дочь Настасьица. Да сверх прежней ж росписи у них две дочери: Евгеньица да Устиньица". По возрасту в жены Федьке Черниговскому подходит Евгеньица. В окладной книге 169 [1660–1661] года Федька Черниговский записан холостым. У Осипка Васильева был также сын. Он родился после 1648 года. В 1648 году были переписаны семьи ссыльных черкасов. О сыне Осипка Васильева там упоминаний нет. А в ужинной книге, ныне утраченной, за 1670 год был записан "збеглово пашенного крестьянина Оськи Подкаменного сын ево Ивашко Осипов". Забегая вперед, добавим, что Оська Васильев Подкаменный тоже сбежал из Албазина в Китай вместе с Ивашкой Еремеевым Микулкой».*

Вполне вероятно, что все они были в заговоре по «хлебному делу» и планировали «найти правду» в Москве.

И Г. Б. Красноштанов находит этому подтверждение:

«В листах, попавших в фонд Илимской воеводской канцелярии, написано: "…(денеж)ные и хлебные кабалы. Да он же, воевода Лаврентей Обухов, велел нам, сиротам, выймовать из вашей великих государей казны хлеб. А имал на нас кабалы к себе, и тот наш долг по кабалам имал он, Лаврентей, к себе, а не в вашу великих государей казну. И мы, сироты ваши, от того обнищали и одолжали великими неоткупными долги. Да мы же, сироты ваши, пашенные крестьяне, били челом вам, великим государем, а ему, Лаврентью Обухову, подавали челобитные по многое время о ссуде из вашей великих государей казны хлеба на семяна, ржы. И он, Лаврентей Обухов, велел имать в вашу великих государей

казну в хлебе кабалы, а хлеба нам, сиротам, на посев не давал. И по тем кабалам он, Лаврентей Обухов, имал с нас, сирот ваших, хлеб себе. И оттого у нас, сирот ваших, не почал на полях хлеб родитьца, потому что у нас, сирот ваших, сев был не во-время, сеяли испоздна. Новой хлеб у нас на Лене приходит в ядро на Семен день [1 сентября. — Г. К.]. И от того ево, Лаврентья Обухова, насильства и изгони мы, сироты ваши, обнищали и одолжали великими неоткупными долги и з домами своими, з женами и з детьми, разорились. А в прошлых же, великие государи, годех мы, холопи ваши и сироты, били челом вам, великим государем, и челобитные подавали на Чичюйском волоку приказному сыну боярскому Федору Пущину. А в челобитье нашем написано, чтоб вы, великие государи, нас, холопей и сирот ваших, пожаловали: велели те наши челобитные с Чичюйского волоку послать под отпискою в Якуцкой острог к стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большому Голянищеву-Кутузову. А из Якуцкого острогу, чтоб великие государи пожаловали: велели те наши челобитные под отпискою послать к вам, великим государем, к Москве. И стольник и воевода Иван Федорович большой Голянищев- Кутузов те наши челобитные послал к вам, великим государем, к Москве с служилым человеком с Сенькою Епишевым. И он, воевода Лаврентей Обухов, в прошлом во 172 [1664] году ево, Сеньку Епишева, в Ылимском остроге задержал. И тот Сенька Епишев сведал те наши, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, челобитные, и ему, Лаврентью Обухову, отдал на выкуп. И те челобитные на себя он, Лаврентей Обухов, воровски у себя задержал и затаил, чтоб к вам, великим государем, от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья Обухова, великим государем не дошли. И после того он, воевода Лаврентей Обухов, уведав на себя челобитные от нас, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, и он, Лаврентей Обухов, нас, холопей ваших и сирот, почал о том челобитье к вам, великим государем, что мы подавали челобитные, всякими приметы приметыватьца, и хотел нас жечь и пытать. И оттого он, Лаврентей Обухов, имал с нас, холопей ваших и сирот, большие посулы. А мы, холопи ваши и сироты, закладываючи жен своих и детей и последние свои статки, от него, Лаврентья Обухова, откупались, чтоб нас ни жег, ни пытал в том нашем на него челобитье. И в тех деньгах мы, холопи ваши и сироты, стояли многое время на смертном правеже. А окупить нам, холопем вашим и сиротам,

тех долгов нечем. И он, Лаврентей Обухов, ис тех наших заемных долгов правил немилостивым смертным правежем, чтоб впредь от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья, вам, великим государем, челобитья не было. А с правежу велел к ночи в турму [тюрьму. — Г. К.]"».

А потом ситуация резко меняется:

*«И как де пришли на Киренгу при воеводе Лаврентье Обухове **якуцкой служилой человек Федотко Лукьянов** да **киренской пашенной крестьянин Микулка Еремеев** и учали отца ево, Федькина, Микифора, звать с собою в Даурскую землю, и воеводу Лаврентья Обухова да гостинова прикащика Афанасия записи Ивашка Тварогова с Киренги на походе грабить».*

Что же изменилось за столь короткий срок, кардинально поменяв не только планы и цели заговорщиков, но и средства их достижения.

Вот как описывали это событие подьячие съезжей избы Илимского острога **Павел Иванов сын Пежемский и Андрей Иванов сын Попов**:

«И июня в 27 день пошел с усть Киренги с Никольского погосту в Илимской острог воевода Лаврентей Овдеевич Обухов. И июня против 28 числа, в ночи, на судовом ходу, наехали ночью в стругах, и набежав з берегу, на дощаник к воеводе к Лаврентию Овдеевичю Обухову воры и изменники с вогненым оружьем Илимского острогу служилые люди **Федька Чернеговской з братьями с Ониской да с Ваською Черниговскими, да усть-кутцкой судовой плотник Ярко Тварагов (Ярафий [Ерофей] Архипов Никифоров. — *С.В.*), Якутцкого острогу служилый человек Федотко Лукоянов, да Верхоленского острогу отставленой конной казак Федька Давыдов, да Усть-Киренские волости пашенные крестьяне Мишка Сапожник, Оска Подкамянной, Микулка черкашенин** и с ними многие воровские люди, и на дощаник приступом взошли, и воеводу Лаврентия Овдеевича Обухова убили на плаву, в воде прикололи копьи досмерти. А иных служилых и промышленых людей убили же досмерти, и многие ранили, и великого государя знамя отбили, и дощаник со всеми верховыми и запасными снастми взяли, и воеводцкие животы, что было в дощанике, и наши животишка, и служилых людей пограбили все без остатку, и нас на погроме били и вязали, насмерть из-

били, и меня, Ондрюшку, ранили. А после бою и розгрому воры и изменники на том же великого государя дощанике, подняв великого государя илимское знамя, которое знамя воры отбили, и побежали наниз по Лене реке к Никольскому погосту. И на бою и на грабежу меж собою они, воры, говорили, называли пашенного крестьянина Мишку Сапожника атаманом. А говорили они, что де им идти в Даурскую землю. А большим де у них в даурском походе быть атаманом с Киренги Илимского острогу пятидесятнику казачью Микифорку Черниговскому».

А это уже из допроса Федора Черниговского:

«И как де по берегу бечевшики мимо их прошли, и они де на тот воевоцкой дощаник напустились в дву лотках окриком, и бечеву достали крюком, и к берегу дощаник притянули. И почали по дощанику и по людем стрелять, и на дощаник взошли, и велели с тово дощаника сторонним людем сотти. И как де воевода Лаврентий Обухов изо льяла [проем в борту судна для вычерпывания воды. — Г. К.] в воду бросился, и тот де он, Федька, видел с дощаника сверху. А хто де ево у берегу или на воде заколол, про то он, Федька, не ведает. Только де сказывал ему, Федьке, после тово на Киренге якуцкой казак **Федотко Лукьянов**, что он воеводу Лаврентия Обухова у берегу на воде с промышленым человеком с **Матюшкою Максимовым** закололи пальмами. И он де, Федотко, держал за волосы, а Матюшка ево пальмою колол».

Дополнительные подробности убийства Л. А. Обухова сообщил в письме якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову его человек **Мишка Неелов**: *«Да ведомо тебе, государю своему, чиню — изволишь спросить про Лаврентья Авдеевича — и Лаврентия Авдеевича убили пашенные, Черниговскова дети. Как он, государь, поехал с Киренги, и оне ево в ту поры изождали в Кривой Луке. Да как он кинулся из дощеника в воду, и он по реке поплыл. И те Черниговскова дети сели в лотку, нагребли на нево, скололи ево пальмами, дали ему четыре раны. Да с ним же, государь Иван Федорович, убили промышленных 20 человек да племяника ево ранили ж. Да и подьячих и сына ево отпустили на Илиму с теми ж подьячими. А я, государь Иван Федорович, жил в ту пору на Чичюйском…»*

А вот, что сообщил в Сибирский приказ сам якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов после поимки братьев Черниговских:

*«В нынешнем, великий государь, во 174 [1666] году, июня в 10 день, поймали воров изменничьих, против Каменки реки, Илимского острогу пятидесятника казачья Микифорка Черниговского, трех человек, Федьку да Ониску, да Васку Черниговских Якутского острогу **сын боярской Тимофей Чернышевской да человек мой Ивашко Соколов.** А привезли, великий государь, ко мне, холопу твоему. И яз, холоп твой, их, Федьку и Ониску, и Васку пытал в застенке накрепко. И они, Федька и Ониска, и Васка, с пытки мне, холопу твоему, сказали, что де отец их, Микифорко, Илимского острогу воеводу Лаврентья Обухова грабить с ними умышлял, а не убить; что де ево, Лаврентья, везти до Чечуйского волоку и на Чечюйском де волоку отпустить ево, Лаврентья, назад. А закололи де ево, Лаврентья, пальмою у берегу на Лене реке, повыше курьи, Якутцкого острогу служилой человек Федотко Лукиянов да с ним промышленной человек Матюшка Максимов. А было де, великий государь, их всех в заговоре, что ево, Лаврентья, пограбить, дватцать два человека. А животы де ево, Лаврентьевы, отец их, Микифорко, пограбя, разделил их с товарищи своими. И их, Федькин и Онискин, и Васкин, пай взял с собою. И взяв де тот живот с собою, ушли де они в Даурскую землю. И им де отец их того паю не дал, для того, что де они в те поры от него, Никифорка, норовились уйти к тебе, великому государю, с повинною».*

Братья Черниговские, по всей видимости, говорили правду — если бы они были убийцами, то в чем тогда смысл их добровольной сдачи бывшему польскому военнопленному Тимофею Чернышевскому? С убийц спрос короткий — смертная казнь. А они, в противовес отцу, отказались идти в Даурию, надеясь на то, что царь примет их повинную…

Позже, когда царь по прошествии ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ, принял на государеву службу детей Черниговского, в царской грамоте появилась информация о причинах расправы с илимским воеводой Обуховым:

«1680 апреля 19. — **Грамота Красноярскому воеводе Дмитрию Корсакову, о принятии в пешую стрелецкую службу детей Никифора Черниговскаго.**

От царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Сибирь, в Красноярской, воеводе нашему Дмитрею Степановичю Карсакову. В прошлом во 182 году писал ко отцу нашему государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, из Даур Тоболской сын боярской Данило Аршинской, и прислал Албазинского острогу Микифорка Черниговского с товарыщи, ста одного человека, челобитную, и челобитчиков Микифорковых товарыщей Черниговского Ивашка Перелешина да Ярка Творогова, а в челобитной их написано: пошед де они из Устькиринской волости, воеводу **Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпение, что он Лаврентей, приезжая к ним в Устькиренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал, и идучи де они по великой реке Лене, нашим государевым всяких чинов людем никакие обиды не чинили и не побивали и не грабили**; и во 183 году марта в 15 день отец наш государев, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал: Микифорка Черниговского с детми с Федкою, с Онисимком, с Васкою, да Ивашка Перелешина с товарыщи семнадцати человек, за их воровство, казнить смертью; а которые к ним после убойства приставали на дороге и торговых и промышленых людей грабили, сороку шти человек, учинить наказанье, бить кнутом и отсечь по руке; и марта ж в 17 день отец наш государев, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожаловал их Микифорка Черниговского с товарыщи, **что они пришед в Дауры вины свои принесли, и на Албазинском городище острог поставили, и ясачных людей призвали и аманатов поимали, и пашню завели, казнить и наказанья им чинить не велел, а быть им Микифорку с товарыщи в Албазинском, а Микифорковых детей Черниговского и товарищей их, которые сидят в Илимском и в Якуцком в тюрмах, сослать с женами и с детми в Енисейск, в Красноярской, а товарыщей их в Томской в пешую стрелецкую службу.** И ныне мы великий государь указали: **Микифорковых детей Черниговского Федку, Онисимка, Ваську, с женами и с детми послать в Енисейск, в Красноярской, а товарыщей их в Томской в пешую стрелецкую службу.** — И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, а Микифорковы дети Черниговского из Илимского **в Красноярской присланы будут, и ты б велел их принять и быть в пешей стрелецкой службе;** а которого числа те колодники в Красноярской и с кем имены присланы будут, о том к нам великому государю писал, а отписку велел подать в Сибирском Приказе боярину нашему князю Ивану Борисовичю Репнину, да столнику нашему Кирилу Аристарховичю Яковлеву, да дьяком нашим, Семену Румянцеву, Лву Ермолаеву. Писан на Москве, лета 7188 апреля в 19 день. (Дополнения к актам историческим, 1862 г., т. 8, СПб.).

Так за что же КОНКРЕТНО томились пятнадцать лет в тюрьме дети Никифора Черниговского?

Вспомним, что бунтовщики на государевом дощанике илимского воеводы Лаврентия Обухова *«беглого Илимского острогу Съезжие избы прежного целовальника Петрушку Осколкова, розломав железа, великого государя с товарными книгами Съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему и к себе их в воровской даурской побег взяли».*

Петрушка Осколков — это киренский таможенный целовальник Петрушка Якимов Осколков, которого воевода Обухов вез на дощанике, скованного за какие-то злоупотребления.

Это первое.

И второе – Петр Осколков был… зятем Никифора Романовича Черниговского, а каждый из братьев Черниговских приходился Петру Якимовичу шурином.

Яренские крестьяне Осколковы были представителями одной из мощнейших торговых корпораций Сибири 17-го столетия, которые занимались организацией и снабжением охотничьих ватаг.

Уже в 1645 году появляются на Лене первые сведения о братьях Андрее и Осипе Амосовых детях Осколковых и их двоюродном брате Панфиле Левонтьеве сыне Осколкове:

«Того ж дни [20 августа 1646 г.] отпущены ис таможни вверх по Лене реке к Илимскому волоку и в Енисейской острог, и к Русе печатника и думного дьяка Федора Федоровича Лихачева кре-

стьянина ево Ондрея Осколкова приказщик Стенка Онофреев да брат ево [Андрея Осколкова. — Г.К.] Петрушка Якимов да Ивашко Оболтин. А с ними пошло мяхкой рухляди индигирско-во привозу семьдесят шесть сороков тритцать семь соболей с хвосты, пятьдесят сороков пупков собольих, двести хвостов собольих, шубенко пупчатое, восмь исподов шапочных пупчатых, околы собольи. А тое у них мяхкой рухляди Якутцково острогу по таможенной оценке на три тысячи на двести на шездесят рублев. И с тое у них мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята на Индигирской реке в прошлом во 153 [1645] году. Да с ними ж идет мяхкой рухляди, что пришло с Вилюя, своего промыслу пятнатцать сороков соболей с хвосты, десять сороков пупков собольих да перекупных пятьдесят два соболя с хвосты, двенатцать соболей Божьих, четыре испода шапочных пупчатых, околы собольи, шубенко пластинное соболье. А тое у них мяхкой рухляди Якутцкого острогу по таможен- ной оценке на шестьсот на тритцать на четыре рубли. И с тое у них мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якутцком остроге в таможни мяхкою рухлядью».

«Того ж дни [13 мая 1649 г.] отпущен с усть Муки реки с таможни на великую реку Лену в Якутцкой острог торгового человека Еренского городка Осипа Амосова сына Осколкова брат ево сродной (двоюродный. — *С.В.*) *Петрушка Якимов».*

Еще один из документов той далекой эпохи, приводимый Г.Б. Красноштановым, любопытен для нас по трем причинам. Первая — это денежные ресурсы, которыми располагал на Индигирке Петр Якимович Осколков. Вторая — торговый оборот пушниной. И третья — масштабы злоупотреблений торговых людей.

«В апреле 1650 года Петр Осколков стал готовиться к отъезду в Якутск и сделал очень крупные закупки мягкой рухляди. Запись об этом в индигирской таможенной книге занимает несколько листов. Подобной записи не встречается ни в одной таможенной книге. “Того ж дни [25 апреля 1650 г.] продали промышленые люди Федька Онтропьев да ***Васка Иванов Голыгин*** устюжанин (родной отец одного из первооткрывателей Камчатки Ивана Васильевича Голыгина. — *С.В.*) *два сорока шесть соболей Осипа Осколкова брату ево Петрушки Екимову. Взяли восмьдесят шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли девятнатцать алтын. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Стенька Григорьев пинежанин десять соболей. Взял десять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять алтын. Того ж дни ему ж продал промышленой человек Федка Аникиев Худяков да племянник ево Дружинка Иванов четыре сорока тритцать пять соболей. Взяли сто девяносто пять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого пять рублев дватцать восмь алтын две деньги. Ему же продал промышленой человек Никифорко Самойлов устюжанин шесть соболей. Взял шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого шесть алтын. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Ермолка Фокин два сорока один соболь. Взял восмьдесят один рубль. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли четырнатцать алтын две деньги. Того ж дни ему ж продал Гришка Ларионов важенин два сорока дватцать восмь соболей. Взял сто восмь рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого три рубли восмь алтын. Ему ж продал промышленой человек Васка Семенов Драчев сорок соболей. Взял сорок рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого рубль шесть алтын четыре деньги. Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера шубу соболью. А в ней шездесят недособолей. Взял восмьдесят рублей. Записных пошлин взято по алтыну с рубля, итого два рубли тринатцать алтын две деньги. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Рудачко Павлов три сорока два соболя. Взял сто дватцать два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого три рубли дватцать два алтына. Того ж дни ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Костка Осипов колмогорец три сорока два соболя. Взял сто дватцать два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля итого три рубли два алтына. Ему ж продал промышленой человек Венедишка Олферьев устьянец два сорока два соболя. Взял восмьдесят два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли пятнатцать алтын две деньги. Ему ж продал гостя Данила Панкратова приказщик ево Ондрюшка Юрьев Косицын четыре соболя. Взял четыре рубли дватцать шесть алтын четыре деньги. Ему ж продал промышленой человек Первушка Семенов усолец осмнатцать соболей. Взял осмнатцать рублев. С записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого осмнатцать алтын. Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера десять соболей. Взял десять рублев. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять ал-*

тын. Ему ж продали промышленые люди [перечислено 14 человек. — Г.К.] два сорока дватцать шесть соболей. Взяли восмьдесят шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли девятнатцать алтын две деньги. Ему ж продал промышленой человек Митка Федотов усцелемец тритцать восмь соболей. Взял тритцать восмь рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого рубль четыре алтына четыре деньги. Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера сорок соболей. Взял сорок рублей, записной пошлины взято рубль шесть алтын четыре деньги. Ему ж продал промышленой человек Онисимко Степанов дватцать один соболь. Взял дватцать один рубль. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого дватцать один алтын. Ему ж продали промышленые люди Никонко Терентьев, Евдокимко Федоров одиннатцать соболей. Взяли одиннатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого одиннатцать алтын. Ему ж продал промышленой человек Марчко Васильев десять соболей. Взял десять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять алтын. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Семейка Савинов белозерец тритцать четыре соболя. Взял тритцать четыре рубля. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого тритцать четыре алтыну. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Первушка Спиридонов осмнатцать соболей. Взял осмнатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого осмнатцать алтын. Ему ж продал промышленой человек Ивашко Петров устюжанин двенатцать соболей. Взял двенатцать рублей. Записной пошлины взято двенатцать алтын.Ему ж, Петрушке, продали промышленые люди Шестачко Аввакумов да Куземка Фотеев семь соболей. Взяли семь рублей. Записной пошлины взято семь алтын. Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Ермолка Фокин пятнатцать соболей. Взял пятнатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого пятнатцать алтын”».

И вот какое расследование удалось провести Г.Б. Красноштанову, опираясь на документы тех лет:

«В феврале 1651 года якутскому воеводе Дмитрию Францбекову поступило известие, что не все привезенные с Индигирки и Колымы соболи приобретены законным путем. “159 [1651], февраля в 2 день, в съезжей избе воеводе Дмитрею Андреевичю

Францбекову да диаку Осипу Степанову извещал словесно промышленой человек Юшко Селиверстов: в нынешнем де во 159 [1650] году, которые торговые и промышленые люди пришли в Жиганы з дальных рек, с моря, с Ковымы и с Алазейки, и с Индигирки, и с ыных сторонных рек с своею с мяхкою рухлядью, с собольми, и в тех де у них соболях многие соболи иноземского промыслу, а иные обводные утаенные соболи-одинцы добрые, которые годны в государеву казну. И против таможенной росписи про иноземские соболи воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов торговых и промышленых людей допрашивали, у ково они у иноземцов имяны те иноземские соболи покупали и на которых реках. И торговой человек Иван Амосов сын Осколков в допросе сказал, что иноземские соболи привезли с Ындигирки реки брат ево Петрушка Якимов да с Ковымы реки приказщик ево Олешка Васильев сын Едомской три сорока дватцать пять соболей. Покупали те соболи на тех реках у служилых людей да у промышленых людей, которые на тех же реках с служилыми людьми по челобитным служат вместо служилых людей. А у ково де сколько по именом брат ево Петрушка и приказщик Олешка соболей купили и тому де на Индигирке и на Ковыме реках у таможенных целовальников в таможенных книгах записка всему тому есть. И государева де десятая пошлина на тех реках с тех соболей плачена сполна. А у иноземцов де никаких соболей брат ево и приказщик не купливали” Однако же на якутской таможне было предъявлено значительно большее количество соболей. “А в нынешнем во 159 [1650] году пришло с Петрушкою мяхкой рухляди по индигирской выписи своего промыслу 11 сороков соболей с хвосты да 10 сороков 30 соболей с хвосты, 2 подскора пупчатых, околы собольи, шубенко недособолье. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той мяхкой рухляди на 1941 рубль на 25 алтын. И с тех соболей у брата ево, у Ивана Осколкова, взято на государя иноземского промыслу 2 сорока 23 соболи с хвосты. Да с ним ж, Петрушкою, отпущен на покруте без товару и без денег Шестачко Юрьев вычегжанин. А в нынешнем во 159 [1650] году пришло с ним, Шестачком, по индигирской выписи работной и перекупной мяхкой рухляди 45 соболей с хвосты. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него мяхкой рухляди на 49 рублев с полтиною. И с тех соболей у него, Шестачка, взято на государя иноземского промыслу один соболь с хвостом”. Однако в индигирской выписке у

Петрушки Осколкова значится гораздо меньше соболей, чем в индигирской таможенной книге. Одних только перекупных соболей у него было 24 сорока 37 соболей».

Г.Б. Красноштанов называет Петра Осколкова то илимским, то киренским целовальником. Но не это главное.

«В целовальники он был выбран торговыми людьми. За год до побега он имел перед казной небольшой долг. В книге денежных доходов Илимского острога за 177 [1668–1669] год записано: "Из доимки ж на прошлой на 172 [1663–1664] год по счетному списку за казенного Съезжие избы целовальника за Петрушку Осколкова по выбору на выборщиках гостиные сотни Силы Усова на человеке ево на Сенке Тотарине, на илимском посадцком на Завьялке Семенове с товарыщи, помечено взяти сорок два рубли три алтына две деньги. И в то число из доимки на прошлой на 172 [1663–1664] год тех денег не взято, потому что в Ылимском остроге всех налицо не было"».

Не такие уж и большие для Осколкова деньги, чтобы из-за них пускаться в побег.

Но в то же время обращает на себя внимание тот факт, что при его освобождении были захвачены *«великого государя с товарными книгами Съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему»,* которые вез «для сыску» Лаврентий Обухов.

Мог ли быть замешан илимский целовальник Петр Осколков в «хлебном деле». Вполне вероятно: *«157 [1649] году, июля в 2 день, отпущен на Индигирскую и на Колыму реки на соболиной промысел и для торгу Еренского городка торгового человека Осипа Осколкова брат ево Петрушка Якимов. А с ним пошло хлебново запасу и русково товару, и промышленово заводу по таможенной оценке на 1265 рублев на 16 алтын на 4 деньги».*

И поэтому версия о насильствах илимского воеводы Обухова, вполне вероятно, касается не растиражированной истории об изнасиловании жены Петра Осколкова — дочери Никифора Федоровича Черниговского (о чем могли пустить слух в Илимске и Киренске), а о насильствах воеводы при проведении сыска о злоупотреблениях торгового человека, илимского целовальника, Петра Осколкова и его ближайшей родни.

Честь рода и могла быть побудительным мотивом для детей Черниговского, в том числе и старшего из них Федора, который недавно совсем женился на дочери Осипа Васильева Подкаменного, являвшегося по мнению Г.Б. Красноштанова непосредственным участником убийства воеводы, о котором Федор не сказал ни слова во время многочисленных допросов.

Правду открыл позже сам Федор Никифорович Черниговский:

«В прошлом, великие государи, во 178 [1670] году, июня в 20 день, писал мне из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской: изменили де вам, великим государем, в Олбазинском остроге черкасы, которые на великой реке Лене, на Киренге, убили воеводу Лаврентья Обухова, Микулка Пан (Ивашко Еремеев Микулка. — *С.В.*) *да Оска Подкаменной с товарищи, восмь человек, убежали в Богдойскую землю».*

Но это была не вся правда: *«А дальше Данило Аршинский писал то, о чем ни в одной книге не упоминается: «Да в нынешнем во 179 [1670] году, декабря в 15 день, писали ко мне из Олбазинского острогу албазинские охочие служилые люди, Петрушка Екимов с товарищи: сказала де ему казачья Ивашка Перелешина жена Анница: в прошлом де во 178 [1670] году, после побегу черкас Микулки и Оски с товарыщи, в третий день, Микифорко Черниговской хотел де бежать в Даурскую землю к богдойскому царю. А тое казачью жену Анницу звал он, Микифорко, бежать с собою. И она де, Анница, бежать не похотела. И албазинские служилые люди Микифорка Черниговского и казачью жену Анницу с приставы прислали ко мне в Нерчинский острог. И я, холоп ваш, великих государей, Микифорка Черниговского в том даурском побеге пытал. И он, Микифорко, в том даурском побеге повинился. И я ево, Микифорка, сковав, хотел держать в Нерчинском остроге до вашего, великих государей, указу».*

Донес на него тот самый зять (ставший в период с 1670 по 1673 год на период следствия приказчиком Албазинского острога), ради освобождения которого Черниговские пошли на государственное преступление.

И возникает закономерный вопрос — стоило ли за его освобождение платить такую высокую цену — свободой трех своих сыновей, которые провели в якутских и илимских тюрьмах почти 15 лет своей жизни? И смертным приговором для себя и своих «подельников», вынесенным царем за убийство воеводы, — никто ведь не предполагал, что через два дня царь новым указом отменит этот приговор и простит атамана Никифора Черниговского за то, что что он со своими «воровскими людьми», ставшими охочими казаками, возродил из пепла заброшенный Ал-

базинский острог и превратил его в новую русскую крепость на Амуре, закрепив таким образом за Амуром русское господство…

Ю. П. Бартенев: *«15 марта 1672 г.* (на самом деле “и во 183 [1675] году, марта в 15 день”. — *С.В.*) *Черниговский, его сын и еще 7 человек приговорены к смертной казни, а 46 человек к телесному наказанию, но через два дня всем им объявлено прощение, а в награду послано 2000 рублей».*

С.В. Бахрушин: *«Было ясно, что без помощи со стороны государства наши разбойники не в состоянии удержаться на Амуре. Поэтому в 1671 году решено было отправить в Москву делегацию с ходатайством об амнистии. 15 марта 1672 г.* (“и во 183 [1675] году, марта в 15 день”. — *С.В.*) *состоялся указ, по которому Черниговский и 16 его ближайших сообщников приговаривались к смертной казни, а прочие, примкнувшие к нему бунтовщики, к кнуту и отсечению одной руки, но через день, 17 марта, по случаю именин царя последовала всемилостивейшая отмена состоявшегося приговора и преступники были осыпаны наградами. Черниговский был назначен приказчиком в Албазин, его войску послано 2 000 рублей жалованья».*

Но Никифор Романович Черниговский, «самовольный и самоохотный атаман» Албазинского острога, не узнал ни о смертном приговоре, ни о помиловании — в том же 1675 году, вероятно, в июне, его не стало.

Но многие сибиряки, жившие во времена атамана Черниговского и после него, вынесли из этой истории весьма определенную мораль — убийство (даже царского воеводы) могут тебе ПРОСТИТЬ…

Якутский заговор 1677 года: бежать в Даурию

В 1677 году в Якутске раскрыт заговор служилых и промышленных людей — 19 казаков и 8 промышленников, — целью которых было убийство воеводы Андрея Афанасьевича Барнешлева и расправа с его «ушниками и шишиморами» — боярским сыном Петром Ярышкиным, казачьим сотником Третьяком Смирнягиным и подъячим Михаилом Яковлевичем Ушницким.

Источники, правда, не называют ни одного имени самих заговорщиков и о судьбе их пишут разное — по одним данным они были казнены Барнешлевым, по другим томились в тюрьме и были выпущены на свободу в 1678 году, когда в Якутске сменилась власть и началось следствие о злоупотреблениях самого воеводы, который, неожиданно для следствия, но, как и многие другие якутские воеводы, скоропостижно скончался по пути из Якутска в Тобольск и Москву: «едучи с Сибири, на Кети умре на дороге», оборвав таким образом все нити своих криминальных связей…

Вообще сибирская история Андрея Афанасьевича Барнешлева — это «замечательный» образец того, как человек из другого — нерусского — мира, смог в буквальном смысле «из грязи подняться в князи» и стать воеводой самого богатого края Сибири…

Он был сослан в дальний сибирский городок Енисейск в 1646 году с заключением в тюрьму, а затем был поверстан в пешие казаки.

Историки называют несколько причин его ссылки.

Будучи сыном английского купца Джона Барнсли и находясь в родстве с крупнейшими иностранными купцами того времени в России — Дюкер, Деремонт, Марселис — Вилли Барнсли (так звали его изначально) принял участие в неудавшемся проекте выдачи замуж царевны Ирины Михайловны за сына датского короля Вольдемара, который, согласно условиям брачного контракта, мог бы даже претендовать (а его дети тем более) на русский престол.

Проект не был реализован только по одной причине — принц датский отказался менять свою веру. А русская православная церковь не могла признать брак законным, если один из супругов не был в православной вере.

Более того — церковь считала сам замысел такого смешанного брака преступным. А ведь автором этой идеи был сам царь

Михаил Федорович, умерший в 1645 году. Поэтому правительство делало все возможное, чтобы очиститься от этого греха и очистить от него и само царское имя, замаранное кощунственной идеей, осужденной впоследствии и царем Алексеем Михайловичем, сыном Михаила Федоровича, наследственные права которого могли быть нарушены этим браком.

Вильям Барнсли, сын английского купца, рожденный в России и являющийся по месту рождения ее гражданином, после выезда в Данию свиты принца Вольдемара и его самого, оставался в России единственным прямым свидетелем этой неудавшейся брачной — а по сути политической — сделки.

И он, по глупости и жадности, напомнил об этом, потребовав от русского правительства компенсации своих затрат, как участника брачного проекта, а также возможности покинуть Россию, чтобы возвратиться на родину предков.

В этот период роль и значение купеческой семьи Барнсли-Дюкер-Марселис были очень высокими, сам Вилли (по одной из легенд) даже ухаживал за юной княжной Милославской, которая впоследствии стада женой воспитателя царя Алексея Михайловича боярина Бориса Ивановича Морозова — фактического правителя России того времени, одного из виновников Соляного бунта 1648 года, когда этот боярин только чудом спасся от гнева народа и остался жив, в то время как его партнеры-казнокрады были растерзаны восставшими.

Вилли Барнсли (к своему несчастью или, наоборот, великому везению?!) оказался любовным конкурентом Бориса Морозова в тот самый момент, когда боярин был в наивысшей политической силе — и он прихлопнул строптивого англичанина, подданного России, как муху, отправив его в енисейскую тюрьму. Но не казнил! А мог.

В течение многих лет Вильям Барнсли, выпущенный из тюрьмы и поверстанный в казачью службу, будучи в чине рядового пешего казака с минимальным жалованьем и без права покидать территорию Енисейского острога, напрасно ожидал помощи от своих родственников и единоверцев-кальвинистов.

Нет, за него хлопотали. Даже датский король. Но все эти хлопоты были напрасными. Более того — позиция России в отношении своего подданного «английского происхождения» становилась в результате этих «домогательств» только еще более принципиальной и безоговорочной.

Правда, изначально перед Барнсли было поставлено одно условие: в случае перемены веры он будет произведен в дети боярские с соответствующим денежным, хлебным и соляным жалованием.

Барнсли понимал, что, переменив веру, он навсегда закрывает себе путь в пуританскую Англию, где у его отца было унаследованное от предков землевладение, и, само собой, теряет право на это наследство.

Восемь лет, без поддержки богатых родственников, он влачил нищенское существование, наблюдая, как обогащаются в военно-промысловых экспедициях первые люди Енисейского острога — атаманы Галкины и другие участники этих походов, открывающие новые земли и новые промысловые районы — например, места добычи знаменитого баргузинского соболя в окрестностях построенного в 1648 году Иваном Галкиным Баргузинского острога.

24 сентября 1654 года Вильям принимает решение о переходе в православную веру, чтобы создать собственную сибирскую карьеру, действуя по русской пословице: «Лучше иметь синицу в руке, чем журавля в небе».

Его решение было продиктовано сугубо прагматичными меркантильными соображениями, от которых он не отступал больше на протяжении всей своей дальнейшей жизни в Сибири.

Его крестным отцом стал один из самых жестоких сибирских воевод того времени — Афанасий Филиппович Пашков (енисейский воевода в 1650–1655 гг., потомок поляка Григория Пашкевича, опричника Ивана Грозного), погубивший впоследствии в Даурском походе 400 человек, «переплюнув» в своей бесчеловечной жестокости таких монстров, как Василий Поярков (превративших своих подчиненных в людоедов) и Ерофей Хабаров (расстрелявших своих русских оппонентов из пушек).

* * *

И Вилли Барнсли, став Андреем Афанасьевичем Барнешлевым — крестным сыном даурского палача, незамедлительно получил заветный чин сына боярского с годовым окладом, равным окладу Ивана Алексеевича Галкина, который тот получал за свои заслуги по открытию новых земель и прибыли, приносимой им в государственную казну: 25 рублей денег, 16 четей ржи, 10 четей овса и 5 пудов соли.

В Енисейске в это самое время сошлись, как звезды на небе, — земные и небесные пути-дороги Афанасия Пашкова, Ан-

дрея Барнешлева, Ивана Галкина и… протопопопа Аввакума, который 25 июня 1655 года в сопровождении красноярского атамана Милослава Кольцова был направлен в ссылку вместе с женой и детьми из Тобольска в Якутск, но в дороге его нагнал новый указ: отправляться в составе экспедиции воеводы Афанасия Пашкова в далекую Даурию.

Но в Даурию семья протопопа Аввакума отправлялась уже не в полном составе — по одной из версий (кстати, весьма сомнительной), одна из его дочерей — Агриппина Аввакумовна — стала женой сына боярского Ивана Алексеевича Галкина.

А те, кто оставался с отцом, пережили вместе с ним все тяготы этого похода и издевательств над строптивым протопопом и его семьей безжалостного и бесчеловечного Пашкова.

В 1656 году атаман Иван Галкин неожиданно умирает, а на его вдове женится Андрей Афанасьевич Барнешлев, прибирая к своим рукам все добро покойного Ивана Алексеевича: *«и животы, и платя доброе цветное, камчатое и атласное, и соболе, и соболи, и двор, и лавки на рыбном дворе, и всякий завод и посуду»*.

В течение нескольких лет Барнешлев ведет тяжбу с семьей Галкиных по поводу незаконно захваченного имущества и даже по этому поводу выезжает в Москву.

Но, скорее всего, для поездки в Москву (а Барнешлев в чине сына боярского так и оставался в Енисейске без права передвижения) эта тяжба была только поводом — потому что после возвращения из Москвы сибирская карьера Барнешлева стала стремительно развиваться.

По всей видимости, ему удалось не только встретиться со своими богатыми иностранными родственниками-купцами, но и вклиниться в ту русскую клановую структуру управления Сибирью, которая и размещала («рассаживала») верных и надежных людей на важнейшие приказные и воеводские посты.

Афанасий Пашков, безусловно, был из этой кадровой «обоймы», но он уже «отстрелял» свой потенциал — тем более, что и статус протопопа Аввакума, над которым издевался Пашков, за эти годы изменился — в Москве, куда направился в 1662 году даурский воевода после своего похода, протопоп был снова в силе и к нему благоговели в самой царской семье.

Пока в Даурии Аввакум переживал все тяготы, несчастья, жестокости и горести того похода, в Москве произошли коренные изменения и его снова вызвали в столицу. Пашков отказался

брать Аввакума с собой на свое судно и тот вынужден был зимовать в Енисейске, но в Москву он отправлялся с мыслью о мщении: «Мне постричь Пашкова надобно».

В это же время в Москву отправляется и Барнешлев. И что он видит — Аввакум снова при церковных должностях, а Пашков не только лишен всего, но даже и своей мирской жизни, будучи пострижен лично Аввакумом в монахи Чудова монастыря за все свои должностные преступления и грехи.

Здесь Пашкова постиг удар, разбил паралич, и он скончался в 1664 году. Но и Аввакум со своими убеждениями оказался недолго в фаворе — вскоре начались новые преследования его за старую веру, завершившиеся сожжением его в 1682 году в Пустозерске.

Расчетливый Барнешлев прибыл в Москву, имея в Сибири крепкий тыл: примерно в 1660 году его кумом — крестным новорожденного сына Ивана Андреевича Барнешлева — стал якутский воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов, который также, как и после него Андрей Афанасьевич, неожиданно быстро умрет, когда откроется следствие о его злоупотреблениях во власти, обрывая нити своих коммерческих и криминальных связей, ведущих в Москву и, по всей видимости, за границу.

Благодаря московской поддержке, Барнешлев получает, наконец, желанную свободу — в 1664 году его назначают казачьим головой в построенный Галкиным Баргузинский острог. В 1668/1669 гг. Андрей Афанасьевич руководит укреплением острожных стен Иркутска, который в тот период еще подчинен баргузинскому казачьему голове. В 1671/1672 гг. Барнешлев становится сначала приказчиком, а потом воеводой Иркутского острога, которому будет суждено вскоре сыграть в истории Восточной Сибири особую административную роль. В 1673 году Барнешлев уже красноярский воевода.

9 февраля 1673 года «синбирянин» (то есть сибирский сын боярский) А.А. Барнешлев записан в московские дворяне: «Велено написать ево с иноземцы, которые служат по московскому списку».

22 августа 1675 года Андрей Афанасьевич Барнешлев назначен якутским воеводой — на место, где прежде служил его кум Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов.

Такой стремительной карьеры в Сибири не было, наверное, ни у одного русского казака.

Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов сменил воеводу Лодыженского, которого он обвинил во многих государственных преступлениях: «*корыстовался*» государевой казной, «*чинил налоги великие*» ясачным, промышленным и торговым людям.

У Сергея Маркова в книге «Подвиг Семена Дежнева» этому воеводе дается такая вот характеристика:

«Новый воевода, как паук, высасывал соки из торговых и промышленных людей. Он всячески опутывал их и вымогал кабальные записи всеми способами, в том числе очень необычными. Михайло Лодыженский, например, устраивал у себя роскошные пиры и сзывал на них весь Якутск. Гости сначала охотно шли, но потом взвыли от волчьего гостеприимства воеводы. Он рассуждал: гостей он принимал, тратился на них, убытки надо возместить, — и тут же, за столом, брал с гостей кабальные грамоты. Особенно он любил гостей с густыми и длинными бородами. Напоив до потери сознания этих почтенных людей, воевода заставлял их выдирать друг другу бороды или рубиться между собой деревянными мечами. Подьячий Аврамов так однажды раскроил череп таможенному ***Корюкову****. Другой служилый, когда его таскали за бороду, ударился затылком об пол и тут же умер. Воевода узнал, что после погибшего осталась соболья шуба, и забрал ее себе».*

Но это даже не мелочи, а вообще пустяки по сравнению с тем, что писал о якутском воеводе Барнешлеве Василий Приклонский в «Летописи Якутского края (в 1869 году):

«Воевода не садился за стол, не предав кого-нибудь лютой казни, которая налагалась за ничтожные поступки. Осужденных четвертовали, сажали на кол, варили живых в котлах и т.д. В виде только особой милости, когда воевода был в хорошем расположении духа, он заменял лютую казнь простым повешением».

По всей видимости, и в первом и во втором случае мы встречаемся с художественным вымыслом. По крайней мере, во втором — точно.

А вот что более соответствует исторической правде — воевода Ладыженский с дьяком Тонково, действительно, *«государевой казной корыстовались и русским в остроге и ясачным чинили налоги великие, брали посулы многие, деньги, соболи, рухлядь и это все высылали на Русь»*…

Но суть не в этом — будучи под следствием воевода Михаил Семенович Ладыженский и дьяк Федор Тонково… умерли по пути в Москву — в Маковском остроге. Оба сразу и весьма… «неожиданно», обрывая все ниточки для следователей.

Также впоследствии — быстро и, конечно же, «неожиданно» для всех, умер и Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов, как умрет и его преемник в этой «волчьей сибирской стае» Андрей Афанасьевич Барнешлев.

Иван Федорович Голенищев-Кутузов стал якутским воеводой в 1660 году.

И первый, с кем он здесь столкнулся, был… Ерофей Павлович Хабаров:

«Лета 7168 год, июля в 27-й день. По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] память сыну боярскому Федору Пущину.

Послано к тебе с сыном боярским с Воином Якуниным сына боярского Ярка Хабарова два сорока дватцать восмь соболей с хвосты. И как тебе ся память приидет, и тебе бы, Федору, будет Ярко Хабаров даст тысячи пуд ржи, и тебе бы, Федору, взять у Воина те Ярковы соболи и отдать ему, Ярку, а будет он, Ярко, тысячи пуд на великого государя казну не даст, и тебе, Федору, соболей не имать, потому что те соболи ему, Воину, в Енисейском остроге велено продать, и проезжая у него, Ярка, те соболи взять и отдать ему, Воину Якунину. И о том для ведома отписать стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову».

Ерофей Павлович, в чине сына боярского, как мы помним, был отправлен в Илимский острог приказчиком над пашенными крестьянами, чтобы вернуть казне долг за Амурскую экспедицию:

«И в нынешнем, великий государь, во 168 году, по ево, Яркову, челобитью для поручной записи, чтоб ему дать твои, великого государя, достальные деньги за четыре тысечи за пятьсот за дватцать за семь рублев за два алтына, платить в твою, великого государя, казну погодно хлебом, отпустил я, холоп твой, ево Ярко, в Илимской острог за приставом с сыном боярским с Федором Пущиным, и о том, великий государь, я, холоп, писал в Ылимской острог стряпчему и воеводе Петру Бунакову. Как сын боярской Федор Пущин с Ярком Хабаровым будут в Илимском остроге, и ему б, великий государь, Петру, велеть в Илимском остроге по нем, Ярке, сыну боярскому Федору Пущину о тех твоих, великого государя, деньгах собрать поручная запись. А будет,

великой государь, по нем. Ярке, поруки не будет, и ему, Петру Бунакову, того Ярка отдать сыну боярскому Федору Пущину, а Федору Пущину его, Ярка, велено, великий государь, выслать в Якутцкой за приставом».

То есть, Хабаров теперь занимался сугубо хлебным бизнесом, приносящим очень высокий доход, под контролем воеводы Кутузова.

* * *

В этот же период появляются в Якутске и те самые «ушники и шишиморы», которых хотели убить вместе с воеводой Барнешлевым, якутские бунтовщики в 1677 году.

В 1659 году татарский казачий голова Петр Ярышкин (Ярыжкин) «по указу великих государей и по грамоте послан из Тобольска на вечное житье на Лену в Якуцкой острог». То есть сослан за какие-то, вероятно, должностные, преступления. А якутский воевода Голенищев-Кутузов поверстал его «мимо указа великого государя» в дети боярские.

В 1656 году сослан в Сибирь польский военнопленный Юрий Крыжановской, который принял православие и остался служить в Сибири. В Якутске он появляется до 1665 года.

В 1675 году посланный воеводой Барнешлевым в Зашиверский острог сын боярский Юрий Крыжановский *«иноземцам обиды и налоги чинил и приведя к себе во двор иноземцев брал у них лучших соболей по 10, 7 и 6 штук, а меньше пяти не брал… Он же, "жен и дочерей к себе на постелю у них у ясачных тунгусов, для блуднаго воровства имел" и угрожая кнутами в холопство жен и детей брал и иных крестил своими приметами».*

В 1677 году Юрий Крыжановский заплатил воеводе Барнешлеву баснословную по тем временам сумму — тысячу рублей — за право быть приказчиком Охотского острога, сменив на этом посту Петра Ярышкина.

«В 1677 г., в начале декабря, оленные эвены Годниканского рода напали на Охотский острог. Они "пошли валом на приступ, и сына боярского Юрия Крыжановского за острожком во дворе обсадили, и у избы окна выбили, и под стену огня склали, и в казачьи дворишки засели, и из дворишек в острог стрелять учали (начали), и стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров". То есть осада велась по всем правилам военной науки. Казаки, видя, что в осаде им не отбиться, и слыша крики командира острога Крыжановского о помощи, несмотря на малолюдство, решили выйти "из острожку на вылазку драться с ними Тунгусами". Сражение продолжалось с утра и до вечера, когда казаки еле отбились от эвенов. Но снять осаду не удалось. Днем и ночью казаки караулили на башне и стене. Выйти из острога за дровами и за рыбой они не могли, не рискуя быть подстреленными. В такой обстановке Крыжановский обратился за помощью в Якутск к воеводе, чтобы он "наскоро" послал на выручку в Охотский острог казаков, "пороху и свинцу и мушкетов и куяков (доспехи), чтобы нам, сидячи в Охотском, голодною смертию не помереть и побитым не быть". Страдали от этой осады и голода и аманаты, несколько из них померло».

Причину этих восстаний в Якутском воеводстве выяснили довольно быстро. Эвены подали туда многочисленные жалобы с описанием вымогательств и насилия, совершенных командирами Охотского острога Крыжановским, Бибиковым, Пущиным, Ярышкиным. В расспросном листе звена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: *«"имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносити по соболю…". А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и "родников его… три лисицы черных себе, а не в ясак великому государю". Бибиков при сборе ясака занимался "погромами", а у недоимщиков "…иных носы резал"».*

«В августе 1681 года по жалобе приезжих охотских тунгусов — ясачных людей, производилось следствие над бывшими охотскими ясачными сборщиками, боярскими детьми Петром Ярыжкиным и Юрием Крыжановским. Они обвинялись в том, что "воровали, преж великих государей сбору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены, мимо ясачныя избы, ясачных людей с ясачными соболями пущали к себе избы, и у себя в избах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи, и с теми переменными худыми соболями отсылали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в казне великий недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили, и сами великим государем изменили". За это

*воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе "**биты** на козле кнутом, и **в проводку**, и животы их все взяты на великих государей" и сосланы с женами и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу "и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено"».*

Добавим к этому, что в скором времени оба ссыльных неплохо устроились — вот, например, что сообщает об одном из них Г. Леонтьева в книге «Служилые люди Восточной Сибири»: в Иркутске служили «*разжалованные за воровство и сосланные из Якутска в Баргузин в 1682 г. дети боярские Ю. Крыжановский и П. Ярышкин. Последние позже были переведены в Иркутск и восстановлены в чинах. …Ю. Крыжановский уже в 80-х гг. скупал китайские ткани у бухарских купцов, приходивших в Иркутск, и перепродавал их в Иркутском уезде… …Известными поставщиками хлеба из Иркутска в Забайкалье и Приамурье, наряду с торговыми людьми, были представители семьи иркутских детей боярских Перфильевых, а также сын боярский Ю. Крыжановский*».

Третьяк Васильев Смирнягин явно был из тобольских казаков (в 1696 году здесь в стрельцах служат сразу четверо Смирнягиных — Ивашко, Матюшка, Панфилка, Сергушка), в 1654 году уже служит в Якутске в пятидесятниках, а при воеводе Кутузове стал из пятидесятников сотником, в 1655–1657 гг. он был приказным человеком на Алазее, в 1662–1663, а затем в 1671–1672 гг. он приказчик в Майском зимовье, в 1674–1675, 1679–1680 — приказчик Верхнего Вилюйского зимовья, в 1685–1686 — Олекминского и снова Верхнего Вилюйского в 1685–1686 годах — то есть «повсягодно» не «слезал» с соболиных приказов…

В 1666 году воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов сообщает в Сибирский приказ «об отправлении в Москву ясачного, десятинного, поминочного и окладного сбора с якутов с подгородных слобод и зимовий Якуского уезда со стрелецким сотником Третьяком Смирнягиным, целовальниками Федором Балезиным, Алексеем Норицыным и со служилыми людьми».

Последнее событие о Смирнягине относится уже ко времени Албазинского сражения.

«1683 г. (декабрь 7192 г.) — Памяти приказчику — казачьему сотнику Третьяку Смирнягину о выговором за несвоевременное сообщение известия — "сказки", пришедших из Албазанского острожка, промышленных людей Максима Афанасьева и Матвея Григорьева о походе на Албазанский и Нерчинские остроги бог-

дойских (китайских) людей в количестве большим 40 000 чел. Распоряжение о немедленном уведомлении под угрозой жестокого наказания о наступлении китайцев».

* * *

Подъячий Михаил Яковлевич Ушницкий известен по двум крупным следственным делам в Якутске.

Его отец, польский шляхтич Яков Иванович Ушницкий, попавший в русский плен, с 1633 года служил в Енисейском остроге в казаках, в 1640-х годах погиб в Якутии: «Якунька Ушнитцкой в прошлом во 150м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят Ярофейко Иванов сын Верхотурец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Ярофейку быть в березовских».

Его грамотный сын Михаил 35 лет служил подъячим приказной избы в Якутске, в 1690 году в казачью службу был записан внук Кузьма, а в 1712 году на Камчатке под Каменным острогом погибнет (вероятно, еще один внук или уже правнук) Осип Ушницкий.

Михаил Яковлевич был известным воеводским «ушником» — доносчиком, которого в Якутске ненавидели многие. С воеводой их связывало общее дело: *«про Барнешлева говорили, что он передал в съезжую избу только худых соболей, а лучших оставил себе «надеючись» на подьячего М. Ушницкого».*

Нужно признать, что нелегальный оборот пушнины при воеводе Кутузове достиг невероятных масштабов: *«…используя кабальные записи на гостиных приказчиков и многих торговых людей, Голенищев отправил в Центральную Россию гигантское количество лично ему принадлежавших мехов — 573 сорока соболей, причем от операций с ясачными людьми им была получена только пятая их часть».*

Придя к власти в Якутске, Андрей Барнешлев виртуозно провернул одну финансовую операцию в пользу детей своего кума — Михаила и Матвея Голенищевых-Кутузовых, повесив их огромный долг (сменивший их новый воевода не взял с детей Кутузова долговой расписки) — 10 тысяч 498 рублей — на бывшего якутского воеводу князя Якова Волконского. По «сыску» Барнешлева князь «вернул» казне 12 413 рублей, 104 соболя, 174 «пупка» собольих, 1 «лисиц красных», 1 лоскут и 1 хвост соболий…

Всех служивых он обложил, как Юрия Крыжановского, «окупом», дифференцируя масштабы взяток «пушниноемкостью»

ясачных волостей. Не случайно во время сыска опись его личного имущества заняла более шестидесяти листов.

Он не брезговал ничем:

В 1679 г. на него подали челобитную ясачные якуты, которые обвиняли его в том, что он *«чинил налоги и обиды и тесности великие, имал насилством и соболи и скотъ и кони добрые и дочерей девок и от живых мужей жен имал себе в холопство и крестил, и имал себе во двор казачьих детей в холопство ж».*

В наказе якутскому воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, назначенному в 1680 году, писалось о Барнашлеве, что он ***«жил забыв страх Божий, не помня Государева крестнаго целования; с своими ушниками воровал и ворам потакал, город раззорил».***

В 1677 году заговор с целью убийства воеводы и его «ушников и шишиморы» задумали служивые и промышленные люди Якутска. Они полагали после убийства и грабежа «животов, уйти по примеру Никифора Черниговского в Даурию, но «ушники» опередили их, донесли воеводе, и заговорщики, в итоге, оказались в тюрьме.

Впрочем, возможно никакого заговора на самом деле и не было вовсе… Но об этом в следующей главе.

Якутский заговор 1690 года: бежать в… Камчатку

Прошло более десяти лет после расправы якутского воеводы Барнешлева с заговорщиками – служилыми и промышленными людьми, замышлявшими убить воеводу и его «ушников и шишиморы» — доносчиков (сплетников) и мошенников (жуликов).

И ровным счетом ничего не изменилось. Даже действующие лица почти те же, почему мы и полагаем, что под бунтом, связанным с именем Барнешлева, предполагается совсем иное… Смотрите:

> *«…хотели де они и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева, **да подьячево Михаила Ушницкого, да сотника Третьяка Смирягина**, да умершего толмача Михаила Удина, да ево Ивана да Семена, да пятидесятника Степана Лаврентьева, да подьячево Федота Калмака, да десятника Василия Брусенина и иных градцких жителей убить, домы и животы все пограбить, а жен их и детей убить не хотели, а торговых и промышленных людей в гостином дворе грабить хотели ж, да ему же было Фильке с товарищи своими взять на реке у торговых людей три плота с хлебными запасы, а тому де убойству и грабежу быть было в нынешнем во 198-м (1690) году о Ильине дни и хотели бежать на Нос, где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова с товарищи, **а атаману де было быть у них сыну боярскому Михаилу Онтипину, а ясавули де быть казаку Софонку Ильину, а вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику, а про ту де думу и совет ведали брат ево Фильки атаман казачей Степан Полуэхтов, да казаки Сергушка, да и Максимко Мухоплевы и хотели они, Сергушка и Максимко, их, Фильку с товарищи, порохом свинцом и иных товарами ссужать, а сами де они с ними в совете и в думе не были и за Нос бежать не хотели**…».*

Борис Петрович Полевой очень живописно изобразил, как все выглядело в той далекой якутской действительности.

> *«Но как же могло возникнуть это явно дутое “дело”? Теперь нам уже достаточно хорошо известны многие подробности этой трагической истории.*
>
> *В один из зимних вечеров в самом начале 1690 г. после трудных походов в избе Федора Таркова в Якутске собрались на “вечорку” якутские казаки. Хотели они в своем кругу душу отвести, “попить вина и пива”, да обсудить совместно свои беды.*

А положение якутских казаков действительно было тяжелым. Жалованье было низкое, служба тяжкой, да и в последнее время стало всюду свирепствовать страшное "поветрие" — лютая черная оспа. Никто не мог сказать, кто будет ее следующей жертвой. Гарнизон Якутска таял, а местные власти были глухи ко всем просьбам о помощи.

И вот во время мрачной беседы на "пиру" неожиданно появилась зловещая фигура старого взяточника и первого воеводского "наушника" Петра Ушнитцкого. Казаки встретили его холодно, но заставить уйти не решились. Однако уже вскоре хмельное сделало свое дело. Не смогли более казаки таить свои обиды, и накопившаяся ненависть к Ушнитцкому прорвалась бурно. Первым заговорил бывалый казачий пятидесятник Филипп Щербаков. Открыто назвал он Ушнитцкого "вором". Трезвые казаки пытались успокоить Щербакова, да тщетно. Другие поддерживали смелого пятидесятника. С того дня затаил Ушнитцкий лютую злобу на Щербакова и решил ему жестоко отомстить.

Служил в эти годы в Якутске воеводой злой душевнобольной человек П.П. Зиновьев, относившийся к казакам с подозрением. Этим и воспользовался коварный Ушнитцкий. Подал он воеводе "извет" — донос на Щербакова, в котором обвинил его в желании… убить воеводу! Воевода знал, что Щербаков его не любит, а потому легко поверил в донос своего "наушника". Приказал воевода схватить Щербакова и бросить в тюрьму. Когда Щербакова повели из дома к тюрьме, понял он, что воевода хочет с ним расправиться, а потому у городских ворот и на улицах Якутска он громко кричал: "Атаманы да молотцы, послушайте, я де Вам всем явлю на вора и на изветника, на стольника и воеводу, на Петра Петровича Зиновьева".

Такое поведение Щербакова еще более обозлило воеводу, и приказал он его жестоко пытать в застенке. Так воевода хотел заставить Щербакова "признаться" в намерении совершить убийство. Но сколько не били Щербакова, сколько не мучили его на "виске" и на дыбе, добиться нужных признаний не могли. И тогда Щербакову стали ломать руки и "жечь огнем". Тут-то не стерпел он пыток и начал "виниться». Оговорил и себя, и других казаков.

Одержав первую "победу", мучители Щербакова потребовали от него ответа на вопрос: а что он хотел делать после убийства воеводы? Вначале Щербаков ничего не ответил. Его вновь стали мучить. И вот тогда-то Щербаков и заявил, что он будто бы совместно с казаками хотел "бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки".

Таким образом, выяснилось, что первым во время следствия реку Камчатку назвал пятидесятник Филипп Щербаков.

Естественно возник вопрос: а как можно узнать откуда Филиппу Щербакову стала известна река Камчатка?

Ответ пришел совершенно неожиданно. Просматривая список казаков, отправленных вместе с приказным Иваном Рубцом из Якутска на Анадырь летом 1661 г., я прочел:

"Борис Щербаков — в его место брат ево Филька". Так неожиданно выяснилось, что в ранней молодости в 1661 г. Филипп Щербаков был отправлен на реку Анадырь служить под «началом» казачьего десятника Ивана Меркурьева Рубца, который в 1661–1662 гг. вместе с подчиненными ему казаками совершил плавание с р. Лены на Анадырскую моржовую коргу и оттуда поплыл на юг до устья р. Камчатки, а затем поздней осенью — "вверх реки Камчатки".

Стало очевидным, что Филипп Щербаков участвовал в походе на реку Камчатку. Следовательно, Г.Ф. Миллер действительно ошибся, когда полагал, что казаки, привлеченные к суду в 1690 г., знали о существовании реки Камчатки "токмо по единому слуху". На самом деле Филипп Щербаков назвал реку Камчатку, потому что он сам был на ней и знал о ее богатствах. Интересно отметить, что Филипп Щербаков в качестве своих мнимых "сообщников" назвал ряд казаков, которые не раз бывали на дальних "заморских реках". Так он, в частности, назвал казачьего десятника Ивана Осипова Голыгина, который в начале 1680-х годов одно время служил "начальным человеком" на реке Пенжине, находящейся в непосредственной близости от полуострова, который лишь с конца 1690-х годов стал именоваться "Камчаткой".

Воевода Зиновьев продолжал бесчеловечно пытать Щербакова. Как гласит документ: "он де Филька, не смог тех же пыток и огня терпеть". В конце концов, могучий организм бывалого землепроходца не выдержал и он прямо под пыткой умер (на самом деле конфликт Филиппа Андреева сына Щербакова с воеводой П. Зиновьевым имел свою предысторию, о которой в материалах Якутской приказной избы имеется следующая

запись, датированная июлем 7195 (1687) годом: “Распросные речи якутских служилых людей о казачьем пятидесятнике Филиппе Щербакове, обвинившим воеводу П.П. Зиновьева в измене” — *С.В.*) .

Вскоре над его мнимыми “сообщниками” состоялся суд. Главарем “бунтовщиков” власти объявили сына боярского Михаила Антипина и казнили его. Остальных били плетьми и затем разослали в ссылку с женами и детьми в разные далекие зимовья и остроги».

А вот и некоторые подробности: *«Во время просмотра следственных дел по так называемому “бунту” 1690 г. недавно было выявлено официальное обвинение, предъявленное Филиппу Щербакову. В нем утверждалось, что “бунтовщики” хотели организовать побег около Ильина дня 1690 г. (т. е. в конце июня) и хотели они будто бы бежать “где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова с товарищи, а …вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику…”.*

Оба эти лица нам уже хорошо известны. Это — анадырский приказной В. Ф. Кузнецов, который был убит чукчами 6 декабря 1688 г. и анадырский казак Иван Котельник, который в 1689 г. ходил на поиски В. Ф. Кузнецова.

В обвинение попал и брат Ф. Щербакова — атаман Степан Полуехтов (у них был общий отец — Андрей Щербак) и его товарищи — подьячий Якутской приказной избы сын боярский Михаил Антипин и пятидесятник Иван Паломошной. Все эти обвиняемые были сыновьями казаков, сосланных в Якутск в 1654 г. “за томский бунт”, что позволило приспешникам якутского воеводы изобразить их в виде… потомственных “воров и бунтовщиков”!

*Затем для большей правдоподобности обвинения к суду были привлечены некоторые служилые люди Якутска, хорошо знавшие районы дальнего Северо-Востока. Так в “заговорщики” попал **десятник Иван Осипов Голыгин**, служивший в разное время на Колыме, Омолоне, Пенжине и Анадыре, а также **Иван Андропов Котельник,** незадолго до этого вернувшийся с Анадыря. Котельник бывал и в “коряках” и даже у восточных “морских каменных” чукчей, т. е. чукчей с “Большого каменного носа” (Чукотского полуострова). Поэтому якутские власти поспешили объявить, что “бунтовщики” будто бы избрали Ивана Андропова Котельника своим “вожем”, т. е. проводником.*

<…> казаки хотели бежать за Нос, “где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова”. Конечно, здесь опять идет речь об анадырском приказчике пятидесятнике Василии Федорове Кузнецове, который был убит 6 декабря 1688 г. “морскими КАМЕННЫМИ чухчами”, т. е. выходцами с “Большого каменного носа” (Чукотского полуострова). Из документов достоверно установлено, что летом 1688 г. В.Ф. Кузнецов на двух кочах плавал из устья Анадыря в сторону Камчатки и затратил на это плавание несколько месяцев. За такой срок они вполне могли дойти и до устья реки Камчатки, а поэтому невольно сразу возникает вопрос: уж не о Василии Федорове Кузнецове сообщали камчатские ительмены в XVIII в., когда они вспоминали, что к ним еще в XVII в. на двух кочах приходили какие-то русские? После того как нам стало известно, что осенью 1662 г. туда на двух кочах приходили Иван Рубец, такая догадка кажется малоправдоподобной.

Якутское дело 1690 г. окончилось трагически. Филипп Щербаков и Иван Паломошный умерли в тюрьме, не выдержав жестоких пыток. Сын боярский Михаил Антипин был казнен. Атаман Степан Полуэктов, десятник И.О. Голыгин, казаки Иван Котельник, Сергей Мухоплев, Софон Ильин и другие вместе с женами и детьми были сосланы в отдаленные остроги и зимовья. Расправы удалось избежать лишь знаменитому Максиму Мухоплеву».

Мы располагаем копиями некоторых документов, чтобы понять, кто есть кто в этом деле и за что (по приговору) понес наказание:

1690 (198) г. июля 14. — **Приговор якутского воеводы П.П. Зиновьева по делу о восставших и запись об исполнении его**.

198-го году июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав роспросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указу и из Соборного Уложенья, и из грамот великих государей, и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькою Щербаковым, с-Ывашком Паламошным с пытки говорили и винились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовою казну пограбить и стольника и воеводу Петра

Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, и на гостине дворе торговых и промышленых людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарыщей ево, Мишкиных, ж десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог. А посадцкого Офоньку Балушкина сослать в ссылку ж з женою и з детьми на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье. А оговорных людей — атамана Стеньку Полуехтова да казаков Микитку Кармолина, Митьку Попова сослать в сылку ж з женами и з детьми в-Ыркутцкой острог. А казака Сергушку Мухоплева сослать в сылку ж з женою и з детьми на усть Яны к морю на вечное житье. А умерших воров и бунтовщиков Фильки Щербакова и Мишки Онтипина, Ивашка Паломошного, жен их и детей сослать в сылку ж в Нерчинской острог, чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градцких жителей побивать и грабить иным всяких чинов людем было неповадно. А на подлинном деле помета стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева: учинить по сему, великих государей указу. И по указу великих государей сей приговор вором и бунтовщиком Мишке Онтипину с товарыщи чтен. А против пометы на приговоре стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева тем вором и бунтовщиком учинен великих государей указ.

Сын боярской Мишка Онтипин казнен смертью, а дети ево Мишка з женою, и брат ево Ивашка холост сосланы в сылку. А жена ево с малыми детьми оставлена в Якутцком, для того, что она больна, лежит присмерти.

А пятидесятники Филька Щербаков, Ивашко Паламошной до указу великих государей и до казни в тюрьме с пытки померли. А жена Филькина з детьми сослана в сылку ж. А Ивашкова жена Паламошного в сылку не послана, для того она немошна, лежит присмерти и детей у ней нет.

А десятник Ивашко Голыгин да рядовые казаки Ивашко Ондронов, Софонко Ильин, Микитка Гребенщиков, Игнашка

Шишев, да посадцкой Офонька Балушкин биты на козле кнутом и в проводку нещадно и сосланы в сылку.

А хто тех воров и бунтовщиков з женами и з детьми имяны и куды сосланы и тому роспись ниже сего.

Роспись ссыльным людем, которые посланы в ссылку в-Ыркутцкой острог:

Атаман казачей Стенька Полуехтов з женою с Оринкою Анфилофьевою дочерью да з детьми с-Ывашкою да с Офонькою, да с Петрушкою, да с Олешкою. Казак Микитка Кармалин с сыном с Петрушкою. Казак Митька Спиридонов Попов з детьми с Федькою да с-Ывашком, да с Ваською да з дочерью со Овдотьицою.

Роспись ссыльным людем, которые посланы в сылку в Нерчинской острог:

Десятник Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимицею да с Матрешкою, да с Настькою.

Рядовые казаки холостые: Софонко Ильин, Ивашко Ондронов, Микитка Гребенщиков, Игнашка Шишев.

Да вора и бунтовщика Мишки Онтипина дети Филька з женою с Марьицею да з братом с-Ывашком.

Да вора ж и бунтовщика Фильки Щербакова жена Овдотьица Васильева дочь з детьми с Стенькою да с-Ывашком да з дочерьми с Паранкою да с Анюткою.

Казак Сергушка Мухоплев з женою с Маринкою с Осиповою дочерью да с сыном с-Ывашком, да з дочерью с Анюткою сослать на усть Яны к морю на вечное житье.

Посадцкой человек Офонька Балушкин з женою з Дарьицею с Офонасьевою дочерью да з дочерью с своею Анюткою сосланы, в сылку на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье.

ф. Якутская приказная изба, опись 1, ст. № 139, лл. 25-33. Список.

1690 (198) г. не позднее июля 14. — **Роспись участников Якутского восстания**.

А те воры и бунтовщики, которые объявились ныне в воровстве и в бунту:

Сын боярской Мишка Онтипин, родился в Якутцком, а отец ево был березовской казак, переведен в Якутцкой.

Пятидесятник Филька Щербаков, уроженец Томской, а сослан в сылку ис Томского в Якутцкой со отцом своим с Ондрюшкою Щербаком в прошлом во 162-м году за томской бунт.

Пятидесятник Ивашко Паломошной, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томско-

го в Якутцкой со отцом своим з Богданом Паломошным в прошлом во 162-м году за тот же томской бунт.

Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе.

Казак Софонко Ильин, ссыльной человек, прислан с Москвы в Якутцкой по енисейской отписки в прошлом во 194-м году.

Казак Ивашко Ондронов, пришел в Якутцкой гулящим и приверстан в пешую казачью службу.

Казак Микитка Кармалин, ссыльной человек, прислан с Москвы со отцом своим с-Ывашком Кармалиным в прошлом во 159-м году за винную и за табашную продажу.

Казак Микитка Гребенщиков, уроженец якутцкой, а отец ево был в Якутцком из гулящих людей в службе.

Казак Митька Спиридонов попов сын, а отец ево поп Спиридон Васильев послан в Якутцкой в прошлом во 146-м году с окольничим с Петром Петровичем Головиным.

Казак Игнашка Шишев, уроженец Илимского острогу, а переведен в Якутцком во 190-м году.

Атаман казачей Степан Полуехтов, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим с Ондрюшкою Щербаковым во прошлом во 162-м году за томской бунт.

Казак Сергушка Мухоплев, уроженец томской, а сослан он в ссылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим з Данилком Мухоплевым в прошлом во 162-м году за томской же бунт.

И далее, пишет, Б.П. Полевой, справедливость была восстановлена: «*Как только в Якутск приехал новый воевода И. М. Гагарин, родственники и друзья осужденных казаков обратились к нему с жалобами на «насильства» прежнего воеводы. Было произведено расследование, которое ясно показало, что «якутское дело 1690 г.» было сфабриковано воеводой П. П. Зиновьевым и его главными «наушниками» — М. Ушнитцким и неким Унжаком. Любопытно отметить, что и Ушнитцкий и Унжак в период расследования предпочли спешно уехать из Якутска куда-то на запад: они несомненно знали, что им еще придется держать ответ за клевету.*

Уже в 1691 г. якутский воевода распорядился «воротить» в Якутск всех сосланных служилых людей «з женами и з детьми». Все они через некоторое время были поверстаны вновь на свои прежние места. Дети казненного сына боярского Михаила Антипина — Филипп и Иван Антипины были зачислены в казаки».

Вот только, я не думаю, что мотивация князя Гагарина по освобождению невинных заключалась именно в том, чтобы восстановить справедливость — Гагарины всем своим семейством, всем своим родовым скопом пришли в Сибирь вовсе не для того, чтобы заниматься благотворительностью.

Некогда богатейшая Якутия оскудевала — а клан Гагариных весьма успешно превращал Сибирь в свою родовую вотчину и был весьма заинтересован в пополнении ее пушных кладовых.

Потому и Владимир Атласов, наказанный батогами по «государеву слову и делу», неожиданно для многих вместо того, чтобы оказаться по данному делу в якутской тюрьме, возводится якутским воеводой Иваном Михайловичем Гагариным (служившим в Якутске с 1690 по 1694 годы) в чин пятидесятника на убылое место якутского пятидесятника Василия Федоровича Кузнецова, погибшего на севере Камчатки, и, получая от Гагарина наказ быть анадырским приказчиком, отправляется на поиск уже открытых «новых неведомых» земель, о реальном существовании которых в Якутске не знал тогда уже только ленивый…

В 1695 году на место якутского воеводы (вероятно, товарища, так как мы не видим его в списке якутских воевод, составленном М.И. Беловым) приходит другой Гагарин — Иван Петрович, ранее служивший в Илимском и Иркутском острогах. Что мы о нем знаем:

«Как видно из грамоты царя Петра в 1697 верхотурскому воеводе Д.П. Протасьеву, многие сибирские воеводы, в том числе кн. И.П. Гагарин, не только не заботились о прибыли казне, но заодно со сборщиками, забыв крестное целование, корыствовались и в таможенном сборе и в питейной продаже, притесняли и грабили торговых людей и ясачных иноземцев, а служилых людей разоряли, не выдавая им положенного жалованья, и безвинно наказывали их».

А его младший брат Матвей Петрович начал службу в Сибири в 1690 году в должности товарища (заместителя) иркутского воеводы (то есть своего родного брата Ивана Петровича), а затем (с 1692 года) продолжил карьеру уже в должности нерчинского воеводы.

Он много времени уделял развитию торговых отношений с Китаем, прекрасно понимая, какая бездна возможностей откры-

вается перед ним, но в 1695 году неожиданно был отозван в Москву *«в связи со склонностью к мздоимству и злоупотреблениям»*. Хотя факты были очевидными (и история потом повторится, но уже в форме фарса), *«следственное дело закончилось ничем»*.

Впрочем, как это ничем — абсолютной победой Гагариных и тех, кто был с ними в доле.

Должность сибирского генерал-губернатора, которую он получит в 1708 году от Петра Первого, но исполнять начнет с 1711 года, откроет перед ним и его родней все двери в империи.

И уже в 1714 году приходит на него первый (считается лживым, во что я лично не верю) донос:

«Проведал я подлинник, что князь Гагарин свои и других частных людей товары пропускает в Китай под видом государевых с особенными от него назначенными купчинами, от чего как сам, так и эти его приятели получают себе превеликое богатство, а других никого к Китайскому торгу не допускают; от этого запрета и бесторжицы многие пришли во всеконечное оскудение. Предлагал я в Сенат, чтоб послать в Сибирь верного человека и с ним фискала из купечества для осмотру и переписки товаров в последнем городе, куда приходит караван, но учинить того не соизволили».

По воспоминаниям современника князей Гагариных Бантыш-Каменского, М.П. Гагарин *«удивлял всех своей пышностью: за обеденным столом его подавали кушанье, в постные дни, на пятидесяти серебряных блюдах; колеса у карет были окованы серебром; подковы у лошадей серебряные и золотые; в Московском доме, на Тверской, стены были зеркальные; образа, находившиеся в его спальне и обложенные бриллиантами, стоили, по свидетельству тогдашних ювелиров, более ста тридцати тысяч рублей»*.

Гагарины не просто превратили Сибирь в свой княжеский удел. Главная вина Матвея Петровича, по мнению автора «Записок князя Петра Долгорукова» заключалась в идее создания самостоятельного Сибирского царства, почему Петр Первый, прощая многомиллионные хищения своим ближайшим компаньонам по разрушению традиционной Руси и превращения ее в некий придаток западной цивилизации, не простил Гагарина и не просто повесил его, казнив как государственного преступника — казнокрада, как было официально заявлено, а надругался над трупом поверженного врага, не разрешая в течение семи месяцев (а по

другой версии — в течение трех лет) хоронить то, что осталось от князя Матвея Петровича Гагарина.

Это не было поступком императора «в назидание» гражданам империи, это была месть смертельно обиженного и смертельно оскорбленного человека своему сопернику, который помыслил быть равным царю...

И еще одно событие, связанное с темой нашей книги, высветило время: *«Как только Гагарин выехал из Сибири, туда прибыл один из верных людей царя, полковник **Егор Иванович Пашков*** (правнук **Афанасия Пашкова**. — *С.В.*): *конфисковав все бумаги и имущество князя Гагарина, Пашков приступил к расследованию его деятельности. Гагарин оставался в тюрьме три года; семь раз его подвергали жестоким пыткам; безжалостно били кнутом, но он не признавал себя виновным и вынес все пытки с неслыханным мужеством. ...он был повешен в Петербурге 17 июля 1721 года перед окнами Сената. ...Все его огромное состояние было конфисковано, а его сын получил определение служить простым матросом...»* («Записки князя Петра Долгорукова»).

Вот такие круговороты (или кульбиты) совершала наша отечественная история...

* * *

Минуло столетие, как в результате казачьего бунта была принесена первая жертва, но в истории Сибири все оставалось ПО-ПРЕЖНЕМУ...

1695 год. Красноярская шатость

Н.Н. Оглоблин посвятил красноярскому бунту 1695 года отдельный очерк, из которого мы возьмем несколько цитат, которые наиболее полно отражают характер красноярского восстания против лихоимства и казнокрадства царских ставленников.

Первым, против кого восстали красноярцы, был воевода Алексей Игнатьевич Башковский.

«<…>Красноярцы убедились, что с А. Башковским им “жить не мочно”, и подняли против него бунт. Недовольные воеводою служилые люди стали собираться в “круги” и устраивать свои “думы и советы”. Руководителями движения были боярские дети Трифон Еремеев, Дмитрий Тюменцов, Конон Самсонов, Григорий Ермолаев и Алексей Ярлыков. Все они были старослужилые Красноярцы, местные уроженцы, пользовавшиеся большим влиянием на товарищей, примкнувших к ним в большинстве. Во главе воеводской партии — слабой и количественно и качественно, стал боярский сын из ссыльных черкас Василий Многогрешный, потянувший за собою других ссыльных людей.

Не смотря на противодействие воеводских сторонников Трифон Еремеев с товарищи добились своего: 16-го мая 1695 года они собрались толпою пред приказною избою и объявили вышедшему на шум воеводе А. И. Башковскому, что “отказывают” ему “от воеводства”. Воевода стал угрожать толпе карами и требовал выдачи “пущих заводчиков”, но толпа продолжала шуметь, настаивая на своем “отказе от воеводства”, а часть бунтовщиков пошла на воеводский двор и начала грабить “животы” Башковскаго. В то же время другая толпа разсеялась по городу и принялась “разорять домишка и грабить животишка” служилых людей из воеводской партии. Последние пробовали защищать свое имущество, но бунтовщики “били смертным боем” всех сопротивлявшихся. Башковский поспешил уехать в Енисейск, опасаясь за свою жизнь.

Бунтовщики торжествовали, когда добились отъезда воеводы, и город фактически оказался в их руках. Немедленно они принялись за организацию своего управления: главные руководители движения Трифон Еремеев в Дмитрий Тюменцов были избраны “судьями”, ведавшими город и уезд, т. е. заменившими воеводу в пределах его власти, но ограниченными “советом” старших служилых людей (боярских детей, “начальных людей” — атаманов, пятидесятников и др.) и всенародною “думою”, т. е. собранием всех участников движения. После судей главную роль играли боярский сын Конон Самсонов и казачий атаман Аника Тюменцов, брат судьи.

Первым делом судей было остановить начавшийся грабеж в городе. Это им удалось настолько, что даже большая часть пожитков А. Башковскаго была спасена и положена на хранение в приказную избу. Не удалось только отстоять обширные “съестные и питейные припасы” Башковскаго. Правда, 3 бочки вина (одна с “двойным вином”) судьи отобрали у толпы, но по ея “челобитью” и “по приговору всяких чинов служилых людей” согласились раздать то вино “в дуван” всем участникам и сторонникам бунта.

Затем судьи принялись за борьбу с происками воеводской партии. Последняя получила неожиданное подкрепление в лице только что прибывшаго в Красноярск после годовой службы “на приказе” в Удинском остроге боярскаго сына Степана Иванова, человека очень энергичнаго и преданнаго Башковскому, в благодарность за получение богатаго “приказа”. На встречу Иванову, возвращавшемуся с “государевою соболиною казною” и с собственными, награбленными в Удинске “животами”, выезжали воеводские сторонники казачий десятник Евсей Олферьев, казаки Яков Щепетов, Кирилл Немчинов и др., и вели с Ивановым какие-то переговоры. По приезде в Красноярск Иванов сразу стал в неприязненныя отношения к выборным судьям и их товарищам; те схватили его, отобрали у него соболиную казну и все его пожитки, а самого его убили.

Когда все эти волнения улеглись, судьи с товарищами отправили в Москву челобитную на А. Башковскаго, в дополнение к прежним. Они не скрывали ничего из последних событий, закончившихся изгнанием воеводы, сознавали свою вину пред “великим государем”, но в то же время твердо стояли на том, что им стало “жить не мочно” с этим “лихим воеводою”. В конце концов они просили прислать “добраго воеводу”».

На смену Алексею Башковскому, словно в насмешку, Москва прислал его родного брата — Мирона:

«Воеводу им дали, но родного брата только что изгнаннаго ими А. И. Башковскаго…

Повидимому, у Башковских была сильная рука в Сибирском приказе, устроившая это неожиданное назначение. В Краснояр-

ске ожидался “сыщик” для “сыска” о злоупотреблениях А. Башковскаго, доведших красноярцев до бунта. Как бы ни был этот сыщик самостоятелен и неподкупен, но он не мог не считаться с разными местными влияниями, среди которых воеводское влияние было преобладающими Воевода мог направить розыск куда ему желательно, оказывать давление на участников и свидетелей бунта, заметать следы злоупотреблений своего предшественника, словом мог всячески мешать розыску. Всего этого следовало ожидать от новаго Красноярскаго воеводы — Мирона Игнатьевича Башковскаго, явившагося не умерителем местной “шатости”, но мстителем за брата, пострадавшаго от нея. Тяжелые дни наступали для Красноярска, смущеннаго ожиданием новаго воеводы…

<…>Никаких злоупотреблений Мирон Башковский не успел еще совершить, но для красноярцев было достаточно, что Мирон родной брать только что изгнаннаго ими воеводы. Они предчувствовали, что брат будет мстить за брата, и сразу стали в неприязненныя отношения к Мирону, находя для себя оправдание в том, что он действительно в самом же начале стал отличать друзей от недругов, относясь к последним с естественною недоверчивостью и подозрительностью».

<…>11-го ноября воевода Мирон Башковский вынужден был запереться с своими сторонниками “в малом городе” (крепости), где и пробыл с тех пор “в осаде” до конца августа 1696 года. С ним находилось около 50 человек, но за стенами крепости, недурно вооруженной и с значительными боевыми припасами, эта кучка людей чувствовала себя достаточно сильною пред своими противниками.

14-го ноября ударили в набат в Покровской церкви, куда стали собираться служилые люди с оружием, посадские люди, подгородные крестьяне и ясачные татары. Затем все это “многолюдство, с ружьем, с копьями и со знамены” двинулось к “малому городу”, под начальством боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина и сотников Симона Белянина и Ивана Поспелова. Воевода вышел на крепостную стену и выслушал от Ермолаева “отказ от воеводства”, подкрепленный всею толпою. Толпа разграбила оставшиеся в большом городе “животы” Башковскаго — “все без остатку”, а также дома воеводских сторонников, засевших с воеводою в малом городе.

Пока осада малаго города Красноярцами не была строго организована, Мирон Башковский поспешил отписать в Москву, Тобольск и Енисейск, прося помощи против бунтовщиков. Первым откликнулся тобольский воевода, ближний стольник Андрей Федорович Нарышкин, назначивши, по указу Сибирскаго приказа, тобольскаго дворянина Федора Степановича Тутолмина временным красноярским воеводою “на перемену” Мирона Башковскаго.

Тутолмин был назначен в ноябре 1695 г., приехал он в Красноярск в феврале 1696 г., но не мог вступить на воеводство, встретивши противодействие как со стороны Мирона Башковскаго — номинальнаго воеводы, продолжавшаго сидеть “в осаде”, так и со стороны “выборных судеек” — фактических воевод в Красноярске, управлявших городом и уездом с половины ноября 1695 г. до 20-го августа 1696 г., когда на смену Башковскаго и Тутолмина прибыл из Москвы стольник Дурново.

<…>Летом 1696 г. Красноярцы узнали, что к ним едет из Москвы назначенный царем новый воевода стольник Семен Иванович Дурново, которому вместе с тем поручено произвести розыск о злоупотреблениях Алексея и Мирона Башковских и о красноярской “шатости”. По слухам, шедшим из Москвы, Дурново был человеком суровым, даже жестоким, способным черезчур строго обойтись с Красноярцами, отбившимися в последнее время от воеводских рук.

Эти слухи произвели большое смущение в Красноярске. Как ни извольничались Красноярцы, большинство их не покидала мысль о своей “великой вине” пред государем, и только у меньшинства бродили мечты о возможности устроиться самостоятельно навсегда. Большинство же мечтало об одном — об избавлении от “лихих воевод” и верило в возможность существования воевод, с которыми “жить мочно”. На свои бунты оно смотрело как на протесты против воеводских насилий и разорения, и как на урок зарвавшимся воеводам. Если это умеренное большинство легко отнеслось к назначенному из Тобольска Тутолмину и не признало его воеводою, то оно не могло не признать Дурново, назначеннаго царем. Оно надеялось, что новый воевода произведет розыск по справедливости и снисходительно отнесется к разгоравшимся среди красноярцев страстям. Большинство решилось подчиниться Дурново, предпочитая худой мир доброй ссоре. Неопределенное положение тяготило их и заставляло

стремиться к какому бы то ни было концу. Крайние возставали против такого решения, советуя продолжать борьбу с воеводами и дальше, но умеренное большинство взяло верх. В ожидании и предстоящаго розыска Красноярцы начали заметать свои следы недавней шатости, отворачивались от своих выборных судей, перестали признавать их власть.

<…>Так Дурново вступил на воеводство. Через несколько месяцев уже посыпались в Москву и к сыщику думному дьяку Д.Л. Полянскому челобитныя на Дурново, начавшаго свои гонения на противников Алексея я Мирона Башковских. Вместо снисходительнаго отношения к "воровским людям", подвигнутым на "воровство" воеводскими злоупотреблениями, вместо безпристрастнаго разбора их жалоб на воевод, началось повальное гонение на правых и виноватых, и явное стремление обелить "лихих воевод". К их числу Красноярцы скоро причислили и Дурново, не съумевшаго воспользоваться наступившим пред его приездом затишьем и думавшаго удержать народ в повиновении силою и угрозами. Красноярский "мир" опять стал бурлить и втягиваться в борьбу с новым воеводою. Общее недовольство воеводою снова объединило и крайних, и отчасти прежних умеренных.

<…>Уже в конце 1696 года, т. е. через 3 или 4 месяца по приезде на воеводство, Дурново последовал примеру Башковских — оставил "большой город" и "в малой город самохотно большими воротами затворился". С Дурново сели в "самохотное" заключение многие из прежних "осадных сидельцев" времен Башковских, т. е. главным образом "присыльные люди", с боярским сыном Васильем Многогрешным во главе.

Но в первое время воевода, "затворившись" в малом городе, по делам продолжал выезжать и в большой город, и в уезд. Красноярцы и не думали сначала держать воеводу "в осаде" и удивлялись его переселению в малый город, откуда все "пушки воевода велел снарядить на большой город".

<…>…новый бунт готов был разразиться уже в начале 1697 г., но его остановила измена мирскому делу "отцов", выдавших воеводе своих "детей", главных вожаков новаго движения. С арестом Ивана Злобина и его 30 товарищей движение почти затихло, и Дурново стал успокоиваться. Он продолжал сидеть в малом городе, деятельно занимаясь новым и самым интересным для себя розыском — о заговоре против него "воровских людей". Розыск сопровождался всяческими насилиями над уличен-

ными и заподозренными в заговоре. Начинавшее было улегаться волнение снова и по вине Дурново стало возростать.

<…>14-го августа сыщик Полянский получил в Енисейске тревожную отписку Дурново. Воевода писал, что он сидит "запершись в малом городе от воров" Григорья Ермолаева с товарищи, "слыша их воровское злое намерение — побить до смерти" воеводу и сидящих с ним "в осаде" служилых людей В. Многогрешнаго с товарищи. Последних воры преследуют за то, что "они к их воровству не пристают" и защищают воеводу. Воевода и "осадные сидельцы помирают голодною смертию", так как Красноярцы не пропускают к ним съестных припасов.

<…>Дурново приехал в Енисейск в апреле, а его семья — в начале июля. Они прибыли на двух "дощаниках" (по р. Енисею) с богатою "рухлядью", людьми и проч. Полянский назначил комиссию (дьяка Д. Берестова, "розыскных дел подьячих" Андрея Завьялова и Ивана Мишагина, енисейскаго таможеннаго голову и служилых людей) для обыска в имуществе Дурново "заповедных товаров" и "лишних животов"). Комиссия донесла Полянскому, будто ничего "заповеднаго" (чернобурых лисиц и другой ценной мягкой рухляди, табаку, ревеню и проч.) и "лишняго" сверх нормы не оказалось в воеводских животах.

Вообще, сыщики видимо благоволили к Дурново и явно направляли розыск к его оправданию. Пользуясь присутствием на розыске Дурново, сыщики оказывали такое давление на челобитчиков, что некоторые из них стали отказываться от обвинения против воеводы и переходили на его сторону. Сторонники Дурново прибыли в Енисейск почти в полном составе и обеляли воеводу всячески. Главари движения, арестованные в Енисейске, отказались от дачи показаний в виду пристрастности розыска и лишения свободы.

При таком результате розыска Дурново смело подал в июле челобитную Полянскому, где просит "отпустить" его снова на воеводство в Красноярск так как — де "никакой вины" за ним "не явилось", Федор Самсонов с товарищи "в очныя ставки со мною не пошли". Красноярцы же не прислали "выборных своей братьи", а находившиеся в Енисейске челобитчики (т. е. воеводские сторонники) "дали скаски, за руками, что на меня… ныне… и впредь не челобитчики"…На основании этого, 24-го июля 1698 г. Полянский объявил такой "указ": "стольника Семена Иванова сына Дурново отпустить" в Красноярск на воеводство

по прежнему великаго государя указу и по наказу, каков ему дан на Москве из Сибирскаго приказа.

25-го июля сыщики послали "указ" Лисовскому о "сдаче" Красноярска Дурново, о "росписке" с ним и возвращении в Енисейск.

В конце июля Дурново смело отправился в Красноярск, не предчувствуя, что на этот раз он будет там воеводствовать всего несколько часов.

<…>Весть о возвращении Дурново на воеводство быстро достигла Красноярска и вызвала взрыв негодования. К движению против воеводы примкнули все колебавшиеся доселе, или изменявшие временно "миру", или относившиеся индифферентно к его интересам. Было решено принять самыя крайния меры, чтобы не допустить Дурново на воеводство.

<…>В большом городе и на площади составился "воровской круг", более чем из 300 человек. Как и во всех событиях этого дня (2-го августа), во главе круга находились служилые люди Федор Чанчиков, Иван Мезенин, Афанасий Шалков. Артем Смольянинов, Андрей Путимцов, Яков Потехин, Герасим Ошаров, Петр Суриков, Данило Старцов, Иван Юшков и другие рядовые деятели прежних бунтов и последней шатости при Дурново.

Всенародная "дума" красноярцев на площади продолжалась более часа и порешила употребить силу против Дурново, если он добровольно не оставит города. Поставивши у Спасской башни караул в 30 человек и направивши большинство толпы к собору, с приказом дожидаться его там, Федор Чанчиков с ближайшими товарищами и с частью толпы отправился в малый город, к воеводскому двору.

<…>Пока часть толпы разсуждала и "думала", более рьяные продолжали бить Дурново и издеваться над ним, били палкою, таскали за волосы и проч. Затем повели его к Енисею, при чем все еще раздавались голоса, требовавшие казни. Но на реке убеждения Лисовскаго взяли верх: решено было посадить Дурново в лодку и отправить вон. Среди ругательств, а частью и ударов озверевшей толпы, избитаго Дурново втолкнули в лодку. Многие из толпы стали бросать туда "каменьем, для того чтоб тое лодку угрузить и его Семена утопить".

<…>Повидимому, дело о Красноярском бунте было предано воле Божией. Красноярск успокоился и мирно принял в 1700 г. присланных из Москвы новых воевод, сменивших Я.А. Бейтона (бывшего временным воеводой после Дурново — *С.В.*)*: это*

были Петр Савич и сын его Федор Мусины-Пушкины. Отец уже был известен красноярцам: он воеводствовал у них как раз перед Башковскими (в 1692–1693 гг.) и оставил по себе добрую память. Именно потому Москва вновь послала его в Красноярск надеясь, что он умиротворит красноярцев окончательно. Это и сбылось: Мусины-Пушкины воеводствовали в Красноярске много лет, напр., мы встречаем их там в 1705 г.

Красноярская "шатость" 1695–698 гг. не прошла безследно для Сибири, с интересом следившей за борьбою "воровских людей" с воеводами. Есть доказательства, что многие сибирские города были в деятельных сношениях с красноярскими бунтовщиками. Строились какие-то общие планы действий, намечалась отдаленная цель, развивалась солидарность интересов. Красноярск обронил какую-то новую мысль, над которою "думали" и другие сибирские города.

В "наказной памяти" Полянскаго Я.А. Бейтону, от 22-го августа 1698 г., находим между прочим такую "статью": Бейтон должен допросить С.С. Лисовскаго, почему он не исполняет приказа сыщиков — отыскать в Красноярске тех "иркутчан, которые живут в домах у воров и бунтовщиков, укрываючись тайно, в городе у Мишки Иконникова — Лучка Микифоров, да в селе Ясаулове у Федьки Чанчикова (живут) переходя два человека"… Этих 3-х иркутчан велено допросить: "для чего они из Иркутска в Красноярск пришли и живут в ухоронках, тайно"? Затем, "оковать и за караулом прислать" в Енисейск.

Если вспомним, что О. Чанчиков играл руководящую роль в последнем бунте против Дурново, то станет очевидным, что пребывание у него 2-х иркутчан не было случайностью и говорит именно о существовании каких-то сношений между Красноярском и Иркутском, сделавшихся известными и сыщикам. Бейтон не нашел ни Луки Микифорова, ни остальных иркутчан: Красноярцы скрыли их от поисков воеводы.

Что в Иркутске действительно шло какое-то брожение в связи с красноярскою шатостью, об этом говорит розыскное дело Полянскаго и Берестова, производившееся в 1698–1699 гг., о ссыльном человеке из крестьян Юрьевца-Повольскаго Терентье Копытове Копытов обвинялся в каких-то сношениях с красноярскими "воровскими людьми" и состоял в переписке с некоторыми иркутскими служилыми людьми. Сыщикам была доставлена "грамотка" Копытова, посланная в 1698 г. из

Илимскаго острога в Енисейск, к находившемуся там иркутскому казаку Титу Евсевьеву. Копытов спрашивал между прочим в "грамотке" Евсевьева о красноярских воровских людях: "что у них чинится? и крепко ли они в деле стоят"? Именно за эту фразу Копытова сослали в Туруханск.

Одновременно с Красноярскою шатостью происходили в 1695–1696 гг. "бунтовские замыслы и мятеж" служилых людей Селенгинскаго, Удинскаго, Кабанскаго и других острогов Иркутскаго уезда против приказных людей этих острогов — Андрея Бейтона (брата Якова) и др. У бунтовщиков был между прочим замысел идти в Иркутск и овладеть им. Розыск об этой шатости производил на месте, в 1697–1698 гг., Иркутский боярский сын Андрей Москвитинов с товарищи, передавший затем свой розыск московским сыщикам Полянскому и Берестову».

Для нас эта красноярская история важна еще и тем, что она самым непосредственным образом вплелась и в историю человеческого падения казачьего головы Владимира Владимировича Атласова.

Георгий Борисович Красноштанов одну из глав своей книги «На ленских пашнях XVII века» (т. 3, Москва, 2013) назвал «Зимовка Владимира Атласова в Киренске в 1701–1702 годах», в которой на основе не введенных еще в научный оборот материалах Якутской приказной избы убедительно доказал, что Атласов зимовал вовсе не в Илимском остроге, как считалось ранее, а в Киренске. Это, во-первых. И, во-вторых, — вероятно в Енисейске, когда енисейские казачьи дети заменялись на наемщиков из гулящих людей, к этой ватаге примкнули и бежавшие от розыска красноярцы.

Со слов самого Атласова якутский воевода Траурних сообщал в Москву: «И дал де ему (Атласову — *С.В.*) Богдан Глебов (енисейский воевода — *С.В.*) казачьих детей самых нужных и скудных. И дощаники де дал самые худые и утлые… И как де в те суды нагрузились, под берегом де тонули».

Далее, до Илимска следовали уже на отобранных купеческих дощаниках.

И вот: «А в Ылимском де прикащик Иван Кичин говорил ему, Володимеру, чтобы ограбленные товары и красноярцов отдал. И он де, Володимер, дал ему, Ивану Качину, оттово два подстава камок семиланных да тюнь китаек, чтобы он, Иван, у них, Володимера и казаков, грабленой живот и красноярцов не взял, и отпустил бы их из Ылимска».

В Киренск Владимир Атласов прибыл 10 декабря 1701 года.

Приказчиком Киренского острога был казачий атаман Василий Петриловский. Здесь же находился и его дядя – старый наш знакомый пятидесятник Никифор Иевлев Мошинцов.

Атласов преподнес щедрые подарки Петриловскому: «полтора потстава семиланных камок»; «блюдо ценинное да купчик [кубок] ценинной»; «Жемчюг алмазили, за работу дано восемь гривен»; еще дважды «полпотстава».

Но… «в нынешнем же, великий государь, 1701 году декабря на 26 число, в ночи, приходил он, голова, с полковыми казаками воровски, розбоем, ко мне, холопу твоему, в Усть-Киренском на твой, государьской двор, и твой, государев двор розбили, а меня, холопа твоего, он, голова Володимер Атласов, ножем резал, и твою, великого государя, казну, и всякие твои, государьские дела, и животишки мои, холопа твоего, и платьишко, и деньги, и кабалы, и росписи, и письменные всякие крепости разбоем воровски разграбили все без остатку и рознесли.

<…> А хто полковых казаков, воров, с ним, головой, в розбое были и сколько человек, ведаю только трех человек, Гришку Быкова да Сеньку Скрыпача, да Гришку Кохтурова».

Конфликт произошел из-за того, что Атласов со своими людьми пришел к Петриловскому, как незваный гость: «И он, Василей, ему, голове, говорил: для чего де ты пришел безобсылошно?

И он, голова, стал ево, Василья, бранить матерно всячески, назвал псом. И какой де ты великий человек, атаманишко, что де к тебе ходить з докладом? Что де ты з женою седишь, будет де и жена твоя подо мной, Овдотья.

И он, Петриловской, выслал ево, голову, из избы вон, и сам с ним же вышел в сени, а из сеней он, Петриловской, в избу пришел резан ножем.

А полковых ево, Володимеровых двое человек, Митька Кормилицын да денщик Федька, остались в избе. И Андрей Амосов велел их сковать в железа.

И недолгое время после того пришли полковые ево люди к тому государеву двору многом число[м] и закрычали, что де двор ломать».

30 декабря был проведен досмотр того, что произошло:

«…у сына боярского Андрея Амосова на голове три раны испрорублены бердышем и спина избита, и глаза сини, подбиты;

У Василья Петриловского рана ножевая под правую титьку, против сердца;

У Никифора Мошинцова голова бердышем розрублена и левая рука перешиблена, и весь избит…».

В числе казаков, грабивших государев двор по приказу Атласова, были Гришка Кохтуров и Тимошка Марков. Любопытно, что Кохтуров был в отряде Атласова вместе со своей женой. Возможно, это один из красноярских казаков, примкнувших к отряду.

Квасного двора откупщик Василий Толстоухов уточнил список казаков, грабивших государев двор: «…Володимер де Отласов с казачьми детьми, з Гришкою Быковым, с Сенкою Скрыпачем, з Гришкою Кохторовым, с Митькою Кормилицыным, с Мишкою Михайловым…».

Кохтуров Григорий

Это имя мы находим в списках красноярских казаков за 1671 год:

Дрока Стахеев, а у него ж-т пасынки его, казачьи дети, Ивашко Михайлов с. Кохтуров 17 л., Гришка 15, Демка 13 л., не в службе.

В переписи Красноярска за 1719–1722 год указан только его старший брат:

«[Двор] конного отставного казака Ивана Кохтурова. И под опасением [смерт-] [ные] казни сказал: он, Иван, — шестидесять пяти лет. Детей [у него] […] Иван — трицати восми лет, Петр — двацати пяти [лет] […] у него Иван — одиннатцати лет, Федор — восми лет, подв[орник]»

В биоблиографическом словаре Д. Резуна есть сведения о Григории. Красноярский пеший, затем конный (с 1689 г.) казак. В 1679 г. «бился явственно» во время осады Красноярска киргизами. В 1680 г. участвовал в походе сынов боярских р. Старкова и И. Гречанинова на воинственных енисейских киргизов. В 1686 году был послан из Нижнеудинского острога в «Еундинскую землю», где был взят в плен монголами, но потом отпущен.

Их отец — Кохтур Михаил Федорович, красноярский конный казак в 1662 году, оклад 7 руб. с четью.

Григорий Быков

В 1662 году вместе с Кохтуром служит в Красноярске и десятник Пронка Исаев Быков.

Но по данным за 1671 год у него нет сына Григория:

Десятник Прокопей Исаев с. Быков ж-т в г-де, а у него детей Тимошка 20 л., Ивашко 15 л., оба не в службе, Бориско 10 л., Федька, да Мишка 7 л.

В 1669 году в Енисейске отмечены два казака Быковых:

Ивашко Петров Быков, холост, служит в Ыркутцком остроге.

Кондрашко Поликарпов Быков, служит в Ыркутцком остроге. В 1664 году из Тобольска в «новую Даурскую землю» послан

Киприянко Осипов Быков.

По данным переписи 1710 года в Тобольске:

Двор купленой первого пешего полку отставного казака Андрея Никифорова сына прозвание Быкова сказал себе 50 у него жена Ненила Козмина дочь 55 дочь девка Дарья 17 лет. С того двора платит в казну великого государя в концелярию подымных 2 денги на год.

…ж перваго полку пеший козак Илья Микифоров сын Быков сказал себе 32 у него жена Соломонида Павлова дочь 30 дочери Анна 5 лет Софья 9 недель. Великого государя жалованья ему Илье денег 4 рубли с четью хлеба ржи 3 чети с полуосминою овса две чети с полуосминою и с четвериком соли два пуда с четью.

Поэтому более вероятно, что Григорий Быков из тобольских детей казачьих.

Сенка Скрыпач

Вполне вероятно, что это искаженная (или сокращенная) фамилия красноярских служилых людей Скрыповщиковых (Скрыпощиковых):

Красноярск, 1671 г.: Гарасимко Поликарпов с. Скрыпощиков ж-т в городе.

Мишка Скрыпощиков ж-т в г-де. Андрюшка Поликарпов с. Скрыпощнков ж-т в г-де, а у него с. Федька 8 л., и у него ж живет казачей с, Елфимко Иванов 19 л., не в службе.

Ивашко Осипов с. Скрыпощиков ж-т в г-де.

В одном из источников даются новые варианты написания этой сложной фамилии:

«В записи владелец двора назван Скрыпотчиковым и Скрыпошниковым. Оба варианта имени образованы от прозвища, связанного с корнем скрип-, возможно, с названием музыкального инструмента».

В переписи Красноярская 1719–1722 гг. указаны: Скрыпотчиков Андрей, пеший казак; Скрыпотчиков Григорий, казачий сын; Скрыпотчиков Денис, отставной пеший казак; Скрыпотчиков Иван, казак конного полка; Скрыпотчиков Иван, конный казак; Скрыпотчиков Степан, казачий сын; Скрыпотчиков Федор, казак; Скрыпотчиков Яков, пеший казак.

Кормилицын Митька

Мы не нашли аналогов этой фамилии не только в Красноярске, но и по всей Сибири 17-го века.

Но в Красноярске была известной весьма созвучная этой фамилия активных участников Красноярского бунта черкасов Потылицыных.

Вот сколько их в 1719–1722 году: Потылицын Андрей, казачий сын; Потылицын Андрей, пеший казак; Потылицын Андрей, пеший пятидесятник; Потылицын Артемий, пеший казак; Потылицын Афанасий, пеший казак; Потылицын Василий, конный казак; Потылицын Гаврило, десятник пешего полка; Потылицын Григорий; Потылицын Иван Сидоров, казак пешего полка; Потылицын Иван, дворянин; Потылицын Иван, казачий сын; Потылицын Иван, казачий сын; Потылицын Иван, конный казак; Потылицын Иван, отставной конный казак; Потылицын Иван, пеший десятник; Потылицын Иван, пеший казак; Потылицын Иван, пеший казак; Потылицын Михайло, казак пешего полка; Потылицын Михайло, казак пешего полка; Потылицын Михайло, конный казак; Потылицын Осип, отставной конный казак; Потылицын Павел, казачий сын; Потылицын Парфен; Потылицын Петр, казак конного полка; Потылицын Петр, пеший казак; Потылицын Прокофий, конный казак; Потылицын Степан, казак конного полка; Потылицын Степан, казачий сын; Потылицын Степан, пеший десятник; Потылицын Яков, казачий сын; Потылицын Яков, конный казак; Потылицын Яков, пеший казак.

Н.Н. Оглоблин сообщает об этих потомках ссыльных запорожцев — черкасах Потылицыных: «В числе воеводских противников немало было черкас и Литвы. Во главе их следует поставить многочисленную фамилию Потылицыных: кроме бывшаго выборнаго судьи Тимофея Потылицына, на одной челобитной находим еще 15 казаков Потылицыных».

Михайлов Мишка

Фамилия распространенная. Но, как мы помним, в 17-м веке весьма распространенным явлением было написание вместо фамилии отчества. И не наш ли это случай: Мишка Михайлов с. Потылицын живет в Лодейской деревне под Красноярском.

И примерно в это же время выяснилось, что полк Атласова разделился — «к розбою воровских людей» не пристали есаул **Афанасий Поповцев**, **Сергей Михайлов** «с товарыщи». Но, по другим данным — они действовали самостоятельно и тоже занимались грабежом и пьянством: *«1702, февраля в 3 день, новоприборный казак пришел голове Володимеру Атласову извещать **Якушко Смирной**, что были мы на Балахне по жен, того ж полку **Ганька Стретьяков**. И поил нас винным питием. И с тово виннова пития, и немернова пианства умер того ж полку новоприборный казак **Ивашко Ресотов**»*.

А вот и масштабы пития:

*«**Якушко Смирной** сказал: за четыре де ведра дал … денег восемь рублев. **Мишка Обрецкой** сказал: пропил де … десять рублев. **Гришка Быков** сказал: послал де с ним, Гришкою, Володимер Отласов на вино х Кузьме Мачехнину. Отвез и взял ведро вина, послал на Киренгу к Володимеру Отласову с **Алешкою Пантелеевым**»*.

Смирной Яков

Судя по многочисленности этой фамилии среди стрельцов Тобольска, Яков Смирной принадлежит к группе тобольских новоприборных казаков.

Это видно и по дальнейшей истории: он был записан в двенадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка и отправлен на Камчатку, по всей видимости, в отряде Михаила Зиновьевича Многогрешного. В 1706 году был убит камчадалами.

Обрецкой Мишка

Прямых аналогов этой фамилии мы не нашли.

Ресотов Ивашко

Аналогов не нашли

Пантелеев Алешка

С первым якутским воеводой пришел на Лену из Тобольска Пантелеев Парфенко, казак станицы Якова Елизарьева.

В 1696 году в Тобольске служит в стрельцах Пантелеев Савка Федоров.

История Алексея Пантелеева повторяет историю Смирного – в 1706 году он проходит по спискам пятой пятидесятни Якутского казачьего полка, а в 1707 году погибает на реке Большой во время нападения камчадалов на первый Большерецкий острог.

Поповцев Афанасий

О нем мы уже подробно рассказали в первом томе, но напомним: в 1696 году Офонька Поповцев был стрелецким десятником в Тобольске, в команде Атласова он был старшим — сотником, есаулом.

В 1707 году, будучи сборщиком ясака, он погибает на реке Авача.

Михайлов Сергей

Возможно внук тобольского казака станицы Якова Елизарьева Сергушки Михайлова, который прибыл на Лену в составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина (внукам, особенно первенцам, часто давали имена в честь дедов).

Впрочем, фамилия была весьма распространенной повсеместно.

Стретьяков Ганька

Вероятно, Третьяков.

В именном списке казаков десятой пятидесятни Якутского казачьего полка он так и записан — Тобольской Гаврило Третьяков. Поэтому его происхождение не нуждается в дополнительном анализе.

Судьба же Ганьки была под стать другим его землякам: «На Камчатке от иноземцов убит и на его убылое место поверстан казачий племянник Тимофей Иванов».

В это же примерно время присланные в Якутсск казаки атласовсеого полка **Пашка Жаравлев** и **Ивашко Томский** под пытками сообщали якутскому воеводе: «Поневолил де их, всех казачьих детей, грабить он, Володимер, по научению Афоньки Поповцова, Сергушки Михайлова. И буде бы де они не послушали, и Володимер де хотел их рубить саблею».

В марте 1702 года Атласов сам обращается к Петриловскому «чтоб он, Василей, курехи всякие унял и вина б Афоньке Поповцову с товарыщи не продавал, для того, что они безпрестанно

ходят пьяни. И впредь бы они какие беды и дурна не учинили. А ево де, Володимера, они, Афонька Поповцев с товарыщи, не слушают и своею смущают».

Это, вероятно, был ответ Атласова на челобитную Поповцева:

«Великому государю… бьет челом холоп твой и извещает камчацкой службы полковой сотенный Афонька Поповцов.

Знаю за собою государево дело на голову Володимера Отласова».

Атласов пишет в ответ свою челобитную:

«И тое ж камчацкие службы новоприборные казаки **Афонькка Поповцов**, **Сергушка Ружников**, **Митка Жаравлев**, **Конанко Соловьев** с товарыщи…

…Афонька бил и ругал того ж полку казака **Ивашку Кадошникова**…

Да они ж, Афонька Поповцев с товарыщи, приходя ночью ко мне, холопу твоему, к постоялому двору, и у задней избы огонь добывали, и хотели зажигать, и меня холопа твоего убить…

…А набрали ж они беглых всяких чинов людей, которые бегали с твоей, великого государя, службы, из Нерчинска Ивашка Кукша да тобольской Кирюшка Бекитов, да беглой Васка Серебрянников. И те, государь, беглые с ними, Афонькою, всяким воровством воруют и служилых людей бьют и грабят».

О тобольских казаках Жаравлевых и Ружниковых мы подробно говорили в первом томе.

Соловьев Канонко

Соловьев Конон Федоров сын, вероятно, тобольский казачий (или крестьянский) сын, так как он в 1706 году проходит по спискам одиннадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка и отправлен служить на Камчатку вместе с другими своими земляками — погиб в 1710 году на реке Большой при восстановлении уничтоженного камчадалами первого Большерецкого острога.

Кадошников Ивашко

В Тобольском уезде существовала в 17 столетии даже деревня Кадошникова. Вероятно, Иван — выходец из тобольских крестьян.

В Якутске Атласова и его полковых казаков допрашивали с пристратием:

«Володимер Отласов распрашиван с великим пристрастием, и в ремень ставлен, и пытан на виске был долгое время».

«**Васька Шипицын** в застенке у пытки распрашиван и пытан. И на пытке было двадцать шесть ударов».

«…енисеец **Петрушка Кудрин** …А на пытке ему было семнадцать ударов…».

«А Володимеру ж Отласову в застенке с **Ваською Шипицыным** и с тобольскими и енисейскими десятниками, с **Федькою Черкашениновым**, с **Мишкою Курдюковым**, с **Якушкой Смирных**, с **Гришкою Кохтуровым**, с **Федькою Зыковым**, с **Мишкою Григорьевым**, с **Гришкою Усовым**, дана очная ставка».

Курдюков Мишка

Вероятно, томский казак.

В 1680 году Родька Андреев сын Курдюков рассказывал: «…дед переведен с Березова по государевой грамоте, и отец был в Томске в конной службе лет 70, а он верстан в отцово место при воеводе Михайле Волынском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Зыков Федька

Зыков Федор Петров сын.

Вероятно, из тобольских казаков: в 1630 году в списках «Пешие ж новоприборные казаки, которые прибраны по Государеву указу во 137-м году» мы находим имя Якуньки Иванова сына Зыкова.

В 1705 году в солдаты взят из казаков Тобольского второго пешего полка тезка нашего героя — Федор Зыков.

В 1706 году Федор Петрович записан в семнадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка.

В 1711 году вступил в команду воровского атамана Данилы Анцыферова. Погиб на Камчатке.

Усов Гришка

В 1685 году тобольский казак Пронька Третьяков Усов послан в Дауры. В 1693 году в казаках служит в Тобольске Ивашко Иванов Усов.

Но и в Томске в 1680 году служили в пеших казаках два брата Ивашко и Савва сыновья чердынца Леонтия Усова, присланного в Томск по государевой грамоте. Любопытно, что в 1731 году имя Саввы Усова повторится на Камчатке в период Харчинского бунта — а имена дедов очень часто давали внукам, поэтому, может быть, и Григорий Усов из семьи томских казаков. Но это пока под вопросом.

«И после роспросу, и очных ставок Володимер Отласов посажен в Якутцком за караул. А пущие воры, красноярские беглецы и ссыльные люди, **Митка Кормилицын**, **Тимошка Марков**, **Гришка Быков**, **Тимошка Горбунов**, **Митька Шлютина**, **Куземка Луткин**, **Гришка Кохтуров**, **Петрушка Травин**, **Тимошка Воробей**, до твоего, великого государя, указу посажены в тюрьму».

В 1706 году илимскому воеводе Федору Качанову была послана грамота:

«Велено Володимера Отласова в Якуцку из тюрьмы освободить и послать ево в Камчадальский острог, чтоб он прежние вины заслужил…

Да с ним послать из Якуцка охотников и в неволю, и холостых казаков, и казачьих детей, и ис промышленных людей добрых и ко всякому воинскому делу искусных сто человек.

Да к тому в прибавку ис казачьих детей из Илимска десять человек, да из Брацкого острогу десять же человек.

А которые казаки или казачьи дети похотят вместо себя нанимать из охочих, из гулящих людей, и им нанимать вместо себя велеть. И в том брать по них поруки добрые…».

И кто же тогда мог предположить, что именно в этом отряде Владимира Атласова пойдет на Камчатку будущий организатор убийства казачьего головы Данила Яковлев сын Анцыферов выходец из «Запоросского стану Томского уезда», потомственный казак, отец которого сообщал о своих казачьих корнях в 1680 году: «Отец родился в Томске. Он, Якушка, поверстан в отцово место. Соли 2 пуда. Пашня».

Красноярцы:

Тимошка Горбунов

Красноярск, 1671 г.: Григорей Матвеев с. Замараев ж-т в д. Хлоптуновской, а у него детей Федька 16 л., Матюшка 8 л., да пасынок ево казачей с. Тимошка Алексеев Горбунова 10 л.

Его братья — Ивашко и Кирилко Алексеевы с. Горбуновы жили в д. Нахвальново

Их отец: Олешка Володимиров Горбунов, красноярский пеший казак с окладом 5 рублей, 1662 г.

Григорьев Мишка

Красноярск, 1671: Мишка Григорьев с. Безпалово.

Федька Черкашенин (?)

Красноярск, 1671 г.:

Федька Семенов с. Черкашенин ж-т в г-де, а детей у него Алешка 13 л., Микитка 6 л.

Федоско Ильин с. Черкашенина ж-т в д. повыше Осыпново Яру.

На Бузиме село Ильинское, а живут в нем пашенные крестьяне:

Федька Емельянов с. Черкашенин, а у него с. Васка 8 л.

ЧАСТЬ 10. ПОДВОДЯ ЧЕРТУ...

Итак, можно подвести условную черту под нашим расследованием.

Что мы выяснили?

Самое главное — инициаторами убийства Владимира Владимировича Атласова НЕ БЫЛИ, как утверждает приказчик Василий Михайлович Колесов, уроженцы Тобольска.

Более того — тобольские казачьи дети, принявшие участие в бунте 1711 года, не вошли в состав «воровской» команды атамана Данилы Анцыферова Томского и есаула Ивана Козыревского, восстановивших Большерецкий острог и ставших частью его нового гарнизона, откуда впоследствии большерецкие казаки отправились на Курильские острова и в земли авачинских камчадалов.

Основной состав взбунтовавшихся в 1711 году казаков представляли «новоприборные» казаки, верстанные в казачью службу из самых разных мест Сибири – промышленные и гулящие люди, основной целью появления которых в Сибири было желание ОБОГАТИТЬСЯ.

Опыт же томских казаков по организации бунтов против начальствующих лиц, а также существовавшая в Сибири судебная практика прощения любого преступления (в том числе грабежа, насилия и убийства) за открытие новых земель, позволяли бунтовщикам надеяться на благополучный для них самих исход и прощение.

До 1707 года камчатские (ядром которых были тобольские) казаки опирались на традиционные принципы несения службы, главными из которых были — закрепление новых территорий за Россией, сбор ясака в государственную казну, установление мирных отношений с аборигенами (в том числе и образование этнически смешанных семей).

В 1711 году с приходом большого количества новых служилых людей (не имеющих к казачьему сословию никакого отношения) в основу всех будущих камчатских событий легло желание ЛИЧНОГО ОБОГАЩЕНИЯ, которое и определяло мотивацию казачьих бунтов 1711, 1712 и последующих годов.

Поэтому та жестокость наказания по отношению к тобольским казачьим детям, и то миролюбие и спокойствие по отношению к организаторам убийства Владимира Атласова, Осипа

Липина и Петра Чирикова, проявленное Москвой, Якутском и приказчиком Колесовым, говорят только об одном — ни Москву, ни Якутск не интересовали местные «разборки» и убийства — их интересовал только «прибыток в казне», а уроженец Якутска Василий Михайлович Колесов просто сводил счеты с «пришлыми» тобольскими казаками, которых традиционно не любили старожилы Якутска — как сегодня по всей России традиционно не любят «москвичей», считая их причиной всего российского зла…

Возможно, у Василия Колесова, в первое его посещение Камчатки, был уже конфликт с этими молодыми казачатами, иначе мотивация его жесточайшего (даже для того времени) приговора не имеет объяснений, а вот если это была личная месть, то все тогда становится на свое место.

И обобщающая часть приговора Колесова о том, что тобольских казаков больше присылать на Камчатку не нужно — от них здесь только одно зло, имеет тогда определенный и конкретный смысл

И этот смысл, как показало время, был очевиден — Колесов прекрасно понимал, что ему и другим якутским приказчикам, будет трудно уживаться и конкурировать на Камчатке с уроженцами Тобольска, которые, будучи первопосленцами, считали Камчатку своей вотчиной…

А теперь вернемся к нашему главному герою.

Он не выбирал свою судьбу. Судьба выбрала его. Отлас, став казаком, определил судьбу своих сыновей, становившихся с момента своего рождения казачьими детьми, то есть государственным служивым сословием. И именно поэтому в день смерти своего отца Владимир Владимирович Отласов (Атласов) верстается на его «убылое место». Такова его участь. Такова его дальнейшая судьба.

Мы видим, что он оказался «белой вороной» в якутской разбойной стае, и все, что ему не поручалось, все, что им не делалось под эгидой большого государственного смысла (донесение о злоупотреблениях ясачных сборщиков, возвращение государству ясачных долгов, участие в походах, открытие новых земель) оборачивалось, в конечном итоге, против него же самого и завершалась либо жестоким публичным наказанием кнутами, либо ссылкой на край земли — Чукотку и Камчатку, либо… подлым убийством.

Не став своим для якутских казаков, он не стал своим и для тех, кого лично набрал в Тобольске, Томске, Енисейске — к этому

времени Атласов уже сам стал жесток, сам превратился в «сибирского сатрапа».

Но если камчатские первопоселенцы, ядром которых были тобольские (в том числе и старослужащие) казаки, хотели в 1707 году справедливого наказания для Атласова и конфисковали все его имущество в казну, а самого арестовали, чтобы предать официальному суду, то в 1711 году, когда состав гарнизонов Верхне- и Нижнекамчатских острогов был пополнен всяким «гулящим сбродом», то основной мотивацией для убийства Владимира Атласова стали личная месть тех, кто в свое время пострадал от Атласова, и жажда наживы — желание ограбить и поживиться «пожитками» камчатских приказчиков.

Тобольские казачата в этом случае оказались «вне игры». Они не попали в общую команду, которая делила добычу, а потом отправилась на реку Большую, чтобы восстановить Большерецкий острог и пойти открывать новые земли — Курильские острова, чтобы заслужить себе прощение.

И в этом, и только в этом — в обиде на «старших товарищей» — видится мне причина уже тобольского бунта 1712 года, поднятого Константином Киргизовым и Никитой Дурыниным с несколькими земляками, которые, участвуя в разбое, учиненном Анциферовым с Козыревским, оказались «не при дел» — «гулящие» пренебрегли тобольскими казачатами: и не поделились богатой добычей, и бросили эту молодежь на произвол судьбы…

Это был некий отчаянный протест, завершившийся жесточайшей расправой и суровым приговором, который только сегодня, спустя более чем три столетия, был впервые подвергнут сомнению в его справедливости, объективности и даже честности…

На тобольских казачат просто списали чужие грехи…

И приговорили к «вечному житью» на этой подаренной Атласовым России дальней окраине Российской империи.

И наш дальнейший рассказ о том, какой след оставили эти люди в истории нашей земли…

Камчатская Сибириада

ЧАСТЬ 1. ЯКУТСК, ГОД 1720

Северная дорога из Анадырского острога на Камчатку весьма беспокоила русских. По разным оценка до открытия морского пути из Охотска в Большерецкий острог погибло около двухсот казаков:

«Всего с 1700 по 1716 г. зафиксировано 31 вооруженное столкновение, причем в 10 случаях победа оставалась за коряками, в 15 — за русскими и 6 раз счет оставался «ничейным» — русским с трудом удалось отбить нападения. Пять раз коряки наносили весьма чувствительные удары по русским: в 1705 г. алюторы разгромили отряды Ф. Протопопова и В. Шелковникова, а в 1709 г. — отряд И. Панютина, в 1715 г. акланцы убили двух камчатских приказчиков, а апукинцы уничтожили отряд А. Сургутского, в том же году объединенными усилиями коряки вынудили казаков покинуть только что построенный Архангельский Олюторский острог и сожгли его. За это же время русские разорили 14 корякских острожков: 4 — паланцев, 2 — каменцев и косухинцев, 1 — гижигинцев, 2 — паренцев, 4 — алюторов, 1 — акланцев, но не смогли взять 4 острожка» (А. Зуев).

* * *

Самым печальным из северных столкновений было поражение 1715 года:

«Татаринов, узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского бунта (убитых с Афанасием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: Евдоким Сургутский, Степан Колесов, пятидесятник Мартьянов, таможенный целовальник Василий Зыков, казаков 35, анадырских жителей 6 человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским казаков 6 челов., анадырский житель 1, да в плену 2. На Пахаче с Афанасием Сургутским казаков 13, анадырских жителей 6, у апукских коряк в плену 3. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика: Полуэктов и Фролов, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да драгун И. Варганов. — Авт.), снова послал донесение в Якутск о присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с ***нарочным дво-***

рянином Афанасием Шестаковым (выделено мной — *С.В.*), *который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири* (А.С. Сгибнев).

* * *

В 1719 году Афанасий Федотович Шестаков в чине якутского казачьего головы прибывает в Якутск с набранными по всей Сибири двумя сотнями казаков. Вслед за этим прибывают и «полчане», набранные для «Камчатского наряда» — экспедиции якутского воеводы Якова Ельчина.

У нас сегодня есть возможность, благодаря изысканиям Сергея Евгеньевича Дурынина, представить наиболее полный список имен казаков, которые были сконцентрированы в 1720 году в Якутске.

Выписка из Переписной книги Якутского острога 1720 года [РГАДА.Ф.214.Оп.5.Д.2361.] (жирным выделены служилые люди, посланные в разные годы на Камчатку)

(Л.1) В прошлом 719 м году сентября в 20 день по Указу Великого государя царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и по назазу за рукою лантрата Ивана Ракитина якутцкой сын боярской Сава Корякин против присланного его Великого государя Указу и предложенных пунктов и с печатного листа каков Указ и пункты присланы того ж 719 го году априля в 14 день для сочинения ведомостей и для отсылки из Якутцка в Санкт Питербурх в Якутцку по приходам всякого звания чинов дворы и в них руских людей и иноземцов и до престарелости по чинам с летами переписываны и учинили книги и те книги в приказной полате лантрату Ивану Ракитину поданы.

А в нынешнем 720 м году маия в 21 день по присланному ж его Великого государя Указу и против копии с печатного листа каковы присланы ис Тобольска в Якуцк за рукою якуцкого дворянина Никиты Лосева против копии с печатного листа велено о дворовом числе о мужеском полу для расположения армейских полков прислать скаски за руками часа не премедлев а о женском (Л.1об.) полу и о иноземцах не воспомянулов а исправя такия о датах скаски из них зделать книги и иск них подлиные крадкие ведомости учинить в самых скорых числех отсылки в Тоболеск.

По вышеписанному его Великого государя царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца Указу екуцкой сын боярской Сава Корякин с тех вышеписанных книгих которые поданы в Якуцку в приказной полате дворовое число и в них всякого чина людей поголовно оприч женского полу и иноземцов учинили другия книги и которые якуцкие же служилые ж всякого чина люди в прошлом 719 м году из Якуцка посланы были Великого государя по разным службам и в посылках а у прежней переписки они в Якуцком не были а в нынешнем 720 м году они ис тех посылок в Якуцку явились переписывал же а что по прежней и по нынешней переписки дворового числа и в них людей какова чина и в каковы лета явилось и то писано в сих книгах ниже сего порознь имянно. (Л. 2)

В Якуцком городе всяких чинов людей дворы а в них люди.

1. Во дворе камисар Григорей Михайлов сын Кандаков… племянник же ево казачей пятидесятник Федор Иевлев тридцети четырех лет а ныне он Федор послан Великого государя на службу в Усть Вилюйском зимовье.

2. **Во дворе казачей голова Афонасей Федотов сын Шестаков сказал сорока трех лет племянники ево Афонасьевы Петр Григорьев сын Шестаков дватцати лет служит в детях боярских брат ево Иван Григорьев сын пятнацати лет служит в дворянех да у него ж живет брат** (Л. 2 об.) ево двоюродной Алексей Федоров сын Шестаков служит в детях боярских сорока трех лет у него сын Лаврентей четырнацати лет сын же Петр дву лет да сроднич ево Афонасьев Стефан Герасимов сын Парамонов тринатцати лет сын ево Офонасьев Василей пяти лет дворовые люди крещеные иноземские породы Иван Афонасьев пятнатцати лет Федор Иванов десяти лет скормленик казачей сын Михайло Попов восми лет и у него Афонасья о вышеписанных душах и о летех взята скаска под опасением казни за ево рукою у прежней переписи.

3. Во дворе Василей Егорьев сын Толстоухов.

4. Во дворе Максим Нестеров сын Мухоплев… дети его Петр двацати пяти лет служит в детях боярских и послан на службу на Камчатку (Л. 3).

5. Во дворе дворянина Дмитрея Кычкина.

6. Во дворе Никита Алексеев сын Лосев.

7. Во дворе Федора Шелковникова живет дворянин Семен Михайлов сын Зиновьев (Л. 3 об.).

8. Во дворе Петр Васильев сын Колесов… у него братья родныя Назар Васильев двацати семи лет служит в детях боярских послан Великого государя на службу на Камчатку.

9. Во дворе Стефан Иванов сын Шангин… у него ж живет тобольской казачей сын Стефан Захаров (Л. 4).

Дети боярские

10. Во дворе сын боярской Стефан Никитин сын Бобровской… у нево живет на подворье служивой Яков Иванов сын Мазаровской.

11. Во дворе Иван Иванов сын Власов.

Во дворе Стефан Егурьев сын Чертков… у него ж живет на подворье устюженин служивой человек набору Офонасья Шестакова Иван Лазарев и он послан на службу Великого государя по хлебные запасы 719-м году.

12. Во дворе Иван Дмитреев сын Катасонов… племянники ево Андрей Алексеев сын (Л. 4 об.) трицати лет а ныне он Андрей послан Великого государя на службу на Камчатку в 710-м году… у него ж живет умершаго казака сын Федор Афонасьев Аргунов.

13. Во дворе Сава Осипов сын Корякин… брат ево Иван Осипов сын тритцати восми лет служит в детях боярских… а ныне он Иван послан Великого государя на службу на Киренгу в 719-м году… у него ж в доме живет отставной служивой Петр Анцыфоров (Л. 5).

14. Во дворе Иван Володимеров сын Отласов.

15. Во дворе Иван Яковлев сын Паранчин… дети ево Федор двацати пяти лет в службе и он Федор послан Великого государя на службу в Оходской острог в 718-м году.

16. Во дворе Иван Семенов сын Чюдинов (Л. 5 об.).

17. Во дворе Иван Леонтьев сын Киткеев.

18. Во дворе Василей Иванов сын Трифонов.

19. Во дворе Евсевей Максимов сын Аргунов (Л. 6).

20. Во дворе Василей Леонтьев сын Качанов а он послан Великого государя на службу на Камчатку в 718-м году.

21. Во дворе Иван Васильев сын Сивцов.

22. Во дворе Иван Иванов сын Софронеев (Л. 6 об.).

23. Во дворе Федор Иванов сын Шелковников.

24. Во дворе Иван Архипов сын Лыткин… у него в доме живет на подворье племянник ево Алексей Афонасьев сын Тушин (Л. 7).

25. Во дворе Иван Васильев сын Жданов.

26. Во дворе Сергей Констентинов сын Кубасов.

27. Во дворе Прокопей Иванов сын Филькеев… у него ж подворник служивой Мокий Максимов сын Чюркин.

28. Во дворе Иван Михайлов сын Антипин и он Иван послан Великого государя на службу в Ылимск в 718-м году… у нее живет на подворье служивой Петр Литвинцов и он Петр послан Великого государя на службу на Камчатку в 714-м году (Л. 7 об.).

29. Во дворе Филип Антипин и он Филип послан на службу в Ылимск для упровления дел… с ним же живет брат ево Тимофей Михайлов и он поверстан в дети боярские послан Великого государя на службу в Устьянское зимовье в 719-м году (Л. 8).

30. В том же дворе живет брат ево родной сын боярской Стефан Михайлов.

31. Во дворе Петра Иванова сына Шадрина и он Петр послан Великого государя на службу на Ильчу в 718-м году… у него шурин Федор Баженов и он послан Великого государя на службу Верховилюйское зимовье в 719 году.

32. Во дворе сын боярской Тихон Иванов сын Рогалев… у него ж живет служивой Иван Васильев сын Брусенин двацати пяти лет и он послан Великого государя на службу в Колымское зимовье в 718-м году у него ж живет посадской Афонасей Иванов сын Огибалов (Л. 8 об.).

33. Во дворе Федор Максимов сын Дунаев.

34. Во дворе Степан Петров сын Сидоров.

35. Во дворе Михайло Петров сын Сидоров… у нево живет на подворье служивой Иван Пискун и он послан Великого государя на службу на Колыму в прошлом 717-м году… у него же живет матрос Андрей Башкин (Л. 9).

36. Во дворе Михайло Васильев сын Котковской… у него ж на подворье живет отставной служивой Федор Ефимов сын Пивнев.

37. Во дворе Иван Харитонов и он в 719 м году послан на службу на Камчатку… у него ж живет на подворье служивой человек Степан Игнатев сын Мальцов.

38. Во дворе Алексей Стефанов сын Полуехтов (Л. 9 об.).

39. Во дворе Михайла Стефанова сына Кривогорницына живет Марья Иванова дочь сказала Михайло послан на службу на Вилюй брат ево служивой Дмитрей послан же на службу на Вилюлюй же в 719-м году.

40. Двор Осипа Михайлова сына Ушнитского и он Осип послан на службу в Жиганское зимовье в 719 году а про лета ево сказать некому а в том доме живут служивый Иван Дми-

треев сын Шестаков сказал пятидесяти лет дети ево Егор шести лет Исак дву лет в том же доме живут пришлые люди Карп Теплоухов семидесяти лет сын ево Давыд сорока лет у него сын Петр семи лет сыльные вдови дети Дорофей семи лет Елизар шести лет и у него Ивана о вышеписанных душах и о летех взята скаска под опасением казни за ево рукою у прежней переписи а вышеписанной двор писан выше сего.

41. Во дворе Семена Харитонова живет отставной служивой Иван Похожевин… в том же доме (Л. 10) живут драгуны Феоктис Фролов Петр Шемелин.

42. Двор сына боярскова Василья Иванова сына Игнатьева и он Василей в 718 году послан к Москве.

Сотники

43. Во дворе Василей Иванов сын Удин (Л. 10 об.).

44. Во дворе Михайло Стефанов сын Оксенов… у него ж на подворье живет служивой Андрей Плотник… да посадской человек Афонасей Тарасов.

45. Во дворе Василей Федоров сын Манастырев.

46. Двор Алексея Стефанова сына Аргунова а он (Л. 11) Алексей в 718-м году послан в Тоболеск за казною… у него ж Алексея живет брат ево родной служивой Сергей.

47. Во дворе сыно боярского Стефана Бобровского живет сотник Иван Федоров сын Уваровской и он послан на Камчатку в 718-м году… в том же доме живет сын боярской Иван Васильев сын Поротов и он Иван в прошлом 718-м году послан на службу на Камчатку (Л. 11 об.).

Пятидесятники

48. Во дворе Иван Степанов сын… у него ж стоят стояльцы Приказные полаты приставу набору Афонасья Шестакова Тобольского города Иван Данилов Прянишников… Алексей Волков… Иван Алексеев сын Черныk.

49. Двор Василья Потапова и он Василей послан Великого государя на службу на Камчатку в 718-м году… стояльцы драгун московской уроженец камчадальского наряду Петр Трофимов сын Толыгин да набору Якова Ельчина служивой Михайло Феофанов Юдин да Ельчина человек Егор Дмитреев (Л. 12).

50. В юрте Яков Иванов сын Решетников.

51. Двор Ивана Васильева сына Амосова и он Иван послан Великого государя на службу в Олекминской острог в 719-м году… брат ево Иванов Семен трицати семи лет служит в пятидесятниках… брат же ево Василей трицати пяти лет послан Великого государя на службу в

Жиганское зимовье в 717-м году брат же Афонасей двацети пяти лет в службе (Л. 12 об.).

52. Во дворе Алексей Федоров сын Пшеников.

53. Во дворе Василей Афонасьев сын Прудецкой.

54. Во дворе Матвей Максимов сын Скребыкин.

55. Во дворе Осип Яковлев сын Старостин (Л. 13).

56. В юрте Василей Иванов сын Гурьев… сын ево Матвей двацати восми лет в службе зять ево Михайло Панкратьев сын трицати лет и он послан на службу в Оходской острог в 718 году у него подворники служивые люди набору Якова Ельчина Денис Григорьев сын Исаков… Гаврило Лукьянов Ребров.

57. Во дворе остовной пятидесятник Дмитрей Старостин.

58. Во дворе таможенной надзиратель Иван Федоров сын Лялин… у него ж живет служивой Афонасей Осипов сын Саламатов и он Афонасей послан Великого государя на службу в Оходской острог (Л. 13 об.)… на подворье московской уроженец Кирила Афонасьев.

59. Во дворе таможенной голова Дмитрей Павлов сын Новогородов.

60. Во дворе служивой городовой толмач Иван Андреев сын Борисов.

61. Во дворе городничей Петр Максимов сын Акатьев (Л. 14).

62. Двор пушкаря Сергея Поликарпова а он Сергей послан на службу Великого государя на Камчатку в 718 году.

63. Во дворе пушкарь Иван Кузьмин сын Синицын… подворник отстовной служивой Иван Козьмин сын Суздалов.

64. Во дворе пушкарь Кузьма Стефанов сын Шапошников… подворник промышленной Еренского города Сидор Филипов сын Парыгин (Л. 14 об.).

65. Двор пушкаря Максима Григорьева и он Максим послан Великого государя на службу в Олекминской острог… в том доме живет подворник посадской человек Сидор Григорьев Самороков.

66. Во дворе пушкарь Иван Иванов сын Полетов.

67. Во дворе пушкарь Юрье Федоров сын Баранов… в том же доме живет иркуцской житель Федор (Л.15.) Минеев.

Служивые люди

68. Во дворе десятник казачей Родион Иванов сын Безсонов.

69. Во дворе десятник Яков Иванов сын Безсонов.

70. Во дворе Степан Иванов сын Потапов… зять ево пушкарь Федор Андреев сын Сухой (Л. 15 об.).

71. Во дворе Федор Иванов сын Сирянин.

72. Во дворе Василей Борисов сын Сторожев… братья ево служивые Иван деветнацати лет Алексей шеснацати лет… у него ж в доме живет посадской Иван Осипов сын… у него ж живет служивой Иван Патаскуев и он послан Великого государя на службу на Камчатку.

73. Во дворе служивой Сидор Елисеев сын Беляев… дети ево Никита (Л. 16) шеснацати лет в службе… у него ж в доме живут служивые Иван Федоров сын Рыбьяков Михайло Алексеев сын Плотников Михайло Микитин.

74. Во дворе Семен Иванов сын Канаев.

75. Двор служивого человека Семена Евтифеева сына Луковцова а по скаске матери ево ему сорок лет и он послан Великого государя на службу в Верховилюйское зимовье брат ево Стефан трицати семи лет и он послан Великого государя на службу в Оходской острог в 716-м году Гаврило трицати шести лет… Гаврило послан в 712-м году на Камчатку (Л. 16 об.).

76. Во дворе служивого Семена Григорьева сына Черепанова жена ево сказала… а он послан Великого государя на службу в Оходской острог… подворники ево Енисейского города сын боярской Аврам Корнильев… да посадской Федор Иванов сын.

77. Во дворе служивой Еким Иванов сын Ревякин.

78. Во дворе Ефим Федоров сын Даниловых… сын ево Тимофей двацати лет (Л. 17) и он Тимофей послан Великого государя на службу в Оходской острог в 718 году.

79. Во дворе Андрей Иванов сын Серкучев.

80. Двор служивого Ивана Григорьева сына Устинова и он Иван в прошлом 719 году послан в Оходской острог.

81. Во дворе служивой Афонасей Аврамов сын Лузин… у него живут на подворье набору Якова Ельчина Енисейского города дворянин (Л. 17 об.) Алексей Максимов сын Каменских трицати семи лет да набору Афонасья Шестакова служивой Козьма Павлов сын Марковых сорока трех лет.

82. Во дворе Петр Кривошапкин.

83. Во дворе Афонасей Мельников… и он послан Великого государя на службу на Камчатку в 718 году… да у него ж живет присыльной Тобольского города Кузьма Андреев сын… и он Кузьма послан Великого государя на службу в Зимовейное строение (Л. 18).

84. Во дворе Ивана Юрьевских и он Иван послан Великого государя на службу на Уть в 719 году.

85. Юрта Леонтья Гаврилова сына Шанешкина и он Леонтей послан в прошлых годех на Камчатку… на подворье у ней живет служивой Петр Байкаловской.

86. Двор Семена Аникиева… да в том же доме живет на подворье служивой Петр Еремеев сын Ураков.

87. Двор служивого Семена Мельвинцова и он Семен послан Великого государя на службу за казною в Тоболеск (Л. 18 об.).

88. Во дворе Федор Матфеев сын Литвинцов.

89. Двор служивого Федора Иванова сына Баженова живет пятидесятника Алексея Петриловского жена ево Анна… да в том же доме живут служивой Трофим Гаврилов сын Овечкин тритцати лет да набору Якова Ельчина Иван Семенов сын Мезенцов сорока лет Алексей Петриловской в прошлых годех послан Великого государя на службу на Камчатку да в том же доме живет служивой Семен Букин и он послан верх по хлебные запасы (Л. 19).

90. Во дворе служивой Максим Семенов сын Прибылой.

91. Двор служивого Дмитрея Петрова сына Беляева… и он послан на службу в Анадырской острог в 716 году.

92. Во дворе служивой Иван Андреев сын Пермяков… дети ево Егор шеснацати лет и он послан на службу в Олекминской острог в 719 году… у него Ивана живет на подворье сын боярской Андрей Михайлов и он послан на службу в Анадырской острог в 716 году (Л. 19 об.).

93. Во дворе Киприян Екимов сын Воронов… у него ж живет на подворье служивой Семен Федоров и он Семен послан на службу на Камчатку в 718 году.

94. Во дворе служивого Ивана Федорова сына Замятнина… а он послан на службу Верхоянское зимовье в 719 году (Л. 20) .

95. Во дворе Семен Мине сын Шехтин.

96. Во дворе служивой Констянтин Дементьев сын Гуляев… и он послан Великого государя на службу в Удской острог в 718 году… живет на подворье служивой Степан Иванов сын Казанец.

97. Во дворе служивой приказной сторож Остафей Филипов сын Калашников (Л. 20 об.).

98. Во дворе казачей сын Иван Кондратьев сын Кисикеев.

99. Во дворе Евдоким Борисов сын Колегов.

100. Во дворе служивой Андрей Семенов сын Куренгин.

101. Двор служивого Василья Иванова сына Отласова… братья ево Алексей трицати лет послан на службу на Алазею в 718 году Обросим двацати семи лет (Л. 21) послан на службу

же в Анадырской острог в 716 году а Василей послан вверх на заимки в 719 году да у нея живет служивой Федор Терентьев.

102. Во дворе служивой Матвей Алексеев сын Пинегин.

103. Во дворе Иван Иванов сын Шелковников.

104. В юрте служивой Алексей Лом… пасынок ево Никифор Мажагоров двацати лет послан (Л. 21 об.) Великого государя на службу вверх по запас в 719 году.

105. В юрте служивой Федор Васильев… и он послан Великого государя на службу в 717 году.

106. В юрте казачей сын Дмитрей Старостиных… у него ж живет посадской Василей Муразов.

107. В юрте служивой Петр Колокольников… у него живет сын боярской Захар Панятовской (Л. 22).

108. Во дворе служивой Григорей Калашников.

109. Во дворе служивой Устин Парилов… дети у него Алексей двацати лет в службе Иван двацати пяти лет в службе… Иван послан Великого государя на службу на Камчатку в 718 году.

110. Во дворе служивого Алексея Удорина а он Алексей послан на службу Верхоянское зимовье в 719 году.

111. Во дворе служивой Дмитрей Володимеров… в том же доме живет посадской Василей Данилов сын Рыбников (Л. 22 об.)… в том же доме живет служивой Федор Ярославцов.

112. Двор служивого Федора Попова и он Федор послан Великого государя на службу в Индигирской острог в 718 году.

113. В юрте Захар Филипов.

114. В юрте служивой Петр Конюхов.

115. Во дворе служивой Иван Матвеев сын Серебреников… у него ж живет казачей сын Миня Ильин семнацати лет в службе служивой Петр Федоров сын Шушунов… у него ж живет служивой Алексей Марков (Л. 23).

116. Во дворе служивой Иван Савинов сын Клевцов… да в том же доме живет служивой Иван Мыльников и он послан на службу на Камчатку в 719 году.

117. Двор служивого Афонасья Аргунова и он Афонасей послан Великого государя на службу верх по хлебные запасы в 719 году а по скаске матери ево ему Афонасью восемнацать лет у нее ж живет зять ее Леонтей Остренин и он послан на службу Верхоянское зимовье в 719 году… в том же доме живет Андрей Ильиных и он Андрей послан на службу на Устьяну в 712м году.

118. Двор служивого Михайла Ерасимова сына Губякина и он Михайло послан на службу

на Колыму в 719 году… дети ево Егор двацати трех лет в службе Петр восемнацати лет и он послан на службу Верхоянское зимовье в 719 году… в том же доме живет брат ево отставной служивой Иван в том же доме живет Иван Попов (Л. 23 об.) и он Иван послан на службу верх по запас… в том же доме живет пятидесятник Иван Иванов сын Тарабукин… в том же доме отставной казак Григорей Иванов сын Кузаков.

119. Во дворе Василья Шапошникова живет на подворье служивой Дмитрей Лунданской.

120. Во дворе Яков Гаврилов сын Чюркин.

121. Во дворе служивые Симон да Филат Алексеевы дети Мерлинские (Л. 24).

122. В юрте служивой Андрей Осипов сын Плеханов.

123. Во дворе служивой Михайло Алексеев сын Борисов.

124. Во дворе служивой Стефан Олесов… дети его Иван двацати лет Федор осмнатцати лет в службе посланы по хлебные запасы.

125. Во дворе служивой Иван Кирилов сын Свешников да у нево ж живет на подворье служивой Ларион Матвеев сын Пивоваров.

126. Во дворе служилые Андрей да Федор Кирило Ивановы дети Крыженовскаго (Л. 24 об.).

127. Во дворе служивой Федов Петров сын Кармалин… в том же доме живет служивой Иван Васильев сын Чюглов.

128. Двор служивого Ивана Иванова сына Калашникова… и он послан на службу в Ыркуцкой в 719 году.

129. Двор служивого Андрея Иванова сына Власьевских и он Андрей послан на службу по хлебные запасы.

130. Во дворе служивой Стефан Осипов сын Касимов… у него ж живет служивой Тимофей Мачалов и он послан по хлебные запасы.

131. Во дворе служивой Афонасей Васильев сын Башнев… дети Петр двацати дву лет послан на Камчатку Захар двацати лет в службе.

132. Во дворе служивой Василей Тимофеев сын Сургуцкой… дети ево Прокофей двацати лет в службе Алексей восемнацати лет в службе (Л. 25).

133. Во дворе Прокопей Семенов сын Сургуцкой.

134. Во дворе Назар Ефимов сын… у него ж живет служивой Ерасим Балашев… служилой же Иван Иван Мокрецов.

135. Во дворе служивой Семен Никитин сын Шарыпов… брат ево Федор восмнатцати лет в службе и он Федор послан на службу Верховилюйское зимовье в 719 году у него ж живет отставной казак

Орефа Васильев сын Лиханов… дети его Петр двацати дву лет Василей двацати лет в службе.

136. Во дворе Алексей Иванов сын Голбоцкой… у него ж живет служивой Влас Данилов Воробьев.

137. Во дворе Козьма Андреев сын… дети его Алексей двацати пяти лет Михайло восемнацати лет в службе… Алексей послан на службу на Вилюй в 719 году в том же доме живет служивой Иван Марков и он Иван послан на службу верх по запас.

138. В юрте служивые Юрья да Микифор дети Дьячковы… Юрья шестидесяти трех лет дети у него Петр трицати пяти лет в службе и он послан на службу в Анадырской острог в 719 году Гаврило двацати шти лет (Л. 25 об.) Дементей двацати четырех лет в службе посланы на службу на Ковыму в 714 году.

139. Во дворе Василей Стефанов сын Татаринов… дети его Данило двацати лет Федор осмнацати лет в службе… Федор послан на службу вверх по запас у него ж живет служивой Максим Репин и он Максим послан на службу на Камчатку в 718 году.

140. В юрте отставного казака Тимофея Чирахи живет служивой Иван Стефанов сын Немиров.

141. Во дворе конной казак Илья Семенов сын Чюдинов да отставной казак Ион Семенов сын Чюдинов.

142. Во дворе служивой Семен Михайлов сын Жорков.

143. Во дворе служивые Яков да Офонасей Стефановы дети Баксековы… у него ж живет Осип Васильев сын Вобин… да Карп Иванов сын Белков (Л. 26).

144. Во дворе Василий Петров сын Шишигин… шурин ево Василей Спиридонов двацати восми лет в посаде и он послан [неразборчиво] в 718 году да в том же доме живет служивой Яков Казан и он Яков послан на службу в Устьянское зимовье в 718 году.

145. Во дворе служивой Алексей Никитин сын Поломошнов… брат ево Андрей двацати пяти лет и он послан на службу Верховилюйское зимовье в 719 году у него ж живут служивые Андрей Клементьев сын Коркин пятидесяти лет Василей Федоров сын Машков сорока лет Алексей Федоров сын Стрекаловской сорока лет Тимофей Анбучев… и он Тимофей послан на службу в Удской острог в 719 году.

146. Двор служилого Семена Юдина сына Широких и он Семен послан на службу на Алазею в 719 году (Л.26 об.) в том же доме живет посадной Михайло Никифоров сын Усов.

147. Двор служивого Ивана Никитина сына Чюкорова и он послан на службу в Анадырской острог в 716 году.

148. Двор служилого Матвея Иванова сына Вострецова и он послан на службу в Анадырской острог в 717 году… дети у них Алексей двацати трех лет Игнатей двацати лет в службе… Алексей послан на службу вверх по хлебныя запасы.

149. Во дворе служивой Федор Алексеев сын Голиков (Л. 27).

150. Во дворе служивой Григорей Григорьев сын Серебреников.

151. Во дворе служивой Павел Югов… да брат ево Симон Петров сын Броников двацати лет в службе… в том же доме живет служилой Василей Королев и он Василей послан на службу на Алдан для строения зимовей.

152. У него ж во дворе в юрте живет служивой Григорей Сырников и он послан на службу по хлебные запасы в 719 году (Л. 27 об.).

153. Двор служилого Павла Барабанского и он послан на службу на Вилюй… в том же доме живет служивой Сергей Иванов сын Зыков… да в том же доме живет служивой Афонасей Гурьевских и он послан на службу вверх по хлебные запасы в 719 году.

154. В юрте служивой Василей Григорьев сын Мохначевской.

155. В юрте служивой Иван Хлевинской… брат ево Василей (Л. 28) двацати дву лет в службе.

156. В юрте служивой Дмитрей Данилов сын Кошелев.

157. Во дворе служивой Михайло Гладков… да в том же доме живет посадной Семен Борисов сын Иконник… да в том же доме живет присылной Василей Иванов сын Москвич… в том же доме живет служивой Иван Иванов сын Зорин (Л. 28 об.).

158. Во дворе служивой Василей Иванов сын Попов.

159. Во дворе отставной служивой Исак Григорьев сын Хреновской.

160. Во дворе служивой Тимофей Иванов сын Аргунов.

161. Во дворе служивой Василей Мосеев сын Самсыгин.

162. Двор Стефана Челбунина а он Стефан послан на службу на Камчатку… у него ж живет служивой Иван Андреев сын Могилев (Л.29).

163. Во дворе служивого Петра Осипова сына Корякина а он послан Петр на службу в Удской острог… у него ж живет казак Иван Васильев сын Бушмагин и он послан на службу верх по запас в 718 году.

164. Во дворе служивого Дмитрея Галкина живет служи-

вой Дмитрей Михайлов сын Голыгин.

165. Во дворе вышеписанного дворянина Дмитрея Кычкина живет на подворье служивой Егор Филипов сын Калашников… дети ево Федор деветнацати лет в службе и он послан на службу в Верховилюйское зимовье в 719 году (Л. 29 об.).

166. Во дворе служивой Иван Силин сын Дехтерев… дети ево Илья двацати шести лет и он послан на службу в Верховилюйское зимовье в 719 году.

167. В юрте конной казак Борис Ермолин сын.

168. Служивой набору Афонасья Шестакова Енисейского города Христофор Семенов сын Коробейников сказал трицати лет стоит на подворье у пономаря Семена Шамаева (Л. 30).

169. В дворе фескал Василей Иванов сын Бобровской… сын ево служивой Семен девятнацати лет и он послан Великого государя на службу Верховилюйское зимовье в 719 году у него ж живет на подворье присыльной Тобольского города Зиновей Иванов сын Важенов тритцати лет… и он Зиновей послан Великого государя на службу во Анадырской острог в 719 году.

170. Во дворе посадной Родион Власов сын… у него ж в доме живет на подворье служивой Иван Данилов сын Кошелев.

171. Во дворе посадной Стефан Максимов сын Пироговской… племяник ево казачей сын служивой Алексей Васильев сын Клесников тритцати лет… и он Алексей послан Великого государя на службу в Устьвилюйское зимовье в 719 году (Л. 30 об.).

172. Во дворе посадной Михайло Спиридонов сын.

173. Во дворе посадной Иван Андреев сын Обутов… у него ж живет на подворье служивой Григорей Трапезников дватцати лет и он послан Великого государя на службу верх по хлебные запасы… у него ж живет на подворье в юрте служивой Семен Воситинской по скаске жены ево ему Семену дватцать пять лет и он послан Великого государя на службу по хлебные припасы в 719 году.

174. Во дворе посадной Еким Иванов сын Калашников… у него ж живет на подворье служивой Алексей Терентиев сын Крылов (Л. 31).

175. Во дворе посадной Семен Кузьмин сын Шабалиных.

176. В юрте посадной Иван Михайлов сын Будкиных.

177. Во дворе посадной Василей Васильев сын Казан.

178. Во дворе посадной Кузьма Павлов сын Кудрин (Л.31 об.).

179. Во дворе служивого Федора Парфенова живет посадной Иван Тарской… а Федор послан на службу на Устьяну в 719 году.

180. Во дворе посадной Никифор Васильев сын Буслаев.

181. Во дворе посадной Евдоким Прохоров сын Терентьев.

182. Во дворе посадной Панкратей Леонтьев сын Мальцов… сын ево Филип тритцати пяти лет (Л.32) и он Филип послан на службу в Оклеминской острог в 719-м году зять ево служивой Иван Петров сын Решетников дватцати пяти лет и он послан на службу Верхоянское зимовье в 719-м году.

183. Во дворе умершаго посадного Елисея Игнатьева сына Новогородова живет на подворье служивой Петр Соловаров сказал восемнатцати лет а отцу ево Борису по скаске сына ево пятьдесят лет и он Борис послан Великого государя на службу на Камчатку в 711-м году.

184. Во дворе посадной Афонасей Павлов сын Новагородов (Л.32 об.).

185. Во дворе посадной Василей Харитонов сын.

186. Во дворе посадной Семен Дмитреев сын Мендин.

187. Во дворе умершаго посадного Егора Павлова сына Новгородова.

188. Во дворе посадного Осипа Иванова сына Чирка сказал сын ево Данила отец ево Осип послан Великого государя на службу в Жиганское зимовье в 719-м году… в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока лет да набору Афонасья Шестакова Тобольского города Осип Герасимов сын Медведев тритцати лет да набору его ж Афанасья Григорей Кабанов пятидесяти лет набору его Афанасья Иван Лазарев сорока лет (Л. 33).

189. Во дворе посадной Кузьма Пахомов сын… да у него ж живет на подворье служивой Никита Прокопьев сын Голова по скаске жены ево ему Никите шестьдесят лет и он послан Великого государя на службу в Удской острог в 718-м году Якутцкого города Троитцкой соборной церкви свешеники и дьякон и церковные причты.

190. Во дворе протопоп Михайло Данилов сын Оконешников… у него ж живет в доме ево той же церкви дьячек Иван Васильев сын Оконешников (Л. 33 об.)… у него ж протопопа живут на подворье служивой Аника Романов сын Литвинцов сорока шти лет да промышленой Яков Никитин сын Барашкин.

191. Во дворе поп Семион Самойлов сын… у него ж живет на подворье брат ево Егор а по скаске брата ево Семиона ему Егору тритцать лет а он послан

Великого государя за казной (Л.34) в Тобольской в 718-м году.

192. Во дворе поп Ермолай Иванов сын… в том же доме живет на подворье служивой Яков Максимов сын Чабаксар.

193. Во дворе попа Тимофея Стефанова сына.

194. Во дворе поп Яков Стефанов сын (Л.34 об.)… да у него ж на подворье живут служивые набору Афанасья Шестакова Василей Трофимов сын Сапожников сорока дву лет да набору Якова Ельчина Иван Панкратьев сын Толстых дватцати дву лет да набору Шестакова ж служивой енисейской пашенной Петр Иванов сын Лужников тритцати лет.

195. Во дворе дьякон Стефан Петров сын Литвинцов.

196. Во дворе дьякон Спаского монастыря Дмитрей Иванов сын (Л.35).

197. Во дворе пономарь церковной Фома Осипов сын Чюпров.

198. Во дворе пономарь Семен Иванов сын Шамаев… брат ево родной Иван дватцати шести лет и он Иван послан Великого государя на службу на Камчатку в прошлом в 718-м году.

199. Спаского монастыря пономарь Иван Родионов сын Першин (Л. 35 об.).

200. Служивой соборной церкви трапезник Федот Моисеев сын Сартыгин.

Роспись спаского монастыря вкладчикам больным людем и кто какова чину и в каковы лета в монастыре живут писано ниже сего имянно и у него.

Вкладчики манастырские и люди.

201. Енисейского города Андрей Лукьянов сын Кузнецов сказал семидесяти лет в манастыре вкладчиках тож сорок лет.

202. Того ж города Федор Семенов сын Нагишев семидесяти лет в монастыре вкладчиках тридцать лет.

203. Устюжетцкого города Омельян Филипов сын Бубнов пятидесяти лет в Якуцк приплыл в 700 году в монастыре вкладчиках дватцатой год (Л. 36).

204. Важенин отставной служивой Кондратей Васильев сын Попов шестидесяти лет в манастыре в вкладчиках десятой год.

205. Устюженин Иван Иванов сын Нечаев пятидесяти лет в Якуцк приплыл в 707-м году в монастыре вкладчиках восмой год.

206. Того ж города Яков Данилов сын Игнатьев тритцати семи лет в Якуцк приплыл в 709-м году а живет в монастыре вкладчиках четвертой год (Л. 36 об.).

207. Того ж города Козьма Михайлов сын Десяткин пятидесяти лет оброку платит денег полтину в монастыре в вкладчиках другой год.

208. Якуцкого города Иван Семенов сын Черкашенинов и ему девяносто лет был в пашне а в манастыре в вкладчиках третей год.

209. Служивой Петр Гаврилов сын Бозиков дватцати лет вкладчик третей год.

210. Отставной служивой Аврам Ларионов сын Харитоновых восьмидесяти лет в монастыре вкладчиках с 719 году (Л. 37).

211. Отставной служивой Матфей Федоров сын Яровой шестидесяти лет в манастыре вкладчиках с 719 году.

212. Отставной пушкарь Семен Сидоров сын Мезенцев он же Гун семидесяти лет в манастыре в кладчиках третей год.

213. Спаского монастыря Иван Тимофеев сын Ширьев дватцати дву лет вкладчик (Л. 37 об.).

214. Личского повосту Усольского уезду Афонасей Иванов сын Кузнецов семидесяти дву лет вкладчик с 719 году.

215. Тобольского города пашенной Долматова монастыря Михайло Иванов сын Фадеев сороки пяти лет в Якуцк приплыл в 719 году в наймах на Спаской барке в монастыре вкладчиках.

216. Посадцкого сын Василей Федоров сын Нижегородов пяти лет вкладчик.

217. Соли Камской Федор Козьмин сын Шербаков пятидесяти лет в Якуцк приплыл в 717 году робит в монастыре за вклад (Л.38).

218. Пашеннаго сын Чечюского уезду Дмитрей Терентиев сын Шапошников тритцати лет в Якуцк приплыл в 715-м году робит за вклад.

219. Якутцкого города Родион Федоров сын Богомолов дватцати пяти лет робит за вклад.

220. Устюженин набору Якова Ельчина Максим Яковлев сын Ширяев пятидесяти лет.

221. В келье у архимандрита Иоанна Томского города Дмитрей Игнатьев сын Егловской дватцити трех лет (Л. 38 об.).

222. Устюженин Гаврило Васильев сын Тарасовых хлебной обротчик Верхоленского причту в Якуцк приплыл в 718-м году по обешанию Спасу трудитись и он сорока лет.

223. Верхотурец набору Якова Ельчина Иван Фролов сын Давулетенин дватцати семи лет .

224. Служивой Семен Онтонов сын Каначков набору Якова Ельчина тритцати лет.

225. Якутцкой уроженец Матфей Тимофеев сын Налукин дватцати лет не в службе (Л. 39).

226. Новокрещен Михайло Федоров сын Сирянин дватцати шести лет.

227. Новокрещен Семен Петров сын дватцати восьми лет.

228. Якуцкого Спаского монастыря люди Мамант Стефанов сын семнатцати лет.

229. Андрей Авраамов сын дватцати лет.

230. Иван Андреев сын четырнатцати лет (Л. 39 об.).

231. Иван Иванов сын Ляпунов десяти лет.

232. Гаврило Григорьев сын восьми лет.

233. Андрей Иванов сын Калмаков пятнатцати лет.

234. Андрей Мартынов сын четырнатцати лет.

235. Яков Сергеев сын шеснатцати лет (Л. 40).

Роспись приежим людем разных городов и разных чинов и кто в коем году приплыл и за каким делом и то писано ниже сего.

236. Торговой устюжанин Алексей да Василей Яковлевы дети Балуевы приплыли в Якуцк в 718-м году с товары.

237. Торговой устюжанин Василей Игнатьев сын Шапошников приплыл в Якуцк в 716-м году стоит на своем дворе купленом а ныне пишиком в таможне.

238. Торговой устюженин Алексей Артемьев сын Масленников приплыл в Якуцк в 717-м году с товары стоит на подворье у сына боярского Стефана Егурьева оброку платит рубль.

239. Торговой Соли Камской Максим Тимофеев сын Шердин приплыл в Якуцк в 715-м году с товары а стоит на подворье у служилово Екима Иванова сына Ревякина оброку платит рубль (Л. 40 об.).

240. Торговой Соли Вычеготцкой Василей Тарасьев сын Хвостов в Якуцк приплыл в 719-м году с хмелем а стоит на подворье у вдовы Маланьи Родионовой дочери оброку платит рубль.

241. Устюжанин Киренского монастыря вкладчик Прокофей Андреев сын Батеньков в Якуцк приплыл в 719-м году з запасом а стоит на подворье у пушкаря Максима Григорьева.

242. Устюжанин пашенной Оксен Васильев сын Токмаков в Якуцк приплыл в 719-м году для долгов своих а стоит на подворье у пушкаря Максима Григорьева.

243. Промышленной Соли Вычегодской Прокофей Иванов сын Серых в Якуцк приплыл в 719-м году на плоте за запасом а стоит на подворье у пушкаря Максима оброку платит рубль.

244. Еренского города промышленой Сава Иванов сын Василисиных в Якуцк приплыл в 719-м году з запасом а стоит

на подворье у пушкаря Максима оброку платит рубль (Л. 41).

245. Яренского города промышленой Федор Григорьев сын Головушкиных в Якуцк приплыл в 719-м году в работы на плоты с Остафином Плотником а стоит на подворье у пушкаря максима оброку платит рубль.

246. Верхотурского города промышленной Дементей Епифанов сын Боландин в Якуцк приплыл в 716-м году в наймах на судах а стоит на подворье у служилово Екима Иванова сына Ревякина оброку платит рубль.

247. Томского города посадной Яков Тарасьев сын в Якуцк приплыл в 719-м году с хмелем а стоит на подворье присыльного Семена Федорова сына Белоноги в дворе Алексея Горбуна.

248. Томского посадной Иван Осипов сын Екксин в Якуцк приплыл в 718-м году с хмелем а стоит на подворье у служилого Павла Барабанского.

249. Того ж города Василей Фомин сын в Якуцк приплыл в 718-м году месник стоит на подворье у пушкаря (Л. 41 об.).

Козьмы Стефанова сына Шапошникова.

250. Красноярец служивой Афонасей Иванов сын Олонец свешник в Якуцк приплыл в 716-м году в наймах на плоте у Якова Ельчина а стоит на подворье у него ж Козмы.

251. Тобольского города житель Стефан Яковлев сын Свешников в Якуцк приплыл в 719-м году за сыльными а стоит на подворье у посатцкого Осипа Чирка.

252. Иркуцкого города посадной Алексей Иванов сын Некрасов чеботняга в Якуцк приплыл в 719-м году в наймах на плоте а стоит на подворье у петидесятника михайла Шехурдина.

253. Тобольского города Давид Иванов сын Бухвастов в Якуцк приплыл в 719-м году в наймах на плоте а живет на подворье на каштаке в работе и он Давыд казачей сын (Л. 42).

254. Воложенин Федор Калинин сын Смирных в Якуцк приплыл в 719-м году в работе на государевых барках и живет на каштаке в работе.

255. Московской уроженец Иван Матвеев сын Жидовин в Якуцк приплыл в 718-м году в работе на барках а живет на каштаке в работе оброку платит полтину.

256. Иркуцкого города житель Филат Яковлев сын Красавцов в Якуцк приплыл в 717-м году в работе Якова Ельчина стоит на подворье у служилого Прокофья Сургутцкого.

257. Иркуцкого города житель посадной Яков Григорьев

сын Рудоплав в Якуцк приплыл в 718-м году в наймах на плоте стоит на подворье у вдовы Мавры Ивановой дочери а оброку платит в Якуцку восемь алтын две деньги.

258 .Енисейского города иконник Алексей Петров сын Раитин в Якуцк приплыл в 717-м году с Яковом Ельчиным а стоит на подворье у служивого Михайла Никititина сына Гладкова (Л. 42 об.).

259. Устюженин промышленой Афонасей Иванов сын Чернов в Якуцк приплыл в 718-м году из Ылимска с Григорьем Ждановым в наймах а стоит на подворье у сотника Михайла Стефанова сына Оксенова.

260. Илимского города житель служивой Иван Игнатьев сын Косыгиных в Якуцк приплыл в 719-м году в наймах на плотех государевых а живет в работе на каштаке.

261. Илимского ж города посадной Роман Констентинов сын Дедюхин и он в Якуцк приплыл в 719-м году з запасом а стоит на подворье у отставного казака Федора Жернокова.

262. Устюженин промышленой Фрол Родионов сын Мясников в Якуцк приплыл в 710-м году промышленом числом стоит на подворье у отставного казака Якова Наумова сына Сторожева оброку платит рубль.

263. Селенгинского города служивой Григорей Иванов сын Колмогоров в Якуцк приплыл в 719-м году для долгов своих стоит на подворье (Л. 43) у посадного Василья Харитонова.

264. Того ж города жители служивыя Андрей Савин сын Марковых Григорей Афанасьев сын Новоселовых в Якуцк приплыл в 718-м году для свидания сродничей своих стоят на подворье у служилого Тихона Новикова.

265. Важенин промышленной Андрей Афонасьев сын Некрасов приплыл в Якуцк в 718-м году з запасом оброку платит рубль стоит на подворье у посадного Семена Мендина.

266. Тобольского города Федор Борисов сын Еланцов сказал девятнатцати лет приплыл в Якуцк с Офонасьем Шестаковым стоит на подворье у вдовы Марфы Ивановой робит на каштаке оброку на нем никокова нет (Л. 43 об.).

267. Киренского житель Троитцкого монастыря вкладчик Емельян Тимофеев сын Котельников а живет он на каштаке в работе приплыл в Якуцк в 719-м году к брату для свидания.

268. Томского города сын боярской Федор Михайлов сын Гуторов в Якуцк приплыл в 716-м году к брату для свидания а живет на подворье у вдовы Матрены Леонтьевы дочери Софонихи.

.

Приказные
полаты подьячие.

269. Во дворе приказные полаты подьячей Данила Васильев сын… дети ево Федор дватцати шести лет в службе Максим дватцати четырех лет в службе же Федот дватцати лет в службе же .

270. Во дворе приказные полаты подьячей Иван Иванов сын Лягунов (Л.44) …подворник ево служивой Яков Козьмин сын Гробов.

271. Во дворе подьячей Григорей Иванов сын Потапов.

272. Во дворе подьячей Дмитрей Семенов сын Босиков… сын ево Михайло тритцати дву лет в службе (Л. 44 об.).

273. Во дворе подьячей Володимер Иванов сын Татаринов.

274. Во дворе бывшей надзиратель Михайло Игнатьев сын Шапошников родом устюженин… у него ж живет на подворье служивой Стефан Божедомов дватцати пяти лет.

275. Во дворе площадной пищик Борис Иванов сын Феоктистов… у него ж живет на подворье служивой Семен Дмитреев сын Грозных сорока лет по скаске (Л. 45) жены ево ан послан по хлебные припасы.

276. Приказные полаты подьячей Иван Ильин сын Глазунов.

277. Приказные полаты подьячей Афонасей Иванов сын Романов.

278. Отставной приказные полаты подьячей Федор Григорьев сын (Л. 45 об.).

279. Во дворе сына боярского Василья Сытина живет приказныя полаты подьячей Федор Афанасьев сын Стефанов.

280. Во дворе сына боярского Тихона Сергеева сына Шапошникова живут на подворье москвич Дмитрей Михайлов сын Собакин сказал дватцати пяти лет Иркутского города сын боярской Матфей Иванов сын Новограбленой девятнатцати лет москвич Андрей Фадеев сын Воинов пятидесяти шести лет да набору Афанасья Шестакова служивой Иван Наумов сын Шалудяков дватцати лет а он Тихон послан верх на заимки в 718-м году.

281. Тобольского города присыльной Семен Федоров сын Шужевской Л. 46. [пропущен] (Л. 46 об.).

284. Отставной служивой Софрон Давыдов сын… дети ево Михайло тритцети лет в службе послан Великого государя на службу в Удцкой острог в 718-м году Гаврило дватцети лет в службе у него ж живет отставной служивой Афонасей Иванов сын Ермолин семидесяти дву лет.

285. Во дворе отставного служивого человека Никиты Иванова сына Мухоплева живет служивой Никифор Горбунов Барабанщик… в том же дворе живет отставной служивой Осип Стефанов сын Кривогорницын пятидесяти лет (Л. 47).

286. Во дворе отставной служивой Иван Иванов сын Сухов… дети ево Яков дватцати дву лет Великого государя на службу послан в 719-м году.

287. Во дворе отставной служилой Гаврило Афонасьев сын Вострецов (Л. 47 об.).

288. В юрте Любим Васильев сын Челбонов.

289. Во дворе отставной служивой Яков Наумов сын… в том же дворе подворники служилые Дмитрей Иванов сын Рысев тритцети лет Петр Оксенов сын Шмонин шестидесяти семи лет… брат Петров служивой Ларион Оксенов Шмонин пятидесяти трех лет.

290. Во дворе отставной служилой Максим Богданов… сын ево Петр дватцети шти лет в службе послан на службу на Ламу в 717-м году (Л.48).

291. Во дворе отставной служилой Конан Брянской.

292. Во дворе служилой отставной Гаврило Фарапонтов… дети ево Петр тритцати лет послан на службу в Жиганское зимовье в 718-м году.

293. Во дворе Алексей Иванов сын Борисов и он послан на службу на Усть Яну и по скаски матери ево Феклы он Алексей двадцети дву лет… в том же дворе живет зять ево служилой Федор Иванов сын Котельников тритцети семи лет и он послан на службу Верховилюйское зимовье в 719-м году (Л. 48 об.).

294. Во дворе служивой Дмитрей Федоров сын Астраханцов и он по скаске матери ево Маланьи сороку лет и он на службе в среднем Вилюйском… в том же дворе отставной служивой Прокопей Васильев сын.

295. Во дворе служивой Иван Петров сын Калинкин… да брат ево Леонтей восмнатцети лет и он Леонтей Великого государя на службу послан в 718-м году в Оходцской острог.

296. Во дворе вдовы Настасьи Яковлевой живет служивого человека Кондратья Карпова жена ево Василиса Яковлева сказала мужу ея Кондратью сорок лет и он пос… (Л. 49) …лан Великого государя на службу в 718-м году в Оходцской острог.

297. Во дворе служилой человек Иван Михайлов сын Кузнецов и он Иван послан Великого государя на службу в 718-м году в Удцкой острог а по скаске матери ево он Иван дватцети трех лет Брат ево Василей деветнатцети лет послан на службу в 719-м году к зимовейному строению на Алдан в том же дворе живет служивой человек Федор Алексеев… в том же дворе живет пашенного сын Прокопей Никитин… да подворники служивые набору Якова Ельчина Лаврентей Поляков дваците семи лет Афонасей Булатов портной тритцети лет Анисим Казанов дватцети девяти лет .

298. Двор вдовы Парасковьи Фроловой и живет в дому ея на подворье служивой Иван Максимов сын Будрин и по скаске жены ево он Иван тритцети лет и он послан Великого государя на службу на Шадмар в 718-м году… у нее ж живет на подворье служивой набору Якова Ельчина Осип Ларионов сын Туголков тритцети лет.

299. Во дворе служилой Яков Григорьев сын Бормотов… брат ево Алексей семнатцети лет в службе ж Кузьма дватцети семи лет и он послан Великого государя на службу в Анадырской острог в 717-м году у него ж живет отставного казачья жена сказала муж де ея Иван Дунаев тритцети лет и он Иван скорбел сошел в среднее Вилюйское зимовье в 718-м году у него ж Якова живет казачья жена Ерасима Семенова сына сказала муж де ея Ярасим сороки лет и он послан Великого государя на службу в Чаринское зимовье в 719 -м году.

300. Во дворе служивой Матвей Давыдов сын Аргунов (Л. 50).

301. Во дворе вдовы Марфы Ярасимовой живет на подворье служилой Егор Ларионов сын Хвостов.

302. Во дворе вдовы Анны Матвеевой живет на подворье служивой Егор Петров сын Таратин набору Афонасья Шестакова сказал дватцети дву лет.

303. Во дворе вдовы Агрипины Тимофеевой живут на подворье служивые люди кунгурец Остафей Леонтьев сын Хлебалов сказал дватцети лет (Л. 50 об.) Тобольского города Борис Максимов сын Суханов и тех же лет устюженин Осип Захаров сын Ерков дватцети ж лет Архангельского города Григорей Романов сын Морехов пятидесяти пяти лет а посланы они ис Тобольска для Камчатцкой службы в 717-м году да у ней же живет Тобольского города служивой Василей Иванов сын Рогозинников тридцети шти лет.

304. Во дворе служилой Иван Алексеев.

305. Во дворе казачей сын Василей Логинов и Чарошников он же (Л.51).

306. Во дворе казачей сын Стефан Лукин.

307. Во дворе вдовы Стефониды живут Киренского монастыря вкладчик Дмитрей Ти-

мофеев сын Котельников тритцети четырех лет.

308. В юрте служивой Иван Катканов сказал дватцети лет и он послан на службу Великого государя в Верховилюйское зимовье в 719-м году… брат ево Федосей семнатцети лет в службе… пасынок Лука тритцети четырех лет и он Лука послан Великого государя на службу в прошлых годех… у них же живет служивой Михайло Сосулин дватцети лет (Л. 51 об.).

309. Во дворе служивой Перфилей Евсевьев.

310. Двор сын боярского Григорья Жданова и он Григорей послан на службу Великого государя в Анадырской острог в 719-м году.

311. Во дворе вдовы Офилии Васильевых живет на подворье казак Федор Соболев и он Федор послан Великого государя в прошлом 718-м году… у него ж живет служивой Василей Иванов сын Порнягин.

312. Во дворе служивой Алексей Федоров сын Мешков двat (Л. 52) цети дву лет брат ево Михайло тритцети дву лет в службе по скаске матери их посланы Великого на службу на Камчатку в 716-м году… да в том же дворе живет зять их Григорей Уваров и он Григорей послан на службу на Камчатку а по скаске жены ево ему Григорью дватцеть шесть лет.

313. Во дворе вдовы Марьи Прокопьевой живет служивой Василей Михайлов сын Скоропостижной плотник сорока лет да в том же дворе живут присыльной тобольской Михайло Полозов.

314. Во дворе вдовы Марьи Кириловой живет на подворье служивой Алексей Федоров сын Нялбин и он Алексей послан Великого государя на службу на Камчатку в 718-м году а по скаске матери ево ему Алексею восмнатцеть лет (Л. 52 об.).

315. Во дворе вдовы Евдокеи Федоровой… у нее ж живет присыльной Тобольского города Прокопей Мезенцов.

316. Во дворе служивой Михайло Левонтьев сын Шыпунов… в том же дворе живут служивой Иван Томской и он послан Великого государя на службу в Оходцкой острог а по скаске жены ево ему Ивану тритцеть лет… да у него ж живет служивой Карп Лузин.

317. Во дворе служивой Алексей Михайлов сын Мокрошубов (Л. 53).

318. В юрте вдовы Василисы Самойловой живет служивой Алексей Корморников и он послан Великого государя на службу на Уд в прошлых годех а по скаске жены ево ему Алексею дватцеть шесть лет… у нее ж живет присыльной московской уроженец Михайло Иванов сын Соколов шестидесяти пяти лет.

319. Двор служилово Стефана Борисова сына Кулаковского и он Стефан послан на службу Великого государя по запас в 719-м году.

320. Двор вдовы Евдокии Кузьминой дочери живет на подворье служивой Афонасей Кирилов сын Пестряков и он (Л. 53 об.) Афонасей послан Великого государя на службу на Камчатку в 717-м году а по скаске жены ево ему Афанасью дватцеть шесть лет.

321. Во дворе вдовы Феклы Григорьевой дочери живет на подворье отставной казак Петр Алексеев сын Дериглазов… дети ево Петр дватцети лет в службе и он послан на службу Великого государя на Ламу в 718-м году.

322. Во дворе служивой Михайло Алексеев сын (Л. 54)… подворник ево служивой Илья Тимофеев сын Божедомов сорока пяти лет.

323. Во дворе служилой Яков Иванов сын Каргин… брат ево Андрей семнатцети лет в службе и он Андрей послан Великого государя на службу в 717-м году у него ж живет на подворье служивой Петр Потапов и он Петр послан на службу Великого государя на Камчатку в 718-м году а по скаске матери ево он Петр тритцети лет… в том же дворе живут присыльные Тобольского города Семен Прокопьев сын Шаршаных сороки трех лет Василей Михайлов сын сороки лет братья ево Семен тритцети пяти лет сын Андрей четырех лет а Семен и Василей посланы на службу Великого государя на Алдан в 719-м году (Л. 54 об.).

324. Во дворе вдовы Матрены Юрьевой дочери живут на подворье служилые набору Якова Ельчина Иван Иванов сын Буйновых дватцети пяти лет Яков Борцов тритцети лет Иван Сергеев сын Калининых дватцети семи лет.

325. Во дворе служивой Осип Гаврилов сын Верхотуров… да у него ж живет служилой Афонасей Ураков и он Афонасей послан на службу Великого государя на Ковыму в 719-м году а по скаске жены ево ему Афонасью шестьдесят лет (Л. 55).

326. Во дворе вдовы Анны Михайловы дочери живут на подворье служивые набору Якова Ельчина Иван Иванов сын Кузнецов сороки пяти лет Никита Игнатьев сын Игашевских сороки лет Семен Федоров сын Сабуров тритцати лет Ярасим Ярасимов сын Баклаиншин дватцети пяти лет Василей Семенов сын Бережных

дватцети шти лет Кирило Филипов сын Серебреников тритцети дву лет Михайло Никитин сын Ерш сороки лет.

327. Двор служилого Стефана Иванова сына Сорокоумова и он Стефан послан на службу Великого государя в Жиганы в 719-м году а по скаске матери ево ему дватцати девяти лет (Л. 55 об.).

328. Во дворе служивой Иван Никифоров сын Гусельников… в том же дворе живет служилой Григорей Мелетиев и он Григорей послан Великого государя на службу на Вилюй в 719 -м году а по скаске жены ево ему Григорью тритцеть семь лет.

329. Во дворе вдовы Евдокеи Федоровой… Прокофей Фомин сын Третьяков и он Прокофей послан Великого государя на службу на Камчатку в 719-году а по скаске жены ево ему Прокопью трицеть лет (Л. 56).

330. В юрте служивой Яков Тимофеев сын Кривого.

331. Во дворе служивого Василья Михайлова сына Говорова живет служивого Василья Стефанова сына Полуехтова жена ево Ирина сказала муж де Василей пятидесяти лет и он послан Великого государя на службу на Камчатку а Василей Говоров послан на службу Верховилюйское зимовье .

332. Во дворе служилово Михайла Осипова сына Портнягина живет служивой Василей Андреев сын Орлов… а Михайло послан Великого государя на службу в Жиганы в 717-м году (Л. 56 об.).

333. Во дворе Тихона Иванова сына Рогалева живут присланные Тобольскаго города Василей Клементьев сын Бобровых.

334. В юрте служилово Алексея Талалаева и он Алексей послан Великого государя на службу верх по запас в прошлых годех.

335. Во дворе умершаго Алексея Горпуна живут присланыя Тобольского города Семен Федоров сын Белоногов.

336. Во дворе служилово Якова Ильина сына Фролова живет служивой Федор Ларионов сын Калмаков и он Федор послан Великого государя на службу на Вилюй а по скаске жены ево ему Федору пятьдесят лет (Л. 57).

337. Юрта служилово Андрея Саранчина сына Серебренина а он послан Великого государя на службу верх по запас в 719-м году а по скаске жены ево ему Андрею сорок лет.

338. Двор служилово Тимофея Данилова сына Воробьева и он Тимофей послан Великого государя на службу в Онадырской острог в 716-м году а по скаске жены ево ему Тимофею трицеть пять лет… в том же дворе жевит служилой Петр Калинин и он послан Великого государя на службу в Удцкой острог в 718-м году а по скаске жены ево ему Петру трицеть лет.

339. Во дворе сына боярского Ефима Иванонова сына Мухоплева дивет служивой человек Иван Савин сын Онтросов… а Ефим послан Великого государя на службу в Устьянское зимовье (Л. 57 об.).

340. В юрте индей Андрей Михайлов сын.

341. Во дворе… Стефан Андреев сын.

342. Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые Андрей Никифоров сын Марамыгин двацети семи лет Иван Терентьев сын Панов двацети шести лет Иван Петров сын Удалов двацети семи лет Агафон Михайлов сын Баландин сорока лет.

343. Во дворе служивой Яков Олферов сын Сыромятников (Л. 58).

344. В юрте новокрещен Прокофей Михайлов сын… в той же юрте живет служивой Мосей Иванов сын Зорин и он Мосей послан Великого государя на службу в Оходцой острог а по скаске матери ево ему Мосею дваццеть лет.

345. Во дворе нишей Павел Никитин сын Свешников… в том же дворе живет присыльной московской уроженец Софрон Васильев сын Добряшиных.

346. Во дворе служивой Иван Володимеров сын… в том же дворе живет служивой Семен Аврамов сын Рыпачев (Л. 58 об.).

347. Во дворе новокрещен Андрей Иванов сын… в том же дворе живет служивой Иван Васильев сын Старцов и он Иван послан Великого государя на службу на Алдан для строенья зимовей а по скаске жены ево ему Ивану дваццеть лет.

348. Во дворе в юрте подьячева Данилы Васильева живет служивой Андрей Лукин сын Рыхлецов.

349. Во дворе служивой Тихон Иванов сын Новиков… у нево же на подворье служивой Иван Черных сказал восьмидесети лет (Л.59).

350. Двор служилово Стефана Екимова сына Вологодина живут на подворье приказные полаты подьячие Егор Павлов сын Путилов… да подьячей же Дмитрей Никитин сын Волков… в том же дворе живет Тобольского города присыльной Федор Иванов и он Федор послан для строенья зимовей на Алдан.

351. Служивой Афонасья Шестакова набору Стефан Иванов сын Рашков сказал трицети лет и стоит на подворье у посадцкого Осипа Чирка.

352. Во дворе отставного казака Дмитрея Левонтьева сына Скоробогатова живет слу-

живой Михайло Васильев сын Захаров в том же дворе живет служивой Филип Карпов сын… а он Дмитрей живет на Вилюе в среднем для покормленья (Л. 59 об.).

353. Служивой Иван Васильев сын Дасаев.

354. Служивой Илья Гаврилов сын.

355. служивой Афонасей Климов сын Троитцкой.

356. В юрте вдовы новокрещеного Прокопья Исакова живет казачей сын Андрей Левонтьев сын Шестаков сказал семи лет о вышеписанной души и о лете взята сказка по опасением казни за ево рукою у прежней переписи (Л. 60).

357. Служивой Тимофей Михайлов сын Белобородовых.

358. Служивой Афонасья Шестакова набору Тимофей Федоров сын Жук сказал сорока шести лет.

359. Служивой набору Афонасья Шестакова Гаврила Артемьев сын Ярковцов сказал сорока лет.

360. Служилой набору Якова Ельчина Данила Офонасьев сын Мельников сказал сорока лет (Л. 60 об.).

361. Служивой Яков Федоров сын Седанко… а живет он Яков у служивого Стефана Сорокоумова.

362. Двор служилово Алексея Иванова сына Удорина а живет посадной Иван Дорофеев сын Новогородов.

363. Служивой набору Афонасья Шестакова Федор Иванов сын Горбоцкой сказал трицети лет.

364. Посадной Иван Захаров сын.

365. Арханелогороцкой губернии Иван Семенов сын Каргаполов сказал пятидесяти пяти лет в Якуцком послан для (Л.61) строенья судов.

366. Служивой набору Якова Ельчина Енисейского города Игнатей Федоров сын Старадубов сказал двацети дву лет.

367. Служивой тово ж набору Енисейского города Андрей Черепанов сказал трицати лет.

368. Служивой тово ж набору кунгурец Афонасей Степанов сын Амосовых сказал тритцети лет.

369. Служивой тово ж набору устюженин Еремей Сидоров сын Коробов сказал трицети шести лет.

370. Служивой тово ж набору устюженин Иван Афонасьев сын Островской сказал трицети лет (Л. 61 об.).

371. Служивой тово ж набору Иркуцкого города житель Карп Иванов сын Полубинцов сказал трицети лет а живет на подворье у Василья Татаринова.

372. Служивой тово ж набору важенин Артемей Никифоров сын Попов сказал сорока лет.

373. Служивой набору Якова Ельчина Иван Стефанов сын Лазаревых сказал двацети пяти лет живет на подворье у сын боярского Осипа Ушницкова.

374. Служивой Иван Варламов сын Харитоновых сказал двацати лет а живет у служилова ж Тимофея Аргуно[ва].

375. Служивой набору Афонасья Шестакова Яков Иванов сын Чюпров сказал трицети пяти лет живет у камисара Григорья Кандакова.

376. Служивой набору тово ж Петр Кузьмин сын Заусаев сказал трицети шести лет а живет у камисара Григорья Кандакова.

377. Отставной служивой набору тово ж Алексей Иванов сын Соболев сказал сорока пяти лет .

378. В юрте служивой Федор Андреев сын Абламской сказал трицети семи лет (Л. 62.) Якутцкого ж города дворяне и дети боярские и всякаго чина люди посланы были из Якутцка Великого государя по службам в прошлом 719 м году у переписки не были а в нынешнем 720-м году ис посылок в Якутцком явились.

Дворяне

379. Ефим Петров.

380. Алексей Михайлов сын Ушнитцкой… у него брат Осип пятидесяти лет служит в детях боярских и он послан на службу в Жиганское зимовье в 719-м году (Л. 62 об.).

Дети боярские

381. Василей Дементьянов сын Сытин… пасынки Конан Андреев сын Чириков дватцети лет служит в пятидесятниках Егор оснатцети лет служит в конных казаках.

382. Андрей Иванов сын Кычкин… у него ж в доме живет пятидесятник казачей Михайло Шехурдин тритцети трех лет (Л. 63).

383. Сын боярской Яков сын Протасов восьмидесяти лет а стоит на подворье у сына боярского Андрея Кычкина.

384. Сын боярской Илья Кононов сын Шеломовской.

385. Сын боярской Алексей Васильев сын Карташев… а стоит на подворье у посадцкого Осипа Чирка.

386. Сын боярской Григорей Григорьев сын Кобеков а жена и дети ево в Тобольском (Л. 63 об.).

387. Служивой Стефан Екимов сын Вологдин.

388. Служивой Лука Садников… стоит на подворье у сын боярского Петра Шадрина.

389. Служивой Аверкий Чепалов (Л. 64).

390. Служивой Яков Васильев сын Соболев… а стоит на подворье у отставного казака Ивана Сухова.

391. Служивой Харитон Яковлев сын Колычев.

392. Отставной казак Алексей Иванов сын Куржега.

393. Служивой Афонасья Шестакова набору Тимофей Сорокин сказал тритцети лет (Л. 64 об.).

394. Служивой Павел Дмитреев сын Аруев.

395. Служивой Якова Ельчина набору Спиридон Ярасимов сын Нечаев сказал пятидесяти лет.

396.Служивой Стефан Мосеев сын Самсыгин сказал сороки пяти лет.

397. Служивой Петр Онкудинов сын Заозерской сказал сороки лет а стоит на подворье у вдовы Огафьи Тимофеевой дочери Малышихи (Л. 65).

398. Служивой Макар Сергеев сын сказал тритцети лет стоит на подворье у посадного Кузьмы Пахомова.

399. Служивой Андрей Володимеров сын сказал сороки лет стоит на подворье у вдовы Варвары Алексеевы.

400. Служивой Иван Онкудинов сын сказал тритцети лет а стоит на подворье у вдовы Огавьи Тимофеевы дочери Малышихи.

401. Служивой Василей Осипов сын Чюмаков сказал сороки лет а стоит на подворье у посадного Кузьмы Пахомова (Л. 65 об.).

402. Служивой Андрей Стефанов сын Петухов сказал сороки лет а стоит на подворье у Ильи Фролова.

403. Служивой Иван Зиновьев сын Старков сказал тритцети лет.

404. Служивой Алексей Григорьев сын Атаманов сказал сороки лет а стоит на подворье у Федора Перфильева.

405. Двор служивого Михайла Сергеева сына Брусенина а (Л. 66) он Михайло сказал себе сороки шти лет.

406. Во дворе ж ево Михайла Брусенина салдатцкого баталиону писарь Алексей Николаев сын Греков сказал сороки восьми лет.

407. Служивой Егор Оникин сын Курлаков сказал сороки лет а стоит на подворье у подьячева Володимера Татаринова.

408. Пятидесятник Марко Иванов сын Москвин сказал шестьдесят с годом а стоит на подворье у сын боярского Ивана Яковлева Паранчина (Л. 66 об.).

409. Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Григорьев сын Сатков сказал сороки семи лет а стоит на подворье городничева Петра Окатьева.

410. Служивой ево ж Афонасья набору Семен Калинин сын Момотов сказал сороки лет холост.

411. Служивой ево ж Афонасья набору Стефан Яковлев сын Курсков сказал сороки лет холост.

412. Служивой ево ж Афонасья набору Иван Ондронов сын Протасов холост сказал сороки пяти лет (Л. 67).

413. Служивой ево ж Афонасья набору Иван Дмитреев сын Мышкин сказал сказал сороки лет.

414. Служивой ево ж Афонасья набору Федосей Игнатьев сын Нестеров сказал пятидесяти лет холост.

415. Служивой ево ж Афонасья набору Алексей Борисов сын Томиловых сказал сороки лет.

416. Служивой ево ж Афонасья набору Семен Иванов сын Губинских (Л. 67 об.) сказал пятидесяти пяти лет.

417. Служивой ево ж Афонасья набору Микита Михайлов сын Телугов сказал сороки пяти лет холост.

418. Служивой ево ж Афонасья набору Фадей Елфимов сын Рыбьяков сказал тритцети лет.

419. Служивой ево ж Афонасья набору Трифон Иванов сын Донов сказал тритцети восьми лет (Л. 68).

420. Служивой ево ж Афонасья набору Иван Михайлов сын Украинцов сказал сороки лет холост.

421. Служивой ево ж Афонасья набору Илья Ильин сын Завьяловых сказал сороки пяти лет холост.

422. Служивой ево ж Афонасья набору Григорей Васильев сын Тюшевых холост сказал сороки дву лет.

423. Служивой ево ж Афонасья набору Тихон Фомин сын Сапожниковых сказал тритцети лет холост (Л. 68 об.).

424. Служивой Алексей Мелетиев сын Голой сказал шестьдесяти семи лет холост.

425. Служивой Михайло Михайлов сын Шербакиных сказал пятидесяти лет холост.

426. Служивой Осип Максимов сын Мохнаткин сказал деветнатцети лет холост (Л. 69).

427. Служивой Иван Яковлев сын Беляев сказал сороки пяти лет холост стоит на подворье у Федора Перфильева.

428. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Иванов сын Микулаевых сказал тритцети шти лет холост живет в караулке.

429. Служивой ево ж Афонасья набору Осип Федоров сын Перевалов сказал пятидесяти лет.

430. Служивой Иван Иванов сын Клувских сказал шестьдесят с годом (Л. 69 об.).

431. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Иванов сын Козивановых сказал дватцети восьми лет холост.

432. Служивой ево ж Афонасья набору Тимофей Иванов сын Мыльников сказал сороки семи лет.

433. Служивой Осип Васильев сын Попков сказал дватцети лет холост (Л. 70).

434. Служивой Никита Матвеев сын Барков сказал дватцети девяти лет холост.

435. Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Прохоров сын Горбовских сказал дватцети трех лет холост.

436. Служивой ево ж Афонасья набору Федор Данилов сын Горбовских сказал дватцети трех лет холост.

437. Служивой Иван Стефанов сын Нижегородов сказал сороки семи лет (Л. 70 об.).

438.Служивой Афонасья Шестакова набору Кузьма Григорьев сын Харчевников сказал семидесяти лет.

439. Служивой Андрей Васильев сын Овечкин сказал сороки дву лет холост.

440. Служивой Афонасья Шестакова набору Тимофей Васильев сын Бармин сказал дватцети шти лет а стоит на подворье у Жеребца.

441. Служивой Семен Перфильев сын Уских сказал пятидесяти пяти лет холост (Л. 71).

442. Служивой Афонасья Шестакова набору Микита Петров сын Перевалов сказал сороки пяти лет холост.

443. Служивой ево ж Афонасья набору Филип Михайлов сын Засоров сказал сороки лет холост.

444. Служивой ево ж Афонасья набору Андрей Прокопьев сын Бешеной сказал дватцети пяти лет холост (Л. 71 об.).

445. Служивой ево ж Афонасья набору Савелей Иванов сын Сосновских сказал тритцети пяти лет холост.

446. Служивой Михайло Григорьев сын Краснояров сказал восьмнатцети лет холост.

447. Служивой Петр Иванов сын Кудриных сказал деветнатцети лет холост.

448. Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Костянтинов сын Онисимовых сказал дватцети пяти лет холост (Л. 72).

449. Служивой Костянтин Агафонов сын Турбин сказал дватцети дву лет брат ево Федор тритцети лет.

450. Служивой Ульян Федосеев сын Мутиных сказал тритцети лет холост.

451. Служивой Василей Дмитреев сын Казанцов сказал тритцети лет (Л. 72 об.).

452. Служивой Афонасья Шестакова набору Ларион Митрофанов сын Елисеевых сказал дватцети лет холост.

453. Служивой Федор Петров сын Лобашнов сказал сороки восьми лет.

454. Служивой Афонасья Шестакова набору Филип Кирилов сын Локшиных сказал дватцети трех лет холост (Л. 73).

455. Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Иванов сын Кузнец сказал сороки лет.

456. Служивой Якова Ельчина набору Семен Яковлев сын Арсеньевых сказал дватцети лет.

457. Служивой новокрещен Василей Борисов сын Шаньгин сказал сороки лет.

458. Служивой Афонасья Шестакова набору Потап Стефанов сын Жеребцов сказал штидесяти лет (Л. 73 об.).

459. Служивой Прокопей Васильев сын Котельников сказал дватцети лет.

460. Служивой Лука Иванов сын Краснопольской сказал штидесяти лет.

461. Служивой Афонасья Шестакова набору Андрей Левонтьев сын Павневых сказал дватцети восьми лет холост (Л. 74).

462. Служивой Афонасья Шестакова набору Михей Иванов сын Колмогоров сказал сороки пяти лет.

463. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Терентьев сын Попов сказал дватцети трех лет холост.

464. Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Макаров сын Разманов сказал дватцети пяти лет (Л. 74 об.).

465. Служивой Алексей Савельев сын Малышев сказал дватцети четырех лет холост.

466. Служивой Никита Иванов сын Новиков сказал пятидесяти трех лет.

467. Служивой Карп Онтонов сын Глушков сказал восемидесяти лет холост.

468. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Васильев сын Волынкин сказал дватцети пяти лет (Л. 75).

469. Служивой Афонасья Шестакова набору Дмитрей Мартынов сын Зырянов сказал дватцети шти лет холост.

470. Служивой Ярасим Семенов сын Осиповых сказал семидесяти лет.

471. Служивой Матфей Данилов сын Мотовых сказал сказал пятидесяти трех лет холост.

472. Служивой Леонтей Савельев сын Козочка сказал пятидесяти семи лет (Л. 75 об.).

473. Служивой Федор Гаврилов сын Кокоревых сказал тритцети пяти лет холост.

474. Служивой Василей Онкудинов сын Назаровых сказал сороки пяти лет холост.

475. Служивой Сидор Федоров сын сказал сороки восьми лет холост.

476. Служивой Афонасей Кузьмин сын Шелудяков ска-

зал тритцети четырех лет холост (Л. 76).

477. Служивой Яков Максимов сын Ярославцов сказал семидесяти лет вдов стоит на подворье у Василья Рыбникова.

478. Служивой Иван Андреев сын Гусев сказал сороки лет холост.

479. Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Панфилов сын сказал сороки пяти лет жена и дети ево в Енисейску (Л. 76 об.).

480. Служивой ево ж Афонасья набору Алексей Васильев сын Сукневых сказал сорок з годом холост.

481. Служивой Петр Федотов сын Ерков сказал тритцети лет холост.

482. Служивой ево ж Афонасья набору Иван Яковлев сын Несмеянов сказал дватцети лет холост.

483. Служивой ево ж Афонасья набору Обросим Петров сын (Л. 77) Базанов сказал сороки четырех лет холост.

484. Служивой Иван Микитин сын Ленской сказал пятидесяти лет живет в манастыре холост.

485. Служивой Стефан Федоров сын Заплетаев сказал семидесяти лет вдов.

486. Служивой Левонтей Васильев сын Воронов сказал сороки трех лет холост (Л. 77 об.).

487. Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Фирсов сын Москвин сказал сороки лет.

488. Служивой Дмитрей Иванов сын Попов сказал тритцети лет холост.

489. Служивой Петр Никифоров сын Валахонов сказал тритцети лет холост (Л. 78).

490. Служивой Афонасья Шестакова набору Ларивон Петров сын Бурнашев сказал тритцети лет холост.

491. Служивой ево ж Афонасья набору Михайло Яковлев сын Сапожников сказал тритцети лет холост.

492. Служивой ево ж Афонасья набору Алексей Иванов сын Халевич сказал сороки лет холост (Л. 78 об.).

493. Служивой Якоква Ельчина набору Иван Стефанов сын Стайсупов сказал дватцети пяти лет.

494. Служивой Афонасья Шестакова набору Прокопей Васильев сын Соболев сказал тритцети з годом.

495. Служивой Петр Тимофеев сын Чертев сказал сороки пяти лет холост.

496. Служивой Назар Семенов сын Говнев сказал дватцети восьми лет (Л. 79).

497. Служивой Афонасья Шестакова набору Прокопей Герасимов сын Турчанинов сказал сороки девяти лет.

498. Служивой ево ж Афонасья набору Данило Моисеев сын Макушиных сказал дватцети лет холост.

499. Служивой Дмитрей Васильев сын Писарев сказал сороки лет (Л. 79 об.).

500. Служивой Давыд Володимеров сын Жиряков сказал пятьдесят з годом холост.

501. Служивой Семен Ларионов сын Паутов сказал сороки дву лет холост.

502. Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Афонасьев сын Матвеевых сказал дватцети шти лет холост (Л. 80).

503. Служивой ево ж Афонасья набору Филип Осипов сын Давыдовых сказал дватцети шти лет холост.

504. Служивой Иван Афонасьев сын Усолец сказал тритцети лет холост.

505. Служивой Федор Иванов сын Короткой сказал тритцети пяти лет холост.

506. Служивой Василей Омельянов сын Караулов сказал тритцети семи лет (Л. 80 об.).

507. Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Иванов сын Бушмакин сказал тритцети семи лет.

508. Служивой ево ж набору Петр Сергеев сын Комаров сказал сороки з годом холост.

509. Служивой Якова Ельчина набору Григорей Сергеев сын Холопов сказал тритцети лет (Л. 81).

510. Служивой Афонасей Алексеев сын Куржагин сказал тритцети лет холост.

511. Служивой Иван Тимофеев сын Всесвятцкой сказал пятидесяти пяти лет холост.

512. Служивой Данило Дементьев сын сказал сороки трех лет холост.

513. Служивой Афонасья Шестакова набору Логин Алексеев сын Поповых сказал дватцети пяти лет холост (Л. 81 об.).

514. Служивой Афонасей Исаков сын Чабчиковых сказал тритцети пяти лет.

515. Служивой Тимофей Михайлов сын Сирянин сказал тритцети семи лет холост.

516. Служивой Степан Исаков сын Стежков сказал семидесяти лет вдов сын ево Иван дватцети семи лет в службе (Л. 82).

517. Служивой Петр Алексеев сын Атаманов сказал сороки лет холост.

518.Служивой Максим Тихонов сын Шапошников сказал дватцети лет холост.

519.Служивой Якова Ельчина набору Матвей Сергеев сын Шевелев сказал тритцети девяти лет а жена и дети ево в Иркутцком стоит на подворье у Голечихи.

520.Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Ле-

вонтьев сын Криволутцкой сказал тритцети лет холост (Л. 82 об.).

521. Служивой Григорей Павлов сын Роздуев сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье у вдовы Лосихина.

522. Сын боярского сын Иван Петров сын Бузин сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье у Якова Бормотова неверстан.

523. Служивой Афонасья Шестакова набору Осиф Кузьмин сын Соловьев сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье на съезжем дворе у Пушкина (Л. 83).

524. Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Мосеев сын Пермяков сказал тритцети четырех лет холост стоит на подворье у Семена Луковцова.

525. Служивой ево ж Афонасья набору Афонасей Васильев сын Острогин сказал сороки шти лет холост стоит на подворье у служивого ж Стефана Енисейского.

526. Служивой Микифор Иванов сын Полетаев сказал сороки четырех лет холост стоит на подворье у Семена Черепанова (Л. 83 об.).

527. Служивой Петр Григорьев сын Бобров сказал тритцети семи лет холост стоит на подворье у священного протопопа Михайла Данилова.

528. Служивой Иван Петров сын Трифанов сказал тритцети восьми лет.

529. Служивой Григорей Григорьев сын Фокин сказал сороки (Л. 84) пяти лет холост стоит на подворье у Семена Черепанова.

530. Служивой Иван Федотов сын Шибаев сказал тритцети лет холост стоит на подворье в дощанике на Боярском звозе.

531. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Тимофеев сын Казанец сказал пятидесяти лет вдов (Л. 84 об.).

532. Служивой Иван Михайлов сын Третьяков сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье у Ивана Катасонова.

533. Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Стефанов сын Пятков сказал сороки лет.

534. Двор дворянина Андрея Амосова сын ево сын боярской Федот сказал отец де ево Указом взят в Санпитербурх… а он Федот дватцети восьми лет (Л. 85).

535. Двор дворянина Стефана Иванова сына Трифонова а он Стефан послан на службу Великого государя в Анадырской в 716 м году жена ево Марья Михайлова дочь сказала муж ее пятидесяти лет (Л. 85 об.).

536. Дворянин Яков Григорьев сын Махначевской сказал пятидесяти пяти лет.

537. Служивой Афонасья Шестакова набору Андрей Иванов сын Протопопов сказал дватцети трех лет холост.

538. Служивой Федор Иванов сын Мокрошубов сказал тритцети шти лет стоит на подворье у племянника своего Алексея Мокрошубова (Л. 86).

539. Служивой Яков Михайлов сын Третьяков сказал дватцети з годом холост.

540. Служивой Иван Федоров сын Боярской сказал сороки лет холост жена и дети ево в Тобольском.

541. Служивой Афонасья Шестакова набору Алексей Михайлов сын Якутов сказал тритцети лет холост (Л. 86 об.).

542. Служивой Дмитрей Михайлов сын Барабанской сказал сороки четырех лет .

543. Служивой Григорей Иванов сын сказал восьмидесяти лет.

544. Служивой Федор Васильев сын Котковской сказал пятидесяти восьми лет (Л. 87).

545. Служивой Федор Ермолаев сын Татаринов сказал тритцети лет холост.

546. Служивой Иван Тимофеев сын Блохин сказал пятидесяти лет

ЧАСТЬ 2. НЕРЧИНСК, ГОД 1721

Когда историки говорят о том, что русские мореходы только в 1716 году начали освоение Охотского моря, построив лодию «Восток» (или, по другим сведениям, «Святое Ламское море») и совершив морской переход на Камчатку, то это совершенно не верно: начиная с 1639 года, когда томские казаки во главе с Иваном Москвитиным вышли к берегам Тихого океана, начинается освоение Охотского моря казаками-мореходами. В этот период уже идет активное освоение морей Северного Ледовитого океана (читайте книги Михаила Белова). Задолго до 1716 года русские мореходы добираются до Камчатки — и со стороны Охотского моря, и со стороны Тихого океана (о чем мы рассказываем в своем месте).

С 1716 года начинается регулярное морское сообщение Охотск — Большерецк. А впоследствии, с 1728 года, и Большерецк-Нижнекамчатск. И это безусловно было очень важным событием. Вот, что писал по этому поводу А.С. Сгибнев:

«Между тем трудность сообщения Якутска с Камчаткою чрез Анадырск заставила местное начальство искать туда морского пути из Охотска. После нескольких бесполезных попыток удалось наконец в 1716 г. мореходу Треске с казаком Соколовым пройти на лодии из Охотска к камчатскому берегу (на лодии «Восток» Н.М. Треска и К. Соколов открыли морской путь вдоль берега из Охотска на Камчатку. В 1718–1719 гг. Треска входил в состав экспедиции, организованной М. П. Гагариным по указанию Петра I, так называемый «Большой Камчатский наряд». — Авт.).

Это открытие имело важные последствия для отдаленного полуострова. Путь из Якутска до Анадырска совершался обыкновенно около полугода. Не менее того был труден и опасен от немирных инородцев дальнейший путь в Камчатку. Для обеспечения этого сообщения от нападений туземцев и для сбора ясака с сидячих коряк, анадырские казаки укрепили бывший Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах; чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пенжинскою губою до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки. Из Анадырского же острога до р. Черной, впадающей в Пенжину, переезжали обыкновенно дня четыре на собаках или оленях; затем, против устья Черной на р. Пенжине строили из осины лодки сажень 5—5½ длиною, шитые ивовыми прутьями и проконопаченные мохом; паруса делали ровдужные (из оленьей кожи), а вместо якорей служили им большие камни. На этих лодках казаки плыли по р. Пенжине до Акланского острога; отсюда Пенжиною же до коряцкого Акланского острога; потом вдоль берега Пенжинского залива до Тигиля. Но иногда приставали на р. Пустой или Лесной и оттуда следовали до Нижнекамчатского острога сухим путем. Из Тигиля, оставив свои лодки до возвращения, шли на камчатских ботах вверх по р. Тигилю; потом переносили бота (правильнее, баты — суда, выдолбленные из целого древесного ствола. — Ред.) волоком на р. Еловку; спускались по ней на р. Камчатку до Нижнекамчатского острога. На таких же лодках, построенных в Олюторском остроге, казаки плавали вдоль берега по Восточному океану до р. Камчатки».

* * *

1713 г. апреля 24. —

Из «Пропозиций» корабельного мастера Ф.С. Салтыкова Петру I о постройке кораблей в устьях рек Сибири, плавании их в Тихий океан, открытии новых островов и морской торговле с Китаем и другими странами

...О Сибири

Предложение 1.

Велеть построить корабли на инисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устие позади Ледоватаго моря, и в Сибири от енисейскаго устия до Китаи все надлежит вашему владению оной морской берег.

Предложение 2.

И теми кораблями, где возможно, кругом сибирскаго берега велеть проведать, не возможно ли найти каких островов, которыми б мочно овладеть под ваше владение.

Предложение 3.

А ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие островы, такожде и в Европу мочно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тар, понеже там изобилство великое лесов, а здесь, в Европе, зело в том великая нужда и дороговизна, и в том будет в государстве прибыль великая; а лесов там, в Сибири, великое множество...

1714 г. октября 13. —

Из отписки капитана П. Татаринова Я. А. Ельчину о назначении первого приказчиком Анадырского острога, прибытии в Олютор-

ский острог приказчиков с Камчатки и плавании казака И.П. Козыревского на Курильские острова в 1713 г.

Г-ну полковнику и коменданту Якову Агеевичю, дьяку Ивану Сергеевичю Петр Татаринов челом бьет.

В прошлом 713 году февраля в 17 день по указу великого государя и по приказу губернатора князя Матвея Петровича Гагарина велено мне из Тобольска итти в камчадальские остроги и ведать Анандырской острог. И в нынешнем 714 году апреля 27 дня в Анадырской острог приехал…

Да в нынешнем же 714 году сентября в 21 день писали в отписках дворяне Василей Колесов, Иван Енисейской. А в отписках их написано: сего де 714 году августа 24 дня пришли они, Василей и Иван, из камчадальских острогов со служилыми людьми на судах Олюторским морем под Олюторской, где строит Афанасей Петров новой острог, со сборною великаго государя ясачною казною в добром здоровьи…

Да в отписке ж Василья Колесова писано: в прошлом де в 713 году по указу великаго государя и по наказной памяти отпущал он, Василей, с Камчатки, с Большей реки, для проведывания Апонского государства за перелевы от Камчацкого Носу на острова казака Ивана Козыревского со служилыми людьми в 55 человеках. И он, Иван, с Камчацкого Носу за перелевы со служилыми людьми ходил и подал ему, Василью, за рукою доезд. А в доезде его, Иванове, написано: проведал де он, Иван, на море против Камчацкого Носу за переливами 3 острова и с двух островов языков взял боем да одежды кропивныя, и дабинныя, и шелковыя, и сабли, и котлы он, Иван, взял же. И за опозданием морского пути он, Иван, возвратился на Камчатку и тех иноземцов, и одежды, и сабли, и котлы привез он, Иван, в камчадальские остроги и отдал прикащику Ивану Енисейскому и подал де всему за своею рукою и тем островам чертеж, даже и до Матманского острова.

И посланные от них, прикащиков Василья Колесова, Ивана Енисейского, служилые люди **Прокопей Третьяков**, **Елисей Пошехонов** из Анадырского отпущены с сею отпискою к вам, господа, в Якуцк октября в 13 день нынешняго 714 году. Да в нынешнем же 714 году октября того ж числа по указу великаго государя послан из Анадырского острогу к губернатору князь Матвею Петровичю Гагарину с отпискою и с доношением Федор Татаринов…

На подлинном пишет тако: капитан Петр Татаринов.

Помета: 1715 году февраля в 7 день подал отписку Федор Ермолаев.

* * *

1715 г. не ранее марта 15.

— Доношение Я.А. Ельчина в Кабинет Петра I о плавании И.П. и П.П. Козыревских с группой казаков к Курильским островам в 1713 г.

В 1713-м писал в Якуцк камчатской прикащик Василей Колясов. А под отпискою прислал доезд за руками камчатских казаков Ивана да Петра Козыревских, Федора Броникова, Агапита Лекихина (Лепихина – С.В.) с товарищи 30 человек. Ходили они, Иван с товарищи, от Камчатки на морские островы, которые на восточную сторону прилегли к Японскому государству. От Камчатской земли морем до перваго острова парусом бежали день, на второй остров половину дня гребли, на третей день парусом бежали, на четвертой половину дня парусом же бежали. А на том острову людей множество и за их многолюдством на остров не ходили и бою сними не дали. А бой у них, иноземцов, лучной и пращи. А называются оные ярыгие чрез курильской язык, а курилы говорят чрез камчедальской язык, а камчатския толмачи на руской переводят. И те де ярышские землицы и острова от востока на левую сторону многия острова, а к ним приезжают по вся годы японцы и из Матманского города с торгами и привозят к ним платье японское камчатое и китайчетое, покрой долгой, стеган на бумаге, котлы медные, чюгунные, сабли – оправа серебреная, чашки фарфоровые, пшено сорочинское, а берут у них лисицы красныя, коланы и бобры. И ходили они, казаки, по многим островам недели с четыре, и находили на островах людей множество, и взяли у них двух человек и японское платье, котлы, сабли и посуду. А люди гораздо волосами обростают, а платье они, иноземцы, делают себе ис крапивы, красят сами и краски делают сами ж на тех же островах. А по скаске их, иноземцов, до японского первого города Матмая не доходили де за 7 дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что около их в бли-

зости есть островов с 70 и больши и от последняго острова до Матманского японского города приезжают судами дни в 3 и в 4, а как они поехали от островов и приехали в 5 дней х Камчатской земле.

А тех пленников двух человек, платье, котлы, сабли и посуду на Камчатке взял у них камчатской прикащик Василей Колесов.

А как он, Василей, пошел з зборною великого государя ясашною и со всякою казною в Якуцкой и немирные иноземцы – олютары, да изменники – юкагири ево, Василья, с служилыми людьми во сте человеках побили и казну всякую побрали без остатку, в том же числе побили двух человек прикащиков: Ивана Енисейского, Афанасья Петрова.

Подлинная за рукою Якова Ельчина.

ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 375-376. Копия

* * *

19 декабря 1716 года бывший якутский воевода полковник Яков Алексеевич Ельчин был назначен генерал-губернатором Сибири князем Матвеем Петровичем Гагариным руководителем Большого Камчатского наряда, которому поручалось:

1. «Исследовать Камчатку с землями чукоч, коряк, юкагир и иных туземцев, заведя с окрестными жителями торговлю».
2. «Построить остроги и нарядить экспедиции к берегам морей северного и восточного, а также по рекам: Ковыме, Камчатке, Пенжине, Чендону, Яме, Охоту, Уди и Тугуру, для проведания и покорения неизвестных земель, лежаащих против устий этих рек».
3. «Открыть и объясачить сопредельные острова и проведывать новые земли».

В ведение Ельчина «поступили подчиненные до того якутской канцелярии, три камчатские, анадырский, охотский, тауйский и удский остроги, а также ясачный сбор с охотских и камчатских инородцев».

«Средства экспедиции, — пишет А. Сгибнев в очерке «Большой Камчатский наряд», на который мы здесь ссылаемся — по тогдашнему времени и отдаленности края, можно сказать, были громадные. ***В Москве и Тобольске Ельчину дано было 200 служилых****, пленный флота поручик шведской службы Молик (Ambiorn Molyk), капитан Петр Абыштов,* ***четверо дворян, 6 сыновей боярских, 2 сотника, 2 пятидесятника, 2 чертежника****. Кроме того, Ельчину было разрешено взять еще* ***200 человек команды в Енисейске, Илимске и прочих местах и капитана Петра Татаринова с драгунами из Анадырска****… Всем чинам экспедиции, при отправлении из Якутска, велено выдать, на подъем, жаловаанье за три года вперед. Содержание, кроме провианта, положено было, указом князя Гагарина, полковнику Ельчину 250 р., флота поручику 100 р., капитану 80 р., поручику 50 р., подъячему 10 р., попу Ивану Васильеву и иеромонаху Иосифу по 15 р.,* ***Бушу*** *15 р., мореходам и кормщикам:* ***Невейцину****,* ***Григорию Березину****,* ***Прокопью Нагибину****,* ***Треске*** *по 40 р. в год, мореходам:* ***Мошкову****,* ***Тарасову****,* ***Серебренникову*** *и* ***Бутину****,* ***прибывшим из Тобольска****, по 30 руб.».*

* * *

1716 г. июля 12. — Указ сибирского губернатора князя М.П. Гагарина Я.А. Ельчину о задачах и составе Большого Камчатского наряда (регест)

Предписывается ехать к берегам Севернаго моря, в которое море впала река Калама да река Камчатка, також и по берегам Восточнаго моря, тщательно исследовать острова близ Камчатского мыса, отыскивая золотую и серебряную руду, медь, другие полезные ископаемые, краски и жемчуг.

В случае встречи с японцами осведомиться о Японии и буде можно, то послать кого в Японию с торгом смышленого человека.

Предлагается послать немалую посылку или самому итти на Анандырской мыс… и с того мыса всеконечно послать или самому итти со всеми людьми на остров, что против того Анадырского Носу видеть на море, великой остров и на том острову и на Анандырском мысу всеконечно велеть остроги и людей в них посадить по немалому числу.

Определяется численный состав экспедиции, жалование и провиант членам команды.

Рекомендуется призывать местное население ласкою и разговором в российское подданство и ясачный платеж, собирать ясак в Охотском, Тауйском, Удском, Анадырском и Камчатских острогах.

ЛОА АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 304-308. Копия.

Руководил экспедицией якутский воевода Я.А. Ельчин. Организация ее была вызвана недостаточностью сведений, полу-

ченных от казаков-землепроходцев (В.В. Атласова, И.П. Козыревского и др.), о географическом положении, населении, ресурсах дальневосточных земель, богатых «пушным золотом», столь необходимым государственной казне. Задачи экспедиции были определены указом М.П. Гагарина 12 июля 1716 г. На экспедицию были отпущены большие средства. В команду Я.А. Ельчина входили: капитаны П. Абыштов и П. Татаринов, пленный шведский морской офицер А. Молик, а также мореходы, кормщики, судовые плотники, принимавшие участие в плавании К. Соколова и Н.М. Трески на Камчатку.

Роспись мореходцах, и плотником, и служилым людем:

Матрос Андрей Яковлев сын Буш, Яков Невейцын, Никита Тряска. Плотники: Кирило Плоских, Варфоломей Федоров. На Ламе построя морския суды, плотников Ивана Каргапола, Михайла Кармакулова отпустить в Якуцкой. Служилые люди: пятидесятник Михайло Кривоносов (за сим имена 12 человек).

В 1718 г. к ним присоединились мореходы **И. Бутин**, **К. Мошков**, **С. Серебреников**, **С. Тарасов** (ЛОА АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 37). В экспедицию, кроме того, входили чертежники, отряд драгун из Анадырска, **200 служилых людей из Москвы и Тобольска, 200 человек из Енисейского, Илимского, Иркутского** и других острогов. В начале 1718 г. в Якутске закончилось снаряжение экспедиции: были собраны у тунгусов нужные сведения о реках, впадающих в Охотское море, всем членам команды выплачено жалование на 3 года вперед, получены от якутской палаты вооружение, снаряжение для судов, продовольствие и казна. Все грузы предстояло доставить из Якутска в Охотск по труднопроходимой местности. Однако экспедиции не удалось вплотную приступить к выполнению поставленных перед ней задач. В июле 1718 г. в связи с доносами нового якутского воеводы И. В. Ракитина Я. А. Ельчин вынужден был отправиться в Тобольск к М. П. Гагарину для личных объяснений о положении дел в экспедиции, за него оставался П. Абыштов (ЛОА АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 318). Только в 1719 г. П. Абыштову удалось реками достичь Охотска, где в 1717 г. А. Молик заложил для нужд экспедиции четыре судна, которые так и не были достроены. В связи с многочисленными трудностями в осуществлении экспедиции в 1719 г. действие Большого Камчатского наряда было прекращено. П. Абыштов умер в Охотске в июне 1719 г., команда разбрелась, заготовленный лес, припасы были разнесены водой

во время сильного наводнения в Охотске в 1723 г. Отряды, посланные к берегам Северного и Восточного морей, ничего кроме льдов, не видели. Только части экспедиции — 17 казакам во главе с сыном боярским Филькеевым и кормщиком Татариновым, отправленным в 1718 г. в Удский острог, — удалось осмотреть Шантарские острова, перезимовать на о-ве Большой Шантар и доставить в Якутскую канцелярию в 1721 г. донесение о своем походе (А.С. Сгибнев, «Большой Камчатский наряд», с. 131–139). Хотя экспедиция Я.А. Ельчина не выполнила возложенных на нее задач, однако в ходе подготовки экспедиции был открыт и опробован путь от Якутска до Охотска реками: вниз по р. Лене, затем вверх реками Алданом, Маей и Юдомой до Юдомского Креста, волоком до р. Урак, по ней — к Охотску, а дальше — через море до Камчатки (ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 372-373). Этот путь был значительно короче и безопаснее прежнего, проходившего из Якутска через Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги. Оба маршрута положены на карту, названную «Карта Якуцкая и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и новой», которая была представлена Я. А. Ельчиным Сенату (ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 374; Атлас географических открытий в XVIII в. М., 1964, № 56). Именно этим маршрутом двигались И.М. Евреинов и Ф.Ф. Лужин и обе экспедиции В.Й. Беринга. В указе Сената от 3 мая 1727 г. сибирскому губернатору было предложено «устроить» новый путь (ЦГАДА, ф. 248, кн. 666, л. 25), однако он продолжал оставаться таким же «неустроенным», труднопроходимым и для Второй Камчатской экспедиции.

1716 г. июля 12. — Указ сибирского губернатора князя М.П. Гагарина иркутскому коменданту стольнику Е.П. Любавскому об оказании содействия Я.А. Ельчину в формировании команды для Большого Камчатского наряда

Велено против имянного великого государя указу полковнику Якову Агееву сыну Ельчину ехать из Якуцка на морские острова, которые видет с якуцких берегов, для призыву немирных иноземцов под самодержавную великого государя высокую руку в ясашной платеж. И для того велено тебе **выбрать в Иркуцком и в Удинском из дворян и из детей боярских и из служилых людей 100 человек и, выбрав их, послать в Якуцкой и отдать в коман-**

ду полковника г-на Ельчина ко определенному его делу. И как ты сей указ получишь, и ты б о вышеозначенном учинил по сему указу: непременно выбрать **дворян 2 человека, детей боярских 15 человек, конных казаков 15 человек, пеших казаков и из иркуцких, да из удинских 68 человек, а конных и из иркуцких, а из селенгинских не брать ни дворян, ни казаков**. И как они набраны будут и посланы в Якуцкой, о том в Тобольск к губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину писать имянно и прислать имянную роспись, кто имяны послан и что кому был оклад, и в те места отнюдь не верстать никого.

К сему для верности губернатор князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою.

На подлинном указе пишет тако: Матвей Гагарин.

Справил Денис Протопопов.

Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, с. 109-110.

* * *

В начале 1718 года Камчатский наряд «совершенно был устроен в Якутске» и его участники были полностью снабжены на три года вперед жалованьем — «деньгами и натурою» — хлебом и солью.

Якутская канцелярия назначила добавочно в экспедицию 100 человек служилых людей.

Но… Большой Камчатский наряд не состоялся.

Не состоялся по двум — весьма объективным по нормативам сибирской истории — причинам.

Первая — якутский воевода Ракитин донес на своего бывшего коллегу Ельчина сибирскому генерал-губернатору, что, якобы, Ельчин «…нанес ему личные обиды, и что будто бы Ельчин в Якутске вел себя непорядочно, и будучи уполномочен на такое важное дело, нарочно медлил исполнением. Посланные же от него, ясачные сборщики еще более прежних стараются обогатиться грабежами и проч».

То есть срублена была голова. И дело встало.

А потом — это уже вторая причина — столь важное государственное дело начало рассыпаться. Почему?

Потому что государство российское, как правило, сначала отдавало приказы (лепые и нелепые), а потом уже начинало считать деньги на сумасшедшие и бессмысленные затраты, хватаясь за голову и на полпути останавливая уже начатое дело…

Русские же люди — и промышленные, и торговые, и служилые — действовали всегда наоборот: соразмеряя свою силушку и возможности с выгодой, которая может быть получена при освоении новых земель — и когда такая выгода была очевидной, они в обыкновенных шитиках — судах, шитых лозой и ремнями из кожи морских зверей — то есть в обыкновенных корзинах (называемых шитиками, кочами и лодьями) преодолевали просторы Северного Ледовитого и Великого Тихого океанов.

«Между тем, сибирский приказ (а на календаре был уже 1719 год и экспедиция, преодолевая неимоверные трудности двигалась к побережью Тихого океана — *С.В.*) осведомясь о всех трудностях, предстоящих камчатскому наряду, послал указ якутскому воеводе Ракитину о прекращении действий экспедиции».

Вот так — махом — начали и также — махом — бросили…

«Припасы и артиллерия … были вывезены обратно в Якутск, в августе 1721 года (!!! — *С.В.*)*; служилые же, не получив никакого назначения, разбрелись по разным местам* (и занялись от безделия грабежом и насилием — *С.В.*)*, **и только дворяне и дети боярские, назначенные в Камчатку, успели отправиться туда в 1718–1719 годах**».*

Но это еще не все — в Охотске все еще шла подготовка к строительству судов Большого Камчатского наряда. Итог:

«По случаю прекращения действий экспедиции, вся команда была вызвана в Якутск (а должна была в количестве 100 человек перевезена на Камчатку — *С.В.*)*, а потом, в июне 1723 г., было в Охотске сильное наводнение, от которого острог был подмыт и все припасы камчатского наряда, в том числе и заготовленный лес, разнесен был водою».*

*«**Мореход Прокофей Нагибин**, находившийся в Анадырске, узнав о близости Америки от Анадырского мыса, просил в 1720 г. для исследования ее, дать ему 200 человек команды* (а драгуны Татаринова в Анадырске в это время дурели от безделия — *С.В.*) *и пряжи для сетей, к заготовлению рыбы в морскую провизию, но, не получив требуемых средств, был убит в 1725 г., на р. Анадырке чукчами».*

Мореход Григорий Березин должен был проведать морской путь с устья Анадыря на Камчатку. *«Однакож Березин, по множеству препятствий, не мог исполнить этого поручения».*

Высшим достижением Большого Камчатского наряда стало открытие (уже открытых во времена Москвитина) Шантарских островов.

* * *

1717 г. сентября 6. —

Ведение начальника Большого Камчатского наряда Я.А. Ельчина якутскому воеводе И.В. Ракитину об обеспечении экспедиции всем необходимым

№ 100

По указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя России самодержца, г-ну лантрату Ивану Васильевичу.

Против имянного великого государя указу и по пунктам за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено мне итти с офицеры и с служилыми людьми к берегам Северного и Восточнаго моря и до Камчатки для проведывания новых земель и островов и призыва немирных иноземцов под самодержавнейшую его царского величества высокую руку в ясачной платеж и велено посылать для торгу в Японския государства. Да мне же велено ведать камчацкие, и анадырские, и Охоцкой, и Тауйской, и Удской остроги и руских людей, и иноземцов всякое..., а из Якуцка в те остроги посылать не велено и ведать и в Якуцком. А к тому назначенному делу велено делать морские суды на Ламе и в Уцком острогах или где пристойно по моему рассмотрению. И что к тому походу всяких припасов понадобится, так мореходцов, 26 судовому строению плотников, кузнецов и компасов, брать в Якуцком у тебя, господина. **А в нынешнем 1717 году августа в 21 день прибыл в Якуцк служилой человек Козьма Соколов и камчадальские казаки, которые против указу великого государя посыланы были в прошлых годех при мне с мореходцы и с служилыми людьми чрез море для проведывания камчацкого пути.** А по указу великаго государя надлежит им быть на службе великаго государя со мною, для того что они на многих островах были, а кого имяны, и то явствует ниже сего в росписи. И о присылке им, мореходцом и служилым людем, ведения, что им оклад великаго государя жалованья денег и провианту, и соли на год человеку, а на которые годы им дано и буде надлежит против указу великаго государя впредь на указанные годы им дать, и о присылке против окладов их (в 2-е) жалованья, учинить тебе, господину, по указу великого государя.

Роспись мореходном и служилым людем.

Матрос Андрей Яковлев сын Буш. Кормщики: Яков Невейцын, Никифор Моисеев сын Треска. Плотники: Кирило Плоских, Варфоломей Федоров, Иван Каргополов. Пятидесятник Михаило Кривоносов. Рядовые: Иван Бурнатов. Всего 28 человек.

К сожалению, списка имен не приводится. Но попытаемся найти родовые корни у тех, кто назван.

Михаил Кривоносов

Кривоносовы — в 1696 г. тобольские конные и новокрещенные казаки: Кривоносов Ондрюшка Семенов, Тимошка и Васка.

Иван Бурнатов

Такая фамилия была в Тобольске (крестьяне Бурнатовы по переписи 1719 года). Затем появляется в Якутске. В 1748 году Михаил Бурнатов числится в казаках г. Якутска. Ранее эта фамилия отмечена не была, хотя участником первого похода Владимира Атласова. был Григорий Бурня.

* * *

В 1706 году нерчинский сын боярский Логин Шишкин бил челом: «...де он в Нерчинску всякие наши Великого Государя службы лет с пятьдесят и послан он был из Енисейска для проведывания Иргеня озера и великую реку Шилку с начальным человеком с пятидесятником с Алексеем Оленем и, проведав Иргени озеро и великую реку Шилку и он де Алексей послал его в Енисейск с отписками, чтобы едучи на Тунгузке реке воеводу Афанасия Пашкова с воинскими людьми встретил. И он Афанасий те отписки у него принял и взял его с собою в вожатые, и вел он Логин воеводу с воинскими людьми...»

Мы процитировали Логина Шишкина по одной простой причине — с этого момента начинается история Нерчинска, а затем и Иркутска, сыгравших исключительно важную роль в истории Сибири и Русской Америки.

* * *

В 1722 году из Иркутского острога взято в Камчатскую экспедицию в службу несколько казаков. Мы прекрасно понимаем, что в Иркутск эти казаки были присланы из других сибирских и

русских городов и весей. Попробуем, хотя бы отчасти, выяснить откуда они родом:

Анисимов Иван

Анисимов Иван, рядовой иркутский конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.

Анисимов Семен, выходец из Сургута, служилый человек, поселенный в Иркутске «на вечное житье», 1699–1700 гг. (Гурулев. «Первые иркутяне…».

Наибольшее количество Анисимовых в 17-м столетии приходится на Томск, откуда казаки направлялись в Енисейск, а затем и в Иркутск.

Казак Анисимов Мишка сообщал: ««Отец по указу переведен в Березов. Сам Мишка верстан в Томске. Соли 2 пуда. Пашня».

В 1626 году в Томске служили десятник Васька и пеший казак Данилко Анисимовы.

Но были и другие истории:

«В конце 1635 года царь благосклонно отнесся к присланной челобитной бывшего участника восстания И. Болотникова Луки Анисимова. В 1606 г. Лука, вместе с группой других болотниковцев, захваченных во время известной осады лагеря в Заборье, был сослан в Тару «за опалу». Там его сразу же послали в составе казачьего отряда к Ямыш-озеру, где он отличился в боях. Затем вплоть до 1624 г. он служил в пеших казаках, после чего новые воеводы определили его в пашенные крестьяне. Подняв на тарской земле прочное крестьянское хозяйство, Лука за немалую сумму — 25 руб. — нашел добровольца из гулящих («самошеста») на свой пашенный жребий и вернулся с воеводского согласия в пешие казаки. Царский указ утвердил этот переход»

585

Бельянинов Семен

Информации нет. Но если эту фамилию прочитать, как Вельяминов, то есть информация о том, что в 1610 году Севастьян Вельяминов — «новоприборный казак» — был отправлен служить в Тару.

Волков Иван Меньшой

Волков Иван, рядовой иркутский конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год,

1699–1700 гг.; рядовой конный казак с окладом 7 руб. в год, 1704 г.

Волковых много было в Тобольске. Один из них служил в «старой сотне»: «Починок Шамша над озером Шучьим. Двор конной казак Ивашка Волков. Пашни паханые середние земли 4 чети да перелогу две чети в поле а в дву потому ж да дубровные лесново места 7 десятин за речкою /Усом/чистого места дубровы ж две десятины сенных покосов на лугу меж Щучьим и Карасовым озерами сто копен. Во дворе конной казак Парфенко Салванов селится ново. Пашни перелогом середние земли четыре чети в поле а в дву потому ж. Сенных покосов меж Щучьим и Карасовым озерами сто копен. Да у Ивашко и у Парфенко вообче поскотинные земли лесново места пять десятин. У них же по дворами озеро кругло на озере остров на нем сенных покосов пятьдесят копен».

В 1639 году послан на Лену с воеводой Петром Головиным тобольский казак Волков Фторышка Наумов, станицы атамана Тугарина Панютина.

Свои Волковы были и в Томске: «В 1680 году несли службу в Томском гарнизоне дети Никона Волкова, лалетина, который «по челобитью и по грамоте прислан с Москвы в Томск и служил в пятидесятниках»: десятник пеших казаков Антип Волков, пешие казаки Ивашко и Максимко Волковы, а также внук Никона, пеший казак Агафонка Иванов сын Волков».

Григорьев Захар

Фамилия Григорьевых была столь распространенной, что мы опустим исследование истории их появления в Сибири.

Добрынин Иван Большой

На Камчатке в 1731 году в составе карательного отряда А. Змиева был Добрынин Моисей — член экипажа бота «Святой Гавриил», который также формировался из числа забайкальских (нерчинских) казаков.

Злыгостев Петр

Томский казак Елизарка Васильев сын Злыгостев сообщал о себе: «Отец родился в Тобольске, был в посаде, а он родился в Тобольске, а в Томск пришел собою и поверстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Петр (Петрушка) Злыгостев служил в Якутске в 1681 году, в 1706 году числится в четвертой пятидесятне, а в одиннадцатой пятидесятне в десятниках служил Федор Иванов сын Злыгостев.

Вполне вероятно, что у всех вышеперечисленных Злыгостевых единые тобольские корни.

Казанцов Федот

«В 200 (1692) году, по памяти из Иркуцка столника князь Ивана Гагарина Демьяну Многогрешному, велено на Любимово место Уварова в пятидесятники приверстать Селенгинского ж конного десятника Степана Казанца, а оклад ему Степану учинить денег семь рублев с полтиною.

А в 204 году октября в 30 день, по памяти из Иркуцка столника Афонасья Савелова к приказному Остафью Перфирову, велено его ж Степана казанца из конных пятидесятников приверстать по Селенгинску в дети боярские, а к прежному его пятидесятничью окладу в прибавок велено учинить жалованья денег два рубли с полтиною, хлеба две четьи с осминою, пол пуда соли.

Сын боярской Степан Казань верстан в дети боярские из пятидесятников при Афонасье Савелове, оклад ему 10 рублев, хлеба 10 чети ржи, овса тож, пол-3 пуда соли, а в пятидесятники верстан при князе Иване Гагарине из конной службы. «По указу великого государя, по грамоте его государевой, воевоцское верстанье от детей боярских отставить до указу, — быть в прежнем чину в конных».

Людей, присланных из Казани или с «казанских земель» было в Сибири великое множество.

«Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князю Юрью Еншеевичу Яков Хрипунов челом бьет. В нынешнем во 133-м году генваря в 1 день посылай был из Енисейского острогу в Тюлькину землицу по государев ясак Енисейского острогу атаман Васька Алексеев с товарыщи да в Тубинскую землицу по государев ясак Енисейского острогу десятник стрелецкой Мишка Шорин, Ивашка Казанец, а велено им Ваське с товарыщи в Тюлькиной землице и в Тубинской с тюлькинских и с тубинских людей государев ясак на нынешней на 133-й год збирати» — позже в Тюлькиной земле будет построен Красноярский (Тюлькинский) острог.

В 1633 году на реке Лене енисейский казак «Ивашко Казанцов убил мужика, ранен в голову в косицу да в обе ноги».

Но и это еще не все. «Начало обследованию устья Лены и лежавших от нее к западу и востоку рек было положено в 1633 году. Летом этого года Иван Галкин “отпустил” вниз по Лене на Вилюй казаков Ивана Казанца, Михаила Стадухина, Ерофея Хабарова и Посника Иванова с товарищами. Эти казаки били челом царю, просили послать их на Вилюй и обещали привезти оттуда 100 соболей. Дойдя до среднего течения реки, они построили зимовье и привели жившие здесь тунгусские племена в русское подданство. Часть казаков и служилых людей проплыла еще ниже по Лене. В земле долган они поставили Жиганское зимовье, впоследствии важный опорный пункт на пути к “Студеному морю”». (М.И. Белов)

У томского казака Казанца Гришки Ильина была такая история: «…отец прислан с Москвы и ставил Томской город и служил конную службу и убит в государевой службе, а он, Гришка, верстан в отцово место. Оклад учинен 7 рублев и за службу учинено ему придачи на Москве денег 2 рубля, хлеба две чети ржи, овса тоже, 2 пуда соли».

«Основателями трех родов томских служилых людей XVII века Казанцевых являются соответственно: конные казаки Илья Казанцов и Юрий Казанцев (ссыльный поляк), присланные в Томск из Москвы, а также казак Юрий Казанцов (казанский татарин). Их возможные потомки, крестьяне проживали: О.Казанцов и Н.Казанцов — в д. Нижней Сузунской (1719 г.), Абрам Казанцов — в Бикатунской крепости (1731 г.), выборный Бердской судной избы Гаврила Казанцов (1746 г.), Прохор Артемьев сын Казанцев, обитавший ранее в Ирменском станце — в д. Тырышкиной на р. Ануе (1749 г.), разночинец Василий Казанцов — в Чеуском остроге (1759 г.)».

В 1654 году Казанец Филька Иванов Сула сослан в Якутск «в службу».

«В 1666 г. прибыл Иван Крыжановский. Он в 1655 г. был «взят на бою в Борисове» и в 1662 г. сослан в Якутск «с своею братьею с польскими людьми» служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом».

Козанцов Дмитрей, тобольский сын боярский «в 201 г. послан на службу в Якуцкой».

«Московского списку дворянин Василий Алексеев сын **Казанцов** 76 лет, дети его: Нерчинской сын боярской Григорий Васильев

сын Казанцов 23 лет (у него, Григория, сын Алексей 1½ г.), Афанасий 18 лет, Семен 15 лет. У него ж, Василия, в уезде вверх по Нерче на Катаргане на заимке его сын Никита Васильев сын Казанцов 50 лет, дети его: Иван 25 лет, Осип 18 лет…»

Кузнецов Иван

Макаровых Филип

Весьма распространенная фамилия среди тобольских крестьян.

В 1720 году в Суерском остроге на реке Тобол проживал отставной драгун Иван Петров сын Макаровых.

Якутский казак Макаровых Михайло Иванов, десятник шестой пятидесятни. Убит на Камчатке и в 1706 году на его убылое место поверстан Петр Корякин.

Масленников Николай

1652 год: «Дело об устройстве на Чечуйском волоке в пашню ссыльных людей: московского торгового человека Панкратия Степанова сына Масленика и московского стрельца Василия Тимофеева сына Сапожника».

В 1706 году в Якутске в десятниках первой пятидесятни служит Масленников Алексей Артемьев сын, родной сын которого — Иван — носит уже другую фамилию — Артемьев.

Пеший казак Масленников Пашка Юрьев служит в Красноярске (оклад 5 руб. в год).

Могилев Козма

Данные на 1684 год: Могилев (Могулев) Ерофей (Ярофей, Юрий, Юрко, Ярко), енисейский рядовой казак, служивший в Нерчинском остроге, 1666 г., в 1684 г. приказчик Тункинского острога, имевший свой двор при Иркутском остроге, пятидесятник иркутских конных казаков.

Могилев (Могулев) Козьма, казак, служилый человек, в 1684 г. имел собственный двор вблизи Иркутского острога, брат Е. Могилева.

Данные на 1686 год: «…двор, а в нем служилой члк Коземка Андреев с. Могулев, по сказке ево, родом де он гор. Енисейска, отец ево и он, Куска, по Енисейску служили казачью службу, а в Иркуцкой де пришол гулящим члком, а в Иркуцком де служит с пашни без хлебного жалованья…».

В Якутске в 1706 году служит в семнадцатой пятидесятне Могилев Иван Кузьмин. Он прибыл на Камчатку в составе отряда Тимофея Кобелева: «Среди копий документов, снятых для Г.Ф. Миллера в Якутске в 1736 г., нам встретилась копия любопытнейшего рассказа камчатских казаков Ивана Могилева, Родиона Преснецова и Терентия Смердова, записанного 24 декабря 1707 г. Из документа стало известно, что в “1703 году осенью” камчатский приказчик, сын боярский Тимофей Кобелев, отправил казака Родиона Преснецова с 22 служилыми людьми в поход на Берингово море для сбора ясака». Эти казаки считаются первооткрывателями Авачинской бухты.

В 1712 году Иван Кузьмич Могилев вместе с приказчиком Василием Михайловичем Колесовым проводил допросы взбунтовавшихся казаков из команды Константина Кыргызова.

Мурзин Петр

В 1633 году в Тюмени в казаках по литовскому списку служит Мурза Прокофей Васильев сын, а впоследствии и его сын — тюменский казак Мурзин Семенка Прокопьев сын.

В Кетском остроге связывают появление этой фамилии в 1629 году с новокрещенным казаком Кетского острога Мурзой Мастяевым.

То есть фамилия была нередкой для Сибири и могла возникнуть в самых разных местах.

Неманов Афанасей

Информация отсутствует.

Парамонов Василей

В 1626 гогду в Томске служил в казаках Парамонов Прошка.

Возможно, это его сын Якушка сообщал о себе и отце: «Отец родом важенин и пришел из Березова по государевой грамоте. Сам родился в Томске. 2 пуда соли. Пашня».

А якутский казак Кирил Парамонов из одиннадцатой пятидесятни «за старостью в 1706 году оставен и на его место поверстан Софроновых Данило Епифанов».

Петров Иван Антипин сын

Поляков Иван

Поляков Логин, брат Ивана

В «старой сотне» Тобольска служил в 1624 году пеший казак Васька Поляков.

В 1646 году тобольский служилый Степан Васильев сын Поляков был избран целовальников в Якутске, В 1650-1653 гг. участвовал в Амурском походе Ерофея Хабарова и вступил с Хабаровым в конфликт, который расследовался в Москве и был признан правым со стороны Полякова, который был верстан в тобольские дети боярские.

В 1688 году «для подлинных ведомостей о приходе неприятельских мугальских людей под Селенгинские остроги посыланы из Нерчинска конные казаки Федька Пешков, Тишка Поляков, Мишка Катанин».

Поляков Иван в 1730 году числился членом экипажа бота «Восточный Гавриил», который в этом году потерпел крушение у берегов Камчатки в устье реки Большой.

Помаскин Иван

В 1651 году в Охотске был избран целовальником Иван Борисов Помаскин, торговый человек.

В 1661 году в Тобольске в стрельцах служил Оска (Осип) Помаскин.

В 1686 году в Тобольском уезде отмечены крестьяне: «Ивашко Помаскин з детми Дмитрейко Васка да Ивашко… Микиф… Сенка…».

В 1686 году в Иркутском остроге находился двор служилого человека Костки Родионова сына Помаскина «по сказке ево, родом де он Еренского городка, отец его был в посадцком тягле, а он, К., пришол в Енисейск гулящим члком при стольнике и воеводе Кириле Аристарховиче Яковлеве тому ныне 18 л. И поверстан по Енисейску в казачью службу и служил вел. государем казачью службу по Баргузинскому острогу, а ныне он, К., служит в Иркуцком остроге с пашни за хлебное жалованье».

В 1685 году в Нерчинске служит казачий десятник Олфер Помаскин.

В 1693 году в Тобольске в стрельцах служит Стенька Помаскин.

В 1696 году в Тобольске в стрельцах служит Ларька Степанов сын Помаскин.

А вот еще сведения об Иркутске и Нерчинске: «В дозорной книге Иркутского уезда 1686 г. нашел отражение следующий этап расселения служилых людей Иркутска “по заимкам дворами”. В 1686 г. к деревне А. Михалева, упомянутой 11 лет назад Спафарием, присоединилась деревня, построенная выше Иркутского острога пятидесятником К.Сидоровым. В устье р. Куды раскинулась Усть-Куцкая деревня, в которой были дворы казачьего десятника А. Колбецкого и дворы казаков К. Черного, И. Буковского, К. Могулева, С. Бороды, Е. Ягодина, Ф. Каши, А. Москвитина, **К. Помаскина**, Ф. Маркелова, И. и А. Мельниковых»

…В 1681 г. из нерчинской казны были проданы сыромятные кожи нерчинскому казаку А. Помаскину, в 1694 г. двое нерчинских казаков — кожевников купили в казне 90 кож «сырых», причем, один из них — Г. Беломестный взял кожи в долг под кабалу.

…Известностью кожевников пользовались в Нерчинске казаки Е. Евдокимов прозвищем «Кожевник», который занимался еще и свечным промыслом, а также упомянутые казаки Г. Беломестный и **А. Помаскин**, которые работали на покупном сырье» (Г. Леонтьева, Служилые люди Восточной Сибири).

В 1817 году в Петропавловском порту служат матросами в Петропавловской экипажной роте Помаскины Семен Осипович и Григорий Петрович.

Казак Афанасий Помаскин принимал участие в обороне Петропавловского порта.

А это о знаменитом сибирском историке.

«В Тобольске П. А. Словцов общался со многими людьми, наиболее близкие из них постоянно приходили к нему домой, вели с историком “умные беседы”, навсегда оставались благодарными ему за минуты общения. В дошедших до нас воспоминаниях об историке есть слова о том, что Сибирь и сибиряков он любил страстно, “радовался благополучию и успехам их, как собственных детей”. Тепло относился к будущему краеведу Н.А. Абрамову, к тем, кто изучал историю края.

В круг общения Словцова в Тобольске, наряду с поэтом П.П. Ершовым, отцом Д.И. Менделеева — И.П. Менделеевым, инспектором Тобольской гимназии И. П. Помаскиным, входил и композитор А.А. Алябьев, сын правителя Тобольского наместничества, сосланный из столицы империи в родной город. Словцов, с бла-

говением относившийся к музыке, называл композитора «тобольским Россини».

Попов Василий

Пушкарев Гаврила

Иркутский казак Гаврила Пушкарев стал мореходом. Он был участником Второй Камчатской экспедиции на судне «Св. Петр» (1741) Витуса Беринга, служил квартирмейстером команды Охотского порта, а впоследствии это знаменитый мореход на промысловых судах «Гавриил» (1760-1762), «Андрей Первозванный» (1777–1782), осваивающих морские просторы Тихого океана.

Пушкаревы, по всей видимости, пришли в Иркутск из Тобольска. Уже «во 147м году посланы ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тобольских служилых людей …Пушкарев Кондрашка Олексеев, казак станицы Тугарина Панютина».

И мы находим этому косвенное подтверждение в материалах, собранных после Иркутской 3-й ревизии: «Яков Пушкарев 73… у него ж. Маремьяна Яковлева 70, вз. в Тобольску у солд. Якова Полуянова по д. отд, у него бр. Петр (в 750 г. ум); у Якова дети: Андрей (14, услан в Охоцк в службу), Иван (13, в Охоцку ж в службе), Петр (10, в 757 г. отд. в рекруты), Сергей 22».

Рагозин Дмитрей, брат Леонтея

Рагозин Леонтей

Тобольские служилые люди, которые пришли с Дмитреем Зиновьевым в прошлом во 161 году на Амур: Мишка Сидоров Рагозин, Ивашко Сидоров Рагозинников. Обратите внимание: родные, вроде бы, братья, а фамилии написаны по-разному…

В Томске в 1703 г. зафиксирован Рагозин Исай Иванов сын.

С.А. Гурулев в числе первых иркутян выделяет: «Рагозин Иван (Ивашко) Галактионов (Галахтионов), посадский человек, родом устюжанин, отец его был государевым пашенным крестьянином, пришел с Устюга гулящим человеком “для свидания с родичи своими”, поверстан в посадские в Иркутском остроге в 1671 г., оброку платил с человека полтину в год, владел сенными покосами (на полудесятине 20 копен), пашенной земли,

рыбных ловель и птичьих угодий не имел, жил своим двором, дети: Стенка 17 лет (женат, детей нет), 1686 г.».

Рагозин Сергей, выходец из города Березова, служилый человек, поселенный в Иркутске «на вечное житье», 1699 г.

Рагозинин Василий, выходец из города Березова, служилый человек, поселенный в Иркутске «на вечное житье», 1699 г.».

В 1712 году казачий сын Михаил Рогозин участвовал в допросах взбунтовавшихся камчатских казаков из команды Константина Кыргызова.

Ребров Иван

Тобольский казачий пятидесятник Иван Иванович Ребров. Во главе группы казаков в 1631 послан из Тобольска для сбора ясака в низовья р. Таз. В составе отряда землепроходца С. Корытова добрался в 1632 по Нижней Тунгуске, Чоне и Вилюю до Якутска. Летом 1633 под командой И. Перфильева спустился на коче по Лене к ее дельте и по Оленекской протоке двинулся на запад. Открыл Оленекский залив и обнаружил (не ранее августа 1634) устье р. Оленек.

Из основанного там зимовья до лета 1637 собирал ясак с эвенков, живших в долине р. Оленек, а в сентябре, перейдя на Яну, присоединился к отряду Перфильева. После зимовки в Верхоянске вместе с Перфильевым возвратился на Лену, спустился по реке к морю и направился по распоряжению Перфильева на восток.

К осени 1638 он завершил открытие Янского зал., первым прошел прол. Дмитрия Лаптева, плавал в Восточно-Сибирском море и обнаружил устье Индигирки, а также почти 700 км побережья Азии между устьями Яны и Индигирки. По Индигирке И. Ребров поднялся на 600 км, открыв восточное окончание Яно-Индигирской низменности, и у впадения р. Уяндины поставил зимовье. Более двух лет он собирал ясак с эвенов и якутов Абыйской низменности, а летом 1641 вернулся прежним маршрутом на Лену.

Позже Ребров занимал официальные посты приказчика: в 1642–1647 на р. Оленек, в 1649–1654 на Колыме, не раз ходил на кочах по «Студеному морю» (Лаптевых и Восточно-Сибирскому), с государственной казной на нартах пересекал Колымскую низменность.

За время более чем 30-летней службы он был пять раз ранен. Последнее известие о Реброве относится к лету 1663, когда

он в очередной раз перешел на коче с Яны на Колыму. Умер в Якутске в 1666 году.

В 1661 году в Якутске в рядовых казаках служил Ребров Андрюшка, возможно, сын Ивана Ивановича.

Созоновских Степан

Других носителей этой фамилии нам обнаружить не удалось. Но если она является вариантом фамилии Созонов, то в «Материалах дела Томской приказной избы об отказе томских жителей подчиняться указу царя Петра Алексеевича о бритье бород и ношении иноземного платья» есть такая фамилия и принадлежит она оброчному крестьянину Фаддею Созонову. В 1689 году в Тобольске: «Двор оброчного крестьянина Петра Созонова сказался 32 лет, у него жена Афимья 25 лет, сын Павел 12, Фрол 4 лет. У него ж мать Авдотья Иванова». В Амурском походе Ерофея Хабарова в числе амурских охочих людях упоминается Климко Созонов.

Спириных Федор

В 1768 году он служил в Нижнекамчаитском остроге. Сохранился документ, написанный П. Креницыным: «А между тем, в бытность мою в Нижно-Камчацком остроге 9-го того ж сентября 767-го года бывшия напред сего во открытом море для сыскания незнаемых островов и на них живущих народов и промыслу зверей промышленныя разных городов люди, а имянно: … нижнокамчацкия отставныя казаки: Павел Коробейников, Кирило Козлов, служащия: Игнатей Студенцов, Григорей Росторгуев, Лука Соловаров, Федор Спирин, Прокопей Воробьев, Андрей Басин».

То есть, по всей видимости, казак Федор Спирин(ых) участвовал в морских плаваниях к Алеутским островам.

Сысоев Ефим

Это, вероятно, тот самый Сысоев Ефим, о котором упоминает Степан Петрович Крашенинников: «Понеже, по силе данной от вашего благородия инструкции и присланных ордеров, велено мне всех здешних народов нравы и поведения описать, а коряк в близости около Камчатки не имеется, и чтоб оной народ без описания не остался, а притом бы и берег Восточного моря от Камчатки на север описан был, намерение воспринял я ехать из

Нижнего до реки Караги, а оттуда вверх по ней до ее вершины и на Лесную реку, где сказано мне, что часто оленные коряки прикочевывают, и того ради генваря 6 дня требовал я Нижнего Камчатского острога от приказной избы надлежащего числа санок с собаками, а имянно под себя четверых да под служивых одних санок, а прогонных денег не требовал, а за прогонные деньги давал табак шар по здешней цене, по чему из казны продается, а имянно: по три рубли по осмидесят копеек фунт, при том же требовал, чтоб служивой Иван Паламошной, которой, как выше писано, в воровстве приличился, переменой был. По которому требованию каюры отправлены мне генваря 8 дня, и на перемену служивого Паламошнова прислан служивой Ефим Сысоев».

Ниже мы будем рассказывать о камчатской командировке нерчинского казака Екима Иванова сына Сысоева и более подробно поговорим об истории этой сибирской фамилии на Камчатке.

Шапкин Степан

Этому казаку и его товарищам не повезло – они погибли во время корякского восстания 1746 года. Вот отрывок из допроса Алексея Лазукова, одного из вождей: «Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоен Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать».

Шарыпин Михайло

Фамилия редкая: «…“литвин” тобольский сын боярский Спиридон Ранчковский после смерти в 1704 г. строителя Гостиного двора

в Тобольске Г. Шарыпина продолжит его с подъячим А. Морозовым, доведя до конца через пять лет…».

Из переписной книги Тобольска за 1710 год: «Двор на наемной татарской земле умершаго каменного дела подмастерья Герасима Яковлева сына прозвище Шарыпина жены ево вдовы Настасьи Никифоровы дочери сказала себе 40 лет у нее дети сын Василей 14 дочь девка Огрофена 7 лет…».

Ширшиков Мордарий

В 1696 году в Илимском остроге служили казаки Васька и Карпушка Ширшиковы.

В переписной книге Тобольскаа за 1710 горд: «Во дворе крестьянин Михайло Андреев сын Ширшиков сказал себе 40 у него жена Огрофена 40 лет дети сын Леонтей году дочерь Татьяна 10 лет…».

Щукин Никита

В 1646 году в Якутске был верстан в казаки промышленный человек Степан Иванов сын Щукин. В 1696 году в Тобольске служили тезки Петрушки Щукины — один в пеших казаках, другой в казаках литовского списка.

* * *

В том же 1722 году часть иркутских казаков была определена в Якутск на казачью службу:

Бердников Осип

Берды — это детали ткацкого станка и сам ткацкий станок, соответственно бердник — мастер по их изготовлению. Фамилия вместе с мастером пришла в Сибирь с Руси.

Бердников Емельян (Емелька) Савин, рядовой казак, отправленный из Иркутска на Селенгу в Ильинскую слободу к полковнику Ф.И. Скрипицыну, 1688 г.; иркутский рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699

1700 гг.; иркутский рядовой конный казак с денежным окладом 7 руб. в год, 1704 г. (С.А Гурулев, Первые иркутяне).

Бечевин Остафей

Бечевин (Большой) Иван (Ивашка) Васильев (Савельев), прядильщик с окладом 8 руб., по 8 четей ржи и овса, 3 пуда соли в год, 1697–1699 гг.

Бечевин (Меньшой) Иван Васильев, прядильщик с окладом 8 руб., по 8 четей ржи и овса, 3 пуда соли в год, 1699 г.

Бечевин (Бочевин) Степан, пятидесятник пеших казаков с окладом 5 руб. с полтиною, 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; прядильщик с окладом по 16 четвертей ржи и овса, 6 пудов соли в год, 1704 г. (С.А Гурулев, Первые иркутяне).

Иван Степанович Бечевин в 1730 году был записан в посад из казаков.

Вот, что сообщают о нем в Иркипедии: «Иван Степанович Бечевин (Бичевин; 1704 – 13 декабря 1759) — иркутский купец 1-й гильдии.

В середине XVIII в. считался самым богатым купцом Иркутска. Даже спустя столетие, в XIX веке, среди иркутян ходило предание о том, что Бечевин хранил в своих амбарах золотые, серебряные и медные деньги в бочках.

По данным Т.А. Крючковой, «в посадские люди он был записан в 1730 г. из казаков». Что явилось первоначальным источником накопления капитала для Ивана Степановича, не известно. Но в 1749 он взял на откуп «питейное дело» в Илимском уезду Иркутской провинции (48 кабаков), заплатив за это казне 6236 руб. Кроме того, он вел крупные торговые дела в Кяхте с китайцами. В 1750-х его приказчики доставляли с Тихоокеанских островов ценный мех морских зверей. Существовавший тогда закон не позволял частным лицам сбывать пушнину китайцам, поэтому Иван Степанович продавал этот товар российским купцам, а на вырученные деньги покупал, главным образом, сукно, которое отправлял в Кяхту для промена на китайские товары.

Пушной промысел шел успешно и в 1757 Иван Степанович обратился к губернатору с предложением организовать за свой счет экспедицию «к полуденным и северным странам на прежде обретенные, также буде сыщутся на неизвестные земли и острова даже до Анадырского устья, ежели ж… благополучность допустит, и вкруг Чюкоцких мысов до впадающих в Северное море рек и до устья Ленского». На этих островах «поверенные и работные люди» Ивана Степановича должны были промышлять «всякого зверя и птиц и другие надобные вещи». Обязуясь оплатить все расходы на экспедицию, Иван Степанович просил оказать ему содействие: предоставить мореходов и матросов, выделить переводчика, плотника, а также выдать две пушки,

порох и ядра «для осторожности и обороны в случающихся паче чаяния нападениях» сибирских аборигенов.

Получив от правительства разрешение на экспедицию, Иван Степанович начал ее подготовку. Кроме того, он вошел в компанию купцов московского Ивана Никифорова, тобольского Ильи Снигирева и вологодского Ивана Буренина, ставивших своей целью добычу пушнины на островах северной части Тихого океана.

Однако судьба распорядилась иначе. В 1758 среди прочих иркутских купцов Иван Степанович попал под следствие по обвинению в утайке от казны истинных доходов от продажи вина (изготовление вина обходилось в 50–60 коп. ведро, а продавал он его по 1 руб. и более). Возглавлял следствие коллежский асессор из Петербурга П.Н. Крылов, посланный в Иркутск обер-прокурором Сената А.И. Глебовым со специальным заданием — заставить иркутских купцов отказаться в пользу Глебова от винного откупа.

В ходе розыска Иван Степанович, несмотря на пытки (закован в цепи, сечен плетьми), отвергал все возводимые на него обвинения. Но, будучи поднят на дыбу, обещал заплатить Крылову «откупную» (взятку) в 15 тыс. руб., после чего был освобожден. Под давлением следствия увеличил размер «откупной» до 30 тыс.руб.

Пытки подорвали здоровье Ивана Степановича и явились причиной его смерти. Однако он успел полностью снарядить экспедицию и отдать приказ об ее отправке. Построенный на его средства бот «Св. Гавриил» в 1760 вышел с Камчатки, взяв курс на восток. Плавание продолжалось в течение двух лет, «Св. Гавриил» посетил Алеутские острова и Аляску, вследствие этого плавания на русских картах Аляски появился залив, названный именем Бечевина.

Согласно данным Т.А. Крючковой, «в 1750-е гг. на средства Бечевина начали строиться в Иркутске три обширных каменных храма: Тихвинская церковь (заложена в 1754), Знаменская (в 1757) и Благовещенская (между 1754 и 1759). ...И.С. Бечевин жил в приходе Тихвинской церкви. Дом его находился в районе современной центральной городской площади им. Кирова, бывшей Тихвинской. В 1801–1805, когда площадь очищалась от всех строений для хлебного базара, развалины его дома еще были видны».

Похоронен был Иван Степанович рядом с иркутской Тихвинской церковью.

Оставшееся после смерти Ивана Степановича имущество за неимением у него родственников продано с аукциона. Вырученные деньги (22 413 руб.) использованы на нужды города.

Галашев Семен

Фамилия впервые появляется в 1647 году: «Да с ним же, Гаврилком, идут покрученики Васильева ж приказчика Семена Нерадовского — Нечка Осипов, Гаврилко Федоров Галашев».

Покрученники – наемные работники. Семен Нерадовский — приказчик торгового человека Василия Федотова сына Гусельникова.

В 1681 году в Якутске служил Галашев Васька.

В 1689 году в Тобольской губернии отмечены беломестные драгуны Иван Сергеев сын Галашев (53 лет) и отставной казак Иван Сергеев сын Галашев (71 год).

Гласков Мосей

В 1623 году под Тобольском была деревня Гласкова. Правда, в той деревне почему-то были дворы стрельцов и казаков, а сам крестьяни Гласков поселился рядышком с деревней своего имени: «Починок да долгом яру в межах с пашенными крестьяны с одну сторону с Ивашком Гласковым а в другую сторону с Пашею Олумпиевым да с Дениском Кузьминым пешево казака Ганки Тарасова пашни перелогом на поляне меж дубровы 50 четей да от ево ж пустоши к реке Тоболу Бухарские Меримовские пашни по отводу человека ево Айгучака покинута в пусте пашни перелогом же 25 четей. Деревня Гласкова на речке Чегитке».

Но это еще не все:

«Деревни вверх по реке Тоболу посацких людей. Деревня Гласкова. И всево вверх по реке Тоболу на посацких людей в одной деревне у пашенново крестьянина у Ивашки Гласкова 3 двора да починок и людей в них 4 человека да их детей один человек. Пашни паханные середней земли 20 четей перелогу 69 четей в поле а в дву потому ж. Лесу пашенново 20 десятин. Сена косит 1870 копен а емлют с них пахоты на государя выделной сноп».

«Деревня на речке Чигитке. Во дворе пашенные крестьяне Ивашко Семенов Гласков. У нево два сына Ивашко, да Павлик да зять ево гулящий человек Ивашко Кузмин Дегтярник. Пашни пахан-

ные середние земли 9 чети с полуосминою и с четвериком. Перелогу 6 чети с полуосминою в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 13 десятин. Сена косит местами 150 копен. Под поскотиною 20 десятин. Живущим четь выти с получетью впусте четь выти да он же косит сено по ниже своей деревни против Долгово яру за рекою Тоболом на другой стороне меж от Асекитова огороду по Миримов баярак 500 копен».

А вот сведения о первых иркутянах: «Гласков (Глазков) Ефим (Елфим), рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; рядовой пеший казак с окладом 7 руб. в год, 1704 г.».

Котельников Леонтей

И невольно мы продолжаем тему Гласковых, о которых писали выше: «Деревня Гласкова на речке Чегитке. Во дворе стрелец Тараско Нефедьев. Пашни паханные середней земли 4 чети перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. Поскотинные полевые земли чистово места 6 десятин. Сена косит около пашни 230 копен да позади Тараса Нефедьева пашни от межи за болотом до Шолума и по речке Чегитке в Россошах пустошь стрельца Мишки Ильина Котельника. Пашни перелогом 25 четей. Сена косит около своей пустоши по низким местам 50 копен».

То есть, в 1623 году в Тобольске служил в стрельцах Мишка Ильин Котельник.

И Котельниковых в Тобольске было превеликое множество.

Но вот, что интересно — якутские Котельниковы пришли из Енисейска: Дмитрий (1645 г., промышленный), Василий (1706 г., вторая пятидесятня).

«В 1689 г. ясачные сборщики, посланные приказчиком А.И. Цыпандиным «по Анандырю реке к морю к чюхчам для ясашного костяного збору», не возвратились в Анадырский острог: «ясачные чюхчи тех ясачных зборщиков убили».

На поиски В.Ф. Кузнецова в «коряцкую землю» из Анадырска по приказу А. Цыпандина отправился отряд Ивана Котельника. Получив информацию, что Кузнецов якобы ушел к чукчам, Котельник двинулся к ним же. Чукчи встретили русских враждебно и «учинили бой», в ходе которого впервые применили огнестрельное оружие, захваченное у Кузнецова. Цыпандин сообщал: «ис пищалей по казакам, и по торговым, и по промышленным людям стреляли, которые взяли у Василия Кузнецова, и

впредь хвалятца, что Анадырской острожек и ясачное зимовье взяти и казаков и всяческих чинов людей побить, а сказывают про их похвальбу и про воровское их убийство полонянки, которые полоняники были у тех воров, чюхоч, в полону и прибежали в Анадырский острожек и в ясачное зимовье» (А. Зуев).

Первые сведения о забайкальцах: 1669 г. «Сенка Марков Котельников, холост, служит на Байкале».

1747 г. «Потапов, прибыв в Анадырской острог, жил до октября месяца 747 году, а в октябре из Анадырска Поехали в Олюторской острог, которой еще тогда был не в измене, за сбором ясака сборщик Михайло Сорокоумов с командою, то де и он, Потапов, для осмотру Акланского острогу, в каком состоянии оной находится, попутно и поехал, и едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовшиками **Ефремом Котельниковым**, с Петром Куклиным, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и созжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками, а у кого оная пороховая казна и пушка и оружие имеютца, того он, Потапов, не знает, токмо де нашли одну фузею, покинута в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новогородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивиэра фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чюдотворца и псалтырь, в чем имеет за рукою ево росписку, которую объявляет при сем допросе».

Камчатский казак Николай Васильевич Котельников был участником обороны Петропавловского порта.

Малышев Алексей

«В царской грамоте 1649 года “на Тюмень” воеводе С.А. Чоглокову есть предписание за прежние службы и “за кровь” местного стрелецкого сотника Бесчастного Малышева передать эту должность его сыну Борису с тем же окладом деньгами, хлебом и солью. В грамоте излагается содержание челобитной Б. Малышева: он “беспрестанно” служил 65 лет, участвовал в пленении жен и сыновей хана Алея, когда был ранен, а посланный с оказавшимися в неволе царицами и царевичами в Москву

из-за ее блокады тушинцами отправился в Новгород и в течение полутора лет сражался с "ворами" под началом знаменитого полководца боярина М.В. Скопина-Шуйского, был "на боех ранен в трех местах". Вскоре после возвращения в Тюмень, в 1610—1611 гг. Б. Малышева опять направили в Москву, и "полтретья года" он бился с поляками и "литвой" в рядах ополчения боярина князя Д.Т. Трубецкого, получил четыре раны, а очутившись в плену, был "накрепко" пытан в Кремле и следом обменен на трех "литвинов". Вернувшись в Тюмень, он (по его же свидетельству) на протяжении пяти лет, до болезни, являлся головой у служилых татар, а с 1621–1822 гг. — сотником пеших стрельцов».

1636 г, Енисейский острог: казак «Пронька Малышев. Пахоты его 4 чети ржи, 4 чети ячменя, 4 чети овса. А переложные земли 18 десятин».

В 1669 году Первушка Емельянов Малышев, десятник, служит на Байкале.

В 1708 г. казак Степан Касимов, приказчик Тауйского зимовья, писал в Якутск, что в тот год бывший приказчик сын боярский Савва Малышев собрал в Тауйском зимовье «ясачную соболиную и лисичную казну на 1798 год» и что в тот же год на Армань приходили неясачные оленные коряки и напали на «тутошних ясачных оленных и пеших тунгусов». Но те дали отпор корякам и захватили одного из них в плен.

В 1711 году Дмитрий Малышев проводил допросы взбунтовавшихся казаков вместе с приказчиком Василием Колесовым.

Пестов Петр

В 1650 году в Якутске в чине сына боярского служит Пестов Яков Васильев сын.

В 1653 году красноярский казак Никитка Амосов Пестов в числе других казаков подписал челобитную о злоупотреблениях на Амуре Ерофея Хабарова.

Попов Иван

Романовцов Иван

В числе первых иркутян отмечен **Романовцев Федор**, рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.

В 1700 году Романцовы проживали также в Тюмени, в деревне Березоввый Яр над рекою Турою.

Рысев Иван

В 1669 г. Рысевы проживали в деревне Волосникова Тобольского уезда.

Иркутск. «Во второй половине XVIII в. численность цеховых ремесленников в Иркутске заметно увеличилась. Но по-прежнему не хватало опытных, квалифицированных мастеров. В 1769 г. в городе состояло 726 цеховых, но Иркутская земская изба считала, что этого числа мало для удовлетворения местных нужд и рекомендовала увеличить их количество в три раза. Ремесленные цеха в Сибири появляются в 1720-х гг. Запись в них была свободной, так же, как свободным был и выход из цеха. Для цеховой организации не характерной была жесткая регламентация количества и качества изделий, числа подмастерьев и учеников, свойственная западноевропейским цехам. Все цеховые составляли особое общество, во главе которого стоял из их среды выбираемый староста. Цех же возглавлял свой алдерман. Необходимо уточнить положение Ф.А. Кудрявцева, который считал, что все ремесленники Иркутска состояли в одном цехе. Быть может, так и было при создании цеховой организации в Иркутске, но уже в 1767 г. в документах называются алдерманы по шести специальностям (цехам): кирпичной — Василий Чупров, плотницкой — Алексей Рысев, чарошной — Григорий Сафронов, слесарной — Семен Ефимов, шерстобитной — Иван Белых и по «серебренному мастерству» — Андрей Обухов. В 1820-х гг. в Иркутске отмечено уже 14 цехов. Ремесленных специальностей было, конечно, значительно больше. Как правило, в цех входило несколько родственных производств. Так, иркутский алдерман А. Рысев возглавлял плотницкое, кадочное и ушатное мастерство».

Крестьяне Рысевы также проживали в Баргузинском остроге: «1762 г. июня — д. с. ц. Семен Петров с. Калпашников (30) 48 л.; у него ж. Пелагея Дмитриева дч. 35 л., вз. в зам. Баргузинскаго острогу у кр-на Дмитрия Рысева, дети: Иван 10 л., Алексей 2 мес., дч. Устинья 2 л.».

Сергеев Иван

В 1623 году в «старой сотне» Тобольска служил литвин Первушка Сергеев: «Деревня за плоским баяраком. Во дворе служилые люди

литвин Первушка Сергеев да стрелец Степан Назаров у Первушки паханые середние земли у двора меж лугов и дубров четыре чети да перелогу три чети без третника в поле а в дву потому ж. Степановы паханые середние земли две чети да перелогу три чети без третника да в дву потому ж да у обех у них вопче поскотинные земли в логах пятьдесят сенных покосов около пашни и по логам и по отвержкам в дуброве сто копен да позади их паханых и переложных земель дуброва пашенова лесу десять десятин».

Сергеев Пятунька был в Амурском походе Ерофея Хабарова (1650–1653) и подписывал челобитную о его злоупотреблениях.

В 1655 году в составе отряда Афанасия Пашкова ушли в Даурию тобольский казак Ондрюшка Сергеев, тюменский казачий десятник Ромашка Сергеев,

В числе последних, оставшихся в живых, защитников Албазина был Сергеев Стенька.

В 1699 году Павел Сергеев служил в Аргунских конных казаках.

В апреле 1696 года имя Ивана Сергеева упоминается в Договоре, заключенном между служилыми людьми Селенгинска, Удинска, Кабанского и Ильинского острогов о взаимной поддержке и организации органов самоуправления.

В числе первых иркутян С.А. Гурулев называет двух:

Сергеев Трофим, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну.

Сергеев Фома, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну.

Сереткин Анисим

В 1689 г. в Тобольске отставной драгун Степан Яковлев сын Сереткин 46 лет.

1673 г. Илимского ж присуду Орленские волости пашенные крестьяне

Тимошка Семенов сын Сереткин з детьми с Роткою с Ывашком с Ывашком же с Офонкою с Пашкою с Ывашком …

В 1719 г. в Красноярске отмечен двор отставного пешего казака Трифона Сереткина, у которого в казаках сын Лука, а у Луки дети Петр и Яков; а также двор отставного казака Степана Серет(д)кина, у которого сыновья Ерема, Иван, Павел, Михайла.

Софьин Прокопей

В 1662 году в Красноярске служил в пеших казаках Софьин Федка Юрьев.

В 1671 году в Красноярске в пеших казаках «Федька Юрьев с. Софьин, ж-т в д. на Овсянке, а у него детей Ивашко 17 л., не в службе, да Ивашко ж 11 л.». И еще один его сын, пеший казак «Якунька Федоров с. Софьин, ж-т в д. на Овсянке у отца своего».

В 1689 году в Тобольске записаны крестьяне Софьины.

В период Большерецкого бунта 1771 года выявилось имя штурманского ученика Софьина: «14 мая возвратились с Чекавки в Большерецк сотник Черных и другие лица, взятые Беньевским под арест. Управление Камчаткою, по выбору народному, 30 апреля было поручено командиру судна “Св. Екатерина” штурману Софьину, который составил опись казенному имуществу, разграбленному Беньевским, и вытребовал от верхнекамчатской избы 12 человек служилых и из Нижнекамчатска 40 человек на случай нового нападения на острог Беньевского. Но в июне месяце Софьин сдал должность каптернамусу Рознину, а сам на судне “Св. Екатерина” отправился с донесением о бунте в Охотск, куда прибыл 9 июля.

Находившийся в то время в Охотске полковник Зубрицкий собрал от Софьина и команды его подробные сведения о бунте и 27 июля послал об этом донесение в иркутскую провинциальную канцелярию. Но начальник Охотского порта Пленеснер по каким-то причинам не придавал большого значения этому событию и только 26 августа отправил о нем краткое донесение в Иркутск, а 5 сентября послал в Большерецк капитан-лейтенанта Хметевского с 15-ю человеками команды для управления Камчаткою и производства следствия о бунте».

Его имя мы узнаем из документов Секретной экспедиции Креницына-Левашева: «20 июля 1768 г. галиот “Св. Екатерина” (Креницын) и гукор “Св. Павел” (Левашов) вышли из реки Камчатки и направились к Командорским островам. 27 июля суда подошли к острову Беринга, до 5 августа лавировали между островами Беринга и Медным, беря пеленги и описывая острова. Это была первая профессиональная инструментальная съемка Командорских островов. Исследователи уточнили многие определения промышленников.

Всего экспедиция Креницына-Левашова оставила нам 53 вахтенных, береговых и путевых журнала, в которых отражена вся

ее деятельность. Журналы содержат огромный гидрографический, этнографический, исторический материал, в том числе и сведения об освоении купцами Алеутских островов. Участники экспедиции фиксировали, где, какое и чье судно было. Так, в журнале галиота “Св. Екатерина” во время лавирования между островами Беринга и Медным записано: “Подошел к нам гукор ‘Св. Павел’ и со оного командующей объявил нашему командующему, что судно шло купца Трапезникова с Медного острова на Берингов. Идет для забрания оставшихся там людей и отправилось из Нижне-Кам(чат)ского острога в 1766 г. и на Медном острову разбило, и из него ж ноне зделано новое, и на судне командиром штурманский ученик Василей Софьин, передовщик казак Низовцов…”».

В 1760-х годах в Охотской навигацкой школе преподавали такие опытные мореходы, как лейтенанты И.Б. Синдт и А.М. Юрлов, штурман 14-го класса Кожевин, подштурманы Василий Софьин и Михаил Неводчиков.

Ушаков Алексей

Ушаков Андрюшка, тобольский казак станицы ермаковского атамана Ивана Александрова (Черкаса) «во 147м году посланы ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тобольских служилых людей».

Ушаковы — фамилия тобольских (тюменских и якутских) детей боярских:

«Красный Яръ требовалъ помощи противъ калмыковъ и Яковлевъ послалъ туда 20 человѣкъ да кузнеца Кондрашку Моисеева для дѣла защитныхъ пищалей. Въ Енисейскомъ остроге воевода велелъ приготовлять оружіе и сдѣлано 9 пищалей по полутретью аршина, десятая пищаль Заршинъ; къ пищалямъ сдѣланы ядра по гривенкѣ весомъ. На Казачій Лугъ къ Красноярскому рубежу изъ Енисейскаго острога посланъ тобольскій боярскій сынъ Иванъ Ушаковъ съ енисейскими служилыми, посадскими и промышленными людми “для бережи отъ прихода воинскихъ людей”, тамъ велѣно Ушакову поставить острогъ. Вездѣ по уезду разосланы боярскіе дѣти и служилые люди подѣлать по переправамъ и на “проходѣхъ” остроги и надолбы двойные съ связями и наметами, а въ лесахъ засечь крѣпкія засѣки, на грязяхъ и перелазяхъ четвертня рогульки, Ушаковъ вскорѣ сообщилъ воеводѣ Яковлеву, что калмыки и киргизы воюютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ близко къ Енисейскому. Яковлеву посылать было уже некого, осталось въ Енисейске всего 33 человѣка, да и тѣ разосланы въ уѣздъ. “Если бы, государь, — доноситъ въ Москву Яковлевъ, — въ твоей великаго государя казнѣ въ Енисейскомъ и Красноярскомъ острогахъ были большія пушки и тысячи по двѣ мушкетовъ и пушечныхъ запасовъ было много и за милостію бы, государь, Божіею и твоимъ великаго государя счастіемъ непріятельскихъ людей было оборонитца мочно”, потому что въ Енисейскомъ уезде и остроге живетъ больше тысячи промышленныхъ людей, кромѣ всякихъ жилецкихъ людей. Красноярскій воевода сообщаетъ Яковлеву, что калмыки идутъ на Енисейскъ и на Бѣлую деревню. Воевода Яковлевъ употребляетъ всѣ силы на укрѣпленіе острога и другихъ пунктовъ. Въ Енисейскѣ кругомъ посада Яковлевъ велѣлъ сдѣлать новый острогъ и башни “со всѣмъ городовымъ строеніемъ и вокругъ острога надолбъ 53 сажени”. Служилые люди, дѣти боярскіе, казачій голова, торговые и промышленные люди сдѣлали 761 саж. да надолбъ 788 саженъ. Въ острогѣ поставлены 6 башенъ со всѣмь башеннымъ строеніемъ, съ верхнимъ и нижнимъ боемъ. Въ уѣздѣ сдѣлано 8 остроговъ съ бойницами и 8 башень. Всего было сдѣлано 1727 саж. остроговъ, 14 башенъ, 5377 саж. надолбъ и засѣкъ. Въ Маковскомъ остроге для присылаемыхъ казны и хлѣбныхъ запасовъ построены 6 большихъ амбаровъ; промышленнымъ и торговымъ людямъ велѣно ставить эти амбары для безопасности въ остроге; велѣно устроить житницы въ другихъ острогахъ. Яковлевъ старался увеличить число служилыхъ людей; онъ велѣлъ прибрать въ бѣломѣстные казаки, въ конную службу 100 человѣкъ. Новоприбранные казаки поселены по р. Бѣлой и по р. Кеми. Они получали на приборъ, на лошадь по 10 рублевъ, порохъ, свинецъ и мушкетъ. Они обязаны были относить службу безъ жалованія за пашню» (Кытманов, Краткая летопись).

1668 г. «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи — сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко

Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олерка Ошурок, Лучка Щшурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись» (Ф.Г. Сафронов, История Северо-Восточной Азии 17 – нач. 20 в.)

А в Енисейске был известен посадский (торговый человек) устюжанин Иван Ушаков:

«1682 Въ Енисейскѣ производится сыскъ о злоупотребленіяхъ Енисейскаго “пивнаго откупщика” устюжскаго посадскаго человѣка Ивана Ушакова. Поводомъ къ сыску послужило то, что Ушаковъ держитъ въ Енисейскѣ много кабаковъ, отчего служивые, посадскіе и крестьяне пропились и раззорились. Сыскъ оказался въ пользу Ушакова, и пивной откупъ оставленъ въ Енисейскѣ за нимъ. Откупъ оказался въ рукахъ его прикащиковъ, потому что самъ онъ по случаю назначенія его въ гостиную сотню долженъ былъ отправиться въ Москву» (Кытманов, Краткая летопись).

Харламов Василей

В 1630-х годах в Таре служили дети боярские Третьяк и Дмитрий Харламовы: «Дмитрий Харламов был, вероятно, сыном или племянником Третьяка Харламова. Представители этой фамилии встречаются среди начальных людей и детей боярских других сибирских городов, в т.ч. Тобольска и Томска, и нет сомнения, они также, как и Поливановы, принадлежали к потомственным «служилым по отечеству» из Центральной России».

Харламов Якунька принимал участие в Амурском походе Ерофея Хабарова (1650-1653 гг.).

Харламовы были среди енисейских крестьян в Кемской слободе. Обратите внимание на имена детей: «Богдашка Харламов сын з детьми с Ывашком с Ывашком ж с Ывашком же ...».

Юнжаков Симон

Фамилия очень редкая. И встретилась нам только один раз – в переписной книге Тобольска за 1710 год: «Во дворе посацкой человек Савелей Тимофеев сын Юнжаков сказал себе от роду

35 лет жена у него Лукерья 30 лет дети у него дочери Анна 17 лет Дарья 15 лет Ульяна 12 лет Матрена 10 лет Овдотья 7 лет Настасья 5 лет Овдотья 4 лет Орина полтора году да брат у него родной Иван 32 лет...».

* * *

Были направлены на Камчатку казаки и из Селенгинска (первые сведения об этолм мы находим здесь:

Переписная книга убылымъ после 1-й переписи (1722 г.)

...переписи разными случаи убыло, а именно: померло 1289, взято въ рекруты 142, бъжало 71, выбылъ въ коллежскіе ассессоры 1, въ посады и въ цехи 128, во дворянахъ 2, въ казачей службъ 59, написанныхъ двоекратно 17, взяты въ Камчацкую экспедицію 9 (начата в декабре 1724 года после указа Петра I — авт.), собою перешли въ Иркуцкъ 5, отданъ къ Троицкому монастырю полковымъ дворомъ 1, посвящены въ попы 2, во дьяконы 1, пострижены въ монахи 3, выбылъ въ богадъльню 1, въ Иркуцку на суконной фабрикъ 1, всего 1732;

Изъ приписаныхъ послъ прежней 722 г. переписи убыло: померло 159, взято въ рекруты 14, бъжало 18, въ посадъ 2, въ казачей службъ 1, высланъ на прежнее жилище 1, пострижены въ монахи 2, и того 196.

Всего во ономъ городъ Селенгинскъ и въ уъздъ изъ прежней переписи, тако жъ и изъ приписныхъ послъ оной въ подушной окладъ, убыло 1928.

(Подписали): Кавалеріи Луцкого полку капитанъ Сергъй Плохово, секратарь Степанъ Скалинъ, Иркуцкой провинціальной канцеляріи канцелярістъ Петръ Курдюковъ.

Сибирские города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столътій. Нерчискъ. Селенгинскъ. Якутскъ.

Москва, 1886.

* * *

Служба на Камчатке иркутских, селенгинских, нерчинских казаков — это огромный неисследованный еще пласт отечественной истории. И поэтому мы обратимся к трехтомному труду Афиногена Прокопьевича Васильева «Забайкальские казаки», в которой он рассказывает о предыстории формирования забайкальских казачьих гарнизонов, откуда потом отправятся казаки на Камчатку

В частности, он делает следующее обобщение:

«Итак первое зерно Забайкальского казачества сложилось из потомков:

1. *300 казаков Пашкова.*
2. *15 казаков Степанова и Хабарова.*
3. *Присланных из западной Сибири и Енисейска в 1664 году 80 казаков.*
4. *Набранных в 1665 году в нынешней Иркутской губернии Ловцовым и Васильевым 90 казаков селенгинских.*
5. *600 казаков приведенных Бейтоном из западной Сибири.*
6. *84 албазинцев, уцелевших во время Албазинской осады.*
7. *1400 казаков, набранных во всех сибирских городах Головиным,*
8. *Оставленных им в Селенгинске 200 стрельцов.*
9. *Присланных в 1693 и 1696 годах из западной Сибири 234 казаков.*
10. *Лиц разных званий, зашедших в Сибирь и крещенных инородцев, одиночно зачисленных в убылые места.*
11. *Служилых старших званий: детей боярских и приказчиков, присланных в Сибирь в наказание за малые проступки «в казачью службу» (последних очень мало).*

Присылаемые пачками казаки быстро исчезали, но кое-которые оставались и оседали.

И вот в 1725 году, когда были установлены новые штаты казаков, потомки всех их сгруппировались около Нерчинска, Селенгинска и Удинска.

По штату 1725 года 21 августа положено было иметь

	конных	*пеших*
В Нерчинске	*300*	*200*
Верхнеудинске	*50*	*50*
Селенгинске	*150*	*100*
Баргузине	*–*	*41*
Итого	*500*	*391*

Эти казаки 891 чел., (вместе с женами и детьми, нужно полагать около 4 тысяч человек) и положили основание казакам Забайкальцам нынешних 1-го и 2-го военных отделов (Акшинским и Троицкосавским)». Т. 1, стр. 227

* * *

Благодаря этому документу, мы можем сегодня поименно восстановить тех людей, от которых и ведут свою родословную забайкальские казаки.

1655 г., 3 апреля.

Челобитная и послужной список охочих и служилых амурских казаков, пришедших на Амур с Е. Хабаровым, Т. Чечигиным, Д. Зиновьевым, П. Бекетовым, И. Кашинцем.

Лета 7163 апреля в 3 день на государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии службе в дальней его государеве вотчине на Великой реке Амуре список послужной имянной Якутцкого острогу служилым и охочим амурским казакам со 161 году, как приезжал дворянин Дмитрей Иванов сын Зиновьев, и которые оставлены после Дмитрея Зиновьева розных городов тобольские и тюменские и сургутцкие и верхотурские и Туринсково острогу служивые люди и Верхоленского острожку служивые и охочие амурские служивые люди, да Енисейского острогу служилых людей тритцать человек и которые пришли охочие служилые люди с служивым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом и которые пришли с верх-Шилки-реки с енисейским с сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым Енисейского острогу служивые и охочие служивые ж люди дватцать восемь человек. А служили те служивые и охочие амурские казаки государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии на Великой реке Амуре и по иным сторонным розным рекам на боях в походах в прежных годех преж приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки и сидели в осаде от богдойских воинских людей и от иных розных земель собранья в Усть-Комарском острожке всеми амурскими служилыми и с охочими амурскими казаки и с енисейским сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым з дватцатью с осмью человеки и билися явственно.

И тем всем служилым людем написаны имяна их в сем в послужном списку порознь по статьям, хто в котором году на Великой реке Амуре учал государеву службу служить:

Приказной человек Онофрей Степанов, Служилой человек, вместо подьячих Богдашко Габышев, Ясаул Олешка Кирилов, Ясаул Тимошка Федотов.

Служилые люди и вольные охочие казаки, которые пришли в прежных годех с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым:

Семейка Григорьев Бердонос, Семейка Федоров Бойдонов, Тренка Вахромеев, Филка Иванов Высокой, Захарко

Кузьмин Грибанов, Мики-форко Данилов, Ондрюшка Дмитреев, Кондрашка Иванов, Кормашко Иванов, Максимка Иванов, Фомка Ильин, Тимошка Исаев, Федотко Дорофеев Кивокурец, Сергушка Киприянов, Лучка Иванов Кортов, Митька Алексеев Кочкин, Демка Лукьянов, Родька Махин, Ивашко Иванов Мезеня, Мишка Монзик, Первушка Нефедов, Марчко Ондреев, Петрушка Данилов Остяк, Ивашко Калинин Пачезер, Ортюшка Филипов Петриловской, Ондрюшка Петров, Ондрюшка Степанов Потаповых.

Ивашко Григорьев Протопопов — сын дьяка Сибирского прказа Григория Протопопова — московского покровителя Ерофея Павловича Хабарова.

Гришка Таушкан, Микитка Терентьев, Ивашко Иванов Торопыга, Семейка Федоров Тюменец, Харка Федосеев, Митька Микитин Хохряков, Ивашко Михайлов Чупров, Трошка Карпов Южан, Ярофейко Яковлев, толмач Логинко Ярофеев.

Якутцкого острогу служилые люди, которые пришли в другой приход с Ярофеем же с Хабаровым:

Максимко Михайлов Барабанщик, Васька Верхотур, Кузька Гиляк, Васька Григорьев, Ивашко Иванов Дуда, Баженко Евсивьев, Лучка Иванов, Ондрюшка Иванов, Сенька Иванов, Ивашко Карпов, Мишка Ортемьев Кашинец, Васка Иванов Козлов, Федька Кондратьев, Климко Микитин Корела, Федька Максимов Коркин, Васька Куржумов, Пашко Максимов, Трофимко Микитин, Оверка Микифоров, Ярофейко Михайлов, Сенка Понкратов Мотоход, Савастьянко Никитин, Ивашко Оверкьев, Лучка Кондратьев Оморен, Федотко Онаньин, Богдашко Онисимов, Ондрюшка Орефьев, Семейка Прокопьев, Омелка Сарафан, Федька Иванов Серебреник, Федька Елизарьев Скосырь, Ерофейко Степанов, Ивашко Мартемьянов Сухой, Филка Емельянов Табаков, Пронка да Ивашко Тарасовы, Оска Федосеев, Ивашко Федоров Чермной, Ивашко Олексеев Шубан, Гришка Онтонов Шуйской, Микулайко Юрьев.

Красноярские казаки того ж приходу:

Федька Алимпиев, Кирилко Игнатьев.

Охочие амурские казаки того ж приходу:

Баженко Алексеев, Федотко Леонтьев Бурдук, Постничко Меркурьев Бушовало, Исачко Васильев, Ивашко Терентьев Годовиков, Арсючко Гордиев, Ивашко Ондреев Горин, Омелька Григорьев Горлан,

Гришка Юрьев Даровин, Васка Дмитриев, Мишка Семенов Донщина, Онтонко Евсевьев, Ларка Евтифеев, Нефедко Ермолин, Тимошка Семенов Жуков, Еришка да Ондрюшка Земаревы, Баженко Измайлов, Гаврилко Герасимов Кайгород, Васка Карпов, Ивашко Елфимов Квашнин, Исачко Кирилов, Васка Федоров Киселев, Васка Иванов Козлов, Якунка Пимонов Кокушка, Васка Корела, Насонко Кузьмин, Якунка Федоров Куниловской, Калинка Леонтьев, Титко Леонтьев, Исачко Лукьянов, Федотко Лукьянов, Ивашко Ларионов Малой, Пронка Мартемьянов, Васка Иванов Митрополщина, Кулька Микитин Москва, Ивашко Никифоров, Стенка Леонтьев Новогородец, Оська Яковлев Оленев, Сенка Ондреев, Савка Ортемьев, Петрушка Пакул, Кондрашко Панфилов, Ивашко Парфенов, Никитка Амосов Пестов, Ортюшка Осипов Пьяной, Стенка Савин, Климко Ондреев Салдат, Огапитко Трофимов Салдат, Митка Селиванов, Стафейко Семенов, Ивашков Сергеев, Тимошка Семенов Старик, Ивашко Григорьев Сумин, Андрюшко Васильев Строганов, Вторко Иванов Теленок, Фара-фенко Тимофеев, Оська Трофимов, Митька Назаров Тютя, Андрюшка Федоров, Аниска Федоров, Филка Филипов, Ивашко Лаврентьев Шарабара, Ивашко Иванов Южак.

Служилые люди, которые пришли с Тренкою с Чечигиным да с Ортюшкою Петриловским:

Васка Ондреев Бегун, Сергушка Березовский, Ондрюшка Иванов, Гордюшка Кузьмин, Мартынко Ларионов, Ивашко Малафеев, Ивашко Игнатьев Манзурьев, Кузька Мартемьянов, Ивашко Самойлов Молоков, Першка Ондреев, Никитка Павлов, Якунка Парфенов, Олешка Пелезаров, Сенка Сажин, Олешка Микитин Самороков, Ондрюшка Семенов, Ондрюшка Шипицин.

Охочие амурские служилые люди:

Гришка Акипсимов, Гришка Иванов Бобаевской, Стенка Павлов Буслаев, Васка Дементьев Бычек, Якунка Варламов, Безсонко Васильев, Гришка Васильев, Левка Васильев, Порошка Васильев, Трофимко Васильев, Никитка Григорьев, Евсийко Фотиев Гурылев, Ивашко Евсевьев Долгой, Гришка Иванов Дунаев, Ивашко Захаров, Семейка Захаров, Ивашко Офонасьев Зырян, Кипрушка Иванов, Овдейко Иванов, Елизарко Игнатьев, Филка Карпов, Тимошка Иванов Касимовец, Ивашко Кирилов Козоеб, Васка Дмитреев Колмогор, Савка

Иванов Коркин, Пронка Петров Крашенинник, Тренка Федоров Кузнец, Федька Кузьмин, Ивашко Лукьянов, Гришка Мартынов, Елфимко Матвеев, Олешка Матвеев, Митка Микитин, Федотко Микитин, Сенька Михайлов, Тараско Никитин, Парфенко Огафонов, Калинка Ондреев, Кондрашка Ондреев, Трофимко Онтропов, Фетька Орефьев, Ондрюшка Ортемьев, Шестачко Офонасьев, Ивашко Васильев Пан, Малашко Парфенов, Фомка Парфенов, Костька Патрикеев, Тимошка Пиминов, Гришка Прокопьев, Нифачко Прохоров, Парфенко Прохоров, Васка Иванов Пушма, Петрушка Максимов Рожа, Ивашко Иванов Рудаков, Якунка Савин, Ортюшка Вахромеев Сажин, Мишка Огафонов Свечник, Лучка Семенов, Пятунка Сергеев, Онофрейко Дмитриев Солдат, Ивашко Стефанов, Ларка Стефанов, Волотка Тимофеев, Софонко Тимофеев, Тренка Титов, Митка Иванов Тюменец, Евсейко Фатьянов, Богдашко Федоров, Дмитрейко Фотиев, Ивашко Фофанов, Еремка Харитонов, Ивашко Харитонов, Офонка Честиков, Петрушка Остафьев Шадра, Федько Офонасьев Шергин, Овдокимко Южак, Якунка Григорьев Южак, Трошка Якимов, Ивашко Яковлев, Мишка Яковлев, Олешка Яковлев, Ортюшка Яковлев, Якимко Яковлев.

Тобольские служилые люди, которые пришли с Дмитреем Зиновьевым в прошлом во 161 году:

Фролко Акилов, Федка Александров, Лучка Васильев, Нестерко Васильев, Дениско Вахромеев, Федка Иванов Желиборской, Ивашко Олексеев Зай, Симанко Захаров, Бориско Епифанов, Олешка Игнатьев, Микулко Иванов, Васка Киприянов, Тихонко Колупаев, Логинко Кондратьев, Кирилко Онтонов Кособоров, Оничка Иванов Крапивин, Ивашко Иванов Круглой, Ивашко Онтропов Кубышкин, Филка Степанов Лопатка, Левка Матвеев, Васка Микитин, Никитка Михайлов, Ивашко Гаврилов Москва, Онтонко Никифоров, Васка Иванов Новопашенной, Гришка Олексеев, Оска Ондреев, Трошка Ондреев, Ермолка Ортемьев, Фетка Осипов, Олешка Пантелеев, Ивашко Петров, Пятунка Петров, Мишка Сидоров Рагозин, Ивашко Сидоров Рагозинников, Петрушка Родионов, Огафонко Самойлов, Ивашко Миронов Серебреник, Мишка Иванов Серебреник, Ларка Григорьев Сорокин, Макарко Софронов, Данилко Спиридонов, Тимошка Стефанов, Левка Матвеев Талыга, Сергушка Титов, Оничка Федотов, Кондрашко Филипов, Ивашко Дмитреев Чолпановской, Ивашко Чурка, Митка Сергеев Шигунин,

Ивашко Харитонов Широкой, Митка Иванов Щербак, Ивашко Яковлев Юрга, Артюшка Юрьев.

Тюменские служилые люди:

Ивашко Васильев, Сенка Григорьев Голой, Митка Самойлов Гурьев, Васка Дмитреев, Сергушка Иванов, Потапка Клементьев, Онисимко Кондратьев, Ондрюшка Костянтинов, Сенка Иванов Кузнец, Тимошка Иванов Май, Первушка Мякинин, Сергушка Никифоров, Филка Орефьев, Нехорошко Турнос, Гришка Фомин, Митка Михайлов Чухачов, Ивашко Шелпяков.

Сургутцкие служилые люди:

Парфенко Иванов, Пашко Исаков, Федка Карпов, Федка Дмитреев Козел, Ивашко Игнатьев Кудря, Гришка Мокеев, Федотко Насонов, Никитка Нифантьев, Сидорко Ортемьев, Якунка Ортемьев, Левка Иванов Остяк, Ондрюшка Офонасьев, Ондрюшка Федоров Парунин, Силка Парфенов, Ондрюшка Перфирьев, Федка Иванов Попов, Стенка Романов, Васка Сидоров, Ивашко Степанов, Гришка Федотов, Ондрюшка Воинов Шелех, Якимко Иванов Челыщев.

Верхотурские служилые люди:

Кузька Иванов, Мишка Леонтьев, Елеска Онтропьев, Васка Родионов, Якунка Степанов, Ивашко Яковлев.

Туринского острожку служилые люди:

Мишка Иевлев, Мишка Никифоров, Данилко Олексеев, Ивашко Онисимов, Гаврилко Петров, Кирилко Пиминов, Гаврилко Степанов, Меркушка Степанов.

Охочие служилые люди:

Фетка Григорьев, Лучка Иванов, Савка Микитин, Федка Михайлов, Тимошка Михиев, Пятунка Панкратьев, Ивашко Пиминов, Гаврилко Нестеров, Тимошка Устинов, Кузька Яковлев.

Верхоленского острожку служилые люди:

Мелешка Архипов, Офонка Гаврилов, Офонка Данилов, Семейка Иванов Зырян, Семейка Иванов, Мартынко Киприянов, Пронка Кислов, Захарка Леонтьев, Федка Львов, Тимошка Федотов Муха, Гришка Павлов, Фомка Васильев Постоев, Левка Ярофеев.

Охочие амурские служилые люди:

Федка Аврамов, Филка Григорьев, Климко Иванов Городец, Сидорко Дементьев, Фалка Иванов, Харка Исаев, Васка Кирилов, Матюшка Лазарев, Федка Иванов Леденцов, Автюшка Матвеев, Ивашко Федоров Оглоблин, Офонко Осипов, Ивашко Офонасьев, Богдашко Павлов, Ивашко Пиминов, Ермолка Прокопьев, Ки-

рилко Семенов, Климко Созонов, Стенка Стефанов, Ивашко Уваров, Васка Федоров, Гаранка Федоров, Лучка Федоров, Мишка Федоров, Тихонко Федоров, Миронко Федотов, Силка Федотов, Ивашко Филипов, Семейка Иванов Шило, Ивашко Ярофеев.

Охочие служилые люди, которые приплыли с служилым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом во 162-м году:

Мишка Аврамов, Урлапко Агиев, Федка Антипин, Матюшка Васильев, Терешка Васильев, Оска Гаврилов, Игнашко Григорьев, Нестерко Григорьев, Кузька Денисов, Микитка Елфимов, Ондрюшка Елфимов, Онтонко Емельянов, Кузька Иванов, Максимко Иванов, Патрушка Иванов, Юшко Иванов, Васка Иевлев, Ивашко Карпов, Пашко Киприянов, Якунка Клементьев, Филка Конанов, Ивашко Костянтинов, Васка Лаврентьев, Федка Ларионов, Гаврилко Максимов, Гришка Микитин, Якунко Микитин, Левка Михайлов, Федка Моисеев, Семейка Никонов, Давыдко Ондреев, Митка Ондреев, Митка Ортемьев, Пашко Петров, Оксенко Самсонов, Климко Семенов, Марчко Семенов, Тренка Семенов, Илюшка Терентьев, Пронка Тимофеев, Евдокимко Филатов, Матюшка Хворостинин, Трошка Черепан, Ивашко Юрьев, Огафонко Яковлев.

Енисейские служилые люди, которые приплыли от енисейского сына боярского Петрушки Бекетова в том же во 162-м году:

Елизарко Волынкин, Офонка Григорьев, Мишка Давыдов, Дорошка Елфимов, Волотка Омельянов, Ивашко Емельянов, Гаврилко Ефимов, Митка Ефимов, Ивашко Иванов, Оска Иванов, Петрушка Иванов, Васка Кирилов, Матюшка Кочин, Савка Кочин, Ивашко Тимофеев Кузнец, Васка Леонтьев, Ивашко Леонтьев, Гришка Лукьянов, Оска Насонов, Гришка Олексеев Олень, Лаврушка Осипов, Ондрюшка Осипов, Сергушка Петров, Омелька Савин, Олешка Семенов, Фомка Спиридонов, Сидорко Тимофеев, Ивашко Титов, Гаврилко Фефилатьев, Онтипка Черкашенин.

Енисейские служилые люди, которые приплыли с енисейским сыном боярским с Петрушкою Бекетовым в том же во 162-м году в другом приезде:

Митка Яковлев Бархат, енисейской сын боярской Петрушка Бекетов, Семейка Бермятин, Федоско Васильев, Парфенко Домощекин, Давыдка Остафьев Дуброва, Федка Семенов

Мангуров, Якимка Мергень, Васка Лукин Оленев, Ивашко Ощепков, Любимко Павлов, Ивашко Петровской, Нифантейко Смольянинов, Ивашко Фомин, Осташко Хиценков, десятник Ивашко Герасимов Чабучаков.

Охочие служилые люди:

Терешка Григорьев, Федка Данилов, Гришка Иванов, Ивашко Иевлев, Логинко Никитин Колмак, Мишка Костянтинов, Офонко Мантуров, Ивашко Михайлов, Левка Петров, Ивашко Семенов, Пятунка Ульянов, Поздейко Яковлев.

И все служилые люди розных сибирских городов и охочие служилые амурские казаки, которые писаны в сем послужном списке, служили государю и великому князю Алексею. Михайловичу всеа Русии и билися явственно, оприч приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки в прошлом во 162-м году на Усть-Шингалу-реки. И в Шингале-реке з богдойскими воинскими людми струговым боем и божию милостью, а государьским счастьем на том бою многих богдойских людей побили. И в нынешнем во 162-м году в Усть-Комарском острожке богдойские воинские люди – собранье розных земель, которые под ево, богдойскою областью, приехав, обсадили и снаряд ис пушек били по всякой день и ночь по острожку. И служилых людей и охочих амурских казаков от пушечново бою бог помиловал, острог отсидели. И на выласку те служилые и охочие амурские чазаки выходили и много богдойские силы побили, и порох, и ядра, и оружье отбили и языков на той выласке поймали раненых. И после их отъезда служилые и охочие амурские казаки ходили в их таборы богдойские. И которых богдойских людей побили под стеною, и тех убитых людей ис под стены волочили, и по своей оне вере тех убитых богдойских людей жгли на своих оне куренях много. А иных многих убитых богдойских людей от острогу в приступное время волочить не успели.

А сидело в осаде в Усть-Комарском острожке от богдойских воинских людей всех розных городов тобольские и тюменские и сургутцкие и верхотурские и Туринсково острожку и Верхоленского Братцкого острожку и Енисейского острогу пятьсот тритцать человек служилых людей и охочие все амурские казаки, которые служат государю царю на Великой реке Амуре своими подъемами, да Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов з дватцатью с осмью чело-

век. И те все служивые и охочие амурские казаки написаны поименно в сем послужном списку выше сего.

На обороте послужного списка имеются рукоприкладства: К сему послужному списку енисейской казак Васка Кирилов Горбун вместо ясаулов Тимофея Федотова да Олексея Кирилова по их велению руку приложил. К сему послужному списку Митка Микитин руку приложил. К сему послужному списку Захарко Козьмин руку приложил. К сему послужному списку Семейка Федотов руку приложил. К сей послужной челобитной вместо служилых людей, кои имяны писаны, Михаила Артемьева с товарищи, по их велению амурской охочей казак Алешка Яковлев руку приложил. К сей послужной челобитной вместо охочих казаков Нефедка Ермолина и в его место десятка и за собя Ивашко Иванов Южак руку приложил. К сему послужному списку вместо Козьмы Никитина и десятчан ево Васка Кирилов руку приложил. К сему послужному списку вместо Гаврила Гарасимова по его веленью Митка Микитин руку приложил. К послужному списку вместо Федота Левотьева и десенчан ево по его велению Сергейко Титов руку приложил. К сему послужному списку Митка Селифанрв руку приложил. К сему послужному списку и челобитной! вместо служилых людей Ивашка Молокова с товарищи семнацати человек по их веленью Алешка Яковлев охочей казак руку приложил. К сему послужному списку и челобитной вместо служилых людей Ивашка Васильева Пана с товарищи за двадцеть человек по их велению и за соба Мишка Агафонов руку приложил. К сей челобитной и вместо Онофрейка Дмитреева по его веленью и вместо собя Мишка Яковлев руку приложил. К сему послужному списку и к челобитной вместо амурских охочих казаков Дениска Яковлева двацати человек с товарищи дватцати человек Алешка Яковлев и за собя руку приложил. К сей челобитной и послужному списку вместо двацети человек, кои в сем послужном списке имяны написаны, и за себя Ивашко Евсевьев руку приложил. К сей послужной челобитной вместо четырнацети человек Евсийка Фотиева Гурылева с товарищи Ивашко Иванов и за собя по их веленью руку приложил. К сему послужному списку десятника Левки и десятчан ево Гаврилко Петров сын руку приложил. К сему послужному списку вместо Михайла Сидорова и десетчан ево по их веленью Сергушка Титов руку приложил. К сему послужному списку десетник Сергушка Титов и вместо десетчан по их веленью Сергуша Титов руку приложил. К сему послужному списку вместо тюменских служилых людей семинатцети человек по их велению Ивашко Костентинов Колоколник руку приложил. К сему послужному списку вместо сургуцких служилых людей и за себя Ондрюшка Офонасьев руку приложил. К сему послужному списку вместо верхотурских служилых людей, которые в сем списке писаны, по их велению Ивашко Яковлев руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек служилых людей и за себя Гаврилко Петров руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек Захарко Козьмин руку приложил. К сему послужному списку вместо верхоленских служилых людей Пронки Дементиева, Омелки Архипова, Тимошки Федотова и за собя служилой человек Федка Семенов Львовых руку приложил. К сему послужному списку верхоленских служилых десети человек велинию Митька Селифанов руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек и за собя Фетка Иванов руку приложил. К сему послужному списку охочей амурской казак Ивашко Костентинов и вместо охочих же амурских казаков, которые пришли с Михаилом Кашинцом пятидесяти человек, и в свое место Колоколник руку приложил. К сему послужному списку вместо енисейских служилых людей и казачьих наемщиков охочих казаков тритцати трех человек и за собя Васька Кирилов Горбун руку приложил. К сему послужному списку вместо енисейских служилых людей казачьих наемщиков пятинатцети человек и за собя енисейской казачий десятник Ивашко Герасимов Чебучаков руку приложил. К сему послужному списку за четыри человеки Офонка Семенов за себа руку приложил.

ЦГАДА: СП. — Стб. 556. — Л. 49–72, 81

Воспроизводится по: Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. — Москва, 1991.

* * *

«Забайкальские казаки», т. 2.

(Стр. 8) …В 1716 г. полковник Яков Елчин был «послан» из Якутска на морские острова, которые были видны с Якутского берега, для призыва иноземцев под высокую руку «Царя».

В помощь Якутским казакам, для окончательного покорения северо-востока Сибири, были назначены 100 казаков Иркутских и Удинских: 2 дворянина, 15 детей боярских, 15 конных казаков, 68 пеших казаков.

Казаки были посланы преимущественно пешие.

Ни из Иркутских, ни из Селенгинских конных казаков никого не взяли, так как экспедицию предполагалось отправить на судах.

15 конных казаков взяты были только за недостатком пеших казаков из незначительных внутренних острогов, где не было пограничной разъездной службы.

(Стр. 70) …к 1747 году Нерчинских казаков, в возрасте свыше 15 лет, было: 300 конных, 200 пеших, 150 Камчатских и 41 детей казачьих и боярских. Всего 691 человек.

Во главе Нерчинских казаков стоял казачий голова Иван Лоншаков.

В 1752 году он представил в Нерчинскую канцелярию к производству нескольких лиц на открывшиеся вакансии в дворяне, в дети боярские и в сотники, а именно:

1) В дворяне: на место умершего дворянина Ирганова — сына боярского Афанасия Епифанцева.

2) В дети боярские на место умершего с.б. Ивана Симонова — конного казака Ивана Епифанцева.

Вместо Афанасия Епифанцева — пешего пятидесятника Никиту Щеголева.

Вместо разжалованного Селенгинским комендантом Якобием в рядовые казаки, публично плетьми наказанного за сокрытие перебежчиков Лаврентия Беломестнова — конного казака Якова Демидова.

Вместо умершего Александра Пыхалова — пешего казака Филиппа Новоселова.

3) В сотники: вместо умершего Харлама Белокопытова — конного казака Семена Белокопытова.

(Стр. 71) …Нерчинские казаки, служившие на пограничных караулах, получали двойное жалованье, а находившиеся в Камчатке и Охотске (150 чел.) — тройное.

(Стр. 72) ***…Служба Забайкальских казаков в Камчатке.***

В 1735 году была снаряжена экспедиция для изыскания ближайшего пути в Камчатку и для исследования верховий реки Уди.

С геодезистами Скобельцевым и Шатиловым были посланы 20 Нерчинских конных казаков, 3 промышленника и 6 конных тунгусов.

Геодезисты посылались капитаном Берингом из Нерчинска.

Экспедиции было приказано идти русскими владениями, не касаясь китайских.

Нужны были люди знакомые с местностью, знавшие, где река Удь берет начало.

Однако Нерчинская канцелярия заявила, что таких людей в Нерчинске нет.

Экспедиция уже хотела вследствие этого вернуться в Россию, но в Селенгинске нашли одного жителя, который знал дорогу в верховья реки Уди.

Из Селенгинска Скобельцын и Шатилов вернулись обратно в Нерчинск и там нашлось много желающих идти в экспедицию.

Нерчинские жители ходили по Яблонову хребту за соболями; дорога была им известна.

(Стр. 73) …1 августа 1735 года экспедиция, захватив продовольствие (скот и съестные припасы), отправилась для исследования Удского края и тем положила начало периодическим командировкам Нерчинских казаков в Охотск и Камчатку.

Охотский острог.

Так в 1741 году 60 Нерчинских казаков были отправлены на 3-х летнюю службу в Камчатку.

Для утверждения на Охотском побережье в 1742 году задумали укрепить Охотский острожек, сделать из него оплот.

Острог служил и опорным пунктом, и базою для покорения Камчатки, и складом оружия в 1742 г. в нем находилось 89 ружей и 75 п. пороху.

Для усиления острога в 1742 г. были посланы из Иркутска 25-30 плотников из казаков и разночинцев.

Покорение Чукчей и Камчадалов.

Покорением края ведала Охотская канцелярия, собиравшая ясак с чукчей и камчадалов.

Эти инородцы оказывали серьезное сопротивление; они нападали на остроги, «чинили шалости» и убивали русских.

В 1743 году под начальством майора Якутского полка Павлуцкого снова было послано в Камчатку 84 Нерчинских казака и 40 солдат Якутского полка.

Очевидно, посланные в Камчатку казаки были сверхкомплектные, так как в сентябре 1745 года в Нерчинске по спискам числилось: 7 дворян, 25 детей боярских,300 конных казаков, 200 пеших.

Все они были на лицо, несли разные обязанности в городе, находились на Китайской границе в караулах. В дальних командировках из них никого не было.

Опираясь на Охотск, майор Павлуцкий, имея под командою Якутского казачьего голову Шестакова с Якутскими казаками

(Стр. 74) …а также солдат Якутского полка и Нерчинских казаков, вел завоевание края с суши. А собственно в Охотске имелся собственный командир Девиер.

Морские команды казаков. Остроги Камчатский и Акланский.

Для завоевания Камчатки нужны были морские команды. Казаки, усиленные матросами, обратились в моряков. Они высылались из Охотска, строили остроги Камчатский, Акланский и другие, как этапы нового распространения русской власти.

С моря действовал капитан Беринг с Камчатскою экспедицией, в которой служили моряки и Нерчинские, и Селенгинские казаки.

Беринг искал новой земли в море — новые неисследованные острова, частью сам, частью — морской флотилией казаков.

Берингу была подчинена Якутская канцелярия, которая по его требованию «для изыскания такого подлинного известия и описания большой земли (островов) с картою» должна была снаряжать легкие казачьи флотилии.

Казаки на легких судах, шныряя по островам должны были «наведываться о жизни обывателейостровов, об их промыслах, о земледелии, об имеющихся рудах».

Всему делали описание и чертеж».

Во главе всего дела стояла Иркутская провинциальная канцелярия.

Людей для такого крупного предприятия не хватало.

Тщетно Иркутская канцелярия просила о помощи Тобольскую, но и в Тобольске, за рассылками, людей лишних не было.

Якутский полк на службе в Камчатке.

В Селенгинске в Якутском полку на лицо людей оставалось мало: одна рота стояла в Кузнецке, одна в Нерчинске и много

солдат было в разных командировках. В городе Иркутске находилось только 30 солдат.

Между тем в 1743 году Охотская канцелярия просила Иркутскую прислать 100 человек для борьбы с «немирными» чукчами в Камчатке.

21-го января 1743 года Сибирский приказ предписал Иркутской провинциальной канцелярии не ожидать присылки

(Стр. 75) …людей из Тобольска, а действовать против Чукчей солдатами Якутского полка и казаками.

Вследствие этой новой службы Якутского полка, 21-го марта 1745 года Якутскому гарнизонному полку в Селенгинске было приказано давать жалование, как армейскому пехотному, а не как гарнизонному…

Частые командировки казаков в Камчатку. Построение Нерчинскими казаками Верхне-Камчатского и Нижне-Ашантильского острогов.

2-го октября 1747 года было командировано из Иркутска 300 казаков, из которых 150 Нерчинских, а остальные 150, нужно полагать, были Селенгинские, так как собственно в Иркутске казаков было очень мало.

Словом, в 1747 году были набраны, кроме штатных 500 Нерчинских казаков, еще 150 человек в возрасте от 15 до 35 лет и были командированы в Охотский край и Камчатку для искоренения бунта и измены Коряков. Казаки эти получали усиленное жалованье по 7 руб. денег и 28 пудов муки в год.

В 1752 году, указами 27 ян. и 26 фев., приказано было вновь командировать из г. Нерчинска 150 казаков в Камчатку.

Нерчинская воеводская канцелярия не могла выполнить этих указов, так как сверх комплекта было детей казачьих и боярских только 41 человек.

Тем не менее, в 1752 году 150 Нерчинских казаков опять были отправлены в Охотск и Камчатку, где они построили Верхне-Камчатские и Нижне-Ашантильский остроги.

Словом, в период с 1740 по 1755 год Забайкальские казаки участвовали в завоевании Камчатки, неся там трехлетнюю службу в составе казачьих команд и в составе Якутского полка, который комплектовали казачьими детьми.

Таким образом, на казаках Иркутской провинции (Якутских, Иркутских, Селенгинских и Нерчинских) лежала исключительная обязанность воевать с «немирными» чукчами в Камчатке.

Чукчи хотя и платили ясак, но были «весьма непостоянны» и всегда чинили шалости; особенно подвергался нападению Акланский острог.

(Стр. 76) Напротив, Коряки были мирные. Можно судить, как жилось в Камчатке казакам, когда даже в Якутске пуд ржаной муки ценился в 70 коп.

11 января 1753 года Анадырским казакам, часть которых составляли казаки, командированные из Селенгинска и Нерчинска, назначили двойное жалованье из Иркутской канцелярии и предписано Якутской канцелярии доставлять им хлеб из Якутска.

С течением времени солдат Якутского полка, Якутских, Иркутских, Селенгинских и Нерчинских казаков было уже недостаточно для завоевания нового края.

Пришлось привлечь и другие Сибирские полки к службе в Камчатке.

В 1753 году находилось в Якутском и Охотском крае: 13 офицеров; 598 нижних чинов Якутского, Тобольского и Енисейского полков; из них Якутского полка было: 8 офицеров, и 248 нижних чинов.

(Стр. 81) ***1-й строевой полк из Забайкальских казаков (Якутский).***

Резервом же для всей Иркутской губернии как для службы на границе, так и для службы в Камчатском крае служил Якутский полк, пришедший в 1727 году с Бухгольцем из Тобольска, под именем Тобольского и в том же году переименованный в Якутский.

Самое его название указывало, что он предназначался для службы в Якутском крае, но главною его обязанностию считалось охранение Селенгинской границы, где он и располагался.

Дальнейшее комплектование полка приостановилось, хотя он изредка с 1736 г. и пополнялся казачьими детьми Нерчинских и Селенгинских казаков.

В начале сороковых годов XVIII века Якутский полк начал свою службу в Камчатке.

Как мы уже видим, в 1743 году был послан в г. Охотск майор Якутского полка Павлуцкий с 40 солдатами Якутского полка и 84 Нерчинскими казаками.

(Стр. 82) Якутский полк, комплектуемый Забайкальскими казаками, выполнял теперь двойную роль: в Селенгинске он был щитом, а в Охотске мечом.

Силы, которыми располагал Якобий.

В его распоряжении был Якутский гарнизонный полк да Нерчинские и Селенгинские казаки.

Но на Якутском полку, как мы уже видели, лежала еще обязанность содержать гарнизоны в Охотском крае и Камчатке; более половины полка было в этих командировках. Собственно, для защиты Забайкалья из Якутского полка осталось только 671 человек.

В Селенгинске и Стрелке находилось 399 солдат, но они были раскомандированы маленькими командами и при штабе полка оставалось только 88 человек, которые все до одного употреблялись на полковые работы.

В Кяхте находилось 189 солдат, в Нерчинске и Цурухайту — 123.

Кроме того, в распоряжении Якобия были 395 Селенгинских и 479 Нерчинских казаков.

Казаки также были большею частью в командировках; наличных осталось в Селенгинске 133, а в Нерчинске 64.

Всего регулярных и нерегулярных войск у Якобия было 1545 человек, не считая инородческой стражи.

Но из них он мог располагать только 235 наличными солдатами и 9 офицерами Якутского полка.

Остальные чины были или в командировках, или при делах.

Офицеры Якутского полка не удовлетворяли своему назначению: 2 были дряхлы, 2 неграмотны и «ненадежного кондуиту» (поведения).

Из всех офицеров только один был годен для исполнения поручений по службе.

(Стр. 83) В Якутском полку числилось: 451 солдат свыше 50 лет; 81 подлежали к отставке; 52 чел. было некомплекта – убылыми; 277 — штрафованных.

Итого 861 человек из полка были ненадежными служаками, да 8 офицеров и 248 солдат были в Якутске и на Камчатке.

Таким образом, Нерчинская и Селенгинская границы были не прикрыты».

…Главными защитниками границы все-таки считались солдаты Якутского полка.

Поэтому, озабочиваясь обороною границы, бригадир Якобий предложил содержать на границе в готовности 3-х батальонный Якутский полк в полном комплекте.

Солдат, находившийся в откомандировании в Якутске, Камчатке, Анадырске, Якобий просил исключить из состава Якутского полка и числить их отдельными командами, и комплектовать Якутский полк казачьими детьми и только за недостатком их — рекрутами.

Якутский полк довольствовался хозяйственным способом.

(Стр. 84) (с 15 сентября 1755 г.)

«Якутский полк обратился в 3-х батальонный, с конною гренадерскою ротой и содержался с этого года в полном комплекте на границе. Он комплектовался казачьими детьми Нерчинских и Селенгинских казаков и содержался на доходы Кяхтинской и Цурухайтуевской таможен, и отчасти на штрафы от пограничного воровства.

С этих пор судьбы Якутского полка сливаются с Забайкальским казачеством.

Это был регулярный полк, комплектуемый казачьими детьми (и только за недостатком — рекрутами местными уроженцами), несший вместе с казаками пограничную службу. В нем все было казачье и люди и служба, только казачьи дети, зачисленные в полк, назывались "солдатами". Они жили на границе вместе с казаками и несли пограничную службу, чисто казачью, но только одевались и питались на казеный счет.

Драгунская конная рота была посажена на лошадей из табуна Якутского полка.

…Согласно проекту Якобия впоследствии солдаты Якутского полка должны были сами заниматься хлебопашеством и, по мере его развития, удовлетворять сами себя хлебом.

(Стр. 86) ***Образование Камчатской команды и комплектование ее Иркутскими, Нерчинскими и Селенгинскими казаками.***

19 сентября 1755 года одновременно с переформированием Якутского полка, в виду нового его назначения исключительно только для охраны Селенгинской границы, — все Охотские, Якутские, Камчадальские команды из солдат Якутского, Енисейского и Ширванского пехотных полков, а также из Вологодского драгунского полка, численностью с офицерами, все вместе 610 человек, образовали особую команду.

Офицеры и нижние чина Камчадальской команды были исключены из состава прежних полков.

Впредь эту команду предполагалось комплектовать казачьими детьми Иркутской губернии и содержать в полном комплекте.

Таким образом, в 1755 году дальние командировки Нерчинских и Селенгинских казаков в Камчатку прекратились и видоизменились в обязанность комплектовать Камчатскую команду.

Казачьи дети, поступая в команду, именовались уже солдатами».

* * *

А теперь более конкретно. На эту переселенческую экспедицию из Забайкалья обратила мое внимание одна из читательниц — Светлана Федотова, которая сообщила адрес в Интернете нерчинских материалов: РГАДА, Фонд 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2 Дело 1917, 2-ая ревизия, Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда, 1744 год.

VIII. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА УБЫЛЫМ ПОСЛЕ 1-Й РЕВИЗИИ.

Сибирской губернии Иркуцкой провинции и города Нерчинска с уездом из прежней полковника князя Сенцова-Засекина переписи из посацких разночинцов и крестьян и дворовых умершим, взятым в рекруты и прочими случаи невозвратно убылым; а именно: на Камчатку (в скобках мы, по возможности, указываем дату, когда был осуществлен набор).

Анцын Лаврентей (в 1721 г.)

Потомок тобольских казаков Анцыных. В сборнике «Немцы в России» (17 век)» есть подробная информация о происхождении этой фамилии: «Анцы Ангельберх — "иноземец" из полка И. Эграта в Тобольске (1668 г.). — СП, стлб. 827, л. 76. Анцын Григорий (у. 1696 г.) — "немец московский кормовой Анцу, руское имя Гришка, Вентерберх". За измену и "воровство" (находились в русской армии при осаде Смоленска и бегали в "королевский" польский лагерь) велено в 1632 г. сослать в Сибирь вместе с другими "ворами" Т. Саком и М. Бургаза. Сопровождал их в ссылку на службу тобольский сын боярский И. Ростопчин. В Тобольске он был определен в конные казаки литовского списка с окладом 7 руб. в год. — СП, стлб. 59, л. 3–4; Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49. Анцы Локман — согласно царской грамоте от 5 июня 1620 г. игумену Белозерско-Кириллова монастыря предписывалось выдать содержавшихся в этом монастыре двух немцев Ганса

Локмана и Матюшку, для отправки их в Тобольск на службу. И далее Анца Локман как конный казак упоминается в окладных книгах Тобольска 1624 г. — АА, т. 3, с. 156; Тобольск XVII–XVIII вв.; Буцинский, Заселение.., с. 201. Анцын Лоренц — Тобольск, квартирмейстер из рейтарского полка И. Эграта. Отпущен к Москве; жена — Софья (1666–1668 гг.). — СП, стлб. 827, л. 76. Анца Пекуев — сначала назывался в документах "латыш", а затем уже "немец". В 1601 г. был сослан в Тобольск и проезжал через Верхотурье. В дорогу ему было велено дать "полосмины" муки, четверик крупы и четверик толокна. — Верхотурские грамоты, с. 109–110, № 63. Анца Яковлев – "немчин" Служил в Тобольске с 1620 г. в "иноземной" роте Б. Станиславова. Согласно дозорной книге 1624 г., его двор находился на улице от Воскресенской церкви. Имел также деревню-однодворку за Иртышом против Чуваш-мыса в межах с землями Ф. Девяткина и Б. Мордвина; последний раз упоминается в документах 1628 г., когда вместе со всеми подписывал войсковую челобитную своей роты о назначении им нового ротмистра. — СП, стлб. 16, л. 389; Тобольск XVII–XVIII вв., с. 8; Никитин, 1986, с. 164.

Анцыны — тобольские служилые люди немецкого происхождения: — Герасим — казак литовского списка. Имел оклад 9 руб. с четью (1696 г). — Тобольск XVII–XVIII вв., с. 48. — Иван Большой — конный казак литовского списка. Оклад 9 руб. (1696 г.); по документам его служба прослеживается с 1671 г. — Тобольск XVII–XVIII вв., с. 48. — Иван Меньшой — конный казак литовского списка. Оклад 7 руб. (1696 г.); по документам его служба прослеживается с 1681 г. — Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49. — Иван Кузьмин — конный казак литовского списка. Послан на службу в Даурию (1696 г.). — Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49. — Иван Федоров Большой — конный казак литовского списка из рейтар. Имел оклад 7 руб. (1696 г.). — Тобольск XVII–XVIII вв., с. 49. — Кузьма — тобольский "немчин", толмач. Был пытан воеводою Годуновым и вынужден поступиться частью своего жалованья. — Бахрушин, т. 3, ч. 1, с. 290. — Микифор — конный казак литовского списка. Имел оклад 9 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли; упоминается в окладных книгах Тобольска с 1635 по 1662 г. — СП, стлб. 159, л. 164. — Федор — конный казак литовского списка, уроженец Тобольска. Имел денежный оклад 9 руб. 8 алт. 2 деньги; служил с пашни, но ему добавляли к его хлебному окладу 2 чети ржи, полчетверти овса. Проходит по

окладным книгам Тобольска с 1635 по 1672 г. В 1646 г. был послан к калмыкам с посольской миссией. — СП, кн. 62, л. 166 об.; кн. 607, л. 27 об.; кн. 549, л. 105.

Артемьев Степан Савин сын

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пешей казак Сава Артемьев 65; дети у него сын Игнатей 26, сын Иван 15, Степан 4»

Возможно, из якутских казаков. В 1640 году в Якутске служил ленский казак Артемьев Михаил. В 1681 году Ивашко Артемьев служил в якутских казаках, в десятниках. В 1683 году сюда же в ссылку отправлен московский стрелец Ивашко Артемьев, с «женой Улькой и сыновьями Гришкой и Васькой».

В 1706 году в якутских казаках служит в одиннадцатой пятидесятне Иван Артемьев.

Но вполне возможно, что это енисейская ветвь — в 1669 году собственной деревней владел в Енисейске сын боярский Евсевий Артемьев.

Аршинской Ермалай

Аршинской Иван Петров сын

Вероятно, потомки тобольских детей боярских Аршинских, посланных на службу в Нерчинский острог.

Переписная книга Нерчинска за 1685 год: «Десятник Дмитрий Верещагин, рядовые: Исаак Аршинской...»

Переписная книга Нерчинска за 1699 год: «Дети боярские: (второй по списку). Оклад 15 руб.: Исаак Ильин сын Аршинской, в прошлом 204 (1696) году умре, а в оклад его никто не поверстан, и по указу вел. гос. вычтено у него 5 руб. 8 алт. 2 ден., в остатке 9 руб. 25 алт. Оклады по 7 руб. с четью рядовые: ...Иван Аршинной».

«Книга окладная жалованья служилым людям по Нерчинску 1708 год»: «Антон Аршинской, а за хлебное жалованье служит с пашни».

Переписная книга Нерчинска за 1721 г.: «Конной казак Антон Аршинской 45; у него три сына: Афонасий 12, **Ермолай** 6, Егор 4; ...да брат ево Антон он то ж Аршинской 60».

По материалам за 1744 год. **Деревня Самсоновая**: Михаило Аршинской, Антон Аршинской, взятые на Камчатку Ермалай Аршинской, взятые в рекруты: Егор Аршинской, Григорей Аршин-

ской. Перешедшие из города Нерчинска взято на Камчатку Иван Петров сын Аршинской.

Бакшеев Семен

Вероятно, из семьи последнего албазинского защитника: Бакшиев Василий Иванов, нерчинский казак, участник обороны Албазина (1686/87). «Во время ледохода, в ночь на 12 октября, трое смельчаков — казаки И. Бузунов, В. Бакшеев и Я. Мартынов — сумели выбраться из Албазина и отплыть на лодке. Лавируя между льдинами, они проплыли четыре версты. Затем лодку раздавило льдом, и они выбрались на остров. Спустя неделю Амур окончательно покрылся ледяным панцирем, и казаки двинулись дальше. К 10 ноября они добрались до Нерчинска и доложили о состоянии крепости и ее защитниках».

Перепись Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской казачей сын Андрей Бакшеев 30; брат ево Иван 25; брат Семен 22; брат Афанасей 17; брат Иван 14; Семен брат 9».

Фамилия тобольская — десятник Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец служил в Якутске, был приказчиком Анадырского острога, первым осуществил морской переход с устья Анадыря до реки Камчатки.

Бекетов Матвей (в 1721 г.)

Вероятно, также из семьи одного из последних, оставшихся в живых, защитников Албазинского острога: Бекетов Ларка (Ларион), албазинский казак, участник обороны (1686/87). Нерчинский пеший казак, оклад 5 руб. (1699).

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской фискальской сын Иван Гутков 47 да в доме у него пасынок пеший казак Иван Бекетов 27».

Березовской Фадей (в 1721 г.)

Иркутский острог был основан в 1620 году енисейским пятидесятником Березовским: «Иркутск основан зимовьем при реке Иркуте на левом берегу выше устья за версту. Первые в зимовье поселились: енисейский пятидесятник Березовский и сын боярский Петрушка Тальшин. К ним как начали приселяться с разных сторон российские зверопромышленники, то кочевавшие около оного зимовья буряты стали приходить

в приметную робость и скоро почувствовали над собою их величие».

Фамилия очень распространенная в Сибири.

Но известно, что в числе первых строителей Томского, а вслед за ним и Енисейского острога, было очень много березовских казаков.

Вот, например, что сообщал Березовский Тишка Ильин сын: «Отец из Польши выехал к Москве на государево имя, послан был на Березов, а оттуда переведен в Томск в пешую службу, а он, Тишка, верстан после отца в его место. Оклад 4 рубли с четью, 1½ пуда соли. Служит с пашни».

Березовский Петрушка Иванов сын: «…дед по указу государя прислан в Томск город ставить и служил конную службу и был убит; после деда был поверстан его отец и умер, а в его место верстан он, Петрушка, при воеводе Петре Львове. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Березовский Иван Ефтифеев сын: «…отец родом с Березова, по указу государя переведен в Томск, а он, Ивашка, верстан в Томске в конную службу при воеводе князе Иване Ростовском в выбылое место Василья Гладкова. Оклад учинен 7 рублев с четью, хлеба 6 четей с осьминю ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

В 1653 году Березовские отмечены и на Колыме: «А у государевы казны и у коча для береже и при проводке на Колыму реку водяным путем оставлены служилые люди: Якунька Березовской, Гришка Констянтинов, Ивашко Камчатой, Митька Кушников, да наемщики служилых людей — Фетьки Кузнеца, Митьки Плехана, Замятинки Сергиева».

Примерно в эти же годы появляется в Якутске и сын боярский Степан Васильев Березовский, бывший военнопленный, оставшийся служить в Сибири.

Вообще, как сообщает Я.Г. Солодкин в очерке «О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI – начало XVII в.)» именно с этой фамилии и начинается собственно сибирская политическая ссылка:

«С точки зрения В. И. Корецкого, первые политические ссыльные в Сибири появились вслед за разгромом Борисом Годуновым выступления боярской оппозиции, возглавленного князьями Шуйскими (1587 г.). Как узнаем из “Нового летописца”, правитель разослал многих участников этого “заговора” “по тюрьмам и на житье”. В жалованной грамоте от 11 мая 1624 г. со ссылкой

на аналогичный документ начала царствования Василия Шуйского сообщается о том, что в 1586/87 г. отец Лаврентия Березовского "и он з братьею с Москвы в Сибирь" был сослан "не по вине". В течение трех лет Березовские (которые при Михаиле Федоровиче являлись сольвычегодскими торговыми людьми) сидели в Сибири в тюрьме, после чего находились 17 лет "безотступно" "у всяких" государевых дел. Р.Г. Скрынников, а затем и сам В.И. Корецкий уточнили, что "дело" Шуйских относится к 1586 г. Это обстоятельство с большей уверенностью, чем прежде, позволяет говорить о высылке Березовских за Урал в связи с гонениями на Шуйских, тем более, что вожди антигодуновской оппозиции старались найти поддержку в купеческой среде, к которой, вероятно, принадлежали опальные москвичи».

В начале 19-го столетия в Петропавловском порту служил сначала в солдатах Камчатского гарнизонного батальона, а потом в Петропавловской экипажной роте Василий Андреевич Березовскиий, а также гренадер Семен и отставной военный Степан Прокопьевичи Березовские — вполне возможно, потомки нерчинского казака Фадея Березовского.

Переписная книга Нерчинска за 1721 г.: «Нерчинской конный казак Тимофей Березовской 33, брат ево Герасим 23».

Казачий пятидесятник Антон Березовский — один из руководителей наиболее радикальной части восставших селенгинских казаков, принимал участие в организации похода на Иркутск. См.: Александров В.А. Народные восстания..., с. 295–293.

Буторин Евсевей Афанасьевич

Возможно, и он тоже из семьи албазинского героя: Буторин Алешка, албазинский казак, один из вожаков партии, сжегшей китайских промышленников на монастырской заимке (1683). Участник албазинской обороны (1686/87), остался в живых (столбец Сибирского приказа № 1084/7089). Послан А. Бейтоном с вестями в Нерчинск (1688). Служил с пашни (1693–1694) (РГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, 1693–1694 гг., л. 452об.). Нерчинский конный казак, оклад 8 руб. с четью (1699). Прим.: фам. от прозв. — Бутора (тот, кто быстро, громко говорит; тараторит).

В 1731 году в Нижнекамчатске во время пожара убит камчадалами Иван Буторин (первая пятидесятня) с тремя сыновьями. Вполне вероятно, что он был родом из тобольских казаков: в 1696 году здесь служили стрелец Якушко Буторин, стрелец

Ивашко Томилов сын Буторин, который умер в 7201 (1693) году и **на его убылое место поверстан сын Офонька**; казак Ивашко Власов Буторин («родом он города Тары стрелецкой сын а в Тоболеск переведен в салдаты во 165-м году у него сын Афонка 13 лет»), пеший казак Стефан Васильев сын Буторин.

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Никита Буторин 65...; Конной казак Аввакум Буторин 22. У него три брата: Иван 30, **Афонасей** 28, Григорей 26. Да 5 племянников. Ивановы дети: Петр 7, Савин 3. Афонасьевы дети: Григорей 6, **Евсевей** 4, Алексей 2»

Василевых Иван

Информации нет.

Вашуров Кондратей Федоров сын

Пешей казак Федор Вашуров, 26 лет, у него сын **Кондрат** полуторых лет (РГАДА 214-1-1626; Переписная книга Нерчинска за 1721 г.)

Вертопрахов Ларион Василев сын

Ранних сведений мы не обнаружили. Но есть поздние упоминания в статье «Участие Амурского казачьего войска в войнах, походах и других исторических событиях с начала его образования»: С 1854 г. по 1920 г. амурские казаки содержали сообщения по рекам Амуру и Уссури, несли пограничную службу, кроме исполнения погранично-таможенной службы мужчины войскового сословия в возрасте от 17 до 55 лет отбывали следующие повинности: дорожная, постойная, почтовая, фельдъегерская, строительная.

Первым серьезным испытанием для амурского и уссурийского казачества стало участие в событиях 1900–1901 гг., связанных с обеспечением безопасности российских рубежей во время восстания ихэтуаней. Военные действия китайских повстанцев были направлены против засилья иностранного капитала внутри своей страны. Вместе с тем сложилась опасная ситуация на российской приграничной территории. Казачьи поселения по Амуру и российские речные суда стали обстреливаться, ожесточенной бомбардировке был подвергнут город Благовещенск.

В связи с началом военных действий была объявлена мобилизация войск Приамурского военного округа, в состав которого,

наряду с регулярными войсками, были включены части Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Всего в войне приняли участие 56 конных и 23 пеших сотни приамурских казаков. В кратчайшие сроки две первоочередные сотни Амурского конного полка развернулись в шестисотенный полк, а на базе третьей сотни был развернут трехсотенный казачий дивизион. Уссурийские казаки выступили трехсотенным дивизионом. Их задача заключалась в обеспечении безопасности государственной границы по Уссури и охране строящейся КВЖД.

Взятием Сахалина, с территории которого в течение 20 суток обстреливался Благовещенск, и опорного пункта ихэтуаней города Айгуня начался поход амурских казаков вглубь Маньчжурии. Три сотни Амурского казачьего полка под командованием хорунжих Белинского и **Вертопрахова** и сотника Вондоловского были включены в состав отряда генерала П.К. Ренненкампфа, а другие сотни Амурского казачьего полка и уссурийские казаки действовали в военных формированиях вдоль строящейся Маньчжурской железной дороги. При участии казаков были заняты города Мерген, Цицикар, Бодунэ, Гирин, Те-Лин, многие населенные пункты вдоль железной дороги.

Казачьи войска получили богатый опыт и геройски проявили себя в боях со значительно превосходящими силами противника в условиях хинганской гористой, поросшей лесом и пересеченной речками местности. Они одинаково смело и решительно выступали в кавалерии и пешем строю, проявили немало смекалки и изобретательности, сочетавшихся с мужеством и самоотверженным служением Отечеству.

Вологдин Иван Иванович

По переписи Нерчинска 1771 года находим: «Конной казак иван Вологдин 40; у него сыновья **Иван** 8, Федор 4 недель»

Его полный тезка – Вологдин Иван – умер в 1703 году в Верхнекамчатском остроге.

В 1706 году в третьей пятидесятне служил якутский казак Степан Вологдин, который, по всей видимости, и будет в 1731 году ясачным комиссаром С. Вологдиным, составившим статистический отчет по собранному на Камчатке ясаку и численности ясакоплательщиков.

В 1739 году Дмитрий Вологдин в составе членов экипажа бота «Святой Гавриил» совершит экспедицию в Японию под руководством В. Вальтона.

Одновременно с Вологдиными существовала в Якутске и фамилия Вологда — в 1706 году служит казак Вологда Федос Сергеев (одиннадцатая пятидесятня), а в 1681 году — казак Екимка Вологда.

Фамилия напрямую связана с местом, откуда пришли в Сибирь первые казаки с географическим именем Вологда и их потомки Вологдины.

Вятченин Петр Лукин сын

А эта фамилия говорит о том, что его предок (или он сам) пришел с Вятки.

Один из самых первых Вятчениных обосновался в Томске — Климушка Вятченнин (1626 г.).

В 1640 году с первым якутским воеводой пришел Вятчанин Завьялко Леонтьев, тобольский казак станицы Тугарина Панютина.

В 1669 году на Байкале служили енисейские казаки Вятчанин Левка Данилов сын и Вятчанин Сергушка Игнатьев сын.

В Якутске в 1681 г. — Вятченин Ивашко Максимов и Вятченин Савка Офонасьев, а в 1706 г. — Вятченин Иван Афанасьев (шестнадцатая пятидесятня).

Девяшин Ларион Григорьев сын

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пешей казак Григорей Девяшин 70; дети у него: сын Артемей 36, Яков 33, **Ларион** 15; да внуки ево: Петр 6, Иван 4 ».

Дербин Афонасей Степанович

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Степан Дербин 45; у него сыновья **Афонасей** 2, Яков 2 недель; у него ж в доме Нерчинской казачей сын Семен 28».

Душечкин Федор Иванович

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пешей казак Иван Душечкин 27; дети у него: сын **Федор** 10, Афонасей 7, Иван 4, Петр 3; да отец ево отставной казак Кирило Душечкин 70; да братья ево: Алексей 25, Еким 22, да работной ево отставной полковой казак Андрей Ятцкой 72»

Загоскин Дмитрей (вероятно, Максимович)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской казачей сын Максим Загоскин 23».

Калашников Прокопей Михаилов сын (в 1721 г.)

Мы уже выше говорили о представителях этой фамилии, первый из которых — Влас Калашников — был атаманом тарских пеших казаков.

Калмаков Василей

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Тарас Тарханов 60 зять ево Василей Калмаков 20».

Фамилия очень распространенная, так как указывает на национальную принадлежность предков этих казаков — калмыков.

Это тобольская казачья фамилия, представленная большой корпорацией Калмаковых в 1696 году.

Достаточно широко она была представлена и в Якутске: например, «… в 1699 г. якутский казак Ивашка Калмак был переведен в пятидесятники “за службу и за кровь и за раны отца ево”, подъячего Федота Калмака» В 1706 году Иван Федотов сын Калмаков был уже в детях боярских.

Климов Григорей Михайлович

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пеший казак Михайло Климов 65. У него сын Григорей 18».

Тобольская казачья фамилия. Андрей Климов в числе других тобольских детей казачьих, прибывших на Камчатку, был в партии Кыргызова, оставшихся в Верхнекамчатске и не грабивших Нижнекамчатск. В Якутске в 1681 году (в 1706 г. в одиннадцатой пятидесятне) служил Филька (Филипп) Степанов Климов, по всей видимости, тоже бывший тобольский казак.

В других острогах и городах, кроме Нерчинска, мы в данный период не отслеживаем эту фамилию.

Колесников Семен

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Семен Колесников 18».

Казаки Колесниковы были представлены в Якутске, Енисейске (Колесников Васька Иванов, 1632 г.; атаман Иван Колесников, 1669 г.), Тобольске (конные казаки Данилко и Ермолко, 1696 г.).

Томский пятидесятник Микифор Сергеев сын Колесников сообщал о себе: ««Отец черниговец, а он взят по челобитью служилых людей к пешим казакам, в котором году, не помнит. Оклад денег 5 ублей с четью, 5 четей с осьминою хлеба, 4 чети овса, 1 1\2 пуда соли».

В 1812 году казак Колесников Петр Никифорович служил в Петропавловском порту.

Колосов Ефим Силин сын (в 1721 г.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской пеший казак Сила Колосов 40, сын Алексей 10, сын Иван 9, сын Иван 6, сын **Ефим** 2»

Эта фамилия встречается среди посадских (торговых) людей города Томска, а затем среди якутских казаков.

Корнилов Михаило Иванов сын (в 1721 г.)

Первым в Забайкалье оказывается Осип (Оська) Корнилов. В «Сметном и имянном списке» за 1693 (7201) год мы находим эту запись: «Афанасьева полку Бейтона, что пришли из Албазина. Пятидесятник Василей Клиренков оклад ему шесть рублев денег, он Василей в 200 году отпущен в Тоболеск, оклад по пяти рублев, рядовые: … Оска Корнилов».

Владимир Николаевич Абеленцев в статье «Албазинцы. Нерчинское воеводство и Албазинский острог. XVII в.» уточняет: «**Медянский Оська (Осип) Корнилов**, албазинский казак, участник обороны (1686/87). Пришел на Амур из Тобольска в полку А. Бейтона (1686). По челобитной Головину пожалован 6 руб. за потери во время осады (1690). Нерчинский пеший казак, оклад 5 руб. (1699). Прим.: фам. от сущ. — медь, укр. Происхождения».

А вот с примечанием автор явно поспешил. В XVII столетии географическая привязка к имени-отчеству была важной отличительной чертой — Корниловых могло быть много, а вот Корнилов Медянский был один.

Почему? Потому что река Медянка уже в 1623 году была родовым местом для тобольских Корниловых — самостоятельной ветви рода казаков Дурыниных.

«Деревня на речке Медянка вверх на левой стороне. Во дворе новокрещенных атаман Корнило Петров Дурынин. Пашни паханные середние земли 6 четей с полуосминою перелогу 25 четей в поле а в дву потому ж под поскотинною луговые земли

чистово места 12 десятин. Сена косит около пашни по низким местам и по колкам в двести пятьдесят копен (1623 г. — Дозорная книга деревень и пашен и покосов и всяких угодий по Тобольскому уезду).

А вот и некоторые подробности участия Осипа Корнилова Дурынина Медянского в обороне Албазина: «Выписка из дел Нерчинской воеводской канцелярии о неразграниченных землях между Российской и Цинской империями»:

«… Да в скаске ж отставных сына боярского Матфея Шемелиных да служилого человека Осипа Корнилова показано:

В прошлых де давных годах по указу его императорского величества посланы де были они, Шемелиных и Корнилов, ис Тобольска с полковником Афонасием Ивановичем Байдоном на его императорского величества службу в Даурские (так в тексте. — *С.В.*) *город в Албазин, во штистах человеках. И прибудучи де с помянутым полковником и со служилыми людьми в Албазин-город, и сидели де в том Албазине-городе в осаде от богдойских людей з год или больше. А по посольству де в Нерчинску с китайскими послами помянутой Албазин-город отдан китайскому хану, а отдав тот Албазин-город, пришли де оне с помянутым полковником и служилыми людьми с его императорского величества остаточною всякою казною и с алтилериею в Нерчинск. А про такую де Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ль на судах по ней плыть, и сколько между Удьею и Амуром-рекою растояния по перек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знают. А в прошлых де давных годех слыхали де про такую Удь в Нерчинску и в Якуцку от руских престарелых людей, что такая Удь-река есть, и посылаютца де на ту Удь-реку за ясачным збором из Якуцкова города, и знатно де про такую Удь-реку в Якуцком городе. А та Удь-река отколь вершиною выпала и куды усьем пала, сказать не знают же и ни от кого от руских престарелых людей и от иноземцов не слыхали. А от Горбицы де реки до Усть-Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина места луговые и еланные, пахотные. А ниже Албазина до моря растояния коликое число и какие места, сказать не знают же. А как де при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего замежевано и по какой границе, про то оне; Шемелиных и Корнилов, подлинно сказать не знают для того, что в то время были оне, Семелиных с товарыщем, в Албазине-городе в осаде.*

К сей скаске вместо Матвея Шемелина, Осипа Медянского их велением Нерчинской конной казак Андрей Снигирев руку приложил». (АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1726 г., д. № 6, л. 130—135), опубликовано в кн. «Русско-китайские отношения в XVIII веке», т. 2, Москва, «Наука», 1990 г.

В 1693 году в Нерчинске появляется еще один казак Корнилов в составе большого отряда казаков:

«Новоприборные, которые верстаны в конную службу и с пешей в 201 году марта в 1 день, оклад им Великих Государей денежного жалованья по семи рублев по восмь алтын по две деньги: Ивашко Корнилов».

Точнее — Корнилов Иван Иванов сын.

И вот, что любопытно, возвращаясь снова в деревню Медянскую (Переписная Книга 1710 года. РГАДА. Фонд 214, опись 1, дело 1320), мы обнаруживаем там большую семью Корниловых, имеющих точно такое же отчество и примерно тот же возраст. Обратим внимание еще на одну деталь — несколько пожилых уже по возрасту Корниловых числятся детьми казачьими — то есть для них не нашлось места на казачьей службе. Вполне возможно, что именно по этой причине Иван Иванович Корнилов и оказался в Нерчинске:

«Деревня Медянская. Во дворе атаман Федор Корнилов сказал себе от роду сорок лет жена ево Матрена 35 лет да сын Федором живет в доме у него племянник его Иван 35 жена у него Марфа 35 лет у него дети Семен 7 лет дочь Онисья 8 лет да тетка вдова Овдотья Никитина 50 лет у нее дочь девица Марья 20 лет…

…Во дворе новоприборной салдат конной казак Илья Корнилов сказал себе от роду 20 лет у него мать вдова Анна Гаврилова 50 лет у него сестры девицы Алена 15 лет Наталья 13 лет Орина 10 лет

…Во дворе казачей сын Семен Корнилов сказал себе от роду 60 лет жена ево Федо(л.224 об.)сья 45 лет у него дети сын Герасим 17 лет дочь Федосья 18 лет да внук Иван Иванов Корнилов 6 лет…

…Во дворе казачей сын Федор Иванов сын Корнилов сказал себе от роду 54 года жена ево Парасковья 30 лет у него дети сыновья Федор 12 лет Тимофей 7 лет дочери Марья 9 лет Ульяна полгоду

…Во дворе бывшей отпускной салдат Петр Иванов сын Корнилов сказал себе от роду 48 лет жена ево Оксинья 33 лет у него дети

сыновья Иван 10 лет Осип 8 лет дочь Василиса 12 лег да брат у него конной казак Федор Корнилов 45 лет…

…Во дворе казачей сын Андрей Иванов сын Корнилов сказал себе 55 лет у него жена Марья 40 лет дети сыновья Василей 18 лет Иван 12 лет Василей 5 лет дочери Татьяна 18 лет Оксинья 9 лет…»

Обратим внимание еще на одну деталь — казачий сын Федор Иванов Корнилов и конный казак Федор Иванов Корнилов, брат Петра Иванова Корнилова, — разные люди.

Причина проста – по данным за 1689 год в Тобольске служили сразу три Ивана Корниловых:

Дети боярские: Иван Ильин сын Корнилов. Литва ж которые из рейтар а оклады им дают в приказ до выбылых окладов денег по 7 рублев хлеба по 6 чети ржи по 3 чети овса по два пуда соли:

Ивашко Корнилов. Конные казаки: Ивашко Корнилов

Сергей Евгеньевич Дурынин дает нам дополнительный материал: (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261) Переписная книга Тобольского уезда 1683 года:

(Л. 151) «Деревни вверх по Тоболу реке. Деревня Корнилова на речке Медянке.

Во дворе конной казак Ивашко Офонасьив сын Корнилов у него дети Андрюшка Федка дватцати лет **Ивашко девятнатцати** лет Петрушка пятнатцати лет Мишка тринатцати лет».

Переписная книга дворов Тобольского уезда приблизительно 1689 года (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 301).

(Л. 47, л. 47 об.) «В деревне Корнилове на речке Медянке во дворе конной казак Ивашко Офонасьев сын Корнилов сказал родом он тое ж деревни Корниловы у него дети Ондрюшка Федька а Федька большой дватцати четырех лет Ивашко дватцати трех лет Федька ж меньшей дватцати лет Мишка осмнатцати лет Петрушка семнатцати лет у Ондрюшки дети Алешка трех лет Данилко году служит с пашни за хлебной полной оклад».

В переписной книге 1689 года Ивана Ивановича Корнилова уже нет, так как он в 1684 году «ушел в Дауры».

«Ивашко Корнилов [Афанасьевич 1629 г. р.]. Оклад ему жалованья Великих государей денег 7 рублев 2 пуда с четью соли за хлеб служит с пашни. Отец ево служил в Тобольску в конных казаках а он Ивашко верстан в конные казаки по приговору боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова с товарыщи во 156-м [1648] году.

А оклад ему учинен из оклада отца ево денег 7 рублев с четью 2 пуда с четью соли за хлеб служит с пашни. А от роду ему 60 лет

У него дети **Ивашко 20 лет** посылан на службу в Дауры во 192-м [1684] году Андрюшка 30 лет Федка 27 лет Мишка 23 лет Петрушка 20 лет брат Корнилко 40 лет не в службе.

А службы ево Ивашковы посылан с полковником с Дмитреем Полуехтовым на изменников башкир да посылан на Урал для приску серебряные руды да в калмыцкую землю к дашам дважды [Л. 285 об.] да в Томской с отписки наскоро дважды да за хлебными запасы и к Юмышу озеру за меновою казною и на Верхотурье и в слободы по хлебные запасы и для раскольщиков

А по осмотру стар и з городовую службу ево будет» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 948. Л. 285).

Иван Афанасьевич Корнилов в 1654 году служил в Якутске. Сразу обратим внимание еще на одну важную деталь — он был грамотным (расписался за себя сам):

Не позднее 1654 (162) г. июля 5. — **Челобитная служилых людей Якутского острога о хлебном и денежном жаловании за службы на «заморских реках».**

[л. 35] Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои твоей государевы дальной вотчины, великие реки Лены Якутцково острогу дети боярские — Костька Стефанов Дунай, Воинко Богданов, Кирилко Терентьев Ванюков, казачьи пятидесятники — Микифорко Аргамаков, Ивашко Бурлак, Тренька Смирнягин, десятники казачьи — Кондрашка Моисеев, Семенка Чюфарист, Друганко Прокопьев, Матюшка Ярыгин, Фетька Офонасьев, Сенька Иванов Брусеин, Богдашко Олексеев, рядовые служилые люди — Фторышка Федоров Катаев, Гришка Иванов Тотменин, Ивашко Сергиев, Данилко Лукьянов Скребыкин, Ивашко Семенов Жирко, Якунка Микитин, Архипко Иванов, Юрко Иванов, Фетька Осипов, Юрасимко Цыпандин, Ивашко Кормалин, Демка Дуров, Фомка Кондратьев, Русинко Никонов и во всех место детей боярских, пятидесятников, и десятников, и рядовых служилых людей.

По твоему, государеву, указу посылают нас, холопей твоих, из Якутцкого острогу твои, государевы, стольники и воеводы и дияки на твои, государевы, дальные службы на двоегодные [л. 36] и на троегодные для твоих, государевых, ясашных соболиных зборов за море на Ковыму, на Алазейку, на Индигирку реку, на Оленек реку, на Ламу, на Охоту ре-

ку. А дают, государь, нам, холопям твоим, твое, государево, денежное жалованье всего на 2 годы, а держат нас, холопей твоих, на твоих, государевых, дальных службах лет по 5-ти и по шти, и по 7-ми и больши. А твоего, государева, денежного и хлебново жалованья к нам, холопям твоим, на те реки не присылают и на перемену нам, холопям твоим, служилых людей из Якутцкого острогу за безлюдством не посылают. И мы, холопи твои, на тех дальных реках за морем должимся у торговых людей, емлем деньги из великих ростов и покупаем хлеб — пуд муки ржаной по 10-ти и по 12-ти рублев. Да мы ж, холопи твои, покупаем чарки на ноги по рублю и по 40-ку алтын, а сукна белово аршин по 20-ти алтын и по 20-ти по 5-ти алтын, а топоры по полутора рубли и по 2 рубли. От тое, государь, нужи мы, холопи твои, обдолжали великими долги, от торговых людей от кабал окупитца нечем, стоим и мучим живот свой на правеже. А как мы, холопи твои, приедем с твоих, государевых, дальных служеб и бьем челом тебе, великому государю, и приносим челобитные к твоим, государевым, стольникам и к воеводам, и к дияком в Якутцком остроге о твоем, государеве, заслуженных лет о хлебном и денежном жалованье, и твои, государевы, стольники и воеводы, и дияки нам, холопям твоим, в твоем, /л. 37/ государеве, в заслуженных лет в хлебном и в денежном жалованье отказывают, что де в твоей, государеве, казне хлеба и денег нет.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, бедных и разоренных, вели, государь, нам [418] бедным, свое государево заслуженных лет хлебное и денежное жалованье выдать, чтоб мы, бедные, от торговых людей по кабалам на правеже замученым не были и в конец не погибли, и твоей бы, государевы, службы не отбыли.

Царь, государь; смилуйся.

На лл. 35-37 сб. рукоприкладства: К сей челобитной сынчишко боярской Костька Стефанов и вместо детей боярских Воинко Богданова, Кирилка Ванюкова да по их веленью и собя руку приложил. К сей челобитной вместо пятидесятников Микифорка Аргамакова, Ивашка Бурлака, Треньки Смирнягина, десятников Кондрашки Моисеева, Семенки Чюфариста, Друганка Прокофьева, Матюшки Ярыгина, Фетьки Офонасьева, Богдашки Олексеева по их веленью и в свое место Сенька Прибылов руку приложил. К сей челобитной Демка Дауров руку приложил. К сей челобитной Ивашко Михайлов руку приложил. К сей челобитной Вторко Федоров Катаев руку приложил. К сей челобитной Ивашко Рябов руку приложил. К сей челобитной Вторко Ларионов и вместо Федулка Аввакумова, Треньки Костянтинова, Митьки Мелково по их велению служилой человек Вторко Ларионов руку приложил. К сей челобитной Семейка Брусницын руку приложил. К сей челобитной вместо Фетьки Офонасьева, Некраска Федорова, Овдокимка Кирилова, Богдашка Олексеева, Мишки Дегтеря, Данилка Скребыкина, Лешки Шаньги, Офоньки Брусенкина, Федотка Уса, Фонька Никитина, Голотки Филипова, Васьки Шалюты, Васьки Дуракова, Матюшки Ярыгина, Федулка Авдокимова по их велению и за собя Гришка Тотаринов руку приложил. К сей челобитной Ерасимко Цыпандин за себя, за товарищев своих, за Елфимка Залесова, да и за брата своего за Ондрюшку руку приложил. **К сей челобитной Ивашко Корнилов руку приложил.** К сей челобитной вместо Ивашка Кармалина, Мишки Дехтяря, Фетьки Белоуса, Олешки Семенова, Левки Нестерова, Ондрюшки Парфенова, Микитки Парфенова, Фомки Кондратьева, Титка Спиридонова, Васьки Дуракова по их веленью и за собя Ивашка Тотарин руку приложил. К сей челобитной Русинко Никонов руку приложил. К сей челобитной Онтонко Инков руку приложил. К сей челобитной Ивашко Сергиев и вместо Белоуса Сидорова по ево веленью и за собя руку приложил.

Ф. Сибирский приказ, ст. № 480, лл. 35 – 37

Последние сведения об Иване Ивановиче Корнилове мы находим в архивных материалах за 1744 год (РГАДА Фонд 350 Ландрадские книги и ревизские сказки. Опись 2, Дело 1917, 2-ая ревизия. Книга переписная населения г. Нерчинска и уезда).

«Города Нерчинска разночинцов померло: 171 Иван Иванов сын Корнилов; 172 у него сын Прокопей; 173 Сава; 174 Петр».

Их уже нет в Переписной книге Нерчинска за 1721 год — есть только потомки Осипа:

«Пешей казак Осип Корнилов 60; дети у него сын Григорей 31, Максим 26, Алексей 21, Андрей 20, да внук ево Петр 3, Иван 6, да зять ево промышленной человек Фома Бетев 50, у Афонасья сын Михей».

По данным этой же Книги Михаил Иванович был взят в 1721 году на Камчатку с целой группой нерчинцев. Взяты на Камчатку: «…222 Прокопей Михаилов сын Калашников; 223 Алексей Нестеров сын Кудеяров; 224 Еким Иванов сын Сысоев; 225 Федор Григорьев сын Шушонин; 226 Иван Василев Щербаков; 227 Григорей Алексеев сын Соколов; 228 Гаврило Шадрин; 229 Иван Шадрин; 230 Ефим Силин сын Колосов; 231 Матвей Бе-

кетов; 232 **Михаило Иванов сын Корнилов**; 233 Лаврентей Анцын; 234 Фадей Березовской».

Один из них — Еким (или Ефим) Иванов сын Сысоев стал родоначальником камчатских казаков Сысоевых, другой — Шадриных. И совершенно не случайно оба этих казачьих корня идут из Тигиля, где в 1735 году была построена для обороны от коряков Тигильская крепость с многочисленным гарнизоном, набранным, как сегодня стало известно, из нерчинских казачьих детей.

Николай Ефимович Корнилов (1771 г. р.), вероятно, внук Михаила Ивановича Корнилова, был урядником в Тигильской крепости, а его потомки служили в Камчатской экипажной роте и Камчатском флотском экипаже.

Коровин Василей Дмитриев сын

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской конной казак Дмитрей Коровин 27 дети ево сын Влас 10».

Корова Петрушка Клементьев — енисейский стрелец в 1632 г.

Драгун (из казаков) Андрей Коровин служил в Тобольске и у него была большая родня.

Устюжанин Ивашко Семенов сын Коровин торговал в Якутске и был за это «пытан» первым якутским воеводой Петром Головиным в 1645 г.

В 1699 году в Нерчинске служил Василий Коровин (оклад 7 «рублев с четью»). Вероятно, это дед Василия Дмитриевича.

Кривоносов Иван

Кривоносов Пахом

«Казачей сын Сава Кривоносов 29 у него братья Михайло 26, Герасим 20, Иван 18, Степан 15, **Пахом 13**, Анисим 11, Яков 8 да племянник ево Иван 5».

Выше мы рассказывали об истории этой сибирской фамилии.

Кудеяров Алексей Нестеров сын (в 1721 г.)

Фамилия очень интересная — был такой разбойник Кудеяр, который, по одной из версий, был сводным братом Ивана Грозного.

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской конный казак Михайло Кудеяров 85 ево сын Нестер 37, сын Григорей 26, а у Нестера сын Алексей 5, сын Яков 5».

Митрофанов Василей

Митрофанов Федор

В 1706 году в Якутске служил казачьим десятником Иван Митрофанов. Он был прислан из Енисейска.

Неделин Василей. Информации нет.

Недоносков Данило Прокопьев сын. Информации нет.

Поспелов Андреян Онисимович (1714 г. р.)

Тобольская казачья фамилия.

В 1640 году в Якутск в составе первого его гарнизона прибыли Поспелов Олешка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина и Поспелов Юшка, казак станицы Якова Елизарьева.

Томский казак Иван Трифонов сын Поспелов был из другого рода: «...отец родом с Устюга Великого, в Томск пришел своею волею и служил в конной службе, а он, Ивашка, верстан в отцово место при воеводе Никифоре Нащокине. Оклад 7 рублев с четью, 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Казаки Поспеловы служили также в Таре и Кузнецке.

21 мая 1733 года Иван Яковлевич Венгерский венчался первым браком с сестрой подьячего подушного сбора Анастасией Петровной Поспеловой. В 1737 году он уже каптенармус Тобольского драгунского полка. В 1740 году Иван Яковлевич Венгерский — прапорщик Тобольского полка. В 1741 году Иван Яковлевич Венгерский — писарь Оренбургского драгунского полка. Видимо, после смерти первой жены, 8 января 1741 года Иван Яковлевич Венгерский венчался с солдатской дочерью Ириной Петровной Вороновой.

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Онисим Поспелов 41 дети его сын Федор 17, [л .68] **Андриан 7**, Василей 2, Илья 13 недель».

Пыхалова Ивана крепостной человек Косма

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пятидесятник Иван Пыхалов 16 да братья ево Алексей 14, Федор 7, да братья ево сводные Гурей Пыхалов 40, Василей 35».

Скорняков Максим Дмитреев сын

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Дмитрей Скорняков 30 у него сын Максим 3».

В 1696 году в Тобольске служит в стрельцаах Скорняков Ивашко Федоров. А в Якутске в 1706 году в первой пятидесятне казак Скорняков Петр Васильев. Других счведений у нас нет. Скорее всего, это тобольский род.

Соколов Григорей Алексеев сын

Соколов Филип

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пешей казак Иван Соколов 28 у него братья **Филип 20**, Гигорей 17; Нерчинской пеший казак Андрей Соколов 17 отец ево Алексей 50 брат ево Андреев Григорей 7, брат Петр 4».

В 1696 году в Тобольске служит десятник пеших казаков Соколов Кирилка.

В 1633 году в Ленском походе енисейского атамана Ивана Галкина принимает участие енисейский казак Сокол Карпушка, от которого, вероятно, и пошел род енисейских Соколовых:

Игнашка Ильин Соколов, енисейский стрелец, 1662–1672 г.г., «деревня служилого человека Ивашки Соколова, у него сын Сергушка 6 лет, 1669 г.».

В 1706 году Соколов Сергей служит в Якутске. Но он прислан из Енисейска.

А в пятнадцатой пятидесятне служит Соколов Кузьма, будущий пятидесятник под командованием которого был осуществлен проект Петра Первого об организации морского пути на Камчатку.

«26 июля 1713 г. в указе сибирского губернатора князя М.П. Гагарина было велено послать из Якутска на Камчатку какого-либо сына боярского и с ним 12 человек для исследования морского пути на Камчатку через Ламское (т. е. Охотское) море. Для этой цели был послан сын боярский Иван Сорокоумов, который, однако, задания не выполнил.

Решено было повторить исследование, но так как было очевидно, что для выполнения его нужно организовать постройку мореходных судов при помощи опытных мастеров, то на этот раз, кроме якутского служилого Козьмы Соколова, в Охотск послали мореходца-кормщика, т. е. рулевого, Якова Невейцына и других мореходцев, а кроме того, и опытных плотников. Приказано было попутно обследовать и жилые острова в Ламском море и у Камчатского носа, узнавая от их жителей "какой веры и под чьим владением и какую битву и богатство имеют", и составить чертеж.» (Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, СПб., 1885, стр. 39.)

«Того же лета пришло с Ламы судно и пристало на Конпаковой реке, а коммандиром на оном судне был якуцкой казачей пятидесятник Козма Соколов.

Помянутой Соколов, будучи в Тобольске в бытность губернатора князя Матвея Гагарина, в пьянстве похвалился у князя Гагарина, что де он может с Ламы на Камчатку судном пройти. И как на другой день о том допрашивай, помнит ли он, что он говорил, и правда ли, что он может судном пройтить на Камчатку, убояся за ложную похвальбу штрафа, и, нехотя, объявил, что может.

Князь Гагарин, дав ему в Тобольске плотников и мореходов, отпустил его для проведывания пути на Камчатку, которой, приехавши на Ламу, зделал лодью и пошел на море, где он так щасливо путь имел, что в третей день прибежал на Коипакову речку, и с того времени с Камчатки чрез Анадырской острог путь оставлен, кроме того, что зимним временем тем путем с нужными отписками в Якуцк или на Ламу ездят».

Сысоев Еким Иванов сын (1717 г.р.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской конный казак Иван Сысоев 30, сын Осип 5, сын **Еким 4**, сын Симан полугодовой, брат Петр 26».

«… во 147-м (1639) году посланы ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тобольских служилых людей … Сысоев Ивашко, казак станицы Клима Бобошина».

Вероятно, Ивашко — был сыном Лариона, ермаковского казака, Ларя Сысоева, у которого в 1623 году в Тобольске: «Деревня сверх речки Сузгунки. Во дворе пеший казак Ларя Сысоев. Пашни у нево паханные земли 4 чети да перелогу 6 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 3 десятины. Сена косит 100 копен».

В начале 18 столетия многочисленный клан Сысоевых представлял тобольских детей боярскиих: Андрей Микитин сын, Борис Федоров сын, Полуект Онтипин сын, Федор, Микита…

Ефим, возможно, был родственником албазинского казака: «**Сысоев Левка**, албазинский казак партии 1665–1770, один из 82 служилых людей, подписавших челобитную царю Алексею Михайловичу о прощении и пожаловании за службу (1670). Десятник, в числе других значился в челобитной от 120 албазинцев (1672)».

«Царю [А.М.] бьют челом холопи твои, даурские службы Албазинского острогу служилые людишка, десятничишка казачьи и рядовые казачишка: Федька Евсивьев Плот[ник], Петрушка Осколков, Ярк[о] Тварогов, Карпушка Семенов, Завьялко Ларион[ов], Артюшка Семенов, Якунька Савин, Ивашко Козьмин, … Иванов, Левка Сысоев, Богдашко Тороканов и во всех место албазинских служилых людей ста дватцати человек.

С прошлого, великий государь, 174 [1665] году и по нынешней 180 [1672] год приходили мы, холопи твои, из сибирских городов своею охотою гулящим и промышленым числом на великую реку Шилку при Ларионе Т(олбо)зине и при Даниле Даниловиче Аршинском. И били челом тебе, великому государю, а в Нерчинском остроге в Росправной избе Лариону Толбозину и Даниле Аршинскому подавали заручные свои челобитные, чтоб ты, великий государь, нас, холопей своих, пожаловал: велел по Албазинскому острогу верстать (в) твою государеву казачью службу.

И по твоему государеву указу Ларион Толбозин и Данило Аршинской нас, холопей твоих, в розных годех и месяцех, и числех в твою государеву службу верстали.

И мы, холопи твои, на великой реке Амуре на Албазинском городище поставили твой государев острог, и для приходу воинских людей около острогу ров копали, и надолбы поставили. И под твою царскую самодержавную высокую руку новых неясач-[181]ных оленных Контагирсково роду тунгусов привели и аманатов взяли на Амуре.

Да мы ж, холопи твои, в новом Албазинском остроге пашню сеем хлеб. И тем мы, холопи твои, на твоей государеве службе питаемся.

А к нынешнему ко 180 [1672] году насеяно у нас холопей твоих девяносто десятин ржи, а ярового будет посеетца всякого хлеба девяносто же десятин. А для хлебные пахоты сошники и серпы, и косы, и для приходу воинских людей порох и свинец по вашему, великих государей, указу Данило Аршинской дает нам в Нерчинском остроге из вашей, великих государей, казны и во всем нам помогает.

И мы, холопи твои, будучи на твоей государеве дальной службе в Албазинском остроге, без твоего государева жалованья и без указу ныне нужныи бедны, и наги, и боси. И в твоем великого государя в новом в Албазинском остроге для приходу воинских людей снаряду и пушек, и мушкетов, и зелья ручново, и свинцу нет. А для оружейные починки кузнеца нет же.

А около Албазинского острогу иноземцов, неясачных даурских людей и тунгусов, много, и под твою великого государя царя самодержавную высокую руку никакими мерами подозвать не мочно. А поиску над ними без твоево государева указу мы, холопи твои, поискать не смели.

А из Албазинского острогу и до Богдойского царства албазинские служилые люди ходу проведали: на коне ехать три недели всего.

А по Амуру реке с усть Аргунь реки вниз до Албазинсково острогу по лугам пашенных хлебородных мест много. Можно поселить триста семей в твою великого государя десятинную пашню. И от той бы пашни мочно служилым людем Нерчинских острогов и нового Албазинсково острогу без енисейской хлебной присылки сытым быть.

А в тое свою великого государя десятинную пашню — ково ты, великий государь, изволишь прислать с Руси или из сибирских городов.

А ниже Албазинского острогу пашенных мест безчис(ленно) много.

Милосердый государь [А.М.], пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем, чем тебе, великому государю, всемилосердый господь известит. И изволь, великий государь, к нам, холопем своим, послать снаряд: пушки и мушкеты, и зелье ручное, (и с)винец, и пашенных крестьян.

<…> Пожалуйте, великие государи, нас, холопей своих, за ту нашу службишку и за острожную поставку своим великих государей денежным и хлебным, и соляным жалованьем, что вы, великие государи, нам холопем своим, укажете.

И велите, великие государи, сию нашу заручную челобитную в Нерчинском остроге Данилу Аршинскому принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве».

В 1815 году казак Сысоев Яков Павлович служит в Петропавловском порту, а Сысоев Андрей Иванович – матрос Петропавловской экипажной роты.

Сысоев Егор Иванович в 1812 году гренадер в Петропавловской роте майора Крупского Камчатского гарнизонного батальона, его сын Герасим, матрос 47-го Камчатского флотского экипажа

вместе с казаком Сысоевым Николаем Петровичем обороняли Петропавловский порт в 1854 году.

Сычев Степан Ярофеевич (1721 г.р.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Пешей казак Ярофей Сычев 62 ево сыны Петр 14, сын Иван 10, Кирило 7, **Степан полугодовой**».

Тимофеев Яков Якова Казанова человек. Информации нет

Томилов Михайло

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Таможенный подъячей Василей Томилов 52».

Тобольск (1696 г.): «по указу вел. госуд. и по грамоте велено быть в Тобольску в детех боярских Верхотурским детем боярским Федору, да Ивану Томиловым».

В 1624 году конный казак Томилов Нестерка имел свой двор в Тюменском остроге.

В 1633 году казак литовского списка Томилов Шестой Спиридонов сын в Тюмени.

В 1681 году в Якутске служит Томилов (Томилин) Иван, в 1688 году сотник, приказчик Удского острога, который он принял от сына боярского Ивана Крыжановского.

Томиловы Данила и Дмитрий в 1711 году входили в команду Данилы Анцыферова Томского.

В 1703 году в Томске служил в конных казаках Томилов Игнатей Ульянов сын, у нрего «сын Петр женат, у него сын Матвей 3; сын Василей женат, у него сын Василей 1; сын Алексей 15, Стефан 7».

Под Томском была деревня Томилова.

Томилов Григорий был членом экипажа бота «Восточный Гавриил», потерпевший крушение в 1730 году вблизи устья реки Большой, участник карательной экспедиции, наказанный за проявленную жестокость в 1735 году.

Тупицын Андрей

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Нерчинской казачей сын Иван Тупицын 17 у него два брата Дмитрей 10, Козма 5»

Был еще Тупицын Яков, нерчинский конный казак, служил в Аргунском остроге. Тупицын Петр Яковлев сын был уже якутским

казаком и в 1706 году служил в двенадцатой пятидесятне. Убит в 1707 г. на реке Большой вместе со всем гарнизонном Большерецкого острога.

По всей видимости, из этого же рода и Андрей Тупицын.

Федоров Дмитрей Алексеев сын

Федоровых много было в Тобольске. Но и Федоров, сыновья которого становились Федоровыми, в каждом сибирском остроге тоже было предостаточно, чтобы создавать новые родовые истории.

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Оксен Федоров 70 дети у него сын Карп 35, Иван 30, Никифор 27, Алексей 25, Андрей 17, Василей 15, Василей 12, да внук ево Семен 12, внук же Василей полугодовой. Пешей казак **Алексей Федоров 50** дети у него сын Иван 25, сын Федор 10, Фома 7, **Дмитрей 5**, да внук ево Семен 2»

Самым знаменитым из сибирских казаков Федоровых был казак из отряда Ермака сургутский атаман Тугарин Федоров, позже он отметился и в событиях Смутного времени: «Под началом М.В. Скопина-Шуйского, только не в походе против тушинцев, а в боях с отрядами И. Болотникова, довелось сражаться и атаману из Сургута Т. Федорову. В челобитной (ноябрь 1626 г.), обращаясь с просьбой пожаловать “за мои службишка и за кровь” — поверстать “из моего окладу” 20-летнего сына Петра, он утверждал, что “ставил” еще Пелым, Сургут и “городок” в Пегой орде (вероятно, Нарымский острог), “объясачивал” “иноземцев” на Томи и Енисее, а в начале Смуты, приехав к Москве с “государевою соболиною казною”, в “полку” Скопина-Шуйского воевал под Калугой и Лихвинской засекой. В пору осады Москвы, захваченной “литвой”, Федоров, по его словам, бился “явственно и многажды был ранен”; ныне же, заключал свою просьбу атаман, “от многих (на протяжении 35 лет. — Прим. авт.) служеб, от ран, увечей… служить не смогу”».

«…интерес представляет челобитная сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова, присланная в Москву в начале 1626 г. из Сургута. Он просил отставить его из-замногих ран и увечий, а на свой оклад, по местным масштабам высокий и почетный (15 руб. и 15 четвертей хлеба), “за службу отца” приверстать его 20-летнегосына Петра. Остается неизвестной реакция в Москве на эту просьбу, но послужной список атамана не мог не привлечь

внимания. Тугарин не указывал на совместную службу с Ермаком, но безусловно принадлежал к тому поколению, которое было связано с началом присоединения Сибири. Свою службу в Сибири он датировал с 1591 г., писал об участии в перестройке Пелыма (1693 г.) и Сургута (1694 г.). Последнее десятилетие XVI в. и первые годы XVII в. служил по Сургуту: объясачивал селькупов (Пегая орда) и енисейских остяков. Однако самый яркий эпизод в его службе относился не к Сибири, а к Центральной России. После 1604 г. Тугарин был послан в Москву сдавать соболиную ясачную казну и на много лет стал участником событий Смутного времени, борьбы царя Василия Шуйского с войсками И. Болотникова, а затем с польскими оккупантами. В составе полка М. В.Скопина-Шуйскогоон сражался в 1607 г. под Калугой, затем в полку В. И. Бутурлина — на “Лихвинской засеке” и уже “без съезда” был под Москвой и бился с “государевыми изменниками”, “польскими и литовскими людьми”».

«Атаман Т. Федоров, поначалу, возможно, состоявший в Сургуте в рядах станицы Т. Иванова, в 1614 г. “годовал” в Кетском остроге с Г. Моржом. Мы не располагаем достаточными основаниями, дабы безоговорочно причислять Тугарина к участникам строительства Томска (Внукова 2013b: 47); известно лишь о том, что сургутяне, между прочим, находились в числе служилых, “ставивших” этот город в начале осени 1604 г. Т. Федоров же, судя по его челобитной Михаилу Федоровичу, мог или сооружать ясачное зимовье на Томи (Древний город 1994: 122), или собрать там ясак с татар-еуштинцев в самом конце XVI в. Не приходится подобно Г.Ф. Миллеру считать Тугарина сургутским казачьим головой; пока не стоит и утверждать, будто он “долгое время служил в Нарыме” (Миллер 1999: 296, 607). В 1621 г. в Сургуте несли службу казаки Чудин, Захар и Иван Федоровы (Миллер 2000: 696; Обозрение 1900: 217) — возможно, родственники Тугарина. Эта фамилия относится в Сибири XVII в. к числу самых распространенных (Миллер 2000: 768–769, и др.), и считать, что сына атамана, носившего редкое имя Тугарин (Веселовский 1974: 324), могли называть Петром Тугариновым (Александров, Покровский 1991: 398), думается, не стоит. Если иметь в виду “Сибирскую страну”, то помимо Федорова, нам известно лишь о носившем то же имя его младшем современнике Панютине, ставшем атаманом “Тобольского города” (подобно отцу), а затем и местным сыном боярским».

В 1632 году Федоров Гуляйка в отряде стрелецкого сотника Петра Бекетова возводил Ленский острог.

В 1637–1638 гг. в отряд Ильи Перфирьева входили, как видно из тех же таможенных книг, служилые люди Тобольского города: Фаддей Васильев, Андрей Иванов, енисейские казаки: Прокопий Васильев, Игнатий Инаньин, Афанасий Самсонов, Томило Ильин, Федор Иванов Кайгород, Иван Сергеев, Гуляй Федоров, Сафон Авдеев, Алексей Семенов Голый и 25 промышленных людей (Сибирский приказ, кн. 127, лл. 134–148а).

В Якутск с воеводой Петром Головиным пришел болховитин Ивашко Федоров — тобольский казак станицы атамана Тугарина Панютина.

Другой вариаант: «Иноземец литвин денежного аглинского двора подметчик Ондрюшка Федоров по указу великих государей велено ему быть в Тоболску в службе в какой чин пригодитца и в Тоболску ему Ондрюшке велено быть в пеших казаках».

В 1646 году проявил себя и Травин Федоров: «Явка тобольского служилого человека Федора Матвеева на служилых людей Максима Васильева Шамдура, Травину Федорова и Алексея Григорьева Рохмиста, угрожавших зарезать его ножом».

И еще один Андрюшка Федоров, но уже служит в пеших казаках в Якутске: ссыльный человек стрелецкого головы Ивана Бегичева.

В 1686 году в Якутск выслан с Дона казак Никишка Федоров.

Албазинский казак Оксенка Федоров, от которого, вполне возможно, и идет нерчинская родовая ветвь Федоровых, был одним из последних оставшихся в живых защитников Албазинского острога. Возможно его дедом (в честь которых часто называли внуков) был Оксенка Федоров, служивший в Томске в 1626 г.

В числе последних защитников Албазина был и Якушка Федоров, в 1706 году в Якутске в пятнадцатой пятидесятне служил либо он сам, либо его тезка Яков Федоров.

Промышленный человек Лука Федоров был участником первого похода Атласова на Камчатку: «В одном из неопубликованных архивных документов похода упоминаются юкагиры-изменники — Ома, Тыкно и их сообщники, которые “будучи в походе с Володимером Отласовым убили пять человек, Евдокима Старловского, Матюшку Прибылова, Архипа Микитина, Сеньку Галева, Ивашку Стадухина, да промышленных людей Кирилка Ива-

нова, Лучку Федорова, Сидорка Дмитриева и ево Володимера избранили и с ним больше тридцати человек переранили служилых людей". Сам Атласов позже утверждал, что он на Палане был ранен "во шти местах"».

Казак Федоров Антон прислан в 1706 году в Якутск из Енисейска.

Филиповых Гаврило Петрович (1696 г. р.)

Филиповых Конан Петрович (1716 г. р.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Петр Филиповых 50. У него три сына: Степан 30, **Гаврило 25**, Дмитрей 15. Да два внука: **Конон 5**, Макар 2».

Фоминых Иван Максимович (1697 г. р.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Иван Фомин 24 дети у него сын Дмитрей 6, Семен 4 да отец отставной казак Максим Фоминых 80 [л. 72 об] да братья ево Афонасей 20, Прокопей 19».

Цветков Иван Яковлев сын (1704 г. р.)

Переписная книга Нерчинска за 1721 год: «Конной казак Яков Цветков 45. У него сыновья **Иван 17**, Семен 15, Михайло 9, Агафон 7, Лев 3»

Черных Андрей (с 1721 г.)

Черных Иван (у него брат Андрей) (с 1721 г.)

Черных Алексей (с 1721 г.)

Черных Степан

В переписной книге Нерчинска за 1721 год мы обнаружили только одну запись: «Верхотурец казачей сын Меркурей Черных 43». Не обнаружили мы эту фамилию в Нерчинске и в документах за другие годы.

У Ивана Черных была на Камчатке своя особенная история — будучи сотником он принял в русское подданство всех жителей Курильских островов, а в 1771 году был единственным человеком в Большерецком остроге, кто противостоял бунту ссыльных и промышленных людей во главе с Августом Беньевским.

Правда, в 1772 году иркутский генерал-губернатор А.И. Бриль в инструкции главному командиру Камчатки премьер-майору М.К. Бему о необходимости организации новой экспедиции на южные Курильские острова сообщал о преждевременной смерти Ивана Черных в Иркутске: «И хотя в прошлом 768-м году как для збору с них ясаку, а протчих дальних мохнатых курильцов для приведения в подданство ея и.в., а сверх тово описания и разведывания тамошних жителей и посылан был в небольших байдарах ис Камчатки в бытность там командира флота капитана Извекова казачей сотник Черной, которой, быв уже на 19 острову возвратился в Камчатку, токмо о том ево там бытия журнал оказался черной, а карты оным островам никакой не прислано. И затем, для лутчаго объяснения и взят он, Черной, был в Иркутск, но быв в проезде, от приключившейся ему оспенной болезни здесь вскоре умре, зачем и остался тот журнал без надлежащего разъяснения…».

Но допустить, что на Камчатке в одно и то же время было два казачьих сотника по имени Иван Черных мы не можем, а документы говорят о том, что сотник Иван Черных оказал сопротивление бунтарям и даже пытался по ним стрелять. Позже мы еще остановимся на этих событиях.

Шадрин Гаврило (с 1721 г.)

Шадрин Иван (с 1721 г.)

«Шадрины — томский род сибирских казаков XVII века. В 1680 году в Томске служили: десятник пеших казаков Ивашка Юрьев сын Шадра, его «дед и отец родились на Ваге в Шенкурском остроге, а он, Ивашка, пришел в Томск своею волею к дяде своему Антону Черному, и по челобитью верстан в пешие казацкие десятники»; пеший казак Андрюшка Юрьев сын Шадрин, «отец его родился в Томске и верстан в место отца». В Томске был известен и служилый человек Дружинка Прокофьев сын Шадра. Шадрин — архангельская фамилия. Семен Шадрин является потомком бердского служилого человека-старожила, переехавшего с детьми в Бердский острог в первом десятилетииXVIII века и построившего искитимскую д. Шадрину. Один из братьев С. Шадрина разведывал на Алтае руды по заданию Акинфия Демидова. Шадрины участвовали в освоении русскими людьми Алтая, оставив на его карте названия еще нескольких родовых деревень».

В Тобольске Шадриных — казаков и крестьян — было еще больше, чем в Томске. Но и в Тобольске они появились откуда-то, например, казак Лучка Иванов сын Шадрин «сказал родом он города Тюмени казачей сын». Были свои Шадрины и в Якутске, и в Таре. Потому что Шадриных — то есть людей, помеченных оспой, было на Руси множество.

«В основе фамилии лежит слово “шадра”, что означает “оспа” или “лицо, покрытое оспой”. Слово это северное — архангельское. Город Шадринск Курганской области в XVII веке называли Шадринский Архангельский городок. Основан он был выходцами с Русского Севера. С Зауралья Шадрины продвигались дальше на восток. В Тюмени в середине XVII веке был известен воевода Иван Титович Шадрин; в Якутии некого казака Петра Шадрина “за службу отцовскую и за его” верстали в дети боярские. Фамилия эта встречается неоднократно в документах XVII века, где речь идет об енисейских крестьянах. С Енисея Шадрины пришли в район братской Оки».

В 1706 году на Камчатке погиб Фома Иванов сын Шадрин, якутский казак, служивший в десятой пятидесятне, а в пятнадцатой пятидесятне в это же время служил Шадра Иван Сафоновых, возможно, отец Фомы. Его тезка Иван Шадр погиб на Камчатке в 1704 году.

Но и в Нерчинске по переписи 1721 года было также много Шадриных: «Нерчинской пеший казак **Гаврило Шадрин 27** брат ево **Иван 22.** Конной казак Афонасей Шадрин 40 отец ево отставной казак Петр Шадрин 70, брат ево пешей казак Никифор Шадрин 35, брат же ево Федор 17, да сыны ево Федор 4, сын Ларион годовой да племянник ево Михайло 10».

Шитиков Алексей

По переписи Нерчинска мы этой фамилии не нашли. Но есть любопытная запись в переписи Тобольска (слобода Усть Мияская) за 1689 год: «Двор пашенного крестьянина Максима Шитикова сказался 50 лет, у него жена Ирина 40 лет, сын **Алексей 4** лет. Дочь Татьяна 7 лет».

Шушонин Федор Григорьев сын. Информации нет

Щербаков Иван Васильев

Переписная книга Нерчинска за 1721 год. Одно упоминание: «Конной казачей десятник Михайло Саватеев 58 у него два сына Лев 12, Иван 11 у него ж в доме зять ево лалетин (лалетин — прибывший из г. Лальска (близ г. Великий Устюг)) Федор Колотовкин 40 да Нерчинской казачей сын Иван Щербаков 25».

В 1696 году его полный тезка стрелец Иван Васильев сын Щербаков служит в Тобольске в стрельцах. Возможно, это он и есть — дальние сибирские гарнизоны нередко пополнялись за счет тобольских казаков.

Эта фамилия существовала в Тобольске уже в 1623 году: деревня вверх по Тоболу на левой стороне по конец Турбинсково яру «во дворе стрелец Первушка Левонтьев Щербак. Паши паханные середней земли 5 четей. Перелогу 3 чети в поле а в дву потому ж. Сена косит около своей пашни по низким местам 250 копен».

Но есть и другие истории этой фамилии.

Конные казаки Щербаковы служили в 1626 году в Томске. Деревни Щербаковы были записаны в 1782 году в Томском ведомстве и на р. Бурле (Алтай).

Щербак Андрюшка Яковлев, томский казак, «сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Ульяной, детьми Ивашком, Дружинкой, Бориском и Филькой».

О Фильке известно следующее: «1680 г. 16 октября охотским приказчиком Филиппом Щербаковым привезены три приохотских тунгусенка: из Уяганского рода Жакжаул, 11 лет и Кабата, 8 лет и Готниканского рода Жакна, 6 лет. Первого из них Щербаков взял от казаков в подарок, а двух последних купил — Кабату за 3 рубля, а Жакну за 3 рубля 50 копеек».

«1682 г. 9 июня возвратился из нового Удского зимовья казак Иван Бессонов, отправленный туда с пятидесятником Филькою Щербаковым в качестве толмача. Он неоднократно ездил из Удского на р.Амгунь, впадающую в море, для отыскания неясачных тунгусов разных родов и для приведения их в русское подданство».

В 1690 году Филипп Щербаков был обвинен в подготовке бунта и умер во время пыток: «А умерших воров и бунтовщиков Фильки Щербакова и Мишки Онтипина, Ивашка Паломошного, жен их и детей сослать в сылку ж в Нерчинской острог, чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градцких жителей побивать и грабить иным всяких чинов людем было неповадно».

В 1632 году енисейский казак Ивашка Щербак в отряде сотника Петра Бекетова строил Ленский острог.

В 1646 году енисейский казак Якунька Данилов Щербак подписал вместе с другими своими товарищами из отряда Василия Ермолина Бугра эту челобитную: «…мы, государь, холопи твои, из Енисейского острогу шли на твою, государеву, службу твоими государевыми, ленскими [хлеб]ными запасы до под Ленсково волоку, а с Ленсково волоку до усть Илима; в другой ряд посыланы мы, холопи твои, по твой, государев, уметной запас. А зимою живучи с Ленского волоку посыланы мы, холопи твои, на твои, государевы, службы для ясачного збору вверх Илима и вниз по Илиму реке…».

В Красноярске в рядовых казак служил Щербаков Оверка Иванов, ссыльный «из черкас или московских стрельцов».

В 1688 году поверстан в Якутске в казачью службу казачий сын Щербаков Леонтий Дмитриев.

* * *

Селенгинский острог. Набор в казаки, в рекруты и в Камчатскую экспедицию после Первой переписи (1724 г.)

Абаллаков Василий — Архангельская слобода, в рекруты
Алферов Василий — Кабанский острог, в рекруты
Баранов Григорий — Ильинский острог, в рекруты
Башкиров Нифонт — Селенгинск, в казаки
Башуров Василий — Удинск, в рекруты
Белоплотов — Селенгинск, в рекруты
Болотов Андрей — Селенгинск, в рекруты
Борисов Федор — деревня Большой речки, в рекруты
Боровских Кирила — Удинск, в рекруты
Бородин Потап — Селенгинск, в рекруты
Брянских Иван — Селенгинск, в рекруты
Брянских Петр — Селенгинск, в рекруты
Бурдуковский Аника — Селенгинск, в казаки
Бурдуковской Кондратий — Удинск, в действительную казачью слежбу
Бурдуковской Петр — Удинск, в рекруты
Бурлаков Иван — Ильинский острог, в действительную казачью службу
Бутин Осип — Селенгинск, в казаки
Бутори Поликарп — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Буторин Тимофей — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты

Вахрушев Иван — Селенгинск, в казаки
Викторов Иван — Ильинский острог, в рекруты
Викторо Вирила — Ильинский острог, в рекруты
Викулин Тимофей — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Возмищев Петр — Селенгинск, в казаки
Вокин Максим — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Вокин Семен — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Воронов Никифор — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Галецких Макар — Посольского Преображенского монастыря, в рекруты
Гиганов Семен — Удинск, в рекруты
Главинской Алексей — Удинск, в действительную казачью службу
Глаткой Степан — Кабанский острог, в рекруты
Грехнев Иван — Селенгинск, в рекруты
Горбов Ефим — Удинск, в рекруты
Госков родион — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Гусев Иван — Селенгинск, в рекруты
Гущин Семен — Ильинский острог, в рекруты
Дементьев Поликарп — Селенгинск, в рекруты
Домышев Федор — Селенгинск, в казаки
Дроздов Иван — Ильинский острог, в рекруты
Дубинин Афанасий — Селенгинск, в казаки
Дублинин Еким — Ильинский острог, в рекруты
Дунаев Антон — Селенгинск, в рекруты
Ермаков Максим — Юговская деревня, в рекруты
Жарков Никифор — Удинск, в действительную казачью слежбу
Жданов Афанасий — Удинск, в рекруты
Запрегаев Евстафий — Посольского Преображенского монастыря, в рекруты
Запрегаев Иван — Посольского Преображенского монастыря, в рекруты
Зарубин Илья — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Зарубин Петр — Удинск, в рекруты
Исаков Афанасий — Ильинский острог, в рекруты

Казанцов Андрей — Удинск, в рекруты
Казанцов Павел — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Каргин Леонтий — Кабанский острог, в рекруты
Каргопольцеов Осип — Селенгинск, в рекруты
Киприянов Степан — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Клочихин Митрофан — Удинск, в рекруты
Ключнев Роман — Удинск, в действительную казачью слежбу
Кожевников Афанасей — Селенгинск, в казаки
Кожевников Дмитрий — Кабанский острог, в рекруты
Кожевников Фадей — Кударинская слобода, в рекруты
Кожевников Яков — Селенгинск, в казаки
Козлов Степан — Ильинский острог, в рекруты
Козловых Тихон — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Козулин Потакп — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Колпашников Фрол — Юговская деревня, в рекруты
Конанов Антон — Ильинский острог, в действительную казачью службу
Копустин Степан — Ильинский острог, в рекруты
Коробов Иван — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Коробов Никита — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Коротаевых Еремей — Ильинский острог, в рекруты
Корчагиных Иван — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Корытов Григорий — Кабанский острог, в рекруты
Корытов Егор — Кабанский острог, в рекруты
Корытов Никон — Кабанский острог, в действиельную казачью службу
Корюкалов Андрей — Ильинский острог, в рекруты
Корякин Дмитрий — Селенгинск, в рекруты
Косундаев Петр — Селенгинск, в казаки
Котельников Захар — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Котельников Иван — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Котов Степан — Кабанский острог, в рекруты

Кочмарев Илья — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Кощневых Афанасий — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Краснояров Семен — Удинск, в рекруты
Крушинской Иван — Удинск, в рекруты
Крюков Василий — Селенгинск, в рекруты
Кузнецов Иван — Селенгинск, в рекруты
Кузнецов Конон — Селенгинск, в рекруты
Кузнецов Никифор — Кабанский острог, в рекруты
Кузовников Иван — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Кулаков Григорий — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Кучин Иван — Селенгинск, в рекруты
Латынцов Яков — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Ловцов Александр — Селенгинск, в казаки
Логинов Лаврентий — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Лоскутов Андрей — Кабанский острог, в рекруты
Лоскутов Тихон – Кабанский острог, в рекруты
Лысковцов Ларион — Кабанский острог, в рекруты
Маков Василий — Ильинский острог, в рекруты
Малафеев Лука — Селенгинск, в рекруты
Малыгин Василий — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Мартыновых Сысой — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Мелентьев Алексей — Кабанский острог, в рекруты
Мергенев Лев — Селенгинск, в рекруты
Меркурьев Степан — Кабанский острог, в рекруты
Мертвецов Иван — Ильинский острог, в рекруты
Милюшин Андрей — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Миронов Семен — Удинск, в рекруты
Митяшев Андрей — Ильинский острог, в рекруты
Митяшев Василий — Ильинский острог, в рекруты
Мостовских Софрон — Селенгинск, в казаки
Мякишев Антон — Селенгинск, в рекуруты
Новиков Иван — Селенгинск, в казаки
Новиков Кондратей — Селенгинск, в рекруты

Новиков Софрон — Селенгинск, в рекруты
Новоселов Алексей — Юговская деревня, в рекруты
Орлов Иван — Посольского Преображенского монастыря, в рекруты
Орлов Петр — Ильинский острог, в рекруты
Ошурков Алексей — Селенгинск, в рекруты
Падерин Тихон — Удинск, в действительную казачью слежбу
Паломошной Игнатий — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Перевалов Михайло — Селенгинск, в казаки
Петровских Иван — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Пивоваров Никифор — Удинск, в рекруты
Пинеженин Иван — Удинск, в рекруты
Пнев Максим — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Полуяновввссской Михайло — Удинск, в рекруты
Попов Афанасий — Ильинский острог, в действительную казачью службу
Попов Михайло — Селенгинск, в казаки
Попов Осип — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Попов Сила — Ильинский острог, в рекруты
Попов Федор — Кабанский острог, в рекруты
Преловской Кирило — Селенгинск, в казаки
Протопопов Федор — Селенгинск, в рекруты
Пытин Федор — Ильинский острог, в рекруты
Разгильдеев Иван — Селенгинск, в казаки
Ревякин Алексей — Селенгинск, в казаки
Ревякин Федор — Селенгинск, в рекруты
Ремезов Илья — Кабанский острог, в рекруты
Рогов Григорий — Оимурская деревня, в рекруты
Романовых Логин — Удинск, в рекруты
Роспопов Павел — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Саватеев Андрей — Удинск, в рекруты
Седуков Иван — Кабанский острог, в рекруты
Серебренников Петр — Удинск, в действительную казачью слежбу
Серебренников Федот (Федор) — Ильинский острог, в действительную казачью службу

Середин Андрей — Селенгинск, в казаки
Сибиряков Степан — Кабанский острог, в рекруты
Сидоровых Осип — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Скорняшников Петр — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Скуратов Герасим — Удинск, в рекруты
Смиренников Никита — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Смоленской Степан — Удинск, в рекруты
Смолиных Федосей — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Смороденников Семен — Селенгинск, в рекруты
Спиридонов Семен — Удинск, в рекруты
Стрелков Михайла — Удинск, в действительную казачью службу
Стрельников Аника — Селенгинск, в рекруты
Суворов Григорий — Удинск, в действительную казачью службу
Суворов Спиридон — Кабанский острог, в рекруты
Сумкипых Василий — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Сургуцкой Семен — Селенгинск, в казаки
Тарасов Афанасий — Удинск, в рекруты
Тарков Иван — Селенгинск, в казаки
Тарсаков Осип — Селенгинск, в рекруты
Татаринов Афанасий — Яланскадервня, в рекруты
Телятников Григорий — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Теляшев Аввакум — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Теляшев Логин — Удинск, в рекруты
Творогов Иван — Селенгинск, в казаки
Толстихин Яков — Баргузинский острог, в действительную казачью службу
Толстой Филип — Удинск, в действительную казачью службу
Томилов Данила — Кабанский острог, в рекруты
Трескин Василий — Ильинский острог, в рекруты
Третьяков Яков — Удинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»
Трутнев Михайла — Ильинский острог, в рекруты
Тюхин Иван — Селенгинск, «в действительную казачью службу в камчатскую экспедицию»

Угловских Иван — Селенгинск, в рекруты
Угловской Григорий — Селенгинск, в казаки
Федоров Митрофан — Яланская деревня, в рекруты.
Фролов Иван — Селенгинск, в казаки
Фролов Иван — Селенгинск, в казаки
Фролов Сава — Селенгинск, в казаки
Хабаров Василий — Удинск, в рекруты
Хахала Иван — Селенгинск, в рекруты
Хахалин Козма — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Хлуденев Алексей — Селенгинск, в казаки
Хлыстов Семен — Удинск, в рекруты
Хомутов Емельян — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Цынков Архип — Удинск, в действительную казачью службу
Цынков Данила — Удинск, в рекруты
Чертовской Яков — Селенгинск, в рекруты
Чигарин Сила — Ильинский острог, в рекруты
Чирков Аника — Ильинский острог, в рекруты
Чювасов Степан
Шадрин Иван — Удинск, в действительную казачью службу
Шадуров Дмитрий — Селенгинск, в казаки
Шалицын Иван — Ильинский острог, в рекруты
Шангин Василий — Селенгинск, в казаки
Шапунов Иван — Удинск, в рекруты
Шахирев Илья — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Шеинских Данило — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты
Шергин Дмитрий — Ильинский острог, в рекруты
Шестоперов Григорий — Селенгинск, в казаки
Шипицын Андрей — Удинск, в рекруты
Шипицын Федор — Удинск, в действительную казачью слежбу
Ширшев Василий — Селенгинск, в рекруты
Шубин Марко — Троицкого Селенгинского монастыря, в рекруты

Если же учесть тот факт, что рекруты вливались в состав Якутского пехотного полка, некоторые подразделения которого дислоцировались в Анадырской, Гижигинской и Тигильской крепостях и принимали непосредственное участие в карательных экспедициях против воинственных коряков и чукчей, то многие из этх имен могут встретиться нам в документах по итогам боевых действий…

Но об этом мы погорим более подробно в следующих главах…

ЧАСТЬ 3.
ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, ГОД 1725

Самая в истории географии спорная и запутанная.

Она была объявлена волею царя Петра – «…23 декабря 1724 г. Петр I собственноручно написал инструкцию Берингу».

«1. Надлежит на Камчатке или в другом таком месте заслать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где оная сошлась с Америкою; и чтоб доехать до какого города европских владений, или, ежели увидять, какой корабль европский, проведать от него, как оный куст (берег. — *Ред.*) *называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».*

Трудности, с которыми столкнулись на пути от столицы до конечной цели своего маршрута члены этой экспедиции, трудно переоценить. Но они были ОБЫЧНЫМИ для того времени и для тех географических объектов. И многократно за историю освоения этих мест преодолевались русскими людьми, начиная с 1639 года.

Рапорт из Охотска от 28 октября 1726 года: «Отправленный из Якутска сухим путем провиант прибыл в Охотск 25 октября на 396 лошадях. В пути пропало и померло 267 лошадей за неимением фуража. Во время путешествия к Охотску люди терпели великий голод, от недостатка провианта ели ремни, кожи и кожаные штаны и подошву. А прибывшие лошади питались травою, доставая из-под снега, понеже за поздним приездом в Охотск сена заготовить не успели, да не можно было; все перемерзли от глубоких снегов и морозов. А остальные служители прибыли нартами на собаках в Охотск».

А потом была Камчатка: «Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнан-

ных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для траспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: «Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел». Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно «Фортуну». Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае.

14 июля экспедиция отправилась в море и 2-го сентября возвратилась в Нижнекамчатск, где Беринг оставался зимовать, и в июле 1729 г. ушел из Камчатки в Охотск» (А. Сгибнев).

В течение уже нескольких столетий ведется жаркий научный и общественный спор о результатах Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга… И, как мы полагаем, этот спор будет вечным.

Мичман Чаплин, оставивший свои записки о том морском походе, сообщал, что на борту «Святого Гавриила» были следующие члены экипажа: Капитан Витус Беринг, Лейтенант Алексей Чириков, Штурман Мартын Шпанберг, Мичман Чаплин

А далее — ни одной фамилии: Лекарь (?), Квартирмейстер (?), Тринадцать матросов (7), Барабанщик (?), Шесть солдат (?), Плотничий десятник (?), Четверо плотников (?), Конопатчик (?), Парусник (?), Два толмача (?), Шесть офицерских слуг (?).

* * *

1730 г. марта 12. —

Доношение В.Й. Беринга в Адмиралтейств-коллегию с ходатайством о награждении участников Первой Камчатской экспедиции

№ 685

В Государственную адмиралтейскую колегию от флота капитан Витезь Беринг всепокорно доношу о бывших со мною в Сибирской экспедиции обор- и ундер-афицерах и редовых, что оныя по моему признанию за искуство от должности своей, за предложенной их в показанной экспедиции, каковы мало случаетца, тяжкой труд достойны награждения, а какова при сем сообщаю имянной реэстр со означением каждого достоинства. А вящей труд понесли в 725 году в пути, идучи реками вверх Обию, Кетью, Енисеем, Тунгускую и Илимом, и в 726 году при строении [на] реке Лене судов, при Ускуте и в походе вверх же по реке Алдану, Мае и Юдомою, и в том же 726 году и 727 году при переправлени от Горбеи до моря на себе, без лошадей, ботовых припасов, канатов, якорей и артилерских и протчих вещей чрез немалое ростояние пустыми местами, где от многого труда и от оскудения правианта, ежели б паче чаемой божия помощи не улучили, живота все лишились. Также и в переправлении от Якуцка к морю сухим путем правианта чрез грязныя и болотныя места и при строени судна при Охоцком остроге, на котором переходили чрез море от Охоцкого острога до устья Большой реки. И в переправлении правианта и протчих вещей чрез Комчатскую землю от большерецкого устья до Нижнего Камчатского острога. Также при строении бота на Камчатке и в 728 году в походе морем неизвестными местами, где особности тамошних мест чрез тамошной воздух много трудности присовокупили. И в таком трудном пути все служители за неимением морской правиант несполна получали, а обор-афицеры ни порции, ни денег за оное не получали. И в 729 году возврате во обхождени морем около южного Камчатскова Угла и во всей экспедицы возымели немалой трут и во много время нужду, что подробну изъяснить требует пространного описания, но я, вкратце предложа, с покорностию Государственную адмиралтейскую колегию прошу милостивым разсуждением не оставить.

Капитан-лейтенант Мартын Шпанберх Лейтенант Алексей Чириков Штюрман Рыкерт Энигель	в повышение ранга.
Лекарь Вилим Буцковской	награждения жалованья.
Мичман Петр Чаплин	в морские ундер-лейтенанты.
Подшхипор Иван Белой	в оклад подшхипорской.
Квартермейстер Иван Борисов	в шхиманы.
Матрозы 1 статьи.	
Дмитрей Козачинин Василей Феофанов Григорей Ширяев	в боцманы.
Афанасей Осипов	в шхиманматы.
Савелей Ганюков Евсей Селиванов Никита Ефимов Прокопей Елфимов Никифор Лопухин Григорей Барбашевской Афанасей Красов Алексей Козырев	в квартермейстеры.
Ботаваго дела подмастерья Федор Козлов	в повышении ранга.
Плотничей десятник Иван Вавилов	в плотничьи камендоры.
Плотники	
Гаврила Митрофанов	в плотничьи десятники.
Александр Иванов Никифор Хееской Конопатчик Василей Ганкин Парусник Игнатей Петров Кузнец Евдаким Ермалаев	в записные.
Мачт-мажорской ученик 1-го класса Иван Ендогуров	в повышении ранга.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 110, л. 104 об.-106. Запись в журнале исходящих документов.

Комментарии

За участие в Первой Камчатской экспедиции В.Й. Берингу вне очереди по высочайшему повелению 14 августа 1730 г. было присвоено звание капитана-командора. Кроме того, в июне 1732 г. он был награжден 1 тыс. рублей (ЦГАДА, ф. 248, кн. 543, л. 275–276). 23 августа 1730 г., также вне очереди, А.И. Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, а 16 октября 1732 г. — в капитаны 3-го ранга. М.П. Шпанбергу еще в ходе экспедиции, 15

декабря 1727 г., было присвоено звание капитан-лейтенанта, а 7 сентября 1730 г. — капитана 3-го ранга (Общий морской список. СПб., 1885, ч. I, с. 415, 427). П. А. Чаплин «за труды в Сибирской экспедиции» 25 июня 1728 г. досрочно был произведен в мичманы, 23 октября 1730 г. — в унтер-лейтенанты (Общий морской список, ч. I, с. 469).

Решение Адмиралтейств-коллегии о повышении в чинах других участников экспедиции было принято 7 сентября 1730 г. (ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 7, д. 117, л. 54), однако конкретных сведений о выполнении этого решения не обнаружено.

ЧАСТЬ 4.
ЭКСПЕДИЦИЯ ШЕСТАКОВА-ПАВЛУЦКОГО, ГОД 1727

Следующая экспедиция по своему «рублевому замаху» и своему же «копеечному» результату (если к таковому можно отнести открытие Аляски, как это делают некоторые современные историки) была под стать Большому Камчатскому наряду, а может быть и Первой Камчатской экспедиции.

Возглавил ее потомственный сибиряк якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков (корни рода которого уходят в далекий Тобольск), представивший в столице Российской империи свой собственный проект освоения северо-восточной окраины России.

Но начнем не с этого — одновременно он подал доношение на злоупотребления ландрата (якутского воеводы, сгубившего Большой Камчатский наряд) Ракитина, которое содержало 109, написанных собственноручно Шестаковым, пунктов обвинения.

На этот раз в столице не спешили — тщательно изучали проект, готовили необходимую документацию – ведь одновременно решалась и судьба Первой Камчатской экспедиции — шел, отметим это, все тот же 1724 год.

Но, несмотря и на все эти старания, причина очередного провала этой, замечательнейшей по своему замыслу экспедиции, завершившейся, как мы уже говорили, в 1732 году открытием Аляски, была прежней. Точнее, были прежними причины — политическими и экономическими.

В Тобольске в «сотоварищи» потомственному сибирскому казаку был назначен драгунский капитан Дмитрий Павлуцкий (будущий конкистадор Чукотки) со своим отрядом военнослужащих. И сразу же, с первых дней, началось противоборство, разделившее экспедицию на два враждебных лагеря.

В Якутске эти два отряда окончательно разделились. «Дело закончилось тем, что Шестаков с меньшей частью экспедиции 22 июня 1729г. отправился в Охотск, а Павлуцкий с основными военными силами 4 декабря 1729 г. выступил к Анадырскому острогу».

А экономическая цена этого «вопроса» следующая: «За все годы на Анадырскую партию было израсходовано «…1 381 007 руб. 49 коп., тогда как от ясачного и других сборов получено всего 29 152 руб. 54 коп.…».

У меня нет цен на товары и продукты питания за 1724 год. Но и через полвека цена русских денег была очень высокой. Поэтому один миллион рублей, потраченных в 1720-х годах, сумма немыслимая для нас, нынешних жителей России — когда килограмм свинины стоил всего пять копеек?

А вот примеры исчисления цен в рублях. Ни в миллионах, ни в тысячах, а в простых рублях.

Продукты фураж и пр.	1773		1774	1779	1780		1785	1787					1790	1791
	СПб.	Москва	Саратов	Полоцк	Полоцк	Н.Нов гор.	Полоцк	Полоик	Воронеж	Владимир	Суздаль	Меленки	Полоцк	Полоик
Мука ржаная (четверть)	2,5	2	2,05	2	1,8	1,9	3	5,5	1,9	5,5	5,5	4,9	7	6
Крупа гречневая (четверть)	3	2,5		2	1,5		1,4	3	1,7	8	5,8	4,8	4	5
Овес (четверть)	1,3	0,5							0,9	2.2	2	3		
Сено (пуд)	0,11	0,07							0,05	0,07	0,08	0,2		
Свинина (пуд)				0,8	0,8		1,2	1,2	0,8				1,2	1,6
Шука.судак (луд)				1			1,2	1,6	1				1,4	1,6
Масло коровье (пуд)				1,12	1,1		14	1,22	3,6				1,25	1,3

* * *

Нет смысла вслед за Александром Сгибневым или Андреем Зуевым переписывать детально изложенные события тех далеких лет.

Но, к сожалению, часто историки, глубоко вникая в детали событий тех лет, в значительной степени обезличивают сами эти события и из сотен имен наших соотечественников, участвовавших в событиях тех лет, известны единичные имена, а вслед за этим утеряна и родовая память, связывающая историю Чукотки, Корякии и Камчатки с общей историей покорения и освоения Сибири.

Мы попытаемся, хотя бы отчасти, восстановить эту связь.

О Шестаковых, хотя это была одна из крупнейших и мощнейших корпораций якутских казаков, известно очень мало.

Как, например, неизвестно до сих пор за какие заслуги Афанасий Федотович был произведен в дворяне.

Александр Степанович Сгибнев так начинает свой очерк «Экспедиция Шестакова (извлечено из дел сибирских архивов)» («Морской сборник», т. 100, ч. 2, 1869 г.):

«В 1719 г. для исследования злоупотреблений за время управления Сибирью губернатора князя Гагарина, прибыл в Тобольск лейб-гвардии майор Лихарев и с ним несколько гвардейских офицеров и солдат; по указу 16-го января 1720 г., потребованы были из Якутска, на смотр в Тобольск, к военному изготовлению, недоросли, дворяне, подъячие и офицеры.

Якутский полк, состоявший тогда в полном составе из 1500 казаков, один исполнял все служебные обязанности по острогам и зимовьям. Анадырск, как важнейший пункт, имел до 300 и более казаков; в трех колымских острогах состояло по двести; алазейском зимовье 50; Зашиверском и Ундинском 100 чел.; в Охотском, Тауйском и Удском 200 и более.

…Казачий голова Афанасий Федотович Шестаков писал по этому поводу: "И вместо того, чтобы высылать людей, отцы и родственники которых погибли в походах противу инородцев, лучше обратить их на отыскание и покорение новых земель, на службу, к которой они совершенно обычны, и дать им случай обратить на себя внимание и милость правительства, согласно Высочайшей воле: кто землицы и народы и всякие вещи, которые указами взыскуются, покажет, будут награждены великою милостию. Служащие в Якутске, не в пример другим городам, поместиев не имеют, а служилые, посылаемые из Якутска в остроги, и из острогов в походы на иноземцев, также для разведывания о новых местах, никогда не имеют при себе хлеба, но питаясь дичью, рыбою и кореньем, терпят всякую нужду. Недостатки всякого рода вошли им в привычку, но этим же закаленным якутским урожденцам в русских городах быть не заобыкновенно, понеже русских рек воды и воздух и тамошний горизонт им не служит".

И уже в этом предложении заложено очень серьезное противоречие о том, что на самом деле Афанасий Федотович, казачий якутский голова, по мнению самого А. Сгибнева, был человеком БЕЗГРАМОТНЫМ.

Да, казачий голова, который ведал всем снабжением и финансированием Якутского казачьего полка и вел активную переписку с Тобольском и Москвой по мнению многих историков, не исключая и самого Александра Сгибнева, был человеком безграмотным и строптивым, что, в конечном итоге и привело, к разрыву отношений с другим руководителем экспедиции — капитаном Тобольского драгунского полка Дмитрием Ивановичем Павлуцким и последующей трагедии…

Но принижение одной личности в истории за счет возвышения другой — это обычный (а по сути — неприемлемый с позиций объективности) исследовательский прием, которым мы постараемся не пользоваться, так как перед нами стоят совсем другие задачи — восстановление исторических и родовых связей наших героев.

Итак, кто такой Афанасий Федотович Шестаков, что о нем известно?

А известно, на удивление, ничтожно мало.

Как правило, все сведения о его родовых связях умещаются в одной цитате из книги Л.А. Гольденберга ("Между двумя экспедициями Беринга", Магадан, 1984 г., стр.8–9), на которую ссылаются многие исследователи: "26 июля 1732 г. в далеком Сибирском приказе было рассмотрено и удовлетворено прошение недорослей Василия и Петра Афанасьевичей Шестаковых 'о определении в Якуцк в дети боярские в первую статью по штату и о учинении им против таковых же жалованья за службы отца их, Афанасья Шестакова, который был по городу Якуцку во дворянех и на баталии убит от неприятелей'. Так русское правительство отметило служебную деятельность незаурядного и самобытного человека, оставившего заметный след в организации освоения Восточной Сибири. Голова конных и пеших казаков Якутского полка Афанасий Федотович Шестаков и его многочисленные родственники издавна несли военную службу в Сибири. Переписная книга по городу Якутску за 1720 г. отмечает живущих в одном доме братьев-близнецов Афанасия и Алексея (род. в 1677 г.), их сыновей — Василия Афанасьевича (1715 г.), Лаврентия Афанасьевича (1706 г.), Петра Алексеевича (1718 г.), племянников — Петра Григорьевича (1710 г.), Ивана Григорьевича (1705 г.), и дальнего родственника Степана Герасимовича Парамонова (1707 г.). Все они в разные годы были казаками, сборщиками ясака, участниками дальних 'посылок' (Алексеев, 1970 г., с. 34). Сам же казачий голова играл не последнюю роль в аппарате управления Сибирью. В его ведении находились казаки полка (в полном комплекте до 1500 человек), размещенные 'для обережи' по различным опорным пунктам огромного края. Отсюда, из острогов и зимовий — Колымских, Алазейского, Анадырского, Охотского, Тауйского, Удинского, Зашиверского и других, — отправлялись партии служилых людей в далекие походы и экспедиции"».

* * *

Но выясняется и другое — в Якутске одновременно служили два Афанасия Шестакова — так как некий казак Афанасий Шестаков 6 июня 1688 года был переведен в женатый оклад. Жениться же казаки, как и остальной православный люд, могли только в восемнадцать (за редким исключением в 17) лет, поэтому датой рождения этого Афанасия Шестакова мог быть, как минимум, 1670 год.

И, действительно, мы находим в материалах за 1706 год сообщение о казаке Афанасии Андреевиче Шестакове, служившем в пятой пятидесятне Якутского казачьего полка.

И в этих же материалах сообщается о том, что другой казак Афанасий Шестаков произведен в 1706 году в десятники шестнадцатой пятидесятни. Это, по всей видимости, был уже Афанасий Федотович Шестаков, который делал стремительную (даже для того времени) карьеру.

В материалах по истории Якутии за 1715 год мы находим следующую запись: «Летом получено от П. Татаринова печальное известие из Камчатки о гибели приказчиков Ивана Енисейского и Вас. Колесова, убитых окланскими коряками и юкагирами, и разграблении государевой казны. В 1714 г. Енисейский, вместе с еще не уехавшим Колесовым, отправились из Авачинской губы в Анадырский острог. По прибытии в Олюторск, они, выждав санного пути, оставили там 55 казаков, а сами с четырьмя сотниками, двумя священниками (Василием и Иваном) и 50 казаками направились далее. Путешествие это оказалось роковым: бывшие с ними юкагиры убили обоих приказчиков на верховье р. Таловки и забрали всю их казну, состоявшую из 141 сорока соболей, 751 красных лисиц, 10 сиводушек, 137 бобров морских, 11 лисьих пластов, 22 золотников золота в плитках с японскими надписями, взятых с разбитых японских бус, и деньгами 40 рублей. Сверх того, убийцы воспользовались и частным имуществом казаков. Якутская канцелярия рапорт Татаринова немедленно отправила в Тобольск с нарочным Афанасием Шестаковым, который, как человек бывалый мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-востока Сибири».

В другом месте мы находим уточнение: «Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с **нарочным дворянином Афанасием Шестаковым**, который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири».

Еще одно свидетельство в «Памятнике сибирской истории XVIII века» (Том 2, стр.73):

«Въ Якуцкомъ въ приказной полатѣ передъ полковникомъ и воеводою Яковомъ Агѣевичемъ Елчинынъ да передъ дьакомъ Иваномъ Татариновымъ **дворяне**: Григорей Бондаковъ, **Аѳанасей Шестаковъ**, Алексѣй Ушницкой; дѣти боярскіе: Степанъ Бобровской, Василей Качановъ, Иванъ Катасоновъ, Василей Сытинъ, Иванъ Софронеевъ, Степанъ Егупьевъ, Данило Засухинъ, Назаръ Колесовъ; сотники: Гаврило Верхотуръ, Иванъ Уваровской, Василей Монастыревъ; пятидесятники: Алексѣй Пшенниковъ, Еврило Свѣшниковъ, Иванъ Амосовъ; рядовые казаки: Иванъ Ляминъ, Михаиле Котковской, Степанъ Потаповъ; да пріѣзжіе торговые люди, москвитинъ Павелъ Сорокинъ; устюжана: Сергѣй Шаламовъ, Дмитрей Звягинъ; тоболянинъ Яковь Шараповъ, вышеписанвые соболи и лисицу цѣнили; а что чьихъ соболей и по чему цѣна, писано ниже».

То есть в 1715 году за какие-то особые заслуги Афанасий Федотович был произведен в дворяне. А в 1719 году он уже был казачьим головою — то есть вторым официальным лицом Якутии после воеводы.

В 1720 году его брат-близнец сын боярский Алексей Федотович (у А.Зуева почему-то Еремеевич) Шестаков был назначен приказчиком на Камчатку. По этому поводу мы возьмем несколько выдержек из очерка А.С. Сгибнева:

«После Харитонова назначен в Камчатку сын боярский Степан Бобровский и при нем сын же боярский Михайло Петров. Бобровскому в июне 1720 г. прибывший по делу князя Гагарина в Якутск капитан Измайлов дал инструкцию, какой до того времени не было даваемо ни одному коммисару. Ему поручено было заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами, а в Нижний назначен другой прикащик Алексей Шестаков».

«Прикащик Шестаков воротился с Камчатки морем с Евреиновым, который отрешил Шестакова от должности и имение описал».

«Шестаков по возвращении в Якутск подал объявление о дурных поступках бывшего правителя Максима Лукашевского и своевольных распоряжениях Евреинова».

Вернемся к очерку А.С. Сгибнева, в котором автор отмечает (а мы выделяем жирным) следующее:

«И вместо того, — писал казачий голова Афанасий Федотович Шестаков, — чтобы высылать людей (в Тобольск. — С.В.), отцы и родственники которых погибли в походах противу инородцев, лучше обратить их на отыскание и покорение новых земель, на службу, к которой они совершенно обычны, и дать им случай обратить на себя внимание и милость правительства, согласно Высочайшей воле: кто землицы и народы и всякие вещи, которые указами взыскуются, покажет, будут награждены великою милостию. Служащие в Якутске, не в пример другим городам, поместьев не имеют, а служилые, посылаемые из Якутска в остроги, и из острогов в походы на иноземцев, также для разведывания о новых местах, никогда не имеют при себе хлеба, но питаясь дичью, рыбою и кореньем, терпят всякую нужду. Недостатки всякого рода вошли им в привычку, но этим же закаленным якутским урожденцам в русских городах быть не заобыкновенно, понеже русских рек воды и воздух и тамошний горизонт им не служит. ***Поэтому не только нельзя выводить людей из Якутска, но следует прислать еще сот семь служилых и мореходов и учредить школу для учения казачьих детей. А если Государь соблаговолит мне Афонасью Шестакову со служилыми быть в означенных землицах, для примирения, то я желаю служить со всяким чистосердечием для того, что якутские служилые к здешним манирам обыкнолвенны****».*

Вслед за этим донесением, Шестаков сам отправился в Петербург, где и представил карту северо-восточной Сибири…».

На этой карте была обозначена и Большая земля — …Аляска. Та самая, которую искал и не нашел Витус Беринг.

А далее следует Указ от 23 марта 1727 года:

«Сего марта 23 дня указали Мы, по доношению из сената и по взятому к тому мнению сибирского губернатора князя Долгорукова, о призыве в подданство российского владения немирных иноземцев, которые прилегли к сибирской стороне, также и изменников, бывших в подданстве, и о посылке для того призыва и сыску новых землиц якутского казачья голову Афонасья Шестекова, следующее учинить: 1) изменников иноземцев и вновь сысканных и впредь которые сыскану будут, а живут ни под чьею властью, тех к российскому владению в подданство призывать, ласково, объявляя им нашу Императорского Величества милость,

дабы оные по тому призыву объявленной милости, сами доброжелательно пришли к подданству, и когда в подданство придут, то уговаривать их, чтобы они, по прежним обыкновениям, дали от каждого рода аманатов и против прочих иноземцев платили ясак по рассмотрению губернаторскому, для новости хотя против прочих с убавкою; а аманатов их содержать в острогах, где будет удобнее. 2) Служилых людей в Якутске с присутствующими острогами и зимовьями, для содержания всего якутского присуду ясачных людей, и примирения немирных иноземцев, и всяких тамошних нужд, для пространности мест, определить служилых людей 1500 человек, из старых казаков, и из их казачьих детей, и взяв по прежнему из посада, которые, отбывая служб, записались; а чего недостанет, то наполнить оное число из доимочных рекрут и перевесть из других городов, также и из гулящих людей, и определить в острогах и зимовьях; а паче в тех, близ которых имеются немирные иноземцы, а именно: в судском, в охотском, в чауском, в камчадальском, в анадырском и в прочих якутского ведомства удобных местах; а которые остроги обветшали, те починить теми служилыми людьми, которые будут определены. А которые казаки и служилые люди в то число определены будут, тех из подушного оклада выключить. …3) А для изыскания новых землиц и призыву в подданство немирных иноземцев, послать кого из обер-офицеров искусного человека, по рассмотрению губернаторскому, и с ним казачью голову Шестакова, из вышеозначенных 1500 числа служилых людей, 400 человек, которые напред сего в таких партиях бывали, а к тому в прибавку приглашать им казачьих детей и иноземцев, как о том во мнении сенатском изображено; и которые с ними добровольно пойдут, тех удовольствовать против окладов служилых людей в жалованье товарами, которые по их обыкности удобны. …7) Об отправлении в ту-ж партию гринадиров 4 человек (“для обучения делать земляные и верховные ракеты, для того, что во время усмирения иноземцев, могут пускать те ракеты, хотя не для убойства их, но для страху, понеже никогда они того не видали”. — *С.В.*)*; да для морского хода штурманов и матросов, також из учеников, или подмастерья…и об отпущении вин сыну боярскому Шестакову, целовальнику Осипову, и служилому человеку Софронееву и о посылке их в той же партии рядовыми казаками…».*

«…по распоряжению адмиралтейств-коллегии, были назначены в экспедицию из С.-Петербурга: штурман Генс, под-

штурман Федоров, геодезист Гвоздев, рудознатец Гардеболь и 10 матросов; из казанского адмиралтейства: ботовой ученик Спешнев, трое мастеровых и десятник, из Томска, 26 сентября 1727 г., несколько геодезистов…».

1727 г. июня 6. –

Список моряков, зачисленных в команду А. Ф. Шестакова с указанием денежного оклада и перечнем выданных инструментов

Морские [служители].

По 12 рублев на месяц штюрман **Якоб Генс** с прибавочным третьим на десять месецов.

По 7 рублев на месец подштюрман **Иван Федоров**.

Матрозы 1-й статьи.

Полного по полтора рубли, а за вычетом на мундир по 30 алтын, муки по полуосмине, круп по малому четверику на месяц: **Мирон Тарнаев, Агафон Назаров, Михайло Гусельников, Гаврило Беляев, Козьма Кузнецов, Степан Малыгин, Лаврентий Сметанин, Леонтей Петров, Петр Таранкин**.

2-й статьи.

Полного по рублю, а за вычетом на мундир по 20 алтын, муки по полуосмине, круп по малому четверику, соли по два фунта на месец: **Козьма Клочев**.

Геодезист.

По шти рублев на месец: Михайло Гвоздев.

И по тем окладом вышеписанным служителем в даче жалованье геодезисту во Академии по 727-й год, а на сей год о выдаче для посылки писано в Камер-колегию, а протчим морским служителем денежное по 728-й, хлебное — июля по первое число 727 году; мундир надлежащей матрозам — генваря по 1 число 728 году.

Да оным же служителем дано инструментов.

Геодезисту Гвоздеву: цепь мерительная, готовальня с инструменты, квадрант, азимуф компас; цыркулей: большой, хартинной, да простой и треножной, шкало планное; таблицы, хартины: плоская и меркаторская, один феодолит.

Штюрману и подштюрману:

2 пелькомпаса, 8 ординарных компасов, 2 склянки получасовых да две полуминутных 1.

Помета: Вышеписанные служители со оною промемориею отосланы в высокий Сенат июня 7 дня.

ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 10, д. 8, л. 100.

* * *

Факт, заслуживающий внимания: помимо новоприборных казаков, прибывших из разных мест, Афанасий Шестаков в состав своего отряда включил 94 илимских крестьян: *«…в партии без таких набранных крестьянских детей быть невозможно, понеже они к службам необычайные к приуготовлению пути: лыжи, нарты, лотки зделать умеют и всякого зверя промыслить могут и будут содержать новобранных из гулящих и каторжных обретающихся ныне при партии в службе».*

* * *

Афанасий Федотович Шестаков, казачий голова, был назначен начальником экспедиции. Правда, при обсуждении вопроса об организации такой мощной экспедиции, член Верховного Тайного Совета граф Петр Толстой выразил сомнение:

«Доношеніе сенатское о посылке для обысканія въ Сибири новыхъ земель **якуцкого казацкого головы Шестакова**, давъ ему военного чина людей 400 человекъ, пушекъ и мортиръ. И при слушаніи того доношенія имели довольное разсужденіе, а особливо действительный тайный советникъ графъ Толстой предлагалъ, не безопасно ли будетъ не ведавъ состоянія того Шестакова. и такую важную ему комиссію и съ такимъ немалымъ числомъ людьми поручить.

И потомъ представленъ предъ собраніе помянутой Шестаковъ и спрашиванъ о своей природе, и донесъ: **дедъ его переведенецъ, какъ строенъ Тобольскъ, а изъ какого чина не помнить**, и представлялъ, ежели повелено будетъ его въ тое коммиссію послать, чтобъ въ нынешнемъ месяце и отправить дабы ому за упущеніемъ нынешняго зимняго времяни въ назначенное месте было возможно доехать» (Сборник Императорского Русского исторического Общества. Том 63).

И вот здесь начинается самое интересное.

Мы знаем сегодня, благодаря С.Е. Дурынину, поименный состав тобольских казаков, которые пришли с первым якутским воеводой Петром Головиным. Среди этих казаков трое были Шестаковыми: Шестаков Ивашко, стрелец, Шестаков Ивашко, пеший казак станицы Гавриловы Ильина, Шестачко Ивашко Иванов, пеший казак станицы Гавриловы Ильина

Об одном из двух Иванов есть такая запись: «Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску а он на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 154-м [1646] году».

О третьем, Иване Ивановиче: «Ивашко Иванов Шестаков на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году».

Был еще и четвертый, который по неизвестной нам причине не был указан в этом списке – Андрей Иванович Шестаков (родной брат Ивана Ивановича Шестакова, сын Ивана Шестакова Дурынина), о котором сообщается в двух известных документах:

«Се аз, Ондрей Иванов Шестаков, да яз Сергей Артемьев Тобольского города, да яз Мишка Савин Коновал, да яз Григорей Фофанов Простокиша, да яз Семен Дежнев, да яз Второй Гаврилов, да яз Ондрей Иванов, да яз Иван Иванов Новик, да яз Павел Левонтьев, да яз Денис Васильев Ерило Енесейского острогу служилые люди дали есми сию отпись съезжей избы подьячему Якутцково острогу Юрью Юрьеву в том:

Взяли мы из государевой казны государева денежнево жалованья в свои оклады впредь на 150-й год тобольским двум человеком по 4 рубли с четью, а енесейским осми человеком по 5-ти рублев, в том и отпись дали.

На то послух Вахромей Максимов.

А отпись писал Ларька Шумилов лета 7149-го июля 31 день»

(1641 (149) г. июля 31. —
Отпись служилых людей Якутского острога Андрея Шестакова с товарищами, в том числе Семена Дежнева, о получении денежного жалованья вперед, на 150 г.)

«Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии биют челом холопи твои, государевы, ленские служивые люди — Мишка Стадухин, Ондрюшка Шестаков, Мишка Коновал, Гришка Фофанов, Семенка Дежнев, Вавилко Леонтьев, Фторко Гаврилов, Сергейко Артемьев, Ондрюшка Иванов, Бориско Прокофьев, Ромашка Немчин, Федька Федоров.

В прошлом, государь, во 149-м году посланы мы, холопи твои, государевы, из Ленскаго на твою, государеву, службу на Оемокон реку к твоим, государевым, ясашным людям к якутом и к мемельским тунгусом, и к ламунскому тунгусу Чюке для ради твоего, государева, ясашнаго збору. И божиею милостию и государевым счастием с тех якутов и с мемельских тунгусов ясак твой, государев, на нынешней на 150-ой

год взяли весь сполна и с прибылью…

А сказывал нам, холопем твоим государевым, якут Увай, что де есть река большая Мома, а на той де реке живут многие люди, а тот Емокон пал устьем в ту Мому. А нынечи мы, холопи твои, государевы, впредь не хотя твои, государевы, службы неотбыть, и слышачи про ту реку и про те многие люди, ис тово тунгускаво разорения пошли на ту реку Мому, и тех людей сыскивать, и тебе, великому государю, послужить.

Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй нас, холопей, вели, государь, наше бедное и разоренное челобитье принять в Ленском Петру Петровичю Головину да Мотфею Богдановичю Глебову, да дияку Еуфимью Филатову, чтобы наша бедность и разорение тебе, великому государю, было ведама и то наше службишко было явно.

Царь, государь, смилуйся и пожалуй.

На л. 99 об.-100 об. рукоприкладства: К сей челобитной вместо Михайла Стадухина да Сергея Артемьева, да Семенки Дежнева, да Бориска Прокопьева, да Мишки Коневала, да Ромашки Немчина по их веленью Вторко Гаврилов и в свое место руку приложил. К сей челобитной вместо служивых людей **Андрея Иванова сына** да Павла Левонтьева сына, да Григорья Фофанова сына по их веленью и в свое место руку приложил.

ф. Якутская приказная изба, опись 1, ст. № 12, лл. 99-100.

Опубликовано в кн. — Белов, М. И. «Семен Дежнев», изд. Главсевморпути, 1948. Приложения, д. № 3.

Как нам стало известно, Андрей Иванович Шестаков навечно остался в якутской земле: «Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине».

* * *

Оказывается, имя Шестак (шестой по счету сын) было не такой уж и редкостью для того времени. И не только Дурынины имели многодетные семьи.

В 1623 году в «Дозорной книге» Тобольска есть такая вот запись: «Деревня на речке Аремзянке. Во дворе стрелец Шестак Микитин. Пашни у нево паханные середней земли 4 чети да перелогу 4 чети в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу в дуброве 6 десятин. Сена косит 200 копен».

А в другом месте еще одна запись: «Деревня на речке Аремзянке. Во дворе посадцкой человек Пятой Шапошник. Пашни у нево паханные середние земли осьмнадцать четей да перелогу шесть десятин четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 2 десятины. Сена косит 600 копен».

И, казалось бы, чего общего в этих двух записях: один — стрелец, другой посадский; один — Микитин, другой — Шапошник…

Разве что один — Пятой, а другой Шестак…

Правда, фамилия Шапошник больше относится к посадским людям — к мастерам по пошиву шапок, нежели к стрельцам или казакам.

Это-то и заинтересовало Сергея Евгеньевича Дурынина, и он начал вести поиск в новом направлении. И вот, что из этого вышло.

В 1641 году в тобольских служилых списках записан в стрельцах Онтропко Шестаков Шапочников (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 130. Л. 124).

Сведения о нем были и в других источниках, начиная с 1639 г., но было указано только имя-отчество, просто — Онтропко Шестаков, тобольский рядовой стрелец.

И далее: «…в прошлом во 147-м году послано ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с столники воеводы с Петром Головиным с товарыщи тоболских служилых людей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 130.: Л. 159 об.).

Стрелцы: Ивашко Шестаков Шапочников (Л. 160 об.), Микитка Яковлев Дурынинской (Л. 161 об.). Пешие казаки: Гавриловы станицы Ильина, Ивашко Шестаков, Володка Яковлев (Дурынин. — *С.В.*) (Л. 162.), Михалко Яковлев (Дурынин. — *С.В.*), Яковлевы станицы Елизарева (Л. 163). Рядовые: Ондрюшка Шестаков Дурынин, Офонка Корнилов Дурынин.

И мы видим, что были представлены в Якутске два тобольских рода Шестаковых — и Шапочниковых (Шапошниковых), и Дурыниных.

А теперь подведем итог: в 1692 году в Якутске в списке рядовых женатых казаков мы находим, наконец, полное имя отца Афанасия Федотовича Шестакова — Федотко Онтропов Шестаков (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 330. Л. 18 об.).

То есть изначально, это род тобольских посадских, стрельцов и казаков Шапошниковых, чем их многочисленные сибирские потомки, благодаря исследованиям С.Е. Дурынина, и могут гордиться.

* * *

Племянником Афанасия Федотовича был Иван Григорьевич Шестаков, следовательно, Григорий и Федот Шестаков — родные братья. Григория мы видим в списках 1706 года в восьмой пятидесятне. И одноименный Гришка Шестаков есть в списках тобольских казаков за 1661 год.

В 1681 году упоминается также якутский казак Сенька Семенов Шестаков, а в 1661 году в Тобольске служат братья Семен Большой и Семен Меньшой Шестаковы. Кстати, и у Афанасия Шестакова был двоюродный брат Семен.

Интересна и судьба тобольского казака Ивана Иванова сына Шестакова — он числится в якутских казаках в 1650 году, а в 1681 году, вероятно, тоже он, записан как Ивашка Шестаков в Тобольске.

Федот Шестаков, отец Григория, Афанасия, Алексея и Семена Шестаковых, отмечен в Якутске в 1681 году.

По возрасту он мог быть как Ивановичем, так и Андреевичем, как и Афанасий Андреевич, поверстанный в «женатые» казаки в 1688 году…

А помня о том, что Андрей тоже был сыном Ивана Шестакова, вполне вероятно, что сталкиваемся мы в этом случае (по линии тезки Афанасия Федотовича) с представителями якутской ветви одного и того же тобольского рода казаков Шестаковых – Дурыниных – Корниловых – Корнильевых… — потомков ермаковского казака и атамана тобольской старой сотни Ивана Дурыни.

* * *

Поэтому мы не можем пройти мимо еще одной версии: «В книге «Именной нерчинским служивым людям 1694 года» , говорится, что Леонтий Шестаков был приверстан в оклад отца своего, Шестака Афанасьева, который около 1693 года умре».

Упоминание в 1694 году Шестака Афанасьева заставляет вернуться назад на 40 лет, так как последний встречается в двух исторических документах того времени: — в челобитной С.В. Полякова и его спутников от 6 сентября 1653 года о поведении Я.П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг.

Челобитная начинается так: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Русии бьют челом извещают тебя государя служилые люди и охочие вольные казаки, которых прибрал в Якуцком остроге твой, государь, воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да дьяк Осиф Стефанов в новую Даурскую

землю в 158 (1650) году...». Среди других служивых приложил свою руку к данной челобитной и Афанасьев Шестак.

Это имя упоминается также в челобитной и послужном списке охочих и служилых амурских казаков, пришедших на Амур с Е. Хабаровым, Т. Чечигиным, Д. Зиновьевым, П. Бекетовым, И. Кашинцем (от 3 апреля 1655 года). Данная челобитная начинается так:

«Лета 7163 апреля в 3 день на государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии службе в дальней его государеве вотчине на Великой реке Амуре список послужной имянной Якутцкого острогу служилым и охочим амурским казакам со 161 году, как приезжал дворянин Дмитрей Иванов сын Зиновьев, и которые оставлены после Дмитрея Зиновьева розных городов тобольские и тюменские и сургутцкие и верхотурские и Туринсково острогу служивые люди и Верхоленского острожку служивые и охочие амурские служивые люди, да Енисейского острогу служилых людей тритцать человек и которые пришли охочие служилые люди с служивым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом и которые пришли с верх-Шилки-реки с енисейским с сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым Енисейского острогу служивые и охочие служивые ж люди дватцать восемь человек А служили те служивые и охочие амурские казаки государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии на Великой реке Амуре и по иным сторонным розным рекам на боях в походах в прежных годех преж приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки и сидели в осаде от богдойских воинских людей и от иных розных земель собранья в Усть-Комарском острожке всеми амурскими служилыми и с охочими амурскими казаки и с енисейским сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым з дватцатью с осмью человеки и билися явственно. И тем всем служилым людем написаны имяна их в сем в послужном списку порознь по статьям, хто в котором году на Великой реке Амуре учал государеву службу служить:»

Среди этого длинного списка служивых, перечисленных в этой челобитной, есть и амурский служивый Шестачко Офонасьев. Все названные здесь служивые люди были участниками обороны Кумарского острога на Амуре в 1655 году».

А вот и подробности:

«Челобитная Шестачка Афанасьева побывавшем в Сибирском приказе в марте 1673 года.

Царю [А.М.] бьет челом холоп твой, даурские службы Нерчинских острогов служивый человек Шестачко Афанасьев.

В прошлых, государь, годах по твоему государеву указу на великой реке Лене в Якутцком воевода Дмитрей Франзбеков поверстал меня, холопа твоего, в твою государеву рядовую казачью службу. И по твоему государеву указу послан я холоп твой, из Якутцкого на твою дальную службу в Даурскую землю на великую реку Амур с приказным человеком Ярофеем Хабаровым.

И будучи я, холоп твой, на твоей государевой дальной службе в Даурской земле, служил тебе, великому государю, десять лет без твоего государева жалованья, без денежного и хлебного, с травы и воды.

Да по твоему великого государя указу приезжал в Даурскую землю с твоими государевыми з золотыми Дмитрей Зиновьев. И после того я, холоп твой, служил тебе, великому государю, з другим приказным человеком, с Анофреем Степановым, семь лет. И от богдойских людей в осаде в Комарском остроге сидел. И многих даурских людей на приступах и на вылазках побили.

Да на Амуре ж, в Даурской земли, Божьем изволением, по грехам нашим, приходили к нам, холопам твоим, множество воинских богдойских людей на штидесяти бусах, и погромили, и приказного человека Анофря Степанова и служивых людей побили, и твою государеву казну у нас, холопей, отбили.

А нас, холопей твоих, осталось с побоища девяносто человек, а с восмдесять пять человек прибрели после того побоища, и те, ранены ж, и с казною всемилостиваго Спаса, с твоею государевою казною, с лисицами.

И вышли мы, холопи твои, на море ходили, по морю и по лесом. И лето, и зиму питались травою и лесом и китами, и нерпою. А спаской твоей государевой казны не покинули.

По морю и по лесом ходя, померло голодом пятьдесят пять человек. А осталось нас, холопей твоих, тех служивых людей, живых тритцать девять человек.

...ми, холопи твои, по лесом берегли и вышли на Амур же

реку, а с Амура на великую реку Лену. И на Ылимском остроге тое спаскую казну … у нас, холопей твоих, принял стряпчий и воевода Петр Бунаков. А твою великого государя казну, лисицы, отпустил он, воевода Петр, к тебе, великому государю, к Москве с служилыми людьми, з даурскими казаки с Ортемьем Петриловским да с Ываном Гарасимовым.

А после того я, холоп твой, служил тебе, великому государю, в Нерчинских острогах в полку Иллариона Толбузина и Данила Аршинского семь лет.

Да брат же мой родной служил тебе, великому государю, Иван Афонасьев, в детях боярских по Туле сорок лет. И на твоих великого государя службах, я, холоп твой, от богдойских людей ранен в лицо стрелою. Да у меня ж, холопа твоего, прострелена рука да нога.

…Вели, государь, мне холопу своему, свою государя службу служить в Даурах же по Нерчинскому острогу в детях боярских. А своего великого государя жалованья оклад учинить, как тебе, великому государю, о мне, холопе твоем, Бог известит».

В 1676 году сын боярский Шестачка Афанасьев был даже приказчиком Албазинского острога.

А Леонтий Афанасьевич Шестаков, как сообщают историки и краеведы, был родоначальником нерчинской ветви казаков Шестаковых, откуда набирали впоследствии казаков и солдат на Камчатку.

Вполне возможно, что и адъютант адмирала В.С. Завойко, кавалер знака военного ордена Святого Георгия Победоносца боцман 47-го Камчатского флотского экипажа Иван Иванович Шестаков является представителем одного из этих — якутского либо нерчинского — родов…

* * *

В указе о назначении Афанасия Федотовича Шестакова упоминается также о некоем Шестакове, который в наказание за какие-то провинности направлен в экспедицию рядовым ее членом.

Мы нашли ответ и на этот вопрос: «Сборник Императорского Русского исторического Общества», том 63:

«…По доношениямъ каморъ-колегии и по следствию явились по доносу енисейского доносителя Кашинцова в винахъ: Первой: **Якуцкой сынъ боярской Петръ Шестаков**, которой въ 721 году посылан былъ в Охоцкой и Тауской

острогъ для ясачного збору, и будучи там брал взятки, о которыхъ в допросахъ показалъ, что после ясашного збору к нему, Шестакову, ясашные люди иноземцы и служилые люди приносили в почесть, а не во взяток красными белками и росамахами и выдрами. Против которыхъ-де ихъ подарковъ в первомъ допросе сказал, что давалъ имъ, иноземцамъ, серебреными кругами по ихъ натуре, а в другомъ дополнилъ, выменял-де разницею на хлебные свои припасы и на котлы железные, на топоры, на ножи, а руския люди приносили в почесть за обеды, и вывезъ техъ пожитков на пяти нартах в пятнатцати местахъ и болше.

А въ Якуцке въ явке явилось за печатями Алданской заставы сем местъ, да сверхъ осмотру десять рысей, и пошлина взята, а по справке въ Якуцку такихъ железныхъ припасов в отпуску с нимъ не было, и потому камор-колегия признала, чтоб те взятки за укрывательство за хребетныхъ иноземцов от ясаку.

Он же, Шестаковъ, в Охоцке купил лису бурую за запретительным указом, а показал, что-де тое лисицу положил в казну за свою честь по прежнему обычаю. И за означенные ево взятки и за покупку лисицы за указом, камор-колегия присудила по силе указу 714 году о лихоимстве учинить ему, Шестакову, наказание в Тоболску и шелмовать и движимое и недвижимое ево имение все взять в казну.

Другой: Целовалникъ Іван Осипов за то, что он, будучи на Алданской заставе, из вышеозначенных пожитковъ Шестакова пять местъ, не осмотря и не запечатав, пропустил, осужденъ к наказаню ж, да по торговому уставу 189 году взять с него штрафу против того, на сколко по цене в техъ пяти местех товаровъ и рухледи шло.

Третей: Служилой человекъ Василей Сафронеевъ, которой въ 1718 и 719 годахъ былъ в Таускомъ, в Охоцком острогахъ у ясачного збору и бралъ многия взятки мяхкою рухледю, какъ и вышеозначенной Шестаковъ, за что по силе указа 714 ж году надлежало ему учинить жестокое наказание и всего имения лишить и ис числа добрыхъ людей извергнут. А за милостивымъ 725 году Вашего Імператорского Величества указом, по которому все фискалские и доносителевы дела по 721 год оставлены, той эксекуции без указу оная колегия учинит не смеетъ, а требует обо всех об них в Сенате указу.

А Сенатъ мнение свое доносит: онымъ в вины впадшимъ якуцкимъ жителемъ

по милостивымъ Вашего Імператорского Величества указомъ, состоявшимся въ 725 году, надлежитъ отпустить, а послать ихъ при якуцком казачьемъ голове в означенной партии рядовыми казаками, обявя, чтоб они за те свои вины заслужили.

Подлинное подписали: Семенъ Салтыковъ. Василей Новосилцевъ. Князь Алексей Черкаской. Юрий Нелединской-Мелецкой. Ѳедоръ Наумовь.

Оберъ-секретарь Матвей Козминъ. Генваря 18 дня 1727.

К поданию в Верховном тайном совете.»

В именных списках мы находим и отчество Петра Шестакова — Афанасьевич. В 1761 году он служит на «железном заводе комиссаром» в детях боярских 2-й статьи.

Но этот Петр Афанасьевич, по всей видимости, — сын Афанасия Андреевича Шестакова, так как сыновья Афанасия Федотовича были в то время еще слишком малы.

* * *

Вторым начальствующим лицом этой экспедиции был определен капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий, который имел при этом особые инструкции.

Дед его был польский шляхтич Ян (Иван) Павлуцкий, поступивший на русскую службу в 1622 г. и направленный в Сибирь.

По данным на 1661 год он числился в детях боярских, потом в этих же чинах были его дети — Иван, Петр, Григорий и Степан Ивановичи Павлуцкие.

Петр Варлаков в книге «Три капитана» сообщает следующее: *«Семья Павлуцких много десятилетий жила в губернском граде Тобольске. В конце века братья Иван Иванович и Степан Иванович служили в Сибирском драгунском полку — первом воинском формировании по эту сторону Урала. В 1696 году полковник Степан Павлуцкий получил назначение в Якутский острог, а в 1707-м служил приказчиком Уктусского завода. А сыновья их, поступив в драгуны, были переведены в слободу Царево Городище, как тогда назывался Курган. В “Книгах переписных Царева Городища и Иковского и Утятского станцов…” за 1720 год в числе владельцев восьми самых знатных дворов указаны капитан “Дмитрей Иванов сын Павлуцкой 28 лет” и “Яков Степанов сын Павлуцкой 20 лет”. У обоих служилых людей есть дворовые. Командиром Сибирского драгунского полка был тогда курганец полковник Леонтий Иванович Парфентьев. Рядовыми записывали беломестных казаков и крестьян. Их освобождали от податей, платили в год по 3 рубля, 3 чети муки, 2 пуда соли и кумач на обмундирование, но при этом обязывали нести регулярную военную службу. Семьи драгун вели крестьянское хозяйство или занимались торговлей. Дмитрий Иванович и Яков Степанович Павлуцкие — двоюродные братья. Дмитрий, хотя и дослужился лишь до майора, стал человеком, известным на всю страну. С 1727 года он участвовал в покорении чукотских племен, был “начальником Чукотки”, породнился с известным географом Степаном Крашенинниковым, сетовал, что при императрице Анне в России — засилье немцев, и, попав в засаду, погиб в бою 21 марта 1747 года в устье реки Орловая близ Анадырского острога.* (см. 1748 г. Дело о раздаче по преставившемуся майору Павлуцкому в поминовение монастырских денег ТФ ГАТО ф. 156, оп. 1, д. 322.)

В переписи не указан Иван Степанович Павлуцкий. Будучи старше Якова на два года, он в 16 лет тайно ушел из родительского дома в Кондинский монастырь и в 1719 году принял постриг под именем Иоанникий. Четверть века служил в качестве казначея и эконома Тобольского архиерейского дома.

С 1750 года он — архимандрит Енисейского Спасского монастыря (см. 1752 г Дело о пострижении Иоанникия Павлуцкого в монашество ТФ ГАТО, ф. 156, оп.1, д.1282)*, с 1758-го — архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. 6 декабря 1761 года в Санкт-Петербурге хиротонисан в епископа Воронежского. Умер в ночь с 1 на 2 января 1763 года.*

Самого младшего из Павлуцких звали Андреем. С ним, братом епископа, между прочим, произошла такая история. В 1751 году Курганской слободы протопоп Епифаний Ярцев заподозрил, что “Сибирского драгунского полку поручик Андрей Стефанов сын Павлуцкой с женой Ориной Ивановой и матерью, дворянской женой Марфой Ивановой, и своими дворовыми людьми, состоят в расколе”. Об этом он написал в Тобольскую духовную консисторию. В своем послании протопоп жаловался, что Павлуцкие “к церкви не ходят, не исповедуются, к истинным христианским тайнам не приобщаются, двоеперстным крестом крестятся”. Поручик Павлуцкий заявил, что протопоп на него напрасно и ложно написал донос, он и не думает быть раскольником. В 1752 г. Андрей Павлуцкой стал капитаном, но в дальнейшем военной службе предпочел гражданскую».

Помним мы и о том, что женой Степана Петровича Крашенинникова была племянница Дмитрия Ивановича Павлуцкого — дочь тобольского дворянина Степанида Ивановна Цибульская.

Поэтому для потомка польского шляхтича и драгунского офицера из сибирской столицы Дмитрия Павлуцкого, представителя корпорации тобольских детей боярских, какой-то «безграмотный» (а точнее своенравный) якутский казачий голова Шестаков, со всеми его начальственными амбициями, грубыми манерами и невежеством по мере продвижения экспедиции из Тобольска в Якутск становился все более и более ненавистным. И эта ненависть была взаимной. Они даже часто дрались.

Александр Сгибнев писал: «Весь путь до Якутска провели они в постоянной ссоре, доходившей иногда до драки. В Илимске Шестаков приказал служилым не слушаться Павлуцкого. Помощником же себе по экспедиционным делам назначил матроса Петрова, который бил и наказывал всех без разбору, даже штурмана и подштурмана. Обстоятельство это заставило Павлуцкого отказаться от всякого участия в экспедиции».

Но потом их примирил известный нам монах Игнатий Козыревский, который добровольно вступил в экспедицию и даже пытался на судне «эверс», построенном на собственные средства, искать земли «противу устья» Лены. Мореходом к нему был назначен **матрос Турнаев**. В Жиганах поступили в их команду трое ссыльных Тарлыковых. Но в 1729 году вся команда «эверса» вернулась в Якутск – так как судно, небрежно оставленное на зимовку на берегу, было изломано в весенний ледоход.

* * *

Неудача этого похода, постоянные конфликты с подчиненными, которые писали на него жалобы, продолжающийся конфликт с Павлуцким и новый — теперь уже с якутским воеводой Полуэктовым могли окончиться для Шестакова отрешением от должности и поэтому он поспешил в Охотск, где в спешном порядке к двум судам Первой камчатской экспедиции — «Фортуне» и «Святому Гавриилу», добавили из новостроя еще два — «Лев» и «Восточный Гавриил».

Историк Андрей Сергеевич Зуев детально изучил ситуацию с походом А.Ф. Шестакова в очерке «Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах», поэтому мы коснемся только тех моментов, которые позволяют нам выявить те или иные имена и фамилии участников событий.

23 ноября 1729 года на боте «Восточный Гавриил» Шестаков отправился в Тауйский острог.

Мореходом на «Восточном Гаврииле» был Никифор Треска.

Обратите внимание на состав команды Шестакова: «В его партии находилось 107 чел. (по другим данным 106 чел.), в том числе 17 служилых, писарь казак **Осип Хмыле**в, 30 оленных ламутов, 30 охотских пеших тунгусов, 10 якутов и 19 коряков. В Тауйском остроге Шестаков оставил под командой **казака Т. Крупышева** и **гренадера С. Селиванова** наряд служилых людей «на заячьи промыслы и для строения шерхбота и починки судна» («Восточного Гавриила»). В остроге также находился местный приказчик **Андрей Тарабыкин** со своими казаками-годовальщиками». «Остальные служилые в Тауйске были поручены **арестанту Крупышеву, который был доставлен в Охотск из Камчатки, под арестом, за бунт и взят Шестаковым в экспедицию, с тем, чтобы наказание над ним было совершено впоследствии (и Крупышев позже был приговорен к наказанию кнутом и ссылке на р. Аргунь)**».

Передовой отряд Шестакова возглавлял **урядник Иван Остафьев** с двумя казаками и 30 коряками. «В помощь неграмотному Остафьеву Шестаков определил «для письма» казака Андрея Чупрова и для переговоров с коряками двух толмачей — Тимофея Гиляшева и Луку Ярыгина».

Позже казак Гиляшев был послан в Анадырский острог, чтобы Павлуцкий, который прибыл в Анадырск с основными силами в 400 человек, вышел навстречу Шестакову. Но Гиляшев был убит собственными проводниками. Об этом сообщил прибывший из Анадырского острога с пятью товарищами служилый Сараков. Поэтому на помощь Павлуцкого рассчитывать было нельзя. Но и обратного пути, как оказалось, уже не было – он был отрезан, как пишут историки, возмущенными жестокостью Шестакова коряками, попытавшегося тем же способом, как и Владимир Атласов в свое время, смирить северян.

«Оба отряда, Шестакова и Остафьева, продвигаясь на северо-восток, объясачивали немирных коряков. К сожалению, эти их действия нашли весьма скупое отражение в источниках, хотя можно все же предположить, что больших успехов добился Остафьев. Имея в своем распоряжении всего 3 казаков да 30 малонадежных коряков, он предпочитал действовать “ласкою и приветом”. Вероятно, именно благодаря этому ему удалось по

дороге от Ямы до Пенжины взять ясак с 42 “староплатежных” коряков да склонить в ясачный платеж дополнительно 168 “новоплатежных” коряков, проживавших на р. Яме, Тумане, Капанаге, Вилиге, Гынчегое, Таватоме, Ункане, Аякане, Гижиге (Чендоне).

Шестаков, отряд которого был значительно больше, действовал жестко. Павлуцкий в своем рапорте в Сибирскую губернскую канцелярию от 26 ноября 1730 г. со слов И. Остафьева сообщил, что на р. Таватоме Шестаков нашел “староплатежного” коряку Иллику с родниками, которые в 1728 г. разграбили у ***служилого Василия Калаганова*** *ясачную казну. На призыв вернуть награбленное и уплатить ясак Иллик ответил отказом, после чего Шестаков применил силу и отбил 6 лисиц, а самих коряков сжег в их юртах».*

Шестаков, по всей видимости, хотел взять коряков на испуг. Но те предпочитали смерть — «давились» или были сожжены в своих юртах заживо. А оставшиеся в живых «горели» желанием отомстить за своих погибших родников.

Но главная опасность ждала Шестакова впереди. И об этом его известили сами коряки, для которых Шестаков в тот момент выступал уже в роли возможного защитника от их общего врага — чукчей.

«1 января 1730 г. оба отряда соединились в районе р. Туманы. К этому времени состав партии Шестакова несколько изменился. Теперь она насчитывала 127 чел.: 19 русских служилых людей, 81 оленного и пешего ламута и тунгуса из Охотского и Тауйского острогов, 10 якутов, 22 коряка из района р. Темы и Туманы. Группа Остафьева, в свою очередь, имела 4 служилых и 30 коряков. Всего, таким образом, насчитывалось 23 русских служилых человека (вместе с Шестаковым) и 143 “иноземца”».

Но и эти силы таяли: «в стычке с гижигинскими оленными коряками отряд потерял убитыми двух казаков».

«Не получив подкрепления (ни со стороны Ямы от Лебедева, ни со стороны Анадыря от Павлуцкого. — *С.В.*)*, Шестаков отправился далее и 9 марта 1730 г. перебрался через р. Парень, затем, достигнув р. Вахлы, встал здесь “станом”. Отсюда он послал в разведку* ***казаков Луку Ярыгина*** *и* ***Григория Сараха****. Вернувшись, они сообщили, что обнаружили чукчей, которые громят и грабят оленных коряков».*

«Дальнейшие действия Шестакова поддаются объяснению с трудом. Имея в своем распоряжении всего 21 казака да полтора сотни ненадежных союзников, окруженный враждебно настроенными коряками, он двинулся на чукчей, хотя знал, что их “превеликое множество”. Можно предположить, что, будучи “государевым человеком”, он хотел защитить ясачных коряков и продемонстрировать силу русского оружия. Дело в том, что чукчи среди всех северо-восточных народов считались самыми воинственными, и их разгром мог бы напугать и склонить к подчинению еще не покоренных коряков. Но, переоценив свои возможности, Шестаков недооценил военные способности чукчей.

Ненадежность союзников проявилась очень быстро. Когда 13 марта Шестаков с Вахлы двинулся навстречу чукчам, часть оленных ламутов, Багачан с родниками, “учинились противны” и наотрез отказались участвовать в дальнейшем походе. Но Шестакова это не остановило. 14 марта отряд наехал на покинутые чукотские станы. Здесь Шестаков с имуществом, ясачной казной и частью боеприпасов оставил Остафьева с несколькими казаками, а сам бросился в погоню за чукчами, с которыми столкнулся на р. Егаче (Эгаче, между р. Паренем и Пенжиной), впадающей в Пенжинскую губу. Несмотря на значительное численное превосходство чукчей (по некоторым данным, до 2 тыс. чел.), Шестаков вступил с ними в бой. По сообщению Т.И. Шмалева, баталия произошла у сопки, расположенной недалеко от р. Егачи (позднее р. Егача была переименована в Шестаково побоище, а затем просто в Шестаковку).

Для сражения Шестаков построил свой отряд так, что на правом фланге оказались ламуты и тунгусы, на левом — коряки, а в центре — маленькая группа русских и якутов. Сам Шестаков засел в построенном из санок укреплении позади своего отряда.

Желание Шестакова вступить в бой с превосходящими силами противника говорит о том, что весь свой тактический план он строил из расчета на силу огнестрельного оружия, залпы которого, вероятно, должны были испугать чукчей и нанести им значительный урон. Но казачий голова жестоко просчитался. После первого же выстрела русских чукчи, не дав им времени перезарядить ружья, бросились в атаку. Правый и левый фланги, где находились ясачные, были быстро смяты и обращены в бегство. Затем всю свою силу чукчи направили на малочисленную группу русских, которые в рукопашной схватке устоять уже никак не могли. Выбежавший из укрытия Шестаков был ранен

стрелой в горло, после чего бросился на первую подвернувшуюся оленью упряжку, которая завезла его в центр чукотского отряда, где он и был добит. Кроме казачьего головы, в бою погибли ***дворянин Борис Жертин****, 10 служилых, 6 якутов, 11 ламутов и один новокрещенный коряк. В качестве трофеев чукчи захватили знамя, 12 фузей, 3 винтовки, 12 ручных гранат, 12 железных куяков. Отогнав стадо корякских оленей, чукчи ушли в свои кочевья.*

Оставшиеся в живых после погрома аборигены-союзники возвратились "назад на свои жилища". Из русских служилых уцелело только 9 чел., включая тех, кто остался охранять имущество и в сражении не участвовал. Из них трое казаков отправились в Тауйский острог, а остальные под командой И. Остафьева — в Анадырский. Остафьев вез в Анадырск тело Афанасия Шестакова, а также уцелевшую ясачную казну, порох, свинец, котлы, оружие. В апреле 1730 г. он с товарищами прибыл в Анадырск».

Остафьев был отправлен Шестаковым до боя на рекогносцировку и поэтому остался жив. По совету прибывших из Анадырска казаков он доставил тело Шестакова в Анадырский острог, где тот и был похоронен.

Пятидесятник Лебедев на боте «Лев» зимовал на устье Ямы, где его обнаружили коряки и убили вместе с командой, а бот сожгли.

«То, что произошло с отрядом Лебедева, поведали прибывшие с Ямы в Тауйский острог казаки Еким Писарев и Павел Баев: «Сего де 730 году, сентября месяца, а которого числа не упомним, будучи де на Яме реке, командир Иван Лебедев, собрав староплатежных ясачных иноземцов коряк средних и ямских и ирецких для охранения в отстой мореходного судна, и будучи оные коряки у означенного судна изменили, а имянно средние коряки Упко с родом, ямские Амама да Етитка с родами, ирецкие Ивилкут да Чабуга с родами ж, сигланские Емага с родом, и помянутого Лебедева со служилыми людьми побили в дватцати во шти человеках. А оставлено де было нас в остроге для обережи его императорского величества казны одиннатцать человек. И побив оные иноземцы помянутого Лебедева с товарыщи пришли к острогу воровски ночным временем и припали неотступно и зажигали огнем и палили из фузей, которые фузеи отбили они, коряки, у него Лебедева с товарыщи. И тем приступом убили из нас служилых людей четырех человек, а достальных нас семь

человек Бог помиловал, едва вышли живы и пошли для известия в Тауйской острог».

… Бежавшие 7 казаков разделились: пятеро остались на полпути между Ямой и Тауем на р. Оле «для пропитания и за скудостию», а двое (Е. Петров и П. Баев) пришли 19 ноября 1730 г. в Тауйский острог и в тот же день подали в ясачную избу приказчику А. Тарабыкину «известие» о случившимся разгроме. Тарабыкин, опасаясь, что с Ямы коряки могут двинуться к Тауйску, ближайшему к ним острогу, послал в Охотск двух казаков (Федора Жернокова и Михаила Маныкина) с просьбой о помощи, сообщив охотскому комиссару Семену Лыткину, что в Тауйске живут они в великой опасности от коряков-изменников, поскольку «служилых зело малолюдство, человек десятка не иметца, в том числе престарелые и хворые… також… оружейного пороху не иметца»…» (А. Зуев).

* * *

Четырнадцатилетний сын Шестакова Василий «неверстанный еще в службу» (а впоследствии приказчик Анадырского острога) был послан отцом вместе с казаком Шергиным на судне «Фортуна» на Камчатку и Курильские острова, где впервые после Козыревского снова был собран ясак с курильцев. С Шестаковым на судне шли мореход Иван Бутин и 25 служилый людей.

Племянник Шестакова, сын боярский Иван Григорьевич Шестаков на боте «Святой Гавриил» (4 матроса, мореход Кондратий Мошков, два гренадера, один солдат и 53 казака) должен был сделать подробное описание побережья Охотского моря, а затем следовать в Нижнекамчатский острог. Но погода все изменила — шторм заставил идти зимовать в Большерецк. Здесь он узнал от казака Леонтия Черных, что на Аваче много японских вещей от разбившихся бус (судов), а **служилый Карамзин** доставил Шестакову с Авачи 3 якоря и 3 пуда железа с японских судов.

В 1730 году для ведения судового журнала и описи побережья на бот «Святой Гавриил» взяты в Большерецке **казак Черных** и **купеческий сын Марков**. Судно отправилось описывать Охотское побережье.

Вот списочный состав его экипажа 1730 года:

1730 г. ноября 12. — **«Реестр служилым людям, которые присланы были с реестром от штурмана Якова Генса на мореходное восточное судно для морска-**

го пути в Большерецкой острог, а ныне которыя имеютца налицо в Большерецком остроге и коликое число в росходе и о том явствет ниже»

Налицо в Большерецком остроге:

Матрозы: Петр Таранкин, Агафон Назаров.

Служилыя: Алексей Привалихин, Алексей Антипин, Лаврентей Базлуков, Григорей Томилов, Степан Коровин, Андрей Верхотуров, Иван Удалой, Дмитрей Осколков, Николай Нечаев, Сава Чагин, Семен Бочкарь, Петр Колокольников, Трифан Крупышев, Алексей Мешков, Иван Усов, Иван Поляков.

Никифор Клестов на восточное судно прислан с ордером.

У восточнаго судна и у припасов на карауле: Иван Амосов, Алексей Малышев, Михайло Хмылев, Леонтей Амосов, Иван Святовой, Клим Пахолков.

На реке Утке на карауле у правианту: Герасим Епифанов, салдат Сава Медведев.

Мореход Андрей Буш остался на Утке реке.

Под караулом выслан в Якуцк Иван Зуев.

Афонасей Саламатов на боту «Гавриле».

Иван Томской прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился.

Семен Таюрзской в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море.

Подштурман Иван Федоров.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 5, л. 113. Подлинник.

* * *

«26 февраля 1732 г. капитан (Д. Павлуцкий из Анадырского острога. — *С.В.*) *выступил против коряков. Для похода были собраны весьма значительные силы: одних только русских (казаков, промышленников и казачьих детей) насчитывалось 225 чел.*

Действовал Павлуцкий еще более жестоко, чем Шестаков: «…Павлуцкий велел у всех юрт (Пареньского острога. — *С.В.*) *завалить входы и сжечь их вместе с людьми.*

Бой, продолжавшийся с полудня до заката солнца, закончился полным разгромом коряков, понесших значительные потери. Не считая женщин и детей, было убито более 200 чел., в том числе несколько ясачных. Какая-то часть была взята в плен и уведена в Анадырск. На пепелище Павлуцкий оставил только 10 подростков и 5 женщин, проявив тем самым "заботу" о том, чтобы местное население не исчезло совсем и имело возможность

"размножаться". Правда, сам Павлуцкий утверждал, что поймать живыми удалось 25 коряков с их женами и детьми.

…Действия Павлуцкого против паренских коряков позднее вызвали недовольство анадырских ясачных комиссаров. Один из них, ***И. Тарабыкин****, сообщил в Якутскую воеводскую канцелярию, что "капитан Павлуцкой минувшаго 732 году ходил в поход в паренские сидячие коряки, острог их разорил и самих их коряк побил, в том числе и ясашных, от чего ныне в ясашном зборе чинитца недобор". В октябре 1735 г. другой комиссар,* ***П. Шадрин****, выслал в Якутск "следственное дело" о походе Павлуцкого. Но в чем заключалось это следствие и к каким результатам привело, по источникам не прослеживается»* (А. Зуев).

Что интересно, в событиях корякско-чукотско-русской войны отметился и прямой потомок камчатского Ермака:

«После погрома Паренского острожка Павлуцкий 31 марта отправился на р. Аклан в Акланский острожек, куда прибыл 8 апреля. Жившие там "староплатежные" коряки, вероятно, продемонстрировали полную покорность. Отсюда 10 апреля капитан отправил на р. Олютору отряд казаков в 95 чел. во главе с пятидесятником ***Иваном Атласовым****, дав ему приказ: "На реке Алюторе старой раззореной острог возобновить, а ежели старого острогу возобновить не можно, то построить вновь в удобном месте острог же, а которые неплатежные и неясашные коряки при реке Олюторе имеютца и таких велено в платеж ясаку призывать ласкою и приветом, а военною рукою на них до указу не ходить". С остальной командой Павлуцкий отправился в Анадырск, куда прибыл в апреле 1732 г. (11-го или 21-го числа).*

Атласов, выполняя указание, начал строительство на Олюторе "крепосцы": "…будучи он в Алюторску в удобном месте ниже старого раззореного острогу на усть Посторонной речки, которая пала в Алютор, построил острог, мерою в длину и в ширину по 20 сажень, огорожен в заплот. И в том остроге построил часовню и государев двор и ясашную избу и казенные анбары и служилым людем казармы в стене. И тож строили с великою нуждою, для того против прежних годов ныне в Алюторску в рыбных промыслах великая безпромыслица". Оставив в новом Олюторском остроге небольшой гарнизон, пятидесятник выехал в Анадырск. На смену ему Павлуцкий 20 октября 1732 г. отправил из Анадырска служилого ***Василия Софронеева***

с 10 казаками, которому приказал закончить строительство и остаться в Олюторске "до указа".

Восстанавливая Олюторский острог, Павлуцкий действовал в соответствии с правительственными указами 1727 г. Но и позже этому острогу власти придавали большое значение. В инструкции от 30 июля 1731 г. начальнику новообразованного Охотского правления Г. Г. Скорнякову-Писареву Сенат требовал "возобновить при Алюторе реке прежний острог, и оставить охотников… чтоб имели страх чюкчи". Через год, указом от 2 мая 1732 г., Сенат вновь подтвердил необходимость постройки там русского острога "для охранения корятского народу и юкагирей". В этих распоряжениях, конечно, отразилось слабое представление сенаторов о географии региона, поскольку тогдашние чукотские кочевья располагались достаточно далеко от р. Олюторы. Скорняков-Писарев, ознакомившись с ситуацией, прямо указал в своем донесении от 1 июля 1732 г. на то, что острог на р. Олюторе для защиты ясачных коряков от чукотских набегов бесполезен. И в самом деле, Олюторский острог был необходим не столько для защиты коряков, сколько для их подчинения.

…В августе 1733 г. олюторские пешие коряки из Олюторского и Култушного острожков внезапно напали на русских из Олюторского острога, которые находились на рыбных промыслах, у оленного табуна, на заготовке строительного леса и дров. Были убиты 11 служилых людей, гренадер, толмач, казачья жена и казачий сын (по другим данным, 10 или 18 чел.).

…Оставшиеся в Олюторском остроге около 40 казаков сели было в осаду. Однако отсутствие продовольствия и начавшийся голод заставили их прекратить сопротивление. Согласно показаниям, данным в том же 1733 г. в канцелярии Охотского порта ***казаками Василием Макаровым*** *и* ***Василием Поповым****, "в Олюторском остроге учинился великий голод" от того, что Иван Атласов "взятых Павлутским в походе от чюкоч оленей близ тысячи" не давал на пропитание казакам, "сказывая, бутто те олени ево, Павлуцкого". Отъезжая из Олюторска, Атласов забрал с собой и весь олений табун. Казакам осталась только мертвечина. Причем и ее пришлось покупать. Некий* ***служилый Алексей Сукнев*** *"продавал же им кожи оных мертвых оленей на корм же, большие по полтине, а малые по десять алтын, и как де помянутые мертвих оленей мяса и кожи они*

съели и одежду с себя иноземцам проели, нестерпя великаго голоду многие служилые люди из Алюторского острогу бежали".

4 сентября казаки двумя партиями покинули острог. Семь человек во главе с ***В. Софронеевым*** *(во время нападения коряков он с 4 служилыми находился в Теличинском острожке) бежали в Акланский корякский острожек (на р. Аклан), а затем в Анадырск, потеряв в пути умершими от голода двух (или четырех) человек. Двенадцать человек, в том числе* ***подпрапорщик В. Макаров****, группами перебрались на Камчатку. Олюторский острог вновь был разорен коряками. Под угрозой оказалось сухопутное сообщение с Камчаткой. В. Беринг позднее в донесении 1741 г. по поводу этого события сообщал, что "алюторские ясашные мужики изменили и острог тот отбили и казаков тамошних побили, и хотя оной острог от дороги, где путь лежит х Камчатке, и не во близости, токмо и от них имеетца опасность же, понеже они там по времяни везде ходят и на дорогу приходят, ища где что урвать можно".*

…анадырский ясачный комиссар якутский ***сын боярский Петр Шадрин****, получив известие о "бунте" коряков, сам запретил ясачному* ***сборщику Григорию Роздуеву****, который собрал ясак на Апуке и Пахаче, поездку на Олютору для ясачного сбора. Он же, Шадрин, в донесении от 18 ноября 1734 г. в Якутскую воеводскую канцелярию сообщил, что из Анадырска «к показанным алюторам за малолюдством анадырских служилых и казачьих детей за ясашным збором послать некого, понеже де при карауле служилых имелось шесть человек, а казачьих детей восемь человек и те де малолетны, а для призыву и разговору оным олюторам послать некого, понеже анадырские служилые, умеющия тамошний язык, взяты в партию и служат в партии». Нехватка служилых объяснялась тем, что основная их часть числилась в Анадырской партии и подчинялась не анадырскому ясачному комиссару, а командиру партии.*

В сентябре 1735 г. и марте 1736 г. олюторские коряки во главе с тоенами Ваяном, Кивкой и Аупетамом (из Олюторского острожка) дважды нападали на ясачных "иноземцев" р. Караги (северо-восточное побережье Камчатки), пограбив у них "кормовые запасы и платье и всякие пожитки", убив при этом 4 человек. Для охраны карагинцев камчатским властям пришлось отправить из Нижнекамчатского острога 6 солдат и 14 служилых людей.

*…В феврале этого года ясачный комиссар **Федор Татаринов** и командир Анадырской партии **Иван Тарабыкин** (Павлуцкий еще 5 ноября 1732 г. уехал из Анадырска) послали к алюторам **подьячего Степана Сорокоумова**, **служилого Ивана Енисейского** и **толмача Козьму Долгих**. Вернувшись в Анадырск, "следователи" доложили, что расспросили "лучших" коряков Кивко, Давана и Эвьючина с их родичами. Последние дали свое объяснение обстоятельств "бунта". Причиной его, по их версии, стало поведение **казака Михаила Плеханова**, отправленного из Олюторского острога в Анадырск с отписками. Плеханов якобы, взяв у алюторов двух человек в провожатые, дошел до Култушного острожка и собирался идти далее на р. Пахачу. Однако провожатые наотрез отказались туда следовать. Тогда Плеханов избил проводников палкою и "метался на них с копьем", говоря при этом, "что де на осень прибьют их всех коряк, а жен и детей их в полон себе поберет". Когда эти речи дошли до Кивки, Давана и Эвьючана, они решили, что Плеханов идет в Анадырск "для призыву войска к раззорению их алюторов". Не дожидаясь осуществления угроз Плеханова, коряки напали на Олюторский острог. При этом, правда, они заявили, что никаких претензий к служилым людям Олюторского острога не имели: "…а новопостроенного Алюторского острогу управитель **Василей Софронеев** со служилыми людьми никаких обид, налог и раззорения не чинили, також де и от других зборщиков никакова раззорения и обид к ним не бывало".*

*…В июле 1735 г. коряки Куикка (Каюкка) Элгав и Эчювья (Ачювью) Кахтуланов, бывшие пастухами при русском казенном оленном табуне под Анадырском, "всех тех оленей воровски отогнали" "в Чендонскую сторону", убив при этом другого пастуха Махилгина и ранив пастуха Еета. Как потом рассказал в Анадырске Еет, Куикка и Эчювья намеревались убить следующего из Анадырска на Камчатку служилого **Анику Унжакова**. Возможно, им удалось это сделать, поскольку Унжаков, достигнув жилищ косухинских сидячих коряков, пропал после этого "безвестно".*

…В сентябре 1736 г. юкагиры-ходынцы Сопина Юкольников и Гришка Соплеков "скаскою" объявили в Анадырской ясачной избе, что зимой того же года коряки на р. Гижиге убили двух русских служилых людей, а коряк Яхочь Матгихинов (Магитов), который "прежде сего в Анадырску живал в пастухах", "согласясь"

с другими коряками, пошел на "рускую дорогу" из Анадырска на Камчатку для "побития тех руских людей". Матгихинов осуществил свои планы, с его деятельностью оказался связан трагический инцидент, случившийся в феврале 1737 г.

*Об этом инциденте рассказывается в "скаске" ясачных ягачинских коряков Каменского острожка Энвичана и Апапа "с товарыщи", поданной в Анадырскую ясачную избу через казака **Леонтия Налетова**. Согласно "сказке", прибывшие в Ягачинский Каменный острожек (на р. Эгаче, ныне р. Шестакова на севере Пенжинской губы) служилые люди во главе с солдатом **Семеном Араповым** стали требовать от местных ясачных коряков, чтобы они "наскоре" перевезли их на байдарах на другой берег реки. Коряки в это время занимались разделкой туши пойманного кита и попросили подождать, ибо "как де покинут кита, то де згниет и ясаку будет промышлять и одежды купить не на што". Однако русские не вняли просьбе и начали избивать коряков и "с ножами наголо ходить". Более того, они стали корякских жен "блудно насиловать попеременно". Возмущенные подобным обращением коряки, "не стерпя безчинства", перебили отряд **Арапова**.*

…Судя по реестру, составленному в канцелярии Охотского порта, коряки убили 5 чел. из отряда Арапова.

*…в Олюторский и Култушный острожки весной 1737 г. из Нижнекамчатского острога прибыли ясачные сборщики во главе с **Иваном Карташевым**…*

*…Любопытно отметить, что в Ильпейском острожке жили два беглых нижнекамчатских казака — **Дмитрий Матвеев** и **Кузьма Саватеев**»* (А. Зуев).

* * *

Финал деятельности Д.И. Павлуцкого на Чукотке известен — убит в бою с чукчами 25 марта 1747 года вблизи Анадырского острога, хотя к тому времени в Анадырском остроге были сконцентрированы довольно крупные (по меркам того времени) военные силы русских.

По всей видимости, в Нерчинске, Селенгинске, Иркутске был не просто набор «на Камчатку» — это было, скорее всего, специальное (внештатное) пополнение войск для проведения военных карательных экспедиций по подавлению восстания чукчей и коряков. Большинство из этих фамилий мне не знакомо — оно и понятно: основные военные силы дислоцировались в Анадыре,

Гижигинске и Тигиле, беря в военное кольцо бунтующие земли Северо-Востока России. И, отнюдь, не только чукчи были в этом кольце. Вот детальное исследование тех далеких событий на основе утраченных архивных документов, которыми пользовался А.С. Сгибнев:

«…главнейшее восстание началось в 1744 году. Сборщики Тауйского и Ямского острогов 1 апреля донесли, что находящийся на р. Наяхан коряцкий старшина Туина с родниками отказался платить ясак и угрожал побить сборщиков. Охотский командир Зыбин предписал идти на них военною рукою, что и исполнено в 1745 году (по распоряжению Зыбина в 1744 г. был укреплен Шипин острог против коряцких набегов, и с тех пор он стал называться Тигильской крепостью. — Авт.). Туина был пойман с тремя главными своими сообщниками и отослан в Охотск, где всех их заковали в ручные и ножные кандалы, заключили в тюрьму и приковали к стене. По произведенному над ними следствию дело пошло в сенат, а слухи об их мучительном аресте быстро распространились между коряками, которые сговорились всеми мерами мстить русским за истязания своих родовичей, а если можно, то и вовсе освободиться от их зависимости. В 1745 году коряцкий старшина Эвоита с своими сродственниками убил в Ягачине (Егачег) между Пенжиною и Переною 4-х купцов, 40 человек служилых, посланных за ясаком, иеромонаха Флавиана, студента миссии Качурова, дьячка, пономаря и служилого Наумова, следовавших в Анадырск. В добычу им досталась церковная утварь, книги, ризница, грудные кресты и все имущество убитых. Кресты коряки нашили детям на платье вместо побрякушек. Потом бунтовщики пошли в Камчатку ловить русских и восстановлять против них камчадалов.

В том же году коряцкий тоен Алык с другою толпою коряк убил ехавших из Охотска в Камчатку сержанта Енисейского с командою и разграбил бывшую при нем денежную казну, порох и свинец. Потом убил служилого Дмитрия Петрова с товарищами, ехавшего из Ямского острога на р. Тайночик и на р. Наяхан служилого Волынкина, ехавшего с почтою из Охотска в Камчатку. Имевшиеся при последнем для новокрещеных образа сожгли, а кресты разделили между собой.

В ноябре 1745 г. прибыли из Анадырска в Акланский острог 11 человек служилых для встречи Флавиана, назначенного в Анадырск, и для сбора ясака с оленных коряк. 19 ноября партия

эта под начальством гренадера Мокрошубова отправилась по р. Аклан к морю для приобретения продовольствия у пеших коряк, а двое служилых, Потапов и Беляев, вышли из острога для покупки рыбы у соседних коряк. Но, не доезжая до коряцкого стойбища (в 60 вер. от Акланска), Потапов и Беляев увидели на дороге трупы Мокрошубова и его товарищей, убитых коряками. Опасаясь подвергнуться подобной же участи, они убежали в острог, где заперлись с остальными 14-ю казаками. 26 ноября партия коряк подошла к острогу и держала его в осаде по март месяц 1746 г. Осажденные по недостатку пищи ели сыромятные сумы, подошвы и ремни.

Между тем анадырский командир Павлуцкий, узнав о бедственном положении осажденных, послал в Акланский острог 150 человек солдат под начальством подпрапорщика Трошина. Команда эта пришла к острогу в начале марта, когда коряки уже отступили от него. Трошин, переночевав здесь одну ночь, отправился отыскивать коряк, убивших Мокрошубова с товарищами, но, обойдя все окрестности, нигде их не встретил. Потом пошел он на р. Эгачу, где беспрекословно получил с коряк ясак. Взяв здесь одного аманата, Трошин отправил 25 человек служилых под командою капрала Пермякова для подкрепления Акланского острога, а сам с остальною командою возвратился в Анадырский острог за недостатком кормов. Но по прибытии в острог Павлуцкий отдал его под суд за выход из коряцкой земли, не усмирив бунтовщиков.

В июне 1746 г. прибыл из Анадырска в Акланский острог сотник Катковский и увел с собою в Анадырск Пермякова с двумя служилыми, оставив закащиком в Акланске солдата Сокуева, который, прожив в остроге до 8 июля, отправился с 17 человеками за 4 версты за рыбным промыслом, взяв с собою и аманата, потому что в остроге не было кормов. Но во время пути аманат убежал, и Сокуев, оставив для рыбной ловли 4-х человек, с остальными отправился отыскивать его. Плывя по р. Аклану, он встретил множество коряк, плывших в нему навстречу на ветках (ветка — маленькая лодка, сшитая из бересты. — Авт.). Коряки напали на русских и убили Сокуева с 3 служилыми, а остальные спаслись бегством, и один прибыл в Акланск, а прочие в Анадырск.

Оставшиеся в Аланске 6-ть человек служилых, узнав о смерти своих товарищей, спрятали порох и пушку в землю и, оста-

вив острог, направились также в Анадырск. Дойдя до р. Черной, они по недостатку пищи остановились тут для ловли рыбы и промысла крупашек. Двое из них по первому снегу отправились в Анадырск, а четверо остались здесь зимовать и в марте благополучно прибыли в Анадырск, где узнали, что один из их товарищей, отправившихся в острог зимою, умер в пути от голоду, а другой добрался до острога. Из 10-ти человек, убежавших с реки Аклана, прибыли в Анадырск только шесть человек, а остальные пропали без вести. Об участи же четырех человек, оставленных на рыбных промыслах, ничего не известно. Акланский же острог коряки выжгли в 1748 году.

К концу 1745 г. коряцкий бунт принял уже серьезный оборот, потому что к нему были привлечены и камчадалы. В марте 1746 г. почти все туземное население полуострова возстало. Все пути в Камчатку были заперты: с колымской стороны юкагирами; с охотской тайгинскими коряками; на Пенжине акланскими и оленными коряками; а по олюторскому берегу олюторцами, которые в марте 1746 г. разорили Олюторский острог, а команду убили. К корякам пристали сперва укинские и паланские камчадалы, которые убили одного солдата и 12 челов. ясашных сборщиков, посланных из Нижнекамчатска. Потом разорили Столбовский острожек, а часть его гарнизона, состоящего из 36 человек, побили, а остальных взяли в плен. В 1746 г. коряки Жирового острога убили купца Соснина и разграбили все его товары. В том же году были пойманы два зачинщика бунта, Чингин и Тешига.

В 1747 г. коряк Эвонкта убил на р. Пустой служилых Портнягина и Лебедева. В том же году коряки намеревались идти на Охотский порт для освобождения своих товарищей; но недостаток оленей остановил их предприятие.

Охотский начальник Зыбин 5 апреля 1747 г. писал иркутской канцелярии, что для усмирения коряк необходимо построить редуты и крепости вокруг Пенжинского залива от Ямского острога до Камчатки. Сенат октября 2-го 1747 г. одобрил это предложение и предписал назначить в эти редуты 300 человек солдат. Команда эта была отправлена из Якутска в Охотск в 1748 г.

После того Алык с родовичами встретил на р. Чикане 25 июня отряд русских и тунгусов в числе 88 человек под начальством сержантов Брехова и Белобородова, высланных для усмирения

бунта и успевших уже покорить чендонских инородцев. Русские напали на отряд Алыка и убили 17 коряк; многие побили себя сами, а Алык с остальными коряками убежал на р. Наяхану. Брехов отправился по его следам и на пути встретился с наяханскими коряками, которых было до 300 человек. В стычке с ними русские убили до 100 коряк, да тунгусский отряд под начальством Качибоя убил 10 коряк и 18-ть человек взял в плен. Оставшиеся в живых коряки отступили, закололи своих жен и детей и, напившись их крови для храбрости, снова вступили в отчаянную борьбу с русскими. Но вскоре были рассеяны. Одни из них уплыли на байдарках, а Алык с несколькими товарищами ушел на р. Ижигу, где у него был свой хорошо укрепленный острог.

В 1749 г. Алык с 80-ю коряками вышел из Ижиги на 4-х байдарах для разорения Ямского острога. Плывя по реке, он около реки Балхаямы увидел на берегу отряд Белобородова. Алык быстро высадился на берег и неожиданно напал на русских. Но после непродолжительной борьбы был отбит, при чем убито 20 коряк и несколько ранено, в том числе и сам Алык, который успел уплыть на байдарах с оставшимися в живых товарищами. В том же году была разорена Воямпольская крепость. Из Камчатки требовали от Охотского командира служилых для усиления гарнизона в Тигильской крепости, которую коряки также намеревались разорить; но в Охотске не было лишних людей, да и не решались послать суда к неизвестной реке (Тигиль).

В 1750 г. Алык еще раз встретился с Белобородовым на р. Вилегу и напал на русских, но коряцкий отряд был рассеян, причем много коряк было убито и ранено.

28-го июля 1751 г. Белобородов перешел с командою на р. Ижигу для разорения укрепленного коряцкого острога. Алык встретил его с покорностью и дал аманатов, но покорность эта была не более как одна хитрость чтобы высмотреть силы русских, потому что вслед за тем Алык убил трех тунгусов, посланных Белобородовым для разведок, и заперся в остроге. А когда русские 29-го июля пошли на приступ, то были встречены тучею стрел, пуль и камней, бросаемых из пращей. Приступ не удался. Коряки же в числе 150 челов. сделали вылазку и вступили с казаками в рукопашный бой; но после непродолжительной схватки убежали в острог, причем был ранен один казак и трое коряк убито. 30-го июля русские сделали второй безуспешый приступ к острогу, после которого отступили. Коряки же в чис-

ле 400 человек вышли из острога и разделились на две партии для преследования русских. Одна под управлением Алыка пошла по р. Ижиге на байдарах, а другая сухим путем. По прибытии Алыка к Наяханскому острогу, Белобородов 13-го августа неожиданно напал на него, причем Алык попался в руки Белобородова и, несмотря на его уверения быть покорным, закован в ножные и ручные кандалы и в 1752 г. доставлен в Охотск. При этой стычке убито 3 коряка и 12 человек обоего пола взято в плен.

Коряки, узнав об участи Алыка и рассчитывая, что он находится в Наяханском остроге, решились летом 1752 г. взять этот острог, чтобы освободить его из плена, и потому остались зимовать на р. Наяхан, построив на Яханской сопке острог с 9 башнями, который обнесли тыном, осыпали снаружи землею и завалили большими камнями. Но чтобы сделать его неприступным для русских, в течение всей зимы поливали гору водою. Белобородов, не надеясь взять этот острог и не имея продовольствия для команды, ушел в Ижигинскую крепость.

В апреле 1751 г. прибыл из Анадырска через р. Аклан на р. Чендон для усмирения коряк капитан Шатилов с 407 человеками команды. Апреля 9-го он побил до 300 коряк, отогнав у них оленные табуны, а остальные, убежавшие с побоища, коряки были убиты Белобородовым 27-го июля. В то время, когда Шатилов бил одну партию коряк, другая разграбила его лагерь, причем убила одного пятидесятника. Шатилов, поймав главного предводителя коряк Аилана, бил его по щекам и заковал с четырьмя аманатами, взятыми при усмирении коряк, в кандалы. Это новое тяжкое оскорбление, нанесенное одному из главнейших корацких старшин, еще более ожесточило коряк, которые в одну темную и бурную ночь подошли к лагерю Шатилова, убили 4-х часовых и освободили Аилана вместе с аманатами.

В том же году коряки в темную ночь подошли к Тигильской крепости, где командовал каптернамус Шацкий, разграбили и выжгли ее, а гарнизон взяли в плен. Потом пошли на Уку и разорили Ивашкин и Русаков острожки, а сборщиков убили.

В то же время другая партия коряк под управлением тоена Ярлыха подошла к Анадырскому острогу, где отогнала до 1000 оленей, принадлежащих команде Шатилова. Потом Ярлых разорил камчадальские селения Коручево, Еловское, Танинское и около Тигиля за покорность их жителей русским. Большую

часть камчадалов этих селений убил, жен и детей взял в плен, а принадлежащее им имущество разграбил.

Аилан и Ярлых, поощренные этими успехами, продолжали в течение года преследовать русских и мирных камчадалов безнаказанно, потому что большая часть военной команды была занята в это время постройкою новых крепостей: Тигильской и Ижигинской. Тигильская крепость была окончена постройкою в 1752 г. Она была обнесена стоячим тыном в 1¾ саж. вышиною; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами через сажень. Старая же обгорелая крепость была очищена от коряк поручиком Холмовским, под наблюдением которого производились и новые постройки.

Постройкою Ижигинской крепости занимался сержант Игнатьев. По недостатку служилых он собрал для работ коряк, пришедших к нему с покорностью. Но как их оказалось до 100 человек, то Игнатьев, опасаясь измены, половину из них отправил в лес под предлогом заготовки дров, и там всех убил, а женщин взял в крепость для блуду. Потом, в 1752 г., когда оставшиеся в живых коряки кончили постройку крепости, он приказал 40 человек также убить, а остальных с женами и детьми отдать в холопство тунгусам и ламутам.

В 1751 г. по сенатскому указу построена крепость на р. Тумане, а в 1752 г. — укрепления на реках Вилиге и Таватоме.

Хотя Ижигинская и Тигильская крепости были вновь построены и вооружены, но они не могли содействовать усмирению бунта по незначительности гарнизона. Лебедев послал строгое предписание в Нижней и Верхний остроги о высылке оттуда солдат в Ижигу; но ему ответили, что в обоих острогах крайний недостаток в продовольствии, без которого нельзя отправить людей в поход.

Наконец после настоятельных требований Лебедева начальник Охотского порта Зыбин в 1753 г. отправил в Камчатку 75 чел. солдат с порохом, мортирами и другими военными припасами под начальством сержанта Сторожева и каптернамуса Байбародина. Партия эта шла зимою по берегу Охотского моря, и все тяжести везлись на нартах, в которых запрягали мирных коряк и, конечно, без всякого за это вознаграждения.

В 1753 г. главным распорядителем бунта был коряк Аилан (Аивылан). 20-го апреля 1753 г. партия казаков и тунгусов в числе 37 человек вышла из Ижигинской крепости для заготов-

ления рыбы и других кормов. На них напала толпа коряк, причем убито 7 русских, 5 тунгусов и ранено 10, а остальные убежали в острог. Корякам досталось в добычу 120 езжалых собак и все оружие русских.

Пользуясь этой удачей, коряки под начальством Чейвита в мае месяце осадили Тигильскую крепость. Команда, не решаясь на вылазку и не имея в крепости продовольствия, находилась в самом бедственном положении; сперва ела байдары, сыромятные сумы, ремни и вообще все кожаные вещи; но когда и их не стало, питалась кустами кедровника и лиственницы. К счастию их, что коряки по вскрытии рек от льда отступили и тем дали им возможность запастись рыбою.

В 1754 г. с прибытием к русским нового подкрепления из Охотска возмущение коряк значительно ослабло, и только изредка делались нападения, и то на самые незначительные остроги.

В 1755 г. для отнятия у коряк Туманской крепости и окончательного их усмирения был послан из Ямского острога сержант Суворов с командою, состоящей из 61 казака и 11 тунгусов. Выступив из острога 3 ноября, партия эта прибыла к Туманской крепости 25 ноября, где в 1½ верст. остановилась лагерем, а 1 декабря сделали приступ, который, однакож, был неудачен. Коряки убили Суворова, 17 казаков и купца Попова и, кроме того, ранили 29 человек русских. Казаки отступили и под начальством казака Тельникова пошли обратно в крепость. На этом переходе казаки закололи 6 человек, заботивших своих товарищей, и четырех раненых оставили живых в пустынном месте на произвол судьбы, несмотря на то что на бывших с ними нартах везлись разные товары убитого купца Попова, вместо которых нетрудно было взять больных. Кроме того, на этом же пути замерзло 6 казаков. Озлобление коряк было до того велико, что они даже мертвые трупы русских изрубили в куски.

В 1755 г. Ярлых с 20 родовичами ходил на Воямпольский камчадальский острожек, где ночью убил 8 ясашных камчадалов, убивших коряцкого тоена Ваага. В то же время чукчи напали на коряк, и последние обратились за помощью к русским. Ижигинская команда отогнала чукоч, и Ярлых заплатил ясак по 1756 г., но вскоре снова изменил.

Между тем иркутское начальство распорядилось постройкою редута на р. Лесной и острогов на рр. Русаково и Воямполе (указы 31 мая 1754 г. и 12 января 1755 г. — Авт.). Распоряжение

это было получено в Камчатке осенью 1755 г. вместе с предписанием начальника Охотского порта о постройке еще редутов на реках Паллане и Юмгиной, между которыми существует удобное сообщение. Для работ этих была послана команда из Нижнекамчатска, но новое возмущение заставило дать этой команде другое назначение.

15 сентября 1755 г. коряки напали на русских, съехавших на берег в Пенжинской губе с судна "Св. Елисавета", и убили двух матросов и 5 ранили. Начальник Камчатки предписал нижнекамчатскому отряду присоединиться к партии тигильских казаков и идти для усмирения коряк под начальством поручика Кошкарева. В обоих отрядах было 100 человек казаков и тунгусов. Кошкарев, предполагая встретить Ярлыха около Ивашкина острога, направился сперва к этому острогу; но, не найдя здесь коряк и следуя с поисками далее, через два дня встретил на р. Гытыгуре три юрты коряк и, не осведомясь, участники ли они бунта, приказа всех их вязать. Коряки выхватили ножи и бросились на русских, а жены и дети их стреляли из луков по русским, но через два часа юрты были разорены ручными гранатами, причем побито 48 коряк, детей до 15 лет 33 и 40 женщин. В плен взято мужчин 2, женщин 18 и убежало 6 коряк. Кроме того, в добычу русским досталось 807 оленей, 160 саней. Русских же было ранено 5 человек.

После того тигильская команда отделилась от Кошкарева и, спускаясь по р. Паллану, была вся побита туземцами, а воямпольская крепость снова взята коряками. Впрочем, крепость эта в том же году была отнята у коряк прапорщиком Шмалевым, и для исправления полуразрушенной крепости была оставлена здесь небольшая команда. Но во время работ, 1 мая 1756 г., крепость окружили окрестные инородцы и убили 8 казаков и одну женщину с ребенком, а двух казаков с женами и детьми взяли в плен.

В 1756 г. был послан на Туманский острог, занятый бунтовщиками, сержант Игнатьев; но он вместо острога нашел одно только пепелище, на котором узнал, что коряки ушли к Ижигинской губе.

В том же году охотская канцелярия распорядилась послать для усмирения коряк капитана Нилова с 48 солдатами. Нилов по прибытии 29 августа 1756 г. в Ямской острог оставался там в бездействии, потому что все окрестные коряки смирились, и

Нилов на другой год был переведен командиром в Ижигинскую крепость.

Наконец коряки, лишившись более половины своих единоплеменников, решились в 1757 г. покориться русским, и только небольшая часть их осталась в измене, и то лишь до 1758 года.

Главных виновников бунта, закованных, отправили в Охотск. Охотская канцелярия по окончании следствия о бунте доносила в Иркутск, что она пытала бунтовщиков в застенке изрядно. И действительно, должно быть пытала изрядно, потому что 80-летний старец Ярлых (Ярлых, как оказалось по следствию, участвовал в убийстве Шестакова. — Авт.) умер во время первой же пытки, а остальные главнейшие виновники кончили жизнь в последующих истязаниях.

Над оставшимися в живых подсудимыми коряками охотская канцелярия сделала следующий приговор: коряк: Экимиде, Емтене и Нутаитале, на страх другим, четвертовать и потом головы, руки и ноги выставить на кольях, а тела повесить; 10 корякам и 10 крещеным корякам учинить такую же смертную казнь в их жилищах; имевших же намерение к бунту камчадалов и коряк бить кнутом и переселить в Якутск. Дело это было отправлено в сенат и долго оставалось нерешенным за разными справками, которые не скоро доставлялись из Камчатки, а между тем каждый год привозили в Охотск новых преступников, которых держали прикованными к стене.

Пошло пять лет, а дело о бунте все еще не было решено в сенате. Наконец в 1763 г. командированному в Сибирь для переложения новым окладом ясашных плательщиков семеновского полка секунд-майору Щербачеву в инструкции, между прочим, было сказано: "Объявить всем корякам, которые прежде платили ясак и потом отложились, что вины их Ея Императорское Величество отпускает, и всех до единаго прощает и обнадеживает, что если они впредь будут ясак платить бездоимочно, то их, как и прочих, от всяких обид и грабительств защищать и оборонять не оставить".

Эта Высочайшая воля была объявлена по всей Коряцкой земле; но об содержимых в Охотске под арестом никто не позаботился. И только 5 апреля 1766 г. сенат по какому-то поводу вздумал спросить иркутского губернатора: "Освобождены ли отложившиеся инородцы, и сколько состоит налицо тех, которые приговорены к казни, и где именно?".

Начали наводить справки, и оказалось, что охотская канцелярия 10 июля 1752 г. доносила иркутской, что коряки Туина, Чингин и Пишута с многими товарищами, находясь в тюрьме, 3 февраля 1752 г. ночью побили караул, зажгли тюрьму и сами перерезались и передавились, о чем и было донесено сенату 11 августа 1752 года; а присланные в Охотск впоследствии коряки, олюторцы и камчадалы волею Божиею перемерли в тюрьме…

Но, довольно! Перейдем лучше к другим, более утешительным современным этому бунту событиям в Камчатке». (А. Сгибнев).

* * *

Тигильская крепость.

У нас нет данных о тех людях, которые проходили здесь службу в 18-м столетии. Самые ранние из известных нам сведений касаются данных, извлеченных из Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1812 год, где, помимо имен священно- и церковнослужителей Черных, Верещагина, Сновидова и Чуркина, записаны и военнослужащие Тигильской крепости:

Частный командир подпоручик Семен Васильевич Шмалев (1788 г.р.); Унтер-офицеры Алексей Яковлевич Куямов (1778), Степан Тарасович Попов (1759).

Рядовые: Емельянов Василий Варламович (1774); Ешин (Юшин?) Иван Васильевич (1789); Ипатьев Егор Иванович (1791); Киселев Григорий Борисович (1786); Кожевин Алексей Иванович (1783); Копылов Василий Семенович (1778); Копылов Гаврила Семенович (1773); Копылов Осип Дмитриевич (1762); Копылов Степан Дмитриевич (1775); Корнилов Александр Ефимович (1766); Корнилов Николай Ефимович (1771); Мишеев Федор Михайлович (1769); Пяняженинов Иван Федорович (1780); Санапальников Самойло Степанович (1779); Шмелев Михаил Борисович (1788).

Бывшей городской команды: Отставной унтер-офицер Василий Афанасьевич Анисимов (1761).

Рядовые: Ешин (Юшин) Василий Семенович (1748); Пяняженин Федор Иванович (1753).

Нерегулярные (казаки): Пятидесятники Лев Дмитриевич Шадрин (1733) и Лев Степанович Белоногов (1755).

Рядовые: Белоногов Семен Львович (1791); Воробьев Алексей Маркович (1753); Воробьев Илья Маркович (1787); Воро-

бьев Осип Маркович (1773); Ерофеев Василий Федорович (1794); Мельников Иван Васильевич (1760); Миронов Петр Семенович (1749); Назаров Никита Матвеевич (1780); Потапов Федор Козьмич (1781); Санапальников Степан Семенович (1743); Прибылов Семен Михайлович (1759); Ударин Иван Федорович (1779).

Отставные на содержании: Унтер-офицер Ипатьев Иван Прокопьевич (1753); рядовой Кузнецов Семен Степанович (1768).

Приказные отставные: губернские регистраторы Баженов Иван Иванович (1757); Лузин Афанасий Андреевич (1768).

* * *

Примерно в эти же годы морской офицер Орест Стогов посетил Тигильскую крепость и впоследствии писал о ее обывателях:

«Наконец, я в крепости Тигиле. Может быть, явится вопрос: большая ли крепость? Какой системы? Сколько пушек? Велик ли гарнизон? и проч. На все вопросы отвечу: крепости никакой нет, да, кажется, никогда и не было, о пушках и понятия не имеют. Живут себе мирно десять казаков с урядником. Так почему же называется — крепость? А потому, что в Тигиле есть комендант, он так и титулуется официально. Можно продолжить вопросы: так зачем же там комендант, казаки? Вот этого я до сих пор не понял! Если мне объяснят, зачем казаки в Тауйске, Ямске, тогда я объясню, зачем комендант в Тигиле. Однажды я сделал этот вопрос начальнику в Охотске, он отвечал мне: так! Этот же ответ приходится и к тигильской крепости с комендантом - так! Да мало ли на свете делается так! Тигиль на правом берегу реки Тигиля, берег обрывом сажени в две. В Тигиле есть деревянная церковь, священник с дьячком, есть больница, которою заправляет фельдшер, хотя с изъянцем - без носа, но все-таки лечит от всех болезней. Есть купец 2-й гильдии [Ворошилов], два отставных матроса, из ссыльных цыган - единственный кузнец и музыкант; все лица имеют собственные дома, по правде, настоящий-то дом у купца, да у коменданта, и небольшой домик, в три окна, для командира брига, остальные — домишки, — вот и весь Тигиль. Купец — аристократ Тигиля, он даже не носил кухлянки, а всегда в длинном сюртуке и даже в сапогах! Семья его состояла: из жены, двух зрелых дочерей (девиц) и двух сыновей 12–13 лет. Сам купец лет под 60, но еще здоровый. Этот купец считался ученейшим, да и сам о себе думал так, говорил книжным языком прошлого столетия и всегда о чем-нибудь мудреном, не забыл я несколько его объяснений

мне в наставительном и хвастливом тоне: “антиподы не падают с Земли, как мухи на деревянном шаре, одни будут наверху, а другие внизу”. Я не противоречил, но посмотрел на его ноги, не имеет ли он крючков. Еще поучал, как дикие ловят китов: “Приготовит дикий два круглых деревянных клина, с молотком отправляется к киту, и как кит высунет голову, дикий взбирается на кита, одним клином заколачивает одно отверстие [ноздрю], кит ныряет, дикий держится на ките за клин, а как кит высунет голову, дикий заколачивает другое отверстие, и кит задыхается”. Много бы мог рассказать подобных вещей, которыми поучил меня мудрейший в Тигиле, но поберегу для себя. Когда случалось что-нибудь рассказывать, купец, после каждого периода, имел привычку повторять: “так тому и быть должно”. Комендант, капитан-лейтенант, одним выпуском старше меня, холостой. Ну, этот был далеко попроще купца. Он вышел из корпуса если не с союзом, то в союзном десятке. Союзным десятком назывался последний десяток оттого, что последний писался и такой-то. Моего коменданта имя было Андрей, весь Кронштадт называл его Ондрюля. Он был вполне добрый простак, человек, от темени до пяток, материальный, природа наделила его веселонравием и замечательным басом, которым он владел прекрасно. Любимое его занятие — петь хором; он, как регент, собрал хор порядочных голосов и управлял мастерски. Помню, как у него хорошо выходило: “калязинский монастырь, недалеко от Москвы, хорош, пригож, прекрасен суть”. Начинали дисканты, первое слово повторяли тенора, тоже слово подхватывали и повторяли басы, дисканты продолжали не останавливаясь. Можно думать — выходила порядочная какофония, но издали слышался перезвон колоколов на колокольне, и, право, странно, но недурно. Это пение могло продолжаться без конца. Комендант знал все народные песни того времени, и плясовые и нежные, конечно, не была забыта разбойничья лодка на Волге; атаманом, разумеется, сам комендант. Еще страсть у него была — танцовать: русскую, метелицу, хлопушку; танцовал он с увлечением, с азартом! В пении, танцах он был воистину комендант! Тут он был строг, это было дело службы! Когда он управляет хором, он точно совершает акт святой обязанности, тогда он неумолимый жрец! Дурное исполнение огорчало его!

Танцовал он без улыбки, его глаз, голос не допускали малейшего беспорядка. Комендант всегда с сожалением говорил, что

не мог устроить экосеса и особенно, идеал танцев — матредур, так и не достиг своего желания, не мог побороть препятствий; дамы и кавалеры постоянно путали [фигуры], но, главное, не мог выучить цыгана, а он только один и был владелец скрипки, правда, скрипка с шелковыми струнами. Бывало, комендант напевает, а у музыканта выходит русская или метелица или восьмерка, так и бросил! С комендантом можно было говорить о пении, о танцах и о собаках. Вот и все нравственные развлечения в Тигиле!

Отнимите потеху езды на собаках, можно бы спиться или с ума сойти; — современная страсть к самоубийству тогда не была в моде. Как бы ни был забавен мой комендант, но он антипатически не любил никаких напитков, всегда трезвый, веселый, очень добрый, правда, уж очень прост, мы с ним ладили и жили очень дружно. Я нашел хорошо обделанный огород для меня и особый для команды, правда, в огороды там принято одно растение — картофель , другого ничего не сажалось, да и не знали о существовании других растений, после скажу, отчего не хлопотали о других огородных растениях. Картофель родился на девственной земле — невероятно многоплодно, сказочно! При моем доме был амбар; я нашел его полным сушеной лососины, это подарок любезной заботливости коменданта, продовольствие моих собак обеспечено.

Не могу промолчать о доме коменданта, дом в гармонии с характером чудака. Дом строил сам комендант, дом большой по-тамошнему, сажен в 7 длины и 5 ширины, симметрия отсутствовала, внутри не было ни одной капитальной стены, только передвижные перегородки, которые и образовали комнаты; случалось несколько раз, что не бывши неделю, приходишь и думаешь идти в зал, очутишься в спальне, а где [была] спальня, там уже гостиная и проч. Комендант гордился своею изобретательностию, а удивлением моим потешался как ребенок».

* * *

Тигильская крепость, 1815 год

Через три года состав Тигильской крепости очень серьезно обновился (возможно, в связи с прекращением деятельности Камчатского гарнизонного батальона) и привлечением части бывших солдат на казачью службу.

Пятидесятник Степан Тарасович Попов.

Рядовые: Антипин Семен Тихонович (1762); Киселев Вавило Степанович (1765); Копылов Иосиф Дмитриевич (1792); Корнилов Александр Ефимович (1766); Опарин Ефрем Федорович (1782); Опарин Федот (Федор) Егорович (1736); Пинижин Федор Иванович (1753); Юшин Василий Семенович (1751).

Казаки: Белоногов Семен Львович (1790); Емельянов Василий Варламович (1774); Ипатьев Егор Иванович (1789); Киселев Михаил Борисович (1788); Кожевин Алексей Иванович (1783); Косыгин Петр Иванович (1783); Крыков Дмитрий Семенов (1796); Лазарев Дмитрий Иванович (1790); Назаров Никита Матвеевич (1782); Пинижин Алексей Федорович (1786); Расторгуев Иван Иванович (1796); Санапальников Самуил Степанович (1779); Сысоев Василий Федорович (1793); Юшин Иван Васильевич (1789).

Рядские казаки: Котков Федор Андреевич (1771); Крыжановский Иван Федорович (1790); Миронов Петр Семенович (1747); Мыльников Иван Васильевич (1760); Ударин Иван Федорович (1779).

Военные посельщики (из состава бывших военнослужащих Камчатского гарнизонного батальона, пожелавшие поселиться на Камчатке, без зачисления на службу): Бречалов Алексей Григорьевич (1766); Григорьев Матвей Иванович (1778); Киселев Ефим Борисович (1776); Копылов Гавриил Алексеевич (1773);Копылов Савелий Семенович (1778).

* * *

Военный период в истории Камчатки и Чукотки, слава Богу, закончился.

Но был еще и другой период – с которого собственно все и началось: морские экспедиции.

Вначале официальная справка о том, как состоялось открытие северо-западных берегов Америки.

В августе 1729 года по завершению деятельности Первой Камчатской экспедиции бот «Святой Гавриил» был передан в распоряжение экспедиции А.Ф. Шестакова и Д.И. Павлуцкого, которая была создана в 1727 году для поиска и освоения новых земель.

В состав новой экспедиции входила адмиралтейская группа — морской отряд, членами которого были геодезист М.С. Гвоздев, штурман Я. Генс, подштурман И. Федоров, ботовых дел подмастерье И.Г. Спешнев, четыре морехода и 10 матросов. Командиром бота был назначен И.Г. Шестаков (племянник руководи-

теля экспедиции А.Ф. Шестакова). С сентября 1729 года бот совершал переходы из Охотска в Большерецк и обратно, занимался описанием западного побережья Охотского моря.

Осенью 1730 года Д.И. Павлуцкий (ставший руководителем экспедиции вместо А.Ф. Шестакова, убитого 14 (25) марта 1730 года в сражении с чукчами) приказал Я. Генсу и И. Федорову идти *«с имеющимися служилыми с Камчатки на морском судне-боте… к анадырскому устью для проведывания морских островов… взять с собою подмастерья Спешнева и геодезиста Гвоздева»*. 19 сентября 1730 года бот вышел из Охотска, пересек Охотское море и встал на стоянку в устье реки Большой, где команда и зазимовала.

9 июля 1731 года бот перешел в устье реки Камчатки. В связи с болезнью штурмана Якоба Генса и подштурмана Ивана Федорова ботом во время перехода командовал М.С. Гвоздев. 20 июля бот был готов к выходу в море для следования к берегам Чукотки на поиски «Большой Земли», но в этот день началось восстание камчадалов. Экипажу бота пришлось принимать участие в подавлении восстания и ликвидации его последствий. Экипаж остался в устье реки Камчатка на зимовку, в ходе которой вся команда тяжело болела цингой. Вероятно, в связи с этим состав экипажа бота постоянно менялся.

11 (22) февраля 1732 года командование ботом вместо больного и ослепшего Я. Генса принял М.С. Гвоздев. 23 июля «Святой Гавриил» вышел в море. Экспедиция достигла островов Диомида (с 1791 по 1815 годы — острова Гвоздева) в центре Берингова пролива и мыса Дежнева, а 21 августа подошла к северо-западному побережью Америки в районе мыса Принца Уэльского (до 1778 года — мыс Гвоздева) на полуострове Сьюард (Аляска). 29 сентября (10 октября) 1732 года бот вернулся в устье реки Камчатки.

«Сохранилось “ведение” Генса геодезисту [Гвоздеву] о полной передаче бота, людей, вооружения, продовольствия, а также всей “казны”. “А как де мы за болезнями оставлены будем в Нижнем, — писал штурман [Федоров], — то взять у меня на бот ‘Гавришлу’ матросов”. На листах этого своеобразного приемо-сдаточного акта помещена “скрепа”: “…принел геодезист Гвоздев”. Этот документ доносит до нас подробное описание бота “Св. Гавриил”, сообщает основные параметры судна, состояние такелажа, припасов, материалов и другого имущества, переданного М.С. Гвоздеву. Детальные реестры содержат точные сведения о личном составе партии, поступившей под

*командование геодезиста. По строевому расчету на 1 июня 1732 г. команда Гвоздева насчитывала 145 человек (в том числе 1— больных, оставленных в Охотске) и состояла из нескольких отрядов и групп. В Нижнем Камчатском остроге находилось 74 человека (**мореход К. Мошков, 5 матросов — Сметанин, Клочев, Таранкин, Кузнецов и Гусельников**, 2 гренадера, 1 солдат и 65 служилых людей), в Охотске — 27 (мореход Н. Треска, 1 гренадер, 1 солдат и 24 служилых), в отряде Л. Петрова — 18 (1 матрос, 1 солдат и 16 казаков), в отряде А. Шергина [Курильские острова] – 19 (мореход И. Бутин, солдат **К. Полежаев**, 17 казаков); 3 человека – в конвое. Взяты на службу в партию из Охотска и камчатских острогов 4 человека, в том числе А. Буш и **Ф. Паранчин**. Таким образом, партию составляли 125 служилых людей, 4 морехода, 7 матросов, 4 гренадера, 5 солдат. За исключением 70 человек “в расходе”, то есть выполняющих различные задания, и 10 убитых и умерших от болезней **непосредственно при Гвоздеве налицо оказалось 65 человек**».*

*«В последнем перед отправлением в море письме к Генсу 2 июля 1732 г. Гвоздев сообщил: “А сего июля 8 дня отправляюся в показанной морской путь со служилыми людьми. И по получении сего письма тебе, штурману, ко означенному числу к морскому пути быть в готовности, а буде от болезни своей не выздоровел, то тебе к нам ответствовать письменно сего ж числа». По неизвестным нам причинам в указанный срок отправление бота не состоялось. В ордере 13 июля Гвоздев позаботился выдать служилым людям с бота ‘Гавриил’ **Е. Пермякову**, **И. Портнягину** и **Л. Полякову** несколько фунтов пороха”».*

* * *

1743 г. апреля 20. —

Промемория канцелярии Охотского порта М. П. Шпанбергу о плавании М. С. Гвоздева и И. Федорова на боте «Св. Гавриил» к берегам Америки в 1732 г.

Промемория

В прошлом 1741-м году апреля 8 дня ссыльной **Илья Скурихин** в канцелярию Охоцкого порта объявил: «В прошлом де 732-м году был он, Скурихин, на боте «Гавриле» с камчацкого устья к анадырской стороне подле землю, и против де устья реки Анадыра были они у земли, называемой Большей, на которой земле видели с судна жилье — юрты, а в тех юртах живут люди. На той же де зем-

ле видели лесу лисвеничного и елового и аленей многое число; и из оного жилья выезжал к ним на пызырях один человек, которого звали они к себе на судно, точию де он к ним не пошел. А на том де боте был камандиром геодезист Михайло Гвоздев. А были де они с Камчатки до помянутой земли в пути на «Гаврил» боте недели с три, а в подлинно сказать не упомнит. Да видели же де они и другие малые острова в море, на которых живут люди ж, токмо де и на тех островах они сами не были».

А по справке в канцелярии Охоцкого порта в прошлом 733-м году декабря 23 дня с Камчатки от помянутаго геодезиста Гвоздева в присланном репорте написано: «Июля де 23-го дня 732 году отправились они, Гвоздев да подштюрман Иван Федоров, обще с матрозы, с мореходом 2 и со служилыми на боте «Гаврииле» с устья с Камчатки реки в морской тракт. А во оной де морской тракт взят был для разговоров в толмачи из новокрещенных один человек. А с Камчатки де с показанного числа ходили на море августа по 22 число и за кормовой де скудостию, и за великою течью бота «Гавриила» против поданного доношения **морских обывателей** возвратились на Камчатку и пришли в камчацкое устье сентября 27 дня». А в каких местах и коликое число островов видели, и на которые выезжали, и на тех островах какие имеютца люди, и обо всем показанном морском походе в посланную партию в Анадырской острог х капитану (что ныне маэором) 3 г-ну Павлуцкому оного ж 732 году декабря 19 дня репортовано чрез нарочно посланного служилого Ивана Салдатова. Також и о издержанных в морском тракте припасах, и оному их тракту как с камчацкого устья до островов, так и по возвращении до Камчатки, и о тече бота «Гавриила» при том репорте прислал лахбух, которой де писали они, Гвоздев и Федоров, обще. А в этом лахбухе написано: «Августа де 22-го числа пополуночи в 12-м часу с острова приезжал к ним иноземец, чюкча, в ветке, по их званию в кухте, и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез **толмача новокрещена Егора Буслаева**, какой народ на Большем острову живет, и оной де иноземец, чюкча, сказывал чрез толмача, что на оном острову живут чюкчи ж и что самой де то Чюкоцкой Нос. Да спрашивал же де он у оного чюкчи чрез толмача, что на Большем острову имеютца ль какие звери и леса, и оной де чюкча сказал: есть де на оном острову лисицы и куницы, и леса».

Да в скаске ж помянутого ссыльного Скурихина между прочим показано: «В прошлом де 1732-м году летним временем, а в котором месяце и числе сказать не упомнит, на морском боте «Гаврииле» геодезист Гвоздев, подштюрман Федоров отправились с Камчатки в морской поход, в котором де походе и он, Скурихин, был. И, вышед из устья реки Камчатки, пошли в левую сторону, имея Камчацкой земли берег в виду, и шли до устья реки Анадыря недели з две. А между камчацким и анадырским устьями, будучи в том походе, видели де в море в правой стороне два острова расстоянием от их ходу в верстах полутору или и в двух, величиною те острова, например, версты 3, а лесов де других, кроме сланцов, на тех островах не усмотрили и никого людей на них видеть не могли. И на оных де островах из них, з бота «Гавриила», никто тогда не были. А от анадырского де устья путь свой имели прямо в море, в восточную сторону, и, шед дней с 5 способным ветром, увидели пути своего мало в левой стороне землю и, надеясь де быть какому острову, пошли прямо к той земле. И, не дошед до нее в полуверсте, расмотрили, что не остров, но земля великая, берег желтого песку, жилья юртами по берегу и народу ходящаго по той земли множество; лес на той земле великой лисвеничной, ельник и топольник. И пошли де подле ту землю в левую сторону. Шли дней с 5, однако ж де конца той земли не дошли и усмотрить не могли и поворотили назад, за тем что де метанием лота стало казатца глубина воды недовольная. И по возврате де за тихою погодою остановились, и со оной земли один человек нагой приплыл к ним на пузырях, и спрашивал чрез будущаго с ними на боту толмача служилого, а имяни и прозвания не упомнит, что откуду они на том судне и куда идут, которому де они з бота ответствовали, что, заблудясь в море, ищут Камчатку, и тот де иноземец спрашивал же, много ль их на том боту людей, которому ответствовали ж, что люди будто з голоду померли, а в то де время люди были схоронены в судне. И оной де иноземец указывал им сторону, где искать Камчатку, откуда они и в поход пошли, и звал де их на свою землю, обещая им дать корму довольно.

А когда де помянутой иноземец, приплыв к ним, имел с ними разговор, тогда ево к себе на судно звали, только де он к ним в близость не плыл. По-

том де вскоре началась их назад х Камчатке ходу способная погода, и они де пошли подле тое ж землю и шли подле ее дней с 5, которую де, оставя назаде, стали путь свой иметь в правую сторону х Камчатке и, пришед из вышеписанных дву островов, которые ими во время их вперед ходу видимы были, к одному острову, стали на якорь. И з бота на шлюпке выезжали на тот остров **геодезист Гвоздев с матрозом и со служилыми** и с того острова возвратились на судно. А как де они, Гвоздев с товарыщи, на помянутой шлюпке с острова отвалили к боту, то де явилось вдруг на берегу острова больши 100 человек и стреляли вслед за ними множеством из луков стрел, однако ж де никого не вредили. А как де со шлюпки из ружья выпалили, то де те иноземцы, увидя огонь, разбежались по острову врознь, а по отбытии их от того острова, спустя несколько дней бывшею великою погодою на оном боте мачту сломило, и с великим трудом чрез некоторое время пришли в камчацкое устье, а подлинно месяца не упаметует».

А помянутой геодезист Гвоздев на данной ему ис канцелярии Охоцкого порта ордир репортом между прочим объявил: «По присланным де к нему, Гвоздеву, и подштюрману Федорову от помянутого г-на маэора Павлуцкого ордирам ходили они с Камчатки июля 23 дня 732 году и **с ними де ходило матрозов 4, мореход 1, служилых 32 человека, толмач 1**. И обошли де Камчацкой Нос июля 27-го дня, а к Анадырскому Носу пришли августа 3 числа и от Анадырского де Носу пошли для взыскания островов. А когда де г-н капитан-камандор Беринг был в своем вояже, и при нем де во оном вояже был показанной **мореход Кондратей Машков**, и видели остров, и пошли де они до того острова сыскивать, и пришли к Чюкоцкому Носу к южной стороне, и стали на якорь от земли версты за три, стал быть штиль, и он де, Гвоздев, на берег выезжал на шлюпке для осмотру берегу и для взятья пресной воды. И пригребли де к берегу, и увидели малую речку, и во оную речку вошли шлюпкою, и вышли на землю 6, и оное де место пустое, только де ходят подле оной речки алени ста с полтара или более и людей у оных аленей не было, ис которых аленей застрелил 2 аленя для пропитания служилых **служилой Ефим Пермяков**. Которых аленей взяли на шлюпку да вады. И увидели де двух человек на каменю и стали их к себе кликать, и оные, услыша их голос, ушли за камень, а они шлюпкою из речки вышли и пригребли на бот благополучно. Августа де 6 числа приезжали чюкчи в двух байдарах из других падей и в растоянии были от боту в версте и смотрели с полчеса, а разговору от них никакова не имелося, а з боту де толмач призывал, токмо де от них ответу никакова за дальностью не слыхал. И отъехали де прямо боту на землю июля 7 де 7 числа с **матрозом Петровым** и со служилыми восемью человеками, ездили на шлюпке в то место, откуда оные чюкчи байдарами приезжали, для осмотру жилья их и осмотрели 2 юрты пустые, деланы в земле ис китовой кости, старые и разрыты, и по осмотру возвратились назад г боту, и отгребли от того места версты з две, и увидели на берегу двух человек, и они де, увидя их з берегу, побежали на камень, и он, Гвоздев, шлюпкою к боту пригреб благополучно. Августа де с 5 числа по 8 число лежали на якоре, во все оные числа был штиль. 8 числа стал быть ветр благополучной пополуночи в 4-м часу, то пошли де по показанию **морехода Машкова** для взыскания острова. Августа 13 числа пополуночи в 3-м часу стали на якорь, стал быть штиль, и осмотрели де на берегу юрты, и поехали они на шлюпке с **матрозом Леонтьем Петровым** и со служилыми и стали подъезжать к юртам, и от юрт де з берегу погребли 3 байдары от них вперед подле берег, а они де, Гвоздев с товарыщи, погребли ко оным юртам и вышли на берег, и осмотрели оные юрты числом 6 юрт в земле, деревянных. И увидели они, что одна байдара гребет назат к ним, и они де, Гвоздев с товарыщи, за малолюдством от оных юрт погребли возвратно к боту, и, пришед на бот, взял с собою **служилых 20 человек**, и погребли ко оным юртам вторично, и пригребли к юртам, и вышли на берег, а чюкчи от тех юрт отошли на камень против юрт и только де их на каменю казалося 6 человек, а другие ушли байдарами. И он посылал к ним служилого **Петра Куклина** с толмачем для призыву в подданство под ея и.в. самодержавную руку к ясашному платежу, и оные де чюкчи сказали: мы де ясаку не знаем и не платим, и не промышляем.

Августа 15 числа пополуночи в начале 11 часа стал быть ветр благополучной, то пошли де в путь. Августа де 17 числа пополудни в 7 часу осмотрели остров 8, ветр был им противен, и для противного ветру

лаверили. Того же числа пополуночи в 3 часу стал быть штиль, и увидели на Чюкоцком Носу юрты, и ко оным де юртам на шлюбке поехал **он с матрозом Петровым да со служилыми десятью человеками**, и стали пригребать блиско берегу, а чукчи де от юрт своих отошли недалеко на утес, и оной де, Гвоздев с товарыщи, к утесу к ним пригребли, а чюкчи де поют согласно, и один у них прыгает и скачет. И Гвоздев де с товарыщи, посмотря на них, возвратились к боту, а переговариватца де с ними – за дальностью не слышит. И оные чюкчи в двух байдарах за ними погребли и нагребли на них, но токмо не блиско подъезжают, в каждой байдаре по 20 человек, и, посмотря их, возвратились назат. А чрез де толмача у них спрашивал, какой народ живет на острову, и они де на то ничего не сказали, а про себя сказали, что чюкчи зубатые, а о земле де сказывали, где у них юрты – самой Чюкоцкой Нос. И пригребли к боту. Стал быть благополучной ветр, то де они пошли к острову и пришли против острова северного конца, и сели в шлюбку помянутой матроз да служилых 10 человек, и погребли они к острову. И, когда де стали пригребать во близости острова, увидели юрты и стали пригребать блиско юрт, и с утесу стали из луков стрелять, и они де, Гвоздев с товарищи, против их противление выстрелили ис трех фузей, и велел толмачу спрашивать об них, какой народ, и они де о себе сказали, что чюкчи, а родники де их пошли с аленными чюкчами против капитана битца и там де всех побили. А про Большую Землю спрашивал, и они де на то ничего не сказали. А какой народ живет, про то сказали: их же де чюкчи, и там де у них большие чюкчи, и от юрт своих ушли и оставили юрты пустые. И он, Гвоздев, со служилыми людьми, вышед на берег, пришли к юртам, и только де имеютца две юрты в земле деревянные, лес яловой и сосновой, и с того де острова видели и Большую Землю. И погребли к боту и, пришед к боту, и пошли подле оного же острова к южному концу, и увидели юрты, и стали на якорь. И он де, Гвоздев, на шлюбке и на байдаре с **матрозом Петровым** и со служилыми 21 человеком пригребли к берегу против юрт, и тут имелось юрт блиско двацати. И чюкчи де от юрт крычали, чтоб они на берег не выходили, а у толмача де голос осип и для переговору говорить в дальности с ними — голос не доносит. И оной де толмач был в байдаре. И байдарою пристали к берегу, и толмач де вышел на берег, и к нему де от юрт сошел один чюкча на берег, у которого оной толмач спрашивал про Большую Землю, какие на ней живут народы. И оной де чюкча оному толмачу ничего не сказал. Также и по силе данного от маэора Павлуцкого ордера призывали ево, чюкчу, и родников ево под высокосамодержавную ея и.в. руку и в ясашной платеж, и они де на то сказали, что де мы ясаку не знаем и не плачивали, и видя их, чюкочь, многолюдство, возвратились на бот, а остров в длину версты на полтретьи, в ширину на версту.

Августа де 20 пополуночи в 1-м часу поднели якорь и пошли в путь свой. 7-го часу пополуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова 9, и между первым и вторым островом растоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше 10. И на оной де остров посылан был **служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нем толмач** на байдаре для проведывания, что есть ли на нем народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от оного острова, сказал, что де и на том острову живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по них из луков стрелять, и за тем на берег не выходили.

Августа де 21 дня пополудни в 3-м часу стал быть ветр пособной, и пошли к Большей Земли и пришли ко оной земли 11 и стали на якорь от земли в верстах четырех. И стала де быть вахта подштюрманова, и оной де подштюрман собою поднял якорь на своей вахте без общаго согласия и пошел подле земли к южному концу. От южного конца к западной стороне видели юрты-жилья версты на полторы, и ко оным де юртам за ветром блиско подойтить было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лот, глубины 7 и 6 сажен, и с того места возвратились назад и **стали лаверить подле Большей Земли, чтоб к земле подотить, и стал де быть ветр велик от земли противной**. И сказал подштюрман, что надлежит им итить и держать курс зюдвест. И от оной Большей Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-нордвест. А с четвертого де острова 12 пригреб к боту чюкча в малом ялыче, по их называетца кухта, а от боту был в растоянии сажен в шести, и он де, Гвоздев, ево чрез толма-

ча спрашивал о Большей Земли: какая земля, и какие на ней живут люди, и есть ли лес, также и реки, и какой зверь. И он де, чюкча, сказывал толмачу и называл Большей Землей, и на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикой, куницы, и лисицы, и бобры решные. А сам де он, чюкча, погреб на свой же остров, а оной де остров маленькой, видом кругом, в ширину и в длину, по четверте версты. А у Чюкоцкого Носу, также и на первом и на втором острову никакого лесу не имеетца, а реки де и озера имеютца ль, и про то им, Гвоздеву с товарищи, знать было невозможно, понеже де по тем островам вдаль по земле не ходили, а на Большую де Землю они не выходили, и леса какие имеютца ль, також и реки, того за дальностию видеть было невозможно».

И о вышеписанном о всем в Ыркуцкую правинцыальную канцелярию от канцелярии Охоцкого порта репортовано…

Пример-маэор Афанасей Зыбин.

За подканцеляриста копеист А**ндрей Верхотуров**.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 722-732. Подлинник. Опубл.: Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII века). М., 1948, с. 236–243.

Что мы еще знаем об участниках этой экспедиции?

Л. Гольденберг: «На этот остров на шлюпке выезжал М.С. Гвоздев и служилые люди И. Ребров, И. Залевин (Заливин), **Г. Нехороших**, М. Шарыпов, Д. Шадрин, **Е. Пермяков**, В. Зырян, матрос Л. Сметанин».

*«Спустя некоторое время к Гвоздеву снова пришли служилые **Ефим Пермяков, Федор Паранчин, Лаврентий Поляков, Алексей Малышев** и другие заявили, что еле успевают откачивать воду с бота, да и продовольствия осталось совсем немного, поэтому надо мол возвращаться на Камчатку. Гвоздев повторил им, что он один ничего не может делать. Тогда служилые во главе с мореходом Мошковым подали Гвоздеву и Федорову прошение, «которым объявя многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку». Посовещавшись, Гвоздев и Федоров направились к Камчатке, куда и прибыли благополучно 28 сентября.* (А.И. Алексеев, Сыны отважные России, Магадан, 1970 г.)

Гольденберг: «Когда 22 августа «Св. Гавриил» стало относить от острова Кинга, матрос Л. Сметанин с товарищами обратились к М.С. Гвоздеву с предложением вернуться на Камчатку, поскольку «приходит де время позднее и ветры бывают усильчевые».

«…наиболее опытные и авторитетные служилые люди Е. Пермяков, Л. Поляков, Ф. Паранчин, А. Малышев с товарищами вновь обратились к геодезисту с просьбой «о возврате» в связи с «поздностью времени», нехваткой продуктов («кормов малое число») и течью бота («не могут из судна воды уливать»). Просьбу о возвращении на Камчатку поддержла весь экипаж. Матросы, мореход и служилые люди составили коллективное письменное прошение «за своими руками» и подали его М.С. Гвоздеву и И. Федорову. Геодезист и поштурман «с обсчева согласия» приняли ответственное решение. По свидетельству Скурихина, на обратном пути через несколько дней на боте «великою погодою» сломало мачту. С большим трудом 27(28) сентября 1732 г. «Св. Гавриил» добрался до устья р. Камчатки».

* * *

1733 г. мая 22. —

Промемория М.С. Гвоздева Я. Генсу о передаче последнему бота «Св. Гавриил» с командой и снаряжением и подготовке бота к плаванию в Охотск

№ 90

От посланной партии г-ну штурману Якову Генсу

промемория

Сего 733 году по указу ея и.в. от управления Охотцкого острога и протчих к оному принадлежащих за рукою благородного г-на Григорья Григорьевича Скорнякова-Писарева, с которого указу послана к тебе копия, и против оного указу требовал ты апреля 8 и 20 дня промемориями, чтоб мне отдать к тебе бот «Гавриил» с принадлежащими припасы и матриалы, а при оном боте шлюпку с веслы и для починки оного боту и смаски снастей 20 ведр смолы, 6 сажен дров да 15 ганшпаков, один бегин-рей длиною шесть сажен, 2 гафиля длиной по две сажени, 8 весел запасных шлюпочных, 4 весла ботовые длиною по шти сажен, 15 шестов по пяти сажен с половиной, да толстого березнику на блоки и на шкивы, да 50 веников, да приготовить уголь для починки бота, да к тебе ж отправить в показанной морской тракт, без чего де тебе пробыть невозможно. Прислать толмача салдата Александра

Змиева, что де тебе он отправлен от Тобольской губернской канцелярии с росписко́ю, а он, Змиев, от вас к нам в отдачю показан в реэстре не толмачем твоим, но токмо салдатом, однако ж он, Змиев, отсылаетца к вам, чтоб в чем остановки не было. Да матрозов, и морехода, и служилых по реэстру, да пищика Ивана Шишкина, и оной Шишкин в оддаче ботоваго дела у подмастерья Ивана Спешнева у записки продажи подарожной казны.

А против требования вашего отправить было в скорости невозможно, для того служилые люди были в оддаче у оного подмастерьи Спешнева и посланы были от него для заготовления лесу и досок, и починки боту «Гавриила», а для выкурки смолы посланы от меня и заготовления сухих дров служилые, и поныне еще не бывали.

И того ради против требования вашего по силе ея и.в. указу благоволи от нас принять бот «Гавриил» с принадлежащими матриалы и протчими припасы, шлюпку с веслы, бегин-рей, два гафиля и березы на аншпики и прутья на веники, что имеетца налицо, також матрозов и морехода, и толмача, и служилых людей по нижеписанному реэстру, а означенные на боте «Гаврииле» матриалы и припасы за приемом матроза Лаврентья Сметанина.

Реэстр

Матрозы: Лаврентий Сметанин, Агафен Назаров, Михайло Гусельников.

Мореход Кондратей Мошков.

Салдат Александр Змиев.

Служилые: для письма Иван Шаньгин, Василей Анкудинов, Иван Садовников, Федор Паранчин, Андрей Верхотуров, Илья Скурихин, Алексей Гиляшев, Федор Жеркоков (Жерноков. — *С.В.*), Григорей Хорошей, Иван Удалой, Макар Новосельцов, Семен Бочкарь.

Для починки парусов Андрей Круглой, Петр Верхотуров.

Геодезист Михайло Гвоздев.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 3, л. 15.

* * *

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ СПИСОК ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА БОТА «СВЯТОЙ ГАВРИИЛ»

Август 1732 г.

Геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев — начальник партии

Подштурман Иван Федоров

Мореход Кондратий Федорович Мошков

Матросы: Сметанин Лаврентий, Гусельников Михайло, Назаров Агафон, Петров Леонтий

Солдат Клим Полежаев

Толмач Егор Буслаев

Служилые люди, имена которых восстановлены по документам: Залевин (Заливин) Иван, Зырян В., Куклин Петр, Нехороших (Хороших, Хорошев) Григорий, Шарыпов М[икита], Шадрин Д[митрий], Малышев Алексей, Паранчин Федор, Пермяков Ефим, Поляков Лаврентий, Ребров И[ван], Скурихин Илья.

Далее по списку идут имена, выявленные нами по реестрам двух «Гавриилов» – Святого и Восточного (соответственно) за 1730 год и реестр членов экипажа бота «Святой Гавриил» 1733 года (без камчатских казаков). Наличие или отсутствие имени в одном из списков в том или ином реестре отмечено знаками «–» или «+». Жирным мы выделяем имена тех, кто действительно или предположительно участвовал в открытии Русской Америки.

Вот эти имена:

Амосов Иван – + – (якутский казак)

Амосов Леонтей + + – (якутский казак)

Якутские казаки Амосовы (иногда пишут Аммосовы) — потомки якутского стрелецкого сотника Амоса Михайлова. В 1706 году в Якутском казачьем полку служили: Амосов Андрей, сын боярский.

Амосов Василий Васильев (2-я пятидесятня)

Амосов Иван Васильев сын, пятидесятник (15-я пятидесятня)

Амосов Семен Васильев (1-я пятидесятня)

Якутск, 1720: «Двор Ивана Васильева сына Амосова и он Иван послан Великого государя на службу в Олекминской острог в 719-м году …брат ево Иванов Семен трицати семи лет служит в пятидесятниках … брат же ево Василей трицати пяти лет послан Великого государя на службу в Жиганское зимовье в 717-м году брат же Афонасей двацети пяти лет в службе»; «Двор дворянина Андрея Амосова сын ево сын боярской Федот сказал отец де ево Указом взят в Санпитербурх …а он Федот дватцети восьми лет».

Анкудинов Василей – – + (якутский казак)

В 1681 году в Якутске служил в холостом окладе Анкудинов Офонька и подъячий Анкидинов Иван.

«Федька Григорьев Анкидинов в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 10 день хлебной оклад учинен ему женатой».
«Левка Григорьев Анкидинов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою.
Федька Иванов Анкидинова в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».
Якутск, 1706 г.: Анкидинов Федор Григорьев (7-я пятидесятня).
В 1711 году Федор Анкудинов входил в команду «воровского» атамана Данилы Анцыферова, поднявшего на Камчатке казачий бунт.

Антипин Алексей – + – (якутский казак)
Якутск, 1692 г.: Филька Михайлов Антипин; Ивашко Михайлов Антипин.
Якутск, 1706 г.: Антипин Иван Михайлов (7-я пятидесятня); Антипин Киприян Иванов (7-я пятидесятня); Антипин Степан Михайлов (4-я пятидесятня); Антипин Тимофей Михайлович (3-я пятидесятня).
Якутск, 1720: «Во дворе Иван Михайлов сын Антипин и он Иван послан Великого государя на службу в Ылимск в 718-м году»; «Во дворе Филип Антипин и он Филип послан на службу в Ылимск для упровления дел… с ним же живет брат ево Тимофей Михайлов и он поверстан в дети боярские послан Великого государя на службу в Устьянское зимовье в 719-м году. В том же дворе живет брат ево родной сын боярской Стефан Михайлов».

Базлуков Лаврентей – + –
Возможный вариант написания фамилии — Безруков.
В 1680 году тобольский казак Безрукий Ганька был сослан в Албазин, пережил осаду и впоследствии служил в Селенгинске, откуда набирали казаков в Камчатские эскпедиции.
В 1684 году в Енисейске вышел в отставку казак Безруков Алексей Семенов сын.

Березкин Андрей + – –
Участник подавления Харчинского бунта в отряде солдата А. Змиева.
Березкин (Берескин) — томская казачья фамилия.

Бочкарь Семен – ++ (камчатский казак)
Якутск, 1651 г.: Овдюшка Бочкарь.
Якутск, 1681 г.: Бочкарев Петрушка.
Семен Бочкарь впоследствии служил на Камчатке, о нем упоминает С.П. Крашенинников:
«Из Кшумтана острожка апреля 1 дня отпустил я возвратно в Нижней Камчатской острог бывшего в провожатых казачья сына Александра Мурзинцова, понеже оставливанной в Большерецке служивой Семен Бочкарь ко мне приехал.
Апреля 8 дня с Авачи реки из Паратуна острожка отпустил в Нижней Камчатской острог толмача Спиридона Перебякина.
…И на оное требование маия 24 числа от Большерецкой приказной избы ответствовано, что де при Большерецку стрельцов не имеется, а имеются де у меня стрелки, а имянно, Никифор Саламатов, Семен Бочкарь, из казачьих детей Михайло Лепихин меньшей. И хотя из означенных служивых Никифор Саламатов слеп, Семен Бочкарь и сроду десяти птиц не убивывал, а Михайло Лепихин отпущен в Курилы от закащика, однакож я требовал от приказной избы, чтоб на место стрелка, которой определен будет из обретающихся при мне служивых, служивой прислан».

Верхотуров Андрей + + +

Верхотуров Петр – – + (камчатский казак)
Якутск, 1681 г.: Верхотур Ярофейко, казак (ж/о), Верхотуров Алешка, казак (ж/о).
«Ондрюшка Куржагин в прошлом во 199-м [1691] году в Майском зимовье от иноземцов убит. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Ондрюшкино место казачей сын Филатко Верхотуров».
Филат Верхотуров был участником камчатского похода Владимира Атласова 1696–1698 гг.
Якутск, 1706 г.: Верхотуров Гаврило, сотник; Верхотуров Иван (6-я пятидесятня).
Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Осип Гаврилов сын Верхотуров… и он Афонасей послан на службу Великого государя на Ковыму в 719 м году а по скаске жены ево ему Афонасью шестьдесят лет».
Петр Верхотуров трижды вошел в историю Русской Америки:

«Однако первый шаг в этом направлении был предпринят не купцами, а сержантом команды Охотского порта Емельяном Басовым. Еще до возвращения Второй Камчатской экспедиции последний намеревался заняться пушным промыслом на Курильских и других о-вах, но прибытие моряков Камчатской экспедиции изменило его планы. В компании с московским купцом А.Серебреннниковым он выстроил шитик “Св. Петр”, на котором в августе 1743 г. отправился к о-ву Беринга. В команде шитика находились Петр Верхотуров и Лука Наседкин — участники Второй Камчатской экспедиции, которые должны были показать путь к этому острову. Достигнув его через пять дней, Басов зазимовал там, успешно занимаясь промыслом. 13 августа 1744 г. “Св. Петр” возвратился на Камчатку с богатой добычей — 1200 шкурками морских бобров (каланов) и 4 тыс. шкурок песцов. И если одна каланья шкура на Камчатке стоила в то время около 30 руб, то в Кяхте, на китайской границе, ее цена доходила уже до 60-80 руб., а в начале 1770-х гг. - до 100–140 руб.» (История Русской Америки 1732–1867 Том I. Основание Русской Америки. 1732–799. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана во второй половине XVIIIвека, Наука, 1989).

Возможно, Андрей и Петр — сыновья камчатского заказчика, казачьего сотника Осипа Верхотурова: «Главный изменник Вахлыч в Большерецке показал, что в 1730 г. ясачный сборщик Осип Верхотуров брал с них сверх ясаков по четыре бобра с человека, да для аманатов юколы по 400 штук, по три нерпы и по три пузыря нерпичьего жиру. У кого требуемое не находилось, то Верхотуров наказывал батогами». В 1735 году по итогам следствия Осип Верхотуров в Верхнекамчатском остроге был наказан батогами.

Андрей Верхотуров в составе команды солдата А. Змиева участвовал в подавлении Харчинского бунта.

Гиляшев Алексей – – +

Якутск, 1706 г., Алексей Гиляшев служил в шестой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Это тобольская казачья фамилия, второй родиной которой был Илимск. Гиляшевы были известными плотниками, строителями знаменитых илимских (ленских) кочей.

Гобов Семен + – –

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

Фамилия Гобовых встречается у крестьян в Тобольске и в Енисейске.

Добрынин Моисей + – –

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

В 1722 году из Иркутска «взят в Камчатскую экспедицию в службу» Добрынин Иван Большой.

Исходно, это, вероятно, енисейская казачья фамилия — в 1669 г. в Енисейске отмечен служилый Куземка Савельев Добрынин.

Епифанов Герасим – + –

Якутск, 1644 г.: «Степанко Кирилов в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть брату ево двоюродному Ивашку Семенову и в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку Фомке Епифанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит а в его место нихто не поверстан».

В 1706 году на службу в Якутск из Енисейска прислан Епифанов Семен Федоров. В 1669 году в казачьем списке отмечен его отец: «(д[вор]) служилого Федки Епифанова, у него сын Микитка 8 [лет]».

Жернаков (Жеркоков) Федор + – + (якутский казак)

Якутск, 1681 г.: Жерноков Сенька, казак (х/о).

Якутск, 1691 г.: Сенька Жернаков; Федька Иванов Жернаков.

Якутск, 1706 г.: Жернаков Прокопий Федорович (4-я пятидесятня)

Жернаков Федор Иванов, городничий.

Якутск, 1720: «…на подворье у отставного казака Федора Жернокова».

А теперь к истории этой сибирской фамилии.

Она появляется в деревне, многие выходцы из которой впишут в летопись славы сибирского казачества свои имена золотыми буквами.

«Деревня на Абалаке Яркова. Во дворе оброчный крестьянин Васька Ярков. У нево братья Михалка да Афонка. Пашни у двора на горе паханные середние земли 12 четей да перелогу 2 чети с осминою в поле а в дву потому ж. Сена косит в Абалацком лугу 300 копен. У Васки ж отъезжая пашня в дубровы позади стрельца Михалка Смольянинова. Паханные середние земли 14 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 28 десятин.

Во дворе новоприбылой крестьянин ***Павлик Жерноков*** *у нево сын Жданко. Пашни паханные середние земли 7 четей с осминою в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 6 десятин. Сена косит в дуброве в лугу 30 копен. А по скаске ево он Павлик во крестьяне взяв подмогу у вдовы у Ярковской у жены Федулейки во 130-м году а государева оброку Федулейкина тягла снял с себя пол десятины бес получети и платит оброк в государеву казну посопным хлебом за Федулейку Ярковскую с полу десятины бес полу чети в той же Яркове деревни у Васки и у Павлика ево вопче поскотинной земли восьмь десятин».*

Следующий этап сибирской истории Жерноковых:

«Некоторые плотники наследовали ремесло отцов на протяжении многих десятков лет. Так в 1681 году в Усть-Илге работал судовым плотником Ганька Иванов сын Жернаков, а в 1744 году ремесло это вели его потомки, причем сын Ганьки — Иван Жернаков умер в возрасте свыше 70 лет, передав своим детям унаследованное им ремесло. Фамилия эта до сих пор встречается в Жигаловском районе» («Илимская пашня», В. Шерстобоев).

Федор Жерноков участвовал в подавлении Харчинского бунта в отряде солдата А. Змиева.

Жилин Дмитрей + – –

Якутск, 1691 г.: служилый Ивашко Гаврилов Жилин

В 1689 году эта фамилия встречается в списке беломестных драгун деревни Утяцкая «при реке Тоболе» и в деревне Каргополова Тобольского уезда.

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева

Заливин Иван + – – (участник подавления Харчинского бунта)

Заливины — изначально тарские, впоследствии и тобольские, дети боярские. Иван Заливин, вероятно из многочисленных тобольских Заливиных.

В 1731 году он был участником подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

Зуев Иван – + – (находился «под караулом»)

В 1730 году, согласно реестра «Восточного Гавриила» находился «под караулом».

Якутск, 1681 г.: Зуев Ивашко, казак (х/о); Зуев Ивашко Михайлов, казак (х/о).

Якутск, 1692 г.: Ивашко Сергеев Зуев

Зырян В. – – –

Начнем с того, что Зырян, Зырянов – это повсеместная сибирская фамилия, которая весьма красноречиво говорит о роли народа коми (и зырян, и пермяков) в присоединении Сибири к России.

Якутск, 1650 г.: Ивашко Иванов сын Зырян.

Якутск, 1692 г.: Мишка Савин Зырянов.

Якутск, 1706 г.: Зырянов Андрей (4), убит на Камчатке в 1707 г.; Зырян Ефтифей Абрамов (17-я пятидесятня); Зырян Афанасий Иванов (5-я пятидесятня); Зырянов Иван Иванов (6-я пятидесятня).

Якутск, 1720 г.: «Служивой Афонасья Шестакова набору Дмитрей Мартынов сын Зырянов сказал дватцети шти лет холост».

В Верхнекамчатском остроге в 1712 году служил Федор Зырян. Он был из партии Верхнекамчатского заказчика Константина Киргизова, состоявшей из тобольских казаков, но не принимал участия ни в грабеже Нижнекамчатского острога, организованного Киргизовым, ни в дележе награбленного. Поэтому вполне возможно, что Федор Зырян из тобольского отряда казачьих детей, набранных Владимиром Атласовым.

Федор Зырян готовил бот «Святой Гавриил» к плаванью: «Сего 731 году июля 9 дня посланная партия на боту «Гавриле» прибыла в камчацкое устье, а по ея и.в. указу и по определению посланной партии велено нам итти на море к анадырскому устью к г-ну капитану Дмитрию Ивановичю Павлуцкому для проведывания морских островов. А в указе е.и.в. блаженные и вечнодостойной памяти написано, велено посланную партию с надлежащим довольствием, без чего по самой нужде пробыть неможно, отправлять без задержания, а ежели кто задержит и учинит остановку, и то взыскано будет на том, а за противность указу судим будет по военному артикулу.

Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: …Евдокима Ворыпаева, Спиридона Перебякина, Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, бес чего посланной партии всеконечно пробыть неможно.

А тобольские Зыряны входили в старую сотню из казаков ермаковского периода. Вот данные за 1623 год: «Деревня в Вершине на речке Медянке

Во дворе пеший казак Семейка Яковлев Зырян. Пашни паханные середние земли 6 чети с полуосминою. Перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. Лесу пашенново дубровы 8 десятин поскотинные луговые земли чистово места 4 десятины. Сена косит около пашни 150 копен».

А в 1815 году в Петропавловском порту проживал отставной казак Иван Федорович Зырянов.

Исаков Иван + – – (якутский казак)

Якутск, 1639: Исаков Якунка, тобольский пеший казак станицы Гавриловы Ильина.

Якутск, 1681 г.: Исаков Ортюшка, казак (х/о).

Якутск, 1692 г.: Ивашко Исаков Тобольской.

Якутск, 1706 г.: Исаков Иван (9-я пятидесятня); Исаков Тимофей (4-я пятидесятня).

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева

Клестов Никифор + + –

Участник подавления Харчинского бунта 1731 года в составе отряда солдата А. Змиева.

Никифор Клестов в 1748 году записан разночинцем Большерецкого острога.

Клестовы — это томская казачья фамилия.

Первоначально тобольская: в 1653 году тобольский служилый литвин Зиновий Клестов, который был прислан для службы в Енисейском остроге, позже эта фамилия появляется в Томске. В начале 1700-х годов здесь отмечены десятник Матвей Иванов сын Клестов и казачий сын Илья Клестов.

Колокольников Петр – + – (камчатский казак)

Якутск, 1720 г.: «В юрте служивой Петр Колокольников».

С.А. Гурулев рассказывает об иркутском Колокольникове:

«Колокольников (Колокольник) Иван Тимофеев (Тимофеев Иван), посадский человек с годовым оброком с человека по 10 алт., жил своим двором, был женат, 1698–1699 гг.; посадский человек с годовым оброком с человека по 13 алт. 2 д., 1704 г.

В иркутской книге «Перечневыя выписки окладных и неокладных расходов и доходов 1699–1700 гг.» записано:

“Дано из казны великаго государя от литья новых пищалей, которыя литы из присланной из Тункинска горелой меди, иркуцкому посацкому человеку Ивану Колокольнику по подрядной записи 20 р. <…> В 207 г. принято по отписке из Тункинского острогу горе- лой пушечной меди по иркуцкому весу 12 п[удов], и та горелая медь отдана была в пушечное литье колокольнику иркуцкому посадско- му человеку Ивашке Тимофееву, да к той же вышеписанной горелой меди вышло в расход в прибавок в литье в дву котлех 2 п[уда] 30 ф[унтов] меди уши и обручи железные, которые были в приходе с съезжаго двора, да московския присылки полпуда олова. Всего меди и олова дано 14 п[удов] 34 ф[унтов] опричь железа, а железо вынято в ушах и в обручах 16 ф[унтов], а на угар ему зачтено пуд 23 ф[унта] и из вышеписанной меди и олова и из литья от него, Ивашки Колокольника, принято в казну великаго государя 5 пищалей: первая весом 3 п[уда], длина аршин пять вершков, другая весом…”.

В Томске в 1707 году служил в толмачах Иван Григорьев сын Колокольников.

Первым на Камчатку прибыл Степан Колокольников, в 1712 году он служил в Нижнекамчатском остроге и присоединился к отряду грабителей Константина Киргизова. По-видимому, оставлен в «вечное житье» на Камчатке, так как: «В мае 1716 г. в Курильскую землю был послан отряд Степана Колокольникова. Он призвал в ясак четыре человека. «А непокорные идти не похотели и на бой со служилыми людьми становились и их смирял он разным боем. И был он на р. Авачике и там неясашные иноземцы в ясашный платеж не идут».

В 1748 году В Большерецком остроге в числе разночинцев записаны Кондратий и Лука Колокольниковы. Возможно, Петр из этой семьи.

А вот и дальнейшая история Петра Колокольникова: «Начало экспедициям русских промышленных людей в Тихий океан

положила “складственная компания”, в которую входили “служилые” Емельян Басов, Евтихий Санников, “промышленные” Попов, Холщевников, “посадские” Д. Сосин, Паншин. Не имея средств, они решили, однако, строить судно. Найденный ими мастер Петр Колокольников согласился построить шитик в долг, с уплатой по возвращении из путешествия. Судно называлось “Капитон”». (Андреев А. И., «Первые исследователи Алеутских островов»).

Вероятно, Петр Колокольников был в команде ботового подмастерья Ивана Спешнева.

Коринцов Иван + – – (иркутский казак)

«Пищик». Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

17 апреля 1645 года Курбат Иванов прибыл в Илимский острог: «8 мая послал он служилого человека Мишку Сорокина с тынгусом и с Можеулем к братцким людем в Икирежи для государева недоборново ясаку и велел ему Мишке говорити, все то наговоря тунгусу толмачем, что они братцкие люди икирежи и бунгудаи и коринцы и батулинцы к государю ясак сулили и на том дали шерть».

Вероятно, Иван был из племени коринцев. Среди сибирских казаков было много представителей коренной Сибири – сначала они были толмачами и проводниками, а потом поднимались вверх по служебной линии.

Коровин Степан – + –

Казаки Коровины служили в Тобольске и в Нерчинске.

Деревня Бердюгина на реке Тоболе, 1683 г.

Микитка Омельянов сын Коровин, в уезде Соли Вычегодцкой Лалского погосту в деревне Пестове

Нерчинск, 1721 г.: нерчинской конной казак Дмитрей Коровин 27, дети ево сын Влас 10; нерчинской казачей племянник Михайло Коровин 44, дети ево сын Семен 3.

По материалам переписи Нерчинска за 1744 год: [отправлен] на Камчатку Василей Дмитриев сын Коровин.

Его вероятный дед — Василий Коровин — был «приверстан в указное число 202 [1694] году сентября в 1 день» из пеших в конные нерчинские казаки.

Костров Степан + – –

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

Возможно, Костарев — казачья фамилия, распространенная в Верхотурье, Нарыме, Енисейске.

Нарым, 1627 г.: Костаревы (родоначальник — казак Федор Афанасьев сын Костарев-Вымитин).

Тобольск, 1694 г., Сотня Арамильской слободы, беломестные казаки: Васка Костарев, Пронка Костарев.

Енисейск, 1662 г.: Стенка Юрьев Костарев

Нерчинск, 1694 г.: Степан Костарев

Круглой Андрей – – +

Возможно, эта фамилия из Красноярска. Н.Н. Оглоблин «Красноярский бунт 1695–1698 гг. (К истории народных движений XVII века) отмечал: «…в воеводской партии было немало «черкас и литовских (белорусских и польских) ссыльных людей», например: Григорий Пахоруков, К. Круглой, Ф. Смоленской, Б. Лазицкой, П. Рачковской, С Криской, Т. Метельской, И. Собачевской, М. Воробьевской, И. Кручинка, М. Чеснок, Н. Холай, А. Ханда и др.».

Крупышев Трифан – + –

В Тауйском остроге в 1729 г. Шестаков оставил под командой **казака Т. Крупышева** и **гренадера С. Селиванова** наряд служилых людей «на заячьи промыслы и для строения шерхбота и починки судна» («Восточного Гавриила»). В остроге также находился местный приказчик **Андрей Тарабыкин** со своими казаками-годовальщиками». «Остальные служилые в Тауйске были поручены **арестанту Крупышеву, который был доставлен в Охотск из Камчатки, под арестом, за бунт и взят Шестаковым в экспедицию, с тем, чтобы наказание над ним было совершено впоследствии (и Крупышев позже был приговорен к наказанию кнутом и ссылке на р. Аргунь)**».

А вот и более интересная версия Н.Л. Бушнева о Крупышеве — первом из русских, кто якобы увидел Аляску:

«Лишь в 1865 году вышла в свет книга, в которой иностранец Т. Кюльб о путешественниках России писал: “Русские уверились также и в том, что Америке нельзя быть далеко: могли только понять, что никто еще не заходил на нее из множества путешественников, проезжавших в этих краях. Казак Трифон Крупы-

шев, которому следовало со вспомогательным отрядом обогнуть мыс с моря и примкнуть к отряду Шестакова, надобно полагать, был прибит к неведомому мысу бурей. Он плыл два дня у незнакомого берега, но ничего не мог узнать от посещавших его туземцев, кроме того, что земля у них велика и покрыта лесом, и воротился на Камчатку".

Очень интересные сведения, но опять же у иностранцев есть, а в России этого донесения не сохранилось. Кто же такой Крупышев? Когда он попал к берегам Америки? Известно, что в противостоянии друг другу руководители экспедиции того времени Афанасий Шестаков и Дмитрий Павлуцкий окружили себя преданными им людьми. У казачьего головы Шестакова таковыми были матрос Леонтий Петров, монах Игнатий–Иван Козыревский, гренадер С. Селиванов и казак Трифон Крупышев. Им Шестаков доверял важные посты и поручения в осуществлении своих замыслов. Так, простого матроса Л.Петрова он вознес до своего непосредственного помощника, доверив ему ведать всеми припасами экспедиции. И не мудрено, что вкусивший власть матрос даже позволил себе избить старшего по чину штурмана Генса — участника той же экспедиции. В те времена это было очень "великой дерзостью".

По сохранившимся документам, перед выездом отряда А.Шестакова из Охотска в августе 1729 года Селиванов из казны выдал "нижегородцу–мореходу Н.Треске 2 троса, 22 аршина 'пестряди' тонкой и его земляку Трифону Крупышеву — 21 аршин". Мореходу Треске ткань была нужна для ремонта парусов на шитике "Фортуна" в Охотске, а для чего Крупышеву?

Оставшиеся скупые сведения от экспедиции Шестакова–Павлуцкого все же дают некоторые сведения об интересующем нас вопросе. Когда Шестаков, вышел в пеший поход из Тауйского острога, то оставил там часть служилых людей под командой Т. Крупышева и С. Селиванова "на заячьи промыслы и строения шерхбота". Кто и чем должен был заниматься в Тауйске проясняется из того, что в сентябре 1730 года штурман Генс принимает в свою команду людей у "шестаковских командиров" Л. Петрова и С. Селиванова, прибывших в Охотск из Тауйска, а Крупышева с его отрядом нет. Трифон Крупышев больше нигде не упоминается до 1732 года.

Известно, что одной из задач экспедиции Шестакова было проведывание земли, что лежит за устьем р. Колымы. Поскольку Иван

Козыревский пошел с отрядом из Лены на Студеное море, то Шестаков не мог не послать отряд из р. Колымы на поиск землиц, лежащих в том море. Значит, шерхбот снаряжал Крупышев, чтобы через волок попасть в приток реки Колымы и, сплыв в Студеное море, обогнуть мыс в поисках земли и прийти в Анадырский острог — второй опорный пункт экспедиции Шестакова–Павлуцкого, то есть по пути первопроходца семена Дежнева. Если предположить, что отряд Крупышева зазимовал в 1730 году в Нижнеколымском остроге и прошел проливом "Аниан" (ныне Дежнева) в лето–осень 1731 года, то в это время в Анадырском остроге уже правил капитан Павлуцкий со своим отрядом. Тогда уже капитан узнал от служилого Мельникова сведения о Большой земле лежащей напротив Анадырского носа и сообщил об этом в Иркутск. Поэтому, известие Крупышева, тем более бывшего любимца соперника А.Шестакова, никак не могло затронуть капитана Павлуцкого. Хотя мало вероятно, так как это плавание еще раз подтверждало наличие Большой земли. А возможно и так: помня свое противостояние Павлуцкому при жизни Шестакова, Трифон Крупышев намеренно пришел не в Анадырский острог, а на Камчатку, и его отписка о походе видимо попала в руки М.Гвоздева, возглавлявшего в то время правление Камчатки на время усмирения бунта ительменов. Не потому ли в плавании 1732 года быстро была найдена "Неизвестная" земля, на которую "противная" погода не давала высадиться экипажу судна и они дрейфовали вдаль "землицы" до последнего, рискуя жизнью на истрепанном штормами боте "Св. архангел Гавриил", пока упрямство Гвоздева не было сломлено взбунтовавшейся командой. Кроме того не дремали находящиеся на службе в России иностранцы, зачастую сборщики информации для своих государств. Так, в то время, и пропало для России это известие казака Крупышева, как и многие другие. Кстати отчеты о плавании в 1732 году к берегам "Незнаемой землицы" М. Гвоздева и И. Федорова тоже объявились лишь в 1741 году, когда уже Беринг "открыл" этот злополучный западный берег Америки. Как бы там ни было, а нам остается только поддержать заключение С.Маркова о Трифоне Крупышеве: "Он видел берег Аляски!" После своего похода Трифон Крупышев был в 1732–33 годах гонцом, связывающим руководителя экспедиции Дмитрия Павлуцкого находящегося в Анадырске с Гвоздевым восстанавливающим Нижнекамчатск. Интересна жалоба Крупышева, из

которой проясняется быт служилых того времени. В марте 1733 года он заявил Гвоздеву, что за то время, пока ездил с рапортами и указами из Нижнекамчатска в Анадырский острог и обратно, "матроз" Петров Леонтий "жену ево, Крупышева, изнасильничал блудным грехом", присвоил медный котел ценой в 30 красных лисиц, 2 мешка сладкой травы стоимостью в 20 лисиц и другие "оставшие от него пожитки", а "живучи у нево в доме", матрос продал всех нартовых собак, "кормы рыбьи издержал и во всем ево, Крупышева, раззорил".

По указу Павлуцкого в 1733 году Трифона Крупышева с женою и детьми выслали "на посад" в Олюторский острог "понеже оной острог построен вновь и населяетца людьми".

Вот так история приоткрывает имена истинных первооткрывателей "чаемой" землицы Америки, каким и был простой казак–нижегородец Трифон Крупышев, побывавший у западного берега Америки на 10 лет раньше знаменитого Витуса Беринга, и на год раньше М.Гвоздева и И.Федорова. К человеку взявшему на себя такое задание и одолевшему на примитивном суденышке этот труднейший путь в водах заполярья определение "простой казак" — не подходит. Видимо это был незаурядный человек каких выдвигало вперед суровое время тогдашней России».

Куклин Петр – – – (камчатский казак)

Якутск, 1639 г.: Якушко Михайлов Куклин, тобольский казак станицы Якова Елизарьева/

«Якунька Михаилов сын и Перфирьев он же Куклин в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

Якутск, 1691 г.: Ивашко Яковлев Куклин.

В 1696 году Иван Куклин был в составе отряда Владимира Атласова, а в 1702 году — в составе первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева.

В 1710 году мы находим Ивана Яковлевича в Тобольске: «Двор купленой втораго пешего полку пятидесятника Ивана Яковлева прозвание Куклина а он послан на Тюмень для государевых запасов жена ево Настасья Иванова дочь сказала ему 53 года ей 40 лет у них дети сын Никита полутора году дочери девки Дарья 13 лет Наталья 6 недель у негож живут брат ево родной тогож полку отставной казак Петр Куклин 67 у него жена Ографена Степанова дочь 60 лет».

Как видим, имя Петр было у Куклиных в роду.

В 1748 году Петр Куклин (Куплин) продолжал служить в Нижнекамчатском остроге.

Малышев Алексей – + – (якутский или иркутский казак)

Якутск, 1681 г.: Малышев Офонька Романов, казак (х/о).

Якутск, 1691 г.: Савка Володимеров Малышев.

Якутск, 1706 г.: Малышев Сава, сын боярский.

Камчатка, 1711 г.: Дмитрий Малышов проводил допросы взбунтовавшихся казаков вместе с приказчиком Василием Колесовым.

Якутск, 1720 г.: «Служивой Алексей Савельев сын Малышев сказал дватцети четырех лет холост».

И из Иркутска в 1722 году взяли на службу в Камчатские экспедиции Алексея Малышева.

Мешков Алексей – + – (камчатский казак)

Якутск, 1651 г., казак Федор Мешков

Якутск, 1706 г.: Мешков Василий Федоров (12-я пятидесятня)

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Алексей Федоров сын Мешков дватцети дву лет брат ево Михайло тритцети дву лет в службе по скаске матери их посланы Великого на службу на Камчатку в 716 м году… да в том же дворе живет зять их Григорей Уваров и он Григорей послан на службу на Камчатку а по скаске жены ево ему Григорью дватцеть шесть лет».

В 1748 году в Нижнекамчатске служат в казаках Иван и Федор (толмач) Мешковы.

Нечаев Николай – + – (камчатский казак)

Якутск, 1720: «Служивой Якова Ельчина набору Спиридон Ярасимов сын Нечаев сказал пятидесяти лет».

В 1748 году в Большерецком остроге проживал разночинец Иван Нечаев с сыном Тихоном.

Нечаевы могли быть из Тобольска: «Микитка Нечаев во 172 м [1664] году послан в Дауры»

В 1623 году казаки Нечаевы служили в Березове.

Но более вероятно, что они из Усть-Куты, где Нечаевы были в числе известных плотников и могли быть привлечены к строительству судов на Охотском море.

Или из Томска где, по данным Дозорной книги за 1703 год отмечены: Нечаев, Иван Федоров сын; Нечаев, Иван Якимов сын; Нечаев, Кирило Якимов сын; Нечаев, Яким

Нагаев Емельян + – – (камчатский казак)

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

Нагаевы — распространенная казачья фамилия в Таре.

Но и в Томске в 1703 году отмечен казак Нагаев Василий.

Встречается она и среди крестьян Тобольского уезда.

В 1739 году С.П. Крашенинников отмечал в одном из своих рапортов: «Июня 25 дня против вышеозначенного репорта послана к ним при письме десть пищей бумаги со служивым Емельяном Нагаевым».

Наумов Алексей + – – (камчатский казак)

Участник подавления Харчинского бунта 1731 г. в составе отряда солдата А. Змиева.

Казаки Наумовы служили в Тобольске и в Илимске.

«В 1745 году коряцкий старшина Эвоита с своими сродственниками убил в Ягачине (Егачег) между Пенжиною и Переною 4-х купцов, 40 человек служилых, посланных за ясаком, иеромонаха Флавиана, студента миссии Качурова, дьячка, пономаря и служилого Наумова, следовавших в Анадырск» (А. Сгибнев)

В 1748 году в Нижнекамчатске служил Сава Наумов.

Новосельцов Макар – – + (камчатский казак)

Камчатка, 1731 г.: «К подлинному допросу вместо Федора Харчина его велением Макар Новосельцов руку приложил.

...он [солдат Змиев, руководитель карательной экспедиции] оставил в Верхнем Камчадальском остроге служимых людей Ефима Пермякова, Степана Карандашева, Макара Новосельцова и дал де им ордер, чтоб де они его, Юрлова, хранили и безвременно мучить без указу не давали, а может де быть, что он, Пашков, с подъячим Новограбленым, признав некакие притчины, его, Юрлова, и смертна замучет».

Возможно, Новосельцев из этого крестьянского рода: «Новосельцевы (Новосельцовы). Одно древо от Алексея, 1740–1892 гг., 22 персоны, с. Анга, Качугского района, Иркутской области».

Были крестьяне Новосельцевы и в Кударинской слободе Селенгинского острога.

Осколков Дмитрей – + – (убит в 1731 г.)

Якутск, 1652 г.: «...отряд Герасима Осколкова собиравший ясак с Колымы, по пути обратно в Якутск, подверглась нападению якутов. Все были перебиты».

Якутск, 1692 г.: Федька Петров Осколков

Якутск, 1706 г.: Осколков Федор Петров (14-я пятидесятня)

Дмитрий скончался от ран, полученных при штурме Нижнекамчатского острога в 1731 г.

Паранчин Федор – – + (камчатский казак)

Якутск, 1720 г.: «Во дворе Иван Яковлев сын Паранчин ... дети ево Федор двацати пяти лет в службе и он Федор послан Великого государя на службу в Оходской острог в 718 м году»; «...на подворье у сын боярского Ивана Яковлева Паранчина».

С.П. Крашенинников: «Да мне ж подарил корпорал здешнего острога Федор Паранчин японской компас медной, у которого стрелочка наверху, закрыт стеклом, утвержденным медным оботом, на оботу написаны незнаемые слова, и зделан на нем гномон медной же; крышка у оного компаса медная же, а в ней утверждено зеркало, оной компас внешним видом зделан на подобие карманных часов».

Пахолков Клим – + –

В 1618 г. в Тобольск привезли 60 литовских пахолков — военнопленных. Академик С.В. Бахрушин считал пахоликов остатками лифляндских немцев, хотя «пахолик» легко переводится с польского как слуга, оруженосец знатного шляхтича.

Но есть и другие версии: «Так, Пахолковы нередки и в соседнем Кичменгско-Городецком р-не, и севернее — в Великоустюгском, а восточнее распространены за костромскую Вохму в Кировскую обл. Этимология этой фамилии дана в словаре вятских говоров Н. М. Васнецова (“избалованный, изнеженный”)».

Поливанов Алексей + – – (камчатский казак)

Толмач.

Участник подавления Харчинского бунта: «И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришел к нам с братом

своим Степаном да Тенивина острогу тоен Нефед, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружья огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещеной Федор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людем, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес».

Вероятно, сын первого управляющего (приказчика) Нижнекамчатского острога Ивана Поливанова из отряда тобольских казаков, набранных В. Атласовым, погибшего в 1725 году на Бобровом море.

Поливановы – дети боярские в Таре и в Тобольске.

Поляков Иван – + – (иркутский казак)

В 1722 году взят из Иркутска с братом Глебом в Камчатские экспедиции.

Поляков Лаврентий + – + (камчатский казак)

Якутск, 1720 г.: «служивые набору Якова Ельчина Лаврентей Поляков двацети семи лет»

Портнягин Иван + – – (камчатский казак)

Якутск, 1691 г.: Новокрещен Васка Родионов Комвяк в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Васькино место казачей сын Ивашко Осипов Портнягин в женатой оклад».

Якутск, 1706 г.: Портнягин Иван Осипов (3-я пятидесятня); Портнягин Михайло Осипов (8-я пятидесятня).

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служилово Михайла Осипова сына Портнягина ... а Михайло послан Великого государя на службу в Жиганы в 717 м году».

Попов Павел + – – (камчатский казак)

Это был спасшийся в 1731 году во время бунта камчадалов и захвата ими Нижнекамчатского острога нижнекамчатский казак, донесший о нападении камчадалов членам экипажа бота «Святой Гавриил» и казакам, находившимся на устье реки Камчатки.

Возможно, его отец Попов Петр Дементьев сын, казак из десятой пятидесятни Якутского казачьего полка, служивший в 1712 году в Нижнекамчатске и присоединившийся к «воровской» команде верхнекамчатских казаков К. Киргизова, напавших и ограбивших Нижнекамчатск.

Фамилия была распространена повсеместно, так как детей попов, дьяков, дьячков, протопопов, игумнов тоже верстали в казаки.

Привалихин Алексей – + – (камчатский казак)

Возможно, правильнее Приволокин: в 1706 году в 16-й пятидесятне Якутского казачьего полка служил Приволокин Трифон Филатьев.

Фамилия Привалихин встретилась нам в списках крестьян Белоярской Течинской слободы Тобольского уезда.

В 1740-х годах оставил свою фамилию при крещении камчадалов)

Раздобреев Семен + – –

Фамилия встречалась в Иркутске, в Ундинской слободе в деревне Лесковой, среди крестьян.

Ребров И. – – – (иркутский казак)

Иван Ребров был взят в Камчатские экспедиции из Иркутска в 1722 году.

Якутск: «...по государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено быть в пятидесятниках на Ивашко место Пермяка в его окладе тобольскому казаку Ивашку Иванову сыну Реброву которой отпущен был в прошлом во155-м [1647] году в заменное число и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов по государеве грамоте ему Ивашку быть велели в пятидесятниках».

Это был знаменитый землепроходец Иван Иванович Ребров.

М. Белов: «В 1666 году в Якутске умер знаменитый мореход, открывший Яну и Индигирку, сын боярский Иван Иванов Ребров. Его дело продолжал приемный его сын Андрей Пермяков [155] [ЯА, карт. 22, ст. 1, 1667. Дело о передаче имущества умершего Ивана Иванова Реброва его внучке Аксинье Ребро-

вой.], отец мореплавателя Якова Пермякова, впоследствии принимавшего участие в открытии Ново-Сибирских островов».

В 1661 году приемный сын Реброва отмечен как Ребров Андрей. Возможно, И. Ребров — из этой семьи Пермяковых-Ребровых.

Садовников Иван – – +

Казаки Садовниковы служили в Енисейске, Иркутске, Илимске.

Саламатов Афонасей + + – (якутский казак)

Распространенная томская казачья фамилия.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе таможенной надзиратель Иван Федоров сын Лялин… у него ж живет служивой Афонасей Осипов сын Саламатов и он Афонасей послан Великого государя на службу в Оходской острог».

Санинков (Санников) Мирон + – – (камчатский казак)

Тобольская казачья фамилия: дер. Санникова на речке Сузгунке; дер. Санникова на речке Кундуске.

В 1706 г. в первой пятидесятне Якутского казачьего полка служит Санников Лука Стефанов сын. А в 1748 г. в Якутске служит его сын Яков Лукич Санников.

Возможно, из этого рода Мирон и Евтихий Санников (первый промысловый мореход Русской Америки, который в 1743 году повел на остров Беринга первое промысловое судно).

Мирон Санинков (Санников) был участником подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

Световой (Святовой) Иван + + –

Участник подавления Харчинского бунта в отряде солдата А. Змиева.

Скурихин Илья + – +

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда солдата А. Змиева.

В 1704 году на реке Большой погиб Андрей Скураха.

В Енисейске в 1639 году служил Ганка Скурихин. Вполне вероятно, что корни погибшего Андрея Скурахи и Скурихина Ильи оттуда.

Семен Таюрзской – + – (утонул)

Согласно реестра «Восточного Гаврила» 1730 года: «в море утонул: выкинуло волною в шхерботе в море».

Теребяков Максим + – – (камчатский казак)

Или Перебякин.

Перебякины были в числе первых камчатских поселенцев. Афанасий Перебякин умер (вероятно, от ран) в 1703 году, Никита Перебякин погиб в 1707 году, Спиридон Перебякин служил толмачем в 1731 году.

Участник подавления Харчинского бунта в составе команды солдата А. Змиева.

С.П. Крашенинниктов (1739): «Генваря 22 дня отпустил я бывшего при мне в толмачах от Верхнего до Нижнего Камчатского острога казачьего сына Григорья Дурынина, а на место его Нижнего Камчатского острога от приказной избы определен служивой Спиридон Перебякин».

В 1740-х годах оставил свою фамилию при крещении камчадалов.

Томилов Григорей – + – (камчатский казак)

Якутск, 1692: «Иван Томилов в нынешнем в 200 м [1692] году идучи в Охотцкой острожек от иноземцов убит».

Якутск, 1720 г.: «Служивой ево ж Афонасья [Шестакова] набору Алексей Борисов сын Томиловых сказал сороки лет»; «… в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока лет».

Томиловы – распространенная казачья фамилия в Тобольсске.

В команде «воровского атамана» Данилы Анцыферова в 1711 году были Томилов Данила и Томилов Дмитрий.

Томилов Григорий по итогам следствия по Харчинскому бунту был бит кнутом в Большерецком остроге. В 1738 году числится в большерецких разночинцах.

Томской Иван – + – (не явился на службу, якутский казак)

«…прислан в реестре, и оной в Охоцку на восточное судно не явился».

Якутск, 1692 г.: «Гришка Федоров Томской в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой казачей оклад».

Якутск, 1706 г.: Томской Иван Корнилов служит в 11-й пятидесятне Якутского казачьего полка. Возможно, этот тот самый Иван Томский, который участвовал в грабеже купеческого дощаника на реке Тунгуске (Ангаре), организованном В. Атласовым.

Якутск, 1720 г.: «… в том же дворе живут служивой Иван Томской и он послан Великого государя на службу в Оходцкой острог а по скаске жены ево ему Ивану тритцеть лет».

Удалой Иван – + + (якутский казак)

Якутск, 1720 г.: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые… Иван Петров сын Удалов двацети семи лет».

Усов Иван – + –

Якутск, 1691: «Кирилка Давыдов Усов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Кирилково место казачей племянник Микитка Микифоров Чертовских».

Казачья фамилия, широко распространенная в Тобольске и Томске.

Хмылев Михайло – + – (камчатский казак)

Хмылев — распространенная казачья фамилия в Тобольске и Томске.

Афанасий Шестаков 23 ноября 1729 г., вышел из Тауйска в поход в Корякскую землю. «В его партии находилось 107 чел. (по другим данным 106 чел.), в том числе 17 служилых, писарь казак Осип Хмылев».

В 1740-х годах оставил свою фамилию при крещении камчадалов.

Хорошев (Нехорошев) Григорей + – + (участник подавления Харчинского бунта)

Встречаются оба написания этой фамилии.

Нехорошко Михайлов — тобольский казак станицы Ивана Александрова и Нехорошко Аврамов — тобольский казак станицы Клима Бобошина направлены в 1639 году служить в Якутию.

«Томской казак Нехорошко Иванов сын Кривой на государеве… на новой на Охоте реке послан… во 154-м [1646] году».

«Нехорошко Аврамов сын Пеняжанин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году».

«Нехорошко Шабанов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье».

«Нехорошко Микитин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы»

«Матюшка Перфирьев сын прозвищем Нехорошко на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году»

«Михалко Вопилов а в его место Нехорошко Гаврилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку»

«Нехорошко Яковлев сын Баков в его место казачей брат Семейка Леонтьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку»

Нехорошко Никита — якутский казак (1663).

А вот и другой вариант:

Енисейск, 1669: «(д[вор]) служилово человека Васки Агапитова Хорошево, у него сын Ермолка в посадеи писан в посадских книгах».

Участник подавления Харчинского бунта в составе отряда А. Солдатова

Чагин Сава – + – (погиб)

Фамилия распространенная в Красноярске и Иркутске.

Сава Чагин погиб при штурме Нижнекамчатского острога, захваченного восставшими камчадалами в 1731 г.

Чешкин Тимофей + – – (камчатский казак)

Участник карательной экспедиции по подавлению Харчинского бунта в отряде солдата А. Змиева.

В 1740-х годах оставил свою фамилию при крещении камчадалов — Чешкин (Гешкин, Тескин, Тезкин).

Шадрин Д[митрий] – – –

В 1721 году из Нерчинска в Камчатские экспедиции были отправлены «Нерчинской пеший казак Гаврило Шадрин 27 брат ево Иван 22».

Предположительно, их отец: «Стенка Шадрин в 201 [1693] году марта в 7 день поверстан в пятидесятники в Миткино место

Дыдыкина и писан выше сего а в ево оклад в пешую службу приверстан казачей брат Потапко Алимпиев марта в 21 день».

Шарыпов М[икита] – – –

В 1706 г. служит в 4-й пятидесятне Якутского казачьего полка.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Семен Никитин сын Шарыпов… брат ево Федор восмнатцати лет в службе и он Федор послан на службу Верховилюйское зимовье».

Возможно, родом из Тобольска.

Шаньгин Иван – – +

Шаньгин мог быть из Илимска:

«1699 г., мая 30. —

Челобитная илимского воеводы стольника Б. А. Челищева на руководителей илимского восстания и выборное управление города:

И в прошлом, государь, в 205-м году умысля воровски бунтовщики Ивашко Качин, Гаранька Учюжников да Стенька Шангин с товарыщи, хотя меня, холопа твоего разорить напрасно и велели бирючю кричать чтоб мне, холопу твоему, нихто хлеба не продавал, а будет хто станет продавать, и тем людем чинить наказанье и имать пени, и о том памяти посылали и купленой хлеб на дороге отнимали и людей моих в тюрьму сажали, ис того моего хлеба пиво варили. И знамена выносили, а под знаменами были атаманами Васька Воронетцкой да торговой человек Максимко Месецов, и порох из твоей, великого государя, казны имали и пушки и ружье нарежали и на двор итти ко мне, холопу твоему, для грабежу хотели. И я, холоп твой, убоявся смерти и конечного разорения ту вышеписанную рухлядь отдал. Да я ж, холоп твой, отдал коня рыжава, цена 10 рублев. И взяв рухлядь и коня, порох из пушек, из ружья в городе стреляли и с рухлядью поехал в Китай Стенькин брат Шангина Мишка Шангин с племянники с Ондрюшкою Боженовым да з Данилком Трофимовым, да Гаранькин свояк Учюжникова Ондрюшка Толстоухов».

Мог быть из тобольских крестьян Шангиных, которые, в свою очередь, сообщали в 1683 году, что родились «в Перми на Сысоле реке в уезде Еренского городка в Межадорской волости».

Якутск, 1720 г.: «Во дворе [служивой] Стефан Иванов сын Шангин… Служивой новокрещен Василей Борисов сын Шаньгин сказал сороки лет».

Шигин Иван + – – (толмач, камчатский казак)

Его отец — Шигин Иван Михайлович в 1706 году служил в 16-й пятидесятне Якутского казачьего полка, умер на Камчатке в 1712 году.

Толмач, Иван [Иванович] Шигин — участник карательной экспедиции по подавлению Харчинского бунта: «И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришел к нам с братом своим Степаном да Тенивина острогу тоен Нефед, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружья огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещеной Федор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людем, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес».

Якутск: «Исачко Оксентьев в прошлом во 1996-м [1688] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Исачково место казачей брат Ивашко Михайлов Шигиных в холостой оклад в рядовые казаки».

Щеглов Федор + – –

Участник карательной экспедиции по подавлению Харчинского бунта в отряде солдата А. Змиева на р. Хайрюзовой.

Казаки Щегловы служили в Илимске.

* * *

СУДЬБЫ ПИОНЕРОВ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Иван Федоров. В «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америке» — о нем лишь сверхкороткая справка: происходил из «людей боярских». Таких на Руси не водилось — были «дети боярские», служилые люди. Он окончил Навигацкую школу (1710–1713). В 1717 году направлен в распоряжение Адмиралтейской коллегии. С 1728 года в составе экспедиции А. Шестакова, подштурман, командир бота «Восточный Гавриил», который под командованием Штурмана Я. Генса

потерпел крушение у берегов Западной Камчатки (в районе устья реки Утка) в 1730 году. Под командованием геодезиста М.С. Гвоздева совершил (будучи больным) плавание к берегам Аляски и, вернувшись на Камчатку, умер 12 февраля 1733 года.

У Л. Гольденберна есть сообщение о последних днях его жизни:

*«Через несколько дней после прибытия из морского похода Гвоздев через ясачную избу устроил больного подштурмана жить в остроге. С 3 октября Федорова "поставили" на квартиру к служилому **Ивану Каташевцову**, дом которого в конце июля 1731 г. Гвоздев и Спешнев занимали для допроса участников восстания. Но желанная "фатера" на берегу не принесла удовлетворения и покоя, наоборот, последние месяцы жизни подштурмана были серьезно омрачены. В написанном за неделю до смерти извете 4 февраля 1733 г. Генсу Федоров сообщил о выпавших на его долю невзгодах. Хозяин квартиры по каким-то причинам невзлюбивший постояльца, часто бранил его, предпринимал попытки силой "изгонять с фатеры долой". 11 ноября Каташевцов в присутствии Л. Петрова "бил меня больного и квечил, — писал Федоров, — и весьма больно повредил мне мою больную ногу и розшип до крови"; с 9 января — не давал дров топить квартиру; 23 января в часовне при свидетелях "похвалялся смертным убивством"; 27 января пытался взломать потолок и вновь угрожал ("я де з задору теперь семьдесят лисиц пропью, а тебя де прибью"), наконец осквернил бочку с рыбой, купленную за 3 лисицы.*

Тяжело больной, беспомощный, затравленный хозяином дома Федоров не вынес последних ударов судьбы. Все представления предшествующих исследователей о И. Федорове, как стало теперь очевидным, не состоятельны, ибо они противоречат показаниям исторических источников. В отличие от М. Гвоздева И. Федоров — трагическая, а не героическая личность».

Матрос **Леонтий Петров**. Был фаворитом в команде Афанасия Шестакова и, по всей видимости, не утратил «задора» и после его смерти, подав, по возвращении из плавания на Камчатку «Слово и Дело» против Михаила Гвоздева. Был закован в кандалы и под караулом отправлен в Охотск, а затем в Санкт-Петербург, где был приговорен к каторге.

А дело было так.

Л. Гольденберг: «23 января 1733 г. Крупышев заявил Гвоздеву, что за то время, пока он ездил с рапортами и указами из Нижнего в Анадырский острог и обратно, Петров «жену ево, Крупышева, изнасильничал блудным грехом», присвоил медный котел ценой в 30 красных лисиц, 2 мешка сладкой травы стоимостью в 20 лисиц и другие «оставшие от него пожитки», а «живучи у него в доме», матрос продал всех собак, «кормы рыбти издержал и во всем ево, Крупышева, разорил». По этому заявлению Петров был допрошен, но к «допросу руки не прилежал» и неожиданно, как позднее объяснял геодезист, «показал в ясашной на меня дела государева…».

И вот итог.

Гольденберг: «Матрос Л. Петров на очной ставке в Сибирской губернской канцелярии и при допросе в канцелярии Тайных розыскных дел заявил, что "важности по тем пунктам ни за кем он не знает и от помянутого Генса и Гвоздева ни от кого не слызах, а затеел напрасно". Тайная канцелярия отослала Петрова в московскую Адмиралтейскую контору "для учинения" наказания в соответствии с законодательством за лжесвидетельство. …На основании указа 11 октября 1733 г. за "лживый донос" Петрову в Москве "учинено наказанрие: гонян тамо шпицрутен сквозь пятьсот человек пять раз". Для определения матроса к дальнейшей службе 20 ноября 1736 г. он был прислан в Адмиралтейскую коллегию, а оттуда 16 декабря того же года переправлен в Кронштадт».

Служивый **Илья Скурихин**.

Также объявил «Слово и Дело» на судового подмастерья Ивана Спешнева. Был закован в кандалы и под караулом отправлен в Охотск. «Благодаря» доносу Ильи Скурихину в российской исторической и географической науке появились сведения об открытии Аляски членами морской экспедиции покойного Афанасия Шестакова.

Геодезист **Михаил Спиридонович Гвоздев**.

Л. Гольденберг посвятил его памяти книгу. Михаил Спиридонович не был новичком в морском деле: он учился в 1716–1719 гг. в Московской навигацкой школе, а затем в Морской академии, которую окончил в 1721 году. Не понятно по какой причине в вышеупомянутом «Морском биографическом справочнике…» он указан членом 1-й Камчаткой экспедиции, но во 2-й экспедиции он принял участие, правда, промежуток между 1735 и 1738 годом его жизни (и жизни другого руководителя морской экспедиции А. Шестакова Якоба Генса) был «заполнен» тюремной от-

сидкой по ложному доносу матроса Леонтия Петрова (Генс умер в тюрьме). Хоть и был реабилитирован, но отправлен служить в Охотск… Умер в 1759 году, будучи в отставке в чине подпоручика геодезии. 1000 рублей награды за открытие Аляски ему никто не дал. А ведь именно Михаил Гвоздев, помимо этого открытия, составил первую – самую точную для того времени – карту Берингова пролива.

Мореход **Кондратий Федорович Мошков**. О его жизни после этого великого открытия в «Морском биографическом справочнике…» лишь сообщение о том, что он умер после 1732 года.

Гольденберг: «Главной задачей для камчатских правителей (ими на тот период были М. Гвоздев с И. Спешневым. — *С.В.*) *стало срочное исполнение полученных летом предписаний из Охотска. В первую очередь было решено представить всех "здешних партовский* (то есть из морской партии. — *С.В.*) *служителей к смотру, чтобы с общего согласия разопределить" по острогам "указное число" (60 человек). Следует здесь подчеркнуть, что во второй половине 1733 г. камчатская партия бывшей экспедиции Шестакова-Павлуцкого практически расформировывается, ее рядовые участники распределяются в остроги для несения караульной службы и строительства, часть служилых направляется в Якутск и в Охотск. Небольшая группа вошла в состав экипажей "Св. Гавриила" и "Фортуны".*

23 июля М.С. Гвоздев составил и передал Генсу к смотру именной "Реэстр партовским служителям…". В этом перечне перечислены 66 человек из Нижнего Камчатского острога, в том числе солдат К. Полежаев, кузнец А. Соломатов, "у приема казны" М. Бескетов, "у записки» И. Шишкин; в Верхнем Камчатском остроге — С. Карандашов; в Большерецком остроге — посланный от партии за сбором ясака на Курильские острова А. Шергин и с ним солдат К. Назаров и 18 служилых людей; при И. Спешневе — В. Шестаков, А. Мешков, Л. Поляков и А. Колесников (РГА ВМФ, ф. 216, д. 4). Всего 91 человек. В другом реестре Гвоздев "извещает, коликое число у солдат и служилых людей имеетца ружья, пороху и свинцу и амуниции". Например, Андрей Верхотуров – у него фузея, фунт пороха, 20 жеребьев (Там же, д. 5).

После осмотра в тот же день в "указное 60-е число" в команду Гвоздева — Спешнева для распределения по острогам поступило 49 человек. По требованию геодезиста были оставлены

на Камчатке "для толмачества иноземческих допросов" Ефим Пермяков и Алексей Поливанов. В течение августа произошли некоторые замены. Так, вместо Л. Полякова, просившего оставить его в остроге, на бот "Св. Гавриил" отправился Е. Босиков, один человек из судовой команды был оставлен на берегу вместо Н. Нечаева, находившегося "у приему и у продажи казенных товаров". Наконец, формирование камчатских гарнизонов завершилось 5 сентября, когда к Спешневу в Большерецкий острог "в добавок" отправилось еще 9 человек (Там же, д. 5). В свою очередь подмастерье отправил 4 сентября к Генсу на бот Семена Бескова с товарищами (10 человек) — переведенцев, назначенных к поселению в Охотск. Из них по просьбе С. Гардеболя, казак П. Волынкин, находившийся у пробирного мастера для охраны имущества, был заменен С. Высотинским (Васютинским? — *С.В.*), *временно прикамандированным "для указывания и взятых некоторых каменьев"».*

«В.Ф. Мерлин (майор Якутского пехотного полка, руководитель Розыскной канцелярии по расследованию причин Харчинского бунта 1731 года на Камчатке. — С.В.) приказал Генсу отобрать из прибывших матросов, мореходов, солдат и служилых артии 20 человек «лутчих для морского пути, без которых в морском пути пробыть невозможно», включив в это число А. Гиляшева, Д. Шадрина и Г. Хороших».

«В результате тщательного отбора из 48 человек партовской» команды 27 получили направление в Якутск.

И есть сведения и Петре Куклине:

*«Потапов, прибыв в Анадырской острог, жил до октября месяца 747 году, а в октябре из Анадырска Поехали в Олюторской острог, которой еще тогда был не в измене, за сбором ясака сборщик Михайло Сорокоумов с командою, то де и он, Потапов, для осмотру Акланского острогу, в каком состоянии оной находится, попутно и поехал, и едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовщиками Ефремом Котельниковым, с **Петром Куклиным**, да с Егором, а чьих прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и созжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками, а у кого оная пороховая казна и пушка и оружие имеютца, того он, Потапов, не знает,*

токмо де нашли одну фузею, покинута в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новогородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивиэра фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чюдотворца и псалтырь, в чем имеет за рукою ево росписку, которую объявляет при сем допросе».

То есть, многие из пионеров Русской Америки влились в ряды строителей новых военных крепостей и стали членами военных гарнизонов, по сути продолжая военную экспансию, развязанную Дмитрием Павлуцким. Кстати, имя сына Дмитрия Шадрина мы встречаем в списках гарнизона Тигильской крепости.

* * *

А морские экспедиции продолжались, и в них по-прежнему принимали участие сибиряки.

И, вроде как, мало что поменялось – экспедиции, как правило, шли плохо подготовленными.

Забегая далеко вперед, вспомним, что 8 августа 1785 года было официально утверждено постановление о снаряжении астрономической и географической экспедиции, главной задачей которой ставилось изучение северо-восточного побережья России, морей и островов в северной области Тихого океана, северо-западного побережья Америки.

Руководителем экспедиции был назначен доселе никому не известный в России капитан Иосиф Иосифович Биллингс.

Благодаря активному участнику этой экспедиции Гавриилу Андреевичу Сарычеву о ней в истории сохраняется такое же положительное мнение, как и об экспедициях Беринга, — как, безусловно, принесших российской географической науке великую славу. А как могло быть по-другому, если флагманом этой экспедиции было судно «Слава России», а одним из участников – внук самого Витуса Беринга Христиан Тимофеевич, а командиром – участник экспедиции самого Джеймса Кука.

Но и на этот счет есть мнение человека, которого я, безусловно уважаю, зная о его беспристрастности в исторических оценках, с одной стороны, а с другой – как живого свидетеля тех далеких событий. Речь идет о Владимире Ивановиче Штейнгейле, детство и юность которого прошли на Камчатке.

«Должно упомянуть здесь о самом Биллингсе. Он как наемник не столько думал о выполнении воли монаршей и о пользах

отечества, сколько о своеугодливости. Он еще в Якутск привез с собою какую-то любовницу, матросскую жену, истратил для нее пропасть и по ее рекомендации раздавал якутским князькам медали.

…С прибытием экспедиции в Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр. Денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали. Перед отбытием их из Охотска получено было повеление об остановке экспедиции, но Кох (начальник Охотского порта — *С.В.*) *взялся услужить в этом случае. "Слава России" была уже на рейде, а "Доброе намерение", другой фрегат, был еще в реке. Привоз упомянутого повеления заставил поспешить выводом на рейд второго фрегата, несмотря на противную зыбь и маловетрие, вследствие чего прибило его к берегу и начало бить так, что принуждены были срубить мачты, и хотя весьма бы при следующей полной воде, как то мне по знанию местного положения известно, можно было спасти самый фрегат, но мешкать уже не смели; итак, несмотря на представления Галла, командира сего фрегата, в ту же ночь выгрузили его, обмазали еще смолою и зажгли, так что к утру ничего не осталось. Команду с сего судна поместили на "Славу России" и через несколько дней ушли, заставив Коха отрапортовать, что повеление их не застало. (Все это я слышал от достоверных из жителей охотских после — Примеч. В.И. Штейнгейля). Если б экспедиция была обращена, то, во-первых, труден был бы отчет в передержанных суммах и не получили бы по два чина, о коих Биллингс имел секретные повеления у себя. Этого, конечно, никто из бывших в экспедиции не написал и не сказывал; но кто же любит грехи свои рассказывать? Но истина, знать вам это должно, не веки остается под спудом, и весьма часто или вообще скрытое для современников открывается для потомства. Известно, как щедро наградила императрица английского мичмана Биллингса. Он кончил жизнь русским барином в Крыму и бригадиром* (чин между полковником и генерал-майором. — *С.В.*). *А все его достоинство состояло в том, что он был в вояже с Куком, но Кук возил с собой и свиней…*

Должен сказать и то еще, что при всех вакханальных пиршествах Биллингса никто столько не отличался кротостью и благонравием, как нынешний вице-адмирал Гаврило Андреевич Сарычев, и если б не он, то экспедиция сия столько же бы при-

несла славы и пользы России, сколько Калигулин известный поход против Британии славен был для Рима».

А вот и итоги. Год 1792.

*«Получа о всем том известие, поспешая соединиться с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно "Слава России" нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: **геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матроз Яков Сизых, Семен Оглоблин, Григорей Донских, Иван Корелин, Дмитрей Тюменцов; утопших: Артамон Мельников, наименованных егарями Илья Тюменцов, Петр Мираманов, армейской егарь Артемей Герасимов, из Охотска боцманмат Григорей Гладкой, на судне "Чернаго орла" из Иркутска взятых — ис казаков: матроз Петр Ознобихин, Никита Наянов, Никифор Бутаков, Николай Скуратов: всего на обоих судах 15 человек**».*

* * *

Итак, нерчинские казаки сыграли выдающуюся роль в освоении Дальнего Востока России и Русской Америки.

И осталось только ответить на главный вопрос — откуда и какого рода-племени были сами нерчинские казаки.

Г.А. Христосенко в статье «К истории заселения Нерчинского острога» сообщает некоторые общие подробности.

В частности, он пишет:

*«В документах Сибирского приказа имеются полные именные перечни служилых людей 50 — 70-х гг. Сопоставление росписей 1656 г. с именными указателями последующих десятилетий дает возможность выявить в 70-е гг. из первопоселенцев Нерчинска 27 чел., в 80-е — 16 чел. Имена некоторых первопроходцев упоминаются в документах ряда лет. Источники позволяют проследить за судьбой многих служилых людей. Так, известно, что служилый **Игнашка Милованов, поверстанный в Томске, в 1670 г. упоминается в числе детей боярских. До звания сына боярского дослужились Гришка Лоншаков из Березова, Бажен Никитин из Томска, Иван Попов из Тюмени**.*

*Некоторые рядовые казаки, пришедшие в Нерчинск в числе первых, в документах 1684 г. именуются уже десятниками. Это — **Никита Логинов из Тобольска, Юрий Носов из Томска, Якунка Максимов из Березова, Степка Симанов из Томска, Василий Леонтьев из Тобольска** и др. Ядро постоянного населения составляли служилые, пришедшие из разных сибирских городов вместе с воеводой А. Пашковым. Об этом свидетельствует челобитная 35 служилых, в которой казаки сообщают, что они пришли по своей воле с А. Пашковым и служат 14 лет. Из челобитных 1671 г. узнаем, что **Юшка Андреев из Березова города** пришел в Нерчинск с Пашковым и прослужил 16 лет, а **тобольский служилый Шестак Афанасьев в течение 20 лет нес службу в Нерчинске**. Имеются отдельные сведения о том, что службу отцов продолжали их сыновья. Так, в списках 1699 г. находим **Ивана Филиппова сына Свешникова, отец которого (Филька Свешников) был в числе основателей Нерчинского острога**. В этом документе перечисляются и другие сыновья первооткрывателей: **Федор Григорьев сын Лоншаков, Петр Семенов сын Томской и др.***

Таким образом, нерчинские рукописные источники свидетельствуют о том, что группа служилых людей, пришедших с первым воеводою А. Пашковым, осела в Нерчинске. Это была незначительная часть отряда — из отписки Л. Толбузина узнаем, что в 1664 г. в Нерчинском и Телембинском острогах было всего 43 чел.

*В 1664 г. ввиду малолюдства Нерчинского острога по настоятельной просьбе воеводы Толбузина из **Енисейска, Илимска и Тобольска были присланы 90 чел**. В последующие годы продолжались отправки служилых людей из тех же сибирских городов. Служилые, отправляемые из других городов Сибири, должны были служить по три — четыре года, а после этого срока следовало "переменять те служилы людей и с даур тех же городов служилыми людьми и с которых ныне посланы будут...". На самом же деле имеются сведения о том, что казаки оставались и на большой срок. Например, присланные из Тобольска в 1664 г. **Антошка Филев** и **Гришка Кобяков** в 1674 г. сообщали, что они не получали денежного жалования в течение 8 лет. Интересно, что они просят только о выдаче жалования, а о возвращении в Тобольск не упоминают.*

Сопоставление списков служилых людей Нерчинского острога за 1664 и 1671 — 1673 гг. выявило 62 совпадающие фамилии. При

этом, если вычесть из состава гарнизона 1671 — 1673 гг. (129 чел.) 54 чел. (26 чел., которых верстали Толбузин и Аршинский в 1670 г., и 28, набранных ранее 1664 г.), то окажется, что списки почти идентичны. Сравнение именного перечня 60-х гг. со списками 80-х гг. позволяет выявить 46 служилых, в течение 20 лет находившихся в Нерчинске.

Информацию о постоянном населении дают челобитные служилых людей. Сохранилось большое количество челобитных, в которых служилые сообщают, что они поверстаны в службы 10, 12, 20 и 30 лет тому назад. Например, ***Лука Кочмарев, Михаил Молчанский прослужили 30 лет, Василий Гришаев — 24 года****.*

Документы 80–90-гг. XVII в. и начала XVIII в. позволяют проследить за продвижением по службе многих жителей Нерчинска. Из именной книги 1699 г. видно, что бывшие в 1685 г. рядовыми ***Андрей Плотников, Андрей Мыльник, Емельян Поспелов, Афанасий Казаринов, Максим Чернецких, Наум Козьмин, Иван Соколов, Никита Полетаев, Карп Юдин стали десятниками. А Степан Шадрин, Василий Шергин, Андрей Попов, Алексей Кузнецов*** *и др., указанные в именной книге 1699 г. в числе рядовых казаков, в источнике 1709 г. упоминаются в составе пятидесятников.* ***Пятидесятники Иван Сенотрусов, Василий Фалелеев, Семен Молодой*** *в 1700 г. повысились до детей боярских. Некоторые служилые прошли весь путь — от рядового казака до дворянина, например, Семен Молодой в 1684 г. числится еще рядовым, а в 1706 г. становится дворянином "московского списка".*

Начиная с 70-х гг. XVII в. в челюбитных появляются указания о поверстании в службу по Нерчинску "на вечное житье", что также свидетельствует о формировании постоянного населения.

Итак, анализ движения русского населения из разных сибирских городов в Нерчинск позволяет сделать вывод о том, что большая часть пришедшего населения прочно обосновалась на новом месте. Подтверждает этот вывод и тот факт, что начиная с 80-х гг. служилые люди стали называть себя нерчинскими жителями.

В конце XVII в. приток людей из других городов в Нерчинск сокращается и постоянное служилое население стало пополняться за счет "верстания в службу" детей, братьев и племянников ранее служивших. В документах 90-х г. находим неоднократные просьбы поверстать сына в оклад отца. Например, Куприян Сенотрусов просит поверстать его в оклад отца в конную казачью службу. А в деле за 1700 г. обнаруживаем прямое указание на то, что вместо убитых или умерших всяких чинов людей "верстать детей их братевь срослых которые в службу поспеют". В источниках 1700 г. есть сведения о поверстании в службу племянников служилых казаков.

Таким образом, из числа первых насельников, пришедших в 1658 г. в Нерчинский острог с воеводою А. Пашковым, и новоприсыльных 70–80-х гг. сформировалось постоянное население».

И далее: «По данным Сибирского приказа, в Нерчинский острог в 1658 г. пришли выходцы из следующих сибирских территорий: из Тобольска — 60 чел., Томска — 50, Тюмени — 40, Березова — 40, Илимска — 40, Тары — 30, Верхотурья — 20, Пелыма —15, Красноярска —15, Кузнецка — 10, Туринска — 10, Енисейска — 10 и Сургута — 10 чел.».

«По отрывочным сведениям, в 60-е гг. число жителей Нерчинска пополнилось 90 пришедшими из Тобольска, Илимска и Енисейска. Из этих же мест пришли в Нерчинск 70 чел. в 70-е гг. В 80 гг. среди сибиряков, поселенных в Нерчинске, появляются 17 чел. из Иркутска. По сведениям А. П. Васильева, в 90-е гг. в Нерчинск попадают служилые из Пелыма и Березова. ***Основной костяк жителей нерчинской территории составляли выходцы из Тобольска, Енисейска и Илимска.*** *По неполным данным, с 1658 г. из Тобольска пришли в Нерчинск 130 чел., из Илимска — 77 чел., Енисейск выслал за 11 лет (1672 — 1682 гг.) 100 чел.».*

«Из документов известно, что через Томск в Нерчинск пришли всего 53 чел., причем 50 из них — с воеводой Пашковым. Из этих 50 чел. в Нерчинске остались лишь 16 чел. Места выхода половины из них удалось установить путем сопоставления списков первопоселенцев и именного перечня, в котором указаны места выхода томских поселенцев. ***Это — Соликамск (Стенька Кожевников), Вологда (Емельян Астраханцев), Кострома (Тишка Костромитинов), Яренск (Ивашка Маслов), Казань (Алешка Каленой) и др».***

ЧАСТЬ 5. ХАРЧИНСКИЙ БУНТ, ГОД 1731

Да 1731 года обстановка на самой Камчатке была довольно спокойной.

Самым крупным трагическом событием была гибель отряда пятидесятника Ивана Харитонова в 1719 году на реке Палане, о которой мы рассказывали в главе «Камчатские приказчики» (1-й том).

* * *

С Иваном Харитоновым на реке Палане в тот год погибли:

Тимофей Воробьев

Вероятно, этот тот самый Тимофей Воробьев из команды Атласова, который активно участвовал в разграблении купеческого дощанника на Ангаре, а потом сидел за это в тюрьме. Во время камчатского восстания он был в Якутске: «И о том к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посылщики, с якуцкими казаками с Тимофеем Воробьевым, с Григорьем Кожевиным».

Иван Колычов

В книге «Орден кромешников» я рассказываю о версии казачьего историка Гордеева, который считает, что Иван Кольцо из рода стромосковских бяор Колычевых. Это вполне возможно, потому что в период опричного террора и в последующие годы до Великой Смуты род Колычевых подвергался политическим репрессиям и вполне вероятно, что ссыльные Колычевы могли быть записаны в казаки. Так, например, в яицких казаках в 1632 году мы видим Ивашку Степанова сынаа Колычев Костромитин. И, кстати, то, что Колычев был костромитиным, еще раз подтверждает связь Ивана Степановича с родовым гнездом Колычевых и их «сродников» царей Романовых.

Могли ли казаки Колычевы из общего царского рода потомков Андрея Кобылы оказаться в Сибири и на Камчатке?

Конечно, могли.

На Камчатке вплоть до событий, связанных с обороной Петропавловского порта, существовал род казаков, впоследствии матросов 47-го Камчатского флотского экипажа Колычевых,

которые впоследствии были переведены на службу в Николаевск-на-Амуре.

Родоначальником камчатских Колычевых, по всей видимости, был Алексей Петров сын Колычев, который служил в шестнадцатой пятидесятне. Он пользовался авторитетом у местных казаков: в 1712 году он был одним из организаторов строительства первой на Камчатке церкви в честь святого Николай Мерликийского, затем был ее церковным старостой, а в «марте 1718 г. в Нижнекамчатском остроге «на приказе»... сидели «выборные судейки» К. Вежливцов и Алексей Колычев».

Колычов Иван (возможно брат) в 1706 году служил в восьмой пятидесятне. В 1711 году он проводил допросы взбунтовавшихся казаков вместе с приказчиком Василием Михайловичем Колесовым.

В 1748 году мы встречаем в именном списке якутских казаков Ивана Харитоновича Колычева, следовательно, погиб его тезка. У Харитона Колычова было два сына — Иван и Афанасий.

Двое сыновей Алексея Петровича Колычева — Василий и Осип — погибнут во время камчадальского восстания 1731 года. Об этом мы расскажем чуть позже.

Еще с одним Колычевым — Михаилом Дмитриевичем — томским воеводой мы встретимся ниже.

Петр Молчанов

Самыми известными из Молчановых были тюменские дети боярские: «По мере роста населения и развития земледелия менялся внешний облик крестьянских поселений. В первой половине XVII века самым распространенным видом поселений были “деревни”, состоящие из одного-двух дворов. Они располагались вокруг городов и острогов, вблизи главных торговых и промысловых путей. Под Тюменью, например, уже тогда проявились “деревни” Олешки и Михалки Насекиных, Тренки Кулакова, Степана Молчанова».

В 1689 году в Тобольске отмечен отставной драгун Федор Семенов Молчанов 50 лет.

В Томске в 1707 году служил в казаках Иван Молчанов.

Но есть еще одна история удивительным образом связанная с представителями камчатских фамилий и самой Камчаткой: «Особо следует сказать о событиях, произошедших в 1705 г. в Томске. Сведения о них содержит хранящееся в фонде Сибир-

ского приказа в РГАДА следственное дело о злоупотреблениях бывшего томского коменданта Р.А. Траханиотова (занимал эту должность с 5 февраля 1713 г. по 6 февраля 1715 г.). Само следствие велось в 1718-1723 гг. в майорской розыскной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова в Санкт-Петербурге в рамках всесибирского розыска по делу кн. М. П. Гагарина.

Информация о протесте томских жителей в 1705 г. всплыла совершенно неожиданно в связи с "доносительными" показаниями томского дворянина И.Р. Качанова, числившегося "по московскому списку". Их появлению в процессе следствия предшествовала давняя история.

Как следует из материалов розыска, в свое время у О.Р. Качанова, являвшегося родным братом "доносителя" и назначенного в 1706 г. воеводой в Кузнецк, возник конфликт с томским воеводой Г.М. Петрово-Соловово, в результате чего О.Р. Качанов был снят в 1708 г. с должности, обвинен в незаконном винном курении и продаже христианина бусурманину, а позднее отослан для следствия в Москву.

Не сложились у Г.М. Петрово-Соловово отношения и с самим И.Р. Качановым, надзиравшим в это время за "корчемным делом" в Томском уезде. По сведениям воеводы, ставшим впоследствии известными Р.А. Траханиотову, "воровское вино", которое было "вынято" у архимандрита Томского Алексеевского монастыря Мартиниана, тайно производилось с ведома И.Р. Качанова, получившего "того вина… из монастыря флягу" Занимаясь расследованием этого дела, И.Р. Качанов, дабы скрыть следы своего преступления, якобы "выскребал" документы. В итоге архимандрита расстригли и сослали на Камчатку в пешие казаки, а Качанову удалось выкрутиться (позднее, в канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова, сам Качанов будет утверждать, что ничего этого не было, а Мартиниана сослали на Камчатку не за винное курение, а за "денежное дело").

В 1708 г. И.Р. Качанов был назначен вторым воеводой в Томск. Почти сразу же, "мстя за обиды" брата и свои собственные, он развернул обширное следствие в отношении Г.М. Петрово-Соловово, обвинив бывшего томского воеводу в незаконной торговле с "иноземцами" и тайном винокурении. Однако первый воевода Томска И.М. Черкасов доказал ложность этих обвинений и дело прекратил. В 1709–1710 гг. И.Р. Качанов вновь находился у «надсмотру… винного курения и корчемного пития, и

всякого воровства" в Томске, Нарыме и Кетске. А через некоторое время он сам оказался под следствием, поскольку очередной томский воевода М. Колычев обвинил его в незаконном винном курении.

Как раз в это время в Томск приехал посланный сибирским губернатором кн. М.П. Гагариным сыщик Д. Молчанов, у которого с самого начала возник конфликт с воеводой. "Стакався" с И.Р. Качановым, сыщик поселился у него в доме и за взятку в 500 руб. занял его сторону в расследовании. Тем временем М. Колычев послал своих людей для ареста Качанова, но безуспешно (по позднейшим показаниям Ивана Родионовича, "томские жители приходили к его, Качанова, двору многолюдством, человек с 300, и около двора поставили караул, и в набат и в барабан били, а для чего — того он не ведает. И они де, Качанов и Молчанов, сидели в осаде недель с 5 и больше"). Во время второй попытки доставить Качанова в приказную избу тот, "собрався с свойственниками своими и знакомцы, денщиков Михаилы Колычова побили и перерубили, а воевода Михайло Колычев, убояся ево… бил в сполошной колокол и ворота грацкие запирал". В конце концов эта война закончилась доношением сыщика в Тобольск, представившим дело в выгодном для И.Р. Качанова свете. По приказу губернатора М. Колычев был сослан в Нарым, а обязанности томского воеводы было велено исполнять Д. Молчанову» (Шашков А.Т. Дело 1705 г. «О противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород»).

Алексей Мохначевский

В 1656 году ссыльный военнопленный польский шляхтич Григорий Мохнач (Мохначевский)служил в Якутске в чине сына боярского. Ему было предложено в 1667 году вернуться на родину, но он принял решение остаться на казачьей службе (оклад 10 рублей, 8 четей ржи, 3 пуда соли). В 1681 году верстан в чин сына боярского на убылое место Кузьмы Лошакова. А в 1693 г. «…по грамоте великих государей от службы отставлен и велено его ссылать в ссылку в Красный Яр в казачью службу».

В Якутске служили его дети — Якунька (1672 г.р.) и Васька (1677 г.р.). В 1688 году родился и внук — Якунька (Васильев сын).

«Пронка Лукьянов Овечкин в нынешнем в 200-м [1692] году идучи из Охотцкого на Юдоме на пороге утонул. И августа в 18

день приверстан в ево Пронькино место сына боярского Григорья Мохначевского сын ево Якунька в холостой оклад».

«Гришка Тюленев в нынешнем в 200-м [1692] году в Скитаке умер воспою. И августа в 11 день приверстан в ево Гришкино место сына боярского Григорья Мохначевского сын ево Васка».

Д.Я. Резун сообщает о том, что в Якутске в 1685 году служит в чине сына боярского Иван Мохначевский (оклад 8 четей ржи, 8 четей овса, 2 пуда соли).

В 1706 году Василий Григорьев сын Мохначевский был десятником в пятнадцатой пятидесятне. В седьмой пятидесятне служил Яков Иванов сын Мохначевский, в семнадцатой — Яков (без отчества, вероятно, Васильев сын) Мохначевский.

Яков (судя по всему, Григорьев сын) в 1726 году был дворянином: «В 1726 г. в Камчатку за ясачным сбором послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне- и Нижнекамчатские остроги, а в Большерецком оставлен сборщиком находящийся в Камчатке Степан Трифанов. Мохначевскому дана инструкция, писарь Судаков и 20 человек казаков; но, выехавши из Якутска, взял самовольно у якутов 70 подвод вместо положенных ему 6 лошадей, о чем донес капитан Беринг, сам нуждавшийся в лошадях; почему якутская канцелярия Мохначевского от посылки в Камчатку отставила, а вместо него назначила в августе 1726 г. пятидесятника Тарабукина, который по прибытии в Охотск целый год дожидался прихода судна из Камчатки и с своею командою бедствовал от усиленных работ на экспедицию Беринга и от недостатка провизии».

Якутск, 1720 г.: «В юрте служивой Василей Григорьев сын Мохначевской».

Трофим Пономарев

Фамилия весьма говорящая — сын пономаря. В материалах Якутской приказной избы упоминается дьяк Терентий Пономарев.

Весьма любопытную историю о себе и своей фамилии рассказал беломестный казак из Шадринской слободы Пономарев: «Во дворе Левка Иванов сын Пономарев. Сказал: родился де он Важского уезду Тавренские волости в приходе Петра и Павла, церковного дьячка сын. В Сибирь пришол и жил в Шадринской слободе у церкви в пономарех со 178-го году. И ис пономарства отставлен и Федор Поленов написал иво в пашню. И тое пашню здал гулящему человеку Филатку

Степанову. А в беломесные поверстан со 189-го году. У него дети: Трифанко 17 лет, Онтонко 8 лет, Фомка 5 лет, Максимко полугоду».

А это история тарского казака, жившего в Красноярске: «Якушка Пономарев в новокрещеной список он поверстан на Таре без государевы грамоты при воеводе при князе Федоре Мещерском во 176-м году. А оклад ему учинен денег 7 ру[блев] с четью 2 пуда соли. За хлебное жалованье служит с пашни. А служеб ево в тех годех с тарским атаманом с Леовнтьем Житеневым да служилыи людьми с шезстью десять человек посылан был он с Тары на службу на Красной Яр и служил на Красном Яру пять лет без с[ъ]езду до указу Великих государей. Да во 193-м году как изменил Аялымской волости ясашной тотарин Кармышачко Чичканов з детьми з двумя сынами и побежал в степь в даль и он Якушка с конным казаком с Ивашком Костелецким за ним Кармышачком и за детьми ево в степи догнав изымали и в город ево и детей ево перед приказную избу к стольнику и воеводе к Карпу Павлову привезли. Да в Барабинскую волость на береженье посылан был дважды и всякие посылки проезжие станицы и отезжие караулы служил. А во 191-м году по указу Великих государей и по грамоте велено ему Якушке в новокрещеном списке служить по московскому верстанью а не по тарскому».

А это уже история камчатского казака Саввина Пономарева: «Первым отправился 2 сентября 1758 г. бот “Св. Иулиан” московского купца Ивана Никифорова, сданный им в аренду промышленным компаниям, отправлявшим суда на промыслы. В компанию, кроме самого И. Никифорова, входили 17 “купецких и прочих чинов людей”, которым компания поручила “приискав морские острова…, чинить… промысел всякого морского и земного зверя и протчего”. Бот вышел в море под командой морехода яренского посадского Стефана Глотова. Его помощником был тобольский посадский Иван Соловьев, сборщиком ясака — камчатский казак Саввин Пономарев. Возвратились они 31 августа 1762 г. “Св. Иулиан” был выброшен на берег Камчатки верстах в пяти ниже Нижнекамчатска. Казак С. Пономарев и мореход С. Глотов 12 сентября 1762 г. подали Большерецкой канцелярии «репорт» о своем плавании и открытых ими островах».

Ефим Рудаков

Специаалисты относят эту фамилию к Русскому Северу: «Рудаков. Отчество от нецерковного мужского имени Рудак, которое очень часто на Севере в XVI–XVII вв.: Рудак Васильев — 1594 г. в Лодоме (РИБ. XXV. С. 159). Степанко Рудаков (Богословский. II. С. 41) и др. Ю.А. Фодосюк связывает рудак только со значением “рыжий”, но для Севера характерно иное значение: руда — “грязь, пятно”; рудить — “пачкать”, как и в белорусском, в отличие от древнерусского и современного украинского руда — “кровь” (однако и в Верхней Тойме рудить — “красить”), а также и от современного русского литературного, южнославянского и западнославянского значения слова руда, хотя все эти слова имеют один источник. Характерно отсутствие этой фамилии в Онежском у.».

Рудаков Никифор Иванов сын служил в Якутске в 1651 году. Но был при этом томским десятником: «Десятник Микифорко Иванов сын Рудаков. И сентября в 5 день Микифорку государево жалованье на нынешней на 139-й (1631) год оклад ево, четыре рубли дватцат пят алтын, дано. Взял сам».

Рудаков Ивашко Иванов был в составе охочих амурских казаков в отряде Ерофея Хабарова (1650–1653 гг.).

В 1707 году в Томске служит в пятидесятниках Федор Федоров сын Рудаков, а в рядовых казаках Еремей Федоров сын Рудаков.

Эта фамилия также встречается в списках казаков по Енисейску за 1669 год: «Ивашко Матвеев Рудаков, холост, служит на Байкале», а также «(д[вор]) пятидесятника Кирилка Рудокова, а у него сын Еремка 13, сын Ивашко 7».

Кириллу Рудакову пришлось схлестнуться даже со «знаменитым», прославившимся своими зверствами, Похабовым: «Доставалось, видимо, “изгони” от Похабова и служилым людям. Енисейский воевода Максим Ртищев, получив челобитные, писал в Сибирский приказ: “во 166 (1658 год) г. июля в 5 день приплыли в Енисейской из тех Братцких острогов с ясачною соболиною казною енисейские служилые люди Завьялко Ондреев с товарыщи и били челом тебе, великому государю ...и Братцких же острогов пашенные крестьяне: староста Тимошка Савельев да целовальник Игнашка Дементьев с товарыщи 58 чел., да Нижново же Братсково острога твои ясачные братцкие люди, — князцы Бахайко с братом Толтохайком, да Абачейко,

да Длукайко, да Дахайко с своими улусными людьми, да Енисейсково острогу служилые люди пятидесятники казачьи Васка Черменин, Дружинка Попов, Федосейко Поясницын, Кирилко Рудаков, Олешка Олень, и десятники и все рядовые служилые люди, и мне, в Енисейском в съезжей избе подали четыре челобитные за своими руками, а иноземцы и братцкие люди князцы — за своими знаменами, на казачья голову на енисейсково сына бо-ярсково на Ивана Похабова в ево Ивановых насильствах, и во многих обидах. Чтоб ты, великий государь, их служилых людей и братцких ясачных князцей и их улусных людей и пашенных крестьян пожаловал, — велел ево Ивана Похабова переменить, и про ево многие насильства и обиды сыскать по твоему великого государя крестному целованью в правду”».

Еремка (вероятно, Кириллов сын) в 1699 году служил в Нерчинске: «Оклад 6 руб.: розряднаго и ясячнаго стола 2-й статьи Еремка Рудаков». А до этого — в Иркутске: «Рудаков Еремей, казачий десятник, упомянут в 1684 г.» (С.А. Гурулев, Первые иркутяне).

В 1684 году Еремей Рудаков не просто упомянут, а представлен в списке, в одном из документов, который называется: «1684 г. мая 21. — Расспросные речи посланца Мунгальского царя Очирой Саин хана Серенчин Зорикту в Иркутском остроге на посольском дворе». Десятник Еремей Рудаков был в числе почетных гостей: «...в посольской избе верх и стены обиты были сукнами красными и зелеными, на столах ковры, а на лавках палазы, пред посольскою избою площадь и крыльцо сукнами ж были обиты с красными, а сукна на время браты из рядов.

Письмянной голова Леонтей Констянтинович Кислянский был в чистом платье, а перед ним были дворян, пятидесятников и лутчих старых казаков, подьячих и торговых людей в чистом же платье: Дворянин Лукиян Тупальский, Дворянин Остафей Перфильев. Подьячие: Федор Дачевский Сидор Васильев, Семен Каргапол Григорий Киберев. Гостиные сотни Алексей Ушаков. Таможенной голова Иван Штинников. Десятники: Данило Уразов, Михайло Бутусин, Еремка Рудаков. Торговые люди: Алексей Андриев Бобровской, Иван Квасов с товарыщи осмь человек в цветном же платье».

В 1661 году в Тобольске, в сотне атамана пеших казаков Михаила Остафьева, служит казак Панкрашко Рудаков. В 1704 году в Тобольске служит казак Василий Рудаков. А в 1710 году в де-

ревне Усть-Барсуцкой Тобольского уезда проживал отставной драгун Трофим Иванов сын Рудаков: «Двор а в нем живет отставной драгун Трофим Иванов Рудаков сказал себе от роду 60 лет у него жена Каптелина(?) 40 лет у него сын Яков 15 лет племянник Микита Елфимов 20 лет».

В 1710 году появляются сведения еще об одном Рудакове, проживающем в Тобольске: «Двор конного казака Спиридона Григорьева сына прозвище Смородинникова а в том дворе живет тюменец казачей сын Прокофей Васильев сын прозвище Рудаков сказал себе 30 лет у него жена Матрена Тиханова дочь 29 сын Стефан 3 лет».

Антип Суклерский

Фамилия редкая.

И, вряд ли, мы ошибемся, связав ее с селенгинским казаком Иваном Суклерским, информация о котором появилась лишь однажды: «Иркутский воевода Леонтий Константинович Кислянский писал селенгинскому сыну боярскому, бывшему гетману Украины, Демьяну Игрантьевичу Многогрешному "что «до указу великих государей" поход в мунгальскую степь откладывается. Очевидно, Кислянский боялся взять на себя ответственность за этот поход, который мог повести за собою разныя дипломатическия осложнения с порубежными китайскими властями, а в худшем случае мог окончиться и поражением селенгинскаго отряда. Но в ожидании московскаго ответа Кислянский разрешал Многогрешному делать "подъезды" в степь "для проведыванья…, смотря по вестям и по людям", но советовал делать это "со всяким оберегательством, тайным обычаем"…

Не успел этот совет дойти до Селенгинска, как 20 июля Кислянский получил оттуда печальную весть о разбитии мунгалами отряда Петра Многогрешнаго и о смерти старшаго сына гетмана… Сам Д. Игн—ч ничего не писал Кислянскому: очевидно, горе старика было так велико, что у него не хватило сил доложить иркутскому воеводе о гибели сына и о новой неудаче селенгинских ратных людей… Не написал в Иркутск и товарищ Петра по этому неудачному походу — селенгинский "прикащик" Федор Леонтьев, может быть, больше Петра виновный в неудаче подъезда»… Кислянский узнал о погроме русских из отписки козачьяго десятника Дмитрия Евсеева. Ее доставили в Иркутск участники «подъезда» — казачий пятидесятник Антон Березовский и стрелец Иван Суклерский. Из их распросных речей в Иркутской приказной избе и из отписки Евсеева Кислянский сообщает Сибирскому приказу следующия подробности о неудаче отряда Петра Многогрешнаго и Ф. Леонтьева.

Отряд их состоял из 400 козаков и ясачных инородцев. Отряд отправлялся «для проведыванья» тех воровских мунгальских людей, которые 2 февраля отогнали селенгинские табуны…

Таким образом, и по численности отряда, и по цели его движения — это был совсем не «подъезд»… Селенгинцы просто горели желанием отомстить мунгалам за набег 2 февраля. Им не понравилось предписание Кислянскаго — подождать с походом «до указу великих государей», и они решили немедленно учинить этот поход под видом «подъезда»… Демьян Игн—ч или не мог, или вернее не хотел мешать такому самовольству. Он даже поставил своего сына во главе отряда…

Отряд двинулся из Селенгинска вверх по р. Селенге. На берегах рч. Могая русский отряд «наехал» на многолюдное становище мунгалов: русские сосчитали здесь 451 юрту, а людей в них более тысячи. Казалось бы, что именно тут следовало русским наблюдать строжайшее «оберегательство»…. Но не так вышло на деле: «воинское поведение» у мунгалов оказалось выше, чем у «Петра с товарищи»…

Участники несчастнаго боя откровенно разсказывали Кислянскому, что мунгалы учинили бой с русскими — «подсмотря прежде их, изготовясь, из прикрытных мест из-за лесу учали из ружья стрелять, и ударя на русских людей с ружьем и с копьями, воинским поведением»…

Единственным оправданием русских может служить разве то обстоятельство, что бывшие в отряде табунуцкие ясачные люди — около 100 человек — «изменили, и изменя — дали тыл, и служилых русских людей смешали всех, и лошадьми давили, и лошади (у русских) отбили и с собою уводили»… Впрочем, и эту измену нельзя в сущности назвать неожиданною, так как сами же селенгинцы заметили здесь Кислянскому, что табунуты «и прежде сего» не раз изменяли русским подобным же образом…. Следовательно, незачем было и брать табунутов в поход, а раз взявши — необходимо было следить за ними в оба…

Как бы то ни было, но русские сильно пострадали на этом бою: число раненых неизвестно, а убито 18 козаков и других служилых людей. В числе их был и иркутский боярский сын Петр

Демьянович Многогрешный.... Единственный успех русских на этом бою выразился в том, что они отбили у мунгалов «затинную пищаль» (может быть, раньше захваченную мунгалами у русских же)... Перед боем русские «поимали мунгальского мужика з бабою», но на бою мунгалы отбили «бабу» и только «мужика» удалось доставить в Селенгинск.

Не легко было отступление русскаго отряда с рч. Могая: мунгалы 10 верст преследовали ослабевший отряд, везший своих убитых и раненых... Но затем мунгалы повернули назад.

Об этом неудачном походе сохранилась песня:
А за славным было бабюшком за Байкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнева острогу Селендинскова,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам,
А вторая высылка — посольским стрельцам,
На подачу им даны были табуноцки мужики,
Воевода походил Федор молодойДементьянович
Есаулом походил у него брат родной,
А по именю Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку
Напущались на улусы на мунгальския.
По грехам над улусами учинилося,
А мунгалов в домах не годилося:
Они ездили за зверями обловами.
Оне тута, казаки, усмехаются,
Разорили все улусы мунгальские,
Он (е) жен-детей мунгалов в полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Оне стали, казаки, переправлятися
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опилися кумысу, кобыльева молока.
Из-за тово было белова каменя
Как бы черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Оне жен-детей мунгалок и отбили назад,
И прибили много казаков до смерти,
Вдвое-втрое казаков переранили,

Тобуноцки мужики на побег пошли,
Достальных козаков своих выдали.
И прибудут казаки в Селенденской острог,
По базарам казаки оне похаживают,
А и хвастают казаки селендинскии молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

Осип Трубач

Или, возможно, Трубачев...

«...в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: ...Гаврило Трубачев... и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

Вполне возможно, что Трубачи-Трубачевы из Томска, где служили Трубачевы Митька, Якимка и Ларка дети Алексея Трубачева: «отец с Украины, родом с Лебедяни, взят был в полон в малых летах и продан в Бухары, откуда бежал в Черные Калмыки, а оттуда убежал к Ямышеву озеру к Соли, а от Соли перевезен в Тобольск, а из Тобольска в Томск приехал волею с сыном боярским Иатвеем Трубачевым и жил у него в деле лет 40, а в никакой чин не верстан был за убыльем, потому что израанен был во многих местах, а он, Митка, родился в Томске и верстан был при воеводе Иване Бутурлине в новоприборные конные казаки и служил лет с 15, а при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском по государевой грамоте велено было новоприборных от конной службы отставить и он, Митька, был отставлен и в 189 (1681) году при воеводе князе Петре Львове поверстан в конную службу на выболое место. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня». В конных казаках были также и Ларка с Якимкой.

В 1633 году в Тюмени служил в казаках Литовского списка, но с уточнением — «тюменский уроженец» — Васька Трубачев, а в 1680 году в Тюмени в десятниках служит его сын Трубачев Семенка Васильев. В 1633 году также в Тюмени служит конный казак Безсон Трубачев.

В 1696 году в Тобольске — стрелец Трубачев Мишка Яковлев сын.

Дмитрий Шевыря

Шевыря Дмитрий Григорьев сын в 1706 году служил в двенадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Возможно, камчатские казаки — Никита и Сила Шевырины — это его камчатские родственники — дети и внуки. Никита погиб в 1731 году во время штурма Нижнекамчатска, захваченного восставшими камчадалами. Сила Шевырин оставит свое имя в истории освоения Русской Америки.

* * *

В 1725 г. летом на р. Аваче ясачные убили трех сборщиков: служилых Илью Садилова, Ивана Панова и Петра Балаконова. На авачинских изменников и за сбором с них ясака Трифанов отправил сына боярского Алексея Еремеева, который 19-го марта 1726 г. доносил о недоборе ясаков, ибо некоторые отказались платить их.

Илья Садилов

В 1670-х годах в Верхотурском остроге служил таможенный и заставный голова Сила Садилов. Эту казачью фамилию мы встречаем в томском поименном списке казаков за 1703 г., а в 1672 году томский казак Михаил Садилов был избран в «окладчики для сбора пошлин» с лавочных сидельцев Нижнего базара. В Тобольском уезде в 1689 году отмечен «Двор крестьянина Михайла Садилова сказался 33 лет, жена Агафья 25 лет».

Иван Панов

Прозвище Пан встречается уже среди ермаковских казаков — «панами» назвали себе черкасы (запорожские казаки). В 1696 году в Тобольске служил в подъячих приказной избы Панов Иван Иванов. В 1706 году мы находим еще одного Ивана Панова в списках десятников восьмой пятидесятни в Якутске. Вполне вероятно, что именно этот Панов, будучи ясачным сборщиком, погиб на Камчатке.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые Андрей Никифоров сын Марамыгин двацети семи лет Иван Терентьев сын Панов двацети шести лет…».

В 1639 году в отряде первого якутского воеводы П.П. Головина в составе тобольских казаков атамана Ивана Александрова служить на Лену отправлен Петрушка Гаврилов Панов.

«Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же жена у него в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

«Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых».

В 1691 году в Якутске служат: Пан Андрюшка, казак — сын Лучка (1672), Панов Кузка (Коземка Яковлев сын), казак — сын Афонка (1689), Панов Матюшка, казак — сыновья Сенька (1683), Федька (1689). И казак Ивашка Панов (возможно, будущий десятник, погибший на Камчатке).

Еще один камчатский служилый Иван Панов (возможно, Иванов сын), будучи участником Второй Камчатской экспедиции в качестве толмача, был членом экипажа пакетбота «Святой Павел» Алексея Чирикова. Именно он высаживался на американский берег с частью экипажа, откуда уже никогда не вернулся назад…

Петр Балаконов

Вполне вероятно, что это вариант томской фамилии Балахонов. По данным 1703 года в Томске жили: Балахонов Ларион, Балахонов Петр Микифоров сын.

Эта фамилия, в свою очередь, образовалась, как и фамилия Балахнины, от географического названия: «Балахнин Пронька Степанов сын, пеший казак; Ерошка, Ивашко, Кирюшка. Балахнин Пронька Степанов сын сказал: отец де ево родиною был город Балахны и приехал в Томской город своею волею к сродичам своим, а сродичи ево де ставили Сургут с Енисейской. Отец де ево жил в Томску з дядями своими, а он, Пронька, привезен в Томской 12 лет и верстан… при Осипе Щербатом. Служит с пашни, 5 сынов (не в службе): Ивашко 32 л., Кирюшка 30 л., Ивашко 23 л., Ерошка 20 л., Ивашко (меньшой) 16 л. (Томск, 1644). … Фамилия образована от названия города Балахна (в настоящее время находится в составе Нижегородской области)».

В 1706 году в Якутском казачьем полку служат Балахонов Иван (тринадцатая пятидесятня) и Балахнин Филип Давыдов сын (десятая пятидесятня). В «Дозорной книгеТомского уезда» за 1703 год (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371), мы, возможно, находим и нашего служилого, сложившего голову на реке Палане: «Томскаго уезду Окологородного стану казачьи дети живут в разных деревнях на пашенных своих заимках… Петр Микифоров сын Балахонов».

Алексей Еремеев

Фамилия довольно нередкая для Сибири. В 17-м столетии мы встречаем ее повсеместно — в Тобольске, в Томске, Енисейске, Якутске, Красноярске. И на Камчатке: «1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да амбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, да колодники по убийствам и между ними Алексей Еремеев, убивший Степана Чебукина».

В 1649 году в Якутск был сослан «за воровство» Еремеев Васька.

Но более правдоподобно родство якутского сына боярского Алексея Еремеева с подъячим съезжей избы Тобольска Василием Ивановым Еремеевым или детьми боярскими Еремеевыми из Красноярска.

В 1598 году в «Росписи именной детям боярским, и атаманам, и Литве, и казакам, и толмачам, и юртовским татарам Тарским и Тобольским, которые посланы к Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всея Руси с царевичами и царицами». Речь идет о семье Кучума. В числе вышеперечисленных — казак «из Литвы» — тобольский казак Иван Еремеев.

Тобольский конный казак Исак Еремеев был выходцем из старой сотни и в 1623 году имел свою деревню под Тобольском: «Деревня на Иштаманской кривой протоке. Во дворе конной казак Исак Еремеев. Пашни у нево середние паханные земли 8 четей да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 10 десятин. Сена косит 300 копен».

Что же касается Красноярска, то, скоре всего, дети боярские Еремеевы связаны с Трифоном Васильевым сыном Еремеевым: «В Красноярском остроге, несмотря на наличие там более мощной служилой корпорации, чем в Енисейске, казачий голова появился только в начале XVIII в. Так, в 1709 г. этот пост занял ветеран войн с джунгарами и енисейскими киргизами Трифон Васильев, сын Еремеев (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 1655. Л. 1–7). К моменту назначения он имел 45-летний стаж только в чине сына боярского. В год Полтавской баталии Трифон был в весьма преклонных годах, поскольку известно, что уже в 1662 г. он в должности казачьего пятидесятника руководил «полусотней» ссыльных «черкас» и московских стрельцов (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 438. Л. 350).

Сын боярский Алексей Еремеев в 1726 году послан на авачинских камчадалов, которые были «по-прежнему в измене» и не желали платить ясак.

А будущий колодник Алексей Еремеев, -- это, по всей видимости, тот самый служилый толмач Еремееев, вероятно, уроженец Якутска, так как он знал местные языки, который был послан в 1712 г. Василием Колесовым с казаком Байкаловским в Верхнекамчатский острог для замены Кыргызова.

В 1681 году в Якутске отмечен умерший казак Еремеев Ивашка, у которого остался сын Елеска (1672 г.р.) – возможно, Алексей?

* ⁎ *

В декабре 1729 г. и январе 1730 г. челобитные с жалобами на поборы со стороны ясачных сборщиков Василия Полозкова «с товарищи» подали в Большерецкую приказную избу «лудчие иноземцы Кыкчика реки го острогу тоен Шемкоч, да Немты реки тоен Налач», в январе 1730 г. там же на «обиды» казака Лариона Валынкина «словесно» доносили «Карымчина острога ясачные Кулмалеч Каначев, Тавака Кунгучев».

Василий Полозков (Полосков)

Вполне возможно, что Василий из тобольского рода детей боярских и дворян Полозовых (например, сын боярский Дружина Полозов — Тобольск, 1661 г.; Иван Семенов сын Полозов — Тобольск, 1689 г.), которые служили также и по Томску, и по Якутску: «Во дворе вдовы Марьи Прокопьевой живет служивой Василей Михайлов сын Скоропостижной плотник сорока лет да в том же дворе живут присыльной тобольской Михайло Полозов» (Якутск, 1720 г.).

Более подробная история появления этой фамилии: «Сообщая в марте 1626 г. об устройстве слобод на Нице в Тюменском уезде и Чубаровой в Туринском уезде, тюменские воеводы Иван Плещеев и Иван Ярлыков писали, что в “те слободы присланы ныне из Тобольска прикащики, украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в [государевой] опале: на Нице Борис Толбузин, на Чюбарове Дружина Полозов”».

«Полозов Иван Семенович, тобольский дворянин, писец, сыщик (в 1689–1696 гг. производил сыск о “воровском винном курении” в Енисейском, Илимском и Иркутском уездах), один из авторов «Переписной книги Тобольского уезда» (1695 г.), Тобольск, 1689–1700 гг.». У Ивана Семеновича Полозова был брат Андрей.

Дети боярские Полозовы служили и в Томске.

Впоследствии имя Василия Полоскова встречается в списках якутских казаков за 1748 год.

Валынкин Ларион

По всей видимости, Ларион был представителем сибирской служило-торговой корпорации Волынкиных (Валынкиых), прибывших в Сибирь из Великого Устюга. О них разговор ниже.

* * *

1731 год — год восстания камчадалов во главе с Федором Харчиным — открывает нам новые имена служилых и промышленных людей Камчатки.

История этого бунта достаточно подробно изложена в исторических сочинениях С.П. Крашенинников, А.С. Сгибнева, А. Зуева.

Мы же продолжаем историю камчатских фамилий.

* * *

Ситуация в долине реки Камчатка, где собственно, и вспыхнул бунт, распространившийся затем по всему полуострову, была не простой. Камчадалы долины реки Уйкоаль (как сами аборигены называли эту реку) были постоянными и верными союзниками русских казаков при покорении самых непокорных — авачинских — камчадалов, проживающих на реке Авача и на побережье Авачинской бухты.

Собственно, и общей договоренности между тойнами (вождями) поселений долины реки Камчатка и Еловка о начале боевых действий против русских не было. Бунт возник спонтанно. Руководителям этого бунта — Федору Харчину, крещеному камчадалу, и его дяде Голгочу — пришлось даже силой (прибегая к убийствам вождей) вовлекать камчадалов окрестных поселений в свои ряды. Голгоч, один из самых агрессивных руководителей бунта, был убит своим же соплеменником — тойном острожка Кунупочич Начикой Машуриным. Федор Харчин был выдан казакам родным его братом — Степаном Харчиным.

И в разных районах полуострова отношение к бунту и собственному в нем участию было разным.

Но в целом это было трагическое, кровавое, жестокое с обеих сторон событие, спровоцированное, прежде всего, жестокостью и жадностью камчатских казаков. И подавлен бунт был также с особой жестокостью…

* * *

Самая первая жертва. И та самая спичка, которая зажгла огонь Харчинского бунта.

«В начале вверх по Камчатке в собрании нашем у Крестов убили Нижнего Камчадальского острогу толмача Андрея Орлика да служи[лы]х Ананью Тюхова, Степана Ларионова да Елесея Долгополова, да казачью жену Алексея Чурина, да казачью жену с детьми Обросима Сорокоумова с двумя сыновьями, да посадских людей Захара Третьякова, Ивана Татаринова с сыном и с женой».

Орлик Андрей

Служилый человек, толмач.

История этой фамилии, если она имеет географические корни, вполне возможно связана с событиями, о которых рассказывает в «Истории Сибири» Г. Миллер: «Урнук и Намак были князцами остяцкой волости на реке Кети, которые и советами и делами помогали русским во время открытия и покорения народов, живших по реке Енисею. До сих пор можно видеть место, где жил первый из этих князцов, хотя память об его имени почти совсем исчезла, так как вместо Урнуково городище, вследствие неправильного произношения, стали называть его Урлюковым или Урликовым, из чего произошло теперешнее название этого места Орликово, как будто бы оно возникло от русского слова “орел” или “орлик”».

В Томске в 1626 году в десятниках служил Демка Орлик. А в Якутске в 1691 году — Гаврилко Микулин Орлик.

И, наверное, не случайно, что служилый Верхнеекамчатского острога Андрей Орлик в 1711 году оказался в «воровской» команде Данилы Анцыферова — они, вероятно, оба были из Томска. В 1713 году Орлик — напарник Константина Кыргызова, за что и оставлен «на вечное житье» на Камчатке.

«А летом того же 1731 году, как судно нарежалось в поход, то у них совет был на ключах о измене и побитии русских, что большая часть иноземцов отложить измену присоветовала. И так разошлись было. В то же время закащик Крыков послал толмача Орликова за збором ягод голубели, которой, пришед на Ключи, стал посылать камчадальских баб неволею по ягоды, что камчадалам за великую досаду показалось, ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало. Того ради побежали оии на Еловку к тойону новокрещеному Федору Харчину и сказали, что Орли-

ков прислан ягод збирать, и им де зборов не переплатить будет ибо де наступают травяные, кжольные и прочие летние зборы; Харчин с товарыщи собравшись поплыл на Ключи и убил вначале ягодного зборщика Орликова…».

Долгополов Елисей

Казак. Бывший заказчик Нижнекамчатского острога (1724 г.).

В 1691 году в списках казаков Якутска мы находим Ивашку Иванова сына Долгополова.

В Якутске в 1706 году служили в пятой пятидесятне, по всей видимости, братья Василий и Иван Ивановы сыновья Долгополовы. В 1703 году в Нижнекамчатском остроге погиб Осип Долгополов.Помимо Якутска, эта фамилия встречается только в Тобольске и Тюмени. Возможно, они из «набора» Владимира Атласова.

По данным за 1683 года «В Ялуторовской же слободе бобыли живут своими дворами промышляют всякими промыслы. Ивашко Федоров сын Долгополов, [родился] в Литве в Шклове городе».

А вот данные по деревне Сладкой Мешехонской слободы Тобольского уезда за 1710 год: «Двор а в нем живет пашенной крестьянин Борис Иванов… у него ж в доме живет пришлой человек Федот Васильев Долгополов казанец 36 лет у него жена Ирина 30 лет у него сын Иван 10 лет».

Есть и такие сведения: «Долгополов Гришка Козмин, албазинский промышленник, послан А. Толбузиным с отпиской в Енисейск (1685)».

А.Г. Красноштанов в своей книге «На ленских пашнях в 17 столетиии» приводит еще одну историю: «Наличие двойных фамилий в ленских деревнях не было каким-то исключительным явлением. Например, в деревне Сукневой Данилко Михайлов Минин имел прозвище Репа. Один лишь раз его записали с истинной фамилией, обычно же писали с прозвищем. А его детей писали с фамилией Репины. Ивашко Филипов Зуев (из д. Долгополовой, потом она называлась Чайка, его также записывали в д. Кондрашиной) имел прозвище Долгопол, а дети писались по фамилии Долгополовы».

Ларионов Степан

Нижнекамчатский казак.

В Якутске было много Ларионовых. Родоначальником мог быть ениисейский казак Кондрашка Ларионов, который служил на

Лене в 1630-х годах под началом енисейского атамана Ивана Галкина.

А мог быть и тобольский сын боярский Алексей Ларионов, если кого-то из его сыновей «прибрал» в свой отряд Владимир Атласов.

В 1651–1652 гг. тобольский стрелец Конон Ларионов служил в Охотском остроге.

В 1683 году в Якутск сослан с женой Офимьицей московский стрелец Елизарко Ларионов.

В 1687 году десятника Григория Ларионова «за службу и за радение» приверстали в пятидесятники, а Мартына Ларионова — в рядовые казаки.

В 1706 году в якутских казаках служили Архип и Сава (шестнадцатая пятидесятня), Матвей и Павел (тринадцатая пятидесятня) пятидесятник Григорий (семнадцатая пятидесятня) Ларионовы.

В 1748 году Павел Ларионов числился казаком Нижнекамчатска. И к этой фамилии мы еще вернемся.

Третьяков Захар

Посадский человек, проживавший в Нижнекамчатском остроге.

Татаринов Иван

Посадский человек, проживавший в Нижнекамчатском остроге.

* * *

«С Ключей отряд Харчина двинулся вверх по р. Камчатка. В устье р. Еловка он напал на русское поселение, где уничтожил местных жителей — казаков Петра Саранчина, казачьих детей Осипа и Василия Колычевых и новокрещенного якута Данила».

Колычевы

Речь идет о семье камчатского старожила Алексея Петровича Колычева.

Первые сведления о нем: «Ивашка Епишев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Алешка Петров Колычев в холостой оклад в рядовые казаки». В 1706 году

Колычев Алексей Петров сын был якутским казаком шестнадцатой пятидесятни. В восьмой пятидесятне служил Колычев Иван Харитонович. У Харитона Яковлевича Колычева был еще сын

Афанасий. Иван Харитонович был на Камчатке в 1711 году и участвовал в допросах, проводимых приказчиком Василием Колесовым. Иван Колычов, как мы сообщали выше, был убит на реке Палане вместе с приказчиком Харитоновым в 1719 году.

Алексей Петрович Колычев прибыл на Камчатку, вероятно, вместе с Тимофеем Кобелевымчему и поселился в районе устья реки Еловка (на правом, если по течению вниз, берегу реки Камчатка, где и располагался самый первый Нижнекамчатск, построенный в 1704 году. Он, обзаведясь семьей, был одним из главных инициаторов строительства на Камчатке Николаевской церкви в Нижнекамчатске, затем был ее церковным старостой.

«1716– ? годы. Служилый Григорий Камкин. Прислан из Анадырска Татариновым. Принял дела от К. Вежливцова и сел «на приказ» в Нижнекамчатске. Как долго управлял камчатскими острогами, неизвестно. Зато по документам прослеживается, что в это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками: в Верхнекамчатске — Степан Козлов (январь 1716 г.), Кирилл Бекирев (январь 1717 г.), затем Козьма Леспивцов (Вежливцов. — *С.В.*) и Григорий Кошкин; в Большерецке — Иван Травинин (июль, сентябрь 1716 г.). В марте 1718 г. в Нижнекамчатском остроге «на приказе» вновь сидели «выборные судейки» К. Вежливцов и Алексей Колычев» (А. Зуев).

В 1854 году участие в обороне Петропавловского порта принимал матрос 47-го Камчатского флотского экипажа Николай Иванович Колычев.

Саранчин Петр

Саранчины — тобольская и тюменская казачья фамилия 17-го века. В 1696 году Саранчины Володька, Федька, Микишка и Сенка были в пеших казаках, Федька и Микишка — десятниками, а Сенка и Володька – пятидесятниками.

Первый из тобольских Саранчиных отметился пеший казак Ивашко Карпов Саранчин из десятка Омельки Вычегжанина — из списка «Пешие ж новоприборные казаки, которые прибраны по Государеву указу во 137-м (1629) году». Его имя мы находим с писках тобольских казаков за 1661 год.

«Мишка Яковлев Саранчин во 163-м [1655] году послан на службу в новую Даурскую землю», а в 1656 году Тобольского города десятник Мишка Саранчин оставил свою историческую

подпись в «Челобитной даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума “за многие непристойные свои речи”, написанные им в “безымянной” “подметной памяти”».

«Ларка Савин Саранчин во 172-м [1664] году послан в Дауры».

В 1663 году отставлен от службыпо старости лет тюменский конный казак Иван Володимеров сын Саранчин (Саранцын, Сарацин) и в службу вступил его сын Иван.

Позже отмечен и красноярский след этой фамилии: «Илимский воевода С.О. Оничков писал в Сибирский приказ: «В прошлом во 177 [1669] году объявились в Ылимском уезде, в Нижней Илимской волости, красноярские беглые служилые люди Первушка Мякинин, Мишка Саранчин, Захарко Чеусов с товарыщи, семнатцать человек. И я, холоп твой, посылал из Ылимского острогу сына боярского Ивана Качина с служилыми людьми для поимки тех беглых красноярских служилых людей. И ис тех беглых красноярских служилых людей в Ылимском уезде пойманы Первушка Мякинин с товарыщи, три человека, а четырнатцать человек, Олешка Прыткой с товарыщи, от поимки отбилися и бежали в Енисейской уезд в ангарские деревни».

Якутск, 1720 г.: «Юрта служилово Андрея Саранчина сына Серебренина а он послан Великого государя на службу верх по запас в 719-м году а по скаске жены ево ему Андрею сорок лет».

Возможно это о нем. В первом своем рапорте Гмелину и Миллеру от 9 июля 1737 года студент С.П. Крашенинников сообщает о причине задержки первой своей экспедиции: «Июля 8 же числа в 7 часу пополудни приехали сюда посланной от меня служивой и двое служивых же воеводской комманды, которые с ним на дороге съехались, и привезли с собою есаула Саранчина, а притом объявили, что они затем долго замешкались, что помянутого есаула через два дни сыскать не могли. А есаул говорил, что ему на одном месте жить нельзя, а дан де он указом ее императорского величества вместо пищика сыну боярскому Ивану Кычкину, которой послан для собирания лошадей под господина капитана коммандора Беринга, а прежде де приезду служивых он о мне ничего не слыхал, а показанные де двадцать четыре лошади со всем прибором он в готовности имеет, которых он июля 9 дня часу в 10 поутру и привел.

Я, ничего не мешкав, тотчас велел их обовьючивать и в путь отправился того же дня часу во 2 после полудни».

* * *

В числе следующих жертв Харчинского бунта были убитые на реке Еловке (где и возник основной очаг бунта), возвращавшиеся с ясачного сбора с р. Ука казаки. Погиб весь отряд.

Брат Федора Харчина Степан сообщал подробности: «Про измену брата своево Фетьки, також и дяди своево Голгоча не знал и в думе с ними и с протчими не был, а был я посылан от закащика Кыркова со служилыми Дмитрием Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для ясачного сбору в казну ея величества и у оного сбору был толмачем, а собрав ясак, пришли мы на усть Еловку реку Валаголе, и тут изменники Тигиль с товарищи и убили они ясачных сборшиков Дмитрея Бологова с товарищем».

Сам Федор Харчин уточнял: «А после того пришел де к нам Тадея и Урин сын, и пошли де мы на Еловку реку для собрания людей. И пришел де я в Тавачев острог, и тут де я нашел брата своего Стефана, которой был посылан со служилыми людьми Дмитреем Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для сбору ясашного толмачем. Он де мне сказал, что де вышеозначенные Бологов с товарыщем да служилые ж, которые были на рыбных промыслах: Данило Комаров, Семен Островской, Евсей Чирышев, Гаврила Бубенной, Андрей Багуев, Евдоким Ворыпаев, казачей сын Иван Кузнецов да посатцкого сын Макар Обухов, да промышленной Василей Жировиков, да промышленной Михайло Жировиков, а у служилых Дмитрея Бологова, Григорья Попова руки обрублены и на колье втыканы да служилых людей Ивана Смирнова жена с двумя дочерьми убиты, Андрея Багуева жена за ноги повешена».

Багуев Андрей

В 1748 году в казачьих списках мы находим похожее имя — Багуй Илья. По-видимому, это отец, так как уже в 1706 году Багуйко Илья Никитин служил в Якутске в пятнадцатой пятидесятне.

Вполне возможно, что это был новокрещенный казак из аборигенов — отсюда и не совсем обычная фамилия.

Вместе с Андреем убита и его жена, при этом ее по какой-то неизвестной нам причине повесили за ноги.

Но в живых остался сын, о котором сообщает в своем рапорте Гмелину и Миллеру С.П. Крашенинников 7 июня 1740 года: «На Лесной, Кинкиле и Паллане реках живущие коряки от прочих сидячих коряк весьма разнствуют возрастом и крепостью и смелостью. И

хотя оные ясак платят, однакож повольно почти и есть много таких, которые ясаку не платят, и во время ясашного платежа скрываются. Говорят весьма громко, и буде о чем речь начнется, то все кричат, а все одно. Они часто русских убивали, да и сего 1740 году посланных к ним за ясашним збором убить хотели следующей ради причины. Нижнего Камчатского острога казачей сын Багуев прозванием, будучи на Пенжинском море, сказал ясашным мужикам, что де будет ясак збирать Нижнего острога зборщик Тимофей Брехов, которой де на Паллане, как убили Ивана Харитонова, был ранен и будет де обиду свою отмщать. Как эти вести до Паллана и Кинкили дошли, то кинкильские коряки собрались на Паллан и дожидались зборщика, чтоб его убить со служивыми. И хотя не сам Брехов за збором поехал, то однакож они намерение исполнить хотели, и исполнили б, ежели бы не розговорил тойон Паллана реки, а служивые между тем всегда караул имели, и так едва спаслися».

В 1748 году в Нижнекамчатске служит Илья Багуев.

Бологов Дмитрий

«Интересно заметить, — пишет один из ученых мужей, — что при расправе ительмены отрубили у Бологова и Попова руки и воткнули их на колья, демонстрируя, вероятно, тем самым, что наказали казаков за жадность».

Тобольская казачья фамилия. Из старейших, судя по наличию собственной деревни.

Деревни служилых людей от Тобольска вниз по Иртышу: при реке Иртыш — Любимского, Низовского. При Кугаевском озере - Чекасова, Немчина, Гам. При реке Подувальной — Человечкова. При озере Лутовинове — Лутовинова. При реке Бобровой - Байкашина, Кречатникова, Волчика. При реке Сузгунке — Л. Тычинского, И. Тычинского, Ваги, Урбатого, Кузмина, Щоки, Яковлева, Терентьева, Сысоева, Митирина, Бологова, Трушникова, Кунгулова. При Иштамской протоке — Еремеева, Ганинова, Ушарова, Захарова, Енбая, Попова. При реке Тайменке — Антонова, Подчеркуни, Данилова, Шостака-Микитина.

Примерно в эти же годы фамилию Бологовых мы встречаем среди казаков Тюмени.

Правда, в списке убылых по Камчатке мы находим и другое написание этой фамилии — Дмитрий Болотов.

В 1693 году в Якутск из потешного Семеновского полка за какие-то провинности был сослан Гришка Болотов.

В 1706 году был прислан в Якутск из Енисейска Болотов Семен Манойлов сын.

Свои казаки Болотовы были также в Тобольске и Таре.

Бубенный Гаврила

Это, скорее всего, томская казачья старожильческая фамилия — в 1626 году здесь служил в пеших казаках Иван Гаврилов сын Бубенный, а в 1631 году погиб Офонка Павлов сын Бубенный, конный казак.

В 1694 году «Пеший казак Васька Бубенный в прошлом в 198-м году в церковный раскол в Паламошнове деревне с раскольщиками сгорел, а на его место в пешую службу и по сие число до 202 года никто не поверстан».

Одним из старожилов Томска был казак Василий Бубенный (умер в 1625/1626 г.), родом из Нижнего Новгорода, сын которого служил в детях боярских. В детях боярских был и Григорий Васильев сын Бубенный, возможно, брат Ивана.

По спискам за 1630 проходят имена казаков Афанасия Павлова и Ивана Гаврилова Бубенных

Интересно, что происхождение этой довольно редкой для Сибири фамилии, разное: Ивашка Григорьев сын Бубенный говорил, что его дед с Москвы; Васька Иванов сын — отец важенин, то есть с реки Вага; Василий Васильев сын Бубенный — «дед и отец родом нижегородцы».

Но не лишено смысла рассмотреть и якутскую версию: «Якутский воевода Иван Федорович Голенищев-Кутузов «мимо указа великого государя» поверстал в 1660–1666 гг. ссыльного Гришку Никифорова сына по фамилии Бубен — сын которого также мог быть уже Бубенным.

Ворыпаев Евдоким

Он был в составе отряда укинских ясашных сборщиков Дмитрия Бологова (Болотова) и погиб вместе со всеми. Вместе с ним были убиты его жена и сын.

О служило-торговой корпорации Ворыпаевых мы уже рассказывали. Но на Камчатке образовалась в те годы и новая ветвь Ворыпаевых — из новокрещенных служилых, аборигенов Камчатки. Возможно толмач Евдоким Ворыпаев и был представителем уже этой ветви.

Жировиковы

Есть информация, что на Камчатке в это время были промышленные люди Михаил и Василий Жировиковы, а также казак Прокопий Жировиков. Но из другого источника мы узнаем некоторые подробности: «Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: Андрея (вероятно, Орлика. — *С.В.*), Евдокима Ворыпаева, Спиридона Перебякина, Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, бес чего посланной партии всеконечно пробыть неможно».

То есть Михаил Жировиков был новокрещеный камчадал, которому дал свою фамилию его крестный — либо промышленный человек Василий Жировиков, либо промышленный человек Прокопий Жировиков. Среди казаков мы такую фамили. Не обнаружили.

Комаров Данила

Енисейский казак «Ондрюшка Комаров в нынешнем во 159м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку»

В 1669 году в казачьи списки Енисейска занесен Комаров Митка Минин. Возможно, что и Данила Комаров был в свое время новоприборным казаком из Енисейска: «Куземка… в его место казачей брат… сын Комаров и в прошлом во155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Гришка занемог и в свое место нанял казачья брата Гарасимка Кондратьева сына Комарова в верхоленском в Братцком острожке».

В составе отряда, набранного Афанасем Шестковым значился: «Служивой ево ж набору Петр Сергеев сын Комаров сказал сороки з годом холост».

В 1748 году среди многочисленных разночинцев Верхнекамчатского острога числится Михаил Комаров. Возможно, это был Михаил Данилов сын Комаров.

Кузнецов Иван

Первым из якутских Кузнецовых был, вероятно, Яков (Якунька) Степанов сын Кузнец, который в 1667–1668 году был приказчиком на Колыме. Не знаю, был ли его сыном пятидесятник Кузнец Федор Яковлевич, который в 1659–1661 годах был

уже приказчиком на Алазее, но точно известно, что анадырский приказчик пятидесятник Василий Федорович Кузнецов был сыном Федора Яковлевича и верстан на убылое место отца.

Возможно, что ранее их прибыли в Якутск кузнецы Онофрейка и Карпунка Микитин сын: «Да Верхоленского ж, государь, острогу служилому человеку Карпунке Микитину Кузнецу дал я, холоп твой, твоего государева жалованья вперед на 159 [1650–1651] денег четыре рубли с четвертью да хлеба, ржи, дватцать пять пуд, да соли пуд. Для того ему, служилому человеку Карпунке Микитине, дано твое государево денежное жалованье, полной оклад, что ему, служилому человеку Карпунке Кузнецу, велел я, холоп твой, быть на усть Куты у Соли на Онофрейка Степанова место Кузнеца для твоей государевы соляные вари для цыренные починки кузнечного дела до твоего государева указу. А на нынешней, государь, на 158 [1649–1650] год ему, Карпунке, твое государево денежное и хлебное, и соляное жалованье не дано, потому что на тот 158 год дано твое государево жалованье Онофрейку Кузнецу. А тово Онофрейка Кузнеца свезли от Соли с собою воеводы Дмитрей Франзбеков да диак Осип Степанов в Якутцкой острог».

В 1693 году в Якутск был сослан вместе с женой стрелец Кузнец Карпушка Федоров сын, записанный в шестую пятидесятню Якутского казачьего полка.

В 1705 году убит на Камчатке казак Григорий Кузнецов.

Скорее всего, погибший Иван Кузнецов был сыном Алексея Михайловича Кузнецова из многочисленного семейства якутских казаков.

В 1688 году поверстан в якутские казаки Кузнецов Гурий Михайлов сын, а Михаил Кузнецов служил в 1706 году во второй пятидесятне. В 1689 году поверстан в казаки Кузнецов Алексей Михайлов сын, который в 1706 году служил в тринадцатой пятидесятни. В одиннадцатой пятидесятне служил Кузнецов Исак Михайлов сын.

В 1748 году в Нижнекамчатске служит в казаках Родион (Алексеевич?) Кузнецов.

Мы особенно выделяем эту фамилию потому, что Алексей Кузнецов был крестным отцом тойона Камака — Степана Алексеевича Кузнецова, благодаря которому последствия камчадальского бунта 1731 года стали не столь трагическими для русских, какими могли бы быть: «К толь скорому разбитию бунтовщиков

много способствовало неукоснительное отправление партии, которая не допустила им в остроге умножиться; ибо в противном случае соединились бы с ними Камакова острога камчадалы, которых считалось человек до ста или более, а малолюдные бы остроги и поневоле поспешили в сообщение, опасаясь бедствия, но тогда видя отправление партии, принуждены были ждать окончания дела под видом людей беспристрастных и верных России».

Обухов Макар

Посадский сын. Представитель сибирской торгово-служилой корпорации Обуховых.

В 1645 году Обухов Петрушка колмогорец был забит «на смерть» сыном боярским Бедаревым по приказу якутского воеводы Петра Головина, пытаясь «вымучить» у него тайны безтаможенного вывоза пушнины из Сибири.

В 1650 г. по какой-то причине таможенный подъячий Василий Обухов, который, по всей видимости, потакал преступным махинациям с пушниной сбежал на Индигирку и Колыму.

Тобольский казак Степан Обухов в 1661 году числился в составе «Литвы».

Енисейский казак Обухов: *«Воевода Ошанинъ, недавно обвинявшій Алексѣева въ злоупотребленіяхъ, теперь самъ обвинялся въ многихъ преступленіяхъ и худыхъ дѣлахъ, напр. въ томъ, что онъ послалъ торговаго человѣка въ "Тюнкину и Качинскую земли" съ своимъ товаромъ на 600 р. для обмѣна на пушнину; въ томъ по обвиненію казака Обухова, что велъ распутную жизнь и увезъ съ Тюмени сноху однаго крестьянина, которую затѣмъ продалъ въ Енисейскѣ казаку за 20 р. Этотъ же Обуховъ возводилъ на воеводу какое-то "великое государево дѣло". Розыскъ надъ воеводой производилъ боярскій сынъ Аршинскій. Воевода смѣненъ. Къ тому времени увозъ чужой жены не было рѣдкостью. Недостатокъ женщинъ чувствовался во всѣхъ классахъ сибирскаго населенія. Крестьяне въ челобитныхъ этого и 1630 г., жалуясь на разныя тягости своего положенія, повинности, просятъ о выдачѣ денежнаго жалованія на платьишко и на обувь, о присылкѣ другой лошади на дворъ, а особенно просятъ: "вели, государь намъ прислати изъ Тобольска гулящихъ (свободныхъ) женочекъ, на комъ женитися", такъ какъ они люди холостые и одинокіе, вынужденные справлять сами всякія "избныя работы" и оттого «опочиву нѣтъ ни на малъ часъ».*

В Красноярском остроге служил в 1662 году в пеших казаках с годовым жалованьем в 5 «рублев» Обухов Ивашко Федоров. А это, вероятно, сообщение о его сыне и красноярском бунте 1695–1698 гг.: «Воевода узнал, что большая партия деревенцов под начальством Василия Обухова направляется в город. На встречу им он отправил своих сторонников. Анисима Путимцова и других. Путимцов с товарищи должны были заявить "деревенцам всяких чинов служилым людям", чтобы они "в Красноярск многолюдством не ездили, а буде кому какая нужда, и они бы ехали в город человека но три, или по пяти, или по шести". Но Обухов не послушался и со всем отрядом стал подвигаться дальше.

14-го сентября воевода послал в дер. Севастьянову казачьяго десятника Илью Сурикова, с 10 казаками, давши ему "наказную память", чтобы он доставил в город "смутителей" Василия Обухова и Ивана Гендоурова. Суриков предъявил память приказному человеку дер. Севастьяновой боярскому сыну Федору Самсонову, чтобы он тех "бунтовщиков сыскав, отдал" ему. Но Самсонов, уже примкнувший к партии Обухова, отказал Сурикову в каком бы то ни было содействии и посоветовал вернуться в город. Тот так и сделал. На обратной дороге, в дер. Хлоптуновой он встретил новый отряд деревенцов, около 40 человек, собравшихся здесь из села Бузинскаго и деревень Юксеевской, Нахвальной, Шиверской, Шандринской и др.».

В 1704 г. в Тобольске служит в пеших казаках второго полка Обухов Дмитрий Никифоров сын.

А в 1746 году на Камчатке убит еще один Обухов — казак Дмитрий Обухов: «Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоен Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без

всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать».

Камчатский казак Венедикт Обухов в качестве ясашнго сборщика, а впоследствии и морехода, ходил с промышленниками на «шитиках» осваивать пушные богатства Алеутских островов.

Островский Семен

Потомок военнопленного, сосланного «в службу» в Сибирь: «Сохранилась "Роспись разобранным иноземцам", которые прибыли в столицу Сибири и впоследствии были распределены между Тарой, Томском и Тобольском. Среди "поляков" и "литвы" видим известные в Омском Прииртышье фамилии. Это Ян Грабинский, Васка Адамов сын Свидерский, Васка Федоров сын Кучковский, Михайло Иванов сын Островский, Филипко Иванов сын Островский, Роман Молодовской и Павел Ставской. Потомки этих нижегородских "поляков" и "литвы" основали в XVII в. одноименные деревни: Свидерскую, Кучковскую и Вставскую и стали родоначальниками русских крестьянских старожильческих фамилий Среднего Прииртышья».

Эта фамилия связана и с известным походом Якова Тухачевского: «По твоему государеву указу, сыскав место, тебе, государю, служил, поставил острог в киргизской земле, в Ачинской волости, на реке Белом Июсе… А острожек, государь, со мною, холопом твоим, ставили из разных городов, всево 38 человек, тебе, государю, служили, лес на острог и на башни, и на избы носили на себе…» («Сибирский приказ» ф. 214).

«Так, отписывал царю мелкопоместный смоленский дворянин Яковъ Остафьевич Тухачевский. (По некоторым изданиям его фамилия читалась как Тугачевский, а отчество указывалось Остапович). Пожалуй, это первое упоминание о польской фамилии, связанное с г. Ачинском. Довольно грамотный для своего времени человек, разбирающийся в военном деле, имеющий твердый характер, Яков Остафьевич был послан в Сибирь во главе отряда за то, что в числе других возмущенных казаков, пришел в Москву и там стал "лаять" бояр за невыплату жалования. Время тогда было смутное, а Сибирь неисследована. Среди простых казаков, отправившихся с отрядом, встречаются польские фамилии: Боянко Фарковский (из Тобольска), Григорий Хмелевский, Михалко Островский и Федор Поляк (из Тары)».

1661 год: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди: Андрей Лазицкой, Григорей Островской, Демьян Дубровской; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в Кузнецкой острог, а государева служба велено им служить в литовском списке в казаках»; «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники шляхтича Гандеевича Яска Петров, Станислав Тавров, шляхтича Радловича Войтех Култановской, шляхтича Адама Станкеевича Петр Островской; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в-Ылимской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Островский Мишка Петров сын значится в именом списке казаков Томска в 1680-х годах.

Вполне вероятно, что томич Семен Островский был «прибран» в якутские казаки и оказался, на свою беду, на Камчатке.

В 1710 г. в переписях жителей Тобольска также упоминается казак Островской и крестьяне Островские.

В 1720 году в составе набора для экспедиции якутского воеводы Якова Ельчина был служивой «устюженин Иван Афонасьев сын Островской ... трицети лет».

В 1778 году во время зимовки на острове Уруп экипажа промыслового судна «Св. Наталья»: «Весной же сего года апреля 13 число компании нашей полупаившик (то есть вступивший в полпая. — Ред.) Большерецкой мещанин Василей Островской болен быв чрез годичное время волею божею помре».

Поповы – Андрей, Григорий, Павел, Дмитрий.

Восставшие камчадалы убили на реке Ука в составе отряда сборщиков ясака Бологова (Болотова) казака Григория Попова

Но в это время служили на Камчатке и другие Поповы. Поэтому поробуем с ними разобраться.

«20 июля 1731 г. спасшиеся из Нижнекамчатского острога казаки Абросим Сорокоумов, Павел Попов и Сергей Красавцев приплыли на батах в устье Камчатки и объявили “скаскою” бывшему там заказчику И. Кыркову о захвате острога».

«Канпаковой реки Кугуву, он же и Харлапан, которой в Конпаковском остроге ночью из юрты выдернул лесницу и в той юрте сожек служилого Дмитрея Попова да служилого Панютина жену з детьми, двух служилых холопей, да служилого ж человека дочь, роздев донага, застрелил». «В то же время служилый Дмитрий Попов, едучи с командою с Облукоминской реки в Большерецк, на р. Компаковой остался ночевать в юрте камчадала Груна-мача. Но ночью дядя Груна-мача вынул лестницу из юрты и зажег ее, и Попов с товарищами и с двумя ясачными и казачьими детьми сгорел».

Был какой-то еще Попов: «По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно, В. Новограбленной батогами нещадно ж, С. Власов — кнутом, П. Матвеев — плетьми, А. Попов батогами».

Возможно, речь идет об Артемии Попове: «В феврале 1725 г. ясачный сборщик Артемий Попов донес с р. Авачи, что изменили ясачные иноземцы на р. Бобровой, Островной и Жупановой и побили служилых Тимофея Маркова, Ивана Парилова и Федора Пакулева. После этого они напали на иноземцев р. Налачевой и увели у них жен и детей, а бывших там ясачных сборщиков Ивана Ирчита с товарищами держат в осаде».

А вот и причина его повторного наказания: «Служилый Попов за сбор для команды юколы без приказу командирского бит батожьем».

О погибшем в отряде Бологова Попове Григории имеются следующие сведения: «1718–1719 годы. Сын боярский Василий (Евфимий?) Качанов. Прибыв в 1718 г., в апреле 1719 г. был лишен власти взбунтовавшимися казаками и посажен в тюрьму. В августе 1719 г. бежал в Нижнекамчатск, откуда в июне 1720 г. отправился в Якутск. Вместо Качанова казаки в мае 1719 г. выбрали “на приказ” (“пищика”, писца. — *С.В.*) Григория Попова». «В конце апреля 1719 г. приказчик Г. Попов отправил из Большерецка в поход на р. Воровскую отряд (30 служилых) во главе с сыном боярским Петром Мухоплевом. В составе отряда были также ясачные иноземцы. В мае отряд вышел на острожек Амшиги и предложил ему сдаться. Получив отказ, казаки штурмом взяли острожек, потеряв при этом убитыми трех человек. Была захвачена пограбленная прежде ясачная казна. После этого Мухоплев нашел Катанача “с родниками”, которых убедил смириться и выдать в аманаты сына Катанача».

И вот еще информация о нем: «...в 1731 году коммисар Шерхудин, подъячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины».

Дмитрий Попов был в отряде Константина Кыргызова. У него в Большерецком остроге остались дети — Степан и Семен.

Был еще один Попов — Иван, который был приставлен к студенту Степану Крашенинникову: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов». У Ивана Попова были впоследствии в Верхнекамчатске сыновья Данила и Иван.

В 1740-х годах на Камчатку определен еще один писарь из Поповых — Михаил Попов, который так же неожиданно, как и Григорий Попов, становится камчатским приказчиком: «Напуганный… землетрясением Борисов послал начальнику Охотского порта Девиеру просьбу об увольнении его от должности под тем предлогом, что в Камчатке, при постоянных смутах, следует иметь командира из военных офицеров. Девиер донес об этом в Иркутск, а до присылки оттуда нового командира послал в Камчатку берегом на смену Борисову писаря Михайла Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти, 5-го февраля 1744 г».

Вероятно, от верхнекамчатской ветви Поповых — от Ивана Ивановича — пошла и петропавловская ветвь Поповых: в 1799 году появился на свет еще один казачий сын Иван Иванович Попов — будущий квартирмейстер Петропавловской экипажной роты, от которого пошла большая самостоятельная ветвь камчатских Поповых: Игнатий (1828 г. р.), Григорий (1832), Иван (1837), Николай (1844).

Игнатий Иванович Попов, матрос 47-го Камчатского флотского экипажа в 1854 году принимал участие в обороне Петропавловского порта.

Чирышев Евсей

Нет сведений.

* * *

«Как только окрестные жители услышали об успехе Харчина и его товарищей, они совершили нападения на разрозненные группы казаков. “Изменники” во главе с Ор Тавачем в “Щеках” выше Шантал убили казачью жену, в Канакове острожке — казачьего холопа Алексея, в Хачиках — казака Петра Пиляева, за-

тем, прихватив из Каменного острожка “ясаула” Васача с пятью человеками, прибыли в Нижнекамчатский острог».

Пиляев Петр

Нет сведений

* * *

«Примерно в это же время (но неизвестно, до или после событий на Еловке) другие “изменники”, в том числе Хобин Харучепов, Урил подострожный, Черема Бургачен (Чремочь, Чромаш, Чремыш, Черемаш, Черемыш, Чарамаш, Чаромаш, Чарома Быргачев), Лехтарев племянник, новокрещенный Никита Родихин, убили на Шантальском озере казака Василия Чюпрова, казачьего сына Ивана Красильникова, новокрещенную девку Варвару, пять дворовых “робят” и “девок” казака Алексея Колмогорова (он же Отопка), взяли в “полон” жену и дочь казака Василия Петрова, а также разорили бывшие при озере казачьи “зимовья, анбары и балаганы”».

Солдат Змиев, руководитель каратальной экспедиции, «…в верховьях р. Аратуга (ителъ. — Орат, ныне — Радуга) захватил “изменников” Тонола, новокрещенных Антошку, Никиту Родихина, казачью жену ительменку Офимью Родихину. Офимья тут же повинилась в убийстве своего мужа Василия Чюпрова (отчима Н. Родихина), за что была пытана огнем, бита батогами (или кнутом?), и то ли забита до смерти, то ли заколота».

Красильников Иван

Казачий сын. По документам тех лет проходит еще и казачий сын Филипп Красильников, вероятно, брат Ивана.

Казак Красильников, о котором мы пока еще ничего не знаем, мог быть из Тобольска. По крайней мере, нам известно о тобольских казаках Красильниковых: «Двор купленой оставного пешего казака Луки Максимова сына прозвище Красильникова сказал себе 65 лет у него жена Евдокея Яковлева дочь 65 лет сын Яков 30 лет у него жена Ульяна Иванова дочь 30-ж лет дети сыновья Никифор 4 Петр 3 дочь девка Пелагея 6 лет у Луки дочь девка Офимья 14 лет…».

На реке Тобол была деревня Красильникова.

Красильниковы были и в Томске — два брата, «луховитина», Федька и Сафронко Захаровы дети Красильниковы, в 1693 году присланы в Сибирь и определены в посад города Томска. У

Захара дети — Ивашко (20 лет), Родька (16), Ивашко же (14). У Сафронки дети: Петрушка (15 лет) и Алешка (три года).

Эта фамилия в 1720-х годах встречается и в Селенгинске, в Удинском посаде.

Петров Василий

Восставшие камчадалы взяли «в полон» на Шантальском озере жену и дочь казака Василия Петрова. Но у него остался сын – Петров Никита Васильевич.

На Камчатке за период с первого похода Владимира Атласова, в котором участвовал Степан Петров, впоследствии сын боярский, побывало немало Петровых.

В 1691 году в Якутском казачьем полку служили: Петров Васька, у которого был брат-тезка Васька (1685 г. р.), Петров Федька — сыновья Ивашко (1672), Гришка (1677).

В 1691 году тезка Гришки — Григорий Петров был одним из якутских атаманов.

«Ефимко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой».

«Тимошка Григорьев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 9 день приверстан в ево Тимошкино место казачей сын Офонька Петров».

В 1706 году в Якутском казачьем полку служат: Петров Алексей, пятидесятник, прибыл из Енисейска; Петров Афанасий (8-я пятидесятня); Петров Григорий, атаман; Петров Григорий, новокрещеный казак (13-я пятидесятня); Петров Ефим, десятник (7-я пятидесятня); Петров Лука (2-я пятидесятня); Петров Лука (16-я пятидесятня).

В 1707 году на реке Большой убит Алексей Петров.

«“26-го апреля 1714 г. …бывший управитель Анадырского острога дворянин Афанасий Петров еще до прихода Татаринова отправился на р. Олютору для покорения здесь сидячих (оседлых. — Ред.) коряк и построения на ней острога, который бы обеспечивал приходящих туда морем камчатских прикащиков с ясаками. Взятие коряцкого острожка на Олюторе, по неприступной местности, было весьма затруднительно, тем более что у Петрова не было ни пушек, ни гранат, и потому, обложив острог, он решился засевших в нем заморить голодом”.

Перенесенные юкагирами бедствия и притеснения вывели наконец их из терпения, и они решили отмстить казакам, и 2-го декабря, во время пути к Акланску, на вершине р. Таловки, приступили к исполнению своего замысла.

День был ненастный, бушевала страшная пурга, так что в дальнейший путь к Акланску решились отправиться только камчатские прикащики В. Колесов и И. Енисейский с несколькими казаками, дворовым человеком и одним крещеным коряком; а остальные остались в Аргиша становье. Дикари вскоре после отбытия прикащиков бросились на оставшихся в становье русских, убили дворян А. Петрова, С. Колесова и бывших с ними казаков и захватили всю ясачную казну. Спаслись от смерти весьма немногие».

Так погиб дворянин Афанасий Петров.

«Вслед за юкагирами (возможно, еще в декабре 1714 г.) к Акланскому острожку подъехали оленные олюторские коряки во главе со своим “лучшим мужиком” Кончалом Энгилиным. Во время осады Большого посада они соблюдали нейтралитет, внесли ясак и даже снабжали русских по их требованию оленями. Однако А. Петров своими действиями довел и их до “измены”. Со слов коряка Белоглаза (Белогласа), которого допросили в апреле 1717 г. в Анадырске, “он де Афонасей для своих пожитков жил у них, оленных коряк, целой месяц, и имал де он, Афонасей, с них коряк по лисице сиводущетой, а с ыных по красной лисице, да по четыре и по три оленя езжалых с санками добрых на выбор, а у кого лисиц сиводущетых и красных не было, и у тех имал он, Афонасей, юрты чюмовые и одежду их коряцкую — парки и куклянки — и кормы их, обкрал юколу, жир и икру. Да он же, Афонасей, имал у них коряк по две каргины добрые жирные и те каргины он, Афонасей, у них коряк бил и на вышеписанных де с них взятых добрых езжалых оленях посылал он, Афонасей, те убитые каргины на санках в Анадырск к жене своей и к брату ево Афонасьеву Петру Петрову”.

<…>Всего на р. Таловке и в Акланском острожке, по данным П. Татаринова, юкагиры и коряки убили 59 русских, в том числе 3 приказчиков, 47 служилых, 7 анадырских жителей и 2 священников (по другим данным — 45 чел.). В руки “изменников” попала камчатская ясачная казна — 5641 соболь, 751 красная и 10 сиводущатых лисиц, 137 морских бобров, 11 “пластин” лисьих красных, 2 выдры, свыше 80 руб. денег и 22 золотника золота» (А. Зуев).

В 1712 году приказчиком Анадырского острога был Ефим Петров.

В Верхнекамчатске в это же время служил Иван Петров, примкнувший к партии Константина Кыргизова, но не участвовавший в грабеже нижекамчатцев.

«1720–1721 годы. Дети боярские Алексей Еремеевич Шестаков и Степан Бобровский. Оба назначены в 1720 г.: первый — в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск и Большерецк. В помощь Бобровскому придали сына боярского Михаила Петрова. В августе 1720 г. они прибыли к месту назначения. В конце 1720 или начале 1721 г. Шестаков был отстранен от власти прибывшим на Камчатку геодезистом И. М. Евреиновым, и в 1721 г. выехал в Якутск. Бобровский выехал с Камчатки в июле 1723 г., умер по дороге в Якутске на р. Урак в 1723 г.»

«1728–1729 годы. Сын боярский Михаил Петров. Назначен в 1727 г. При нем «подчиненным комиссаром» был служилый Петр Петров. Оба прибыли 2 сентября 1728 г. в Большерецк, приняв остроги от временных управляющих. М. Петров расположился в Нижнекамчатске, а П. Петров — в Верхнекамчатске. Управление Большерецком было поручено Шапошникову. При отъезде обоих Петровых остроги были переданы в 1729 г. заказчикам: Нижнекамчатский 26 мая — Г. Чудинову, Верхнекамчатский 11 июля — Михаилу Сапожникову, Большерецкий 16 июля — Степану Петрову».

«В 1728 г. послан на смену Тарабукину сын боярский Михайло Петров с служилым Петром Петровым и писарем Суховым».

Якутский воевода в 1727 году «…прислал в Камчатку сына боярского Степана Петрова для заведения там соляных заводов, так как камчатские служилые неоднократно жаловались на недостаток соли и происходящие от этого болезни. С ним отправлены из Якутска необходимые инструменты для соляных заводов, и велено заводы строить служилыми и обывателями, платя поденные деньги из соляной суммы. “Публиковать, чтобы для себя и продажи там утайкою соли не варили, под смертной казнию; а покупали из казны по положенной цене. А в котором месте будут построены солевые заводы, сколько и какого строения, в скольких верстах от которого острога и во что станет, описав обстоятельно в земскую контору”».

В 1746 году «коряцкий тоен Алык с другою толпою коряк убил ехавших из Охотска в Камчатку сержанта Енисейского с командою и разграбил бывшую при нем денежную казну, порох и свинец. Потом убил служилого Дмитрия Петрова с товарищами,

ехавшего из Ямского острога на р. Тайночик и на р. Наяхан служилого Волынкина, ехавшего с почтою из Охотска в Камчатку».

В 1812 году гренадером в Петропавловской гренадерской роте служил Петров Дмитрий Степанович.

Родихин Никита

Повешен в Нижнекамчатске 10 марта 1735 г. Других сведений нет.

Чюпров Василий

Нижнекамчатский казак.

«В 1587 году был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: “Лета 7095 (1587 год) князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тобольск из вычегоцкие и вымские пермяки (коми) в служилые казаки пять десят и с жоны и с детми…” В начале XVII века одна из улиц Тобольска носила название «Зырянская». На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII века в Тобольске находились стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края: Якушко Вычегжанин, Марк Зырян, Савка Зырян, Васька Пуртов, Семейка Юркин, Тимошка Лузенин, Федька Сысолетин, Василий Выметин, Федор Чупров и другие».

А вот и продолжение этой версии: «На Чечуйском лугу — “…у Фетьки Елисеева Попова (Чупрова)…” — из ужинной книги 1692 г. — РГАДА, Ф. 1177, Оп. 4, Ед. хр. 1603, Л. 3). Фетька — сын чечуйского попа Елисея Федотова Чупрова усть-цылемца. Фетька впервые упомянут в 1691 г.» («Ленские фамилии 17 столетия в Забайкалье»).

Примерно в эти же годы в Томске объявляется посадский человек Федька Филипов сын Чупров родом из Великого Устюга (Синегоцкой волости Есеплевой деревни Ростовского митрополита «тяглой»).

В 1669 году в списках енисейских казаков мы находим имя Стеньки Антонова Чупрова.

В 1688 году имя Федора Чупрова значится в списках иркутских казаков.

В 1720 году в Якутской переписи отмечен: «Служивой набору Афонасья Шестакова Яков Иванов сын Чюпров сказал трицети пяти лет живет у камисара Григорья Кандакова», а также «пономарь церковной Фома Осипов сын Чюпров».

Известен на Камчатке был Петр Чупров: «Собрав ясаки, Шелковников сдал Нижнекамчатский острог Елисею Долгополову, до присылки Безсонова в Верхнем оставлен Нифонтьев; Большерецкий острог сдан от Эверстова Петру Чупрову»,

«Афанасий Жирков в 1725 г. при отправлении из Камчатки оставил закащиками в Нижнем Артемья Кочетова, в Верхнем Петра Чупрова и в Большерецком В. Пашкова».

«Тарабукин по прибытии в 1727 г. в Камчатку принял Нижнекамчатский острог октября 7-го от Петра Бобова, а 1728 г. июня 4-го Верхнекамчатский у Петра Чупрова».

Вполне вероятно, что погибший казак Василий Чюпров был сыном Петра.

В феврале 1745 г. в противовес компании Емельяна Басова, который открыл эпоху освоения Русской Америки была образована новая торгово-промышленная компания, в которую вошли лальский купец Афанасий Чебаевский, иркутский купец Никифор Трапезников, бобыли Яков и Павел Чупровы, крестьяне Зотов, Сидоров, Холщевников, Беляев и Коробейников.

По другой версии промышленниками на шитике «Евдокия», построенном компаньонами, отправились Яков и Николай Чупровы.

«В 1745 году купцы Никифор Трапезников и Афанасий Чебаевский попытались организовать такой поход на Алеутские острова, где еще не бывал Басов. Для этого на реке Камчатке построили судно «Св. Евдоким» и набрали 45 добровольцев. Передовщиком, то есть ответственным за промыслы, был поставлен Яков Чупров, а мореходом — тобольский посадский, один из опытнейших мореходов Охотской флотилии Михаил Неводчиков».

* * *

Основной замысел восставших был прост. Пользуясь тем, что большая часть нижнекамчатских казаков находилась в устье реки Камчатка, провожая в дальнюю северную экспедицию бот «Святой Гавриил», уничтожить тех казаков и их семьи, которые проживали на местах прежнего расположения Нижнекамчатских острогов в своих домах, а затем — ночью! — поджечь дом иеромонаха Иосифа Лазарева, который находился вне острога «с таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять». А перебив всех нижнекамчатцев, приняться и за тех, кто был в

это время на устье. А потом пойти с боем на Верхнекамчатский и Большерецкий остроги.

«И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иермонаха Иосифа двор зажгли таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять, и выбежал его ермонахов сын Андрей Лазарев бить в набат в колок[ол], и тут де его подстрелили и почали казаков бить и убили Алексея Чурина [с]сыном, Ивана Обуховского с пасынком, Дмитрея Новогородова с женою и двух сынов и две дочери, Ивана Буторина с тремя сыновьями, Александра Русанова да новокрещена Якова [с]сыном».

Буторин Иван с тремя сыновьями

Нижнекамчатиский казак.

Бутора — тот, кто быстро, громко говорит; тараторит.

Буторин Алешка — участник албазинской обороны (1686/87), один из немногих, кто остался в живых. Позже служил в Нерчинском остроге. По всей видимости, первоначально тобольский казак: мы можем привести большой список казаков Буториных из Тобольска. Но они могли быть и из Тары: «Ивашко Власов сын Буторин сказал родом он города Тары стрелецкой сын а в Тоболеск переведен в салдаты во 165-м (1657) году у него сын Афонка 13 лет (в 1693 г. тобольский стрелец. — *С.В.*). Впрочем одно другому не противоречит: другой Иван Буторин — Томилов сын, тобольский стрелец «умре в 201 г. велено в его места буть сыну его Офоньке».

Иван Буторин в 1706 году служил в Якутске в первой пятидесятне.

Мог он быть и из Илимска, откуда также набирали казаков на Камчатку: «Среди потомков посадского на Илимском волоке Ивашки Буторы упоминаются: в Криволуцкой волости, в деревне Ворониной (в 1682 г.), после 1864г — в дер. Заборской Федотка Иванов Грибановых, записанный по фамилии Буторин. У него было другое прозвище — Байкал (Байкаловский). В 1697 г. он умер. Его вдова — Маланьица Миронова. У другого, Мишки Иванова Буторина, илимского посадского человека, было прозвище — Митгаль. О том, что они братья, сообщается в судном деле Буториных с Андрюшкой Мокрецовым (Ф. 1177, оп. 3, ч. 4, ед. хр. 2435, л. 2–3). По фамилии “Грибанов” известен Иевко Карпов сын — дядя Ивашки Буторы. Очевидно, что это настоящая фамилия Буторы» (Ленские фамилии 17 столетия в Забайкалье).

Лазарев Андрей

Сын священника, дьячок. Прибыл вместе с отцом из Якутска.

Новгородов Дмитрий

Нижнекамчатский казак

И снова все пути ведут в Тобольск: тобольский казак «Семейка Иванов сын Новгород в прошлом во 155-м [1647] году на государеве службе на Улье реке утонул». «Васка Иванов сын Новгород в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Васке быть в тобольских ...».

Первая найденная нами запись о якутских казаках Новгородовых в материалах Якутской приказной избы: «Книга сбора ясака за 1648–1649 (157) г. с юкагиров и якутов по Янскому Нижнему зимовью ясачных сборщиков Козьмы Лошакова, Ивана Голтепы и Василия Новгорода».

Это и есть тобольский казак Василий Иванов сын Новгород. Его имя мы встречаем и в документах, датированнх 1663 годом: «К сей челобитной вместо служилых людей и за себя Васька Новгород руку приложил».

«1663 (171) г. не ранее марта 1 — не позднее августа 31. — Челобитная служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Михаила Стадухина и пятидесятника Ивана Реброва, о снижении цен на хлеб, ввиду дороговизны снаряжения, покупаемого при походах в “дальние землицы”». И в 1667: «...а в та де поры был в Канском в зимовье приказным человеком жилец Федор Охлопков и как де он, Федор, в том зимовье великого государя ясак собрал и ис того де зимовья он, Федор, приезжал в ту Батурускую волость с служилым человеком с Васкою Новгородом...».

В 1681 году в Якутске в холостом окладе служит Иван Васильев сын Новгородов. Г.А. Попов в «Истории Якутска» указывает на якутского сына боярского Ивана Новгородова (1729 г.) Это, вероятно, тот Иван Новгородов, который в 1729 году стал приказчиком Камчатки.

Но не будем спешить.

Следущее известие о якутских Новгородовых датировано 1683 годом: «...бьет челом сирота ваш Великого Новгорода Спаса-хутыня монастыря крестьянин Алешка Спиридонов сын Новогород. Жалоба, великие государи, мне, сироте вашему, ковымского Нижнего ясачного зимовья на ясачных юкагирей на изменников, на Косово Меньшово с родниками да на Менегу.

В прошлом, великие государи, во 191 году был брат мой Иван Семенов Новогород здесь на Ковыме реке с торгом, с рускими всякими товары, а по отпуску из Якутцкого острогу по таможенной грамоте пришло с ним, братом моим, на коче всяково товару и хлебново запасу на сто рублев. И отсель с Ковымы реки, с ярманги в том прошлом во 191 году тот брат мой Иван Семенов пошел водяным путем в каюке вверх по Анюю реке и за Камень в Анандырской острожек. А с ним пошло, з братом моим с Ываном, хлебного запасу муки ржаной восемь мешков, «четырнатцеть котлов красной меде, да зеленой меди восемь котлов, да дельного железа топоров и палем и копей и стрел и ножев и пил и молотов и клещи и наковальней и трубок и трезубов и наглазников - восемь пуд, кумач красной, китайка, два конца крашенин, пятьдесят аршин холсту тонково, якорь ломаной, снасти кочевые, кокошник на золоте з жемчюгом, два зипуна сермяжного сукна белого, кафтан холодной стаметной, письменных крепостей кабал. А те его братни животы и товары и ево, брата моево Ивана, нанялся он, Косой, с родниками и с товарищи, довести и поставить в Анандырской острожек. И он, Косой, с родниками и с товарищи, на дороге ево, брата моего Ивана, на том Анюе убили и животы его и товары все побрали».

В 1693 году Алексей Спиридонович Новгородов записан по Якутску в посадские люди.

При этом очень важную роль в Якутске играли также братья — посадские люди — Василий, Павел, Алексей и Елисей Игнатьевичи Новгородовы.

Василий Игнатьевич был целовальником, таможенным и заставным головой Якутской таможни, в целовальниках (приемщиках и оценщиках мехов) были и енго братья. Павел Игнатьтевич Новгородов был также церковным старостой Троицкой церкви.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе умершаго посадного Егора Павлова сына Новгородова»; «Двор служилово Алексея Иванова сына Удорина а живет посадной Иван Дорофеев сын Новогородов», «Во дворе таможенной голова Дмитрей Павлов сын Новогородов», «Во дворе умершаго посадного Елисея Игнатьева сына Новогородова...»; «Во дворе посадной Афонасей Павлов сын Новагородов».

Но это еще не все: в 1679 году по требованию митрополита Корнилия в Якутск были сосланы раскольники, в том числе и «не-

кто» Василий Новгородов, тоже записанный в посадские люди. У него здесь родились сыновья: Митька (1688 г. р.) и Ивашко (1689 г. р.).

Но и это еще не все: в Якутске еще одним посадским человеком был Пашка Новгородов, у которого было три сына: Егорка (1670 г. р.), Офонка (1679 г.р.) и… Митка (1681 г.р.). Вот этот Митька в 1720 году назывался уже полным именем: «…таможенной голова Дмитрей Павлов сын Новогородов».

Вполне вероятно, что казак Дмитрий Новгородв мог быть из семьи посадских людей (их тоже верстали в казаки).

Но вероятнее все же другой расклад: в Якутске в 1748 году мы находим целую группу Дмитриевичей — казака Матвея Дмитриевича, детей боярских Алексея Дмитриевича и Якима Дмитриевича Новгородовых.

Это явно казачья династия, в которой чин сына боярского передавалась по наследству.

И еще одна запись: Якутск, 1748 год, казаки: «Дмитрей Новогородов, Дмитрея Новогородова внук Семен Иванов, Яким Дмитриев сын Новогородов, у него братья Матвей, Алексей».

«Ключик» в этой истории был найден позже — в событиях, касающихсся расследования причин Харчинского бунта: «В 1730 г. коммисар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в чащину соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями…».

В таком случае получается следующая картина: Иван, Яким, Матвей, Алексей — дети казака Дмитрия Новгородова. Веротяно, дети Дмитрия Ивановича, который в свою очередь является сыном Ивана Васильевича (именно он из этого рода в 1729 году отмечен в чине сына боярского в Якутске) и внуком тобольского казака Василия Новгородова.

В 1747 году казак Потапов сообщает о разорении Акланского острога и службе Екима Дмитриевича: «…как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорен и созжен, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружие все выкопано и взято изменниками, а у кого оная пороховая казна и пушка и оружие имеютца, того он, Потапов, не знает, токмо де нашли одну фузею, покинута

в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новогородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивиэра фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чюдотворца и псалтырь, в чем имеет за рукою ево росписку…».

Но мы пока так и не знаем, какое все это имеет отношение к камчатскому казаку Дмитрию Новгородову, у которого на Камчатке остался в живых сын Иван Дмитриевич Новгородов, а в 1748 году отмечен в камчатских именных списках и внук — Семен Иванов сын Новгородов.

А вот, что касается Ивана Дмитриевича Новгородова, то мы вернемся к его личности чуть позже.

Обуховский Иван

Из тобольских казаков Обуховских. Вероятно, из «набора» Владимира Атласова. Один из старожилов Камчатки. В 1706 году числится в тринадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. В 1711 году примкнул к «воровскому» атаману Анциферову. О нем мы писали в главе «Тобольские уроженцы» (т. 1).

Русанов Александр

Сотник Анадырской команды.

Русанов Дементий Иванов в 1633 году служил в Тюмени, но казачья династия Русановых сформировалась в Тобольске, где у казаков Русановых была собственная деревня в Тобольском уезде «вверх по Иртышу».

Тобольский казак «Федка Русанов … во 163-м [1655] году послан на службу в новую Даурскую землю». В 1696 году в Тобольске в чине сына боярского служит Григорий Русанов, сопровождавший в Москву монгольских купцов.

В 1681 году в Якутске служит в женатом окладе казак Русанов Тараско Анцыфоров, но это, скорее всего, бывший тобольский «годовальщик».

Вот интеесная запись о том, как могли складываться денежные оклады детей боярских: «Федору Никитину сыну Грозину оклад ему учинен из окладу деде ево Бориса Грозина что отдан был сыну боярскому Фоме Семенову рубль Семена Русанова 3 рубли и учинен ему оклад 4 рубли» Семен Русанов — Семен Степанов сын Русанов, сын боярский.

Сотник — это обер-офицерский казачий чин, который передавался по наследству.

Впоследствии Русановы — династия гижигинских казаков, переведенных в Гижигу из упраздненного Анадырского острога.

Чурины Степан и Алексей

Нижнекамчатские казаки. Алексей Михайлов сын Чурин был убит вместе с сыном Иваном во время нападения восставших камчадалов на Нижнекамчатск. У Степана Чурина была убита жена.

В Томске в 1624 году служил в казаках по литовскому списку Иван Чюра.

Казаки Чурины также служили в Тобольске: в1689 году в переписной книге записан казачий сын Мишка Леонтьев сын Чюрин, вероятно, будущий отец Алексея и Степана.

Алексей Михайлович Чюрин был старослужащим: в 1706 году он был записан в одиннадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка и, вполне возможно, что он (или оба) были из «атласовского набора».

* * *

«Сего 1731 году июля 20 дня пришед де из острогу на коргу служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красовцов объявили скаскою. Нижне де Камчадальской острог пришед иноземцы, а какие иноземцы и с которую сторону острог раззорили и зажигали, служилых людей побили, Андрея Попова. Алексея Чюрина, Ивана Буторина, Ивана Обуховского, а про других де знать им подлинно не можно, понеже де они, Обросим, видя себе смерть, едва спаслися и бежали в батах. Того ради уведомляем сим ведением. А Нижнего Камчадальского острогу обывателей служилых людей малое число и из оных имеютца и безоружейны и о умирении оных иноземцов вспоможение Нижнего острогу служилым людем и о выдаче им, служилым людем, свинцу и пороху посланная партия что соблаговолит».

Красавцев Сергей

Якутск, 1720 год: «Иркуцкого города житель Филат Яковлев сын Красавцов в Якуцк приплыл в 717-м году в работе Якова Ельчина стоит на подворье у служилого Прокофья Сургутцкого».

Вероятно, и Сергей Красавцов прибыл на Камчатку из Иркутска.

Сорокоумов Абросим

У Сорокоумова во время пожара в Нижнекамчатске была убита жена и двое сыновей. То есть, и он был из старожилов Нижнекамчатского острога.

Это была известная якутская фамилия.

В 1640 году служилым человеком Ленского острога был енисейский служилый человек «Багдашка Ортемьев Сорокоумов». Его имя мы узнаем из челобитной, которую подписал и Семен Дежнев: «В нынешнем, государь, во 148 году по твоему государеву указу и по приказу стольников и воеводы Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова да дьяка Еуфимия Филатова велено нам, холопем твоим, быть на Лене реке и служить твоя государева служба в Ленском острожке, а твоего государева денежного жалованья велено нам, холопем твоим, дать по полуокладу, по два рубли с полтиною. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам дать из своей царской казны своего государевого денежного жалованья енисейской присылки ил… неких доходов, годового полному окладу по пяти рублей человеку, чтоб нам, холопем твоим, было в чем платьишко и обувь купить в чем бы было твоя государева служба служить, покамест из Ле(нского) острожку торговые и промышленные люди не разбредутца. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Возможно Дементий, отец Семена Сорокоумова был братом Богдашки Артемьева. Фамилия достаточно редкая и характеризует людей с высоким интелектом — «сорок умов»…

«Казачий десятник Семен Сорокоумов отправился в 1666 году совместно с 5 другими казаками и 30 торговыми и промышленными людьми на коче из устья Колымы в устье Лены, но из-за льдов не мог его достигнуть: “не дошед до устья Индигирки реки, в голомени в большие льды затерло”. Бросив коч, мореплаватели пошли к берегу пешком по льду и достигли конечной цели путешествия — Якутска — сухим путем. В 1679 году Сорокоумов находился на Колыме, где занимал должность приказного казачьего десятника» (Визе).

Вот, что писал М.И. Белов о Семене Дементьеве Сорокоумове: «Семен Сорокоумов принадлежал ко второму поколению якутских казаков. Свои службы на северо-восточных реках он начал в 60-х годах на Колыме. В челобитной царю Алексею Ми-

хайловичу, поданной в Якутскую съезжую избу в 1669 г., Сорокоумов упоминает, что в течение предыдущих 8 лет он служил на Колыме без царского жалованья.

16 июля 1667 г. Сорокоумов вышел на коче с Колымы в Якутск. Около устья Индигирки его судно попало в лед и было оставлено. Так же неудачным было плавание Семена Сорокоумова в следующем году с Индигирки на Лену. Лишь на третий год ему удалось войти в Лену. Летом 1672 г. Сорокоумов поехал на Колыму, но у Бузина острова его судно потерпело крушение. От места гибели коча казак пришел в Верхнеколымск, а потом вернулся в Якутск в 1673 г. "через Камень". В 1678 г. он вновь был послан служить на Колыму. В его отряде находился Яков Пермяков, известный впоследствии мореход, принимавший участие в открытии Новосибирских островов. С Сорокоумовым поехали дети прославленных якутских мореходов: Абрам Салдатков, сын Артемия Салдата, товарища Дежнева, Василий Аргунов сын Лазаря Аргунова, и др. Сорокоумов благополучно прибыл на Колыму. Затем Сорокоумов служил на Индигирке, где в 1685 г. во время восстания юкагиров был убит».

По другим данным убит в феврале 1688 года.

Вот еще один любопытный эпизод из жизни приказчика Сорокоумова, о чем он рассказывает сам в одной из своих челобитных: «А на Индигирку реку с Лены реки пришло 2 коча торговых людей, коч гостя Василья Шорина, человек ево Гришка Варфоломеев с товарыщи, а на другом коче торговые люди Никифор Бобровской Лалетин с товарыщи. И оне, Никифор Бобровской, свои хлебные запасы и руские товары переволочили через гору на Ковыму реку, а коч у них остается на Индигирке реке порозжден. А я, Семейка, приказав великих государей казну служилым и торговым, и промышленым людем, зимным путем волочился с край лесов до Уяндинсково острожку и до под Шиверского ясачного зимовья для ради великого государева дела к приказным людем сыну боярскому Кузьме Лошакову да Омельяну Аргунову, Марку Федорову, чтобы нам по совету для казны великих государей взять у торговых людей коч, которой буде згоже, и послать бы вам с отписками в Якутцкой острог через Камень служилых людей. И оне, приказные люди Кузьма Лошаков с товарыщи, мне, Семейке, в том во всем отказали — мы де у торговых людей судна коча не возьмем, а с отписками послать в Якутцкой острог неково, у нас служилых людей мало, да и боимся от изменников ламутских мужиков смертного убойства. А мне, Семейке, великих государей казны на Индигирке реке не поставить, как лед скроется, взять у торговых людей под казну великих государей коч, которой буде пригоже, и итти морем в Якутцкой острог. А с отпискою нынеча через Камень на Янгу реку и в Якутцкой острог к тебе, стольнику и воеводе, послан служилой человек Ондрюшка Иванов Цыпандин по великой нужде, боячись от изменников ламутцких мужиков смертнаго убойства.

А он, Андрюшка, помнячи великих государей крестново целованья, не убояся смерти, пошел с-Ындигирки реки на Янгу один, только даны ему провожатые 2 человека ясачных юкагирей, на оленях».

Сын боярский Иван Семенович Сорокоумов одним из первых начал розыск по делу Владимира Атласова об ограблении купцов: «Воеводы немедленно отправили трех якутских казаков Ивана Сорокоумова с товарищи с "указною памятью" к "прикащику" Чичюйскаго острога Кузьме Мачахнину, с приказом — отправиться ему с Сорокоумовым в Киренской острог, осмотреть там у Атласова и его казаков и переписать "грабленые животы" Белозерова и отобрать их, а Атласова и "воров" — казаков "держать в великой крепи" и весною доставить их в Якутск».

Но с этим заданием, как известно, он не справился.

Как не справился и с другим…: «В августе 1709 г. сыну боярскому Ивану Сорокоумову, назначенному приказчиком в Удский острог, было предписано «проведывать» остров на море против р. Удь (т. е. Шантарские острова). Но Сорокоумов не выполнил данное указание. Распоряжение было повторено новому удскому приказчику сыну боярскому Василию Игнатьеву в 1710 г.» (А.С. Зуев).

«1710 году, июня в 4 день, в Уцком острожке в ясачном зимовье прикащик сын боярской Иван Сорокоумов допрашивал служилых людей, по указу великого государя и против памяти Якуцкого города от столника и воевода Дорофея Афонасьевича Траурнихта, о допросе на море островов и людей и соболей и всякого зверья. Тогож числа, выслушав служилые люди великого государя указ и память, сказали: Семен Анабара, Иван Каргапол, Григорей Харин, Иван Юрьевских, Василей Костромин, Григорей Дренин, Семен Типушин, Матвей Чюхарь, Никита Струихин, Василей Лазарев, Никифор Курков, Карп Глушкой, Григорей Волга, Евтифей Зырян,

Матвей Торской, Козма Енисейской: те де острова на море от Уди реки от устья видеть, а сами де мы на тех островах не бывали, а от мужиков слышим, что де на тех островах соболей есть много и всякого зверя и оленей; а людей де сказывают не видали, потому что де мы вдаль не хаживали и землю де мы не знаем, велика ли или мала, а реки из него текут велики, и хребты видеть велики, и рыба в реки идет всякая».

«1710, июля в 10 день, по указу великого государя и по наказу из приказные полаты, велено мне уцкому прикащику сын боярскому Ивану Сорокоумову с усть Уды реки в море которой остров значится, проведывать: какие люди на том острову, и какой веры, и под чьим владением, или собою живут, и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть; и по прямому свидетелству, буде возможно, какими судами самому с служилыми людми и с иноземцы съездить и сметить, сколь далече от усть Уди реки тот остров, и взять о том прямую достоверную ведомость и чертеж за своею и служилых людей руками и иноземцов за их замены, и привезть в Якуцкой и подать в приказной полате столнику и воеводе Дорофею Афонасьевичю Траурнихту да подьячему с приписью Ивану Татаринову. И он де Иван, для проведыванья того острова из Уцкого с служилыми людми не ходил для того, что служилые люди, 14 человек, которые пошед дощеником из… зимовья на Удь не пришли и воротились назад в Якуцкой, и за тем ему из Уцкого острогу итти было не с кем. А в остатке от него Ивана на Уди служилых людей 16 человек, в том числе 2 человека лежат при смерти; и служилые де люди и ясачные иноземцы дали ему Ивану Сорокоумову в Уцком остроге, за своими руками и знамены, о островах сказки, и те их сказки привез он Иван в Якуцкой под сим доездом. А надобно де к тому морскому ходу сделать на Уде кочь, шитик, да служилых людей человек с 30, да ясачных иноземцов человек с 10, да на припасы 5 пуд прядина да 5 пуд пенка, да на парус 300 аршин холста, 2 напарьи, да кузнец для починки и поделки всякой мелочи, 2 долота, да 2 теслы, да гвоздья и скоб. В том и доезд дал, а доезд писал, по повелению отца своего, Стефан Сорокоумов».

«26 июля 1713 г. в указе сибирского губернатора князя М.П. Гагарина было велено послать из Якутска на Камчатку какого-либо сына боярского и с ним 12 человек для исследования морского пути на Камчатку через Ламское (т. е. Охотское) море. Для

этой цели был послан сын боярский Иван Сорокоумов, который, однако, задания не выполнил.

Решено было повторить исследование, но так как было очевидно, что для выполнения его нужно организовать постройку мореходных судов при помощи опытных мастеров, то на этот раз, кроме якутского служилого Козьмы Соколова, в Охотск послали мореходца-кормщика, т. е. рулевого, Якова Невейцына и других мореходцев, а кроме того, и опытных плотников. Приказано было попутно обследовать и жилые острова в Ламском море и у Камчатского носа, узнавая от их жителей "какой веры и под чьим владением и какую битву и богатство имеют", и составить чертеж.» (Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, СПб., 1885, стр. 39.).

А вот и подробности: «Дело дошло до правительства, и в 1713 г. последовал указ Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя этот приказ, сибирский губернатор Гагарин предписал якутскому воеводе Ельчину "послать из Якутска в Камчатку сына боярского с 12 казаками через Ламу. С Ламы ему идти с людьми в Камчатку морем". Дополнительно от себя Гагарин приписал посылать не охотников, а по очереди, "ибо дело нужное, и по возвращении пожалованы будут чинами и богатством".

Выбор руководителя похода был весьма неудачен. Сын боярский Иван Сорокоумов, нерадиво отнесшийся перед этим (1709–1710 гг.) к выполнению приказа об осмотре Шантарских островов, и сейчас совершил свой поход в Охотск без всякой пользы. Подойдя к острогу, он без видимой причины взял его боем, а вслед за тем, вместо принятия мер к выполнению приказа, предался пьянству и грабежам.

Сорокоумов по прибытии в Якутск был заключен в острог, где умер в 1718 г. Команда его послана в Анадырский острог».

В 1706 году неожиданно — вероятно, по причине преклонного возраста — завершает службу и его сын — Степан Иванович Сорокоумов: «Восьмая пятидесятня. В 1706 году от службы отставлен и на его место приверстан сродняк его Петр Иванов».

Судя по возрасту Обросим Сорокоумов, мог быть сыном одного из них.

На Камчатке также проходил в 1740-х годах службу и якутский казак Михаил Степанович Сорокоумов, который в 1761 году был в Якутске в чине сына боярского 2-й статьи.

Это, вероятно, о нем сообщается в очерке по истории Гижигинской крепости: «И между де тем времянем в декабре месяце приехал к ним в Акланск из Анадырского острогу за сбором с живущих около Акланского острогу Анадырского ведомства с коряк ясака якуцкой служилой Михаило Сорокоумов всего в трех человеках, а того де дни, которого он, Сорокоумов, к ним приехал, изменники, стояв под острогом, ввечеру отступили. И приехав, оной Сорокоумов засел с ними в остроге в осад[у], и сидели в осаде ноября с 26 числа 745 по 746 год до марта месяца, а пропитание имели самое нужное: ели сети сученые из китовых жил, и ремни нерпичьи, и подошвы от торбосов и едва де все с гладу не примерли».

* * *

Следующие потери русских были уже во время штурма Нижнекамчатского острога казаками, матросами и солдатами: «А из имеющихся служилых людей в партии, об которых репортовал к вашему благородию, из оного числа побито на приступе Камчадальского Нижнего острогу 3 человека: Сава Чигин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин. Да сего ж 1731 году в разных числе[х] волею божиею померли гранадер Стефан Силиванов, матроз Петр Таранкин, служилые Дмитрей Осколков, Михайло Чернеговской, Иван Маслецов».

Маслецов Иван

Мы не нашли о нем никаких сведений.

Нифантьев Борис

Нифантьевы — представители служило-торговой сибирской корпорации. Кирилл Нифантьев появляется на реке Лене в составе одного из отрядов енисейских казаков — уже в 1640–1642 гг. он стал приказчиком Уяндинского зимовья: «Во второе посещение Индигирки Поснику Иванову удалось более прочно закрепить "новую землицу" за московским царем. Поэтому он решил оставить в Уяндинском зимовье 17 своих товарищей во главе с Кириллом Нифантьевым "для государева ясачного збору", а сам с "соболиной казной" и соболями своих товарищей прибыл на Лену».

В Енисейске в 1630-х годах служили также Микитка и Тренка Нифантьевы-Нифонтовы. У Никиты были сыновья Митка и Васька.

А в 1650 году в Якутске занимался пушниной торговый человек Иван Нифантьев.

В 1691 году в Якутске служат: Кондрашка Нифантьев, Пронька Нифантьев, «Федька Нифантьев в прошлом во 197-м [1689] году за Носом на Анандыре реке от иноземцов убит».

В 1706 году якутский казак Кондратий Нифантьев продолжает служить в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

В 1723 году Матвей Нифантьев назначен приказчиком Нижнекамчатского острога: «В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву Нижний острог, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки».

Осколков Дмитрий

Осколковы — представители крупной сибирской торгово-служилой корпорации. О них мы писали выше. Дмитрий Осколков был членом экипажа бота «Восточный Гавриил».

Черниговский Михаил

История первого «воровского» атамана Албазинского острога Никифора Черниговского, о которой мы рассказали в главе «Казачьи бунты», была продолжена на Камчатке, куда был командирован из Иркутска его правнук Михаил Прокопьевич Черниговский: *«В 1703 году Прокопий Черниговский побывал в Москве. Он числился Идинского острогу десятник казачий. С пятидесятником и другими казаками он отвез в Иркутск годовое жалованье "к тамошним иркуцким доходам вприбавку денег тысячю рублев да товаров". В Москве все они закупили пищали. В челобитной они просили "нам купленные наши пищали, порох и свинец на Верхотурье пропустить", "У Прокопья Черниговского пищаль-винтовка. Да детем ево Семену да Михайлу Чернеговским по пищале-винтовке, полпуда пороху, десять фунтов свинцу"».*

«В окладной книге 173 [1664–1665] года ... записаны Никифор Черниговский и Федька Черниговский. В этой же книге есть особая статья: "Ссыльные литовские люди, челядники". Первым там записан "Пронька Черниговской". Челядь, челядники — это домочадцы, слуги, работники. Здесь это слово, видимо, употреблено в значении "домочадцы служилых людей", потому что Пронька, как

выясняется из последующих документов, был внуком Никифора Черниговского. Его отцом был второй сын Никифора Черниговского Анисимко. Это подтверждается челобитной, которую подавал в 1692 году Пронька Черниговский: "Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, Пронька Онисимов сын Черниговской". Почему-то внук Никифора Черниговского Пронька числится уже служилым человеком, а отец Проньки, Анисимко, не упомянут. Больше в фонде Сибирского приказа окладных книг жалованья до 1665 года (года побега Н. Черниговского на Амур) нет. Однако же А. А. Ионин сообщал, что среди документов Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества была копия окладной книги денежного жалованья Илимского воеводства за 171 [1662–1663] год. Но он не привел дословно выписки из нее, а дал недостоверное изложение. Он писал, что Никифор Черниговский "был в 1663 году пятидесятником же, имел двух сыновей Преньку, Федьку, также служивших в казаках, один в рядовых, другой пятидесятником, как и отец его". Как следует из книг фонда Сибирского приказа, пятидесятником был только Никифор Черниговский. Кроме того, Пронька был не сыном Никифора Черниговского, а внуком» (А.Г. Красноштанов).

Шавырин Никита

Казак.

Шевыря Дмитрий Григорьевич в 1706 году служил в двенадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Никита, вероятно, его сын.

Это одна из известных камчатских фамилий.

В сентябре 1745 г. снаряженный на средства компании шитик «Евдоким», на котором шли Чупровы, вышел из устья Камчатки. Командовал им мореход устюжский посадский Михаил Неводчиков, который в 1742 г. принимал участие в плавании капитана М. Шпанберга в Японию; с ним плыли передовщик Яков Чупров, 45 промышленников и камчадалы, а также (от Большерецкой канцелярии) казак Сила Шевырин, который должен был записывать все достопримечательности и склонять жителей островов платить ясак.

В августе 1749 г. отправились в море на судне «Св. Борис и Глеб» иркутский купец Никифор Трапезников и сопровождавший его для собирания ясака казак Сила Шевырин; они возвратились в

следующем году, побывав на о. Беринга. В 1750 г. на промысел ушли еще два судна: «Св. Симеон и Иоанн» компании купца И. Рыбинского (оно разбилось у о-ва Медный) и «Св. Николай» компании Н.Трапезникова. Последнее судно под командой казака Силы Шевырина, уже плававшего на нем в 1749–1750 гг. к о-ву Беринга, достигло Ближних Алеутских о-вов. Здесь экипаж провел три года, занимаясь добычей пушнины. В 1753 г. «Св. Николай» возвратился на Камчатку с большим грузом мехов на 105 730 руб. и ясаком, собранным в казну с 15 алеутов.

По другой информации: «Благополучно прошло также пребывание на Ближних о-вах экипажа судна "Св. Николай" компании Н. Трапезникова в 1755–1757 гг. Благодаря дружественным отношениям с алеутами казаку С. Шевырину удалось собрать ясак с 60 человек. После трехлетнего промысла работные люди компании Н. Трапезникова привезли на Камчатку рекордный для того времени груз пушнины на 187 268 руб».

Судно «Св. Владимир», принадлежавшее тульскому купцу Семену Красильникову «с товарищи», вышло в море 28 сентября 1758 г. под командой морехода Дмитрия Пайкова. На судне находилось 45 чел. и среди них сборщик ясака Сила Шевырин.

В июне 1760 г. ездили партиями на те же острова, но на о. Ахта приехавшие туда С. Шевырин и 11 других промышленников были убиты местными жителями, что заставило остальных принять решение немедленно вернуться на Камчатку.

В 1748 году в Нижнекамчатске служит казак Степан Шевырин.

* * *

Власов Степан

У него в верховьях реки Камчатка был свой двор, который восставшие камчадалы сожгли.

Власов Степан 17 апреля 1735 года наказан по приговору Следственной комиссии в Нижнекамчатске. Его вина: целовальники Кирков и Власов за промен вина на соболей биты кнутом на площади.

Фамилия Власов очень распространенная в Сибири, но обязанности целовальников (финансовых директоров) обычно доверяли только ближнему кругу лиц — следовательно, Степан Власов был, скорее всего, якутским казаком или торговым (посадским) человеком. В 1720 году в Якутске были и такие Власовы: «Во дворе посадной Родион Власов сын ...».

В 1703 году в Верхнекамчатске умер Григорий Власов. А в 1705 году убит на полуострове Иван Григорьев сын Власов из шестой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Но корни у этой фамилии, вероятнее всего, тобольские: «Жданко Власов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году». Или березовские: «Микитка Власов на государеве дальней службе … на Охоте реке …» 1651 год.

Иван Иванов сын Власов был в Якутске в 1720 году сыном боярским (в 1706 году служил в шестой пятидесятне, как и Иван Григорьевич, созможно, это и сына Ивана Григорьевича).

Кабыков Яков

Семейный казак, жил в верховьях реки Камчатка вместе с казаками Ананием Туховым и Степаном Власовым. Восставшие камчадалы убили его жену.

Фамилия редкая, аналогов отыскать не удалось. Скоре всего, это новокрещенный казак из аборигенов.

Но, если мы рассмотрим эту фамилию, как записанную или прочитанную неправильно, то можно предположить, что изначально она писалась, как Кабанов.

Павел Кабан – верхнекамчатский казак, был напарником Кыргызова. В 1705 году был убит на Камчатке Е. (имя расшифровать не удалось) Кабанов. А в реестре казаков за 1748 году в Нижнекамчатске числился Андрей Кабанов.

Кабановы — тобольская казачья фамилия.

Возможно, фамилия писалась как Кабаков (Кобаков) — такая фамилия среди казаков упоминается в документах по Красноярску за 1679 год.

Тухов (Тюхов) Ананий

Казак. Проживал в верховьях реки Камчатка. Восставшие камчадалы сожгли его двор.

А самого Анания убили вместе с другими казаками во время пожара в Нижнекамчатске.

В 1709 году в переписи Мехонской слободы упоминается фамилия Тюховцов.

Д.Я. Резун сообщал, что енисейский казак (или стрелец) Иван Максимов Тюхин в 1665 гооду в составе отряда пятидесятника Г. Ловцева участвовал в возведении Селенгинского острога.

В 1630-х годах в Тобольске служил сын боярский Михаил Тюхин. Других сведений у нас нет.

* * *

После уничтожения Нижнекамчатского острога «…Голгоч пошел на Шапину и «тамошним иноземцам великие разорения зделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол», после чего вернулся на Козыревку, где погиб в схватке с отрядом верхнекамчатских казаков, возглавляемых Семеном Белковым»; «С р. Камчатки Змиев ходил по р. Радуге для побития изменников, а в ноябре в Еловский камчадальский острожек; а казак Белков ходил для усмирения нижнешантальских и козыревских камчадалов».

Белков Семен

В 1696 году Белков Сенька Леонтьев был тобольским казаком.

А вот и подробности: деревня Смолина на реке Тобол, 1689 год: «Во дворе драгун Дмитрий Леонтьев сын Белков 26 лет, сын Корнило 2 лет, братья драгун Тимофей 24 лет, Тимофей же 21 года, Иван 18, у него отец Леонтий Федоров 56 лет». Но это еще не все: «Во дворе драгун Петр Григорьев сын Белков 46 лет, у него дети: Иван 15. Тимофей 13. Леонтей 4, отец Григорий Федоров 70 лет, у него племянники: Иван 5, Трофим 3 лет».

В 1748 году в Большерецке числился разночинцем Иван Белков, вероятно, его сын. Следовательно, Белков на Камчатке тоже был семейным («домовым») казаком, возможно «набора» В.В. Атласова. А в списке якутских казаков в этом же, 1748, году записан Карп Иванов сын Белков. Вероятно, внук.

* * *

8 октября 1731 года.

«8 октября Пашков получил известие из острожка Машуры от служилого Аврамова, что множество изменников ходят выше реки Козыревской с ружьями, пищалями, да на р. Чажме собралось до ста человек изменников из Шантал».

Аврамов

Выбор большой, Аврамовых и Абрамовых на Камчатке служило немало.

Но, вероятно, это был Агапит Аврамов, который в 1712 году присоединился к Константину Кыргызову и был за это наказан и, по всей видимости, приговорен к «вечному житью» на Камчатке.

Не исключена возможность также, что это был Абрамов Трифон Вавилов — якутский казак, который в 1706 году служил в тринадцатой пятидесятне, или Аврамов Никифор, служивший в это же время в девятой пятидесятне, так как якутские казаки постоянно пребывали на Камчатке в служебных командировках — «годовали».

* * *

«Во оном же 731-м году присудствия Верхнего Камчадальского острогу Харьюзовой и Белоголовой рек ясашные иноземцы Максимко да Щербак с товарыщи изменили и на Белоголовой реке трех человек служилых людей Кирила Золотавина, Василья Портново, Карпа Бекирева убили, да на Сопошную реку приходили и на оной Сопошной реке иноземческого парня убили, а у протчих иноземцов жен и детей всего семь человек, також и пожитки их иноземческие и платья взяв, разделили по себе, да на Иче реке ясашных же иноземцов десять человек убили, а жен их и детей и пожитки взяв, разделили по себе».

Бекирев Карп

Казак, вероятно, уроженец Камчатки — сын тобольских казаков Кирилла или Лазаря Бекиревых, которые были «воровскими» товарищами Д. Анцыферова и К. Кыргызова (см. главу «Тобольские уроженцы», т. 1).

Золотавин Кирил

Возможно, и он был уроженцем Камчатки: «В 1724 году в октябре месяце приехал из Якуцка на место Федора Шелковникова прикащиком якуцкой служивой Афонасей Жирков, которой всеми тремя острогами управлял, как и прежние прикащики, один год. В бытность его объясачено на Карагинском острову карагинцов дватцать один человек чрез промышленного Ивана Золотавина, а ныне их в ясаке обретается 30 человек, а всех их на оном острову живет человек со его или больше. Платят в ясак лисицы красные».

В 1748 году Иван Золотавин записан посадским Верхнекамчатского острога. А Кирилл Золотавин был служилым человеком, сборщиком ясака. Вполне допустимо, что он мог быть сыном Ивана Золотавина.

Портнов Василий

«В 1702 году в ответ на обращение ясачных юкагиров Ходынского роду "Некраско с родниками" о защите их от чукотских набегов анадырский приказчик сын боярский Григорий Чернышевский отправил в апреле 1702 г. из Анадырска в поход на чукчей Алексея Чудинова во главе отряда из 24 служилых, анадырских жителей и промышленных, 110 ясачных юкагиров и коряков. Поход продолжался 8 недель с апреля по июнь 1702 г. Дойдя до Анадырского "моря" (Анадырского залива?), отряд разорил 13 юрт пеших чукчей, которые отказались дать ясак, "и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли, и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти". Спасшиеся из этих юрт чукчи известили остальные стойбища. Вскоре отряд имел бой с 300 чукчами, разбил их, побив человек с 200. На другой день (со слов казаков — участников похода Тимофея Даурцова, Федора Портного, Петра Мунгала) отряд был окружен 3 тыс. оленных и пеших чукчей» (А. Зуев).

Это первое и пока единственное упоминание этой фамилии.

* * *

«В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу Малого Канача, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастию, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками.»

Богомолов Иван

В 1668 году сослан в Якутск на вечное житье Белгородского полка поручик, козловец Тит Данилов сын Богомолов, верстанный в дети боярские. Богомолову «государева жалованья оклад учинен в Москве: денег 7 рублев, хлеба 7 четьи ржи, овса тож и 3 пуда соли». В 1679 году он был направлен приказчиком Анадырского

острога, но по какой-то причине случилась смена. В 1686-1688 гг. он был приказчиком на Колыме: «Да июня в 9 день писал ко мне ж холопу вашему с Ковыми реки прикащик сын боярской Тит Богомолов, а в отписке его написано: в нынешнем де во 195 году приходили в Ковымское нижнее ясачное зимовье неясачные иноземцы Чюхчи по многие времена многолюдством, и своим воровским вымыслом хотели ясачное зимовье взять, и служилых людей всех побить, и аманатов роспустить, и вашу великих государей казну пограбить; и он де Тит, за малолюдством служилых людей, в поход за ними не пошел; и у зимовья те иноземцы Чюхча убили двух человек служилых людей, и ясачным де иноземцом от тех неясачных воровских иноземцов Чюхочь по вся годы бывает им утеснение великое и убойство, а оборонить де тех ясачных иноземцов от тех неясачных иноземцов некем, потому что служилых людей малолюдство великое».

Тот факт, что Богомолов был при сыне боярском Назаре Колесове говорит о том, что он занимал довольно высокую должность на Камчатке, поэтому вполне мог быть сыном Тита Богомолова.

Хотя, возможен и другой вариант — среди нерчинских казаков, которыми пополняли гарнизоны камчатских острогов, также встречается фамилия Богомолов. По данным 1721 года: нерчинский конный казак Кузьма Богомолов, нерчинской пеший казак Федор Богомолов и нерчинский канцелярский подъячий Иван Богомолов.

Дружинин Михаил

Дружинин мог быть из Тобольска: «Во дворе отставной пешей казак Петр Дмитреев сын Дружинин сказал себе от роду 57 лет у него жена Марфа 50 лет дети сыновья Яков 20 лет записан в салдаты Матвей 17 лет Иван 9 лет дочери Палагея 9 лет».

А мог быть из Енисейска: «Лучка Дружинин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье»; в 1669 году в Енисейске служил в казаках Митка Федоров Дружинин, а в 1706 году из Енисейска прислан в Якутск казак Дружининых Терентий Афанасьев.

Колесов Назар

Сын боярский, внук камчатского приказчика Василия Михайловича Колесова (см. главу «Камчатские приказчики», т. 1).

Украинцов Иван Михалович (1680 г. р.)

Казак, «ясашный сборщик».

Сведения о нем: «Служивой ево ж Афонасья набору Иван Михайлов сын Украинцов сказал сороки лет холост», то есть набора Афанасия Шестакова 1719 года (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361.).

Шипунов Михаил

О Шипуновых есть следующая информация: «Шипуновы — томский род сибирских казаков XVII века. В 1719 году в д. Шепуновой хозяйствовали казаки Бердского острога, братья Фадей, Спиридон и Лука Шепуновы. Предки Шепуновых пришли в Сибирь с Северной Двины, служили в Тюменском уезде, возвели на берегах р. Ишима две родовые деревни. В 1610–1616 г.г. промышленный человек Осип Шипунов ходил на кочах на рыбный промысел по Енисею, вместе с торговым человеком Кондратием Куркиным, первым из русских достиг устья этой сибирской реки. В середине XVII века служилый человек Гавриила Шипунов участвовал в амурских экспедициях илимского сына боярского Ерофея Хабарова. В 1704 году казачий сын Иван Андреевич Шипунов проживал в г. Тюмени. В XVIII столетии Шепуновы обустроили еще несколько родовых поселений на территории Сузунского района Новосибирской области и Алтайского края».

Можно добавить: Шипунов Афонка, албазинский казак, послан из Албазина в Нерчинск и отправлен с отпиской Ф. Воейкова в Енисейск (1682).

Шипунов Ивашка Афонин, албазинский казак (1682).

Шипунов Михайла, албазинский служилый человек из партии Г. Мыльника, направленной на р. Хамун и разгромленной богдойцами (1683).

В 1706 году в Якутске служит присланный из Енисейска десятник Леонтий Шипунов. В 1681 году — здесь служит в холостых окладах казаки Андрюшка и Федька Шипуновы, в 1748 году — Трифон Шипунов.

Черных Алексей

В 1721 году из Нерчинска были взяты на Камчатку три брата Черных — Иван, Андрей, Алексей.

Об Иване мы узнаем у С.П. Крашенинникова: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в

Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов».

Следующе сообщение датировано 1751 годом: *«И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарбыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили»*.

Впоследствии большерецкий казачий сотник Иван Черных войдет в историю России и мира, как человек, присоединивший к России всю Курильскую гряду, а также как единственный человек в Большерецком остроге, который в 1771 году осмелится в одиночку противостоять Большерецкому бунту, вошедшему в мировую историю как побег с Камчатки польского конфедерата Августа Морица Беньевского с товарищами.

О судьбе Андрея Черных мы пока ничего не знаем.

Но в истории Камчатки имеется еще одна линия Черных, которая также в этот период времени присутствовала на Камчатке — в 1731 году собирал ясак с камчадалов, проживающих на реке Хайрюзово, Леонтий Черных, который стал родоначальником священников Черных, один из которых — Серапион Амурский — был канонизирован и приобщен к лику священномучеников Руси.

Якутск, 1681 год: Черной Сенька Прокопьев, казак (х/о — холостой оклад); Черняй Ивашко, казак (х/о).

Якутск, 1691: Максимко Богданов Черного, Алешка Богданов Черного в нынешнем в 200-м [1692] году в Охотцком умер воспою, Мартынко Иванов Черной, Федька Иванов Черняев в нынешнем в 200-м [1692] году на Индигирке реке умер воспою, Ивашко Черняй.

В Якутске в 1706 году записаны: Черных Данило Федоров (13-я пятидесятня); Черного Максим Иванов (6-я пятидесятня); Черной Мартын Иванов (13-я пятидесятня).

По данным 1720 года в Якутске: «Во дворе служивой Тихон Иванов сын Новиков … у нево же на подворье служивой Иван Черных сказал восьмидесети лет».

И еще: «Во дворе Иван Степанов сын… у него ж стоят стояльцы Приказные полаты приставу набору Афонасья Шестакова Тобольского города Иван Данилов Прянишников… Алексей Волков… Иван Алексеев сын Черных».

А вот эти сведения для нас наиболее интересны — по крайней мере, они объясняют стремительный взлет карьеры Ивана Черных, который был произведен в обер-офицеры — в сотники.

В 1623 году в тобольской «старой сотне» служил казак Черный и имел свою деревню: «Деревня Шанталыке межах с монастырскими. пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный. Пашни пашенные середние земли три чети без третника да перелогу четверть в поле а в дву потому ж а поскотинные земли в логу три десятины».

Григорий Иванов Черный служил в литовской сотне ротмистра (сотника) Бартома Станиславьева, а после смерти Станиславьева ротмистром был избран Иван Черный (Черного) [РГАДА, ф. 214, стб. 16, л. 389]. Как известно, казачьи чины передавались по наследству и, видимо, камчатский казак Иван Черных имел к тобольскому сотнику Гиригорию Ивановичу Черных (Черному) самое непосредственное отношение. Но доказательств этого у нас пока нет.

* * *

«На р. Воровскую и далее посланы были служилые для усмирения. Одних примирили и ясак взяли, других на бою побили; а иные сами кололись и давились. Но на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка по-

слан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурыниным; а всех в походе было русских 50, да иноземцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100».

Дурынин Никита

Фамилия нам уже известна. Верхнекамчатский казак. Проходил по материалам следствия: «Машурин острожек. Местный тойон Начик никакой “противности” не оказал, но подал “сказку” об обидах со стороны подъячего Василия Новограбленного, служилых Андрея Рюмина и Никиты Дурынина».

Участвовал и в других карательных экспедициях: «На реке Оглукомине сошлися они с походчиками Верхнего Камчатского острога, с Никитою Дурыниным с товарыщи, и пошли на Ичю и на Сопошну, на Морошешну и на Белоголову реки, и на Иче да на Морошешной никого не нашли, а на Сопошной перекололи они связанных иноземцов 10 человек за то, что троих служивых незадолго перед тем убили.

Оттуда пришли они на Белоголовую реку под иноземческой острожек и стали вызывать иноземцов ласкою, но они к ним не выходили. Потом как они по острожку из пушек палить стали, в острожек их пустили, где казаки 26 человек связанных перекололи.

Во всех погромленных острожках брали они в полом жен и детей иноземческих, и прочие их пожитки, рыбьи сети, собачьи куклянки, собаки и санки, которые после победы по себе делили.

Оттуда возвратились они в Большерецкой острог уже весною…»

В приговоре розыскной канцелярии его фамилия отсутствует — вероятно к 1735 году Никиты Дурынина уже не было в живых.

Герасимов Иван

«Из Большерецкого острога по указу от прикащика Эверстова, которой в 1731 году на судне “Фортуне” прибыл и над всеми камчатскими острогами комманду принял, а в то время был в Верхнем остроге, большерецкие казаки генваря в последних числах 1732 году пошли было в поход человеках в 30 на авачинских изменников, у которых коммандирами были Осип Соловьев, Андрей Штинников, да Иван Герасимов, и, дошед до Начикина жилища, жили там недели с четыре и больше за пургами, и видя, что погода не уставливается, чрез посланных от себя служивых писали оному коммисару Эверстову, на что получили они указ, чтоб ехать им в Большерецк возвратно, понеже в Верхнем остроге слух носился, будто хариузовские иноземцы идут на Большую реку в поход».

В 1729 году Иван Герасимов был заказчиком (управителем) одного из острогов.

А в 1687 году в Якутске рассматривалось «Дело по челобитью посадского человека Якутского города Ивана Иванова Герасимова о приверстании, вместо ссылки, в казачью службу на реку Анадырь». Похоже, что это был отец камчатского казака Ивана Герасимова. Хотя есть еще одна любопытная версия на основе документа, датированного 1654 годом: «Изветная челобитная Сергея Герасимова, крестьянина боярина Никиты Ивановича Романова, на промышленного человека Семена Кирилова сына Кокорина, нанявшего его промышлять соболей, о не даче ему покрутной записи и корма до конца года, так как он “отходил соболиный промысел до срока”».

Любопытно, что имени Герасимова, как и имени Дурынина, нет в приговоре розыскной канцелярии, — вероятно к этому времени его тоже уже не было в живых.

Соловьев Осип

«Служивой Афонасья Шестакова набору Осиф Кузьмин сын Соловьев сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье на съезжем дворе у Пушкина» (Якутск, 1720 г.).

То есть Осип Соловьев не был жителем Якутска.

Енисейские казаки Епишка и Тимошка Соловьевы появились на Лене в начале 1630-х годов в составе отряда Ивана Галкина: «Епишка Соловьев убил под мужиком коня, ранен в груди да в левую руку да обе ноги прострелены».

«Не менее интенсивным было продвижение казаков с Охотского побережья. В 1688 г. в бассейн реки Ямы и более северные земли ходил из Охотского острожка отряд во главе с казаком Фролом Кондратьевым. В 1692 г. казак Мартын Жегорев с 70 служилыми людьми совершил поход по побережью к “Колымским вершинам”. В то же время отряд под командой Ивана Соловья, поддержанный тауйскими и ямскими племенами, двинулся по морю в сто-

рону Пенжинского залива "на Коряцкую землю"». «Шли они, — рассказал Иван Соловей, — до Коряцкой земли водою, морем-океяном в ботах восемь недель» (М.И. Белов).

«Первое же точно датируемое и подтверждаемое источниками сообщение о строительстве на Яме русского поселения относится к 1692 г. В этом году из Охотска до Ямы плавал отряд Ивана Антипина Соловья, который, объясачив 60 ямских коряков, поставил на Яме зимовье» (А. Зуев).

Соловьев Григорий Федоров, который в 1706 году числится в якутских казаках, был прислан из Енисейска. Стоит предположить, что и Конон Федорович Соловьев, который в 1706 году проходит по одиннадцатой пятидесятне, а в 1710 году убит на Камчатке в бассейне реки Большой, тоже родом из Енисейска.

Как, вероятно, и Константин Соловьев из отряда Владимира Атласова: «Между тем, некоторые из спутников В. В. Атласова, опасаясь наказания за участие в погроме, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали инцидент, произошедший на Ангаре и заявили, что де они и сами уже осудили разбойную акцию Атласова. Среди писавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисейские казаки, а именно: …Константин Соловьев…. Атласов был в гневе на "предателей" и грозил расправой…».

А вот сведения о самом Осипе Соловьеве: в «1729 году в апреле месяце изменили было курильские иноземцы, тойон Пекера с родниками, которые посыланных за ясашным збором служивых Осипа Соловьева с товарыщи в юрте заперли и зажечь хотели, но оные служивые, разломав юрту, оттуда вышли, а оные иноземцы розбежались. При выходе из юрты несколько служивых ранили, а они служивые убили одного иноземца».

Бит кнутом (100 ударов) в Большерецком остроге в 1735 году.

В 1823 году на Камчатке родился казачий сын Степан Осипович Соловьев. Вероятно, это был уже правнук Осипа.

* * *

«3 октября 1731 г Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался "сдать" своих людей и "учинился указу противен". 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: "Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства". В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении "изменников» на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым».

Карандашев Степан

«Свои люди» — то есть, это люди или из экипажа бота «Святой Гавриил», или из карательного отряда, которым командовал солдат Александр Змиев.

У Карандашевы явно прослеживаются тобольские корни: в начале 18 века в Тобольске в литовском казачьем списке значатся Петрушка и Пашка Карандашевы, а среди тобольских юртовых татар был, вероятно, крестник кого-то из них — Маметяр Карандашев.

Но первоначально, скорее всего, фамилия писалась иначе — Карандышев, так как слово карандаш в русском языке укоренилось значительно позже. Карандыш — значило «коротышка».

Так, например, записана фамилия крестьян в Шадринской слободе: «Во дворе Фролко Борисов сын Карандышев. Сказал: родился де он Вяцкого пригородка Слободцкого уезду в Сырянском стану, жил за великим государем в бобыльском тягле. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 188-го (1680) году. У него дети: Федка 5 лет, Гришка 3 лет».

Новосельцев Макар

Участвовал в допросе Федора Харчина: «А вышеозначенная де наша измена учинилась от несносных обид, а имянно с бытности камисаров Ивана Новогородова, Михаила Шехурдина с 1730 и с 1731 годов и подьячих их Екима Мухоплюева да Ивана Свешникова. Брали де с нас на один год по два ясака и по три, а кроме ясака с нас берут себе за каждый ясак чащин по три и по четыре лисицы или соболей лисишных, а ежели де у кого чащин купного нет, то берут себе у нас за чащины жен и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем, и то охолопливают их себе вовсе. А еще де летнею порою посылают к нам за-

кащики за юкольным сбором, сбирают с нас с каждого человека вязки по три и по четыре юколы, а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки. Да еще берут с нас траву сладкую с человека по полтора пуда, а травы у кого нет, то также берут, у кого что увидят. Тако же кипрей, сарану берут повсягодно. Да еще сбирают с нас гуси, утки, а уток по пятидесят [с] человека. А зимою прикащики посылают сбирать с нас рыбу, гольцы и ушканы и всяким с нас берут неокладными и необстоятельными поборы.

А такие поборы собрав и отвозим в острог Нижнекамчадальской мы сами на нашем коште, летом в батах и каюры нашими, а зимой на собаках и на санках наши же. Да еще летом закащики посылают нас в кормовую пору по дрова себе и нас всегда продержат в каюрах. И за иными своими прихотьми, летом не дадут нам в удобное время промыслить к зиме рыбного корму, а зимой не дадут нам и промыслить зверя за своими излишними прихотьми и за необстоятельными с нас поборами.

А за вышеозначенными поборы посылают от прикащиков и закащиков служилые люди и берут с нас себе хоженного со всякого человека по лисице, и за свои они прикащики и закащики и сборщики чащины и другие иные поборы бьют нас батоги и на правеже на смерть, а иные не стерпя такого мучения давились.

И от таких де несносных тягостей и от великих разорениев и обид в такую измену вступили, и в том де я, Фетька Харчин, повинен, а за вину де мою что ея императорского величества укажет. А вышеписанный допрос ответствовал он, Фетька Харчин, сам, понеже он руской язык сам знает. К подлинному допросу вместо Федора Харчина его велением Макар Новосельцов руку приложил».

Впоследствии, Новосельцев Макар — член экипажа бота «Святой Гавриил».

В списках якутских казаков этой фамилии мы не нашли. Д.Я. Резун отмечает фамилию Новосильцевых в Сургуте, Нарыме и Томске (правда, единственный раз за 1617 год — томский казак Новосильцев Лев Лукьянов в 1617 г.).

В Кударинской слободе Селенгинского острога в тот период жили крестьяне Новосельцовы, откуда, возможно, и был родом Макар, откуда, в том числе, шел призыв в Камчатские экспедиции.

Юрлов Гаврила

Верхнекамчатский казак из уроженцев Тобольска. Возможно, Атласовского набора.

Третьяк Юрлов в 1623 году был атаманом пеших казаков в Тобольске, то есть был выходцем из «старой сотни» первых тобольских казаков.

«Третьяк Юрлов … в конце первой четверти XVII в. был одним из самых состоятельных людей Сибири. Помимо двора в Тобольске, дозорные книги 1623–1624 гг. отметили в его владении “деревню” — по сути дела целое поместье (если не вотчину), причем самое обширное в уезде. Оно располагалось по Иртышу выше Тобольска, “за Ефтизерем над Сосновым озером”, включало в себя “пашни паханной середней земли 24 чети в поле, а в дву потому ж”, луг подле Иртыша (“в длину с версту, поперег сажень с двести”) с сенными покосами». Дальнейшее описание владений Третьяка интересно и социальными аспектами поземельных отношений в Сибири первой четверти XVII в.

«Под бугром озеро, — сообщает дозорная книга. — На озере остров поперег с версту, на нем сенные покосы… А по скаске Третьякова человека Фетьки Иванова, владеет Третьяк паханою и непаханою доброю землею от Соснового озера вниз по реке Иртышу… верст с пять, а в другую сторону от реки Иртыша в дуброву версты с полторы.

Пашню пашет… своими людьми, да у него ж три половника — Исайко Кирьяков, Ивашко Онисимов, Гришка Лукьянов. Живут у Третьяка Гришка да Исайко со 128 году. У Гришки сын з женою, скота — корова. У Исайки — корова ж, три быка, два теляти. А жить им у Третьяка в половниках от сроку до сроку восемь лет. У Ивашка Онисимова… корова ж, живет у Третьяка со 131 году, а до сроку в половниках жить шесть лет…». Трудно представить, чтобы столь значительное земельное владение было закреплено за служилым человеком, не имевшим серьезных заслуг перед «великим государем».

После смерти Третьяка Юрлова претендентов на его должность со стороны детей или других родственников, похоже, не оказалось (тобольские именные книги первой половины XVII в. не отмечают служилых кланов Юрловых или Третьяковых), и в 1631/32 г. на его месте в атаманах уже значится Гаврила Ильин, в исключительном ведении которого желали оставаться пешие казаки «старой станицы».

В 1630 году Петр Юрлов, в то время служивший в Мангазее, был отпушен на реку Лену для сбора ясака и «проведывания» новой земли. Его отряд вернулся с Лены в сентябре 1632 года и доставил 18 сороков 13 соболей, оцененных в Мангазее на огромную сумму в 1045 рублей, а по московским ценам — в 1760 рублей 20 алтын.

В 1661 году в Тобольске служит в конных казаках Максимка Юрлов.

На Камчатке было еще двое из Юрловых — Никифор, убитый в 1707 году на реке Большой, и Гаврила, который жил на полуострове, по нашим данным, в 1748 году.

Олесов Козьма

«Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому Михаилу Шехурдину; а Верхнекамчатск Ивану Уваровскому, от которого в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков, а Большерецк — Кузьма Олесов».

Из якутских казаков Олесовых. Его сын — Иван Козмин Олесов — в 1706 году служил в третьей пятидесятне. Если верстать в казаки начинали с 14 лет, то Иван родился примерно в 1692 году, а его отцу в 1731 году было не менее 60 лет.

В девятой пятидесятне в этом же году служил и Олесов Степан Семенович, сын казака Семена Олесова, первое упоминание о котором мы находим в именных списках за 1681 год: «Стенка Григорьев Мохнатко в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 26 день приверстан в ево Стенькино место казачей сын Стенька Семенов Олесов в холостой оклад». В 1691 году в списках якутских казаков значится и Ивашко Степанов Олесов, который, конечно же, по возрасту, не мог быть сыном холостого Степана Семеновича.

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Стефан Олесов ... дети его Иван двацати лет Федор осмнатцати лет в службе посланы по хлебные запасы».

Откуда Олесовы прибыли в Якутск, неизвестно. Возможно, были верстаны из промышленных или гулящих людей.

* * *

«На р. Колпакова местный «бунтовщик» тойон Харлапан (он же Кулува, Навава, Кивача, Кугува) сжег в юрте служилого Дмитрия Попова, казачьих детей Андрея Ховкина и Ивана Туманова и жену служилого Ивана Панютина с двумя дочерьми».

Панютин Иван

О тобольских казаках Панютиных мы уже писали в главе «Тобольские уроженцы» (т. 1).

А вот каков трагический финал этой камчатской семьи:

«Канпаковой реки Кугуву, он же и Харлапан, которой в Конпаковском остроге ночью из юрты выдернул лесницу и в той юрте сожек служилого Дмитрея Попова да служилого Панютина жену з детьми, двух служилых холопей, да служилого ж человека дочь, роздев донага, застрелил».

Туманов Иван

Казачий сын.

Мы встречаем несколько человек с фамилией Туман на Камчатке. Вполне вероятно, что фамилия могла быть связана с притоком реки Тобол Туманкой, и тогда мы находим причину, почему Лазарь Туман (Тунав) примкнул к партии Константина Кыргызова, как и другие его земляки тобольчане.

Федор Туман в 1703 году погибает на реке Камчатка вместе с другим своим земляком — Яковом Корниловым Дурыниным.

В Большерецком остроге в числе разночинцев в 1748 году упоминается имя Осипа Тумана.

Вполне возможно, что Иван и Осип — это дети Лазаря, который был наказан «за измену и воровство» и определен в «вечное житье» на Камчатке.

Пашни в бассейне реки Туманки, как выясняется, были выделены только для детей боярских: «Деревня за рекою Иртышем на усть реки Туманки. Во дворе сын боярской Максим Трубчанинов пашни паханые середней земли 12 четей. Да перелогу 2 чети в поле а в дву потому ж поскотинные земли леснова места 6 десятин сена косит подле реки Туманки в лугу полтораста копен. Да позади Левкины пашни Вилиянова да Миткины земли Конанова. По Саусканской дороге подле болота сенных покосов 200 копен да угодья у двора на усть речки Туманки за /.../рыбныя ловли. Деревня Саускане у реки Иртыша на речке Туманке двор. Во дворе сын боярской Богдан Аршинской. Пашни паханые середняя земли 20 четей да перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж да дубровы леснова места 12 десятин поскотинные луговые водопойменные земли восьм десятин. Сена косит у речке Туманке 400 копен».

Ховкин (Холкин) Андрей

Казачий сын.

О Ховкиных информации у нас нет.

А вот Холкин Григорий Петров служил в одиннадцатой пятидесятне в 1706 году. Он был в «воровском» отряде Данилы Анцыферова и в 1712 году заживо сожжен вместе с ним камчадалами.

Аналоговую фамилию мы обнаружили только в Тобольске: «Ивашко Павлов Холкин в прошлом во 163-м (1655) году послан на службу в новую Даурскую землю».

* * *

«В январе 1732 г. Эверстов приказал новому закащику Нижнекамчатского острога Михаилу Борисову потребовать от партии для борьбы с «изменниками» в подмогу 40 служилых, фузеи, пушки и боеприпасы. Генс отправил требуемое число служилых людей во главе с Лаврентием Поляковым, но дать вооружение и боеприпасы отказался, мотивируя тем, что их запас ограничен, и они нужны для предстоящего плавания. Отряд Полякова в середине февраля выступил на соединение с отрядом Штинникова (30 казаков), который действовал против «изменников» в районе р. Большая».

Борисов Михаил

О нем ниже.

Поляков Лаврентий

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служилой человек Иван Михайлов сын Кузнецов …в том же дворе живет пашенного сын Прокопей Никитин … да подворники служивые набору Якова Ельчина Лаврентей Поляков двацети семи лет…».

По данным переписи Тобольска за 1710 год: «В том же дворе живет конного казака сын Евдоким Иванов прозванием Поляков сказал себе 40 лет у него жена Фекла Дмитриева дочь 32 лет дети Михайло 7 Кузьма 2 дочь Ульяна 10 лет».

* * *

«Мая 6-го пришли к Отпрядышу и стали ласковыми словами уговаривать; но камчадалы не сдавались, и русские пошли паромами и байдарами на приступ, палили из пушек и ружей, но неудачно, потому что по причине морского волнения не метко попадали. У изменников был построен деревянный заплот и внутри закладен камнями. Камчадалы палили из ружей и ранили Штинникова в лоб и служилого Афанасия Сургучева в голову. Видя невозможность взять острог приступом, русские отступили и вокруг острова поставили на байдарах караул. Таким образом держали камчадалов в осаде 7 дней» (А. Сгибнев).

Сургучев Афанасий

В 1764 году в Нижнекамчатске родился Соргучев Михаил Александрович. Вероятно, внук Афанасия.

Фамилия писалась также Сергучевы. В 1707 году при захвате камчадалами Большерецкого острога был убит Иван Сергучев из второй пятидесятни Якутского казачьего полка (отмеченный в женатом окладе в казачьих списках Якутска за 1681 год, а в 1691 году собиравший ясак по Чаринскому зимовью). Вместе с ним позже служил в этом полку Василий Сергучев (одиннадцатая пятидесятня), вероятно, сын.

Фамилия, возможно, появилась в Якутии от собственного имени: «Челобитная якута Кусогая Сергучева о взыскании с якута Торбоса Мегинева взятой им ясачной лисицы».

1731 ГОД.
ХАРЧИНСКИЙ БУНТ. КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

21 августа 1732 года экипаж бота «Святой Гавриил» выполнил ту историческую миссию, которая прежде возлагалась на Первую Камчатскую экспедицию — ответил на вопрос о том сошлась ли Азия с Америкой.

Вот данные из доноса казака Ильи Скурихина, которые стали географической сенсацией, в том числе и для Витуса Беринга.

«Августа де 21 дня пополудни в 3-м часу стал быть ветр пособной, и пошли к Большей Земли и пришли ко оной земли и стали на якорь от земли в верстах четырех. И стала де быть вахта подштюрманова, и оной де подштюрман собою поднял якорь на своей вахте без общаго согласия и пошел подле земли к южному концу. От южного конца к западной стороне видели юрты-жилья версты на полторы, и ко оным де юртам за ветром блиско подойтить было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лот, глубины 7 и 6 сажен, и с того места возвратились назад и стали лаверить подле Большей Земли, чтоб к земле подотить, и стал де быть ветр велик от земли противной И сказал подштюр-

ман, что надлежит им итить и держать курс зюд-вест. И от оной Большей Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-норд-вест. А с четвертого де острова пригреб к боту чюкча в малом ялыче, по их называетца кухта, а от боту был в растоянии сажен в шести, и он де, Гвоздев, ево чрез толмача спрашивал о Большей Земли: какая земля, и какие на ней живут люди, и есть ли лес, также и реки, и какой зверь. И он де, чюкча, сказывал толмачу и называл Большей Землей, и на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикой, куницы, и лисицы, и бобры решные…».

* * *

Это было в августе. А в марте 1732 года еще продолжалось подавление Харчинского бунта и члены экипажа бота «Святой Гавриил» принимали в карательных операциях самое непосредственное участие.

Инструкция штурмана Генса солдату Змиеву, март 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса, данная солдату Александру Змиеву, по которой поступать по нижеписанным пунктам.

1

Минувшего февраля 26 дня сего 732 году Нижнего Камчадальского острогу от управителя Михаила Борисова из ясачной избы в партию объявлено. По присланному де ея императорского величества указу из Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова к нему, Борисову, велено для походу на изменников на Харюзову для споможения сборшику Леонтию Черных требовать из партии служилых людей, для того что де харюзовские ясачные иноземцы изменили и от ясачного платежа отложились, а служилых людей побили. Да оного ж де февраля 23 дня харюзовский де ясачной иноземец Леглек, пришед в ясачную избу скаскою объявил, означенные де харюзовские ясачные иноземцы Максимка да Шербак с товарыши собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна «Фартуны» в поход.

2

Итого ради ехать тебе, Змиеву, со служилыми людьми по данной, сей инструкции с усть Камчатки реки от пристани морскаго судна, вверх по Камчатке реке и на Харюзову реку и до Пенжинского моря, куды

способней, без потеряния люцкова и до судна «Фартуны» и сыскивать означенных изменников и прилежным старанием по присяжной должности.

3

А ежели оные изменники вами сысканы будут, то призывать их под ея императорского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и розговором, чтоб они платили ясак в казну ея и[мператорского] в[еличества] попрежнему.

4

А ежели на ласковой ваш призыв не сдадутца и ясак в казну ея императорского величества платить не станут, и прося вам у всещедрого бога помоши, поступать на них военною рукою легулярно, елико всешедрый бог помоши подаст.

5

А буде с военной руки сдадутца, то взять с них, изменников, аманатов и их спросить, отчего они, ясачные иноземцы, изменили, и не было ли к ним от ясачных сборшиков служилых людей обид и разорения, а буде были какие несносные к ним обиды и от того они изменили, то сбирать с них ясак в казну ея императорского величества на сей 732 год, а сборную казну и аманатов отсылать в партию, тако ж и главных изменников под крепким караулом.

6

А ежели с баталии на погроме явятца у них изменников в пожитках их лисицы добрые черные и чернобурые и соболи добрые, то присылать в партию в казну ея величества против вышеписанного.

7

А которые имеютца от партии служилые люди в Верхнем и в Большерецком острогах, и принять к себе в команду и об отправлении оных служилых, что будет востребно Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова, а в Большерецку от закащика требовать.

8

А ездить тебе, Змиеву, в показанном тракте со служилыми людьми с великим опасением, чтоб караул иметь неусыпно, чтоб от неприятельских людей от изменников служилым, тако ж и алтилерной и другой казне траты не учинилось.

9

А в показанном тракте по дорогам, как тебе, так и служилым, ясачным иноземцам обид и разорения не чинить, излишних каюр не брать, и в том им тягости не чинить, а ежели ты, Змиев, учинишь не противо данной тебе инструкции и про то будет кем донесено, и за такую твою противность учинено будет вам на-

казание со взятием немалого штрафу.

10

Тебе ж, Змиеву, над посланными с тобою служилыми людьми смотреть, чтоб как тебе, так и служилым людем никакой зернью не играть, дабы от такой зерни в карауле помешательства не было, а от неприятельских людей шкоты не учинилось, и тако ж и ссоры бы у них, служилых, меж собой не было, а что будут чинить противно, и тебе, Змиеву, по вине смотря наказывать, бить батоги.

11

А как помошию всещедрого бога в показанных местех изменники будут все под ея императорского величества высокосамодержавную руку подведены, станут ясак платить попрежнему [и тебе, Змиеву, брать с них ясак против вышеписанного и обо всем в посланную партию ответствовать обстоятельно].

[12]

[А по окончании означенного походу] и то тебе, Змиеву, итти со служилыми людьми в поход на Авачю по тамошным вестем с моря, куды способнее Верхнего и Большерецкого острогов служилым на помочь, которые имеютца в походе на Аваче, и поступить по силе данной тебе от партии инструкции, применяясь вышеписанным пунктом.

13

А ежели у оных изменников острогу их взять будет не в мочь, то писать тебе в партию в неукоснительном времени, и отправлены будут вам от партии на боте «Гавриле» служилые люди с алтилерными припасы.

14

А ездить тебе, Змиеву, в показанном походе с великим радением и в партию поспешать, а по прибытии своем со служилыми людьми в партию во всем подать за своею рукою доезд от посланной партии господину штурману Якову Генсу, а кто имяны с тобою служилые люди, при сем предлагаетца реестр. Марта дня 1732 году.

Таков белую инструкцию Александр Змиев принял и росписался.

Реестр: За канонера матрос Агафон Назаров, Пищик Иван Коринцов, Солдат Клим Полежаев, Григорей Хорошев, Лаврентей Поляков, Емельян Нагаев, Федор Жернаков, Илья Скурихин, Семен Раздобреев, Семен Гобов, Дмитрей Жилин, Мирон Санинков, Федор Щеглов, Максим Теребяков, Моисей Добрынин, Андрей Верхотуров, Леонтей Амосов, Павел Попов, Иван Световой, Тимофей Чешкин, Иван Шигин, Никифор Клестов, Андрей Березкин, Степан Костров, Иван Исаков, Иван Портнягин, Иван Заливин, Алексей Наумов. Для толмачества Алексей Поливанов.

* * *

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК ЭКИПАЖА БОТА «СВЯТОЙ ГАВРИИЛ»

Леонтей Амосов

Это коренная якутская фамилия — потомки якутского казачьего сотника Амоса Михайлова, о котором мы рассказывали в первом томе нашего исследования.

Но хотим обратить внимание и на тот факт, что этот Амосов мог к тому времени быть уже и иркутянином: «Амосов Иван, выходец из города Березова, служилый человек, поселенный в Иркутске «на вечное житье», 1699 г.».

Андрей Березкин

Многочисленные Березкины (Берескины) служили в Томске. Один из них — Гришка Артемьев сын — сообщал: «…отец родом с Волуики, по грамоте г-ря прислан в Томск в конную службу. Оклад ему учинен и с придачею за мунгальские службы, денег 9 рублев 25 алтын, хлеба 9 четей ржи, 6 четей овса, 2 пуда соли».

Его брат, Ивашка, оставил для потомков любопытную челобитную:

1681 г. не ранее ноября 8 —
Челобитная казака об обиде

Государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу всея великия, и малыя, и белыя России самодержцу бьет челом сирота твой, томский казачий сынишка Ивашка Артемьев сын Березкин, — жалоба, государь, мне на томскаго пешаго казака, на Степана Симонова. В нынешнем, государь, в 190-м году ноября в 8 день пришел он. Степан, ко мне, сироте к твоему, под окошко к моему дворенку, и учал он, Степан, женишку мою бранить и безчестить великою неподобною бранью, а неведомо за что; и в то-ж время вышел я, сирота твой, на улицу из своего дворенка, и учал он, Степан, меня, сироту твоего, бити, и увечити, и великою неподобною бранью бранить, и бороду выдрал, а неведомо за что. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич

всея великия, и малыя, и белыя России самодержец, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, на него, Степана, в том его бою и в моем увечье и в безчестии и женишки моей, дать свой царский суд и управу. Царь, государь, смилуйся!».

В 1705 году в казачьих сотниках в Томске служит Петр Берескин, а Василий Берескин — в конных казаках.

Андрей Верхотуров

В списках Якутского казачьего полка за 1681 год был Алешка Верхотуров, который числился в женатом окладе, то есть был человеком семейным.

«Ондрюшка Куржагин в прошлом во 199-м [1691] году в Майском зимовье от иноземцов убит. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Ондрюшкино место казачей сын Филатко Верхотуров».

Сын боярский Протопопов (Верхотуров) Федор Васильев, камчатский приказчик, был убит по дороге на Камчатку в 1705 г.

В 1706 году в Якутском казачьем полку числились: Верхотуров Гаврило, сотник и Верхотуров Иван (6-я пятидесятня).

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Осип Гаврилов сын Верхотуров».

То есть, у Андрея явно якутские корни, правда сама фамилия говорит о том, что первый из ее носителей бьыл выходцем из Верхотурья.

Семен Гобов

Первые сведения из Енисейского уезда: «…в деревне Алешиной в XVIII–XX вв. жили крестьянские семьи: Владимировы, Ворошиловы, Гобовы, Кожуховские, Колеговы, Потылицыны, Ростовцевы, Смирновы, Сидоровы, Сургутские, Терсковы, Хохловы, Черкасовы, Черновы, Юдины».

Вполне вероятно, что эти крестьяне в свое время служили в казаках, а потом были «расказачены». И в Енисейске в материалах за 1669 год нам встречается имя «служилого человека Ивашка Гобовского», но детей у него не было.

Возможна и другая версия — о крестьянах-переселенцах: «Слобода Юрмыцкая (Тобольского уезда). Двор крестьянина Луки Фадеева сына Гобова а он Лука тритцати лет жена Александра Прохорова тритцати ж лет дети Петр пяти лет Андрей четырех

лет дочь Федора дву лет отец Фадей Иванов Гобов осмидесяти лет жена Ирина Микитина семидесяти лет».

И третий вариант — эта фамилия в варианте Габов пришла к нам из языка коми (сибирских первопроходцев) «от “Габ” (Агапит, христ. имя)».

Моисей Добрынин

В 1721 году из Иркутска был отправлен в Камчатскую экспедицию Иван Большой Добрынин. Вероятно, это енисейская ветвь Добрыниных: в переписи Енисейска за 1669 год отмечен Куземка Савельев Добрынин. Но корни могут быть и из Тюмени – по данным за 1680 году в списках тюменских казаков есть имя Алешки Добрынина.

Федор Жернаков (Жерноков)

Первоначально, по данным 1623 года, Жернаковы — тобольские крестьяне: «Деревня на Абалаке Яркова. Во дворе новоприбылой крестьянин Павлик Жерноков у нево сын Жданко». Это та самая деревня Яркова, откуда родом и казаки Басовы, осуществившие первую промысловую экспедицию в Тихом океане.

Можно проследить и путь самих Жернаковых в Сибирь: «…мы вправе назвать именно зимовье Галкина на устье Куты первым постоянным русским поселением на Лене, а его самого — основателем нашего, самого первого из ныне существующих городов на Лене и во всей Иркутской области. И именно через это поселение шло обеспечение и заселение Якутии. И на судах именно усть-кутских плотников: Нечаевых, Косыгиных, Гиляшевых (Гелишевых), Жернаковых, Лузениных, Бутаковых — шло освоение Лены».

В 1681 году в Якутске служит в казаках Семен Жернаков (возможно, это Сенка Гаврилов сын Жерноков из Илимска, отмеченный в 1677 году), а в Илимске в 1696 году — Ивашка Жерноков.

В 1706 году в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Прокопий Федорович Жернаков. А Федор Иванович (его отец?) был в это же время городничим Якутска.

Но Федоров Жерноковых в Якутске, как мы выяснили, было двое, вот свидетельство: «Илимского ж города посадной Роман Констентинов сын Дедюхин и он в Якуцк приплыл в 719-м году з запасом а стоит на подворье у отставного казака Федора Жернокова».

Дмитрей Жилин

В 1691 году в Якутске служит Ивашко Гаврилов Жилин.

Д.Я. Резун находит казаков Жилиных в Тобольске и в Енисейске.

Иван Заливин

В.Г. Волков в своей работе «Тарские “служилые по отечеству” конца XVI – начала XVII веков» сообщает следующее: «В списке 205 (1696/97) года перечислено 7 начальных людей и 45 детей боярских. В основном это те же самые фамилии, что указаны в предыдущих списках. Заливины, Чередовы, Байгачевы, Камынины, Костелецкие, Макшеевы (Мокшиевы), Кропотовы, Горбуновы, Харламовы, Неворотовы, Перфильевы, Свидерские, Грибановские, Вишневские, Пученковы, Шараповы. На должности ротмистра литовского списка Яков Александров сын Чередов, сотника конных казаков — Василий Новоторжцев, стрелецкого сотника — Влас Нефедьев, сотника вологодских стрельцов — Иван Седельников, атамана пеших казаков — Василий Можаитинов, головы юртовских служилых татар — Василий Кузьмин сын Заливин...».

Позже Заливины обозначены и в тобольских именных казачьих списках: «Перфилей Власов сын Заливин велено в ево место быть племяннику ево Афонасью Заливину а он Перфилей отставлен для того верстан был в оклад отца ево Кирила (?)». В Тобольске они образуют большую семейную корпорацию, состоящую из многочисленных детей боярских Заливиных. Но даже и детей боярских по приказу Петра I верстали и в простые солдаты и в матросы, поэтому и потомок детей боярских Заливиных матрос Иван Заливин не был исключением из этого правила, если он, действительно, из этого рода.

Иван Исаков

Известная в истории Якутии фамилия, которая на самом деле оказалась отчеством: *«...в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая «костяная казна» (приказчиком в Анадыре был в это время Михаил Ворыпаев). Пройдя Нижнеколымское зимовье в апреле 1685 г., “костяная казна” должна были прибыть в Якутск в течение 1685 г. Согласно другому документу (РМЛТО 129, с. 315–316), в 194 году [сент. 1685 – авг. 1686] таможенный целовальник Иван Онтропьев собрал в Анадырском острожке с торговых*

и промышленных людей “десятинную кость рыбью моржевого зуба”, а также пошлины и натуральные сборы, выехал со всем этим имуществом на Колыму, прибыл в Нижеколымское зимовье и в 195 году [сент. 1686 – авг. 1687] отправил оттуда деньги и пушнину в Якутск с находившимся при нем “пятидесятником казачьим с Ываном Исаковым Тобольским” сушке, а кость — в тот же Якутск с казаком Василием Даурским “морем на спасском коче” [РМЛТО: 315 сл.]. “Иван Исаков Тобольский” — это, вероятно, то же лицо, которое писало отписку с Пенжины в Якутск как “Иван Исаков”, извещая о своем намерени перейти с Пенжины в Анадырский острог».

Но в 1681 году отмечен якутский казак Артюшка Исаков, а в 1706 году в девятой пятидесятне Якутского казачьего полка служит Иван Исаков, в девятой пятидесятне — Тимофей Исаков.

Но вполне вероятно, что и эти Исаковы тоже имеют тобольские корни — в 1639 году из Тобольска в Якутск направлен был на службу «Исаков Якунка, пеший казак станицы Гавриловы Ильина».

Никифор Клестов

1654 год: «В прошлом во 162-м году октября в 5 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михаиловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы о Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Коченовской да Зиновко Клестов. Панка Коченовской в Тобольску крестился и женился на руской казачьей жене и ныне в Тобольску и государеву службу служить в детех боярских; а Зиновко Клестов послан в Енисейской острог».

Казаки Клестовы служили также в Тобольске и в Томске.

В 1748 году Никифор и его сын Иван Никофорович Клестовы были в числе разночинцев Большерецкого острога.

Пищик Иван Коринцов

Вполне вероятно, что фамилия сохраняет сведения о национальном происхождении его носителя или его предков: «Июля в 2 день пришли мы край Ламы со всеми ратными людьми здорово и велел делать край Ламы суды и к братцким людем к ясашным коринцом и батулинцом посылал с тунгусом служилого человека Федьку Мещерякова, чтоб те братцкие люди пришли под государеву царскую высокую руку и принесли бы государю ясак с себя и с своих улусных людей» («Роспись службам» пятиде-

сятника Курбата Иванова, описание его походов в «Братскую землю» для разведывания про Ленские вершины… Байкал и про новые землицы», описание сбора ясака с бурят и тунгусов с 1641 по 1650 гг.).

«…братцкие люди икирежи и бунгудаи и коринцы и батулинцы к государю ясак сулили и своих улусных людей и на том дали шерть, что государю ясак давать по вся годы безпереводно, и государевы им подарки даваны, поили и кормили довольно, и они братцкие люди все то позабыли на чем дали шерть государю и государеву хлеб и соль позабыли» (Курбат Иванов, 1645 г.).

«Миллеру осталось, по-видимому, неизвестно имевшее место после описанных им событий на Алдане восстание якутов и тунгусов 1639–1640 гг. Восстание это было, вероятно, прямым результатом погромов и вымогательств атамана Копылова и других служилых и промышленных людей. В начале января 1640 г. в Бутальском зимовье и в Якутском остроге стало известно, что алданские якуты и тунгусы, "заворовав", перебили нескольких казаков и больше 20 промышленных людей. Против восставших был послан карательный отряд во главе с Кожевниковым, которому удалось захватить нескольких вожаков движения. От них и от некоторых якутских князцов русские узнали, что в восстании участвовали якуты одайцы, баксинцы, коринцы и сыланцы, "сослався с ламекими и с майскими тунгусы". Якуты предполагали одновременно перебить все отряды служилых и промышленных людей, но это удалось им далеко не полностью. Характерно, что видную роль в восстании играли, по-видимому, беднейшие слои якутского населения — бесскотные «балыксыты» ("рыболовишка"). Одним из руководителей восстания был некто Оилга — "худой человек рыболов"» (РГАДА, ЯОУ, стб. № 1, лл. 4, 7-15, 68-74).

Степан Костров

Эту фамилию мы обнаружили по сибирским переписям 17-го и 18-го столетий только в деревне Кызылбаева Тобольского уезда: в доме Михаила Степановича Казакова в 1710 году «живет Колчаданские слободы пашенной крестьянин Мартемьян Васильев Костров 63 лет у него жена Парасковья 50 лет у них четыре сына Гаврило 30 лет Кирило 13 лет Матвей 8 лет Никита 3 лет дочь девка Матрона 13 лет у Гаврила жена Ульяна 23 лет у них сын Иван полугоду дочь Дарья 2 лет Анна 3 лет».

Назаров Агафон

«За канонера матрос».

В Тобольске эта фамилия отмечена уже в 1623 году и была впоследствии весьма распространенной: «Деревня за плоским бояраком. Во дворе служилые люди литвин Первушка Сергеев да стрелец Степан Назаров у Первушки паханые середние земли у двора меж лугов и дубров четыре чети да перелогу три чети без третника в поле а в дву потому ж. Степановы паханые середние земли две чети да перелогу три чети без третника да в дву потому ж да у обех у них вопче поскотинные земли в логах пятьдесят сенных покосов около пашни и по логам и по отвержкам в дуброве сто копен да позади их паханых и переложных земель дуброва пашенова лесу десять десятин».

В 1639 году в отряде якутского воеводы Головина был тобольский казак из сотни атамана Ивана Александрова Васка Назаров Верхотурец. В 1711 году Назаров Лазарь входил в команду Данилы Анцыферова.

Но, будучи матросом, Назаров мог прибыть в Сибирь и из Санкт-Петербурга.

Емельян Нагаев

Нагаевы — прежде это тарские казаки.

«Ивашка Нагаев в пешие казаки он верстан на Таре в нынешнем во 197м году при стольнике и воеводе при князе Гавриле Степановиче Волконским. Оклад ему Великих государей денежного жалованья 4 рубли с четью а за хлебное жалованья служит с пашни. А служеб ево в те годы всякия стенные караулы караулит своею братею вряд. А отроду ему 25 лет. А детей у него нет».

«Мишка Нагаев верстан в пешие казаки на Таре во 194-м году при стольнике и воеводе при Карпе Павлове. А оклад ему денег 4 рубли с четью хлеба полной рядовой оклад 2 пуда соли. А с того году службы служит своею братею вряд. От роду ему 25 лет. Детей у него нет. У него брат Митка 12 лет».

Емельян Нагаев служил на Камчатке при С. Крашенинникове: «против вышеозначенного репорта послана к ним при письме десть пищей бумаги со служивым Емельяном Нагаевым».

Камчатский мореход Леонтий Нагаев (вероятно, сын Емельяна) прославился как мореход в период освоения Руской Амери-

ки — камчатский купец, передовщик на судах «Михаил» (1780–1786), «Георгий» (1790–1797).

Алексей Наумов

Вполне вероятно, что эта информация о нем: «В 1745 году коряцкий старшина Эвоита с своими сродственниками убил в Ягачине (Егачег) между Пенжиною и Переною 4-х купцов, 40 человек служилых, посланных за ясаком, иеромонаха Флавиана, студента миссии Качурова, дьячка, пономаря и служилого Наумова, следовавших в Анадырск».

Казаков Наумовым мы встречаем повсеместно — и в Тобольске, и в Илимске, и в Якутске.

В 1632 году на Лену пришел енисейский казак Давыдко Наумов. А в первом отряде тобольских казаков станицы Тугарина Панютина был Фторышка Наумов Волков.

В 1661 году на Лене служит Корнилко Наумов. В 1748 году в Нижнекамчатске служит в казаках Сава Наумов, возможно, сын Алексея Наумова.

Пермяков Ефим

Фамилия очень распространенная в Сибири, так как коми-пермяки были в числе первых промышленных людей, освоивших Сибирь и проложивших по ней дороги, по котором потом пермяки-вожи вели казачьи военно-промысловые экспедиции по освоению новых земель и приведения ее жителей к присяге русскому царю.

Ефим Пермяков был участником экспедиции 1732 года, когда была открыта Русская Америка: «Августа де 20 пополуночи в 1-м часу поднели якорь и пошли в путь свой. 7-го часу пополуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова, и между первым и вторым островом растоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше. И на оной де остров посылан был служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нем толмач на байдаре для проведывания, что есть ли на нем народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от оного острова, сказал, что де и на том острову живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по них из луков стрелять, и за тем на берег не выходили», — сообщал впоследствии один из руководителей этой экспедиции геодезист Михаил Гвоздев.

Один из якутских казаков Пермяковых принял мореходческую эстафету из рук своего приемного отца: «В 1666 году в Якутске умер знаменитый мореход, открывший Яну и Индигирку, сын боярский Иван Иванов Ребров. Его дело продолжал приемный его сын Андрей Пермяков, отец мореплавателя Якова Пермякова, впоследствии принимавшего участие в открытии Новосибирских островов».

«В деле остался черновик наказной памяти, помеченный 29 июля 1662 г., пятидесятнику Григорию Татаринову о посылке его на Колыму для приведения в русское подданство юкагиров, онаулов и коряков, живших на «камне», и для сбора с них ясака (сст. 8–14), с приложением росписи сопровождающим. Среди них упоминаются казаки: Семен Сорокоумов, Григорий Посник, Андрей Пермяков и др».

Анадырь, 1677 год: *«Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю Анандырского острогу сынчишко боярской Курбатко Иванов челом бьет. В прошлом во 165 году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца указу и по наказу стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Тонково велено мне итти из Якутского острогу вниз Леною рекою и морем до Ковымы реки и с Ковымы реки вверх по Анюю реке за Камень на Анандырь реку и на море для промыслу кости рыбия, моржевого зубу, на старую коргу и на новую, про которую коргу ведомо учинилось в Якутском остроге стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонково, что сказывала де на Анандыре реки служилым и промышленым людям чухочия девка промышленого человека Фомки Семенова Пермяка, что в руской де стороне на море есть корга, и на той де корге лежит заморная кость рыбья, моржевого зуба много».*

Фома Семенов Пермяк — промышленный человек, участник исторического похода Семена Дежнева. Ясырка, пленная, о которой здесь идет речь, по всей вероятности, взята Пермяком в бою с чукчами. Об этом сражении упоминает С. Дежнев в отписке воеводе Акинфову.

Но это далеко еще не вся информация: *«…старейший казак Михаил Кобычев заявил, что среди первых русских, прибывших па р. Камчатку, находился также “Фома промышленный”. Несомнен-*

но, здесь идет речь о старейшем "промышленном человеке" Анадыря Фоме Семенове Пермяке, у которого, как видно по анадырским документам 60-х годов, тогда было два прозвища — "Медведь" и "Старик". С Анадырской корги он плавал с Рубцом. Но на Анадыре он, действительно, служил еще при Семене Дежневе. Вместе с тем подтверждаются также и сообщения С.П. Крашенинникова, а также Г.В. Стеллера о том, что среди прибывших на Камчатку были серьезные распри из-за женщин. Сами анадырские казаки, промышленные и торговые люди в 1665 г. жаловались на то, что на корге и в море Иван Рубец "...з бабами... всегда был... в беззаконстве и в потехе... и с служилыми и торговыми и с охочими и промышленными людьми не в совете о бабах" . И анадырцы многие свои неудачи — вплоть до исчезновения моржей на корге — приписывали "несблудству" Рубца» (Б.П. Полевой).

«Для нас особо важно отметить, что в 1662–1663 гг. Фома Семенов Пермяк участвовал в плавании Ивана Рубца с устья Анадыря в верховья реки Камчатки.

В поздние годы Пермяк был известен на Анадыре под двумя прозвищами — "Медведь" и "Старик". В 1662 г. на Анадырской корге он присоединился к Ивану Рубцу, когда тот на двух кочах пошел к Камчатке. Вместе с Рубцом он осенью 1663 г. вернулся на Анадырь, но вскоре не поладил с Рубцом и объявил о своем уходе на юг «к корякам». Несомненно, именно от него более молодые анадырцы, в том числе участники плавания Рубца, узнали (но весьма не точно) кое-что об историческом плавании Семена Дежнева 1648 г., об основании Анадырского острога и, наконец, о трагической судьбе торгового и промышленного человека Федота Алексеева. Потому-то позже кое-кто на Камчатке ошибочно решил, что "Федотовщина" получила свое название будто бы от "Федота Алексеева Попова". Однако лингвисты не без основания считают, что название "Федотовщина" могло произойти не от "Федота", а только от "Федотова сына", как и предполагал первоначально Г. Ф. Миллер» (Б.П. Полевой).

«Собранные воеводой А.А. Барнешлевым сведения о неясашных народах вблизи Пенжины "на хребтах" усилили интерес к Пенжинскому зимовью. Туда было отправлено подкрепление. Новым пенжинским приказным был назначен бывалый казак Михаил Ворыпаев. Он должен был сменить пенжинского приказного Василия Тарасова Пермяка. Между тем в Пенжинском

зимовье с сыном прежнего приказного произошла романтическая история, которая закончилась трагедией: казак Тимошка Васильев Пермяк "стакався с корятцкою крещенной девкою Анюткою, великому государю изменил, сбежал в корятцкую землю, и его, Тимошку, в корятцкой земле коряки убили"».

В 1684–1686 гг. Василий Пермяк был приказчиком Анадырского острога.

В 1646 году в Якутске служит енисейский казак Ивашка Лукоянов Пермяк. В 1649 году — енисейский десятник Ондрюшка Иванов сын Пермяк, возможно, сын.

В 1646 году — енисейский казак «Семейка Чертов сын Пермяк [служит] в верхоленском в Братцком острожке».

В 1648 году «по государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено быть в пятидесятниках на Ивашко место Пермяка в его окладе тобольскому казаку Ивашку Иванову сыну Реброву которой отпущен был в прошлом во 155-м [1647] году в заменное число и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов по государеве грамоте ему Ивашку быть велели в пятидесятниках».

Якутск, 1681 год: Пермяк Ивашко, казак (х/о — холостой оклад); Пермяков Ивашко, казак (х/о); Пермяков (Пярмяков) Ондрюшка, казак (ж/о — женатый оклад); Пермяков Микишка, казак (х/о); Пермяков (Пярмяков) Микитка, казак (х/о); Пермяков Филька, казак (х/о); Филька Пермяков в прошлом во 197-м [1689] году на Анандыре реке от иноземцов убит; Пермяков Якунька, казак (х/о).

«Мишка Ярославцов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Мишкино место казачей сын Сенька Пермяков».

Якутск, 1692: Ивашко Пермяков в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой; Микитка Васильев Пермяков; Ондрюшка Пермяков; Якунька Пермяков.

А вот и династия якутских Пермяковых: Пермяков Андрюшка, казак — сын Ивашко (1672); Пермяков Ивашко, казак — сын Мишка (1691).

Якутск, 1706 год: Пермяков Иван (7-я пятидесятня); Пермяков Никита Васильев (3-я пятидесятня); Пермяков Семен (7-я пятидесятня); Пермяков Яков Васильев (4-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Иван Андреев сын Пермяков ...дети ево Егор шеснацати лет и он послан на службу в

Олекминской острог в 719 году»; «Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Мосеев сын Пермяков сказал тритцети четырех лет холост стоит на подворье у Семена Луковцова».

В 1812 году гренадер Пермяков Христофор Андреевич служит в Камчатском гарнизонном батальоне, в Петропавловской роте майора Крупского, а после расформирования батальона — в должности канонира Петропавловской экипажной роты.

Поляков Лаврентий

«…набору Якова Ельчина Лаврентей Поляков двацети семи», то есть 1693 года рождения.

В составе экипажа бота «Восточный Гавриил» был также нерчинский казак Иван Поляков.Возможно, что и Лаврентий из этих же мест.

Родоначальник нерчинских Поляковых «…из старых конных Тихон Поляков оклад хлеба шесть четей с осминою ржы четыре чети овса два пуда соли и в 202 году по указу Великих Государей и по помете на выписке столника и воеводы князя Матфея Петровича Гагарина служит в десятниках» (1694 г.). В 1700 году: «Городничей Тихон Поляков в прошлом 207 году августа в последних числех убит».

В 1693 году в казачьих списках появляется имя Ивана Полякова. А в 1721 году только казачьи дети: «Нерчинской казачей сын Антон Поляков 20 брат Андрей 14». Вероятно, отец и брат отправлены на Камчатку.

Поляковы — явные потомки военнопленных поляков.

Пеший казак Васька Поляков был отмечен в Дозорной книге Тобольска еще в 1624 году.

Тобольский казак Поляков Стенька Васильев был целовальником в Якутске в 1646 году, затем десятником на Амуре в составе экспедиции Ерофея Хабарова (1650–1653 гг.) и вступил с ним в непримиримый конфликт. Был оправдан и произведен в дети боярские по Тобольску.

В 1812 году в составе Камчатского гарнизонного батальона, состав которого в значительной части был пополнен за счет нерчинских, иркутских, селенгинских казачих детей, служил Евсевий Поляков.

Солдат Клим Полежаев

Сообщение А. Змиева, командира карательного отряда: *«…посланные от нас в ястауле солдат Клим Полежаев с товарищи*

в двух батах, входя в Ключи, усмотрили бат да пором, на котором пороме изменник Фетька Харчин с протчими иноземцами погребли от наших прочь и стали лук тянуть, и наши служивые стали из фузей палить, и мы, послыша пальбу, в скорости погребли в близость и, вышед на берег, призвав толмача, призывали их ласковым призывом, обещая им от ея императорского величества за вины их прощение, и посылали к ним на переговоры тоена Колыча, чтобы их призывал с повинною и дали бы аманатов, имеющееся у них огненное ружьеце к нам принесли. И стояли за таким разговором день весь до вечера, а они, изменники, собравшися на сопку многолюдственно, например человек шестьдесят или больше, и в таком разговоре просили строку до утра, и в вечеру приказал я бить зорю и выпалить из пушки пыжом, а не картечи для страстки по вечеру и поутру».

Скорее всего, это был солдат Якутского пехотного полка, часть которого дислоцировалась на Камчатке, а основная — на границе с Китаем. Набор в солдаты этого полка проходил в Нерчинске, а также в Селенгинске и Иркутске. Иркутск был в свое время подчинен Енисейску, откуда первоначально и пополнялся гарнизон острога. Поэтому вполне возможно, что и у Клима Полежаева енисейские корни: по переписи 1669 года в Енисейске отмечен двор «служилого Микифорка Полежаева, а у него сын Тимошка 13, Ивашка 10».

Иван Портнягин

Одно из первых упоминаний в Якутске этой фамилии: «…летом 1663 г. воевода послал на коче в Нижнеколымск служилых людей: Андрея Коршунова, Михаила Деева, Осипа Трофимова, Потапа Федорова, Матвея Портнягу, Гаврила Алексеева, Агафона Самойлова».

Якутск, 1692 г.: «Новокрещен Васка Родионов Комвяк в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Васькино место казачей сын Ивашко Осипов Портнягин в женатой оклад».

1720 г., Якутск: «Во дворе вдовы Офилии Васильевых живет на подворье казак Федор Соболев и он Федор послан Великого государя в прошлом 718 м году… у него ж живет служивой Василей Иванов сын Порнягин».

По списочному составу Якутского казачьего полка в 1706 году мы обнаруживаем двух братьев: Иван (третья пятидесятня) и

Михайло (восьмая пятидесятня) Осиповы дети Портнягины: «Во дворе служилово Михайла Осипова сына Портнягина живет служивой Василей Андреев сын Орлов… а Михайло послан Великого государя на службу в Жиганы в 717 м году».

Иван Портнягин был участником открытия Аляски на боте «Святой Гавриил» в 1732 году и участником Второй Камчатской экспедиции.

А это, вероятно, последнее сообщение о его брате Михаиле: «В 1747 г. коряк Эвонкта убил на р. Пустой служилых Портнягина и Лебедева».

Казак и мореход Иван Портнягин стал родоначальником нижнекамчатской династии казаков (а впоследствии крестьян) Портнягиных.

Что касается корней этой фамилии…

В 1680 году в Шадринской слободе отмечен драгун «Васка Иванов сын Портнягин. Сказал: родился де он в Казани на посаде на Арской улице, отец иво был в конных казаках. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 176-го году. У него дети: Петрушка 13 лет, Ивашко 6 лет, Филка 2 лет».

«Терсюцкая слобода (Тобольский уезд). Деревни Портнягиной. Двор в нем пашенной крестьянин Федор Васильев сын Портнягин сказал себе от роду 41 лета жена у него Матрена 25 лет у него ж детей три сына Павел 7 лет Иван 7 ж лет Ефим 2 лет да дочь девка Домнокия 8 лет у него ж мать Василиса 60 лет у него ж брат Козма 19 лет в салдатех по набору столника Ивана Фомича Бибикова у него жена Александра 20 лет да дочь девка Марина полугоду да у него ж в доме живет салдацкия жена Катерина 22 лет у нея дочь Елена 6 лет.

…Двор в нем пашенной крестьянин Давыд Иванов сын Портнягин сказал себе от роду 45 лет жена у него Анна 40 лет у него три сына Иван 18 лет Яков 7 лет Харитон 2 лет да дочь девка Устинья 16 лет у него ж зять Михайло Андреев сын Королев 25 лет жена у него Парасковья 21 лета».

Свои Портнягины были и в Томске. Казак Пронка Ерофеев сын Портнягин сообщал о себе в 1680 году: «Отец родом Соли Вычегодской, в Томск пришел собою, а он родился в Томске и поверстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ п. соли».

«Портнягины — томский род сибирских и забайкальских казаков XVII века. В 1833 году казак Медвежьего редута 4-го полка Си-

бирского линейного казачьего войска Степан Портнягин был командирован на службу в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк в Санкт-Петербург. Его братья, хорунжий и казак, служили в 4-м полку. Казак 1-й сотни 1-го конного полка Сибирского казачьего войска Прохор Портнягин был награжден знаком отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й степени за дела с кокандцами 1 и 3 октября 1875 года (№ знака 31462). Георгиевский кавалер (за Русско-Японскую войну), казак 6-й сотни 9-го Сибирского казачьего полка Иван Портнягин в 1915 году был награжден Георгиевским крестом 3-й степени и произведен в младшие урядники».

Портнягины служили и в Нерчинске: *«Участие в добыче пушнины способствовало развитию среди служилых людей скорняжного промысла. На первом этапе обработка мехов включала их подборку в соответствии с качеством, цветом, узором. Следующим этапом был раскрой и пошив меховых вещей (шуб, шапок, кафтанов, воротников, рукавиц, одеял, напольников) и полуфабрикатов (пластин, исподов, подскоров), которые нередко попадали на рынок. По данным нерчинской таможенной книги за 1706 г. в числе 7 продавцов, зарегистрировавших скорняжные изделия, был 1 казак, 1 пятидесятник и 3 родственника служилых людей (2 сына, 1 брат), впоследствии приверстанных в конную службу. Все они продавали на рынке каждый в одной “явке” меховые изделия: пятидесятник А. Казаринов — 10 шуб тарбаганьих или, как тогда говорили, “дах”, и 100 тарбаганьих кож, брат казака А. Размахнин — 10 дах и 300 тарбаганьих кож и 3 волка, сын казака И. Котельников — 5 дах, 300 тарбаганьих кож, 6 волков и сын казака А. Портнягин — 4 дахи и лисьи шкурки. Четверо из перечисленных предъявителей мехов и меховых изделий сообщили, что отловом зверей, обработкой шкурок и, наконец, пошивом меховой одежды — шуб у них занимались подневольные люди — “челединцы”, и только один из продавцов (сын казака А. Портнягин) добычей зверей и пошивом одежды занимался сам»* (Г. Леонтьева).

В 1708 году по окладному списку служилых людей Нерчинска проходят трое Портнягиных — Иван и Родион Портнягины и Степан Портняга.

Д.Я. Резун находит Портнягиных в Верхотурье, Сургуте, Нарыме…

Осколков Дмитрий

Казак из экипажа бота «Святой Гавриил», скончался от ран, полученных во время штурма Нижнекамчатска.

Представитель сибирской торгово-служилой корпорации.

«В 1637 г. шамагиры “побили” на Лене промышленного человека Андрея Осколкова “с товарыщи трех человек”, а сам Бакшенга со своими людьми “пограбил” у торгового человека Завьялка Семенова покрученик: “ватащика” Семейку Колмогорца “с товарыщи 9 человек” — “всякие заводы поимали”. В том же году на Витиме зять Бакшенги убил 8 человек енисейских служилых людей — Олеську Архипова “с товарыщи”. В 1638 г. в верховьях Нижней Тунгуски шамагиры Бакшенги убили еще двух человек. В 1639 г. убили торгового человека Демида Пахомова Муромца. В 1640 г. на Лене Бакшенга ограбил трех промышленных людей уже упоминавшегося Завьяла Семенова».

1645 год, Якутск — подвергся по приказу якутского воеводы Петра Головина пыткам торговый человек Ивашка Осколков.

Якутск, 1650 г.: «Челобитная торгового человека Ивана Амосова Осколкова с товарищами о возвращении им поручной записи по промышленным людям Гаврила Богданова сына и Ивана Богданова сына Щипуновых, отправляющихся на государеву службу в Дауры».

В 1652 году отряд служилого человека Герасима Осколкова собиравший ясак с Колымы, по пути обратно в Якутск, подверглась нападению якутов. Все были перебиты.

«Осколков Петрушка Екимов, албазинский казачий десятник, приказный человек Албазинского острога (1670–1673). Промышленный человек, казенный целовальник съезжей избы Илимского острога (1650). Вместе с двоюродным братом, Иваном Амосовым Осколковым, совершал значительные торговые операции на территории Илимского и Якутского воеводств. Был женат на дочери илимского казачьего пятидесятника Н. Черниговского. Казенный “Илимского острога съезжие избы” целовальник (1663/64). В июне 1665, накануне бунта в Илимском уезде служилых людей и пашенных крестьян, находился в оковах под стражей на судне воеводы Л. Обухова. После захвата воеводского дощаника примкнул к бунтовщикам, в партии Н. Черниговского бежал в Даурию, подписал изветную челобитную на воеводу (1665). В Албазинском остроге поверстан в служилые люди. Один из 82 служилых людей, подписавших

челобитную царю Алексею Михайловичу о прощении и пожаловании за службу (1670). Донес “со товарищи” воеводе Аршинскому о нереализованном намерении Никифора бежать из Албазина (1670). Во время ссылки Н. Черниговского в Нерчинск — приказный человек Албазинского острога (1670–1673), в числе других значился в челобитной от 120 албазинцев (1672). От имени албазинцев подавал челобитную о постройке церкви во имя Воскресения Христова (1673). Дальнейшая судьба не известна».

В 1692 году в Якутске служит казак Федька Петров Осколков. А вот весьма любопытная информация за 1706 год об Осколкове Федоре Петрове сыне, записанном в четырнадцатую пятидесятню: «В 1705 г. послан в Москву, в Якутске не бывал и на его место поверстан житель Якутска Шишигин Василий». То есть, Фелор Осколков не был местным казаком.

Вполне вероятно, что и сам Дмитрий Осколков был из числа нерчинских казаков — после уничтожения маньчжурами Албазинского острога оставшиеся в живых казаки ушли в Нерчинский острог, откуда потом казаки постоянно отправлялись на Камчатку на «годовалую службу».

А вот еще один весьма любопытный эпизод из истории этой сибирской фамилии: известный якутский купец Павел Сергеевич Лебедев-Ласточкин в «1774 году снарядил в Охотске транспорт “Екатерина” и отправил его на Камчатку. У берегов ее судно потерпело крушение, грузы утонули, а с ними пропали и десять тысяч рублей купца.

Но Лебедев-Ласточкин не пал духом. Он пригласил в компаньоны молодого рыльского купца Григория Ивановича Шелихова и снарядил новое судно — “Св. Николай”, на котором было 45 человек рабочих (из которых 21 камчадал и 1 алеут), боцман и 3 матроса. Во главе экспедиции был поставлен Иван Михайлович Антипин, сибирский дворянин, знавший японский язык. В помощь ему для перевода шел Иван Очередин, мореходом был штурманский ученик Федор Путинцов, да от Большереикой канцелярии Бем выделил трезвого, грамотного и рассудительного капрала Ивана Осколкова с казаками».

…Одновременно Лебедев-Ласточкин с помощью Сибирского губернатора Немцова снарядил в Охотском порту бригантину «Св. Наталия». Идти на ней вызвался мореход Михаил Петушков. На бригантине шли новые промышленные. Среди

них были илимский мещанин Алексей Иванов Курбатов, Соли Вычегодской крестьянин Василий Корнилов Звездочетов. Переводчиком японского и курильского языков назначался Ми хайло Туголуков. Для порядка шли пять казаков под командой фурьера Ивана Осколкова. Бригантина загружена была до предела новыми товарами и большими запасами провианта.

Выйдя из Охотска 10 сентября 1777 года, «Св. Наталия» благополучно достигла 25 сентября 16-го острова, где в заливе Креста прождала до 13 октября Шабалина. Когда тот прибыл, то перебрались на 18-й остров. «Разгрузя судно и соединив всех промышленных в одну компанию, остались на том острову зимовать». Весной 1778 года (31 мая) Шабалин па трех байдарах пошел на острова «для приведения мохнатых в подданство, разведывания неизвестных земель и живущих на них, определения числа народа и жилищ их и для свидания с японцами».

Для толмачества **Алексей Поливанов**

По всей видимости, Алексей является сыном тобольского казака Ивана Поливанова, о котором у нас был подробный рассказ в первом томе.

Иван Полдиванов погиб в 1707 году. Вполне вероятно, что к этому времени он был уже семейным человеком — ведь в толмачи брали, как правило, детей казаков из смешанных браков с коренным населением, для кого местный язык был вторым роднеым.

Мирон Санинков

Скорее всего, правильнее — Санников. Старинная тобольская фамилия, известная с 1623 года: «Деревня на речке Кундуске Санниковых. Во дворе пашенной крестьянин Васька Санников. У нево племянник Назарко Козмин да сына вместо гулящий человек Бориско. Пашни паханные луговые и дубровные середние земли 12 четвертей с осминою да перелогу 6 четей с полуосминою в поле а в дву потому ж. Да луговые водопойменные земли 11 десятин. Сена косит 300 копен. Живущим пол-выти да впусте четверть выти.

Деревня на Кундуске ж на лугу. Во дворе Васькин брат Ивашка Санников. Пашни паханные луговые середние земли 8 чети с третником в поле а в дву потому ж. Да луговые земли под пашню 21 десятина. Да за речкою Кундускою дубровы пашенного лесу 28 десятин. У двора поскотинные луговые земли 7 десятин.

Деревня на старой Сибири. Во дворе Васькин брат Микулка Санников, пашни паханные середние земли 6 чети в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 3 десятины, сена косит в Абалацком лугу под погостом 160 копен. Живущим четь выти. Во дворе Васькин же брат Гришка Лапоть. Пашни паханные середние земли 8 четей с третником да перелогу 4 чети с полутретником в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 6 десятин. Сена косит в Абалацком лугу 300 копен. Живущим треть выти. У Микулки ж да у Гришки Санниковых отъезжая пашня купленная.

Деревня на ближнем Сузгуне на речке Сузгунке. Во дворе пашенной крестьянин Тимошка Санников а детей у нево сын Симанко 15 лет да сын Гришка 14 лет. Пашни паханные середние луговые земли 6 четей в полуосминою. Да перелогу с осминою без пол пол третника в поле а в дву потому ж. Сена косит 200 копен, живущим четь выти да впусте четь и пол трети выть».

А тобольских крестьян, как известно, нередко верстали в казаки.

В 1706 году в Якутске в первой пятидесятне служил Санников Лука Стефанов, а в 1748 году — Санников Яков Лукин сын.

Возможно, из этого же рода и камчатский служилый и известный мореход Евтихий Санников, проложивший в 1745 году морскую дорогу из Нижнекамчатского острога к Ближним Алеутским островам.

Иван Световой

Возможно, это Свепово Иван Игнатьев, служивший в 1706 году в пятнадцатой пятидесятне. В 1681 году отмечен якутский казак «Игнашка Свепов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою», в 1661 году в челобитной якутских казаков вместе с именем Семена Дежнева указан Ивашко Свепов.

В таком случае и Иван Игнатьевич Свепов, записанный в 1706 году в пятнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка, был из старослужащих якутских казаков.

Скурихин Илья

В Енисейске в 1639 году отмечен крестьянин Скурихин Ганка.

В «Дозорной книге Илимского уезда» за 1673 (7181) год (РГАДА ф.214.оп.1.д.580) указано несколько крестьянских семейств Скурихиных.

«Благодаря» доносу Ильи Скурихина сообщение об открытии в августе 1732 года Северной Америки экипажем бота «Святой Гавриил» стало достоянием мировой истогрии.

1743 г. апреля 20. –

Промемория канцелярии Охотского порта М. П. Шпанбергу о плавании М. С. Гвоздева и И. Федорова на боте «Св. Гавриил» к берегам Америки в 1732 г.

№ 356

Промемория

В прошлом 1741-м году апреля 8 дня ссыльной Илья Скурихин в канцелярию Охоцкого порта объявил: «В прошлом де 732-м году был он, Скурихин, на боте «Гавриле» с камчацкого устья к анадырской стороне подле землю, и против де устья реки Анадыра были они у земли, называемой Большей, на которой земле видели с судна жилье — юрты, а в тех юртах живут люди. На той же де земле видели лесу лисвеничного и елового и аленей многое число; и из оного жилья выезжал к ним на пызырях один человек, которого звали они к себе на судно, точию де он к ним не пошел. А на том де боте был камандиром геодезист Михайло Гвоздев. А были де они с Камчатки до помянутой земли в пути на «Гаврил» боте недели с три, а в подлинно сказать не упомнит. Да видели же де они и другие малые острова в море, на которых живут люди ж, токмо де и на тех островах они сами не были».

А по справке в канцелярии Охоцкого порта в прошлом 733-м году декабря 23 дня с Камчатки от помянутаго геодезиста Гвоздева в присланном репорте написано: «Июля де 23-го дня 732 году отправились они, Гвоздев да подштюрман Иван Федоров, обще с матрозы, с мореходом и со служилыми на боте «Гаврииле» с устья с Камчатки реки в морской тракт. А во оной де морской тракт взят был для разговоров в толмачи из новокрещенных один человек. А с Камчатки де с показанного числа ходили на море августа по 22 число и за кормовой де скудостию, и за великою течью бота «Гавриила» против поданного доношения морских обывателей возвратились на Камчатку и пришли в камчацкое устье сентября 27 дня». А в каких местах и коликое число островов видели, и на которые выезжали, и на тех островах какие имеютца люди, и обо всем показанном морском походе в посланную партию в Анадырской острог к капитану

(что ныне маэором) г-ну Павлуцкому оного ж 732 году декабря 19 дня репортовано чрез нарочно посланного служилого Ивана Салдатова. Також и о издержанных в морском тракте припасах, и оному их тракту как с камчацкого устья до островов, так и по возвращении до Камчатки, и о тече бота «Гавриила» при том репорте прислал лахбух, которой де писали они, Гвоздев и Федоров, обще. А в этом лахбухе написано: «Августа де 22-го числа пополуночи в 12-м часу с острова приезжал к ним иноземец, чюкча, в ветке, по их званию в кухте, и спрашивал де оной Гвоздев у него чрез толмача новокрещена Егора Буслаева, какой народ на Большем острову живет, и оной де иноземец, чюкча, сказывал чрез толмача, что на оном острову живут чюкчи ж и что самой де то Чюкоцкой Нос. Да спрашивал же де он у оного чюкчи чрез толмача, что на Большем острову имеютца ль какие звери и леса, и оной де чюкча сказал: есть де на оном острову лисицы и куницы, и леса».

Да в скаске ж помянутого ссыльного Скурихина между прочим показано: «В прошлом де 1732-м году летним времянем, а в котором месяце и числе сказать не упомнит, на морском боте «Гавриле» геодезист Гвоздев, подштюрман Федоров отправились с Камчатки в морской поход, в котором де походе и он, Скурихин, был. И, вышед из устья реки Камчатки, пошли в левую сторону, имея Камчацкой земли берег в виду, и шли до устья реки Анадыря недели з две. А между камчацким и анадырским устьями, будучи в том походе, видели де в море в правой стороне два острова расстоянием от их ходу в верстах полутору или и в двух, величиною те острова, например, версты 3, а лесов де других, кроме сланцов, на тех островах не усмотрили и никого людей на них видеть не могли. И на оных де островах из них, з бота “Гавриила”, никто тогда не были. А от анадырского де устья путь свой имели прямо в море, в восточную сторону, и, шед дней с 5 способным ветром, увидели пути своего мало в левой стороне землю и, надеясь де быть какому острову, пошли прямо к той земле. И, не дошед до нее в полуверсте, расмотрили, что не остров, но земля великая, берег желтого песку, жилья юртами по берегу и народу ходящаго по той земли множество; лес на той земле великой лисвеничной, ельник и топольник. И пошли де подле ту землю в левую сторону. Шли дней с 5, однако ж де конца той земли не дошли и усмотрить не могли и поворотили назад, за тем что де метанием лота стало казатца глубина воды недовольная. И по возврате де за тихою погодою остановились, и со оной земли один человек нагой приплыл к ним на пузырях, и

спрашивал чрез будущаго с ними на боту толмача служилого, а имяни и прозвания не упомнит, что откуду они на том судне и куда идут, которому де они з бота ответствовали, что, заблудясь в море, ищут Камчатку, и тот де иноземец спрашивал же, много ль их на том боту людей, которому ответствовали ж, что люди будто з голоду померли, а в то де время люди были схоронены в судне. И оной де иноземец указывал им сторону, где искать Камчатку, откуда они и в поход пошли, и звал де их на свою землю, обещая им дать корму довольно.

А когда де помянутой иноземец, приплыв к ним, имел с ними разговор, тогда ево к себе на судно звали, только де он к ним в близость не плыл. Потом де вскоре началась их назад х Камчатке ходу способная погода, и они де пошли подле тое ж землю и шли подле ее дней с 5, которую де, оставя назаде, стали путь свой иметь в правую сторону х Камчатке и, пришед из вышеписанных дву островов, которые ими во время их вперед ходу видимы были, к одному острову, стали на якорь. И з бота на шлюпке выезжали на тот остров геодезист Гвоздев с матрозом и со служилыми и с того острова возвратились на судно. А как де они, Гвоздев с товарыщи, на помянутой шлюпке с острова отвалили к боту, то де явилось вдруг на берегу острова больши 100 человек и стреляли вслед за ними множеством из луков стрел, однако ж де никого не вредили. А как де со шлюпки из ружья выпалили, то де те иноземцы, увидя огонь, разбежались по острову врознь, а по отбытии их от того острова, спустя несколько дней бывшею великою погодою на оном боте мачту сломило, и с великим трудом чрез некоторое время пришли в камчацкое устье, а подлинно месяца не упаметует».

А помянутой геодезист Гвоздев на данной ему ис канцелярии Охоцкого порта ордир репортом между прочим объявил: «По присланным де к нему, Гвоздеву, и подштюрману Федорову от помянутого г-на маэора Павлуцкого ордирам ходили они с Камчатки июля 23 дня 732 году и с ними де ходило матрозов 4, мореход 1, служилых 32 человека, толмач 1. И обошли де Камчацкой Нос июля 27-го дня, а к Анадырскому Носу пришли августа 3 числа и от Анадырского де Носу пошли для взыскания островов. А когда де г-н капитан-камандор Беринг был в своем вояже, и при нем де во оном вояже был показанной мореход Кондратей Машков, и видели остров, и пошли де они до того острова сыскивать, и пришли к Чюкоцкому Носу к южной стороне, и стали на якорь от земли версты за три, стал быть штиль, и он де, Гвоздев, на берег выезжал на шлюпке для осмотру берегу и для взятья пресной воды. И пригребли де к берегу, и увидели малую речку, и во оную речку вошли шлюпкою, и вышли на землю, и оное де место пустое, только де ходят подле оной речки алени ста с полтара или более и людей у оных аленей не было, ис которых аленей застрелил 2 аленя для пропитания служилых служилой Ефим Пермяков. Которых аленей взяли на шлюпку да вады. И увидели де двух человек на каменю и стали их к себе кликать, и оные, услыша их голос, ушли за камень, а они шлюпкою из речки вышли и пригребли на бот благополучно. Августа де 6 числа приезжали чюкчи в двух байдарах из других падей и в растоянии были от боту в версте и смотрели с полчеса, а разговору от них никакова не имелося, а з боту де толмач призывал, токмо де от них ответу никакова за дальностью не слыхал. И отъехали де прямо боту на землю июля де 7 числа с матрозом Петровым и со служилыми восемью человеками, ездили на шлюпке в то место, откуда оные чюкчи байдарами приезжали, для осмотру жилья их и осмотрели 2 юрты пустые, деланы в земле ис китовой кости, старые и разрыты, и по осмотру возвратились назад к боту, и отгребли от того места версты з две, и увидели на берегу двух человек, и они де, увидя их з берегу, побежали на камень, и он, Гвоздев, шлюпкою к боту пригреб благополучно. Августа де с 5 числа по 8 число лежали на якоре, во все оные числа был штиль. 8 числа стал быть ветр благополучной пополуночи в 4-м часу, то пошли де по показанию морехода Машкова для взыскания острова. Августа 13 числа пополуночи в 3-м часу стали на якорь, стал быть штиль, и осмотрели де на берегу юрты, и поехали они на шлюпке с матрозом Леонтьем Петровым и со служилыми и стали подъезжать к юртам, и от юрт де з берегу погребли 3 байдары от них вперед подле берег, а они де, Гвоздев с товарыщи, погребли ко оным юртам и вышли на берег, и осмотрели оные юрты числом 6 юрт в земле, деревянных. И увидели они, что одна байдара гребет назат к ним, и они де, Гвоздев с товарыщи, за малолюдством от оных юрт погребли возвратно к боту, и, пришед на бот, взял с собою служилых 20 человек, и погребли ко оным юртам вторично, и пригребли к юртам, и вышли на берег, а чюкчи от тех юрт отошли на камень против юрт и только де их на каменю казалося 6 человек, а другие ушли байдарами. И он посылал к ним служилого Петра Куклина с толмачем для призыву в подданство под ея и.в. самодержавную руку к ясашному платежу, и оные де чюкчи сказали: мы де ясаку не знаем и не платим, и не промышляем.

Августа 15 числа пополуночи в начале 11 часа стал быть ветр благополучной, то пошли де в путь. Августа де 17 числа пополудни в 7 часу осмотрели остров, ветр был им противен, и для противного ветру лаверили. Того же числа пополуночи в 3 часу стал быть штиль, и увидели на Чюкоцком Носу юрты, и ко оным де юртам на шлюбке поехал он с матрозом Петровым да со служилыми десятью человеками, и стали пригребать блиско берегу, а чукчи де от юрт своих отошли недалеко на утес, и оной де, Гвоздев с товарыщи, к утесу к ним пригребли, а чюкчи де поют согласно, и один у них прыгает и скачет. И Гвоздев де с товарыщи, посмотря на них, возвратились к боту, а переговариватца де с ними – за дальностью не слышит. И оные чюкчи в двух байдарах за ними погребли и нагребли на них, но токмо не блиско подъезжают, в каждой байдаре по 20 человек, и, посмотря их, возвратились назат. А чрез де толмача у них спрашивал, какой народ живет на острову, и они де на то ничего не сказали, а про себя сказали, что чюкчи зубатые, а о земле де сказывали, где у них юрты — самой Чюкоцкой Нос. И пригребли к боту. Стал быть благополучной ветр, то де они пошли к острову и пришли против острова северного конца, и сели в шлюбку помянутой матроз да служилых 10 человек, и погребли они к острову. И, когда де стали пригребать во близости острова, увидели юрты и стали пригребать блиско юрт, и с утесу стали из луков стрелять, и они де, Гвоздев с товарищи, против их противление выстрелили ис трех фузей, и велел толмачу спрашивать об них, какой народ, и они де о себе сказали, что чюкчи, а родники де их пошли с аленными чюкчами против капитана битца и там де всех побили. А про Большую Землю спрашивал, и они де на то ничего не сказали. А какой народ живет, про то сказали: их же де чюкчи, и там де у них большие чюкчи, и от юрт своих ушли и оставили юрты пустые. И он, Гвоздев, со служилыми людьми, вышед на берег, пришли к юртам, и только де имеютца две юрты в земле деревянные, лес яловой и сосновой, и с того де острова видели и Большую Землю. И погребли к боту и, пришед к боту, и пошли подле оного же острова к южному концу, и увидели юрты, и стали на якорь. И он де, Гвоздев, на шлюбке и на байдаре с матрозом Петровым и со служилыми 21 человеком пригребли к берегу против юрт, и тут имелось юрт блиско дватцати. И чюкчи де от юрт крычали, чтоб они на берег не выходили, а у толмача де голос осип и для переговору говорить в дальности с ними — голос не доносит. И оной де толмач был в байдаре. И байдарою пристали к берегу, и толмач де вышел на берег, и к нему де от юрт сошел один чюкча на берег, у

которого оной толмач спрашивал про Большую Землю, какие на ней живут народы. И оной де чюкча оному толмачу ничего не сказал. Также и по силе данного от маэора Павлуцкого ордера призывали ево, чюкчу, и родников ево под высокосамодержавную ея и.в. руку и в ясашной платеж, и они де на то сказали, что де мы ясаку не знаем и не плачивали, и видя их, чюкочь, многолюдство, возвратились на бот, а остров в длину версты на полтретьи, в ширину на версту.

Августа де 20 пополуночи в 1-м часу поднели якорь и пошли в путь свой. 7-го часу пополуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова, и между первым и вторым островом растоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше. И на оной де остров посылан был служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нем толмач на байдаре для проведывания, что есть ли на нем народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от оного острова, сказал, что де и на том острову живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по них из луков стрелять, и за тем на берег не выходили.

Августа де 21 дня пополудни в 3-м часу стал быть ветр пособной, и пошли к Большей Земли и пришли ко оной земли и стали на якорь от земли в верстах четырех. И стала де быть вахта подштурманова, и оной де подштурман собою поднял якорь на своей вахте без общаго согласия и пошел подле земли к южному концу. От южного конца к западной стороне видели юрты-жилья версты на полторы, и ко оным де юртам за ветром блиско подойтить было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лот, глубины 7 и 6 сажен, и с того места возвратились назад и стали лаверить подле Большей Земли, чтоб к земле подотить, и стал де быть ветр велик от земли противной И сказал подштурман, что надлежит им итить и держать курс зюд-вест. И от оной Большей Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-норд-вест. А с четвертого де острова пригреб к боту чюкча в малом ялыче, по их называетца кухта, а от боту был в растоянии сажен в шести, и он де, Гвоздев, ево чрез толмача спрашивал о Большей Земли: какая земля, и какие на ней живут люди, и есть ли лес, также и реки, и какой зверь. И он де, чюкча, сказывал толмачу и называл Большей Землей, и на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикой, куницы, и лисицы, и бобры решные. А сам де он, чюкча, погреб на свой же остров, а оной де остров маленькой, видом кругом, в ширину и в длину, по четверте версты. А у Чюкоцкого Носу, также

и на первом и на втором острову никакого лесу не имеетца, а реки де и озера имеютца ль, и про то им, Гвоздеву с товарищи, знать было невозможно, понеже де по тем островам вдаль по земле не ходили, а на Большую де Землю они не выходили, и леса какие имеютца ль, також и реки, того за дальностию видеть было невозможно».

И о вышеписанном о всем в Ыркуцкую правинцыальную канцелярию от канцелярии Охоцкого порта репортовано…

Пример-маэор Афанасей Зыбин.

За подканцеляриста копеист Андрей Верхотуров.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 722–732. Подлинник. Опубл.: Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII века). М., 1948, с. 236–243

Силиванов Стефан

Гренадер, член экипажа бота «Святой Гавриил», погибший во время штурма Нижнекамчатска.

Впервые эта фамилия появляется на Камчатке в 1728 году, когда Ерофей Селиванов, матрос, не смотря на опасения Витуса Беринга привел судно «Фортуну» из Большерецка в Нижнекамчатск вместе с мореходами Мошковым и Бутиным. Впоследствии участник Первой Камчатской экспедиции.

В 1626 году енисейский казак Дрочка Селиванов служил в десятниках.

Казаков Селивановых было много в Тобольске и в Томске. Были они и в Якутске.

В 1854 году казак Селиванов Кузьма Николаевич участвовал в обороне Петропавловского порта.

Семен Раздобреев

«207 году, маия в 7 день, по указу великого государя и по наказу, и по приказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Николева иркуцкой сын боярской Федор Черниговской да конной казак Ивашко Чичагов, приехав в Ыдинской острог, допрашивали служилых людей: идинскова атаманаПетрушку Раздобреева; десятника Максима Переломова; Проньку Черниговскова Миньку Кулакова»

Раздобрев (Роздобреев) Петр (Петрушка) Афанасьев (Офонасьев), пасынок Н.Р. Черниговского; казачий сын, 1692 г.; казачий десятник, 1694 г.; казачий атаман, 1696–1699 гг.; отставлен от службы, 1699–1707 гг.

В 1692 г. подавал челобитную о поверстании в конные казаки:

«Великим государем бьет челом холоп ваш, казачей сын Петрушка Офонасьев.

<…>Велите, государи, по Идинскому в конную службу и служить впредь с конными казаками».

В июне 1707 г. подавал челобитную о поверстании на казачью службу:

«Державнейший царь, государь всемилостивейший.

В прошлых годах, назад тому лет с тринатцать, по твоему великого государя указу поверстан был я, раб твой, Иркуцкого города по Идинскому острогу в конную казачью службу в десятники. А за службу отца моего, иркуцкого сына боярского Федора Черниговского, поверстан был я, раб твой, по Иркуцку в атаманы.

И по твоему ж великого государя указу и по грамоте отставлен для того: которые де верстаны в какие чины в Ыркуцку, а не по московской грамоте, и таких велено отставить. А в мое место поверстан по Идинскому острогу в пешую казачью службу гулящий человек Максим Кирилов сын Переломов. А я, раб твой, ни в какой чин не приверстан, скитаюсь межу дворы, нужен и беден.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего Величества, пожалуй меня, раба своего. Вели, государь, поверстать меня, раба своего, в прежнее место по Идинскому острогу в пешую казачью службу.

Вашего Величества нижайший раб, иркуцкого сына боярского Федора Чернеговского богоданный сын, Петр Афонасьев сын Роздобреев.

1707 году, июня в 5 день.

К сей челобитной вместо брата своего Петра Роздобреева по его велению Прокофей Чернеговской руку приложил».

Вот такая история…

Таранкин Петр

Тобольск, 1719 г.: «Двор купленой казачья сына Емельяна Васильева сына прозвище Таранкина сказал себе 15 лет с ним во дворе живет мать ево вдова Матрена Трофимова дочь сказала себе 43 годы у нее дети ж сыновья Петр 11 Михайло 8 дочери девки Онисья 18 Овдотья 16 Фекла 12 лет Орина году».

Максим Теребяков

Информации нет.

Григорей Хорошев

В 1669 году в Енисейке отмечен двор «служилово человека Васки Агапитова Хорошево, у него сын Ермолка в посадеи писан в посадских книгах».

Свои Хорошевы были в Тобольске: «Двор купленой умершаго посадского человека Ивановские жены Хорошева сказали себе 45 лет у нее дети сыновья Матвей 18 взят в салдаты Дмитрей 14 дочь девка Марина 15 лет».

«Деревня Нижняя Утяцкая на реке Тоболе. Во дворе Микитка Мокеев сын Хорошев. Сказал родом он Соликамской посацкого человека сын на Царево городище пришел ... у него братья Яшка 10 лет, Митка 9 лет. Великого государева денежного оброку платит в год 6 алтын полденги».

Тимофей Чешкин

У Д.Я. Резуна отмечен томский конный казак Василий Чеша, который в 1637 году служил в Томске и был женат.

Возможно, корни этой фамилии (и ее камчатских вариантов — Гешкин, Тескин, Тезкин) оттуда...

Чигин (Чагин) Сава

Интересно, что в числе предполагаемых фамилий атамана Ермака Тимофеевича, была и эта: «“Ермак” — это прозвище. В Святцах такого имени нет. Варианты имен, приписываемых ему — Василий, Ермолай и др. Фамилии назывались тоже разные: Чигин, Оленин, Аленин... Только отчество не вызывает споров — Тимофеевич».

С другим вариантом этой фамилии мы встречались на Амуре — там действовал и погиб казак Чечигин.

В Пермской губернии была волость Чигинева по одноименой деревне.

А в Красноярске служил в десятниках Чигин: «“Красноярскои служилои члвк десятник Ивашко Сергиев Чигин сказал в сыску про подячево Василя Еремеива по святеи христове евангелскои заповеди взирая на образ бжии по какому де великих гсдреи указу он Василеи сидит в съезжеи избе и тово Василя прежнои воевода Ондреи Бунаков посадил в подячие понево-

ле и я Ивашко на него Василя никаких дел не знаю и налоги и обиды от него мне не бывало то мои речи а сказку писал своею рукою” (л. 119). Здесь состав юридических формул следующий: сказал в сыску, по святеи христове евангелскои заповеди взирая на образ божии, то мои речи а сказку писал своею рукою».

И еще одна версия — это могло быть и собственное якутское имя, превратившееся в фамилию: *«А пришед я, Фомка, с товарищи у него, Костянтина, принял на усть Яндины реки две избы с нагороднями да амбаришко малое казенное, да аманатов яндинского роду князца Уянды, сына его Буянду, князца ж Чены, вместо племянника ево родново именем Карбурги, сына его Ченина Пенги, а Ченачей он же, да князца Негильбы сына его именем Мотору, да шеромборского роду князца Пелевы, вместо сына его Ичандея, внука ево Пелевина именем Пичюл да князца ж Носека, внука ево именем Нерпук, колымского шамана Порочи, сына его Порочина именем Шелыгу, да того же шеромборского роду аманата именем Кочерейка Пороева сына, да второго аманата шеромборского роду именем Комдылю Одылдаева сына, да нижних алюбинских аманатов князца Чюренги вместо сына ево Чюнчюки, сына же его Чюрынчина меньшево именем Ненинла, вместо шамана, сына его именем Чигин, да князца Монли, сына его именем Чумка, Иванти сына Ченю, да государевы ясачные казны мяхкой рухляди, что Костянтин збирал на нынешной на 159 год с Янгинсково роду, с юкагирей до меня, Фомки, — три сорока соболей с пупки и с хвосты, да 4 государевых куяков, да государев же якутцкой куяк, что розбит иноземцам на подарки за ясак давано, а в нем было 180 полец, да два государевых же панцыря да куяк ламское дело, что из Якутцкого превезен, да государевых хлебных запасов, что с ним, Костянтином, посланы аманатом и толмачем на корм — 5 пуд муки ржаной, да напарья большая, а другая середняя, два свердела больших; да служилых людей: Ивашка Гаврилова, Ивашка Ильина, Первушку Петрова, Омельку Иванова, да прежнего толмача тунгускую бабу именем Бырчика»* (Отписка казака Фомы Кондратьева якутскому воеводе Дмитрию Франсбекову о своем плавании на Индигирку и о приеме там ясачного зимовья за 1650 год).

А если все-таки правильное написание этой фамилии Чагин, то история ее образования понятна: чага — грибковое образование, заполняющее «морозобойные трещины» на березах, народное лекарственное средство. Прозвище могли дать, например, за смуглый цвет лица.

Очень много Чагиных было в Красноярске, откуда, возможно, родом и иркутские Чагины. А из иркутских и нерчинских казачьих детей в 1720-х – 1740-х годах набирались экипажи для морских судов, осуществляющих плавание на Тихом океане.

Иван Шигин

О нем мы узнаем из следующего сообщения: «И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришел к нам с братом своим Степаном да Тенивина острогу тоен Нефед, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружья огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещеной Федор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людем, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес».

Якутск, 1692 г.: «Исачко Оксентьев в прошлом во 1996-м [1688] году в Якутцком умер

И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Исачково место казачей брат Ивашко Михайлов Шигиных в холостой оклад в рядовые казаки».

У нас есть сведения, что в 1706 году в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Иван Михайлов сын Шигин, умерший на Камчатке в 1712 году, и, вероятно, уже его сын — Иван Иванович — «толмачил» речи камчадалов Харчиных.

Федор Щеглов

Фамилия из Тарского Приртышья: «Петрушка Щеглов верстан он в пешие казаки на Таре при стольнике и воеводе при князе Федоре Мещерском в прошлом во 177-м (1669) году. А оклад ему Великих государей денежного жалованья 4 рубли с четью к его пахоте дадаетца четь ржи четь овса 2 пуда соли. А служеб ево в те годы посылан был шестью на береговую и на годовую службу для обереганья ясашных тотар от калмыцких воинских людей. Да он же посылан был дважды в Тоболеск с солью и в острошки на береговую службы посылан был трижды для обереганья ясашных тотар от калмыцких воинских людей и по городу и по острогу всякия караулы караулит своею братею вряд. А отроду ему 43 годы. Детей у него сын Федка 5 годов».

* * *

Курдюмский Василий

Казачий сын, толмач.

В 1706 году в Якутском казачьем полку в тринадцатой пятидесятне служил Михайло Курдюмской, вероятно, отец Василия.

В тобольском происхождении этой фамилии сомневаться трудно: Река Курдюмка.

По описанию краеведа XIX в. К. Голодникова: «Курдюмка, выходящая ключом из предместья города Вешины, пересекает Никольский взвоз и затем продолжая свое течение по задам главного корпуса губернской гимназии, мимо еврейского молитвенного дома №1 и городского базара, у предместья, называемого “Шлюзы” впадает в Иртыш» (Голодников К.М. Город Тобольск и его окрестности. — Тобольск, 1887. С. 25).

По версии историка В.Ю. Софронова: «С татарского языка перевод названия можно сделать, если разбить слово на два составляющих: “кыр” и “дым”. “Кыр” — поле, место. “Дым” — влага. Вероятно, когда кого-то из местных жителей спросили, как они зовут речку, то он пояснил, что это просто “влажное место”» (Софронов В.Ю. Тобольский хронограф. — Омск, 1993).

* * *

Как сообщает в своем очерке «Восполняя белые пятна» Андрей Зуев, действия карателей — камчатских казаков и членов экипажей ботов «Святой Гавриил» и «Восточный Гавриил» — в ходе подавления восстания отличались жестокостью и массовым истреблением ительменов. Как писал Крашенинников, казаки «громили всех без пощады и милости», не выясняя, как правило, степень виновности «бунтовщиков». По итогам следствия стало известно, что «пятидесятник Андрей Штинников… в 732 году, будучи в походах от Воровской до Белоголовой и на Аваче реках многих ясашных иноземцов служилым людям приказал колоть безвинно и без противности.» .

По сведениям А.С. Сгибнева, на реках Воровская, Облуковина и Белоголовая казаками было убито «без всякой причины» и без сопротивления 170, а с оружием в руках — всего 15 чел. Согласно показаниям казаков — участников похода на названные реки, там было «побито и переколото ясашных иноземцов человек со сто», в том числе «за противность» — «на Воровской реке человек с пятнадцать», по данным, сообщенным Штинниковым, было убито 82 чел., в том числе в бою — 17.

На Аваче отряды Штинникова и Змиева «побивали изменников купно и с невинными», и побили «без противности» 89 чел. Другой

казачий командир М. Сапожников, еще в октябре 1731 г. посланный в устье Жупановой для возвращения в ясачный платеж тойона Начика, «вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколол девять человек без противности их». В 1732 г. Сапожников «застегал батожьем до смерти Жупановой реки тоена Огоня».

Охотский командир Г.Г. Скорняков-Писарев сообщал в 1732 г., что камчатские казаки «жен и детей в полон взяли больше 300 человек и разделили по себе». По данным следствия, в холопство к казакам попало: на р. Жупанова — 40, на р. Авача — 150, на реках, впадающих в Охотское море — 220 (по показаниям Штинникова, 202) женщин и детей.

Кроме того, иркутские власти должны были спешно пополнить камчатские гарнизоны служилыми людьми из Иркутска, Якутска и Анадырска.

Тем временем на самой Камчатке следствие шло уже полным ходом. Охотский командир Скорняков-Писарев, еще не имея на руках указов, определявших главного следователя, 10 ноября 1732 г. подписал распоряжение, вручавшее властные полномочия на полуострове подмастерью Спешневу и геодезисту Гвоздеву. 20 июля 1733 г. до них дошла инструкция Скорнякова-Писарева (столь позднее получение инструкции объясняется тем, что связь между Охотском и Камчаткой осуществлялась по Охотскому морю только в летние месяцы).

Согласно ей, Спешнев и Гвоздев должны были принять от Эверстова управление камчатскими острогами и подведомственной им территорией, распределить из морской партии по 20 служилых людей в каждый острог, арестовать по обвинению в «лихоимствах» казаков А. Штинникова, О. Соловьева, Н. Дурынина, М. Сапожникова, Ивана Герасимова, Максима Плотникова и солдата А. Змиева, отобрать у камчатских жителей всех ительменов- холопов и «некрещенных всех велеть крестить и дать волю и велеть им жить вблизости у острогов», основной состав морской партии, а также Генса, Эверстова, Борисова, «главных заводчиков» восстания и Штинникова отправить на судах «Фортуна» и «Св. Гавриил» в Охотск. Кроме того, геодезист и подмастерье должны были возглавлять следствие, контролировать сбор ясака и руководить строительством и укреплением острогов.

В. Мерлин в июне 1733 г. прибыл в Якутск. В его команде состояли прапорщик, канцелярист, копиист, писарь, капрал, барабанщик, 36 солдат и заплечных дел мастер с необходимыми «ин-

струментами». Здесь он арестовал И. Новгородова и М. Шехурдина (Иван Новгородов, Иван Уваровский и Михаил Шехурдин прибыли в Якутск в 1731 г.), их имущество было описано. 6 июля следственная комиссия, получившая официальный статус «Розыскная походная канцелярия», выехала из Якутска в Охотск, везя с собой двух вышеназванных арестованных. В команду «канцелярии» было добавлено 59 якутских служилых людей.

Прибыв в Охотск 9 сентября, Мерлин дождался здесь «Св. Гавриила». Из морской партии он отобрал себе 20 чел., остальных отправил в Якутск. Под его надзор были переданы и привезенные с Камчатки Штинников, братья Харчины и два их соратника. 5 октября команда Мерлина, подследственные, а также новый камчатский комиссар иркутский дворянин И. Добрынский и несколько купцов и промышленных людей на судне «Св. Гавриил» под управлением Генса отбыли на Камчатку (А. С. Сгибнев считал, что Мерлин прибыл на Камчатку в сентябре 1733 г.).

* * *

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК ИМЕН

В Нижнекамчатском остроге

Борисов Михаил – бит кнутом

«В январе 1732 г. Эверстов [очередной камчатский приказчик. — *С.В.*] приказал новому закащику Нижнекамчатского острога Михаилу Борисову потребовать от партии для борьбы с «изменниками» в подмогу 40 служилых, фузеи, пушки и боеприпасы. Генс отправил требуемое число служилых людей во главе с Лаврентием Поляковым, но дать вооружение и боеприпасы отказался, мотивируя тем, что их запас ограничен, и они нужны для предстоящего плавания. Отряд Полякова в середине февраля выступил на соединение с отрядом Штинникова (30 казаков), который действовал против «изменников» в районе р. Большая. После таких неблагоприятных известий, Эверстов не пошел за ясаками в Нижнекамчатск, а отправил туда служилого Борисова с 12 челов. казаков. Борисов 8 января 1732 г. вышел из Верхнего острога и по прибытию к Нижнекамчатску 30 января узнал от Киркова, что Генс до прибытия его собирал ясаки без книг против сказок».

Борисов был подъячим, то есть писарем.

В 1706 году из десятников был поверстан в Якутскую приказную избу подъячим Алексей Борисов, на убылое место которого, соответственно, поверстан енисейский оставной казак Карп Баканов.

Его сын – Петр Алексеевич Борисов – был впоследствии сыном боярским: «В июне 1742 г. прибыл в Камчатку на смену Колесову сын боярский Петр Борисов.

Напуганный ... землетрясением Борисов послал начальнику Охотского порта Девиеру просьбу об увольнении его от должности под тем предлогом, что в Камчатке, при постоянных смутах, следует иметь командира из военных офицеров. Девиер донес об этом в Иркутск, а до присылки оттуда нового командира послал в Камчатку берегом на смену Борисову писаря Михайла Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти, 5-го февраля 1744 г.».

В Якутске, как и по всей России, фамилия Борисов была весьма распространенной.

Первый Борисов появляется здесь уже в 1645 году: «Грамота из Сибирского приказа в Сибирь на великую реку Лену воеводе Василию Никитичу Пушкину с товарищами об устройстве в казаки ссыльного стрельца Онисима Борисова». В 1649 гду сослан в Якутск «на службу за воровство» Петрушка Борисов.

Борисов Василий служил в Анадырском остроге и погиб вместе с приказчиком Василием Федоровичем Кузнецовым: «Вскоре после этого в Анадырский острожек прибыла из плена и третья «полонянка» — жена «покойного Василия Борисова Оксиница Афанасьева дочь». В особой челобитной она кратко рассказала о своих злоключениях в плену у чукчей: «убили мужа ясачные чюхчи у моря с пятидесятником с Василием Кузнецовым, а я, Оксиница, была с мужем своим и меня, Оксиницу, те чухчи и с робятишками в полон взяли... И в нынешнем во 198 (1680) году сентября в 5 число выкупил меня, Оксиньицу, у них чюхоч иноземец ходынского рода именем Мотора с парнишком моим на свой живот... И тот, Мотора, привез в Онадырский острожек...».

В 1706 году в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Иван Борисов.

В 1748 году в Большерецком остроге проживал разночинец Борисов Степан.

Веретнов Константин, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Участник каратальной экспедиции в отряде Змиева. «В одном из своих доношений Генсу А. Змиев датировал эти события 28–29 августа, в другом — 27–28 августа. Действуя в соответствии с

инструкцией, Змиев вступил с ительменами в переговоры, которые с перерывами длились весь день. С русской стороны в них участвовали тойон Пеу- чева острожка Колыч (в какой-то момент перешедший на русскую сторону) и казаки Алексей Воробьев и Константин Веретнов. Они пытались уговорить «бунтовщиков» сложить оружие и выдать аманатов, взамен обещая прощение». Во время этого боя от русских бежал С. Харчин. Позднее свой побег он объяснил тем, что бывший при нем караульный казак Константин Веретнов грозился его «огнем жечь», если он не укажет, где спрятаны пожитки Тигила (который убил ясашных сборщиков на Уке. — *С.В.*)

Эта фамилия встречается в материалах переписи Тобольска и Нерчинска.

Власов Степан, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.), затем бит повторно

О нем выше.

Воробьев Алексей, ясачный сборщик — бит кнутом

Нижнекамчатский казак, спасшийся во время захвата Нижнекамчатского острога камчадалами, участник карательного отряда А. Змиева.

Тимофей Воробьев, как мы уже знаем, был в отряде Владимира Атласова, ограбившего на Тунгуске купеческие дощанники, и вместе с ним оказался в якутской тюрьме в числе девяти «заводчиков», а потом бит кнутом и отправлен с Атласовым на Камчатку. Во время убийства Атласова Тимофей Воробьев был в Якутске: «И о том (о проведении следствия над бунтовщиками. — *С.В.*) к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посылщики, с якуцкими казаками с Тимофеем Воробьевым, с Григорьем Кожевиным...».

Вполне возможно, что камчатский род Воробьевых идет именно от Тимофея, определенного для «вечного житья» на Камчатке вместе с другими своими тобольскими земляками (а тобольские казаки Воробьевы были сплошь из «домовой Литвы»).

Якутск, 1720 год: «служивой Влас Данилов Воробьев». «Двор служилово Тимофея Данилова сына Воробьева и он Тимофей послан Великого государя на службу в Онадырской острог в 716-м году а по скаске жены ево ему Тимофею трицеть пять лет».

Впрочем, могла быть и другая линия — в Якутске в 1706 году служили в разных пятидесятнях (четвертой и двенадцатой) полные тезки — Воробьевы Павлы Васильевичи. Один из них в 1707 году убит в Большерецком остроге. А в 1708 году, следуя на Камчатку в отряде сына боярского Петра Чирикова, погиб Юрий Воробьев.

Первым из Воробьевых в Якутске был тобольский казак «Михалко Воробьев в прошлом во157-м [1649] году на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке убит».

Алексей был «ясашным сборщиком», по итогам следствия по Харчинскому бунту «вместо смерти бит кнутом в Нижнекамчатском остроге 10 марта 1735 г.».

Но в истории его имя осталось не только в связи с этим событием: «Алексей Воробьев, нижнекамчатский казак, в период промыслового освоения Алеутских островов и Аляски стал признанным мореходом, командиром судна — “Св. Симеон и Анна”, которое в августе 1750 г. отправилось в море под командой казака Алексея Воробьева (на судне было 14 русских и 30 камчадалов), достигло о. Атту и здесь должно было остановиться, так как пришло в состояние негодности. Вместо него было построено новое судно, названное “Св. Иеремия”, на котором осенью 1752 г. А. Воробьев и его команда вернулись на Камчатку».

Затем «было плавание судна “Св. Иоанн, устюжский чудотворец” компании лальского купца Василия Попова “с товарищи”. Мореходом был казак Нижнекамчатского острога Алексей Воробьев. “Св. Иоанн, устюжский чудотворец” вышел из Камчатки 3 сентября 1760 г. и пристал к о. Атту 27 сентября.

По их возвращении на Камчатке стало известно о насилиях, чинившихся над алеутами промышленниками “Св. Владимира” (1758–1763 гг.) и “Св. Гавриила” (1760–1762 гг.). Под суд с обоих судов было отдано 40 чел. Следствие и суд тянулись до 1774 г. Во время следствия подсудимые продолжали совершать плавания. По суду все они были приговорены к поселению на Камчатке, т. е. фактически оправданы. По всему ходу этого дела, тянувшегося около 10 лет, можно заключить, что местные власти, по-видимому, не очень возражали против насилий, применявшихся промышленниками при освоении новых земель».

В 1767 году капитан Креницын, отправляясь в секретную экспедицию к берегам Америки, опрашивал нижнекамчатских казаков, среди которых также был Воробьев — возможно, сын Алексея: «А между тем, в бытность мою в Нижно-Камчацком остроге 9-го того ж сентября 767-го года бывшия напред сего во открытом море для сыскания незнаемых островов и на них живущих народов и промыслу зверей промышленныя разных городов люди, а имянно: …нижнокамчацкия отставныя казаки: Павел Коробейников, Кирило Козлов, служащия: Игнатей Студенцов, Григорей Росторгуев, Лука Соловаров, Федор Спирин, Прокопей Воробьев, Андрей Басин».

В 1798 году родился казачий сын Никифор Алексеевич Воробьев — по всей видимости, внук казака-морехода: В 1817 году он поступил в Камчатскую казачью команду, в 1829 г. переведен в Камчатскую экипажную роту.

Гуторов Петр, ясачный сборщик – бит кнутом

Гуторовы были из Томска. Из военнопленных.

«Михайло Степанов сын Гуторов сказал: родом де он польские земли, взят на бою в 165 (1657) году и приведен к Москве и сослан был в Сибирь в Енисейской, а из Енисейска взят был к Москве для размена, но в свою землю не пошел и в 176 (1668) году по указу великого государя и грамоте прислан в Томской в службу в дети боярские. Оклад ему учинен в Москве: денег четырнадцать рублев, хлеба двенадцать четей ржи, овса тоже, три пуда соли и служить в Томску тринадцать лет. А детей у него один сын Федька 5 лет, а пашни за ним и сенных покосов нету».

В 1707 году Федор Михайлович Гуторов был в списке «литовские люди, шляхта, дети боярские» по Томску с окладом 14 рублей.

«В 1711 г. якутский воевода Д.А. Траурнихт приказал сыну боярскому Петру Гуторову, бывшему тогда приказчиком в Охотске, ехать морем на Камчатку. Гуторов отправился в Тауйский острог и оттуда морем на батах до р. Игилана (Иглигана). Но из-за отсутствия морских судов и мореходов приказчик не отважился ехать далее морем и воротился назад в Охотск.

В октябре 1712 г. приказчик Охотского острога Петр Гуторов вместе с 25 служилыми в сопровождении 130 тауйских ясачных пеших тунгусов ходил к северу от Тауйского острога на неясачных коряков. Коряки, проживавшие между р. Тумана и Яма, согласились платить ясак и дали аманатов. Но коряки с р. Сиглан и Таватум оказали сопротивление. В результате столкновения было убито, по сообщению Гуторова, 70 мужчин-коряков и около 200 женщин и детей» (А. Зуев).

«В октябре 1712 г. в Тауйском остроге появился сын боярский Петр Гуторов с отрядом в 25 человек, который построил там “новую аманатцкую казенку для того, что старая казенка мала”. “Аманатская казенка” потребовалась ему после похода на коряков, в котором приняло участие также 130 эвенов, в ходе которого они захватили 24 человека в аманаты. Коряки упорно не хотели подчиняться государственной власти. Свидетельства об их сопротивлении составляют многие тома документов».

Кто же это такой Петр Гуторов? А вот и ответ:

Якутск, 1720 год: «Томского города сын боярской Федор Михайлов сын Гуторов в Якуцк приплыл в 716 м году к брату для свидания а живет на подворье у вдовы Матрены Леонтьевы дочери Софонихи».

Вполне вероятно, что камчатский казак Петр Гуторов был сыном одного из братьев.

А вот Зосим Гуторов, убитый восставшими коряками в 1746 году, мог быть уже его внуком: «Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоен Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке».

Змиев Александр, солдат – наказан шпицрутенами

«...слушав от партии салдата Александра Змиева и служилых людей роспросных речей и учиненного экстракта, приказали означенному Змиеву учинить наказание — бить на публичном месте батоги нещадно для того — в 732 году, будучи он, Змиев, в походе с петидесятником Штинниковым и со служилыми людми, изменников ясашных иноземцов на Аваче реке, ис которых, сидя морской губы на отпрядыше в осаде семь дней,

выезжали к ним с острога в байдарах после измены с покорностию сами собою, и тех, взяв, прикололи одиннат- цать человек, а достальных сорок два человека оставили. А жен их иноземческих и детей и пожитки он, Змиев, брал обще с петидесятником со Штинниковым и со служилыми людми, делили и давали на них служилым людем за своею рукою без указу владетелныя писма, и показанное тиранство чинили для своей корысти, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Того ради ему, Змиеву, и наказание учинить надлежит, а служилых, кои были при нем Змиеве и при пятидесятнике Штинникове на Аваче реке, и тех от наказания свободить для того, что те служилые были в каманде у него, Змиева, и оное тиранство чинили по ево, Змиева, велению. Да вышепоказан- ной же салдат Змиев в Авачинской губе за хребет посылал в подсмотр для изменников матроза Агафона Назарова со служилыми людми с тремя человеки, и оной матроз, будучи в подсмотре, у иноземцов Алгина и Кашеи взяли самовольно четыре девки да парня, и тех девок разделили со служилыми людми, а парня взял он, Змиев, чего было оному матрозу и делать не подлежало, и за то оному матрозу Назарову учинить наказание — бить батоги нещадно, чтоб впредь другим так делать было неповадно. А взятых им, Змиевым, на Аваче реке иноземческих жен и детей, которые разделены со служилыми людми, у всех служилых людей ис холопства свободить и распустить на прежние их жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной платеж отослать Большерецкого острогу в приказную избу при указе Ея И. В., а иноземческие ж пожитки и мяхкую рухлядь, которые означенной Змиев со служилыми разделил, как на нем, Змиеве, так и на служилых людех, на ком что по следствию надлежит, доправить в казну Ея И. В».

Другой информации у нас нет.

Калашников Иван, ясачный сборщик — бит кнутом

Самым известным из Калашниковых был тарский атаман пеших казаков Влас Калашников, который еще в 1616 году привел «к шерти» (присяге на верность) несколько калмыцких князьков (тайшей). Правда, он считается родоначальником известного сибирского рода Чередовых, а не Калашниковых.

Но вполне вероятно, что кто-то из тарских казаков Калашниковых оказался на службе в Якутске, как это, например, случилось с потомками головы конных тарских казаков Назара Жадовского.

В 1681 году в Якутске в женатом окладе служит казак Калашников Васка.

В 1706 году в Якутске в седьмой пятидесятне служил Андреян Калашников и Иван Иванов Калашников (12-я пятидесятня). В это же время в Якутске служит переведенный из Енисейска Семен Калашников.

Якутск, 1720 год: «Двор служивого Ивана Иванова сына Калашникова… и он послан на службу в Ыркуцкой в 719 году»; «Во дворе служивой приказной сторож Остафей Филипов сын Калашников»; «Во дворе вышеписанного дворянина Дмитрея Кычкина живет на подворье служивой Егор Филипов сын Калашников… дети ево Федор деветнацати лет в службе и он послан на службу в Верховилюйское зимовье в 719 году»; «Во дворе служивой Григорей Калашников»; «Во дворе посадной Еким Иванов сын Калашников».

В 1721 году из Нерчинска отправлен на службу на Камчатку Прокопий Михайлов сын Калашников.

А в Верхнекамчатском остроге служит в казаках в 1748 году Михаил Калашников, вероятно, сын Ивана Ивановича.

Карташевцов Иван, ясачный сборщик – бит кнутом

Возможно, Иван Карташевцов и Иван Карташев, о котором упоминал С.П. Крашенинников, — одно лицо. Карташевцов был ясачным сборщиком при комиссаре Петрове в 1729 году. Иван Карташев: «…присланы ко мне партии служивой Иван Карташев да камчатской житель Евдоким Колегов, из которых Карташев послан для привезения карагинцов и велено ему в проезде, ежели найдутся, покупать усовые и костяные куяки, а на покупку куяков послано с ним китайского табаку один фунт, из того числа велено ему в дороге карагинцов довольствовяпъ кормом и табаком поить». «Декабря 20 дня возвратился в Нижней Камчатской острог посланной для сыскания карагинцов служивой Иван Карташев и объявил письменно: ездил де он, Карташев, до реки Караги, и морского де Карагинского острова жителей на здешнем берегу не имеется, а которые де на здешнем берегу жили, те де прошедшей зимы, когда становилось море, все переехали на морской остров, токмо де по укинскому берегу купил он у тойона Умьеучки куяк моржовой кожи и дал де за него табаку четверть фунта, а костяных де и усовых куяков нигде не нашел, да из данного ж де ему табаку, едучи от

Нижнего до Карагин роспоил по острожкам лутчим мужикам четверть же фунта».

Карташевы — фамилия томских и тобольских казаков.

Карташов Бажен Костентинов сын — томский сын боярский в 1626 году.

Иван Карташов — сын боярский Тобольского «Софейского дому» в конце 17-го столетия.

Якутск, 1720 г.: сын боярской Алексей Васильев сын Карташев.

Колегов Евдоким, ясачный сборщик – бит кнутом

Нижнекамчатский казак, оставивший свою фамилию камчадалам и корякам.

Его полное имя мы находим в архивных материалах Якутска за 1720 год: «Во дворе Евдоким Борисов сын Колегов»

Вероятно, предками Евдокима были представители народности коми, так как на их языке фамилия Колегов происходит от слова кольог — «болтливый».

«В 1610 году был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет среди 300 промышленных людей Енисейского уезда было 249 человек (более двух третей!), пришедших сюда из Коми края — с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В 1630 году, например, в Енисейском уезде охотились на пушного зверя сысольцы Семен и Иван Колеговы, а в 1647 году — Иван, Андрей, Родион и Михаил Колеговы».

«Мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей и лежавшие м.ними территории и вышли к р. Лене. В 1632 был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на северо-восток. В с. и второй пол. XVII в. среди служилых людей Якутска были Е.С. Вычегжанин, М.С. Сысолятин, Н.Л. Колегов, Н. Габышев, И. Тарабукин, несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермяков. Среди многих сотен участников освоения Дальнего Востока документы сохранили и имена выходцев из Коми края».

Вероятно, имеется в виду Колегов Никифор Яковлев, который в 1706 году служил в Якутске в седьмой пятидесятне.

Но есть еще один вариант происхождения этой фамилии: в отряде енисейского атамана Ивана Галкина на великой реке Лене служил Коляга Тренка Григорьев сын: «После отправки отряда И. Ермолина вниз по Лене Иван Галкин 15 сентября 1630 г. отправил из Усть-Идирмы вверх по р. Лене служилых людей

Тренку Колягу, Якунку Васильева, Ивана Лютку, толмача Федора Михайлова и в «вожи» им дал налягского тунгуса Ботогуня. Через две недели пути отряд Коляги достиг земли тунгусского князца Липки (Гипки), который со своими людьми внесли ясак — 67 соболей». В 1632 году Тренка Коляга в отряде енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова возводил стены Якутского острога.

А эта фамилия пришла из марийского языка, на котором каляга — «брюква».

В 1748 году в Якутске служил Колегов Иван Евдокимов сын — вероятно, сын камчатского казака.

Крашенинников С.П. в своих рапортах отмечал:

5 августа 1739 г.: «Февраля 10 дня требовал я от приказной избы, чтоб два человека карагинцов Халишин да Велли чрез нарочного посыльщика привезены были для написания слов их языка, о которых я известился, что не на острову, но на здешнем берегу зимуют, и чтоб посланному служивому приказано было купить у них иноземцов усовой куяк, да привезть бы с Уки иноземца, имеющего каменную жену, с женою и с малым робенком. И против означенного требования послан по них иноземцов наречной посыльщик служивой Евдоким Колегов».

7 июня 1740 г.: «Октября 31 дня требовал я Нижнего Камчатского острога от приказной избы двух человек служивых для посылки в ясашные иноземцы, одного в Коряки за покупкою коряцкого платья, а другого для привезения, ежели найдутся на здешнем берегу, островных карагинцов. И против означенного требования присланы ко мне партии служивой Иван Карташев да камчатской житель Евдоким Колегов, из которых Карташев послан для привезения карагинцов и велено ему в проезде, ежели найдутся, покупать усовые и костяные куяки, а на покупку куяков послано с ним китайского табаку один фунт, из того числа велено ему в дороге карагинцов довольствовяпъ кормом и табаком поить. А Колегов послан для покупки коряцкого платья, а на покупку гого платья дано ему табаку два фунта».

«Того же генваря 4 дня возвратился в Нижней Камчатской острог посыланной для покупки коряцкого платья служивой Евдоким Колегов и объявил репортом, чго де коряк в близости не имеется, а которые де и были и те де до прибытия его откочевали в олюторскую сторону, токмо де куплено из коряцкого платья два малахая, в том де числе один с красками, да хоньбы женские,

а за все де дано табаку четверть фунта. Означенного служивого, приняв у него остальной табак, того же числа отослал при ведении Нижнего Камчатского острога в приказную избу».

Колмогоров Алексей, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

На Шантальском озере восставшие камчадалы убили «пять дворовых «робят» и «девок» казака Алексея Колмогорова (он же Отопка).

Фамилия очень характерная: ««Дед и отец родиною Колмогорцы, дед был на Колмогорах в стрельцах, а отец его пришел в Томск своею охотою и служил пешую службу, а он, Ивашка, верстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший рядовой, 4 рубли с четью и хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли».

Свои холмогорцы были по всей Сибири, но наиболе часто эта фамилия встречается в Томске и Якутске.

Алексей Колмогоров был из числа старожилов Камчатки: в 1712 году был послан Василием Колесовым вместе с казаком Байкаловским в Верхнекамчатский острог для замены взбунтовавшегося приказчика Константина Кыргызова.

В 1626 году в Томске служил пеший казак Федор Колмогоров, вполне вероятно, что в 1650 он же — Федор Данилов Колмогоров — служил уже в Якутске в отряде енисейских казаков.

В 1632 году в Енисейске служил в стрельцах Ивашко Тимофеев Колмогоров.

В составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина в Якутск прибыл казак станицы атамана Якова Елизарьева Фомка Омельянов Колмогорец; казак станицы атамана Клима Бобошина Степанко Борисов Колмогорец; казак станицы атамана Степана Выходцова Степанко Гаврилов Колмогорец; казаки станицы Савина Измайлова Ортюшка Иванов Колмогорец (Ильин он же) и Микулька Тимофеев Колмогорец.

Якутск, 1681 год, казаки: Гришка Колмогор, Ивашко Федоров Колмогор.

Помимо Алексея, в 1706 году, в якутских казаках служили Григорий Колмогоров (пятая пятидесятня) и Иван Федоров Колмогоров (девятая пятидесятня).

Якутск, 1720 г.: «Селенгинского города служивой Григорей Иванов сын Колмогоров в Якуцк приплыл в 719-м году для долгов своих стоит на подворье»; «Служивой Афонасья Шестакова набору Михей Иванов сын Колмогоров сказал сороки пяти лет».

В 1854 году в обороне Петропавловского порта принимал участие казак Охотской команды Василий Кирикович Колмогоров.

Конев Василий, ясачный сбощик – бит кнутом

Очень распространенная тобольская фамилия 17-го столетия: это и крестьяне, это и беломестные драгуны, и беломестные (то есть посаженные на пашню) казаки. Возможно, василий Конев был из Атласовского набора, так как этой фамилии мы не обнаруживаем в именных списках якутских казаков.

В начале 19-го столетия в Петропавловском порту служил казак Карп (Поликарп) Тимофеевич Конев, а в 1854 году в 47-м Камчатском флотском экипаже обороняли Петропавловский порт матросы Степан и Харлампий Карповичи Коневы.

Кырасов Федор, казак — бит кнутом

Других сведений о нем нет.

Кырков Иван, целовальник – бит кнутом

Сын боярский, заказчик Нижнекамчатского острога в 1731 г.

В апреле 1735 года по приговору Розыскной канцелярии наказан кнутом.

Других сведений нет.

Лазарев Яков, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Первые сведения о ленских казаках Лазаревых относятся к 1639 году: *«В следующем, 7147 (1639) г. Буза на четырех кочах, вновь построенных им на берегу Яны, совершил еще третье путешествие и, согласно его отписке, прошел по протоке этой реки, впадающей в морскую губу. Собственно говоря, это — большое озеро, соединенное устьем наподобие реки с Ледовитым океаном и принимающее с другой, противоположной стороны реку Чендон. В устье этой реки они встретили юкагирского шамана, который и провел Бузу с товарищами вверх по Чендону к юкагирским юртам. Здесь Буза нашел удобное место для постройки зимовья и оставался там некоторое время, объясачив юкагиров (без всякого сопротивления с их стороны). Этим кончаются наши известия о походах Бузы, несмотря на то что он только в 7150 (1642) г. возвратился в Якутск. Посланный им туда в 7148 (1640) г. с устья реки Чендона с собранной за это время ясачной казной служилый человек Прокофий Лазарев дошел до устья Ламы в десять дней,*

оттуда в две с половиной недели — в Жиганы. С ним возвратились четыре человека, а 17 человек остались с Бузой» (Г. Миллер).

А вот и подробности:

«Да на Ленской же, государь, волок пришел к нам, холопем твоим, енисейской служивой человек Пронька Лазарев с твоею государевою соболиною казною: а в распросе он, Пронька, нам, холопем твоим, сказал: ходил де он с енисейским десятником с Елескою Бузою по морю для проведыванья Ламы реки и иных падучих рек в море и для проведыванья новых неясачных землиц и ясачного збору. И на усть Янги реки у якутов взяли де они твоего государева ясаку на прошлой на 146 год два сорока дватцать семь соболей, четыре шубы собольи, лисицу чернобурою, восемь лисиц сивочеревых, одиннатцать лисиц красных. И с Янги де, государь, оне реки шли морем две недели и поймали де оне на море юкагирского князца Билчея и взяли де с него, князца, ясаку шубу соболью, а в ней пятнатцать пластин. И с тем де, государь, соболиным збором и с лисицами послал его, Проньку, десятник Елеска Буза в Енисейской острог с тремя человеки, с промышлеными людьми. А с ним де, Елескою, осталося служивых людей и промышленных на море с аманатом семнатцать человек. А впредь будет ли тебе, государю, прибыль в ясачном зборе на море, где остался енисейской десятник Елеска Буза, того он, Пронька, не ведает».

Помимо Якова на Камчатке служил еще и Еввод Лазарев.

В 1691 году в Якутске служил Васька Лазарев.

Но в 1720 году показаны только «пришлые» Лазаревы: «устюженин служивой человек набору Офонасья Шестакова Иван Лазарев и он послан на службу Великого государя по хлебные запасы 719-м году»; «набору его Афанасья Иван Лазарев сорока лет»; «Служивой набору Якова Ельчина Иван Стефанов сын Лазаревых сказал двацети пяти лет».

В 1748 году в Якутске отмечены казаки Иван и Федор Лазаревы.

В середине 18-го столетия прославился, прокладывая дорогу в Русскую Америку, камчатский казак-мореход Максим Лазарев.

Минюхин Семен, казак — бит кнутом

Он был подъячим (писарем) при комиссаре Шехурдине. Убит коряками во время восстания 1746 года.

В архивных материалах Якутской приказной избы мы обнаружили «Запись ясачной избы Среднего Вилюйского зимовья о

поимке беглой якутки Чигин, служившей до 7184 (1676) года в Якутске у жены казака Андрея Минюхина».

Вполне вероятно, что Семен и был родоначальником камчатских казаков Минюхиных — в 1854 году Петропавловский порт обороняли казак Матвей Яковлевич и матрос 47-го Камчатского флотского экипажа Федор Иванович Минюхины.

Правда, 3-я ревизия 1762–1764 г. показала, что такая фамилия проходит и по Иркутску (РГАДА. Фонд 350. Опись 2. Дело 1059).

Мухоплев Еким, подъячий – бит кнутом, затем бит повторно

«В 1730 г. коммисар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в чащину соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями».

Мухоплевы — это томские Мухосраны, сосланные в Якутск, о которых мы рассказывали в первом томе.

В 1681 году здесь было три семьи Мухоплевых: Мухоплев Максим, казак (ж/о — женатый оклад); Мухоплев Сергушка, пятидесятник (ж/о); Мухоплев Титко, пятидесятник (ж/о). Их сыновья (по данным 1691 года): Мухоплев Сергей, атаман — сыновья Гришка (1669), Ивашко (1677); Мухоплев Тит, пятидесятник — сын Микитка (1669).

«Григорей Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 12 день по помете на челобитной стольника и воеводы князя Ивана Михайловича Гагарина приверстан в ево Григорьево место казак Ивашко Григорьев».

«Максимко Мухоплев во 191-м [1683] году по Указу Великих государей и по сыску ясачных людей он Максимко от толмачества отставлен и приверстан в казачью службу».

«Максимко Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году приверстан он Максимко в пятидесятники».

«Микитка Титов Мухоплев в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой.»

«Федька Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

«Мишка Залесов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 31 день приверстан в ево Мишкино место казачей сын Ивашко Мухоплев».

Якутск, 1706 год: Мухоплев Иван Сергеев, сын боярский; Мухоплев Максим, сын боярский; Мухоплев Никита (7-я пятидесятня) Мухоплев Тит, пятидесятник (3-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год:

«Во дворе Максим Нестеров сын Мухоплев… дети его Петр двацати пяти лет служит в детях боярских и послан на службу на Камчатку»; «Во дворе отставного служивого человека Никиты Иванова сына Мухоплева»; «Во дворе сына боярского Ефима Иванова сына Мухоплева».

В Якутске возникает и новая интерпретация этого имени:

«Максим Мухоплев в течение многих лет служил в самых различных зимовьях и острожках Ленского края, то в качестве толмача — переводчика с якутского и эвенкийского языков, то в качестве “приказного” (начальника). Он был блестящим знатоком всей Якутии от Лены до Колымы. В 1697 г. он принял участие в составлении сводного географического чертежа “Якутского города с уезды” — чертежа всего обширного Ленского края, на котором нашли свое отражение и сведения о Камчатке, полученные от якутского казака Л.С. Мороско Старицына. Максим Мухоплев доставил этот важный чертеж в Москву и давал по нему разъяснения в Сибирском приказе. Он лично был знаком с выдающимся сибирским картографом Семеном Ремезовым. Максим Мухоплев был даже известен голландскому географу Николаасу Витсену, который в своем капитальном труде “Северная и восточная Татария” даже ссылается на сведения “князя Максимилиана Мухоплетиуса”. (Максим Мухоплев за свою успешную службу был произведен в высший казачий чин — “сына боярского”. Витсен решил, что “сын боярский” и “князь” — это одно и то же!)».

Но Максим Нестеров сын Мухоплев был не из якутскогот рода томских ссыльных — он в 1673 году был переведен сюда из Енисейска, хотя, возможно, семейные корни у Мухоплевых одни и те же.

А вот и новые истории, связанные с историей освоения окраинных земель Якутского воеводства (впоследствии уезда).

«Как сообщал бывший в 1665 г. командиром Охотского острога боярский сын Федор Пущин, там произошли массовые нападения эвенов на казаков и русских охотников, от которых те понесли существенные потери. Так, например, был полностью уничтожен отряд Потапа Мухоплева численностью в 50 чело-

век, “а как их и какими мерами и кто именем и за что побили, того подлинно в Охотском остроге не ведомо, потому что из того походу Русских людей никто в живых не остался”».

«Что же касается гибели 50 казаковъ во время охотскаго похода, то Пущинъ объяснялъ, что они погибли не по его небрежности. Будучи посланы подъ командою казака Потапа Мухоплева противъ юкагировъ, они разбѣжались въ разныя стороны для своей добычи и по частямъ были перебиты тунгусами».

Сергей Данилович Мухоплев, из томичей, в 1682 году был казачьим атаманом. Его отец — Данила Иванов сын Мухоплев, был десятником, приемщиком судовых припасов (1668 г.).

Известен еще пятидесятник Тит Васильев сын Мухоплев, его отец отставной казак Василий Мухоплев получил хлебное жалованье за 1661–1674 гг. перед пострижением в монастырь — то есть долгие годы находся в дальней командировке и не получал хлебное жалованье.

И сыном боярским в тот период был не только Максим Мухоплев.

В 1709 г. охотский приказчик сын боярский Иван (Сергеев сын) Мухоплев «сообщал, что по государственному указу ходил он с отрядом казаков на “немирных коряков” до Тубаны (вероятно, Туманы), которые в 1708 г. “побили ясачных пеших Тунгусов”. Собирая ясак на Сиглане с коряка Вачучко, он предупредил его, что если он осенью “после рыбоделу” не явится в Тауйский острог и не сдаст задолженность по ясаку, то Мухоплев сам придет на Сиглан “с служилыми людьми”. Учитывая, что на реке Туманы казаки, усмиряя немирных коряков, “острог их разбили из пушки, а самих их многих прибили”, угроза была не пустой».

1719 год. «Сын боярской Назар Колесов, пришед в ясашную избу, прочел данную ему [новым камчатским приказчиком Василием Качановым] указную память, а служивые Василей Княжей с товарыщи ему Колесову, от вышеозначенного дела отказали. И из посланных с ним служивых Андрея Петрова били и в казенку посадили, а прежде того многих служивых, которые не с ними в совете, смертно били, а иных в казенку сажали.

Прикащик Василей Качанов, видя помянутых бунтовщиков непокорство и великие обиды, извещал о том детям боярским Петру [Максимову сыну]Мухоплеву, Назару Колесову и казакам, которые к бунту казаков Василья Княжева с товарищи не приобщились, что послан он, Качанов, по указу на Большую реку прикащиком и велено ему как русских, так и иноземцов, ведать судом и росправою, да ему Качанову велено в удобном месте построить город и казенные анбары, потому что ясашная казна будет привозиться со всех острогов на Большую реку, и аманаты всех острогов будут держаны на Большой реке. И назначено де по указу быть столичному месту на Большой реке и морской пристани.

Оной Попов на вышеозначенных изменников того же апреля в последних числах отправил в поход сына боярского Петра Мухоплева с 30 человеками служивых людей, которой маия 2 дня пришел на Воровскую реку и, понеже близ устья батов не было и переправиться через Воровскую реку было не на чем, то он пошел со служивыми людьми вверх по оной реке до иноземческих жилищ для батов, и, пришед в Амшигачев острог, нашел в нем двух стариков иноземцов, которые объявили, что де баты все уведены вверх по Воровской реке, а у них де зделан острожек на Воровской реке на острову, и баты де все с ними.

Оттуда помянутой Мухоплев пошел со служивыми к невозделанному иноземчеекюму острожку, которой острожек зделан был стоячей деревянной, а в стене у него закладены были баты, и, пришед под оной, стал он, Мухоплев, разговаривать их иноземцов ласкою и прошать у них батов для переправы, а они стали по них стрелять из ружья и ранили в то время из них пять человек, да двух человек убили.

Мухоплев видя, что оные иноземцы покоряться не хотят, отошед от их острожку, ночевал, а они той ночи вышли на вылазку и, пришед к табарам, стреляли по них из луков и огненного ружья и многих служивых и ясашных иноземцов, которые были у служивых в каюрах, изранили, а служивые едва их от табар ночью отбили.

Следующего дня Мухоплев со служивыми людьми, приступя к острожку изменническому, стали вал валить и из-за валу оной острожек с бою взяли, а на приступе убили они изменники, из служивых одного только человека, а иноземцов побили они в острожке малое числе, а большая часть из них розбежалась.

По взятии оного острога служивые люди из ясашной казны, которую збирал Кирило Цаплин с товарыщи, не мало число находили по балаганам и у баб в пазухах. Всего нашли 13 соболей, 12 лисиц красных, да лоскутье лисье и соболье, которую казну Петр Мухоплев со служивыми отослал в Большерецкой острог.

Маия 20 дня на Воровской реке нашел он, Петр Мухоплев, Катонача с родниками и звал его попрежнему в ясашной платеж, также

просил он, чтоб помянутой Катонач погромную ясашную казну збору Кирила Цаплина, ежели ему что досталось, отдал, и по его, Мухоплеву, призыву оной, Катонач, дал в аманаты сына своего и обещал ясак платить попрежнему безизменно, а ясашной казны у себя не объявил. И означенным походом та измена выведена» (С. Крашенинников).

«По версии А. Сгибнева и Б. Долгих события на р. Воровской развивались иначе. В 1718 г. камчатский приказчик В. Качанов, рассчитывая приобрести доверие ительменов, отпустил из Большерецка содержавшихся там двух аманатов — Киврю и Купку, которые пользовались большим авторитетом у сородичей. Выйдя на свободу и узнав о притеснениях со стороны русских своих родовичей, они "возмутили" их. Сперва «изменники» убили ясачного сборщика Степана Чаплина и с ним 4 чел., а собранный ими ясак разделили. Затем ими были убиты двое служилых, посланных за сбором травы и кормов. После этого Киврю и Купка намеревались идти на р. Ичу, сжечь стоящее там русское судно (на котором прибыл Качанов) и убить бывших при нем казаков. Узнав об этом, Качанов послал из Большерецка на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 казаками. Мухоплев, прибыв на Воровскую, потребовал от ительменов выдать Киврю и Купку, но получил отказ. Тогда он разорил три острожка, перебив почти всех защитников. Потери русских составили: три казака и много раненых» (А. Зуев)..

«Качанов, узнав об их замысле, послал из Большерецкого острога на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 вооруженными казаками. Ему поручено было уговорить иноземцев принять по-прежнему подданство и выдать отпущенных к ним аманатов; если же они на это не согласятся ласковыми убеждениями, то усмирить вооруженною рукою. Мухоплев по прибытии к ним потребовал выдачи выпущенных аманатов, как главнейших изменников; но иноземцы согласились лучше умереть, нежели подвергнуть своих однородцев томительному заточению в остроге. Не видя более возможности уговорить их, Мухоплев начал громить камчадалов огнестрельным оружием. Три острога их разорены и сожжены, а люди почти все перебиты. Казаков у Мухоплева убито три человека, многие ранены. У убитых камчадалов взят 21 соболь из числа ясаков, собранных Чаплиным» (А. Сгибнев).

И вот еще один интересный факт: в 1780 гооду компания тотемского купца Алексея Холодилова отправила в промысловую

экспедицию судно «Михаил» под командой морехода Мухоплева и передовщика — камчатского купца Л. Нагаева.

Назаров Агафон, матрос – бит батогами

Нижегородов Василий, монастырский служка – бит кнутом

Первое упоминание на Лене этой фамилии:

«Гришка Кузьмин сын Ярославцов в его место гулящей человек Фомка Офонасьев сын Нижегородец и в нынешнем во 158-м [1650] году ноября в 30 день на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре а в его место нихто не поверстан».

В 1681–1691-х годах отмечен в женатом окладе якутский казак Нижегородец Васька. Осип Нижегородов был анадырским сотником.

В 1720 году записан «Служивой Иван Стефанов сын Нижегородов сказал сороки семи лет». А также — вкладчик Якутского Спасского монастыря «Посадцкого сын Василей Федоров сын Нижегородов».

Новгородов Иван, комиссар – повешен

Новгородов Матвей, ясачный сборщик — бит кнутом

Выше в этой главе мы рассказывали об одном из Новгородовых — Дмитрии, погибшем во время Харчинского бунта, одним из виновников которого был приказчик Иван Дмитриевич Новгородов.

«…в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкциею Иван Новгородов и с ним пищик Мухоплев, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон».

Позже, уже во время следствия по Харчинскому бунту Иван Дмитриевич признается: «На допросе от 22 января 1735 г. Иван Новгородов, после того как было "дано ему десять ударов", признал все, в чем обвинял его Харчин, прибавив, что за назначение его комиссаром на Камчатку "якуцкому воеводе Полуектову дал деньгами 700 рублев"».

А Харчин обвинял его в следующем: «1730 г. комиссар Иван Новгородов "велел с них сбирать повторительной ясак", а если "у кого ясаку не прилучилось, то брали жен и детей и били на праве-

же… пока нога распухнет, а после де того распорют штаны и бьют вторично на правеже по пухлой ноге. А в платеже ясаку отписей не давали". Его самого, Харчина, били "на правеже босого" и взяли два ясака на один год». Помимо двойного ясака, «Иван Новгородов брал с каждого человека сладкой травы по пуду, а кипрею по полпуда…» (ЦГАДА, портф. Миллера 527, тетр. 13, л. 9).

«В 1730 г. коммисар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в чащину соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 году коммисар Шерхудин, подъячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины. Сверх того, сбирали неподобные сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину (зайцев); собирали ясака за умерших и били за недачу насмерть. За обором камчадалы голодуют и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть во зломыслии».

В приговоре следственной комиссии мы читаем: «Бывшего камчадальских острогов комиссара Ивана Новгородова казнить смертью для того — будучи он в камчадальских острогах при зборе ясаку чинил ясашным иноземцам всякие обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разные реки за ясашным збором подъячего Екима Мухоплева да брата своего Матвея Новгородова и служилых людей, которым приказывал брать от ясашных иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека собольми и лисицами, а у которых иноземцов в соболей и лисиц нет, у тех брать жен и детей, и последние их парки и куклянки, и из тех чащин бить батожьем и на правеже…» (там же, л. 44).

В 1733 году «В Якутске Мерлин описал имущество бывших камчатских прикащиков Новгородова и Шехурдина, а самих, закованных согласно с распоряжением из Тобольска, взял с собою в Камчатку». «Осенью 1739 г. розыскная канцелярия по окончании следствия выехала в Охотск. По Высочайшей комфирмации (утверждению. — *Ред.*) повешены два прикащика: Новгородов и Шехурдин за неправильные поборы…».

«Бывшаго камчадалских острогов камисара Ивана Новогородова казнить смертию для того — будучи он в камчадалских острогах при зборе ясаку, чинил ясашным иноземцам всякия

обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разныя реки за ясашным збором подьячего Екима Мухоплева да брата своего Матфея Новогородова и служилых людей, которым приказывал брать с ясашных иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека соболми и лисицами, а у которых иноземцов соболей и лисиц нет, у тех брать жен и детей и последние их парки и кук- лянки, и из тех чащин бить батожьем и на правеже. И те собранные чащины он, Новогородов, зборщиком приказывал печатать и привозить к себе. И сам он, Новогородов, собрал сверх ясаку в чащины пять сороков соболей. Он же, Новогородов, по Камчатке и по Еловке рекам посылал служилых и велел с ыноземцов брать на свою потребу траву слаткую, кипрей, сарану, ушканы и от рыб голцы, и привозили оное к нему иноземцы на своем коште в Нижней острог. Он же, Новогородов, брату своему Матфею и подьячему Мухоплеву и служилым людем о лихоимственных взятках чинил запрещение, что которые взятки они брали с ыноземцов и о том бы в роспросех своих подлинно не обьявляли, и оное запрещение чинил, укрывая свое воровство и тиранство, о чем он, Новогородов, и в подлинных своих роспросех и с пытки винился».

«И подьячего Екима Мухоплева, зборщиков Матфея Новогородова, Евдокима Колегова, Ивана Калашникова, Василья Конева, Алексея Воробьева, да манастырского слушку Василья Нижегородова, которые в бытность камисара Новогородова в 730-м году были за ясашным збором и чинили иноземцам по ево, Новогородову, приказу великое раззорение и обиды, сверх ясаку збирали в чащины по три и по четыре места соболми и лисицами и отдавали ему ж Новогородову, за что по следствию и по розыску подлежили б все смертной казни, но однако ж оные чинили по приказу камисарскому, а не сами собою, и за то им учинить наказание — бить кнутом нещадно».

«Марта 4 дня 734 году против вышеозначенного определения в Нижнем Камчадалском остроге вышеозначенные воры и изменники Фетка Харчин с товарыщи и камисар Иван Новогородов казнены смертию повешены».

Его младший брат Матвей Новгородов вместо смерти бит кнутом в Нижнекамчатском остроге 6 марта 1734 г.

В 1761 году Матвей Дмитриевич Новгородов служит в Якутске чине казачьего сотника.

В 1770 году его брат Алексей Дмитриевич Новогородов служил там же уже в дворянском звании.

Пашков Василий, заказчик – бит батогами

Заказчик Верхнекамчатского острога в 1731 г. Умер в 1735 г. во время наказания по делу о Харчинском бунте.

«В феврале 1726 г. камчатский приказчик С. Трифонов отправил на “изменников” Боброового моря казака Пашкова с 10 чел. Но найти “изменников” не удалось, поскольку они укрылись на островах».

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался “сдать” своих людей и “учинился указу противен”. 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: “Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства”. В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении “изменников” на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым».

«По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно, В. Новограбленной батогами нещадно ж, С. Власов — кнутом, П. Матвеев — плетьми, А. Попов батогами. Были также наказаны ранее не подвергавшиеся экзекуциям закащик Пашков — батогами (вследствие чего он умер) и целовальник Кирков кнутом (возможно, это не Кирков, а Кырков).

У него на Камчатке остался сын Иван: *«В остроге оставляю я пищика Аргунова, служивого Бочкаря да определенных к чивению метеорологических обсерваций служивого Ивана Пройдошина да казачья сына Ивана Пашкова, которой по требованию моему, как грамоте отчасти умеющей, определен в помочь Ивану Пройдошину вместо служивого Никифора Саламатова»* (С.П. Крашениинников).

В 1696 году в Илимском остроге в чине пятидесятника служил Иван Пашков. Возможно, корни этой фамилии отсюда. Если не связывать ее с даурским воеводой Афанасием Пашковым и его сыном Еремеем, о которых мы рассказывали в первом томе.

Перебякин Спиридон, казак — бит кнутом

Перебякин Афанасий, по всей видимости, дед Спиридона, казак, погиб на Камчатке в 1703 году, будучи в числе самых первых русских поселенцев на полуострове. Казачий сын Никита Перебякин погиб в 1707 году, когда Владимир Атласов вновь, как и в 1696–1699 гг. попытался «устрашить» камчадалов.

Позже, в период промыслового освоения Русской Америки казак камчатской команды А. Перебякин участвовал в плавании на судне «Захарий и Елизавета» в 1759–1762 гг.

Петров Михаил, комиссар – бит кнутом

«А бытности ж 729 году камисара Михаила Петрова, которой ныне в Якуцку, подьячему Федору Сухому и зборщиком Петру Чижевскому, Гаврилу Чюдинову, Ивану Каташевцову, и бытности ж 732 году управителя Михаила Борисова зборщиком Ивану Баранникову, толмачю Петру кому до прибытия показанных камисара Петрова и управителя Борисова наказание не чинить, но токмо взятые как ими, так и протчими зборщики и толмачи сверх ясаку чащины, с кого сколько надлежит по реэстру, доправя, отдать в казну Ея И. В., а взятых у ясашных иноземцов служилыми людми жен их и детей, которые живут у служилых людей, тех всех, взяв, отдать тем иноземцам, у кого оные взяты, по прежнему».

Трудность анализа этой фамилии (как и «Ивановых, и Сидровых») заключается в их многочисленности и использования отчетсв в качестве фамилий. Вот один только пример: «Прохорко Ондреев в его место брат ево Семейка Петров в верхоленском в Братцком острожке». Где здесь отчества и где здесь фамилия?

Якутск, 1681 год: Петров Ивашко, новокрещеный казак (х/о — холостой оклад); Петров Первушка, казак (х/о); Петров Федька, казак (ж/о — женатый оклад).

По данным 1691 года: Петров Васька, казак — брат Васька (1685); Петров Федька, казак — сыновья Ивашко (1672), Гришка (1677).

В 1691 году одним из якутских казачьих атманов был Григорий Петров.

«Ефимко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой».

«Тимошка Григорьев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 9 день приверстан в ево Тимошкино место казачей сын Офонька Петров».

«Новокрещен Ивашко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 13 день в Якутцком умер воспою»

«Первушка Петров в прошлых годех на Ковыме реке умер».

1706 год: Петров Алексей, пятидесятник, из Енисейска; Петров Афанасий (8-я пятидесятня); Петров Григорий, атаман; Петров Григорий, новокрещеный казак (13-я пятидесятня); Петров Ефим, десятник (7-я пятидесятня); Петров Лука (2-я пятидесятня); Петров Лука (16-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год: Ефим Петров — дворянин.

К какой семейной группе относится Михаил Петров нам предстоит еще выяснить.

Спиридонов Федот, казак — бит кнутом

О появлении этой фамилии в Якутске известно следующее: «Казак Митька Спиридонов попов сын, а отец ево поп Спиридон Васильев послан в Якутцкой в прошлом во 146-м году с окольничим с Петром Петровичем Головиным».

Тогда же пришел на Лену и тобольский казак Федька Спиридонов.

В 1681 году отмечены сыновья якутских казаков Спиридоновых: Спиридонов Васка, казак — сыновья Якунка (1672), Васка (1678) и Спиридонов Митька, казак — сыновья Гришка (1670), Федька (1672). А Федор часто в документах писался Федотом.

Младший брат Федьки – якутский казак Иван Дмитриев сын Спиридонов — служил в 1706 году в шестнадцатой пятидесятне.

В 1691 году в якутских казаках: Федька Дмитреев Спиридонова, Якунька Васильев Спиридонов, Ивашко Дмитреев Спиридоновых.

В 1712 году казак Спиридонов Михаил Осипов доставил арестованного Григория Переломова (одного из товарищей Данилы Анцыферова) в Нижний острог.

Впрочем, Федот Спиридонов мог быть и потомком Федьки Спиридонова, сосланного в Якутск в 1649 году «за воровство».

А мог быть и уроженцем Тобольска — уже в 1623 году среди пашенных крестьян, которых часто брали в казачью слежбу, мы встречаем эту фамилию.

Свои Спиридоновы были в Енисейске: «А по Куте и по Купую до часовни (эта часовня была на устье р. Муки, то есть в нижнем конце сухого пути Ленского волока. — *Ю.Ч.*) шли шесть дней, потому что Кута и Купуй реки до броду сухи и мелки».

Найдя удобный путь, Галкин посылает «<…>через тот волок на реку на Лену служивых людей шесть человек, десятника Илейку Ермолина, Ивашка Романова, Исачка Васильева, Ярофейка Спиридонова, Марка Любовсково, Гришку Ярославца».

Были они и в Томске: Спиридонов Тимошка (1626 г.).

Сургуцкой Петр, казак — бит кнутом

Толмач.

«В августе (1668 года. — *С.В.*) в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи – сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олферка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись» (Ф. Сафронов).

Сургуцкие, Сургутские были и в Тобольске, и в Томске, и в Енисейске, и в Якутске.

Судя по тому, что в 1706 году в Якутске служило одновременно несколько Сургуцких, можно сделать вывод о том, что здесь образовалась самостоятельная служилая корпорация.

В 1682 году в Якутске служит казак Семен Сургуцкий.

В 1687 году в Якутске служит казак Иван Сургуцкий.

В 1688 году верстан в казачью службу Сургуцкий Никифор Семенов.

В 1691 году казачий сын Евдоким Сургуцкий верстан в женатый казачий оклад.

Якутск, 1691 год: Васка Семенов Сургутцкой, Васка Тимофеев Сургутцкой, Евдокимко Сургутцкой, Микишка Семенов Сургутцкого.

В 1706 году служат: Сургуцкий Василий Семенов — десятник четырнадцатой пятидесятни; Сургуцкий Никифор Семенов — казак шестнадцатой пятидесятни; Сургуцкий Прокопей Семенов — казак семнадцатой пятидесятни; Сургуцкий Афанасий Тимофеев — казак четырнадцатой пятидесятни; Сургуцкий Василий Тимофеев — казак восьмой пятидесятни; Сургуцкий Евдоким — казак седьмой пятидесятни.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе служивой Василей Тимофеев сын Сургуцкой… дети ево Прокофей двацати лет в службе Алексей восемнацати лет в службе»; «Во дворе Прокопей Семенов сын Сургуцкой»; «на подворье у служилого Прокофья Сургутцкого»,

А далее события принимают трагический оборот:

«Первое известие о дальнейшем ходе дел на полуострове получено им от сержанта Афанасия Сургутского, ясачного сборщика на р. Пахачи. Сургутский доносил Татаринову, что, идучи с ясаками в Анадырск, на Таловке, на месте юкагирских юртовщиков нашел он резанные бобры и прочие вещи, видимо, принадлежавшие русским, а потому и решился проведать Олюторский острог. На пути к острогу встретил казачью жену с братом, которые объявили ему о смерти Петрова. Он тотчас же распорядился послать об этом в Анадырск донесение с бывшим при нем крещеным коряком, который, пришедши в Акланск, узнал, что накануне его туда прихода акланские коряки с юкагирами умертвили Енисейского и Колесова с шестью служилыми, трех увели в плен, одного оставили у акланских коряк и одного отдали оленным корякам, которые его убили.

Кроме того, ему сообщили коряки, что захваченные ясаки целы, а находящиеся в плену у юкагир казаки живы; что юкагиры, вступив в заговор с коряками, хотели занять у Парполя камня камчатскую дорогу, чтобы не пропускать русских; а оленные коряки располагали двинуться на Олюторск, взять его обманом или силою, жителей побить, а острог разорить. Коряк, узнав об этом, убежал к Сургутскому в Олюторский острог и уже оттуда отправился в Анадырск, почему и известие это получено в Анадырске только 19 февраля.

Хотя юкагиры и ушли в свои кочевья на верховья р. Анадыра, но оленные коряки подошли к Олюторску, и, кочуя в окрестностях, держали его в осаде. Томимые голодом, осажденные в январе решились послать 29 казаков за рыбою к оленным и сидячим корякам по рекам Похаче и Апуке, бывшим до того верным русским. Начальство над отрядом принял на себя сам Сургутский.

При переходе чрез один хребет коряки убили из них семь человек и самого Сургутского, остальные спрятались, но, томимые голодом, выходили из завалов и были все перебиты поодиночке, кроме четверых, взятых в плен, да двух, пробравшихся обратно в Олюторск. Двое из находившихся в плену бежали потом в Анадырск, а третий был отпущен в Олюторский острог» (А. Сгибнев)

В числе убитых вместе с Афанасием Сургуцким сотники Тимофей и Евдоким Сургуцкие: «Татаринов, узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского бунта (убитых с Афанисием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: Евдоким Сургутский, Степан Колесов, пятидесятник Мартьянов, таможенный целовальник Василий Зыков, казаков 35, анадырских жителей 6 человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским казаков 6 челов.; анадырский житель 1, да в плену 2. На Пахаче с Афанасием Сургутским казаков 13, анадырских жителей 6, у апукских коряк в плену 3. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика: Полуэктов и Фролов, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да драгун И. Варганов. — Авт.), снова послал донесение в Якутск о присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири».

Сухов Федор, подъячий — бит батогами

Сухов, Сухой — весьма распространенная фамилия среди якутских казаков. В 1706 году Федор Сухов служит в одиннадцатой пятидесятне, Сухово Егор Никитин — в семнадцатой, Сухой Иван Иванов — в шестой.

Отцом Федора, родившегося в 1681 году в Якутске, был казак Сухой Микитка. Одновременно с Микитой служит Прокопий Иванов сын (первая информация о нем за 1663 год), это, по всей видимости, его отец: Сухой (Сухуй) Микитка Прокофьев «умер на Индигирке в 1706 г. и на его место поверстан казачий брат Василий Микулиных»

Якутск: «Пронька Сухой в прошлом во 198-м [1690] году в Якутцком умер

И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Пронькино место казачей брат Ивашко Лаврентьев Шабалин в холостой оклад».

У Микиты был также сын Сухой Илья Никитин сын, уроженец Якутска, верстанный в казачью службу в 1688 году.

Возможно еще один его сын — Сухой Степан — погиб в отряде Осипа Липина, «идучи в Камчатку».

В Якутск Сухие, вероятно, прибыли из Томска, где в 1626 г. служил в казаках Сухой Томилко Иванов сын.

Чижевский Петр, ясачный сборщик — бит кнутом

Сын боярский.

Его отец — Чижевский Мартын Семенов — был прислан в 1699 году в Якутск из Тюмени, но службу за отца нес его сын Петр Мартынович Чижевский: «...оклад денег 7 рубл, хлеба... чети без малого четка ржи, овса тож, 2 пуда соли; в пр. в 202 г. при стольнике и воеводе князь Иване Гагарине послан на службу в Ковымское зимовье вместо рядового казака и в Якуцкой не бывал».

Вероятно, Мартын Семенович был из военнопленных, как и Михаил Юзов сын Чижевский, присланный в 1661 году в Енисейск: «Тое ж присылки ссыльные ж люди шляхта Мартын Семенов сын Шаплинской, Степан Данилов сын Вершицкой, Михаило Юзов сын Чижевскии, Степан Ондреев сын Сколкулской; а по государеве грамоте посланы они ис Тоболска в Енисейской острог».

О камчатской службе Петра Мартыновича есть сведения за 1723 год: «В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву Нижний острог, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки».

В 1729 году при комиссаре Петрове Чижевский был ясачным сборщиком.

Чудинов (Чюдинов) Гаврила, ясачный сборщик — бит кнутом

Нижнекамчатский казак, избранный «полевым закащиком» (походным атаманом) на период подавления восстания камчадалов в 1731 году.

Но он не был первым походным атаманом из рода Чудиновых: «В ответ на обращение в 1701 г. ясачных юкагиров Ходынского роду “Некраско с родниками” о защите их от чукотских набегов анадырский приказчик сын боярский Григорий (Семен. — *С.В.*) Чернышевский отправил из Анадырска в поход против чукчей

Алексея Чудинова во главе отряда из 24 служилых, анадырских жителей и промышленных, 110 ясачных юкагиров и коряков. Отряд Чудинова выступил из Анадырска в апреле 1702 года. Дойдя до “Анадырьского моря” (возможно, Анадырьского залива), казаки увидели поселение “пеших” (скорее всего, оседлых, чукчей). Казаки потребовали от них уплатить ясак и, после того, как чукчи отказались, атаковали их и уничтожили поселение. Казаки разорили 13 “юрт” и убили 10 мужчин, а их жен и детей взяли в плен. Некоторому количеству мужчин удалось спастись бегством и они известили другие стойбища. Узнав о случившемся, чукчи собрали большие силы и сами атаковали врага. Вскоре отряд Чудинова столкнулся с отрядом в 300 чукчей. В произошедшем сражении русские силы одержали над ними победу, убив 200 из них. На следующий день отряд Чудинова был окружен огромными силами чукчей. По свидетельствам некоторых участников похода (возможно, преувеличенным), их было 3000. Произошло тяжелое сражение, которое длилось целый день. Русские убили многих чукчей. Русские и юкагиры, по одной версии, потеряли 70 человек ранеными, по другой — раненых было всего 10. Осада русского лагеря продолжалась 5 дней. В конце концов осажденные поняли, что находятся в крайне невыгодном положении, и прорвались в Анадырск. Всего поход продолжался 8 недель (с апреля по июнь 1702 года)».

В 1706 году в восьмой пятидесятне служил якутский казак Алексей Семенов Чудинов. И еще один Алексей Чудинов был убит на Камчатке в этом же 1706 году. Скорее всего, это одно и тоже историческое лицо.

О Гавриле Чудинове: «1727–1728 годы. Пятидесятник Иван Тарабукин. Назначен комиссаром в 1726 г. Прибыл в октябре 1727 г., приняв под команду все остроги. Отбыл, вероятно, в 1728 г., оставив временными управляющими (заказчиками): в Большерецке — Ивана Остафьева, в Верхнекамчатске — Семена Хмылева, в Нижнекамчатске — Гаврилу Чудинова».

«В 1728 г. послан на смену Тарабукину сын боярский Михайло Петров с служилым Петром Петровым и писарем Суховым. ...1729 г. мая 26, Нижний острог сдан опять Чудинову; июня 11 — Верхнекамчатский Михаилу Сапожникову; июля 16 — Большерецкий сыну боярскому Степану Петрову».

По приговору Розыскной канцелярии «вместо смерти бит кнутом в Нижнекамчатском остроге 10 марта 1735 г.».

Чудиновых в Тобольске, Томске, Якутске было не мало, поэтому установить степень родства сложно, скорее всего все они родственны тем, что происходят от «чуди» — семьи народов, живших в Псковской, Новгородской, Архангельской, Олонецкой губерниях, именем которых названо и прославленное Чудское озеро. Хотя другое объяснение более реально — было на Руси в старину такое довольно распространенное имя Чудин, Чудинко.

Якутск, 1691 год, казаки: Алешка Чюдинов, Ивашко Чюдинов, Оска Чюдинов, десятник Илюшка Чюдинов.

В Якутске в 1706 году одновременно служили Иван Большой (шестнадцатая пятидесятня) и Иван Меньшой (четвертая пятидесятня) Чудиновы. И два Ильи (один из них десятник первой пятидесятни) Чудиновы. У Ильи-казака было два брата: Офонька (1673 г. р.) и Ивашко (1678 г. р.). Один из камчатских казаков — Иван (вероятно, Гаврилов сын) Чудинов — был и знаменитым мореходом: командовал промысловым судном «Симеон и Иоанн», осваивая Русскую Америку.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе Иван Семенов сын Чюдинов»; «Во дворе конной казак Илья Семенов сын Чюдинов да отставной казак Ион Семенов сын Чюдинов».

В начале XIX столетия казак Николай Гурьевич Чудинов служил в Петропавловском порту, а его сын — Алексей Николаевич — матрос 47-го Камчатского флотского экипажа участвовал в обороне Петропавловского порта в 1854 году.

Шехурдин Михаил, комиссар — бит кнутом

«…ясачный комиссар М. Шехурдин, после “двадцати ударов”, признал за собою те же вины, что и Новгородов, добавив, что в 1731 г. за предоставление казакам права собирать ясак получил с них 540 соболей, лисиц и бобров. По итогам следствия центральные власти признали, что “во отдаленных сибирскик владениях, в Якуцком ведомстве и на Камчатке, как от воевод, так и от посланных для збору с ясашных людей ясаку камисаров и других зборщиков чинится Ея И. В. ясашным подданным как в платеже излишняго ясаку, так и от взяткам многое раззорение, наипаче ж приметками своими жени детей отнимают и, развозя, перепродают”».

«А камисара ж Михаила Шехурдина от смертной казни свободить для того — оной камисар в бытность свою в Нижнем Камчадалском остроге посылал зборщиков служилых людей в разные волости для ясашного збору и приказывал сверх ясаку в чащины по три и по четыре места збирать против прежняго камисара Ивана Новогородова и сам брал себе таких чащин три сорока соболей и лисиц с камчадалских ясашных иноземцов, которые ясак платили при остроге сами собою, також гуси и утки и ушканы, рыбу голцы збирать велел же, — и в том он, Шехурдин, с розыску и с пытки во всем винился. И за показанные ево Шехурдина к ясашным иноземцам раззорения по силе имянных же Ея И. В. указов учинить наказание — вместо смерти бить кнутом нещадно и дать сто ударов без спуску. И взятые оным камисаром Шехурдиным собранные им и приносные от зборщиков чащины на нем камисаре доправить, а ежели взять на нем нечего, то доправить на выборных, которые оного камисара Шехурдина в Якуцку выбрали на Камчатку камисаром. А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подьячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону Пе ребякину, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подьячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чащины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили раззорение и обиды».

«Того ж числа (4 марта 1734 г. — *С.В.*) камисар Михайло Шехурдин и подьячей Еким Мухоплев вместо смерти под еселицею на козле биты кнутом, и дано им, Шехурдину сто ударов, а Мухоплеву пятдесят ударов».

В 1669 году в Енисейске служит в казаках Шухурдин Васка Михайлов. А вот и свидетельство о его якутской службе: «Васка Михайлов Шехурдин в прошлом во 196-м [1688] году послан Великих государей за казною к Москве в провожатых…».

Возможно, из этого же рода и Шахурдин Пашка, албазинский казак, участник обороны Албазина (1685), который перешел на службу к богдойцам (манчжурам) после сдачи острога.

«В 1712 г. ительмены рек Ича и Облуковина отказались платить ясак и оказали сопротивление ясачному сборщику пятидесятнику Михаилу Шехурдину» (А. Зуев). То есть он был в составе команды Василия Михайловича Колесова.

В 1720 году у Шехурдина был свой двор в Якутске: «Иркуцкого города посадной Алексей Иванов сын Некрасов Чеботняга в

Якуцк приплыл в 719 м году в наймах на плоте а стоит на подворье у петидесятника Михайла Шехурдина». А в 1706 году он жил в доме якутского сына боярского Андрей Ивановича Кычкина», но и тогда уже был в чине пятидесятника.

За назначениие Михаила Шехурдина приказчиком якутский воевода И.И. Полуектов получил после возвращения Шехурдина в Якутск 300 рублей, 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра.

Ярыгин Алексей, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Ярыга Ивашка, служивший в Томске в пеших казаках в 1626 году, был с Дону.

Вполне возможно, что это его сыновья Матвей и Ярко (Ярофейко) Ярыгины перебрались в Якутск, где в 1654 году Матюшка Иванов сын Ярыгин был десятником, затем сотником, а с 1661 года служил уже в чине сына боярского, а Ярофейко в это время служил в рядовых казаках.

У Матвея, вероятно, не было своих детей, так как в переписи указаны только его племянники: Давыдко (1652 г. р.) и Митька (1672 г. р.).

Митька Ярыгин значится в именных списках казаков Якутска за 1691 год.

Дмитрий Ярыгин в 1693 году служил в Верхоянске, а потом направлен на Камчатку. В 1706 году он записан в шестую пятидесятню и был приказчиком Большерецкого острога, уничтоженного вместе со всем гарнизонам восставшими камчадалами в 1707 году.

Федор Иванов Ярыгин (Новокрещен Ивашко Аввакумов Ищерек в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 18 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Федька Иванов Ярыгин в холостой оклад), то есть брат Матвея Ивановича Ярыгины, сына боярского, записанный казаком в семнадцатую пятидесятню, в это же время является приказчиком Нижнекамчатского острога, который он не сдает бежавшему из верхнекамчатской тюрьмы Владимиру Атласову. В 1712 году под пытками верхнекамчатских воровских казаков, вымогающих «животы» Ярыгина, он постригся в монахи под именем Феофил.

Через несколько лет, когда приказчик Петриловский будет «вымучивать животы» у камчатских казаков, вместе с Иваном Козыревским пострижется в монахи и Яков Ярыгин.

Яков и Алексей – это, скорее всего, дети Федора Ивановича Ярыгина.

* * *

В Верхнекамчатском остроге

Верхотуров Осип, казачий сотник — бит кнутом

«Главный изменник Вахлыч в Большерецке показал, что в 1730 г. ясачный сборщик Осип Верхотуров брал с них сверх ясаков по четыре бобра с человека, да для аманатов юколы по 400 штук, по три нерпы и по три пузыря нерпичьего жиру. У кого требуемое не находилось, то Верхотуров наказывал батогами. В авачинском походе взяли ясаку 10 красных лисиц и 1-го бобра. Себе же взяли 13 бобров, 5 бобровых парок и две лисьи. Казаки добычу эту разделили между собою, пожертвовав из этого числа часовням Большерецкого, Нижнего и Верхнего острогов по одному бобру и церковникам по одной лисице».

«Якуцкого сотника Осипа Верхотурова, которой, будучи в 731-м году в Верхнем Камчадалском остроге закащиком, посылал на Авачу реку служилого Михаила Калашникова для збору с ыноземцов юколы и сараны и слаткой травы и кипрею и для высылки с ясашным платежем ясашных иноземцов, с которых он, Верхотуров, сверх ясаку соболми и лисицами себе и подьячему брал по два соболя с человека, а с нижепоказанного Васки Вахлыча взял он, Верхотуров, пуд травы сладкой, полпуда сараны, кипрею пуд, да кошлака, и, будучи на Аваче ж реке для збору юколы, с него ж, Вахлычь, три бобра, а в роспросе во оных лихоимственных взятках принес повинную. От которых ево взятков и излишних зборов авачинския иноземцы Васка Вахлыч с товарыщи в злой умысел и в ызмену вступили, за что было оной Верхотуров подлежал смертной казни, но однако ж по милостивому Ея И. В. указом от смертной казни и свободить, а учинить ему наказание — бить кнутом на площади нещадно и дать сто ударов, дабы закащики и зборщики, смотря на то, впредь так чинить не дерзали. А лихоимственныя взятки, которые он, Верхотуров с показанных Вахлыча с товарыщи брал, со оного Верхотурова в казну Ея И. В. доправить».

«…служилые люди биты на площади кнутом и дано по петидеяти, [сот]нику Верхотурову и служилому Соловьеву по сту ударов, а протчим служилым по петидесят ударов».

Верхотуровы — уроженцы Верхотурья, откуда шло заселение практически всей Сибири. И потому эта фамилия встречается повсеместно.

Осип Гаврилович Верхотуров, якутский казачий сотник, сын сотника же Гаврилы Верхотурова, был не единственным представителем этой фамилии (а может быть и рода) на Камчатке — в одно время с Гаврилой служил в шестой пятидесятне в рядовых казаках Иван Верхотуров.

В начале 1640-х годов в отряде первого якутского воеводы на Лену пришел тобольский казак станицы Ивана Александрова Васка Назаров Верхотурец, но судьба его трагически прервалась: «Васка Назарьев сын Верхотурец в прошлом во 147-м [1639] году на Обе реке утонул».

А далее истории еще интересне: «Ортюшка Федоров сын Латышев в прошлом во 148-м [1640] году за воровство за зернь отставлен а в его место гулящей человек Жданко Семенов и в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Жданково место Ярофейку Иванову сыну Верхотурцу которой взят у стольника и воеводы у Петра Головина с товарыщи в енисейские казаки...». Но что-то видимо не получилось с эьтим верстанием и «Якунька Ушнитцкой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят Ярофейко Иванов сын Верхотурец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Ярофейку быть в березовских ...».

В 1670 году казак Алексей Верхотуров в Якутске давал поручную запись о верстании в казаки Ивана Осипова Голыгина, а в 1693 году он был подъячим Якутской приказной избы.

«Ондрюшка Куржагин в прошлом во 199-м [1691] году в Майском зимовье от иноземцов убит. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Ондрюшкино место казачей сын Филатко Верхотуров». Это был один из спутников Владимира Атласова в его знаменитом Камчатском походе.

Якутск, 1681 г.: Верхотур Ярофейко, казак (ж/о — женатый оклад); Верхотуров Алешка, казак (ж/о).

Якутск, 1691 г.: Гаврилко Иванов Верхотур.

Якутск, 1706 год: Верхотуров (Протопопов) Федор Васильев, сын боярский, убит на Камчатке в 1705 г.; Верхотуров Гаврило, сотник; Верхотуров Иван (6-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Осип Гаврилов сын Верхотуров».

Служилый Андрей Верхотуров в 1730 году числился членом экипажа бота «Восточный Гавриил», участвовал в карательной

экспедиции солдата Александра Змиева, в последующем он вместе со служилым Петром Верхотуровым был членом экипажа бота «Святой Гавриил», последний — «для починки парусов». В 1741 году большерецкий казачий сын Петр Верхотуров был членом экипажа пакетбота «Святой Петр» Витуса Беринга и вместе со всеми, оставшимися в живых, членами экипажа зимовал на необитаемом острове, который называется теперь остров Беринга.

В 1743 году большерецкие казачьи дети Петр Верхотуров и Лука Наседкин (он также был участником Второй Камчатской экспедиции) были «вожами» (проводниками) первой промысловой экспедиции казака из тобольских крестьян Емельяна Софроновича Басова.

Новограбленой Василий, ясачный сборщик — бит батогами (нет имени в приговоре 1735 г.), затем бит повторно

Первым из Новограбленовых был, как нам уже известно из первого тома Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С.Белоуса и Е.Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в расспросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казков в составе отряда В.Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла «воровская» съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допушен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и сослан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан.

За контрабандною торговлю зельем (табаком) получил прозвище Новограбленой.

Позже Новограбленные служили в Енисейске, Нерчинске и Иркутске.

В Томске: 1625 год, Новограбленой Сенка Трофимов, пеший казак десятка В.А. Капустина.
В 1669 году в Енисейске казак Матюшка Иванов Новограбленой.
В 1699 году в Нерчинске служил казак Иван Новограбленой.
На Камчатке был у Василия брат Матвей, иркутский дворянин.
Каждый из них «прославился».
Василий Новограбленой: «А сего де 1731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Тол6ачику и по Шапиной и у меня Начинив остроге в Топошином и на Кыргаником по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было 6атов и сараны и ягод, то де брали и кунным на Шапиной и по Козыревской реках… с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и куклянками и соболными собаками. И что у нас имеется, то все берут вместо чащин».
Матвей Новограбленой: *«Сего 731 году апреля 12 дня, как прибыли к нам курильские ясачные иноземцы с байдарами, и я прослышал от лутчего князца курильского Ломчи жалобу на служимого человека Лариона Волынкина, которой был послан от ясашного сборщика Матвея Новограбленного, для приуготовления кормов и байдар, что де он, Волынкин, чинил им многие обиды, о чем де по прибытии на свое жилище буду предъявлять письменно. И я велел толмачу своему Алексею Еремееву сказать означенному князцу и всем ясачным иноземцам, ежели кому были какие обиды, не токмо от Волынкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет. И он, толмач Еремеев, по приказу моему те слова иноземцам говорил, а означенного Волынкина он, Матвей Новограбленной, отпустил домой тайно, знатно, что не без мирвольства.*
Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копье, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьем и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, ростая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды, якобы он про его императорского величества указ не известен и чинит такую противность, по-

неже в указе блаженныя и вечно достойной памяти его императорского величества написано: велено посланной партии в отдаленных от Якуцка краех о обидах и разорениях ясачным иноземцом следовать, а по последствии, ежели кому от прикащиков, подьячих, толмачей и служилых людей были какие обиды, то обидимым обидимое возвращать, а кто обидил, тем чинить наказание. А означенной Новограбленной знатно, что, ведая над собою некакие неисправы пред иноземцами, кажет вид, яко бы он над собою большинства и суда не имеет, биет толмача нашего, чтоб иноземцы, то видя, что он никого не боится, не смели бы на него доносить.
Однако ж я в ясачных иноземцах никакого междуусобства не чиню, чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, непорядков, между иноземцами не учинилась какая шатость.
Да он же, Новограбленной, похвалялся, что я де вам байдары не дам, а к нам байдару привел означенной князец Ломча, которая байдара в прошлом 730 году отдана в партию по письменному требованию письменно ж, и оную байдару я взял и ему, Новограбленному, не отдам, а ежели впредь он, Новограбленной, будет чинить к нам какие противности, то ему я ни в чем не буду уступать. Да он же, Новограбленной, говорил мореходу Ивану Бутину: я де тебя и толмача вашего на острова не возьму, а им от партии по данной мне инструкции велено быть при мне, и для того я их не оставлю, чтоб ея императорского величества ясак не утратился» (челобитная солдата Александра Зминева, 1731 г.).

Путилов Семен, ясачный сборщик — бит батогами (нет имени в приговоре 1735 г.)
Путиловы — казачья династия Тобольска.
В 1661 году Елизар Путилов был подъячим, а Митка Путилов служил в конных казаках.
В Переписи Тобольского уезда Поскочина за 1681 г. записана «дер. Путилова на речке Подувалке».
В 1696 году служит в конных казаках Левка Путилов, а в казаках литовского списка — Федька.
Якутск, 1720 г.: «Двор служилово Стефана Екимова сына Вологодина живут на подворье приказные полаты подьячие Егор Павлов сын Путилов…».
Семен Алексеевич Путилов в 1748 году числится в разночинцах по Большерецкому острогу.

В 1815 году его потомок Михаил Филатович Путилов — казак в Петропавловском порту.

Рюмин Андреян, ясачный сборщик — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.), затем бит повторно

В 1661 году в Тобольске служит Рюма Стенка Дорофеев.

У казака Андреяна Рюмина (по-видимому, сына ясачного сборщика) сложится уникальная судьба, связанная с Большерецким бунтом 1771 года. А вернувшись после побега с Камчатки в Россию, Рюмин изберет местом своего жительства Тобольск.

Сапожников Михайло, ясачный сборщик – повешен

«Из Верхнекамчатска в этих же целях на р. Жупанова был отправлен отряд Михаила Сапожникова, который “поступил” на “изменников” «военною рукою и из оных изменников немногих людей побили, а другие де боясь такой измены сами придавались и розбежались»

«Да во оном же 731-м году октября 15 дня присудствия Верхнего Камчадальского острогу Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Чороч Верхнего острогу в приказную избу доношением объявил: на устье де Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Начика с родниками своими изменил и не хотят де платить в казну Ея И. В. ясаку.

И для умирения оных иноземцов и призыву в ясашной платеж послан был на Жупанову реку из Верхнего острогу от бывшаго закащика Василья Пашкова служилой Михайло Сапожников со служилыми людьми.

И оной Сапожников вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколол девять человек без противности их для своих корыстей, чтоб жен их и детей побрать себе в холопство, о чем он, Сапожников, с розыску показал сам, да два человека бросились в море сами собою, да удавились четыре человека сами ж собою, а жен их и детей сорок человек взял оной же Сапожников со служилыми людьми, розделил в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства свобождены и распущены на прежние ж их жилища. Да оной же Сапожников после того в 732-м году, будучи на Жупановой реке за ясашным збором, застегал батожьем до смерти Жупановой реки тоена Огоня».

Тобольский пеший казак станицы атамана Гаврила Ильина Оска Федоров Сапожников и тобольский же стрелец Ивашко Оникеев Сапожник прибыл. в Якутский острог в составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина (в 1661 году Оска Федоров сын Сапожник снова на службе в Тобольске: «Оска Сапожник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве»).

В Тобольске был целый клан казаков Сапожниковых — первоначально, вероятно посадских людей, «тачавших» сапоги, а потом поверстанных на государеву службу.

Якутск, 1681 год, казаки: Сапожник Данилко, казак (ж/о — женатый оклад); Сапожник Ивашко, казак (ж/о).

В 1706 году в Якутском казачьем полку, в пятой пятидесятне, служил Сапожников Василий Борисов сын.

Судя по именам и отчествам — из разных семей.

Вполне вероятно, что и Михаил Сапожников прибыл из Тобольска, возможно он казак Атласовского набора.

«При отъезде обоих Петровых остроги были переданы в 1729 г. заказчикам: Нижнекамчатский 26 мая — Г. Чудинову, Верхнекамчатский 11 июля — Михаилу Сапожникову, Большерецкий 16 июля — Степану Петрову».

«Эверстов жил в Большерецке до 8 декабря и оттуда прибыл в Верхний 26-го декабря. Здесь управитель острога Пашков донес ему, что на Бобровом море у Жупановской реки было восстание, и что Пашков посылал туда служилого Сапожникова, который нашел бунтовщиков в нарочно построенном на отъемной сопке остроге. Вследствие предложения Сапожникова о сдаче острога некоторые вышли из него, а другие стали стрелять по русским из луков и камнями из ремней. Тогда Сапожников приступом разгромил острог. Изменников побили, иные убежали, а многие сами передавились. Харька с двумя товарищами взят в плен и доставлен в Верхнекамчатск, где и отдан на поруки».

«…казачий командир М. Сапожников, еще в октябре 1731 г. посланный в устье Жупановой для возвращения в ясачный платеж тойона Начика, “вышеозначенных жупановских иноземцов прибили переколол девять человек без противности их”. В 1732 г Сапожников «застегал батожьем до смерти Жупановой реки тоена Огоня» (А. Зуев).

Розыскная канцелярия по делу о Харчинском бунте приговорила Михаила Сапожникова к высшей мере наказания — повешению в Верхнекамчатском остроге. Приговор был приведен в исполнение.

Скрябин Артемий, ясачный сборщик — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.), затем бит повторно.

По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно...».

В 1683 году приказчиком Маслинской слободы Тобольского уезда был Фадей Скорябин.

* * *

В Большерецком остроге

Асламов Федор, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Фамилия, которая встретилась нам только Томске 17-го века. Асламов Мартынко и Сенко Ефимовы сыновья: «отец вологжанин, пришел в Томск, служил по Томску, а они родились в Томске и верстаны в пешую службу. Оклад рядовой пеший».

Баранников Иван, казак — в приговоре присужденным к битью кнутом значится, но в ведомости его фамилии нет среди наказанных

Иван Баранников был ясачным сборщиком при камчатском приказчике Борисове в 1732 г.

Эта фамилия в Якутске появляется вместе с первым воеводой Петром Головиным, который проводил массовые допросы «с пристрастием» и «наплешным мастером» при нем был Федька Баранников.

В именном указателе книги «Якутская приказная изба» отмечен Баранников Федор Панкратов, служилый человек.

В архивных материалах Якутской приказной избы за 1641–1642 год находится (лл. 8–83) «Дело по обвинению служилых людей Федора Панкратова Баранникова, Гаврила Сурнина и Семена Кырнаева промышленными людьми в насильственном захвате у них и у якутов якутских женок и других насилиях во время сбора служилыми людьми ясака на зимовье на устъ Молоды реки».

Есть и другие сведения об этой сибирской фамилии: Баранников Алешка Спиридонов сын, родился в городе Тобольске, у него сын Гаврилко ½ года и брат Андрюшка 28 лет, живут своим домом, кормятся работой.В Переписи Тобольска 1710 года уточняется: «Двор купленой посадцкого человека Алексея Спиридонова сына прозвище Баранникова сказал себе 40 лет у него

жена Анисья Петрова дочь 35 дети сыновья Гаврило 13 Иван 8 Иван-ж 4 дочери Орина 15 Варвара 7 лет».

В начале XIX века в Петропавловском порту одновременно было два Варфоломея Баранникова — один Яковлевич (казак), а другой — Петрович (казачий сын).

Вагин Семен, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Фамилия очень распространенная в Сибири в связи с тем, что многие промышленные, торговые и служилые люди приходили в Сибирь с реки Ваги и наименовались Вагиными или Важениными.

Но не всегда было именно так.

В 1623 году в Дозорной книге указана деревня служилого Ваги в ближнем Сузгуне на дуброве: «Во дворе литвин Матвей Вага, пашни у него паханные середние земли 6 четей да перелогу 4 чети в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 10 десятин. Сена косит 200 копен».

А вот и подробности: «Вага Матвей – тобольский “немчин”. Прислан в конные казаки литовской роты ротмистра Б. Станиславова вместе с Г. Анцу с окладом 12 руб. Подавал вместе со всей ротой челобитную о новом ротмистре в 1628 г. и подписывался латинскими буквами — “BAZA” (1625–1628 гг.)».

В 1706 году в Якутском казачьем полку служили два Василия Ваги — один (Афанасьевич) в четырнадцатой, а другой (Михайлович) в тринадцатой, а в десятой пятидесятне – Вагин Никифор Афанасьевич, а в седьмой пятидесятне — Вагин Меркурий Гаврилович (Меркушка Гаврилов сын — как записано в именных книгах Якутска). Впервые мы встречаем имя Меркурия в списках якутских казаков за 1681 год.

«Устьянский казак Яков Пермяков в самом начале XVIII века совершил плавание из устья Лены в Колыму, причем видел против Святого Носа остров (Большой Ляховский). Для проведывания этого острова в 1712 году якутским воеводой Д. А. Траурнихтом была отправлена экспедиция во главе с казаком Меркурием Вагиным, которая зимой перебралась по льду со Святого Носа на остров Большой Ляховский. В этой экспедиции участвовал в качестве вожа и Яков Пермяков. При повторной попытке Вагина посетить Новосибирские острова, намечавшейся на 1713 год, Вагин, его сын, Яков Пермяков и еще один человек были убиты взбунтовавшимися казаками отряда».

Откуда родом Семен Вагин неизвестно, хотя эта фамилия присутствовала на тот период и в Тобольске, и в Томске, и в Енисейске, и в Иркутске.

В 1696 г. в Тобольске служил в казаках Вагин Кирюшка Митрофановю

Вагин Клим, выходец из Верхотурья, служилый человек, поселенный в Иркутске «на вечное житье», 1699 г.

Вагин Степан Иванов из Томска (1680): «Отец верхотурец, в Томск пришел своею охотою и служил пешую службу, а он верстан на отца своего место. Оклад пеший рядовой».

Валынкин Ларион, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Валынкин Петр, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Представители торгово-служилой корпорации Волынкиных (Валынкиных) в Сибири. Торговыне люди Волынкины (Валынкины) прибыли из Великого Устюга.

Торговый человек Епифан (Епишка) Валынкин был целовальником (приемщиком пушнины) в 1641–1645 гг. на реке Индигирке при приказчиках Дмитрии Зыряне и Андрее Горелом. Считался «ушником» (соглядатаем) воеводы Петра Головина.

В 1639 году в отряде якутского воеводы Петра Головина отправлен на службу в Якутское воеводство Волынкин Фролко Сидоров, тобольский пеший казак станицы Мурзы Выходцова «Фролко Сидоров сын Волынкин в прошлом… году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его место из новоприборных…». Но появляется новый Волынкин: «Пятунька Иванов в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Пятунькино место из новоприборных… Волынкину и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку»

Д.Я. Резун отмечает целую группу тобольских казаков Волынкиных и выделяет особую деталь: Аврам Волыннкин в период своей службы в Мангазее в 1685–1688 году «явил» перекупных 50 соболей, 30 лисиц, 30 росомах, занимаясь на службе

скупкой пушнины. Мартын Сидоров Волыннкин (брат Фрола) «явил» в Таре в 1648 году для продажи 50 аршин «холста толстого» нап 1 рубль 20 алтын, а в 1655 году имел «в соляном торгу животов» на 10 рублей, в 1670 году привез «сургутской купли мяхкую рухлядь» на 7 рублей 40 копеек. Сава Мартынов Волынкин (сын Мартына Сидоровича) в 1670 году «явил» в Мангазее перекупных 90 соболей, а потом «явил» перекупную пушнину в 1680, 1682, 1684, 1685, 1687 годах. Это хорошая иллюстрация для характеристики торгово-служило-промышленной корпорации Волынкиных в Сибири, в том числе и на Камчатке.

В 1720 году в Якутске «Служивой Афонасья Шестакова набору Василей Васильев сын Волынкин сказал дватцети пяти лет» — в 1748 году он продолжает службу в Якутске.

В 1637 году в Енисейске служил казак «березовской присылки» Егупко Иванов сын, а в 1677 году — его сын Иван Егупов.

В 1685 году в Нерчинске служит казак Иван Волынкин.

Вахрушев Степан, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Тобольская (возможно, первоначально пелымская) казачья фамилия. В 1696 году в казаках Вахрушов Васка Никифоров сын, Вахрушов Ивашко Меньшой, Вахрушов Ивашко Микифоров, отставной казак Вахрушев Иван Никитин.

Вахрушко — распространенное в 17-м столетии имя (полное имя — Варфоломей).

Воронин Андрей, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Фамилия часто встречается среди казаков Тобольска и Томска. В Томск она пришла с Великого Устюга.

В 1707 году на реке Большой был убит Афанасий Воронин, возможно, родственник Андреею, который в 1748 году служил в Нижнекамчатске.

До 1691 года в Якутске служил семейный казак Ворона Васька, у которого был сын Стенька (1687 г. р.). «Новокрещен Васка Максимов Ворона в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

Воронов Иван Григорьев служил в третьей пятидесятне и погиб на Камчатке в 1705 г.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе Киприян Екимов сын Воронов» и «Служивой Левонтей Васильев сын Воронов сказал сороки трех лет холост».

Фамилия Воронин в спсках казаков Якутского полка нам не встретилась.Вероятно, она пришла все-таки из Тобольска или Томска.

Евлатьев Петр, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Скорее всего, Евлантьев Петр. У него в 1748 году был сын Михаил Петрович. С Петром Евлантьевым встречался Степан Крашенинников: «…от большерецкого жителя Петра Евлантьева он узнал о сильном там землетрясении, когда "между рекою Вилючиком и Авачинскою губою новую небольшую губу зделало"». И сам Крашенинников по рассказу Евлантьева добавлял: «А то место, где ныне губа зделалась, было луговою, и ягод клюквы и шикши там было довольно, на нем стояли два балагана, в которых иноземцы корм клали, которые во время большой воды (цунами. — *Ред.*) с землею унесло, и в бывших во оных балаганах двух иноземческих баб да одного парня утопило».

«15 апреля 1738 года Крашенинников отправил в Авачинскую губу солдата Петра Евлантьева начать там сбор различных зверей, птиц и рыб.

В инструкции С. П. Крашенинникова, врученной Евлантьеву, говорилось:

"1. Чтоб, приехав на Авачу, понуждал тамошних тойонов, дабы они каждой из своего острожка по одному или по два человека высылали для промыслу зверей, рыб, птиц к морю, а именно из зверей бобра, кота, сивуча и нерпы разных родов, из рыб касатки, капхажи и махваю, а из птиц савки, игылмы, ару, урилов и стариков.

2. Какие к нему принесены будут от иноземцов звери, птицы или рыбы, то б высылать ему оные ко мне нарочными посыльщиками, переменяя их от острожка до острожка, не вынимая из зверей и птиц ничего внутреннего, ежели погода студеная стоять будет, а буде тепло будет, то б дабы в превезении чрез сколько верст с зверей шерсть не опрела и рыбы и птицы не изгнили, снимать ему с зверей и птиц и рыб кожи и набивать мятою травою, как ему здесь в остроге показывано, и стараться, чтобы в превезении не измяты и не помочены были.

3. Чтоб каждого рода зверей присылал по два, дабы из одного скелет сделать, а другого бы кожу набить.

4. Буде в зверях и птицах между мужичками и жоночками есть какая разница, то б ему набивать каждого зверя и птицы по мужичку и по жоночке.

5. Чтоб заказал иноземцам о диких каменных баранах, дабы они понеже весною их не промышляют, осенью привезли ко мне в Большерецк каменного барана, не вынимая из него внутреннего.

6. Чтоб за зверей и птиц и рыб обещал он иноземцам выдачу китайского табаку, почему они, иноземцы, за какого зверя, рыбу и птицу похотят, которой им от меня послан или присланным от них ко мне в Большерецк поверенному иноземцу без задержания выдан будет.

7. Чтоб ему для вышеописанного дела жить на Аваче маия до 15 числа, а больше б отнюдь не медлить, а будучи там, обид и налог иноземцам никаких не чинить, под опасением, по силе е. и. в. указов, жестокого наказания".

Уже в начале мая от Евлантьева стали поступать первые трофеи из района Авачинской губы: два калана ("мужичок да жоночка"), три птицы — кайра, савка и урил. За это Крашенинников выслал всем ительменам, участвовавшим в охоте, табак. Такую награду, в частности, получил тойон Ауши, живший на северном берегу Авачинской губы.

Так начался сбор зоологических коллекций в Авачинской губе для столичной кунсткамеры» (Б.П. Полевой)

А вот как сам С. Крашенинников говорит об этом: «отправил от себя одного из определенных мне для россылок служивого Петра Евлантьева, дав ему письменную инструкцию, в которой написал, чтоб он привез в Большерецк с Островной и с Авачи рек ясашных иноземцов Тырылку и Игуру в немедленном времени, а будучи б в пути, ясашным иноземцам обид, налог и раззорения никакого не делал, под опасением по силе ее императорского величества жестокого наказания, также бы долгов с них иноземцов не брал и не сторговывал, потому что ясак с них иноземцов на 1738 год не збиран, и чтоб во всяком острожке, чрез которые поедет, объявлял ясашным иноземцам, ежели у них имеются зайцы, черные лисицы и соболи белые, то б оные привозили ко мне для продажи повольною ценою, а ежели ныне не имеются, а впредь им в промыслу попадут, таких бы зайцов, лисиц и соболей, не вынимая из них внутреннего, привозили ко мне для отсылки в ее императорского величества Кунсткамеру».

Как выяснилось, фамилия эта в Сибири была редкой — нет ни одного ее упоминания и в книге Д.Я. Резуна «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века», насчитывающая более 20 тысячи имен.

Келтякин Григорий, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Представитель второго поколения камчатских казаков. Его отец, по всей видимости, новокрещенный казак, так как келтяки — это род «собачьих» тунгусов, то есть тех тунгусов, кто вместо оленей передвигался на собаках. Гаврила Келтяка был в составе команды Данилы Анцыферова и погиб вместе с ним в 1712 году.

Котков Михаил, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Котковы — енисейские казаки.

Марк Котков был в числе первых енисейских казаков, которые пришли на Лену: «…ранен в брюхо да в левую руку в мышку да в левую ногу».

«Да в нынешнем во 159-м [1651] году присланы из Енисейсково острогу енисейские служилые люди з десятником с Федкою Елизарьевым сыном Казанцом 20 человек на перемену прежним енисейским же служилым людем десятнику Марчку Коткову с товарыщи»; «Десятник Марчко Котков в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог»; «Полуянко Яковлев сын Котков в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог».

В Охотском остроге в 1651–1652 гг. служил Котков Полуян, а в 1669 г. в Енисейске же — десятник Васка Полуянов сын Котков.

В 1651 году в Якутске рассматривалось «Судное дело о наказании Енисейского острога служилого человека Полуяна Яковлева Каткова и служилого человека Якутского острога Якова Иванова с. Тюри за ложный донос на банного и квасного откупщика Андрея Акинфиева с. Балакшина (о том, что тот торгует пивными и другими хмельными напитками)».

При этом Марк и Полуян Катковы (Котковы) в 1650 г. были уличены в том, что сами занимались торговлей табака.

Фамилия в Якутске не закрепилась и Михаил Котков, по всей видимости, прислан был на Камчатку из Енисейска.

Лепихин Михаил, казак — бит кнутом

Лепихин Михаил меньшой, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

«Лепа — уменьшительная форма имени Боголеп. Яков Борисов Лепихин — атаман верхотурских беломестных казаков, основатель Красноярской слободы, ярый поповедник раскола, в 1681 г. принял постриг в Далматовом монастыре и получил ионическое имя Боголеп (священники Боголеповы служили в Белоярской церкви — 1774 г., в Тамакульской и Мартыновской церквях -1858, 1869). Крестьяне Лепихины, поселившиеся в конце 17 в. в Пышминской слободе, были выходцами из Каргапольского уезда, с р. Ваги. Деревня Лепихина в Красноярской слободе» (А.Г.Мосин).

Вполне вероятно, что казаки Лепихины — это бывшие крестьяне Лепихины из тобольской деревни Лепихина.

Первым на Камчатке оказался Семен Лепихин, который в 1711 году входил в команду Данилы Анцыферова. В 1706 году в десятой пятидесятне служил в Якутске казак Лепихин Алексей Иванов сын. Младший Михаил Лепихин — это племянник Михаила старшего, есаула, участника карательной экспедиции А. Штинникова.

Другой его племянник — Фома Лепихин: «Да сверх вышеписанных 68 человек еще имеются з г-ном капитаном-командором Берингом на пакетботе “Св. Петре” в вояже, о которых в прежде посланном от меня при репорте списке не показано, а имянно: Академии наук адъюнкт Георг Вильгельм Штеллер, да с ним Большерецкого острога казачей сын Фома Лепихин, да взятой от Охоцкого правления капрал Фридрик Плениснер. Итого 3 человека».

Именно с Фомой Лепихиным Георг Стеллер совершил свой знаменитый шестичасовой вояж в Америку: «20 июля подошли к острову Каяк (Беринг назвал его островом Св. Ильи). На берег был послан “для сыскания гавани” Софрон Хитрово с командой из 15 человек. На другой шлюпке на остров был высажен натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. В течение шести часов Стеллер сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки.

Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путью. В ответ на нападки Стсллера он с горечью заметил:

«…Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще

далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит...» (А. Алексеев).

«Прелесник, прежний вор и еретик»

«О проклятом же Якушке Лепихине кто зде в Сибири не весть», — писал в 1696 году тобольский митрополит Игнатий Римский-Корсаков. Вплоть до недавнего времени скудные и противоречивые сведения об этом человеке, содержавшиеся в окружных посланиях сибирского владыки, являлись почти единственным источником для всех, кто обращался к ранней истории уральского раскола. И лишь изучение архивных документов позволило более или менее полно восстановить удивительную биографию Якова Лепихина.

Родился он в Чубаровской слободе Тобольского уезда в семье пашенного крестьянина Бориса Лепихина, жил в Киргинской слободе, а потом, вероятно, в Нижненицинской, где его отец стал служить дьячком при Никольской церкви. Во второй половине 60-х годов XVII века мы встречаем Якова Лепихина уже в должности подьячего судной избы в Пышминской Ощепковой слободе Верхотурского уезда.

Яков был женат, но рано овдовел. Митрополит Игнатий на основании каких-то слухов обвинял в смерти жены самого Лепихина. После этого он, по словам того же Игнатия, «поят вторую жену от рода нарицаемых Тырковых; от нея же и дщерь едину имеша».

Опираясь на помощь и поддержку новых родственников (клан верхотурских детей боярских Тырковых был весьма влиятелен), предприимчивый подьячий уже в 1668 году заводит на свои средства «кречатную ловлю», «прибрав» себе в помощники группу пышминских беломестных казаков. В конце 1669 года, стремясь расширить дело, он добивается у верхотурского воеводы разрешения основать на реке Пышме, на Красном Яру, собственную оброчную слободу и в январе 1670 года приступает к ее строительству, а в июне того же года подает челобитную с просьбой за свою службу быть у слободских беломестных казаков Верхотурского уезда атаманом. Просьба его была удовлетворена. Вскоре в Красноярскую слободу перебрались и братья Якова Лепихина, Петр и Андрей. Первый был поверстан в беломестные казаки, а второй продолжил заниматься ловлей кречетов.

В течение последующих лет крестьянский «садчик» и атаман верхотурских беломестных казаков Яков Борисов сын Лепихин отстраивает слободу и острог при ней, продолжает заниматься кречатьим промыслом, добывает камень для церковного строительства в Тобольске, несет со своими казаками военную службу, а также ведет бесконечные тяжбы из-за земель и угодий с крестьянами соседних слобод.

Тогда же происходит сближение Лепихина с братией Далматовского Успенского монастыря, где принял монашеский постриг его отец, носивший «во иноцех имя Боголеп». Далматовский монастырь являлся в то время одним из тайных центров урало-сибирского раскола. Именно в эти годы в его стенах неизвестным автором было написано знаменитое послание «О Антихристе и тайном царстве его», адресованное тюменским старообрядцам. В этом послании обосновывалась теория так называемого «духовного», или «мысленного», Антихриста. Как раз этих взглядов и будет придерживаться впоследствии в своих эсхатологических построениях бывший верхотурский атаман.

Одновременно Якову Лепихину, подобно апостолу Павлу, по роду своей деятельности и служебному положению приходилось заниматься преследованием тех людей, чьи идеи он будет позднее проповедовать сам. Так, летом 1678 года он отправляет к «розыску» в Верхотурье группу беломестных казаков и крестьян Красноярской слободы, поддавшихся старообрядческой агитации тюменца Ивана Пищалина. Самого проповедника после окончания следствия отправят под надзор в Верхотурский Николаевский монастырь, а одному из крестьян, Лариону Гордееву, за резкие слова в адрес царской персоны отрубят голову.

В конце 1678 года Яков Лепихин, являвшийся к тому времени приказчиком не только в Красноярской слободе, но и в Пышминской Ощепковой, был поверстан в верхотурские дети боярские. Последовавшие вслед за этим крушение карьеры нашего героя в результате сословной «чистки» 1678–1679 годов и принудительный перевод его в пашенные крестьяне Киргинской слободы Тобольского уезда превратили Якова в непримиримого борца за «старую веру» и организатора ряда массовых самосожжений.

Следует отметить, что еще со времен протеста в Утяцкой слободе Яков Лепихин был знаком со старцами Авраамием Венгерским и «Иванищем» Кодским. Но у них были разногласия по вопро-

сам о сущности Антихриста и допустимости самосожжений. Будучи, как уже говорилось, сторонником теории «духовного» Антихриста и ярым поборником «второго неоскверняемого огненного крещения», Лепихин активно занимался пропагандой своих идей среди местных крестьян и служилых людей.

Так, уже в 1682 году он оказался причастным к событиям в Утяцкой слободе, о которых рассказывалось выше (благодаря его агитации только из Красноярской слободы сюда бежало десять крестьянских семей). А через четыре года Яков Лепихин выступил организатором самосожжения на речке Юрмыч (левый приток Пышмы), на землях, относившихся к Киргинской слободе.

Вслед за первой Юрмыцкой «гарью» здесь же через несколько месяцев произошла вторая, в которой сгорело «человек с пятьдесят и болши з женами и з детми». Тогда же около 350 человек собрались «в раскольную пустыню… на Юрмыче же в инем месте и хотели сожечись». К ним «на разговор» были посланы из Тобольска ключарь Софийского собора Иван Васильев, сын боярский Афанасий Ушаков и один из подьячих, которые сумели убедить собравшихся разойтись по домам.

Судя по всему, как ко второй Юрмыцкой «гари», так и к этому «зборищу» также имел отношение Яков Лепихин. Был он, вероятно, причастен и еще к одному самосожжению, состоявшемуся в том же 1687 году в деревне Боровиковой (близ Куяровской слободы Тобольского уезда), в котором погибло около 150 человек. Кроме того, во время расследования обстоятельств «гари», состоявшейся 26 августа 1688 года в деревне Другановой на реке Пышме (в Тюменском уезде) — погибло более 200 человек — выяснилось, что и здесь побывал Яков Лепихин, но «за день… до горения ушел».

Эти события вызвали новый сыск Якова Лепихина и его «соединомысленников». В соответствии с грамотой тобольского митрополита Павла, посланной 3 декабря 1688 года верхотурскому воеводе, в слободы был отправлен с отрядом стрельцов сын боярский Михаил Бибиков. 18 декабря он привез из Красноярской слободы в город «братей родных» Якова Лепихина, Андрея и Петра, а также «детей ево, Андрюшкиных, Якушка и Митку». В своем «доезде» Бибиков сообщил: «…жены де их, Андрюшкина и Петрушкина, да с ними шестеро детей их сожглись, а их де, Андрюшку и Петрушку, и детей ево, Андрюшкиных, выняли они из огня ж. А

брата их, Якушка Лепихина, и Сенки Лотова в слободах нигде он, Михайло, не сыскал».

Укрываясь от преследований, Яков Лепихин оказывается в 1690-х годах на Ишиме, где к тому времени складывается новый центр зауральского старообрядчества. Учитывая шлейф самосожжений, который тянулся за Лепихиным, можно предполагать, что с его пребыванием здесь была связана еще одна «гарь», в которой погибло, если верить старообрядческому Синодику, 36 человек.

Последнее упоминание имени Лепихина содержится в описи дел Тобольской приказной палаты под 1697 годом: «Столп, а в нем дело Тоболского уезду Ишимской слободы расколников Якова Лепихина с товарыщи в расколе, за приписью дьяка Афанасья Герасимова». После этого след неукротимого идеолога «старой веры» и организатора массовых самосожжений теряется…

Лобанов Федор, казак, бит кнутом

Первым из Лобановых в Якутске прописался енисейский казак Ивашко Лобан из отряда атамана Ивана Галкина в 1633 году. В 1645 году еще один служилый человек Лобан Микитка был убит якутами во время их восстания.

В 1650 году впервые упоминается целовальник Пятой Иванов сын Лобанов.

Затем, по всей видимости, его брат Михаил Иванов сын Лобанов: *«В феврале 1667 г. последовало новое нападение ламутов на Зашиверский острог: “приступили ночью к острожку, и учали острожные стены и ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары». В схватке русским удалось убить трех ламутских ‘лучших людей’ и нападение было отбито.*

Летом того же года приказчик Зашиверского острога направил против ламутов отряд во главе с казаком Михаилом Лобановым (4 служилых и 50 юкагиров). Ламуты были погромлены и выдали аманатов”» (А. Зуев).

В 1696 году в первый поход Владимира Атласова на Камчатку отправился и казак Иван Лобанов. А это, возможно, уже информация о его сыне Дмитрии Ивановиче Лабанове (через «а»): «Десятая пятидесятня, в 1706 году на Ковыме ослеп и поверстан на его место якутский житель Иван Немиров». В 1691 году

вместе с Митькой Ивановым Лобановым (здесь через «о») служил Костька Лобанов.

О Федоре Лобанове мы знаем только то, что он был толмачем – то есть, по всей видимости, представителем второго поколения камчатских казаков.

Лукашевский Иван, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Лукашевский Михаил, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Лукашевские появляются в Красноярске в 1661 году: «Тое ж присылки ссылные ж люди Мишка Темецкий, Куземка Лукашевский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в Красноярской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках». Оклад 5 «рублев» — самый низкий в 1662 году среди красноярских казаков..

Первый из Лукашевских на Камчатке обозначился в 1719 году: «Между тем в Большерецке казак Лукашевский, узнав о смерти Харитонова, принял управление острогом и отправил в Охотск ясак».

Это был Максим Андреевич Лукашевский. А. Сгибнев сообщает: «Заказчик Алексей Шестаков по возвращении в Якутск подал объявление о дурных поступках бывшего правителя Максима Лукашевского». Но это не было правдой, наоборот, Максим Лукашевский подал в Якутскую канцелярию большую записку о делах в Камчатке, в том числе и о казачьих бунтах. Мы ее опубликовали выше.

«Между тем в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкциею Иван Новгородов и с ним пищик Мухоплев, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон. По прибытии их в Охотск, он принял в свое ведение судно и уже погрузил на него 7 августа некоторые вещи; но казачий голова Шестаков велел матросу Сметанину все сгрузить и переписать; а мореходам Мошкову, Треске и Бутину приказал не уходить в море до его распоряжения».

Но имени Максима в списке наказанных Розыскной канцелярией по делу о Харчинском бунте нет. В 1761 году он проходит по спискам как сын боярский 1 статьи.

Иван и Михаил, по всей видимости, его братья.

Марамыгин Андрей Никифорович (1693 г. р.), казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

В переписной книге Тобольска и Тобольского уезда за 1720 год мы встречаем имя — Иван Евдокимов Марамыгин. То есть исходная географическая точка появления этой фамилии на Камчатке определена. А затем ее получают камчадалы реки Воровской. Позже она исчезает.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые Андрей Никифоров сын Марамыгин двацети семи лет...».

Матвеев Петр, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.), затем повторно бит плетьми

Повторно бит: «за подмену хороших соболей в ясаке худыми наказан плетьми».

Первый Матвеев — человек с такой распространенной русской фамилией — появляется в Якутске с оригинальныи именем: Немчин Ганца. Это был стрелец из Тобольска, из числа бывших военнопленных, часть из которых стала Матвеевыми, часть — Немчиновыми, а часть — Ганцами или даже Анцами.

Вместе с ним в одном отряде прибыл из Тобольска и служилый Матвеев Федька, который в 1645 году угодил в тюрьму: «Его “посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися”, а в 1646 году он попытался пасадить туда других: “Явка тобольского служилого человека Федора Матвеева на служилых людей Максима Васильева Шамдура, Травину Федорова и Алексея Григорьева Рохмиста, угрожавших зарезать его ножом”».

Якутск, 1681 год, казаки Матвеев Мишка, новокрещеный казак (ж/о — женатый оклад) Матвеев Панка, казак (х/о — холостой оклад).

А это семейные якутские казаки с детьми: Матвеев Елфимка, (умерший) казак — сын Елеска (1672); Матвеев Ивашка, казак новокрещеный — сыновья Гаврилко (1672), Федька (1673)

Якутск, 1691 год: «Алешка Матвеев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Алешкино место казачей племянник Федоско Сергеев Вологда. Арсенейко Матвеев, Ивашко Елфимов Матвеевых в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 19 день приверстан в ево Ивашково место казачей сын Тимошка

Михайлов Даурцов. Оска Матвеев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Мишкино место казачей племянник Пашко Максимов Новиковых. Сенька Матвеев».

Петр Матвеев позже сотрудничал со Степаном Крашенинниковым: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов».

Вполне возможно, что искомый Матвеев был отмечен в 1720 году в Якутске: «Служивой Афонасья Шестакова набору Петр Афонасьев сын Матвеевых сказал дватцети шти лет холост». А это значит, что он прибыл в Якутск из какого-то другого города — а это мог быть любой город Сибири.

Новограбленой Матвей, казак, бит кнутом

Иркутский дворянин. Ясачный сборщик. О Новограбленых смотрите выше.

Попов Афанасий, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.), затем повторно бит батогами

Тобольский сын боярский Афанасий Петров Попов был прислан в Якутск в 7201 (1693) году.

А в 1703 году в Верхнем Камчадальском остроге умер его тезка – Афанасий Попов. Вполне возможно, что это был поверстанный в казаки бывший тобольский стрелец Офонька Попов, упоминание о котором мы находим в документах за 1696 год.

Настолько часто встречались это имя и, особенно, эта фамилия в сибирских городах и острогах.

Посников Василий, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Вполне возможно, что также, как и многие из уже перечисленных здесь людей, был камчатским казаком второго поколения: Алексей Посников был по определению камчатского приказчика Василия Колесова: «Из числа «воров и бунтовщиков, пущих в злому умыслу заводчиков и смертных убийцов».

И первый из якутских Посниковых был ссыльным преступником: «Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640]

году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову».

В 1681 году в Якутске служит «в женатом окладе» Гришка Посников.

В 1706 году Григорий служит во второй пятидесятне, а его сын Иван Григорьев Посников — в шестой.

В 1748 году в Большерецком остроге жили казачьи дети, братья Василий, Петр и Дмитрий Постниковы (Посниковы). Возможно, дети Василия.

Рубцов Андрей, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Фамилия встречается в документах за 1661 год: сообщение о тобольских пеших казаках Рубцовых: Гришке Онофриеве и Агафонке Меркурьеве (послан в Даурию в 7163 (1655) году).

Д.Я. Резун называет томского пешего казака Федора Левонтьева Рубцова (1642 г.)

Сургуцкий Семен, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

О Сургуцких выше.

Томилов Григорий, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

В 1696 году «по указу вел. госуд. и по грамоте велено быть в Тобольску в детех боярских Верхотурским детем боярским Федору да Ивану Томиловым».

Казаки Томиловы служили также в Тюмени и в Томске.

И в Якутске: «Иван Томилов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой острожек от иноземцов убит». В это же время в Якутске служит Сенька Томилов.

Данила и Дмитрий Томиловы входили в команду Данилы Анцыфорова.

Якутск, 1720 г.: «...в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока лет...» и «Служивой ево ж Афонасья [Шестакова] набору Алексей Борисов сын Томиловых сказал сороки лет».

Григорий Томилов был членом экипажа бота «Восточный Гавриил», который разбился возле устья реки Большой в 1730 году. В

1731 году принимал участие в карательной экспедиции против восставших камчадалов.

Поэтому вполне вероятно, что Григорий Томилов прибыл на Камчатку из Нерчинска. Так по переписи Нерчинска за 1721 год мы встречаем имя таможенного подъячего Василия Томилова (52 лет).

А по переписи 1744 года находим подтверждение тому, что это могло быть: из города Нерчинска «…взято на Камчатку Михаило Томилов…».

Трескин Лука, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

«…трудность сообщения Якутска с Камчаткою чрез Анадырск заставила местное начальство искать туда морского пути из Охотска. После нескольких бесполезных попыток удалось наконец в 1716 г. мореходу Треске с казаком Соколовым пройти на лодии из Охотска к камчатскому берегу (на лодии "Восток" Н.М. Треска и К. Соколов открыли морской путь вдоль берега из Охотска на Камчатку. В 1718–1719 гг. Треска входил в состав экспедиции, организованной М. П. Гагариным по указанию Петра I, так называемый "Большой Камчатский наряд". — *Ред.*)».

Опытные кораблестроители с необходимыми инструментами и снастями, включая компас, прибыли в Охотск осенью 1714 года. История сохранила для нас их имена: архангельские поморы Никифор Треска, Иван Бутин, Кондратий Мошков, Яков Невейцын, Кирилл Плоских, Варфоломей Федоров, Иван Каргопол и голландский матрос Андрей Буш. На морском берегу у Охотска устроили «плотбище», первую верфь. И 300 лет назад, в мае 1716 года, был готов первый в тихоокеанских водах настоящий русский корабль, получивший символическое имя — «Восток».

Казак Лука Трескин мог быть сыном архангелогородского мореходa Никифора Трески.

Мог быть и другой вариант — Трескины, например, служили в Енисейске: стрелец Трескин Ивашко Кирилов (1632 г.).

Усов Савва, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Вполне вероятно, что это был томский казак Усов Савка Левонтьев сын: «Отец чердынец и прислан в Томск по государевой грамоте, а он верстан, Савка, в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой». У него был брат казак Ивашко Левонтьев Усов.

Хотя немало казаков Усовых служило в Тобольске: Усов Яким, казак второго пешего полка (1704 г.); Усов Ивашка, казак первого

пешего полка (1704 г.); Усов Борис Иванов сын, казак первого пешего полка (1704 г.).

В 1680-х годах в Якутске служил казак Софронко Давыдов Усов и его брат «Кирилка Давыдов Усов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Кирилково место казачей племянник Микитка Микифоров Чертовских».

В 1748 году Сава Усов числился разночинцем Большерецкого острога.

Он стал родоначальником большой ветви камчатских казаков Усовых, которые впоследствии были приписаны к Петропавловскому порту.

Хмылевский Антон, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Павел Хмелевский (Хмылевский) был сыном боярским в Тобольске, бывший военнопленный.

Павел Хмелевский: в России в составе польского войска оказался около 1607 года. Служил Лжедмитрию II.

В 1612 году в звании ротмистра осажденного польского войска в Москве перебежал в лагерь Второго ополчения. Принял активное участие в освобождении Москвы от иностранных интервентов, командуя польским эскадроном, сражавшимся на стороне Минина и Пожарского.

Перешел из католичества в православие.

В 1614 году готовился бежать из Москвы. После обнаружения намерения со стороны царских властей, был сослан в Тобольск как государственный преступник.

В Сибири в 1622 году был назначен начальником Енисейска.

В 1625 и 1630 годах назначался царским ревизором в Мангазее.

В 1638 году был переведен в Томск, по дороге в который скончался.

Павлу Хмелевскому историк С. Бахрушин дает следующую характеристику: «Авантюрист, случайный сподвижник Пожарского и Минина, колодник, заброшенный в тобольскую тюрьму, администратор и ответственный исполнитель воеводских поручений, он в конце концов безвестно погубил свою полную приключений жизнь в Сибири. В нем было мало привлекательного. Заносчивый, несдержанный, дерзкий, он вызывал и страх и раздражение. Характерной чертою его была неуравновешен-

ность, граничившая с истерией: когда черкасы отгромили у него лошадей, он “было мало не зарезался”; приводимый к пытке, он начинал плакать; бывали у него порывы, бешенства, когда он в состоянии был ударить саблею своего человека, а потом, опомнившись, приказывать его лечить. Он был жесток; в его устах постоянно звучала угроза: повесить, посадить на кол, утопить; своих людей он “бил и увечил”, и они неоднократно подавали на него доносы, стремясь “избыть холопства”; когда в одном случае ему возвратили доносчика, наказав батогами, то “по Павле Хмелевском в том велено взяти поручную запись того Гришку не убить и не изувечить”. Несдержанный: в своих порывах, он не стеснялся в средствах достижения своих целей; в Сибири были “многие на него, Павла, челобитчики в насильствах”; у своего соотечественника тобольского служилого литовца Яна Кучи он отнял землю и сенные покосы, самого его бил так, что тот был “едва жив”; грабил и бил он и других тобольских служилых людей. Так же несдержан был он и в своих страстях. Его разврат, по свидетельству его духовного отца, превосходил всякие грани. При всем том этот необузданный, развращенный и жестокий человек благодаря своим способностям и знаниям занял выдающееся положение на своей новой родине».

Второй вариант происхождения этой камчатской фамилии связан с Тарой: «По твоему государеву указу, сыскав место, тебе, государю, служил, поставил острог в киргизской земле, в Ачинской волости, на реке Белом Июсе… А острожек, государь, со мною, холопом твоим, ставили из разных городов, всево 38 человек, тебе, государю, служили, лес на острог и на башни, и на избы носили на себе…» («Сибирский приказ» ф. 214).

Так, отписывал царю мелкопоместный смоленский дворянин Яковъ Остафьевич Тухачевский. (По некоторым изданиям его фамилия читалась как Тугачевский, а отчество указывалось Остапович).

Пожалуй, это первое упоминание о польской фамилии, связанное с г. Ачинском. Довольно грамотный для своего времени человек, разбирающийся в военном деле, имеющий твердый характер, Яков Остафьевич был послан в Сибирь во главе отряда за то, что в числе других возмущенных казаков, пришел в Москву и там стал «лаять» бояр за невыплату жалования. Время тогда было смутное, а Сибирь неисследована. Среди простых казаков, отправившихся с отрядом, встречаются польские

фамилии: Боянко Фарковский (из Табольска), Григорий Хмелевский, Михалко Островский и Федор Поляк (из Тары).

Черкашенин Онофрей, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Одна из самых распространенных фамилий в Сибири. Черкасы – это запорожские казаки, которые часто противостояли Москве в военное время в составе войск Речи Посполитой или ей изменяли (когда Правобережная Ураина вошла в состав Российского государства), почему черкасов, верстанных на казачью службу в Сибири или записанных в пашенные крестьяне было великое множество.

Самым известным был Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин, приказчик Анадырский и Камчатский, о котором мы рассказываем в своем месте.

В Якутске в 1720 году проживал: «Якуцкого города Иван Семенов сын Черкашенинов и ему девяносто лет был в пашне», а в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Черкашенинов Федор Иванович, возможно, сын Ивана Семеновича.

Возможно и Онофрей из этой семьи.

В 1812 году в Камчатском гарнизонном батальоне в Петропавловской роте майора Крупского служил рядовым Черкашенин Антип Иванович.

Чупров Петр, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

О Чупровых см. выше.

Чупров Петр занимал во властной иерархии Камчатки очень высокое место, которое удеживал довольно долгое время:

1723–1724 годы. Сын боярский Федор Иванович Шелковников. Назначен в качестве комиссара в 1723 г., прибыл в сентябре того же года. Обосновался в Нижнекамчатском остроге, приняв там дела у М. Нифонтьева. В Большерецкий острог на смену А. Попову отправил Ивана Федоровича Эверстова, в Верхнекамчатский на смену П. Баранова — Безсонова. Выезжая с Камчатки, оставил на приказе в Нижнекамчатске Елисея Долгополова, в Верхнекамчатске — М. Нифонтьева, в Большерецке — Петра Чупрова. Прибыл в Охотск 24 июня 1724 г.

1724–1725 годы. Сын боярский Андрей Жирков. Назначен комиссаром всех острогов в 1724 г. Ему в помощники определен сын боярский Афанасий Жирков, видимо, близкий родственник. Оба прибыли в октябре 1724 г., и вскоре Андрей скончал-

ся. Обязанности комиссара стал выполнять Афанасий Жирков. Последний при отбытии летом 1725 г. с Камчатки оставил заказчиками: в Нижнекамчатске — Артемия Кочетова, в Верхнекамчатске — П. Чупрова, в Большерецке — Василия Пашкова.

1725–1727 годы. Дворянин Степан Трифанов. Назначен в 1725 г. комиссаром. В «товарищи» (помощники) к нему был приставлен сын боярский Петр Осипович Корякин. Оба прибыли поздней осенью 1725 г. Известно, что после их отъезда в Нижнекамчатском остроге управлял Петр Бобров, а в Верхнекамчатском — П. Чупров.

Шарапов Семен, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

«Оставшийся у судна на р. Облукоминой служилый Шарапов с товарищами писал Эверстову о полученном им известии, что харюзовские и тигильские камчадалы убили посланных для проведывания до р. Сопочной 3-х челов. казаков и обещались идти по западному берегу на Большерецкий острог и на ясачных инородцев, живущих по край Пенжинского моря, а судно сжечь».

Фамилия, широко распространенная в Тобольске и Таре.

В 1696 году в пеших казаках служили в Тобольске Митька и Максимка Шараповы. В Таре Шараповы служили в атаманах и детях боярских.

В Якутске в 1761 году Шарапов Петр Никитин был сыном боярским 2-статьи.

Но, вполне возможно, что его фамилия Шарыпов: в 1706 году в четвертой пятидесятне служил якутский казак Никита Шарыпов (вполне возможно, что тобольчанин). А в пятнадлцатой пятидесятне — Шарыпов Петр Гордеев. В четвертой пятидесятне — Шарыпов Иван Семенов. Вполне вероятно, что все они были не местными уроженцами.

И, действительно, в Тобольске мы находим в переписи за 1710 год знакомое отчество — Василей Гордеев сын Шарыпов.

Штинников Андрей, иркутский казачий пятидесятник — повешен

«1735 году июня 30 дня по указу Ея И. В. в Большерецком остроге штап афицеры господа маэоры Василей Мерлин, Дмитрей Павлуцкой, слушав подлинного дела и учиненного экстракта, и допросных и пыточных речей, и очных ставок пятидесятника Андрея Штинникова и служилых людей Осипа Соловьева с товарыщи, приказали нижеследующее: пятидесятника Андрея Штинникова казнить смертию для того — в 732 году, будучи он в походах от Воровской и до Белоголовой и на Аваче реках, многих ясашных иноземцов служилым людем приказал колоть безвинно и без противности их, а иных иноземцов вызывал из юрты, которыя выходя принося в казну Ея И. В. ясак, а жен их и детей и пожитки брал и со служилыми людми разделил, и давал служилым людем за своею рукою владетелныя писма. А с роспросов и с пыток и с очных ставок он, Штинников, и служилыя люди в вышепоказанном иноземцов колотье во всем принесли повинную, а показанное иноземцов тиранство и раззоре- ние чинили и то де для своих прибытков, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Да он же Штинников, будучи в Курильской землице у збору ясаку, ясашного иноземца одного без всякой же противности сколоть приказал, которого и скололи. Да он же, Штинников, в 729 году, будучи в Курильской землице, без указу самовольно Авачи реки иноземцам тоену Созе Кокомнину с товарыщи иностранных апонских инозем- цов без всякой их противности пятнатцать человек велел на море побить, а пожитки, которыя у них были, взял он, Штинников, к себе.

А служилым людем, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж раззорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, водя по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарыщи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, роспустить на прежние жилища, а мужеск пол, которыя в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которыя платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Болшерецку в Приказную избу послать

с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В».

Впервые появляется на Камчатке в 1723 году: «В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников».

То есть Андрей Штинников был из «шестаковского набора».

Вполне возможно, что это было своего рода понижением по службе, так как «в 711-м году в Верзнеангарском и в Нижнем Подкаменном зимовьях побили тунгусы иркуцких служилых людей пятидесятника Андрея Штинникова с товарыщи да баргузинских служилых людей Алексея Пономарева с товарыщи, а побив их изменили, отшатились по сторонным рекам».

До Иркутска Штинников служил в Селенгинске: «В 203 году апреля… по памяти из Иркуцка столника князь Ивана Гагарина Демьяну Многогрешному, велено Селенгинского пешого пятидесятника Андрия Штинникова из Селенгинских окладных книг выписать, а он Андрей поверстан в пятидесятники ж по Иркуцку, а в его Андреево место верстать никого не велено. И в 203 же году апреля в 23 день, по памяти из Иркуцка столника Афанасья Савелова Демьяну Многогрешному, велено конных казаков десятника Ивана Новикова приверстать по Селенгинску ж в вышеписанной пешей пятидесятничей оклад Андрея Штинникова, а служить ему Ивану велено в прежнем своем конном десятничье окладе в семи рублех восми алтынах в двух денгах».

Андрей Штинников был представителем торгово-служилой корпорации, его родной брат, иркутский посадский, в 1688 году открыл свой мыловаренный завод: «В селенгинском гарнизоне служил в рядовых казаках, позже в пятидесятниках, Андрей Штинников — родной брат известного в 80-х гг. XVII в. иркутского предпринимателя и торговца, бывшего иркутского таможенного головы Ивана Штинникова».

И этот его «братик» тоже был жуликом…

1688 г. не ранее июня 13 —

Отписка полкового воеводы Ф. Головина Нерчинскому воеводе И. Власову о расследовании дела о похищении иркутским посадским человеком Иваном Штинниковым у бывшего его лавочного сидельца Анисима Фадеева приемной расписки и денег.

/л. 21/Господину Ивану Остафьевичю Федор Головин челом бьет. В нынешнем во 196 м году июня в 13 день бил челом великим Государем царем ивеликим князем Иоанну Алексеевичю Петру Алексеевичю ивеликой Государыне Благоверной царевне ивеликой княжне Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя росии Самодержцем вычекженин Анисимко Фадеев а в полку в розрядном шатре подал мне челобитную, а в челобитной ево написано в прошлом де во 195 году был он Анисимко в нерчинских острогах в лавошных сидельцах у Иркуцкого посацкого человека Ивашка Штинникова и прислал де он Ивашко Штинников из ыркуцкого в нерчинской прикащика своего Алешку Коршунова ивелел ему Алешки у него Анисимка товар ивсякой живот принять, а к нему Анисимку он ивашко Штинников писал своею рукою грамотку. И он де Анисимко по грамотке ево Ивашкины руки прикащику ево Алешке Коршунову в нерчинском всякого живота и товару отдал с роспискою на двести на тритцать на четыре рубли да крепости на двор и на лавки. И какова тавару и живота он Анисимко ему Алешке Коршунову отдавал и которою ценою и тому есть у него Алешки перечневая записная книга за ево Анисимковою рукою и иные росписи, а в том приеме он Алешка дал ему Анисимку на себя приемную росписку, а роспиську де писал по ево Алешкину веленью Павлова полку Грабова стрелец Ивашко Котельников а в место де ево Алеш[ки] к той росписки руку прикладывал нерчинской церковной староста Серешка Михайлов. И ту ево Анисимаву росписку, что он Алешка ему Анисимку в приемном животе и таваре дал в Ыркуцком у него Анисимка Ивашко Штинников ис сум из за печати ево Анисимковы с ыными писмеными крепостми /л. 22/ и с посыльными денгами вынял и ему де Анисимку с ним Ивашком Штинниковым считатца и отчет давать не почему. А ныне де он Алешка Коршунов и те де люди которые на него Алешку Коршунова росписку писали и руку прикладывали живут в нерчинском. Ивеликие Государи пожаловали б ево Анисимка велели Ивашкова прикащика Штинникова АлешкуКоршунова и которые люди на него росписку писали в том приемномном животе в нерчинску в приказной избе допросить и против того ево чело-

битья о допросе к тебе с ним Анисимком писать в нерчинской, и перечневую б книгу ево Анисимковы руки по которой книге он Анисимко ему Алешке Коршунову товар отдавал и цену товару ставил у него Алешки в лавках и на дворе обыскать и сыскав ту книгу и допросные речи ево Алешкины и тех людей которые росписку писали ируку прикладывавали взять к вершению к прежнему ево делу и к очным ставкам что с Ывашком Штинниковым ивелели б великие государиево Анисимка с сею отпискою в нерчинской отпустить и дать ему для справки поверстной срок, что б ему Анисимку от него Ивашка Штинникова не разоритца ив конец не погинуть. И по указу /л. 23/ великих Государей Царей ивеликих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие Государыни Благоверные царевны ивеликие княжны Софии Алексеевны всеа великия и малыя и белыя росии Самодержцев быть бы тебе господине против ево Анисимкова челобитья послать из приказной избы подьячего или кого пригож на двор к прикащику Ивашка Штинникова к Алешки Коршунову и велеть у него на дворе ив лавке той записной приемной книги за ево Анисимковою рукою обыскать и [которую] приемную роспись писали и руку прикладывали в приказной избе допросить и те допросные речи и естли сыщеца записная ево анисимкова заручная книга прислать ко мне с кем пригож и о том писать. А буде он ани[си]мко в чем на него Алешку будет бить челом великим Государем в Нерчинску о розыску против росписок ево Алешкиных в приемех хозяйского живота и ему Анисимку по указу великих Государей давать с ним Алешкою очные ставки и чинить розыск и потомуж писать ко мне и то подлинное розыскное дело к вершенью судного дела прислать. А с сею отпискою отпущен он Анисимко от меня ис полку на поверстной срок нынешняго 196 го год[а] июня с 23 го числа июля по 30 е числ[о] ивзята в том поручная запись.

На листе 21 об. надпись: Господину Ивану Остафьевичю 196 году июля в 20 день подал отписку торговый человек вычегжанин Анисимко Фадеев

РГАДА ф.1142, оп.1, д.43 л. 21 — 23.

Г. Леонтьева: «Одним из видов обработки животного сырья было мыловарение. …уже с начала 70-х гг. XVII в. оно стало удовлетворять потребности региона без ввоза из европейской части страны, находясь на стадии простого товарного производства с семейной кооперацией труда и наемным трудом. Образцом такого, даже более высокого уровня производства, может служить «мыльный завод», организованный в 80-х гг. в Иркутске селенгинским пешим казаком (позже пятидесятником) Андреем Штинниковым и его родным братом иркутским посадским человеком Иваном Штинниковым.

Мыловаренное производство Штинниковых было крупным для своего времени, скорее всего, близким к мануфактуре. Это подтверждается суммой ежегодно вкладываемых в предприятие средств (200 руб.), довольно высокой оценкой всего мыльного «завода», равной 476 руб. 52 коп. и, наконец, количеством изготовленного мыла. С 25 декабря 1682 г. по 1 октября 1685 г., т. е. за 2 года и 9 месяцев в мыльне было сварено более 380 косяков мыла.

В качестве специалиста-мыльника на «заводе» работал енисейский посадский человек опытный мыловар Иев Евтихеев по прозвищу

«Мыльник», с которым был заключен договор о совместном производстве мыла и распределении доходов от его продажи. Без сомнения, в мыловарне Штинниковых работал не один Иев Евтихеев. Помогал Иеву казачий сын И. Немиров, а также «человек» Штинниковых, которого Иев должен был обучать тонкостям мыловарения. Сам договор о совместном производстве мыла предусматривал «наймовать» из общих денег людей к «мыльной работе».

Производство мыловаренного «завода» Штинниковых было рассчитано на рынок. Пункты продажи мыла оговаривались уже в самом договоре. Среди них, кроме Иркутска, указывались Баргузин, Удинск, Селенгинск, Нерчинск, Албазин, торговля в которых осуществлялась поверенными Штинниковых – приказчиками и лавочными сидельцами, которые в 1683–1688 гг. ежегодно выручали от продажи мыла от 341 до 581 руб.

«Завод» просуществовал до конца 80-х гг. XVII в. С этого времени казачий пятидесятник Андрей Штинников и его компаньоны сосредоточили свои хозяйственные интересы на русско-китайском торге.

Участие в торговой деятельности за рубежом перечисленных служилых людей протекало в двух направлениях. Одни из них вели собственный торг. К таким можно отнести Максима и Алексея Бурдуковских, Андрея Штинникова, отчасти, Михаила Савватеева. В 1693 г. селенгинский пятидесятник А. Штинников, участвуя в караване детей боярских С. Молодого и А. Уварова,

вывез за рубеж 4000 беличьих шкурок, 2 пуда кости моржового зуба, 20 юфтей кож красных. Привезенные им в 1694 г. китайские товары оценивались в 450 руб. С этим товаром Штинников проследовал в Иркутск. Отсюда часть товаров была отправлена им с приказчиком И. Норицыным к «Русе». В 1697 г., побывав в Китае, А. Штинников снова вывез китайский товар, обменял его в Якутске на «мягкую рухлядь», с которой снова отправился в Китай.

...Если торговую операцию не удавалось совместить со служебной поездкой, то служилые могли ехать со своими товарами «собою». Теоретически такой вариант допускался, если служилый человек оставлял в гарнизоне на время своего отсутствия замену. Однако, такие поездки были редкостью. За два года (1694 и 1698 гг.) книги иркутской таможни, в которых отмечались предъявители китайских товаров, следовавшие из Нерчинска, зафиксировали только три таких поездки, в которых дважды участвовали родственники торговых людей – селенгинский пятидесятник А. Штинников и один раз - селенгинский пятидесятник Д. Торокановский».

Андрей Штинников отличался завидной жестокостью при подавлении восстания камчадалов в 1731 году: «...на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурыниным; а всех в походе было русских 50, да иноземцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Сопротивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих невооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления.

Пленных казаки разделили между собою, на каждого служилого досталось по три, по четыре человека, а командирам по шести. Платье убитых также разделено; кроме того досталось в добычу казакам много лисиц и соболей, из которых 50 штук соболей пожертвовали в камчатскую пустынь».

«В приговоре следственной комиссии по делу о восстании камчадалов Штинникову вменяется не только убийство японцев,

но и зверское истребление безоружных камчадалов. «Пятидесятника Андрея Штинникова -- гласит приговор -- казнить смертью для того: в 732 году, будучи в походах от Воровской до Белоголовой и на Аваче реках многих ясашных иноземцов служилым людям приказал колоть безвинно и без противности их, жен и детей охолопить... и пожитки брал и со служилыми людьми разделил».

в Большерецке «казнен смертью, повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников».

Штинниковы были также в Тобольске, Томске и в Енисейске (здесь Г. Миллер отмечал деревню Штинникова). В 1712 году на пути «в Камчатку» погиб у Каменного острога казак Василий Штинников.

Происхождение фамилии филологи связывают со словом шти – щи, суп из кислой капусты.

Возможно камчатские фамилии Штинниковы и Штильниковы имеют общее происхождение, если не общее родство.

Щеголев Василий, казак — бит кнутом (нет имени в приговоре 1735 г.)

Щеголев Василий Семенович, сын Семена Щеголева, верхнекамчатского казака, который входил в партию Константина Кыргызова, но не участвовавшего в грабеже жителей Нижнекамчатского острога. Кроме Камчатки, эта фамилия встречается в Томске, откуда, по всей видимости, и был «прибран» казачий сын.

* * *

А.С. Сгибнев уточняет в своем «Очерке главнейших событий...» некоторые формулировки приговора:

> *«По Высочайшей комфирмации* (утверждению. — *Ред.*) *повешены два прикащика: Новгородов и Шехурдин за неправильные поборы и пятидесятник Штинников за убийство японцев. Кроме того, для обуздания и в страх, повешены в каждом остроге по два камчадала из числа главнейших виновников.*
>
> *По приговору же Мерлина и Павлуцкого апреля 17-го 1735 года наказаны: сборщики Скрябин, Рюмин и Мухоплев, за взятки и неправильные поборы биты на площади кнутом нещадно. Сборщик Новограбленный за поборы для себя и закащика Пашкова, который волею Божью умер, — бит батожьем нещадно. Целовальники Кирков и Власов за промен вина на соболей биты кнутом на площади. Служилый Матвеев за подмену хороших собо-*

лей в ясаке худыми наказан плетьми. Служилый Попов за сбор для команды юколы без приказу командирского бит батожьем».

«Кроме того, в ходе следствия Мерлин конфисковал всю пушнину и прочее имущество, незаконно приобретенные казаками. Однако вопреки обещанию правительства вернуть все награбленное пострадавшим ительменам, пушнина была записана в казну. Последнее наглядно свидетельствует, какой аспект более всего волновал "всемилостивейшую" императрицу и ее правительство в отношениях с аборигенами — пополнение государственной казны.

В 1738 г. Мерлину и Павлуцкому вновь пришлось проводить расследование о притеснениях ительменов, на этот раз камчатским управителем подпоручиком Максимом Латышевым и ясачным сборщиком Аргуновым, которые в 1737 г. были посланы на Камчатку охотским командиром Скорняковым-Писаревым. Латышев и Аргунов в сопровождении 29 казаков разъезжали по полуострову и брали с ительменов взятки и чащины. По приговору Розыскной канцелярии они были биты кнутом, а их подручники, служилый Карпов и толмач Агатов, отправлены в каторжные работы в Охотск».

ПОИМЕННЫЙ СПИСОК УЧАСТНИКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА КАМЧАТКЕ И В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

А

Абалаков (Аболаков) [Енисейск (1688); Верхнекамчатский острог (1712): Якутский полк – Охотск (1739)] т. 1, с. 396, 495, 507, 508, 913, 916

Абашев [Тверь (1540); Камчатка (1854)]

Аббакумовы (Аввакумовы, Обакумовы) [Тобольск–Якутск (1642); Якутск (1654); Нижнекамчатский острог (1710)] т. 1, с. 22, 395, 401, 482, 498–499

Абрафиков [Камчатка (1854)]

Абресков [Камчатка (1854)]

Абросимов [Сибирь (1585)] т. 1, с. 518

Аврамов (Абрамов) [Якутск (1681), Якутск – Камчатка (1706)] т. 1, с. 90, 275, 336, 396, 427, 487, 488, 556, 626, 722, 791; т. 2, с. 239, 365–366, 389, 450, 571–572, 689, 704, 773–774

Авдеев [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 927; т. 2, с. 24, 52, 609

Авдюков [Оренбург (1771); Камчатка (1854)]

Авечкин [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]

Агафонов [Якутск (1681)], т. 2, с. 574

Агеев [Якутск (1681); Камчатка (1854)]

Ажаментов [Камчатка (1854)]

Азаров [Охотск (1739)]

Аксаментов [Охотск; Камчатка (1854)]

Аксенов

Албазинский [Камчатка (1692), (1696)]

Албышев (Албычев) [Пелым (1618); Камчатка (1729)] т. 1, с. 720–721; т. 2, с. с. 238, 286, 313

Александровы [Тобольск (1683); Камчатка (1854)] т. 1, с. 229–230, 481, 516, 520, 523, 530, 533, 536, 560, 663, 769–772, 794, 802, 812, 821, 828, 833, 834, 836, 842; т. 2, с. 34, 107–114, 134, 139, 141, 143, 159, 200, 387, 730, 799, 858

Александровых (Пещера) [Якутск (1706); Камчатка (1696)] т. 1, с. 208, 229, 368, 370, 390, 496, 497

Алексеевы (Олексеевы) [Березов (1623); Томск–Енисейск (1625) – Якутск(1650); Нерчинск (1685); Якутский полк – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1748); Иркутская Губерния Верхнеудинская волость – Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 24, 35, 93, 225, 230, 288, 339, 348, 456, 473, 624, 627, 630, 631, 639, 642, 647, 665, 666, 680, 705, 791, 841; т. 2, с. 52, 54, 61, 141, 160, 191, 199, 240, 317–318, 357, 367, 386, 513, 542, 568, 805

Алексеевские [Камчатка (1854)]

Алин [Тобольск (1710; Камчатка (1776)]

Алферов [Великий Устюг – Тобольск (1689); Камчатка (1854)] т. 2, с. 614

Алферовский

Амосов [Томск (1626) – Якутск (1645; Камчатка (1730); Якутский полк – Охотск (1739)] т. 1, с. 85, 106, 111, 112, 115, 118, 174, 253, 254, 757; т. 2, с. 201, 355, 356, 385, 437–438, 441, 477, 496, 518, 526, 631, 652, 683, 792–793

Андреевы (Ондреевы) [Пелым (1618); Томск (1626); Якутск (1645); Нерчинск (1685); Камчатка (1712); Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 19, 68, 144, 319, 423, 473, 591, 613, 621, 622, 632, 637, 662, 663, 666, 670, 721, 722, 791; т. 2, с. 158, 322, 415

Андреяновы [Охотск — Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)]

Аникины [Камчатка (1854)]

Анисимовы (Анисимовых) [Томск (1626); Нерчинск (1685); Иркутск – Камчатка (1722); Иркутск – Якутск (1722); Сибирь – Охотск (1739); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 444; т. 2, с. 540, 667.

Анкудиновы (Онкудиновы) [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Камчатка (1711); [Якутск (1646); Тюмень – Тобольск (1689); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 134, 364, 377, 395, 403, 454–457, 479; т. 2, с. 110, 682–684

Антипин (Антипов) [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 110, 145, 743, 926, т. 2, с. 389, 460–461, 465, 495, 545, 572, 652, 671, 684, 809

Антоновы (Онтоновы) [Тобольск (1598); Томск (1626); Якутск (1645); Енисейск – рр. Шилка–Нерча (1652); Камчатка (1747); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 161, 199, 518, 521–523, 605, 665, 680, 707, 791, 965; т. 2, с. 80, 109, 161, 175, 276, 392,

Антроповы [Камчатка (1703); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1854)] т. 1, с. 278–279, 518

Ануров [Камчатка (1854)]

Ануфриев [Псков – Камчатка (1854)]

Анучин [Камчатка (1854)]

Анцыны [Тобольск (1620); Нерчинск–Камчатка (1744)] т. 1, с. 791, 799; т. 2, 583–584

Анцыферов (Анцифоров) [Енисейск (1638); Томск (1680) – Камчатка (1706)] т. 1, с. 314; т. 2, с. 193, 485, 487, 489, 494, 606, 684, 703, 735, 761, 774, 788, 799, 848, 870, 871.

Анчуков [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]

Аньков [Томск (1703); Камчатка (1854)]

Арбузов [(с. Борки Холмского уезда Псковской губ – Камчатка (1854)]

Аргуновы [Сибирь (1595); Березов (1604), Томск (1619); Якутск (1639); Камчатка (1704)] т. 1, с. 32, 112, 231, 254, 271, 295, 302, 310, 345, 429, 519, 680, 686–696, 699, 706, 729, 737, 738, 741–743, 754, 763, 930; т. 2, с. 63–64, 300, 329, 494, 496, 500, 503, 513, 750, 764, 777, 846, 878, 892

Арзомас (Арзамас, Арзамасов) [Красноярск (1662); Якутск (1681); Камчат-

ка (1751)], т. 2, с. 778
Арефьевы (Орефьевы) [Березов (1623); Якутск (1659); Тобольск (1681); Нерчинск (1685); Томск (1703); Камчатка (1745); Камчатка] т. 1, с. 175, 629, 680; т. 2, с. 120, 384, 388, 568–571
Аритландер [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Аркашев [Томск (1604); Томск – Камчатка (1766); Камчатка (1750)]
Арменеев [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 458
Арновцев [Камчатка (1748)]
Артамонов (Артемонов) [Томск (1648); Тобольск (1661); Красноярск (1662)] т. 1, с. 745, 746
Артемьев (Артемьевых) [Якутск (1640); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 144–145, 225, 723, 792; т. 2, с. 24, 52, 369, 544, 574, 585
Архипов [Красноярск (1657); Якутск (1661); Нерчинск (1685); Камчатка (1854)] т. 1, с. 329, 521, 541, 572, 600, 603, 640, 645, 653; т. 2, с. 24, 29, 104, 134, 138, 147, 388, 571, 575, 808
Аршинский [Сибирь (1598); Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1722), (1744)] т. 1, с. 74, 438, 520–522, 530, 533, 534–536, 582, 775–778; т. 2, с. 216, 240, 319, 436, 443, 585–586, 604, 642, 716, 745, 787
Асамалов [Сибирский гарнизон – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]
Асанов [Томск (1626); Камчатка (1854)]
Асламов (Осламов, Асланов) [Томск (1680); Камчатка (1731); Камчатка – Русская Америка (1773)], т. 2, с. 764
Аснашев [Камчатка (1854)]
Астафьев (Остафьев, Евстафьев) [Тобольск (1700); Камчатка (1748); Камчатка (1771)] т. 1, с. 191–192, 280, 544, 792, 947–948, 963; т. 2, с. 317, 647–650, 725, 853
Атаманов [Якутск – Анадырь (1710)] т. 1, с. 385, 891; т. 2, с. 520, 525
Атласовы [Соликамск (1651) – Якутск (1651) – Камчатка (1696), (1745)]
Афанасьевы (Офанасьевы) [Томск (1626); Якутск (1649); Илимск (1656); Енисейск (1682); Нерчинск (1685); Камчатка (1854)] т. 1, с. 26, 45, 116, 225, 567, 773, 792, 869; т. 2, с. 52, 76, 222, 304, 454
Ашаев [Якутский полк – Охотск (1739)]
Ащепков (см. Ощепков)

Б

Бабарыкин (Бобарыкин, Баборыкин) [Березов (1593) – Томск (1604) – Якутск (1706) – Камчатка (1711); Охотск (1739); Камчатка – Русская Америка (1773)] т. 1, с. 74, 403, 458, 680, 696–697, 727
Бабовской [Охотск (1739)]
Бабыкин [Тара; Камчатка (1854)]
Багаев [Донское казачье войско; Камчатка (1854)]
Баганцев
Багуев [Якутск (1706); Камчатка (1731)] т. 2, с. 740–741
Баданин [Якутск (1706)] т. 1. с. 724
Бадлин (см. Балин) [Тобольск – Якутск – Камчатка (1706)] т. 1, с. 395, 397, 476–477, 543–544
Баев [Якутск (1648) – Камчатка (1730)], т. 1, с. 922; т. 2, с. 650
Баженовы [Илимск (1654); Братск (1669); Томск (1680); Албазин (1686); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Яренск – Камчатка (1777)] т. 1, с. 294, 792; т. 2, с. 495, 499, 668
Базанов [Камчатка (1854)] т. 2, с. 524
Базлуков [Камчатка (1730)] т. 2, с. 652, 684
Байбородин [Тюмень (1680); Камчатка (1753)] т. 1, с. 521
Байбородов [Камчатка (1750)]
Байкалов (Байкаловский, Байколовский) [Енисейск (1627); Тобольск (1661); Красноярск (1671); Илимск (1677); Тюмень – Томск (1680); Якутск (1701); Томск (1700); Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 488, 508–509, 546; т. 2, с. 733, 757
Байков [Тобольск – Дауры (1755); Камчатка (1854)] т. 1, с. 593, 702; т. 2, с. 280, 332
Бакланов [Илимск (1656); Томск (1680); Камчатка (1854)] т. 1, с. 792
Бакшеев [Албазин (1686) – Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 16, 42, 81, 134, 139, 189–190, 342–344, 438, 445–446; т. 2, с. 205, 207–208, 215–222, 586
Балаконов [Якутск – Камчатка (1725)] т. 1, с. 547, 955; т. 2, с. с/ 730–731
Балакшин (Балаксин) [Якутск (1651); Иркутск – Камчатка (1777), Камчатка (1854)] т. 2, с. 231, 870
Балалаев [Тотьма – Камчатка (1752)]
Баландин [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1682) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 478, 482, 545, 621, 639; т. 2, с. 107, 133, 517
Балдаковы [Киренск (1677); Якутск (1706) – Камчатка (1712); Камчатка (1854)] т. 1, с. 500, 501, 895
Балин [Тобольск (1623) – Якутск – Камчатка (1706); Иркутск (1699) – Камчатка (1746)] т. 1, с. 399, 477, 543–544, 620
Балушкин (Балушин) [Якутск (1688); Киренск – Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 132, 137–140, 146, 161, 180–182, 188, 211, 305; т. 2, с. 222, 462–463
Балышев [Камчатка (1854)]
Бангачев
Банников [Тобольск (1623); Камчатка (1854)]
Барабанщиков [Якутск (1661); Тобольск (1689); Нерчинск (1685); Албазин (1686); Илимск (1699); Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 332; т. 2, с. 131, 512
Баранниковы [Илимск (1641); Якутск (1645); Тобольск (1700); Камчатка (1732); Камчатка (1854)] т. 2, с. 547, 864–865
Баранов [Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1723)] т. 1, с. 455, 628, 943, 955–956; т. 2, с. 107, 120, 215, 497, 614, 883
Барашков (Барашкин) [Енисейск (1669); Иркутск (1688); Тобольск (1700); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 332, 398–400, 404, 440; т. 2, с. 505
Барашнаев [Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 332
Баркин [Камчатка (1854)]
Бармин [Тобольск (1696); Камчатка (1854)] т. 2, с. 522
Барнашев [Тобольск – Камчатка (1758); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Бархович [Камчатка (1854)]
Барцов [Камчатка (1748)]
Баршин [Камчатка (1854)]
Баршуков (Баршувов) [Якутск – Камчатка (1711)] т . 1. с. 443–444
Басила [Якутск – Камчатка (1710)], т. 1, с. 401, 500
Басенев [Охотск – Камчатка (1771)]
Басин [Тобольск (1710); Камчатка (1767)] т. 1, с. 334; т. 2, с. 550, 829
Басов [Тобольск – Камчатка (1730)] т. 1, с. 567, т. 2, с. 686, 692, 756, 795, 859
Бастоев
Баталов [Камчатка (1854)]
Батарин
Баташков (Баташнов) [Великий Устюг – Тобольск – Томск (1630); Якутск – Камчатка (1703)] т. 1, с. 274–275, 679,
Батраков [Камчатка (1854)]
Батуев [Камчатка (1854)]
Батурин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Бахов [Великий Устюг – Камчатка (1747)]
Бахтин [Березов (1623)] т. 1, с. 680
Бачинины [Тобольск (1683); Камчатка (1812)]
Баширов [Камчатка (1854)]
Башкаков [Камчатка (1854)]
Башмаков [Томск (1630); Якутск – Камчатка (1711); Архангельск – Камчатка (1753)] т. 1, с. 398, 403, 406–407, 444, 458
Баянов [Камчатка (1854)]
Бедарев (Бодорев) [Тобольск – Якутск (1639); Кузнецк (1641); Якутск – Камчатка (1712)] т. 1, с. 793; т. 2, с. 8, 11, 13, 91, 745
Бедрин [Сибирь – Охотск (1739)] т. 1, с. 741
Безгачев [Камчатка (1854)]
Безменов [Сибирь – Охотск (1739)]
Безсонов (Бессонов) [Тобольск (1661); Вычегда – Томск (1680); Братск (1696); Якутск (1641); Якутск – Камчатка (1723)] т. 1, с. 438, 452, 599, 619, 655, 943, 956; т. 2, с. 103, 133, 140, 497, 613, 756, 883
Безшкурной [Камчатка (1854)]
Бекеров (Бекирев) [Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)]
Бекетов [Енисейск (1625); Албазин (1685); Якутск (1681); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка – Русская Америка (1773)], т. 1, с. 324, 325, 345, 348, 350, 395, 397, 399, 403, 458–459, 475, 478, 481, 537–539, 558, 892, 899
Белков [Тобольск (1696); Камчатка (1731)] т. 2, с. 502, 773
Белобородов [Якутск (1661); Тара (1689); Енисейск (1684) – Иркутск (1688); Томск (1703); Тобольск (1696); Якутск (1706) – Камчатка (1708); Камчатка (1854)] т. 2, с. 518, 660–662
Белов [Якутск – Камчатка (1707)]
Белой (Белый) [Томск (1680); Якутск (1654); Якутск – Камчатка (1711), Охотск (1739)] т. 1. с. 395, 482; т. 2, с. 624
Белоголовых (Белоголов, Белоголовов) [Тобольск (1623); Томск (1626); Камчатка (1854)]
Белогородов
Белозеров [Камчатка (1854)]
Белокопытов [Енисейск (1632) – Якутск (1650); Албазин (1685); Иркутск (1688); Нерчинск (1719); Камчатка (1854)] т. 2, с. 576
Белокуров [Верхотурье – Иркутск (1699); Камчатка (1854)]
Беломестный [Албазин (1685); Нерчинск (1699); Камчатка (1854)]
Беломоев (Беломоин) [Тобольск (1623); Илимск (1696); Якутск (1706) – Камчатка; Камчатка (1854)]
Белоногов (Белоногой) [Тобольск (1623); Камчатка (1854)] т. 2, с. 516, 667, 671
Белоусовы [Великий Устюг – Томск (1643); Якутск (1647); Тюмень (1680); Иркутск (1699); Камчатка (1854)] т. 1, с. 626, 632, 664, 728, 754–755, 763, 822; т. 2, с. 351, 352.
Белохвостов [Камчатка (1854)]
Белошейкин [Камчатка (1854)]
Белых [Иркутская губерния Верхнеудинская волость – Камчатка (1854)] т. 2, с. 559
Бельский [Ангара (1701)] т. 1, с. 246, 340, 413
Бельтюгов [Камчатка (1854)]
Бельянинов [Иркутск – Камчатка (1722)] т. 2, с. 540
Беляевы [Енисейск (1632); Тобольск (1689); Тобольск – Якутск – Камчатка (1703); Тюмень – Томск (1680); Чебоксары – Томск (1647); Туринск – Иркутск (1699); Вологда; Якутск (1656); Охотск (1739); Якутск – Камчатка (1761); Охотск – Камчатка (1771); Санкт-Петербург; Камчатка (1854)] т. 1, с. 35, 203, 279–280, 298, 318, 323–324, 359, 361, 370–371, 377, 397, 399, 403, 405, 406–407, 444, 458, 469, 477–478, 722, 793; т. 2, с. 498, 521, 557, 634, 659, 711, 756, 778
Бем [Ливония – Камчатка (1773)]
Беньевский (Бениовский, Бенейх, Бейпоск) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Бердников (Берденников) [Иркутск – Селенгинск (1688); Иркутск–Якутск (1722)] т. 2, с. 552
Березин [Тобольск (1661); Волуйки – Томск (1680); Якутск – Камчатка (1711); Якутский полк – Охотск (1739)] т. 1, с. 332, 398–399, 403, 404, 406, 440, 444, 459; т. 2, с. 533, 537
Березкин (Берескин) [Волуйки – Томск (1680); Камчатка (1732)] т. 1, с. 415, т. 2, 684, 793–794
Березовский [Тобольск (1586); Березов (1593) – Томск (1604); Тобольск (1624); Енисейск (1620); Якутск (1650); Амур (1655); Кузнецк (1661); Польша – Москва – Томск (1680); Селенгинск (1695); Илимск (1696); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 25, 136, 793–794, 931
Береснев [Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Беринг [г. Хорсенс, Дания – Камчатка (1727), (1785)]
Берх [Москва – Камчатка (1803)]
Бесков [Якутский полк – Охотск (1739)] т. 2, с. 711
Бетев [Камчатка (1854)]
Бетхе [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Бечевин (Бичевин) [Иркутск (1697); Иркутск – Якутск (1722); Иркутск – Камчатка (1758)], т. 2, с. 552–555
Бибиковы [Якутск (1680); Албазин (1686)] т. 1, с. 503, т. 2, с. 232, 453, 806, 875
Бизин [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]
Бикмухаметьев [Камчатка (1854)]
Биллингс [Лондон (Тотхэмрон) – Камчатка (1787)]
Бирюков [Камчатка (1854)]
Бирючевский (Бирютчкий) [Албазин (1681); Великий

Устюг – Камчатка (1766)]
Благовидов
Блинов [Красноярск (1662); Камчатка (1854)]
Блохин [Якутск (1642)], т. 2, с. 146, 154, 527
Бобов [Тобольск (1623); Камчатка (1726)], т. 2, с. 756
Бобров (Бобровых) [Тобольск (1661); Якутск (1681); Иркутск (1688); Нерчинск (1685); Якутск (1706) – Камчатка (1707)] т. 1. с. 254, 325, 352–353, 594, 946, 956–957; т. 2, с. 526, 884
Бобровников [Вологда – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Бобровские [Речь Посполитая – Тобольск (1661) – Якутск (1693); Якутск (1674); Якутск – Камчатка (1720)] т. 1, с. 113, 303, 353, 551, 552, 596, 794, 837, 933–936, 939–941, 956; т. 2, с. 494, 496, 504, 631, 725, 754, 764
Бобряков (Бобриков)
Бобякин [Камчатка (1720)], т. 1, с. 905
Богачев
Богданов [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1654); Псковская губерния – Камчатка (1854)] т. 1. с. 590, 648, 680, 795, 806; т. 2, с. 22, 107, 142, 597
Богомолов [Якутск (1668); Камчатка (1731); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 151, 795; т. 2, с. 231–232, 507, 775–776
Бодрых [Камчатка (1854)]
Бойков [Камчатка (1854)]
Болезин [Камчатка (1854)]
Бологов [Тобольск (1623); Камчатка (1731); Камчатка (1854)], т. 2, с. 740–742, 748–749
Болотов [Енисейск (1669); Тара (1672); Тобольск (1689); Якутск (1693); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1748); Камчатка (1854)] т. 1, с. 680, 795; т. 2, с. 614, 741–742, 748
Болтин (Оболтины) [Березов (1593); Тобольск (1653); Камчатка (?)] т. 1, с. 653, 680; т. 2, с. 147, 438
Большаков [Енисейск (1669); Тара (1689); Иркутск (1697); Якутск (1690) – Камчатка (1711); Иркутск – Камчатка (1783)] т. 1, с. 399, 403, 404, 407
Бомбас [Камчатка (1854)]
Борисов [Тобольск (1661); Томск (1626); Енисейск (1632); Якутск (1645); Камчатка (1732); Сибирский гарнизон – Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 87, 106, 112, 125, 423–425, 456, 552, 636, 644, 645, 652, 680, 697, 700, 717, 720, 722, 786, 789, 791, 795–796, 814, 945, 957–958; т. 2, с. 11, 129, 138, 147, 167, 497, 501, 512, 614, 624, 750, 788, 790, 824–826, 847, 864
Бормотов [Якутск (1720); Охотск – Камчатка (1771)], т. 2, с. 513, 526
Боровиков [Камчатка (1854)]
Бородин [Енисейск (1669); Тобольск (1693); Якутск (1706); Камчатка (1854)] т. 1, с. 518, 796; т. 2, с. 614
Бороздин [Камчатка (1854)]
Босемщиков [Охотск (1739)]
Боуман [Камчатка (1854)]
Бочаров [Дон – Якутск (1686); Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 697, 797
Бочкарев (Бочкарь) [Якутск (1647); Великий Устюг – Камчатка (1766); Якутск (1706); Камчатка (1730); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732); Якутск–Камчатка (1758)] т. 1, с. 449, 570, 636, 670, 790, 797, 867, 968; т. 2, 128, 166, 243, 652, 682, 685, 846
Бояринцов [Камчатка (1854)]
Бояркин (Боярщин) [Якутск (1645); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка] т. 1, с. 421; т. 2, с. 83,
Брагин [Березов (1623); Тобольск (1623); Енисейск (1638); Кузнецк (1641); Якутск (1661); Илимск (1696); Сургут – Томск (1680); Якутск (1706) – Камчатка (1748); Тотьма – Камчатка(1765); Тотьма – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 494, 654, 680; т. 2, с. 60, 148
Браленикова
Брацкой [Якутск (1706) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 75, 403, 459, 723, 900
Брекаловский (Брикаловский)
Бреховы [Тобольск (1689); Якутск (1681); Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 254, 797; т. 2, с. 660–661, 741
Бречалов [Вага – Иркутск (1729); Камчатка (1747); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 671,
Бродников [Камчатка (1854)]
Бронник (Бронников) [Тобольск (1623), Якутск (1650); Енисейск (1669); Якутск – Камчатка (1696, 1700); Тобольск – Якутск – Камчатка (1706); Нерчинск (1719), Иркутск (1722)] т. 1 с. 90–92, 145, 218–221, 227, 230, 267, 268, 278, 280–281, 283, 376, 403, 459, 569–570, 636, 670, 791, 797; т. 2, с. 128, 166, 243
Брусенин (Брусенкин) [Енисейск (1632); Якутск (1641); Камчатка (1752)] т. 1, с. 119, 126–127, 135, 194, 199, 631, 658, 714, 722, 859; т. 2, с. 41, 123, 154, 204, 457, 495, 520, 599
Брызгалов [Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 419,
Брюханов [Камчатка (1854)]
Брянский
Бубенной (Бубен) [Томск (1626); Нижний Новгород – Томск (1680); Вага – Томск (1680); Москва – Томск (1680); Камчатка (1731)] т. 1, с. 797; т. 2, с. 398, 742
Будаков
Буевых [Камчатка (1854)]
Бузлаков
Буйлов [Камчатка (1778)]
Булатников [Камчатка (1748)]
Булатов [Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Якутск (1706); Великий Устюг – Камчатка (1758)], т. 2, с. 513
Булдаков [Енисейск (1640); Якутск (1646); Тобольск (1661); Камчатка (1718)] т. 1, с. 16, 40–41, 231, 314–316, 341, 378, 591, 594, 597, 614, 617, 625, 641, 730, 806, 924–925, 934, 968; т. 2, с. 116, 135, 303–304
Булдырев [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1854)]
Булыхтин [Камчатка (1854)]
Булычев [Камчатка (1854)]
Булюкин
Бураков [Тобольск (1689); Камчатка (1783)], т. 2, с. 423
Буренин [Вологда – Камчатка (1758)]
Бурков [Охотск (1739)]
Бурлаков [Якутск (1650);

Камчатка (1854)] т. 1, с. 637; т. 2, с. 130, 614
Бурмакин [Камчатка (1854)]
Бурнаев [Камчатка (1854)]
Бурнатов [Охотск – Камчатка (1771)], т. 2, с. 539
Бурнашевы [Тобольск (1623); Томск (1626); Яренск (1678); Томск (1700)] т. 1, с. 68, 298, 746, 755; т. 2, с. 335, 352–353, 524
Бурнин (Бурин, Буркин) [Камчатка (1748)]
Бурня [Камчатка (1696)] т. 1. с. 220; т. 2, с. 539
Бурой (Буров) [Тобольск – Якутск (1706) – Камчатка (1706)] т. 1, с. 314, 316, 396, 401, 488, 546
Бурцов (Бурцев) [Тобольск (1661); Москва – Иркутск (1683); Камчатка (1725)] т. 1, с. 795, 935, 946, 958
Бутаков [Якутск (1654); Илимск (1696); Иркутск (1684); Камчатка (1812)] т. 1, с. 411; т. 2, 190, 426, 795
Бутин [Аргангельск – Камчатка (1716)] т. 1, с. 308, 942, 950; т. 2, с. 533–534, 614, 651, 673, 861, 876, 880, 886
Буторин [Тара – Тобольск (1689); Илимск (1696); Якутск (1706) – Камчатка; Нерчинск–Камчатка (1744); Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)], т. 2, с. 588–589, 614, 757, 762
Бутусин [Енисейск (1669); Иркутск (1684); Камчатка (1754)], т. 2, с. 725.
Бутылин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Бухарин [Кронштадт – Охотск (1799) – Камчатка (1800)]
Бухаринов [Сибирь – Охотск (1739)]
Бушмакин [Камчатка (1854)]
Бушуев [Великий Устюг – Камчатка (1758)]
Буянов [Холмогоры – Томск (1680); Камчатка (1748)]
Быков (Быковых) [Березов – Томск (1626); Енисейск (1634); Красноярск (1662); Тюмень – Томск (1680); Вычегда – Томск (1680); Тобольск (1696); Енисейск – Иркутск (1669); Екатеринбург – Камчатка – Япония (1777); Камчатка (1854)] т. 1, с. 248–249, 314, 650, 746; т. 2, с. 144, 481, 485, 748, 749
Бычан [Камчатка (1693)] т. 1, с. 159, 167, 194–197, 202, 204, 208, 857

В

Вавилов [Нерчинск (1685); Камчатка (1748)], т. 2, с. 624, 774
Вагины [Тобольск (1623); Верхотурье – Томск (1680); Иркутск (1699); Якутск (1706); Камчатка (1731); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 514; т. 2, 865–866
Важенин (Важанин) [Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Енисейск (1669); Вага – Москва – Томск (1680); Сибирь – Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 483, 625, 642, 645, 652, 657, 658; т. 2, с. 8, 15, 90, 107, 115, 116, 136, 147, 152, 154, 178, 439
Вазнюк [Волынская губерния – Камчатка (1854)]
Ваксель [Стокгольм, Швеция – Камчатка (1740) – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Вальтон [Англия – Камчатка (1738)]
Валынкин (см. Волынкин)
Ванюков [Якутск (1630)] т. 1, с. 36, 38–39, 57; т. 2, с. 8, 15, 16, 49–52, 66, 67, 92, 597–598
Вараксин [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 385, 431, 487
Варганов [с. Варганова Можайского уезда (1601); Яренск (1678); Камчатка (1715)] т. 1, с. 890; т. 2, с. 491, 851
Варжа
Варрен
Василевых [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 514, 805
Васильев [Тобольск (1623); Томск (1626); Енисейск (1632), Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1648); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Олонецкая губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 21, 48, 49, 137, 144–145, 174, 198, 344, 573, 590, 592, 594, 608, 618, 620, 627, 651, 664, 667, 680–681, 691, 693, 713, 722, 755, 759, 761, 763, 791, 798, 807, 814, 859, 873, т. 2, с. 8, 15, 19, 20–21, 24, 29, 36, 52, 65, 74–76, 107, 118, 145, 160, 162, 168, 183, 194, 249, 326, 335, 345, 348, 353–354, 355, 360, 372, 385–390, 398, 412, 420, 440, 464, 500, 517, 533, 565, 568–574, 609, 725, 834, 848
Васютинский [Якутск (1695); Камчатка – Русская Америка (1760)] т. 1, с. 798; т. 2, 711
Вахрушев [Тобольск (1689); Албазин (1686); Камчатка (1731); Камчатка (1854)] т. 1, с. 654; т. 2, с. 615, 867
Вашуров [Нерчинск – Камчатка (1744)]
Ведерников [Камчатка (1854)]
Вежливцов (Вежливцев, Везливцов) [Якутск (1706) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 401, 474, 500–501, 503, 893, 894–895, 899–900, 902–903; т. 2, с. 719, 738
Венгерский [Тобольск (2018)] т. 1, с. 72, 780–784, 799; т. 2, с. 601, 874
Вент [Камчатка (1854)]
Вележов
Велекжинин [Камчатка (1854)]
Вениаминов (Венеаминов)
Веретнов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 826–827
Верещагины (Верещага) [Тобольск – Якутск (1642); Илимск (1666); Енисейск (1669); Москва – Томск (1680); Нерчинск (1685); Камчатка (1735); Санкт-Петербург – Охотск (1738); Камчатка – Русская Америка (1773)] т. 1, с. 643, 799; т. 2, с. 107, 136, 585, 667
Веригин
Верпов [Охотск (1739)]
Верхоглядов
Верхотуров (Верхотурцев) [Томск (1626); Тобольск – Якутск (1642); Албазин (1685); Нерчинск (1685); Удинск (1696); Якутск – Анадырь – Камчатка (1696); Якутск – Камчатка (1704); Камчатка (1730); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка; Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1812)] т. 1, с. 66, 188, 220–221, 230, 297, 301, 302, 322, 351, 377, 380, 450, 464, 564, 649, 652, 659, 758, 849, 866–867; т. 2, с. 146, 200, 358, 515, 652, 680, 682, 685–686, 710, 792, 794, 818, 857–859
Вертопрахов [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 589–590
Вершинин [Вага –Томск (1629);

Тобольск – Якутск (1642); Москва – Томск (1680); Крым – Кузнецк (1681); Сибирский гарнизон – Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 679; т. 2, с. 107
Ветлугин [Камчатка (1854)]
Ветошкин [Камчатка (1854)]
Вешняков [Новогород – Березов – Томск (1680); Енисейск (1669); Албазин (1674); Камчатка (1748); Камчатка (1854)]
Вигиркин
Вильской [Камчатка (1854)]
Винбланд (Винблад) [Швеция, Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Виноградовы [Камчатка (1854)]
Винокуровы [Тобольск (1623); Тобольск – Якутск (1642); Илимск (1677); Якутск (1706); Камчатка (1799)] т. 1, с. 592–593, 644; т. 2, с. 138
Витреленг [Камчатка (1854)]
Вишняков [Камчатка (1854)]
Власов [Верхотурье (1623); Томск (1626); Енисейск – Якутск (1646); Тобольск – Даурия (1663); Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1703); Камчатка (1731); Камчатка (1854)] т. 1, с. 45, 144–145, 281, 283–284, 302, 324, 347, 566, 631, 634, 762, 869, т. 2, с. 76, 83, 123, 126, 217, 354, 494, 749, 771–772, 827, 846, 887, 892
Власьев [Тобольск (1626); Якутск – Илимск (1641); Камчатка] т. 1, с. 8, 41, 283, 295, 341, 421, 422, 455, 689, 707–708, 755, 822; т. 2, с. 81, 139, 175, 296, 297, 303– –304, 501, 859
Водкин [Императорская гавань (1853)]
Возмищев [Якутск (1681); Камчатка (1854)], т. 2, с. 615
Воленков [Камчатка (1854)]
Волиеников [Камчатка (1854)]
Волковы [Тобольск (1623); Томск (1626); Тобольск – Якутск (1642); Лальск – Томск (1680); Новгород – Якутск (1646); Илимск (1656); Албазин (1686); Иркутск – Селенгинск (1688); Якутск – Камчатка (1710); Иркутск – Камчатка (1722); Якутский полк – Охотск (1739); Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 385, 432–433, 487, 550, 586, 596, 655, 800; т. 2, с. 107, 150, 496, 517, 540–541, 800
Вологдин (Вологда) [Нерчинск (1685); Якутск (1681); Якутск – Камчатка (1703); Камчатка (1731); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка (1739); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 284–285, 953; т. 2, с. 519, 590–591, 878
Вологжанин [Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1815)] т. 1, с. 594–595, 613, 632, 642, 657; т. 2, с. 8, 15, 107, 108, 125, 136, 152
Володимерец (см. Новограбленный) [Томск (1622) – Якутск (1653); Владимир – Томск (1680); Иркутск –Камчатка (1730)] т. 1, с. 725, 727, 729–731, 740–742, 747, 755, 762, 822; т. 2, с. 859
Володимеров [Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1748); Камчатка (1771)] т. 1, с. 114, 445, 510, 869; т. 2, с. 76, 108, 337, 399, 500
Волокита [Камчатка (1696)] т. 1, с. 222
Волынкин (Валынкин) [Великий Устюг (1623); Тобольск (1624), Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Камчатка (1729); Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 13, 108, 122, 141, 523, 572, 658, 711, 734, 755, 860, 866–867
Вольгин [Камчатка (1854)]
Воробей (см. Воробьев)
Воробьев [Тобольск – Камчатка (1702); Камчатка – Русская Америка (1750–1762); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 249, 251, 252, 266, 324, 332–334, 412, 665, 800, 922, 925; т. 2, с. 161, 485, 502, 516, 550, 667, 718, 827–829, 845
Воронин [Великий Устюг – Томск (1680); Тобольск (1696); Иркутск (1699); Камчатка (1707); Камчатка (1731)] т. 1, с. 324, 334–335; т. 2, с. 867–868
Воронов [Тобольск (1661); Якутск – Камчатка (1705); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)], т. 2, с. 423, 499, 524, 601, 615, 868
Воронцов [Тобольск (1696); Селенгинск (1699); Камчатка (1854)]
Воротимесов
Воротников [Сибирь – Охотск (1739)]
Ворошилов [Верхотурье (1623); Тверь–Иркутск (1731) – Камчатка (1820)] т. 1, с. 933
Ворошнин [Великий Устюг – Камчатка (1758)]
Ворыпаев (Воропаев) [Малоярославец –Тобольск (1626); Сольвычегодс –Якутск (1647); Албазин (1685); Камчатка (1680); Камчатка (1703)] т. 1, с. 89, 150–152, 154–155, 159, 161, 173, 195, 197–203, 222–223, 275–276, 278, 318, 343, 361, 403, 433, 557, 693; т. 2, с. 8, 65, 195, 222, 227–234, 308, 690, 740, 742–743, 796, 802
Вотяков [Камчатка (1854)]
Всевидов [Пермь – Камчатка – Русская Америка (1747); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Вторушин [Соликамск – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Вшлывский [Камчатка (1854)]
Вылегженин [Камчатка (1854)]
Выходцев (Выходцов) [Тобольск (1623); Якутск (1696); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 271, 320, 491, 521, 534, 536–537, 550, 591, 592, 594–595, 596, 600, 614, 730; т. 2, с. 8, 107–114, 136–141, 168, 835, 866,
Вычегжанин (Вычужанин) [Вычегда – Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1854)] т. 1, с. 513, 514, 555, 641, 642; т. 2, с. 108, 134, 135, 234, 738, 755
Вятченин (Вятка, Вяткин) [Тобольск (1623); Вяцкий уезд. Хлынов – Тобольск (1680); Томск (1604); Тобольск – Якутск (1642); Енисейск – Якутск (1642); Енисейск – Байкал (1669); Москва – Томск (1680); Нерчинск – Камчатка (1744) т. 1, с. 116, 665, 741, 801, 873; т. 2, с. 9, 65, 149, 332, 335, 354–355, 420, 591

Г

Габитов [Камчатка (1854)]
Габышев (Габычев) [Якутск (1650); Камчатка (1730)] т. 1, с. 352, 653, 662; т. 2, с. 24, 148, 157, 398, 833
Гаврилов [Березов (1620); Тобольск (1623); Тюмень (1624); Томск (1626); Енисейск – Ленский острог (1632); Камчатка (1799); Иркутская губерния – Камчатка (1854); Санкт-Петербург – Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 288, 574, 635, 638, 652, 656, 669, 680, 706, 722, 743, 801; т. 2, с. 37, 44, 46, 67, 69, 70, 83, 128, 131, 147, 151, 165, 186, 296, 387, 388, 389, 398, 571, 572, 595, 636, 637, 705, 821
Гагарин [Тюмень (1624); Камчатка (1748); Камчатка (1854)]
Гайнулин [Камчатка (1854)]
Галашев [Якутск (1681); Иркутск–Якутск (1722)], т. 2, с. 555
Галев [Тобольск (1684); Камчатка (1696)] т. 1, с. 211, 223
Галкин [Березов (1610), Енисейск (1619); Якутск (1706); Камчатка (1854)] т. 1, с. 93, 114, 226, 287, 447, 467, 475, 513, 515, 554–555, 561, 680, 697–702, 721; т. 2, с. 6, 12, 19–30, 33–43, 46, 50, 55, 82, 84, 87–89, 93–94, 96–97, 171, 239, 270, 272, 289, 299, 313, 327, 369, 447–449, 503, 543, 737, 781, 795, 833, 849, 875
Галл [Англия – Камчатка (1789)]
Ганц [Томск (1630); Камчатка (1854)] т. 1, с. 310,
Гапесов [Камчатка (1854)]
Гарднер [Англия – Камчатка (1835)]
Гачев [Камчатка (1854)]
Гашахбаров [Камчатка (1854)]
Гвоздев [Санкт-Петербург – Камчатка (1729)]
Гвоздицын [Нижнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Генс [Дания (Германия) – Камчатка (1729)], т. 2, с. 633, 634, 652, 671–673, 681, 694, 707–711, 788, 790, 824–826
Герасимов (Гарасимов) [Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Енисейск – Байкал (1669); Тобольск (1696); Албазин (1686); Иркутск (1688); Камчатка (1729)] т. 1. с. 411, 630, 646, 801–802, 950–951, 958; т. 2, 108, 122, 140, 574, 714, 780–781, 824, 875, 890
Герник [Камчатка (1854)]
Гилев
Гиляшев [Тобольск (1689); Илимск (1696); Якутск (1706); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка; Камчатка (1745)], т. 2, с. 647, 686, 711, 795
Гинтер [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Гладкой (Гладков, Глаткой) [Тобольск (1624); Тобольск – Якутск (1642); Тобольск (1661); Красноярск (1662); Томск (1656); Владимир –Томск (1680); Якутск (1661); Якутск – Камчатка (1706); Камчатка – Аляска (1741); Охотск (1792); (1812)] т. 1, с. 411, 418–419, 489, 621, 802, т. 2, с. 108, 503, 510, 587, 615, 714
Глазин [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 386, 877
Глазунов [Томск (1626); Иркутск – Камчатка – Япония (1778)], т. 1. с. 725–726
Глазырин [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 401, 501
Гласков [Иркутск – Якутск (1722)], т. 1, с. 434; т. 2, с. 555–556
Глебов [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1761)]
Глинской [Камчатка (1748)]
Глотов [Яренск – Камчатка – Русская Америка (1750)] т. 1, с. 392, 664; т. 2, с. 159, 723
Глухой (Глухих, Глухов) [Томск (1620); Якутск (1681); Камчатка (1748)]
Гобин [Камчатка (1771)]
Гобов (Гобовский) [Енисейск (1669); Тобольск (1710); Камчатка (1732); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 687, 792, 794–795
Гови [Охотск (1739)]
Говорин [Иркутск – Камчатка (1854)]
Голенищев [Екатеринославль – Камчатка (1816)]
Голиков [Курск – Камчатка – Русская Америка (1777)]
Головнин [с. Булынки Пронского уезда Рязанской губернии – Камчатка (1808)]
Головных [Камчатка (1854)]
Голодов [Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Голубков [Камчатка (1854)]
Голыгин [Великий Устюг – Якутск (1650); Камчатка (1683)] т. 1, с. 65, 119, 132, 137–138, 140–149, 154–168, 189, 193–194, 196–199, 202, 204–205, 207, 214, 221, 223–224, 230, 259, 267, 276, 343, 376, 387, 393, 409, 549, 558, 650, 713, 857, 867, 869, 874, 880, 906, 929, 967; т. 2, с. 227, 233, 293, 308, 311–312, 438, 459–463, 858
Голых (Голый, Голой) [Енисейск – Якутск (1635); Якутск (1650); Тюмень – Амур (1655); Албазин (1685); Камчатка – Ключи – Русская Америка (1773); Камчатка – Петропавловский порт (1815)] т. 1, с. 635, 669; т. 2, с. 24, 128, 165, 388, 398, 521, 571, 609
Голышев [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Гонюков [Охотск (1739)]
Горбунов [Нерчинск (1685); Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 198, 249–250, 332, 344, 466, 506, 638, 712, 859; т. 2, с. 485–486
Горев [Камчатка (1854)]
Горзяков
Горин [Санкт-Петербург – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]
Горкин [Иркутский округ – Камчатка (1854)]
Горлов [Тобольск (1637); Камчатка (1735); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 310, 695; т. 2, с. 750, 778, 878
Горлышев [Камчатка (1854)]
Горносталевы [[Камчатка (1748);]
Камчатка (1854)]
Городенской [Камчатка (1854)]
Горохов [Сибирский гарнизон – Охотск (1739); Чердынь – Камчатка – Япония (1778)], т. 2, с. 125, 161
Горшков [Камчатка (1854)]
Горюнов [Камчатка (1854)]
Граверзин [Камчатка (1854)]
Гребенщик [Якутск (1666)] т. 1, с. 128, 130–132, 136–138, 149, 161; т .2, с. 452, 463–464
Гременщиков [Камчатка (1854)]
Грехов [Камчатка (1799)]
Греченин [Трапезунд – Москвыа – Томск (1642); Томск – Иркутск (1750); Иркутск – Камчатка (1815)] т. 1, с. 747–752.
Гречушников [Камчатка (1854)]
Григорьев [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Камчатка (1696); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка (1854)] т. 1, с. 32, 107, 129, 134, 146, 158, 180, 184, 208, 224, 231, 452, 483, 485, 567, 570, 590, 622–623, 633, 639, 651, 658, 662, 668, 680–681, 707, 732, 789, 803, 812, 817, 917; т. 2, с. 9, 15, 24, 102, 108, 125, 133, 145, 153, 158, 164, 168, 169, 191, 243, 250, 385–390, 398–399,

454, 484, 486, 497, 508, 541, 568–573, 671, 752, 838
Громов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)]
Гроцкой [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 385, 433, 487
Грущевской [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 482
Грязев [Камчатка (1854)]
Грязнухин (Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1750)
Грязных [Камчатка (1854)]
Губайдулин [Камчатка (1854)]
Губин [Якутский полк – Охотск (1739), Камчатка (1854)]
Губинский [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Губцов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Гудин [Камчатка (1854)]
Гулин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Гуляев [Камчатка (1854)]
Гурьев [Санкт-Петербург – Камчатка (1762); Камчатка – Русская Америка (1775)]
Гурьянов [Камчатка (1854)]
Гурылев [Нерчинск (1685); Тотьма – Камчатка (1758)], т. 2, с. 387, 569, 574
Гусев [Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Нерчинск (1685); Лальск – Камчатка – Русская Америка (1766); Нижнекамчатск (1800)], т. 2, с. 392, 524, 615
Гусельников [Якутск (1646); Тюмень – Тобольск (1689); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732); Камчатка (1735)], т. 2, с. 67, 72, 171, 367, 516, 673, 682–683
Гуторин [Камчатка (1748)]
Гуторов [Енисейск (1657) – Томск (1668); Охотск (1711); Камчатка (1731)] т. 1, с. 804, 807; т. 2, с. 510, 551, 746, 829–830, 855
Грязнухин [Великий Устюг]

Д

Давицон [Камчатка (1854)]
Давыдов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1771)]
Данилов [Тобольск (1623); Енисейск (1632); Албазин (1686); Нерчинск (1685); Охотск – Камчатка (1771); [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1815); Камчатка (1854)] т. 1, с. 89, 298, 353, 567, 608, 611, 613, 617, 620, 639, 646, 680, 722, 796, 807, 821, 957, т. 2, с. 108, 132, 139, 183, 186, 388, 390, 498, 526, 568, 571, 573, 741
Даурцов [Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1702)] т. 1. с. 145, 312, 448; т. 2, с. 775, 878
Двоеглазов [Камчатка (1854)]
Двойкин [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 398, 403, 444, 460,
Девяшин [Томск (1703); Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 591
Дегтярев (см. Дехтерев)
Дежуринский [Якутск – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Дементьев [Томск (1626); Тобольск (1661); Якутск (1663); Албазин (1685); Нерчинск (1685); Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Камчатка (1854)] т. 1. с. 129, 144, 300, 470, 732, 746; т. 2, с. 112, 389, 399, 571, 615, 724
Демидов [Якутск (1645); Камчатка (1854)] т. 1, с. 663; т. 2, с. 158, 576, 611
Демин [Иркутск – Камчатка (1854)]
Денисов [Камчатка (1854)]
Денмурашетьев [Камчатка (1854)]
Дербин [Нерчинск–Камчатка (1744)], т. 2, с. 591
Дергачев [Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Деревянкин [Камчатка (1854)]
Десяткин [Великий Устюг – Якутск (1720)], т. 2, с. 507
Детков [Тобольск (1661), Енисейск (1669); Камчатка (1854)]
Дехтерев (Дегтерев) [Якутск (1654); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка – Русская Америка (1773); Сибирь –Охотск (1739)] т. 1, с. 144–145, 156, 257, 263–264, 343, 403, 460–461; т. 2, с. 308, 504, 555, 599
Джонсон
Дитятьев [Камчатка (1854)]
Дмитриев [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1669); Камчатка (1696); (1748); (1815); (1854)] т. 1, с. 211, 224, 680, 804, 956; т. 2, с. 9, 15, 169, 386, 569, 570, 610
Добрынин [Иркутск – Камчатка (1722)], т. 1, с. 145, 249, 252, 254–257, 260, 263–26, 413; т .2, с. 541, 687, 795
Долбачук [Охотск – Камчатка (1854)]
Долгих [Камчатка (1854)], т. 2, с. 656
Долгополов [Литва – Тобольск (1683); Албазин (1685); Якутск – Камчатка (1703)] т. 1, с. 276–277, 943, 958; т. 2, с. 735, 736, 756
Докучаев [Тобольск (1689); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Долооколов
Донников [Камчатка (1854)]
Донской (Донских) [Иркутск – Камчатка (1722); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792); Камчатка (1854)], т. 2, с. 714
Домополов [Камчатка (1854)]
Доронин [Камчатка (1854)]
Доронкин [Камчатка (1854)]
Дорофеев [Сибирский гарнизон – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Дранишников [Камчатка (1854)]
Драчев [Охотск – Камчатка (1854)], т. 2, с. 439
Дремок [Камчатка (1854)]
Дровосеков [Камчатка (1748)]
Дрожачих [Камчатка (1854)]
Дроздов [Камчатка (1854)]
Дружинин [Березов (1623), Енисейск (1669); Тобольск (1710); Камчатка (1731); Курск – Камчатка – Русская Америка (1752)] т. 1, с. 661, 680; т. 2, с. 157, 775, 776
Дубенков [Батайск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Дубовцов [Камчатка (1854)]
Дубынин [Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка (1854)]
Дудин [Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Дунаев [Якутск (1639); Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 57, 88, 142, 629, 631, 645, 693; т. 2, с. 386, 404, 495, 513, 569, 615
Дунов [Камчатка (1854)]
Дурнев [Якутск (1684); Камчатка – Русская Америка (1754)] т. 1, с. 106, 110–111, 236,
Дурынин (Дурындин, Дурынинский) [Сибирь (1585); Тобольск – Якутск (1642); Тобольск – Камчатка (1703); Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка (1771)] т. 1, с. 72, 274, 329, 395, 397, 399, 403, 407, 434, 461, 478, 518, 520, 523, 525–532, 539, 545, 550, 555, 558–560, 581–586, 597–624, 640, 697, 772, 780–782, 884; т. 2, с. 34, 106, 108, 111, 114, 133, 489, 492, 593, 596, 635, 637–639, 703, 780–781–782, 787, 824, 846, 890
Душаков [Тула – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Душечкин [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 591,
Дыков [Якутский полк – Охотск (1739)]
Дымов
Дьяков [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 493
Дьяконов [Яренск – Томск (1680); Свияжск – Томск (1680); Тобольск (1693), Нерчинск (1744); Камчатка (1745)]
Дьячков [Тобольск (1661); Якутск (1706) – Анадырь (1710)] т. 1, с. 384, 417; т. 2, с. 502
Дюковы [Тобольск (1640); Албазин (1685); Тобольск –Якутск – Камчатка (1711); Нерчинск–Камчатка (1722)] т. 1, с. 398, 400, 440, 444, 454, 559–561
Дюрабин [Камчатка (1854)]
Дягилев

Е

Еварлаков [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Евдокимов [Камчатка (1854)]
Евдянов [Камчатка (1748)]
Евлантьев (Евлатьев) [Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 968; т. 2, с. 868–869
Евлапиев [Камчатка (1748)]
Евойловский (Ивойловский, Явловский) [Камчатка (1854)]
Евреинов [Польша – Камчатка (1720)], т. 2, с. 535, 631, 754,
Евсеев (Евсевьев) [Якутск – Анадырь (1648); Амур (1655); Албазин (1685); Нерчинск (1685);Камчатка (1696)] т. 1, с. 51, 75, 224, 236, 239–240, 257, 592, 664, 931; т. 2, с. 386, 398–399, 514, 569, 574, 726
Евстафьев (см. Астафьев) [Камчатка (1854)]
Евстегнеев [Новгород – Камчатка (1854)]
Евтихьев (Евтифьев, Евтифеев) [Якутск (1650), Красноярск (1662); Березов – Томск (1680); Камчатка (1748)], т. 2, с. 386, 569, 889
Еганов (см. Яганов) [Камчатка (1745)]
Егоров [Камчатка (1748); (1854)]
Едомский (Едемской) (см. Юдомский) [Тобольск – Якутск (1648), Якутск (1646); Томск – Якутск – Илимск (1651); Камчатка (1712)] т. 1, с. 175, 401, 506, 570, 632, 662; т. 2, с. 124, 158, 181, 243, 441
Екимов [Камчатка (1854)] т. 1, с. 142, 759, 842; т. 2, с. 438, 443
Елагин [Тобольск (1629); Енисейск (1697); Камчатка (1754); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1766); Енисейск (1695); Псков – Камчатка (1739)] т. 1, с. 530
Елаков [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 462
Еланцев (Еланин) [Томск (1680, Якутск (1720)], т. 2, с. 510
Елесов [Камчатка (1751)]
Елисеев [Енисейск (1669); Томск (1680); Якутск (1681); Нерчинск (1685); Камчатка (1749)] т. 1, с. 592, 805; т. 2, 402, 522
Елесин
Елистратов [Березов (1623); Тюмень (1680); Тобольск (1689); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792)] т. 1, с. 411, 653, 680; т. 2, с. 148, 714
Елкин [Камчатка (1854)]
Емандюков [Камчатка (1854)]
Емельянов [Томск (1626); Якутск – Анадырь (1648); Камчатка (1712); Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатская область (1854); Верхнеленск Иркутской губернии – Камчатка (1854)] т. 1, с. 258, 627, 649; т. 2, с. 118, 143, 162, 172, 183, 272, 389, 390, 572, 667, 671
Емшанов [Камчатка (1711)]
Енецеин [Камчатка (1854)]
Енисейский [Камчатка (1693)] т. 1, с. 166, 209, 267, 376, 850, 880–884, 892, 938; т. 2, с. 630, 753,
Епанчинцов [Якутск (1706); Камчатка (1854)]
Епофродитов [Камчатка (1751)]
Еранский
Ерестов
Еремеев [Литва – Сибирь (1598); Тобольск (1623); Томск (1626); Енисейск (1639); Якутск (1645); Нерчинск (1685); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 508, 546–548, 551, 754–755, 805, 822, 941, 946, 958–959; т. 2, с. 352, 430, 433, 443, 468, 730, 732–733, 741, 859–860
Еремеевых [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 488
Еремины [Камчатка (1854)]
Ерковцов [Камчатка (1748)]
Ерлов (см. Юрлов) [Камчатка (1748)]
Ермолаев [Тобольск (1623), Томск – Охотск (1639); Якутск (1650); Красноярск (1695); Камчатка (1748), (1854)] т. 1, с. 705, 812; т. 2, с. 250, 437, 468, 470, 473, 531
Ермолин [Томск (1626); Енисейск (1626); Якутск – Амур (1644), (1650–1653); Тюмень – Якутск (1654); Камчатка (1710); Якутский полк – Охотск (1739)] т. 1, с. 287–293, 343, 473, 484, 554, 652, 656, 706, 722, 742, 806, 863; т. 2, с. 20–22, 53, 59, 83, 113, 147, 151, 239, 308, 385, 504, 833, 849
Ерофеев [Томск (1626); Якутск (1663); Албазин (1686); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 231, 385, 434, 487, 518; т. 2, с. 668
Ертаньин
Ершов [Томск (1626); Камчатка (1854)]
Ефимов [Енисейск (1633); Камчатка (1747), (1854)] т. 1. с. 723; т. 2, с. 390, 501, 559, 572, 624
Ефимцов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Ефремов [Тобольск (1618)] т. 1, с. 293, 722, 806, 807,
Ефронтов [Камчатка (1748)]

Ж

Жбанов [Камчатка (1854)]
Жданов (Ждановичи) [Томск (1626); Москва – Томск (1680); Камчатка (1725), (1854)] т. 1, с. 424, 452, 806, 872, 898–899, 945, 954, 959–960; т. 2, с. 494, 510, 514, 615
Жегалов [Якутский полк – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Жезлов [Великий Устюг – Камчатка Русская Америка (1760)]

Желутков [Камчатка (1854)]
Жерноков (Жеркоков, Жернаков) [Тобольск (1623); Якутск (1681); Камчатка (1731) – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 231, 567; т. 2, с. 398, 510, 651, 687–688, 795
Жилин [Камчатка (1731), (1854)], т. 2, с. 688, 792, 796
Жилкин [Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка (1747)]
Жиляков [Камчатка (1745)]
Жинбицкий
Жирихин [Камчатка (1854)]
Жирков (Жирко) [Якутск (1641); Камчатка (1724)] т. 1, с. 107–110, 659, 944–945; т. 2, с. 756, 774, 884
Жировиков [Камчатка (1731)] т. 1, с. 286, 557; т. 2. с. 690, 740, 743
Жирухин [Камчатка (1854)]
Жмуров [Камчатка (1854)]
Жуков [Енисейск (1634); Тобольск (1661), Томск (1680); Нерчинск (1685); Ярославль – Камчатка (1746); Камчатка – Русская Америка (1773); Екатеринбург – Камчатка – Япония (1777); Камчатка (1854] т. 1, с. 540, 743, 806; т. 2, с. 103, 133, 140
Журавлев (Жаравлев) [Якутск (1681); Тобольск (1696); Камчатка (1708); (1854)] т. 1, с. 246–247, 251, 257, 264, 340, 413–414; т. 2, с. 482, 483

З

Заболев [Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Заварзин (Заворзин) [Иркутск (1699); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 482, 706, 708–709
Завойко [с. Прохоровка Золотоношского уезда Полтавской губернии – Камчатка (1839)]
Завьялов [Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Якутск – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Загайнов
Загоскин [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 592
Загуляев [Камчатка (1854)]
Задорин [Камчатка (1854)]
Заев [Тобольск (1624); Тобольск – Якутск (1642); Москва – Сургут – Томск (1680); Якутск (1706) – Камчатка (1711); Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 401, 501
Заикин [Суздаль – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Зайковы [Тобольск (1696): Охотск – Камчатка – Русская Америка (1772); Камчатка (1854)] т. 1, с. 345
Зайцов [Камчатка (1854)]
Залесов [Якутск (1654); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1. с. 385, 434, 487, 617, 626, 917; т. 2, с. 117, 838
Заливин [Тобольск (1689); Камчатка (1732), (1854)] т. 1, с. 466; т. 2, с. 680, 683, 688–689, 793, 796
Залуцкий [Кронштадт (1848) – Камчатка]
Залуцской [Камчатка (1854)]
Занеев [Камчатка (1854)]
Занин [Яренск (1678); Тобольск (1719); Камчатка (1823)]
Заочный
Заплетаев [Якутск (1654); Камчатка (1703)] т. 1, с. 277–278; т. 2, с. 524
Запороцкий [Камчатка (1735)]
Зарубин [Камчатка (1854)] т. 1, с. 645; т. 2, с. 139, 615
Засыпкин [Тула – Камчатка – Русская Америка (1768)]
Захаров [Тюмень (1624); Енисейск (1632); Тобольск (1672); Тюмень – Томск (1680); Вычегда Еренского присуда – Томск (1680); Нерчинск (1685); Якутск (1661); Якутск – Камчатка (1711); Иркутск – Камчатка (1722); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка (1739); (1854)] т. 1, с. 401, 502, 517, 722, 817; т. 2, с. 52, 113, 172, 174, 380, 386–387, 494, 518, 569, 570, 741
Звездочетов [Иркутск – Камчатка – Япония (1778)]
Зверев [Якутск (1681); Рязань – Якутск (1689), Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 325, 356, 807; т. 2, с. 365
Зегейбит [Камчатка (1854)]
Зеленин [Камчатка (1854)]
Зеленовской [Литва – Тобольск (1598); Камчатка (1748)] т. 1. с. 807
Зимин [Тобольск – Исецкий острог (1687); Томск (1707); Нерчинск (1744); Камчатка (1799)]
Зиновьев [Енисейск (1646), Красноярск (1662), Нерчинск (1685)] т. 1, с. 9, 127, 128, 131, 132, 135, 137–139, 161, 176, 182, 183, 263, 267, 271, 363–364, 629, 639, 807, 856–857, 909, 927; т. 2, с. 120, 133, 262–264, 379, 380, 383, 387, 427, 458–461, 464, 481, 493, 567, 570, 640, 641
Злобин [Камчатка (1854)] т. 1, с. 808–809; т. 2, с. 470, 472
Злыгостев [Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 541–542
Змиев [Камчатка [Камчатка (1731)], т. 2, с. 682, 686–693, 698, 702–704, 707, 751, 773, 782–783, 790–792, 804, 823–824, 826–827, 830, 831, 846, 859
Золотавин [Тобольск (1709); Камчатка (1731)] т. 1, с. 944; т. 2, с. 774
Зорно (Зонко, Зорво, Позорной, Позоркой) [Енисейск (1667); Якутск (1649), Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 488, 637, 671, 825; т. 2, с. 567
Зорин [Камчатка (1854)], т. 2, с. 503, 517
Зотин [Тобольск (1689); Якутск – Камчатка (1706)]
Зотов [Тара (1698); Камчатка – Русская Америка (1745)]
Зубков [Камчатка (1854)]
Зубов (Зубовской) [Камчатка (1706); Охотск (1739); Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Соликамск – Камчатка (1854)] т. 1, с. 419–420, 650, 687, 733, 794; т. 2, с. 145, 420
Зыбин [Охотск (1744)], т. 2, с. 658, 660, 663
Зыков [Якутск – Камчатка (1711); Сибирский гарнизон – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1854)] т. 1, с. 148, 325, 350, 403, 461, 462, 890; т. 2, с. 484, 491, 503, 851
Зырян, Зыряновы [Тюмень (1586); Тара (1594); Тобольск (1623); Томск (1626); Енисейск (1632); Якутск – Анадырь (1648); Красноярск (1662); Якутск (1641); Якутск (1706) – Камчатка (1707); Камчатка (1712), (1731), (1812)] т. 1, с. 225, 286, 324, 335–336, 395–396, 442, 482, 487, 513, 555–557, 574, 667, 722, т. 2, 53–60, 67–68, 163, 172, 174, 234, 299–300, 388, 523, 569, 571, 680, 683, 689–690, 743, 755, 765, 833, 866
Зябликов [Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]

И

Ивановы [Якутск – Камчатка (1711); Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Большерецкий бунт (1771); Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка(1854); село Царицын Казанской губернии – Камчатка (1854)]
Ивановский [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Ивановских [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 384,
Ивачев [Тобольск (1719); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка (1739)]
Ивашкин [Санкт-Петербург – Охотск (1738); Санкт-Петербург (1742) – Камчатка (1752)]
Иверстов [Камчатка (1747)]
Ивонин [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Ивоницкий [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1774)]
Ивпанов [Камчатка (1748)]
Ившин [Камчатка (1854)]
Игнатьев [Березов (1623); Томск (1626); Березов – Якутск (1641); Якутск (1646); Красноярск (1662); Нерчинск (1685); Камчатка (1756); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 172, 314, 342, 344, 423, 573, 594, 632, 637, 650, 660, 668, 670, 680, 746, 791, 792, 795, 810, 814, 963; т. 2, с. 9, 15, 69, 70, 124, 130, 156, 164, 167, 169, 214, 226, 303, 306, 317, 385–387, 398, 496, 506, 568–571, 663, 665, 765
Извеков [Санкт-Петербург – Камчатка (1764)]
Измайлов [Якутский полк – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 229, 349, 447, 466, 550, 604, 663, 899, 933–934; т. 2, с. 12, 107–114, 159, 385, 569, 631, 835
Изотов [Камчатка (1854)] т. 1, с. 840
Иконников [Березов (1623); Томск – Охотск (1639); Суздаль – Томск (1680); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 401, 488–489, 496, 548, 577–578, 680, 705, 810, т. 2, с. 250, 475, 503, 551, 746, 830
Ильин [Камчатка (1854)]
Ильиных [Камчатка (1854)]
Инешин [Камчатка (1854)]
Инкин [Камчатка (1854)]
Иногенцов [Камчатка (1854)]
Иннокентий [с. Ангинское Верхоленского уезда Иркутской губернии – Русская Америка (1823); Камчатка (1842), (1846)]
Ипатьев (Ипатов) [Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Тобольск (1693); Камчатка (1799)], т. 2, с. 392, 403, 667, 668, 671
Исаев [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1783); Камчатка (1854)], т. 2, с. 117, 132, 384, 389, 568, 571
Исаков [Камчатка (1731); Сибирский гарнизон – Охотск (1739); Камчатка (1854)], т. 2, с. 37, 109, 232–233, 388, 398, 518, 571, 615, 690, 793, 796–797
Иссупов [Камчатка (1854)]
Истомин [Томск (1604); Березов (1623); Сургут – Томск (1680); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 336, 385, 434, 487, 651, 657, 679, 680, 691; т. 2, с. 145, 152

К

Кабанов (Кабан) [Тобольск (1682); Албазин (1686); Якутск – Камчатка (1705); Камчатка (1854)] т. 1, с. 302–303, 395, 479, 545; т. 2, с. 505, 772
Кабыков [Камчатка (1731)], т. 2, с. 772
Кавальской [Камчатка (1854)]
Кадин
Кадошников [Камчатка (1854)], т. 2, с. 483
Казаков [Великий Устюг – Камчатка – Большерецкий бунт (1771), Камчатка (1854)]
Казанцов [Нерчинск (1685); Иркутск – Камчатка (1722)] т. 1, с. 7, 9, 51, 120, 627–628, 637–638, 643, 815; т. 2, с. 37, 130, 522, 542–544, 616, 870
Казаринов (Козарин) [Сибирь (1585); Нерчинск (1685); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1762); Тобольск – Камчатка – Русская Америка (1762)], т. 2, с. 716, 807
Казимеров [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Казинов [Камчатка (1854)]
Кайгородов [Якутский полк – Охотск (1739) – Святой Петр» (1741) – Русская Америка); Камчатка (1854)] т. 1, с. 483, 641, 647, 650–651, 655; т. 2, с. 24, 52, 55, 61, 109, 134, 141, 144, 146, 150, 355, 385, 419, 420, 569, 609
Какшин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Калокальников [Якутский полк – Охотск (1739)] (см. Колокольников)
Калашников [Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1854)] т. 1, с. 277, 337; т. 2, с. 499, 500, 501, 504, 592, 599, 831–832, 845, 857
Калинда (Колинда, Кашинда, Кишинда) [Камчатка (1854)]
Калинин [Камчатка (1854)] т. 1, с. 324, 347–348, 741; т. 2, с. 403, 515
Калинкин [Лальск – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Калмаков (Колмаков) [Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 81, 135, 804; т. 2, с. 219, 516, 592
Калугин [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Калягин [Камчатка (1854)]
Каменной [Камчатка (1703)], т. 1, с. 270,
Каменский [Камчатка (1854)] т. 1, с. 311, 806, 810–811, 837
Камкин [Тобольск (1681); Камчатка (1716)] т. 1, с. 345, 474, 899, 900; т. 2, 174, 738
Камнев [Костромская губерния – Камчатка (1854)]
Камчатой [Якутск (1646); Камчатка (1658)] т. 1, с. 341–342, 344; т. 2, с. 214, 292–295, 298, 301–306, 308, 310–311, 587
Камшигин
Камынин [Охотск (1739)]
Канашев (Канышев) [Пинега; Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 124, 394, 401, 502–503, 879
Каплин [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1758); Камчатка (1854)]
Капустин [Камчатка (1854)]
Карамзин [Тобольск (1719); Камчатка (1735)], т. 2, с. 651
Карандашев (Карандышев) [Тобольск (1693); Камчатка (1731)] т. 1, с. 329; т. 2, с. 698, 710, 783, 846
Карасев [Камчатка (1854)]
Караулов [Камчатка (1854)]
Карелин (Корелин) [Камчатка – Русская Америка (1760)] т. 1, с. 231, 411; т. 2, с. 714
Карбаганов

Карлссон (Карльсон) [Камчатка (1900)]
Каргопольцев (Каргопол) [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1659); Красноярск (1662); Енисейск (1669); Камчатка (1705)] т. 1, с. 427, 551, 940–941; т. 2, с. 109, 539, 616, 880
Кармалин [Якутск (1690)],
Карнапольцев [Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Карнилцов [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1762)]
Кармалин (Кормалин) [Якутск (1650); Камчатка (1745); Камчатка (1854)] т. 1, с. 136, 138, 811, 860; т. 2, с. 463–464, 501, 599
Карпов [Тобольск (1587); Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1647); Енисейск (1669); Якутск – Камчатка (1706), (1735)] т. 1, с. 225, 233, 248, 270–271, 288, 473, 481, 570, 573, 636, 643, 695, 811; т. 2, с. 42, 52, 69, 71, 109, 128, 137, 243, 386–389, 568–572, 757, 778, 892
Карпошев [Камчатка (1854)]
Карро [Камчатка (1854)]
Карташевцов (Карташев) [Томск (1626); Камчатка (1729)] т. 1, с. 298; т. 2, с. 352, 519, 657, 832–833, 834
Карымов (Нарымов) [Камчатка (1745); Камчатка (1854)] т. 1, с. 669; т. 2, с. 165
Каряка (Карякин, см. Корякин) [Томск (1631); Камчатка (1725)]
Катаев [Якутск (1654); Албазин (1686); Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 89, 289, 291, 496, 655, 863; т. 2, с. 9, 16, 61–67, 77, 150, 597–598
Катасонов [Якутск (1663); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 398, 444–447, 932; т. 2, с. 193, 210, 494, 526, 631
Каташевцов [Камчатка (1720)] т. 1, с, 853; т. 2, с. 708, 847
Катков [Камчатка (1854)]
Кауров
Качанов (Качалов) [Новгород – Томск (1646); Камчатка (1718)] т. 1, с. 37, 120, 184, 242, 495–496, 853, 855, 900, 908–919, 923, 932; т. 2, с. 485, 494, 631, 720–721, 749, 840–842
Кашаваров [Камчатка (1854)]
Кашин [Камчатка (1854)]
Каширов [Камчатка (1854)]
Кашурин [Камчатка (1854)]
Кекеров
Келтяка, Келтякин (Калтякин, Кильтякин, Кинтякин) [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 400, 403, 440–441, 462, 498; т. 2, с. 870
Керш [Камчатка (1854)]
Кибирев [Камчатка (1854)]
Кинг [Клитеро, графство Ланкастер, Англия – Камчатка (1779)]
Кинчин [Камчатка (1854)]
Киргизов (Кыргызов) [Тобольск (1623); Тобольск – Якутск (1706) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 250, 278, 280, 302, 336, 392–396, 398, 403, 405, 406, 462, 476, 481, 488, 498, 502, 507, 539, 546, 548–549, 851, 873, 879–880, 895; т. 2, с. 489, 545, 549, 592, 689, 691, 701, 733, 735, 750, 754, 772–774, 787, 835, 891
Киренский [Якутск (1661); Камчатка (1846)]
Кирилов (Кириллов) [Нерчинск (1685); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 129, 145, 395–396, 483–484, 487, 519, 553, 588, 638, 648, 655, 656, 667, 669, 732, 803; т. 2, с. 10, 15, 22, 37, 83, 90, 107, 131, 142, 143, 150, 151, 163, 165
Киринский (см. Киренский) [Камчатка (1854)]
Киркин [Камчатка (1854)]
Кирсанов [Камчатка (1854)]
Киселев (Кисель) [Тобольск – Якутск (1642), Якутск (1647); Енисейск (1640); Якутск – Анадырь (1648); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1777); Камчатка (1819)] т. 1, с. 24, 429, 544, 620, 657, 707–708; т. 2, с. 10, 16, 59, 77–78, 80, 82, 153, 175, 179, 296–297, 385, 423, 569, 667, 671
Кисельников [Лальск – Камчатка – Русская Америка (1766)]
Кисиных [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 396, 489
Кислицын [Камчатка (1854)]
Кистинев
Китун [Камчатка (1696)]
Кичин [Илимск (1702)], т. 2, с. 476
Кладовников [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1760)]
Клейн [Камчатка (1854)]
Клеймер [Камчатка (1854)]
Клементьев [Санкт-Петербург – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Клепиков [Охотск – Камчатка (1771)]
Клерк [графство Эссекс, Англия – Камчатка (1779)]
Клестов [Литва – Тобольск–Енисейск (1654); Камчатка (1730)] т. 1. с. 795, 812; т. 2, с. 652, 690–692, 793, 797
Клименко [Камчатка (1854)]
Климов [Тобольск – Якутск – Камчатка (1711); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 184, 395, 483, 553, 812; т. 2, с. 592
Климовский [Польша – Енисейск (1669); Камчатка (1727)] т. 1, с. 812, 853
Клочев [Санкт-Петербург – Камчатка (1727)], т. 2, с. 624, 673
Клюкин [Камчатка (1854)]
Клюсин [Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Ключарев [Камчатка (1854)]
Клыковский [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1762)]
Кноль [Камчатка (1854)]
Княжий (Княжей, Княжнин) [Тобольск (1633); Якутск (1656); Камчатка (1719)] т. 1, с. 495, 812–813, 913, 916; т. 2, с. 31, 840
Князев [Камчатка (1854)]
Кобелев [Березов (1623); Якутск – Анадырь (1668) – Камчатка (1700)], т. 1, с. 16, 35, 92, 181, 196, 198–201, 215–216, 232, 235, 239, 267–268, 279–280, 294, 320, 344, 363, 374, 376–379, 406, 578, 653, 667, 680, 712–715, 848, 858–861, 882, т. 2, с. 148, 163, 193, 194, 195, 203, 204, 222, 229, 545, 696, 738
Кобрицын [Камчатка (1854)]
Кобычев [Яренск (1678); Тобольск (1686); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 489–490, 548–549; т. 2, с. 212, 801
Кобяков [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1706)] т. 1, с. 645; т. 2, с. 109, 138, 715
Ковригин [Камчатка (1854)]
Коврижнев [Вятская губерния – Камчатка (1854)]
Ковязин [Камчатка (1854)]
Кодошников [Тобольск (1681); Камчатка (1854)]
Кожевников (Кожевин) [Тобольск (1623); Томск (1626); Верхотурье – Томск (1680); Камчатка (1712); Яренск – Камчатка – Русская Америка (1761)] т. 1, с. 251, 290, 654, 723, 741, 742, 757; т. 2, с. 149, 356, 415, 562, 616, 667, 671, 717, 718, 798, 827
Кожемяка [Албазин (1686); Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 337,
Кожин [Якутск (1647); Иркутск – Камчатка – Япония (1778)] т. 1, с. 659, 926; т. 2, с. 81
Кожурников [Камчатка (1854)]
Козин (Козинский) [Охотск (1739)] т. 1, с. 457
Козинов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Козицын (Козица) [Яренск (1678); Тобольск – Якутск (1641); Камчатка – Русская Америка (1783)] т. 1, с. 63, 294, 420, 693; т. 2, с. 10, 13, 65
Козленко [Камчатка (1830)]
Козлов [Березов (1623); Тобольск (1623); Енисейск (1623); Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Амур (1655); Березов – Томск (1680); Камчатка (1716) – Русская Америка (1745); Сибирь – Охотск (1739); Камчатка – Русская Америка (1767), Камчатка – Япония (1775); Императорская гавань (1853)] т. 1, с. 334, 345, 475, 566, 654, 680, 813, 899, 900–901; т. 2, с. 109, 148, 171, 385–386, 550, 568–569, 616, 624, 738, 829
Козлов–Угренин [Москва – Охотск – Камчатка (1783]
Козьмин [Охотск (1739)] т. 1, с. 573, 813; т. 2, с. 69, 70, 574–575, 604
Козырев [Якутск (1660); Камчатка (1854)] т. 1, с. 813; т. 2, 624
Козыревский [Польша – Якутск (1675); Якутск – Камчатка (1700)] т. 1, с. 267, 280, 297, 302, 332, 367–368, 372, 376, 380, 386–390, 395–396, 399–400, 440, 484, 500–501, 538–539, 765, 813, 846–854, 855–856, 870, 877, 879, 892–893, 902, 922, 953; т. 2, 487, 489, 530–531, 651, 695
Кокин [Енисейск (1638); Тобольск – Якутск (1642); Великий Устюг – Русская Америка (1760)]
Коковин (Коковка, Коковинский) [Тобольск (1630); Якутск (1706); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1765); Камчатка (1854)] т. 1, с. 744
Кокорин [Тобольск (1623); Якутск (1645); Енисейск (1669); Камчатка (1854)] т. 1, с. 623; т. 2, с. 10, 65, 781
Кокотцев [Камчатка (1854)]
Кокоулин [Березов (1623); Якутск (1646) – Анадырь (1648); Тюмень (1675);] т. 1, с. 25, 429, 660, 680, 705–711, 747, 797; т. 2, с. 78, 80, 81, 156, 172, 175, 183, 184, 295–298
Кокоуров [Иркутский округ – Камчатка (1854)]
Кокурин [Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Кокшаровы [Тобольск (1618)] т. 1, с. 722; т. 2, с. 10, 15, 169
Колесников [Енисейск (1632); Чернигов – Томск (1680); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1812), (1854)] т. 1, с. 569; т. 2, с. 24, 39, 272, 275, 369, 396, 592–593
Колесницын [Камчатка (1854)]
Колесовы [Якутск (1652); Красноярск (1671); Камчатка (1704)] т. 1, с. 168, 182, 224, 251, 257, 259, 269, 273, 291, 308, 320, 322–324, 326–327, 337, 351, 358, 360, 362–364, 373–379, 393–399, 401–406, 408, 412, 450, 465, 476, 488, 495, 498, 504, 508, 510, 539, 544, 546, 557, 559, 571, 579, 580, 672, 764, 788, 846, 850, 861, 864–866, 868, 879–880, 883–884, 886–890, 904, 906, 913, 932, 938, 954–955; т. 2, с. 193, 487–488, 491, 494, 530, 532, 545, 558, 630, 631, 718, 733, 738, 753, 775, 776–778, 827, 835, 840, 850, 851, 855, 879
Колиновский [Камчатка (1854)]
Коллегов (Каляга, Колегов) [Енисейск – Якутск (1632); Тобольск (1710); Камчатка (1731); Камчатка – Русская Америка (1773)], т. 2, с. 20, 499, 794, 832, 833–835, 845
Колмаков (Калмаков, Калмыков) [Якутск (1681); Камчатка (1748)], т. 2, с. 219, 516, 592
Колмогоров (Колмогорц) [Томск (1626); Колмогоры – Тобольск (1635); Тобольск – Якутск (1642); Енисейск (1632) – Якутск (1641); Красноярск (1662) Албазин (1686); Камчатка (1712), Охотск – Камчатка (1854)] т. 1, с. 488, 491; т. 2, с. 8, 9, 11, 15, 109, 131, 168, 268, 387, 415, 510, 523, 569, 751, 808, 835–836
Колобов [Томск – Охотск (1639); Якутск (1646), (1691); Енисейск (1669), Албазин (1686); Тобольск (1700); Камчатка (1706); Императорская гавань (1853)] т. 1, с. 43, 309, 813; т. 2, с. 250
Колодин [Якутский полк – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Колокольников [Томск (1707); Якутск – Камчатка (1711), (1730)] т. 1, с. 490–491; т. 2, с. 500, 652, 691–692
Коломин (Коломна, Коломнин) [Сургут (1594); Томск (1630); Охотск (1739); Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 679
Колосов [Нерчинск – Камчатка (1721)], т. 2, с. 593, 599
Колотовкин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Колумский
Колупаев [Камчатка (1854)]
Колчин [Камчатка (1854)]
Колычев [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 401, 500–501, 503–504, 854, 895, 900, 902–903, 922, 925; т. 2, с. 313, 520, 718–719, 721, 737–738
Кольцов [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 503, 517–518, 770, 792, 963; т. 2, с. 275, 277, 313–317, 325, 328–329, 403, 448
Комаров [Березов (1623), Енисейск (1669); Камчатка (1731)] т. 1, с. 638, 665, 680; т. 2, с. 131, 161, 525, 740, 743
Конев [Тобольск (1683); Камчатка (1731); Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка – Япония (1775); Нерчинск (1744); Иркутск–Камчатка (1854)], т. 2, с. 836, 845
Конищев [Тобольск (1689); Якутск(1681); Камчатка (1711)] т. 1, с. 395–396, 484, 487, 554
Коновалов (Коневалов) [Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1854)] т. 1, с. 89, 341, 513, 572, 586, 625, 631, 659, 685, 711; т. 2, с. 41, 62, 67, 71–72, 109, 116, 123, 154, 636–637
Кононов [Нерчинск (1685);

Камчатка (1854)]
Коноплев [Камчатка (1854)]
Константинов (Костянтинов) [Енисейск (1632); Якутск (1651); Камчатка (1799)], т. 1, с. 592, 593, 634, 638, 640, 664, 667, 668; т. 2, с. 108, 109, 126, 131, 133, 160, 163, 356, 388, 389, 571–572
Контаев [Камчатка (1854)]
Конурин [Камчатка (1854)]
Копосов [Камчатка (1854)]
Коптелов [Камчатка (1854)]
Коптяков [Камчатка (1854)]
Копылов [Тобольск (1623): Москва – Тобольск – Томск (1621); Иркутск (1750); Великий Устюг – Камчатка (1763); Камчатка (1703), (1730), (1854)] т. 1, с. 20, 43, 271–272, 588, 703–704, 737, 740, 744, 755–756, 761, 770, 951, 960; т. 2, с. 42–44, 47, 94, 97, 250, 353, 359, 667, 671, 798
Корелин (Корела, Карела, Карелин) [Томск (1626), Енисейск (1669); Камчатка – Русская Америка (1760); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792)] т. 1, с. 231, 411; т. 2, с. 385, 568, 714
Коренев [Енисейск (1669); Илимск (1673); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Томск (1705); Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка (1850)] т. 1, с. 807
Коринцов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 692, 792, 797–798
Коркин [Якутск (1645); Красноярск (1642); Камчатка (1854)] т. 1, с. 691–693, 813; т. 2, с. 385–386, 568, 570
Кормилицын [Ангара (1701)], т. 1, с. 256–257, 266, 413; т. 2, с. 478, 480, 485, 478
Корнилов [Томск – Охотск (1639); Тобольск (1675); Тюмень (1680); Якутск (1654); Кузнецк (1681); Албазин (1686); Тюмень – Якутск (1699); Нерчинск – Камчатка (1721); Камчатка (1854)] т. 1, с. 255, 274, 523, 528, 531, 560, 581, 583, 585–588, 599–623, 705, 763, 780, 814, 901; т. 2, с. 109, 158, 250, 593–597, 599–600, 639, 667, 704
Корниулов [Вологда – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Корноухов [Тобольск (1710); Енисейск (1720); Красноярск (1720); Камчатка (1740)]
Коробейников [Тобольск (1683); Камчатка – Русская Америка (1745)] т. 1, с. 334
Коробицын [Тобольск (1683); Камчатка (1707)] т. 1, с. 348
Коровин (Корова) [Енисейск (1632); Якутск (1645), Тобольск (1696); Камчатка (1730); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 722; т. 2, с. 10, 15, 92, 600, 652, 692
Коровкин [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Королев [Вологда – Камчатка (1854)]
Коромыслов (Куромыслов) [Красноярск (1662); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 398, 403, 447, 462
Коростелев (Коростеленок) [Тобольск (1710); Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 814
Коротаев [Калуга – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Коротких [Императорская гавань (1853)]
Кортунов [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Коршунов [Якутск (1661), Тобольск (1696); Камчатка (1854)] т. 1, с. 645; т. 2, с. 138, 805, 887–888
Корытов [Мангазея (1633); Тобольск (1696); Селенгинск (1699); Камчатка (1854)], т. 2, с. 26–27, 30, 40, 52, 75, 616
Корюкин (Корюк, Корюха, Карюкин) [Тобольск (1623); Томск (1626); Иркутск (1722); Камчатка (?)]
Корякин (Коряка, Карякин) [Казань – Тара (1594); Тотьма – Томск (1626); Тобольск (1661); Якутск (1681); Камчатка (1725)] т. 1, с. 353, 417, 424, 946, 960; т. 2, с. 492–494, 503, 544, 616, 884
Коряков [Камчатка (1854)]
Косинцов (Косницов) [Тобольск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Костев [Камчатка (1854)]
Костинский
Костоломов [Камчатка (1854)]
Косторев [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]
Костров [Тобольск (1710); Камчатка (1731); Санкт-Петербург – Охотск (1739)], т. 2, с. 693, 798
Костромин (Костромитинов) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 52, 422, 442; т. 2, с. 174, 177, 183–185, 415, 765
Костоусов [Камчатка (1854)]
Косыгин [Илимск (1677); Тобольск (1710); Киренск (1798); Камчатка (1799)], т. 2, с. 510, 795
Косырев [Камчатка (1854)]
Котельников [Березов (1623), Тобольск (1623); Томск (1626); Енисейск – Якутск (1645); Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Нерчинск (1685); Иркутск – Якутск (1722); Камчатка (1747); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1758); Камчатка (1854)] т. 1, с. 135–136, 281, 593, 595, 594, 596, 619, 680; т. 2, с. 213, 272, 392, 457, 460, 512, 514, 523, 556–557, 616, 887
Коткин (Котин, Кошкин) [Тобольск (1623); Якутск (1648); Камчатка (1717)] т. 1, с. 345, 475, 650, 899, 900; т. 2, с. 144, 738
Котков (Катков) [Енисейск (1632); Енисейск – Якутск (1650); Камчатка (1731)] т. 1, с. 634–635, 637, 669; т. 2, с. 37, 127, 130, 164, 165, 671, 870–871
Котковский [Польша – Якутск (1673); Якутск – Анадырь (1711); Камчатка (1748)] т. 1, с. 81, 82, 311, 345, 386, 814, 876; т. 2, с. 495, 527, 631
Котлов [Енисейск (1638); Тобольск (1696); Камчатка (1745)] т. 1, с. 730–731
Котов (Котовщик, Котовской) [Сибирь (1585), Тобольск – Енисейск (1628); Камчатка (1854)] т. 1, с. 722, 814, 819; т. 2, с. 616
Котовщиков [Охотск (1739)]
Кочегаров [Сибирь – Охотск (1739)]
Кочетов [Иркутск (1692); Тобольск (1710); Камчатка (1725)] т. 1, с. 110, 815, 944, 961; т. 2, с. 756, 884
Кошелев [Охотск – Камчатка (1771)] т. 1, с. 815
Кошкаров (Кошкарев) [Тобольск (1710); Албазин (1686); Камчатка (1755), (1773), (1854); Камчатка – Русская Америка (1773); Камчатка – Япония (1778)], т. 2, с. 665
Кошуков [Тобольск (1709); Тобольск – Камчатка – Русская Америка (1763)]
Кощеев [Камчатка (1854)]
Кравченко [Камчатка (1840)]
Красильников [Тобольск (1689); Камчатка (1731); Тула – Камчатка – Русская Америка (1753); Тула – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 751–752, 771
Красной [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Краснояров [Нерчинск (1685); Нижнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854); Иркутск–Камчатка (1854)] т. 1, с. 121, 231, 732, 897; т. 2, с. 522, 617
Красовский [Гижига – Камчатка (1854)]
Красовцев
Крашенинников [Москва – Камчатка (1737)]
Креницын [Санкт-Петербург – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Крестьянинов
Кречетов [Красноярск (1681); Камчатка (1743)]
Кривогорницын [Березов (1623) – Енисейск – Якутск (1631); Красноярск (1671); Камчатка (1747)]
Кривоносов [Тобольск (1696); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 650, 680, 711–712; т. 2, с. 144, 495
Кривошапкин [Якутск (1639)] т. 1, с. 414–415; т. 2, с. 498
Кривошеин [Тобольск (1710); Камчатка (1740); Тюмень – Камчатка – Русская Америка (1783] т. 1, с. 756
Кропанев [Камчатка (1854)]
Кропачев [Тобольск (1709); Камчатка (1854)]
Крохалев [Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 401, 507; т. 2, с. 392
Крохин [Енисейск (1669); Тобольск (1689); Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 337
Круглой [Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 590, 800, 815; т. 2, с. 387, 570, 682, 693
Круз [Камчатка (1854)]
Крузенштерн [местечко Гонгунде (Хагуди), Ревель – Камчатка (1803)]
Крупенин [Сибирь (1755); Камчатка (1812)]
Крывцов [Камчатка (1854)]
Крыжановский [Якутск (1666); Якутск – Охотск (1677) – Селенгинск (1681) – Иркутск; Камчатка (?)] т. 1, с. 61, 62, 64, 106, 118, 119–126, 187, 502, 503, 591, 815–816–817; т. 2, с. 452–455, 501, 543, 606
Крыжневских [Камчатка (1854)]
Крыков [Тобольск (1689); Якутск (1645); Камчатка (1730)], т. 2, с. 671, 735
Крылатов [Камчатка (1748)]
Крылов [Тобольск (1661); Якутск (1669); Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 337–338; т. 2, с. 504, 554
Крымский [Камчатка (1751)], т. 2, с. 778
Ксенофонтов
Кудеяров [Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1721); Камчатка (1854)], т. 2, с. 599, 600
Кудрин (Кудров, Кудря) [Томск (1680); Енисейск (1700); Камчатка (1748; Камчатка – Русская Америка (1773); Соливычегодск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 257, 258, 265, 266, 413; т. 2, с. 335, 356, 388, 423, 484, 504, 522, 571
Кудрявцев [Камчатка (1854)]
Кузмищев [Никольск Никольского уезда Вологодской губернии – Камчатка (1825)]
Кузнецкий
Кузнецов [Березов (1623), Нерчинск (1685); Тотьма – Камчатка (1783); Иркутск – Камчатка (1722); Охотск (1739); Тотьма – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Иркутск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Кудинского камисарства Оецкой слободы – Япония (1777); Санкт-Петербург – Камчатка (1854)] т. 1, с. 53, 61–62, 86–87, 133–136, 139, 169, 179, 183, 187, 189, 190, 193, 305, 315, 641, 645, 653, 680, 816, 892–893, 916; т. 2, с. 10, 115, 134, 138, 147, 213, 222, 298, 378, 380, 382, 386, 388, 390, 397, 460–461, 465, 506, 507, 515, 523, 544, 556, 570, 572, 587, 617, 624, 634, 668, 673, 716, 743–745788, 826
Кузьмин (Козмин, Кузьминой, Кузьминых) [Томск (1626); Якутск (1648); Кузнецк (1681); Нерчинск (1685); Тобольск (1710); Камчатка (1748); Камчатка (1854)] т. 1, с. 100, 518, 573, 590, 593, 627, 637, 641, 667, 670, 712, 743, 813, 816, 859; т. 2, с. 23, 29, 52, 53, 69–70, 109, 110, 112, 118, 130, 134, 163, 167, 387, 545, 555, 569, 570, 574, 584, 604
Куимов [Тобольск (1623); Камчатка (1705)] т. 1, с. 106
Куклин [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Камчатка (1696), Камчатка (1748); Камчатка (1854)] т. 1, с. 92, 225–226, 267–268, 346, 376, 540–541, 570, 573, 595, 640; т. 2, с. 52, 69, 70, 104, 109, 133, 557, 677, 683, 696–697, 711, 815
Куковеров [Тобольск (1700); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 403, 462, 568
Кулаков [Тюмень – Томск (1680); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1709)] т. 1, с. 374, 418; т. 2, с. 617, 818
Кулаковской [Березов (1623); Москва –Томск (1623); Илимск – Албазин (1665); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1748)] т. 1, с. 265, 680, 816; т. 2, 515
Кулешов
Куликалов
Куликов [Камчатка (1854)], т. 2, с. 181
Култышев [Сибирский гарнизон – Охотск (1739) – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Камчатка (1854)]
Кулунтай [Якутск – Камчатка (1710)]
Кульков (Кулаков, Куликов) [Вологда – Камчатка (1758)]
Кунгурцов [Камчатка (1854)]
Куприянов [Камчатка (1854)]
Куракало [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 462,
Курбатов [Тобольск (1623); Тобольск – Якутск (1641); Якутск – Охотск (1651); Москва – Томск (1680); Якутск – Анадырь (1763); Илимск – Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 16, 20, 23, 81, 131, 151–155, 593, 634; т. 2, с. 126, 187, 196, 203, 232–233, 810
Курганов [Сибирь – Охотск (1739)]
Курденко [Камчатка (1854)]
Курдюмские [Тобольск (1696),

Якутск (1706); Камчатка (1731)] т. 1, с. 301; т. 2, с. 700, 707, 823
Курилов [Якутск (1689); Камчатка (1712)]
Куркин [Новгород – Томск (1680); Камчатка (1763)], т. 2, с. 777
Куркутский [Камчатка (1854)]
Курочкин [Охотск (1739)] т. 1, с. 276, 415, 476
Курсин [Березов (1623); Камчатка (1748)] т. 1. с. 442, 652, 680, 825; т. 2, с. 146, 879,
Куряков
Кутуков
Кутьин [Томск (1626); Якутск (1706); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 273, 296–299, 363, 393, 400, 441, 758, 858, 884
Кучумов [Тобольск (1696); Камчатка (1854)]
Кырасов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 836, 855
Кыргызов (см. Киргизов)
Кырков (см. Кирков)
Кычкин [Якутск (1720)], т. 2, с. 493, 519, 739, 832,
Кыштынов (Кыштимов) [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 401, 498; т. 2, с. 346,

Л

Лагунов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Лазарев [Енисейск (1636); Тобольск (1661); Якутск (1654); Красноярск (1662); Якутск (1706); Тобольск – Камчатка (1717); Камчатка – Русская Америка (1753)] т. 1, с. 293, 479, 551, 591, 751, 941; т. 2, с. 389, 494, 505, 519, 551, 671, 746, 756–758, 765, 830, 836–837
Лазуков [Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741)], т. 2, с. 551, 746, 830
Лаксман [Барнаул – Гижигинск (1786)]
Ламаев (см. Ломаев)
Ламбин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Лангсдорф [местечко Велльштейн в курфюршестве Майнц, Германия – Камчатка (1804)]
Лапаткин [Березов (1623), Охотск (1739)], т. 1, с. 680
Лапины (Ляпины, Ляпинские) [Сургут – Томск (1680); Якутск (1681); Якутск – Камчатка (1706); Соликамск – Камчатка (1762); Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 325, 355, 385, 434, 487, 795, 935; т. 2, с. 398, 399
Лапихин [Камчатка (1854)]
Лаперуз [Ле–Гюа близ Альби, Франция – Камчатка (1787)]
Лаптевы [Камчатка (1854)]
Ларионовы [Томск (1626); Енисейск – Якутск (1634); Тобольск (1661); Якутск – Охотск (1651); Нерчинск (1685); Камчатка (1731); Иркутская губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 45, 295, 344, 414, 628, 670, 817; т. 2, с. 76, 108, 120, 135, 167, 194, 389, 399, 439, 569, 598–599, 735, 736–737
Ласточкин [Камчатка (1745)]
Латыжев
Латышев [Камчатка (1736)] т. 1, с. 221, 271, 652, 695; т. 2, с. 146, 892
Лауристин [Эстляндия – Камчатка (1854)]
Лебедев [Красноярск (1662); Томск (1680); Якутск (1681); Якутск – Камчатка (1710); Иркутск – Камчатка (1767)] т. 1, с. 384, 396, 491–492, 507, 548, 817; т. 2, с. 648, 650, 660, 663, 806
Лебедев–Ласточкин [Якутск – Камчатка – Русская Америка (1776)], т. 2, с. 809
Левашев [Санкт-Петербург – Камчатка (1767)] – Русская Америка]
Левин [Суздаль – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Лемзяков [Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Леонтьев [Енисейск (1634); Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Камчатка (1745), (1854)] т. 1, с. 219, 518, 529, 614, 620–622, 631, 634, 643, 649, 655, 664, 667, 807; т. 2, с. 10, 15, 67, 108, 109, 113, 123, 126, 137, 143, 150, 160, 385, 388, 390, 415, 569, 572, 591, 715, 726, 727
Лепихин [Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741)] т. 1, с. 403, 463, 568; т. 2, с. 531, 685, 871–875, 885
Ливанов (см. Поливанов) [Тобольск (1683); Камчатка (1707)] т. 1, с. 325, 351
Ливашев [Камчатка (1854)]
Липин [Тобольск – Исетский острог (1661); Иркутск (1699); Якутск – Камчатка (1709); Камчатка (1854)] т. 1, с. 147, 177–178, 206, 223, 229, 248, 269, 304, 358, 367–375, 378, 384, 386, 388, 392, 397–398, 400, 402–404, 419, 431, 440, 444, 487, 491, 493, 543, 546, 557, 576, 853, 871–873, 876–877; т. 2, с. 216–217, 328, 488, 852
Лисенков [Нежин, Малороссия – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Литвинов [Камчатка (1854)], т. 2, с. 145,
Литвинцев [Якутск – Камчатка (1714)], т. 2, с. 495, 499, 505, 506
Лобанов [Якутск – Зашиверск (1688); Камчатка (1696), (1731)] т. 1, с. 226–227, 283; т. 2, с. 10, 875–876, 885
Лобашков (Лобашкнов) [Охотск – Камчатка (1771)], т. 2, с. 522
Лобов [Камчатка (1854)]
Ловцов [Иркутск – Охотск – Камчатка (1791); Охотск – Япония (1793)] т. 1, с. 260; т. 2, с. 617, 772
Логинов (Лонгиновы) [Нерчинск (1685); Новгородская губерния – Москва – Камчатка (1745); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 49, 592, 594; т. 2, с. 415, 513, 617, 715
Логунов [Камчатка (1854)]
Ложников [Сибирский гарнизон – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)] т. 1, с. 594
Ломаев (Ламаевы) [Тобольск (1623); Камчатка (1696)] т. 1, с. 92, 227, 267, 268, 296, 317, 326, 327, 366, 376–380, 382, 387, 389, 488, 496, 502, 570, 577–580, 714, 864, 895
Ломин (Коломин) [Камчатка (1711)] т. 1, с. 679
Лончаков [Камчатка (1854)]
Лопатин [Камчатка (1854)]
Лопухин [Якутск (1642)], т. 2, с. 146, 399, 624
Лосев [Березов (1623); Тобольск (1666); Енисейск (1669); Нерчинск (1684); Якутск (1685); Иркутск (1699); Тобольск – Якутск (1706) – Камчатка (1711), (1722)] т. 1, с. 280, 395, 399, 406, 484–485, 490, 549–553, 680, 818, 940–942, 961; т. 2, с. 492–493, 732, 769, 852
Лоскутников [Камчатка (1854)]
Лоскутов [Кабанский острог (1724); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка – Япония (1778)], т. 2, с. 617
Лошкин [Березов (1623); Камчатка (1854)] т. 1, с. 680
Лоуферт [Камчатка (1854)]
Луговой [Камчатка (1854)]
Лудило [Камчатка (1696)] т. 1. с. 206, 228
Лужин [Москва – Санкт-Петербург – Камчатка (1719)], т. 2, с. 535
Лузин (Лузенин, Лузянин) [Тобольск – Якутск (1642); Томск (1691); Иркутск (1698); Камчатка (1723)] т. 1, с. 552, 556, 591, 644, 941; т. 2, с. 10, 109, 138, 498, 514, 668, 755, 795, 833
Луканин [Соликамск – Камчатка – Русская Америка (1776)]
Лукашевский [Польша – Тобольск – Енисейск (1661) – Красноярск (1662); Камчатка (1720), Охотск (1739)] т. 1, с. 818, 852, 854–855, 921–922, 950; т. 2, с. 631, 843, 876–877
Луковцов (Луховцев) [Якутск (1706); Камчатка (1748)], т. 2, с. 804
Лукьянов [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1650); Нерчинск (1685); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1707)] т. 1, с. 328, 518, 521–522, 680; т. 2, с. 110, 384–386, 390, 398–399, 433, 434, 569–572, 785
Лумков [Камчатка (1854)]
Лутков [Камчатка (1854)]
Лучшев [Камчатка (1854)]
Лыков [Камчатка (1854)] т. 1, с. 64
Лысаков (Лысоковский) [Камчатка (1854)] т. 1, с. 597,
Лыткин [Камчатка (1854)] т. 1, с. 61, 62, 64, 81, 187, 231; т. 2, с. 383, 494, 651
Львовы [Якутск (1654), Якутск – Камчатка (1710); Камчатка (1734); Охотск – Камчатка (1771)] т. 1, с. 273. 394, 401, 437, 441, 458, 496–497, 716, 775; т. 2, с. 329, 347, 388, 571, 587, 729
Лысцов [Камчатка (1854)]
Лютиков [Камчатка (1854)]
Лядов [Сылвенский острожек – Соликамск (1623); Тобольск – Албазин (1686); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 394
Лялин [Камчатка (1854)]
Лянгузов [Камчатка (1854)]

М

Мазилов [Олонецкая губерния – Камчатка (1854)]
Маер (см. Маюр)
Майков [Великий Устюг – Русская Америка (1750)]
Макаровых (Макаровы) [Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1706); Иркутск–Камчатка (1722)] т. 1, с. 596, 657, 742; т. 2, с. 10, 15, 152, 544, 654, 655
Макатихин [Якутск – Камчатка (1706)]
Маклышев [Камчатка (1854)]
Максимов [Березов (1623), Якутск (1649); Нерчинск (1685); Охотск (1738); Императорская гавань (1853); Камчатка (1854)] т. 1, с. 24, 48, 231, 293, 637, 665, 670, 680, 722, 818; т. 2, с. 83, 129, 161, 167, 183, 192–193, 200, 272, 385, 386, 389, 397, 399, 415, 435, 572, 715
Максутов [Пермь – Камчатка (1852), (1854); Русская Америка (1859)]
Малафеев [Якутск – Амур (1655); Енисейск – Балаганский острог (1669); Тобольск (1689); Иркутск (1689); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 319, 403, 430, 463, 627, 666, 693; т. 2, с. 119, 162, 191, 386, 569, 617
Малахов [Тобольск – Албазин (1657); Соликамск – Тобольск (1689); Красноярск (1719); Камчатка (1748)], т. 2, с. 111
Малгин
Малинин [Тобольск (1652); Якутск – Камчатка (1711)]
Малиновский [Нижнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Малков [Камчатка (1854)]
Малой [Красноярск – Амур (1655); Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 347; т. 2, с. 385, 569
Малтасов [Камчатка (1854)]
Малыгин [Санкт-Петербург– Камчатка (1727)], т. 2, с. 617, 634
Малышев (Малышов) [Енисейск (1636); Тюмень (1649); Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Якутск (1661); Иркутск – Якутск (1722); Камчатка – Русская Америка (1732); Камчатка (1854)] т. 2, с. 282, 392, 520, 523, 557–558, 652, 680–683, 697
Мальган (Хотунцевский) [Курляндия – Камчатка (1740) – Русская Америка (1745)]
Мальцов (Мальцев, Малцов) [Березов (1623), Енисейск (1669); Тюмень (1680); Томск (1704); Сибирь – Охотск (1739); Тотьма – Камчатка (1763), Камчатка (1854)] т. 1, с. 680; т. 2, с. 495
Манаков (Монаков) [Якутск (1681); Камчатка (1854)]
Манылов [Камчатка (1854)]
Мамаев [Камчатка (1854)]
Мамарыгин (см. Марамыгин)
Марамузин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Марамыгин (Мамарыгин, Мирамыгин) [Яренск (1678); Тобольск (1689); Камчатка (1731); Камчатка (1771)] т. 1, с. 478, 964; т. 2, с. 730, 877
Марков [Березов (1623); Томск (1626); Енисейск (1634); Якутск (1654); Тобольск (1700) – Якутск (1702) – Камчатка (1711); Усть–Яна – Якутск – Камчатка (1715); Киренск – Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 249, 250–251, 266, 374, 396, 418, 492, 549, 646, 662, 680, 722, 783; т. 2, с. 24, 37, 140, 158, 183, 385, 478, 485, 500, 502, 510, 651, 749
Марманский (Карманский, Номанский) [Тазовский городок – Якутск (1664) – Анадырь – Камчатка (1710)] т. 1. с. 178, 229, 385, 388, 393, 401, 488, 497, 502, 577, 879
Мартемьянов [Якутск (1645); Красноярск (1662); Енисейск – Братск (1669); Камчатка (1712)] т. 1, с. 20, 28, 144–145, 172, 174–175, 179, 183, 518, 631, 636, 650, 656, 663, 670–671, 818; т. 2, с. 10, 16, 122, 129, 144, 151, 158, 167, 168, 301, 386
Марьин [Камчатка (1854)]
Масленников [Якутск (1652); Красноярск (1662); Иркутск – Камчатка (1722)] т. 1, с. 819; т. 2, с. 505, 544
Маслецов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 768
Маслов [Яренск–Томск (1655)], т. 2, с. 415
Маслучев [Камчатка (1749)]
Маталов (Матолов, Матылев,

Матилов) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Матвеевы [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1661); Нерчинск (1685); Камчатка (1706), (1731), (1854)] т. 1, с. 276, 284, 310, 340, 695, 725, 807; т. 2, с. 10, 15, 110, 387, 525, 570, 571, 609, 657, 749, 778, 846, 877–878, 892
Матонин [Камчатка (1854)]
Матонкин [Кострома – Камчатка (1758)]
Машинский [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Машихин (Месихин, Месяхин) [Тобольск – Исецкий острог (1683); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 479, 545–546, 559
Машотин [Камчатка (1854)]
Маюр (Маер) [Германия «немчин Цесарской земли») – Енисейск (1661); Камчатка (1712)] т. 1, с. 396, 507–508
Медведев [Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1712), Императорская гавань (1853); (1854)] т. 1, с. 303, 479, 513, 641; т. 2, с. 110, 135, 505, 652
Мездрин [Камчатка (1854)]
Мезенцев [Нерчинск (1685)], т. 2, с. 499, 507, 514
Мейдер (Медер) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Меледин [Енисейск (1669); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 400, 441
Мельников [Томск (1626); Якутск (1645), Тобольск (1661); Иркутск (1686); Камчатка – Русская Америка (1780); Камчатка (1854)] т. 1, с. 411, 444, 873; т. 2, с. 132, 335, 357, 518, 547, 668, 695, 714
Мельчугов [Камчатка (1854)]
Менц [Камчатка (1854)]
Мерлин (Мерлинский) [(Камчатка (1733)] т. 1, с. 271, 310, 696; т. 2, с. 501, 711, 824, 825, 844, 884, 891
Мершенин
Метевские (Хметевские, Митевские) (Камчатка (1739); Охотск – Гижига (1743), т. 2, с. 561
Метлев [Камчатка (1854)]
Мехонцов [Камчатка (1854)]
Мешков [Томск (1648)], т. 1, с. 301, 738; т. 2, с. 514, 652, 697, 700, 707, 710, 822
Микин (Микинин) [Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 398, 447
Микитин [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Камчатка (1696)] т. 1, с. 117, 144, 211, 228, 339, 429, 447–448, 595, 607–623, 632, 634, 645, 646, 658, 663, 666, 668–670, 680, 709, 722, 743, 819, 958; т. 2, с. 37, 52, 53, 54, 78, 110, 115, 124, 126, 139, 140, 153, 159, 162, 163, 165, 167, 297, 352, 387, 388–389, 568–574, 597, 603, 609, 637, 638, 705, 741
Микко [Камчатка (1854)]
Микулин [Камчатка (1854)]
Минин [Санкт-Петербург – Охотск (1739)] т. 1. с. 436
Минозим [Якутск – Камчатка (1710)], т. 1, с. 325, 435, 487
Минюхин [Камчатка (1731), (1854)], т. 2, с. 746, 837–838
Мираманов (Мироманов) [Иркутск (1792), Императорская гавань (1853)], т. 1, с. 411; т. 2, с. 714
Мирамыгин (см. Марамыгин)
Миронов [Яренск (1678); Тобольск (1689); Нерчинск (1699); Томск (1703); Камчатка (1854)], т. 2, с. 387, 617, 668, 671
Мирошниченко [Камчатка (1854)]
Мирсанов [Нерчинск (1693), Томск (1707)] т. 1, с. 256
Митрофанов [Нерчинск (1685); Енисейск – Якутск (1706); Нерчинск – Камчатка (1722); Камчатка (1854)] т. 1, с. 722; т. 2, с. 195, 601, 624
Митюгов [Камчатка (1854)]
Михайловы [Березов (1623), Томск (1624); Енисейск – Усть–Кут (1629); Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Анадырь (1648); Тобольск – Якутск (1661); Нерчинск (1685); Якутск (1702) – Камчатка (1709); Камчатка (1854)] т. 1, с. 20, 115–118, 174, 225, 246, 252, 264, 294, 398, 400, 408, 413, 441, 518, 519, 543, 567, 594, 611, 620–622, 629, 633, 641, 644, 653, 659–661, 663, 667; т. 2, с. 10, 15, 20, 29, 45, 52, 56, 61, 110, 121, 126, 135, 146, 148, 154, 156, 158, 163, 198, 200–201, 357–358, 385, 386, 388, 398, 478, 481, 482, 495, 499, 568–573, 598, 887
Михалевы (Михалевские) [Енисейск (1669); Иркутск (1686); Якутск (1706) – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 443, 761, 820; т. 2, с. 6, 11, 84, 87, 94, 96, 547
Михин [Тюмень (1637)]
Многогрешный (Черкашенин, Зиновьев) [Украина – Тобольск – Красноярск – Иркутск – Якутск (1674); Якутск – Анадырь – р. Пенжина (1693); Камчатка (1698), (1704)] т. 1, с. 139–140, 158–160, 167, 180–181, 194–1905, 207, 214, 235, 239, 267–269, 273, 296–297, 320, 343, 363, 376–377, 558, 578, 807–808, 820, 843–846, 856–859, 861, 864, 931; т. 2, с. 222, 231, 292, 308, 312, 472, 473, 481, 542, 726–728, 883, 886
Могилев (Могулев, Могилевец) [Литва – Илимск (1661); Тобольск (1681); Иркутск (1684); Якутск – Камчатка (1703); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка (1854)] т. 1, с. 76–77, 376; т. 2, с. 503, 544–545, 547
Моисеев [Якутск (1649); Камчатка (1706); Красноярск (1695); Охотск – Камчатка (1854)] т. 1, с. 24, 230, 666, 669, 820; т. 2, с. 161, 165, 389, 562, 572
Мокеев [Камчатка (1854)]
Мокринский [Березов (1623) – Тобольск (1661) – Якутск (1693) – Камчатка (1696); Красноярск (1671)] т. 1, с. 92, 185,228, 267, 376, 571–572, 597, 680, 681–685, 699; т. 2, с. 322
Мокрошубов [Якутск (1639), Камчатка (1720)], т. 2, с. 11, 16, 65–66, 77, 149, 222, 225–226, 234, 527, 659
Молев [Камчатка (1854)]
Момотов [Тотьма – Камчатка – Япония (1778)]
Морозка (Мороска, см. также Старицын) [Великий Устюг – Якутск (1682) – Камчатка (1692)] т. 1, с. 65, 127, 129–133, 165–167, 173–174, 181, 183, 196–197, 201, 206, 209, 214, 223, 231, 234–235, 267, 276, 376, 387, 558, 763, 918; т. 2, с. 159, 227, 230, 293, 839
Морозов [Камчатка (1854)]
Москалев [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Москвин (Москва) [р. Яик (1632); Тобольск (1681); Камчатка (1707)] т. 1, с. 325, 356–357, 705, 820; т. 2, с. 29, 248, 520, 524
Москвитин [Березов (1623); Енисейск (1620); Тобольск – Якутск (1642); Москва – Томск – Охотск (1639); Илимск (1673); Иркутск (1686); Камчатка (1854)] т. 1, с. 20, 43, 266, 309, 657, 680, 702–705, 737, 740–741, 792, 963; т. 2, с. 76, 110, 140, 152, 244, 249–252, 317, 369, 377, 380, 381, 476, 528, 538, 547
Мостовский [Сольвычегодск– Камчатка – Русская Америка (1747)]
Мотериков [Сибирь – Охотск (1739)]
Мотвеев [Камчатка (1854)]
Мотовилов (Мотофилов) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Моханов [Камчатка (1708)] т. 1, с. 416
Мохнаткин [Тобольск (1719); Якутск (1720); Камчатка (1735)] т. 1, с. 963; т. 2, 521, 786
Мохов [Санкт-Петербург – Охотск (1739)]
Мошков [Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 424, 551, 941, 944, 945, 950; т. 2, с. 533–534, 622, 651, 673, 680, 682, 710, 818, 876, 880
Мошнин [Камчатка (1854)]
Мулин [Камчатка (1854)]
Мунгал [Албазин (1686); Якутск – Камчатка (1696)] т. 1, с. 228, 312, 398, 448, 498; т. 2, с. 775
Мурышев [Камчатка (1854)]
Мусинцов [Камчатка (1854)]
Мусшомов [Камчатка (1854)]
Муравлев [Камчатка (1854)]
Мурашев (Мурашов)
Мурзин (Мурза, Мурзинцев) [Тобольск (1624); Кетский острог (1629); Тюмень (1680); Иркутск – Камчатка (1722)] т. 1, с. 521; т. 2, с. 545, 685
Мурзыкаев [Камчатка (1854)]
Мутовин [Камчатка (1714); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка – Русская Америка (1773)]
Муханрянов [Камчатка (1854)]
Мухин [Томск (1631); Тобольск (1661); Тобольск – Камчатка (1768); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1812)]
Мухоплев (Мухосранов) [Томск (1648) – Якутск (1653); Енисейск – Якутск (1673); Охотск (1665), (1707); Камчатка (1718), (1729); Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 29, 62–63, 125, 136–139, 147–148, 187, 332, 495, 726, 728, 736 –745, 761, 764, 820, 905, 912–919, 950–951; т. 2, с. 201–203, 291, 351, 457, 461, 462–464, 493, 512, 517, 749, 760, 783, 838–846, 855, 864, 876, 891
Мухотдимов [Камчатка (1854)]
Мушников [Москва – Камчатка – Русская Америка (1766)]
Мыльников [Яренск – Томск (1680); Нерчинск (1685); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711); Иркутск – Камчатка (1780)] т. 1, с. 448, 561, 666; т. 2, с. 162, 500, 522, 671, 716, 777
Мышкин [Камчатка (1854)]
Мышьянов [Камчатка (1854)]
Мякишев [Селенгинск (1724)], т. 2, с. 617

Н

Нагаев [Томск (1703); Тобольск (1709); Камчатка (1731); Камчатка – Русская Америка (1780)], т. 2, с. 698, 799–800, 843
Назаров [Тобольск (1623); Енисейск (1632); Якутск (1639); Якутск – Амур (1655); Албазин (1685); Удинск (1699); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711); Санкт-Петербург – Камчатка (1727) – «Святой Гавриил» – Аляска (1732); Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 403, 463–465, 501, 564–565, 722; т. 2, с. 22, 107, 523, 560, 634, 652, 668, 671, 682, 710, 792, 799, 831, 843
Найденов [Камчатка (1854)]
Наквасин [Камчатка – Русская Америка (1745)]
Нарицын (Норицын) [Лальск (1600); Усть–Кут (1655); Якутск (1667); Албазин (1682); Иркутск (1681); Анадырь (1693); Томск (1707); Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1705); Лальск – Камчатка – Русская Америка (1758)] т. 1, с. 171, 175–177, 303–305, 384, 435; т. 2, с. 424, 454, 890
Наседкин (Насеткины) [Москва – Нерчинск – Албазин (1685); Якутск – Камчатка (1702) – Аляска (1741) – Русская Америка (1743)], т. 2, с. 686, 859
Насонов [Сургут (1655)], т. 2, с. 388, 390, 571, 572
Натканов [Камчатка (1748)]
Науменко [Камчатка (1854)]
Наумовы [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 148, 423, 426, 722, 791, 821; т. 2, с. 38, 698, 793, 800
Наянов (Наянков, Ноянов) [Томск (1634); Тобольск (1719); Якутск – Камчатка (1711); Иркутск – Русская Америка (1792)] т. 1, с. 399, 404, 410–412; т. 2, с. 714
Неборонов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Невежин [Калуга – Камчатка – Русская Америка (1783)]
Невзоров
Неводчиков [Тобольск – Якутск (1642); Великий Устюг – Тобольск (1706) – Камчатка (1742) – Русская Америка (1745)] т. 1, с. 247, 560, 640; т. 2, с. 110, 134, 562, 756
Неворотов [Тара (1635); Якутск – Камчатка (1706)] т. 1, с. 314, 378, 395, 465–466, 485, 546, 557–558, 922; т. 2, с. 796
Неволин [Камчатка (1854)]
Неделин [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 601
Недоносков [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 601
Неелов [Тобольск (1624); Камчатка (1748)] т. 1, с. 69, 528; т. 2, с. 434,
Нелюбин [Камчатка (1854)]
Неманов [Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 545
Немчинов (Немтинов) [Березов (1623), Тобольск (1623); Березов (1623); Тара (1624); Тюмень (1633); Томск – Алдан (1636) – Охотск (1639) – Якутск (1641) – Охотск (1641); Енисейск (1640); Томск – Кузнецк (1642); Сургут – Якутск – Анадырь (1648); Якутск (1683); Нерчинск (1685); Красноярск (1695)] т. 1, с. 680, 821; т. 2, с. 636, 637, 741, 877
Непомнящие
Нератовы [Иркутск – Камчатка (1850)]
Нестеровы [Тобольск (1661); Якутск (1654); Якутск – Амур (1655); Усть–Вымь – Якутск (1660); Албазин (1682); Иркутск (1684); Камчатка (1745)] т. 1, с. 666; т. 2, с. 22, 162, 388, 521, 599
Несытов [Камчатка (1854)]
Неустроев [Камчатка (1854)]

Нефедов (Нефедьев) [Тобольск (1623); Верхотурье (1661); Тара (1673); Якутск (1681); Камчатка (1748); Тобольск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Иркутская губерния Верхнеудинская волость – Камчатка (1854)] т. 1, с. 564, 811; т. 2, с. 398, 556, 568, 796
Нехорошков (Нехорошев) [Великий Устюг – Кузнецк (1656); Великий Устюг – Томск (1680); Тюмень (1700); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 24, 385, 435, 447, 487, 488, 635, 722; т. 2, с. 11, 127, 683, 704–705
Нецветаев [Якутск – Камчатка (1703), Нерчинск (1744)] т. 1, с. 281, 284, 316, 403, 466
Нечаев [Обва (Пермь) (1579); Яренск (1678); Березов (1623); Тобольск (1661); Илимск (1696); Якутск – Камчатка (1730)] т. 1, с. 680; т. 2, с. 506, 520, 697–698, 711, 795
Нижегородов [Якутск (1720)] т. 1, с.507, 522, 843
Никитин (Микитины) [Березов (1623), Якутск (1654); Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1711); Невьянских заводов житель – Камчатка – Русская Америка (1743); Камчатка (1854)] т. 1, с. 94, 117, 144, 211, 174, 228, 403, 429, 447–448, 467, 595, 607–622, 624, 632, 634, 645, 646, 658, 663, 666, 668–670, 680, 709, 722, 743, 804, 819, 822, 958; т. 2, с. 22, 24, 28, 37, 42, 52–54, 78, 110, 115, 124, 126, 139, 140, 153,159, 162, 163, 165, 167, 171, 172, 183, 241, 297, 352, 380, 385, 386, 390, 570, 572, 574, 597, 599, 603, 609, 637, 638, 705, 714, 740, 741, 744, 788
Никифоров (Микифоровы) [Якутск – Камчатка (1711); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Москва – Камчатка (1745); Москва – Камчатка – Русская Америка (1758)] т. 1, с. 144–145, 281–282, 336, 386, 594, 595, 614, 621, 664, 688, 840, 877; т. 2, с. 38, 110, 159, 384, 388, 399, 475, 554, 568, 569, 571, 723, 742, 746
Николаев [Камчатка (1854)]
Никулинский [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1783]
Никулин [Камчатка (1854)]
Нифантьев (Нифонтьев) [Енисейск (1632) – Якутск (1640); Сургут – Амур (1655); Томск (1705); Илимск (1699); Камчатка (1722), (1731)] т. 1, с. 95, 96, 225, 551, 940–943, 961; т. 2, с. 52–54, 59–60, 68, 388, 571, 756, 768–769, 852, 883
Новиков [Селенгинск (1692); Сибирский гарнизон – Охотск (1739);
Якутск – Камчатка – Русская Америка (1747); Иркутский округ – Камчатка (1854)] т. 1, с. 644, 651; т. 2, с. 138, 145, 510, 517, 523, 617–618, 779, 878, 886
Новгородов (Новогородов) [Якутск (1645); Тобольск (1661); Новгород – Томск (1680); Камчатка (1729); (1854)] т. 1, с. 155, 505, 657, 660, 797, 822, 823, 919, 950–952, 962; т. 2, с. 505, 518, 557, 712, 757, 759–761, 783, 786, 825, 838, 843–846, 855, 891
Новограбленный (Новограбленов) [Томск (1626) – Якутск (1653); Енисейск (1669); Нерчинск (1699); Иркутск – Камчатка (1730)] т. 1, с. 329, 725–731, 740–742, 747, 755, 762, 822; т. 2, с. 511, 698, 780, 782, 846, 859–861, 878, 885, 892
Новожилов [Тотьма – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Новокрещенный (Новокрещенов) [Тверской губернии – Камчатка (1854)]
Новосельцов (Новоселов) [Иркутск (1684); Великий Устюг – Тобольск (1710); Селенгинск (1722); Камчатка (1731); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 329; т. 2, с. 11, 510, 576, 618, 682, 698–699, 783–784, 846
Ноговицын [Камчатка (1854)]
Норин [Тобольск (1676); Камчатка (1771), (1799)]
Норицын (см. Нарицын) [Иркутск (1681); Якутск – Камчатка (1706)]
Носов [Тюмень (1633); Енисейск – Иркутский острог (1669); Томск (1680); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1711); Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 395, 403, 467–468, 485, 552–553; т. 2, с. 415, 715
Носонов (Насонов) [Сургут – Амур (1655); Тобольск (1661); Якутск (1663); Илимск (1673); Яренск (1678); Камчатка (1854)] т. 1, с. 560; т. 2, с. 388, 390, 571, 572,
Нюгут [Якутск (1706) – Камчатка (1709)] т. 1, с. 386,
Нюман [Иркутск – Камчатка (1854)]

О

Обрезков [Яренск (1678); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 398, 449
Облупин [Великий Устюг – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Оборин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Обуховы [Енисейск (1630), Якутск (1650); Тобольск (1661); Иркутск (1699); Камчатка (1731); Камчатка – Русская Америка (1743), (1753)] т. 1, с. 29–31, 33, 64, 331; т. 2, с. 11, 15, 291, 416, 428, 430–437, 442–443, 551, 559, 740, 745–747, 808, 830
Обуховский (Обухович) [Литва – Тобольск (1661); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 468, 568, 822, 757, 761, 762
Обяков [Камчатка (1854)]
Овдин [Камчатка (1854)]
Овечкин [Охотск (1739); Камчатка (1854)]
Овсянников [Курск –Камчатка Русская Америка (1767); Камчатка (1854)];
Овцын [Кострома – Камчатка – Аляска (1741); Камчатка – Япония (1777)]
Овчинниковы [Иркутской губернии – Камчатка (1854)] т. 1, с. 38–39; т. 2, с. 50–51
Огнев [Иркутская губерния Нижнеудинская волость – Камчатка (1854)] т. 1, с. 808
Оглоблин [Нерчинск (1685); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792)] т. 1, с. 411; т. 2, с. 389, 571
Ознобихин [Братск (1746); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792)] т. 1, с. 411; т. 2, с. 714
Ожогин [Камчатка (1854)]
Околтышев [Камчатка (1746)], т. 2, с. 746, 830
Оконишников (Оконешников) [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1770); Камчатка (1854)]
Окулов [Сибирский гарнизон – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Оленев [Камчатка (1854)]
Олесов [Рязань (1696); Якутск (1681); Камчатка (1729); Камчатка – Русская Америка (1783)] т. 1, с. 963; т. 2, с. 501, 786
Олешев [Камчатка (1854)]
Оловенников (Оловеничник, Оловенишников, Оловянишников) [Томск (1630); Тара (1689); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1748)]
Олферов (Олферьев) [Томск (1620); Тобольск (1689); Якутск (1681); Камчатка (1707)] т. 1, с. 389, 407, 444; т. 2, с. 439, 469
Омутов [Камчатка (1854)]
Онкудинов (см. Анкудинов)
Онофриев [Якутск (1639)], т. 2, с. 107, 110, 135, 438, 879
Онохов [Тобольск (1719); Камчатка (1799)]
Оноховские [Тобольск – Якутск (1647); Якутск – Охотск (1651) – р. Яна (1652)] т. 1, с. 17–19, 23–25, 28, 34, 49, 51, 56, 633, 665, 666; т. 2, с. 125, 161
Опарин [Тобольск (1683); Камчатка (1799), (1854)] т. 1, с. 747; т. 2, с. 671
Опашков [Камчатка (1854)]
Ордин [Вага (?); Тобольск (1710); Камчатка (1831)]
Орефин
Орехов [Тула – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Орешков [Камчатка (1854)]
Орлик [Томск (1626); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 286, 395, 397, 403, 468; т. 2, с. 735–736, 743, 749
Орлов (Орловлянин) [Березов (1623), Якутск (1685); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1711); Иркутск – Камчатка (1854)] т. 1, с. 398, 427–428, 449–450, 680, 823; т. 2, с. 111, 516, 618, 806
Осекин [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1762)]
Осипов [Енисейск – Ленский острог (1632); Томск – Охотск (1639); Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1654); Якутск – Анадырь – Камчатка (1696); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка, (1740); (1854)] т. 1, с. 70, 154, 225, 492, 649, 654, 658, 705, 746, 927, 936; т. 2, с. 11, 24, 52–54, 111, 143, 148, 153, 222–225, 227, 250, 387, 389–390, 439, 523, 555, 570, 572, 597, 624, 633, 643
Осипцов [Камчатка (1854)]
Осколков [Якутск (1637); Илимск – Албазин (1655); Камчатка, (1730), (1854)] т. 1, с. 142, 262, 693; т. 2, с. 65, 365–367, 437–438, 441–442, 604, 652, 699, 768, 769, 808–810
Ослоповский (Ослопов) [Запорожье – Белозерск (1615) – Вологда; Березов (1623), Иркутск (1688); Тобольск (1709); Селенгинск (1719); Камчатка (1740)] т. 1, с. 668, 680; т. 2, с. 164
Осокин [Верхотурье – Тобольск (1680); Тобольск – Камчатка – Русская Америка (1768); Камчатка (1854)]
Останин [Санкт-Петербург – Охотск (1739)]
Остафьев (Евстафьев) (см. Астафьев) [Тобольск (1623); Тобольск – Тюлькина земля (Красноярск) (1627); Камчатка, (1727), (1854)]
Островской [Польша – Сибирь (1635); Польша – Томск – Ачинск (1641); Литва – Тобольск – Кузнецк (1661); Великий Устюг – Томск (1680); Тобольск (1710); Камчатка (1731); Камчатка – Япония (1778)] т. 1, с. 852; т. 2, с. 518, 740, 747–748, 883
Осьминин [Камчатка (1745)]
Охлобков (Охлопков) [Березов – Амур (1656); Якутск (1661); Камчатка (1812)] т. 1, с. 33, 55, 120, 278; т. 2, с. 399, 758
Охопчинский [Верховажск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Ошмарин [Охотск (1739); Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]
Ощепков [Верхотурье – Ново–Пышминская слобода (1654); Енисейск – Амур (1655); Якутск (1659); Тобольск (1681); Илимск (1699); Тобольск – Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 397, 399, 479–480, 480, 539, 544; т. 2, с. 573

П

Павловы [Литва – Сибирь (1598); Тобольск (1623); Тюмень (1624); Томск (1626); Енисейск (1632) – Якутск; Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Анадырь (1647); Польша – Астрахань – Тобольск–Томск (1661); Якутск – Охотск (1678); Албазин (1682); Якутск– Анадырь (1662); Камчатка (1705), (1748), (1854)] т. 1, с. 60, 186, 198, 225, 272, 307, 344, 416, 429, 444, 526, 540–541, 572–573, 592, 603, 608–611, 613–614, 622, 632–633, 636, 649, 654, 663, 693, 707, 713, 722, 739, 797, 798, 807, 822, 823–824, 834, 859, 873, 887, т. 2, с. 11, 16, 45, 52, 69, 77–78, 80, 83, 104, 108, 111, 124, 126, 129, 144, 149, 159, 174–176, 183–185, 194, 386, 388–390, 399, 439, 569, 571, 573, 723, 742, 799
Павлуцкий (Павлотцкий) [Литва – Тобольск (1622); Исецкий острог (Тюмень) (1690); Якутск (1699); Камчатка (1733)] т. 1, с. 286, 310, 824, 951, 952, 954; т. 2, с. 201, 578, 580, 626, 628, 644–646–648, 652–654, 657, 671–672, 679, 689, 694–696, 710, 712, 813–814, 817, 891
Падерин (Падера) [Березов (1623), Енисейск (1632); Якутск – р. Яна (1641); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Илимск (1696); Удинск (1697); Камчатка (1799)] т. 1, с. 650, 680; т. 2, с. 24, 144, 303, 439–440, 618
Пакулев [Тобольск (1689); Камчатка (1725)] т. 1, с. 250, 492; т. 2, с. 749
Палагин [Псков – Камчатка (1854)]
Паламошнов (Паламошный, Поломошной) [Лальск Соливычегодского уезда – Томск (1616); Якутск (1653); Ялуторовск (1676); Камчатка (1735)] т. 1, с. 131, 138, 736–737, 741–742, 754, 763; т. 2, с. 226, 358, 460–462, 464, 502, 551, 613, 618, 742
Панкарин (Панкариновы) [Камчатка – Русская Америка (1728), Чукотка (1731)] т. 1, с. 381, 542
Пановы [Тобольск – Якутск (1642); Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1711); Сибирский гарнизон – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Камчатка – «Святой

Петр» (1741) – Русская Америка; Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1758); Санкт-Петербург (1762) – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 129, 401, 478, 504, 547, 595, 629, 641, 824, 946, 964; т. 2, с. 111, 120, 135, 517, 730–731

Пантелеев [Томск (1626); Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Камчатка (1707)] т. 1, с. 145, 324, 338, 647; т. 2, с. 11

Пантюхин [Камчатка (1854)]

Панфилов [Березов (1623); Якутск (1654); Якутск – Охотск (1677); Тобольск (1696); Камчатка (1707)] т. 1, с. 14, 25, 79–82, 84–85, 324, 347, 420, 465, 680; т. 2, с. 151, 261, 398, 524, 569

Паньков (Панков) [Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка (1767)]

Паншин (Паньшин, Паньшинин) [Тобольск (1623); Лива – Верхотурье – Тюмень (1661); Илимск (1677); Якутск (1680); Камчатка – Русская Америка (1743)], т. 2, с. 692

Панютины [Тобольск (1601); Тобольск – Якутск – Камчатка (1707); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 177, 269, 297, 304, 356, 366, 374, 381–383, 385, 395, 397, 399, 418–419, 433, 457, 480, 487, 539–543, 572, 596, 870–871; т. 2, с. 11–13, 107–114, 169–170, 491, 541, 548, 591, 608–609, 729, 748, 786, 787

Парадеев [Камчатка (1854)]

Парамонов [Вага – Березов – Томск (1626); Иркутск – Камчатка (1722)] т. 1, с. 939; т. 2, с. 493, 545, 629

Паранчины [Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732), Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 1, с. 356; т. 2, с. 494, 520, 673, 680–683, 699

Парилов [Яренск (1678); Якутск (1681); Тобольск (1710); Камчатка (1721)] т. 1, с. 492; т. 2, с. 500, 749

Парунин [Камчатка (1854)]

Парунов [Камчатка (?)]

Парфенов [(Якутск (1650); Тюмень (1680); Тобольск (1696); Камчатка (1854)], т. 1, с. 240, 824; т. 2, с. 11, 88, 112, 385, 386–388, 505, 569–571, 599

Парфентьев (Парфеньев) [Березов (1623), Камчатка (1854)] т. 1, с. 32, 592, 636, 670, 680, 706; т. 2, с. 129, 167

Пастухов [Енисейск (1661); Тобольск (1689); Селенгинск (1719); Камчатка (1748)]

Патканов

Пахолков [Великий Устюг – Енисейск – Иркутск (1695); Камчатка (1730)] т. 1, с. 824; т. 2, с. 652, 699

Пахомов [Якутск (1720)], т. 2, с. 520

Пашенной [Сибирский гарнизон – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка]

Пашков [Енисейск (1650), Енисейск – Амур (1656); Илимск (1696); Камчатка (1725), Камчатка – Большерецкий бунт (1771); (1854)] т. 1, с. 25, 110, 329, 421, 433, 565, 590, 867, 893, 944, 946, 950, 952, 964, 968; т. 2, с. 263, 266, 272–277, 279–281, 285, 379– 382, 392, 394–395, 402–415, 423, 426, 447–449, 467, 539, 560, 566, 698, 715, 717, 756, 773, 782–783, 786, 846–847, 860, 862–863, 884, 892

Пашук

Пежемский [Иркутск (1697); Охотск – Камчатка – Япония (1777)], т. 2, с. 433

Пелопонисов [Нежин – Камчатка (1769)]

Пенижин (Пинежанин, Пенизины, Пинизин, Пинижин Пинезины) [Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Енисейск (1669); Пенжа – Томск (1680)] т. 1, с. 303, 591, 596, 625, 626, 628, 640, 642–644, т. 2, с. 111, 11301, 415, 618, 671

Пенкин [Камчатка (1854)]

Первушин [Камчатка (1854)]

Первяков [Камчатка (1854)]

Перебякин [Камчатка (1703); Камчатка – Русская Америка (1759)] т. 1, с. 285–286, 325, 352, 557; т. 2, с. 685, 690, 703, 847

Перевалов [Тобольск (1689); Красноярск (1671); Якутск (1687); Тюмень (1700); Селенгинск (1719); Чукотка (1727); Охотск (1739); Камчатка (1746); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 358; т. 2, с. 522, 551, 618, 746, 830

Переломов [Мангазея (1665); Енисейск (1669); Иркутск (1688); Нерчинск (1689); Якутск (1691); Камчатка (1711)] т. 1, с. 231, 251, 372, 388, 402, 403–404, 406, 468, 555; т. 2, с. 818, 819, 848

Перкушев (Яренск – Камчатка – Руская Америка (1763)

Пермяков [Енисейск (1632); Якутск (1642); Якутск – Анадырь (1648); Анадырь – Камчатка (1662); Якутск – р. Пенжина (1677); Тобольск (1704); Камчатка – Русская Америка (1732); Сибирь – Охотск (1739)] т. 1, с. 199, 329, 409, 433, 510, 930, т. 2, с. 83, 149, 152, 155, 212, 215, 222, 227, 233, 234–237, 303, 308, 499, 526, 659, 673, 679–683, 698, 701, 702, 711, 764, 800–804, 815, 817, 833, 846, 865–866

Переплеткин [Камчатка (1854)]

Перескоков [Камчатка (1854)]

Перминов [Камчатка (1854)]

Перфильевы (Перфирьевы) [Тобольск – Сургут (1594); Тара (1594); Мангазея (1600), Сургут – Енисейск (1618) – Байкал (1622); Томск (1626); Енисейск – Якутск – р. Яна, р. Оленек (1634); Енисейск – Шилка (1653); Енисейск – Иркутский острог (1663); Тотьма – Томск (1680); Соливычегодск – Томск (1680); Нерчинск (1685); Иркутск (1698); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 24, 126, 144, 145, 416, 466, 570, 632, 634–635, 640, 664, 666, 698, 701, 722; т. 2, с. 31, 52, 75, 124, 127, 133, 160, 162, 238–243, 265–266, 268–270, 285–290, 304, 314, 318–319, 324, 388, 454, 520–521, 542, 549, 571, 609, 696, 705, 796,

Перцов [Камчатка (1854)]

Пестов [Якутск (1650); Иркутск–Якутск (1722)], т. 2, с. 558, 569, 692

Пестряков (Пестреков, Пестревов) [Тобольск (1689); Якутск – Камчатка (1703)] т. 1, с. 273, 394; т. 2, с. 515

Петриловский [Якутск – Амур (1655); Камчатка (1715)] т. 1, с. 64, 128–129, 254, 329, 488, 491, 500, 732, 851, 853, 855–856, 890–895, 902–904, 924, 928, 953; т. 2, с. 257, 259, 284–285, 372, 382, 383, 386, 477–478, 482, 499, 642, 851, 856

Петров [Литва – Тобольск (1598); Березов (1623), Томск (1626); Енисейск – Ленский острог (1632); Томск – Охотск (1639) – Амур (1643); Якутск (1661); Вятка – Томск (1680); Кузнецк (1681); Албазин (1686); Якутск – Анадырь – Камчатка (1696); Якутск – Камчатка (1707); Якутск – Анадырь (1712); Иркутск – Камчатка (1722); Санкт-Петербург – Камчатка (1727); Санкт-Петербург – Охотск (1738); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Олонецкая губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 73, 80, 118, 139, 168, 229, 254, 259, 288, 324, 339, 362, 375, 384, 395, 404, 410–411, 421, 424, 438, 457, 485, 495, 528, 534, 596, 598, 622, 631, 663, 667, 680–681, 705, 722–723, 746, 759, 762, 792, 807, 824, 834, 871, 885–890, 906, 913, 920, 936–939, 948–950, 963, 964; т. 2, с. 24, 26, 27, 31, 38, 45, 47, 83, 123, 151, 155, 159, 162, 183, 201, 246–247, 250–252, 304, 317, 370, 378, 384, 387–389, 399, 440, 491, 519, 530, 532, 545, 568–574, 618, 624, 631, 634, 651, 658, 673, 677, 678, 683, 694, 696, 708–710, 751, 752–755, 815–816, 821, 832, 840, 843, 847–848, 850–853, 863, 876

Петровых (см. Наянов) [Якутск – Камчатка (1711)], т. 1, с. 362, 398–399, 404, 410–411

Петунин [Камчатка (1854)]

Петух, Петухов [Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 486; т. 2, с. 520

Петушин [Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка – Япония (1775)]

Петушков [Охотск (1774)], т. 2, с. 809

Пешков [Нерчинск (1675); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 398, 451, 454; т. 2, с. 546

Пещера (Александровых) [Якутск –Камчатка (1696)] т. 1, с. 207, 208, 229–230, 387, 393, 401, 497, 577, 879

Пивнев [Якутск (1681); Камчатка (1706)] т. 1, с. 310–311; т. 2, с. 495

Пивоваров [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 501, 618

Пикалев [Камчатка (1854)]

Пикин [Камчатка (1854)]

Пиляев [Камчатка (1731)], т. 2, с. 750–751

Пиляков [Якутский полк – Охотск – Камчатка (1739)]

Пинигин (Пенигин, Пинегин, Пенегин) [Тюмень (1624); Якутск (1647); Камчатка (1740)] т. 1, с. 8, 303, 707, 955; т. 2, с. 500

Пинизин (см. Пенижин, Пинижин, Пинезин, Пинижанин)

Пирогов (Пироговский) [Яренск (1678); Енисейск (1669); Камчатка (1696)] т. 1, с. 221, 230

Пироговский [Камчатка (1854)], т. 2, с. 504

Пирожников [, Тобольск (1700); Камчатка (1745)] т. 1, с. 825

Писарев [Тобольск (1633); Удский острог (1697); Камчатка (1730)] т. 1, с. 271, 285, 695; т. 2, с. 525, 650, 654, 681, 824

Питухин [Якутск (1659); Камчатка (1706)] т. 1, с. 145, 231, 325, 351–352

Пихтин [Камчатка (1854)]

Пленинснер [Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741)]

Плетнев [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]

Плеханов [Камчатка (1854)]

Плишкин (Плишнин) [Красноярск (1668); Камчатка (1735)]

Плотников [Тобольск – Якутск (1642); Яренск (1678); Казань – Томск (1680); Вычегда Яренского присуда – Томск (1680); р. Вымь Яренского присуда – Томск (1680); Тобольск –Томск (1680); Белоозеро – Томск (1680); Великий Устюг – Томск (1680); Нерчинск (1685); Иркутск (1688); Якутск (1663); Якутск – Камчатка (1711); Горохов – Камчатка – Руская Америка (1750); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 198, 231, 344, 469–470, 569, 591, 624, 627, 628–629, 639, 641–644, 648, 658, 713, 859; т. 2, с. 111, 498, 716, 824

Плюснин [Нерчинск (1685); Селенгинск (1719); Тобольск (1710); Камчатка – Япония (1777)]

Плясунов [Камчатка (1854)]

Пнев [Камчатка (1854)]

Погодаев (Погадаев) [Охотск – Камчатка (1771)]

Подварпов [Камчатка (1854)]

Подкорытов [Ирбицкая слобода Верхотурского уезда – Шадринская слобода (Тобольский уезд) (1680); Камчатка (1854)]

Подобин [Камчатка (1854)]

Подпругин [Селенгинск (1719); Камчатка (1853)]

Подшивалов [Енисейск (1669); Нерчинск (1699); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 384

Поздеев [Великий Устюг – Томск (1680); Камчатка (1854)]

Покаскоп [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1763)]

Полабин

Полевой [Курск – Камчатка – Русская Америка (1758)]

Полежаев [Енисейск (1669); Иркутск (1684); Камчатка (1731)], т. 2, с. 673, 683, 710, 804–805

Поливанов [Рязань – Тобольск (1628); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1703), (1731)] т. 1, с. 247, 296, 299–301, 325, 351, 530; т. 2, с. 564, 699–700, 707, 711, 793, 810, 822

Полковников [Бердский острог (Томск) (1719); Санкт-Петербург – Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]

Полников [Камчатка (1711)]

Половинкин [Камчатка (1771)]

Полосков (Полозков, Полозов) [Кострома (1654) – Томск (1663); Тобольск (1661); Камчатка (1729); Илимск – Камчатка (1758)] т. 1, с. 952; т. 2, с. 514, 733–734

Полум [Камчатка (1854)]

Полуектов [Енисейск – Ленский острог (1632); Томск (1648) – Якутск (1653); Тобольск (1661); Камчатка (1714)] т. 1, с. 137–139, 531, 722, 891–892, 924, 927–929, 969; т. 2, с. 24, 843, 856

Поляков [Тобольск (1624); Тобольск – Якутск – Амур (1650); Якутск (1646); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка – Русская Америка (1732); Камчатка (1854)], т. 2, с. 255–256, 258, 260, 261, 369–371, 377–378, 380–381, 513, 546, 652, 673, 681, 683, 700, 710–711,

788–789, 792, 804, 825
Помаскин [Тобольск (1661); Яренск (1678); Якутск – Охотск (1650); Нерчинск (1685); Иркутск (1686); Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 546–548
Пономарев (Панамарев) [Енисейск (1669); Илимск (1673); Тобольск (1683); Якутск – Камчатка (1710); Камчатка – Русская Америка (1758); Нерчинск (1699); Якутская область – Камчатка (1834); Иркутская губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 737, 741, 922, 929; т. 2, с. 722–723, 886
Понапрасов [Вологодская губерния – Камчатка (1854)]
Понятовский (Панятовский) [Тюмень (1680) – Якутск (1706); Якутск – Анадырь (1710)], т. 2, с. 500
Поповы [Енисейск – р. Шилка – р. Нерча (1652); Лальск – Камчатка (1762); Тотьма; Великий Устюг – Камчатка (1766); Иркутск – Камчатка (1722); Иркутск – Якутск (1722); Сибирский гарнизон – Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Сольвычегодск – Камчатка (1761); Камчатка – Япония (1777); Камчатка (1854)] т. 1, с. 136–138, 250, 286, 310–311, 325, 333, 352, 357, 396, 425, 455, 492–493, 502, 552, 594–596, 628, 651, 654, 695, 728, 743, 745, 797, 820, 825, 912, 914–915, 919, 929, 932, 940–941, 943, 964; т. 2, с. 38, 111, 120, 145, 206, 253, 257, 259, 272, 355, 356, 388, 392, 415, 433, 462, 463, 464, 493, 500, 501, 503, 506, 518, 523–525, 548, 558, 564, 571, 618, 664, 667, 670, 692, 700–701, 714, 716, 725, 740, 748–750, 755, 762, 778, 786–787, 792, 802, 826, 828, 841, 844, 846, 849, 878, 883, 892
Попков [Якутский полк – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка], т. 2, с. 552
Поповцев [Енисейск (1669); Яренск (1678); Соликамск – Шадринская слобода (1680); Чердынь – Шадринская слобода (1680); Тобольск (1696); Тобольск (1700) – Якутск – Анадырь (1706) – Камчатка (1707)] т. 1, с. 246–248, 255, 260, 262–263, 340, 351, 413; т. 2, с. 461, 482–483
Порнов (Порной)
Поротов [Яренск (1678); Братск (1696); Енисейск – Якутск (1706); Тобольск (1709); Якутск – Камчатка (1704), (1710), (1718), (1834)] т. 1, с. 161, 214, 259, 900, 905–908; т. 2, с. 293, 496
Порохин [Тобольск (1689); Нерчинск (1699); Камчатка (1799)]
Портнов [Соливычегодск – Томск (1680); Вятка – Томск (1680); Камчатка (1702), (1731)], т. 2, с. 774–775
Портнягин (Портняга) [Якутск (1666); Соливычегодск – Томск (1680); Казань – Шадринская слобода (1680); Нерчинск (1685); Тобольск (1689); Тюмень (1700), Якутск (1706); Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741); Охотск – Камчатка (1771); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 322, 426, 428; т. 2, с. 41, 219, 516, 673, 700, 805–807
Посельский [Нерчинск (1699); Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка (1780)]
Поспелов [Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1854)], т. 2, с. 111, 140, 470, 601
Посников (Постников) [Верхотурье (1620); Енисейск (1639); Сольвычегодск – Томск (1680); Тюмень – Томск (1680); Тобольск (1661); Якутск – Камчатка (1711); Шуя – Камчатка – Русская Америка (1759)] т. 1, с. 58, 69, 88, 167, 203, 205, 207, 210–211, 235, 292, 362, 389, 398–400, 404, 408–410, 442, 450, 561–563, 574, 585, 587, 589, 652, 741, 825, 871; т. 2, с. 9, 16, 52, 62, 146, 234, 801, 878–879
Потанин [Тара (1659); Тобольск (1683); Камчатка (1707)] т. 1, с. 325, 353–355
Потапов [Якутск (1660); Нерчинск (1685); Камчатка (1691), (1745); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Волоколамск Московской губернии – Камчатка (1854);] т. 1, с. 144–145, 151–152, 199, 201, 343, 595, 714, 825; т. 2, с. 157, 198, 201–204, 222, 230–233, 277, 285, 308, 412, 496, 497, 511, 515, 557, 659, 668, 711–712, 760–761, 778
Потолов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Потонкуев [Камчатка (1735)]
Поушев [Камчатка (1854)]
Правоверовы
Пражеский [Камчатка (1745)]
Пранцо [Эстляндия – Камчатка (1854)]
Предит [Камчатка (1854)]
Преснецов [Тобольск (1701) – Камчатка (1703)] т. 1, с. 269, 376; т. 2, с. 545
Прибылов [Якутск (1654); Камчатка (1696); Камчатка (1712); Тобольск (1719); Охотск – Камчатка – Русская Америка (1781)] т. 1, с. 211, 230–231, 504–505; т. 2, с. 598, 609, 668
Привалихин [Камчатка (1730)], т. 2, с. 701
Прикащиков [Камчатка (1854)]
Притчины (Придчины, Причины) [Березов (1623); Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1740)], т. 1, с. 680
Пройдошев [Камчатка – Русская Америка (1773)]
Пройдошин [Камчатка (1735)], т. 1, с. 310, 695; т. 2, с. 750, 778, 846, 878
Прокопьев [Томск (1626); Якутск (1645); Тобольск (1696); Камчатка (1745), (1854)] т. 1, с. 19, 65, 81, 143, 145, 462, 592, 627, 632, 635, 663, 664, 669, 740, 825; т. 2, с. 118, 124, 127, 158, 159, 165, 385, 386, 568–571, 597
Прокошев [Камчатка (1854)]
Проскуряков [Вологда – Камчатка (1771); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Протасов [Якутск (1681); Тобольск (1696); Камчатка (1707); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1762); Иркутск – Камчатка – Русская Америка(1777)], т. 2, с. 519, 521,
Протодьяконов [Якутск – Камчатка – Русская Америка (1769)]
Протопопов [Березов(1623), Томск (1680); Свияжск – Казань – Тобольск – Томск (1680); Мезень Колмогорского уезда – Томск (1680); Тобольск (1681); Якутск – Камчатка (1705), (1711), (1748)] т. 1, с. 58–59, 66, 71, 188, 269, 301–302, 356, 365, 380, 398, 450–451, 563–564, 660, 685, 691, 754, 849, 865–867; т. 2, с. 98, 155, 264, 350, 379, 382, 384, 491, 527, 536, 568, 618, 701, 794, 803, 858
Протунцевский (см. Хотунцевский)
Прохин [Камчатка (1707)]
Прудецкие [Якутск (1685)], т. 1, с. 826; т. 2, с. 497
Прянишников [Верхотурье (1636); Тобольск (1696); Якутск (1706) –Камчатка (1707)] т. 1, с. 324, 339; т. 2, с. 496, 779
Птицын [Красноярск (1662); Тобольск (1689); Камчатка (1707)] т. 1, с. 339
Пурга
Путиловы [Тобольск (1661); Енисейск (1669); Камчатка (1731); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка(1763)], т. 2, с. 517, 861–862
Путинцов (Путимцов, Путинцев) [Томск (1626); Путивль – Томск (1680); Москва – Томск (1680); Тобольск (1700); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1. с. 401, 488, 496–497, 577, 792, 963; 219, 317, 325, 326, 474, 746, 809,
Путылин [Камчатка (1854)]
Пушинин [Императорская гавань (1853); Камчатка (1854)]
Пушкаревы [Тобольск – Якутск (1642); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка – Русская Америка (1760); Тобольск – Камчатка – Япония (1778)] т. 1, с. 707; т. 2, с. 80, 112, 175, 548
Пушляков [Камчатка (1854)]
Пушников [Тобольск (1696); Нерчинск (1699); Камчатка (1799)], т. 2, с. 166
Пчелинков [Камчатка (1748)]
Пшенников [Енисейск (1669); Якутск (1761); Камчатка (1799)], т. 2, с. 631
Пыжик [Тобольск (1689); Камчатка (1730)]
Пыльянов [Камчатка (1854)]
Пыхтин [Охотск – Камчатка (1854)]
Пьянковы [Камчатка (1854)]
Пятченин [Тобольск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]

Р

Рагозин (Рогозин, Рогозинников) [Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Иркутск – Камчатка (1722)] т. 1, с. 590, 594, 595; т. 2, с. 112, 387, 513, 548–549, 570
Радихин (Родихин) [Камчатка (1731)] т. 1, с. 967; т. 2, с. 751, 755
Ракитин [Илимск (1707); Тобольск (1720); Камчатка (1748)] т. 1, с. 550, 920, 942; т. 2, с. 492, 534, 536–538, 626
Расилиус [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Распопин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Рассадников [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1. с. 396, 493
Рассон [Камчатка (1854)]
Расторгуевы [Томск (1626); Тобольск (1661); Якутск (1654); Нерчинск (1685); Камчатка (1746); Камчатка – Русская Америка (1773)] т. 1, с. 746, 907; т. 2, с. 671
Рахмадулин [Камчатка (1854)]
Ребров [Тобольск – Мангазея (1631) – р. Лена (1632); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка (1771)] т. 1, с. 16, 172, 283, 315, 574, 660, 916; т. 2, с. 27, 52–53, 56–57, 59, 85–86, 155, 234, 298, 301, 303, 497, 549–550, 680, 683, 701–702, 758, 801, 803
Редикорцов [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]
Редин
Рейнов [Камчатка (1854)]
Релюк [Камчатка (1854)]
Ремез (Ренез) [Томск – Охотск (1639); Якутск (1689), Камчатка (1713)] т. 1, с. 705, 827; т. 2, с. 250, 310–311, 331, 618, 839
Репин [Тобольск (1623); Пустозерск – Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка (1854)] т. 1, с. 592; т. 2, с. 502, 736
Реутов [Тобольск (1689); Камчатка (1748)]
Решетков
Решетниковы [Тобольск (1623); Илимск (1677); Нерчинск (1685); Иркутск (1692); Якутск (1706); Томск (1707); Камчатка (1813)], т. 2, с. 496, 505
Рогов [Императорская гавань (1853)]
Рогозин (см. Рагозин)
Родионов [Охотск (1739); Камчатка (1854)]
Родихин (см. Радихин)
Родичев [Санкт-Петербург – Охотск (1739)]
Романовы [Енисейск – р. Лена (1631); Якутск (1646); Красноярск (1662); Тюмень (1680); Камчатка (1854)], т. 2, с. 20, 286, 388, 511, 618, 781, 849
Романцов [Тобольск (1720); Иркутск–Якутск (1722)], т. 2, с. 558–559
Ромин [Камчатка (1854)]
Ромнев[Камчатка (1854)]
Росляков [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1758); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Роспопины [Камчатка (1854)]
Россыхин [Иркутск – Камчатка (1854)]
Рубец (см. Бакшеев, Рубцов) [Камчатка (1662); Илимск (1673)] т. 1, с. 16, 42, 81, 134, 139, 190, 342–344, 445–446; т. 2, с. 205–206–215, 222, 306–307, 461, 586, 802
Рублев [Якутский полк – Охотск (1739)]
Рубцов [Тобольск (1661); Камчатка (1731)], т. 2, с. 879
Рудаков [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)]
Рудых [Усть–Кут (1645); Нерчинск (1669); Камчатка (1854)]
Руганов [Камчатка (1854)]
Ружников [Тобольск (1689); Камчатка (1707)] т. 1, с. 246–247, 324, 339–340, 413; т. 2, с. 483
Рукавишников [Суздаль – Камчатка – Русская Америка (1766)]
Рупанов [Камчатка (1854)]
Русанов [Тюмень (1633); Тобольск (1661); Камчатка (1731)] т. 1, с. 593, 595; т. 2, с. 757, 761–762
Русинов [Камчатка (1854)]
Рушков
Рыбинский [Москва – Камчатка – Русская Америка (1747)]
Рыбников [Томск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1780); Камчатка (1854)]
Рыбяков [Охотск (1739)]
Рыковы [Смоленск – р. Лена (1668); Украина – Красноярск (1671); Илимск (1673); Киренск (1699); Камчатка (1854)]
Рымов [Тобольск; Камчатка (1854)]
Рыпачев [Камчатка (1745)], т. 2, с. 517
Рысев [Тобольск (1689); Селен-

гинск (1719); Иркутск–Якутск (1722)], т. 2, с. 512, 559
Рычков (Рычьковы) [Якутск (1681), Тобольск (1710); Камчатка (1854)] т. 1, с. 470, 746; т. 2, с. 24, 38
Рюмин [Тобольск (1661); Камчатка (1731); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 329; т. 2, с. 749, 780, 782, 846, 862, 864, 891
Рязанов [Москва – Тобольск (1689); Камчатка (1854)] т. 1, с. 352, 936, 956
Рязанцев [Камчатка (1829)]

С

Сабинин [Якутск – Анадырь (1668); Москва – Камчатка – Русская Америка (1758)], т. 2, с. 194
Саблин [Мангазея (1654); Тобольск (1696); Камчатка (1718)] т. 1. с. 501, 895, 922, 929
Саватеев [Нерчинск (1685); Тобольск (1689); Селенгинск (1719); Камчатка (1705)] т. 1, с. 306–307; т. 2, с. 612, 618, 657
Савельевы (Савелов) [Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Москва – Камчатка Русская Америка (1777); Камчатка (1854)] т. 1, с. 592, 641, 658, 746, 807, 828; т. 2, с. 112, 134, 153, 398, 542, 552, 724
Савин [Березов (1623), Тобольск (1623); Тобольск – Енисейск (1625); Енисейск (1625); Якутск (1661), Москва – Томск (1680); Албазин (1686); Илимск (1696); Камчатка (1748)] т. 1, с. 28, 45, 81, 144–145, 293, 469, 680, 869; т. 2, с. 21, 76, 239, 321, 385–386, 390, 440, 569–570, 604
Савинские (Савицкий) [Тобольск (1623), Тюмень (1680); Якутск – Камчатка (1711), (1799)] т. 1, с. 400, 442, 451
Савченков [Верхнеудинск Иркутской губернии – Камчатка (1854)]
Садилов [Тобольск (1689); Томск (1703); Камчатка (1725); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка(1766)] т. 1, с. 946, 965; т. 2, с. 730
Садовниковы [Якутск (1657); Енисейск (1684); Москва – Енисейск – Иркутск (1686); Илимск (1696); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732) т. 1, с. 828; т. 2, с. 682, 702
Садовский [Люблинское воеводство – Камчатка (1854)]
Сажин [Тобольск (1661), Камчатка (1854)] т. 1, с. 635, 669; т. 2, с. 127, 165, 386–387, 590–591
Сазанов [Камчатка (1854)]
Саладров
Саламатов [Соликамск – Томск (1620); Москва – Томск (1650); Томск – Охотск (1639); Нерчинск (1685); Красноярск (1662); Якутск – Камчатка (1707), (1730)] т. 1, с. 324, 348–349, 403, 470–471, 679, 705, 711, 742, 867, 968; т. 2, с. 250, 652, 685, 702, 846
Салауров [Камчатка (1748)]
Салдатов [Камчатка (1854)]
Салтыков [Камчатка (1854)]
Самарской (Самара) [Нерчинск (1685); Камчатка (1854)]
Самойлов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Сургут – Енисейск; Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Енисейск – Камчатка Русская Америка (1777); Кяхта–Камчатка–Япония (1777); Камчатка (1854)], т. 2, с. 369, 387, 439, 514, 805
Санапальников (Самопальников, Сенапальников) [Тобольск (1656); Иркутск (1695); Камчатка (1799)] т. 1, с. 220; т. 2, с. 668, 671
Сандалин
Санинков [Камчатка (1731)], т. 2, с. 702, 792, 810–811
Санников [Тобольск (1623); Якутск (1706); Камчатка – Русская Америка (1743)] т. 1, с. 172; т. 2, с. 692, 702, 810
Санчилов [Камчатка (1705)]
Сапенков [Камчатка (1854)]
Сапожников [Березов (1623), Томск (1630); Тобольск – Якутск (1642); Енисейск (1669); Вятка – Томск (1680); Великий Устюг – Томск (1680); Камчатка (1729); Камчатка – Русская Америка (1760); Суздаль – Камчатка – Русская Америка (1773)] т. 1, с. 639, 680, 729, 741, 744, 759, 764, 828, 936, 948–949, 951, 965; т. 2, с. 112, 132, 430, 433–434, 506, 521, 524, 544, 754, 824, 853, 862–864
Саранчин [Енисейск – Амур (1556); Тобольск (1661); Тюмень (1680); Камчатка (1731)] т. 1, с. 248, 494, 592, 595; т. 2, с. 398, 516, 737–740
Сараханов [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Сафронов [Камчатка (1854)]
Сафрыгин (Софрыгин) [Камчатка (1748)]
Сахаров [Тобольск (1689); Якутск (1852); Камчатка (1854)]
Световой (Светоносов) [Камчатка (1731)], т. 2, с. 161, 702, 792, 811
Свешников [Березов (1623), Якутск (1664); Тюмень (1680); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Камчатка (1731)] т. 1. с. 668, 680, 777; т. 2, с. 164, 396–397, 415, 501, 509, 517, 715, 749, 783, 844
Свиньин [Нерчинск (1685); Якутск (1706); Камчатка – Япония (1777); Камчатка – Русская Америка (1795)]
Свистунов [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Севастьянов (Савостьянов) [Енисейск (1632); Красноярск (1662); Якутск (1687) Тара (1689); Тюмень (1680); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 224, 282, 296, 304, 308, 374–375, 385–387, 390, 393, 397–398, 403, 493, 555, 558, 722, 870, 873, 875, 877–879
Севергин [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Свянтуй [Камчатка (1748)]
Святовой [Камчатка (1730)], т. 2, с. 652, 702
Седачев [Охотск – Камчатка (1854)]
Седельников [Сибирь – Охотск (1739)], т. 2, с. 796
Седых [Камчатка (1854)]
Секерин (Секирин, Сикерин) [Березов (1623); Тобольск (1689); Нерчинск (1744); Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 680
Селегин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Селезнев
Селивановы (Силивановы) [Енисейск (1626); Красноярск – Амур (1655); Тобольск (1661); Илимск (1673); Якутск (1681); Томск (1703); Селенгинск (1719); Нерчинск (1744); Камчатка – Русская Америка (1728), Камчатка (1731), (1850)]; т. 2, с. 239, 569, 624, 647, 693, 694, 768, 818
Селиверстов [Камчатка (1854)]
Семенов [Березов (1623), Тобольск — р. Лена (1625); Томск (1626); Березов (1627); Енисейск – Ленский острог (1632); Якутск – Анадырь (1650); Якутск (1654); Красноярск (1662); Тобольск – Илимск (1661); Тюмень (1680); Якутск – Камчатка (1706); Охотск (1739); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Императорская гавань (1853); Новгородская губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 27, 52, 145, 201, 221, 225, 288, 292, 313, 421–423, 473, 592, 609–610, 612, 614–617, 619, 629, 632, 636, 638, 643, 649, 652, 661, 662, 664, 670, 680, 688, 707, 709, 722–723, 763, 807, 817, 829; т. 2, с. 12, 16, 24, 38, 52, 78, 80, 82, 112, 121, 124, 129, 131, 136, 143, 146, 157, 159, 167, 172, 174, 176, 183, 184, 186, 191, 199, 208, 211, 222, 225, 229, 297, 385–387, 403, 419, 420, 439, 442, 569–575, 599, 604, 687, 786, 808, 858
Семичанов (Семитченин, Семиченинов, Семиченков) [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Сермин [Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка – Япония (1775)]
Сергеев [Тобольск (1623); Тобольск – Якутск (1642); Якутск Амур (1655); Тобольск – Енисейск – Амур (1856); Албазин (1686); Иркутск–Якутск (1722), Камчатка (1854)], т. 2, с. 52, 85–86, 112, 117, 126, 155, 385, 387, 398, 508, 559–560, 570–571, 609, 839
Сергин [Камчатка (1854)]
Сергучевы (см. Сургучевы)
Серебренин (Серебрянин) [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 493–494; т. 2, с. 112, 516,
Серебренников (Серебрянников) [Якутск – Камчатка (1711); Москва – Камчатка – Русская Америка (1747); Иркутск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 393, 396, 400, 493–494, 541, 586, 654, 741, 873; т. 2, с. 26, 104, 148, 335, 359, 385, 387, 500, 503, 516, 533, 534, 568, 570, 618, 686
Серебряков [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Сереткин (Середкин) [Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Илимск (1673); Иркутск–Якутск (1722); Камчатка (1854)]; т. 2, с. 112, 560
Серов [Камчатка (1854)]
Серогородский [Охотск – Камчатка (1771)]
Серюков (Сюрюков) [Тобольск – Якутск – Камчатка (1696)] т. 1, с. 203, 210, 214–216, 231–233, 263, 376, 550, 573, 849, 881
Сешнин [Камчатка (1749)]
Сибиряков [Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1777)]
Сивцов (Сивцев) [Камчатка (1759), Камчатка – Русская Америка (1760)] т. 1, с. 415; т. 2, с. 494
Сивый [Камчатка (1712)]
Сидоров [Тобольск (1623); Якутск (1643); Москва – Якутск (1654); Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Тобольск – Якутск – Анадырь – Камчатка (1710); Камчатка – Русская Америка (1745)] т. 1, с. 199, 306, 339, 385, 395, 433, 486, 554–555, 572, 597, 657, 710, 742, 829; т. 2, с. 30, 69, 152, 179, 227, 388, 495, 547, 571, 574, 599, 619, 756, 794
Сизых (Сизой) [Усть–Кут (1645); Якутск – Анадырь (1668); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1792); Императорская гавань (1853); Камчатка (1854)] т. 1, с. 198, 344, 411, 713, 859; т. 2. с. 194, 714
Силантьев [Камчатка (1854)]
Силин [Тюмень (1624); Нерчинск (1685); Томск (1705); Камчатка (1748)] т. 1, с. 145, 681
Силуянов [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Симанов (Симоновы) [Тобольск (1623); Мангазея (1626); Якутск (1650); Нерчинск (1685); Анадырь (1692); Камчатка (1854)] т. 1, с. 19, 89, 169–175, 189, 198, 200–201, 593, 665; т. 2, с. 125, 160, 194, 229, 303, 415, 576, 715, 793
Синаев
Синицын [Камчатка (1854)], т. 1, с. 486; т. 2, с. 12, 15, 198, 497
Синт (Синдт) [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Сиряня (Сирана, Сирянин) [Якутск (1681) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 480; т. 2, с. 497, 508, 525
Ситников [Якутский полк – Охотск (1739); Курск – Камчатка – Русская Америка (1777); Камчатка (1854)], т. 2, с. 276
Скокнев [Камчатка – Япония (1778)]
Скорняков [Березов (1623); Тобольск (1623); Красноярск (1662); Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 164, 602, 654, 681, 824, 892
Скоробогатых [Якутск (1645); Тара (1689); Камчатка (1854)], т. 2, с. 128, 517
Скребыкин (Скребычкин) [Якутск (1645), Тобольск – Якутск (1661); Анадырь (1710); Камчатка (1748)] т. 1, с. 172, 592, 626, 633, 667, 691–693, 876; т. 2, с. 63–65, 117,126, 163, 300, 497, 597, 599
Скрябин [Камчатка (1731)], т. 2, с. 846, 864, 891
Скуратов [Тара (1636); Нерчинск (1696); Илимск (1677); Удинский острог – Иркутск (1699); Тобольск (1710); Иркутск – Русская Америка (1792); Камчатка (1854)], т. 2, с. 619, 714
Скурихин (Скураха) [Енисейск (1639); Илимск (1773); Тобольск (1719); Камчатка (1707), Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)] т. 1, с. 324, 340, 702; т. 2, с. 673, 675, 681–683, 702, 709, 789, 811–813
Слободчиков [Камчатка (1725), (1771); (1813)] т. 1, с. 480
Слобожеников [Камчатка (1854)]
Смагин (см. Шмагин) [Тобольск – Якутск (1642); Березов (1623) – Енисейск – Амур (1656); Иркутск (1688)] т. 1, с. 668, 680; т. 2, 112, 164, 399
Смердов [Тобольск – Якутск (1642): Якутск – Камчатка (1703)] т. 1, с. 376, 592; т. 2, с. 112, 545
Смертин [Камчатка (1854)]
Сметанин [Санкт-Петербург – Камчатка (1727); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732), (1773); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 430, 950; т. 2, с. 634, 673, 680–683, 876
Смирнов (Смирновский) [Бере-

зов (1623), Охотск – Камчатка (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 680; т. 2, с. 112, 190, 740, 794
Смирной [Илимск (1654); Камчатка (1706)] т. 1, с. 830; т. 2, с. 296, 481–482
Смирнягин [Якутск (1654)] т. 1, с. 81, 145, 176, 330; т. 2, с. 445, 454, 597–598
Смолин (Смоленский) [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1767); Камчатка (1854)], т. 2, с. 619, 693, 773
Смольянинов [Тобольск (1623); Томск (1626); Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 270, 398, 452–454, 566–568, 641, 718, 787–789, 841; т. 2, с. 112, 134, 390, 474, 573, 688
Снигирев (Снегирев) [Тобольск (1689); Тобольск – Камчатка – Русская Америка (1758)], т. 2, с. 554, 595
Сновидов (Снофидов, Снафидов) [Санкт-Петербург – Камчатка (1742), Камчатка – Русская Америка (1773)], т. 2, с. 667
Собенин [Иркутск]
Соболев (Соболи) [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1656); Томск (1680); Нерчинск (1685); Камчатка (1723); Санкт-Петербург – Охотск (1739)] т. 1, с. 629, 653, 830, 852; т. 2, с. 112, 120, 147, 514, 519, 524, 805
Созоновских (Созонов) [Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 389, 550
Соколов [Тобольск (1623), Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Охотск – Камчатка (1716); Сибирь – Охотск (1739); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1. с. 894; т. 2, с. 435, 515, 528, 534, 599, 602–603, 716, 767, 880
Сококольников [Камчатка (1854)]
Сокуев [Акланск (1746)], т. 2, с. 659
Солдатов (Салдатов) [Тобольск (1623); Якутск – Анадырь (1648); Нерчинск (1685); Камчатка (1748), Камчатка (1854)] т. 1, с. 190, 219, 428–430, 431, 706–708, 930; т. 2, с. 674, 778, 813
Соленов [Камчатка (1799)]
Соловаров [Тобольск (1689); Иркутск (1681); Якутск (1706) – Камчатка (1711), Камчатка – Русская Америка (1760)] т. 1, с. 401, 505–506; т. 2, с. 505, 550, 829
Соловьев [Енисейск – р. Лена (1632), Тобольск (1671); Охотск – р. Пенжина (1692); Енисейск – Якутск (1706); Якутск – Камчатка (1710); Тобольск – Камчатка (1758); Москва – Камчатка – Русская Америка (1777); Камчатка (1854)] т. 1, с. 246–247, 340, 413, 722, 948, 965; т. 2, с. 38, 483, 526, 723, 775, 780–782, 824, 857, 885, 890
Соловьянин [Тобольск – Якутск (1647)] т. 1, с. 593, 634, 667; т. 2, с. 126, 163
Солодов [Камчатка (1854)]
Солодников
Солоницын [Камчатка (1854)]
Соломатов (см. Саламатов)
Солтнер [Москва – Камчатка – Русская Америка (1747)]
Солтыш [Камчатка (1854)]
Сомов [Камчатка (1854)]
Сопожков [Камчатка (1854)]
Соргучев (См. Сургучев)
Сорокин [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Тобольск – Якутск (1642); Холмогоры – Камчатка – Русская Америка (1783], т. 2, с. 112, 142, 145, 157, 276, 387, 421–426, 570, 692
Сорокоумов [Якутск (1640); Камчатка (1731)] т. 1, с. 16, 115, 127, 144–145, 172, 201, 264, 409, 429, 441, 929–931; т. 2, с. 229, 234, 516, 557, 602, 656, 711, 735, 748, 762–768, 801
Соснин [Тобольск (1633): Албазин (1686); Нерчинск (1744); Нарым (1680) – Камчатка – Русская Америка(1743)], т. 2, с. 660
Сосновской [Кетский острог – Якутск (1644); Тобольск (1661); Камчатка (1748)] т. 1. с. 56–61, 68, 356, 410, 562, 590, 761, 830; т. 2, с. 365, 522
Сосулин [Якутск (1720)], т. 2, с. 514,
Сосунов
Сотников [Якутск (1685)] т. 1, с. 830
Софронов (Сафронов) [Тобольск (1623); Якутск (1645); Иркутск – Камчатка – Руская Америка (1758); Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт(1771)] т. 1, с. 476, 661; т. 2, с. 157, 387, 545, 559, 571
Софрыгин (см. Сафрыгин)
Софьин [Красноярск (1662); Тобольск (1689); Селенгинск (1719); Иркутск–Якутск (1722); Яренск – Камчатка – Русская Америка (1764); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 561–562
Спешнев [Якутск (1706); Камчатка (1731)], т. 1, с. 954; т. 2, с. 671, 672, 682, 692, 708–711, 824
Спиридонов [Томск (1626); Тобольск (1623); Енисейск (1632); Якутск (1649); Красноярск (1662); Камчатка (1712)] т. 1, с. 144–145, 147, 636, 831; т. 2, с. 20, 129, 167, 387, 389, 502, 504, 572, 599, 619, 758, 848–849, 855
Спирин (Спириных) [Иркутск – Камчатка (1722); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка – Русская Америка (1768)] т. 1, с. 334; т. 2, с. 550, 829
Спылихин [Чистополь Казанской губернии Камчатка (1854)]
Стадухин [Енисейск (1632); Якутск – Анадырь – р. Пенжина (1650); Камчатка (1696); Енисейск – Якутск (1706)] т. 1, с. 16, 44, 51–52, 103, 116, 152, 225, 233–234, 245, 283, 291, 429, 454–455, 457, 481, 506, 556, 572, 627, 657, 707–710, 916, 956; т. 2, с. 12, 14, 16, 42, 67–69, 71–72, 79, 81–82, 85, 119, 152, 170–171, 174–177, 180–182, 199, 295, 297, 309, 310, 543, 609, 637, 758
Стариков [Камчатка (1854)]
Старицын (Морозко) [Великий Устюг – Якутск (1680) – Камчатка – (1693)] т. 1, с. 65, 119, 127, 129, 130, 132–133, 158, 162, 167, 173, 181, 191, 196, 202, 209, 214, 234–235, 267, 276, 558, 763, 857, 880, 918; т. 2, с. 293, 839
Старков [Камчатка (1854)]
Старловский [Томск (1626); Якутск (1681); Камчатка (1696)] т. 1, с. 147, 211, 235–236, 790, 831
Стародубцев [Енисейск (1669); Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741)]
Стародуелов [Камчатка (1854)]
Старцов [Пермская губерния – Камчатка (1854)]
Стеллер (Штеллер) [Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741)]
Степанов [Нерчинск (1685); Якутский полк – «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Москва – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)], т. 2, с. 38, 52, 54, 118, 136, 138, 153, 155, 158, 165, 183, 273–277, 284–285, 357, 380, 381, 384, 385, 388, 399, 412, 440, 566, 567, 570–571, 641
Степных [Камчатка (1854)]
Стефанов [Камчатка (1854)] т. 1, с. 93
Столарев [Камчатка (1854)]
Столбов [Камчатка (1854)]
Сторожевы [Тобольск (1661); Томск (1680); Камчатка (1747)] т. 1, с. 592; т. 2, с. 498, 510, 663
Сторожевский
Страннолюбский
Строганов [Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка (1758)], т. 2, с. 385
Стрыжев [Якутский полк – Охотск (1739)]
Стрелков (Стрялков) [Камчатка (1854)]
Стрельников [Селенгинск (1724)], т. 2, с. 619
Студенцов (Студа) [Енисейск (1632): Тобольск (1720); Камчатка – Русская Америка (1757)] т. 1, с. 334; т. 2, с. 550, 829
Стуков [Камчатка (1854)]
Суворкин [Камчатка (1854)]
Суворов [Удинск, Кабанский острог (1724)], т. 2, с. 619, 664
Судейкин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Императорская гавань (1853)]
Судорев [Камчатка (1854)]
Суздалов (Суздальцев, Суздалец) [Якутск (1688); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 486, 597, 631, 659; т. 2, с. 123, 154, 497
Суклерский [Иркутск (1691)] т. 1, с. 922, 931; т. 2, с. 726–729
Суковарников [Камчатка (1854)]
Сулин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Сумароков (Сумороцкий) [Енисейск (1632); Тобольск (1661); Якутск (1681); Камчатка (1854)] т. 1, с. 566, 722
Сунцов [Камчатка (1854)]
Сусловы [Камчатка (1854)]
Сургуцкий [Сургут – Якутск (1667); Енисейск (1669); Красноярск (1662); Томск (1707); Камчатка (1715)] т. 1, с. 357, 741, 747, 832, 889–891, 928; т. 2, с. 491, 501, 509, 564, 619, 762, 789, 794, 849–851, 855, 879
Сургучев (Соргучев) [Камчатка (1731)], т., с. 789
Суровцев (Суровцов, Суравцов) [Тобольск (1700); Камчатка (1718); Сибирь – Охотск (1739)] т. 1, с. 900–902
Суруков [Камчатка (1854)]
Сутурин [Якутск (1681); Камчатка (1854)]
Суханов [Охотск (1739); Яренск; Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1760)] т. 1, с. 943; т. 2, с. 113, 513
Сухов (Сухой) [Якутск (1707); Камчатка (1729)] т. 1, с. т. 1, с. 420–421, 453, 948; т. 2, с. 385, 497, 519, 568, 754, 847, 851–853
Суходубенко [Камчатка (1854)]
Сухопаров [Камчатка (1854)]
Сухоруков [Камчатка (1854)]
Сухпанов [Яренск – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Сывыя (Сыкыя) [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 394
Сысоев [Тобольск – Якутск (1642); Иркутск – Камчатка (1722); Нерчинск – Камчатка (1744), Камчатка (1854)] т. 1, с. 518, 521, 592, 625, 664, 666, т. 2, с. 112, 114, 116, 160, 162, 50–551, 599, 600, 603–606, 741
Сычев [Мангазея – р. Оленек (1643); Яренск (1678); Тобольск (1689); Селенгинск (1719); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1854)], т. 2, с. 606
Сюсин (Сюснин) [Илимск (1696); Селенгинск (1719); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 388, 555

Т

Табаков (Табак) [Енисейск (1632); Тобольск – Якутск (1642); Якутск –Амур (1655); Камчатка (1748)] т. 1. с. 633, 648, 667; т. 2, с. 12, 112, 125, 142, 162, 568
Табарин [Тобольск (1696); Камчатка (1745)]
Такарев [Камчатка (1854)]
Такшеев
Таланкин [Камчатка (1854)]
Танский
Тарабыкин (Тарабукины, Торобыкин, Торобынин) [Якутск (1661); р. Вымь Яренского уезда – Томск (1680); Яренск – Верхотурье – Томск (1680); Тюмень – Томск (1680); Камчатка (1727)] т. 1, с. 421, 927, 946–949; т. 2, с. 501, 647, 651, 653, 656, 693, 722, 754, 756, 833, 853
Таранкин [Санкт-Петербург (1727)]
Тарасов [Камчатка (1854)]
Таратин (Тарутин) [Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 317, 319, 320–322, 327, 351, 403, 471–472
Тареин
Тарлышев [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]
Татаринов [Березов (1623), Якутск (1654), Камчатка (1714); (1731)] т. 1, с. 16, 54–55, 314, 345, 362, 374, 409, 418, 474, 680, 832, 855, 884–891, 895–896, 898–900, 902; т. 2, с. 31, 234, 491, 502, 518, 527, 531, 533–535, 537, 619, 630–631, 656, 735, 737, 738, 801, 850–851
Татилов [Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]
Тауенев [Камчатка (1854)]
Тезкин (Тескин) (см. Чешкин)
Телень (Теленок; Тюлень, см. Тюленев) [Камчатка (1708)] т. 1, с. 416; т. 2, с. 569
Телепов [Кронштадт – Камчатка (1854)]
Тепнин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Теребякин (Теребяков) [Камчатка (1731)], т. 2, с. 703, 792, 820
Терентьев [Тобольск – Якутск (1642); Тобольск – Якутск – Камчатка (1706); Архангельская губерния – Камчатка (1854)] т. 1, с. 23, 75, 395, 397, 399, 444, 480–481, 544, 591, 633, 637, 647, 742, 760, 833; т. 2, с. 12, 112, 125, 130, 137, 141, 354, 356, 384, 389, 440, 500, 505, 568, 572, 741
Терешкин
Терихов [Камчатка (1854)]
Тескин (Таскин, Тезкин, Тешкин, Чешкин, Четкин) [Нерчинск (1685); Камчатка (1731)], т. 2, с. 705, 792, 820
Тимирбулатов [Камчатка (1854)]
Тимофеев [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Камчатка (1706); Нерчинск (1685); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1854)]
Тимохин [Камчатка (1854)]
Типсин [Якутский полк – Охотск (1739)]
Титов [Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Тотьма – Камчатка — Русская Америка(1758)] т. 1, с. 746, 759, 763,

832, 924; т. 2, с. 12, 15, 109, 113, 169–170, 239, 386–387, 390, 570, 572, 574, 575
Тиунов [Камчатка (1854)]
Тихонов (Тиханов) [Камчатка (1854)]
Тишов [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1768)]
Ткаченко [Камчатка (1854)]
Терехов [Камчатка (1854)]
Тобольской [Камчатка (1706)] т. 1, с. 231, 931; т. 2, с. 482, 690
Токуяк (Токуив) [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 494
Толанкин [Сибирь – Охотск (1739)]
Толкаев [Камчатка (1854)]
Толман [Камчатка (Соединенные Северо-Американские Штаты – Камчатка (1836)]
Толмачев [Иркутск – Императорская гавань (1853)]
Толстихин [Енисейск (1630); Илимск (1673); Тобольск (1701); Баргузинский острог (1724); Гижига (1832)] – Камчатка (1853)], т. 2, с. 619
Толстоухов [Томск (1642); Верхотурье (1663); Тобольск – Иркутск (1696); Илимск (1699); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 59, 385, 395, 435–437, 486–487; т. 2, с. 478, 493, 706
Толстых (Толстой) [Тобольск (1623), Енисейск (1632); Селенгинск – Камчатка – Русская Америка (1746)] т. 1, с. 723; т. 2, с. 404, 619
Томакин [Камчатка (1854)]
Томиловы [Якутск – Камчатка (1711); Нерчинск – Камчатка (1744); Яренск – Камчатка – Русская Америка (1758); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 303, 357, 403, 473–474, 479, 569; т. 2, с. 125, 505, 521, 606, 619, 703, 879–880
Томин [Тобольск (1676); Тюмень (1676); Кузнецк (1719); Камчатка (1745)]
Томской (Томский) [Красноярск (1662); Нерчинск (1685); Якутск – Камчатка (1704)] т. 1, с. 257–259, 271, 398, 400, 413, 441, 452; т. 2, с. 248, 514, 652, 703–704, 715
Тонда [Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 474
Тонких [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Топорищев [Камчатка (1854)]
Торговкин [Тобольск (1704); Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Тордуя (Тогуя, Торгдуя) [Якутск (1706) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 481,
Тороканов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Торопов [Камчатка (1854)]
Торопцов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Тошеких [Камчатка (1854)]
Травин (Травинин) [Якутск (1663); Анадырь – Камчатка (1662); Якутск – Камчатка (1707)] т. 1, с. 198, 293, 310, 324, 340–342, 344–346, 403, 474–475, 713, 817, 859, 900; т. 2, с. 194, 214, 304, 306–307, 485, 609, 738, 877
Трапезников [Сылва (Пермь) (1623); Тобольск (1676); Иркутск – Камчатка (1726); Камчатка – Русская Америка (1744); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 110; т. 2, с. 504, 562, 756, 770–771
Трей [Камчатка (1854)]
Тренев [Камчатка (1854)]
Тремезин [Камчатка (1854)]
Треска (Трескин) [Енисейск (1632); Архангельск (1714); Камчатка (1731)] т. 1, с. 723; т. 2, с. 528, 533–534, 539, 619, 647, 673, 694, 876, 880
Третьяков [Тобольск (1598); Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1645); Великий Устюг – Томск (1680); Тара (1689); Илимск (1724); Камчатка (1731), (1771); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка] т. 1, с. 16, 128, 630, 646, 853, 922, 931–932; т. 2, с. 19, 113, 121, 140, 481, 482, 516, 526–527, 530, 619, 735, 737
Трифонов (Трифанов) [Якутск (1670); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1715)] т. 1, с. 110–111, 145, 225, 353, 374, 418, 424, 547, 670, 833, 895–898, 927, 944–947, 959; т. 2, с. 52, 494, 526, 846
Тропин [Красноярск (1662); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1762)]
Трошин [Тобольск (1693); Нерчинск (1696); Анадырь – Камчатка (1745)], т. 2, с. 659
Трубачев (Трубач) [Лебедянь (Украина) – Томск (1680); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 385, 437–438, 487, 678, 679, 932; т. 2, с. 729
Трубицын [Камчатка (1854)]
Трушков [Камчатка (1854)]
Тубин [Охотск – Камчатка (1771)]
Тувалин [Камчатка (1854)]
Тугобезненов [Тобольск (1689) – Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 395, 401, 499, 923
Туголуков (Туголков) [Вятка – Тобольск (1680); Енисейск – Камчатка – Япония (1778)], т. 2, с. 513, 810
Тугуев
Туезов [Камчатка (1854)]
Тузовский [Иркутская губерния – Камчатка (1854)]
Тунав (Туман) [Камчатка (1711)], т. 2, с. 787
Туманов (Туман) [Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1703)] т. 1. с. 262, 278, 395–396, 487, 555; т. 2, с. 786, 787
Тупицын [Нерчинск (1699); Камчатка (1707); Нерчинск – Камчатка (1744)] т. 1, с. 324, 346; т. 2, с. 606–607
Турнаев (Тарнаев) [Санкт-Петербург – Камчатка (1727); Охотск (1739)], т. 2, с. 646
Турчанинов [Санкт – Петербургг (1742) – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Тшкиргавеев [Камчатка (1854)]
Тырин [Яренск – Камчатка – Русская Америка(1747); Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Тюзнев [Галич – Камчатка – Русская Америка (1747)]
Тюленев (см. Телень (Тюлень) [Камчатка (1708); Тобольск – Камчатка – Русская Америка(1763)] т. 1, с. 926; т. 2, с 722
Тюленский (Тюменский, Теленкский (см. Телень) [Камчатка (1696)] т. 1, с. 236, 240
Тюлин [Охотск (1739)]
Тюменцевы (Тюменцовы) [Тара (1630) – Енисейск (1629) – Красноярск (1628); Томск (1630); Тобольск – Камчатка – Русская Америка(1758); Иркутская губерния – Камчатка (1853), (1854)] т. 1, с. 299, 411, 723; т. 2, с. 398, 468–469, 714
Тюрин (Тюря) [Илимск (1650); Якутск (1651); Якутск – Анадырь (1668); Томск (1705); Якутск – Камчатка – Русская Америка (1766); Камчатка (1854)] т. 1, с. 198, 344, 713, 821, 859; т. 2, с. 166, 870
Тюриков (Тюрюков) [Камчатка (1819)]
Тютин [Якутск (1669); Красноярск (1671); Иркутск (1688); Тобольск (1696); Якутск – Камчатка (1692); (1711)] т. 1, с. 154, 194, 196, 386, 877; т. 2, с. 222, 226–227
Тюхов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 735, 772–773
Тюшев [Красноярск (1671); Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 396, 494–496, 913, 960; т. 2, с. 521
Тяткин [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]

У

Убиенный ([Камчатка (1748)]
Уваровский [Якутск – Камчатка (1718)] т. 1, с. 853, 900, 901, 902, 908, 915, 950, 952; т. 2, с. 631, 786, 825
Углов [Камчатка (1854)]
Удалов [Костромская губерния – Камчатка (1854)]
Удалой [Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)], т. 1, с. 478; т. 2, с. 517, 704
Удачины [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1767)]
Ульянов [Камчатка (1854)]
Украинцов [Камчатка (1731)], т. 2, с. 521, 775, 777
Уксусниковы [Якутск – Камчатка (1748)]
Уланов (Тугуланов, Куланов), т. 1, с. 222, 634, 668; т. 2, с. 127, 164, 656
Уледников [Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1763)]
Урванцов [Камчатка (1854)]
Урманович [Камчатка (1854)]
Усаев [Камчатка (1854)]
Усков [Березов (1623); Нерчинск (1685)] т.1. с. 634, 668, 680; т. 2, 127, 164
Усов (Ус) [Якутск (1654); Нерчинск (1685); Чердынь –Томск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 126, 594–595; т. 2, с. 424, 484–485, 502, 652, 704, 880–881
Усольцев (Усольцов) [Тобольск – Якутск (1642); Красноярск (1662); Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Камчатка (1854)] т. 1, с. 341, 344, 721; т. 2, с. 304–306
Устюжанин (Устюжанинов) [Тобольск – Якутск (1642); Енисейск (1669); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)] т. 1, с. 221, 483, 514, 593, 627, 629, 630, 643–645, 648–649, 655, 657, 658, 957; т. 2, с. 10–12, 15, 112–113, 117, 119, 121, 122, 136–138, 142–144, 150, 152–153, 170, 415, 439, 440
Ухов [Камчатка (1748)]
Ушаков [Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1668); Енисейск (1669); Тюмень (1680); Иркутск – Якутск (1722); Санкт-Петербург – Охотск (1738); Камчатка (1745)] т. 1, с. 357, 420, 779, 797, 811, 820, 833; т. 2, с. 113, 562–564, 725, 849, 874
Ушаров [Тобольск (1623); Якутск (1664); Камчатка (1703). Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 282–283, 349, 664; т. 2, с. 741
Ушицын [Камчатка (1748)]
Ушницкий [Якутск (1688); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 135, 394, 774–775; т. 2, с. 6, 445, 455, 457, 519, 631

Ф

Фадеев (Фадеин) [Тобольск (1623), Енисейск (1632); Якутск (1681); Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741); Камчатка (1854)] т. 1, с. 792; т. 2, 317, 887–888
Федоров [Сибирь (1591) – Пелым(1593) – Сургут (1594) – Нарым (1596); Березов (1623), Томск (1626); Якутск – р. Яна (1637); Енисейск – Ленский острог (1632); Тобольск – Якутск (1642); Илимск (1655); Нерчинск (1685); Албазин (1686); Камчатка (1696); Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка (1748); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Охотск (1739); Иркутский округ – Камчатка (1854); Новгород – Камчатка (1854)] т. 1, с. 9, 19, 45, 80, 113, 170, 173, 198, 211, 236, 249, 250, 253, 293, 310, 314, 316, 341–344, 378, 570, 573, 590–591, 611, 625, 628, 630–631, 637, 640, 646, 656, 664, 666, 671, 680–681, 688, 723, 746, 755, 791, 833–834, 842, 869, 873; т. 2, с. 12, 22, 24, 34, 38, 52, 59, 67, 74, 113, 116, 119, 121, 122, 123, 130, 139, 140, 151, 160, 162, 168, 179, 183, 276, 335, 353, 370, 385–388, 398–399, 440, 457, 460–461, 499, 534, 539, 569–571, 599, 607–610, 620, 634, 6, 652, 671–676, 680–682, 695, 696, 707–708, 764, 812–814, 880
Федосеев [Тобольск – Енисейск – р. Лена (1634); Томск – Охотск (1639); Красноярск (1662); Великий Устюг – Томск (1680); Тобольск (1696); Камчатка (1708)], т. 2, с. 385, 568
Федотов [Томск (1626); Енисейск – р. Лена (1634); Якутск (1647); Тобольск (1696); Селенгинск (1699); Якутск – Камчатка (1706); Псков – Камчатка (1854)] т. 1, с. 261, 314, 317, 378, 403, 430–431, 475, 625, 638, 664, 693, 728, 746, 763; т. 2, с. 38, 65–67, 80–81, 109, 116, 131, 183, 214–215, 225, 297, 305, 388, 389, 440, 567, 570–572, 574–575
Филиппов [Березов (1623), Тобольск (1623); Якутск – Охотск (1646); Красноярск (1662); Енисейск – Байкал (1669); Нерчинск (1685); Камчатка – Шумшу (1747) Камчатка (1854)] т. 1, с. 18, 45–46, 48–49, 631, 658, 680, 834, 869; т. 2, с. 76, 123, 153, 179, 192, 210, 385, 389, 500, 570, 572, 599
Филиповых [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 610
Фирсов [Енисейск (1624); Вологда – Тара (1640); Енисейск – Якутск (1706); Камчатка (1854)] т. 1, с. 669; т. 2, 30, 165, 239–240, 266–269, 314, 319, 328
Флетчер [Англия – Камчатка (1836)]
Фомины (Фоминых) [Томск (1626); Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1650); Тюмень – Амур (1655); Енисейск – Амур (1655); Тара (1683); Иркутск (1698); Нерчинск (1699); Якутск – Анадырь – Камчатка (1696); Камчатка (1711); Охотск (1739); Камчатка (1854)] т. 1, с. 76, 87, 225, 236–237, 325, 349–350, 403, 475, 626, 834; т. 2, с. 52, 114, 117, 118, 191, 388, 390, 509, 571, 573
Фоминский [Тотьма – Камчат-

ка – Русская Америка (1766)]
Фоминых [Якутск (1706); Нерчинск– Камчатка (1744); Камчатка (1854)] т. 1, с. 87, 236–237, 350, 475; т. 2, с. 610
Фролов [Турин (Епанчин) острог (1600); Березов (1616); Якутск (1645); Тобольск (1661); Яренск – Томск (1680); Камчатка – Олюторский острог (1714); Камчатка (1812), (1854)] т. 1, с. 486, 586, 652, 662, 680, 707, 890–891, 928; т. 2, с. 13, 15, 80, 147, 157, 175, 491, 496, 516, 520, 620, 851
Фурман

Х

Хабаров [Мангазея (1630), Енисейск (1632), Якутия (1634), Амур (1655)] т. 1, с. 9, 11, 42, 58–59, 64, 105, 128–129, 213, 245, 253, 268, 357, 415, 564–566, 732, 851, 855, 869, 892–893; т. 2, с. 13, 17–19, 35, 48–49, 67, 73, 74, 97–99, 182, 228, 238, 244, 253–265, 273, 284, 285, 288, 290, 362–364, 367–368, 369–384, 412, 447, 451–452, 543, 546, 550, 558, 560, 564, 566–568, 575, 620, 639–641, 724, 777, 804
Хайдулин [Камчатка (1854)]
Хайлов [Якутск – Камчатка (1710)]
Халдеев (Халдей) [Томск (1648); Москва – Томск (1680); Красноярск (1662); Астрахань – р. Лена (1673); Якутск (1700); Камчатка (1748)] т. 1, с. 266, 835; т. 2, с. 325
Хамьянов [Камчатка (1854)]
Харин [Камчатка (1854)]
Харитонов [Енисейск – Ленский острог (1634); Тобольск (1680); Тюмень (1680); Москва – Якутск (1685); Албазин (1686); Якутск – Камчатка (1706); Камчатка – «Святой Петр» – Русская Америка (1741); Камчатка (1854)] т. 1, с. 25, 49, 50, 191, 225, 366, 378, 382–384, 400–401, 489, 496, 497, 504, 573–577, 836, 905, 915, 920–923, 933–934; т. 2, с. 38, 52, 149, 276, 386, 399, 505, 507, 519, 570, 631, 718, 741
Харламов [Тара (1622); Томск (1626); Якутск (1654); Иркутск – Якутск (1722); Камчатка (1854)] т. 1, с. 299, 300, 466, 725, 726; т. 2, с. 360, 564, 796
Харлос
Харчевников [Тобольск – Камчатка (1642); Якутск – Камчатка (1706)] т. 1, с. 324, 346, 860; т. 2, с. 114, 522
Харчин [Камчатка (1731)] т. 1, с. 227, 271, 286, 301, 332, 333, 335, 410, 421, 424, 468, 555, 557, 695, 779, 867, 919, 955, 962, 964, 969; т. 2, с. 699, 707, 734–737, 740, 783, 784, 805, 822, 825, 843, 844–845
Харьков [Камчатка (1854)]
Харютюнюк [Камчатка (1854)]
Хвостов [Якутск (1656); Якутск – р. Алазея (1665); Камчатка (1731); Камчатка (1854)]
Хитров (Хитрово) [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Хиценков [Енисейск – Амур (1655); Якутск – Камчатка (1710)] т. 1. с. 385, 438, 487; т. 2, с. 390, 573
Хлебов [Камчатка (1854)]
Хлестов [Тобольск (1719); Камчатка (1747)]
Хлызов [Мангазея (1665); Енисейск (1661); Илимск (1673); Тобольск (1689); Камчатка (1703)] т. 1, с. 286–287
Хлыновы [Вятка], т. 1, с. 69,
Хлыновские [Сибирь] т. 1, с. 852
Хлыстов [Братск (1668); Тобольск (1719); Удинск (1724); Камчатка (1812)], т. 2, с. 620
Хмелевский (Хмылевский) [Польша – Москва – Тобольск (1614); Камчатка (1731)] т. 1, с. 774, 778–779, 828, 836; т. 2, с. 286, 359, 747, 881–883
Хметевский [Охотск (1739)], т. 2, с. 561
Хмылев [Тобольск (1693); Томск (1701); Камчатка (1727), (1730), (1751)] т. 1, с. 947, 965; т. 2, с. 647, 652, 704, 853
Ховкин [Камчатка (1731)], т. 2, с. 786, 788
Ходырев [Енисейск – Якутск (1630); Камчатка (1854)] т. 1. с. 58–59, 467; т. 2, с. 8, 13, 16–17, 19, 21–23, 25–29, 35–36, 39–50, 55, 73, 74, 77, 82, 83, 88, 93–95, 97, 99, 171, 179, 244, 270, 367
Холкин [Тобольск (1655) – Якутск (1706) – Камчатка (1711)] т. 1, с. 398, 403, 452, 475–476, 565, 591; т. 2, с. 788
Холин [Камчатка (1854)]
Холодиловы [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1746)]
Холопов [Якутск (1720)], т. 2, с. 525
Холщевников [Камчатка (1745); Камчатка – Русская Америка (1773); Камчатка (1812)], т. 2, с. 692, 756
Хомутинников [Вологда – Камчатка – Русская Америка (1762)]
Хомяковы [Якутск (1642)] т. 1, с. 18, 753; т. 2, с. 42, 153
Хорошев (Хорошей, Нехорошев) [Енисейск (1669); Тобольск (1689); Нерчинск (1719); Камчатка – «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732)]; т. 2, с. 11, 16, 65, 83, 127, 682–683, 704–705, 711, 792, 820
Хотунцевский [Москва (1742) – Камчатка (1745)]
Хотяинцов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Хохловы [Тобольск (1696); Камчатка (1815), (1854)], т. 2, с. 794
Храмовский (Хромовский) [Камчатка (1854)]
Хрущев [Санкт-Петербург (1762) – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Худорошков [Верхотурье – Тобольск (1680); Камчатка (1705)] т. 1, с. 307
Худяков [Енисейск (1632); Красноярск (1662); Тобольск (1681); Анадырь – Камчатка (1692); Якутск – Камчатка (1711); Соливычегодск – Камчатка – Русская Америка (1758); Камчатка (1854)] т. 1, с. 143, 195–197, 386–387, 722, 876–877; т. 2, с. 439
Хунтер
Хушин [Камчатка (1706)]

Ц

Цаплин (см. Чаплин) [Камчатка (1719)]
Цветков [Нерчинск – Камчатка (1744)]
Цевочкин [Камчатка (1854)]
Цепелев [Камчатка (1854)]
Цыбалев [Камчатка (1854)]

Ч

Чабаев (Чебаевский) [Нерчинск (1744); Камчатка (1745)]
Чагин [Тобольск (1683); Красноярск (1657); Якутск (1661); Илимск (1667); Иркутск (1699); Камчатка (1730)],

т. 2, с. 652, 705, 820–822
Чадов [Камчатка (1854)]
Чалпанов (Челпанов) [Яренск (1678); Тобольск (1689); (1719); Иркутск – Императорская Гавань (1853); Камчатка (1708), (1853)] т. 1, с. 414
Чаплин (Цаплин) [Томск (1639); Литва – Тобольск (1660) – Красноярск (1662); Якутск (1661); Албазин – Нерчинск (1686); Камчатка (1718)] т. 1, с. 794, 837, 911–912, 914–915, 919; т. 2, с. 622, 624–625, 841, 842
Чарков (Тарков) [Якутск – Охотск (1669); Тобольск (1710); Камчатка (1799)]
Чарлышов [Камчатка (1747)]
Часовитин [Камчатка (1854)]
Чащин [Камчатка (1854)]
Чебаевские (Чюбаевские) [Лальск – Камчатка – Русская Америка (1745); Камчатка – Русская Америка (1773)], т. 2, с. 756
Чеботнягин [Якутск (1706); Камчатка (1812)], т. 2, с. 509, 855
Чебыкин (Чебукин) [Тобольск (1689); Енисейск (1669); Якутск – Камчатка – Русская Америка(1783); Камчатка (1722), (1854)] т. 1, с. 547, 551, 941; т. 2, с. 732
Чегликов (Чеглоков, Чоглоков) [Тюмень 1680); Камчатка (1745)] т. 1, с. 838–840; т. 2, с. 557
Чегус [Якутск – Камчатка (1710)] т. 1, с. 385, 439, 487
Чекалов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Челпанов (см. Чалпанов)
Ченцов [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Чепчиков [Камчатка (1696)] т. 1, с. 237
Черемискин [Камчатка (1854)]
Черепанов [Якутск (1650); Илимск (1650); Тюмень (1663); Красноярск (1671); Вятка – Тобольск – Томск (1680); Тюмень – Томск (1680); Соливычегодск – Томск (1680); Важский уезд – Тобольск (1680); Тара (1689); Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1759), Камчатка (1812)] т. 1, с. 657, 663; т. 2, с. 152, 158, 425, 518, 551, 572, 746, 830
Черкалов [Камчатка (1854)]
Черкашенин (Черкашин)[Тюмень (1680); Якутск (1660); Красноярск (1662); Енисей ск (1669); Запорожье – Томск (1680), Тобольск (1696); Камчатка (1692), (1702), (1731), (1799); (1854)] т. 1, с. 158, 267, 296, 323, 363, 377, 578, 593, 793, 807, 837, 846, 856–857, 859, 881; т. 2, с. 389, 419, 420–423, 433, 484, 486, 507, 883
Черкашенинов [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]
Черниговский [Якутск (1661), Илимск – Албазин (1665); Камчатка (1731), (1854)] т. 1, с. 29, 64, 74–75, 331, 837–838; т. 2, с. 289, 290–292, 416–418, 420–421, 425–431, 433–437, 442–444, 769–770, 808–809, 818
Чернов [Камчатка (1854)], т. 2, с. 794
Черных (Черной) [Якутск – Камчатка (1710); Нерчинск – Камчатка (1722), Нерчинск – Камчатка (1744); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка – Русская Америка (1773); Камчатка (1854)] т. 1, с. 89, 203, 310, 385, 439–440, 487, 695, 723, 746; т. 2, с. 517, 561, 610–611, 651, 660, 667, 750, 775, 777–780
Чернышев [Камчатка (1748); (1854)]
Чернышевский [Польша – Якутск (1656); Якутск – Анадырь (1688)] т. 1, с. 65, 132–133, 140, 166, 169–171, 175, 177–181, 189, 194, 312, 838, 881; т. 2, с. 222, 435, 775, 852
Черняев [Москва – Илимск (1655); Тобольск (1669); Селенгинск (1719); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка – Япония (1739); Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка(1761)] т. 1, с. 282; т. 2, с. 779
Чернявский [Иркутск – Камчатка (1854)]
Чермных [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)], т. 2, с. 385
Чертовские (Чертов, Чертев, Чертков) [Якутск (1706); Сеоенгинск (1724); Камчатка (1854)] т. 1, с. 657; т. 2, с. 152, 280, 494, 524, 620, 704, 803, 881
Чертополохов [Тобольск (1719); Якутск – Камчатка (1706)] т. 1, с. 311
Ческидов [Камчатка (1854)]
Четкин (Ичеткин) [Русский Север (1585)] т. 1, с. 514
Чечулин [Тобольск (1627); Камчатка (1745)] т. 1, с. 792, 963; т. 2, 317
Чечуев [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Чешкин (Тешкин, Тескин, Тезкин, Четкин) [Камчатка (1731)], т. 2, с. 405, 792, 820
Чигин (Чечигин) [Камчатка (1731)], т. 2, с. 205, 255–260, 372, 375, 380, 386, 567, 640, 768, 820–822, 838
Чижевский [Польша – Енисейск (1661); Тюмень (1680); Тюмень – Якутск (1699); Якутск – Камчатка (1723)] т. 1, с. 552, 838, 941, 961, 966; т. 2, с. 769, 852
Чикин (Тобольск (1710); Курильские острова – Япония (1777)
Чикичев [Сибирь – Охотск (1739)]
Чилинцов [Камчатка (1854)]
Чирков [Ильинский острог (1724); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка, Сольвычегодск – Камчатка – Русская Америка (1767)], т. 2, с. 620
Чириков (Чираков) [Москва – Якутск (1694); Якутск – Камчатка (1710), (1747)] т. 1, с. 223, 237, 251–252, 269, 297, 334, 365–369, 371–372, 374, 381–383, 386, 388, 392, 398, 400, 402, 404, 412, 418, 428, 481, 538, 542, 555, 574–576, 838, 853, 855, 871, 877, 953; т. 2, с. 488, 519, 622, 624, 731, 828
Чирышев [Камчатка (1731)], т. 2, 740, 750,
Чисков [Камчатка (1854)]
Чоглонов (Чоблон, Чоглоков – см.) [Якутск (1706); Камчатка (1747)]
Чубарин [Камчатка (1854)]
Чубур [Камчатка (1854)]
Чуванев [Камчатка (1854)]
Чудаков [Камчатка (1708)] т. 1, с. 412
Чудинов (Чюдинов) [Тобольск (1661); Березов – Томск (1680); Якутск (1681); Анадырь (1702); Камчатка (1706); Якутский полк – Охотск (1739); Камчатка – Русская Америка (1743), (1747); Императорская гавань (1853); Якутия – Камчатка (1854)] т. 1, с. 311–313, 423, 448, 592, 595, 610, 838, 871, 936, 947–949, 966; т. 2, с. 494, 502,

608, 754, 775, 847, 852–854, 863
Чукичев (Чюкичев) [Енисейск (1638) – Ленский острог – Якутск; Камчатка (1660)] т. 1, с. 16, 93, 99, 225, 291, 341–343, 457, 691, 692; т. 2, с. 52, 55, 63–64, 292–294, 298–302, 304–306, 308–311
Чукуров (Чюкуров) [Якутск (1706); Камчатка (1707)] т. 1, с. 488
Чулошников (Чюлошников) [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1760) – Большерецкий бунт (1771)]
Чупин [Тобольск (1696); Камчатка (1854)]
Чупров [Якутск – Амур (1655); Енисейск (1669); Великий Устюг – Томск (1680); Нерчинск (1685); Иркутск (1688); Камчатка (1723); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1743); Курильские острова (1766)] т. 1, с. 110, 353, 556, 943–944, 946, 966–967; т. 2, с. 384, 506, 519, 559, 568, 751, 755–756, 770, 883–884
Чураков [Камчатка (1854)]
Чурбанов [Камчатка (1854)]
Чурин (Чюрин, Чюра) [Литва – Томск (1624); Тобольск (1689); Якутск – Камчатка (1711); Охотск – Камчатка – Большерецкий бунт (1771)] т. 1, с. 395, 401, 499–500; т. 2, с. 735, 757, 762
Чуркин (Чюркин, Чюрка, Чюрочка) [Енисейск (1632); Якутск – р. Оленек (1640); Албазин (1683); Камчатка (1712)] т. 1, с. 19, 99, 723; т. 2, с. 19, 387, 495, 501, 570, 667
Чухломин [Иркутская губерния Верхнеудинский округ – Камчатка (1854)]
Чюбаевский (см. Чебаевский)
Чюшкин [Охотск (1739)]

Ш

Шабалин (Шебалин) [Тара (1689); Тобольск (1689); Сольвычегодск – Томск – Кузнецк (1680); Якутск – Камчатка (1711)]; Сольвычегодск– Камчатка – Русская Америка(1760); Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка – Япония (1777); Камчатка (1854)] т. 1, с. 398, 420, 452–454, 566; т. 2, с. 504, 810
Шабашев [Тобольск (1709); Иркутск – Камчатка (1766)]
Шавырин (Шевырин, Шивыря, Шувырин) [Якутск – Камчатка (1711); Камчатка – Русская Америка (1745), (1749), (1758)] т. 1, с. 395, 401, 499, 500, 921, 924, 933; т. 2, с. 768, 729–730, 770–771
Шагин [Тобольск (1710); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 403, 476, 569
Шадрин (Шадра) [Якутск (1664); Красноярск (1662); Шенкурский острог (Вага) – Томск (1680); Тобольск (1689); Камчатка (1704); Нерчинск– Камчатка (1721); Великий Устюг – Камчатка (1758); Камчатка (1854)] т. 1, с. 16, 293–295, 313, 661; т. 2, с. 156, 386, 495, 519, 570, 599–600, 611–612, 620, 653, 655, 667, 680, 683, 705–706, 711, 716
Шадров
Шайдуров (Шайдурин, Шайдура) [Енисейск (1669); Нерчинск (1685); Тобольск (1696); Камчатка (1854)] т. 1, с. 596
Шамаев (Шемаев) [Тобольск (1624); Камчатка (1700)] т. 1, с. 110, 376, 903, 944, 967–968; т. 2, с. 504, 506, 778
Шаманов [Камчатка (1854)]
Шамилин [Охотск (1739)]
Шангин (Шаньгин) [Тобольск (1623); Илимск (1696); Селенгинск (1724); Камчатка– «Святой Гавриил» – Русская Америка (1732), Камчатка (1854)] т. 1, с. 502; т. 2, с. 494, 523, 620, 682, 706–707
Шандуров [Сибирь – Охотск (1739)]
Шанин [Камчатка (1854)]
Шаныгин [Императорская гавань (1853)]
Шапкин [Иркутск – Камчатка (1722); Камчатка (1746); Вологда – Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Вологда – Камчатка – Русская Америка (1783)], т. 2, с. 551, 746, 830
Шапошников [Тобольск (1623); Москва – Якутск (1654); Москва – Томск (1680); Нерчинск (1685); Камчатка (1718); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1770); Киренск– Камчатка – Русская Америка (1758)] т. 1, с. 316, 841, 916, 925, 932–933, 936, 948, 968; т. 2, с. 398, 497, 501, 507, 508, 509, 511, 525, 638, 754
Шапыров [Камчатка (1771)]
Шараглазов (Шероглазов, Шароглаз) [Великий Устюг – Енисейск (1691); Тобольск (1701); Камчатка (1650); Сибирь – Охотск (1739)] т. 1, с. 342, 344, 445
Шарапов [Тобольск (1661); Красноярск (1662); Тара (1689); Камчатка (1732); Охотск – Камчатка Русская Америка (1760)] т. 1, с. 466; т. 2, с. 631, 796, 884
Шарахов [Камчатка – «Святой Павел» – Америка (1741)]
Шарыпин [Тобольск (1704); Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 551–552
Шарыпов [Тобольск (1696); Якутск (1706); Камчатка – Большерецкий бунт (1771); Камчатка (1854)], т. 2, с. 501, 680, 683, 706, 884
Шаталов [Камчатка (1854)]
Шахматов [Красноярск (1662); Камчатка (1748)]
Шахнев [Камчатка (1854)]
Шахов [Березов (1623), Тара (1630), Камчатка (1854)] т. 1, с. 300, 513, 680; т. 2, с. 6, 84, 96, 103
Шахурдин (Шехурдин, Шухурдин) [Енисейск (1669); Албазин (1685); Камчатка (1712); Камчатка – Русская Америка (1745)] т. 1, с. 950, 952, 969–970; т. 2, с. 519, 783, 825, 837, 844, 854–856, 891
Шашаков [Камчатка (1854)]
Шашмасов [Камчатка (1854)]
Шевцов [Хлынов – Камчатка – Русская Америка (1768)]
Шеин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Шелихов [Москва – Камчатка – Русская Америка (1747); Рыльск Курской губернии – Камчатка – Русская Америка (1776)], т. 2, с. 809
Шелковников [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Охотск (1646); Великий Устюг – Томск (1680); Камчатка (1704); Камчатка – Япония (1777)] т. 1, с. 21–22, 42–46, 60, 110, 145, 231, 269, 277, 307–309, 322, 327, 364–365, 377, 387, 393, 450, 502, 640, 867–870, 876, 879, 942–944, 968–969; т. 2, с. 74, 76, 114, 134, 244, 491, 494, 500, 774, 883, 886
Шелудяков [Охотск – Камчатка (1771)] т. 1, с. 808, 835
Шергин [Якутск – Амур (1655); Нерчинск (1685); Иркутск (1688), Селенгинск (1719); Камчатка (1730); Тотьма – Камчатка – Русская Америка(1758)] т. 1, с. 345–346, 867, 952, 968–969; т. 2, с. 386, 570, 620, 651, 673, 710, 716
Шестаков [Тобольск – Якутск (1641); Кузнецк (1681); Иркутск (1685); Нерчинск – Якутск (1690); Иркутск – Якутск (1690); Камчатка (1720); Якутск – Камчатка (1728)] т. 1, с. 126, 271, 300, 303, 308, 346, 478, 509, 520, 521, 531, 586–588, 598–623, 630, 633, 640, 646, 667, 695, 780, 851, 873, 891, 933, 939–940, 950, 951, 952, 954; т. 2, с. 67, 108, 111, 114, 121, 126, 133, 140, 163, 179, 197, 309, 492, 493, 496, 498, 504–511, 518, 578, 626–651, 666, 671, 672,689, 693–695, 703, 704, 707–710, 754–755, 777, 779, 781, 835, 837, 851, 867, 876, 878, 880, 886
Шибаев [Камчатка Большерецкий бунт (1771)], т. 2, с. 526
Шибан, Шибанов [Тобольск (1623); Якутск (1656); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 362, 398–399, 403–405, 410, 841
Шибалиных (Шибалин) [Камчатка (1706)]
Шивыря (см. Шевырин)
Шигин [Камчатка (1712)] т. 1, с. 301; т. 2, с. 700, 707, 793, 809, 822
Шилов [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1765)]
Шиляев [Камчатка (1854)]
Шиметов [Камчатка (1854)]
Шипицын [Тобольск – Якутск (1642); Якутск – Амур (1655); Ирбит (1649); Тобольск – Илимск (1661); Якутск – Камчатка (1711); Камчатка (1854)] т. 1, с. 248, 257, 265–266, 400, 413, 591, 633, 666; т. 2, с. 114, 125, 162, 484, 620
Шипунов [Якутск – Амур (1655); Албазин (1686); Енисей – Якутск (1706); Камчатка (1731)] т. 1, с. 343; т. 2, 308, 378, 775, 777
Шипулов
Широков [Камчатка (1854)]
Ширшиков [Иркутск – Камчатка (1722)], т. 2, с. 552
Шитиков [Нерчинск – Камчатка (1744)]
Шитов [Камчатка (1854)]
Шихеев [Камчатка (1854)]
Шишелов [Иркутск – Камчатка (1854)]
Шишерин [Камчатка (1854)]
Шишкин [Тобольск (1661); Енисейск – Байкал (1669); Камчатка (1745); Тотьма – Камчатка (1762); Камчатка (1854)] т. 1, с. 246–248, 262, 340, 413; т. 2, с. 539, 682, 710
Шмагин (Смагин) [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642)] т. 1, с. 668, 680; т. 2, с. 112, 164, 399
Шмирин [Камчатка (1854)]
Шмонин [Тобольск (1661); Камчатка (1696)] т. 1, с. 236–237, 249, 841; т. 2, с. 512,
Шмотин [Камчатка (1708)] т. 1, с. 412
Штильников [Камчатка (1819)], т. 2, с. 891
Штинников [Тобольск (1636); Енисейск (1669); Иркутск (1684); Камчатка (1712); Селенгинск (1695) – Иркутск (1711) – Камчатка (1723)] т. 1, с. 305, 308, 394, 942, 951–952; т. 2, с. 725, 775, 780, 781, 788, 789, 823–825, 830–831, 871, 884–891
Штранберг [Камчатка (1854)]
Шоломов [Камчатка (1854)]
Шолохов [Камчатка (1854)]
Шошев [Тотьма – Камчатка – Русская Америка (1760)]
Шошин [Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1764)]
Шпанберг (Шпанберх) [Йерн, Ютландия, Дания – Камчатка (1727); Камчатка – Япония (1742); Камчатка – Япония (1777)]
Шпикин [Камчатка (1854)]
Шрывач [Камчатка (1710)] т. 1, с. 325, 352
Штейнгейль
Штильников
Шубин (Шуба) [Тюмень (1624); Томск (1630); Тобольск – Якутск (1642); Яренск – Томск (1680); Великий Устюг – Камчатка – Русская Америка (1774)] т. 1, с. 649; т. 2, с. 114, 143, 620
Шувырин (см. Шевырин)
Шулаков [Камчатка (1854)]
Шулепов [Камчатка (1854)]
Шумагин [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Шумилов [Березов – Тобольск (1641); Томск (1648); Камчатка (1748)] т. 1, с. 594, 745; т. 2, с. 13, 15, 170
Шумихин [Камчатка (1854)]
Шуненков [Камчатка (1854)]
Шуряков [Камчатка (1854)]
Шустов [Тобольск – Камчатка – Япония (1777); Камчатка (1854)]
Шутов [Тобольск (1639); Нерчинск (1667)] т. 1, с. 77; т. 2, с. 114
Шушаков [Камчатка (1854)]
Шушанин [Нерчинск – Камчатка (1721)]
Шушонин [Нерчинск – Камчатка (1744)], т. 2, с. 599, 612
Шушунов [Якутск (1720)], т. 2, с. 500
Шхельтенг [Санкт-Петербург – Охотск (1739)]

Щ

Щапин [Яренск – Камчатка – Русская Америка (1758)]
Щеглов [Тара (1689); Илимск (1696); Камчатка (1731)], т. 2, с. 707, 792, 822
Щеголев [Томск (1707); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 395, 487; т. 2, с. 576, 891
Щелканов [Камчатка (1854)]
Щенков [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Щепетной (Щепеткой, Щепеткин) [Камчатка (1712)] т. 1, с. 144, 224, 282, 296, 304, 308, 374, 386–395, 398, 403, 502, 539, 555, 558, 870, 872–875; т. 2, с. 335, 360, 469
Щепин [Охотск (1739)]
Щепкин [Камчатка – Большерецкий бунт (1771)]
Щербаков [Нерчинск–Камчатка (1744); Камчатка (1854)], т. 2, с. 29, 213, 458–464, 599, 612–613
Щипунов [Якутск (1650), Якутск – Чендонское зимовье (1673); Тюмень (1680); Камчатка (1745)] т. 1, с. 150; т. 2, с. 808
Щукин [Иркутск – Камчатка – Русская Америка(1722)] т. 1, с. 27, 707; т. 2, с. 80, 173, 175, 398, 552

Э

Эверстов [Москва – Якутск (1718); Якутск – Камчатка (1723)] т. 1, с. 424–425, 841–842, 943, 967;

т. 2, с. 756, 780, 781, 788, 790, 791, 824–825, 863, 883, 884
Эзельберх [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Эрт [Санкт-Петербург – Охотск (1738)]

Ю

Юговы [Якутск (1681); Иркутск – Камчатка – Русская Америка (1750); Камчатка (1854)] т. 1, с. 257; т. 2, с. 503
Юдомский (Юдемский, Едомский) [Тобольск – Якутск (1648); Якутск (1687); Якутск – Камчатка (1711)] т. 1, с. 175, 401, 506–507, 570, 632, 662
Юнбев [Камчатка (1854)]
Юнжаков [Иркутск–Якутск (1722)], т. 2, с. 564–565
Юрасов [Тобольск (1710); Камчатка (1748)]
Юрлов [Тобольск (1623); Мангазея – р. Лена (1630); Камчатка (1707)], т. 1, с. 322, 324, 327–329, 346, 518; т. 2, с. 29, 562, 698, 782–783, 785–786, 846
Юровской [Камчатка (1854)]
Юрьев [Березов (1607) – Якутск (1639); Верхотурье (1625); Енисейск – р. Оленек (1637); Тобольск – Якутск (1642); Камчатка (1854)] т. 1, с. 58, 177, 303, 410, 429, 442, 483, 537, 538, 541, 562, 572, 627, 650, 655, 658, 660, 672, 680, 687, 694, 721; т. 2, с. 13, 15, 24, 65, 83, 104, 114, 118, 144, 150, 153, 156, 255, 322, 367, 385, 389, 498, 544, 568, 569, 571, 572, 636, 765
Юшин (Вьюшин, Вьюшной) [Албазин (1685); «Святой Петр» (1741) – Русская Америка; Камчатка (1799); Камчатка (1854)], т. 2, с. 667, 671
Юшков [Камчатка (1854)]

Я

Яго Ян [Камчатка (1854)]
Яблоков [Камчатка (1854)]
Яганов (Еганов) [Илимск (1677); Камчатка (1745)]
Яговитин [Камчатка (1854)]
Яковлев [Березов (1623), Тобольск – Якутск (1642); Нерчинск (1685); Уфа Оренбургской губернии – Камчатка (1854)] т. 1, с. 45, 591, 593, 595, 599–622, 642, 654, 661, 670, 680–681, 710, 723, 798, 842, 869; т. 2, с. 24, 38, 76, 80, 108, 114, 116, 129, 136, 148, 156, 167, 175, 179, 304, 384–386, 388–390, 398, 437, 562–563, 570–572, 574, 584, 638, 741
Яндвинский ([Камчатка (1854)])
Янин [Камчатка (1854)]
Янсен [«Святой Петр» (1741) – Русская Америка]
Ярков [Тобольск (1623); Якутск(1706) – Камчатка (1706)] т. 1, с. 398, 453–454, 550, 566–567; т. 2, с. 451, 518, 688, 795
Ярославцов [Пелым (1617); Томск (1626); Енисейск (1632); Тобольск – Якутск (1642); Якутск (1650); Сургут – Томск (1680); Камчатка (1712)] т. 1, с. 9, 475, 509–510, 594–595, 607, 615–618, 621, 668, 873; т. 2, с. 20, 164, 236, 500, 524, 803, 843, 849
Ярофеев [Якутск (1661), Тобольск (1696); Камчатка (1702)] т. 1, с. 246, 248, 340, 413, 633, 650, 667, 174; т. 2, с. 126, 144, 163, 384, 389, 568, 571, 572
Ярыга (Ярыгин) [Якутск (1654); Тобольск (1710); Камчатка (1707)] т. 1, с. 81, 230, 319, 323–324, 330–332, 364, 377, 379, 380, 387, 388, 392–395, 460, 496, 498–499, 502, 544, 557, 579, 580, 631, 660, 850–851, 864, 873, 878, 893, 895; т. 2, с. 123, 156, 597, 599, 647, 648, 856–857,
Ярыжкин (Ярышкин) [Тобольск – Якутск (1659); Якутск – Охотск (1675)], т. 2, с. 280, 445, 452–454
Ятский (Яцкий, Ятцков) [Речь Посполитая – Енисейск (1634), Томск (1680); Камчатка (1745)] т. 1, с. 842–843
Ячменев [Сибирский гарнизон – Охотск (1739)]

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова

Часть 1. Атласовы. Семейный круг 6
Отлас 6
Атласов 104
Атласов. На пути к трагедии 216
Часть 2. Убийство Володимера Атласова 358
Часть 3. Тобольские уроженцы 511
Часть 4. Данила Анциферов Томский «со товарищи» 672
Часть 5. Иван Козыревский 765
Часть 6. Камчатские приказчики 855

ТОМ II

Часть 7. Путь в Камчатку с севера 6
Часть 8. Путь в Камчатку с юга 238
Часть 9. Казачьи бунты 313
1629 год. Дело об убийстве атамана Ивана Кольцова 313
1641 год. Киргизский поход Якова Тухачевского 330
1650 г. Заговор против Францбекова 361
1652 год. Амурский расстрел 369
1656 г. Даурский поход Пашкова 392
1665 г. Дело об убийстве воеводы Обухова 416
Якутский заговор 1677 года: бежать в Даурию 445
Якутский заговор 1690 года: бежать в... Камчатку 457
1695 год. Красноярская шатость 468
Часть 10. Подводя черту... 487

Камчатская Сибириада

Часть 1. Якутск, год 1720 491
Часть 2. Нерчинск, год 1721 528
Часть 3. Первая камчатская экспедиция, год 1725 621
Часть 4. Экспедиция Шестакова-Павлуцкого, год 1727 626
Часть 5. Харчинский бунт, год 1731 718
Поименный список участников исторических событий на Камчатке и в Русской Америке 893

Сергей Иванович ВАХРИН

Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. Книга II

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

В оформлении обложки использован
фрагмент картины худ. Ю.Е. Колдаева

Подписано в печать 30.04.2022. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 97,65. Тираж 186 экз. Заказ № КП22–001999.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru